

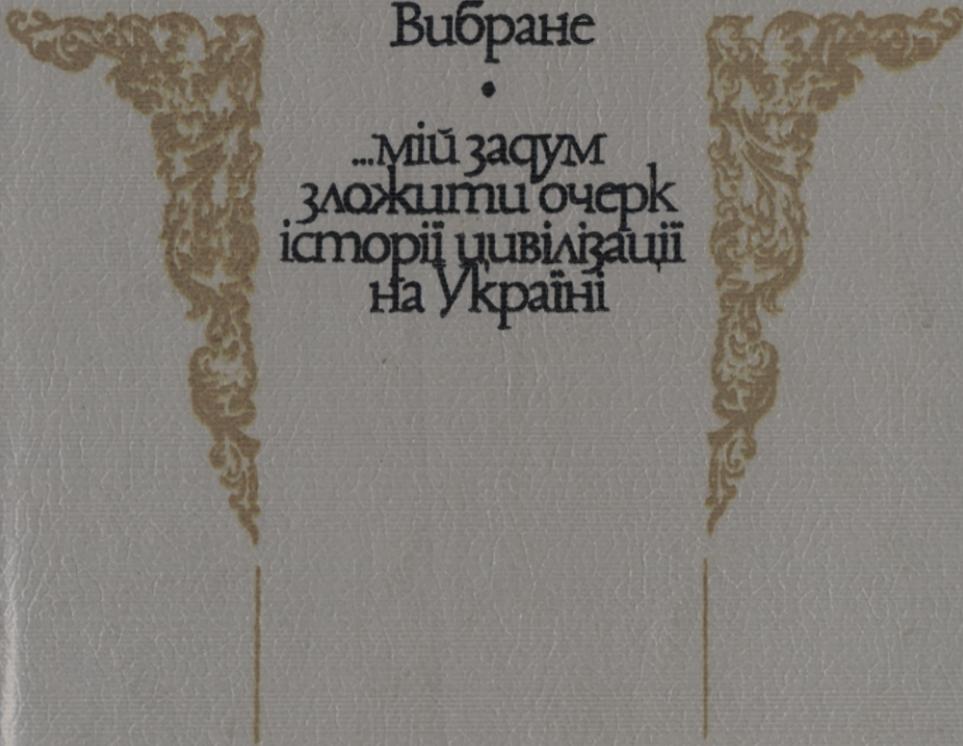
Пам'ятки
історичної
сумки
України

М.П. ДРАГОМАНОВ

Вибране

•

...мій задум
зложити очерк
історії цивілізації
на Україні

М.Драгоманов

М.П.
ДРАГОМАНОВ

Вибране

...мій зафум
зложити очерк
історії цивілізації
на Україні

«ЛИБІДЬ»
1991

Бібліотека
«ПАМ'ЯТКИ ІСТОРИЧНОЇ ДУМКИ УКРАЇНИ»
заснована в 1989 р.

Редакційна колегія бібліотеки:

Ю. П. Дяченко, В. О. Замлинський, Л. Г. Мельник, Ю. М. Мушкетик,
В. Г. Сарбей, В. А. Смолій, В. П. Тараник,
Ф. П. Шевченко (голова)

Упорядник та автор історико-біографічного нарису
Р. С. Міщук

Примітки Р. С. Міщука, В. С. Шандри

Рецензент П. М. Федченко

Редактор Е. М. Логвиненко

Книга дає уявлення про багатогранні наукові інтереси видатного українського вченого — історика, літературознавця, фольклориста, публіциста, соціолога. В ній представлені статті, як відомі, так і мало знані радянському читачеві, які розкривають авторську концепцію розвитку української нації у зв'язку із загальнолюдським прогресом.

Для викладачів-суспільствознавців, наукових працівників, студентів, усіх, хто цікавиться вітчизняною історією.

Книга дает представление о многогранных научных интересах выдающегося украинского ученого — историка, литератора, фольклориста, публициста, социолога. В ней помещены статьи, как известные, так и мало известные советскому читателю, которые раскрывают авторскую концепцию развития украинской нации в связи с общечеловеческим прогрессом.

Для преподавателей-обществоведов, научных работников, студентов, всех интересующихся отечественной историей.

Д 0503020902-082 39-91
М224(04)-91

ISBN 5-11-001743-3

© Р. С. Міщук, упорядкування, історико-біографічний нарис, примітки, 1991

© В. С. Шандра, примітки, 1991

МАЛОРОССИЯ В ЕЕ СЛОВЕСНОСТИ

[Рец. на кн.:] *Малороссия (Южная Русь) в истории ее литературы с XI по XVIII век.* И. Г. Прыжов.
Воронеж, 1869

Оставаясь на точке зрения чисто научной, никто не станет отвергать значительного участия Малороссии в образовании русской культуры, ни вообще южнорусских попыток на литературно-культурное развитие до XVIII века, когда, под влиянием перемещения правительственной централизации, культурные центры России перешли на север, в Петербург и Москву, когда русская культура и литература получили надолго или подражательное или абстрактное европейское направление, или если и стали получать национальную основу и направление, то почти исключительно великорусское. Новейший труд г. Прыжова представляет, несмотря на всю краткость его содержания, довольно полный указатель к старой южнорусской литературе и к тому, что о ней было писано (хотя не без некоторых, незначительных впрочем, промахов); вместе с тем автор дает в сжатом очерке довольно удовлетворительную характеристику разных эпох и памятников литературной истории Южной Руси. Наша литература так бедна сочинениями касательно Южной Руси, что уже поэтому нельзя не обратить внимания на очерк г. Прыжова. Но кроме того, по поводу этого очерка мы считаем нeliшним представить, конечно, по необходимости сжато и кратко, несколько добавочных соображений и фактов о предмете, который, несмотря на его важность, весьма редко обращает на себя внимание нашей печати.

Значение Малороссии в русской истории и жизни до сих пор еще хорошо не выяснено в общем сознании. На нее смотрят или как на одну из незначительных провинций России, которая ничем особенно не отличается от других, или как на край, который если и имел своеобразную историю и сохранил многие отличия, то эта история и эти отличия имеют слишком местный интерес, как, напр., особенности истории и быта какого-нибудь бывшего казанского или астраханского царства. Но весьма редко смотрят на Малороссию как на страну, имеющую оригинальные особенности и в тоже время общие всему русскому миру, только своеобразно [го] развития черты истории и быта, не будь которых история и даже нынешнее состояние всей Руси было бы далеко не таково, как теперь, и

которых роль еще далеко не кончена, а которые, напротив, призваны играть немаловажную роль в будущем России, ибо Малороссия по своему положению, этнографии и истории есть переходный член от России к юго-западному славянству, а следовательно, и вообще к юго-восточной Европе. В недавнее время внимание общества обратилось на западные окраины России, в том числе и на Малороссию, но это не привело еще пока к лучшему ее пониманию, а скорее даже удалило от этого понимания, потому что в последнее время стали слишком часто объяснять всякого рода отличия Малороссии от внутренней России польским влиянием. Между тем такой взгляд наполовинуложен, а на другую, при более внимательном рассмотрении прошлого и настоящего Малороссии,— влияние на нее Польши окажется далеко не исключительно гибельным, ибо это влияние было проводником европейского влияния вообще, которое шло из Польши не только в Малороссию, но и в Москву, и здесь представляло начало того культурного наплыва Европы на Россию, который особенно проявился в петровское время и которого благодетельности для России окончательно отрицать не решаются и самые крайние славянофилы. Наша Академия наук вот уже другой год задает тему для соискания премии «Об отношениях Польши и России», не только политических, но и культурных, — и, без сомнения, разъяснение значения последних было бы особенно желательно, причем не обошлось бы дело и без разъяснения культурного значения Малороссии в русской истории, которое сознается вообще слишком мало.

Нельзя сказать, чтоб об нем не было вовсе ничего говорено в нашей ученой литературе, а затем не говорилось и в жизни. Но опять нельзя сказать, чтобы об этом было говорено достаточно полно и даже чтоб вопрос об этом был поставлен удовлетворительно. Все знают, что просвещение Руси началось на юге, в Киеве, что здесь было раньше распространено христианство, что здесь началась письменность, здесь писались летописи, пели Боян и автор «Слова о полку Игореве». Но, говоря о таких проявлениях умственной жизни в Южной Руси в древнее время, мы не представляем себе эту Русь в реальных образах: мы представляем ее только как отвлеченное географическое понятие и, кроме того, полагаем, что после, с татарским погромом, все эти начала цивилизации так и пропали бесследно. Между тем по своим чертам Киевская Русь Владимира, Нестора и автора «Слова о полку Игореве»¹ была тоже юго-западная Русь, которая в слегка измененном виде жила и живет и теперь под именем Малороссии, и если в ней раньше началось развитие цивилизации, то это обстоятельство должно же проявляться и в нынешнем состоянии тамошнего народа; если так скоро после принятия христианства Киевская Русь произвела Нестора, Мономаха, «Волынскую летопись», «Слово о полку Игореве», то должен же был во всем этом принять участие и характер народа, населявшего и населяющего всю эту страну, а не одна только относительная близость к Византии и к юго-западной Европе вообще, хотя

и она, в свою очередь, не могла же не повлиять на восприимчивость народа к цивилизации.

Все знают также, что Юго-западная Русь, сначала Острог² с Волынью, а потом опять Киев стали еще раз рассадником литературы и образования для всего русского мира, с половины XVI до половины XVIII века. Все знают имена Константинов Острожских³, Петра Могилы⁴, Дмитрия Ростовского⁵, Лазаря Барановича⁶, Феофана Прокоповича⁷ и др. Но, во-первых, никто почти не знает, какая связь существует между деятельностью этих южнорусских людей XVI—XVIII в. и деятельностью южнорусов XII—XIII в., что появление этих просветителей XVI—XVIII в. было возможно именно вследствие непрерывности просвещения и сношений с образованным миром Южной Руси с древних времен и до XVIII в. Во-вторых, мало кто знает связь деятельности названных замечательных лиц с народом, их родившим. И как относительную просвещенность Южной Руси XII—XIII в. объясняют только византийским влиянием, так в литературе и образовании этой Руси XVI—XVIII в. видят только результат латинско-польского влияния, признавая в ней национальной стороной только одну защиту православия. Во всей этой литературе видят один только подражательный, или церковный, характер, забывая тесную связь тогдашней южнорусской школы и церкви с жизнью и забывая также, что если бы все тогдашнее литературное движение было только подражательно-наносное, сколастическое, то оно не могло бы породить таких русских и таких светских общественных деятелей, каков был, напр., Могила в Южной Руси, Дмитрий Ростовский и Феофан Прокопович в Северной.

Таким образом, в культурной истории Южной Руси неполно понимаются даже и те стороны ее, которыми она оказала влияние на весь русский мир, которые принесли плод даже и на севере Руси. А между тем и в южнорусской политической истории и в истории южнорусской литературы обращают внимание почти исключительно только на те стороны, которыми она соприкасается с историей Руси Московской, развившей наше нынешнее централизованное государство, в котором теперь сложилась и та цивилизация и литература, которыми мы живем теперь. Так, в политической истории Южной Руси мы следим только за группировкой разных племен под властью династии, из которой произошли и цари московские и всея Руси, и как только эта династия перестает править на юго-западе Руси, мы оставляем историю этой земли, обращаясь к ней только тогда, когда она начинает ломать связи с Польшей и входить под власть династии московских наследников шапки Мономаха, и принимаем царство последних за единственный тип русского государства и общества. Между тем в политической и общественной жизни Руси Владимира Мономаха и Богдана Хмельницкого было немало такого, что, пожалуй, не вошло в струю жизни Московского царства и вышедшего из него нынешнего нашего политического и общественного строя, но что представ-

ляет во всяком случае любопытные политico-социальные попытки значительной части тоже русского племени, что оставило по себе глубокие следы в народном характере и быте на значительной территории русского государства и что еще, быть может, пригодится в свое время для социально-политической истории России, как пригодилось пресловутое «русское» (южнорусское) упорство для спасения Юго-западной Руси от уни и Польши *. Так точно и в литературной истории юга России мы ценим, собственно, только сохранение традиций письменности до тех пор, пока она утвердилась в Москве и Петербурге, при помощи правительства, уже в XVIII в., и весьма мало интересуемся содержанием этой письменности, делая исключение только для Нестора и «Слова о полку Игореве», забывая, что, напр., последнее могло развиться только на почве народной поэзии, которая и до сих пор на юге России сохраняет близость свою к этому памятнику русской поэзии XIII в., и что «Слово» это, собственно, не оказалось ровно никакого влияния на последующее литературное развитие севера Руси (если не считать подражательной «Задонщины») и не имеет с ним ровно никакой связи. Между тем живость и драматизм южнорусских летописей, особенно Волынской, богатство хоть бы одной мемуарно-исторической литературы на юге России в XVII—XVIII в., в то время, когда литературы или почти вовсе не было на севере Руси или она приняла высокопарный, псевдоклассический характер, все это если и мало повлияло на ход развития литературы, которую, *faute de mieux*⁸, мы считаем за общерусскую, то представляет, по крайности, любопытное проявление умственных сил народа, которые вряд ли на веки осуждены на безмолвие.

Книжка г. Прыжова любопытна в том отношении, что, несмотря на свою неполноту и краткость, несмотря даже на некоторые ошибки, она часто гораздо яснее передает ход и характер литературной истории Южной Руси, чем довольно обширные курсы русской истории и истории русской литературы; при этом литературная история Южной России как в древнюю пору, так и в XVI—XVIII в. не представляется у г. Прыжова отдельно от жизни и характера народа и теперь населяющего эту область.

Г. Прыжов начинает свою книжку с обзора местности, занимаемой южнорусским племенем, и языка, которым оно говорило и говорит. Автор высказывает за древность и самобытность южнорусского языка, ссылаясь на известнейших русских и иностранных лингви-

* «Упартый, як русин», — говорит польская пословица согласно и с нашей поговоркой: «упрям, как хохол». Русин, старое название русского, сохранилось в названии народа Юго-западной, или Малой, России. Название это неправильно считают у нас иногда наносным, выдуманным поляками для отличия русинов от русских. Правда, что прилагательное от первого правильно — *руський*, а не *русинский*. Для примера галицкое народное четверостишие: «Ой русине, русине, руснаку-небоже, не бойся ты баламута, *Руський Бог поможе*».

стов, которые о нем писали: Миклошича⁹, А. Шлейхера¹⁰, Ламанского¹¹, Срезневского¹², Лавровского¹³, Максимовича¹⁴, Головацкого¹⁵ и, наконец, Бодянского¹⁶. Затем г. Прыжов описывает старый Киев, средоточие Руси, которая уже с XIII в. стала называться *Украиной*, и широту отношений Киева с разным народом тогдашнего христианского мира, составляющую контраст изолированности, какой отличалось средоточие Руси северо-восточной до XVII в. Эти отношения всего лучше выражаются словами певца Игорева: «Ту немцы и венедици, ту греки и морави поют славу Святославию». Нам кажется только, что автор несколько увлекся, назвав тогдашний Киев «старшим братом славян», а также, что автор, вслед за г. Костомаровым¹⁷ («Черты народной южнорусской истории»), впал в ошибку, характеризуя старую киевскую жизнь по былинам Владимира цикла, в которых нет ничего южнорусского, кроме имен географических. По крайней мере, те женщины из былин и те удальцы (Марина и Чурило), по которым г. Костомаров характеризует жизнь горожан и дружины старого Киева, слишком великорусские типы, чтобы их переносить на юг.

Переходя собственно к литературе Малороссии с XI в., г. Прыжов указывает следы южнорусского языка в сборнике Святослава (1073), в грамотах и рукописях XII—XIII в., и притом, говоря о первом памятнике, выражается следующим образом: «Даже Буслаев¹⁸, радикально отвергающий самобытность южнорусского языка, здесь как-то проговорился о влиянии южнорусского писца и по поводу *ЕСТЬ*, которое в сборнике постоянно вместо *ЕСТЬ*, [и] прибавил: «Это по-малорусски» (Хрестоматия, 276, 278). Не знаем, откуда известны г. Прыжову взгляды г. Буслаева на южнорусский язык, но, по крайней мере, печально московский профессор высказался далеко не в том смысле, как говорит г. Прыжов, и вот тому доказательство. В той же исторической хрестоматии, на которую указывает г. Прыжов, г. Буслаев говорит следующее: «Малорусское наречие отличается от великорусского самостоятельными этимологическими формами в склонениях и спряжениях, замечательными по большей древности» (стр. 1630). На тех же страницах, на которые указывает г. Прыжов, г. Буслаев, комментируя «Изборник», вовсе не проговаривается, по поводу одного слова, о влиянии южнорусского писца, а говорит решительно: «Правописание Святославова «Изборника», в основе своей болгарское, подверглось значительным изменениям под влиянием южнорусского писца» — и указывает несколько примеров этих изменений. Еще более следов южнорусского языка находит г. Буслаев в «Слове о полку Игореве». В примечаниях к последнему г. Буслаев не только указывает эти следы, но и сравнивает целые выражения из него с выражениями малорусской народной поэзии, перенося в эти примечания сущность отдельной своей статьи: «Об эпических выражениях украинской поэзии» («Хрестом [атия]», 600 и след.). Сближения, которые делает в этой статье г. Буслаев между «Словом о полку Игореве» и украинскими

песнями, не оставляют никакого сомнения, что в «Слове» мы имеем дело с родоначальником украинских дум, сохранившихся с XVI в.

Как и следовало, г. Прыжов посвятил довольно места разбору этого любопытного памятника древней русской словесности и вместе одного из лучших образцов героического эпоса. Множество слов и до сих пор употребляемых в Малороссии: *година, туга, оксамиты, Дніпре Словотуци* (Днепро Словут) и т. д., много форм языка, выражения, размер и по местам рифма точь-в-точь как в украинских думах, наконец, характер и дух — все это не оставляет никакого сомнения, что мы имеем дело с украинской думой XII века. Г. Прыжов приводит слова Белинского: «За южнорусское происхождение «Слова» говорит больше всего выражавшийся в нем быт народа. Есть что-то теплое, благородно-человеческое во взаимных отношениях действующих лиц этой поэмы; особенно поразительны благородные отношения полов» (Бел., V, 87—88)¹⁹. Надо заметить, что эти слова написаны Белинским в той статье, в которой он слишком строго отнесся к великорусской народной поэзии и изображаемому ею быту, особенно к былинам. В подтверждение близости «Слова» к украинской поэзии мы позволим себе привести из примеров сходства выражений, указанных г. Буслаевым, особенно выдающиеся. Вот как изображает певец «Слова» поле битвы: «Чорна земля под копыты, костьмы была посеяна, а кровью польяна, тугою взыдоша по русской земли», а вот те же образцы из украинской песни: «Чорна земля заорана и кулями посияна, билым тилом зволочена, а кровию сполощена». Вот из «Слова» изображение наступающего войска: «Чорныя туки с моря идут, хотят прикрыти четыре солнца, а в них трепещут синии молнии. Быти грому великому», тот же образ в украинской думе: «Из-за горы хмара выступае,— выступае, выхожае, до Чигирина громом выгремляе, на украинську землю блискавкою блискае» и т. д. Знаменитый плач Ярославны есть не что иное, как песня украинской девицы; а превосходный финал «Слова о полку Игореве» повторяется во многих украинских думах. Для примера укажем в сборнике г. Максимовича (1849)²⁰ длиннейшую из украинских дум о возвращении запорожского гетмана Самуила Кишки из турецкого плена. Позволим себе сказать, что сравнение выражений поэмы XII в. и украинской поэзии было бы также уместно в статье г. Прыжова, как и сравнение языка «Слова» с малорусским.

Рассмотрев «Слово о полку Игореве», г. Прыжов упоминает о записанных уже в недавнее время украинских песнях и преданиях о временах дотатарских и татарском нашествии, между которыми особенную важность имеют дума о походе старшего князя-язычника в цареградскую землю (Кулиш, «Зап [иски] о Ю [жной] Руси», I, 172)²¹ и о службе в Цареграде (Мордовцев, «Сборн [ик]», 192)²². Краткость предположенного объема и вообще более библиографический, чем критический, прием отношения к народной поэзии заставили нашего автора ограничиться только наименованиями этих обломков древ-

нейшего творчества на юге России. Но мы позволим себе на них остановиться, обратив при этом внимание на то, что опущено г. Прыжовым, потому что, ввиду недавно поднятого спора о происхождении былин так называемого киевского цикла, остатки эпоса велиокняжеского в этой земле, где действительно происходили события русской истории велиокняжеского периода, получают особенную важность. Дума о походе старшего князя-язычника в христианскую землю, напечатанная в «Записках о Южной Руси» г. Кулиша (т. I, стр. 172—178), записана, по словам старого южнорусского этнографа Шишацкого-Ильича²³, от 80-летней старухи. Начинается этот рассказ прозою и после принимает вид обыкновенной украинской думы, как будто дума эта начала уже переходить в сказку. Это сказание-дума очень верно передает обстановку походов киево-варяжских князей на Цареград и упоминает богов Мокоша и Посвистача, которому молятся, чтобы он «моря не турбовал». Море, однако, заволновалось, и князьязычник должен был сознаться в бессилии бога своего и принял христианство. Дума эта возбуждает сомнение в своей подлинности именно упоминанием богов Посвистача и особенно Мокоша²⁴, которым трудно было сохраниться из столь древних времен; но если она была написана каким-либо грамотеем, то когда — сказать с точностью трудно. Заподозрить Шишацкого-Ильича в сочинении нет основания, хотя в прежние времена не считалось зазорным подделывать народные думы, примером чему служит г. Срезневский с его «Запорожской стариной» и думами, составленными по Рубану и Конисскому²⁵. Дума могла быть составлена и в XVII в. каким-нибудь книжником и после приняла более народный склад.

Пока, впрочем, ничего положительного нельзя сказать ни за, ни против этой думы; ввиду же важности вопроса о форме, в какой остались у русского народа предания о событиях киевского периода, желательно было бы, чтобы те, кто имеет возможность обследовать местность, в которой записал Шишацкий свою думу, поискали, нет ли в народе каких-либо стихов из нее или вариантов.

Другое предание, относящееся к древнейшим киевским временам, есть сказание о Кириле Кожемяке и убиении им змия, сходное с летописным сказанием об «Яне Усмошвеце», напечатанное тоже у г. Кулиша («Записки о Южной Руси», т. II, стр. 27 и след.). Оно уже приняло характер прозаической сказки. Но от удельной эпохи Южной Руси в народе остались несомненные памятники в стихотворной форме, только не в виде былины или думы, а в виде колядок, в которых уже слажены лица и события, хотя и остались общие черты быта удельного периода. Колядки, как праздничные песни, были первоначально, как и теперь, прославлением, обращенным к лицу, но теперь они остались только, так сказать, нарицательными прославлениями, а прежде, по крайности некоторые из них, должны были быть собственно обращенными к Богу или к князю, которого личные подвиги воспевались, и таким образом обрядовая песня принимала явно харак-

тер эпический (что можно замечать в поэзии всех почти народов). С течением времени эти «личные» песнопения обращались в нарицательные, и обрядовому их значению мы и обязаны тем, что в колядках остались черты древнейшего гражданского быта русского племени, как и древнейших его религиозных понятий *. Кажется, что на это значение колядок до сих пор не было обращено внимания. Г. Прыжков называет в числе песен древнейшего происхождения напечатанную г. Костомаровым в «Малорусском сборнике» г. Мордовцева песню о походе в Цареград (стр. 192). Но эта песня — колядка, хотя в упомянутом сборнике она лишена характера колядки посредством откнутым от нее припевов. В «Сборнике галицких песен», изданном г. Головацким, между колядками есть два варианта песни, напечатанной г. Костомаровым, которые, сводя более характеристические стихи, мы представим для наглядности в следующем виде **.

Ой в чистім полі, близько дороги
Ой дай Боже!
Стоять намети білі шовкові,
А в тих наметах всі громадове,
Радоньку радять не єднакую;
Не єднакую, а трояскую:
«Ой не справляймо на жони шуби,
На жони шуби, на дочки золото,
Але справляймо мідянин човна,
Мідянин човна, срібній весла,
Та пускаймося на тихій Дунай,
Долів Дунаєм, під Царегород;
Ой чуємо там доброго пана,
Що платить добре за заслуженьку.
Ой дає на рок по сто червоних,
По сто червоних, по коникові,
По коникові, та й по шабельці,
Та й по шабельці, по парі суконь,
По парі суконь, та й по шапочці,
Та й по шапочці, та й по панночці.

В этой песне царь константинопольский уже стал просто добрым паном, в одном варианте — паном Петром, однако ж она слишком ясно рисует службу русских в числе варягов у императоров Византии. В одном из вариантов раду о походе рядят «молодцы», идя «рано з церковці», но как получение девушек в жалование за службу не совместимо с христианством, то следует думать, что церковь здесь заменила языческое моление перед походом. Другие колядки галицко-малорусские представляют подробности быта времен велиокняжеских.

* Сколько-нибудь подробное указание этих последних не входит в нашу программу, но не можем не указать в галицких колядках несколько №№, рисующих чрезвычайно древние космические понятия, напр. в Чт[ениях] Моск[овского] общ[ества] истор[ии] и др[евностей]²⁶, 1864 г., т. I. с. 5, №7 — создание земли, неба и светил тремя голубями, которые достают из моря песок и золотой камень. Стр. 43, 53, 65 и др.— олицетворение солнца и других светил и название солнца Богом и т. п.

** Чт. в Моск. общ. ист. и др., 1864, I, стр. 33, 67.

Такова, напр., колядка, изображающая поход воина, называемого «наш панок», на три земли *.

Одна дорога — та в Волоскую,
Друга дорога — та в Німецкую,
Третя дорога — та в Турецкую:
З Волощини йде — волики веде,
З Німеччини йде — грошики несе,
З Туреччини йде — коники веде.
Ой воликами на хліб робити,
А грошиками війску платити,
А кониками з війском ся бити.

Названия земель тут, конечно, позднейшие, но обстановка похода и стих — *грошиками війску платити*, — очевидно, относятся к эпохе княжеской феодальной, а не к польской аристократической и не к разбойнической. К памяти о набегах относятся и варианты, изображающие «гордого пана», который сидит в шелковом шатре и к которому приходят три паны (теперь из Вены, стр. 65), и другие, представляющие молодца с тремя трубами (стр. 59). На удельные войны намекает и колядка об осаде города, многочисленные варианты которой называют Киев, Львов, Сандомир и т. п. (там же, 54, 62—65). Весьма характерна также колядка, представляющая отъезд пана в Сандомир суд судить. Песня спрашивает **:

Що ж йому дано за тути суди?
— Ой дано ж йому та три селечка:
А в однім селі — старії люди,
А в другім селі — усе парубочки,
А в третім селі — усе дівочки.

Тут, очевидно, представляется галицкое боярство, производящее суд, по поручению князя, и получающее вознаграждение селами. Трудно теперь судить, на какое событие намекают варианты колядок, которые говорят о плене то «неверного», то «турецкого» царя, которого привозят в «русскую» или «чешскую» землю, в которой нет короля, но изображение в одном из вариантов «короля русского» относит эту песню к временам Данила и его сыновей (стр. 29—30). К временам Даниила и, кажется, его молодости следует отнести и несколько колядок, изображающих возврат боярина из угорской земли. Вот характеристические места из важнейших вариантов этих колядок ***:

В нашого пана, пана крайника,
Ей красні (о) в него і дворі його,
Тисові сінці, яворови сходці,
Ходить, ей, по них модала княгиня,
На той княгині кований пояс,
На тім поясі золоті ремячки,
На тих ремячках мідяні ключі.
Мідні ключі тихо, тихо дзвініте,
Тихо дзвініте, — пана забудите!
Бо тепер пан наш з Угор приїхав;

* Чт. в Моск. общ. ист. и др., стр. 61.

** Там же, стр. 33.

*** Там же, стр. 11.

А з Угор, з Угор, з Угорської землі,
Зійшлися к нему вшитки панове,
Вшитки панове, його братове,
Сталися його вивідовати:
«Ой пане, пане, що там чувати,
Што там доброго в Угрох слухати?»
«Добре слышано, бо юж поорано
Юж поорано, золотом засіяно,
Пав'яним перцем заволочено,
Золотим мечем загороджено» *.

В одном варианте пан, вернувшийся из Угор, называется пан Пере-мысленный (Перемышльский):

Перед ним пляше молоде паня,
На тим паняті рудая сукня (одежда).
На ноженьках ма'т шнуровані бітки,
На бочейках ма'т кований пояс,
На тим поясі жовті ремячки,
На тих ремячках золоті ключі,
На голові ма'т пав'яний вінок,
На ручейці ма'т золотий перстіnek.

Пан, говорится в колядке, приехал с войны, но это, очевидно, позднейшее недоразумение; «в Угрох добре слухати», и описание того, что делается там, означает, что уграм заплачены деньги и что там собралось войско, которое блестит павлинными перьями на шлемах и стоит с поднятыми мечами. Если так, то песня говорит об ожидании помощи от угрев, а «молоде паня» есть Данило, восстановленный на столе княжеском с помощью угрев (следует, впрочем, заметить, что боярин Перемышльский, по летописи, был против Данила). Следующая колядка уже без всяких натяжек относится к аресту Ивана Берладника и таким образом передает и имя, и событие:

А там на лугах, на барз широких,
Там же ми горить терновий огник,
Сам молод, ей, сам молод!
Сам молодейкий на коничейку, сам молодъ!
Кол огня ходить широкий танець,
А в танці ходить княгиня Іванко,
На головойці сокола носить,
В правой ручейці коничка водить,
В лівой ручейці гусевки носить.
Ніхто не виділ, лем сліш панскі слузі;
Скоро ввиділи, пану доповіли:
«Ой ідьте, ідьте, Іванка зв'язіте,
Іванка зв'язіте, ту го приведіте,
Соколойка пустіте до соківниці,
Гусовки шмарьте до гусевниці,
Коничка вставте до коничейки,
Іванка всадьте до темничейки».
Соколик квілить, головойки хоче,
Гусевки граут, Іванка споминаут,
Коничок гребе, до поля хоче,
Іванко плаче, до милейкої хоче.

* Другой вариант: *обгороджено от злой тучи*.

Вот все, что пока собрано из южнорусских преданий и песен о временах велиокняжеских. Оно показывает, что на месте действия героев тех времен уже не сохранились былины и думы, т. е. стихотворные рассказы о событиях, а только сказки и колядки. Это отсутствие на юге былин и присутствие их на севере пробовали объяснить (г. Погодин)²⁷ тем, что нынешние малороссияне не жили в киевский период в нынешней территории, на которой жили тогда великорусы. Эти великорусы, будто бы вытесненные татарским погромом, пошли на север Руси и распространились по его северным и южным окраинам, чем объясняется и то, что по этим окраинам, а не около Москвы и Суздаля, записана и большая часть былин. Малорусы же пришли из-за Карпат уже в XIV в. и, конечно, не могли сохранить преданий о киевском периоде. Но сказка о Кожемяке и приведенные нами колядки показывают, что предания эти сохранились. В колядках этих рисуется ясно быт времен велиокняжеских: отношения к грекам, вече (громадове), походы, князья, боярство, дома и одежда тех времен рисуются гораздо ближе к действительности, чем обстановка великорусских былин, которая, как показано ясно г. Стасовым²⁸, не имеет вовсе сходства с действительностью удельного времени, нет только, исключая Ивана Берладника, собственных имен, которые зато сохранились в великорусских былинах (Владимир, Ставр и др.). Это показывает, что сепаратистическая гипотеза г. Погодина о позднейшем пришествии малорусов не имеет основания, отсутствие же около Киева былин объясняется давностью времени и тем, что события и лица позднейшей демократической эпохи казацкой заслонили в памяти народа события и лица эпохи княжеско-дружинной. Имя самого Ивана Берладника осталось, может быть, потому, что Берлад был род тогдашней Сечи и что этот изгой-князь был окружен «худыми» людьми. Чем же объясняется присутствие киевских имен Владимира, Ставра и т. п. в былинах великорусских, при их дальнейшем, чем в южных колядках, внутреннем содержании от быта времен киевских, в этом теперь и состоит вопрос, который, конечно, мы не возьмемся решать.

Раннее разорение татарами Киева слилось в народном сознании с поздними татаро-турецкими набегами, а потому не оставило специальных песен и сказаний, если не считать отрывков, напечатанных в «Записках о Южной Руси», о защите Киева богатырем Михайликом, в котором г. Кулиш думает видеть известного боярина Дмитрия. Из времен литовских в печати известна только одна песня (про поход Малого Гирея, Менгли-Гирея)²⁹, которая, впрочем, дает полное основание предполагать, что их было гораздо больше. Да иначе и быть не могло, ибо народ Западной Руси в литовское время принимал достаточно большое участие в обороне страны от иноземцев. Любопытен характер этих остатков древнейших песен южнорусских, совершенно сближающий их с позднейшими думами. Южнорусская песня, которая сохраняет следы исторического события или эпохи, сохранила их в возможно конкретном виде, передавая или конкретные подробности

быта, или события, или имя. Видно, что песню первоначально сложил народ, который сам видел и принимал участие в событиях, а не слышал только о них, оттого он иногда удерживал скучные числом предания и черты, но ясные и конкретные, а не припутывал к ним чужих. Оттого даже в древнейших своих памятниках южнорусская поэзия сохраняет в сильной степени исторический, а не сказочный характер.

Г. Прыжов не мог, конечно, останавливаться долго на обломках литературы южнорусской времен Литовских и, ограничившись доказательством русского характера государства и официального языка княжества Литовского, спешит перейти к временам столкновения южноруссов с поляками, к которым относится расцвет южнорусской литературы и народной словесности. «И вот теперь,— говорит г. Прыжов,— судьбы мира выводят на позорище истории южнорусский народ с его теплым и светлым христианством, народ, не ведавший ни расколов, ни ересей, чуждый всякой нетерпимости и фанатизма, необыкновенно богатый песнями, в которых слышится его доброе, любящее сердце, горячо преданное своей матери *Украине*, народ умный и честный, не ничтожный народ, а, напротив, хранитель начал высшей гражданственности. Тогда для южнорусского народа опять настало время борьбы за русскую землю и в течение этой борьбы в Южной Руси возникают просвещение и поэзия...» Все это правда, но не без некоторой односторонности. Г. Прыжов, при всем своем уважении к Южной Руси, все еще не окончательно отрешился от обычных отношений к ее истории, по которым последняя имеет только отрицательное, реакционное значение, значение борьбы против врагов — против кочевников в удельное время, против татар и турок в литовско-польское и против поляков в казацкое. Борьба борьбою, но в Южной Руси, как и во всякой стране, в которой раз возникло культурное движение, были и свои внутренние задачи общественной жизни и просвещения, которые возникали независимо от борьбы с внешними врагами и даже прямо страдали от того, что все силы народа должны были направляться на внешнюю борьбу. Притом же, если борьба, напр. южноруссов с поляками, сопровождалась развитием просвещения, то это говорит в пользу того, что просвещение не «возникло» только как реакция во время борьбы, а было уже в известной степени в стране, которая понимала необходимость не одной только материальной, но и нравственной реакции чужому напору.

Следя в южнорусской литературной жизни только за проявлениями борьбы против чужого, г. Прыжов в истории литературы древне-киевского периода остановился только на «Слове о полку Игореве», но опустил летопись, начальную, киевскую и волынскую³⁰ и такие памятники, как завещание Мономаха. А между тем в них видны те же черты южнорусской народности, которые с таким сочувствием изображает г. Прыжов в приведенных выше словах. Южные же летописи, особенно волынская (Ипатьевская), выдаются среди древнерусских летописей других областей особенною живостью и полнотою изложе-

ния, показывающею, что их составляли не удалившиеся вовсе от жизни монахи, «как дьяк в приказе поседелый», но близкие участники в событиях описываемых. Эти летописи — прямые родоначальники тех хроник-мемуаров, которые велись в казацкое время и которые в общем весьма верно характеризованы и г. Прыжовым, а между тем он совершенно номенклатурно говорит о летописных памятниках исторической литературы Южной Руси, а некоторые и вовсе опускает, как, напр., Густынскую³¹. Эта, во многих отношениях слабая, летопись любопытна однако ж потому, что доводит рассказ до 1597 г. и отличается начитанностью составителей в литературе польско-латинской (Длugoш³², Кромер³³, Вагники³⁴) и греческой (Омир) и таким образом связывает древнейшее летописание южнорусское с поздним, которого представителями могут быть сочтены летописи южнорусские, изданные г. Н. Белозерским³⁵ и доводящие рассказ до 1750 и 1783 г., а также с мемуарной литературой казацкой эпохи и с такими сводами, как Синопсис*. Останавливаясь преимущественно только на таких памятниках³⁶, которые были проявлением борьбы южнорусов с иноземцами, г. Прыжов и в литературной истории XVI—XVII в. говорит обстоятельно (конечно, в пределах статьи) о полемической деятельности Киево-Могилянской академии, о вызванной казацкими войнами историографии, но почти ничего не говорить о литературном движении в Юго-западной Руси, предшествовавшем религиозной унии и казацкой реакции. Это движение имело центрами Вильну, Острог и Львов. До сих пор единственными сочинениями, которые знакомят сколько-нибудь с этим литературным движением,— это г. Максимовича «Книжная старина южнорусская» во «Временнике», издаваемом Московским обществом истории и древностей российских, 1849 г., № 1 и 3, статья, имеющая, впрочем, преимущественно библиографический характер, и г. Костомарова «Южная Русь в конце XVI в.» в III т. «Монографий». Сокращение из статьи г. Максимовича сделано им же в «Письмах о князьях Острожских» (Киев, 1866). Обе статьи дают возможность только предполагать, какой интересный пункт истории просвещения на Руси представляет литературное движение в Юго-западной Руси XVI в., но полного понятия о нем нельзя составить, потому что ни один памятник из напечатанных в то время не был издан вновь ученым образом теперь, а многое остается и до сих пор в рукописи, а все вообще пользуется у наших ученых и педагогов тем (просвещенным, конечно) невниманием, каким награждается у нас все, что относится к прошлому и настоящему Южной Руси, несмотря на то что она украшена тремя университетами и столькими же учебными округами. Впрочем, для размеров статьи г. Прыжова, для изображения общего характера литературной деятельности старой Малороссии достаточно и тех данных, какие представляют названные статьи гг. Максимовича и Костомарова.

* Летописи, изд[анные] Н. Белозерским, тоже опущены г. Прыжовым.

У нас вообще слишком односторонне смотрят на западнорусскую литературно-печатную деятельность XVI в. и делают из нее слишком односторонний выбор. На нее смотрят только как на православную реакцию пропаганде католицизма. Между тем литературное движение Литвы и Волыни в XVI в., правда, сосредоточивалось около религиозных вопросов, но было отражением литературного движения эпохи возрождения наук и реформации, общего всем тогдашним европейским странам, в число которых входила и тогдашняя Южная Русь, хотя, конечно, отражением слабейшим. Насильственный характер унии и казацко-крестьянская реакция надломили начавшееся литературное движение и сократили его в борьбу за догматы православия, с каким характером является преимущественно литература киево-могилянского периода. Но более раннее литературное движение имело более широкий характер. На тогдашнем русском (западнорусском) литературном языке, развившемся на почве малорусского и белорусского наречий, писали и католики, и протестанты, как и православные. И дух пропаганды и свойственное времени реформации внимание к массам народа побуждали тогдашних писателей оставлять латынь и церковнославянщину для языка русского; хотя, с другой стороны, необходимость обращаться к европейскому общественному мнению заставляла борющиеся религиозные и политico-национальные партии писать и по-латыни, а нападки католиков и протестантов на непонятность церковнославянского языка и сильная подмесь к тогдашнему церковному языку западной Руси чужих слов заставляли многих ревнителей православия изучать и обрабатывать свой церковный язык и священные книги и при этом обращаться для сверки к языку греческому. Словом, XVI в. вместе с началом XVII-го для Южной Руси, как и для всей современной Европы, был веком переводов священного писания на народный язык, изучения латинских и греческих отцов и писания политico-религиозных памфлетов, вроде либеллов³⁷, которыми так богаты литературы Европы в упомянутое время.

Первая книга, напечатанная на русском языке, была «Библия Руска», переведенная с «Вульгаты» католиком доктором Франциском Скориною из Полоцка³⁸, вышла в Праге в 1517—1519 г. иждивением виленского мещанина Богдана Онькова. Она предупредила чешский перевод библии (1555) и польские (1561 и 1563 г.). Церковнославянские книги «Часослов», «Псалтырь», «Октоих» и «Триодь» были напечатаны Швайпольтом Фиолем³⁹ еще в 1491 г. в Кракове, откуда печатник, обвиненный в ереси, бежал в Венгрию. В 1525 г., уже в Вильне, Скорина напечатал в типографии, заведенной в доме бурмистра Яко-ва Бабича, «Апостол», «Псалтырь», «Акафисты» и др. В 1562 г. в Несвиже напечатан «Катехизис для простых людей языка русского», сочиненный кальвинистом Симоном Будным⁴⁰ с товарищи, иждивени-ем кн. Николая Рад[з] ивила Черного. Вот первенцы печати церковнославянской и русской, начало которой обыкновенно несправедливо ставят в 1563—1564 г., когда Иван Федоров⁴¹ с товарищами напеча-

тал «Апостол» в Москве. Московские печатники, обвиненные в ереси, бежали к гетману литовскому и воеводе русскому (киевскому) гр. Ходкевичу⁴², который завел типографию в Заблудове (Гродненской губ.), выпустившую «Евангелие» и «Псалтырь» в 1568—69 гг. Федор переселился, по смерти гетмана, во Львов, где издал «Апостол», первенца печати червонорусской в 1573—74 г., а потом в Острог — к кн. Конст. Конст. Острожскому, где, после сверки с греческим текстом, был издан по-церковнославянски «Новый Завет» и «Псалтырь» в 1580 г. До 1616 г., когда основана была типография в Киеве, на Руси было напечатано, по счету г. Максимовича («Книжная старина»; продолж. в «Киевлянин», 1850), 112 изданий, из коих в Литве — 12, в Галиции и на Волыни — 42, в Москве — 28. В этой печати принимали участие далеко не одни только православные, а и католики и протестанты. Вообще влияние последних на тогдашнюю Юго-западную Русь было довольно сильно, даже на православных. Об этом свидетельствуют письма кн. Конст. Конст. Острожского, который называл кальвинистов «последователями истинного закона Христова». Когда был поднят вопрос об унии, кн. Острожский писал известному Потцею⁴³, что он одобряет мысль соединения православных с католиками, но считает унию правильною только тогда, если бы и другие православные, близкие к южнорусам, москвичи и волохи приступили к соединению. Для этого он предлагал владимирскому епископу ехать в Москву, а львовскому — к волохам. При совместном заключении унии кн. Острожский предлагал многое исправить и изменить в церковном устройстве, обрядах, в учении относительно св. [ятых] тайн и «отделить от церкви человеческие вымыслы». Потец не считал что-либо нужным менять в тогдашнем православии, в Москву же ехать решительно отказался, опасаясь «с таким посольством попасть под кнут». Вскоре после брестской унии вышло сочинение «Апокрозис» русина и православного Христофора Бронского⁴⁴, который требовал равного свободного участия светских людей в делах веры наравне с духовными, а учение о безусловном повиновении духовенству называл «наукою и рассказанием не христианских, але жидовских докторов, рабинов и рабасов, которые в «Талмуте» бесчисленное количество глупых и брыдливых, Божему прироженному и писаному праву противных фальшов и кламств написавши, под потоплением тому всему своим жиdam верити росказали, оже бы ся до обаченья приходити не могли».

В Южной Руси издавна светские люди участвовали в выборе священнослужителей, а Бронский требовал права паства и низлагать их. Некоторые готовы видеть в Бронском признак только упадка православия вследствие отпадения духовенства в унию, а в словах Острожского — признак ослабления православия вследствие неустройства церкви и слабости просвещения православного духовенства. Но едва ли не правильнее будет видеть в приведенных мыслях Острожского и Бронского, которые оба были ревнители православия, признаки

сильного возбуждения мысли в южнорусском обществе XVI в., которое хотело, не отрываясь от ставшей национальною веры, произвести в ней преобразования и дать простор личной совести и уму, а также черты православно-реформационного, чуждого узкого сектанства, свободомыслия, свойственного южнорусам вообще.

Проявление идей реформации и возрождения затронуло близко и другие важные вопросы в Южной Руси: отношение светского образования к духовно-аскетическому и вопрос о языке для богослужения. О положении этих вопросов в умах русских людей в XVI в. можно судить по обличительному сочинению монаха Иоанна из Вишни⁴⁵, напечатанному с рукописи Публичной библиотеки, в «Актах Южной и Западной Росии»⁴⁶, II т. Православный монах жалуется на чтение Платона и Аристотеля и «других подобных им машкарников и комедийников», жалуется на светскость вышего православного духовенства, на отступление его от строгой воздержности. Очевидно, что и в Южной Руси происходило то же, что делалось в Европе в эпоху возрождения и реформации. Чтение языческих писателей возбудило между прочим свободомыслие, которое не нравилось благочестивым людям. Это свободомыслие, приводившее многих к реформационным идеям, попадая в сферу богатого духовенства, соединилось с непосредственным сенсуализмом и материалистическим скептицизмом, свойственным всем эксплуататорам, подрывало окончательно узы традициональной морали, сдерживавшие в известной мере эгоизм и чувственность. Так было некогда с католическими прелатами-язычниками времен Александра VI⁴⁷ и Льва X⁴⁸, так было и с аристократами времен регентства и Людовика XVI⁴⁹. А этот разврат официальных блюстителей морали вызывал в благочестивых людях реакцию против идей, которыми он прикрывался, но в то же время наводил их на мысли о необходимости реформировать церковь и общество, и таким образом реакционеры сходились с свободными мыслителями, как сходились в мысли о необходимости реформы в католицизме и классики Макиавелли⁵⁰ и Цвингли⁵¹, и суровые монахи Саваноролла⁵² и Лютер⁵³. Очевидно, что нечто подобное, хотя в меньшей степени, творилось и в южнорусском обществе XVI в., и Иоанн из Вишни обличал духовенство своего времени не хуже протестантов и Христофора Бронского. Светское образование и чтение классиков подкапывалось под церковнославянский язык, который тоже защищает Иоанн из Вишни. Под него шел подкоп с двух сторон. Верные своему стремлению распространения веры в массах протестанты и в Западной Руси взялись за народный язык, стараясь на нем изложить вероучение и священное писание, оставив церковнославянский язык как малопонятный народу, хотя по духу пропаганды могли прибегать к этому языку как к средству влияния на православных. С другой стороны, иезуиты, опираясь на важность латинского языка как связи в то время всех образованных народов Европы, старались эксплуатировать эту важность в пользу католической латыни и против церковнославянско-

го языка (Скарга⁵⁴ «O jedności wiary»). При этом дух интриги и пропаганды заставлял иезуитов прибегать и к народному русскому и к церковнославянскому языку, хотя и тот и другой в большинстве случаев был им ненавистен. Ревнители православия по реакции должны были крепче прилепиться к церковнославянскому языку как к внешнему признаку православия. «По дьявольскому наваждению,— говорит Иоанн из Вишни,— славянский язык обмерзел многим: его не любят и хулят; но он есть плодоноснейший и любимейший Богом язык человеческий именно за то, что на нем нет ни грамматики, ни риторики, ни диалектики, ни прочих коварств дьявольского тщеславия». Издательская деятельность в Остроге и потом в Киеве имела целью поддержание церковнославянского языка, причем киевские деятели на наивной защите Иоанна из Вишни не остановились, а почувствовали необходимость для церковнославянского языка грамматики, риторики и диалектики, а вообще для православного человека — науки. При этом необходимость вести борьбу за веру и народность заставила православных прибегать и к латинскому и польскому языку (М. Смотрицкий⁵⁵, П. Могила). Неизвестно, чем бы кончилась эта борьба вер и языков в Юго-западной Руси, если бы ей предоставлено было свободное развитие, но насильственные меры в пользу унион привели к преобладанию католицизма и польского языка в дворянстве, усилили реакцию в пользу церковнославянского языка в небольшом числе оставшегося православного духовенства, а национально-сословная вражда масс к шляхте сблизила их с православной партией в духовенстве, так что умственное религиозное движение XVI в. сильно сузилось. Впрочем, оно не осталось вовсе без следов: язык литературы киево-могилянского периода все-таки приблизился к народному, известная доля прежнего свободомыслия давала возможность развиться достаточно сильной терпимости, даже в духовенстве, как можно видеть на примере таких людей, как Феофан Прокопович; на нем же и даже на таких лицах, как Дмитрий Ростовский, можно видеть, что не прошло без следа для южнорусского общества и то знакомство со светским, классическим образованием, которое проникало из Италии и Германии в Польшу и Западную Русь в XVI и XVII в. Политическая и социальная борьба с Польшею вызвала богатое развитие исторической литературы и поэзии, известное же сближение веры с жизнью вызвало зародыши национальной драмы.

Деятельность Киево-Могилянской академии, равно как и историческая и драматическая литература XVII и XVIII в. в Южной Руси характеризованы скжато, но довольно полно в брошюре г. Прыжова, хотя и местами и недостаточно систематично. Г. Прыжов дает довольно большое значение казачеству, даже в умственной деятельности Южной Руси. Г. Прыжов выражается так: «Несправедливо говорили поляки, что казаки — это ни больше, ни меньше, как разбойничья шайка, несправедливо писал и Самойлов⁵⁶, что запорожцы — это «мамилиюки, разбойники, бродяги, развращенные», и, наконец, сами

историки великорусского народа говорили, что казаки — это не что иное, как искатели зипунов» (стр. 43). Историк политический не может не цениТЬ Запорожья в деле поднятия знамени русской народности, оставленного южнорусским дворянством скоро после унии, и в деле сближения с крестьянством казачества, которое было до того отдельным сословием и восставало прежде (бунт Косинского)⁵⁷ только за свои сословные права. Обе стороны значения Запорожья делаются заметными с эпохи Сагайдачного и окончательно проявляются во время Богдана Хмельницкого. Но казачество не оставалось без влияния и на ход литературного развития Южной Руси. «В это время,— говорит г. Прыжов,— в Южной Руси совершается необыкновенно замечательное явление. Церковь и гражданин соединяются в одно: монах подает руку воину. Вся прошедшая жизнь приводила к тому, что монах часто становился в ряды казаков, а казаки делались монахами. Монахи благословляли казаков на битву, они же святили ножи, и в тоже время запорожец шел в монахи, а войсковой судья вдруг делался митрополитом. Монах и казак одинаково были гражданами своей земли, одинаково служили просвещению, заводили школы, изучали свою историю, занимались поэзией.

Тим-то і сталась по всему світу
Страшеннайа козацькая сила,
Шо у вас, панове молодці,
Була воля і душа єдина!..

Этот братский союз всей земли сказался особенно в двух великих людях Южной Руси начала XVI в., в гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном⁵⁸ и киевском митрополите Петре Mogиле. Грозда турок и татар, суровый Петр Конашевич Сагайдачный дает сиротствующему киевскому престолу митрополита Иова Борецкого⁵⁹, на свой счет возобновляет Богоявленское киевское братство, учреждает фундацию на школу братства львовского, и рука, которая вчера еще громила турок, теперь пишет объяснение на унию». «Петр Mogila — сын Семеона Mogилы, бывшего господарем Молдавии. Родился он в 1597 г. и, по преданию, воспитывался в Париже, потом служил в польских войсках и участвовал в битве с турками под Хотиным (совместно с Сагайдачным). В 1626 г. он является в Печерском монастыре, а в 1628 г. избран митрополитом. Он сам так рассказывал о своей деятельности: «Когда Бог благословил мне быть пастырем столицы митрополии киевской, и прежде того еще архимандритом Печерской Лавры,— с того времени, видя упадок благочестия (православия) в народе русском ни от чего иного, как от того, что не было никакого наставления и науки, я положил обет мой Господу Богу, все мое имущество, доставшееся от родителей и что только, за должным удовлетворением святых мест, мне вверенных, останется от доходов с имений, им принадлежащих, обращать частию на обновление разрушенных домов Божих, которых жалкия остались развалины, и частию на основание школ в Киеве, прав и вольностей народа русского». Известно, что Петр Mogila

исполнил свой обет, как об этом свидетельствуют учреждения братской школы, превращенной потом в Киево-Могилянскую коллегию, печерской типографии, литературная деятельность и деятельность на сеймах в пользу православия, поддержанная казаками.

Близости духовенства с казачеством, а следовательно, с массами народа, следует приписать проявление жизненности в южнорусской литературе XVI—XVIII в., которая иначе грозила остаться исключительно сколастической или псевдоклассической. Несмотря на приверженность к церковнославянскому языку, киевское духовенство в конце XVI в. подготовило изложение православного исповедания на малорусском наречии, на печатание которого получило дозволение от московского патриарха Адриана⁶⁰. В других родах литературы струя жизненно-народная была еще сильнее. Вследствие жизненности религии в Южной Руси, как несколько раньше в Западной Европе, создалась церковная драма, которая все больше принимала народный характер и переходила в политическую драму и даже комедию. Уже вертепная драма, времен Сагайдачного (1600—1620 г.), написанная на церковнославянском языке, вставляет интермедию на народном языке и в число действующих лиц вводит не только Ирода и компанию, но и лиц из народа, поляка, казаков, вводит и народную песню:

Да не буде лучше,
Да не буде краще,
Як у нас на Україні,—
Що не має жида,
Що не має ляха,
Не має Україні.

Драма Феофана Прокоповича «Милость Божия, Украину через Богдана Хмельницкого освободившая и возвеличившая», представленная в Киеве в 1728 г., есть уже народно-политическая драма. В комедиях и мистериях Довгалевского⁶¹, учителя пинтики в Киеве (1736), выводятся казаки, литвины, москали, ксендзы, жиды, поляки, живые лица, говорящие живым языком, а сцена, изображающая ляха-пана с литвинами (белорусами)-подданными, представляет решительный протест против крепостного права, которому подобного тщетно были мы стали искать в тогдашней аристократически-придворной литературе северной России, равно как и такой жизненности изображений! Церковная драма переходила с юга России и на север, но здесь она не пользовалась благорасположением и оставалась в тесных библейских рамках. Скоро она заменилась театром псевдоклассическим, тоже чуждым жизни народной и русской, каким он оставался до самого XIX в. На юге России обстоятельства не позволили развиться более совершенной народной драме, и хотя попытки Котляревского представляют любопытные для своего времени (конец XVIII и начало XIX в.) опыты народной драмы и комедии, довольно родственной старым опытам, но, к сожалению, малорусская сцена дальше не пошла, несмотря на то что народная жизнь, песни и история полны драматических сюжетов.

Другая сфера литературной деятельности в Южной России уже прямо обязана своим развитием казачеству. Это историография, богатство которой в XVII и начале XVIII в. представляет такой контраст бедности национальной историографии в тогдашней северной Руси. Далеко не все памятники историографии Южной Руси дошли до нас, не все из того, что уцелело, издано, а все почти не пользуется вниманием нашей науки и школы, а потому едва известно по именам. А между тем одно перечисление важнейших памятников этой историографии указывает на их значение. Это «Летопись Самовидца о войнах Хмельницкого»⁶², «Диариуш» Самуила Зорка⁶³, писаря в Коше, не дождший до нас, но послуживший источником Величку; «Сказание о войне казацкой» Величка⁶⁴, реестры всего войска запорожского, бывшие в руках Максимовича и им описанные, но до сих пор не изданные и, по всей вероятности, пропавшие (г. Прыжов, кажется, считает их напечатанными), летопись Максима Плиска, доведенная до 1780 г., Григория Грабянки «Небывалая брань Б. Хмельницкого с поляками»⁶⁵, Марковича записки⁶⁶, «Диариуш» Ханенка⁶⁷, «История русов» (псевдо) Конисского⁶⁸ и т. д. Отличительная черта исторических сочинений южнорусских — большое внимание к актам, которые иногда целиком приводятся в сочинении, а через то значительная обстоятельность. При этом весьма многие авторы обладали значительною для своего времени начитанностью, знакомством с всеобщей историей, с польскими и литовскими хрониками, русскими летописями, важнейшими историко-политическими трактатами западноевропейской литературы, напр. «Историей Германии» Пуффендорфа⁶⁹ и т. п. Замечательно, что относительная ученость не мешала прелестной наивности рассказа, которому особенно отличается «Сказание Самуила Величка», представляющее, бесспорно, одно из лучших произведений старинной русской историографии. Это сказание, равно как и «История русов», превосходит все остальные произведения южнорусской литературы XVIII века.

Г. Прыжов кратко характеризует их, и мы имеем только два возражения против его слов: первое — что он напрасно отдает последнему произведению первенство в южнорусской историографии, а во вторых, что он напрасно оспаривает мнение г. Максимовича, ныне признанное всеми, что «История русов» писана не Конисским. Промахи и противоречия ее с другими сочинениями, несомненно принадлежащими Конисскому, слишком явны; притом же сам Конисский не говорит, что он писал «Историю русов». На это произведение надо смотреть как на памфлет в пользу прав и вольностей русов, т. е. малороссиян, памфлет, местами чрезвычайно едкий и даже художественный (напр., там, где он изображает насилия, производимые солдатами, по словам которых, «куры, гуси, девки, молодицы, все наше, по праву воина и по приказу его благородия»), а не как на внешне фактическую историю, тогда он составит незаменимый памятник состояния пропаганды и политических идей Малороссии в половине XVIII в. Но,

к сожалению, с этой точки зрения «История русов» не была никем еще рассмотрена. Нам казалось бы, что теперь, когда печатаются речи и записки малороссийских депутатов в комиссии 1767 г., в которой они защищали равноправность сословий и свободу крестьян, настало время оценки и «Истории русов», которая была передана Конисским роменскому депутату Полетике⁷⁰ как руководство истории его родины, необходимое для справок члену комиссии составления законов. По поводу Велички мы сделаем только одно замечание г. Прыжову, что он напрасно называет Величка войсковым писарем (стр. 32). Войсковый писарь был чин генеральный и соответствовал канцлеру или министру иностранных дел,— Величка же был просто канцелярист гетманской канцелярии.

Если конец XVII и начало XVIII в. в Малороссии изобилуют историческими сочинениями лиц, близко участвовавших в событиях казацко-украинской истории, то вторая половина XVIII в. обильна сводами исторических сведений о Малороссии и ее географическими и статистическими описаниями. Из последних особенно важно многотомное румянцевское описание Малороссии⁷¹, послужившее материалом для Чепы⁷²,— «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях» (1798) и Шафонского⁷³ «Краткое географическое и историческое описание Малой России» (1786). Румянцевское описание Малороссии составлялось комиссией с 1765—68 года. Конисский говорит, что оно нечаянно уничтожилось, но г. Лазаревский нашел из нее в архиве черниговской казенной палаты 148 фолиантов около 1000 листов каждый, обнимающих полки Черниговский, часть Киевского, Нежинский, Стародубский, часть Прилуцкого и Смелянскую сотню Лубенского. В настоящее время эти томы находятся в библиотеке черниговского губернского статистического комитета и часть из них (полки Нежинский, Киевский и Черниговский) описаны г. Ал. Лазаревским⁷⁴ («Обозрение Румянцевской описи Малороссии», изд. черн [иговской] губ [ернской] стат [истической] ком [миссии], вып. I и II, Чернигов, 1866 и 1867 г.). В обработке истории Малороссии принимали участие и малороссияне, воспитанники киевской академии, как Симоновский⁷⁵ (учившийся потом за границей), Бантыш-Каменский⁷⁶, Рубан и другие, так и иностранцы Ригельман⁷⁷ (поселившийся в Малороссии) и Миллер⁷⁸. Централизация образования в Москве и Петербурге отвлекла к концу XVIII в. умственные силы Малороссии, а с другой стороны, пособия правительства обратились на изучение истории Руси Московской, а потом так блистательно начатое изучение судеб Южной России ослабело. Как ни почтены в своем роде труды Бантыша-Каменского (младшего) и Н. Маркевича для истории Малороссии, но их нельзя поставить наряду с современными им трудами по истории северной Руси, и едва ли не следует упрекнуть г. Прыжова в преувеличении, когда он говорит, что Д. Н. Бантыш-Каменский обесмертил себя историей Малой России. Да и трудно было, и трудно до сих пор равняться изучающим историю и жизнь Малороссии с изу-

чающими Русь северную. Последние издавна воспитывались в лучших учебных заведениях, университетах, которые Южная Русь получила позже, опирались и опираются на правительственные пособия, на учёные общества, занимали и занимают университетские кафедры на севере и юге России, имеют органами своих трудов журналы, сосредоточенные в Петербурге и Москве, которые, хотя и сбываются в немалом количестве на юге России, однако же (что, пожалуй, и естественно, хотя не совсем справедливо), имеют в виду удовлетворение интереса ближайшей к ним публики и весьма редко помещают статьи по истории и этнографии мало знакомого им юга России. Люди, изучающие жизнь Малороссии, были прежде воспитанники духовных заведений, отстававшие в образовании от воспитанников университетов, потом, если и университетские, то, не занимая независимых и богатых досугом мест, должны работать для своей специальности урывками между других, большую частью посторонних дел, принятых ради приобретения средств к жизни, должны издавать свои труды исключительно на собственные средства, так что еще удивительно, что все-таки немало сделано для истории и этнографии Южной Руси. Только с сороковых годов, благодаря тому, что г. Бодянский стал редактором «Чтений в Московском обществе истории и древностей», началось печатание важнейших памятников историографии южнорусской XVII и XVIII в. и в то же время политическое положение западного края побудило правительство помочь ученой разработке истории изданием документов, которым занялась Археографическая комиссия в Киеве⁷⁹ и петербургская. Эти издания, можно сказать, создали южнорусского историка, которого смело можно поставить в числе лучших современных историков, Н. И. Костомарова. Во всяком же случае даже новые труды гг. Костомарова, Кулиша и др. по истории Южной России еще далеко не исчерпали даже того материала, который дают до сих пор изданные акты и памятники южнорусской историографии XVII и XVIII в. А сколько еще не издано!

Если памятники этой историографии были результатом солидарности южнорусского казачества и наиболее образованного в старой Руси сословия — духовенства, то плодом солидарности казачества с народом была богатая народно-историческая поэзия Украины. Г. Прыжов говорит, что ни один славянский народ не имеет такой богатой исторической поэзии. С этим нельзя согласиться: из славян богаче всех в этом отношении сербы. И это совершенно понятно: общенародная героическая жизнь протянулась у них до самого XIX в., когда, наконец, внимание образованного общества всей Европы обратилось к народной поэзии, а потому сербский эпос записан в такой полноте, как ни один из славянских. Между тем южнорусский исторический эпос обратил на себя внимание записывателей только тогда, когда народно-героический век довольно далеко отодвинулся в прошлое, а потому мы имеем его далеко не в полном виде и только по таким образчикам, как думы о Кишке, Хмельницком и др., можем гадать,

что эпос этот был не меньше, а может быть, и больше сербского, и можем оценить всю потерю, которая была последствием небрежения нашего общества к Южной Руси с половины XVIII века. Южнорусский исторический эпос, всецелое произведение казачества, может всего лучше опровергнуть мнение, что казаки Южной Руси были только разбойники и искатели зипунов, элемент противообщественный. По странному совпадению обстоятельств в таком взгляде на южнорусское казачество сходятся польские писатели и наши историки московско-государственного направления. Понятно, что поляки с трудом согласятся смотреть иначе на южнорусское казачество. Русские историки до тех пор будут так смотреть на него, пока не признают в истории Малороссии некоторых особенностей сравнительно с историей Руси Московской. Несколько узковатый взгляд на казачество как на противообщественный элемент имеет еще некоторый смысл в применении к казачеству восточному — донско-уральскому, но вовсе не годится для оценки казачества западного, малорусского. Казачество восточное имеет значение как протест против крепостных порядков XVI—XVIII в. и как проявление русской колонизации в степях. Но в первом случае оно имеет чисто отрицательное значение, а во-вторых, слишком местное: казаки донские, уральские весьма редко отождествлялись с остальными московскими землями, и если даже поднимали восстание крестьян в соседних областях, то при Стеньке Разине. Следует заметить, что и при Разине и при Пугачеве в восстаниях восточных казаков принимали участие и люди из западного казачества. Во всяком же случае казачество восточное представляло только один слой русского народа — низший; слои же, которые были так или иначе, но все же культурные — духовенство и дворянство, не принимали в них никакого участия. Протестуя против существовавших в Московском государстве порядков, казаки только инстинктивно чувствовали возможность других порядков и, будучи слабы в культурном отношении, не могли подняться до сознательных, не только положительных, но и отрицательных, начал. Притом же протестовать им приходилось против правительства единоверного и единонационального, т. е. такого, отвергнуть принципы которого могли бы только весьма сознательные головы. Поэтому великорусский удал-добрый молодец, до самого Пугачева включительно, путался, когда желал определить свою речь, как видно очень хорошо и из народных песен. Так, одна песня жалуется на воевод за то, что он «вор-собака заедает жалованье», но особенно за то, что мешает грабить корабли на Волге; другая жалуется, что казаков зовут ворами и разбойниками, и объясняет: «Мы ведь, братцы, не воры, не разбойники, Стеньки Разина мы работнички», и дальше заявляет, что «гуляем мы на Волге не первый год, воровства и грабительства довольно есть». От этого удал-молодец по большей части, в конце концов, сознает себя виноватым и или винится перед царем и народом на плахе, или старается заслужить свои вины перед государем, как Ермак в песне и действительности.

Казачество, кроме протеста против тяжких для народа общественных порядков, имеет еще в русской истории значение элемента колонизующего и защищающего русскую землю от чужеземцев. Эту роль исполняло как казачество западное, так и восточное, но обстоятельства, при которых действовала каждая часть казачества, были различны, а потому различны были и формы действия и нравственный склад обеих частей действующего элемента. На Дону, Волге, Урале и в Сибири казачество достигло своего полного развития тогда, когда уже на восток России инородческий элемент был в значительной степени ослаблен деятельностью Московского государства, казачество здесь не имело уже значения оборонительного элемента, а было уже наступательным, особенно на Урале и в Сибири. Такой же характер имели и набеги донцов и яицких казаков по Черному и Каспийскому морю, особенно последнему: персы никогда ведь не угрожали русским. Поэтому война с неверными восточного казачества по большей части носила характер добывания зипунов, весьма часто бывшего чрезвычайно вредным для государства. В том же случае, когда казачество это служило государству, как, напр., в подчинении закамских инородцев, наступательный наплыв на последних, ничем с их стороны не вызванный, должен был развить в наступателях бесчеловечно эгоистическое презрение к чужакам, быть может, и полезное для государственных целей, но вредное в нравственном отношении.

Всех указанных особенностей были далеко не чужды и казаки западные, малороссийские: они тоже далеко не прочно были поискать зипунов; да и кто от них отказывался в те времена? кто отказывается и теперь? Но дело в том, что рядом с этими чертами в малорусском казачестве были и другие, и это происходило вовсе не от каких-либо природных преимуществ одних казаков над другими, а от различия условий, в которые каждые были поставлены судьбою. Начавший разбоем и протестом за свои сословные права (бунты Наливайки⁸⁰ и Косинского), малорусские казаки поставлены были в необходимость слить свое дело с делом всего южнорусского народа (Сагайдачный и Богдан Хмельницкий). Так как высшее южнорусское дворянство отпало от своей народности и веры, то казаки остались сильнейшими представителями того и другого, приняли в себя и часть дворянства, оставшуюся верною народности и православию, и вступили в тесный союз с литературно-религиозными представителями южнорусской народности. К казакам присоединился сын господаря, человек европейского образования Петро Могила и достаточно образованные шляхтичи, как Сагайдачный и Хмельницкий или Даниил Братковский⁸¹, автор сатирических произведений на польском языке, казненный шляхетским судом за замысел восстания православно-крестьянского населения на правой стороне Днепра, совместно с казаками Палия⁸²; южнорусское казачество принимало даже гонимые в других землях, относительно высокие культурные элементы, как ариане из Польши, давшие Южной Руси Немирича⁸³, влиянию которого, а также про-

тестанта Верещака, на Выговского⁸⁴ следует приписать внесение таких условий в гадячские статьи, как основание университетов и свободы печати; из бежавших из Пруссии еретиков происходил Иннокентий Гизель⁸⁵, член киевского духовенства, которое так тесно связывалось с казачеством. Как принятием в свою среду всей массы южнорусского народа казачество малорусское в свою лучшую пору расширило свои стремления, так принятием в себя культурных слоев населения оно достигло сознательности этих стремлений. Сознательности их помогало и то обстоятельство, что бороться южнорусским казакам пришлось против чужого, а не своего государства. Борьба южнорусских казаков с Польшей по всем этим причинам не была только протестом инстинктов, как борьба донских и уральских казаков против Московского государства, но борьбою принципов.

Также отличны были условия и формы борьбы малорусских казаков против неверных. Крымское ханство⁸⁶ существовало до самого конца XVIII в., не то что Астраханское и Казанское; оно было силой, наступавшей на русский народ, не то что инородцы сибирские и уральские. Вместо далекой и безобидной для России Персии тут была Турция, которая наступала в самую глубь Южной Руси и одно время владела Каменцем⁸⁷. Тут, следовательно, была борьба на жизнь или смерть, и притом борьба со стороны малорусского племени более оборонительная, чем наступательная, а потому и менее противная чувству гуманности. На походы южнорусских казаков в Турцию и Молдавию вовсе нельзя смотреть как на стремление только добить зипунов, которое ссорило польское государство с турецким. Польское государство имело право быть недовольным тем, что казаки нападают на Турцию, потому что польскому государству, как и московскому до тех пор, пока оно не завладело Малороссией, не было надобности воевать с Турцией, достаточно удаленной от собственно польских областей; но казаки малорусские, самовольно воюя с турками, были представителями самостоятельной народной политики, на которую наталкивало Южную Русь ее положение. Иван Свирговский⁸⁸, украинский гетман XVI столетия, которого деятельность так хорошо оценена и рассказана в монографии г. Костомарова, Иван Свирговский, затеявший совместно с молдаванами и волохами восстание православных христиан против Турции, есть народный начинатель восточного вопроса на Руси, вопроса, за который государство русское взялось только в XVIII веке. Беспристрастный читатель должен согласиться, что такая постановка вопроса должна была возбуждать в народе и другие, высшие побуждения, чем искалье зипунов.

Все сказанное можно было бы обильно подтвердить фактами из южнорусской истории, но так как мы имеем в виду только историю словесности в Южной Руси и касаемся политической истории только по связи ее с историей литературы, то и подтверждения сказанному приведем из памятников народной словесности.

Обзор последней у г. Прыжова, к сожалению, почти исключитель-

но номенклатурный, хотя, как библиографический указатель, заслуживает полного внимания и благодарности *. Имея в виду хотя краткое, но наглядное подтверждение высказанных нами мыслей о южнорусском казачестве, мы приведем несколько отрывков из самих исторических песен и дум малорусско-казацкого эпоса. Борьба малорусского казачества с татарами и турками предшествует борьбе его с поляками. Песен о нападениях татар и турок чрезвычайно много в южнорусской поэзии, причем в Галиции больше говорится о турках, а в Украине — о татарах. Множество песен рассказывает печальную участь пленников русских, уведенных татарами и турками, причем иные передают чрезвычайно драматические случаи, как, напр., плен сначала дочери, которая становится женою турка, а потом матери, которая делается нянькою своего внука («Русалка Днестровская»⁸⁹, стр. 5, «Сборник» г. Головацкого в «Чтениях», ч. I, 42). Вот как изображает песня набег турок и пленение жен и детей южнорусских:

Поле ж мое широкое!
Не могла'm тя проглянути
Черненькими очен'ками;
Тепер с'м проходила
Біленькими ноженьками!
Що ся в полі забіло,
Ой чи гуси, чи лебеді?
Тепер гуси не літають,
Ні лебеді не пливають,
То татаре полон женуть:
Один полон з жіночками,
Другий полон з дівочками,
Третій полон з діточками.
Стали кошом під Яришом
Ta взялися паевати:
Дівка впала парубкові,
А тещенька зятенькові.
Взяв він її по при коні,
По при коні на ремені.
Ой, кінь біжить дорогою,
Тещу веде терниною;
Терня ноги пробиває,
Кровця сліди заливає,
Чорний ворон залітає,
Тоту кровцю іспиває.

* Впрочем, указатель г. Прыжова заключает некоторые неточности и пропуски. В перечислении дум цикла турецкого пропущена важная дума о Марусе Богуславке; песни о насилиях польского реймента и о насилии пана Каневского над Бондаривной отнесены к слишком ранней эпохе — до Хмельницкого, между тем как они говорят о событиях века XVIII, века гайдамакского, а не казацкого. То же следует сказать и о думах о Саве Чалом⁹⁰. Аллегорическая песня о чайке и ее детях сочинена не Хмельницким, а последним кошевым Запорожья Кальнишем⁹¹. Нельзя не заметить, что малорусское ухо обижается несклонением малорусских имен; г. Прыжов пишет: «Дума про Морозенко». Малороссияне же свои имена на о склоняют в мужском роде, ибо о все равно, что ъ.

Такое обращение, конечно, не могло вызвать к туркам и татарам сочувственного отношения, а потому старая пленница, попавши в няньки к своему внуку, обязанная, кроме того, еще прядь и пасти стадо, припевает так:

Люлю, люлю, татарчятко,
По донечці унучятко!
Бодай стадо виздихало,
Бодай кужель (прядево) спопеліла (сгоріла),
Бодай дитя скаменіло!

Когда дочь узнает свою мать и говорит ей:

Мати моя рідненька!
Скидай с себе свои лати (рубище в заплатах),
Вберай дорогії шати!
Будеш з нами панувати!..

Мать отвечает:

Ліпші мої вбогі лати,
Ніж дорогі твої шати.

Разговор дальше оканчивается такими словами:

Мати ж моя рідненька!
Чи схочеш тут панувати,
Чи пойдеш в рідні краї?
— Волю, схочу дома бідовати,
Як в чужині панувати.

Без сомнения, что народ, сложивший подобный разговор, не был особенно падок на чужие зипуны.

Еще нагляднее рисует турецкую неволю дума, изображающая жизнь невольников мужчин, которых заставляли работать на каторгах (галерах). Вот эта характерная дума:

У святу неділю не сизи орли заклекотали
Як то бідни невольники у тяжкій неволі заплакали,
Угору рукі підіймали, кайданами забряжчали,
Господа милосердного прохали та благали:
Подай нам, Господи, з неба дрібен дождик,
А знизу буйний вітер!
Хоча й би чи не встала на Чорному морю бистрая хвиля;
Хоча й би чи не повиривала якорів з турецької каторги!
Да уже ся нам турецька бусурманська каторга надоїла:
Кайдани — залізо ноги повривало,
Біле тіло козацьке молодецьке коло жовтої кості пошмугляло (істерло).

Баша турецький бусурманський,
Недовірок (ренегат) христіанський,
По ринку він похожає;
Він сам добре теє зачуває (слышит);

На слуги свої, на турки-яничаре за зла гукає:
«Кажу я вам, турки-яничаре, добре ви дбайте (здесь: старайтесь),

Із ряду до ряду захожайте,
По три пучки тернини і червоної таволги (кустарник — spirea) набираите,
Бідного невольника по тричи в однім місці затинайтє»

То ті слуги, турки-яничаре, добре дбали

Із ряду до ряду захожали,
По три пучки тернини і червоної таволги у руки набирали,
По тричи в однім місці бідного невольника затинали,
Тіло біле козацьке молодецьке коло жовтої кости обвивали,
Кров христіанську неповинно проливали.

Стали бідні невольники на собі кров христіанську забачати,
Стали землю турецьку, віру бусурманську клясти-проклинати:
«Ти, земле турецька, віро бусурманська,
Ти разлуко христіанська!
Не одного ти розлучила з отцем, з матер'ю,
Або брата з сестрою,
Або мужа з вірною жоною!
Визволь, Господи, всіх бідних невольників
З тяжкої неволі турецької,
З каторги бусурманської!

На тихи води,
На ясни зори,
У край веселий,
У мир хрещений,
В города христіанськи!
Дай, Боже, миру царському
Народу христіанському
Славу на многи літа!»

Дума эта, надеемся, ясно показывает мотивы войн малорусского казачества с турками и татарами и историческое значение «рыцарства» Запорожья.

Малорусские думы описывают несколько примеров избавления христианских плеников от такой неволи. Это передают варианты думы о побеге трех братьев из Азова, об уходе из плена Самуила Кишки⁹² и о Марuse Богуславке. Мы остановимся на последних двух сюжетах, потому что они, во-первых, отличаются большим драматизмом, а во-вторых, изображают не только плеников, остававшихся твердыми в христианстве, но и ренегатов, поведение которых, в конце концов, показывает, насколько все-таки велика была и в них сила народного чувства и нравственных начал. Дума о Самуиле Кишке начинается описанием выплывавшей из Трапезонта галеры «трьомя цвітами процвітаної, мальованої». В той галере гулял Алкан-паша, «трапезонське княжа», имея с собой избранного люду: семьсот турок, янычар четыреста да бедных невольников триста пятьдесят человек, не считая старшины войсковой. Между последней выдавался Кишка Самойло, гетман запорожский, и лях Бутурлак, сотник переяславский. Этот был тридцать лет в неволе, двадцать четыре — как стал на воле.

Потурчився, побусурманився,
Для панства великого,
Для лакомства нещасного,—

а сделан был ключником галерским. Галера едет в Козлов (Евпаторию), по дороге к Кафе (Феодосия) Алкан-паша видит сон, будто турки его порубали, а самого его Кишка на три части изрубил и в Черное море бросил. Лях Бутурлак объясняет сон так, что нужно строже следить за плениками, и привязывает их крепче, как в предыдущей думе. Алкан-паша отправляется в город пировать с невестой. Тогда Кишка обратился к ляху Бутурлаку:

«Ой Ляше-Бутурлаче, брате старесенький!
Колись і ти був в такій неволі, як ми тепера:

Добро нам учини,
Хоч нас, старшину, одомкни;
Хай би і ми у городі побували,
Панське весильє добрє знали!»
Каже Лях-Бутурлак:
«Ой Кішко-Самойло, гетьмане запорожський,
Батьку козацький,
Добро ти учини,
Віру христіанську під ноги підтопчи,
Хрест на собі поломни!
Аще будеш віру христіанську під ноги топтати,
Будеш у нашого пана молодого за рідного брата пробувати!»
То скоро Кішка Самойло зачував,
Словами промовляв:
«Ой Ляше-Бутурлаче, сотнику Переясловський,
Недовірку христіанський!
Бодай же ти того не дождав,
Щоб я віру христіанську під нозі топтав!
Хоч я буду до смерти біду да неволю приймати,
А буду к землі козацькій голову христіанську покладати!
Ваша віра погана,
Земля проклята!»

Ренегат бьет старого товарища по щеке и обещает пуще заковать в цепи, о чем шпион доносит Алкану-паше. Успокоенный паша шлет вино своим прислужникам на галеру. Вино пробудило совесть ренегата, сокрушенную тридцатилетней тяжкой неволей:

Став Лях-Бутурлак дорогії напитки пити-підпивати;
Стали умисли козацьку голову клюшника розбивати:
«Господі! есть у мене, що іспити і ісходити,
Тилько ні з кім об вірі христіанській розговорити...»

Лях-Бутурлак начинает уговаривать Кишку, но Кишка не пьет, а выливает, ренегат же клюшник пьет, пока не сваливается. Кишка отмыкает замки у пленных товарищев и после разных приключений, с помощью и самого очнувшегося Бутурлака, приводит галеру в лиман Днепра-Славута с великой добычей. Добычу эту делят бывшие пленники между собою и казаками запорожскими, причем третью часть золота и серебра

...брали, на церкви накладали,
На святого Межигорського Спаса,
На Трехтемировський монастир⁹³,
На святую Січову Покров давали,
Котори давнім козацьким скарбом будували,
Щоб за іх, встаючи і лягаючи...
Милосердного Бога благали.

Дума оканчивается такими словами:

Правда, панове, полягла
Кішки Самойла голова,
В Кіеві-Каневі монастири *.
Слава не умре, не поляже!

* В Каневском монастыре погребены были три героя запорожские: Подкова⁹⁴, Жах и Кишка. Монастыря этого теперь нет; на месте его стоит высокий холм, под которым погребен Тарас Шевченко.

Буде слава славна
Поміж козаками,
Поміж друзями,
Поміж рицарями,
Поміж добрими молодцями.
Утверди, Боже, люду царського
Війска запорожського
Донського
С сією черньою Дніпровою
Низовою
На многія літа
До конця віка! *

«Дума о Марусе Богуславке» начинается описанием темницы на берегу Черного моря. В этой темнице сидят семьсот невольников, которые уже тридцать лет не видят «солнца праведного». К ним приходит «дівка-бранка» (пленница), Маруся, попівна Богуславка, и спрашивает, знают ли они, какой теперь день в «нашій» земле христианской. Пленники забыли счет дней.

«Ой козаки,— говорить Маруся,—
Ви бідні невольники!

Що сьогодня у нашій землі христіанській Великодна субота,
А завтра Святий празник, роковий день Великденъ».
То тоді тії козаки твоє зачували,
Білим лицем до сирої землі припадали,
Дівку-бранку,
Марусю, попівну Богуславку,
Кляли проклинали:
Та бодай ти, дівко-бранко,
Марусю, попівно Богуславко,—
Щастя і долі собі не мала,

Як ти нам святий празник, роковий день Великденъ сказала!»

Маруся просит не проклинать ее и обещает выпустить казаков, когда выедет паша в мечеть, а ей оставит ключи. Выпуская казаков, Богуславка говорит:

«Ой козаки,
Бідні невольники!
Кажу я вам, добрے дбайте,
В городи христіанські утікайте;
Тільки прошу я вас, одного города Богуслава не мінайте,
Моєму батьку і матері знати давайте:
Та нехай мій батько добре дбає,
Грунтів, великих маєтків нехай не збуває,
Великих скарбів нехай не збирає,
Та нехай мене, дівки-бранки,
Марусі, попівни Богуславки
З неволі не викупаве;
Бо вже я потурчилася, побусурманилася,
Для розкоші турецької
Для лакомства нещастного! **

* Сборник украинских песен, изд. М. Максимовича, I, 1849, стр. 31—48.

** Кулиша, Записки о Южной Руси, I.

Думы, из которых мы только что привели отрывки, кажется нам, доказывают, что в борьбе казачества южнорусского с турками были и другие мотивы, кроме стремления к поживе, что жизнь тогдашней южной Руси производила типы, которые не могут не возбуждать сочувствия и нынешнего человека.

Другой цикл поэтических сказаний южнорусских порожден борьбою казаков с поляками и жидами. Думы этого цикла не забывают тоже похвалиться добычей — так, одна дума оканчивается следующими словами:

Тогді-то не один козак за пана гетьмана Хмельницкого
Бога просив,
Що не один жидовський жупан зносив.

Но дело в том, что здесь, как и в думах первого цикла, дума не ограничивается одною добычей, а указывает на другие, более крупные причины борьбы народа южнорусского с поляками и жидами. Так, одна дума начинает рассказ свой о борьбе Хмельницкого с поляками следующим образом:

Ой чи добре пан Хмельницький починав,
Як із берестецького року
Всіх ляхов-панів на Україну на чотирі місяці висилав,
І велів панам-ляхам на Україні чотирі місяці стояти,
А ні козаку, ні мужику жадної (никакої) кривди починати.

То ще ж то ляхи, мостикий пани, по козаках и по мужиках стацією постали,
Од козацьких, од мужицьких комор стали ключи одбирати

Да стали над їх домами господарями:
Хозяїна на конюшню одсилає,
А сам із його жонкою на подушках почиває.
То козак альбо мужик із конюшні прихожає,
У квартирку * поглядає,

Аж лях, мостикий пан, іще із його жонкою на подушках опочиває,
То він один осьмак у кармані має.

Пійде з тоски та з печалі у корчму та й той прогуляє.
То лях, мостикий пан, од сна уставає,

Юлицею іде,
Як свиня, ухом веде.

То лях до корчми прихожає,
Як свиня, ухо до корчми прикладає.

Іще слухає, прослухає,
Що козак альбо мужик про ляхів розмовляє.

То лях у корчму убігає і козака за чуб хватає.
То козак козацький звичай знає,

То будто до ляха медом і оковитою (aqua vitae) горілкою припиває,
А тут ляха за чуб хватає,

І скляницею межі очі шмагає,

І келепом ** по ребрам торкає,

Іще стиха словами промовляє:

* Квартирка называется небольшое окошечко в задней стене украинской хаты.

** Палка с молотком.

«Ей ляхи ж, ви, ляхи,
Мостиці пани!
Хотя ж ви од нас ключі поодбірали,
І стали над нашими домами господарями...
Хотя б ви на нашу кумпанію не находжали».

Другая дума рисует «лядскую неволю» вместе с «жидовською».

Як од Кумівщини⁹⁵ (восстание 1637—1638 р.) да до Хмельницчини,
Як од Хмельницчини... да й до свого ж то дня,
Як у землі кралевській да добра не було:

Як жиди-рандари
Всі шляхи козацькі заарандовали,
Що на одній милі,
Да по три шинки становили,
Становили шинки по долинах,
Зводили щогли (шести) по високих могилах.

Іще ж то жиди-рандари

У тому не перестали:

На славній Україні всі козацькі торги заарандовали,
Да брали мито-промито:

Од возового

По пізволотого,

Од пішого пшениці по три денежки мита брали,
Од неборака-старця

Брали кури да яйця

Да іще питас:

«Ци нема, котик, сце цого?»

Іще ж то жиди-рандари

У тому не перестали:

На славній Україні всі козацькі церкви заарандовали.

Которому б то козаку альбо мужику дав Бог дитину появити,
То не йди до попа благословиться,

Да іди до жида-рандаря, да полож шостак, щоб позволив церкву одчинити,
Тую дитину охрестити.

Іще ж то которому б то козаку альбо мужику дав Бог дитину одружити,
То не йди до попа благословиться,
Да пойди до жида-рандаря, да полож битий таляр, щоб позволив церкву
одчинити.

Тую дитину одружити.

Іще ж то жиди-рандари

У тому не перестали:

На славній Україні всі козацькі ріки заарандовали.

Которий бы то козак альбо мужик ісхотів риби вловити,
Жінку свою з дітьми покормити,

То не йди до пана благословиться,

Да пійди до жида-рандаря, да поступи йому часту оддати,
Щоб позволив на річці риби вловити,

Жінку свою з дітьми покормити.

Вслед за описанием подобной неволи украинского казака или музыкана обе думы заключают почти одинаково следующие слова:

Тогді ж то як у святій день божественний у вовторник

Гетьман Хмельницький козаків до сходу сонця у поход виправляв,

І стиха словами промовляв:

«Ей козаки, ви, діти, друзі!

Прошу вас, добре дбайте,

Од сна вставайте,

Руський оченаш читайте,
На славну Україну прибувайте,
Жидів-рандарів (или ляхів, мостиших панів) упень (до корня) рубайте,
Кров їх у полі з жовтим піском мішайте,
Віри своєї христіанської у поругу не подайте.

Кажется, что эти отрывки подтверждают сказанное выше о достаточности оснований и сознательности восстаний казацких против польского государства и порядков XVII века. Раскаяния и уступки со стороны восставших тут и быть не могло. И это ясное сознание права своего на свой труд, волю и землю и сознание права своего низвергать то, что их отнимает, ни на минуту не покидало украинского народа. Ляха украинец ненавидел всегда, но не как человека чужой нации, даже не как человека чужой веры, а как лицо, с которым связывается понятие о заедании чужого труда, о насилии и развращении его жены и дочери. «Тікай, ляше,— говорят одна украинская пословица,— бо все, що на тобі, то наше!» И потому-то украинец пользуется всяkim случаем выгнать «ляшків-панків геть аж за Віслу». Не удалось это сделать казакам в XVII веке, пробовали сделать это гайдамаки в XVIII веке, когда, по словам песни, даже отрубленная голова одного из гайдамак на укоры: «Било б тебі ляшків-панків не бить» — отвечает:

«А я того, вражі ляхи, та і не забуду,
Як і била ляшків-панків, так і бити буду».

Насколько тяжелый гнет крепостного права, освященного силою русского государства, которой недоставало польскому для охранения господства панов над народом, не смог все-таки переломить свободолюбивое упрямство малоросса, свидетельствуют даже песни «крепацкие» и рекрутские. Мы позволим себе привести здесь отрывок из одной из них, а другую, которая не была напечатана до сих пор, всю.

Батькам було добре
На Вкраїні жити,
А синам досталось
Панщину робити.

Далее жалуется ветер, у которого орел спрашивает, не видел ли он казацкой славы.

А вот рекрутская песня, в которой прекрасная форма старой украинской песни уже попорчена, но еще остался старый дух протеста:

Прийшла карта до двора, до двора,
Що рекрутов братъ пора.
Прийшов соцький, прийшов вйт,
Прийшов вйт, я из хати та на тік.
Я із хати та на тік, та й на тік,
Там скловався в житній стіг.
А в стогові та найшли, та найшли,
Назад руки зв'язали,
Назад руки зв'язали, зв'язали
Та в присутствіе повели;
Та в присутствіе повели, повели,
Та під міру підвели.
Хлоп до міри не достав, не достав,
Панок грішми підсипав;

Панок грішми підсипав, підсипав,
Хлоп на віки та пропав.
Літ за двадцять я вернувсь, я вернувсь,—
Ні до кого пригорнутьсь:
Жінка з журби померла, померла,
Дочку взяли до двора,
Мого Гриця та й били, та й били
Та на віки забили.

XIX-й век не представлял условий благоприятных для поднятия тех гражданских войн, какие поднимались в XVII и XVIII веках в области южнорусского племени. Но старый казацкий дух не раз покушался прорваться в местных крестьянских восстаниях, которые, если представлялся удобный случай, угрожали охватить обширный край. Таких удобных случаев было в недавнее время по одному на галицко-угорских русинов и на народ нашего Юго-западного края. 1846—48 гг. в Австрии были временем венгерско-польским движением. Народ южнорусский, подвластный венгерским и польским панам, не поддержал их и даже высказался прямо за цезаря, которого правительство, угадав стремления народа, поспешило издать несколько полезных для него мер. Две песни гуцолов (русские горцы в Карпатах), напечатанные в сборнике г. Головацкого, в «Чтениях Московского общества истории и древностей» (1864, IV), отлично характеризуют отношения тамошнего народа к полякам и венграм, с одной стороны, и к правительству — с другой. Поляки и венгры, видно из песни, подбивали народ к восстанию, указывая на самое тяжелое для народа бремя государственной жизни: на наборы. Но, как говорит одна галицкая коломийка:

Ой волю я, пане брате, цісарю служити,
Ніж я маю вражим ляхам панщину робити! —

что и не удивительно при австрийском коротком сроке солдатской службы, а потому масса не поддалась революционной пропаганде и сочла для себя более выгодным поддержать «цесаря». Вот целиком другая гуцульская песня, которая представляет один из новейших памятников русского народного творчества в роде исторической песни. Кстати, читатель может видеть образчик языка одних из ближайших наших родичей между австрийскими славянами:

А Господи милосердний!
Єк ми бідовали,
А поки ми та панщину
Кежко відбували.
Слава Богу, же нам горазд
Тепер сесі літа,
Аже би наш тісар здоров,
Та й жив многі літа.
Бога просим за тісаре,
Ше чес, ше години,
Нам паншину подарував,
Абых не робили.
Бога просім за тісаре
Сараки (серые)-руснаки;

На тісаре нагнівав се
Венгер та поляки.
Ай бо венгер та й поляки
Біду наробили,
Тілько було в царе землі,
Усю сколотили (возмутили),
Ой Підгір'є спудилосе (испугалось),
Ше венгер женесе,—
Бога просім за тісаре,
Тісар не дасе.
Ой Підгір'є спудилосе,
Ше пас венгр зітне,
Бога просім за тісаре,
Чей се тісар зіпре.
Спудиласе уся Польша,
Польша та й Іршава,—
Та бо чей нас поратує
Сила москаleva.
Венгр Руса не боєвсе,
Не мав тої дійми,
Бо він не чюв, ще іде москаль
Вороними кіньми.
Того войска не богато,
Лиш три міліони.
А ек вийшли в Венгершину,
Стали на загони,
А лиш тілько московского
Венгер війска збачив,
Як загулив в загороду,
Окропом опарив.
То бо москаль поправивсе,
Заложив канони (пушки),
От так убив Венгершину,
Господи борони!
От так убив того венгра,
Ше лиш став, ек курка,
Вхопив собі толпу войска,
Та й утік під турка.
А газетьє не читаем,
Ніхто то не чює,
Але чи го видев турок.
Чи він там газдує (хозяйничає).

Этот «мотивированный цезаризм» составляет в последнее время самую характеристическую черту русского простонародья в Галиции. Австрийское правительство пользуется им, хотя, конечно, вполне последовательно не идет в ту сторону, куда желает народ; правительство принимает этот мотивированный, условный цезаризм за безусловный и думает, что, сдержив подогреваниями его революционное направление поляков или венгров, оно может успокоиться и даже попустить им слегка вожжи, рассчитывая опять, при надобности, поднять народный цезаризм. Опыты несколько раз удавались после 1846 года, и теперь в Венгрии русины предоставлены на волю венгров. Но весьма может статься, что правительство цезаря ошибется в рассчете, особенно, когда, становясь парламентарным, оно окончательно

станет аристократическим для Венгрии и Галиции. Тогда народ увидит и то, что цезарское правительство не исполняет условий, которые, положим, никогда не были юридически скреплены между народом русским и цезарем, но которые народ тем не менее в душе своей весьма сознательно считал заключенными; народ увидит, что и в правительстве уже нет цезаря, а остался только «венгр та поляки». Что он предпримет? Подавят ли народ или он восторжествует? Если случится последнее, то кто унаследует австрийскому цезарю? Во всяком случае, судя по песням, народ русский в Австрии глубоко и сознательно недоволен социальным порядком, и русские провинции этой империи стоят на вулкане.

Отношения южнорусского народа к последнему польскому восстанию в Юго-западном крае весьма напоминают отношения другой части его к революции польской и венгерской 1846—1849 г. Что делалось и, особенно, что думалось по селам и хуторам Юго-западного края между 1861—1864 г., до сих пор подробно неизвестно, но и теперь уже можно сказать смело, что предоставленный сам себе народ в Юго-западном крае покончил бы круче и радикальнее и, конечно, жесточе с польским восстанием и с обрушением края. Настроение народа против поляков настолько сильно, что его заметила еще администрация сороковых годов, которая, как известно, не очень-то обращала внимание на массы народа. Результатом этого внимания к народно-политическим отношениям Юго-западного края было составление инвентарных правил, которому не упустил народ посвятить и свои песни. Две из них напечатаны, и так как они помещены в малораспространенном провинциальном издании, то мы приведем их вполне.

Вот песня, рисующая панщину и прославляющая генерал-губернатора Димитрия Бибикова⁹⁶, превращенного народом в Никиту:

Вставай, вставай, громадонько,
Вставай, не лінуйся.
Та пайдемо до церковці
Богу помолимся.
Помолимось йому щиро (горячо),
Як за батька діти,
Щоб дав щастя й долю добру
Панові Микиті.
А пан той — наш губернатор,
Він нас слобоняє,
От проклятих панів-ляхів
Добре бороняє.
Слава тобі, генерале,
В віki вічні од нас;
Памятувати і дяковати (благодарить)
Будемо по сяк час.
Було перше ми днююмо
В пана на роботі,—
Спочивку не знаємо,—
Робимо голоті (голым панам).
А тепер ти зупинив їх
Цими йвантарями.

Налякав їхо. Може, й буде
Правда і між нами.
Слава тобі, генерале,
Ти наш славний тату!
Може, тепер веселійші
Ввідем в свою хату.

А вот другая песня, изображающая, что́ стало с инвентарями:

Губернатор наш Бібіков
Дав нам янватарі,
Щоб робити панам п'ять (?) день
Із кождої пари,
По три копі з чоловіка,
А дві копі з жінки,
Щоби жали в тиждень (неделя) літом
Панові в відрібки.
Зразу добре родилися,
Зполняли йвантарі,
А там стали шкури дерти,
Як і спершу дерли,
Цілий тиждень верзувати,
Як і верзували,
А в неділю ранесенько
До випису гнати.
Атамани з батогами,
З нагаєм гуменний,
На роботу цілий тижень
Гонять, мов скажених (бешених).
Правдивії янватарі
Твої, генерале,
У кухверки поховали (спрятали)
Чортові невіри!
Становії, що читали
Янватари тії,
Подружилися з ляхами,
Мов брати ріднії.
Вкупі б'ють нас,
Вкупі й обдерают
І до тебе, генерале,
З листом не пускають...
Ой не дай нас, генерале,
Тяжко забиджати,—
Свою долю сирітськую,
Гірко проклинати.
Не дай же їм, генерале,
Нас поневіряти (обманывать),—
Бо будемо й тебе, добрий,
Й тебе проклинати! *

Едва ли мы очень ошибемся, если скажем, что эта песня, наравне с другими, приведенными здесь, принадлежит к числу характерней-

* См. «Юго-западный край в последнее двадцатипятилетие (1838—1863)» В. Шульгина⁹⁷; отд. отиск из «Киевлянина»⁹⁸. Кстати, отчего так мало распространена эта во многих отношениях любопытная брошюра, тогда как плохие творения виленских историков переводятся даже на французский язык?

ших образцов обличительной поэзии последних времен. А ведь они сложены неграмотным народом!

Между 1861—1863 г., когда волновались поляки и приготавливали последнее восстание и в то же время их мировые посредники отрезывали у крестьян поземельные участки и вводили выкупные договоры по «добровольному» соглашению с участием войск,— приготавлялся к чему-то и народ. Поляки что-то чуяли, чего-то боялись, приписывали враждебное настроение народа пропаганде украинофилов, на которых и старались направить преследования правительства, то силились сами овладеть народом, приодевшись украинофилами. Нашему обществу смутно известна эта темная история, о которой еще не пришло время говорить с полнотою и беспристрастием историка, для которой нет почти обнародованных материалов. Настроение народа 1861—63 г. и его отношение к польскому восстанию характернее всего рисуется несколькими песнями об отмене крепостного права и одной песней о самом повстании, которые напечатаны в «Киевлянине». Одна из этих песен так рисует положение крестьян при крепостном праве:

Ой, не треба гірше,
Як це ми зазнали,
От тих панів-ляшків
Лиха скуштовали!
Мучили нас; та й валяли
Ці ляхи завзяти,
Гадюками називали.
Нех вони прокляти!
С паном мужик, як стрінеться,
То до землі низько гнеться,
Бо мусили так робити,
Коли хотіли ще жити.
Колись били, катували
Посторонками в'язали,
А пан-лях ще сміється,
Люльку курить та й дереться:
«Бийте моцній мужика,
Нехай знає psia jucha,
Що пан стоїть уваженья,
І нема тут ізвіненья,
Нехай шапку здіймає.
Не хтів — в шкуру достає!»

Другая песня изображает отлет панчины и беспомощность панов и отношение крестьян к тому, от кого пришло им освобождение:

Ой летіла зозуленка поверх гори, села,
Чогось наша громадонька смутна, невесела.
Сіла собі на заборі та й стала кувати:
«Збирайтесь, громадонька, щось маю казати!»
Наїхали становій, стали говорити:
«Не будете, люди добри, панчиши робити!»
Наїхали мировій та й стали казати:
«Не будете пред панами шапок здіймати!»
Ой летіла дика качка, сіла в очереті,
Утікала панчинонька в темні пущі, нетрі;
Не сама ж вона утікала, громадонька гнала!

Як загнала в пущі, нетрі, там вона пропала.
Ой летіла птиця-пава, серед села впала,
А в місяці февралі панщина пропала;
А два пани, а два пани, а два атамани
Вісімнадцять ланових, а еден підданий.
Аж виходить стара пані на затинні двері:
«Вернись, вернись, панчинонько, хоча до вечері!»
— Не вернуся, не вернуся, я вам була вірна,
Не вміли мене шановати, я с того не винна! —
А в нашого оконома нагай за плечима,
За ковніром купа вошій з чорними очима *.
Збираються комісари на тихеє озерце.
Чим би мужика пиняти? Щоб виняли серце!
Як вони там зібралися, стали говорити:
«Що ми будем, рапіє bracie, тепера робити?
Бо не вмієм ми косити, наші жінки жати,
А нема вже нам кому панщину отбувати,
Хіба підемо на шляхи учитися красти!»
Подякуймо бо ми Богу да своєму цареві,
Що він зробив добродійство в своєму краєві,
Подякуймо ми цареві і своїй цариці,
Бо не ходять на панщину наші молодиці,
Подякуймо ми цариці, ще своїй царевні,
Що вона нас порівняла с ляхами нарівні!

Понятно, что при таком образе мыслей народ не мог отнести к сочувственно к новому восстанию в 1863 г. Одна песня изображает повстание как один из выходов, который придумала себе шляхта, лишившись крестьян. В самом деле, некоторые шляхтичи думали поправить свои обстоятельства в случае успеха повстания:

Єден праграв добри коні,
Другій продав сани нові,
А остатній догадался,
За шильгину — в ліс склався!
А ми їх ціпами гнали
Посторонками в'язали;
Колись пани кров з нас пили —
За теж ми їх віддячили!
Панованье нам вбищали,
Золотую (грамоту) нам читали;
Власне панство їх в Сибірі
Ой широко! Нема міри.

Наконец, следующая песня, рассказывающая об одной из крупнейших стычек во время повстания в 1863 г. в Юго-западном крае в селе Соловьевке Радомыльского уезда, представляет отношение крестьян и панов-повстанцев во всей их жестокой реальности:

Шли поляки на войну
За свою рідну ойчизну:
«Або нам Польшу одбити,

* Намек на другую песню, в которой изображается процветание крепостного права: там на экономе «червоная шапка» и «шовкові онучі», теперь же остался от старой роскоши только «нагай», которым некого бить.

Або на світі не жити».
Там їх нещастя спіtkalo,—
Вийшло мужицтва немало,
Стали поляків спиняти,
Стали поляки казати:
«Ви, люде добрі, не бийте нас;
Ми вас одзволим от біди,
Тілько не робіть нам шкоди».
Так збиралася громада,
Була меж ними порада:
«Нум ми поляків, нум бити,
Бо вже нам з ними не жити!»
Забрали булавки в руки,
Предали смерти ще й муки:
Свердлами груди вертіли,
Гроші забрали — лічили (считали).

Песня, как видно, находит даже естественным со стороны поляков восстание, называет их поражение «несчастием», передает вполне сознательно предложения от инсургентов, не скрывает жестокостей и грабежа крестьян, но передает главный мотив жестокости: «нам з поляками не жити...»

Такое ясное сознание народа делало *обязательным* выкуп крестьянских земель и те меры, которые приняты были в Юго-западном крае по крестьянскому вопросу с 1863 г. Положили ли они хоть начало мирному сожительству народа с «ляхами»? Покончили ли они тот великий национально-социальный вопрос, который народ считал открытым в течение трехсот лет и за решение которого он то кроваво, то мирно принимался столько раз? На это ответит будущее.

Таким образом, мы проследили в главных чертах ход литературного малорусского творчества от времен варяжских до последних дней. Какой же характер оно носит, где его идеи? Чем проявилась Малороссия в ее истории словесности? Нам кажется, вот в чем: во времена велиокняжеские народ южнорусский или, по крайности, высшие его слои были, разумеется, движимы военным духом и желанием добычи, но это военное настроение рано приняло характер земской защиты («Завещание Мономаха» и «Слово о полку Игореве»); во всяком же случае, век героический на юге Руси представил грандиозные образы воинов, в которых непосредственная дикость военная скрашена тем эстетическим колоритом героизма, который является всегда, когда военные движения народа получают и другую цель, кроме добычи, напр., защиту слабого (смерда — у Владимира Мономаха), войну за веру, наконец, славолюбие. Этот же героический эстетизм поднимает на юге России, как и везде, положение женщины, по крайней мере, хоть исключительных женщин. Образы героев, которых «слава не умре, не поляже», их «милых» мелькают перед нами и в приведенных колядках и особенно в «Слове о полку Игореве» и остаются навсегда отличительной принадлежностью украинской поэзии и жизни.

С XVI в., кроме земской и национальной защиты, которой посвящена казацкая поэзия и историография, в южнорусской жизни и литературе сильно проявляется стремление к просвещению с довольно сильным стремлением к свободе и разнообразию личного мышления. С конца XVII и в XVIII в. видно стремление к самосознанию в историографии и в попытках того реально-сатирического отношения к жизни, которое могущественно повлияло и на великорусскую цивилизацию через Гоголя. Историография южнорусов с XVII и XVIII в., в особенности «История русов», пыталась вместе с тем провести известные начала самоуправления, а народ своей историей показал, что он готов на все ради получения свободы личной, в своей же поэзии показал, что он вполне сознательно боролся за эту свободу. Почти на всех пунктах книжной литературы в Южной Руси XVIII-й век представляет какой-то обрыв. В религиозном же движении в сторону протестантизма и религиозного разнообразия мы видим обрыв его в XVII веке, и только в народной поэзии тянется нечто непрерывное — это стремление к социальной свободе и протест против рабства, оттого, начав речь о южнорусских думах времен казацких, мы не могли остановить ее на цветущих временах этих дум и должны были дойти до песен о венгерском и польском восстаниях 1848—63 годов. Несмотря на меньшее совершенство формы, эти последние произведения ясно показывают, что народное творчество не оскудело окончательно, что народная мысль внизу сохранила еще до сих пор свои характеристические черты и основное направление. Как же велик перерыв, совершившийся в истории южнорусской мысли и слова в XVII и XVIII в. вверху общества? Был ли он или есть окончателен? Или и здесь продолжалось в известном направлении народное творчество и здесь оно создало что-нибудь, хоть сколько-нибудь прочное, сколько-нибудь пригодное для нравственного капитала русского общества? Но ответ на это выходит из предела задачи настоящей статьи.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ МАЛОРУССКОГО НАРОДА С ОБЪЯСНЕНИЯМИ ВЛ. АНТОНОВИЧА¹ И М. ДРАГОМАНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Благодаря собраниям Цертелева (1819)², Максимовича (1827, 1834, 1849), Срезневского (1833—38), Лукашевича³ (1836), Метлинского⁴ (1854), Кулиша (1856, 57), Костомарова⁵ (1859) и др. в России и Вацлава з Олеска⁶ (1833), Паули⁷ (1839—40), М. Шашкевича⁸ (1837), Головацкого (1863—72) и др. в Галичине, Буковине и Венгрии давно уже обращено внимание на малорусские народные песни и давно уже рядом с эстетическими достоинствами лирических песен высоко оценен знатоками исторический характер многих малорусских *дум* и *песен*. В каждом из сборников малорусских песен мы встречаем и отдел песен, которым у нас, в России, присвоено название *исторических*, т. е. таких, которые говорят *о лицах и событиях*, большую частью известных и из писанных источников и игравших видную роль в истории народа (в других странах часто называют историческими вообще песни повествовательные). Относительная многочисленность в таком смысле исторических песен в ряду других уже сама по себе составляет одну из характерических особенностей устной поэзии малорусского народа. Для полноты оценки таких песен чувствуется потребность систематического их свода, тем более необходимого, что они печатались в течение более чем 50 лет в разных изданиях, из коих иные теперь стали библиографическою редкостью. Необходимо свести тексты и варианты песен, необходимо затем объяснить их, сообразно той степени, на которую теперь поднялась наука истории малорусской; необходимо, наконец, и отделить, что есть подлинного, народного в том, что принималось и выдано за таковое в прежние, менее разборчивые времена, а что поддельного. Только после такой работы историческая поэзия малорусского народа станет вполне понятна и станет сама надежным источником для истории народа, а затем может быть верно оценена и творческая сила самого народа, ее произведшего и удержаншего в памяти в течение веков.

Настоящее издание есть опыт такого полного и критического сборника исторических песен малорусского народа. Мысль и план этого сборника были встречены собирателями и исследователями с

большим сочувствием: покойный М. А. Максимович, Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, Н. М. Белозерский, Н. В. Лысенко, прежде издавшие записанные ими песни и доставившие немало материала для других сборников, напр. для сборника покойного А. Л. Метлинского, предоставили в наше распоряжение как печатные, так и рукописные сборники свои. Кроме того, нам переданы рукописные собрания гг. Неговского, Маркевича⁹, Носа¹⁰, Мартынова¹¹, Новицкого¹², Чубинского¹³, Сеницкого¹⁴, Штангеева¹⁵, Стоянова, Шиманова, Андриевского¹⁶, И. Я. Рудченка¹⁷, А. Я. Рудченка¹⁸, А. И. Лоначевского¹⁹, Е. В. Судовщикова²⁰, Л. В. Ильницкого²¹, Русова²², Залюбовского²³, Лободовского²⁴, Ганенка²⁵, Зайкевича, Симашкевича²⁶, Руданского, Кропивницкого и др. и из Галичины — гг. М. Бучинского²⁷, Белинского²⁸, Стефановича и др. лиц, которые поименованы дальше под песнями, ими сообщенными. Большая часть этих лиц, а также много других помогали нам советами, справками, наконец, трудом при переписке и сведении вариантов настоящего сборника. Нам нечего говорить о нашей личной благодарности за весь этот труд и эту предупредительность, так как услуга эта оказана дорогому всем просвещенным людям делу изучения народа.

Ход работы по выбору, сведению и объяснению тех песен, которые с первого взгляда принимаются за исторические, т. е. песен с именами лиц и событий, записанных в летописи, привел нас постепенно к необходимости принять термин *исторические песни* несколько шире, чем принимали его другие издатели. Именованные лица и события могут быть поняты только в связи со всею обстановкою, их окружавшою; они — только внешние показатели тех процессов, какие происходят в общенародной жизни. Поэтому мы остановились на мысли издать под привычным, хотя и не совсем точным по своей общности, именем «Исторических песен малорусского народа» все песни, в которых отразились изменения *общественного строя* этого народа, как другие песни отразили на себе историю его религиозно-обрядовой, другие — семейной, экономической жизни. Отобрав в печатных и рукописных сборниках песни в этом смысле слова исторические, как бы они не назывались по их форме, мы получили *поэтическую историю общественных явлений в Южной Руси* по крайней мере от IX в. до таких современных событий, как прекращение панцины и венгерское восстание в Австрии в 1848 г. и как освобождение крестьян и польское восстание в России в 1861—1863 г. Богатство такого рода песен и яркость, с какою сохранились в них черты столь долговременной истории, тем более поразительна, что все наши песни записаны в самое последнее время, в XIX в., и все сохранены в памяти неграмотного сельского народа. Чтоб оценить с этой стороны значение малорусской народной поэзии в науке сравнительной истории словесности, довольно будет напомнить, что в стране со столь давней и разнообразной писанной историей, как Сицилия, только несколькими стихами в одной песне вспоминается время короля Гульельма (II), правив-

шего в к[онце] XII в., упоминается с намеком на его закон *de violatione thori*, — и вообще отдел исторических песен далеко не богат и состоит большою частью из коротких песен, редко касающихся событий и жизни раньше XVI в.*. Самая старая песня образцово изданного Мюнхенской академией с помощью короля Максимилиана II сборника Р. Лилиенкрона²⁹ „Die historischen Volkslieder der Deutschen vom 13 bis 16 Jahrhundert“ (Leipzig, 1865—1869, I—IV, с музыкальным приложением) относится к событию 1243 г., да и она, как и все почти песни сборника, взята из старой рукописной хроники, так что такие песни могут быть сравниваемы скорее с нашими памятниками, как «Слово о полку Игореве» или виршами XVII в., чем с народными песнями в русском смысле слова. Отчего бы ни произошло такое богатство песен исторических у сельских малоруссов, хотя бы оно обусловливалось не только более общенародным, чем сословным характером старой истории края, но и относительно слабым развитием городских классов и их писанной литературы, во всяком случае это богатство остается явлением замечательным, облегчить изучение которого назначен настоящий сборник.

Мы разделили сборник наш на части, сообразно изменениям истории народа и участия его в определении судеб родины. Не заходя в очень седую древность, исследование которой на основании народной поэзии будет всегда полно натяжек, мы принимаем за исходный пункт политической истории южнорусского народа образование военных дружин, которые, имея потом во главе своей князей из рода Рюриковичей³⁰, заведывали судьбами Южной Руси до татарского нашествия и после изменения правящей династии на Гедиминовичей³¹ — до $\frac{1}{2}$ XVI в., до Люблинской унии Литовской Руси с Польшею. Хотя под более или менее аристократическою дружиною на Руси пользовались более или менее сильным значением и народные общины, но дружины, как наиболее активная часть населения, очевидно, превосходила другие части в творчестве песен политического характера, почему мы и должны были дать первой части песен нашего сборника заглавие 1) Песни века дружинного и княжеского. Пересмотрев эти песни, читатель увидит, что городские веча, — рада мещан, — если и встречаются в них, но на втором плане, сравнительно с дружиной, которая потом перешла в боярство, и ее вождями.

С XVI в. в области малорусского народа, попавшего в государство Литовско-Польское, начинает сильно проявляться процесс отделения высших правительственныех слоев от мас народа, причем эти высшие слои принимают чужую, польскую, народность; в то же время, вследствие появления турок на берегу Черного моря, с 1475 г. вновь подни-

* Смотр.: Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliane per cura di Giuseppe Pitrè³², Palermo, 1871, I, 97—130, 399—410 (Storia, anecdoti) и II, 114—373 (leggende e storie, где большая часть песен балладного и религиозного характера).

мается сила татар, которые было усилениями литовско-русских князей с XIV в. и русской колонизации, дошедшей в XV в. до самого моря, были отодвинуты в Крым и к устью Дуная. Из народа начинает выделяться вторичный военный элемент, казачество, который берет на себя инициативу в защите страны, труда и цивилизации от татар, а затем и в защите народности и свободы от польского правительства и панов, начав борьбу с ними из-за уравнения своих прав с правами старого дружинного сословия, превратившегося в поземельную аристократию. В начале борьбы с татарами и турками новый, казацкий элемент совпадает с некоторыми представителями старого, княжеско-боярского, а в деле борьбы с польской аристократией он сливается с духовенством, недовольным унией 1595 г., и с народными массами, поспольством, недовольным складывающимся постепенно крепостным, панско-жидовским строем хозяйства. Эта сложная и многосторонняя борьба казачества с враждебными ему элементами приводит к подчинению части Малороссии Московскому государству в 1654 г. Тут, особенно с превращением этого последнего в Российскую империю, с одной стороны, продолжается казачеством то совместно с силами русского государства, то самостоятельная борьба против татар и турок, борьба против польской аристократии и католического духовенства, а с другой — начинается борьба местного казацкого строя с центральным государственным строем; вместе с тем казачество малорусское призываются на служение военным интересам государства в новых местах: на северо-западе и юго-востоке империи. Среди таких обстоятельств, в которых находилась значительная часть области, населенной малорусским племенем, а особенно Поднепровье, с XVI — по половину XVIII в. развилась богатая II) Пoэзия казацкого века, составляющая вторую часть нашего сборника.

Между тем как казачество доживает на левом берегу Днепра и на Запорожье, в XVIII в. на правом берегу и в Галичине, оставшихся под властью польского государства, продолжаются религиозные преследования против православных, достигающие максимума между 1764 и 1768, особенно во время Барской конфедерации 1768³³, кроме того, вновь усиливаются порядки крепостного, панско-жидовского хозяйства. Народ по-прежнему стремится свергнуть их и выделяет из себя как протест в Галичине легиников, по-польски опрышков, в Украине гайдамак, из коих первые связываются с разбойниками, не перестававшими водиться в горах Карпатских, а вторые — с Запорожьем, не перестававшим считать своей обязанностью борьбу за веру и волю. Результатом всех этих причин является взрыв, известный под именем Уманской резни, или Коливщины, — 1768 г. Среди таких условий, продолжающихся до самого раздела оставшейся у Польши области малорусской между империями Русской и Австрийской (1772—1795), образуются III) Песни века гайдамацкого.

Уничтожение гетманства казаков малороссийских (1765), разорение Сици (1775), закрепление народа, «попольства», старшине ка-

зацкой, превращенной, согласно давнему ее желанию, в великорусских дворян, и этим последним получивших богатые поместья в Малороссии (1782—1793), падение Польши (1772—1795) с укреплением прав польских панов над малорусским крестьянином Грамотою о дворянстве и более мягким для крестьян австрийским регламентом о работах, *панцине* (1774), подробная регламентация участия масс народа в военной службе русской и австрийской — все это явления почти одновременные. Они открыли новую эпоху песенного творчества малорусского, создали IV) *Песни века рекрутского и крепацкого*, которые вобрали в себя и преобразовали и многие песни более ранней эпохи. Там и сям мелькает в песнях этих воспоминание о прошлом, память о современных событиях государственной жизни, преимущественно военных, но главное внимание народная песня сосредоточивает на тяжести рекрутства и крепостной работы, отвечая сначала сочувственно, а потом с разочарованием на такие опыты, как введенные в 1847 г. в юго-западном крае инвентари.

Отмена обязательных в пользу панов работ в Австрии в 1848 г. и освобождение крестьян в России в 1861 г. создают новые V) *Песни про волю*; обе эманципации сопровождались восстаниями нерусских аристократических элементов против центральной власти, в австрийской Малороссии — поляков и венгров, в русской — поляков, а потому малорусские песни о воле сливаются с песнями о венгерском и польском движении в Австрии в 1848 г., в России в 1863 г.

Вот те пять частей, на которые естественно делится наше собрание и которые, в свою очередь, распадаются на несколько отделов.

В настоящем томе мы помещаем первую часть «*Песни века дружинного и княжеского*» и первый отдел второй части «*Песен века казацкого*» — «*П[есни] о борьбе с татарами и турками*». Другие отделы этой части: 2) *Песни о борьбе с поляками при Хмельницком*; 3) *П[есни] о гетманщине до 1709 г.*; 4) *П[есни] о падении казацества*; 5) *Песни казацкие без ясных следов определенного времени* — все эти песни должны быть, по необходимости, отнесены в следующий том, который не замедлит появиться в свет.

В настоящем виде первый том, с песнями от IX в. до второй половины XVII в., представляет собою нечто целое, насколько существует сходство в мотивах жизни: общественной древней Руси Киево-Галицкой и казачине XVI—XVII в. Большинство песен первой части рисует первые непосредственные проявления военной энергии южнорусов в степи и на море и первые их усилия распространить свою колонизацию на Юго-Востоке и Северо-Западе и защитить ее от набегов кочевников — те самые мотивы, которые легли в основу более развитых песен и дум о борьбе казаков малорусских с более организованною силою турок и татар в XVI—XVII в.

Редкая песня в нашем сборнике оставлена нами без примечания; из этих примечаний, надеемся, составятся перед читателем и картины эпох, в какие возникла и сложилась та или другая песня, а потому нам

нечего много говорить здесь о тех эпохах, от которых остались нам песни, приводимые дальше. Мы скажем лишь немного о выборе и о расположении нами песен в этом томе и о характере и цели наших примечаний к песням.

Большая часть песен первой части такого рода, какой, благодаря старому поверхностному делению песен на лирические и эпические, долго оставлялся без внимания исследователями древнейших остатков исторической (общественной) поэзии русского народа. Это *колядки*, *щедривки* — обрядные и *гаивки* — игровые песни. Что такие песни древнее всех других по образованию (исключая, конечно, тех, которые складываются по образцу старых, напр., христианские славословия, по образцу колядок и т. п.), что обрядное значение этих песен способствует сохранению их в более древнем виде — это требует доказательств. Но нынешнее, преимущественно праздничное, употребление этих песен делает исследователей наклонными к априорному мнению, что в них можно найти исключительно мифическо-религиозный материал. Между тем, если даже не касаться той стороны дела, что везде эпос исторический связывался с эпосом мифическим, вряд ли теперь априори можно оспаривать то предположение, что если в колядках, щедривках, не носящих на себе следов христианства, следует искать остатков древнейшего русского славословия богам, то в колядках же и щедривках надо искать и древнейших славословий героям и князьям. Уже г. Кулиш в «Записках о Южной Руси» (1856, т. I, стр. 196) указал на вероятность того, что между щедривками есть песни, которые должны были петься в честь князей древнерусских. В 1870 г. в статье «Малороссия в ее словесности»³⁴, напечатанной в «Вестнике Европы» за май, были приведены несколько колядок как остатки русского героического эпоса эпохи велиокняжеской. Те же колядки были признаны за таковый остаток г. Костомаровым в статье «Об историческом значении южнорусской народной поэзии», напечатанной в «Беседе» 1872 г. Теперь мы помещаем те колядки, щедривки и т. п., в которых, по нашему мнению, можно видеть явные следы дружинно-княжеской эпохи, сопоставляя их с летописными сказаниями и выражениями*. Быть может, не все наши объяснения к этим песням будут признаны читателем чуждыми натяжек; мы не стоим особенно на всех тех объяснениях, в каких мы усматриваем связь той или иной песни с известным определенным лицом. Гораздо больше придаем мы значения тем чертам быта и эпохи, удельной, какие, думаем мы, вполне ясны в большей части, если не во всех песнях, приводимых нами в I части. Доказывая, как мы думаем, ясно, что на юге Руси, в той самой стране, где сосредоточивалась история Руси домон-

* Колядки героического характера, но с резким фантастическим характером в целом или в подробностях, как ни интересны они для вопроса о переходе эпоса мифологического в героический, мы оставили в стороне. А их очень много напечатано в сборниках г. Головацкого и г. Чубинского — «Труды этногр. экспед. в Юго-зап. край», т. III.

гольской, остались яркие следы этой истории в народной поэзии, хотя и не в форме былин великорусских, но в форме бесспорно глубоко древней и национальной, песни, приводимые в нашей первой части и другие, в таком роде, которые могут быть открыты или указаны другими исследователями, должны быть принимаемы во внимание прежде всего при обсуждении вопроса о древнейшем русском героическом и историческом эпосе и о древности и национальности самих великорусских былин. Почти все песни такого рода, выбранные нами в первую часть, составляют принадлежность исключительно Южной Руси: только некоторые из выражения находим мы в соответственных песнях западных славян; только одну колядку находим мы и у поляков в целом, да и то в таком месте, которое дает основание предполагать заимствование у червонорусов [...]; ту же колядку находим и в белорусских «волочобных песнях», которые вообще отвечают малорусским колядкам, что при отличии их от песен даже столь близких народов, как поляки и великорусы, говорит в пользу древности и туземности как колядок, так и волочобных песен. Указываем в заключение на то обстоятельство, что песни, в каких мы видим наиболее следов удельной эпохи, доставлены главным образом западной Малороссией, Подлясией и Галичиной, что и естественно, если вспомнить, что Поднепровье часто опустошалось и, будучи центром позднейшей казацкой истории, развило и сохранило преимущественно песни казацкой эпохи, от XVI в., Галичина же и Волынь продолжали и в XIII—XIV в., после разгрома Киево-Переяславской земли татарами, ту жизнь, какая преобладала на всей удельной Руси в XII в. Песни с чертами более поздней боярской эпохи доставлены главным образом тоже частью Галичиной и Волынью, частью Полесьем, так как в Галицко-Волынской земле преимущественно окрепло феодальное боярство еще в XII в., а Волынь и Полесье были одними из центров феодального Литовско-Русского княжества в XIV—XV в. Таким образом, каждая часть старой Руси дает нам преимущественно перед другими материал для характеристики последовательных наслоений ее культурной истории.

В большинстве песен второй части следы эпохи их сложения запечатлелись так ярко, что трудно не заметить их. Это XVI—XVII в. Только относительно песен, которые в общих чертах рисуют татарские набеги, песен, которые мы ставим во главе отдела, может быть поднят вопрос, но не о том, новее ли они XVI в., а скорее о том, не древнее ли они, не зачались ли они в первую эпоху татарских набегов, в XIII—XIV в. В песне № 22 читатель найдет намек на бытовую подробность глубокой древности, засвидетельствованную письменным памятником VI в. Не отрицая возможности зарождения многих из песен о татарских набегах и в раннюю пору, ни того, что многие песни глубокой древности о борьбе русского народа с разными врагами могли потом приспособиться к песням о народе, с которым дольше всего приходилось бороться, с XIII по XVIII в., как приспособились и

некоторые песни первой части (№№ 6, 7, 8), мы все-таки думаем, что наиболее характерные песни наши о набегах татарских скорее следует отнести к XV—XVII в., чем к XIII—XIV в. Как ни тяжко было нашествие Батыевых татар на Киево-Галицкую Русь в XII в., но все-таки эта Русь скоро оправилась от погрома и даже внушала к себе страх у татар и скоро перешла к наступательным действиям против них, так что эта эпоха вряд ли может быть названа временем *ига монгольского* для Руси Юго-западной в той мере, какой она была для Руси Северо-восточной. Уже при Даниле Галицком³⁵ русские осмеливались побивать татар, а Ольгерд³⁶ и Витольд³⁷ нападали на татар в самом Крыму, в степи Пятигорской и уводили татарских пленных на Волынь и в Литву. Еще в XIV в. Ольгерд очистил от татар Подолию, и в XV в. литовско-русские поселения между Днестром и Днепром доходили до самого моря, откуда в Константинополь шла правильная торговля хлебом. Буджакская орда³⁸ у нижнего Дуная и Крымская орда были таким образом разделены и должны были жить мирно с Юго-западной Русью. Появление турок в 1475 г. в Крыму и затем у Очакова, подчинение ими Крымского ханства, Молдавии, заложение крепостей на северном берегу Черного моря открывает в истории Южной Руси эпоху, которая если не может быть названа временем *ига татарского*, так как и теперь власть татар над этой Русью не была признана и еще менее могла быть речь о поголовной переписи и дани, чего не делали татары в Руси Киево-Галицкой и в XIII в., то зато эта эпоха может быть с полным правом названа временем наиболее тяжкого действия над южнорусами меча и бича татарского. Набеги следовали за набегом со времени Менгли-Гирея, тем более, что с этого времени Малороссия становится и предметом и отчасти театром спора между Литовско-Польским и Московским государствами, причем начиная с союзника Ивана III, Менгли-Гирея, татары становятся орудием то одного, то другого государства. Южная Русь обращается в место ловли татарами невольников, а Крым становится одним из главных невольничих рынков в мире, снабжая нашими пленными Турцию, отчасти Азию и Африку и самые христианские государства, которые не стеснялись покупать у турок пленников русских для своих галер. (См. примечан. к №№ 30, 31, 45.) Так прошел конец XV и большая половина XVI в., пока казацкая колонизация в степях южных опять не вступила с татарами и турками, которые, заметим, в наших песнях стоят рядом и смешиваются, не вступила в спор за обладание и степью, и берегом моря. В эту эпоху должны были сложиться приблизительно в том виде, как мы имеем их теперь, те песни, которыми мы начинаем II часть. В эту же эпоху окончательно сложилась и характерная форма украинской думы, которой самые старые образцы, конечно, дума о *неволе турецкой* (№№ 30 и 31) и о *побеге трех братьев из неволи турецкой из Азова* (№ 35). Если, как это всеми признано, дума украинская по своему более мерно-прозаическому, чем стихотворному изложению сходна с «Словом о полку Игореве», которое можно назвать южнорус-

скою думою XII в., не имевшою только рифмы новейшей украинской думы, то во всяком случае характерно, что некоторые кобзари, дожившие до наших дней, называли всякую думу *невольницкою псальмою* («*се невольницька, псальма настояща*»). Впрочем, и «Слово о полку Игореве» есть на добрую долю сказание о неволе братьев Игоря и Всеволода у половцев. Прочитав эти «невольницкие» думы и прозаические показания современников, приводимые нами в примечаниях к каждому №-ру, читатель яснее поймет историческое значение казачества, которое собственными силами начало борьбу, сделавшую возможным правильный труд на огромной полосе России, начало в то время, когда удаленные от театра турецко-татарских набегов центры государств Польского и Московского не могли еще последовательно приняться за дело реакции татарам (на юге) и туркам; поймет, почему казаки, аванпост русской колонизации, непосредственно подверженной нападениям, не могли сообразовать своих отношений к татарам и туркам с колебаниями польской и московской дипломатии, которая периодически вступала в мирные договоры с государствами мусульманскими.

Со второй половины XVI в. начинаются песни, которые можно уже смело приурочивать не только к известной эпохе, но и к известным лицам и событиям, как в этом убедится читатель из сопоставления текстов песен с выписками из исторических сказаний, приводимыми нами в примечаниях к песням.

Делая вообще эти примечания, мы руководствовались, кроме объяснения состава песни, имен и важнейших предметов, в ней упоминаемых, главным образом желанием выписать из прозаических источников, туземных и иностранных, как можно более материала для того, чтобы можно было судить, *насколько песни, сохранившиеся в памяти поселенника малорусского в течение стольких веков, представляют поэтическое воспроизведение реальных образов действительности этих веков, последовательно сменявшейся*. Мы далеки от мысли, что привели все, что должно было привести в объяснение каждой бытовой подробности, напоминаемой или изображаемой песнею. Над нашими песнями еще много предстоит труда в том роде, какой мы сделали в примечаниях к ним, и только тогда песни эти явятся во всей своей цене. Во всяком случае, надеемся, что и настоящее издание покажет читателю реальный художественный характер песенного творчества малорусского народа.

Каждый отдел мы заключаем такими песнями, которые, нося в своей редакции следы той эпохи, куда они помещены, в то же время по сюжету не принадлежат исключительно малорусской поэзии и должны быть причислены к роду *бродячих песен*, более или менее общеевропейских. В таких случаях мы приводим в примечании ближайшие варианты из песен других народов по возможности целиком, другие сходные резюмируем. Так как окончательное решение вопроса о месте образования и способе распространения бродячих песен и рассказов

требует обширного исследования песен и сказаний всех народов, для чего теперь еще далеко не собран весь материал, а даже из собранного мы далеко не все можем иметь под рукою, то мы и не брали на себя решать вопрос о происхождении всех тех из бродячих песен, какие помещены у нас. Мы считали только своею обязанностью указать на известные нам родственные нашим песни других народов и разгруппировать их по степени их сходства. Собственно, такие песни столь мало заключают в себе оригинально-национального, что редкая из них может быть принята в наш сборник. Но таких песен, общих малорусской поэзии с другими западными, немало. Мы выбрали из них только те, которые носят на себе следы редакции, совершившейся под влиянием известной определенной исторической обстановки. И эти немногие помещенные нами песни такого рода указывают на настоятельную необходимость предпринять сравнительное изучение малорусской народной поэзии как в видах отделения в ней туземного от пришлого, так и в видах определения степени культурного общения малорусов с другими народами, прямого и посредственного.

Сравнительные примечания найдет читатель и при некоторых песнях, туземность которых мы не думаем подвергать ни малейшему сомнению. Сравнение в таких случаях помогает освещению характерных особенностей наших песен, какие, впрочем, выставляются во многих подробностях передачи и тех песен, которые трудно признать туземными.

Нам остается сказать еще об одном обстоятельстве. Читатель не встретит в настоящем томе некоторых песен и дум, которые помещены были в других, прежде бывших изданиях. Дело в том, что и с малорусскою народною поэзией повторилось то же, что со всеми почти другими: ее памятники не только подправляли издатели, как это делал, напр., с великорусскими песнями Макаров, считая их в подлинном виде слишком грубыми, мужицкими, как сделано это с большею частью песен в доставленном нам рукописном сборнике Мартынова, из коего мы поместили некоторые образцы (см., напр., № 42, вар. Д), но иные песни совсем переделывались, а другие — подделывались. Подобный пример в Западной Европе представляют призванные теперь всеми знатоками переделки и подделки в произведшем в свое время столько шума и представляющем действительно большие достоинства, литературные и этнографические, сборнике бретонских песен Barzaz-Breiz Вилльмарке (1 изд. в 1839 г., с тех пор до 1867 г. семь изданий) *. В числе вопросов для Congrès scientifique de France, который собирался в 1872 г. в Saint-Brieuc, был заранее поставлен вопрос: «faire l'*histoire authentique* des chants populaires de la Bretagne³⁹ — и с тех пор кельтисты Франции, Англии и Германии

* См. об этом: Luzel «De l'authenticité des chants du Barzaz-Breiz de M. de la Villemarqué», 1872. О других подделках кельтских песен см. у Luzel. «Cwerzion Breiz Izel», 1868, p. 284, 285, 74, 75.

решили вопрос не в пользу подлинности песен Вильмарке. В программе третьего русского археологического съезда поставлены вопросы о малорусских думах, аналогичные с вопросом о кельтской, и трудно сомневаться, что и тут строгая критика признает подделки, вроде тех, какие открыты в кельтском сборнике. Кроме какого-то странного инстинкта к фальсификации, переделывать и подделывать песни и думы малорусские заставляли многих своеобразный патриотизм, русский и польский, стремление показать в народных песнях следы памяти о глубокой древности, что заметно в подделке думы «О походе князя-язычника в Византию»⁴⁰, сообщенной г-ну Кулишу Шишацким-Ильичем, в песнях, в коих упоминается Чернобог, Радзивилл и т. п., помещенных в «Памятниках нар[одного] творчества в Северо-зап[адном] крае», то провести приятные авторам мысли, напр., доказать поддельною думою симпатии казаков к Стефану Баторию⁴¹ и польскому правительству (напр., в думе, сообщенной для «Запор[ожской] старины», I, стр. 77) или же, наоборот, перенести чувства виленских патриотов 1863 г. к полякам в народную песню («Памят[ники] народного творчества Северо-зап[адного] края», стр. 7—116) и т. п. и т. п. Надо, впрочем, сказать, что из всех дум, которых поддельность мы считаем возможным доказать, некоторыми литературными достоинствами отличаются только дума «Поход на поляков», или «О трех полководцах», помещенная в первой книжке «Запорожской старины» Срезневского (1833), откуда ее заимствовал сборник Максимовича, 1834 г. (стр. 27—35), сильно нравившаяся Гоголю, Белинскому (Сочин[ения], т. V, 86—90), помещенная в «Историч[еской] хрестоматии» г. Буслаева (стр. 1625) как «превосходная дума» и «образец малорусского наречия»⁴², изложенная также в «Истории русской литературы» Галахова⁴³ (I, 213—214) *, и дума «Восстание Наливайка», помещен[енная] в «Запорожской стариине», I, 86. Остальные подделки до того полны ошибок в языке, до того различаются от народных песен в характере, что даже странно, как могли они вводить так долго в заблуждение людей, знакомых с характером неподдельно народных песен и дум малорусских. Большая часть поддельных песен и дум (надо сказать, что в этих подделках смешиваются весьма неумело внешние особенности песни и думы) говорит о времени казачества от Наливайки до Хмельницкого, и тут мы видим занесенными в эти quasi-народные памятники все заблуждения и ошибки историков 30-х годов,

* В думе этой, кроме странного, неисторического подбора имен, из которых Максимович Степана Кукурузу (?) почему-то считает Степаном Остряницеем (Острянином), бросается в глаза отсутствие всякого действия, замененного тремя монологами, и в заключение разгульная песня, которую будто бы сочинил один из героев думы, Карпо Пивтора Кожуха, коего «История русов» заставляет быть похороненным в «горелочной бочке» (!). Песню эту находим дальше в сборнике, в отд. бытовых, и она будто бы до того понравилась народу, что он усвоил ее и «переделал на разные лады». Макс., оп. cit., 47. Замечательно, что, несмотря на похвалы, которые снискала эта дума, Максимович не поместил ее в сборник 1849 г.

а именно доверие к «Истории русов», с которойю большинство поддельных дум согласно в рассказе фактов в противность другим источникам и актам, чего в народных думах именно и не замечается,— перенесение Савы Чалого из XVIII в. в XVI, во время Наливайка, которому поддельные думы делают современником и современника Чалого Гнатка Голого, делая в то же время из *кравчины*⁴⁴, т. е. отряда, лицо, которое издатели принимают за Наливайку, и т. д. и т. д. (См. напр., Максим[овича] сборн. 1834, 20 и след. 78—95.)

Мы решились поступить с такими песнями и думами так: чтобы сложить с себя всякую ответственность в субъективизме, мы не выключим совсем песен и дум, какие считаем поддельными, из нашего сборника, но поместим их в самом конце с нашими примечаниями, в которых изложим, почему какую мы считаем поддельною. Так из числа тех песен и дум, какие читатель мог бы, по их содержанию, надеяться встретить в настоящем томе, мы относим в категорию поддельных следующие:

1) Дума-сказание о морском походе старшего князя-язычника в христианскую землю, см. «Записки о Южной Руси» Кулиша, т. I, стр. 172—178, сообщил Шишацкий-Ильич. Дума будто бы записана от бабы Гайдулихи, наполовину прозою, наполовину стихами, с непонятными и будто бы архаическими словами.

2) Две песни:

- a) «Быв на Руси Чорный Бог,
Пред ним стояв Туров рог» и пр.
- b) «В лиси в темном у Выслици
Среду бору на Кислици» и пр.

Стихи эти были напечатаны в «Вестнике Западной России»⁴⁵ за январь 1865 с подписью А. С., а потом помещены в издании г. Гильдебрандта⁴⁶ «Памятники народного творчества в северо-западном крае», стр. 115—118, как «прекрасные песни, переданные М. О. Кояловичем»⁴⁷. Замечания против подлинности их см. у г. Бессонова⁴⁸, «Белорусские песни», XLIX—L.

3) Отрывок о набегах татарских «Скоро ѹ коні заржали», напеч[атано] у Метл[инского] (436—437) с пометкою: «Записал от старика в м. Олишевке Шишацкий-Ильич».

4) Такой же отрывок о «Малом Гарее», т. е. будто бы Менгли-Гирее; Метл[инский], стр. 373; помечено: «Записал от стариков в м. Олишевке Шишацкий-Ильич».

5) О казацком походе: «Розпустилися парості ясної зорі», Метл[инский], 436; из повести Гребенки «Иван Золотаренко».

6) Отрывок о Венцеславе, будто бы Венжине Хмельницким (Максим[ович], 1834, 82, Метл[инский], 374), который есть собственно часть распространенной в рукописных сборниках западного края песни о Скалоубе и помещенной у г. Головацкого (Чтения в И[сторическом] моск[овском] общ[естве] истории и др[евностей], 1870, III, 113) песни о Ревуше, видимо, сочиненной каким-либо украин-

ствовавшим польским поэтом в честь Ржевусского⁴⁹, пародировавшего перед 1830 казачество XVI в.

7) Одна дума и 4 песни о Серпяге, в котором видели казацкого вождя Подкову:

а) Дума, напечатанная в «Запорожской старине» Срезневского, I, 123, с пометкою: «Со слов бандуриста» и повторенная в сборнике Максимовича 1849 г., стр. 27—30.

б) Песня, начинающаяся: «Ох і сила, сила силу подоліла», помещ[енная] в «Запорожской старине», I, 34 и в «Украинск[их] нар[одных] п[еснях]» Максим[овича], 1834, 78, 79.

с) Песня «Ой у городі у Львові зашуміли верби», «Запорожская старина», I, 33. Может быть, безымянная казацкая песня, подправленная.

д) Песня «За рікою за бистрою б'ється турок з молдавою», помещ[енная] в сб[орнике] Костомарова в «Малорусском» сборн[ике] Мордовцева, стр. 183—185, повторена с переменою одного слова у г. Стецкого — «Wołyń»⁵⁰, т. I, 116, без изменений у г. Перовского⁵¹ — «Волынские малорусские песни», 35—37, с изменениями нескольких слов в рукописном сборнике г. Краевского, Воронежской губ., Острогожск[ого] уезда.

Кроме того, у нас есть в рукописном сборнике А. А. Мартынова одна песня о Серпяге, приближенная к обстоятельствам истории Подковы.

8) Песня о Лободе и Сулиме, перепечатанная Максим[овичем] (1834, 88—90) из «Запорожской старины»; в сб. Мартынова с изменениями.

9) Отрывок об атамане Случае, помещ[енный] у Максимовица (1834, 118).

10) Дума «Про Дмитра Самійленка-Коломійця», приведенная Метлинским в его сборнике (стр. 374—376) с пометкою: «Записал около 1820 г. в г. Умани Киевской г. от Якова Самійленка-Коломиенка. В. Изопольский. «Athenaeum»⁵² (виленский) 1844 г., т. V, стр. 26 и 27». Как во всех почти поддельных думах, и в этой размер песенный перемешан с речитативом дум. Дума эта с изменениями и в виде песни с равностопными стихами помещена в издании М[иколы] Г[атцука]⁵³ «Ужинок рідного поля». М., 1859, стр. 272 и след.

Песни и думы, которые мы считаем поддельными и которые говорят о других эпохах, будут указаны в своем месте.

Кроме того, в настоящем томе читатель найдет несколько песен и отрывков, которые, по разным соображениям, мы не решились отнести в конец издания как вполне поддельные, но которые мы однако же считаем во всяком случае подправленными, иные до потери ими всякого научного интереса. Таковы №№ 39, 41, 48. Сомнение возбуждает и № 47. Под каждым № читатель найдет замечания, что мы имеем против и что можно сказать за подлинность песни.

Варианты песен и дум в нашем издании сгруппированы в следую-

щей системе. Имея несколько вариантов одной и той же думы или песни, мы выбирали из них больше типический по содержанию и принимали его за основной, печатая впереди прочих и обозначая буквой А. Затем следуют прочие варианты: Б, В, Г и т. д. Если эти варианты оригинальны, то они напечатаны у нас целиком; если же они очень близки с предыдущими, то, для сокращения объема книги, мы печатали только строки, не сходные с предыдущим вариантом, указывая на сходные строки посредством цифр. Таким образом, выражение «11 Б = 10 А» означает, что 11 стих варианта Б совершенно сходен с 10 стихом основного варианта А; выражение же «5 Д = 6 А... козак» означает подобное же сходство, за исключением одного слова *козак*, которое стоит в 5 строке варианта Д вместо соответствующего слова в 6 стихе варианта А.

Мы употребили эту систему, считая ее, с одной стороны, более удобною в типографском отношении и избавляющею читателя от чтения одного и того же несколько раз; в то же время думаем, что она дает исследователю полную возможность восстановить каждый сокращенный нами вариант во всей его целости.

ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ НАУКИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Последние годы — один из наиболее критических моментов науки древней истории: она удвоила, если не утроила, свой материал в последние двадцать-тридцать лет, а уже одно это не может не отразиться и на системе обработки этого материала, и на качестве делаемых из него выводов.

С возрождения наук и почти до самого XIX века материал для древней истории почерпался почти исключительно из писателей греческих и римских, слегка дополняемых литературой еврейскою, насколько то было возможно при разделении истории на *sacra* и *profana*. Вследствие того древняя история была почти исключительно наукой о жизни греков и римлян, принимая на столбцы свои историю других народов лишь по прагматической связи ее с историей греков и римлян. Персидские войны, походы Александра Великого, победы римских легионов в Азии и Африке — вот почти исключительно поводы, по которым в курсы древней истории вводились краткие заметки о народах неклассических, заметки большую частью хронологического свойства, и то, конечно, лишь настолько, насколько можно было сделать то на основании классических источников. Но все эти сведения не могли быть ни верны, ни полны по самой сущности источников, откуда они черпались. Во-первых, классические писатели были очевидцами событий окружающего их мира не раньше VI в. до Рождества Христова, в половине которого писали древнейшие историко-географы греческие Кадм Милетский¹, Ферекид Сирский², Акузилай Аргосский³ и другие⁴ логографы*, сохранившиеся только в отрывках. Гекатей из Милета⁵ (520—479 гг.), Скилакс из Карианд⁶ и т. п., которыми могли пользоваться позднейшие греческие писатели, жили еще позднее, а древнейший греческий историк-географ, которого труд мы имеем целиком, Геродот⁷, не старее начала V в. до Рождества Христова (484—408 гг.). Во-вторых, по незнанию иностранных языков, классические писатели не могли как должно пользоваться преданиями и литературами народов чужих. Только в позднее время стали появляться среди классических литераторов люди,

* О времени, когда жил автор географической поэмы «Арилаския» Аристей Проконезский⁸, сообщаются противоречивые сведения: Свидас⁹ делает его современником Креза¹⁰ и Кира¹¹, а Геродот передает о нем известия мифического характера (IV, 13 и след.).

которые достаточно знали греческий язык, чтобы писать на нем, и в то же время не забыли языков народов, из которых происходили, и потому могли пользоваться богатыми литературами Востока: таковы Манефон¹² из египтян (в первой половине III в. до Р. Х.), Бероз¹³ из вавилонян (в половине III в. до Р. Х.). Им соответствуют, с другой стороны, такие люди, как Филон¹⁴ из Библоса (I в. до Р. Х.), который перевел «Финикийскую историю» Санхуниатона¹⁵ из Берита, и как Менандр Эфесский¹⁶, который пользовался, говорят, Тирскими лепотисьми и др. Но в массе образованного греко-римского общества интерес к сочинениям таких людей был еще слишком слаб; их, видимо, редко переписывали, а позже, в век византийский и ранний арабский, было слишком много мотивов истреблять их, так что сочинения этих писателей дошли до нас в фрагментах, из которых иногда самые драгоценные, как, например, выдержки из хронологий Бероза и Манефона, приводились позднейшими хронистами как образец хвастливой глупости.

Нет ничего удивительного, что, руководясь только корифеями национальной литературы греков и римлян, новые ученые имели весьма неполные сведения об истории неклассических народов и давали ей второстепенное значение. А между тем достаточно взглянуть на размеры страны от Индийского океана до Гибралтара, чтобы подумать о том, что на этой территории могли происходить события, сравнимы с которыми многие процессы в греко-римской истории, известные образованным людям с малых лет, действительно могут быть названы событиями «деревенской хроники».

Мы не думаем разделять этого отзыва о греческой истории во всей его широте, так как этот отзыв принадлежит историческому деятелю, враждебному всякой «идеологии», не способному ценить в истории народа то, что мы называем теперь внутреннею историей, историей цивилизации. Но дело в том, что и в культурном отношении история тех народов, о которых, руководясь только классическими писателями, мы имели бы самое неполное представление, заключает в себе факты самого важного всемирно-исторического значения: довольно сознания самих классических писателей, из которых иные, начиная с Геродота, имели даже преувеличенные понятия о влиянии, например, Египта на Грецию, довольно самых отрывочных заметок их о памятниках и учреждениях народов восточных, чтобы видеть, что первыми могущественными орудиями культуры: совершенной обработкой металлов, строительными машинами, системой счета, календаря, азбукой и т. п.— мы обязаны неклассическим народам. И однако ж до последнего времени историю народов, наиболее влиявших и на культуру классическую, мы могли знать только по классическим писателям, которые начали писать уже в то время, когда великие культурные центры, не только чисто восточные, как Ниневия, Сидон, старый Тир, но и эллинско-восточные, как Кумы, Милет и т. п., лежали в руинах.

Не одна, впрочем, история восточного и вообще внеэллинского мира была осуждена на неполноту, пока источниками древней истории служили исключительно корифеи национальной литературы Греции и Рима, но и самая история классического мира. И здесь относительно более древних эпох мы встречаем в классических литературах или пробелы, или басни, часто случайно выбранные из многих, им подобных. Но что гораздо более странно, большие пробелы представляют нам классические литературы и относительно позднейших эпох истории их стран, таких эпох, которые с точки зрения всемирно-исторической, особенно с точки зрения истории культуры, едва ли не важнее, чем многие из прославленных эпох Греции и Рима, а именно относительно многих сторон эпохи после Александра Великого и последних времен провинциальной жизни и движений в Римской империи, когда история греков и римлян вышла из тесных пределов Эллинского и Апеннинского полуостровов, когда началась ассимиляция греков и римлян с чужими народами, более или менее культурными. Мы знаем, например, с большими или мельчайшими подробностями историю персидских походов на Грецию, Пелопоннесской¹⁷ или Пунических войн¹⁸ (кроме первой), но очень плохо знаем культурную историю монархий, образовавшихся из государства Александра Великого, довольно неполно — историю войны союзников с римлянами, ибо не знаем сколько-нибудь полно устройства федерации итальянских союзников, еще менее полно знаем историю провинций Римской империи в ту эпоху, когда эта империя стремилась перейти от централизованной в федеративную. Тому причина меньшее внимание греческого и римского общества к истории и быту чужих народов (вспомним, например, чисто детские представления Тацита¹⁹ о религии евреев или поверхностно невежественные, при всем стремлении к рационализму, представления Ювенала²⁰ о религии египтян), а также и другие взгляды на историю, чем те, какие мы имеем теперь: древние дорожили гораздо больше фактами внешней, чем внутренней истории. Если же и среди древних проявлялись близкие к современным взгляды на задачи истории и политической науки, то произведения, писанные людьми с такими взглядами, погибали, именно потому, что интересовали только слишком немногих. Так погибла не только масса материала в разных сочинениях второстепенных авторов о политическом быте разных стран и городов, но и многие сочинения такого писателя, как Аристотель²¹, например, то сочинение, в котором он собрал материал для характеристики политических учреждений 158, а по другим [источникам] — 255 городов и государств и которое служило фактическою опорою для известного сочинения его о политике. Да и самая она, драгоценная теперь «Политика», интересовала современников и ближайших потомков мало, чем и объясняется то обстоятельство, что и она досталась нам не без повреждений; даже Полибий²², кажется, не знал вовсе «Политики» Аристотеля, которую вообще стали внимательно читать только около времен

Юлиана²³, то есть самого раннего представителя так называемого возрождения наук *.

Эта неполнота в сведениях, почерпаемых из классических литературу, касательно истории самих же классических народов стала вознаграждаться только посредством так называемых монументальных источников — остатков зданий, алтарей, статуй, ваз, досок с надписями, колонн и т. п. Уже давно такие вещи обратили на себя внимание,— конечно, сначала безразличных собирателей редкостей, потом любителей художественных предметов и, наконец, ученых. Этому вниманию обязаны своим происхождением музеи, без которых не обходится ни один большой город в Западной Европе. Правда, что зато редкий из этих музеев и расположен по научной системе, а почти все они носят на себе следы происхождения своего из безразличного собрания редкостей! Для таких вещей издавна установилось название древностей, *antiquitates*. Когда ученые стали объяснять такие вещи, то мало-помалу пришлось составить целую науку, которая существует под таким названием, *antiquitates*, древности. Чтобы понять значение иной статуи, барельефа, саркофага, пришлось вспомнить факты о мифологии и религии известного народа; изображение на вазе нуждалось для своего объяснения в сведениях из круга понятий о загробной жизни, другое — об устройстве пиров; надпись на гробе лица, занимавшего государственную должность,— в сведениях о государственном строе и т. д. Мало-помалу вслед за эпохой собирания итальянцами и др. коллекций древних предметов в эпоху возрождения явились многотомные «*Antiquitates*» итальянских и голландских ученых XVI — XVII веков, представляющие более или менее полные для своего времени энциклопедии сведений о внутренней жизни классических народов. Система этих сборников осталась и до сих пор одна и та же для всех курсов науки, существующей и до сих пор в европейских университетах,— «древностей». Это совершенно внешняя система, описательное изложение фактов государственной, домашней, религиозной жизни народов, изложение, которому иные думают все-таки сохранить значение самостоятельной науки, говоря, что история рассматривает факты в последовательном их движении, тогда как древности излагают их, не стесняясь ходом событий. Конечно, чем бесприятельнее система сборников «древностей», чем больше она приспособлена к легчайшему отысканию в них данных, тем лучше. В этом отношении для классических древностей можно только пожелать скорейшего окончания издания «*Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*» под редакцией Дарамбера (Daremberg, ныне умерший) и Сальо (Saglio), предпринятого в прошлом году фирмой Гашета (Hachette) в Париже²⁴. Соединением полноты, тщательности обработки статей, количества библиографических данных,

* См. предисловие к изд. Barthelemy-Saint-Hilaire, 1837, XXI, LXX—LXXIV.

обилия и изящества рисунков с антиков (около 200 на выпуск) и дешевизны (5 франков за выпуск в 12-ую долю листа, в два столбца, от 160 до 170 стр.) это издание оставляет далеко за собою все прочие *.

Страсть к коллекциям постепенно вывела собирателей в Западной Европе за пределы древностей классических. В Риме, Неаполе, Остии и других городах, где с конца XV века любители ревностно стали искать в земле предметов искусства греческо-римского, валялись и торчали обломки египетских обелисков, привезенных сюда императорами, находились обломки и статуи египетские из храмов Изиды²⁵, Сераписа²⁶, Анубиса²⁷, которые римляне то запрещали учреждать, то дозволяли, а также остатки культа и вообще быта колоний других народов, которые смешивались в императорском Риме и его окрестностях: халдеев²⁸, евреев, малоазийцев и т. д. Мало-помалу крупные европейские музеи завели особые залы для древностей восточных, особенно египетских, обелиски были вынуты из грязи, сложены и поставлены на площадях в Риме, и ученые стали задумываться о смысле знаков, на них вырезанных. Уже в XVII веке Кирхер²⁹ (*Oedipus Aegyptiacus, Lingua Aegyptiaca restituta*) ходил около разгадки чтения иероглифов, так как доказывал, что египтяне говорили по-коптски, но априорическое убеждение о таинственности и символичности письма египетского, будто бы назначенного для одних жрецов, понятия, отвечающие философии истории, выведенной исключительно из показаний классических писателей о цивилизации египтян и вообще народов Востока, сбили ученого иезуита на дорогу нелепейших объяснений фигур, которые начертаны на обелисках, находящихся в Риме. Но уже в XVIII веке датчанин Цега³⁰, которого замечательно здравый ум заставил высказать мысли о периодах религиозного развития народов, напоминающие те, какие начинают преобладать теперь благодаря трудам положительных ученых, усомнился в безусловно мистическом и переносном смысле знаков, начертанных на столь публичных памятниках, и предположил существование фонетического элемента среди иероглифов (*De origine et usu obeliscorum, Roma, 1797*) **. После таких мыслей оставалось только найти знаменитую розеттскую надпись³¹, которая была открыта в 1799 г., и тайна египетского письма должна была раскрыться. Так и сталося благодаря

* Прекрасное дополнение к нему *Dictionnaire des antiquités chrétiennes par Martigny, 1865.*

** Замечательно умный писатель этот неоднократно доказывал, что первоначальный культ у всех народов был то, что теперь называют, как называл его и Цега, фетишизм, соединенный с поклонением мертвым (*l'animetismo o fetismo, chi non termine più adeguato chiamarci adiacritolatria, congiunta come lo suol esse colla necrodulia*. — См.: *Zoega*³². *Li Bassirilievi antichi di Roma. R. 1808.* Тоже — *De orig. et usu obeliscor, 241, 302*). Такие мысли, вместе с замечаниями о позднейшем образовании магизма, орфизма и т. п., по своей здравости составляют контраст тем искусственным представлениям об откровении природы, возвещаемом издревле жрецами, которые легли в основу позднейших даже трудов Крейцера³³ и его школы.

трудам англичанина Юнга³⁴ (1819 — «Egypt» в «Encyclopaedia Britannica», 1831 — «Egyptian Dictionary»), француза Шамполиона³⁵ младшего (1822 — «Lettre à M-r Daevé, 1824 — «Précis du système hiéroglyphique des anciens Egyptiens» etc).

Это было одно из четырех открытий, которые произвели решительный переворот в науке о древности. Еще в 1761 г. Анкетиль де Перрон³⁶ привез в Европу и сложил в Парижской библиотеке рукописи так называемой Зендавесты³⁷, остатка литературы древних бактров³⁸ и персов, и скоро затем выданным переводом ее на французский язык (1771 г.) положил начало целой отрасли науки. Уже в XVI веке итальянец Филиппо Сассети³⁹ (1583—1588 гг.) обращал внимание на сходство языка индусов с итальянским, а с конца XVIII века, со временем напечатания кодекса браминов⁴⁰, составленного по поручению англо-индийского правительства в 1776 году, благодаря трудам англичан Гальгеда (1778 г.), Вилькинса⁴¹ (1787 г.), Джонеса⁴² (1789 г.), Кольбурука⁴³ (р. 1765 г., ум. 1837 г.) создалась еще новая отрасль науки — санскритская филология и древности и связанная с нею наука об indoевропейском элементе в истории. С половины XIX века поднялось, начатое еще в прошлом столетии, после путешествия в Персию Нибура-отца⁴⁴, но затихшее за неимением материала, изучение так называемого клинообразного письма, которое в руках Опперта⁴⁵, Ленормана⁴⁶, Смита⁴⁷ и др. в области халдео-сирийской древности и Раулинсона⁴⁸, Шпигеля⁴⁹ и др. в области зендской делает теперь громадные шаги, открывая даже не по годам, а по месяцам материал первостатейной важности для истории культур в самые отдаленные времена, даже давно исчезнувших народов, самые имена которых сами древние едва знали понаслышке.

Для всех этих трудов дают материал экспедиции, которые идут, все больше расширяя круг своих исследований, начиная с французской экспедиции, сопровождавшей в 1799 году войска Наполеона в Египет и издавшей труды свои в двадцатых годах. За этим изданием последовали издания памятников египетских и нубийских Шамполиона (1833 — 45 гг.), Шарпа⁵⁰ (1837 г.), Лепсиуса⁵¹ (1850—1858 гг.), Бругша⁵² (1862—1864 гг.), Дюмихена⁵³ (1865—1867 гг.) и продолжающиеся труды Мариетта⁵⁴ в Египте. Исследования Ботты⁵⁵ (1842—1844 гг.), Лейярда⁵⁶ (1845—1847 гг.), Лофтуса⁵⁷ (1856 г.) и текущие труды Опперта, Смита, которого послал недавно британский музей в области Тигра и Евфрата, начавшиеся после открытия надписи в Марсели в 1845 г. и особенно саркофага царя Эсму-назара⁵⁸ в Сидоне в 1855 г., исследование древностей финикийских, например экспедиция Ренана⁵⁹ в 1860 году, с трудами генерала Федерба⁶⁰ в области Нумидии и Карфагены в 1868—1870 гг., показали, что все представления об истории народов халдео-сирийских, какие господствовали еще десять-пятнадцать лет тому назад и какими мы обязаны классическим литературам, имеют цену не больше детских сказок. Не только Египет с папирусами, но и Ассирия с ее кирпичами

доставили целые библиотеки, в которых мы имеем не только имена царей, жрецов, полководцев и перечисление народов, ими покоренных, но целые биографии царей и частных лиц, календари и даже словари, молитвы, заклинания, сказания, вроде наделавшей недавно шуму вавилонской эпопеи о потопе (английский перевод Смита в «Daily News» в конце 1872 года, французский *Ленормана* отдельно, в 1873 г.), поэмы, вроде египетской эпопеи о походе против сирийского народа Кетай т. п. Теперь можно сказать, что к трем древним литературам, которые были почти исключительно известны в XVII — XVIII веке, греческой, латинской и еврейской, присоединились, кроме санскритской и зендской, еще египетская и халдео-ассирийская.

Количество этого нового материала для науки древней истории накаплялось постепенно с половины XVIII века, но только в последние двадцать или двадцать пять лет, благодаря усовершенствованиям в чтении и толковании этого материала с помощью сравнительной лингвистики, явилась возможность овладеть им вполне. В последние годы возможность пользоваться памятниками древнего Востока для общей культурной истории расширилась за тесные пределы специалистов в строгом смысле этого слова благодаря таким периодическим изданиям, как *Révue archéologique*, *Annales de philosophie chrétienne*, таким переводам, как *Шпигеля* «Авеста»⁶¹, *Юсти* «Бундегеш»⁶², *Вильсона*⁶³ и *Ланглая* «Веды»⁶⁴, таким сборникам, как *Muir* «Original sanscrit texts», *Bibliothèque Orientale* (1872 г.), которая в первом томе дала новое издание перевода «Риг-Веды»⁶⁵ *Ланглая*, а во втором — выбор из религиозной литературы индийской, персидской, египетской, ассирийской и китайской в переводах лучших специалистов французских, или как начавшее выходить с 1873 г. издание *Бирча*⁶⁷ «Birche Records of the past», обещающее стать полнейшею хрестоматией древневосточных литератур и письменности вообще.

Исследования в Азии и Африке, в коих теперь нет, можно сказать, ни одного уголка, сколько-нибудь замечательного в историческом отношении, от Ганга до Мавритании и от Трои до Моавии⁶⁸, где бы не рылся какой-нибудь европейский ученый или целая экспедиция, подействовали обратно и на возбуждение к новому исследованию и почвы строго классической: повсюду в Греции, Италии, Испании, Франции мы видим раскопки, систематическое изучение коллекций; в Афинах и Риме действуют международные общества для исследования древности (французское, а теперь и немецкое в Афинах, основанное французами, а теперь находящееся в руках немцев археологическое общество в Риме). В Риме теперь соревнуются в работе археологический институт, комиссия, устроенная муниципией, и общество исследования христианских древностей, которые здесь соприкасаются с классическими. Правда, что во многих местах греко-римского мира и даже в самом Риме часто не удается, после тщательных раскопок, найти ничего, кроме обломков и следов зданий (чему образцы мы представили в статье «Палатинский холм по новейшим

раскопкам», напечатанной в «Журнале Мин. народн. просв.» за 1873 г., октябрь), но зато такие места, как римские катакомбы и ждущие еще правильного исследования (и, прибавим, менее папистического, чем исследование римских ученых) катакомбы неаполитанские, Остия, не говоря уже о Геркулануме⁶⁹ и Помпее, дают богатый сбор всякого рода вещей, без которых наши представления о жизни римской были бы весьма бледны. Но во всяком случае, в последние годы даже в таких отдаленных от центров античной цивилизации местах, как великое герцогство Баденское, Виртемберг, Зальцбург, Трансильвания, найдено много остатков римских зданий, рассеянных проходящими легионерами надгробных памятников и алтарей богам и гениям с надписями, по которым можно дополнить многие стороны внутренней и внешней истории древнего мира.

Последние десятилетия именно характеризуются в науке о греко-римской древности новыми изданиями или пополнениями старых итальянских и голландских археологических коллекций (*Fabretti*⁷⁰ — 1699 г., *A. Turre* — 1700 г., *Gruter* — 1707 г., *Marini*⁷¹ — 1795 г., *Zoega* — 1786—1808 г. и др.). Таковы «*Corpus inscriptionum graecorum* Бёка⁷² (1828—1853 гг.), *Letronne*⁷³ — «*Recueil des inscriptions grecques et latines*» с 1842 г., издание латинских надписей, начатое в 1828 г. *Орелли*⁷⁴ и продолжаемое *Генценом*, издание *Моммзена*⁷⁵ (1853 г., след.), *Цанганмайстера* — «Помпейские надписи» (1871 г.), издания *Ариоданте Фабретти* памятников староитальянских языков («*Corpus inscriptionum italicarum*» и «*Glossarium italicum*», 1858—1862 гг.), *Гарруччи* «*I graffiti di Pompei*» (1856 г.), *Росси* — «*Roma Sottoranea*» (1864—1867 гг.), издания папского правительства и *Britisch society of archeology in Rom* памятников, открытых в Остии в 1846 году, и т. д.

Исследуя почву истории классических народов и Востока, новейшие ученые опять натолкнулись на совершенно новую область, которую теперь оказывается необходимо, в свою очередь, включить в так называемую древнюю историю, но включение которой в эту последнюю десять лет назад сочли бы чуть ли не профанацией науки о классической древности. Ученые искали обломков памятников греческих, египетских, вавилонских и т. п. с тем определенным типом, какой мы привыкли видеть на вещах такого рода; но, подумав немного над этими вещами, необходимо приDEM к мысли искать чего-либо более древнего, так как тип этот представляет, уже по своему относительному совершенству, нечто несомненно позднейшее. И действительно, в Ассиро-Вавилонии, в Греции, в последние годы особенно в Италии, в недавнее время в Малой Азии найдена масса вещей совершенно грубой работы, вроде орудий народов диких: это или первая утварь тех самых народов, которые сделали потом и ниневийских быков⁷⁶, и вавилонский календарь⁷⁷, и фивские храмы⁷⁸, и Зевса Олимпийского⁷⁹ и т. д., и в таком случае они — памятники древнейшего периода истории великих культурных народов древности, или

они принадлежат другим народам, но жившим на той самой почве, на которой после образовалась и столь любопытная для нас издавна блестящая культура халдеев, египтян, греков, римлян, и тогда это материал для древнейшей истории стран, издавна составляющих область науки древней истории. Как бы то ни было, а такие грубые памятники приводят к мысли, которую можно было бы вывести и а priori,— что и те народы, которых письменная история и большая часть монументальных источников рисуют нам относительно высоко цивилизованными, были в свой черед дикими. Если же мы пришли к такому заключению, то пределы древней истории расширяются и во времени, и в пространстве. Роясь все глубже на почве классической древности, мы доходим, наконец, до таких памятников, которые характеризуют век первоначального состояния человека. Так, например, если не выходить даже за пределы чисто классических земель, мы встречаем памятники пещерного человека, открытые Латре⁸⁰ в знаменитой пещере подле Ориньяна, у истоков Гаронны, или пещерные остатки в Италии: в Vicentino, в Finale (в Лигурии), в Alpi Apuane, в горах около Пизы, на островах Тосканского архипелага, в Римской Кампании, в Абруццах, в Grotta del Diavolo на мысе Левко, в Сицилии. Открытые здесь следы человека рисуют нам предшественников, и может быть, предков Сципионов⁸¹ и Цицеронов, дикарями, которые одевались в кожи диких зверей, пожирали сырое мясо и мозги в костях, употребляли каменные орудия и были людоедами *.

В северной Италии найдены в последние десять лет и остатки озерных построек, подобных тем, какие, со временем открытия их на Цюрихском озере (в 1854 г.), оказались на всех почти озерах в Швейцарии и недавно открыты Вирховым⁸² и в северо-восточной Германии, а также так называемые у итальянских ученых *le terremare*, то есть кучи, оставляемые дикими около их жилищ, подобные тем, какие известны в Дании под именем кухонных остатков и давно уже обратили на себя внимание ученых. Таковы, например, *le terremare dell'Emilia, del Parmaense, le terremare Modenensi* **. Множество разного рода памятников древнейшего быта найдено при раскопках в центре Эtruрии и Лациума, на островах малых и больших, в Сардинии и Сицилии, и составили предмет работ многих местных ученых, которыми изобилует Италия; таков, например, в Сардинии Спано, который не оставляет ни одной стороны быта своего родного острова без

* Свод и библиографию новейших археологических открытий в Италии в этой области см. в новом, выходящем выпусками (теперь уже 45) издании «*Storia dell'Italia Antica*», scritta da Atto Vannuci⁸³ (Milano, 1872—1874 гг.), особ. vol. I, 36—49. По свежести и полноте фактов и по богатству рисунков это издание в своем роде единственное.

** См. статью *Пигорини* «*Sopra due terremare*» etc. в «*Bulletino dell' Instituto di corrispondenza archeologica*», 1866, 220, и *Стрдбеля*: «*Avanzi preromani raccolti nelle terremare e palafitte dell' Emilia*», Parme, 1863—64.

изучения, от народных песен, пословиц и словаря языка теперешних поселян Сардинии (им изданы: «Canzoni Sarde popolari» в 1863 и в 1865, «Proverbi Sardi» в 1871) до египетских древностей, находимых на острове *. Ученые журналы Италии, как «Annali» и «Bulletino di corrispondenza Archeologica», «Giornali Arcadico», «Atti dell'Accademia dei Nuovi Lincei», «Corrispondenza Scientifica di Roma», «Il Nuovo Cimento» и т. п., за последние пять-семь лет постоянно дают известия и статьи о древностях доисторических, находимых в разных концах классической почвы Италии. Этим древностям посвящают свои работы и известные исследователи императорского Рима, как Роза, Де-Росси⁸⁴ и т. п. ** В Эмилии (Villanova), в Ломбардии (Cesto Calende), в Альбано под самим Римом находят в последние годы гробницы с сосудами, не имеющими ничего общего с известными типами сосудов этрусских и греческих ***. Каким народам принадлежат найденные в разных местах Италии остатки первобытной культуры, этого решить теперь невозможно по многим причинам, и между прочим, потому, что до сих пор при этих вещах не найдено крупных остатков скелета человеческого. Нельзя также определить и хронологической древности этих памятников; несомненно только, что вещи эти принадлежат четвертичной эпохе, но нет сомнения также, что древность их нельзя мерить цифрами той хронологии, какую мы привыкли применять к истории римской Италии.

В октябре 1871 года, по случаю международного конгресса антропологии и доисторической археологии, в Болонье была устроена интереснейшая выставка предметов доисторического быта, найденных в последнее время в Италии, и ряд мемуаров, читанных на этом конгрессе итальянскими учеными (вышли большим томом в 1873 г.), показывает, что археология одной из классических стран решительным образом вступила в область той науки о древнейшем быте человека, которая создана в самое недавнее время трудами преимущественно великих натуралистов. А если таким образом так называемая древняя история расширила свою область во времени, то неизбежно она должна расширить ее и в пространстве. Памятники первобытной культуры в Европе могут быть исследуемы с успехом не иначе, как в связи не только с подобными им ископаемыми памятниками других стран, но и сравнительно с памятниками и бытом теперешних диких племен. Эти памятники древнейшего быта человека в Европе заставляют нас,

* К нашему теперешнему предмету относятся его «Paleontologia Sarda, ossia l'età preistorica segnata nei monumenti che si trovano in Sardegna», 1871, «Cagliari» и «Scoperte archeologiche fette in Sardegna in tutto anno 1871» с обозрением сардинских древностей, бывших на выставке (международного конгресса) антропологии и доисторической археологии в Болонье в 1871 году.

** Rosa. «Roma preistorica», Brescia, 1871; De Rossi. «Rapporto sugli studi e sulle scoperte paleontologiche nel bacino della Campagna Romana», 1867 и т. п.

*** См., например, описание De Rossi урны Альбанской на манер хижины со входом сбоку,— в «Bulletino di corrispondenza archeologica», 1871, p. 34.

следовательно, самым наглядным образом отказаться от группировки материала, составляющего историческую науку, по грубо хронологическим кадрам, основанным на наблюдениях жизни не всего человечества, даже не народов всей какой-нибудь части света, а жизни десятка или двух привилегированных народов. Памятники быта народов низшей культурной ступени, хотя и живших в разные хронологические эпохи, показывают, что в то время, когда для одних народов идет XIX век эры цивилизации средиземноморско-христианской, для других не наступил еще и первый. Сравнение памятников первобытной культуры народов, которые мы привыкли воображать себе не иначе, как современниками Периклов и Цезарей, с обстановкой быта нынешних дикарей побуждает нас понять термин *древняя история* не в хронологическом смысле, а в культурно-историческом, и прежде всего образовать в этой науке еще новый отдел: первобытная культура как народов умерших, так и живущих. Для этого отдела, кроме огромной массы сырого материала, представляемого раскопками и путешествиями от Геродота до Ливингстона⁸⁵, есть уже и опыты систематических трудов, большую частью вышедших в самое последнее время; таковы «Антропология» Вайца⁸⁶, последний том которой, обработанный Герландом⁸⁷, вышел в 1872 году, «Allgemeine Ethnographie» Фр. Миллера⁸⁸ (Wien, 1873), два известных труда Леббока⁸⁹, два труда Тайлора⁹⁰, труды Бастиана⁹¹, из которых систематичнее других «Der Mensch in der Geschichte» (III В. 1860), недавний труд Каспари⁹² («Die Urgeschichte der Menschheit», II В., 1873), примыкающие к трудам натуралистов-антропологов, из коих в недавнее время Ами (Нату)⁹³ издал важный для характеристики первобытной культуры свод «Précis de paléonthologie humaine» (Paris, 1870), а теперь, вместе с Броком⁹⁴, издает систематический атлас под названием «Crania Ethnica».

Признание, что древнейшая история продолжает жить и теперь в лице народов диких, наводит на мысль, что не менее неравномерно было и движение развития разных слоев одного и того же народа и что в то время, как для одних слоев существовали XIX, XVIII, XVII века, другие жили в XIII, XII, XI веках и т. д. Мысль эта не нова; она руководит всеми исследованиями над народным бытом, верованиями, языком, которые занимают видное место в научном движении в последние годы, в коем и наше отчество занимает далеко не последнее место, быть может, именно вследствие особенного богатства архаического элемента в наших народных массах. Не новая мысль эта требует только систематического ее приложения к работе над историей общества. Усвоив эту мысль в связи с мыслью о неравномерном движении разных народов в развитии общественном в каждую данную эпоху хронологическую, мы должны будем окончательно отказаться от того повествовательно-синхронистического метода изложения истории, какой завещан нам образцами древней историографии, много-много если [?] поднимавшейся в лице Фукидода⁹⁵ или По-

либия до pragmatизма. Но об этом мы скажем подробнее несколько дальше.

Теперь же мы остановимся на том добытом нами при обозрении хода расширения материала, входящего в так называемую древнюю историю, положении, что материал этот своим объемом и качеством уже значительно отличается от того материала, какой был в распоряжении науки, пока она не имела другого источника, кроме остатков литератур греческой и римской. Было бы странно, если бы дополнение и изменение материала науки не повело за собою и перемены в выводах, в осмыслении фактов, составляющих древнюю историю, осмысливании, от которого, конечно, не может отказаться никакая наука. В этом отношении, надо признаться, что авторитет древних мнений еще весьма силен, хотя давно уже не отвечает тому относительному количеству фактов, какое берут теперь историки из древних писателей и помимо их. Эта крепость древних идей происходит между прочим от того, что большая часть самих новых исследователей еще занята более скоплением нового материала науки, чем обработкой его по новым идеям и системам; многие же из них если и вносят поправки в частные выводы, основанные на сведениях, добытых прежде исключительно из показаний древних писателей, то все-таки находятся под влиянием общих идей, унаследованных от древности и мимо воли исследователей влияющих и на направление их исследований. Скептицизм новых ученых в отношении к показаниям древних часто останавливается на полудороге: вместо того, чтобы признать какое-нибудь показание совершенным мифом, который характеризует того, кто рассказывает, а не то, о чем рассказывается, его стараются рационализировать, и после затраты учености и остроумия получается в конце вывод столь же сомнительный, как и миф в его сыром виде.

Мы уж упоминали о том, странном с первого разу, явлении, что в истории народов древних для нас темнее других не только первые периоды, но и последние. Сообразно этой неполноте наших сведений, образовалась и та философия истории, которая крепка и до сих пор даже у людей, принадлежащих к позитивной школе, каков, например, Герберт Спенсер⁹⁶, а именно — теория о процветании и упадке народов как молодости и старости организмов, теория, которой следы видны на всякой частной, по-видимому, весьма далекой от всяких широких обобщений, работе по истории Индии после буддизма, всего Переднего Востока после Персидских войн, эллинского мира после Пелопоннесской войны, римлян в век империи и т. д. А между тем, независимо от того, что вся эта теория в основе своей имеет метафору и Миль⁹⁷ совершенно правильно поместил всю эту теорию о неизбежной смерти общественных организмов в учении «о заблуждениях ложных аналогий» *, — эта неполнота сведений наших о вышеназванных периодах и самый источник этой теории органической смерти

* Логика, II, 360.

исторических народов объясняются тем, что древние писатели сообщили нам известные факты под своим углом зрения, как люди известного времени, национальности, партии. Было уже сказано, что сочинения классических историков — не древнее V или VI в. до Р. Х. В это время иные из центров древней культуры, как, например, Ниневия, перестали уже существовать вследствие внешнего нападения, другие, как Египет, подпали иностранному завоеванию, чему перед тем было два примера, которые, однако ж, не мешают историкам признавать доперсидский Египет молодым и здоровым, и, следовательно, историки не могли иметь полных сведений о их прежнем быте, а все эти страны находились на ступени развития, соответственной времени от VI до I века до Р. Х., времени весьма позднего.

Между прочим, это время характеризуется так называемым евгемеризмом, то есть обращением старых религиозных мифов в сказания с историческим характером. Эвгемеризм этот обусловливается тем относительно высшим религиозно-философским развитием, каким отличались передовые люди древнего мира в века ближайшие к христианству, и происходил или от скептического, или от деистического мировоззрения. Но этому эвгемеризму, который вовсе не составляет принадлежности одних только греков, мы обязаны внесением в историю таких лиц, как Бузарис⁹⁸, Нин⁹⁹ и Семирамида¹⁰⁰, как целый божеский период египетской истории. Представления о первоначальной истории разных народов, сложившиеся под влиянием эвгемеризма, должны были стать особенно ложными, если религиозные в основе своей мифы одного народа перешли через уста другого, как это было, например, с мифами ассирио-ававилонскими, которые Ктезий¹⁰¹ пересказал по рассказам персов, или с мифами малоазиатских народов, которые дошли до нас в рассказе позднейших греческих мифографов. Таким образом, между прочим, получились те сведения о необыкновенных завоевателях, вроде Нимврода¹⁰², Нина, Семирамиды, Кира, которыми обыкновенно начинают рассказы об истории разных народов и которые дают основание говорить о постепенном измельчании деятельности этих народов в позднейшее, более историческое время. Только в самое недавнее время сравнительная мифология и чтение клинообразных надписей открыли совершенно мифологический характер всех этих Нинов и Семирамид и вместе с тем показали, что завоевательная монархия вовсе не составляет ни древнейшей, ни постоянной формы общественного быта восточных народов, а характеризует только известные периоды в их истории, скорее всего, средние, например, в Египте при XVIII — XX династиях, в XVII — XIV вв. до Р. Х.

Подобное же случилось и с представлениями о силе жрецов в первоначальное время и вообще в течение истории народов Древнего Востока. Древние писатели писали в то время, когда относительно высокое развитие общества породило идеалы философократии (Платон)¹⁰³ и теократии, после того, как действительно во многих местах,

например в Египте, Финикии, Вавилоне, Персии, уже после периода завоевательных монархий произошли жреческие революции (не раньше XI — XII веков), причем некоторые жрецы были и царями *, вслед за тем во всей Передней Азии и в Египте, вследствие сначала персидского, а потом македонского завоевания, многие национальные монархии были упразднены, и жрецы оставались в глазах масс единственными представителями не только национальной культуры, но и национального государства, как потом папы в Италии при Лонгобардах ¹⁰⁴. Жрецы же, как вообще древние, видели идеал позади и считали его только тогда крепким, когда могли придать ему характер традиционный. Этим объясняются такие умышленные и наивные фальсификации, как рассказы о посмертном суде жрецов над царями в Египте, как возведение составления таких, относительно поздних, кодексов-идеалов, как закон Ману ¹⁰⁵, в глубокую древность к божескому источнику, — фальсификации, вполне аналогические таким, как рассказы о подарке запада Константином Великим ¹⁰⁶ папе Сильвестру I ¹⁰⁷ и т. п. Прибавить надобно, что, согласно общему консервативному настроению древних, у них преобладала циклическая теория истории, по койе человечество живет, ухудшаясь от золотого, или божеского, периода к железному, человеческому. Такого рода представления, переданные религиозными книгами древних, их поэтами, историками, каковы Геродот, Диодор ¹⁰⁸, Манефон, легли в основу философии истории и новых писателей — Вико ¹⁰⁹ и других, даже специально занимавшихся разработкою древней хронологии, как Ларше — хронологией Геродота, Бунзен ¹¹⁰ — хронологией и историей Египта и других стран Древнего Востока, причем новые философы и ученые не простирали своего рационализма и скептицизма в приложении к рассказам древних далее того, что вместо богов, правивших странами, по показаниям древних, ставили жрецов. Позднейшие же философы истории, преимущественно немецкие, еще усилили невыгодные стороны этого неполного рационализма, разделив те периоды, которые Вико, вслед за греко-египетскими рассказами, усматривал в истории каждого народа, между народами так, что весь Древний Восток был зачислен в век жреческий, весь классический мир — в героический и т. д., что в связи с унаследованною тоже от древних доктриной о существовании в истории возрастов детства, юности, мужества и старости дало такие необыкновенно искусственные и поверхностные построения системы истории, какими изобилует «Philosophie der Geschichte» Гегеля, которая, однако ж, влияла даже на монографические работы по истории. Казалось бы, что следовало вдуматься хоть в историю наиболее знакомого до последнего времени

* В Египте жрец Гер-Гор — XXI династии, не раньше второй половины XII века, в Тире — Итоваал, отец царицы израильской Иезавели, в 927 г., в Вавилоне — Беллабарисрук во время болезни Навуходоносора в VI веке и потом Набонагид (Валтасар или его отец) в 555—538 годах, в Персии — маг Лжесмердис уже после 522 года.

восточного народа, а именно евреев, обратить внимание на то, в какое, собственно, время происходила у них борьба пророков и священников с царями (после Соломона)¹¹¹, чтобы заключить по аналогии, что и у других народов жреческий век вовсе не был ни древнейшим, ни сила жречества — постоянною. Но только новейшие открытия в истории Востока, сделанные благодаря чтению иероглифов, клинообразных надписей и финикийского письма, дали твердый материал для положения, к сожалению, недостаточно еще усвоенного, что и в истории народов Востока мы видим ряд изменений политического быта и культурных эпох и что жреческий век есть скорее позднейший век истории этих народов, следующий за веком, тоже не самым древним, завоевательных монархий, и что сила жрецов даже в этих обществах была более идеалом, чем действительностью.

Обращаясь к истории народов классических, мы встречаем у древних писателей такие же ложные представления о древнейших эпохах этой истории, порожденные эвгемеризмом и ретроградною философией истории. Таковы, например, мифы о Кекропсе¹¹², Тезее¹¹³, Ромуле¹¹⁴, сведения об учреждениях Нумы¹¹⁵, Ликурга¹¹⁶, Орфея¹¹⁷ и т. д. Не меньшее количество ложных представлений, хотя и несколько другого рода, получим мы и о позднейших периодах истории греков и римлян, если положимся во всем на древних писателей и не отнесемся критически не только к фактам, ими сообщаемым, но и к их идеям, по которым они выбирали и часто изобретали факты. Желая представить позднейшие эпохи истории Греции и Рима на основании показаний древних писателей, мы встречаемся, кроме известной историко-философской доктрины, идеализирующей прошлое и пессимистически относящейся к настоящему, еще и с политически национальною односторонностью классических писателей, с тем мировоззрением, которое в другом месте мы попытались назвать *стародумством*. Большинство греческих и римских писателей писали свои сочинения, когда военный дух уже ослабел в их соотечественниках, а между тем писатели эти не могли заинтересоваться ходом мирной жизни и прогресса внутреннего. Особенной узкостью взгляда в этом отношении отличаются римские историки, которым, как, например, Тациту, мирное время казалось скучным для рассказа. Вследствие такого отношения древних писателей к их времени, то есть именно времени высшего культурного развития греков и римлян, наши представления об этих эпохах по необходимости должны были страдать неполнотою. Прибавим, что эти эпохи были временем, когда совершались революции, опрокинувшие старый сословный строй жизни, когда государства древние потеряли исключительно национальный характер. Этот процесс должны были описывать консерваторы и даже ретрограды и узкие националы, какими были особенно римские писатели, и мудрено ли, что, руководствуясь только ими, мы не можем ни представить полно, ни тем менее оценить того, что обыкновенно называют переходом древнего мира в новый.

В другом месте, в сочинении «Вопрос об историческом значении Римской империи» (Киев, 1869 г.), мы подробно говорили как об исключительности мировоззрения древних историков и влиянии их на новых, так и о постепенно растущем критическом отношении к их взглядам, не менее необходимом, чем критика фактов, передаваемых древними. Мы оценили особенно высоко критическое, свободное от традиционного преклонения перед авторитетом Фукидида, Аристофана¹¹⁸, Ксенофона¹¹⁹, Платона, Диодора, Ливия¹²⁰, Тацита, Ювенала и друг. у английских историков, каковы Грот¹²¹, Мериваль¹²² и др. Теперь мы считаем необходимым указать на одно немецкое сочинение, особенно на тот том его, который вышел после нашей книги и в котором яснее виден поворот к идеям и приему английских учёных. Это явление тем более замечательно, что оно происходит в литературе, вообще гораздо более наклонной к консервативному взанию; оно свидетельствует, что новый или вновь обработанный материал, отличный от того, какой мы имели прежде, руководствуясь исключительно корифеями древних литератур, а именно надписи, тот богатый и почти единственный во многих случаях материал для изучения римских провинций, все больше и больше оказывает свое влияние. Мы разумеем сочинение Фридлендера¹²³ «Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von Augustus bis zum Ausgang der Antonine», I — III, 1863—1871 гг., особенно III-й том его. Если сравнить в вышедшем десять лет назад первом томе этого сочинения, например, главу о женщинах, в которой автор весьма робко не соглашается с основанным на показаниях римских писателей, не довольных потрясением старого деспотического строя семьи, мнением о повсеместном повреждении нравов в Римской империи, если сравнить даже эту самую смелую главу I-го тома с главой о «роскоши» в Римской империи в III-м томе, то мы увидим весь перелом в мнениях о римской истории, совершившийся в последние десять лет даже в наиболее упорно держащейся старых взглядов ученой литературе. В третьем томе автор уже без обиняков говорит, что «господствующие взгляды о беспримерной и баснословной безнравственной роскоши в эпоху Римской империи основаны на фактах, которые по меньшей мере должно поняты или должно сгруппированы», и затем подвергает критике воззрения и показания свидетелей римской действительности. Оказывается, что авторитеты, которым еще недавно доверчиво следовал Рошер¹²⁴, составляя главу об истории роскоши в своей «Политической экономии», древние писатели (Сенека¹²⁵, Плинний старший¹²⁶, Варрон¹²⁷ и другие) не одобряли вообще употребления иностранных продуктов, проклинали (как большая часть древних, особенно римских, писателей) изобретение кораблей, называли постыдным обжорством есть спаржу, образцовою изнеженностью — употребление подушек из перьев, противоестественною роскошью — охлаждение снегом напитков и т. п. Фридлендер, прячась за авторитет Гете, который назвал рассуждение древних о роскоши «капуцинскими

проповедями», решился указать на общую черту древнего мировоззрения — идеализацию старины и сделать такую оценку жалобам древних на повреждение нравов: «Жалобы эти очень часто не имеют большей основательности, как если бы кто теперь вздумал желать возвращения тех времен, когда на улицах не было ни мостовых, ни освещения, окна в домах были без стекол, а об употреблении за столом вилок не было и речи» *.

Следует прибавить, что, говоря о политической стороне жизни своего времени, древние писатели очень часто напоминают тех оплакивателей старины, которые не довольны, например, признанием прав евреев, освобождением крестьян и т. п. Кроме множества примеров в таком роде, приведенных нами в вышеупомянутом сочинении, напомним, что, например, Ксенофонт сердился, что в Афинском государстве всякий может высказывать свое мнение, что иностранца и раба по виду нельзя там отличить от свободного и что по этой причине нельзя, между прочим, бить их **. То радикальное изменение в национальных и политических мнениях, какое произошло в XIX веке под влиянием новых условий жизни, делает наконец невозможным полное доверие к авторитетам, которые рассказывают нам факты общественной жизни греков и римлян и производят оценку целым периодам их истории, держась таких идей, какие высказывает, например, Ксенофонт. В вышеупомянутом сочинении мы указали, как, например, кельтофильство, сильно распространенное во французской исторической литературе и связанное с симпатиями к сельским массам, романо-кельтофильство и панроманизм сильно влияют на антитатитизм новейших французских историков, а равно содействует тому же и реакция против узкого аристократизма и национализма древних. Но зато, с другой стороны, мы показали там же, как и некоторые современные тенденции, например тенденция к политическому либерализму, а из новейших национальных стремлений — германофильство и произведенное у нас отражением последнего славянофильство, поддерживают много ложных представлений и заключений о древней жизни, побуждая даже таких остроумных аналитиков, каков Моммзен (который даже признался, что мы вообще «больше по-рицаем, чем знаем Римскую империю»), принимать без должной критики жалобы древних на последние времена римской истории, жалобы, которые немецкие историки склонны разделять, так как они дают им основание доказывать спасительность германского вторжения.

Таким образом, отношение новых ученых к тенденциям древних писателей зависит в большинстве случаев от тех или других социальных, политических, национальных и философских тенденций новых ученых. Такая борьба субъективных тенденциозностей, хотя бы и

* Op. cit., III, 13—16.

** Polit. Atheniens., I.

уравновешивающих друг друга, была бы бесконечна и мало полезна для науки, которая, конечно, имеет целью объективно точные выводы, если бы в последнее время именно в ученом мире не стало пробуждаться страстное желание найти столь же объективно точные начала для объяснения исторических явлений, какие уж имеют, для многих жизненных процессов, науки естественные. Это стремление видно в обнявшем все современные литературы, особенно английскую, старании построить *науку об обществе*, или *социологию*, которой многие из существовавших до сих пор самостоятельных наук должны стать отделами *.

Здесь не место подробно говорить об этом стремлении, и мы ограничимся только общими соображениями о том, в каком отношении современные стремления построить точную науку об обществе находятся к новейшему расширению материала, входящего в древнюю историю, сравнительно с тем содержанием, которое входило в нее прежде, когда руководствовались только греческой и римской литературами, а также к тому возбуждению критицизма относительно воззрений древних писателей, о коем мы говорили выше.

Как бы кто ни был отрицательно настроен относительно требований новосоздающейся науки об обществе, трудно, мы думаем, оспаривать законность и верность следующих двух требований. Первое — чтобы наука о деятельности человека в обществе, то есть относительно деятельности прошлой, — история, дала такие же точные обобщения, какие дают другие науки, математические, физико-химические и биологические, то есть так называемые законы. Собственно говоря, нового в этом требовании только формулировка, или лучше сказать, это требование есть только дальнейший шаг от старых понятий о прагматизме в истории, какие не чужды были и древним, по крайней мере, Фукидиду и Полибию. Еще древние хотели уловить связь между историческими событиями. Но дело в том, что, следя за сцеплением исторических событий, мы постепенно можем дойти до таких явлений, которые, действуя как ближайшая причина исторического факта, сами, однако ж, не будут таковыми, как, например, географический строй страны или климат, которого влияние на народ сознавали и умнейшие из древних, например Гиппократ¹²⁸, Аристотель и другие. Мало того, такие явления, будучи постоянно действующими, обусловливают не одно событие (как, например, Пелопонесская война, Пунические войны и т. п.), а целый ряд их, или лучше сказать, целый род

* Общие мысли об этом предмете некоторых писателей, каковы Ог. Конт¹²⁹, Миль, Бокль¹³⁰, Спенсер, нашли себе большое распространение и в России. Из самых новых отголосков этого стремления в других странах останавливает на себе внимание, правда, не столько по удачному выполнению, сколько по замыслу, сочинение туринского профессора N. Marselli «La Scienza della storia», которого I том «Le fasi del pensiero storico» вышел в 1873 г. Следующие части II — «Preliminari (la natura e la storia, l'umanità, la civiltà)» и III — «Lo svolgimento storico dell'umanità» должны быть интересны во всяком случае.

их. Вот тут-то мы и приходим к задаче уловить общую норму явлений известного рода, то есть закон их. Другое новое требование от общественной науки в основе своей тоже не ново: это требование от науки о человеческой деятельности, чтобы она дала выводы, имеющие такое же практическое значение, как выводы других наук. И это требование можно привязать еще к тем понятиям о поучительности исторических примеров, какие высказывались древними — Цицероном¹³¹, Диодором и т. п. Правда, еще недавно мы пережили время, когда эта полезность теории, которую видели в ней наивные люди древности, была отрицаема. Метафизическая теория безусловного прогресса навела на мысль, что исторические явления не повторяются, а изменение форм жизни поддерживало эту мысль в массе образованного общества. От такого к ней отношения особенно пришлось потерпеть древней истории, которой уже одно имя придает в глазах поверхностного мыслителя характер чего-то совсем отличного от текущей жизни, а потому вовсе не имеющего жизненного интереса. Кто теперь, в самом деле, может воспользоваться образцом Марафонской битвы¹³², кому может оказаться поучителен пример Кориолана¹³³ и т. д.? Но дело в том, что никакие явления, даже и природные, не повторяются в их конкретной форме. Буря, которая была на Черном море 2-го ноября 1855 года, вовсе не повторяется ежегодно 2-го ноября в тех точно формах; в иной год целый осенний сезон может пройти вовсе без сильной бури. И однако ж, рассмотрев целый ряд годов, мы приходим к заключению, что осенью постоянно случаются бури на Черном море и что в ряду их буря 2-го ноября 1855 г. была одним из конкретных проявлений. Если ж и в истории мы заметим целый ряд фактов одного рода и отвлечем от них их родовые признаки, тогда во многих случаях окажется, что известные явления исторические повторяются при известных условиях — заключение, которое и есть уже закон исторический. Если же наблюдение покажет, что известные явления повторяются с меньшей силой или совсем перестают повторяться, потому что известные условия для них ослабляются или перестают существовать, то это наблюдение тоже приведет нас к другому закону, то есть, собственно, тому же самому, только иначе выраженному. Затем практическому деятелю в истории, как практическому механику, остается уже сообразовать свою деятельность с направлением течения истории, определенным вышеупомянутыми обобщениями. Таким образом, разница новейших и древних ожиданий поучения от истории состоит, главным образом, в том, что древние ждали поучения от конкретного факта, а мы — от изучения целого ряда фактов одного рода.

Для того, значит, чтобы добыть какие бы то ни было обобщения из исторических явлений и чтобы придать практическое значение науке об этих явлениях, необходимо прежде всего расклассифицировать исторические явления по родам и видам. Но тут-то и оказывается, что нам нужно совершенно изменить ту систему группировки исто-

рических данных, какую мы унаследовали от древних, а именно географическо-хронологическую, и заменить ее логическою. Возражение, какое можно ожидать, будто мы таким образом нарушим естественную связь между явлениями, и здесь имеет не больше значения, чем если бы кто стал сетовать на то, зачем удар грома, блеск молнии, пробег животного, совершившиеся в одно время или последовательно одно явление за другим, не будут рассматриваться учеными синхронистически и в хронологической последовательности, а будут отнесены к разным родовым и видовым подразделениям той науки, которую еще недавно называли малоопределенным именем *historia naturalis*. Как в жизни природы, так и в жизни общественной в одно время, на одной территории могут происходить явления разного порядка, между которыми внутренней связи может и не быть. В том, между прочим, состоит одно из крупнейших отличий нового, более точного мышления от того, которое породило мифологию, авгурство¹³⁴ и т. п. и распространило выводы этого авгурства дальше на дела военные, политические и т. п., что старое мышление обращало внимание прежде всего на современность явлений, на их внешнюю последовательность и создало, между прочим, тот ряд ошибок, который строится на положении *post hoc, ergo propter hoc* и т. п.; новое же мышление стремится прежде всего схватить существенные признаки явлений и сгруппировать их по этим признакам. В истории очень часто совершаются явления, имеющие между собою ровно столько же связи, как полет птиц во время сборов войска на войну или то или иное состояние погоды во время замысла известной политической реформы. Все бесконечные споры между учеными о причинах появления и колебаний в известных политических и религиозных движениях, военных успехов и неуспехов разных стран, падений царств и т. п. происходят главным образом потому, что прежде всего не успевается в классификации фактов и представляют себе синхронистически происходящие явления жизни военной, политической, социальной, культурной, моральной гораздо более перекрещающимися в причинной связи между собою, чем это может существовать на самом деле.

Естествоведы давно уже перестали рассматривать явления, руководствуясь только совпадением или сменой их действия во времени и пространстве, и у них наука в строгом смысле только тогда и началась, когда составлены были систематические классификации явлений по их свойствам. Правда, и тут значение пространства и времени вовсе не было оставлено без внимания, но при систематическом обозрении явлений пространство и время получили свое значение — значение условий, среди которых явление происходит, и — последовательности, в какой оно проходит разные изменения. Более того, всякая естественная систематика или статика явлений необходимо покроет собою и историю или динамику их, потому что явления переходят от простейших форм к сложнейшим в известной последовательности.

Так, в биологии статика и динамика уже почти слились в теории эволюционной.

Но только проведши факты через логическую систематику, мы достигнем того, что топографическая и хронологическая стороны их проявления будут помогать нам уразуметь их, а не затемнять и сбивать с пути наше разумение. Обращаясь к тем явлениям, какие входят в сочинения исторические, мы видим, что они могут быть уложены в следующие систематические рамки:

А) Материал, из которого составляются общества: а) индивидуумы, б) народности.

Б) Общества: а) формы их: семья, класс, союз государственный, союз межгосударственный.

С) Продукты общественной деятельности: материальные и нравственные.

Все то, что входит в первый отдел, распадается на две науки: антропологию и этнологию, которые связывают науки общественные с естественными. Все, входящее во второй отдел, есть, собственно, предмет науки общественной или наук общественных, динамика которой или которых есть история. Не подлежит сомнению, что факты топографические и хронологическая смена исторических явлений не потеряют своего значения и при таком распределении материала, но именно станут на своем месте.

Такое распределение исторического материала не будет особенно ново: ему уже стараются следовать в течение последних лет, но только не вполне систематически и только в той части истории, которую называют обыкновенно внутреннею, где мы уже давно встречаем обозрение фактов жизни религиозной, научной, художественной, семейного и общественного строя, экономической жизни известного народа и т. п. Только этому более систематическому обозрению обыкновенно предпосылается более или менее бессвязно-синхронистическое и хронологическое обозрение фактов разного рода, большую частью по династическим сменам расположенных; при несколько большей систематичности обозрения факты эти могут в значительной доле уложиться в два класса: явлений быта государственного и быта междугосударственного,— отделив остаток для других классов, уже поместившихся в так называемой внутренней истории. Таким образом, новым в изложенном выше требовании систематического распределения фактов исторических является только требование большей последовательности в группировке фактов по родам и видам, которая обратит все главы исторического обозрения в главы внутренней истории.

Такое распределение исторического материала не должно, по настоящему, быть отрицаемо даже и теми, кто признает исключительно целью исторической науки собирание и восстановление достоверности фактов. Историческая критика получает в таком социологическом методе помочь в таких случаях, когда не существует ровно

никаких данных для проверки известных показаний об известном явлении. Эта помощь состоит в сравнительном методе, который есть неизбежное последствие логической, а не топографическо-хронологической системы изложения. Так, например, мы читаем у Геродота *, что один из северных народов, «справедливые оргимнеи, как существа священные, приглашаются соседями мирить их ссоры». С другой стороны, Тацит говорит ** о народе хавках: ¹³⁵ «*Chauci populous inter Germanos nobilissimus, quippe magnitudinem suam malint justitia fueri. Sine cupiditate, sine impotentia, quieti secretique nulla provocant bella, nullis raptibus, aut latrociniis populantur.*». Как проверить эти показания, если не сравнением быта лесных оргимнеев и германцев с бытом наших сибирских инородцев и краснокожих американцев, находящихся в тех же условиях быта, что и оргимнеи и хавки? А это сравнение и покажет нам невероятность сведений, сообщаемых древними писателями, покажет, что тут мы имеем дело не с реальными сведениями о дикарях древнего мира, а с остатками мифа о блаженных народах на окраинах света.

Такое же сравнение быта народов диких с рассказами о первоначальном жреческом периоде истории разных народов древности покажет нам всю неверность этих рассказов. Только сравнительным методом мы сумеем определить и хронологическую эпоху для известного рода фактов, если источники, откуда мы почерпаем эти сведения, отрывочны, искажены или отличаются сбивчивою или фантастическою хронологией. Бессспорно, Ренан прав, когда говорит ***: «Индия не оставила нам ни строчки истории в собственном смысле: ученые иногда жалеют о том и заплатили бы на вес золота за какую-нибудь хронику, какой-нибудь ряд царей, но, по правде сказать, мы имеем больше, чем это: мы имеем ее поэмы, ее мифологию, ее священные книги, мы имеем ее душу. В истории мы нашли бы несколько фактов, сухо рассказанных, в которых критика едва ли могла бы схватить истинный характер, а басня дает нам, как в оттиске печати, верный образ ее (Индии) способа чувствовать и думать, ее портрет, начертанный ею самою». Но как мы распределим по хронологическим эпохам тот действительно богатый материал для истории Индии, какой дает ее литература, при той фантастичности хронологии, какою отличаются писания индусов? Куда, например, поместим мы важнейшие в историческом отношении рассказы о борьбе воинов и жрецов, которую индийские книги помещают чуть не в начале света? Вот тут-то именно только сравнение истории развития индусов с историей египтян, евреев, финикиян, вавилонян поможет нам поместить эту борьбу между XI — VII веками до Р. Х. Таких примеров можно бы было привести множество, но мы ограничиваемся немногими, чтоб пока-

* IV, 23.

** German., XXXV.

*** Études d'histoire religieuse, 3.

зать, что социологическая классификация фактов оказывает услугу самой исторической критике и хронологически фактической истории, без которой, конечно, не возможна и общественная наука, как не возможна была бы биология без коллекций и без описательно-топографического изучения животных и растений.

Такого рода социологическое изучение исторических явлений, не снимая с историков ни одного из родов труда, какой несли они и до сих пор, еще более расширяет этот труд. Уж один из немногих историков, отчетливо высказывавший новые требования от своей науки, Бокль, жаловался, что «один историк не знаком с политической экономией, другой ничего не знает в праве, тот — в делах церковных и изменении мнений, иной пренебрегает выводами статистическими, другой — физическими науками» *. Расширяя таким образом значительно область труда для историка, новое направление делает этот труд более систематическим и потому уже более плодотворным. Если в чем только можно укорить это направление, в том числе и самого Бокля, так это в преждевременном стремлении добыть те обобщения, которые могут быть лишь результатом частных изысканий, иногда даже столько же в области обществознания, сколько и в области соседних с ним наук, да в склонности более рассуждать о методе исследования, чем производить таковые. Если обществоведы желают достичь результатов, каких достигли естествоведы, и не желают, разглагольствуя в общих словах, стоять на одном месте или тратить знание и остроумие на аналогии, они должны обратиться к частным исследованиям фактов, конечно, по новому плану и с новыми целями, но все-таки к монографическим трудам, которые дадут прочный материал для выводов о развитии человечества вообще. Начало таким трудам положено в работах самого Бокля и других английских писателей, как Тейлор¹³⁶ и Герберт Спенсер (мы разумеем его сочинение о социальных группах, представляющее интересный материал для истории развития английского общества).

Конечно, последовательное проведение систематики фактов исторических по социальным группам, а в них — по ступеням развития, подействовало бы разрушительно на самое традициональное разделение истории на древнюю, среднюю и новую. Довольно вспомнить, что новые общества еще перед самым XIX веком находились под обаянием классической жизни и литературы, чтобы прийти к заключению, что, значит, только недавно новая жизнь поднялась решительно на дальнейшую ступень развития, сравнительно с древней. Множество фактов новоевропейской истории, до самого XVIII века включительно, при систематическом распределении их по ступеням развития, пришлось бы разместить не в вертикальном направлении, ниже фактов древней истории, а рядом с ними в горизонтальном направлении, так как эти факты новой истории, происходя на более обширной

* History of civilis. in England. Leipz., 1865, I, 4.

территории, объединению которой способствовала древняя цивилизация, отличаются часто от фактов древней истории только размерами и сложностью, а не сущностью. Такое параллельное обозрение фактов древней и новой истории возвышает интерес и значение особенно истории классических народов, так как в ней можно видеть те же явления, что в новой, но только в более простом, и что зависит отчасти от характера греков и римлян, в более рельефном виде; такое параллельное изучение фактов древней и новой истории принесет поэтому пользу последней; наоборот, оно полно пользы и для древней истории, потому что помогает, посредством сравнения с временами, от которых осталось более памятников, пополнить недостаток сведений относительно многих сторон древней жизни. Прием этот не составляет совершенной новости: уже старые итальянские историки и политики XVI — XVII веков поясняли итальянскую историю греческою и римскою и наоборот, а в новое время довольно указать на то множество остроумнейших объяснений и пополнений фактов греческой политической жизни фактами из жизни итальянских городов и самой Англии, какое встречаем чуть не на каждом шагу у Грота в его «Истории Греции».

Впрочем, трудность вопроса об отношении между явлениями древней и новой жизни падает на изучающих специально преимущественно эту последнюю. В истории народов новоевропейских точно смешивается и струя продолжающейся цивилизации древних народов, и течение развития новых народов, которые, став в соприкосновение с классическими народами и заняв их место, стояли сами на ступени развития гомеровских греков и римлян эпохи царей и, естественно, должны были более проходить те ступени развития, которые прошли перед тем греки и римляне. Специалисты же по древней истории имеют перед собою вполне простой и естественный ход развития человека в обществе от самых низких ступеней включительно до той, которая называлась Римскою империей.

БОРЬБА ЗА ДУХОВНУЮ ВЛАСТЬ И СВОБОДУ СОВЕСТИ В XVI — XVII СТОЛЕТИИ

I

С XVI в. не только в протестантских, но и в католических странах стала явно брать перевес та система отношений между церковью и государством, которая может быть названа господством государства над церковью. Это та система, которой следы наиболее крепки на практике и до сих пор, хотя уже с XVIII в. стали заявляться теоретические начала другой системы, которая с тех пор медленно пролагает себе путь в практику, а именно система полного разделения областей церкви и государства. То изменение средневековых отношений церкви и государства, которое резко проявилось в XVI в. реформацией, вызвано было многими причинами, коренившимися в прошедшем и настоящем. Из этих причин важнейшими были: злоупотребления системы господства церкви над государством, злоупотребления светской власти пап, усиление власти государей, совершившееся около XV — XVI в. во всей Европе, подрыв, нанесенный умственным движением времен возрождения аскетическим идеям, которые дали такое твердое основание для доктрины, превозышавшей духовных над светскими, и т. п.

В течение XV и XVI вв. не было страны в Западной Европе, которая бы самым горьким образом не оплакивала положение католической церкви и злоупотребления ее представителей, обусловленные установившейся в течение средних веков системой отношений между церковью и государством. Из заявленных в эту эпоху жалоб замечательнее других сто жалоб (*centum gravamina*), составленных немецким имперским сеймом в Нюренберге в 1523 году; жалобы эти любопытны, кроме своего содержания, еще и потому, что их с особенным рвением поддерживали те самые лица, которые старались пресечь распространение реформации Лютера. Представители народа германского жаловались, что духовные владеют двумя третями, а в некоторых местах — тремя четвертями земли, а между тем не хотят ничем пособлять светскому обществу для удовлетворения публичных потребностей. Члены сейма просят, чтобы духовные хоть сколько-нибудь (*rescipiæ quirriam*) давали денег на эти нужды. Сейм жалуется, что богатства духовные продолжают расти посредством обманов,

шарлатанства, особенно у одров умирающих. В некоторых местах духовные имели привилегию первыми продавать сок из своего винограда; пока они продавали, вино бедняков кисло. Духовные выдумывали обряды, «не только суеверные, но и противные христианской религии», как, например, крещение колоколов, для которых назначали в воспреемники богатых людей, обязанных платить порядочные суммы. Священники, получив плату за совершение обряда венчания, требовали еще особой за благословение брачного ложа, а между тем за деньги разрешали браки, называемые союзами терпимости. Между самими духовными наложничество существовало как узаконенный ежегодной платой епископу факт и т. п. и т. п. Духовные суды то и дело привязывались к светским людям по обвинению то в блуде, то в волшебстве и т. д., а между тем даже уголовные преступления «помазанных злодеев» (*uncti illi malefactores*) оставались безнаказанными или наказывались покаянием.

Высшее духовенство германское и папство не вняло жалобам представителей германского народа и за то было наказано реформацией. Мы увидим ниже, что и реформационные учения, особенно в устах Лютера и Кальвина¹, заключали в себе начала клерикализма, которые, будучи проведены логично, могли бы создать новую форму духовного господства ничуть не лучше римского. Опасность восстановления этого господства прошла только тогда, когда средневековые идеи были подорваны в корне, чего не имели в виду ни Лютер, ни Кальвин. Но жар борьбы и обстоятельства времени заставили деятелей реформации высказать множество такого рода идей, которые отнимали почву у клерикальной силы в то время и на будущее. Пороки и невежество монахов, агитация против них деятелей возрождения сделали то, что реформаторы хотя и не отреклись окончательно от начал аскетизма, однако свергли монашество и таким образом повалили самое сильное орудие клерикализма, самое резкое отличие избранников, т. е. клира, от народа, от светских. Лютер, как и прежние моралисты, считает девство высшим состоянием, чем брачная жизнь, но и брачная жизнь, по его учению, не скверна, а естественна, и человек семейный отнюдь не менее угоден Богу, чем монах. К разрушению старого учения о преимуществе монахов над светскими послужила у реформаторов и их любимая доктрина о предызбрании людей к спасению, по которой простой мирянин мог, по благодати Божьей, спастись в то время, когда монах, совершающий все подвиги аскетизма, мог не быть удостоенным Божия выбора. «Крестьянин, который работает, женщина, занимающаяся хозяйством, чиновник, исполняющий свою службу, делают дело такое же святое, как и монах, который молится и постит», — говорит Лютер, и в этих словах заключается начало полного освобождения светского общества от духовного господства. По временам суровый Лютер заговаривал о светской жизни как человек эпохи возрождения классицизма. Таково его известное изречение о том, что кто не любит вина, песен и женщин, тот глуп всю

его жизнь; таково восклицание, что если Бог создал доброе мясо и доброе рейнское, то люди могут его есть и пить. Вольтер сказал, что реформация произошла от того, что монаху захотелось жениться. Если бы то и так, а в конце XV и начале XVI вв. многие стремились вырваться из монастырей, например знаменитый Эразм Роттердамский², то факт женитьбы Лютера, представляющий громкий протест средневековому аскетизму, имел важные последствия, между прочим и по своему влиянию на изменение отношений между церковью и светским обществом вообще и государством в частности. Отвергая монашество как учреждение, Лютер отвергал и преимущество священства над мирянами. «Толкуют,— говорит он в послании к христианскому дворянству немецкого народа,— толкуют, что папа, епископы, священники и те, кто населяют монастыри, составляют словесное духовное, или церковное, а что князья, благородные, горожане, крестьяне суть состояние мирское, или светское. Вот милое измышление! Только его нечего бояться никому. Все христиане состояния духовного. Мы все имеем одно крещение, одну веру, а только это и составляет человека духовного. Мы все посвящены в священство через крещение, как говорит святой Петр³: «Все вы священники и цари!», хотя не всем можно выполнять эту должность... И так священники и светские ни в чем не отличаются между собою, исключая занятий». При таких понятиях, конечно, не было места для теорий о привилегиях, иммунитетах⁴ и т. п., на что претендует и до сих пор католическое духовенство. Аугсбургское исповедание⁵ прямо отвергает всякую примесь светского господства к власти церкви. «Власть над ключами (царствия Божия),— говорит это исповедание,— есть власть, данная Иисусом Христом апостолам, или, скорее, поручение (*mandatum*) проповедовать Евангелие, исправлять или сдерживать грехи и управлять таинствами. Власть эта относится к благам вечным, отправляется только службою слова и не должна затрудняться правлением политическим. Правление политическое, с другой стороны, должно заниматься чем угодно, только не евангелием. Начальство охраняет их от нападений извне, оно принуждает людей мечем и наказанием уважать гражданское правосудие и мир. Вот почему следует осторегаться смешивать власть церкви и государства. Многие неудачно смешивали власть епископов и власть светскую, и из этого смешения выходили великие войны, возмущения, волнения. Власть церкви не должна вторгаться в область, которая ей чужда, ибо Христос сам сказал: «Царство мое не от мира сего!» и еще: «Кто меня поставил судьбою между вами?». Павел⁶ говорит филиппийцам: «Наше государство на небе». Пусть же церковь не вмешивается в дела этого мира, пусть она не берется раздавать царства, ни управлять светскими чиновниками, ни уничтожать законы гражданские... епископы сами по себе не имеют никакой юрисдикции, никакой власти, кроме власти отпускать грехи. Если на деле они имеют какую-либо власть, то не в силу права божественного, а по поручению государя». Само собою

разумеется, что всякого рода изъятия духовных из подчинения (общей) власти Лютером были отвергнуты. Хотя Лютер и не одобрял секуляризации церковных имуществ⁷, признавая за ними назначение служить для целей образования и милостины, но эта секуляризация вытекала логически из его же начал. Даже с католической стороны на сейме в Аугсбурге в 1525 г. предложен был проект об отобрании в казну имений духовных и о назначении последним жалования от государства. Почти во всех протестантских государствах мало-по-малу и совершилась эта секуляризация. Католическое духовенство кричало о грабеже, Лютер сам не одобрял употребления духовных средств на светские цели, но должен был сознаться, что настоящими грабителями духовных имуществ были не столько князья, отбиравшие их в казну, сколько католические духовные, тратившие их на удовлетворение своих прихотей.

Если логически провести принципы, высказанные в приведенных выше словах аугсбургского исповедания о разделении области церкви и государства, то получается система полной свободы совести, полностью отсутствия всякого не только духовного господства, но даже и покровительства государства над церковью. Но дело в том, что до крайних последствий своих общих начал люди доходят не всегда и не сразу. В истории же очень часто идеи и учреждения развиваются не столько посредством логического проведения отвлеченных начал, сколько под давлением обстоятельств, по реакции, в борьбе интересов. Отвергнуть всякую власть, т. е. принудительную силу церкви, принять полную свободу отношений к ней казалось слишком смелым для реформаторов XVI века. Такое логическое проведение принципа свободы не совместно с убеждением, что мы обладаем полной и непреложной истиной; а в последнем относительно себя Лютер и Кальвин, думавшие восстановить «настоящее» христианство, были также крепко убеждены, как и католики. Поэтому, в виду противников старых, католиков, и новых, разного рода еретиков, и реформаторов XVI века искали внешней силы, на которую им можно было бы опереться. Такую силу в XVI веке почти везде были государи, князья, стремившиеся к централизации. Главным противником реформации была католическая церковь; она же своим богатством, своей организацией стремилась если не воспреобладать над государством, то, по крайности, составить в нем изолированную часть, стремление, которое было противно интересам государей. Тогдашние отношения государей и духовенства выражены очень хорошо в словах Кромвеля⁸ Генриху VIII Английскому⁹: «Государь, вы только на половину король, а мы только на половину ваши подданные. Станьте вполне королем, провозгласив себя главою церкви английской», и Генрих VIII ввел в своем государстве реформацию. Когда князья и государи вслед за реформаторами стали нападать на духовенство католическое, когда они стали покровительствовать реформации, духовенство католическое само заговорило о разделении области церкви и государства.

Себе оно потребовало духовной свободы, т. е. свободной, неограниченной власти над паствой и имуществом, государям же указывало только на область внешней стороны жизни паствы, но отнюдь не клира. Реформаторы с жаром восстали против этой доктрины. Уже страшась ересей, Меланхтон в 1537 году писал, что церковь не должна быть демократией, в которой каждому предоставлена свобода подавать голос и переменять догматы, но аристократией, в которой обмениваются мнением те, кто начальствует, т. е. епископы (пресвитеры) и государи. В виду протестов католиков против вмешательства князей в дело преобразования церкви, тот же катехизатор реформации спрашивал: «Хотят ли сделать с государем эпикуров¹⁰, которые всю жизнь будут заботиться только о брюках своих подданных? Ведь порядок и мир не составляют цели (общества), но только средство; цель же есть нравственное и религиозное совершение человека. И хотят, чтобы верховная власть, управляющая обществом, осталась чуждою самым большим из интересов человечества! Нечего выставлять некомпетентность государства в делах веры; государи стоят во главе светского общества, а светские-то и составляют церковь». Кальвин считает безумным мнение тех, которые хотели бы, чтобы государственные чиновники, бросив под ноги Бога и религию, занимались только юридическими отношениями между людьми, как будто Бог установил власти, существующие во имя Его, только за тем, чтобы они разбирали ссоры и процессы земные, а забыл главную цель, а именно, чтобы ему служили должным образом, по закону его. Государи, которые оставляют без внимания почитание Бога, заботясь только о благе людей, ставят плуг впереди быка. Заявление подобных идей не ограничивалось письмами и сочинениями реформаторов, но и переходило в публичные акты. Так, Тридентскому собору¹¹ в 1552 году заявлено было немецкими протестантами, что государи — стражи закона естественного и божеского, что, как таковые, они имеют право воспрещать действия, нарушающие закон Божеский, и наказывать их; государи могут даже восполнять законы Божеские, «не имея только власти изменять их». То же заявили в 1554 году протестантские богословы, собравшись в Виттенберге, а столетие спустя в том же Виттенберге богословы объявили, что государь имеет право обязывать подданных принять поддерживаемое им исповедание веры и заставить священников подписать его. В Англии перемена веры и основания английского вероисповедания были приняты и сделались обязательны в силу повеления государственной власти, т. е. короля и парламента. И так мы встречаемся опять с соединением в одних руках власти духовной и светской, только в руках светских, в руках государства. Насколько эта новая формула отношений церкви и государства сравнительно со средневековою формулой духовного господства была выгодна для народов, можно видеть по примеру смуты и войны за религию, например, в Англии, где в течение XVI века каждое правительство изменяло формулы обязательной для страны религии и вводило

их насилиственно. Глядя на такие явления, Боссюэт¹² сказал по поводу религиозных дел Англии в XVI веке: «Весь выигрыш с реформацией состоял в том, что, отвергнув папу духовного, наследника святого Петра, страна получила папу светского и отдала в руки начальства авторитет апостолов». Таковы были результаты непоследовательности реформаторов XVI века: они отвергли авторитет пап и соборов, власть католической церкви, но остановились перед признанием полной свободы лица в деле веры и устранили всякую « власти» в делах духовных, отдав эту власть в руки того, кто был тогда сильнее всех и кто кой-где поддерживал реформацию, т. е. князей. Такие люди, как Лютер, Меланхтон, Кальвин, надеялись, что власть будет всегда за них, что она не перейдет границ Евангелия, но где же были гарантии к тому? Если нельзя было поручиться, что частные лица всегда будут соглашаться с тем толкованием Евангелия, которое предлагали реформаторы, то где же были ручательства за согласие и верность Евангелию толкования князей? Частные лица, по крайности, не имеют внешней силы, которая бы повредила делу веры; не то с лицами, власть имеющими. Колебания в религиозной политике, гонения и войны, которые напомнили вторую половину XVI века, показали мыслящим людям среди протестантов всю опасность смешения областей веры и государства и побудили их провести логичнее те начала свободы личной и разделения области духовной и светской, которые были высказаны первыми реформаторами в жару борьбы против католицизма и которые были заслонены в первое время успеха реформации при помощи некоторых из представителей светской власти.

II

Пока на почве умственного возбуждения, поднятого реформацией, и при виде бедствий религиозных смут, опустошивших Европу в XVI — XVII веках, выработались начала действительно здравой религиозной политики, протестантским землям пришлось перейти еще через одну из непоследовательностей реформационного движения. Реформация была, с одной стороны, реакцией католицизму, унаследованной от века возрождения, а с другой — реакцией самому возрождению наук. Поэтому и реформационные деятели, проповедывая равенство светских с духовными, имели идеалом отнюдь не то, что все люди должны быть светскими, а то, что все христиане должны быть духовными. Так как это невозможно, то все-таки пришлось признать, что вполне идеальную жизнь ведут не многие духовные, которые потому все-таки выше светских, насколько дела духовные выше мирских. Поэтому, проповедывая право князей вмешиваться в дела церкви, реформаторы оставались в убеждении, что князья должны все-таки слушаться пасторов и вмешиваться в дела церковные именно в интересах идей, проповедываемых этими пасторами. Таким обра-

зом, и в среде реформации сохранялось понятие о «власти» церковной, а потому и зародыши духовного господства. По временам в разных центрах реформы образовалось полное духовное господство не хуже римского; таково в особенности господство Кальвина, женевского папы протестантства. Мало-по-малу в протестантских государствах поднялась своя борьба между церковью и государством, оставившая следы в политической литературе с конца XVI века до половины XVIII века. Логические последователи религиозных начал реформации — пуритане¹³ говорили, что и государи должны помнить, что церковь ведет начало от Бога, что они должны склонить пред нею свои скипты, повергнуть свои короны пред невестой Христа и, как говорит пророк, «лизать прах от ног ее». Столь высоко стоящая над государством церковь представляется пасторами, «которым Бог вручил управление духовными делами». Светская власть, по словам Кальвина и его последователей, «не имеет права вмешиваться в определения этих пасторов, но зато она должна смотреть, чтобы истинная религия не была оскорблена, а для этого светская власть должна защищать и покровительствовать собраниям духовным, смотреть за исполнением их декретов и наказывать тех, кто их нарушает». Уже в XVI веке голландские пасторы претендовали командовать государственной властью, ссылаясь на то, что не овцы управляют пастухами, а пастухи овцами. В конце XVI века в Голландии возникла секта арминиян (от Арминия, собственно Якова Германна)¹⁴, которая отвергала догмат Кальвина о предопределении. Гомаристы, представители ортодоксального кальвинизма (от Гомара¹⁵, товарища Арминия по Лейденскому университету и противника его), возбуждали против арминиан население. Правительство сначала заботилось об успокоении обеих партий, но гомаристы отрицали право светской власти на такое вмешательство в духовные дела, требуя от нее только преследования еретиков (Богерманн)¹⁶. Пасторы требовали, чтобы правительство охраняло вероисповедание, утвержденное кальвинистскими соборами, и воспретило проповедь нововведений, изгнав приверженцев их из школ и кафедр церковных. В таком смысле сделано было заявление в 1609 году на собрании генеральных штатов, а также на знаменитом Дордрехтском собрании кальвинистских пасторов в 1618 году. В силу определений этого собора арминиане или ремонстранты пострадали, но претензии гомаристов на духовное господство повели только к усилению светской власти даже в пределах веры. Спором их с арминианами воспользовался Штатгальтер¹⁷, который преследовал арминиан как республиканцев. Литературные противники кальвинистского клерикализма не удерживали своей оппозиции ему тоже в должностных пределах: из множества памфлетов, поражавших претензии кальвинистских «папистов», выдаются «Apollogia pro confessione Remonstrantium» (1610), защита арминиан, «Grallae» (1646), «Lucci Ausistii Constantis de jure ecclesiasticorum» (1665), «Velthuys-Munus pastotale et jus Ecclesiae» (1680). Сущность всех этих трактатов состоит в том, что в государстве не может быть

двух властей, что претензии духовных на власть не имеют смысла, что светская власть установлена Богом, а потому, как говорит трактат 1605 года, пасторы должны учить то, что им приказывает государственная власть. Таким образом противники протестантского клерикализма из одной крайности попадали в другую: истина была в третьей крайности, до которой еще пришлось додумываться. Похожая же борьба и похожие доктрины о преобладании государства над церковью высказывались в течение XVII века в Германии и в Англии. В Германии Пуффендорф (*de habitu religionis christiana ad vitam civilem*) не только защищает единство власти в государстве, но, обращаясь к Евангелию, старается показать, что Христос не создал никакой собственно «власти» для церкви, что вся обязанность последней — учить и отпускать грехи. Вслед за Пуффендорфом против притязаний протестантских *Gernpraepste* выступает Томазиус¹⁸ (*«Historia Consentientis inter imperium et sacerdotium»*), который в следующих едких выражениях осмеивает эти претензии: «Духовные — святые, избранники Божии; все, что они делают, хорошо. Если же им случится сделать что-нибудь мало приличное духовному званию, мы не должны им подражать, но не должны и думать, что духовные через то достойны упрека. Несмотря на их грехи, мы должны их уважать и почитать; в том состоит верх совершенства христианского. После этого можно быть прелюбодеем, вором, убийцей, совершая все возможные преступления; уважение к церкви выкупит все. Между тем те, кто нападает на духовных и церковь, хотя бы были святые,— безбожники, еретики, дьяволы, недостойные видеть свет дня. Что такое светские в глазах духовных? Мулы и ослы.» Боемер (*«Jus ecclesiasticum protestanticum»*, 1756, V. ed.) возвращается к мысли голландских публицистов о главенстве государства над церковью до откровенного заявления, что государи наследовали папам в своей власти над церковью. Новую эпоху в разработке вопроса о церкви и государстве предвещает трактат Тиндаля¹⁹ «Права христианской церкви, излагаемые против римских и всех других священников, которые требуют независимой власти над нею» (1706). Церковь, говорит английский философ, есть общество верующих, и, как таковая, она не имеет власти государства. Государство имеет даже над церковью большую власть, чем над другими обществами, потому что оно существенным образом заинтересовано, чтобы в ней проповедовались принципы, которые бы служили в пользу народу. Но власть государства в деле религии не идет до того, чтобы оно имело право насиливовать над совестью: преследование за веру не только не есть обязанность государства, как это говорит римская церковь и те, кто следуют ее правилам, но есть величайшее преступление; начальство должно наказывать тех, кто проповедует это пагубное учение. Этот новый вид строжайшего господства государства над церковью, которого желает английский декан, уже вытекает из идей полной секуляризации государства, сближающих Тиндаля с свободными мыслителями

XVIII века. При известных условиях это господство послужило бы источником новых насилий государства над совестью, если бы свобода последней не была оговорена подчеркнутыми словами о том, что из всех религиозных мнений Тиндель советует преследовать только мнение о необходимости преследований за веру.

Сопоставив слова Тиндаля о главенстве государства над церковью с словами протестантских богословов в Триденте и Виттенберге о том, что князья могут дополнять закон Божий, только не разрушая его, мы можем произнести оценку историческому значению той перемены, которую произвела реформация в отношениях церкви и государства. Сама против воли своей, реформация отдала церковь в руки государства: разрушив монашество и единство церковной организации, создав национальные церкви, ставши под покровительство светской власти, реформация создала систему, которая порабощала церковь и веру государству. Система опасная, если бы она была проведена последовательно, и более унизительная для человека, чем даже система духовного господства. Она могла привести европейское общество в то состояние, в котором находилась Византийская империя и даже магометанские государства. Но в европейском обществе XVI — XVII веков были стороны и условия, которые не только не дали слишком большого и долгого развития систем княжеского деспотизма над совестью и верой, но дали благоприятный исход религиозному кризису, разрушившему средневековое духовное господство. Сама реформация создала некоторые из этих условий. Раздробив церковный авторитет, подорвав традиционные учения, реформация дала толчок разноверию, которое развилось до столь сильных размеров, что победить его не могла ни церковь, ни государство. Государству оставалось или преследовать разноверие, или признать его, т. е. признать свободу совести, а следовательно, и разделение области веры и государства. Благодаря развитию промышленности, политических интересов в европейских государствах явились другие дела, кроме религиозных, и правительственные лица не могли оставить их вовсе без заботы. Умственное же движение со времен возрождения создало и другие нравственные потребности, кроме религиозных. Вот почему среди религиозных смут, вызванных реформацией и питавшихся системой, которая обязывала государственную власть вмешиваться в дела совести, явились люди, которые поставили интересы светские выше интересов вероисповеданий; государственная власть, не стесняемая силою духовенства, могла скорее внять этим людям, чем присяжные представители вероисповедных начал. Результатом этого предпочтения государственных интересов вероисповедным были религиозные миры в XVI и XVII веках, которые, хотя в весьма еще несовершенном виде, но предъявляют начало новой религиозной политики. Подобные миры были невозможны при системе духовного господства. И вот мало-помалу в руках людей вроде Тиндаля теория господства светской власти в делах церковных принимает вид не

насилия государей над совестью, а заботы, чтобы не было подобного насилия со стороны церкви и ее официальных представителей. Мы еще вернемся к оценке этого нового вида теории господства государства над церковью, равно как и первоначально ее вида и попыток религиозных миров, а теперь посмотрим, какой вид приняла система преобладания государства над церковью в государствах католических, в которых государственной власти предстояло прилагать новую систему при существовании всех старых церковных учреждений: папства, монашества, епископата.

III

Уже с конца XV века католические государи Европы, руководствуясь чисто государственными или личными интересами, не стеснялись притязаниями церкви и глав ее, пап, на господство и привилегированное положение. Самые усердные к католицизму государи испанские, Фердинанд²⁰, Изабелла²¹ и Филипп II²², однако, строго охраняли королевские права от посягательств пап и духовенства. Когда папа издал бреве²³, нарушающее права Фердинанда Католика как короля неаполитанского, последний написал своему наследнику строгий выговор, почему он не повесил посланника папского, который осмелился обнародовать подобное бреве, и предписал, если посол еще в неаполитанском государстве, повесить его: «Пусть в Риме говорят, что угодно», прибавляя католический король. Когда папа Сикст IV²⁴ дал своему племяннику епископство в Испании, которое Изабелла хотела предоставить своему капеллану, королева выразила свое неудовольствие папе. Фердинанд и Изабелла велели своим подчиненным выехать из папских владений и погрозили папе обещанием созвать собор для исправления беспорядков церковных. По выражению одного испанца, папы столько же любят соборы, сколько черт святую воду, а потому папа уступил и признал право испанских королей назначать на духовные должности (1484). Испанские короли оставили за духовными их юрисдикцию, иммунитеты и имущества, но отнюдь не в силу божественного права, а в силу воли государя. Касательно юрисдикции они объявили, что светская юрисдикция выше духовной и может исправлять решения последней, предписывать ей решения и т. п. Имущество духовных короли испанские именно потому и не трогали, что могли во всякое время облагать их налогами скорее, чем имущества светских, для чего надо было согласие сословий. Когда папа Пий V²⁵ обнародовал известную буллу «In Coena Domini»²⁶, воспрещавшую взимание податей с духовных, Филипп II воспретил объявление ее в Испании. Таким образом, фанатический защитник католицизма вдвойне подрывал средневековую теорию отношений церкви и государства. В Испании, впрочем, подчинение церкви го-

сударству было более фактом, чем вводилось в теории. Настоящая страна теоретической, а не только практической борьбы между церковью и государством есть Франция. Здесь выработались отношения и теории отношений между церковью и государством, так называемое галликанство, которое из систем учений и порядка в католических странах наиболее приближается к протестантским и православным отношениям церкви и государства. Это галликанство было заветным стремлением королей французских еще в средние века, например даже св. Людовика²⁷, богословов парижского университета, которым принадлежало умственное первенство в церкви в начале XV в., легиотов, королей и епископов, вроде Боссюэта. Это галликанство, хотя и подорванное возрождением ультрамонтанства²⁸ после французской революции, характеризует тенденции значительной части французского духовенства и в настоящее время. Имея частное название, галликанство не есть однако теория, ограничивающаяся только Францией; она есть теория церковного устройства и отношения церкви к государству, которая обнимает собою всю жизнь церкви и которой, без сомнения, с падением светской власти пап, суждено играть на время первенствующую роль в католической церкви. Галликанство поэтому заслуживает особенного нашего внимания. Рассмотрев его с практической и теоретической стороны, мы увидим: действительно ли оно представляет такую систему отношений между церковью и государством, на которой европейское общество может остановиться как на такой, которая решает все трудности этого важного и запутанного вопроса.

Франция — страна, издавна связанная взаимно хорошими отношениями и взаимными интересами с римским престолом, страна усердно католическая. Таких предметов для ссор, какие представлялись между императорами германскими и папами, во Франции не было, а потому Франция даже и теперь не думает, в большинстве своем и в лице своих правительств (исключая революционного), отвергать авторитет папы и католического единства. Но в то же время Франция — страна издавна сильной центральной власти, которая не может позволять нарушения и слабления своего авторитета безусловным подчинением членов своего государства, духовных, лицу, стоящему вне оного, папе, ни устраниением духовных из ведения государственной власти. Вместе с тем, во Франции слишком давно, еще до поднятия папства, власть духовенства пустила корни, а потому духовенство французское само не желало безусловного повиновения пап с подчинением государям и государству, централизацию церковную с независимостью национальной церкви. К этому идеалу стремились в особенности во время XVI и XVII в. и правительство, и легисты²⁹, и духовенство французское. Посмотрим на проявление и формулы этих стремлений и вместе с тем увидим, насколько состоятельно то разрешение вопроса об отношении церкви и государства, которое предлагают галликанцы.

Еще в средине века правительства, сословия и юристы тяготились папскими буллами и бреве, которые часто становились в разрезе с законами государства и с потребностями страны, а потому государи не раз воспрещали обнародование известных папских распоряжений; теоретики же государства, легисты, требовали, чтобы каждое папское распоряжение, прежде обнародования в известной стране, получило одобрение от верховной власти, выражаемое формулой: *placet*³⁰. Органом подобных стремлений к ограничению папского самовластия во Франции явились парламенты, которые считали решительно незаконными все духовные акты без одобрения королей и парламентов. С XVI века противопапские стремления парламентов могли только усилиться. С средних же веков раздавались голоса и против духовных судов. С тех пор ведет начало и стремление подчинить их в апелляционном порядке суду светскому в случае, который на языке французских легистов назывался *appel comme d'abus*³¹. Вот из-за этих *placet* и *appel comme d'abus* и шла с XVI века, главным образом, борьба между папами и иезуитами, с одной стороны, и правительством, легистами и даже галликанским духовенством — с другой. Теорию об отношениях церкви и государства, излагаемую иезуитами и папами с XVI в., мы передадим ниже, а теперь передадим понятия об этом французских государственных людей и юристов.

Уже в XV веке Пий II³² писал Карлу VII³³, что папы имеют только ту власть, какую парламентам угодно оставить им. В XVI веке парламенты воспрещали продажу индульгенций и юбилейных отпущений грехов, разрешаемую папами, и разрешали иногда от себя для поправления известных церквей. В 1552 году папа разрешил есть масло в посты некоторым провинциям Франции, опустошенным войною; дело это не имело вовсе политического характера, однако парламент требовал внесения в свой регистр и таких распоряжений и даже не признал законною папской снисходительности. Нечего и говорить о том, что парламенты и слыхать не хотели о каком бы то ни было господстве церкви над государством, что они решительно запрещали обнародование таких булл, как «*In Coena Domini*» (о которой речь будет после). Во Франции считалось даже правилом, что король французский не может быть отлучен от церкви. Это признавали не только легисты, но и духовные французские. Но чиновники короля — исполнители его воли, а потому последовательные люди требовали, чтоб и чиновники были изъяты из отлучения церковного. По мнению парламентов, светская власть должна исследовать законность всякого отлучения от церкви, налагаемого на какого бы то ни было гражданина. «Государь,— говорили юристы парламента,— должен противостоять свое могущество против всякого притеснения и несправедливости; он обязан божескими и человеческими законами защищать честь своих подданных от тех, кто захотел бы несправедливо отнять ее». Итак, решать, справедливо ли наложено отлучение, должен был король, т. е. именем его парламент. В XVI и XVII вв. на ход внутренней

политики имел большое влияние целый ряд знаменитых политических писателей, юристов, между которыми особенно решительностью в заявлении своих идей об отношениях церкви и государства отличается Шарль Дюмулен³⁴ (1566), автор многих сочинений политико-юридического содержания. Климент VIII³⁵ издал буллу, осуждающую эти сочинения. Булла запрещала на века чтение сочинений Дюмулена, даже если бы кто хотел очистить их от заблуждений, потому что, говорит святой отец, они могут быть очищены только огнем. Кардинал Гранвелла писал Филиппу II, что Дюмулен больший еретик, чем Лютер. И однако сам Дюмулен был добрым католиком. «Если я писал,— говорит он,— то вовсе не для того, чтобы служить страстям еретиков и возмутителей, но в интересе веры и порядка; я писал не для того, чтобы разрушить церковь, но для того, чтобы излечить ее; если я порицал церковь, то для того, чтобы излечить ее; если я порицал злоупотребления Рима, то для того, чтобы защитить права королевского величества». Авторитет Дюмулена в юридическом мире был велик благодаря его уму и обширным познаниям в праве, особенно обычном. Несмотря на папское запрещение, цензоры, назначенные Филиппом II для рассмотрения его сочинений, признали, что большая часть их могут быть напечатаны без всякого изменения. Шарль Дюмулен не признавал господства пап. «В первоначальной церкви,— говорил он,— не было вовсе пап; она не имела другого главы, другого законодателя, кроме Иисуса Христа. Папа — антихрист; повиноваться ему все равно, что повиноваться дьяволу». Папа, по Дюмулену, не имеет никакого права на светскую власть даже в Риме. Дюмулен отвергает, что папа передал власть над западом Карлу В [еликому]³⁶. В первоначальной церкви, говорит он, папы были подчинены государствам, как и другие епископы; если после они поднялись над государствами, то в противность евангелию, вследствие злоупотреблений, обманов, притворства и наконец с помощью открытого насилия. Всякого рода притязания духовных на господство Дюмулен признает восстанием против святости первоначальной церкви и отложением от нее. Королю Генриху II³⁷ Дюмулен указывает на крайнюю духовную партию, тенебрианов, как на людей, которые отвергают авторитет государства, которые «в государстве Генриха воздвигли новое государство, не подчиненное ему». Когда Дюмулена спросили, следует ли подчиняться определениям Тридентского собора, он отвечал между прочим, что «взятие духовных из королевской юрисдикции и повинование законам, обязательным для всех, есть оскорблечение величества. Собор,— говорит он,— дает духовным такую власть над светскими, какой они не имеют во Франции и над духовными. Собор говорит, что десятины составляют часть божественных прав церкви, как будто мы до сих пор живем под законом Моисея³⁸. Вообще собор делает из короля, нашего верховного повелителя, своего вассала, сержанта и исполнителя». Между тем «король», по теории Дюмулена, имеет право издавать законы по всем делам церковным. Говорить противное —

значит восставать против власти, которую государи имеют от Бога, и совершать оскорбление величества королевского и божеского.

Дюмулен — самый резкий из всех защитников прав государственной власти над церковью между французскими юристами реформационного века и вместе самый резкий противник папских притязаний. Другие, например Кокилль³⁹, Паскве⁴⁰, были мягче. Они не считали папу антихристом, признавали за ним почетное первенство, но не уступали ни шагу претензиям пап на государство, не уступали духовенству ни одного из прав государства. Самый мягкий из этих юристов, конечно, Кокилль, который был даже в дружбе с иезуитами. И однако Кокилль, признавая, что Иисус Христос создал папство в лице Петра, признает за папами только почетное первенство в церкви, такое точно, «какое имеет председатель верховного суда во Франции, который получает первые почести, но имеет только один голос в суде и обязан повиноваться его решениям». Обращаясь же к истории и притязаниям пап, Гюи Кокилль находит, что папы как бы изобрели *совершенно новое евангелие*. Легист имел случай высказать решительно свое мнение об авторитете папы в делах светских в то время, когда ультрамонтаны отрицали права отлученного от церкви Генриха IV⁴¹ на корону Франции. «Вопрос о том, еретик ли кто-нибудь, принадлежит суду церкви; но вопрос о том, делает ли ересь неспособным и недостойным царствовать того, кто призван к тому рождением и старыми законами государства, должен быть решен сословиями Франции, а не папою, который не имеет никакого права над короною Франции». Кокилль требует, чтобы «собор французский определил, не постановляя нового закона, но провозгласив право, как оно есть, т. е. что папы не имеют права разрешать подданных от присяги в верности государю, что господство папы имеет место только в делах церковных и духовных, что он не имеет никакой власти в том, что относится к королевству и королевскому величеству и к другим светским делам государства, в которых король — господин, не обязанный признавать никакой власти папы. Если же епископ римский будет упорствовать в своих притязаниях, Франция выберет патриарха и будет управляться национальными соборами, предоставив вселенскому собору⁴² решение вопросов веры». Все частные вопросы об отношениях духовных к государству, как-то: вопросы о так называемых иммунитетах духовных, о духовных имуществах и т. п.— решаются Кокиллем сообразно общему положению: «Согласие в обществе невозможно при существовании разнообразия законов, и когда один член хочет жить по одному закону, а другой по другому» — и решаются в пользу государства и равенства всех перед законом. Духовные же имущества Кокилль считает источником порчи церкви.

Без сомнения, что духовные французские были еще сдержаннее в выражениях, чем легисты. Без сомнения также, что они не были готовы отречься от привилегированного положения, но они не менее ясно, чем юристы, выражались против папской централизации, а по-

тому должны были признавать и права короны, по крайней мере, в принципе. Сущность церковного галликанства резюмирует известный церковный историк Флери⁴³ следующим образом: «Власть, данная Иисусом Христосом, чисто духовная. Власть, которую имеет папа, как глава церкви, должна быть употребляема сообразно канонам, признанным всею церковью; сам папа подчиняется суду вселенского собора; решения, которые объявляет папа, обязательны для частных церквей только с согласия их самих». Когда на Тридентском соборе ультрамонтаны пожелали поставить папу выше соборов, кардинал Лотарингский протестовал в следующих выражениях: «Я не могу отказаться от того, что я француз, воспитанный в университете парижском, в котором авторитет собора считается выше папского и те, кто держится противного мнения, признаются еретиками. Скорее можно заставить француза умереть, нежели думать иначе. Все привилегии королевства основаны и опираются на этой истине: думать, что какой-либо прелат французский согласится поставить папу выше соборов — безумно». Богословы Сорбонны несколько раз объявляли, что учение о непогрешимости папы — чудовищно. Французские духовные, а особенно доктора университета и Сорбонны несколько раз, вслед за парламентами, осуждали те политические идеи, которые ультрамонтаны выводят последовательно из учения о главенстве и непогрешимости папы, а именно начальство папы над государями и подчинение государства церкви. С половины XVI и до половины XVII в. вопрос о преимуществе папы или государей был одним из важнейших, которые решали тогдашние политики и богословы и которые имели важное значение в практике в том веке, когда интересы государей и государств стали расходиться с интересами церкви, а особенно пап. За немногими исключениями, в эпоху лиги католическая Франция и даже духовенство французское не было расположено продавать свое государство папам. В 1561 г. один бакалавр богословия выставил тез, что «папа имеет власть низлагать государей и освобождать подданных от присяги в верности, когда государи не повинуются его приказаниям». Парламент осудил этот тез, и доктора Сорбонны принесли извинение в допущении его. Когда иезуиты просили допущения во Францию, парижский университет высказался против него и в числе причин к недопущению выставил ту, что «иезуиты ставят папу выше соборов». В 1594 г. парижское духовенство обратилось с жалобами на иезуитов к парламенту и говорило иезуитам: «Вы думаете, что папа имеет право отлучать королей и народы, когда ему нравится, а мы думаем согласно с Сигбертом⁴⁴, старым хроникером, который считает еретиком всякого, кто думает, что папа может употреблять могущество церкви для произведения несогласий в государстве. Вы приписываете папе бесконечную власть над всеми властями в мире, вы ставите его выше церкви, вы смешиваете его власть и его произвол; мы же также даем папе немало, мы даем ему власть большую, но определенную законом; мы поднимаем его выше суэтных дел,

мы говорим, что величие его не от мира сего, что все, что находится вне церкви, недостойно его». Ввиду оппозиции французского духовенства радикальному ультрамонтанству иезуитов, последние должны были уступить, по крайней мере для виду, и подписать галликанское исповедание Сорbonны. Парламент внес в регистр это признание иезуитов. Споры по поводу признания свободы богослужения за гугенотами в царствование еретика — Генриха IV питали разделение между французскими легистами и галликанами, с одной стороны, и ультрамонтанами — с другой. Вскоре по смерти Генриха IV на генеральных штатах 1614 г. среднее сословие предложило обнародовать следующее постановление в виде закона: «Что нет на земле власти, духовной или светской, которая бы имела какое бы то ни было право над королевскою властью, которая бы могла лишить прав священной личности наших государей или разрешить их подданных от обязанности верности повиновения, по какой бы то ни было причине и под каким-либо предлогом. Все подданные должны считать этот закон согласным со словом Божиим, без всяких двусмысленных различий или ограничений... Все наставники, доктора и проповедники будут обязаны проповедовать это постановление. Противное же мнение, что будто можно убивать или низвергать наших королей, восставать или бунтовать против них, в каком бы то ни было случае — нечестиво, проклято, противно истине и установлениям государства французского, которое зависит непосредственно от Бога. Все иностранцы, которые напишут или обнародуют подобное мнение, будут считаться отъявленными врагами короля, все подданные его величества, которые к нему присоединятся, какого бы они звания ни были, будут считаться бунтовщиками и виновными в оскорблении величества. Если найдется какая-либо книга или речь, написанная иностранцем, духовным или иным, которая будет заключать положения, противные настоящему закону, то духовные тех же орденов, что и автор, находящиеся во Франции, обязаны отвечать и опровергать ее неотложно, без всяких двусмысленностей, под страхом быть наказанными как соучастники врагов этого государства». Если посмотреть на это предложение без внимания к вызвавшим его обстоятельствам, оно может показаться рабским, закрепощающим во что бы то ни стало бесконтрольность королевской власти с какой бы то ни было стороны. Но в ряду событий и идей XVI — XVII веков предложение среднего сословия становится совершенно понятным и заслуживает полного сочувствия. Ввиду целого ряда убийств и покушений, внущенных иезуитами против так или иначе, но признанных народами государей (Генрихи III⁴⁵ и IV во Франции, Вильгельм Оранский⁴⁶, пороховой заговор⁴⁷ в Англии), ввиду возобновления во всей наготе притязания папы на господство над государствами, ввиду нового провозглашения с папского престола и с кафедр проповедников принципов Иннокентия III⁴⁸ и вмешательства папы и иезуитов в религиозные и политические смуты времени, декларация третьего сословия имеет значение

торжественного заявления желания оградить жизнь государства от людей, которые стоят вне его и которые смотрят на государство только как на орудие для охраны их специальных интересов. Предложение третьего сословия было поддержано парижским университетом и Сорбонною. Но представители духовенства на собрании сословий отказались подписать предложение третьего сословия. Органом духовенства явился кардинал Дю-Перрон⁴⁹. Кардинал не смел явно пойти против резонов третьего сословия и признать подчиненность короля французского папе; он только объявил вопрос спорным, говоря, что во Франции все считают, что король не может быть низложен папою, а, между тем, в других странах: в Испании, Италии и Германии — думают иначе (?); что все христианство признает за папою право низлагать государей в случае ереси, а потому объявить решительно, что ни в каком случае король французский не может быть низложен и что даже признание такой возможности противно слову Божию,— значит обвинить в ереси стольких христиан и самих пап, т. е. произвести раскол. Папа одобрил поведение французского духовенства и назвал представителей третьего сословия бранным словом *nebulones ex fexe plebis*⁵⁰. Дворянство тоже отстало от третьего сословия, но заявление последнего не прошло даром. Оно живо заинтересовало европейское общественное мнение. Даже король английский Яков I⁵¹, жизни которого угрожали католики, явно возмущаемые папою, написал опровержение на речь Дю-Перрона. В 1661 г. Сорбонна издала декларацию, в которой осудила учение о непогрешимости папы и о главенстве его над государствами. Декларация эта была объявлена с предисловием от парламента, провозглашавшим независимость государства от церкви в еще более энергических выражениях. Папа Александр VII⁵² потребовал от короля запрещения декларации Сорбонны, но вместо того парламент наложил запрещение на самую буллу папскую. В скором времени знаменитая декларация галликанской церкви в 1682 г. решила вопрос об отношениях государства к церкви и папам в том смысле, как того требовало третье сословие в 1614 г., и чтобы изгладить следы прежнего сопротивления, теперь духовенство французское решило изъять из духовных архивов речь кардинала Дю-Перрона. В это время королевская власть во Франции достигла своего высшего развития, и духовенству французскому не оставалось другого исхода, как только стать на ее сторону. В поводах к спорам Людовик XIV⁵³ был не всегда чист, как человек; как человек, папа Иннокентий XI⁵⁴ был несомненно нравственнее короля французского, но в споре короля и папы замешаны начала, из которых то, которое представлял король и парламент, все же более способствовало выработке рациональных отношений церкви и государства, чем то, которое представлял папа. Между прочим, Людовик XIV и папа Иннокентий XI поссорились из-за права короля распоряжаться доходами с вакантных епископств. Парламенты признали это право за королем. Папа издал бреве против решения париж-

ского парламента по делу одного монастыря. В ответ на это королевский эдикт 1680 г. воспретил приводить в исполнение буллы, бреве и рескрипты папы и нунция⁵⁵, если при них не приложен патент за подписью государственного секретаря. Собрание духовенства одобрило декрет короля. Спор затягивался. В 1682 г. новое собрание духовенства составило знаменитую декларацию галликанской церкви, которую защищал Боссюэт. И декларация и защита составляют резюме галликанских понятий об устройстве церкви и об отношениях ее к государству. Боссюэт свел права галликанской церкви к следующим четырем положениям: 1) папа и церковь получили от Бога власть над всеми духовными делами, имеющими отношение к спасению души; но в гражданских и светских делах они не имеют власти, которая вполне принадлежит королям и государям, которых церковная власть не может низлагать ни непосредственно, ни посредственно, разрешая подданных от присяги и долга; 2) священный престол и преемники св. Петра имеют в духовных делах полную власть, без ущерба, однако, для свято соблюденных галликанскою церковью постановлений констанцкого собора⁵⁶, в силу которых вселенские соборы выше папы; 3) папа ограничен также каноническим правом; 4) в вопросах веры папа имеет первенствующий голос, и декреты его имеют силу в каждой церкви; но решения его могут быть отменены, если они не утверждены всею церковью. Декларация возмутила ультрамонтанов. Папа Александр VIII⁵⁷ кассировал ее, а ультрамонтанские публицисты и богословы, в ответ на декларацию, заявили, как, например, один богослов в Левене в 1691 г., что «Бог и папа не отдают никому отчета в своей воле, что папа — Бог мира, наместник Иисуса Христа, как в делах светских, так и духовных, господин императора и всех государей на земле». Но несмотря ни на что, декларация 1682 г. считалась руководством для французского духовенства до самой революции. Она, вместе с галликанством, была сильно поколеблена ультрамонтанской реакцией в начале XIX в., но в последнее время начинает привлекать к себе вновь внимание лучших умов во французском духовенстве, даже таких, которые, как монсеньор Дюпанлу⁵⁸, довольно послужили в свое время на поддержку шатающейся власти папы, даже светской.

Таковы тенденции французского правительства, легистов и духовенства с XVI в., которые могут быть названы общим именем галликанства. Ультрамонтаны всегда ненавидели это галликанство и укоряли его в наклонности к протестантизму. Жозеф де Местр⁵⁹ называет Боссюэта полупротестантом. Но галликанцы всегда с негодованием отвергали подобные обвинения. Мы видели, как относился к ним Дюмулен. Другие из легистов еще более были далеки от потворства ересям протестантства. Гюи Кокиль был друг иезуитов; Паскве враг иезуитов, однако выражался так: во Франции есть враги иезуитов и гугеноты, и напротив, есть католики и враги иезуитов. Парламенты всегда с ожесточением преследовали гугенотов, и в 1663 г. президент

парламента парижского с полным правом сказал синдику Сорбонны, что «как парламент никогда не мог терпеть, чтобы папскую власть поднимали без меры, так точно он никогда не терпел, чтобы нападали на ее законный авторитет или нарушили уважение и покорность, которую должно оказывать видимому главе церкви». Другое обвинение, делаемое галликанцам, состоит в том, будто они отдают веру в руки государей, которые, таким образом, могут управлять религией, как политикой. «Несомненно,— отвечают на это обвинение галликанцы,— что государи не имеют никакого права вмешиваться в дела веры; суд в этом отношении вполне и решительно принадлежит церкви. Но в том, что относится до внешнего порядка и дисциплины нравов, государи не только могут приводить в исполнение и наблюдать за исполнением того, что повелела церковь, но даже по истинно королевским правам издавать со своей стороны законы для поддержания истинной религии, чести и достоинства сословия духовного, направления нравов и внешнего поведения духовенства и народа, подчиненного их власти, употребляя власть свою для столь достойного предмета, как будто они были *внешние епископы церкви*». Словом, галликанцы хотят согласить централизацию церкви, представляемую папами, с самостоятельностью национальных церквей, авторитет соборов и, вместо пап, покорность церкви и государству, самостоятельность церкви и опеку над ней государства. «Будем,— говорит Паскве,— жить и в Риме, и во Франции». Это — девиз галликанцев. В виду этого девиза, если два приведенные выше укора ультрамонтанов галликанцам и не имеют больших оснований, то зато вполне основателен третий: это — упрек в непоследовательности. Эта непоследовательность и некоторая идеальность понятий и ожиданий и составляют причину, почему в теоретическом споре перевес иногда остается за ультрамонтанами; за ними же по большей части остается и перевес практический. По крайней мере, в XV в., когда теоретики галликанства, парижский университет стояли во главе церковного движения и господствовали на констанцском соборе, все-таки галликанству не удалось преобразовать церковь по своему идеалу. Не удалось им ничего сделать и против ультрамонтанства на Тридентском соборе. Если что удавалось галликанцам, то только при помощи светской власти, для которой они служили орудием, как, например, при Людовике XIV. Но как только революционное движение подорвало святость королевской власти, то,— по-видимому, странно,— усилилось отнюдь не галликанство, которое, казалось бы, ближе к современным понятиям об отношениях церкви и государства, а именно ультрамонтанство, которое на этот раз приняло другую форму: учения не о господстве церкви над государством, а будто бы о свободе церкви.

Галликанцы ставят высоко соборы и в то же время признают первенство папы. Нельзя не видеть в самом превозвышении соборов некоторого идеализма. Многие смотрели и смотрят на собор как на

всеизлечивающее средство во всех церковных непорядках и разногласиях. Но многим пришлось разочароваться в этой вере в соборы, когда пришлось столкнуться с ним в действительности. Так, Гус⁶⁰, идя против папства, возлагал надежды на собор, но Констанцкий собор, бесспорно, самый благонамеренный из соборов католической церкви, приговорил его к смерти. Так, Лютер изъявлял охоту отдать свое дело на суд собора, пока не оказалось, что сейм германский, который до некоторой степени можно было принять за национальный собор, готов поступить с ним, как с Гусом. Тридентский собор сильно подорвал веру в соборы у протестантов. Обыкновенно защитников идеи соборов ослепляет успех первых вселенских соборов в IV в. Но они не видят, что обстоятельства тогдашнего времени не повторимы. Тогда духовенство действительное представляло христианский мир, чем после; религиозное одушевление было сильнее; наконец, тогда христианство сосредоточивалось в одном государстве, что делало и самых епископов более солидарными между собой, по крайности, подверженными одному влиянию. При том же способе назначения епископов, какой мы видим в новой Европе, т. е. при назначении папой или светской властью, хотя бы и с участием и влиянием самого духовенства, конечно, высшего, епископы далеко не всегда могут считаться представителями паств, т. е. христианства, а потому между собором их и христианством может не быть почти ничего общего. Возвышенные различным образом, большую частью под влиянием причин отнюдь не чисто религиозных, епископы разных государств и во время собора могут находиться под влиянием каждый своей политической власти: между количеством епископов для каждой страны может не существовать должного равновесия. По множеству причин большинство на собор может составиться совершенно случайно и не будет представлять не только абсолютного, но даже и лучшего на данное только время решения вопросов. Такие случайные большинства, такие несовершенства бывают во всех представительных собраниях, но ни одно светское представительное собрание не имеет претензий решать абсолютно вопросы, и при том вопросы нравственные, веры и убеждения. От этих причин и не удавались ни соборы XV в., ни Тридентский, на которые возлагало столько надежд западное христианство: вместо ожидаемого примирения всех несогласий эти соборы только усиливали их. То же должно сказать о соборе, который происходил в Риме в последнее время, где из непропорционально большого числа епископов итальянских, из представителей паств африканских, американских, азиатских, из иезуитствующих миссионеров и епископов *in partibus* составлено было большинство которое задавило голоса епископов французских, германских и австрийских, представляющих во всяком случае цвет католической иерархии и лучшие страны, исповедующие католицизм. В виду таких примеров поклонники идеи соборов говорят, что они желают собора, правильно составленного и свободно рас-

суждающего: но новая Европа не видела еще такого собора, да вряд ли и увидит.

Но галликанцы, которые, заметим, из соборов с XV в. признают компетентным только Констанцкий, усложняют понятие о высшей власти в церкви признанием рядом с вселенским собором еще и первенства папы, которому, правда, не дают титула вселенского епископа, но которого все же знают наследником св. Петра. Это первенство как-то очень уже неопределенно понимается галликанцами. Они в одно время и выражают готовность повиноваться папе, и в то же время не повинуются ему и называют притязания пап на первенство противными слову Божию. Во всяком случае, ни один еще папа не думал отказываться от этого господства, ни один не одобрял тех формул о своем первенстве и о подчинении соборам, на которых настаивают галликанцы, т. е., другими словами, все папы защищали доктрины, которые, по словам галликанцев, противны слову Божию. Кажется, достаточное основание для того, чтобы отложитьсь от всякого общения с папами; но галликанцы оплакивают заблуждения пап, а все-таки остаются в повиновении им, в решительных случаях играют все-таки жалкую роль, хоть бы такую, какую теперь играет не признавшее иезуитских формул меньшинство епископов на соборе в Риме, которое не желало поддерживать безумных предложений римских богословов и в то же время боялось произвести раскол, уехав из Рима и провозгласив незаконность и некомпетентность собора. В своих тенденциях отстоять права национальных церквей галликанство, очевидно, желает такого фактического положения, которое занимает англиканство, но в то же время боится и перед самим собою сознаться в этом, так что Жозеф де Местр был прав, назвавши тенденции галликанства невымолвленным отложением от римской церкви, которое менее достойно, чем открытое отложение, совершенное церковью англиканскою. Такую же двойственность мы видим и в отношениях галликанцев к светской власти. Как католики, они признают, что дело спасения души выше всех интересов на свете, а следовательно, должны признавать, что церковь выше государства. Между тем они провозглашают, что государство независимо от церкви. Хорошо говорить в теории, что области церкви и государства вполне разделены, не трудно их и разделить, но только ставши не на точку зрения католических духовных. Духовенство католическое не может, оставаясь вполне католическим, признавать свободу и равноправность вероисповеданий, свободу мнений, а между тем признание это для государства в XVI в. стало существенно необходимым, ибо только при этом условии и возможно стало водворение мира в государствах Западной Европы. Государственная власть и признала эту свободу в разной степени, однако ж ни ультрамонтаны, ни епископанцы (ни галликанцы, ни англиканцы) не признают этой свободы, потому что она в конце концов приводит к уничтожению государственных церквей, к признанию всех церквей частными обществами. Но галликанцы, мало того, что

признают за государством независимость, они, именно, быть может, от того, что опасаются, как бы это признание не повело за собою уничтожения государственной церкви, признают за государством право принимать меры в дополнение церковных законов, блюсти за церковной дисциплиной, словом, признают, что государи — внешние епископы церкви. Но где предел этого внешнего епископства? Кто установит этот предел? Церковь или государство? Английский король с парламентом произвел в XVI в. известную реформацию, именно в качестве внешнего епископа, церкви английской, а галликанцы признают дело Генриха VIII расколом и ересью. А если государь действительно будет еретик, если государство отойдет совершенно от всяких католических начал, должны ли ему повиноваться галликанцы? Живя под покровительством короля, который гнал протестантов, Боссюэт и галликанцы выставили против ультрамонтанов слова апостола: всякая душа пусть повинуется властям. Ультрамонтаны говорили, что слова эти были сказаны церкви слабой, а не церкви торжествующей. «Вы не знаете, какого вы духа,— отвечал на это Боссюэт,— вы приписываете апостолу хитрость», и был, конечно, прав. Но и ультрамонтаны были уже со своей стороны правы, когда упрекали галликанцев в порабощении представительницы духа представителями тела. Т. е., собственно говоря, ни те, ни другие не правы, ультрамонтаны только консеквентнее. Прав же и вместе консеквентнее только другой принцип полного разделения области церкви и государства, принцип полной свободы церковной жизни, которого не хотели и не хотят признать одинаково как ультрамонтаны, так и галликанцы. Но тем не менее относительное историческое значение и заслугу имеет и галликанство как противовес ультрамонтанству, как учение, которое, как ни на есть, но провозгласило и в католической церкви независимость хотя бы то государей, если не государства, от папства и духовенства. Государи же, хотя и могли временно гнать гугенотов и покровительствовать католицизму, но все же были способны понять более рациональные формы отношений правительства к религии, чем папство. Нетерпимость не составляет необходимого условия власти государства, даже единоличной; единоличная власть иногда из чисто личных интересов может скорее понять необходимость терпимости, чем даже представительная, если эта представляет мало развитое общество. Между тем признание в какой бы то ни было доле свободы мысли и жизни противно в сущности папству, как и всякому, кто почитает себя обладателем полной истины.

IV

Не раз была замечена удивительная живучесть папства и ультрамонтанского католицизма. В XVI в., казалось, судьба его висит на волоске, революция французская уничтожила католицизм во Франции, Наполеон I обратил Рим в свой провинциальный город, а папу

сделал своим узником. В 1848 году папа бежал из Рима; и что же? К концу XVI в. папство потрясает троны Франции и даже Англии, в XVII веке истребляет почти протестантство в Богемии и Польше, в XIX в. заключает выгодный конкордат с Наполеоном и еще более выгодный конкордат с Австрией, именно после гаэтского бегства, выставляет целый ряд даровитых и горячих проповедников крайних ультрамонтанских идей и среди «безбожного» века проводит доктрины, которых не удавалось провести прежде, как, например, доктрина непогрешимости папы. Многие приписывают эти успехи папизма его умению интриговать. Умения этого никто не станет отрицать, но нужно считать род человеческий очень уже глупым, если объяснять все успехи католицизма только умением интриговать. Папизм так живуч потому, что он последователен, он торжествует не только над галликанством, но даже и над реформацией, которая казалась сначала более сильною, чем вышла на самом деле, потому что доктрины оказываются непоследовательными, а потому слабейшими нравственно, чем папизм. Папизм может быть поражен наголову только таким началом, которое будет так же последовательно, как и он, и в то же время более совершенno, нравственно, чем он; такое начало есть свобода исследования, которая и борется неустанно с папизмом, но ввиду которой известная часть не только галликанцев, неокатоликов и т. п., но и протестантов готова подать руку папизму.

Как строго последовательная доктрина, папизм стоит твердо на главных началах, делая уступки во второстепенном, переменяя по временам формы своих положений и доводы в пользу их, вступая по частным вопросам в союз с духом и силами времени. Эта последняя сторона обыкновенно только и бывает видна со стороны в деятельности папизма, оттого его силу и видеть, главным образом, в духе интриги, между тем как в действительности деятельность папизма представляет комбинацию глубокого, святого убеждения, свободного отношения к побочным идеям, диалектической ловкости и политического искусства, комбинацию поистине изумительную, однако ж не придуманную, а слагающуюся естественно, с естественным разделением ролей между фанатиками, свободными умами, политиками и интриганами.

Между прочим, все эти черты папизма можно видеть и на поведении его в вопросе об отношении церкви и государства с XII в. В средние века папизм действовал часто революционно по отношению к королевской власти и в то же время укреплял ту власть, которая могла помочь ему; папы и паписты открыто провозглашали свои права на всемирное господство, посредственное и непосредственное. К XVI в. папам явились сильные соперники, короли и государи вообще. И что же? Папизм или продолжает решительно провозглашать прежние права, или придает им другую формулировку, оставляющую сущность дела без перемены, и для того, и для другого находит в

действительности силы, которые заставляет служить своим интересам.

Орудием возрождения папизма после тех ударов, какие ему нанесены были великим расколом и соборами XV в. и реформацией, были иезуиты. Одним из основных положений иезуитского устава было безусловное повинование папе. Ради этого положения иезуиты сначала возбуждали против себя нерасположение не только правительства, но и духовенства, особенно во Франции. Долгое время орден был недопускаем в этой стране сильной центральной власти и галликанизма. Мы уже видели протесты против иезуитов, заявленные священниками парижскими. Едва ли не лучше всех обнаружил противогосударственные тенденции иезуитов легист Паске в речи, произнесенной в 1565 г. по поводу прошения иезуитов дозволить им учредить школу в Клермоне. «Пятьдесят лет назад,— говорил Паске,— между нами выросла новая секта, носящая имя иезуитов, имеющая положения, совершенно противные нашим, стремящаяся разрушить наше государство. Цель иезуитов состоит в разрушении государства, политического и религиозного. Они признают папу выше других званий. Желал бы я знать, кто из нас, католиков, не признает его за такового? Для чего же им понадобилось провозглашать это наново? Очевидно, что здесь должна быть какая-нибудь закорючка (*il faut donc qu'il yait quelque anguille sous roche*), которой обыкновенно люди не понимают. Что разумеют они под этим положением? Это — новые вассалы, которые утверждают, что папа имеет власть над ними делать все, что захочет, что он может без всякого контроля унижать власть не только других прелатов, но и императоров, королей и монархов, что он имеет право собственною властью передавать царства от одной династии к другой. Короче, если папа прикажет иезуитам сделать что бы то ни было, они должны делать, не входя в рассмотрение причин... Я не говорю об одной только Франции,— продолжает дальше Паске,— но обо всех королевствах и республиках. Введите в них иезуитов, и вы поместите в них ровно столько же врагов, если по несчастию папа захочет воевать с ними». Иезуиты должны были подписать исповедание Сорbonны, признающее права соборов, короля и галликанской церкви; парламент внес эти признания в акты, и иезуиты поместились окончательно во Франции. Но тотчас же они начали проповедовать непогрешимость папы и неограниченность его власти, вмешиваться в политические смуты, снаряжать политические убийства — и все для спасения католицизма. Вопрос о главенстве папы над государствами стал, особенно ввиду возможности вступления на престол Генриха IV, предметом проповедей, речей, памфлетов и книг. В ряду сочинений, изданных по этому вопросу иезуитами, выдвигается сочинение кардинала Беллярмина⁶¹ «*Dé potestate Summi Pontificis in gubernis temporalibus*». Это — таихит уступки, какой может сделать искренний папист в пользу государственной власти. Те небольшие уступки, которые делает Беллярмин, многие готовы считать обыкно-

венной иезуитской лисьей уловкой (*retardise*). Мы не станем обсуждать степени искренности кардинала, а посмотрим, насколько велики эти крайние уступки папизма государству. Беллярмин излагает мнения многих писателей, по которым папе как наместнику Христа принадлежит власть над всем миром; государи христианские владеют царствами только как наместники папы, не христианские же не имеют никакого права на власть, и папа может во всякое время низложить их. Беллярмин не одобряет этой доктрины. По его словам, Иисус Христос владеет миром как Бог, но не как человек, и поручил Петру пасти только овцы свои, следовательно, и папа — господин только христиан, а не всего мира. Кроме того, Иисус Христос прямо сказал, что царство его не от мира сего. Следовательно, папа не имеет *прямой, непосредственной* власти над государствами; он не может вмешиваться в управление, отменять законы и т. п. Власть папы исключительно духовная, имеющая целью спасение душ, как светская власть имеет целью установление мира между людьми. В духовном отношении папа имеет верховную власть и как имеющий таковую имеет и верховную власть над светскими делами, только *посредственную, косвенную*, в интересах спасения души. Отношения тела и души служат Беллярмину образцом отношений между светскою властью и духовною. Тело и душа — как бы два государства, соединенные в человеке (и разделенные в ангелах и животных). Тело и душа имеют каждое свою сферу действий, свою цель; но так как они соединены в человеке, то душа должна иметь преимущество над телом. Душа, конечно, не препятствует телу исполнять его функции, если оно не мешает достижению задачи души; но если тело препятствует душе в достижении ее целей, душа начинает управлять телом — предписывает ему пост, может даже повелеть ему умереть, что делают, например, мученики. Так же точно есть две власти, духовная и светская; так как они соединены в церкви, то одна должна быть подчинена другой. Власть светская имеет целью мир между людьми, власть духовная — спасение души; первая, следовательно, по природе своей ниже второй и должна быть подчинена ей. Это не мешает светской власти действовать, но, если она препятствует власти духовной, эта последняя может и должна приостановить ее действие всякими мерами. Иисус Христос сказал Петру: «Паси овцы мои» и тем самым наложил на него и на его наместников обязанность заботиться о спасении душ христиан. Папы поэтому обязаны удалять волков от своего стада. Кто эти волки? — Еретики. Если государь становится волком, т. е. еретиком, то, конечно, папа должен удалить его от верных посредством отлучения и лишить его власти. Как пастух должен отделить от стада буйного барана, который бьет овец, так и папа должен запереть государя, который вредит религии. Пастырь должен пасти каждую овцу, как это ей должно, так и папа должен заставлять каждого христианина исполнять обязанности его положения. Государи исполняют свои обязанности перед Богом, если защищают церковь и

наказывают еретиков и раскольников; если же государь этого не делает, папа должен низложить его. Конечно, полномочия папы велики и неопределены: что значит вредить религии? Под это понятие можно подвести что угодно. Папа Григорий VII⁶² говорил, что папа низверг последнего короля Меровингов⁶³ не за его пороки, а за то, что он не был полезен церкви. Беллярмин в сочинении о перенесении империи от греков к франкам говорит, что государство духовное (глава которого — папа) может заставить подчиненное ему светское государство переменить управление, может низлагать государей и поставлять других, если иначе не может охранить свое духовное благосостояние. Слова эти отдают светское общество и его власть в руки не определенного ничем произвола власти духовной. Беллярмин косвенно отдает в руки последней и сами мелочи внутренней жизни государства. По его учению, папа постоянно и правильно не может издавать законы государству, ни отменять изданные, но если вера того требует, папа может и должен вмешаться в законодательство; если какой-либо закон необходим для спасения души, а государь отказывается издать его, то его издаст папа; если существует закон, вредящий спасению душ, а государь не хочет отменить его, его отменит папа. Если по известному предмету есть два закона, один, изданный папою, а другой — государством, то последний тем самым считается отмененным, если дело касается спасения души. Так же точно папа собственно не имеет юрисдикции в светских дела, но если спасение души находится в опасности, он может потребовать дело на свой суд. Если светский суд отказывается решить дело по правде, его может решить папа. Если два государя спорят между собой и у них нет судьи выше их, их рассудит папа. Очевидно, что в конце концов отвержение прямой власти папы над государствами в руках ученого иезуита оказывается только игрой слов и что в виде косвенной власти папа получает все то, что он проигрывает в виде прямой власти.

Однако ж римский престол не согласился признать и ту формальную уступку светскому обществу, которую делает Беллярмин. Папа Сикст V⁶⁴ открыто провозгласил: «Мы имеем верховную власть над всеми государями земли, над всеми народами, данную нам вследствие божественного, а не человеческого установления», и подверг книгу кардинала Беллярмина запрещению в знаменитом Indexe, издаваемом римским престолом. В то время, когда престол папы колебался под ударами реформации, в то время, когда христианнейшие короли обнаруживали решительное желание избавиться от тягостной опеки церкви над государством, папы и их приближенные не переставали провозглашать главенство римского престола над всеми другими духовными и светскими престолами. В XVI в. Маццолини де Приерио, папский Magister Sacri Palati, выражался о власти папской в таких словах: «Господство пап есть пятая монархия Даниила пророка⁶⁵; это — как бы квинтэссенция в ряду монархий мира и, сообразно священному писанию, это — самая достойная, самая превосходная,

могущественная и великолепная из всех всемирных монархий, которые ей предшествовали, как-то: монархия ассириян, персов, мидян, греков и римлян. Папа есть государь всех светских государей, господин мира и даже всего света вообще. Папа может избирать и низвергать императоров, устанавливать и уничтожать положительные законы, между тем как император со всеми законами и со всеми народами христианскими не может решить ни малейшей вещи против воли папы. Император относится к папе, как свинец к золоту». Скучно читать такие фразы, однообразно повторяющиеся со времен Григория III⁶⁶, и если мы их выписываем, то только для того, чтобы показать, с каким именно одобрением повторяет папизм свои претензии сквозь длинный ряд времен, среди самых разнообразных обстоятельств. Один францисканский монах, епископ и член собора Тридентского, провозгласил, что папа — Бог и что ему должно повиноваться, как Богу; один доминиканец посвятил папе Павлу V⁶⁷ сочинение, в котором назвал папу вице-Богом; «все, что папа делает,— говорит он,— не есть дело человеческое, но Божеское». Мы не станем приводить мнений католических канонистов, которые, как Беллярмин, признавали за папами только духовную власть, хотя в сущности также уничтожающую всякую силу светской власти, как это мы видели в доктрине Беллярмина. Таковы из писателей XVI и XVII вв.: Карре-риус (*«De Potestate Romani Pontificis, adversus impios politicos»*, 1529), Мюлин (*«De Justitia»*, 1602), Лессиус (*«De Justitia et Jure»*, 1609), Вак-вец⁶⁸ (*«Disputationes»*, *«Defensio fidei catholicae»*, 1681) и т. д. Мы остановимся на словах и понятиях о своей власти самых непогрешимых пап. Павел IV⁶⁹ в собрании послов европейских государей объявил, что «он — наследник первосвященников, которые низлагали государей и императоров, и что он скорее зажжет четыре конца мира, нежели уступит часть своей власти». Пий V низвергал буллой своей королеву Елизавету⁷⁰ с английского престола в силу того, «что Бог поставил его первосвященником над всеми народами, дав ему власть разрушать и созидать, вырывать и насаждать». Один римлянин заметил лорду Винсдору, что Елизавета не есть законная королева Англии. «Как так?» — спросил англичанин. «Так как папа низложил ее в своей консистории». Лорд Винсдор пожелал узнать, какая опасность угрожает королеве от папской буллы. Римлянин отвечал: «Булла отдает королевство Англию на произвол иностранных государей; она уполномачивает каждого составлять заговор против Елизаветы, она оправдывает измену и делает из нее добродетель». И действительно, убийства, которыми исполнена история дворов в XVI в., показывают, что доктрины, излагаемые в буллах пап и проповедях ультрамонтанов и иезуитов, осуществлялись и на практике. Особенно удобное поле для действий нашла ультрамонтанская доктрина во Франции во время политico-религиозных смут XVI в., наполнивших время правления сыновей Катерины Медичи⁷¹ и самого Генриха IV. Папа Сикст V счел себя вправе в следующих выражениях провозгласить низложение

ние Генриха IV: «В полной власти, которую царь царей и господь господ и монархов дал нам властию, поставленною всемогущим Богом и святым Петром и святым Павлом, его апостолами, и нашу провозглашаем и объявляем, что Генрих, некогда король,— еретик, впал в ересь и виновен в оскорблении величества небесного и потому подвержен суду, приговору и наказаниям, назначенным святыми канонами и определенным еретикам, впавшим в раскол и не раскаивающимся, и потому лишается своего королевства Наварры и всех прав, званий и почестей; так же точно объявляем, что он не способен и не достоин наследовать королевства Франции...» Во время борьбы, которую лига вела против Генриха III и Генриха IV, проповедники ее открыто объявляли, что государи, идущие против папы, даже равнодушные к религии, подвергшиеся порицанию папы, должны быть убиваемы всяким верующим. 23 июня 1589 года папа издал буллу против Генриха III; 1-го августа последний Валуа пал, пораженный монахом Клеманом. Иезуит Мориани называет поступок монаха *insignem animi confidentiam, facinus memorabile!*⁷², и сам папа в консистории сказал, что это цареубийство есть явный знак того, что Пророчество покровительствует еще королевству французскому. Католические проповедники того времени брали сюжетами для своих проповедей такие случаи из ветхозаветной истории, как убийство царя Моава Аодом⁷³. «Нам надо Аода»,— заканчивал свою речь проповедник. Для вящей силы своих противогосударственных тенденций ультрамонтанские публицисты и агитаторы того времени провозглашали рядом с правом папы над королями и право народа, как Белльярмин или известный деятель лиги Бушер⁷⁴, что народ волен переменить себе правление, если хочет. Но в конце концов весь этот либерализм и демократизм сводился на провозглашение не столько права, сколько обязанности народа низвергнуть государя, противного папе. Кандидатом иезуитов на французский престол вместо еретика Генриха IV был Филипп II, которого католические идеалы были, как известно, очень далеки от либерализма и демократии.

Между тем резко постановленными друг против друга понятиями о взаимных правах государей и пап, между понятиями об отношении власти светской и религиозной у легиотов, парламентов, с одной стороны, и ультрамонтанов — с другой, должна была непременно возгореться борьба. Разумеется, что в государствах сильных, как, например, Франция, Англия и даже Испания, перевес скоро оказался если не на стороне государства, то государей. Мы видели, как деятельно боролся с ультрамонтанскими тенденциями парламент французский. Назло папам и ультрамонтанам Генрих IV быть признан королем, а буллу об отлучении его парламент парижский велел сжечь. В XVII в. католическое духовенство дало Франции энергичного и умного деятеля монархизма, кардинала Ришелье⁷⁵, который не только во внутренней, но и во внешней политике вовсе не сообразовался с интересами папства, а с интересами монархического государства. Уже в 1636 г.

собрание французского высшего духовенства провозгласило монархические принципы в следующих выражениях: «Пророки объяляют, апостолы утверждают, мученики исповедуют, что короли поставлены Богом, и не только это, но и то, что они сами боги. Об этом мнении нельзя сказать, что оно выдумано рабскою лестью или благодаря снисходительности пап; но сама истина показывает это так ясно в священном писании, что никак не можно отрицать это без богохульства, ни сомневаться в том без оскорблении святыни. Конечно, что те, которые называются богами, боги не по существу, но по приобщению, не по природе, но по благодати, не на всегда, но на время, как истинные наместники Всемогущего Бога, и что, подражая его божественному величеству, они здесь представляют его образ». Декларацией 1682 года французское духовенство окончательно отказалось от всякой идеи господствовать в государстве, особенно над государями.

В Англии, после открытия порохового заговора папистов против Иакова I и парламента, парламент установил присягу для каждого англичанина, какого бы он вероисповедания ни был, следующего рода: «Признаю искренно, в моей совести, пред Богом и пред людьми, что король Иаков — законный государь этого королевства, что папа ни сам собою, ни авторитетом церкви не имеет власти низвергать короля, располагать его королевством, уполномачивать какого бы то ни было иностранного государя нападать на него, освобождать его подданных от верности и повиновения, давать кому бы то ни было из них позвление поднимать против него оружие, делать какое-либо насилие его личности или возбуждать смуты в государстве. Клянусь также, что, не взирая ни на какое провозглашение отлучения, изданное папой против короля, не взирая на разрешение присяги повиновения, данной его подданным, я сохранию верную присягу мою на подданство его величеству и буду защищать всей моей силою короля против заговоров, которые бы кто делал против его лица или короны под предлогом этого разрешения. Клянусь также, что я отвергаю как нечестивое и еретическое гибельное учение, что государи, отлученные или лишенные папой государства, могут быть низлагаемы или убиваются подданными их или кем бы то ни было. Верую, что папа не имеет власти разрешить меня от настоящей присяги, и отрекаюсь от всякого освобождения от нее. Клянусь во всем этом согласно естественному смыслу слов, без всяких двусмысленностей, ни подразумеваемых ограничений (*restrictio mentalis*). Клятву эту подтверждаю верою христианина. Да поможет мне Бог!» Самая подробность этой клятвы показывает, насколько угрожала государству власть духовная в этом веке религиозного одушевления и смуты, последние же слова о двусмысленностях и знаменитом *restrictio mentalis* явно намекают на иезуитов, участвовавших во всех клерикальных заговорах и войнах того времени. В приведенной клятве, если изменить некоторые выражения, свойственные тому времени, нет ничего, чтобы теперь не составляло правил, бесспорных для каждого подданного государства;

однако в свое время папа Павел V воспретил католикам английским приносить эту присягу, потому что она будто бы «содержит много вещей явно противных вере и спасению душ». Папа выразил надежду, что твердость верных в Англии, так часто испытуемых, выйдет торжествующей из этой новой борьбы и что она перенесет всякие мучения и даже смерть скорее, чем согласится оскорбить величество Бога, дав требуемую присягу. Папы до того были убеждены в праве своем повелевать государям, что когда король английский Иаков I изъявил готовность признать папу главою церкви с тем только, чтобы «святой престол отказался от претензии, которую всегда имел, низлагать королей с государств», и когда посланник Франции в Риме вступил в переговоры по этому предмету, папа Павел V ответил, что «он не может отказаться от своего права над светскою властью, не будучи заражен ересью». Впрочем, упорство папы в этом деле было только спасительно для Англии, так как возвращение ее короля в католицизм причинило бы ей только смуты.

V

Притязания духовной власти на господство не ограничивались только исключительными случаями, как, например, случаями, когда папа низлагал государя за ересь, ни притязаниями самих пап на гла-венство над государствами. Нет, каждому государству европейскому в мелочах будничной жизни приходилось бороться с целым духовным сословием, коего папа был главою, с духовенством, которое, считая себя не подчиненным государству и выше светских вообще, всеми мерами отстаивало свои привилегии. Как папы не думали уступать ничего из своих средневековых привилегий, так и духовные вообще упорно защищали свое преимущество перед светскими и те последствия, какие из него вытекали. Кардинал Беллярмин в трактате «О духовенстве», подобно средневековым теологам-политикам, доказывал, что духовные — патриции, а светские — плебеи. Если гораздо позже янсенист, аббат Сен-Сиран⁷⁶ говорит о духовенстве едва ли не сильнее, чем книга Ману говорит о браминах, то ультрамонтанам и удивляться нечего. «Послов и министров государей,— говорит аббат-янсенист⁷⁷,— почтают сообразно почтению и преданности, которую чувствуют к государствам. Священник же — более чем посол, более чем простой чиновник, потому что он — сам царь, помазанник Бога и Его Христа (помазанника), и что гораздо больше, священник есть тот, который творит и производит самого Иисуса Христа, как святая Дева, и если смею сказать это, как вечный Отец произвел его из уст своих в вечности, согласно писанию; все власти и величие на земле — только образы власти и могущества священника... Священник есть сам Иисус Христос, он имеет такой же сан, как и Христос, только без его благодати, и представляет его ходящего, говоря и ядя между людьми в этом мире». Из таких понятий, развитых и духовными пу-

блицистами, как Беллярмин, и буллами пап, вытекают понятия о правах духовных на иммунитеты, на десятину и т. п. И эти привилегии духовные и папы хотели отстоять в то время, когда во всех государствах Европы шел в сильной степени процесс государственной централизации и нивелировки прав и привилегий. Отсюда проис текали на каждом шагу поводы к столкновениям между светскою и духовною властью. Мы приведем несколько примеров подобных столкновений, как крупных, между папским престолом и разными правительствами, так и великих, в пределах разных государств, но характеризующих тенденции духовной власти и знание тех привилегий, которые она отстаивала.

Еще папа Лев X издал буллу «*In Coena Domini*», в которой резюмированы были все средневековые притязания папства и духовенства и преданы анафеме всякие нарушения «свободы церкви», т. е. ее юрисдикции, апелляции на злоупотребления ее (*appels comme d'abus*) и т. п. гарантии, которыми стала обставлять себя власть светская. Булла была несколько раз возобновляема в течение XVI века. Для большего эффекта папы повелевали читать ее во время страстей Господних⁷⁸. По справедливому выражению одного писателя XVIII в., короли пользовались бы властью только по имени, если бы булла была исполняема. Поэтому сильнейшие католические правительства, например испанское, французское, австрийское, не признавали этой буллы. Сам Филипп II воспретил читать ее в своих владениях и строго охранял свое право писать *ehequatur*⁷⁹ на буллах папы. Папа Григорий XIII⁸⁰ думал воспользоваться смутами во Франции для того, чтобы провести там буллу «*In Coena Domini*», и отправил ее наново во Францию в 1580 году. Но парламент приказал, чтобы епископы, в округах которых будет прочитана эта булла, были преданы суду и чтобы их имущество и доходы были секвестрованы.

Тридентский собор казался папам и ультрамонтанам удобным средством для торжественного провозглашения начал, которые бы гарантировали «свободу церкви», т. е. духовное господство. Между прочим на этом соборе был предложен (1563 г.) проект постановлений «о свободе духовных и реформации государей» (*capita de immunitate clericorum et reformatione principum*). Проект начинается с заявления принципа, что Бог дал государям меч для того, чтобы они защищали церковь, и что поэтому первая обязанность государей состоит в том, чтобы заставить своих подданных оказывать должное уважение к духовным и защищать свободу церкви, установленную Богом (*ecclesiae immunitatem, Dei ordinatione constitutam*).

Проект говорит далее, что никто, не исключая королей и государей, не смеет постановлять чего бы то ни было, касающегося дел или лиц церковных, а напротив, всякий должен повиноваться приказаниям церкви. Поэтому всякие распоряжения церковной власти должны исполняться без утверждения власти светскою, выражаемою надписью *placet* или *exequatur*. Проект воспрещает государям иметь

дерзость (*pop praesumant*) вызывать перед свой суд духовного сословия, хотя бы даже под предлогом общей пользы и подданства королю, хотя бы даже в случае убийства. Там, «где с незапамятных времен установился обычай, что духовенство дает помощь государственной казне в средствах на войну с неверными и для других общественных нужд», там и проект разрешает продолжение этих пособий, но только в тех самых странах, где уже исстари так заведено, для тех же самых (оговоренных) нужд и сообразно условным формам «и не без согласия самих духовных». Проект этот был предложен в оппозицию требованиям государей о реформации церкви. Разумеется, он встретил живое сопротивление представителей католических государств и потому не был допущен к вотировке. Сам Филипп II заявил, что проект наносит оскорблечение величеству королевскому. Император Фердинанд I писал отцам Тридентским, что «декреты, предложенные собору, порабощают гражданскую власть церкви, отнимают у светской власти права, которыми она везде пользуется в Германии, что светские, которые и без того уже ненавидят духовенство, восстанут против него, если им опять наложат иго духовного господства, и разрушат церковь до основания». Самый сильный протест сделал представитель Франции легист Феррье⁸¹. Он выразил удивление, что отцы, собранные для реформы церкви, или вовсе ничего не делают для этой цели, или очень мало, а занялись реформой поведения государей, которым они, по смыслу священного писания, должны повиноваться; что христианнейшие короли Франции всегда издавали, по примеру Константина Великого, законы о церковных делах и что государство никак не откажется от употребления *appels comme d'abus* для того, чтобы подавлять незаконные притязания духовенства, что оно отказывает в своем одобрении (*placeat*) буллам, которые стремятся к ущербу его власти, и будет облагать духовенство податьми в случае необходимости. Король французский одобрил поведение своего представителя посланием к духовным французским, заседавшим на соборе, воспретил им заниматься чем-либо, кроме «реформации их самих же и своего сословия», и приказал своим удалиться в Венецию, не дождавшись решения собора. Ввиду такого единодушного сопротивления главнейших католических государей проект не был допущен к вотировке, но все-таки Тридентский собор в общих чертах постановил, что иммунитеты церкви суть божественное установление и что короли не должны ни сами нарушать, ни дозволять нарушение церковных прав. Постановления Тридентского собора вызвали сопротивление во многих местах. Филиппу II представлено было протест против них от епископов, консulов и университетов нидерландских, заявлявший, что определения собора не могут быть объявлены иначе, как с оговоркой насчет того, что они признаются иначе только, насколько они не нарушают прав и преимуществ короля, его вассалов и других светских подданных. Наместница Нидерландов⁸² настаивала, чтобы Филипп II внес эту оговорку в акт публикации постановле-

ний собора. Покровитель католицизма не хотел делать явного скандала и потому согласился обнародовать постановление без всяких оговорок, но в то же время написал (Маргарите), чтобы епископам было сказано, что между декретами собора есть предосудительные в отношении прав короля, его вассалов и подданных и что епископы должны будут сообразоваться на этот счет с инструкциями, которые им будут даны. Во Франции же постановления Тридентского собора не были признаны.

Разумеется, что папы не думали отказываться «от охраны духовных иммунитетов». Сикст V, сколь ни твердо охранял важнейшие из папских притязаний, но не желал из-за мелочей ссориться с светской властью и потому изменил некоторые оскорбительные для королей выражения в булле «*In Coena Domini*», уничтожил конгрегацию, которая надзирала за делами по церковной юрисдикции в разных государствах, уступил некоторые из особенно возмутительных свойств права убежища. Но его наследники возвратились к старым притязаниям во всей их средневековой неприкословенности. В начале XVII в. папа Урбан VIII⁸³ установил специальную конгрегацию, которая должна была смотреть за соблюдением в разных государствах иммунитетов церковных. До каких скандалов доводило сохранение средневековых привилегий церкви и сколь велико было упорство пап даже в недавнее время в защите этих привилегий, показывают отношения пап к делу о праве убежища преступников в церквях.

Сикст V, при всей ревности своей к охране притязаний папского престола, как человек строгих правил, не желал потворства преступлениям, а потому уступил правительствам многое прежних прав убежища в церквях, которые давали столько поводов к злоупотреблениям. Но папа Григорий XIV⁸⁴ взял назад уступки эти, «если бы даже они были даны по причинам самым важным и самым настоятельным, как бы ненавистны ни были преступления, которые повели к изъятиям (из права убежища), если бы даже от того зависело общее благо, мир и спокойствие». Право убежища в церквях и святых местах признавалось папой в принципе общим правилом. Из него исключались только разбой, убийство, совершенное внутри церквей, убийство и оскорблечение величества. Выдача и такого важного преступника, убежавшего в святое место, производится только епископом, но прежде этот уводил преступника в церковную тюрьму и удостоверялся сам, точно ли им совершено преступление, оговоренное в булле как исключительное. Таким образом, и в исключительных случаях значительная доля уголовной юрисдикции переходила в руки духовенства. Каковы были последствия буллы Григория XIV там, где она была принята, видно из конкордата⁸⁵, заключенного королем сардинским и римским двором в 1770 году. В маленьких государствах Италии папская булла имела силу еще во второй половине прошлого века, и злоупотребления, ею порожденные, повели к упомянутому конкордату. Первый параграф этого конкордата говорит, что «люди скверного образа жиз-

ни устраивают в преддвериях святых мест шалаши, бараки и другие убежища с запирающимися дверями, вроде домов. Они пользуются этими постройками не только для того, чтобы иметь в них надежное убежище, но и прятать там всякого рода оружие и ворованные вещи; они водят туда публичных женщин, выходят оттуда для нападения на прохожих и для того, чтобы совершать безнаказанно беззакония другого рода». И что ж? Все, что конкордат уступает государству ввиду такого обращения святых мест в разбойнические притоны,— это разрушение воровских пристроек к церковным папертям да стеснения права убежища тех преступников, которые злоупотребляют убежищем. Конкордат определяет, что «следует считать виновными в злоупотреблении церковным убежищем тех, которые спрячут там оружие или фальшивые ключи, отмычки или другие воровские инструменты, тех, которые помогают ворам, пряча ворованные вещи, которые оскорбляют прохожих и, наконец, тех, которые выходят из убежищ для совершения новых преступлений». Уличенных в перечисленных проявлениях злоупотребления церковным убежищем, по конкордату, епископ должен был переводить в новое место. Только после вторичного злоупотребления виновный мог быть выдан гражданским властям, но для этого злоупотребление должно быть доказано перед церковным судом. Конкордат говорит еще об одном сорте преступников, пользовавшихся правом церковного убежища. Папа Климент XII⁸⁶ дал право на это убежище всем преступникам моложе 20 лет «для того, чтобы церковь могла позаботиться об их исправлении». Из конкордата видно, что исправления никакого не оказывалось: молодые люди совершали убийства, отцеубийства и т. п. Папа дозволил выдавать тяжких преступников светской власти, но с тем, чтобы архиепископ всякий раз испрашивал разрешения папы, который один только может разрешать исключение из «божественного права».

Разумеется, что при таких притязаниях духовенства на сохранение, даже ввиду явной их нелепости, средневековых привилегий борьба между ним и светскою властью могла возгореться ежеминутно. Мы приведем несколько примеров подобных столкновений с XVI в. до самой французской революции. Едва ли не самое характерное из таких столкновений есть спор между папою Павлом V и венецианской республикой. Венецианцы вообще были издавна искусные политики, которые не очень-то наклонны были терпеть духовное господство над государством. Рапорты их посланников в XVI и XVII веке, представляющие такой любопытный материал для истории разных европейских государств того времени, любопытны еще как доказательства вполне светского, политико-экономического взгляда на вещи венецианских государственных людей в этот век религиозных смут. В то время как даже во Франции формулой легиотов была фраза Паскве: «Будем жить и в Риме и во Франции», у венецианцев была пословица: «Будем прежде венецианцами, а потом христианами»

(Siamo Veneziani, poi christiani). Будучи индифферентами в деле религии, венецианцы не давали себе труда бороться теоретически против католицизма и объявлять себя за реформацию. Они дозволили учредить у себя инквизицию, но только с непременным условием, чтобы в ней присутствовали и три сенатора; когда решения духовного суда нарушали порядок гражданский, то власти светские препятствовали исполнению его приговоров. От этого в XVI и начале XVII в. нигде не было такой свободы мысли, как в Венеции, книги, которые не могли быть нигде напечатаны, являлись в Венеции, и венецианский католический монах Паоло Сарпи⁸⁷ свободою мысли превосходит самых крайних протестантов своего времени, всегда сохранявших клерикальную закваску, не говоря уже об вероисповедной узости взглядов. С таким-то государством столкнулся в начале XVII в. папа Павел V и встретил теоретического противника в таком человеке, как Фра Паоло Сарпи, известном историку Тридентского собора, ненавидимом ультрамонтанами. Столкновение произошло из-за вопроса об иммунитетах церкви. Аббат Брандолино Вальдемарино был обвинен в отравлении многих лиц, в том числе своего отца, брата и одного священника, в кровосмешении с собственною сестрою и в других преступлениях, «которые не могут быть названы без ужаса». Сципион Сарачино, каноник из Виченцы, обвинялся в сломании государственной печати, наложенной во время вакансии епископского престола к дверям епархиальной канцелярии; кроме того, его обвиняли в оскорблении одной женщины хорошего рода, после того как он пытался соблазнить ее, «преследуя ее, к большому скандалу перед всеми, даже в церкви своими бесчестными предложениями». Эти «помазанные злодеи» были заперты в тюрьму, согласно законам венецианским. Трудно было подобрать более скандальное обстоятельство для вмешательства папы в пользу иммунитета духовных, и однако Павел V потребовал освобождения арестованных духовных, объявляя, что «законы, противные свободе церкви, не имеют силы, что те, кто их объявляет, отлучаются от церкви и что духовные, не будучи подданными государей, не могут быть наказываемы ими даже в том случае, если бы были бунтовщиками». Разумеется, венецианское правительство не думало соглашаться с доктриной папы, а венецианский монах Фра Паоло Сарпи выступил с литературной оппозицией притязаниям папства и с защитой прав государства. Республика объявила, основываясь на словах апостола Павла, что духовные, как и все люди, подчинены государственной власти, а Сарпи, с историей в руках, доказывал, что духовные получили в средние века привилегированное положение вовсе не в силу божественного права, а как временные уступки, в силу временных обстоятельств, что «церковный суд не дает никакой гарантии обществу, что он отправляется не в интересах государства, а в интересах церкви и что будь духовные виноваты в самых ужасных преступлениях, они не будут наказаны смертью: их заключат в монастырь, откуда им легко выйти во всякое вре-

мя. Эта безнаказанность возбуждает к совершению преступлений».

Два ученейших кардинала своего времени, Беллярмин и Барониус⁸⁸, выступили против учения венецианцев. Это последнее основывалось на нуждах общества и опиралось во всяком случае на вполне определенно выраженные слова апостола. В аргументации же кардиналов видна только одна обычная духовная казуистика, которой можно доказать что угодно. «Все светские,— говорит Беллярмин,— и даже государи по божественному праву подчинены духовным, и по тому же божественному праву духовные не подчинены светским государствам. По священному писанию, духовные — пастыри, а светские, хотя бы и государи,— овцы; духовные — отцы, а светские — дети. Но ведь овца подчинена пастуху, а не пастух овце; сын подчиняется отцу, а не отец сыну» и т. д. Рассерженный на республику, папа стал выискивать в ее законах и другие, которые нарушали «свободу церкви». Еще в 1333 г. в Венеции был издан закон, по которому без разрешения властей не могло состояться приобретение церковью недвижимых имуществ по завещанию. Закон этот был обобщен в 1605 г., и, невзирая на это, в момент спора республики с папой духовенство владело в провинции Падуанской более чем третью всей земли, в Бергамаске — более чем половиной, а вообще не было провинции во владениях республики, где бы церкви не принадлежала, по крайней мере, четверть поземельной собственности. Доходы церкви в венецианских владениях уже равнялись 11 миллионам дукатов, и правительство справедливо полагало, что если церкви предоставить неограниченное право приобретать земли, выманивая их от суеверия умирающих стариков и женщин, то церковь овладеет всею поземельною собственностью, а между тем тяжесть налогов останутся на светских, ибо духовные в силу того же выдуманного ими божественного права церкви на свободу претендуют на изъятие от всяких налогов и повинностей. Любопытен в юмористическом отношении ответ кардинала Беллярмина на эти опасения республики и ее защитника Паоло Сарпи. «Духовенству,— говорит кардинал,— нужно было двенадцать веков, чтобы приобрести четверть земли. Ему нужно еще столько, чтобы приобрести другую четверть, но после этого мир уже не будет существовать, потому что, как говорят апостолы, мы приближаемся к концу мира. Поэтому напрасно опасение тех, которые говорят, что светские будут лишены имений, если не положены будут границы владениям церкви».

Третье нарушение прав церкви в республике венецианской папа усмотрел в законе, по которому новые церкви и монастыри могли быть устраиваемы не иначе, как с разрешения правительства. Возникшая из-за этих вопросов полемика коснулась и самого основного принципа — права папы над светскою властью вообще. Беллярмин излагал свою доктрину, которой основание мы видели выше. Сарпи отвечал, что если папе позволить вмешиваться в светские дела, то окажется, что нет другого государя, кроме папы, что папа получит

возможность кассировать даже контракты частных лиц под предлогом, что они содержат грех. «Что останется тогда государству? Ни одного атома власти». На это Беллярмин отвечал: «Разве это — не учение вальденцев⁸⁹, Марсилия Падuanского⁹⁰, Иоанна Гуса, которые говорят, что церковь имеет назначение только проповедовать слово Божее и производить таинства? Итак, наместник Божий сведен будет к роли сельского священника!»

Полемика не ограничилась литературною областью, а перешла в область политики. Павел V отлучил республику от церкви, объявляя в то же время законы ее, которые считал противными свободе церкви, «ничтожными, недействительными, пустыми, без силы и влияния какого бы то ни были рода, такими, которых никто не должен исполнять». Но папа попал на людей твердых. Семь богословов венецианских и между ними генеральный викарий⁹¹ Венеции издали протест против папского запрещения, где объявляли, что папская власть не неограничена и что повиновение папе не должно быть безусловным, если папа, как в данном случае, нарушает божеские законы. Дож⁹² Венеции Леонардо Донато в послании, адресованном духовенству венецианскому, объявлял буллу папы не имеющую силы, как нарушающую права республики и приглашал духовенство по-прежнему не оставлять забот о спасении душ его паствы и продолжать духовные службы, которые, в силу папского отлучения, должны были прекратиться на всем пространстве владений республики. Сенат воспретил держать буллу папы и приказал, у кого была она, отдавать в руки начальства, что и было исполнено гражданами с чрезвычайною ревностью. Церковные службы продолжались, и свидетели замечали, что никогда церкви не посещали так усердно, так как и равнодушные смотрели на посещение церкви как на демонстрацию против папы. Венецианцы уверяли даже, что никогда земля их не была так обильна урожаем, как во время отлучения, так что папское проклятие есть на самом деле благословение. Генералы монашеских орденов, жившие в Риме, приказали подчиненным им монахам в Венеции исполнить папское приказание и прекратить богослужение. Но только капуцины и иезуиты исполнили приглашение своих генералов. Да и то они хотели удовлетворить обе стороны, объявив, что не будут служить одних только месс. Сенат приказал иезуитам оставить территорию республики, и они выехали, преследуемые насмешками и бранью народа.

Дело венецианцев получило европейский интерес. Республика была проклята за те законы, которые существовали во всех почти государствах Европы. Министр Генриха IV писал французскому посланнику в Лондоне, что «венецианцы защищают общее дело всех государей и владетелей против папской власти». Поэтому, когда папа потребовал, чтобы венецианский посол был недопускаем в церковь, французское правительство отказалось, ссылаясь на учение гликанской церкви, по которому папа не может отлучать государей

и республик. Даже в Польше король отказался объявить папскую буллу. В Кракове минориты⁹³ выгнали из церкви двух членов посольства венецианского. Маршал двора и кардинал-архиепископ краковский принудили монахов отправить торжественную обедню и пригласить в нее посланника венецианского, испросив у него прощения за обиду членов его свиты. В самом Мадриде конгрегация двенадцати богословов решила, что венецианский посланник должен быть допущен в церковь.

Папа увидел, что его громы бессильны перед твердостью республики. Иезуит-историк говорит: «Святой отец увидел, что отлучение, которое должно было послужить к спасению душ, обращается в их погибель и что власть верховного первосвященника, которая должна быть предметом почтения на небе и на земле, презирается и попирается ногами». Папа пожелал вступить в переговоры, но республика отказалась начать переговоры первая, считая себя обиженною стороною. Папа обратился к посредничеству Испании. Испанский посланник, предлагая посредничество, объявил в Венеции, что он вовсе не требует, чтобы законы венецианские зависели от одобрения папы, что, напротив, он имеет приказание защищать независимость республики, так как ее дело есть дело всех государей, но что легко дать папе видимое удовлетворение, которое в сущности не будет значить ничего. Папа обратился к Генриху IV, прося его посредничества. Генриху IV было несколько странно становиться хоть сколько-нибудь на сторону, которая так преследовала его самого, тем более, что сенат венецианский был первым из католических государств, который признал Генриха королем в то время, когда он еще находился под папским проклятием. Однако же французский посланник попросил республику сделать уступки папе. Сенат отвечал, что уступки должен сделать обидчик и что все, что он может сделать из уважения к королю французскому,— это уполномочить его попросить папу о снятии запрещения, если король уверен в возможности исполнения этой просьбы. Посланник предложил уничтожение законов, на которые жаловался папа, и выдачу королю Франции обвиненных духовных. Сенат отказал. Папа вновь обратился к Испании, хотя, кроме него, герцог Тосканы и император предложили республике и свое посредничество. Испанское правительство предлагало временное прекращение действия упомянутых законов с оговоркой, что это делается ради облегчения переговоров и из уважения к посредникам. Сенат не согласился и на то. Наконец, Генрих IV уполномочил окончить это дело кардинала Жуайеза⁹⁴. Уже одно прибытие князя церкви в отлученный город было скандалом для церкви. Но предложения кардинала были еще большими: кардинал просил только какого-нибудь предлога для папы, чтобы исправить сделанное. «Много и того,— говорил он,— что папа поставлен в необходимость удовольствоваться фальшивой монетой, то есть уступками, которые будут не что иное, как чистая церемония». Но сенат не согласился ни на какое упразд-

нение спорных законов, ни на возвращение иезуитов. Все, что он уступал,— это передача двух виновных духовных в руки кардинала с оговоркой, что это делается из уважения к королю Франции и без всякого ограничения права республики судить духовных. Оговорку эту подписал и кардинал, получая подсудимых. В тот же самый год несколько духовных были арестованы и судимы светским судом; процессы их были напечатаны, чтобы потомство знало, что республика не отказывалась от своих прав. Папа удовольствовался такой ничтожной уступкой со стороны сената и снял запрещение с республики; но так как она не изъявила раскаяния, то и трудно было редицировать⁹⁵ прощающее бреве. Венеция была возвращена в лоно церкви без папского бреве. Совершить это возвращение поручено было кардиналу Жуайезу. Но сенат отказался участвовать в какой бы то ни было церемонии, которые изобретал кардинал, и сами французы говорили, что в знак снятия отлучения с венецианцев кардинал перекрестил сенат в своем рукаве.

Во всем этом деле поражение папства было полное, тем более, что Венеция была католическое государство и что духовенство венецианское держало себя в союзе с государством. Душою оппозиции папству был монах Паоло Сарпи. Сочинения этого замечательного человека показывают, насколько государственное направление взяло уже перевес над церковным даже и в католических странах. Будучи католическим монахом, он одобрял религиозный мир аугсбургский. «Всякое государство,— говорит он,— имеет верховную власть и получило ее от Бога; государи имеют право и обязаны управлять своими государствами сообразно потребностям общего блага, а не по приказаниям церкви. Напротив того, они должны не доверять духовным, потому что они действуют, всегда только руководствуясь своим честолюбием». Не имея силы к открытому преследованию этого непокорного монаха, папство и ультрамонтаны несколько раз употребляли против него кинжалы убийц. В первый раз убийцы показали, что действовали по «внушению Божию», во второй — в деле оказался замешанным папский секретарь. Но подобные покушения только способствовали популярности Паоло Сарпи.

Несмотря на такую неудачу, какую потерпел римский двор в венецианском деле, несмотря на то, что ни одно сколько-нибудь уважающее себя правительство католическое уже с XVI века не было расположено сохранять в неприкосновенности средневековые привилегии церкви, папство даже в XVIII веке не пропускало случая вступать в борьбу с разными правительствами из-за этих привилегий. В 1764 г. герцог пармский издал прагматический акт, которым поставил в зависимость приобретение монахами имений от своего разрешения, а в 1765 г. обложил духовные имущества податью, и то не все, а недавно приобретенные, и, наконец, установил в своих владениях placet для папских булл. Вот за эти-то действия папа Климент XIII отлучил герцога от церкви среди философского века. Парламент па-

рижский осудил бреве об отлучении; совет короля Франции предложил королю секвестровать Авиньон и другие владения пап во Франции. Король Неаполя секвестровал Беневент и Понте-Корво. Папа должен был уступить.

Почти в то же время произошло столкновение между папским престолом и Баварией. В 1766 г. в последней явилось анонимное сочинение об «иммунитетах церковных в делах светских». Автор, член совета герцога, взвесив доводы pro и contra, приходил к заключению, противному иммунитетам. Епископ фрейзингский наложил запрет на книгу. Герцог баварский Максимилиан Иосиф в ответ на это велел снять запретительные листы, прибитые епископом по церквам, и распорядился, чтобы впредь никакой церковный акт не был объявляем без его разрешения. В 1769 г. в Баварии была задета и другая сторона иммунитетов церковных. В одном женском монастыре были услышаны крики, по которым герцогские чиновники добрались до тюрьмы, в которой содержалась безвинно или вследствие тайной монастырской истории монахиня. Несчастная содержалась уже шесть лет в нечистом месте, полуизъеденная червями. Максимилиан Иосиф приказал разрушить все монастырские тюрьмы и воспретил всякую юрисдикцию монастырей над своими членами под страхом уничтожения орденов. Несмотря на протесты папы, эти распоряжения остались в силе.

Таким образом, почти в каждой католической стране с XVI по XVIII в. светская власть наложила руку на церковные привилегии, стремясь ограничить, если не уничтожить, церковную юрисдикцию, изъятие духовных из податей, приобретение церквами имуществ, наследство монахов, наконец, стараясь вмешиваться в церковную дисциплину, ограничивая жадность духовных, указывая время и место пребывания прелатов⁹⁶ и т. п. Многие стали думать о завершении подчинения церкви государству: о секуляризации духовных имуществ и замене их жалованьем от государства. Особенно настойчива была борьба против церковных иммунитетов, как, например, церковной юрисдикции, а также против возрастания церковных имуществ во Франции, где инициатива борьбы против клерикализма выходила из общества, от представителей третьего сословия на генеральных штатах. В 1560 г. представители третьего сословия представили прекрасно мотивированное, со ссылками на священное писание, мнение о вреде церковных богатств и о необходимости конфискации церковных имуществ с выдачей духовным жалованья. Дворянство предложило почти то же, думая оставить духовным часть имуществ для содержания приходских священников. Это были еще слишком смелые для XVI века идеи, а потому они исполнились только отчасти: в 1562 г. велено было продать церковные имения, дающие дохода до 1 000 ливров, и духовенство едва успело выхлопотать право выкупить эти имения. Во всяком случае, король взимал, что ему было нужно, с духовенства, которое сначала делало комедию сопротивления, потом

торговалось и, наконец, делало комедию добровольной дачи средств своих королевской казне.

VI

Средневековое господство церкви над государством было, таким образом, подорвано на всех пунктах. На всех пунктах перевес был уже в XVI в. на стороне государства. И однако ж сложившиеся в то время отношения между церковью и государством представляли множество невыгодных сторон и для общества, и для государства. Во-первых, самая идея подчинения церкви государству, хотя представляла более условий для прогресса, чем духовное господство, но все же порабощала личную нравственную жизнь представителям политики, особенно если она, как было сначала, осуществлялась не столько в подчинении церкви государству, сколько государям. В европейской религиозной политике XVI в. выработалась формула: «какой веры государь, такой должны быть и подданные», чтоб, конечно, обусловливало религиозные смуты и нетерпимость, которая должна была продолжаться до тех пор, пока интересы религии явным образом не стали в глазах государей на второй план в сравнении с интересами политики, да и тогда религия становилась орудием политики, что, в свою очередь, не могло быть полезно ни для мира внутреннего, ни для внешнего. Во-вторых, даже во внутренних чисто юридических и экономических отношениях церкви и государства было много неудобств, вследствие того что отношения эти с XVI по XVIII в., особенно в католических странах, не были построены по ясно сознанному плану и вполне последовательно проведенным идеям, но устанивались, так сказать, силою самих фактов, а иногда и узурпаций, потому что когда религиозные идеи еще были сильны в глазах самих государственных людей, то, чтобы ни заставляла их делать практическая необходимость, все-таки подчинение духовных, людей «духа», не могло казаться и им ничем другим, как только узурпацией. Иначе думать, с спокойной совестью взимать деньги с церквей и сажать в тюрьмы духовных могли только или ярые теоретики юридических начал, каковы легисты, или индифференты-эгоисты, каких было довольно в числе политиков XVI—XVII в. Только радикальное умственное движение XVIII в., сознательно и последовательно секуляризовавшее мысль и жизнь, указало истинное значение религии и церкви в государстве и поправило недостатки той системы отношений между ними, какая установилась под влиянием паллиативного умственно-политического движения предшествующих веков. Движение это, объявившее европейские общества в век реформации, было столько же шагом вперед к разрушению церковного господства, благодаря не столько разрушению основ его, сколько благодаря подрыву органов его, папства и монашества, сколько и шагом назад вследствие возрождения мистического одушевления. До торжества радикального

«философского» движения и религиозные гонения, и неурядицы во внутреннем строе церкви, и в отношениях ее к государству были неизбежным последствием системы отношений между последними, установившейся с XVI в.

Самое тяжелое из этих последствий для населения Западной Европы были, конечно, религиозные преследования. Преследования эти были обусловлены как продолжением еще старой системы отношений между церковью и государством, т. е. духовным господством, которое стремилось основаться и в некоторых протестантских общинах, особенно у кальвинистов, пуритан и анабаптистов⁹⁷, так и новой системой, опекой государства над церковью, а в обоих случаях — преобладанием религиозного интереса над светским. Религиозные преследования вообще проис текают из убеждения, что данная секта и ее последователи обладают полной истиной и что всякое уклонение от ее верований есть ложь, явно опасная для спасения душ. Это убеждение проводит резкую разницу между «сыновьями света», с одной стороны, и «сыновьями тьмы» — с другой, а между такими областями не может быть иных отношений, кроме борьбы насмерть. Без всякого сомнения, уверенность в истинности своих мнений есть необходимая принадлежность глубокого убеждения, без которого и нет нравственной личности, но разница глубокого убеждения и клерикального фанатизма состоит в том, что убеждения полагают известное мнение истинным, потому что оно есть логический вывод из известных данных, истинным, пока оно не поколеблено тоже логическими доводами; фанатизм же предполагает свои мнения непреложными и не подлежащими оспоре, и в добавок полученными чудесным способом. Католический писатель XVIII в. Бержье (*Traité de la vraie religion*) говорит: «Всякая истинная религия должна быть нетерпима, потому что нет истинной религии, кроме той, которая открыта Богом, а Бог говорит ли заблуждению, что оно — правда? говорит ли он лжи, что она хорошо делает, нападая на истину? Кто ж смеет ставить церкви в вину ее нетерпимость?» «Святая и непоколебимая твердость есть ее слава,— говорит Боссюэт.— Она хочет быть единой, потому что она считает себя супругой (И. Христа), звание, которое не терпит раздела». XVI век был веком сильного религиозного одушевления, всякая секта стремилась осуществить «истинное христианство»; всякая считала другую за воплощение антихриста и порождение дьявола, а потому религиозная ненависть, преследования и войны были необходимым явлением. Еще в XVII в. один писатель (*Amyrant*⁹⁸ в *Traité des religions*, 1631) заметил, что «крайности, до которых дошли католики и протестанты, происходят от сильного убеждения, что учение, которого каждая сторона держалась, было истиной и единственным средством достигнуть блаженства, к которому мы все стремимся».

Религиозные преследования возбуждались в XVI и XVII в. не только духовенством, но и государственными людьми, и людьми,

которые считали религиозные интересы выше всяких других, и политиками, которые смотрели на религию как на часть политики. Образцом людей религиозных того времени может считаться Филипп II, которого известный агитатор французской лиги Буше, «король лиги», считал «достойным названия не только католического короля, но короля католиков». Во время войн с Голландией этот король католиков не раз выражался, что считает служение религиозным интересам выше всего. «Никакой интерес человеческий,— говорил он,— никакое государственное обображение, одним словом, никакая мирская вещь не может свести меня ни на один шаг с пути, которому я следую в делах религии... Прежде чем потерпеть малейшую вещь, приносящую ущерб религии и службе Божией, я скорее потеряю все мои владения, потеряю сто жизней, если бы я имел их, потому что я не думаю и не хочу быть королем еретиков». Доктрина, что главная забота государства — служение религии, доктрина, которую в средних веках проповедовали папы, исповедовалась и в XVI в. и притом не одними духовными. В 1604 г. эрцгерцог Австрии Матвей⁹⁹ в публичном акте объявил, что «государство не смеет терпеть секты, которая не одобряется церковью, и что всякие привилегии, противные законам церкви, не имеют обязательной силы». Проповедники и политики лиги на разные лады провозглашали, что для них самое существование Франции нипочем, сравнительно с интересом религии, что король, который почему-либо не служит религии, может быть низвергнут, заперт в монастырь и убит. Один из характернейших памфлетов того времени (*«De iusta reipublicae christianaee in reges impios auctoritate»*) заявляет, что «если Франция оставит истинную веру, то пусть она разделится между шестью иль хоть десятью королями, пусть каждый город, каждая деревня имеют особого королишку». И это говорилось в той стране, которая столько употребила усилий для установления своего политического единства и столько дорожила этим единством. При таком предпочтении религиозных интересов всяким другим раз только стоило правителям увериться в необходимости религиозных преследований, чтобы приняться за них с особым усердием. А доктрину об обязанности государей охранять единство церкви проповедовало неустанно духовенство, как католическое, так и протестантское. То обстоятельство, что государи стали провозглашать власть свою прямо исходящей от Бога и независимой от духовенства, стали считать себя главами не только в светских, но и в церковных делах в своих владениях, на первых порах не только не ослабляло религиозных гонений, но еще усиливало их, потому что светские главы церкви считали себя в особенности обязанными покровительствовать ей. Когда посольство от германских протестантских князей ходатайствовало перед королем французским Генрихом III о смягчении преследования гугенотов, Генрих отвечал, что «он поставлен Богом для того, чтобы управлять своим королевством, и что он должен знать, как ему сохранить в религиозном

единстве народ, который Бог вверил его заботам». В странах католических в XVI в. пункт слития средневековых и новых (относительно) понятий о власти государей относительно церкви выразился в лице Карла V¹⁰⁰, который, как император Священной Римской империи, и притом в век упадка папства, почитал себя каким-то христианским калифом, или военно-духовным папой. Как таковой, он, прежде коронования, принял посвящение в сан духовный и даже служил обедню. Затем император принес клятву оберегать христианство и римскую церковь. Удивительно ли, если Карл V считал главною своею заботою истребление ересей до того, что согласился даже платить подать туркам, чтоб только иметь свободу посвятить свою силу войне с лютеранами. Мы видели, что галликанцы не признают подчиненности светской власти духовной, и однако же, глава их, Боссюэт, выводит обязанность религиозных преследований именно из учения о гла-венстве королевской власти в государстве. «Государь,— говорит он,— есть слуга Божий. Он недаром носит меч; кто делает зло, должен бояться его как мстителя своей вины. Государь есть покровитель общественного спокойствия, которое держится на религии. Кто не хочет, чтоб государь употреблял строгости в деле религии, потому что религия должна быть свободна, тот находится в самом нечестивом заблуждении». Мы видели, что и протестанты, говоря о разделении власти, духовной и светской, и о независимости последней, все же признавали право и обязанность государей перед Богом покровительствовать церкви, всеми мерами защищая ее. Мы видели, как протестанты, отвергавшие средневековое слитие церковной и светской власти, происшедшее вследствие подчинения последней папству, близки были к новому слитию этих двух властей в лице государей. Всего последовательнее проведено было это слитие главенства государей в духовном и светском отношении в установлениях англиканской церкви. Король Генрих VIII, получив от папы за полемику с Лютером титул *Defensor fidei*, удержал его и после разрыва с папой. Разрыв этот, установление учения англиканской церкви и провозглашение короля главою ее совершены были государственной властью, т. е. палатами парламента и королем, и религиозная жизнь стала, таким образом, частью государственной политики. С упадком религиозного одушевления, особенно ввиду невозможности победить религиозное раздробление и вследствие поднятия других интересов, политических, промышленных и научно-эстетических, такое подчинение духовных дел светской власти, какое мы видим в государствах, наклонных к галликанской системе, а особенно в протестантских, было одним из облегчений секуляризации европейской жизни, но в век религиозного одушевления такое на новый лад слитие религии с политикой было причиной религиозных гонений.

Те понятия об отношениях государственной власти к религии, какие мы только что представили, всегда были опасны для спокойствия общества, ибо они находились в связи с религиозным оду-

шевлением и убеждением всякой религиозной партии, что она обладает полной истиной. Но эта опасность еще более усиливалась убеждением, что разделения религиозные опасны для государства, а также уверенностью, что насилие может победить эти разногласия и что во всяком случае привязанность к своей вере требует ненависти к чужой и преследования ее. Папы и вообще духовенство, возбуждая правительства к религиозным гонениям, постоянно толковали им такие понятия, а именно, что «враги Бога будут тем охотнее врагами государей, что кто не повинуется законам духовным, тот станет презирать законы и светские, что религиозное единство есть необходимое условие единства политического и даже что новые секты еще больше угрожают государству, чем церкви». В устах пап и духовенства подобные слова не представляют ничего удивительного и в настоящее время, но в тот век, о котором идет речь, подобные понятия были крепки и у светских людей, даже у таких, которые и в религиозной политике держались идей, значительно опередивших идеи современного большинства. Не только такие политики, как Филипп II или Фердинанд II, писали, что «интерес государства до того связан с поддержанием религии, что ни власть государей, ни согласие между подданными, ни общий мир не могут существовать при двух различных религиях», но подобные идеи разделялись даже такими людьми, как французский канцлер Лепиталь¹⁰¹, который вообще не одобрял политики религиозных преследований и хотел достигнуть религиозного мира в государстве кроткими мерами и устроением соглашений между разноверцами, вроде известных переговоров в Пуасси¹⁰², так неудачно окончившихся. Французские политические люди в особенности заботились о сохранении религиозного единства не столько из видов религиозных, сколько из политических, причем общее всем тогдашним государствам отвращение от религиозных разделений усиливалось еще свойственным французам стремлением к централизму. Когда французское правительство поставлено было в необходимость издать в 1561 г. эдикт о терпимости, парламент парижский, который, как мы видели, далеко не разделял всех старокатолических идей, протестовал против этого эдикта, говоря, что существование в одном государстве двух церквей есть «вещь чудовищная и невозможная». В 1567 г. французское правительство провозгласило, что «так как, по божественному провидению, существует только одно солнце и один король в нашем королевстве, то подобно тому должна быть и одна религия». Венецианские посланники замечают, что девизом Франции в XVI в. было: «Один Бог, один король, одна религия». Даже Паске и Лепиталь опасались религиозных разделений. Вот в каких выражениях описывает опасность их Лепиталь: «Безумно ожидать мира, спокойствия и дружбы между людьми разных религий. Нет ни одного мнения, которое бы так проникало в сердце человеческое, как мнение религиозное, ни которое бы так разделяло одних от других... Мы испытываем это теперь и видим, что французы и англичане, которые

принадлежат к одной религии, имеют между собою более дружбы, чем граждане одного города, подданные одного государя, но разных религий; так что связь, производимая религией, сильнее, производимой родиной; напротив того, разделение из-за религии больше и продолжительнее всякого другого. Оно разделяет отца от сына, брата от брата, мужа от жены. Оно мешает подданному повиноваться своему королю и порождает возмущения. Если же различие религий разделяет лица, которые связываются столь близкими узами и степенями, то что оно может произвести между теми, которые не соединены так близко? Различие языков только разделяет между собою государства, но разница в религии и в законах делает из одного государства два. От того и происходит старая пословица: «une foi, une loi, un rois». Нельзя не согласиться, что слова Лепитая имеют много основательности, особенно поскольку они заявляют существовавший факт. Действительно, при преобладании или исключительности религиозных интересов в обществе религиозные разделения не совместимы со спокойствием государства. Мы видим и теперь, например на Востоке, как люди разных религиозных сект ссорятся и режутся между собой без всяких причин, кроме религиозной ненависти. Действительно, православный грек или болгар считает себя ближе к русскому, чем к соотечественному магометанину. Но дело в том, что именно политика терпимости и разделения церкви от государства имеет свойство смягчать религиозные разделения и устанавливает мало-помалу связь между членами одного государства, хотя бы разных религий, которая может парализовать тяготение людей одной религии, но разных государств. И наоборот, эта связь разрушается, когда государственная власть начинает преследовать один из религиозных толков. Действительно, в XVI в. французский гугенот считал себя ближе к англичанину-протестанту, чем к французу-католику, и готов был призывать в свою родину иноземные войска, т. е. поступать, как изменник нации и государству. В этом отношении измена одному принципу была последствием верности другому, важнейшему, каким была тогда религия, и тем более должна быть оправдана, что католическое большинство и правительство само же провозглашало гугенотство не совместным с именем француза. Но теперь, напр., когда установилась политика терпимости, теперь гугенот Гизо и еврей Кремье — такие же французы, как и католики. Для XVI в. в значительной степени верно и опасение, что религиозное разделение ослабит повиновение подданных государям. Действительно, при преобладании религиозного интереса для гугенота государь-католик должен был казаться существом нечистым, как и все другие католики, наоборот, государь-протестант не чист был для католика. Но опять религиозные гонения только усиливали это взаимное отвращение, превращая его в ненависть. Елизавета Английская жаловалась французскому посланнику, что «борьба католиков и протестантов представляет особенные опасности для всех государей, так как протестанты утверждают,

что они могут отказываться от повиновения государям, согласно воле Божией и совести, и изгонять их из государства, а папа со своей стороны объявляет вакантными государства тех, которых он считает раскольниками и еретиками». Папам, конечно, принадлежит тут роль наступательная, хотя они в значительной степени были только органиами мыслей и чувств католического населения. Но протестанты сначала, при всем отвращении к государям-католикам, не только не думали о бунте, но даже такие люди, как Кальвин, советовали своим единоверцам терпеть всякие гонения, по примеру первых христиан, ожидая, что кровь протестантских мучеников будет так же семенем новой веры, как была им кровь древних христианских мучеников. Только продолжительность гонений заставила, наконец, протестантов подумать о защите своих прав оружием и мало-помалу довела многих из них и до республикански революционных идей. Таким образом, религиозный фанатизм действительно производил в XVI в. явления, приводившие политиков того времени к идеям об опасности для государства религиозных разделений, но тот же фанатизм диктовал меры, которые только усиливали зло. Этот фанатизм вместе с дурно понятыми обязанностями государства обагрил Европу кровью. Но, смотря на вещи с исторической точки зрения, не следует быть к нему очень строгим. В конце концов он привел к политике терпимости. Средневековая нетерпимость могла быть вконец подорвана только замено старых нравственных интересов новыми; это и совершается с XVIII в., продолжавшего чисто светское движение мысли, пробудившееся в века возрождения языческого образования. Это — путь радикальный и верный, но медленный, как всякий путь, проводимый действием чистой мысли. Практический же путь к установлению политики терпимости в Европе — было существование разноверий. Если бы не поднялось в XVI в. религиозное одушевление, то не было бы и реформации; не было бы, конечно, религиозных войн, но зато непоколебимо бы стояла система средневекового единства в религии и нетерпимость бы продолжала жить дальше, хотя и не была бы столь острою, как временно была она в XVI в. Если бы Лютеры были индифферентами в религиозном отношении, то массы бы остались в повиновении папе; если бы протестанты вместе с Лютером не были убеждены, что папа — антихрист, они бы пошли на сделки и религиозное единство опять бы восстановилось, если бы не было нарушено. Но при взаимном фанатизме, при взаимной стойкости, католики и протестанты, правда, пролили много крови, но, увидев невозможность сломать друг друга, заключили религиозные миры, которые и положили начало терпимости и секуляризации жизни в довольно обширных пределах практически, хотя пока и в узких теоретически. Равенство пока признано было за вероисповеданиями христианскими, но раз подорвана была опека церкви над государством, установилась брешь, в которую могли пройти и другие отличия совести человеческой, так что светскому направлению мыслей

XVIII в. была подготовлена почва более благоприятная, нежели какою была почва XV в., хотя тогда даже папские и кардинальские престолы были занимаемы полуязычниками и гуманистами, а не фанатиками и инквизиторами, вроде Павла V и кардинала Караффы¹⁰³.

Пока же религиозный фанатизм и взаимное отвращение разноверцев, производимое глубокою уверенностью каждого из них, что только он и его единомышленники обладают истинным путем к спасению душ, были главною причиной религиозных смут XVI и XVII в., тогдашняя система отношений между церковью и государством была только орудием религиозного настроения эпохи, которое производило кровопролития. А отвращение разноверцев одного от другого было велико. Вот, напр., в каких выражениях говорит о Лютере современник-католик: «Это — ужасное чудовище, которого должны избегать все люди, даже варвары и скифы, даже демоны ада, потому что это — враг природы, враг рода человеческого. Что такое Лютер, как не идол проклятия, мрачная ночь заблуждения, беспредельная злоба, жилище смерти, ковчег невежества, храм гордости, пучина разврата, грубая и дикая скотина?». Другие бралини Лютера уже чисто площадным образом.

Эта брань, на которую, в свою очередь, не скучились и протестанты, говоря о католиках и папах, была бы только смешна, если бы она не была только вульгарной оболочкой идей, которые имели и весьма серьезную форму, а именно: актов правительственные, решений соборов и т. п. Вот, напр., как выражался о еретиках папа Пий V в послании к Катерине Медичи, королю Карлу IX¹⁰⁴ и знатным королевства: «Как не может быть общения между сыновьями Света, так же точно должно быть уверено, что не может быть никакого мира между католиками и еретиками». Даже близкие секты, как, наприм., лютеранство и кальвинизм, взаимно ненавидели друг друга, особенно первое. В объяснении к лютеранскому катехизису второй половины XVI в. читаем, что есть два антихриста на свете: один на востоке — Магомет, другой на западе — Кальвин. Общий голос кальвинистов XVI в. говорит, что немецкие лютеране считают их хуже турок. Это отношение между протестантскими сектами страшно мешало успеху реформации. Из множества примеров, доказывающих последнюю мысль и обнаруживающих узкую нетерпимость немецких протестантов, которую голландские кальвинисты называли более чем скотской глупостию (*Germanorum plus quam belluina stupiditas*), мы приведем несколько наиболее характерных: перед самым началом 30-летней войны¹⁰⁵, когда Богемия низвергла католика-короля и выбрала королем кальвиниста палатина¹⁰⁶, поднят был вопрос о плотном союзе немецких протестантов. Тюбингенский богословский факультет предостерегал герцога Бюргенбергского не оказывать помощи лютеранам, так как они более нетерпимы к кальвинистам, чем даже католики; а в то же время исповедник курфюрста саксонского, Гоэ Гонегг, писал своему государю: «Брать оружие в пользу кальвинистов

все равно, что становиться под знаменем сатаны. Нам говорят, что мы должны умереть за своих братьев; но кальвинисты — вовсе не братья наши: этак, пожалуй, придется принести себя и детей своих в жертву Молоху¹⁰⁷. Кальвинисты — враги Бога, а священное писание говорит, что должно ненавидеть тех, которые ненавидят Бога».

При таких взаимных отношениях трудно было сохранить мир между разноверцами даже в разных государствах, а тем более в одном. От этих понятий до понятия, что терпимость к еретикам есть оскорбление Бога, было совсем недалеко, а это, в связи с тогдашним понятием, что правительства должны блюсти за верою своих подданных, не могло не привести к правильно организованной во всех европейских государствах политике религиозных преследований.

Можно бы наполнить целые томы, если бы переписать все даже характернейшие изречения пап и духовных католических в пользу религиозных преследований. Едва появилось учение Лютера, как Сорбонна провозгласила, что «оно должно быть побеждаемо не столько разумом, сколько судом и оковами, а особенно огнем и пламенем». Папы поспешили возобновить законы против еретиков, которые, впрочем, никогда не были отменены. В речи, произнесенной при открытии Тридентского собора, епископ Битонский¹⁰⁸ сказал, что «жестокость к еретикам есть истинное милосердие». Возбуждая королей к преследованию еретиков, папы писали им, что, сожигая еретиков, короли совершают дело, приятное Богу: «Мой нрав,— писал папа Адриан¹⁰⁹ в Германию,— склоняет меня более к кротости, чем к строгости: но если болезнь так важна, что не может быть излечена лекарствами легкими и сладкими, нужно употребить железо и огонь, и даже при нужде отрезать гниющие члены от здорового тела. Так Бог бросил еретических Дафана и Абириона живыми в пропасть и повелел наказывать смертью тех, которые не повинуются священникам. Так князь апостолов св. Петр подверг мгновенной смерти Ананию и Сапфиру¹¹⁰, которые солгали Богу. Так ваши предки приговорили к смерти на Констанцком соборе Иоанна Гуса и Иеронима Пражского¹¹¹, которые как бы возродились в Лютере. Если вы будете подражать этому благородному и святому примеру, Бог даст вам вечное блаженство». Один святой монах писал к Филиппу II: «Умоляю ваше величество, как только могу, не иметь никакого сожаления к еретикам, которые жестокие враги Иисуса Христа. Святейший царь Давид¹¹² не имел ни малейшей жалости к врагам Господа; он убивал их до одного, не щадя ни мужчин, ни женщин. Моисей в один день убил 3 000 человек из народа израильского. Ангел в одну ночь предал смерти более 60 000 врагов Божиих. Поступая так, они не были жестоки; они только не имели жалости к тем, которые не почитали Бога. Ваше величество — царь, как Давид, предводитель народа, как Моисей, ангел Бога, ибо так называет священное писание царей; враги Бога живого, эти еретики, эти богохульцы, идолопоклонники, звери дикие, без сомнения, разрушат святилище Божие в Нидерлан-

дах, если вовремя не помочь этому горю, так гибельному и плачевному». Святой монах полагал, что вовремя будет достаточно убить всего 2 000 человек и беда будет остановлена. Во Франции на собрании штатов в Орлеане духовенство давало такие советы королю: «Никто не может отрицать, что ересь есть зло и преступление уголовное и что еретик есть уголовный преступник и должен быть подвергнут мечу начальства. Закон Божий говорит: *«Берегись быть в дружбе, в союзе, вступать в брак с еретиком (неверным); берегись, чтоб они не жили на земле, не имей жалости к ним. Бей их, поражай до смерти,— и приводит резон этого повеления: — чтобы после они не побудили тебя грешить против меня, если ты примешь веру их, которая будет мне обидой и поношением, за которым последует ярость моя против тебя и скоро я тебя сотру с лица земли...»* Государь, ради сохранения скрипта вашего, обратите внимание на эти ужасные и страшные угрозы».

Подобное отношение к еретикам не было вовсе отличительной чертою католиков. Католические писатели с конца XVI века любят ссылаться в защиту принципа нетерпимости на аргументы Кальвина, который вот что писал по поводу присуждения им на костер Серве¹¹³: «Ересь должна быть наказываема, как и всякая другая вина. Скажут, что неизвестность, правильно ли понимается догмат, делает невозможным и наказание? Но если догматы не имеют ясного смысла, тогда нет учения христианского, нет церкви, и мы — игралища заблуждения и лжи! Скажут, что жестокость бессильна в деле обращения еретика? Ничего! Дело не в обращении еретиков, а в их наказании, и наказывают ересь так же, как наказывают воровство и убийство для сохранения гражданского порядка. Скажут ли, что любовь евангельская осуждает наказание еретиков? Странная любовь, которая, щадя тело, причиняет смерть душе! Надо убивать еретиков из любви к человеку. Да что тут столько рассказывать? Разве мы не имеем прямого приказания Божия во Второзаконии?¹¹⁴ Что оно нам говорит? Предавать смерти всякого, кто уклоняется от веры. Пусть же обвиняют Бога в бесчеловечии! Действительно, нельзя не согласиться, что Кальвином так ловко резюмированы все доводы в пользу нетерпимости, что иезуиту Беллярмину оставалось только повторить аргументацию женевского папы. Убеждение Кальвина разделялось и другими протестантскими авторитетами: Лютером, который, впрочем, прежде, во время перевода св. Писания, высказывался в пользу терпимости, Безою¹¹⁵, Ноксом¹¹⁶ и др., исключая Цвингли, Социна¹¹⁷ и еще небольшое число людей, которые более или менее были близки к Социну и которых мы упоминаем ниже. Даже в XVII веке, когда, после некоторого времени религиозного мира, доставленного гугенотам Нантским эдиктом¹¹⁸, правительство Людовика XIV начало преследовать протестантов, когда все интересы последних побуждали их защищать принцип невмешательства правительства в дела совести, когда передовые умы, вроде Бейля¹¹⁹, уже громко высказывали

учение о веротерпимости, и тогда протестантские авторитеты поддерживали систему гонений, которая обращалась в конце концов и на них. Так, Жюре (Jurieu), один из влиятельнейших французских пасторов в Голландии, противник Боссюэта, издал в Роттердаме в 1687 году книгу «*Droits des deux souverains en matière de religion, la Conscience et l'expérience*», направленную против книги Бейля «*Contrains-les d'entrer*», в которой Бейль поражал систему религиозных гонений, ту самую систему, которая привела в Роттердам и Жюре. Учение о терпимости Жюре называет социнианским догматом, самым опасным из всех других учений социнианской секты, потому что он ведет к разрушению христианства и к установлению религиозного индифферентизма. «Можно ли отрицать,— спрашивает Жюре,— что язычество пало в мире благодаря власти римских императоров? Без всякой смелости можно уверять, что язычество стояло бы и до сих пор и что три четверти Европы были бы языческими, если бы Константин и его наследники не употребили своей власти для его истребления. Но, прошу вас, скажите, какие средства употребил Бог в последнее время для установления истинной религии на Западе? Короли Швеции, Дании, Англии, верховные власти Швейцарии, Нидерландов, свободных городов Германии, курфюрсты и другие князья Империи не употребили ли своей власти для низвержения папизма? Поистине надо быть очень смелым, чтобы обвинять пути, которые Providence постоянно употребляло для установления истинной религии и для разрушения ложных». В 1690 году в Амстердаме собрался собор протестантских пасторов из Германии, Франции и Англии, изгнанных из отечества религиозным преследованием, и этот собор признал учение о том, что начальство не имеет права преследовать ересь и идолопоклонство (так называли тогда протестанты католицизм) гражданскую властью, «ложным, скандальным и опасным». Такая аргументация была, конечно, как нельзя более по сердцу защитникам системы Людовика XIV, и ее органу, Боссюэту, оставалось только сослаться на пример протестантов и аргументацию своего противника Жюре, что он и сделал в своем известном сочинении «*Variations Protestantes*». Боссюэт утверждает, что нет ничего опаснее для церкви, как терпимость, потому он не знает никакого христианского общества, кроме социниан и анабаптистов, которые бы держались учения о терпимости. Следует, впрочем, прибавить, что и анабаптисты в Мюнстере кричали, что «неперекрещенные будут преданы смерти как язычники и злодеи». Ввиду такой нетерпимости протестантов Филипп II имел полное основание отвечать на ходатайства датского короля в пользу нидерландцев, что «везде государи следуют правилу не терпеть другой религии, кроме той, которую исповедуют сами. Они считают, что единство верований необходимо для поддержания религии и сохранения государства. Почему то же не будет позволено мне? Почему я не буду иметь права делать то же для истинной религии, что другие делают для ложных?»

При таком согласном настроении духовных и правительств относительно обязанности светской власти охранять религию посредством преследований кровавые явления, вроде инквизиции, войн испанцев против Голландии, религиозных войн во Франции со страшной Варфоломеевской ночью¹²⁰, Тридцатилетней войны, преследований католиков и пуритан в Англии, были неизбежны. Мы не станем, конечно, излагать здесь истории этих явлений и событий, считая достаточным для целей нашей статьи указать на принципы, которыми руководствовались деятели в этих печальных событиях, и на размеры того давления и тех жестокостей, которым подвергалось население европейских стран во время господства теории религиозных преследований.

Инквизиция есть учреждение старое, особенно свирепствовавшее в средние века, в эпоху войн с альбигойцами¹²¹. Но особенную славу приобрела инквизиция испанская. Будучи установлена с целью преследования мавров и евреев, она получила новую работу с появлением реформации. Страх этой новой ереси, принявшей небывалые прежде меры, побудил иезуитов хлопотать об установлении общей для всего христианского мира инквизиции. Такое судилище было установлено для Италии папою Павлом III¹²². Вообще, под тем или другим наименованием инквизиционные судилища существовали в XVI веке во всех европейских государствах. Папы, например Павел IV (который укорял короля польского за терпимость к еретикам, между тем как апостол Иоанн запрещает кланяться еретикам, ходить с ними в баню и т. п.), выражались об инквизиции как о «единственном средстве поддержать авторитет святого престола». По словам католических духовных, пример инквизиции был подан самим Богом, когда он выгнал из рая Адама и Еву, и Христом, когда он изгонял из храма торговцев. Клерикальные писатели находили и находят, что инквизиция спасла не только веру, но и самое существование Испании, что она охранила Испанию и Италию от реформации; наоборот, по их мнению, религиозные смуты Франции произошли оттого, что вовремя не была учреждена там инквизиция, которая бы пролила несколько капель крови и тем сберегла бы целые потоки, которые пришлось проливать после. Нельзя, впрочем, сказать, чтоб испанская инквизиция пролила мало капель крови. Известный историк этой инквизиции Леренте¹²³, бывший сам секретарем святейшего судилища и имевший случай во время французского вторжения в Испанию ознакомиться с архивами его, считает в одной Испании, без Америки, 31 000 сожженных и 290 000 подверженных другим жестоким наказаниям. Старый испанский историк Мариани говорит, что в 1482 году, в первый год установления инквизиции, в Андалузии было сожжено 2000 человек, а одна надпись на дверях судилища в Севилье в 1524 г. говорит, что в 1492 г. было сожжено 1000 человек во время преследования евреев. Некоторые историки, например Прескотт¹²⁴, видят в этих цифрах преувеличение; но если бы оно и было,

все же эти цифры характерны, потому что их выставляют не враги инквизиции, а друзья ее. Инквизиция и в XVI веке руководствовалась жестокими средневековыми инструкциями и трактатами об инквизиции, например сочинением Эймерика¹²⁵, инквизитора в Арагонии в половине XIV в., «Directorium Inquisitorum», которое было напечатано в Барселоне в 1503 г., Парамона¹²⁶, сицилийского инквизитора, «De origine Inquisitionis». Пытки инквизиции приобрели всеобщую громкую известность. Пытки эти, продолжавшиеся три дня,— их нельзя было возобновлять, но можно было продолжать,— были узаконены папами, например Иннокентием IV¹²⁷ и Климентом IV¹²⁸. То обстоятельство, что инквизиторы не сами совершали смертную казнь над осужденными, а отдавали их в руки светской власти, которая и убивала преступника, не служит вовсе к смягчению ответственности католической церкви в кровопролитиях, так как это устранение духовного суда от крови было чистейшим лицемерием. Но, конечно, это обстоятельство характеризует государственные понятия того времени. Согласно буллам Иннокентия III и Александра IV¹²⁹, имения еретиков конфисковались, дети их признавались лишенными гражданских прав, подобно тому как дети Адама и Евы заражены были грехом праотцов, лишились их наследства, и сообразно словам Ветхого Завета, по которому дети часто ответственны за грехи отцов.

Правительство Карла V и Филиппа II постоянно старалось ввести и в другие свои владения испанскую инквизицию. Формально и по имени она не была введена в Нидерландах, где тому препятствовали политические привилегии государства. Но духовный суд для преследования еретиков под другими названиями существовал в Нидерландах во все время испанского владычества. Едва стала распространяться ересь Лютера, Карл V написал своей наместнице в Испанию: «Необходимо, чтоб виновные, лютеране, были наказываемы беспощадно и без соблюдения формальностей обыкновенной юстиции; их должно наказывать, как бунтовщиков». Уже из монастыря св. Юста Карл V писал Филиппу II, предписывая ему властью отца покровительствовать везде «святое судилище инквизиции», ради чего он «сделается достойным того, чтоб Господь наш дал счастье его царствованию». В эдикте, изданном на Вормском сейме 1521 г.¹³⁰, Карл объявил, что «он принесет в жертву свои королевства, свою власть, сокровища, тело, душу и жизнь, чтоб остановить нечестие Лютера». В Германии власть императора была стеснена, но в Нидерландах, наследственных владениях Карла, он мог ввести беспрепятственно запрещения вормского эдикта. В 1526 г. император издал декрет в Мехельне, воспрещающий печатание сочинений реформаторов и повелевающий сожигать их, под страхом изгнания неисполняющим этот приказ. В 1529 г. издан другой эдикт в Брюсселе. Эдикт жалуется, что ересь увеличивается со дня на день, что наказания за нее презираются, «вероятно, по причине малости своей»; поэтому император «возобновляет запрещение печатать, продавать, распро-

странять, читать, иметь у себя еретические книги, проповедовать, поддерживать публично или секретно лютеранские учения, держать религиозные собрища, делать изображения, оскорбительные для благодатной Девы Марии и для святых». За отступления от этого запрещения назначена была смертная казнь: впавшие вновь в ересь (*relapsi*) должны были быть сожигаемы, остальные казнились мечем (мужчины) и закапыванием в яму (женщины). В 1531, 1544, 1546 гг. строгости были подтверждены новыми декретами. В 1550 г. Карл V ввел в Голландию инквизицию, которая только именем отличалась от испанской. Из инструкций, данных инквизиторам, видно, что костер назначался за мнения, отвергавшие чистилище, главенство св. Петра, папы и т. п. Гуго Гроций¹³¹ считает в 100 000 человек число жертв религиозных преследований в Голландии в правление Карла V. Прескотт считает и эту цифру преувеличенною, но она покажется весьма вероятною, если обратить внимание на частные цифры, сообщаемые венецианскими посланниками. Наваджero¹³² писал в 1546 г., что в Голландии погибло 30 000 протестантов, другой посланник утверждал в 1562 г., что погибло 36 000 еретиков. Сарпи насчитывает число жертв инквизиционных мер Карла V в Голландии в 50 000 человек. Когда германские князья укоряли императора за преследование протестантов в Голландии в то время, когда он признавал за ними известные права в Германии, Карл лживо уверял их, что он не преследует за религиозные мнения, но за бунт. Брат Карла Фердинанд писал Карлу те же резоны о том, что обязательства, принятые относительно протестантов, не распространяются на еретиков, император отвечал ему. Сам Карл говорил, что в деле, касающемся религии, никакой договор не может быть принимаем в соображение. Когда Карл V потерпел поражение от Морица Саксонского¹³³ и протестантские князья потребовали принятия аугсбургского религиозного мира¹³⁴, Карл не захотел сам вести и переговоров о том, предоставив их вести брату своему Фердинанду. Фердинанд настаивал на принятии требований протестантов, ввиду опасности от Франции и турок, но когда не будет опасности с этой стороны, говорил брат императору, можно будет найти случай наказать еретиков, «как они того заслуживают». Один раз в молодости Карл поступил честно с еретиком, не согласившись казнить Лютера в Вормсе, после того как выдал ему охранный лист, надеясь и после срока охраны погубить реформатора, но после не раз сожалел о том; сожаление это разделяло духовенство, которое находило, что «небрежность императора дала силу ереси, тогда как казнь Лютера и нескольких человек других спасли бы мириады людей».

Мы остановились подольше на отношениях к реформаторам Карла V потому, что он еще не очень давно считался сравнительно мягким преследователем, не очень усердным слугой папизма рядом с мрачной фигурой своего сына Филиппа II, с которым, однако ж, он не только был единомышлен, но которого деятельность он даже направлял

из монастыря святого Юста. Выше мы привели слова Филиппа II, из которых видны цели его политики. Сам Филипп II называл себя столбом церкви, и действительно, не было дела, сколько-нибудь связанного с интересами католической церкви, в котором бы Филипп II не принимал участия. Задумывал ли папа (Пий V) убийство «во славу Божию» королевы английской Елизаветы, «святое дело, для которого папа изъявлял готовность пожертвовать чаши церковные и собственные одежды», он обращался за помощью к Филиппу; затевали ли французские фанатики-католики оппозицию Генриху III или IV, им помогал Филипп II. Филипп же помогал и католической партии в Германии. В собственных его владениях инквизиция была предметом особенных забот его. Когда нидерландское дворянство восстало против испанского правительства вместе с протестантами, в 1566 г.¹³⁵, Филипп написал своей наместнице, герцогине Пармской, что она может обещать амнистию в Нидерландах и уничтожение инквизиции. Непосредственно после этого он составил акт, подписанный нотариусом, что это обещание не было дано им добровольно и что поэтому он не считает себя связанным словом своим и сохраняет за собою право наказать восставших. Тогда же он написал своему послу в Риме, что папа не должен беспокоиться уничтожением инквизиции, потому что это уничтожение, данное без согласия святого престола, не имеет силы; не должна также беспокоить папу и амнистия, потому что, когда король будет исполнять свое обещание, он сумеет хорошо отличить преступления, которые ему возможно отпустить, и вины пред Богом, которые он не имеет права прощать. Во время восстания Нидерландов было несколько моментов, когда возможно было соглашение; но все попытки не удавались, потому что Филипп II отказывался сделать какую бы то ни было уступку в пользу веротерпимости. Он воспрещал своим уполномоченным «прилагать руку к чему-либо, что может причинить ущерб святой католической вере, потому что,— говорил он,— я никогда не сделаю в этом отношении ни малейшей уступки, хотя бы я должен был потерять Нидерланды». И он действительно потерял их. Северные части восставших провинций, Голландия собственно, вышли на свободу разоренными; нужна была вся энергия голландцев и благоприятные условия для торговли тогдашнего времени, чтоб Голландия поправилась от своего разорения. Но Бельгия, которая осталась католическою и испанскою, с тех пор и не поправлялась окончательно и до последнего времени. Перед восстанием один венецианский посланник посетил Антверпен и нашел, что он уже превосходит Венецию, еще недавно богатейший город в Европе. В 1580 г. Гвиччиáрдини¹³⁶, видевший прежде Бельгию, во второй раз посетил ее и нашел, что тогдашнее ее состояние также похоже на прошлое, как ночь на день. Другой современник жалуется на упадок страны от выселения гонимых за протестантство ремесленников. «Почти невероятное дело,— говорит он,— сколько зла причинили сорокалетние преследования

суконному производству, шелковому, ковровому — мастерствам, которые считались необходимой принадлежностью Нидерландов и которые изгнаны преследованиями к англичанам, французам и другим народам». Филипп действительно сдержал свое слово: он потерял часть своих владений, разорил другую, но не сделал ни малейшей уступки религиозной свободе. Много общего с Филиппом представляет и жена его Мария Английская. Та же преданность к вере и та же жестокость в преследованиях за веру, даже при большей природной простоте. Будучи преследуема сама за веру при Эдуарде VI¹³⁷, Мария говорила, что скорее умрет, чем поступит против совести. Охрану католицизма всеми мерами Мария считала делом совести, а потому, вступив на престол, воспретила, под страхом наказаний, как за измену, даже чтение еретических книг. Рассказывают, что во время аутодафе одна беременная женщина родила на костре. Дитя вырвали из огня, но духовный судья велел бросить его на костер.

Французское правительство не было так настойчиво и последовательно, как испанское. Политическая необходимость противодействовать испанско-австрийскому дому заставляла французских королей входить в союз не только с немецкими протестантами, но даже с турками, которых один из знаменитых кальвинистов Лану¹³⁸ считал поклонниками «воображаемого Бога, скорее дьявола». Вместе с тем протестантское движение было сильнее во Франции, чем в Испании, так что его нельзя было подавить не только инквизиционными мерами, но даже Варфоломеевской ночью, и *volens-nolens* приходилось делать ему уступки, тем более, что, с другой стороны, религиозные войны происходили не в чужой, только подчиненной главной стране, как Нидерланды относительно Испании, а внутри самой Франции, так что французское правительство ближе чувствовало разорение своих провинций вследствие политики нетерпимости. Но, несмотря на несколько актов, представляющих уступки в пользу терпимости, попытки, которые принимались даже Катериной Медичи, политика нетерпимости составляет отличительную черту и французской государственно-религиозной жизни в XVI и XVII в., хотя действительно французское правительство не с таким усердием гнало еретиков, как того желало духовенство, так что оно не столько виновно в инициативе гонений, сколько в попущении и в следовании внушениям духовенства. Франциск I¹³⁹ и Генрих II, которые так часто заключали союзы против Карла V с немецкими протестантами, у себя жгли еретиков и особенно позволяли жечь их духовенству. Мы видели, что при первом появлении лютеранства Сорbonna провозгласила необходимость преследования его огнем и мечем. В 1527 г. собор духовных в Париже заклинал короля «божественным милосердием» истребить еретиков из своего королевства. Парламенты и духовные суды стали приговаривать к смерти еретиков без всякого препятствия правительства. Мало того, собираясь вместе с турками воевать против Карла V, король Франциск I, как рассказывает один

духовный историк, пожелал быть свидетелем аутодафе еретиков. На главных площадях Парижа были устроены костры, на которых жгли еретиков, когда король подъезжал к костру. «Франциск хотел,— говорит упомянутый историк,— дать явный пример благочестия и ревности против новаторов для того, чтобы привлечь благословение небесное на свое оружие». Поощряемые таким образом костры с еретиками пылали во всей Франции при Франциске I. Когда немецкие протестантские князья поставили это на вид своему союзнику, он отвечал, что казнит гугенотов не как еретиков, но как бунтовщиков. Король отвечал ложью, потому что из вопросов, предлагаемых осужденным гугенотам, видно, что преступления их были чисто догматического характера: отрицание чистилища, призывание святых, убеждение, что христиане должны читать священное писание на народных языках, и т. п. В таком же положении были дела и при Генрихе II. В 1545 г. по определению парламента в Э в Провансе, возбужденном кардиналом Турноном¹⁴⁰ и двумя епископами, поднято было преследование против вальденцев, причем погибло более 4000 человек и вся secta была изгнана из Франции. Между тем количество гугенотов возрастало, так что уже в 1558 г. считалось 400 000 открытых гугенотов. Они стали обращать на себя внимание как сила, на которую можно было опереться разным политическим партиям. Правительства слабые, какие правила Францией от смерти Генриха II до Генриха IV, должны были считаться с гугенотами. С разных сторон, сначала из среды среднего сословия и даже в парламентах, потом из среды аристократии, стали раздаваться голоса если не в пользу терпимости, то против жестокости гонений на гугенотов. Голоса эти говорили, что ереси вызываются неустройством в церкви, а потому, прежде чем преследовать еретиков, надо исправить эти неустройства, причем выражалась общая тому времени надежда на вселенский собор. Любопытнейшую попытку религиозного перемирия такого рода представляет прекращение гонений с вступлением на престол Карла IX и регентством матери его Катерины Медичи в 1560 г. и потом попытка привести к соглашению прелатов католических и докторов кальвинизма, состоявшаяся в Пуасси в 1561 г. по влиянию канцлера Лепитая. Этот знаменитый коллоквиум в Пуасси и речь, которую держал на нем канцлер Лепиталь от имени правительства, представляют весьма прогрессивную для своего времени попытку. «Оставим,— говорил канцлер,— оскорбительные клички, которые мы даем друг другу, и будем христианами и французами»; слова эти показывают, насколько ушло уже общество от средневековых понятий, но все-таки оно даже в лице таких людей, как Лепиталь, не дошло до терпимости. Вместо того, чтобы признать за каждым свободу религиозных мнений и выделить церковные дела из политики, люди вроде Лепитая хотели восстановления единства религиозного только посредством кратких мер и переговоров между католиками и протестантами, с тем чтобы обе стороны сделали взаимные уступки. Но довести до этих

уступок фанатиков обеих партий было еще труднее, чем склонить их к непреследованию друг друга, а потому переговоры в Пуасси, эта попытка достичнуть соглашения посредством национального собора — разбились благодаря обоюдному фанатизму, особенно проявленному иезуитами; исход задуманных примирителями переговоров был тем печальнее и скандальнее, что приехавшие по приглашению коварного кардинала Лотарингского немецкие лютеранские богословы завели спор с кальвинистами. Переговоры только усилили взаимное раздражение. Чисто политические причины заставили правительство издать опыт религиозного мира после совещания представителей всех парламентов в С[ен]-Жермене в 1562 г. Протестантам были дозволены религиозные собрания за городами; только они должны были обязаться не распространять учения, не заключающегося в священном писании и в никейском символе веры, подчиняться гражданским законам и не держать соборов без позволения королевских чиновников. Как ни ограничена была свобода, предоставленная таким образом протестантам, католическая партия, особенно духовенство, не была расположена мириться и с нею. Парижский парламент едва согласился внести эдикт в свои регистры. Духовные, особенно папа, протестовали против такого оскорблении веры. Бида, что правительство нерешительно в поддержке католицизма силою, духовные принялись терроризировать массы. Кровавое столкновение между солдатами герцога Гиза и протестантами в Васси в 1562 г.¹⁴¹ подало сигнал к гражданско-религиозным войнам, которые с небольшими перерывами (1563, 1572, 1577 гг.) продолжались до самого утверждения на престоле Генриха IV. Войны эти ознаменовались таким событием, как Варфоломеевская ночь 24-го августа 1572 г., лигой, которая стремилась поработить светскую власть духовным интересам и папе, и политическим убийством Генриха III, бывшим преддверием убийства и Генриха IV,— убийства, которые совершились в силу клерикальных принципов. Некоторые из теперешних клерикальных писателей желают придать этим печальным событиям французской истории исключительно политический характер. Нельзя вовсе отрицать примеси политического элемента к религиозным смутам, раздиравшим Францию в XVI в., но еще менее можно отрицать их преимущественно религиозный характер. Смуты эти возбуждены были католическим духовенством, которое, начиная от приходских священников до пап, призывало население к резне гугенотов. Монах ордена миноритов приглашал народ убивать гугенотов: «Нечего,— говорил он,— ожидать правосудия от сильных и от начальства, потому что они сами лютеране». В Париже кардинал проповедовал с кафедры, что скорее нужно умереть, чем позволить, чтоб, в оскорблении Бога и его церкви, во Франции была другая религия, кроме религии предков. Монахи вызвали резню в городе Санс (Sens), и для того, чтоб показать, что «Бог собственными устами одобряет убийство гугенотов», устроили чудо: статуя Спасителя повернулась спиной к месту, на котором был

храм реформаторов. Соборы духовных, папы решительно не одобряли малейших попыток правительства прекратить пролитие крови гугенотов. «Истинный религиозный мир, мир с Богом,— говорили они,— есть война с еретиками». Пий V похвалил герцога Немурского за сопротивление введению С.-Жерменского религиозного мира в Лионе и Гренобле как «за святое неповиновение», возбудил кардиналов Бурбонского и Лотарингского поднять войну против еретиков. Когда вновь возгорелась междуусобная война, папа отправил своего полководца, графа Санта-Фиоре, с приказанием не давать пощады ни одному пленному гугеноту. Папа писал во Францию духовенству и Катерине Медичи, что «мир С.-Жерменский нанес Франции удар более гибельный, чем все бедствия, которые она потерпела во время гражданской войны», что «ни под каким видом ни для чего не должно миловать врагов Бога», что «только полным истреблением еретиков король может возвратить этому благородному королевству его древнюю религию». С 1565 г. духовенство стало образовывать ассоциации, которые имели целью борьбу с гугенотами. На соборе Тридентском кардинал Лотарингский сосредоточил их в «братьство католиков во Франции». По словам современника, все участвовавшие клялись, что «не будут щадить ни имущества, ни жизни своей, ни детей своих для того, чтобы вовсе истребить гугенотов». Эта католическая лига приняла название святой; инструкция депутатам лиги, отправленным к папе, говорила, что «голос самого Бога воспламенил сердца французских католиков». Один епископ проповедовал, что «все, кто вступит в святой союз, будут спасены после смерти и получат вечное блаженство, даже если бы они убили отца своего, мать, братьев, сестер и совершили всякого рода преступления». Духовные капитулы не позволяли священникам причащать их прихожан, если они не присоединятся к лиге. Следствием такой терроризации католического населения была и знаменитая Варфоломеевская ночь, дать согласие на которую правительство было подвинуто перспективой полного объединения церкви во Франции.

Теперь клерикалы чувствуют, каким пятном на католической церкви лежит эта несчастная ночь, в которую пролита была кровь более 30 000 гугенотов. Они стараются извратить смысл и ход этого события или выгородить из него Рим. «Чего радовался Рим? — спрашивает Фаллу¹⁴², один из знаменитых клерикальных писателей новейшего времени.— Он радовался мгновенному, неожиданному триумфу католиков над протестантами, триумфу, который нигде не представлялся в первое время в истинном свете и с характером коварства и убийства, но как результат вспышки, неожиданно воспламененной покушением Гизов против адмирала Колиньи¹⁴³, или как возмездие покушения гугенотов против личности короля». Слова и поступки современных светских и духовных представителей католической церкви не оставляют никакого сомнения, что убийство гугенотов посредством хитрости было задумано давно, что об этом

давно знали в Риме и что весь католический мир считал делом руки Божией всю эту резню во всей ее жестокой форме. Еще в 1554 г. декан С.-Жерменский советовал королю заманить гугенотов хитростью и истребить их всех. Император германский писал своему посланнику, что ему писали из Рима по поводу свадьбы короля Наваррского¹⁴⁴, что «в тот час, как все птицы будут в западне, их можно будет взять всех вместе», что «кардинал Лотарингский говорил, что все было уже обсуждено прежде, чем он выехал из Франции». Едва получено было в Риме известие о Варфоломеевской ночи, папа велел устроить празднество, какое устраивается при вести о самой большой победе церкви над врагами. Папа с кардиналами отправился в церковь св. Марка, «чтоб принести торжественную благодарность Богу за такое благо, какое Он совершил для римского престола и всего христианства»; на другой день правилась тоже торжественная месса и потом обнародование юбилея для всего христианства, а вечером пальба из крепости св. Ангела. В память события была выбита медаль, на которой с одной стороны выбит бюст Григория XIII, а с другой — ангел-истребитель, поражающий гугенотов, и надпись: «Избиение гугенотов» («Hugonotorum stages»). Живописцу Вазари¹⁴⁵ была заказана картина бойни, которая и до сих пор висит в Ватикане, с надписью: «Папа одобряет убийство Колиньи» («Pontifex Colignii нesem probat»). Кардинал Лотарингский велел поставить на дверях церкви св. Людовика надпись от имени Карла IX: «Богу преблагому и величайшему и счастливейшему папе Григорию», в которой король сравнивался с «ангелом-мстителем Господа, Бога воинств». Папа отправил своего легата поздравить короля со столь великим событием, и легат провозгласил, что «день св. Варфоломея будет предметом похвалы для всех веков». Духовенство во Франции во множестве речей и в памфлетах называло варфоломеевскую бойню «делом рук Божиих», «чудом Божиим», «проявлением воли Бога, который, движимый милостию и состраданием, захотел посетить народ свой». Верное своему обычанию, духовенство католическое не пропустило случая устроить чудо, которое бы явно показало, что Пророчество одобряет убийство еретиков: на кладбище Saint-Innocent расцвел боярышник, и духовенство устроило процесии на кладбище, но слишком близко к цветку народ не допускался.

Замысел истребить протестантизм решительным ударом приготавляли иезуиты и в Германии. Иезуитские проповеди и памфлеты с конца XVI в. изобилуют терминами, означающими на разные лады смерть и истребление протестантов*. Уже в 1608 г. на сейме протестантские князья заявили, что им известны замыслы католиков

* Вот, например, отрывок из одной такой речи: «Opportet lutheranos et omnes alias haereticos mortis supplicio exterminandos, interficiendos, propulsandos, reprimendos, delendos, ustionibus et sectionibus excindendos, tollendos, explodendos, viriliter extirpandos, trucidandos, internecione delendos»¹⁴⁶.

и императорского правительства совместно с испанским и с папой против протестантов. Сюлли¹⁴⁷ подтверждает, что «посредством участия, которое он имел во всех важных делах (своего государства), он узнал, что папа, император, король испанский, эрцгерцоги, духовные князья Германии и другие вельможи и общины католические не имеют более важного стремления в душе, как составить сильный союз и сделать жестокое наказание для разорения всякого верования, противного римскому, что они замедлили еще с приступом к открытому делу только потому, что не могли присоединить к своему замыслу короля, моего государя (Генриха IV)». Стремление уничтожить протестантизм, ниспровергши и те уступки ему, какие были сделаны аугсбургским миром, имело в Германии опору, кроме доктрины о некомпетентности всякого договора, касающегося религиозных дел, если он не одобрен папой, еще и в самых началах, положенных в основание этого мира. Аугсбургский договор, собственно говоря, отнюдь не устанавливал веротерпимости; он обеспечивал религиозную свободу только имперских князей, предоставив публичное исследование веры подданных в их распоряжение, он вводил принцип: *cius regio, ejus religio*. На сем основании германские князья установили в своих владениях по своему произволу то лютеранство, то кальвинизм, то католицизм. Единственное, что могли делать подданные диссиденты, была эмиграция. Кроме того, аугсбургский мир говорил только о лютеранах, а отнюдь не о кальвинистах, за которыми сами лютеране не хотели признать прав, предоставленных им самим аугсбургским договором. На сем двойном основании сам Филипп II говорил, что преследует протестантов в Голландии на основании аугсбургского мира, и был прав. Если протестантские князья в силу аугсбургского мира могли воспрещать в своих государствах католицизм, то герцог Баварии или эрцгерцог Австрии с таким же правом могли преследовать у себя протестанство. Правда, например, в наследственных владениях австрийского дома права протестантов были обусловлены особыми привилегиями, но общее убеждение религиозного века было таково, что привилегии, данные в ущерб вере, бессильны и должны быть кассированы. В 1586 г. в Мюнхене вышел замечательный анонимный трактат «*Autonomia*», в котором указывалось право католических князей делать в своих землях реформу, подобно протестантским, т. е. преобразовывать их подданных из протестантов в католиков. Это предвещало католическую реакцию и давало ей легальную основу.

Органом этой реакции был Фердинанд II. Воспитанный иезуитами, набожный до ханжества, император, во время путешествия к Лоретской Богоматери, дал перед нею и перед папой обет уничтожить протестантизм в своих наследственных владениях и даже во всей империи. В преследовании протестантизма Фердинанд II стоял вполне на современной ему религиозно-государственной точке зрения, обязывавшей правительство заботиться, чтоб его подданные держа-

лись «истинной» веры. «Я не ненавижу протестантов,— говорил Фердинанд,— я их люблю; если бы я не любил их, я бы их предоставил их заблуждениям. Но Бог свидетель, что я их люблю так, что, если бы я мог спасти их ценою жизни своей, я бы дал ее охотно; если бы моя смерть могла поднять их из падения, я тотчас положил бы свою голову на эшафот». Император говорил это, без сомнения, искренно. Но так как такого эшафота, о котором говорил он, не было, то оставалось только одно: класть на эшафот головы упорных протестантов. Император стал реформировать в католическом смысле свои владения. Еще до взрыва Тридцатилетней войны комиссары эрцгерцога Австрии ходили по стране и выгоняли протестантских пасторов, а церкви их разоряли. Сопротивление наказывалось мушкетерами, которые сопровождали реформаторов. Протестанты, которые не хотели переходить в католицизм, должны были выселяться, причем платили в казну десятую часть имущества, как будто они выселялись добровольно. Иезуиты рассчитывали, что «когда богатые увидят, что император хочет восстановить католицизм, самые догадливые поспешат возвратиться в лоно матери церкви, ибо люди всегда действуют под влиянием выгоды и скорее согласятся стать католиками, чем потерять состояние». Вышло напротив. Современный историк граф Кевенгилер¹⁴⁸ говорит, что самые благородные и богатые остались отечество, и Австрия обеднела дворянством, деньгами и кредитом.

Ход войны отдал в полное распоряжение императора Богемию. Здесь утраквисты¹⁴⁹ пользовались еще с XV в. свободой и правами, установленными договорами. Протестанты тоже гарантированы были особым законом величества, подтвержденным императором Рудольфом II¹⁵⁰, который наперед уничтожил всякий закон, ему противный. Начиная войну с бунтовавшими богемцами, Фердинанд объявил, что не касается религии, а будет иметь дело только со своими политическими противниками, и, кроме того, особым договором с курфюрстом саксонским обязался уважать права богемских протестантов. Но после победы император принял за контрреформацию Богемии, убежденный иезуитами, в числе которых стоял легат папы, кардинал Караффа, что в религиозном деле надо следовать голосу Бога и не стесняться ни договорами, ни данным еретикам словом. Кардинал Караффа с войсками, из которых особой лютостию отличались кроаты¹⁵¹, производил контрреформацию в Богемии. Третья часть земли была конфискована; протестанты лишены были не только политических, но и гражданских и даже просто человеческих прав. Им было запрещено занятие каким-либо ремеслом, браки их признавались недействительными, завещания тоже; протестантов запрещали хоронить на церковных кладбищах, хотя они должны были платить священнику (католическому) за похороны; еретиков не принимали даже в госпитали. Разумеется, за порицание католической церкви назначалась смерть. Кроаты разоряли протестантские церкви, загоняли население в католические; для последнего прибегали не только

к бичу, но даже к собакам. Богемия была совершенно опустошена войною, и таким ходом контрреформации 30 000 семейств выселилось. До войны Богемия имела 30 000 поселков, а после осталось только 11 000, население с 4 000 000 сократилось до 800 000. Культура совершенно пала. Прежде всякая деревня имела школу. Множество юношей всех сословий наполняло университет. Теперь страна одичала. Иезуиты систематически истребляли чешские книги; один из них хвалился, что он сжег 60 000 томов этих книг — цифра, по которой можно судить и о силе прежней культуры, и о варварстве католической реакции. Дальнейший ход Тридцатилетней войны отдал в руки солдат Тилли¹⁵² и Валленштейна¹⁵³ участь протестантских городов северной Германии. Войска состояли из всякого сброва и отличались примерной жестокостью, однако ж император поставил их под команду Святой Девы.

Столько крови стоила католической Европе XVI и XVII вв. система охраны государством чистоты и единства веры! Еще в конце XVII в., когда многие умы выработали план других отношений церкви к государству, сильнейший государь Западной Европы возобновил ужасы полного проявления старой системы. Мы говорим о политике Людовика XIV относительно гугенотов. В век Людовика XIV во Франции было уже невозможно проявление ультрамонтанских идей о преобладании духовной власти над светской, какое было еще во время лиги; галликансское учение о независимости королевской церкви взяло окончательный верх, будучи усилено еще учением о «внешнем епископате государей». Тем более почитал себя Людовик вправе и обязанным охранять католическое единство своей страны и принял за изгнание гугенотства. Преследование гугенотов Людовиком XIV клерикалы хотят объяснить чисто политическими целями, говоря, что Людовик преследовал не разноверие, но политическую оппозицию. Но слова самого Людовика XIV служат опровержением этому уверению. В 1666 году он писал курфюрсту бранденбургскому, что он будет соблюдать все привилегии протестантов, потому что он обязан королевским словом, а также благодарностью за те доказательства верности, которые они дали в последние движения. Во время Людовика XIV гугеноты уже не составляли государства в государстве, ни политической партии, и однако же духовенство побуждало к их истреблению. Уже в 1651 году собрание французского духовенства заклинало короля положить конец религиозному разделению и указывало на старые законы, по которым ересь есть преступление. Но то время духовенство не считало удобным для решительного шага. «Мы не просим у вашего величества,— говорили духовные,— чтобы вы в настоящее время изгнали из вашего царства несчастную свободу совести, которая разрушает истинную свободу детей божьих, потому что не считаем этого делом легким. Мы желали бы, по крайней мере, чтобы зло не усиливалось и чтобы, если ваша власть не может подавить его сразу, то чтоб она ослабила его и довела до

погибели постепенно, ограничениями и уменьшением его силы». В дальнейших событиях 1660, 1665, 1670, 1680, 1685 гг. духовенство решительно требовало уничтожения ереси и даже (1670 г.) решилось отказать в должной субвенции государству, заметив его колебания относительно гугенотов.

В 1673 г. шарантонскому синоду французских гугенотов были предложены переговоры о присоединении к католической церкви, но гугеноты не приняли этого предложения. С 1675 г. правительство Людовика XIV стало систематически уничтожать привилегии протестантов. Сначала были отменены смешанные камеры в парламентах, установленные Нантским эдиктом для разбора общих дел у католиков и протестантов. В 1680 г. воспрещен был переход из католицизма в протестанство на том основании, что права даны были только родившимся от протестантских родителей. На том же основании воспрещены были смешанные браки. Было повелено, чтоб каждое дитя крестилось в течение 24 часов после рождения, причем в случае удаленности протестантского пастора крещение должен был совершать католический священник. Детям мужского пола 12 лет и женского 7 лет было предоставлено право переходить в католицизм, причем родители обязаны были выдавать им пенсию. Протестанты были устранины от службы и даже от ремесел. Собрание духовенства в 1682 г. повторило настояния об обращении в католицизм гугенотов. Скоро затем интендант Фуко представил королю, что в Беарне слишком много протестантских церквей — 20, а потому из них необходимо закрыть 15. Пять оставлены были таких, которые всего легче могли быть закрыты, сообразно крючкам из толкования Нантского эдикта, что и совершено было непосредственно за сокращением церквей. Вслед за этим закрытием протестантских церквей явились иезуитские миссии; патер Лашез¹⁵⁴, Фуко, Лувуа¹⁵⁵ с драгунами и силой обращали беарнских протестантов в католицизм, так что из 21 000 их осталось только 1000. По тому же способу совершилось обращение и в других частях южной Франции. Ввиду такого сокращения протестантизма Нантский эдикт, как ненужный, уничтожили 22 октября 1685 г. Протестантское исповедание не было воспрещено формально, но зато было воспрещено всякое богослужение и религиозное собрание протестантов; проповедники должны были выселяться из Франции. Но, кроме них, эмиграция была воспрещена всем гугенотам. Несмотря на то, во время этих преследований высыпалось в разные страны 600 000 богатого и трудолюбивого протестантского населения.

Насколько преследование гугенотов было делом популярным во Франции, можно видеть из языка, которым говорили о нем знаменитейшие писатели того времени, не только духовные, но и светские. Боссюэт называет уничтожение гугенотства во Франции «чудом наших дней». «Возьмите священные ваши перья,— восклицает он,— вы, которые пишете летописи церкви, поспешите поставить Людовика

подле Константина и Феодосия!»¹⁵⁶ С таким же экстазом говорят об этом событии Флешье¹⁵⁷, Бурдалу¹⁵⁸ и другие современные светила церкви французской. Янсенист Арнольд¹⁵⁹, забывая преследования, которым подвергались его единомышленники, говорит, что меры, употребленные против гугенотов, немного насильтственны, но не несправедливы. Мадам де Севинье¹⁶⁰ пишет своему знакомому: «До сих пор драгуны были очень хорошими миссионерами — проповедники которых посылают теперь закончить дело. Вы видели, без сомнения, эдикт, которым король уничтожает Нантский. Нет ничего лучше того, что он содержит, и никогда ни один король не сделал и не сделает ничего более славного». Спустя несколько недель она писала: «Теперь всякий сделался миссионером, особенно чиновники и правители провинций, поддерживаемые некоторым количеством драгунов: это — величайшее и прекраснейшее дело, какое когда-либо было выдумано и исполнено». Лабрюйер¹⁶¹, считавшийся либералом, восхвалял Людовика XIV за «изгнание ложной религии, подозрительной, враждебной монархии»; благодушный Лафонтен¹⁶² написал стихотворение в честь эдикта, благодаря которому «побеждено заблуждение и истина царствует над всей Францией». Из светил века Людовика XIV только фортификатор Вобан¹⁶³ представил Лувру мемуар, в котором выставлял печальные последствия отмены Нантского эдикта и предлагал немедленно восстановить его, но мемуар этот остался гласом вопиющего в пустыне.

Впрочем, уже в то время духовенство в своих апологиях преследования гугенотов должно было возражать лицам, защищающим «опасное учение о терпимости», а после изгнания гугенотов в 1670 г. собрание духовенства должно было лицемерно выразиться, что «не насилием, как враги церкви укоряют нас так часто и так некстати, а силою наставления и милости мы хотим возвратить к себе и соединить с нами еретиков». А в 1675 г. собрание католического духовенства говорило даже такие слова: «Если протестанты обращаются, это потому, что Людовик привлекает все сердца. Эти нечестивые остановили взоры свои на вашем величестве; они были поражены блеском ваших добродетелей; они были принуждены подчиниться прелести света, о котором говорит апостол Павел». Сто лет назад, во время Варфоломеевской резни, католическое духовенство говорило откровеннее, а потому все-таки честнее.

В 1724 г. правительство Людовика XV¹⁶⁴ повторило прежние запрещения против гугенотов. Философское направление XVIII в. про никло и в высшие французские сферы в дальнейшие годы правления Людовика XV, так что правительство стало смотреть сквозь пальцы на нарушения прежних запрещений. Мало-помалу появились и пасторы протестантские во Франции, которые стали править богослужение, совершать браки и крещение гугенотам, принужденным по законам Людовика XIV и [Людовика] XV обращаться к католическим священникам. С 1750 г. в каждом своем собрании (через 5 лет) католи-

ческие прелаты не переставали жаловаться королю на «опасности для церкви и трона, которые вновь угрожают от гугенотов, порицали легкие и поверхностные умы политиков и философов, которые проповедуют терпимость», и требовали восстановления и соблюдения прежних запрещений. Духовенство жаловалось, что «отступники употребляют преимущественно оружием своей пропаганды трогательные и светлые наставления, убедительные примеры, жаркие молитвы, кроткую благотворительность, предупредительную и неистощимую», точно кто-нибудь мешал делать то же и католикам, и в то же время не стыдилось само признаваться, что единственная его опора — власть короля и единственное средство остановить возрождение гугенотства — запретительные декреты Людовика XIV. Дух времени заставлял французских прелатов XVIII в. еще более лицемерить, чем при Людовике XIV. «Мы знаем,— говорили они,— кротость евангелия, и мы ставим себе в славу практиковать ее. Мы не требуем мер строгости. Богу не угодно, чтоб мы старались вооружить вашу руку мщением против ваших подданных. Мы стараемся только спасти наших братьев. Мы — их пастыри; они нам дороги, ибо они — цена крови Иисуса Христа, и мы сочли бы счастием пролить нашу кровь за их спасение. Единственно для свободного отправления нашей обязанности в отношении их мы ограничиваемся просьбой перед вашим величеством об исполнении законов». Так говорило духовенство, которое напоминало королю слова Боссюэта, что «король недаром носит меч», которое желало соблюдения законов Людовика XIV. А ведь эти законы угрожали смертью всякому протестантскому пастору, возвратившемуся во Францию! Жалобы и требования в таком роде продолжало французское духовенство до самой революции. Правительство не решалось ни слушаться духовных, ни явно провозгласить веротерпимость. Только в 1787 г. оно решилось отменить отчасти стеснения, установленные Людовиком XIV. Королевским эдиктом французы некатолики были избавлены от необходимости отправлять крещения, браки и похороны по католическому обряду; им предоставлено было свидетельствовать рождение, смерть и брак перед гражданскими властями. В то же время им предоставлено свободное пользование собственностью и занятие всякими профессиями, кроме судебной, должностей муниципальных и публичного обучения. Король оговаривался, что «католическая религия будет одна в нашем королевстве пользоваться правами и почестями публичного богослужения, тогда как наши подданные некатолики, лишенные всякого влияния на порядок, установленный в нашем государстве, получат по закону только то, в чем естественное право не позволяет нам отказать им». Несмотря на эту оговорку, несмотря на ничтожность уступок протестантам, духовенство подняло крик, возлагая на короля ответственность перед Богом и людьми за несчастья, которые повлечет «восстановление» протестантов. Парламент, наполненный, по словам Д'Аламбера¹⁶⁵, «тупыми фанатиками

ми-янсенистами, которые были, если возможно, более глупы, чем духовенство, вследствие духа нетерпимости и преследования», долго не хотел внести в регистр декрет 1787 г. Один из его членов воскликнул, показывая на образ Христа: «Хотите ли вы Его распять еще один раз!» Общественное мнение заставило парламент уступить. Собравшееся в 1788 г. духовенство протестовало против декрета. Но тогда уже был канун революции.

Мы видели, что и протестантские теоретики признавали за государством право и обязанность принуждения в деле религии, а потому и история протестантских государств и общин в XVI и XVII в. представляет тоже немало фактов религиозных преследований, и если протестанты совершили их меньше, чем католики, то только потому, что сами были во многих местах преследуемы и, кроме того, не имели такой плотной организации, как католики. Только когда протестантское вероисповедание сильно раздробилось и в протестантских государствах власть политическая решительно освободилась от духовного влияния, протестантские общества опередили католические религиозной терпимостью. В XVI же, даже в XVII в. только небольшое число протестантских писателей и немногочисленные количеством секты (социниане и арминиане) признавали религиозную терпимость необходимою для христианских обществ. В Германии в то самое время, как лютеранские князья заявили свой известный протест против запрещения своего исповедания, сами они абсолютно запрещали служение католической обедни в их владениях. В то время, когда в наследственных владениях австрийского дома протестанты пользовались, в силу разных привилегий, правом свободного богослужения, католики изгонялись из владений князей протестантских. Бейль рассказывает, что когда французские кальвинисты, гонимые Людовиком XIV, явились в Виртемберге, их допустили к лютеранскому причастию не прежде, чем они подписали формулу лютеранского исповедания. Когда Вестфальский мир признал свободу не только за лютеранами, но и за кальвинским исповеданием, то лютеране протестовали против этого. В Англии с восшествием на престол Елизаветы издан был закон, воспрещающий служение католической обедни и всякого иного богослужения, кроме англиканского. Елизавета оговаривалась в 1570 г., что она не касается совести подданных, лишь бы соблюдали законы, являемые в англиканскую церковь. За третье нарушение о богослужении назначалось пожизненное заключение; за уклонение от посещения англиканской обедни назначалась пена. Декреты Эдуарда VI и Елизаветы были исполнены выражений, вполне достойных Филиппа II, как-то: «Мы обязаны вырвать плевелы с поля церкви Божьей, истребить заблуждения, искоренить ереси» и т. п. Множество католиков под ложными предлогами были подвергнуты мукам и повешены. Пресвитериане в течение длинного ряда царствований были подвержены самым жестоким гонениям, анабаптисты и ариане¹⁶⁶ сожигаемы заживо. В Ирландии католическая

религия большинства населения была воспрещена, и когда в 1626 г. правительство пожелало смягчить преследование, ирландские протестантские епископы представили протест. «Религия папистов,— говорили епископы,— есть суеверие; их вера и учение ложны и еретичны; их церковь отступническая. Поэтому оказывать им терпимость или соглашаться, чтоб они могли свободно отправлять свою религию и проповедовать свою веру и учение,— тяжкий грех». В Шотландии во время царствования Стюартов¹⁶⁷ шотландские епископы и английское правительство преследовали всякое разноверие, особенно пресвитериан¹⁶⁸. За религиозное собрание в доме проповедникам угрожала смерть; если собрание было на открытом воздухе, то же наказание угрожало проповеднику и слушателям. Пресвитериан вешали, жгли, отдавливали им пополам пальцы на руках, раздавливали особенноими сапожками кости на ногах; их жен публично секли на улицах; множество пресвитериан перевозили на остров Барбадос и отдавали в жертву солдатам.

В свою очередь, пресвитериане при начале реформации в Шотландии неистовствовали над католиками. Иаков воспретил отправление и служение католической обедни под страхом конфискации имуществ в первый раз, изгнания во второй и смерти в третий. Когда Марии Стюарт¹⁶⁹ позволили слушать обедню в придворной капелле, влиятельные люди смотрели на это, как на невыносимое зло. Нокс (Knox) говорил, что «одна месса страшнее для меня, чем если бы 10 000 вооруженных неприятелей высадились в какой-либо части королевства». Нокс вообще считал католицизм идолослужением и потому полагал вполне применимы к нему законы Моисея об идолослужении, т. е. смертную казнь. Во Франции, в городах, которые находились в руках гугенотов, они запрещали служение католической обедни, воспрещали своим единоверцам присутствовать на свадьбе и похоронах, совершаемых католическим духовенством, запрещали смешанные браки и преследовали всеми мерами людей, отпадавших от их вероисповедания. В Швеции все, разногласияющие с Аугсбургским исповеданием, подвергались изгнанию. В протестантских кантонах Швейцарии множество анабаптистов было утоплено, вольнодумец Гентилис лишился головы, Сервето погиб на костре. В Америке колонисты, изгнанные из родины религиозными преследованиями, сами жесточайшим образом преследовали не только католицизм, но даже безобидных квакеров¹⁷⁰. Только Мериленд, основанный католиком лордом Балтимором, был местом убежища всех гонимых без различия религии; но когда пуритане сменили веротерпимое правительство основателя, они принялись преследовать католицизм. Почти при самом начале протестантского движения случилось религиозное столкновение между Серветом и Кальвином и поднят был вопрос о свободе совести, но он решен был не в пользу терпимости большинством протестантских авторитетов. Испанский медик Сервето, принадлежащий к числу противников католического

учения о Троице, разделяемого и протестантами, т. е. к секте так называемых унитариев¹⁷¹, был уже приговорен в Вене к костру и в 1553 г. убежал в Женеву, где и издал изложение своего учения о церкви и доктринах «истинного христианства» под длинным названием: «Christianismi Restitutio, totius ecclesiae Apostolicae ad sua limina vocatio, in integrum restituta cognitione Dei, fidei Christi, justificationis nostrae, regenerationis baptismi et coena Domini mandationis, restituto denique nobis regno coelesti Babylonis impiae captivitate soluto et Antichristo cum suis penitus destructo». По настоянию Кальвина власти женевские приговорили Сервето к смерти на костре, и приговор был исполнен. Вскоре затем был издан под именем Мартина Беллия трактат о том, должно ли преследовать еретиков («De haereticis, an sint persequendi, et omnimo quomodo sit cum ils agendum, multorum tum veterum, tum recentiorum sententiae»). Вопрос решался отрицательно, и решение это вызвало против себя целую литературу. Беза написал сочинение о праве гражданской власти казнить еретиков («De haereticis a civili magistratu puniendis, adversus M. Bellii farraginem et novorum academicorum sectam»). Сам Кальвин в 1554 г. издал сочинение о праве укрощать мечем еретиков («Fidelis expositio errorum Mich. Serveti et brevis eorundem refutatio, ubi docetur jure gladii coercendos esse haereticos»). В том же году под именем Мина Сельзия из Сиены вышел трактат о том, что еретиков наказывать не должно («In haereticis coercendis quatenus progredi liceat, Mini Celsii Senensis disputatio, ubi nominatim eos ultimo suppicio affici non debere demonstratur»). Автором этого трактата считается Лелий Социн, который, во всяком случае, разделял его начала. К числу лиц, одобравших сожжение Сервето, из знаменитых вождей реформации следует прибавить Меланхтона, Буллингера¹⁷² и Фареля¹⁷³, а к немногочисленным защитникам принципа веротерпимости надо присоединить Клеберга (Clebergius) и Аконацию (Acontius), которого после сожгли в Триденте.

Мы достаточно полно ознакомились с доводами защитников права гражданской власти казнить еретиков, а потому прибавим только то, что и Беза, как и паписты, полагает высочайшую и главнейшую целью общества и государства служение религии и отсюда выводит его право и обязанность охранять чистоту ее. Но мы считаем не лишним остановиться на доводах поименованных защитников веротерпимости. Доводы эти принадлежат не скептикам, каковы были Бейль, энциклопедисты, а людям религиозным, и, ознакомившись с этими доводами, мы можем понять, при каком направлении религиозной мысли возможно было возникновение идей веротерпимости и насколько религиозное направление века реформации было способно к широкому распространению начал, без которых теперешнее общество не может себе представить спокойного общежития.

Из упомянутых выше трактатов, не одобравших казни Сервето,

более замечателен трактат Мартина Беллия. Под этим псевдонимом скрылся француз Шатильон, называвшийся по тогдашней моде Castelio и даже Castalio. Его специальность была библейская критика *. Одно время он был другом Кальвина и профессором в Женеве, но потом должен был бежать в Базель. Кальвин стал преследовать своего бывшего друга как «избранника сатаны для обольщения безверных и индифферентов». В последнее время Кастилио подружился с Социном, но, ненавидимый и католиками и протестантами, кончил жизнь в страшной бедности, почти буквально умерши с голоду. В своем опередившем время трактате Кастилио поднимается даже до идеи постепенного усовершенствования рода человеческого в религиозном отношении. «Цель религии,— говорит он,— сделать человека совершеннее в нравственном отношении, и все, что не ведет к этой цели, решительно не важно. История догматов должна быть рассматриваема как ряд открытий, которые способствовали нравственному совершенству человечества. Прежде всего господствовало многобожие; Христос пришел и доставил торжество единобожию, относительно которого согласны и евреи, и турки, и христиане. Христианство, кроме того, запечатлено особым характером всеобщей любви и милости. Вопросы относительно Троицы, предопределения, таинств покрыты большой и почти непроницаемой тьмой и не имеют нравственного влияния, а потому, следовательно, нечего и настаивать на них». «Спорить о разнице между законом и благодатью, отпущением грехов по милости Божьей или за праведные дела — все равно, как если бы кто стал спорить: приехал ли какой государь верхом или в повозке, одетый в красное или белое». «Преследовать за такие вопросы глупо, и не только глупо,— жестоко. Если цель христианства — распространение духа милости, то преследование есть его прямая противоположность, а если преследование есть существенный элемент религии, такая религия должна быть проклятием для человечества». «Кто не сочтет,— восклицает Мартин Беллий,— что Христос какой-то Молох или другой бог подобного рода, если он повелевает убивать и сожигать для него живых людей? Кто согласится поклоняться Христу под тем условием, что если он среди столь множества разноречий разойдется с теми, кто имеет власть над другими, то будет сожжен по приказу самого Христа жесточе, чем в быке Фалариса, даже если бы он среди пламени громко восхвалял Христа и во весь рот кричал, что верует в Него?» Клербергиус тоже настаивает на темноте многих догматов церкви, «потому что, если бы они были ясны, то и спорить бы перестали», а также на том, что Бог любит тех, кто с полной верой защищает то, что считается правым. Аконтиус¹⁷⁴ также утверждает, что сущность христианского учения может быть сведена к небольшому числу положений, к которым не принадлежат

* Между прочим, он доказывал, что «Песнь песней» есть вовсе не аллегорическое сочинение, а простое эротическое.

такие учения, как о пресуществлении, о Троице и т. п., из-за которых особенно часто и возникали разноречия и преследования. Таким образом, самое крайнее мнение в пользу веротерпимости, вышедшее из религиозного лагеря в XVI в., основывалось на различии в церковном учении догматов существенных и ясных от несущественных и темных. Мысль смелая, но все-таки не совершенно разрывавшая с основными идеями века, а потому и не представлявшая прочной почвы для установления системы религиозной терпимости. В конце концов, является вопрос: кто же возьмет различить в христианстве существенное и несущественное и как быть с теми, кто бы поднял свое отрицание и до существенных идей? Рядом с доводами в пользу терпимости, проводимыми Мартином Беллием, мы видели и другие доводы людей вроде Лепитая: политиков, которые желали терпимости и мира как средства все-таки восстановления религиозного единства, но желание последней цели опять-таки сближает и Лепитая с преследователями. Опять является вопрос: а если и мирные единства все-таки не поведут к установлению желанного единства? Высказывалось и в то время еще третье основание в пользу веротерпимости, а именно людьми возрождения. Так, например, Томас Морус¹⁷⁵ в «Утопии» говорит: «Можно ли выдумать большую глупость, как насилие для внушения веры? Кто знает, что разнообразие культов не входит в планы Бога?» Но люди возрождения, по идеям, были более языческие философы, чем христиане, а потому даже сами пугались своих идей, когда приходилось применять их к практике, а Морус даже сам стал преследователем. Идеи возрождения, только развившись в умственное движение, обнявшее Европу с конца XVII в. и особенно в XVIII, оказали влияние и на практику. Впрочем, и в XVI — XVII в. сама практика давящей силой необходимости приводила европейских политиков к устроению системы отношений, хотя и очень несовершенной, но все-таки хоть сколько-нибудь подходящей к религиозной терпимости к разноверцам, и в конце концов век религиозных гонений послужил к установлению начала системы терпимости. Но об этом мы скажем дальше.

VII

Религиозные войны и гонения, ознаменовавшие XVI и XVII в. европейской истории, показывают, что в первое время установления системы преобладания государства над церковью ложилась во многих отношениях также тяжело на население, как средневековое преобладание церкви над государством. Ближайшее рассмотрение церковной жизни того времени показывает, что тогдашние отношения церкви к государству не были выгодны ни для самой церкви, ни для государства, особенно вследствие того, что новая система не была логически проведена в жизнь и эта последняя представляла агрегат

учреждений и явлений, принадлежавших к разным системам, старым и новой.

Сколько страдало государство от того, что, взявшись охранять единство церковное, должно было воевать с частью своих подданных, понятно само собою. Германские протестанты, ради самозащиты, делались союзниками естественных врагов Германии — Франции и Швеции; французские протестанты входили в союз с Англией и т. п. Целые страны опустошались религиозными войнами. Немало терпела государственная власть и оттого, что во время религиозных смут преобладание получало все-таки духовенство, которое заявляло, как это было, например, во время лиги во Франции, решительные претензии возобновить средневековое господство над светским обществом. Связанное с духовенством ложной доктриной, будто единство церковное необходимо и для интересов государства, это последнее должно было остановиться в начавшейся еще в средние века работе подчинения церкви в светских делах общему законодательству и терпеть сохранение многих явно нелепых привилегий духовенства. Так, например, французское духовенство до самой революции 1789 г. сохраняло привилегию не платить податей со своих громадных имуществ, а давать только добровольные субсидии (*dons gratiuts*) государству. И в то же время это духовенство составляло сословие, и притом первое сословие в государстве, имевшее голос и преимущество в собрании сословий государства. В землях протестантских, например в Швеции и Англии, духовенство тоже участвовало в политической жизни или как особенное сословие, или сидя в палате лордов.

В свою очередь, и церковь, стремясь сохранить свое единство, т. е. преобладание над разноверцами, не силою нравственной, а помощью внешней силы государства, оскудевала в нравственных силах и должна была поступиться перед правителями своими нравственными правами или, по крайней мере, терпеть вторжения правительства в эти права. А как вдобавок духовенство старалось о сохранении и своих экономических привилегий, то тем более должно было унижаться перед государственною властью. Всеми этими и другими подобными причинами обусловливается большой нравственный упадок церкви, как католической, так и протестантской, к XVIII веку и в XVIII в.*, когда духовенство показало совершенно жалкое бессилие противодействовать отрицательным философам. Вот почему революция 1789 г. своим уничтожением средневековых привилегий церкви, доктриною уважения к свободе мысли, попыткой разделения области церкви и государства способствовала поднятию нравственно-го авторитета церкви и была одною из причин той религиозной реакции, которая знаменует начало XIX в. Насколько может быть

* Сказанному вовсе не противоречит масса проповедников века Людовика XIV.

униизительно положение церкви, когда она полагается только на авторитет внешней силы государства и в то же время сохраняет обрывки старого господства и привилегий, можно видеть на положении французской церкви в XVIII в.

Уже определение 1682 г. сделало фактически французского короля главою национальной церкви, при всем желании определить взаимную независимость властей церковной и гражданской, так что Фенелон¹⁷⁶ говорил, что «на практике король — гораздо больше глава церкви во Франции, чем папа». Спор папы с Людовиком XIV о праве короля назначать епископов решился тем, что король представляет кандидатов, которых папа не может не утвердить. Таким образом, ради сохранения за духовенством бенефиций допущено было вмешательство короля в чисто церковное дело, назначение на духовные должности. Католическое духовенство времени Людовика XIV, которое в своих собраниях каждое пятилетие просило короля истребить силою ересь гугенотов, не поддающихся увещаниям, относилось к королю самым рабским образом; оно называло Людовика «непобедимым монархом, которого Бог создал для счастья современников», «совершеннейшим человеком своего времени», государем, «которого душа обогащена столькими редкими качествами, что их достало бы для одарения всех монархий вселенной совершенными государями». Духовенство не стыдилось оправдывать и даже признавать священными войны Людовика XIV; говорить, что небо заинтересовано в его величии, и в то же время признавать его «миролюбивым» и т. п. «Так как Бог,— говорило духовенство в 1665 г.,— совершил столько чудес для того, чтобы сделать вас le chef-d'oeuvre своих рук, любовью ваших народов, ужасом врагов, славою государей и счастьем вашего века, то мы надеемся, что вы войдете в его намерения, так как он вошел в ваши». При Людовике XIV королевская власть имела хоть внешний вид величия; притом духовенству того времени хотелось склонить короля к преследованию гугенотов. Но развратный и ничтожный правнук его, Людовик XV, был как бы нарочно для того только и создан, чтоб опорочить трон Бурбонов и унизить их монархию перед революцией. Единственное, что могло ожидать духовенство от этого короля, это умеренности в требовании денежных субсидий и защиты духовных привилегий от юристов. И, однако ж, духовенство выражалось о нем едва ли не сильнее еще, чем о Людовике XIV. Так, в 1723 г., когда король был еще очень молод, духовенство говорило ему, что «величие запечатлено на его челе, что подданные не могут на него достаточно насмотреться, что вся Европа, которой Людовик XV есть надежда и внимание, обращает глаза свои на него». Льстивые выражения повторяло духовенство при всяком собрании. В 1735 г. духовные говорили Людовику XV, что никогда еще государь не заслуживал такой любви и похвал, как он. В 1748 г. они назвали Людовика XV государем «по сердцу Бога». В 1760 г., когда король уже

погрузился в позорнейший разврат, прелаты не устыдились назвать его «мудрейшим и величайшим государем, образом Бога и слугою его для распространения блага на земле». Давая, конечно, с жалобами на свою бедность, субсидию на войну, которую т-те Помпадур¹⁷⁷ подняла вследствие личной обиды, нанесенной ей Фридрихом II, духовенство выражалось: «Мы должны помочь славе лучшего из государей»; войско королевское духовенство называло «воинами Израиля». Унижение церкви не ограничивалось раболепством перед государствами; правительство, урезывая прежние привилегии и права ее, затрагивало и неотъемлемые права церкви, вмешиваясь в церковную жизнь самым произвольным образом. Известное внешнее епископство государей парламенты истолковывали так, что государь может вмешаться во всякую публичную сторону жизни церкви; а так как вся церковная жизнь, говорили парламенты, публична, то государю подведомо всякое направление церковной жизни. При такой доктрине церковь теряет всякую нравственную свободу. Правительство Людовика XV не только воспрещало расширение духовных имуществ (1749 г.) или поступление в монастырь мужчинам ранее 21 года, а женщинам ранее 18 лет (1775 г.), на что оно имело полное право, но даже останавливало церковную проповедь и литературу. Во время Людовика XV шли оживленные споры между янсенистами и иезуитствующей (ортодоксальной) партией духовенства. Правительство, чтобы положить конец раздражению, воспретило обеим сторонам полемику и разъяснение своих принципов. Епископы составили формулы против янсенистов; некоторые духовные отказались подписать их, за что и были подвергнуты отлучению; но парламенты сняли это отлучение для больных и преследовали священников, которые повиновались своим епископам и т. п.

Раболепство церкви перед государствами, необходимо установившееся в XVIII в. благодаря тому, что сама церковь требовала себе помощи от государства, в связи с остатками от старых привилегий, было выгодно только для высших сановников церкви, но даже не для всех ее служителей, не говоря уже о религии и пастве, т. е. церкви по преимуществу. Отказавшись от средневековых претензий на господство и признав короля независимым от папы, толкуя королям о поддержке тронов религией, прелаты сохранили реальные последствия и знаки средневекового господства своего, т. е. имущества. Во Франции в XVIII в. церковь владела имуществом в пять миллиардов франков с доходом в 250 м [миллионов]; кроме того, десятина давала ему более 80 м.; постройки, принадлежащие церквам, стоили 500 м. и капитал в деньгах восходил до такой же цифры. Но в этом огромном имуществе участвовала не масса духовенства, а только высшее духовенство. Приходские священники (*curés*) получали ничтожное содержание (*portion congrue*), которое было определено в 1636 г. в 30 ливров, сумма, которая «мешала им умереть, но не давала на что жить». Викарии же не получали никакого определенного содержания,

а должны были довольствоваться тем, что им давали священники. Доходило дело до того что владельцы церковных бенефиций не давали даже денег на масло для освещения церквей, возлагая расход этот на скучные средства конгрюистов. Вследствие жалоб последних парламенты стали вмешиваться в их отношения. Владельцы бенефиций пожаловались собранию духовенства, которое приняло их сторону. Насилу установило оно жалованье для приходских священников в 500 ливров, воспретило судам прибавлять к нему что-либо под каким-либо предлогом и возложило на него церковные расходы. Только учредительное собрание времен революции увеличило это жалованье до приличной суммы 1200 ливров.

Таким образом, при той системе преобладания или покровительства над церковью, как существовала она в XVI—XVIII в., государство часто вмешивалось не в те стороны церковной жизни, в какие следовало для блага общего, и не вмешивалось туда, куда следовало. Оттого тогдашние отношения церкви к государству были тяжелы и церкви, и государству, и населению. Однако отсюда отнюдь не следует, что эта система отношений не имеет вовсе за собою исторической заслуги. Самая важная сторона в тогдашних отношениях церкви и государства состояла именно в том, что средневековое преобладание духовенства прекратилось, а потому, как мы уже говорили, открыта была возможность секуляризации жизни и развитию государства до такой системы, при которой бы церковная жизнь была вполне разделена от государственной. Начало такому поражению церковного господства было положено еще в конце средних веков оппозицией королей папству, но решительный удар церковному господству был нанесен реформацией. В реформации самое важное было то, что она разбила религиозное единство Европы, что рядом с католическими государствами появились протестантские и притом разных толков, а кроме того, почти во всех государствах разные части населения стали принадлежать к разным вероисповеданиям. В каждом вероисповедании и в каждом государстве духовенство, конечно, пыталось так или иначе, но подчинить своему влиянию государство, в виде ли системы своего господства, или покровительства со стороны государства, результатом чего и были религиозные преследования и войны, окровавившие Европу в XVI—XVII в. Но религиозное разделение, именно благодаря силе влияния духовенства у каждой партии, оказалось настолько сильно, что устояло против гонений и войн, даже против таких мер, как Варфоломеевская ночь. Ставши на клерикальную точку зрения, европейским государствам в XVI—XVII столетии оставалось выбирать одно из двух: или стремиться к окончательному истреблению разноверия внутри и вне, или устраниться от всякого общения с разноверцами. Но при том возбуждении других интересов, кроме религиозных, какое появилось в Европе после возрождения наук, нарождения национально-государственной политики и возникновения торговли вследствие географических от-

крытий, при тех связях, какие вновь установились в Европе между народами, подобная клерикальная консеквенность была невозможной. Таких последовательных людей, как Филипп II, который ради сохранения религиозного единства потерял одну область и разорил другую, оказалось не очень много: другие были и более благоразумны, и более холодны, а может быть, ниже в нравственном отношении, материалистичнее, а потому, увидев в перспективе разорение королевства и уменьшение доходов, и даже потерю тронов, пошли на компромиссы с внутренними и внешними еретиками. Такими компромиссами были религиозные миры, от Аугсбургского до Вестфальского¹⁷⁸.

Миры эти очень несовершены. Собственно говоря, они вовсе не устанавливали системы религиозной терпимости в государстве, не отвергали религиозной исключительности, а отводили для двух, много — трех исповеданий в исключительное пользование отдельную территорию. Об Аугсбургском мире 1552 г. мы уже говорили выше. Довольно напомнить, что он обеспечивал религиозную свободу только за «чинами» империи, а не за их подданными, а также то, что он признавал только католиков и лютеран, а вовсе не кальвинистов. Гораздо больше пользуется репутацией закона с веротерпимым характером известный Нантский эдикт 1598 года. Между тем этот эдикт дозволял отправление протестантского богослужения только в известных городах, селах и местечках и в замках протестантских вельмож: в Париже и его окрестностях на 5 часов езды; в армии, кроме квартир протестантских военачальников, это богослужение запрещалось. Протестанты были обязаны давать католическим священникам десятину, почитать праздники, не продавать в постные дни мяса, подчиниться католическим брачным законам. На этих только условиях они могли жить неприкосновенно во всей католической Франции. И этот эдикт долго не хотели внести в свои регистры парламенты французские, и некоторые внесли только с изменениями, а в 1685 г. Людовик XIV отменил и этот палиативный закон о терпимости, который его установители назвали «вечным и неотменимым». Вестфальский мир 1648 года представляет уже значительный шаг вперед, совершенный под влиянием усиления идей о веротерпимости, ввиду ужасов религиозных войн, так еще более вследствие влияния международных политических интересов. Этот мир признал свободу и реформатского, а не одного только аугсбургского (лютеранского) исповедания, но все-таки исключил из договора о терпимости все другие секты и исповедания. Признав в принципе равенство прав протестантов и католиков, распространив терпимость не только на чинов империи, но и на их подданных, мир Вестфальский в то же время не уничтожил совершенно права реформации религиозного строя князьями (*jus reformati exercitium religionis*). Только в тех местах, где известный строй установился в 1624 г., и для тех, кто в это уже время принадлежал к известной церкви, Вестфальский мир гарантировал

полную неприкословенность. Католики же во владениях протестантских князей и протестанты во владениях католических князей, переменившие вероисповедание после 1624 г. или переменяющие веру на будущее время, отдавались на волю князей, которые могли заставить их выселиться в течение 3 лет.

Как бы ни были, однако ж, несовершенны религиозные миры XVI и XVII в. с точки зрения полной веротерпимости, но все же они признали возможность существования двух религий в одной государственной области. Если заключение этих миров было вызвано необходимостью, т. е. невозможностью победить религиозное разделение, то благодарность за этот первый шаг к разделению церкви от государства следует воздать тому, что произвело это разделение, т. е. реформации, которая вдобавок помогла и установлению преобладания власти государей и государства над духовенством и церковью. Кроме того, реформация, раз взволновав умы и разрушив прежние религиозные авторитеты, произвела в отдаленных и смелых своих отпрысках порядок идей, которые или представляют решительный выход из системы опеки правительства над верою, или такую формулировку системы преобладания государства над церковью, по которой государство совершенно теряет свой духовный характер и не покровительствует никакому вероисповеданию. Представителями идей этих являются в XVI в. крайние секты, как, например, социниане и арминиане, которые еще стараются удержаться на почве традиционных религиозных начал, а в XVII в.— философы и политики, которые явно выходят из круга традиционных идей к деизму и натуральной религии. Оба эти крайних отпрыска реформационного движения сохраняют большую связь, чем у Лютера и Кальвина, с движением возрождения наук, а также представляют прямой переход к умственному движению XVIII в. Мало-помалу теоретические начала этих крайних представителей начинают оказывать влияние на общественное мнение, утомленное препирательствами множества духовных толков и вызываемым ими кровопролитием, и на светскую власть, которой каждый толк докучал своим требованием поддержки назло всем другим интересам ее и которой он надоедал своими притязаниями на господство, не имея силы оградить сам себя без помощи государственной власти, ни воспрепятствовать государственной регламентации.

Уже при самом начале реформационного движения в Швейцарии, Италии и отчасти Франции некоторые умы, углублявшиеся столько же в чтение классических писателей, сколько и творений Августинов¹⁷⁹, шагнули дальше Лютера и Кальвина в вопросах о реформе и вместе с тем и в вопросе об отношении ее к государству. Мы видели уже одного из таких людей, Касталио, в его мнениях о преследовании еретиков. Еще раньше его Цвингли, видимо, становился на такую точку зрения, что в религии главное составляет практическая мораль, а не отвлеченная догматика, а потому в исследовании веры,

представленном Франциску I, Цвингли говорит о царствии небесном: «Вы увидите там Авеля¹⁸⁰, Ноя и всех святых Ветхого и Нового Завета. Вы увидите там Геракла, Тезея, Сократа¹⁸¹, Аристида¹⁸², Нуму, Камилла¹⁸³, Катона¹⁸⁴, Сципионов... Наконец, не будет ни одного добродетельного человека, никакого святого ума, верной души, которую бы вы не увидели с Богом». В другом месте Цвингли называет святым Сенеку¹⁸⁵. Подобное уважение к классическим героям и мыслителям разделял Цвингли с итальянскими и даже немецкими гуманистами, например Эразмом. Знакомство с классической философией, а также с еврейской и арабской и, при посредстве греческих писателей alexандрийской эпохи, с древневосточными религиями привело многих из гуманистов, особенно в Италии, к убеждению, что все религии в сущности согласны, что эта сущность есть нравственность и любовь к Богу, так что религия гуманистов есть, собственно, деизм (хотя часть их склонялась к пантеизму). Став раз на такую точку зрения, гуманисты должны были холоднее отнестись к вопросам догматики и обрядности, которые разделяли не только религии, но и вероисповедания и из-за которых и поднимались религиозные преследования. В XVI в. только тот не одобрял этих преследований, кто отдавал предпочтение в религии морали пред догматикой и кто прямо и косвенно отклонялся к мысли, что спастись можно во всякой религии добрыми делами и верою в Бога, и отвергал первородный грех, учение о котором делало необходимым вмешательство духовных для спасения, а также приводило к положению, что все, не принадлежащие к известному исповеданию, скверны: с конца же XVII в. вопрос о том, спасутся ли люди, не принадлежащие к христианской религии, заинтересовал множество людей разных исповеданий и тесно связался с вопросом о веротерпимости. Ясно, что такие вопросы поставлены были знакомством европейцев с чужими цивилизациями: древними, а также индийской и китайской. Из реформаторов Цвингли явно затрагивал эти вопросы, что понял его противник по вопросу об евхаристии¹⁸⁶, Лютер, воспрещавший брать в руки сочинения Цвингли, потому что они «исполнены ядом сатаны». «Я отчаиваюсь,— говорил Лютер,— в спасении Цвингли, потому что, не будучи доволен отрицанием таинств (причастия), он стал язычником, поместив в число спасенных душ нечестивых язычников, до эпикурейца Сципиона включительно, до Нумы, орудия диавола, для установления идолопоклонства у римлян. Потому что, к чему служат крещение и другие таинства, писание и Сам Иисус Христос, если нечестивые, язычники и эпикурейцы, становятся святыми и спасенными? Что же это иное, как не проповедь, что каждый может спастись в своей религии и по своей вере?» Почти теми же словами осуждал Цвингли Боссюэ в то время, когда вопрос о спасении нехристиан стал предметом оживленной полемики во всех вероисповеданиях. Но, держась доктрины, в которых обличал его Лютер, Цвингли предлагал Лютеру руку дружбы и союза, несмотря на разно-

гласие по вопросу об пресуществлении, и не одобрял преследования еретиков. Последователи Цвингли, приняв название кальвинистов, удержали его учение о пресуществлении, сделав его, вместе с учением о предопределении иных ко спасению, других — к гибели, отличительной чертой своей секты, но, опираясь, вслед за Августином, именно на учение о первородном грехе и предопределении, оставили, как мы видели, Цвинглиеву терпимость, заменив ее Кальвиновым учением о преследовании еретиков. Но жаркая полемика по вопросу о предопределении и первородном грехе, об искуплении и, следовательно, о Троице породила секты социниан и арминиан с разными разветвлениями, которые развили дальше намеки Цвингли и пришли к учению о разноверцах и об отношениях церкви к государству, совсем иному, чем ортодоксальные лютеране и кальвинисты. Так как учения этих сект о церкви и государстве тесно связаны с их религиозными мнениями, то мы не можем вовсе опустить этих последних, хотя и остановимся преимущественно на первых.

Италия осталась католическою не только благодаря действию инквизиции, не только благодаря тому, что итальянские государи и духовные не имели такой выгоды, как немецкие князья, светские и духовные, оставлять католицизм, не только потому, что итальянцам было выгодно сохранение динария святого Петра, а и по другим причинам. Итальянская интеллигенция не удовлетворялась узким сектантством и яростью Лютера и Кальвина из-за отвлеченных и обрядовых вопросов. Современник замечает об итальянцах, что им «не нравится никакая религия, если они отвергают папскую». Настроение передовых людей Италии в конце XV в. было ближе к настроению английских натуралистов и действов конца XVII в. и французских энциклопедистов XVIII в., чем немецких и швейцарских протестантов XVI в., вот почему передовая Италия реформационной эпохи произвела или ученых и свободных философов, которые не могли иметь влияния на массы и основывать секты, или, если религиозных реформаторов, то до того смелых, что о широком распространении их секты в то время нечего было и думать.

Начало секте унитариев, или социниан, положили разные лица, находившиеся, как и Цвингли, под влиянием итальянского гуманизма. Это были: швейцарец Людвиг Гетцер¹⁸⁷, близкий к Кальвину, Иог. Рейн из Верхнего Пфальца, Иог. Кампанус¹⁸⁸ из Юлиха, Клавдиус из Савойи, упомянутый уже испанец Сервето, а также итальянцы: Гентилис из Неаполя, Грибальди¹⁸⁹ из Пади, Алциат¹⁹⁰. Окончательную форму унитаризм принял под руками Лелия Социна из Сиены и его племянника Фауста Социна¹⁹¹. Социниане признают откровение в Евангелии, но в то же время считают разум единственным средством к отысканию религиозной истины — «внутренним оком, которое служит к распознанию истины». Уже поэтому они не могли признавать законности гонений против еретиков как людей, которых вся вина в том, что их разум привел их к такому,

а не иному пониманию религиозных истин. Кроме того, социниане высказывали понимание идеи прогресса, как видно из одного их возражения против католического учения о первобытном блаженном состоянии людей: «Это значит,— говорили они,— ставить в колыбели человечества то состояние, которое составляет крайний предел и идеал нашего существования». Идея же прогресса непременно приводила к уважению к свободе ума и, следовательно, к отрицанию преследований за веру. Наконец, унитарии отрицали те учения, которые были издавна поводом к разногласиям и преследованиям в христианском мире, как-то: Троице, первородный грех, посредничество для спасения, таинства. Мы видели выше доводы Касталио против преследований, доводы, с которыми соглашался и друг его Лелий Социн. Социниане не были в свое время очень распространеною, а потому влиятельною сектою; тому мешало резкое отрицание догматов, которые признавались всеми вероисповеданиями. Они подвергались жестоким преследованиям от всех вероисповеданий, а потому самое учение о терпимости, которое они заявляли, приписывалось к числу таких же нечестивых абсурдов, как и другие мнения секты.

Арминианизм был сначала менее отрицательным учением по отношению к догматике и потому получил большее распространение, и, расширяясь постепенно, он приводил не только к отрицанию догматов и обрядов разных вероисповеданий, сколько к признанию меньшей их важности сравнительно с общими христианскими положениями деистической морали. Поэтому арминианизм с течением времени развился не только в sectу, но и в либерально-религиозное движение, доступное людям разных вероисповеданий, в латitudinarianism, т. е. учение, расширяющее область царствия Божия.

Настоящим начинателем либерального арминианизма был голландец Коорнгерт¹⁹², ученый эллинист, переводчик Гомера и Платона, владевший сам греческим языком. Современник ожесточенной борьбы разных религиозных исповеданий в Голландии и в остальной Европе, свидетель кровопролитий из-за таких вопросов, как о Троице, первородном грехе, о предопределении, о пресуществлении и т. п., которые каждое исповедание считало тайной и в то же время доступной исключительно ему, Коорнгерт пришел к убеждению, что «церквей явилось уже очень много, что, вместо того, чтобы увеличивать их, пора подумать об уменьшении их, согласив их к любви и терпимости». Он укоряет современные секты во взаимной ненависти и все из-за вопросов непостижимых. «Каждая,— говорит он,— сидит и кричит у дверей своего храма: я — истинная церковь, я обладаю истинным учением, у меня находится Иисус Христос и истинный город Божий, у других же только ложь, ересь, нечестие и погибель. Это ли знаки,— спрашивает Коорнгерт,— по которым можно узнать учеников Христа?» И странное дело! Наиболее спорят и осуждают друг друга из-за предмета, который есть символ братства, т. е. из-за

причащения! Он хотел бы иметь красноречие Демосфена¹⁹³ и Цицерона, он молил о милости Божией и внушении святого духа, чтобы привести братьев-людей к согласию и миру. Коорнгерт требует от христиан такой веры и любви, какую проповедовал Христос. Иисус Христос сказал, что тот, кто любил ближнего, сядет около Бога. Вот установить эту любовь между людьми и было искренним желанием Коорнгерта, а лучшим средством к тому он считал свободу мнений. Признавая любовь к ближнему единственно существенным доктринальным принципом христианства, Коорнгерт отрицал Августиново учение о первородном грехе, бывшее точкой отправления всех теоретиков религиозной нетерпимости. По Коорнгерту, Бог простил и Адама, а тем более его потомков, наказать которых за грех другого было бы недостойно Бога любви.

Коорнгерт говорил о себе: «Я — не католик, не лютеранин, не кальвинист, не меннонист¹⁹⁴, потому что не вижу ни в одном исповедании истинного знака церкви Христа — любви». При таких понятиях он не мог иначе, как отрицательно относиться к притязаниям современных сект на исключительное господство при поддержке светской власти. Он требовал свободы католикам в стране протестантской, среди войн религиозных, требуя вообще свободы совести для всех. Коорнгерт не оставил без возражения ни одного довода защитников теории религиозных преследований. Он не находит в св. писании слова о ереси, не видит, чтоб Христос и апостолы употребляли против заблуждений другое оружие, кроме убеждения, чтоб они желали чьей-либо смерти. Ересь есть заблуждение; но мы все можем заблуждаться, следовательно, все можем быть виновны. Кто возьмется утверждать, что такое-то учение истинно, такое-то ложно? По какому праву мы являемся судьями в собственном деле, объявляя, что только наше учение истинно? На тот довод, что если наказывать убийцу тела, то тем более заслуживает наказания убийца души, т. е. еретик, Коорнгерт возражает, «что убийство есть явное преступление, относительно которого совесть обвиненного согласна с совестью судьи, тогда как в вопросе о ереси обвиненный убежден, что он проповедует истину и что, проповедуя ее, он исполняет долг свой; он может заблуждаться, но тогда нужно излечить его от заблуждения, а не убивать его». Коорнгерт обращается к историческим примерам. Римские императоры, Карл V, Филипп II, могущественные государи, пробовали подавлять верования силою, но вместо успеха только помогли распространению преследуемых учений. Говорят, что свобода совести производит смуты и разделения в государстве; да, говорит Коорнгерт, но там, где думали ограничивать эту свободу и силою устанавливать единство церковное, например в Германии или во Франции. «Единство религии есть вещь хорошая, когда религия истинна; но если она ложна? Оно хорошо, когда принято свободно совестью; но если нужно силу для поддержания его, то оно приводит к бесконечной войне: католики будут убивать протестантов, протестанты — като-

ликов и диссидентов. Что за Вавилон крови!» Касательно покровительства религии государями Коорнгерт говорит: «Истина есть Бог, а Бог не нуждается в защитнике. Истина рассеет заблуждения, как солнце рассеивает мрак ночи. Что до государей, то в деле религии они должны смотреть только за тем, чтобы церковь не преобладала над государством и чтобы одно исповедание не давило другого. Если же дать право государям навязывать мечем одно из исповеданий, тогда им надо дать право и выбирать, какое из них лучше: государи тогда станут выше всех церквей, они станут судьями откровения. Скажут, что они должны всегда поддерживать существующую религию, но тогда они будут действовать слепо, они могут покровительствовать и злу: императоры римские в таком случае поступили бы хорошо, сохранив язычество и преследуя учеников Христа». Как республиканец, Коорнгерт не жалует современных государей: «Большая часть из них,— говорит он,— тираны; это — львы, волки, коршуны, соколы, змеи, драконы, и их-то уполномочить поддерживать религию железом и огнем? Самое лучшее, что может случиться, это — то, что государи станут пользоваться религией для распространения своей власти: и так религия станет оружием страстей и порока!» Мрачный портрет государя снят Коорнгертом с современных католических королей. Но он не щадит и протестантов и не дает права и протестантским республиканским властям на преследование свободы совести. Если католики, говорит он, преследуют за веру, они делают то, что и всегда делали; они убеждены, что их вера непогрешима. Но протестанты, новаторы и притом соглашающиеся, что авторитеты могут погрешать, поступают в тысячу раз хуже, доказывая, что власть должна преследовать ереси. Не значит ли это обвинять самих себя и оправдывать Филиппа II? Ведь всякий государь считает свою религию истинной. «Мы изгнали инквизицию испанскую, а вместо нее установили столько инквизиций, сколько сект; каждый хочет быть инквизитором, каждый хочет силою господствовать над совестью другого». «Для чего мы проливали кровь? — спрашивает Коорнгерт.— Для того, чтобы приобрести свободу религиозную. Оставим же каждому право свободно говорить о религии, как и о всем другом, то, что он думает. Сковывать свободу — это значит брать в оковы истину, а разрушать истину не значит ли потушить свет мира? Сковывать свободу — значит запрещать истину вместе с заблуждением. С этим принципом имели бы право убить учеников Христа как революционеров. А есть ли более вопиющая несправедливость, как казнь благодетелей человечества?»

Собственно арминиансское движение поднято было в Голландии по поводу кальвинистической формулы учения о первородном грехе и предопределении Богом заранее одних к блаженству, других к погибели. Унизительная для человечества формула эта, развитая Кальвином вслед за Августином, вызвала между прочим возражения Коорнгерта. Церковный совет в Амстердаме поручил Якову Германни,

или Арминию (род. 1560 г.), проповеднику в Амстердаме, опровергнение сочинений Коорнгерта, но Германни сам выступил противником формулы Кальвина, особенно с тех пор, как стал профессором богословия в Лейдене (1603 г.), где встретил жаркую оппозицию в то-варище своем Гомаре. Арминий умер в 1609 г., но его учение продолжали Витенбогарт и Симон Епископий¹⁹⁵. К учению арминиан принадлежало несколько образованных и свободолюбивых людей в Голландии, например Ольденбарневельд¹⁹⁶ и Гуго Гроций. В 1610 г. арминиане сделали представление о своем учении штатам Голландии, после чего получили название ремонстрантов. Собравшийся в 1618 г. собор кальвинистских богословов в Дортрехте, на котором присутствовало 58 туземных и 28 приехавших из Англии, Шотландии и Швейцарии богословов, осудил арминиан, а штатгальтер Мориц¹⁹⁷ по политическим причинам стал преследовать их. В 1620 г. дортрехтские постановления были приняты и французскими кальвинистами на соборе в Алэ. Арминиане нашли себе убежище сначала в Шлезвиге, но по смерти Морица стали возвращаться в Голландию, где и утвердились, наконец, и где произвели много ученых людей и богословов, вышедших за узкие пределы кальвинистского сектантства. С голландскими арминианистами единомышленно французское движение в кальвинизме, представляемое в начале XVII в. шотландцем Камероном¹⁹⁸ и Амираном и известное под названием универсализма, центром которого был Сомюр, а также английское учение латitudинариев (Галес, Чиллингворт, Кёдворт)¹⁹⁹. Учения эти характеризуются названиями, которые выражают одинаково стремление выйти из узкой сектантской нетерпимости на широкое поле примирения христиан посредством выдвижения на первый план общих всем исповеданиям моральных учений и отодвижения на второй план вопросов догматических и обрядовых. Разные писатели арминианские, универсалисты и латitudинарии отличаются в разной степени отрицательным отношением к различным учениям церковным. По большей части они склоняются к чистому деизму унитариев. Общее, что их характеризует во второй половине XVII в., выражено в жалобе кальвинистского собора в северной Голландии: «Повсюду, в Англии, Франции, Германии, проповедуют, что люди могут спастись во всякой религии». Действительно, это положение, в разных формах, допускающее спасение и язычников, евреев и магометан, попадается во многих трактатах, вышедших в половине XVII в. Разумеется, что те, кто дошел до такого образа мыслей, не могли одобрять религиозных преследований. «Мы думаем, что кто преследует еретиков, тот совершаает великий грех перед Богом», — говорит исповедание веры ремонстрантов²⁰⁰, составленное Епископием. В доводах Епископия против нетерпимости слышится человек, любящий свободу и человеческое достоинство и умудренный историческими примерами, совершившимися на глазах Европы. «Посмотрите на Испанию, — говорит он, — посмотрите на Италию; слепое повиновение восхваляется там как

высшая добродетель, потому люди там — истинные скоты, и верующие идут дорогой спасения, как стадо, гонимое пастухом. Для того чтобы сохранить эту слепую веру, надо держать народы в глупом невежестве; овцы должны согласоваться с пастухом, и чем более ограничен и прост последний, тем более гонений за веру. Это ли то состояние, к которому хотел привести людей Иисус Христос?»

Мало-помалу те идеи, которые еще в начале XVII в. были достоянием немногочисленных сект, каковы социниане и арминиане, стали распространяться у разных людей без различия их принадлежности к какому-либо официальному вероисповеданию. Люди XVII столетия подавали руку людям XVIII, причем разница между теми и другими была в том, что люди XVII в. не хотели оставлять традиционной религиозной основы, а потому при всем своем свободомыслии все же относятся к кряжу людей религиозных века реформационного, и не чисто философского и отрицательного. Мильтон²⁰¹ и Локк²⁰², светила умственной жизни XVII в., сближаются своими религиозными идеями и понятиями об отношении светской власти к свободе мнений с арминианами и социнианами и в некоторых отношениях выражаются еще определеннее их. Локк, допускавший возможность спасения даже без принадлежности к какому-либо религиозному обществу, так говорит об одном из сильнейших доводов духовенства разных сект в пользу религиозного преследования: «Послушать духовных,— говорит Локк,— то их одушевляет забота о спасении им подобных; но эта ли чистая ревность воздвигала костры для ереси? Есть и другие грехи, которые приводят к вечной смерти: неправда, блуд, обман заслуживают смерти, по апостолу; почему же кроткие христиане, которые употребляют так охотно дрова и огонь для спасения еретиков, не показывают такой же ревности к наказанию преступников всякого рода, в которых нет недостатка в их церкви? Мало того, они обнаруживают большую снисходительность к этим смертным грехам. Почему такая спасительная строгость, когда дело идет о ереси, и столь гибельная слабость в отношении к настоящим грехам? Не потому ли, что ересь задевает господство духовенства? Ревность людей ортодоксальных не есть ли просто честолюбие и жадность! Пусть они перестанут говорить о любви; они профанируют эту божественную добродетель, призывая ее для прикрытия своекорыстных страстей своих. Эти так называемые правоверы — даже не христиане; потому что только те истинные христиане, кто любит всех людей, даже неверных». Мильтон возвысился до защиты не только свободы религиозной совести, но даже до защиты свободы мнений вообще. Когда республика английская решила сохранить цензуру, Мильтон издал свою знаменитую речь «Ареопагитику», в которой между прочим говорит: «Книги — не мертвые вещи; они сохраняют в себе могущество жизни, столь же деятельной, как душа, которой они — плоды. Кто убивает человека, тот убивает разумное существо, образ Божий; кто убивает хорошую книгу, тот убивает самый

разум. Будем же остерегаться разрушать жизнь, сохраненную и сосредоточенную в книгах, потому что это разрушение есть род человеческого убийства, иногда убиения мученика; а если оно распространяется на всю печать, то это — род избиения, которого опустошение не останавливается на убиении одной жизни, но поражает квинтэссенцию, которая есть дыхание самого разума, так что оно убивает не жизнь, но бессмертие». Дальнейшим поборникам свободы совести после социниан, арминиан и таких людей, как Мильтон и Локк, не оставалось уже сказать ничего нового по существу дела, а они могли только найти еще иную точку отправления для достижения тех же результатов и другие средства пропаганды.

Как ни разъединены были голоса передовых людей XVII в. по вопросу о веротерпимости, как ни слабы были те общества и секты, которые сделали терпимость одним из основ своего учения, однако же мало-помалу то движение идей, которого представителями были упомянутые сейчас секты и писатели XVI и XVII в., к половине XVII в. начинает явно обнаруживать свое влияние и на законодательства разных стран. Прежде, в XVI в., мы видим только один пример подобного влияния в постановлениях о веротерпимости города Базеля от 1527 и 1528 г., изданных под влиянием гуманиста Эразма Роттердамского. Нельзя не видеть следов влияния гуманистического движения, которое произвело Эразма Роттердамского, и в той относительной широте взглядов на религиозные различия, которую обнаруживал Вильгельм Оранский и другие государственные люди Голландии времен голландской революции. В XVII в., хотя в Голландии не раз брала перевес партия нетерпимых протестантских ортодоксов, но все-таки на практике Голландия по большей части являлась самым веротерпимым государством в Европе. Okolo половины XVII в. людьми различных религиозных исповеданий и сект стали основываться общества в Америке, которые делали свободу совести основным своим законом. Так, в 1636 г. Роджер Вильямс, протестантский духовный, убежавший вследствие религиозных войн и гонений из города Салема, основал с товарищами колонию Providence на начале: «Совесть есть дело лица, а не государства», и когда маленькая колония слилась с другою — Rhode-Island, то в статут ее, отправленный на утверждение королевское, было внесено следующее постановление: «Никто не может быть в этой колонии на будущее время беспокоим, наказан или подвергнут следствию за различия религиозных верований, но каждый должен пользоваться в этом отношении полною свободою совести и мнения, с одним условием, чтоб эта свобода не была злоупотребляема с целью оскорблений или нарушения свободы других». Король Карл II²⁰³, который в 1663 г. утвердил этот статут, утешал себя тем, что маленькая и отдаленная колония не окажет влияния и не станет предметом подражания для метрополий. В 1649 г. в колонии Мериленд, основанной католиком лордом Балтимором, признано было равное право за католиками

и протестантами, которые признают веру в Христа и в Троицу; для отрицающих же Троицу назначено было наказание: конфискация и смерть. Квакер Вильямс Пенн²⁰⁴ и его колония Пенсильвания сделали еще несколько шагов против Балтимора: по статуту пеньсильванскому 1682 г. все христианские секты, а также и евреи, и магометане признаны равноправными, т. е., другими словами, все деисты, ибо Пенн признавал необходимым и в политическом отношении признание всеми гражданами идеи единого Бога, творца и хранителя мира.

В Америке на совершенно свободной почве свободомысленные или практические сектаторы могли провозглашать свободу совести в размерах более широких, нежели среди старых обществ европейских, которых религиозные разделения успели сростись с политическими. Однако ж и в Европе с половины XVII в. нельзя не видеть практического влияния тех идей, которые породили статуты Вильямана Пенна и им подобных. Так, при всем его несовершенстве, нельзя не назвать весьма веротерпимым Вестфальского трактата 1648 г. Вернувшийся после Тридцатилетней войны пфальцграф рейнский Карл Людвиг, член фамилии, имевшей ближайшие связи с Голландией и Англией, местами распространения упомянутых выше сект, действовал в своем государстве совершенно по идеям латитудинариев: он основал в Мангейме церковь согласия, которая должна была служить и католикам и лютеранам, и желал доставить у себя убежище и унитарием, или социнианам. В 1689 г. голландский штатгальтер и английский король Вильгельм III²⁰⁵ обнародовал эдикт о терпимости, которым всем протестантским сектам даны равные права свободного богослужения и их последователи получили все политические права английских граждан; англиканская церковь сохранила только свои привилегии финансовые и парламентские (и до сих пор); католики были исключены из этой терпимости, но более по политическим, чем по религиозным правам, так как католики были партией антидинастической (в Англии) и сепаратистской (в Ирландии) и получили право свободного богослужения только по укреплении нового порядка в 1688 г. Такие акты, упредившие изданные в XVIII в. постановления, как, например, эдикт Иосифа II²⁰⁶ в 1781 г., курфюрста епископа Тирского Венцеслава в 1783 г., политику Фридриха II (1740—1786), связывают движение XVII в. с тем, которое породило основной закон североамериканских штатов 1789 и 1791 г. и провозглашение прав человека 1789 и 1791 г., в которых чувствуются уже другие основы, выходящие за пределы принципов эпохи протестантских движений.

В то время как последовательно произведенное отрицание средневековых форм религии и церковной жизни довело крайних людей века реформационного до разрыва с узким сектантством и нетерпимостью современных государственных систем, подобное же освобождение от вероисповедной узости, соединившись с идеями, которых

держались и защитники государственности церквей, а именно с идеей супрематии²⁰⁷ государства, довело многих политиков XVII в. до сознания мысли о полной секуляризации государства и о преобладании его над всякими современными вероисповеданиями. При этом сила государства, по понятиям этих новых политиков, должна быть направлена не на освобождение всех вероисповеданий, не на освобождение государства и общества от клерикального господства, а на регламентацию религий в интересах вполне светского государства, на уничтожение вероисповеданий. Эти требования, заявленные философами с конца XVII и в XVIII в., были требованием новой реформации религиозной жизни, реформации с помощью государства, как совершина была реформация и сохранение католицизма в XVI в., только реформации в смысле рационалистическом. И как регламентация государством религии в XVI в. повела к установлению государственных религий, так эта новая реформация, если бы она случилась, как того желали философы, повела бы к установлению государственной морали и философии.

Монархист Гоббс²⁰⁸ и республиканец Спиноза²⁰⁹, оба защитники единства власти, признают за государством право регламентировать, ввиду общего блага, все отправления религиозной жизни: «Государю,— говорит Гоббс,— принадлежит право определять, что должно проповедовать публично о Боге, и по самому сильному основанию государь должен управлять религией». Спиноза, признававший, что цель государства — свобода, не допускает, однако же, неограниченной религиозной свободы. «Государство,— говорит он,— имеет право регламентировать священные предметы настолько, насколько публичный мир заинтересован в том». Приведенные выше слова Тиндаля имеют почти тот же смысл. Политики и философы, признававшие такие права за государством, имели в виду действительно противогосударственные и противные миру учения духовенства, особенно католического. В XVIII в. люди, склонявшиеся к рационализму, желали еще предоставления государству и даже государям права религиозной регламентации, надеясь с помощью их разбить в религии населения то, что они называли предрассудками. Кроме того, озлобляемые доносами духовенства, которое говорило, что религия есть опора трона, а потому философы, враги религии, подкапываясь под троны, философы старались показать, что истинные враги государства — духовные, которые претендуют на независимую власть и господство в государстве. Так, Болинброк²¹⁰, опасаясь противогосударственной силы духовенства и влияния его на умы, желает сосредоточения религиозных и светских дел в государстве в одних руках. Кондорсе²¹¹ самым резким образом отвечает на донос духовных против философов, что истинные враги государей — священники, а не философы (*«Lettres d'un théologien»*). Вольтер (*«Le Cri des nation. Fragment pour l'instruction du prince royal»*) видит опасность для общества и государства в невежестве масс и во влиянии на них

духовенства, которое может вновь повторить явления времен лиги. Ввиду этой опасности он требует регламентации религиозной жизни. «Государь,— говорит Вольтер,— должен следить за религиозным учением относительно всего, что касается порядка общественного, как со стороны свойства учения, не имеет ли оно чего-либо противного общему благу, так и со стороны способов его изложения». «Государь,— говорит Вольтер,— должен быть неограниченный господин всякой церковной политики, потому что эта политика — часть правления. Так, как отец семейства предписывает наставнику своих детей (Вольтер любит сравнивать духовенство с учителями) часы, род занятий и т. п., так и государь может предписывать всякому духовному, без исключения, все, что имеет малейшее отношение к общественному порядку». Вольтер не допускает неограниченной свободы богослужения. «Государь,— говорит он,— имеет право во всякое время знать, что происходит в религиозных собраниях, направлять их сообразно требованиям общественного порядка, исправлять их злоупотребления и воспрещать собрания, если от них рождаются беспорядки... Духовенству принадлежит составление религиозных формул, но государь должен рассматривать их, одобрять и при нужде преобразовывать. Мы видели кровавые войны из-за этих формул, а их бы не было, если бы государи лучше знали свои права. То же самое с праздничными днями: они не могут быть установлены без участия и согласия государя, который может во всякое время переделать их, уничтожить, если того требует общее благо. Увеличение праздничных дней будет производить всегда порчу нравов и обеднение нации... Наблюдение за публичным наставлением живым словом или священными книжками принадлежит по праву государю. Он сам не учит, но он должен видеть, чему учат его подданных. Он должен приказывать научать прежде всего морали, которая также необходима, насколько часто бывали опасны доктринальные споры...» (*«Dictionnaire philosophique»*. — *«Droit canonique»*). Еще более регламентации в деле религиозно-нравственном требуют Рейналь²¹², Гельвеций²¹³ и особенно Руссо²¹⁴. Рейналь (*«Historie philosophique des deux Indes»*) говорит, что «государство должно иметь преобладание над всем», поэтому власть законодательная должна смотреть, «не убивает ли религиозное учение духа патриотизма, не ослабляет ли храбости, не производит ли отвращения от промышленности, брака и общественных дел, не вредит ли духу общественности и увеличению народонаселения и не внушает ли правил опечаливающей строгости или идей, доводящих до безумия». Рейналь указывает образцы таких вредных, по его мнению, учений. «Обет целомудрия противен природе и вредит увеличению народонаселения; обет бедности приличен неспособному или лентяю; обет повиновения какой-либо другой власти, кроме господствующей, и закону свойственен рабу или бунтовщику. Если бы в какой-либо стране было 600 000 граждан, скованных такими обетами, то самое лучшее, что мог бы сделать государь,

это — явиться к ним с достаточным количеством спутников, вооруженных бичами, и сказать: выходите, ленивые каналы, выходите на поле к земледелию, в мастерские, в военную службу!» Гельвеций (*«De l'Homme»*), исходя из того же начала опасности для общества существования двух властей, требует соединения духовной и светской власти в одних руках. Но его религиозное учение должно составить законодательный корпус. «Только от законодательного корпуса,— говорит он,— можно ожидать благодетельной религии, которая будет представлять только благородные и великие идеи о божестве, будет воспламенять в душах только любовь к талантам и добродетелям; наконец, религия эта, как и законодательство, не будет иметь другой цели, кроме счаствия народов». Руссо (*«Contrat social»*) предлагает светской власти составить катехизис «гражданской религии», которая, конечно, устранит догматические вопросы, предоставив их личной совести каждого, и будет только изложением «морали гражданской». Но эта последняя будет охраняться наказаниями. Руссо, таким образом, порицая католическую нетерпимость, устанавливает другую, хотя и слабейшую, нетерпимость гражданской религии. Подобно некоторым, преимущественно англиканским либералам XVII века, Руссо, проповедуя терпимость религиозно-догматическую, нетерпим в особенности к католицизму «ради его фанатизма». «Нужно терпеть,— говорит он,— все религии, которые терпят других, если, конечно, их учения не противны обязанностям гражданина. Но если кто смеет сказать, что вне церкви нет спасения, тот должен быть изгнан из государства для того, чтобы государство не превратилось в церковь и государь в жреца». Держась такого правила, пришлось бы не терпеть ни одной религии, кроме арминиан и латitudинариев.

Философы XVII и XVIII в., проповедуя такое подчинение религии государству, желали, разумеется, уничтожения последних следов клерикального господства, пощаженных реформацией и централизующей деятельностью королей, желали освобождения человечества от средневековых предрассудков. Но все же средство, которое они для того предлагали, их основная доктрина об отношениях государства к личной вере те же, что и у преследователей, у Филиппа II, Боссюэта и т. п. Подчинить религиозную жизнь государям значило не избежать тех кровопролитий, которые Вольтер указывал в Византии и в Европе XVI в., а, напротив, дать им возможность возвратиться. Если бы даже место государей заняли республиканские власти, то все-таки теории Руссо и Гельвеция стесняли личную свободу мнений и слова и, в конце концов, привели бы к установлению нравственного деспотизма вроде того, какой был в Женеве во время Кальвина, только с другой окраской, деспотизма с рационалистическими целями. Рационалисты-регламентаторы XVIII в., очевидно, указывали современному государству цель произвести рационалистическую реформацию, которая бы повела дальше дело реформации, начатое в XVI в.

Но эта новая реформация захотела бы вырвать с корнем все учения, которыми европейские общества жили почти два тысячелетия, а потому она бы производилась по сознанию очень небольшого меньшинства и, без сомнения, вызвала бы сильнейшую реакцию в населении, реакцию, которая оказалась бы весьма пагубна для идей самих философов. Во время конвента было предпринято только отчасти несколько попыток подобной реформации. Но та реакция в пользу католицизма, которая последовала с началом XIX в. и которая унесла много законного, установленного революцией, должна быть приписана в значительной степени оскорблению общественной совести попытками реформации, которая, хотя и имела либеральные цели, но действовала деспотическим образом. Конечно, изложенные только что учения понятны как реакция клерикализму, особенно католическому. Они имеют и историческое значение как одна из первых форм, в какой явились идея секуляризации государства; на практике они привели к несомненно полезной мере — уничтожению иезуитского ордена, который, действительно, не может быть поставлен в ряду с другими религиозными обществами под покров свободы, так как содержит в основных своих учениях учение о праве обмана. Но за этими пределами практическая полезность и правота учения философов XVIII в. о стеснении религиозной жизни в интересах торжества рационализма и искоренения религиозных предрассудков весьма сомнительна даже и в такой мере, как уничтожение монастырей. Действительно, многие учения католической церкви вредны и опасны для государства и общества, вредны и опасны поэтому и основанные на них ассоциации; но все права, какие имеет в этом случае государство, ограничиваются правом наказывать преступные фактические проявления опасных и вредных доктрин, а в особенности отнятие у религиозных установлений всяких привилегий и поддержки и предоставление равной с ними свободы и их разнообразным противникам. При таком способе действий вредные последствия вредных идей парализуются сами собою, да и самые доктрины раньше-позже падут под ударами свободного общественного сознания.

К счастью, реакция клерикализму с конца XVII в. выражалась не только в идее регламентации государством религии; к счастью, XVIII в. поклонялся столько же свободе, сколько и разуму. Сами философы, только когда писали идеалы будущего, рисовали себе государственную власть в рационалистической оболочке, или когда временно обольщались либеральными фразами какого-либо современного централизатора. Вообще же они сами понимали, что рационализму предстоит еще долгая борьба и работа над пропагандой, а потому проповедовали не только идеи о рационалистической регламентации, но и о полной свободе нравственной жизни. Привозглашая свободу совести, идеи XVIII в. приготавляли себе более надежное, хотя и медленное, торжество, требуя себе не господства

в противность общему сознанию, а только права на безопасное существование и свободное выражение, которое раньше-позже, но приведет к признанию и осуществлению того, что было у них правого и полезного для общества. Это учение о свободе привело к попыткам другой, более справедливой и более практически осуществимой формы секуляризации государства — полному разделению области церкви от государства. Великая французская революция сначала сделала попытку такой секуляризации государства именно по началам свободы, удержав из системы господства государства над церковью только то, что не противно было началам свободы, и тем сделала для секуляризации государства нечто более прочное, чем провозглашение религии разума. Крайности новой рационалистической регламентации, которой требовали отчасти передовые люди XVIII в., вызвали клерикальную реакцию; но идея секуляризации государства в смысле полного разделения области его от церкви все-таки не могла быть подавлена. Борьба этой идеи с клерикальной реакцией и колебания государственной власти между системою союза с церковью, системою рационалистической реформации и системою разделения церкви и государства наполняют религиозную историю XIX века.

ПРО УКРАЇНСЬКИХ КОЗАКІВ, ТАТАР ТА ТУРКІВ

Земля, де тепер живуть люди, що говорять так, як писано цю книжку, колись звалась Русь, а потім Україна, або Мала Русь, бо Великою Руссю звуть тепер Московщину. Земля наша велика. Вона простягається від Карпатських гір у Цісарщині за Почаєвом аж до Дону, від Пінських лісових боліт, що по річці Прип'яті, аж до Чорного моря. Це все краї не дуже холодні, багаті і лісом, і пасовищами, і чорноземними полями. Є тут чоловікові чим поживитися, є що і другим народам проміняти або продати. Та тільки, щоб можна було на якій-небудь землі людям добре жити, треба, щоб ніхто чужий не грабував їх і не перешкоджав їхній праці; треба, щоб і свої люди одне від одного не віднімали та не видурювали того, що чоловік собі придбав. Треба ще, щоб люди знали, як тим, що є на полі, у лісі та в землі, найліпше скористуватися для себе. Щоб дійти до цього всього, треба було скрізь людям довго жити на одному місці, упорядитися межі собою, та думати, та вчитися усіх наук, та ще і наперед багато праці та науки треба буде людям, щоб жити зовсім добре. Добрі науки здавна, ще до Христа, почалися у греків та італійців. До цих людей од нас і не дуже далеко і легка дорога ріками Дністром, Бугом, Дніпром та Доном у Чорне море, а далі у Середземне — до Греції та до Італії. Здавна греки та італійці приїздили до нашого берега Чорного моря, навіть і оселялися тут. Та ось біда! На нашій землі довго не можна було людям осісти на одному місці та вберегтися від чужих розбишак, що і хати розоряли, і пашню палили, і людей різали та полонили та розганяли. Понад Чорним морем простяглися степи, що йдуть далі на схід сонця аж у Азію, у такі краї, де живуть одвічні пастухи татарського та турецького роду, кочуючи з місця на місце. Ото ці пастухи — не те що хлібороби, здіймаються було цілими ордами та і йдуть на захід на свіжі пасовиська, а потім нападають на хліборобні народи, як-от на наших батьків, та й грабують їх, а далі осядуться було де-небудь недалеко, як ось у Криму, та щороку й набігають на нашу землю та й беруть наших людей у раби до себе або на продаж. Ще найменше лихо, як візьмуть з наших людей дань чи окуп. Довго так було, трохи не тисячу років з того часу, як про нашу землю вже по книгах написано, що тут жив наш український народ, так саме, як і тепер.

От у цій книжці ми розкажемо, як то наші батьки терпіли й одбивалися від татарських та від турецьких розбишак і як-таки насилу одби-

лись. Особливо ми розкажемо про козаків, бо вони найбільше положили праці, щоб одігнати від нашої землі турок та татар, щоб наш чоловік у своїй землі і хату будував, і поле орав та засівав, і дітей годував, не опасуючись чужого ворога. У других книжках розкажемо, як терпіли наші люди од поляків та своїх же людей, що поперевертались у польські пани, і як козаки й тут стали бути у пригоді, і про те, як через безладдя та недостачу науки і розуму не сталося так, щоб зовсім добре було жити нашим людям у своїй землі.

Про те, що робилось у нашій землі до козаків, ми розкажемо дуже коротко.

Років ще за тисячу до нас, як батьки наші звалися слов'янами-Руссю, то доводилося їм терпіти від хозар¹, що жили по Дону та в Криму. Хозарська опіка була, як видно, для наших батьків не дуже тяжка, бо вони швидко скинули її з себе.

Не поспіли впоратися з хозарами, коли це на зміну хозарам прийшли, теж зо сходу, інші степовики — печеніги², а потім половці³, та й почали дуже тіснити Русь. Вона повинна була вибратися з степів та й відсунутися від Чорного моря. Від цих половців чинилася тоді слов'янам дуже велика кривда, і вони мусили з ними довго боротися. Про них переяславський, а потім київський князь Володимир Мономах казав, як поз'їздились усі князі, що не може орач слов'янин вийти у поле землю орати, бо прийде половчанин, уб'є орача, а худобу його і сім'ю забере собі. З цього вже добре видно, що то за лихі були ті половці і яку вони напасть чинили у нашій землі. Але з часом слов'яни усе ж таки стали потроху брати гору над половцями.

Коли це наступила на Русь велика хмара: татари. 1238-го року, себто більше як шістсот років назад, велика татарська орда, з ватагом Батиєм, кинулась на нашу землю, стала бити й різати людей, розруйновувати городи й села. Люди, рятуючись од татар, мусили тікати далеко на північ, на Віслу, Німан і Прип'ять. Південна руська земля, Україна, на якийсь час мало не зовсім спустіла. Татари зосталися жити по степах од Волги до Криму, а часами посувались і далі. Наші люди мусили часами платити їм дань, а у північній Русі, де Москва, так татари переписали усіх людей і довго брали щороку поголовщину. Та років за двісті татарська орда розділилася й ослабла. Воно так завжди бува з ордами пастухів, бо пастухи переброджують з місця на місце, сваряться за пасовища і розброяться по степах. А хлібороби, як живуть у одному місці, збираються докупи, будують городи, доходять до науки і ремесла, видумують лучшу зброю та з часом стають дужчими від степовиків-пастухів. Ці страшні тільки тоді, як зразу набіжать великою ордою, як з першого разу татари.

Україна ще не вспіла поправитись після великого татарського лихоліття, а вже новий народ насунувся на неї з другого боку, від моря Балтійського, з тих країв, де город Вільна⁴. Цей народ звався Литва. Тільки це не були ті люди, що звуться й тепер у нас лицьвинами, що на плотах та на барках припливають до нас Дніпром або приходять копа-

ти землю: це наші ж таки люди слов'яни, тільки трохи одмінно говорять. Письменні люди звуть їх білорусами, бо вони одягаються у біле і носять білі шапки, магерки. Литвинами у нас прозвали їх, бо вони були довго під литовським пануванням, а справжня Литва — то зовсім чужий народ, і говорити зовсім для наших незрозуміло. Попереду наші князі набігали на їх землю, навіть один орав Литвою, а після татар то вже Литва стала дужчою, особливо, як вивчилася у німців військової справи. Потроху підгорнула під себе Литва велику частину Білої Русі, а далі напала і на Україну. Українські люди боронилися від Литви дуже мало, або навіть, як поспільство, то й зовсім не боронились. Робилось це так через те, що літв'яни, завоювавши Україну й Білу Русь, зоставляли усе так, як було й перше; а брали собі тільки на службу здатних до війни людей, та й тим роздавали землю. Окрім того, що вони зоставляли усе по-прежньому, вони ще визволяли людей від татарських податків і татарського хижакства. За часів литовського панування українці знову почали посуватися до Чорного моря. І стало два великих царства: по обидва боки Дніпра, де Україна й Біла Русь, порядкували князі роду литовського, а далі на схід сонця і на північ, де Московщина, зосталися князі московські, старинного роду київських князів. На північ були два вільні городи Псков і Новгород, вони кликали собі князів, кого хотіли, найбільше ж з роду князів московських, а часом то й з литовських, аж поки їх зовсім підгорнули князі московські і волю в них одняли. Через кілька часу поляки вибрали князя литовського своїм королем⁵, а далі шляхта польська і литовська згодилася злучити Польщу, Литву та Вкраїну з Білою Руссю в одну державу. Московський народ став потроху справлятися з тими татарами, що жили по Волзі, з казанськими та астраханськими, а Україна та Біла Русь ще раніше збулися тих татар, що жили коло Чорного моря.

На південь Україна простяглася до Чорного моря. Над Чорним морем у Криму жила в городах і селах татарська кримська орда. Під її пануванням були ще чотири хижі орди, що кочували від гирл Дунайських до річки Кубані⁶. Великий степ од Чорного моря аж до українських осель лежав пустинею, і на ньому доволі мирно чабанували татари й українці. З городів і других осель сміливі люди ходили у степ на здобитки, і через те вкраїнські оселі все далі та далі посувались у степ. Найкрайнішими вкраїнськими оселями по Дніпру були Канів і Черкаси. Далі степ був безлюдний. А по Дністру вкраїнські оселі доходили аж до Чорного моря, і більш як за чотириста років назад навпроти того місця, де тепер Акерман, було вже торгове місто вкраїнське, і відтіля возили хліб морем до греків, як і тепер. Так жили тут наші й татари, хоч, може, і не без яких сварок за пасовища, аж поки турки року 1453-го завоювали Царгород, столицю царства грецького⁷. Скорі після того турецький султан підгорнув під себе кримського хана. З того часу кримські татари почали часто набігати на Україну і дуже грабувати її. Турки підмовляли татар, помагали їм. Тоді турки, покоривши собі багато християнських народів — греків та братніх їм слов'янсь-

ких сербів і болгар та молдаван, з прожогу думали завоювати трохи не цілий світ. Та й віра турецька заставляла їх воювати з християнами. Віру цю проповідував спершу араб Магомет, більш як тисячу двісті років назад, шістсот років після Христа. Магометанська віра згоджується з християнською у тому, що признає одного Бога, та тільки не признає Тройці. Христос у Магомета був великий пророк, але менший від його, а не син Божий. Молитви і пости у магометовій вірі інакші, ніж у християнській, жінок дозволяє Магомет брати більш ніж одну, а на тому світі праведному, мовляв, дано буде силу жінок. Найправедніший, начебто, буде той, хто більше ширив віру магометову. Одну тільки цю віру магометанці вважають за праву, а всі інші то погані, нечисті. Людей іншої віри магометанці велять воювати і силоміць повернати у свою віру. Колись і всі християни так само думали про свою і чужу віру, як і магометанці, от і воювали й мордували одні одних багато сотень років. Не було того, щоб кожному жити собі мирно, працювати коло хазяйства та науки та мінятись один з одним тим, що напрацював та вивчивсь. Ні, треба було непремінно одне одного бити за те, що не так дума, як ми, та силоміць перевертати з однієї віри на другу. От і узлились християни на магометан, а магометани на християн. У той час, про який ми розказуємо, у сусідніх з нашими південних землях гору взяли магометанці-турки. Щоб турки мали спосіб воювати, треба було їм багато невольника для домової роботи, у гребці на кораблі, чи по їхньому — *каторги*. Дітей полонених турки перевертали у свою віру і робили з них своє найстрашніше військо — яничар.

От через турків і татари почали робити великі наїзди на Україну й Московщину, хапали бранок і бранців і продавали їх туркам. Замість торгу хлібом почався на узбережжі Чорного моря торг невольниками. А тут ще польські королі та московські царі, бувало, засваряться один з одним та й підбивають татар нападати на сусідню землю, а татари прийдуть помагати одному та й пограбують часами обидві землі. Що дальше, то більше розпускала орда свої загони по нашій землі: у один кінець до Києва, а у другий до Львова. Що більше набігали татари, то далі посувався на північ український люд, і все більше пустіла наша земля.

Року 1484-го зробив кримський хан Менглі-Гірей, приятель московського князя Івана Третього, великий наїзд на Україну; він узяв приступом Київ, зруйнував Печерський монастир⁸, трохи не всіх киян забрав у неволю і з дуже великим полоном вернувся в Крим. З того часу татарва або своєю охотою, або з наказу турецького султана мало не щороку почала набігати на Україну, і з того часу розпочалась межи українцями й татарами мало не двохсотлітня війна.

Це друге татарське лихоліття було гірше, ніж перше. Тоді татари наскочили, порізали, побили та й вернулися додому, а тепер така різаніна була щороку; щороку набігала татарська орда, грабувала, різала людей, палила села й верталася додому, набравши невольників, щоб на

той рік знову набігти і знову робити те саме. Недаремне за той час межі українським людом склалася така пісня:

Зажурилась Україна, що нігде прожити:
Гей витоптала орда кіньми маленькій діти,
Ой маленьких витоптала, великих забрала,
Назад руки постягала, під хана погнала.

У другій пісні співається:

Ой в неділенку рано-пораненько
Да ізбірав женців да Коваленко,
Да й усе женці да й одбірнії.
Поробив їм серпи да все золотії,
Ой повів женців на ярі долини,
На ярі долини, на яру пшеници.
«Ой жніте, женчики, обжинайтесь,
І на чорну хмару озирайтесь,
А я піду додому пообідаю,
Жінку та діточок да одвідаю».
Ох і жнуть женці, розжинаються,
На чорну хмару озираються:
Ой то ж не хмара, то ж орда іде,
А Коваленко та передок веде.
В'язали руки та сирицею,
А залили очі та живицею,
А скували ніжки та скрипицею.
«Ой повій, вітроньку, та з північенки,
Та розкуй мої да руки, ніженеки,
Ох повій, вітроньку, з-під темної ночі,
Да на мої ж да на карії очі!»

Не можна було тоді людям удержанатись на Україні. Не можна було хліб робити, бо не знав чоловік, чи збере він те, що посіє, не знав навіть, чи буде він завтра живий. Несподівано набігали татари, палили села, а людей, як не вбивали зараз, то брали з собою в Крим, а тамечки продавали туркам у неволю або заставляли в себе для тяжкої роботи. Через те, що татари наїздили несподівано, трудно було людям од них ховатися, але усе ж таки можна. Щоб постерегти татарський наїзд, перед селами висипали могили, а на їх завжды стояла сторожа; тільки покажуться татари, вона повинна була давати звістку. А то посилали далеко у степ, верстов за двісті, або може й далі, чати, що все літо їздили з місця на місце, пильнуючи татар, і коли де забачуть, так дають, бувало, звістку селянам, щоб вони або ставали до оборони, або ховалися. Тоді люди покидали села і ховалися по лісах або навіть і в воді,— кажуть, що там вони дихали через очеретину.

Протоптала татарва на Україну багато шляхів, а з них найзначніших було три з правого боку Дніпра; цими шляхами татари найбільше наїздили. Перший шлях ішов повз Черкаси, Корсунь, Київ, прямуючи до Львова, і звався Чорним; другий від Очакова, повз Бар, теж до Львова, цей шлях звався Кучманським або Кучманом; третій шлях — теж до Львова поза Дністром і звався Волоським або Покутським. З лівого боку Дніпра був один шлях, що звався Муравським. Набігали татари

різно — іноді вдень, іноді вночі, і коли сторожа не поспіє дати знати в село, що йдуть татари, так тоді, бувало, з села вже ніхто не втече. Усіх людей, і великих і малих, брали вони й ділили проміж себе, добро так само, а село запалювали, то після такого наїзду тільки по погорілих стовпах можна було піznати, де було село. Що терпіла Україна від тих наїздів, можна довідатися з того, що як татари напали на Україну 1575 року, так вивели людей до Криму більш як 55 тисяч, 40 тисяч коней, 500 тисяч усякої худоби і без ліку отари.

Що татари робили з бранцями, можна довідатися з слів одного певного чоловіка; він каже, що старих або немощних, що за їх не можна було багато взяти, бо вони не годяться до праці, оддавали татари, мов тих зайців собакам, парубкам, а ті вчаться на них вояцького діла і б'ють їх камінням, або кидають у море, або вбивають яким-небудь іншим способом. На тих нещасних невольниках вчилися татарські хлопці стріляти з лука. А тії невольники, що продавалися, повинні пробути шість років у неволі, а після того вони ставали від пана вільні, але не мали волі йти куди-небудь з Криму. Котрі з невольників дужчі, так тих або вихолошували, або клали на лобі чи на щоках тавро, і вони, зв'язані або сковані, повинні були мучитись удень на роботі, а вночі по тюрях та льохах; а давали їм їсти трохи здохлятини з черв'яками, такої, що навіть собака її не їла б. А вели бранців у Крим ось яким способом: їх гнали, обступивши верховими і підганяючи нагайками, значили тавром, розпеченим у вогні, по тих місцях на тілі, де і в худобі. Найздатніша здобич у татар були дівчата, а найбільше гарні. Про те, як вони вели дівчат, у пісні співається так:

Коли турки воювали,
Білу челядь забірали;
І в нашої попадоньки
Взяли вони три дівоночки.
Одну взяли попри коні,
Попри коні на ремені,
Другу взяли попри возі,
Попри возі на мотузі.
Третю взяли в чорні мажі...
Що ю взяли попри коні,
Попри коні на ремені,
То та плаче: «Ой Боже ж мій!
Косо моя жовтенька!

Не мати тя роззісue,
Візник бичем розтріпue!»
Що ю взяли попри возі,
Попри возі на мотузі,
То та кричить:
«Ой Боже мій, ніжки мої!
Ніжки мої біленькі!

Не мати вас умивае,
Пісок пальці роз'їдаe,
Крівця пучки заливаe!»
Що ю взяли в чорні мажі,
То та плаче, то та кричить:

«Ой, Боже ж мій, очки мої,
Очки мої чорненькії!
Стільки країв проходили,
А білій світ не виділи!»

Вже було казано, що татари продавали своїх бранок і бранців у турецьку неволю або давали турецькому султанові дань бранцями, як це було року 1563-го, коли кримський хан узявся одіслати султанові 20 тисяч невольника. Ції бранці повинні були робити у турків на галерах, таких суднах, що їх турки звали *каторгами*. Галера була великий низький двохщогловий байдак, і пливла вона по воді і вітрилами, і веслами; оцими веслами й гребли невольники. На галерах було двадцять чотири або двадцять шість лавок, а на їх сиділо по 5 або по 6 чоловіка на кожній. Ліві лавки ділилися від правих проходом, а по цьому проході ходив галерний доглядач з батогом у руці і підганяв ним невольників, щоб гребли. Спали й іли ці нещасні невольники по змінах, не сходячи ніколи ні з галери, ні з своїх лавок. Вони не мали ніякого спочинку навіть і у свято. Гірка була тая неволя, і невольники тільки дожидалися того часу, щоб утекти або щоб іх викупив. Такі невольники склали ось яку жалібну псальму або думу:

У святу неділю не сизі орли заклекотали,
Як то бідні невольники у тяжкій неволі заплакали,
Угору руку піднімали, кайданами забряжчали;
Господа милосердного прохали та благали:
«Подай нам, Господи, з неба дрібен дощик,
А з низу буйний вітер!
Хоча й би чи не встала на Чорному морі бистрая
хвиля,
Хоча й би чи не повиривала якорів з турецької
каторги!
Та вже ся нам турецька-бусурманська каторга
надоїла:

Кайдани-залізо ноги повривало,
Біле тіло козацьке, молодецьке коло жовтої кості
пошмугляло!»

Баша турецький, бусурманський,
Недовірок християнський,
По ринку він походжає,
Він сам добре тес зачуває,
На слуги свої, на турки-яничари, зо зла гукає:
«Кажу я вам, турки-яничари, добре ви дбайте,
Із ряду до ряду заходжайте,
По три пучки тернини і червоної таволги набирайте,
Бідного невольника по тричі в однім місці
затинайте!»

То ті слуги, турки-яничари, добре дбали,
Із ряду до ряду заходжали,
По три пучки тернини і червоної таволги у руки
набирали,
По тричі в однім місці бідного невольника затинали;
Тіло біле козацьке молодецьке коло жовтої кості
обривали,
Кров християнську неповинно проливали.

Стали бідні невольники на собі кров християнську
забачати,
Стали землю турецьку, віру бусурманську клясти-
проклинати:
«Ти, земле турецька, віро бусурманська,
Ти, розлуко християнська!
Не одного ти розлучила з отцем, з матір'ю,
Або брата з сестрою,
Або мужа з вірною женою!
Визволь, Господи, всіх бідних невольників
З тяжкої неволі турецької,
З категори бусурманської
На тихі води,
На ясні зорі,
У край веселий,
У мир хрещений,
В городи християнські!»

Такі думи ще недавно співали кобзарі по всій Україні, а тепер хіба деякий зна кілька слів з них. Добре ще, що письменні люди років з тридцять тому назад позаписували од старих кобзарів ці думи, а то можна було б сказати, що наші люди, мов які звірі, і не пам'ятають, що діялося з їх батьками на їх землі. А хто не зна, що діялося у старовину, той не розумітиме й того, од чого тепер так, а не інакше все на світі робиться, не знатиме й того, що треба робити, щоб далі було краще жити людям. Не самі книги, але й старі пісні навчають, що то робилось у старовину, і через те тепер письменні люди дуже поважають старі кобзарські та мужицькі пісні, більше, ніж ті московські солдатські, лакейські та шинкові, що, не розуміючи діла, хлопці тепер співають на Україні. Отож зо старих книг та з пісень можна довідатися багато, як то терпіли наші невольники від татар та турків. Іноді лукалося, що рідня невольника довідається, де він, і дастъ за нього викуп, тоді невольника одпускали додому. Іноді тих невольників викупали і не рідні люди, а чужі, найчастіше греки, надіючись, що їм вернутъ тій гроші, які вони потратили. А то іноді мінялися бранцями: татари звертали українців, а вкраїнці татар. А то раз іспанці та італійці побідили турків і взяли в бран 130 турецьких галер, полон поділили межи собою, а 15 тисяч християнських невольників одпустили на волю. Як року 1671-го татари пограбували Волинь і Поділля, так вони списали усіх бранців і послали тій списки до поляків, спитатись, чи не викуплять вони кого-небудь, щоб не гнатися з усім ясиром (полоном) до Криму. Недаремне невольницькі думи ось як співають про викуп:

Поклоняється бідний невольник
Із землі турецької, із віри бусурманської
У городи християнські,— до отця, до матусі.
Шо не можеть він їм поклонитися,—
Тілько поклоняється голубонькам сивеньким:
«Ой ти, голубонько сивенький!
Ти далеко літаєш, ти далеко буваєш;
Полети ти в городи християнські,
До отця моего, до матусі.

Сядь, пади на подвір'ї отцевськім,
Жалібненько загуди,
Об моєї пригоди козацької припом'яни:
Нехай отець і матуся
Мою пригоду козацьку знають,
Статки, маєтки збувають,
Великі скарби збирають,—
Головоньку козацьку із тяжкої неволі визволяють!
Бо як стане Чорне море согравати,
То не знатиме отець либонь матір,
У каторгі шукати:
Чи у пристані Козловської,
Чи у городі Цареграді на базарі.
Будуть ушкали, турки-яничари набігати,
За Червоне море у Арабську землю запродати,
Будуть за них срібло, золото, не лічачи,
Сукна дорогі поставами, не мірячи,
За них брати.
Тоді далася бідному невольнику
Тяжка неволя добре знати:
Кайдани руки-ноги позідали,
Сирия сириця до жовті кості
Тіло козацьке проїдала».
То бідні невольники на кров, на тіло поглядали,
Об вірі християнській гадали,
Землю турецьку, віру бусурманську проклинали:
«Ти, земле турецька, віро бусурманська,
Ти еси наповнена сріблом, злотом
І дорогими напитками,
Тільки ж бідному невольнику на світі невільно,
Що бідний невольник у тебе пробуваєть,
Празника Рожства, будь лі Воскресення не знаєть,
Все у неволі проклятої, на каторгі турецької
На Чорнім морі пробувають,
Землю турецьку, віру бусурманську проклинають:
«Ти, земле турецька бусурманська,
Ти, розлуко християнська!
Уже бо ти розлучила не единого за сім літ воиною,
Мужа з женою, брата з сестрою,
Діток маленьких з отцем і маткою.
Визволь, Боже, бідного невольника
На Святому руському берегу.
На край веселий, між народ хрещений!..»

Тяжко мучилися невольники на галерах, але не краща була їхня доля й тоді, як вони зоставалися на роботі по кріпостях, для земляної або якої іншої роботи. Ось що розказують у книгах тодішні люди про ті роботи. Найтяжчі роботи, що у християнських землях роблять лиходії, здаються малими проти того, що терпить багато чесних людей у турецькій неволі. Невольників на ніч запирають у темні кам'яні погреби, а ранком їх виводять на роботу доглядачі, нещадно б'ючи й лаючи. Працюють ці нещасні коло будинків, що буде султан. Доглядачі карають зле за всяку дрібницю, за найменшу недбалість. Вони іноді такі злі, що не дають часу бідному невольникові з'їсти шматок хліба.

Потомлених за день, їх іноді вночі знову тягнуть на нову роботу. А що найгірше, так це те, що їх разом з худобою запрягають у вози. Цих нещасних невольників замикають на ніч у підземні темниці, ліктів у п'ять завдовжки і завширшки і три лікті глибини. Туди спускають їх по мотузяній драбині, потім її приймають і накладають на дірку залізну дошку. На їжу їм дають хунт чорного ячного печива і трошки оліви. Траплялося, що султани вбивали цілі сотні християнського люду або за іграшку, або за те, що їм вони здавалися не дуже роботячими. А коли тих невольників виводять, бувало, на торги, так ведуть їх одного за одним цілими десятками, прикованих один до одного коло ший, і такими десятками продавали з торгу; а ті, що продавали, вигукували, що це невольники свіжі, дурні, тільки що привезені з України.

Часто невольники самі тікали з неволі і верталися додому, але не завжди можна було тес зробити, бо перше діло трудно було утекти з самої неволі, а друге діло, що хоч би й утік, так трудно було так обратися, щоб ніхто з татар не побачив. Як то нелегко було втікати з неволі, можна побачити з кобзарської думи, що розказує про утічку з Азова трьох братів. Вона розказує, що з-під Азова утікали три брати — двоє кінно, а третій пішки. Піший, бачучи, що йому не поспіти за кінними, почав просити їх, щоб вони його підвезли. Тоді вони йому на це сказали так:

«Братіку милий, голубоньку сивий!
Раді б ми тебе між коні узяти,
І буде нас Азовська орда наганяти,
Буде впень сітки, рубати,
І буде нам велику муку завдавати».
І тес промовляли,
Відтіль побігали.

І покинули його йти пішки. Тоді той менший брат доходить до Савур-могили⁹ і тамечки умирає, а умираючи каже:

«Побило мене в полі
Три недолі:
Перва доля безхлібна,
Друга доля безвідна,
Третя доля — що своїх братів рідних не дognав».

Це хоч і дуже гарна дума, та ми не печатаємо її усієї, бо ще єсть такі кобзарі, що її співають. Як хто здіба такого, хай попросить пропсівати.

З того, що говориться у цій думі про безвіддя і безхліб'я, бачимо, як то трудно було через степи тікати з неволі. І через те бранці, хоч не хоч, а мусили заставатися у Криму, а до того ще й догляд був за ними добрий.

Вже сказали ми, що гарні дівчата були в татар та турків найціннішою річчю, вони за ними добре доглядали і у дорозі, як гнали полон до Криму, і дома. Іноді лучалося, що такі дівчата-бранки, змінявши християнську віру на магометанську, робилися жінками великих панів турецьких, а навіть іноді й сultanшами. Так, у султана Сuleймана Першого була жінка Роксолана, попівна з Рогатина у Галичині¹⁰. Вона

верховодила усім царством, підвела султана, що він звелів повбивати своїх родичів і навіть сина свого. А про жінку Османа Другого розказують ось що: її, маленьку, з простого роду, полонили татари і продали турецькому візирові Муратові, а його жінка отдала її одному туркові — Мустафі, а цей одпустив її на волю. Раз якось побачив її султан і дуже у ній закохався, але Мустафа сказав, що не може oddати її султанові за рабиню, бо вже одпустив її на волю, а хіба султан візьме її за жінку. Так воно й сталося, і султан кохав її більше, ніж усіх своїх жінок. Іноді ці бранки забували зовсім свою віру і робилися запеклими бусурманками, ненавиділи християн, як от хоч би ж тая сама Роксолана. А іноді вони усе ж таки пам'ятали про те, що були колись теж християнками і помагали невольникам утікати з неволі, як про те співаветься у думі про Марусю Богуславку:

Що на Чорному морі, на камені біленькому,
Там стояла темниця кам'яна.
Що у тій то темниці пробувало сімсот козаків,
Бідних невольників.
То вже тридцять літ у неволі пробувають,
Божого світу, сонця праведного в вічі собі не видають.
То до їх дівка- branка,
Маруся, попівна Богуславка, приходжає,
Словами промовляє:
«Гей козаки ви, бідні невольники!
Угадайте, що в нашій землі християнській за день тепера?»
Що тоді бідні невольники зачували,
Дівку- branку, Марусю, попівну Богуславку,
По річах пізнавали,
Словами промовляли:
«Гей дівко branко,
Марусю, попівно Богуславко!
Почім ми можем знати,
Що в нашій землі християнській за день тепера?
Що тридцять літ у неволі пробуваєм,
Божого світу, сонця праведного у вічі собі не видаєм.
То ми не можемо знати,
Що в нашій землі християнській за день тепера».
Тоді дівка- branка,
Маруся, попівна Богуславка,
Теє зачуває,
До козаків словами промовляє:
«Ой козаки, ви бідні невольники!
Що сьогодні у нашій землі християнській Великодна субота,
А завтра святий празник, роковий день Великден!»
То тоді ті козаки теє зачували,
Білим лицем до сирої землі припадали,
Дівку- branку, Марусю, попівну Богуславку,
Кляли, проклинали:
«Ta бодай ти, дівко- branко,
Марусю, попівно Богуславко,
Щастя й долі собі не мала,
Як ти нам святий празник, роковий день Великден сказала».
То тоді дівка- branка,
Маруся, попівна Богуславка,

Теє зачувала,
Словами промовляла:
«Ой козаки, ви біднії невольники!
Та не лайте мене, не проклиайте:
Бо як буде наш пан турецький до мечеті від'їжджати,
То буде мені, дівці-бранці,
Марусі, попівні Богуславці,
На руки ключі віддавати:
То буду я до темниці приходжати,
Темницю відмикати,
Вас всіх, бідних невольників, на волю випускати».
То на святий празник, роковий день Великденъ,
Став пан турецький до мечеті від'їжджати,
Став дівці-бранці,
Марусі, попівні Богуславці,
На руки ключі віддавати.
Тоді дівка-бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Добре дбає, до темниці приходжає,
Темницю відмикава,
Всіх козаків, бідних невольників,
На волю випускає
І словами промовляє:
«Ой козаки, ви біднії невольники!
Кажу я вам, добре дбайте,
В городи християнські утікайте;
Тільки прошу я вас, одного города Богуслава не минайтє.
Моєму батьку й матері знати давайте:
Та нехай мій батько добре дбає,
Грунтів, великих маєтків нехай не збуває,
Великих скарбів не збирає,
Та нехай мене, дівки-бранки,
Марусі, попівни Богуславки,
З неволі не викупляє.
Бо вже я потурчилася, побусурманилась,
Для розкоші турецької,
Для лакомства нещасного!»
Ой визволи, Боже, нас всіх, бідних невольників,
З тяжкої неволі, з віри бусурманської,
На ясні зорі, на тихі води,
У край веселій, у мир хрещений!
Вислухай, Боже, у просьбах щиріх,
У нещасних молитвах
Нас, бідних невольників!

Тепер вже добре видно, що терпіли від татар та турків українські люди, яку вони від їх приймали наругу і муку. Потроху і серед наших народились люди, що помстились над татарами і турками за їх наругу і почали боронити вкраїнські хліборобські села і посувати далі на південь сонця татар, а турків проганяти з берегів Чорного моря. Такими людьми були козаки, а що то були за люди і як вони воювали з татарами, про те ми тепер й розкажемо.

Козаками спершу звалися вольні вояки, що своєю охотою ходили у степ за здобиччю, або розбивали чужих, а часом і своїх, або постуپали на службу до якого князя чи царя московського. Були козаки

християнські й татарські. Були цілі села козацькі, особливо на півдні України й Московщини. У землі Рязанській вони здавна держали сторожу на границі. Багаті і вельможні пани на Вкраїні й Білій Русі, що володіли великими ланами на нашій Україні, залюблки підмовляли козаків, щоб укупі обороняти землі свої від татар, ходити самим на татар, одбивати у них полон людський, табуни та іншу здобич. Такі пани робилися ватажками козацькими. Їх, яко вельможних панів, стали знати далеко, і про їх діла позаписувано в літопису. А були й інші ватажки, зовсім не вельможного роду, як славний козак Шах. Найзначнішими з перших ватажків були Ланцкоронський¹¹ і Дмитро Вишневецький — до його потім прикладали пісню про Байду,— Богдан Ружинський, що, кажуть, перший з панів почав ходити у козаки.

Разом з Ланцкоронським поминають і другого отамана козацького, славного лицаря Остапа Дашковича¹², старосту черкаського й канівського. Старостами тоді звалися урядовці, от як би тепер губернатори, тільки вони командували і військом, і судом і мали право карати на смерть у своєму старостві. Дашковича дуже боялись татари, і як кримський хан ішов воювати у Московське царство, так просив короля, щоб він звелів Дашковичеві не займати його. Дашкович служив і польському королеві, і московському цареві, і всюди його добре приймано, бо він був великий вояка, а навіть коли року 1522-го попався він у неволю до татар, так його й звідти випущено. Цей Дашкович перший казав польському королеві і сеймові, або раді виборній з шляхти усього королівства, щоб поставити на Дніпровому низу, за порогами, сторожу з 2000 чоловік, щоб пильнувати татар і не давати їм переправлятися на цей бік. Хоч же тая рада Дашковича дуже вподобалась королю і панам, але вони її якось занедбали, і той замір Дашковича не здійснився. Після Дашковича замір його про сторожу на Дніпрових порогах повів далі князь Дмитро Вишневецький, теж староста черкаський і канівський. Він спорудив на острові Хортиці замок і звідти робив наїзди на Туреччину. Для цих наїздів він іноді сходився з донськими козаками (се вже були не українці, а москалі), що теж воювали проти татар, але не так дуже, як українські. Своїми наїздами Вишневецький так розсердив кримського хана, що він року 1557-го з ордою прийшов добувати Хортиці, але, нічого не вдіявши, завернувся додому. Швидко після того він прийшов під Хортицю знову, вже з турецьким військом, і цього разу Вишневецький не встояв і пішов у Черкаси. Того ж року він перейшов на службу до московського царя Івана Грозного, але як той почав мордувати й різати людей ні за що, ні про що, так Вишневецький вернувся знову на Україну. Скоро після того волохи покликали його до себе господарем; тут у Волошині піймали його турки і замутили у Цареграді. Хоч же Дашковичеві й Вишневецькому не пощастило спорудити козакам місце за порогами, щоб пильнувати татар, але ця їх думка не пропала марно; трохи згодом за порогами знову осіли козаки. Тим козакам, що жили в городах і хотіли воювати з татарами, не можна було цього робити, бо у городах за ними наглядали королів-

ські старости, і вони з вольних ставали наче невольниками. На низу, там, де Дніпро пішов рукавами, у устя Чортомлика, вони спорудили собі пристановище.

На одному з Дніпрових островів козаки стали кошем і з того часу почалась Запорозька Січ. Окрім самого Дніпра, цей острів з лівого, татарського, боку боронили степова річка Конка і Великий Луг — невилазне болото. Таким способом піше військо ніяк не могло дійти до Січі. А від турецьких галер боронили її Дніпрові рукави, бо по їх берегах ріс тоді високий очерет. Розказують, що якось турецькі галери, женучись за козацькими човнами, заблудили у тих очеретах і козаки тоді багато з них потопили; з того часу турки вже ніколи не їздили у Дніпро до Січі. А від України, чи то від городів, Січ боронили високі пороги, бо через їх уміли плавати самі тільки запорожці.

У Січі запорожці жили без жінок. За те, що хто-небудь заведе у Січ жінку, рубали тому козакові голову. Найважніше діло в козаків у Січі було воювати з татарами за віру і народ християнський. Збираючись у похід проти турків або татар, запорожці закликали до себе людей з України, кажучи їм: «Хто хоче за християнську віру на кілку сидіти, хто за святий хрест радий щоб його четвертовано і колесовано, хто готовий прийняти усякі муки і не боїться смерті,— приставай у козацтво. Не треба смерті лякатися, бо від неї не встережешся. Таке життя козаче!» Не величалися запорожці родом. Сам отаман запорозький, після того, як на його місце обирали іншого, робився знову простим козаком. У Січ можна було приїхати кожного часу і од'ехати з Січі коли хто хотів. Не розпитували у Січі, хто і звідки приїхав, який чоловік, чи злодій, душогубець, а чи чесний козак, чи великий пан. А у самій Січі за злодійство (як украде) карали на смерть, а коли хто вб'є товариша, так того живцем, разом з убитим, закопували у землю. Ляхи не любили козаків; козаки були люди вольні, жили далеко від королівського уряду, не слухали королівського приказу, як король часом забороняє їм битися з татарами, щоб не дратувати татар і не доводити їх до війни з Польщею. Але королям треба було козаків для війни з москалями або з турками, і через те вони не одважувались скасувати козацтво тоді ще, як козаків було небагато; та небагато було ще й панів на Україні, і поспільство (простий народ) ще не так-то хотіло стати козаками, щоб вибитися з невольної служби панам. А далі, коли розвелось на Україні багато козаків, так знищити їх було вже не можна. А через те, що на низу їх не могла дістати королівська рука, вони могли собі робити, що хотіли, і, не зважаючи на прикази від короля не займати татар, вони не могли втерпіти, щоб не побити ворогів, бо й татари самі не зважали на те, чи мир, чи війна стоїть з королем на папері, а коли було їм треба, то набігали на Вкраїну за здобиччю. Запорожці нападали на татар і турків сухопуттям і водою. Запорожжя зробилось школою, де вчилися лицарі прості і вельможні, як воювати з нехристями. Ось що казав про них ляхам один лядський пан: «Не думайте, щоб я до них підлизувався, я ще у тому kraю живу

не дуже давно, і не у ньому зріс, але я раз побачив їхні добре діла, і діла ті варти того, щоб пам'ятати їх навіки. Щоб ви знали, вони не один раз на рік ганяють татар. Вони боронять усіх християн, наче ті леви». І багато ще дечого гарного каже він про запорожців.

А запорожці дедалі, то все робилися сміливіші і вже не вдовольнялися з оборони від татар, але самі почали ходити проти них походами. Вже ми казали, як набігав на татар Богдан Ружинський або Дмитро Вишневецький сухопуттю; трохи опісля стали нападати на татар і турків водою на своїх чайках (це такі велики дуже човни були). Днище тих чайок робили вони з видовбаної верби або з липи, а до них накладали дошки від двох до восьми сажнів заввишки. Чайки були без чардака, з двома стернами і з щоглою. По боках їх обкладали липовою корою або очеретом, щоб вони не потопали, коли у човен набереться води. На цих чайках їздили козаки по здобич аж у Туреччину і не один раз показувалися коло самого Цареграду. Так ось року 1594-го козаки напали на турецькі оселі під самою столицею турецького султана. Про це діло розказують ось що: «Козаки явилися на ста п'ятдесятьох довгих чайках, на яких було по 10 весел з кожного боку і, окрім гребців, по п'ятдесят чоловік добре споряджених з рушницями і шаблями. Проти них з Цареграду вислано 500 великих і малих суден; 10 000 людей побігло берегами до Босфору, тій протоки, що над нею стоїть Цареград, щоб оборонити його від козаків. Уесь день тихо простояли козаки і ввечері повернули у Чорне море з великою здобиччю». Про те, як нападали козаки на турків, розказують ось що: «Запорожці пускаються на море найбільше восени. У кожну чайку сідало чоловік 50 або 70 з усяким припасом. Коли вони, бувало, стрінуть турецьку галеру, або корабель, так вони робили так: спускали щоглу і заїздили так, щоб сонце заходило їм за спину. Через те, що чайки невисоко стояли над водою, їх і не видно було на морі. За одну годину до заходу сонця підходили вони на милю до турецького корабля, щоб не згубити його з очей, а опівночі нападали на бусурманів і потопляли корабель разом з людьми. У день козаки на чайках не могли нічого вдіяти туркам, бо турки гарматами розбивали і топили їх чайки. А іноді бувало так, що наздожене козаків більша сила і що поб'є, а решту забере у неволю. Так попавсь у неволю запорозький отаман Самійло Кішка і довго сидів у неволі, аж поки довелось йому утекти. Про цього Кішку співали дотепні кобзарі таку думу:

Ой із города із Трапезонта виступала галера,
Трьома цвітами процвітана, мальована.
Ой первим цвітом процвітана —
Златосиніми киндяками побивана;
А другим цвітом процвітана —
Гарматами арештована;
Третім цвітом процвітана —
Турецькою білою габою покровена.
То в тій галері Алкан-баша,
Трапезонське княжа, гуляє;
Ізбраного люду собі має:

Сімсот турків, яничар чотириста,
Та бідного невольника півчвартаста,
Без старшини військової.
Первий старший між ними пробуває
Кішка Самійло, гетьман запорозький;
Другий — Марко Рудий, суддя військовий;
Третій — Мусій Грач, військовий трубач;
Четвертий — лях-потурнак,
Ключник галерський, сотник переяславський,
Недовірок християнський,
Що був тридцять літ у неволі,
Двадцять чотири як став на волі,
Потурчився, побусурманився,
Для панства великого,
Для лакомства нещасного.
В тій галері од пристані далеко відпускали,
Чорним морем далеко гуляли,
Проти Кефи-города приставали,
Там собі великий та довгий опочинок мали.
То представиться Алкану-башаті,
Трапезонському княжаті, молодому паняті,
Сон дивен, барзо дивен на прочудо.
То Алкан-баша, трапезонське княжа,
На турків-яничар, на бідних невольників покликає:
«Турки, каже, турки-яничари,
І ви, бідні невольники!
Котория би міг турчин-яничар сей сон одгадати,
Міг би йому три гради турецькії дарувати;
А котрий би міг бідний невольник одгадати,
Міг би йому листи визволені писати,
Щоб не міг ніхто ніде зачіпати».
Сеє турки зачували, нічого не сказали;
Бідні невольники, хоч добре знали,
Собі промовчали.
Тільки обізветься між турків лях-потурнак,
Ключник галерський, сотник переяславський,
Недовірок християнський:
«Як же, каже, Алкане-башо, твій сон одгадати,
Що ти не хочеш нам повідати?»
«Такий мені, небожата, сон приснився,
Бодай ніколи не явився!
Видиться: моя галера цвіткова, мальована,
Стала вся обідрана, на пожар іспускана;
. Видиться: мої турки-яничари
Стали всі впень порубані;
А видиться: мої бідні невольники,
Которії були у неволі, то всі стали по волі;
Видиться: мене гетьман Кішка
На три часті розтяв,
У Чорнеє море пометав...»
То скоро теє лях-потурнак зачував,
К йому словами промовляв:
«Алкане-башо, трапезонський княжату,
Молодий паняту!
Сей тобі сон не буде нітрохи зачіпати;
Скажи мені получче бідного невольника доглядати,

З ряду до ряду сажати,
По два, по три, старій кайдани і новії ісправляти,
На руки, на ноги надівати;
Червоної таволги по два дубці брати,
По шиях затинати,
Кров християнську на землю проливати!»
Скоро то сеє зачували,
Од пристані галеру далеко відпускали;
До города до Козлова,
До дівки Санджаківни на зальоти поспішали.
То до города Козлова прибували,—
Дівка Санджаківна на стрічу виходжає,
Алкан-башу в город Козлов зо всім військом затягає.
Алкан-башу за білу руку брала,
У світлиці-кам'яниці зазивала,
За білу скамню сажала,
Дорогими напитками напувала,
А військо серед ринку сажала.
То Алкан-баша, трапезонське княжа,
Не барзо дорогії напитки уживає,
Як до галери двох турчинів на підслухи посилає:
Щоб не міг лях-потурнак Кішки Самійла одмикати,
Упоруч себе сажати.
То скоро ся тії два турчини до галери прибували.
То Кішка Самійло, гетьман запорозький,
Словами промовляє:
«Ой ляше-потурначе, брате старесенький!
Колись і ти був у такій неволі, як ми тепера:
Добро нам учини,
Хоч нас, старшину, відомкни;
Хай би і ми у городі побували,
Панське весілля добре знали».
Каже лях-потурнак:
«Ой Кішко Самійлу, гетьмане запорозький,
Батьку козацький!
Добро ти вчини:
Віру християнську під нозі підтопчи,
Хрест на собі поламни.
А ще будеш віру християнську під нозі топтати,
Будеш у нашого пана молодого за рідного брата пробувати».
То скоро Кішка Самійло тес зачував,
Словами промовляв:
«Ой ляше-потурначе, сотнику Переяславський,
Недовірку християнський!
Бодай же ти того не діждав,
Шоб я віру християнську під нозі топтав!
Хоч буду до смерті біду та неволю приймати,
А буду в землі козацькій голову християнську покладати.
Ваша віра погана, земля проклята».
Скоро лях-потурнак тес зачуває,
Кішку Самійла у щоку затинає.
«Ой, каже, Кішко Самійлу, гетьмане запорозький!
Будеш ти мене в вірі християнській укоряти,
Буду тебе паче всіх невольників доглядати,
Старій і новій кайдани направляти,
Ланцюгами за поперек утроє буду тебе брати».
То тії два турчини тес зачували,

До Алкан-баші прибували:
«Алкане-башо, трапезонське княжа!
Безпечно гуляй!
Доброго і вірного ключника маєш:
Кішку Самійла в щоку затинає,
В турецьку віру ввертає».
То Алкан-баша, трапезонське княжа,
Великую радість мало,
Пополам дорогі напитки розділяло:
Половину на галеру одсидало,
Половину з дівкою Санджаківою уживало.
Став лях-потурнак дорогії напитки пити-підпивати,
Стали умисли козацьку голову ключника розбивати:
«Господи! єсть у мене що іспити і ісходити,
Тільки ні з ким об вірі християнській поговорити...»
До Кішки Самійла прибуває,
Поруч себе саджає,
Дорогого напитка метає,
По два, по три кубки в руки наливає.
То Кішка Самійло по два, по три кубки в руки брав,
То в рукава, то в пазуху, крізь хусту третю додолу пускав.
Лях-потурнак по единому випивав,
То так напився, що з ніг звалився.
То Кішка Самійло та й угадав:
Ляха-потурнака до ліжка вмісто дитини спати клав;
Сам вісімдесят чотири ключі з-під голів виймав,
На п'яти чоловік по ключу давав;
«Козаки панове! добре дбайте:
Один другого одмикайте,
Кайдани із рук, із ніг не скидайте,
Полуночної години дожидайте».
Тоді козаки один другого одмикали,
Кайдани із рук, із ніг не скидали,
Полуночної години дожидали.
А Кішка Самійло чогось догадав,
За бідного невольника ланцюгами втроє себе прийняв,
Полуночної години дожидав.
Стала полуночна година наступати,
Став Алкан-баша з військом до галери прибувати.
То до галери прибував, словами промовляв:
«Ви, турки-яничари, помаленьку ячіте,
Мойого вірного ключника не збудіте;
Самі ж добре поміж рядами проходжайте,
Всякого чоловіка осмотряйте,
Бо тепера він підгуляв,
Щоб кому пільги не дав».
То турки-яничари свічі у руки брали,
Поміж рядів проходжали,
Всякого чоловіка осмотряли...
Бог поміг: за замок руками не приймали!
«Алкане-башо, безпечно почивай:
Доброго і вірного ключника маєш:
Він бідного невольника з ряду до ряду посажав,
По три, по два, старій кайдани посправляв;
А Кішку Самійла ланцюгами утроє прийняв.
Тогді турки-яничари у галеру входжали,
Безпечно спати лягали,

А котрії хмельні бували, на сон знемагали,
Коло пристані Козловської спати полягали.
Тоді Кішка Самійло полуночної години дождав,
Сам між козаків устав,
Кайдани із рук, із ніг у Чорне море пороняв;
У галеру входжає, козаків пробужає,
Шаблі булатнії на вибір вибирає,
До козаків промовляє:
«Ви, панове молодці, кайданами не стучіте,
Ясини не вчиніте,
Ні которого турчина в галері не збудіте!..»
То козаки добре зачували:
Самі з себе кайдани скидали,
У Чорне море метали,
Ясини не вчинили,
Ні одного турчина в галері не збудили.
Тоді Кішка Самійло до козаків промовляє:
«Ви, козаки молодці, добре, браття, дбайте:
Од города Козлова забігайте,
Турків-яничарів упень рубайте,
Которих живцем у Чорне море метайте!»
Тоді козаки од города Козлова забігали,
Турків-яничарів упень рубали,
Которих живцем у Чорне море метали.
А Кішка Самійло Алкан-башу із ліжка взяв,
На три часті розтя, у Чорне море пометав,
До козаків промовляє:
«Панове молодці! добре дбайте:
Всіх у Чорне море метайте,
Тільки ляха-потурнака не рубайте,—
Міждо військом для порядку, за яризу військового, зоставляйте».
Тоді козаки добре дбали:
Всіх турків у Чорне море пометали,
Тільки ляха-потурнака не зрубали,—
Міждо військом для порядку, за яризу військового, зоставляли.
Тоді галеру од пристані одпускали,
Самі Чорним морем далеко гуляли.
Ta ще у неділю, барзо рано-поранен'ку,
Не сива зозуля закувала,
Як дівка Санджаківна коло пристані походжала
Ta білі руки ламала, словами промовляла:
«Алкан-башо, трапезонське княжату!
Нащо ти на мене такеє великеє пересердіє маєш,
Що од мене сьогодні барзо рано віїжджаєш?
Коли б була од матері
Сорома і наруги прийняла,
З тобою хоч єдину ніч переночувала!»
Скоро ся тое промовляли,
Галеру од пристані одпускали,
Самі Чорним морем далеко гуляли.
А ще у неділен'ку, у полуденну годинон'ку,
Лях-потурнак од сна пробуждає,
По галері поглядає, що ні единого турчина на галері немає.
Тоді лях-потурнак із ліжка вставає,
До Кішки Самійла прибуває, у ноги впадає:
«Ой, Кішко Самійлу, гетьмане запорозький,
Батьку козацький!

Не будь же ти на мене,
Як я був на останці мого віку до тебе!
Бог тобі допоміг неприятеля побідити,
Та не вмітимеш у землю християнську входити!
Добре ти вчини:
Половину козаків у окови до опачин посади,
А половину у турецькеє дорогеє плаття наряди:
Бо ще будемо од города Козлова до города Цареграда гуляти,
Будуть із города Цареграда дванадцять галер вибігати,
Будуть Алкан-башу з дівкою Санджаківною
По зальотах поздоровляти;
То як будеш одвіт давати?..
Як лях-потурнак научив,
Так Кішка Самійло, гетьман запорозький, учинив:
Половину козаків до опачин у окови посадив,
А половину у турецькеє дорогеє плаття нарядив.
Стали од города Козлова до города Цареграда гуляти,
Стали із Цареграда дванадцять галер вибігати
І гарлу із гармати торкати,
Стали Алкан-башу з дівкою Санджаківною
По зальотах поздоровляти.
То лях-потурнак чогось догадав:
Сам на чердак виступав,
Турецьким біленьким завивалом махав;
Раз то мовить по-грецьки,
У друге по-турецьки,
Каже: «Ви, турки-яничари, помаленьку, браття, ячіте,
Од гарлери одверніте:
Бо тепера він підгуляв, на упокої почиває,
На похмілля знемагає,
До вас не встане, голови не зведе.
Казав: як буду назад гуляти,
То не буду вашії милості й повік забувати».
Тоді турки-яничари од гарлери одвертали,
До города Цареграда убігали,
Із дванадцяти штук гармат грімали,
Ясусу возвращавали.
Тоді козаки собі добре дбали:
Сім штук гармат собі арештували,
Ясусу возвращавали,
На Лиман-ріку іспадали,
К Дніпру-Славуті низенько укланяли:
«Хвалим тя, Господи, і благодарим!
Були п'ятдесят чотири роки у неволі,
А тепера чи не дасть нам Бог хоть час по волі!»
А у Тендрові острові Семен Скалоуб
З військом на заставі стояв
Та на тую гарлу поглядав,
До козаків словами промовляв:
«Козаки, панове молодці що сяя гарлера: чи блудить,
Чи світом нудить,
Чи много люду козацького має,
Чи за великою здобиччю ганяє?
То ви добре дбайте:
По дві штук гармат набивайте,
Тую гарлу з грізної гармати привітайте,
Гостинця їй дайте».

Тогді козаки теє зачували,
До його промовляли:
«Семене Скалоузебе, гетьмане запорозький,
Батьку козацький!
Десь ти сам бойшся
І нас, козаків, страмишся:
Єсть сяя галера не блудить,
Ні світом нудить,
Ні много люду козацького має,
Ні за великою здобиччю ганяє;
Се, може, є давній, бідний невольник із неволі утікає...»
То Семен Скалоузуб теє зачуває,
До козаків промовляє:
«А ви таки віри не доймайте,
Хоч по дві гармати набивайте,
Тую галеру із грізної гармати привітайте,
Гостинця їй дайте.
Як турки-яничари, то упень рубайте,
А як бідний невольник, то помочі дайте!»
Тогді козаки, як діти, не гаразд починали:
По дві штуки гармат набивали,
Тую галеру із грізної гармати привітали,
Три дошки у судні вибивали,
Води Дніпрової напускали...
Тогді Кішка Самійло, гетьман запорозький,
Чогось догадав,
Сам на чердак виступав,
Червоній, хрещатій, давній корогви із кишені виймав,
Розпустив, до води похилив,
Сам низенько уклонив:
«Козаки, панове молодці! сяя галера не блудить,
Ні світом нудить,
Ні много люду козацького має,
Ні за великою здобиччю ганяє:
Се єсть давній бідний невольник,
Кішка Самійло, із неволі утікає.
Були п'ятдесят чотири годи у неволі,
Тепер чи не дастъ Бог хоч час по волі!»
Тогді козаки у каюки скакали,
Тую галеру за мальовані облавки брали
Та на пристань стягали,
Од дуба до дуба
На Семена Скалоузуба
Паювали,
Тую галеру та на пристань стягали.
Тогді: златосині кіндяки — на козаки,
Злотоглави на отамани,
Турецьку білу габу — на козаки на біляки;
А галеру на пожар спускали.
А срібло-золото на три часті паювали:
Первую часть брали, на церкви накладали:
На святого Межигорського Спаса,
На Трехтемировський монастир,
На святую Січову Покрову давали,
Которі давнім козацьким скарбом будували,
Щоб за їх, вставаючи й лягаючи,
Милосердного Бога благали;

А другую частину поміж себе паювали;
А третю частину брали,
Очертами сідали, пили та гуляли,
Із семип'ядних пищалей гримали;
Кішку Самійла поздоровляли:
«Здоров,— кажуть,— здоров, Кішко Самійлу,
Гетьмане запорозький!
Не загинув єси у неволі,
Не загинеш із нами, козаками, по волі!»
Правда, панове, полягла
Кішки Самійла голова
В Київо-Каневі монастирі...
Слава не вмре, не поляже!
Буде слава славна
Поміж козаками,
Поміж друзями,
Поміж лицарями,
Поміж добрими молодцями.
Утверди, Боже, народу християнського,
Війська запорозького
З усією чернью Дніпрововою,
Низовою
На многая літа,
До кінця віка!

По старих книгах не видно, щоб Кішка був у неволі 50 год, а так год з двадцять п'ять. Року 1602-го він умер у поході з ляхами проти шведів. З думи про Кішку видно, що вже за його часу наші не так то боялись татар і турків, як колись. Козаків уже намножилося, і українці почали вже таки собі в голові держати, щоб не тільки свою землю від татар та турків обороняти, але вкупі з сусідами християнами зовсім Крим од татар одняти, турків од берега Чорного моря, та й від самого Дунаю, прогнати. Почули про українських козаків і далекі народи та царі, що теж од турків зазнавали лиха, ось як венгри та й німці цісарські. Сам цісар прислав на Запорожжя посланця прохати козаків, щоб, коли турки підуть на Венгрію, то щоб козаки вдарили на них іззаду на Дунаї.

Ми вже згадували про Дмитра Вишневецького, як він року 1564-го ходив у Молдавщину, щоб помогти тамошнім християнам од турків. Трохи згодом, р. 1574-го, ходив у Молдавщину з українськими шляхтичами і козаками Іван Свірковський. Тільки молдавські пани, бояре, не за одно стояли: завжди між ними були зрадники, що держали за турків для своєї користі, аби гроши та землі собі захоплювати. І польський уряд не дуже радий був з того, щоб козаки зовсім узяли гору над магометанами та ще й порядкували такими землями, як Молдавщина, бо тоді козаки зовсім би перестали слухатися польського уряду. Та Польща була далеко від татар та турків. До щиро польських земель рідко й діставали татари, не те що до українських. Полякам не дуже хотілося зчинати з татарами й турками велику війну, щоб вигнати магометан од Чорного моря та од Дунаю, хоч часом і у Польщі багато

розказувано про те, як би усім християнським народам стати вкупі та вигнати турок з земель християнських.

Утративши надію на Польщу, козаки українські стали оглядатись на Московщину. Вони сподівались, що царі московські одної віри з українцями, швидше стануть з ними вкупі проти турок і татар. З такою надією Дмитро Вишневецький удавався до Івана Грозного, царя московського. Тільки нічого з того не вийшло. Москва була однакова для кримських татар, як і Польща. Приходилося українцям самим спрямлятися з татарами та з турками. Що б воно далі було, хто його зна. Тільки саме тоді якраз, як українці знову просунулись близько до Чорного моря і стали побивати татар та турків, на самій Україні знялася бійка поміж православними та католиками, поміж українцями та поляками, поміж козаками та шляхтою, поміж посполитими людьми та панами.

У ті часи не тільки магометани вважали християн, а християни магометан за нечисть та погань таку, що не гріх її й бити, а самі християни проміж себе ненавиділи одні одних, як тільки хто хоть трохи не так у церкві служив або не так про віру думав. Усякий хотів силою чи хитростю привернути другого до своєї віри, до своєї служби церковної. До нас віра християнська прийшла від греків, правиться в церквах по старих болгарських книгах, попи жонаті, причастя дається з хліба та з вина, про Духа Святого вчать, що він ісходить од Отця, а у Польщі віра Христова прийшла від латинців, чи римлян, правиться служба латинською мовою, причащаються миряни самим хлібом, а тільки попи хлібом та вином, попи не женяться, про Духа Святого вчать, що він ісходить од Отця і Сина. А до того скрізь, де віра подібна до грецької, от як у Єрусалимі, Сірії, в Єгипті, у греків, у сербів і у нас, у кожній землі найстарший церковний уряд свій — чи то митрополит, чи патріарх, чи, як тепер у Росії, синод або рада митрополитів та архієреїв. А там, де віра римська — у італійців, французів, іспанців, поляків, — над усіма архієреями, митрополитами та патріархами за найстаршого — патріарх римський, що звуть його *papa*, батько. Років триста п'ятдесят тому назад стали у Німеччині, Франції та й у Польщі багато людей од римської віри одвертатись, та не тільки папи, а й архієреїв, а то й попів не признавати. Тоді польські бискупи та ченці, а особливо *езуїти*, ті, що присягали усякими способами папську силу боронити і збільшувати, задумали повернути наших українських людей у римську віру і придумали з деякими нашими архієреями року 1595-го унію¹³, або спілку з римською вірою, цебто: хай служба в наших церквах зостанеться, як і була, а тільки щоб і над українськими попами та архієреями був старшим папа. От через цю унію пішла сварка та різанина між попами й панами, православними та уніатами — між такими ж міщенами, а далі й селяни стали підніматися против унії.

Коло цього ж часу король польський Степан Баторій, чи Батур, побачивши, що вже дуже багато козаків стало на Україні, придумав

таке: одділити з них шість тисяч, записати їх у леєстр ¹⁴ і цим лейстро-вим козакам дати таке право, як і панам, по-тодішньому шляхтичам, щоб вони були вольні і приходили на земські ради, або сейми, вибирали собі на радах гетьмана. А всі нелейстрові козаки, то мусили слухати старост та панів, як поспільство, якщо який пан отримав од короля землю, де жили козаки. Старинна шляхта не хотіла рівнятися з лейстровими козаками, а нелейстрові козаки не хотіли перестати бути козаками. До того тоді багато вже панів позабирало від короля подарком землі і повертали селян у кріпаки. Понавозили з собою жидів, а жиди позаорендовували річки, перевози, шинки, церкви та брали за все мито-промито. Селяни цього не хотіли і приставали до козаків, а козаки бунтувалися проти шляхти та короля, а православні духовні та деякі православні пани просили козаків, щоб помогли боронити віру проти уніатів та католиків, що однімали церкви, не давали настановляти попів і всяку шкоду православним чинили.

З цього усього піднялась різанина та безладя по всій нашій землі, і кілоєсь усе це більш як шістдесят років. Козаки, щоб стати проти панів і польського війська, прикликали до себе татар, а татарам то було й добре: вони забирали полон і з наших, і з поляків. Тоді гетьман козацький Богдан Хмельницький і все військо козацьке зробили раду у Переяславі року 1654-го і піддалися цареві «восточному, православному, московському». Поляки не хотіли втратити нашої землі. Піднялась велика війна між поляками та українцями і москалями, а татари стали помагати полякам і гуляли по Україні. Старшина козацька стала думати, як би собі стати дуками-багачами та панами над «голотою», як то в пісні співається, стала собі землі забирати та випрохувати у царя московського або вмовлятися з поляками, щоб знову Україну під Польщу повернути та щоб панами стати такими, як були польські пани. Од цього усього з'явились сварки та недовір у козацьких полковників поміж собою, значними козаками і простими, поміж козаками та міщенами і селянами. Як умер Богдан Хмельницький, то бувало часами у козаків по два, по три гетьмани, та кожний писав один на одного доноси та ябеди в Москву, а часами і в Москву і в Варшаву заразом, і цареві з боярами, і королеві з панами.

До того московські воєводи хотіли порядкувати на Україні, як у себе, не вважали на вольності козацькі, а царь боявсь, щоб Україна знов не одійшла до поляків. Та й польські пани збивали московських воєвод і бояр, обіцяючи, що як умре тодішній король, то виберуть королем царя московського, то тоді однаково Україна буде його. Далі так рішили з Україною, щоб поділити її між Польщею та Московським царством, щоб Польщі дістався правий бік Дніпра, а Москві — лівий та на кілька років Київ.

Поки так сперечались та різались українці та поляки і москалі, то, звісно, татарам було добре встравати в ці сварки та забирати полон з усіх. А як польські пани та московський цар поділили Україну, то правобічний гетьман Дорошенко ¹⁵, той, що про його в пісні співається:

«веде своє військо хорошенсько», піддавсь туркам, тільки щоб знову зібрати докупи всю Україну. Сам султан року 1672-го з великим військом прийшов на Україну, забрав собі Подільську землю¹⁶. Остаток правобічної України, те що тепер Київщина, польський уряд признав за Дорошенковими козаками, а всні мусили бути підданими султанові. Стало тепер три гетьмані козацьких: підданий московський Самойлович по лівий бік Дніпра та двоє по правий бік: підданий польський Ханенко та підданий турецький Дорошенко. Поки вони сперечалися про між себе, татари та турки грабували Україну, а далі хоть Ханенко й Дорошенко зложили з себе гетьманство, після того як козаки на раді у Переяславі вибрали Самойловича¹⁷ гетьманом обох боків Дніпра, та Самойлович і московський воєвода Ромодановський¹⁸ не вміли та й не хотіли рятувати од турок правобічну Україну. Вони не дали помочі, як турки розоряли Чигирин, колишнє важніше місто козацьке, а далі гетьман та воєвода сковались на лівий берег Дніпра. А на правім боці ще десять років турки билися з поляками за те, кому ця Україна дістанеться, поки вона зовсім спорожніла. З цих часів у краях чигиринських зосталася дуже цікава пісня про попівну з містечка Ведмедівки. У Ведмедівці один чоловік розказував так: «Орда, як ішла, то люди хovalись у замок, і під землею були такі ходи, що ними до води добиралися. Там довго вони жили, поки орда піймала чоловіка, і той мусив ім показати, куди ввійти ім до брами. А там була попівна, которая не пускала їх у замок, аж поки вони її подужали й закололи, а людей порубали. Тітку моєї баби у Цареград з дочкою узяли. Вона потім утекла відтіля, а дочка там зосталася і заміж вийшла. Про цю попівну в нас співають:

Славний город Ведмедівка
Всіма сторонами,
Та не много жило людей
Ta за ворогами.
На святую Пречистую
В усі дзвони дзвонянь.
I старії, i малії
У голос голосять:
«Вийдіть, вийдіть, ведмедівці,
Проти орди з хлібом».

А попівна каже:

«Ой не будемо проклятим,
Не будемо коритися!
Есть у нас ясне оружя,
Будемо боронитися!»
Ведмедівська попівна
Голос учинила —
Сімсот турок-яничар
З коней повалила.

Тільки те не помоглось. Турки усе-таки

I старій й молодії
Кіньми збрачували,
А молоду челядоньку
У полон забрали.

У ці часи правобічна Україна зовсім зробилася пустою, дуже спустошена була й Волинь. І самі турки побачили, що навіть і змагатися за порожню землю не стойти. 1681 року помирились турки з москалями на тому, що Київ з розореними городами Васильковом, Трипіллям та Стайками був цареві московському, а од Києва до Запорожжя по обидва боки Дніпра щоб городів нікому не будувати. Через п'ять років і поляки зробили мир з Москвою¹⁹, щоб Біла Церква, Паволоч і Немирів були за Польщею, а ті краї, де були городи Ржищів, Трахтемирів, Канів, Черкаси, Крилов, Чигирин,— щоб були навіки порожні. Так зроблено пустиню між трьома державами: Польщею, Москвою та Турцією з того краю, де ще за Богдана Хмельницького було шістнадцять козачих полків, де тепер знову живе так багато народу. Як згадаєш, що таке робилось у нашім краї двісті років назад!

Однаке і Московська держава, коли вже за нею зосталась хоч лівобічна Україна-Гетьманщина та Запорожжя, мусила піти тим же шляхом проти татар, яким хотів вести її Дмитро Вишневецький, або терпіти, щоб татари її краї пустошили.

У 1686 році в одному царському указі говорилося вже, що татари нівідкіля стільки не беруть невольників, як з України та з інших крайніх земель царських, та продають їх, мов скот.

Року 1687-го московський воєвода Голицин з великим військом московським та українським козацьким пішли на Крим. Це той самий Голицин, що про його згадується в пісні, мовбите од козака-дорощенківця:

Ой служив я царю бусурману,
А тепера буду служити восточному царю.
А восточний цар не діймає віри:
Посилає Голицина, щоб не було зміни.

Похваляється далі козак у цій пісні, що буде туркові «з душою розлука», та тільки мало біди наростили туркам Голицину та наші козаки. Вони мусили вертатись, бо татари випалили степи і коням нічого було їсти. Голицин став казати, начебто гетьман козацький Іван Самойлович з недовіру до поляків та москалів, боячись, що як поб'ють татар, то й козаків не повернули б у кріпаки, звістив татар про похід. Цього ж нічого й не було, а то видумали «донощики» з старшини козацької, щоб скинути Самойловича та самим на його місце стати, а Голицину і на руку було звернути свою невдачу на кого іншого. Самойловича одвезено у Московщину і гетьманом на Україні став Іван Мазепа.

Через два роки Голицин знов пішов на Крим, бо тепер, окрім Польщі, ще й цісар, і патріарх цареградський, і господар молдавський просили, щоб московські царі помогли християнам визволитися од магометан. Голицин дійшов до Перекопу, та побоявся вступити у безводну частину Криму і вернувсь назад. А поляки не могли багато дати помочі проти татар та турків, бо далеко було їм через безлюдну право-бічну Україну.

Приходилось ждати, пока знову потроху наповняться степи українськими людьми. На правобічній Україні і справді знову з'явилися козаки. Старший між ними став звісний лицар Семен Палій, що про його багато пісень та казок розказують. Оселився він на захід від Києва у Фастові та в Білій Церкві. До його у козаки стало тікати багато людей од польських панів з Волині та з Полісся, та й з Гетьманщини, де за часи Мазепи козацька старшина зовсім стала на панів перевертатись та кріпацькі роботи на посполитих людей і простих козаків нахиляти. Палій клопотавсь, щоб московський цар прийняв до себе і правобічну Україну, та щоб укупі однімати землю вкраїнську від польських панів та боронити від татар та турків. Та цар московський Петро тоді усі думки повертає на те, щоб здобути од шведів берег Балтійського моря, де тепер Петербург, і зовсім не туди його думка була повернена, куди Палій його кликав. А до того Мазепа боявся, що як будуть укупі козаки правобічні і лівобічні, то скинуть його з гетьманства за його панство і виберуть Палія. Він набрехав цареві на Палія, заманив Палія до себе та й одіслав його в Сибір. Козацтво навіки пропало на правім боці Дніпра, і хоч потроху край цей заселився, та тільки не вольними людьми, бо порожні землі позабирали польські пани, накликали сюди людей, обіцяючи їм свободи на строк, а після строку повернули потроху у кріпацтво. А цар Петро дуже руйнував українців тяжкими роботами, далекими походами та іншим. Мазепа²⁰ зійшовся з шведським королем Карлом 12-м та з паном Лещинським, що Карл поставив у Польщі королем, і приклікав Карла на Україну, щоб воювати царя Петра. Тоді цар Петро випустив Палія з Сибіру, а з козаків мало хто згодився помагати Мазепі, бо прості козаки його не любили. Під Полтавою Петро та Палій звоювали шведів та Мазепу. Карл та Мазепа втекли до турків. Прийшлося Петрові воювати і з турками, що хотіли оступитися за Карла. Цар Петро зрозумів, яка користь була б для його держави, якби можна було і на Чорному морі мати свої городи, робити кораблі, торгувати та знатися з більше вченими людьми італійцями та французами, так, як він з Петербургу зневажався з голландцями та англійцями. Він був здобув од турків Азов, та з Азова ще не можна було руським просто у Чорне море вийздити, бо Азовське море — сага Чорного, а обидва боки протоки, що веде з Азовського моря в Чорне, були у татар та турків. Цар Петро задумав забрати ті береги, де було козаки б'ються з турками, на захід від Криму, коло Очакова та гирла Дунайського. Та й молдавани запрохували Петра до себе, як було Дмитра Вишневецького та Свірговського. Петро й пішов був року 1711-го у Молдавію, та тут і виявилось, яке добро було б йому, якби правобічна Україна не була порожня, а була б людна, оселена вольними козаками, звичними до війни з турками. Петрове військо облягли турки, і сам він насили вирятувавсь і зрікся Азова і степів на правім боці Дніпра. Не скоро, потроху ці степи одійшли до російського царства, за шістдесят років од Петра до Катерини Другої. Ще років сто тому назад не можна було небоязко чумакам нашим і в Крим по сіль

та рибу поїхати. В одній чумацькій пісні, що співають по всій Україні, розказується, що

В неділеньку рано-пораненську,
Як стало світати,
Стала орда вся чорная
З-під моря вставати.
Стали німці компанійці
Чумака збивати:
«Годі, годі, чумаченьки,
В Криму солі брати!
Запрягайте вози, воли —
За башту втікайтесь!»

Тобто за Перекопську башту.

Ой котрі чумаченьки
Теє зачували,
Запрягали воли, вози,
Ще й солі набрали;
А котрі чумаченьки
Того не чували,
Вони ж в тому превражому
Криму за скотом пропали.

А в ті часи вже й військо царське стояло недалеко з генералом князем Довгоруким²¹. От і в пісні дальше співається:

«Ой хвалився Довгорук,
Що не здійме орда рук,—
Орда руки ізняла,
Чумаченьків заняла...»

Одних орда зайняла та погнала у неволю, а других порізала; прибігли запорожці рятувати чумаків, аж бачать:

Ой там лежать чумаченьки
Де три, де чотири.
Ой лежать наші чумаченьки,
Як в'яла риба,
На них плаття і одежда
Кров'ю окипіла.

Таке то діяла з нашим людом орда ще сто років назад! А з другими ж народами, що живуть далеко од степів азіатських, з німцями, французами, англійцями, італійцями, таке вже років з тисячу як не слухалось. Тим то вони і випередили нас в деякому ремеслі та в науці, бо їм було коли вчитись, сидячи не боязько дома та їздячи по світу. А в нас стало не боязько тільки років сто назад, як забрано Крим та берег Чорного моря. У всіх війнах російського царства з турками та з татарами за степи і за берег Чорного моря у пригоді були козаки українські і запорозькі. За часи цариці Катерини Другої до року 1783 Крим і увесь берег Чорного моря, де втікають наші ріки: Дніпро, Буг, Дністр,— були забрані до російського царства, і народові нашему стало просторо селитись по степах, перестав він боятись набігів та неволі татарської. По степах та по березі моря вирошли великі городи: Катеринослав, Єлисавет, Херсон, Одес. Тільки тут, як і на Україні, аж до року 1861 народ був у кріпацтві у панів обмоскалених, московських і польських. Бо козацтво на Україні знесено, Січ зруйновано

року 1775²², а скільки зосталось запорожців, переведено на Кубань, коло черкесів, кілька запорожців утекло до турків за Дунай²³, де вони сиділи аж до року 1829 і тоді перебралися і собі на берег Азовського моря.

А на Україні по лівім боці Дніпра після того, як Катерина року 1762-го скасувала Гетьманщину, козацька старшина зробилась панством, як і дворяні московські. Року 1793-го, як у остатнє ділили Польщу²⁴ між Росією, Пруссією та Австрією, або Цісарчиною, то право-бічна Україна, де тепер Київщина та Подоль та Волинь, досталася Росії. А ще перед тим земля, де живуть наші ж люди, українці, Галичина одійшла до Польщі, до Цісарчини. І тут, і там наші люди довго ще зоставалися кріпаками: в польських панів у Галичині до 1848 р., а в Росії до 1861.

Після того, як Росія завоювала Крим і берег Чорного моря, татарських набігів уже більше не було. Татари стали жити в Криму мирно, працювати коло землі, а багато їх, щоб утекти від усякої кривди, од християнського уряду, перебралось у Турцію. Турецьке царство занепадало. Які були під ним християнські народи, то мало не всі повибивалися на волю, як от серби, болгари, молдавани і греки.

Дедалі в турків стає все менше та менше сили.

АНТРАКТ З ІСТОРІЇ УКРАЇНОФІЛЬСТВА (1863—1872)

У послідні місяці року прошлого й у перші сього на Україні з'явилося кілька нових книжок, писаних народною мовою, що далеко не з кожним роком буває. Так, торік таганрозький книгар п. Миронов напечатав у Петербурзі книгу стихів п. Івана Подушки¹ «Починок», а сього року в Києві з'явилось друге видання перегляду фізичної географії під заголовком «Дещо про світ божий», а також брошурка стихів п. Павlusя² «Сопілка» і друге видання «Байок» п. Леоніда Глібова.

Дві з київських книжок, як бачите, старі знакомі: перші видання їх повиходили ще в 1863 р., і з того часу книжки ці мали дуже чудну долю, тісно зв'язану з долею українського питання в останні роки. Рік 1862-й був часом самого гарячого розвою українофільського духу в Росії, котрий мав собі органом петербурзьку «Основу»³. У ній-то п. Костомаров закликав публіку і літераторів українських покинути або хоч не довольнятись тільки літературним дилетантством, панською потіхою з лірики і стихів на музичкій мові; він закликав взятись за поміч народові в його освіті і виготовувати для українського народу книжки наукові на його мові. Для видання таких книжок п. Костомаров відкрив при редакціях петербурзьких і московських часописей збір грошей, а українська громада в Петербурзі, споможена і великоруськими літераторами та музикантами, зробила кілька літературно-музикальних вечорів. Збір грошей по листам і через концерти дав дуже швидко на це діло коло 5 000 рублів, і коштовий бік діла можна було вважати ставшим на тверду землю⁴. У п. Костомарова і др. було в руках і кілька книжок, з котрих можна було почати печатання. З цих книжок першою і найлучшою були отця Опатовича⁵ оповідання з святого письма, котрої перший випуск і з'явився у Петербурзі в 1863 р.

Тим же часом і в Києві молодіж узялася за діло виготову книжок для народної освіти, і з Києва можна було ждати тим лучшого плода, що там молодіж мала практику для сього діла в школах недільних⁶, в школі щоденній при університеті і в інших, де учили по охоті студенти університету. Першою книжкою сього роду була в Києві напечатана «Дещо про світ божий», випуск I-й. За першим випуском, що розказував фізичну географію, готовий був другий — зоологія. Зовсім готовий був і початок святців, т. е. вибору з житій святих.

У один час печаталися й «Байки» п. Глібова, — і доля їх зв'язана теж з одним пам'ятним в Україні ділом, котре, мені здається, зовсім

незвісне в Галичині; для того я в коротких словах думаю зачепити і його. Послідні роки 50-і і перші 60-і на заході Росії були зайняті приготовою поляків до рухавки і противодіянням з боку тамошніх руських громад і адміністрації. У числі других вчинань польської пансько-шляхетської меншості на правобічній Україні після 1857 і 1858 р. стояв і замір сполячити та златинити тамошній руський народ через школи. З такою метою було заведено в Києві тайне польське шкільне товариство, а польські пани стали доносити головній адміністрації краю, що постати маючеувольнення кріпаків тоді тільки може бути направлене здоровово, як вони будуть освічені письменством, і для того стали випрошувати у генерал-губернатора дозвоління на заклади при панських дворах шкіл для селян. Нічого говорити, що в тих школах учили ксьондзи католицькі і по книжках польських. По таких же книжках учили в Києві навезених з сіл локаїв і польські студенти університету. Проти таких замірів польського панства стала поперед усього опозиція у двох місцях правобічної України: студенти в Києві з 1859 р. завели три недільні школи, а потім ще й щоденну; за київськими школами стали заводитися такі ж по всіх місцях, де гімназії або так звані тоді дворянські училища, т. є. прогімназії, давали доволі руського освіченого елемента в лиці учителів і старших учеників. У тому ж 1859 р. за ініціативою одного духовного⁷, що тоді був учителем закону божого у Білоцерківській гімназії, а потім став кафедральним протоєреєм у Софійському соборі в Києві і мав велику вагу у митрополита київського Арсенія⁸, — о. П. Лебединцева, — заведена була учителями гімназії школа народна у Білій Церкві Київської губернії і положен був почин невеличкого скарбу, на котрий заведено було кілька школок при церквах кругом Білої Церкви. За недостатком малоруських шкільних книг, в тих школах учену більш по великоруським, але не цуралися тоді і бувших у печаті українських букварів Шевченка, Шейковського⁹ (один з учителів у київських школах), Строніна¹⁰ (учитель гімназії і розпорядитель недільних шкіл у Полтаві), Ященка¹¹ (студент універс [итету] і учитель у школах у Москві) і др.; часом проявлялась і на правому боці Дніпра «Граматка» Куліша, бо хоч вона й була заборонена адміністрацією київською по доносу польських панів, буцімто вона доводить народ до гайдамацької різni (знай: перебива дорогу польським букварям), але на лівім боці продавалася беззаборонно. Печатані в Петербурзі маленькими брошурами вибірні твори Шевченка, М. Вовчка і др. українських писателів роздавались ученикам шкіл недільних по Україні обох боків теж беззаборонно нарівні з книжками російськими. Звичайно, що все незрозуміле в цих послідніх книжках розтолковувалось хлопцям мовою рідною, українською. Не знаємо, чи того ж держалися й у школах, заведених по ініціативі о. Лебединцева, але думаємо, що так, бо о. Лебединцев, ставши редактором «Київських епархіальних відомостей», вів полеміку з видавцем петербурзького ярклерикального та реакційного і колись-то дуже сміхоторного в Росії тижневого видання «Домашня бесіда»¹² — п. Аскон-

ченським, обороняючи проповідь по-українському і доказуючи користь з українського перекладу біблії. Аскоченський сам українець з роду і за часи турецької війни р. 1854—1856 писав по-українськи, слідом за Гулаком-Артемовським, стихи воїнственного характеру, але, узвівшиесь за діло ярої реакції, напався і на український рух у Росії, по його зв'язку з другими прогресивними впливами тих часів.

Так зачався було на почві українській у Росії розвій народної педагогіки і народної педагогічної літератури, розвій, котрому сочувствувала й уся скільки-небудь мавша силу журналістика великоруська в Росії, не виключаючи і московських великорусофілів (так званих слов'янофілів), котрі хоч і спорились з «Основою» о розмірах української літератури, однаке в «Руській бесіді»¹³ привітали «Проповіді» о. Гречулича, наполовину писані Кулішем (Хом'яков), а в «Дні»¹⁴ — український переклад євангелій, котрий було виготовила петербурзька громада, а одобрила академія наук (Ілля Беляєв), і навіть обороняли діло Костомарова від нападів Каткова¹⁵ (Ів. Аксаков). Сам Катков при своїх «Московських відомостях» приймав гроши, що слались по визову Костомарова на печатання українських книжок. Немалої ваги був і той бік розвою українських педагогічних книжок, що вони становились по школах по мірі свого нарости поряд з російськими і через те давали могуту народові користуватися й тим, що було зроблено в більш розвитій письменності російській. Як розкажемо нижче, і сам уряд міністерства народної освіти не тільки не йшов напроти такого розвою народної української педагогіки, а ще старався запомогти їйому.

Однаке — не так склалося, як ждалося. Діло споганили інтриги ворогів¹⁶, дух рутини і реакції, розбудившися в Росії з р. 1863—4, та, треба признатися, і власна безтактність.

Ніде правди діти — перший, хто став проти української народної педагогіки, були поляки. Ми вже згадали, як вони вистаралися о заборону «Граматки» Куліша в Київському генерал-губернаторстві, з поводу, що буцімто вона розбуджує в народі старий козацький і гайдамацький дух. Сміх людям сказати, але пани київські показували генерал-губернаторові на картинку в «Граматці» — одну з тих, що лиш задля самої окраси були поставлені в кінці глав, а вона, мабуть, була взята з якого-небудь фізичного видання: було намальоване дерево, розбите блискавкою, і під деревом чоловік; ото, казали пани, емблема того, як розбуджене хлопство мусить розрушити устрій громадський і перебити панів. З записки про недільні школи знатного хірурга Мик. Ів. Пирогова, котрий був у Києві куратором учебного округа в рр. 1859—1861 і дуже ліберально відносився до поляків-студентів, але явно виказував, що тільки самодіяльність і самоорганізація малоруської громади (сам Пирогов — великорус) зможе по праву і з успіхом боротись проти полонізму в західноруському краю,— так з записки цього безстороннього і великого ума чоловіка видно, що перші жалоби проти недільних шкіл, яко буцімто діла революційної партії в

Росії, дійшли до його від польських панів. «Я,— каже Пирогов,— з цих жалоб бачив, що, значить, школи йдуть гарно». Але другі не були так дальновидні. Та другі не були й так освічені, як Пирогов. Другий елемент, котрий слідом за польськими панами піднявся проти недільних шкіл, було вище духовенство, особливо митрополит Ісидор, що був попереду у Києві, а потім у Петербурзі. Митрополит Ісидор був вельми неприязній професору історії російської в Київському університеті Павлову¹⁷, котрого загальний голос почтав головою ліберального кружка в київській громаді і котрий мав найбільшу вагу у студентів і був головний зачинатель недільних шкіл у Києві, а потім назначен був Пироговим і їх офіціальним надзвірателем. Діло народної освіти було тим близче для Павлова, що він був сином одного великоруського пана від кріпачки з Нижегородської губернії. В клерикальних кругах у Києві, котрі мали велику силу у жінки генерал-губернатора кн. Васильчикова¹⁸, проф. Павлов вважався за безбожника. Яко такого ненавиділи його й польські клерикали, котрі мали силу не тільки у панів, а ще (одмінно від руської громади) й у самих студентів. «Павлов,— казали й студенти-поляки,— безбожник і космополіт». А Павлов, щоб противустояти державній формулі імператора Миколая Павловича *«православье, самодержавье и народность»* (офіціальна), завше прикладав до історії мірку «свободи» і «людськості». Здається б то, що полякам така мірка мусила бути самою симпатичною; так ні. «Павлов,— казали вони,— безбожник і космополіт; такими ж становляться через його і руські студенти, а для того ми мусимо віддалятися від приставання з ними *». Так сього мало: багацько студентів-поляків, зібравшись з

* Було б ділом великого інтересу, якби хто оглядів безсторонньо хід польської літературної і громадської мислі в Росії за часи імператора Миколая в паралелю того, як це робить для російської у «Вестнику Европи» п. Піпін (знакомий і галицьким читателям «Правди» з вийняткою глави про українську літературу з його історії слов'янських літератур). З такого перегляду, мабуть, довелось би признати, що між польською аристократичною громадою (а іншої ми в малорусько-білорусько-литовських краях не бачимо, і іншої не може там і бути, бо там нема польського народу) і системою царя Миколая Павловича було гаразд більш зв'язків, ніж думають взагалі задля того, що дивляться тільки на поверхність діла і бачать, що польські пани робили глуху опозицію національно-політичну російському урядові, користуючись однакож самим основним його стовпом: кріпацтвом. Ми б знайшли в польській інтелігенції тих (та й не тільки тих) часів власну «тройцю», ні трошки не вступаючи приведений вище тройці Миколая I,— власний легитимізм, клерикалізм, ще більш систематично вироблений, власне вчення про офіціальну народність, жахання «західного духу» і одвертання під назвиськом «старопольського духу» до середньовікових ідеалів ке дуже більшої цінності, ніж ті, про котрі трубили офіціальні і добровільно-локайські історики (Погодін, Шевиризов¹⁹, Устрялов²⁰) і публіцисти Миколи I, між котрими-то публіцистами саму головну роль грали поляки Булгарін²¹ і Сенковський²². В аналогію московським романтикам-слов'янофілам, що хоч не розривалися зовсім з трилогією Миколая I, але все-таки знаходили в старій Русі Московській і земські збори, і вибір старшин, і вольний перехід селян,— можна знайти у малому польському кружку теоретиків колишнього «шляхетського гміновладства» (але тільки шляхетського); та не знаю, чи можна в польській тодішній громаді найти аналогію тому енергічному кружку російських

ксъондзом Г-ським, тоді любимим київськими клерикалами проповідником, ні мало, ні багато, а тільки *lege artis*²³ передали анафемі Павлова, прибавивши до його професора всеобщої історії Шульгіна²⁴, що на той час викладав період реформації в ліберальному духу, і професора політичної економії Бунге²⁵, що був членом в редакційній комісії по селянському ділу і одним з сторонників наділу кріпаків землею. Якому впливу: реакційно-клерикальному більш, чи католицькому, чи православному — приписати, не знаємо, але тільки вийшло так,

«западників» (критик Белінський, професор Грановський²⁶ і др., Герцен, Тургенев і ін.) або українському широ демократичному напрямку Шевченка, Костомарова і Куліша, що має аналогію і з романтичним слов'янофільством і, подібно «западничеству», бу [в] далек [им] від релігійної і національної виключності. Ці всі напрямки критикою, філософічними статтями, лекціями історичними, сатиричною і аналітичною літературою, почавшося з Гоголя, як тільки можна було, вели опозицію трилогії Миколая I і приготовили російську громаду до тих реформ, що тепер зміняють усе лице старої монархії, колись-то оплоту всеєвропейської реакції. Той факт, що поляки в західній Росії так накинулися на українофільство, на «хлопоманію», случився не тільки з національних причин, а більш з культурних і соціальних, з того ж закону, по которому й аристократично-клерикальна реакція також у східній Росії накинулася на ліберальний напрямок, котрий вона похрестила загальним називськом ніглізму і по которому київські клерикали і московські доктринери-централісти так зійшлися з польськими панами в ненависті і брехнях на «український сепаратизм». І там і тут — це «старий російський порядок» вставав проти «нової, вольної Росії» (free Russia, по щасливому слову Діксона). Це треба б зрозуміти правдивим лібералам в корінних польських землях, що між панами українсько-литовськими, хоч би вони стократ брали участь у рухавці, і паном Катковим та ще гіршою, ніж він, російською поліцейсько-олігархічною партією²⁷ дуже піднялася в Росії олігархічно-реакційна партія, і сам Катков став замічати ті зв'язки польськихмагнатів, прямуючих у союзі з російськими реакціонерами до попсування того, що зроблено для селян в західних губерніях. Газета «Весть»²⁸, що у роки 1865 — 8 основана була на гроши петербурзьких і московських олігархів, а найбільш предплатителів мала між польськими панами в західному краю (на ім'я одного пана коло Житомира висилалося 132 екз. на які-небудь 2—3 села), газета «Весть», що доказувала, буцім усі реформи, зроблені в Росії за царя Олександра II, суть помилкою, а надії селян землею, особливо в західнім краю, чистим розбоєм, — є доказательством правдивості сього, що я сказав про натуральний зв'язок польського панства з російським поліцейзмом і олігархізмом. Зв'язок цей становиться ще міцнішим через те, що між фаміліями, приближеними до вищих петербурзьких сфер, є кілька католиків, явних вихованців єзуїтських. А це все зводиться до того, що правдивим демократам і лібералам у корінних польських землях треба зрозуміти, що так званим полякам у західній Росії нема другого виходу, як або становитись ліберально-демократичними руськими, або оставатись польськими реакціонерами, бо де нема польського народу, там нема місця і польському демократизму і лібералізму. Доки сього не взнають поляки у корінних польських землях, доти і на самий правдивий народний і ліберальний напрямок польський буде падати реакційно-олігархічна тінь од шляхетства і клерикалів земель західноруських, і всякий поневолі казатиме — як і ми у сьому письмі — «поляки там, де треба б казати тільки «реакціонери і олігархи західноруського краю». Нехай же ті, котрим не по серцю така синоніміка, одречутися від пом'янутих реакціонерів і олігархів, а з тим разом признають, що на схід од Сяну й Буга «нема Польщі», а єсть Русь і Литва.

що після приходу княгині Васильчикової в школи недільні почались репресалії проти таких шкіл у всій Росії. Тим часом проф. Павлов перейшов у Петербург, де розпорядителі всіх шкіл недільних вибрали його головою, але куди ще раніше перейшов митрополит Ісидор і передніс ідею, що Павлов є червоний революціонер. Цій ідеї дало ходу те, що в Харкові найдені були сліди студентського тайного товариства; члени його вправді покинули практичні політичні заміри, але деякі повіявиляли були в письмах республіканські ідеї, один прийняв був псевдонім «Царедавенко»²⁹, а у одного найдено устав товариства революційної пропаганди. Деякі з цього товариства перейшли в Київ і брали участь в школах недільних, але о практичному дійству в метах того товариства в школах, де вчилися робітники і слуги 10—15-літні, до того нічого було думати, що школи не тільки не мали революційного духу, але ще мали вплив консервативний або, краще сказати, витверезуючий фантазію молодих голів. Та й трудно було вести яку-небудь потайну пропаганду в школах, котрих двері були відчинені для кожного і в котрі щонеділі багато приходило люду усякого стану, щоби подивитись, як і чого учать хлопців студенти. Однаке реакційна партія в Росії постаралася налякати уряд і харківським товариством і школами, а як случилися в 1862 р. в Петербурзі пожари, то орган цієї партії — «Московські відомості»³⁰, що недавно перед тим перейшли під редакцію п. Каткова, стали кричати, що палять Петербург студентиніглісти, котрі через школи мають вплив на робочу чернь і хотять сформувати її на манеру західного пролетаріату. В таких інсінуаціях не обійшлося діло і без польських ретроградів: уже на рік перед тим, як київські учасники шкіл недільних зняли з себе фотографічну групу, по просьбі від'їхавшого в Петербург Павлова, по краю полузднево-західному, особливо по гімназіях, куди деякі з учасників шкіл недільних перейшли учителями, покінчивши курс в університеті, пішли поговірки, що се група заклятих ворогів польщизни, котрі заприсягли працювати на її згубу. У Петербурзі між доносами на школи і Павлова були й писані явно поляками. Як случилися пожари 1862 р., то по царському приказу було звелено на час, до вироблення загального уставу шкільного, недільні школи скрізь закрити, і тоді ж наряджена була комісія, котра повинна була розслідити дух і мети шкіл недільних. Про дві петербурзькі школи було наговорено, що буцімто там велась соціалістична пропаганда і давано читати революційну прокламацію «Молодая Россия»³¹, але посліднє не тільки не вітвердилося при допросах учеників, а ще виявилося, що квартальний умисне підбивав хлопця полуідюта, щоби казав на допросі, буцімто йому давали читати «Молодую Росію», коли по вправді давали читати тільки відпечаток з журналу «Народное чтение» про початок Русі: про Рюрика, Олега і т. д. Про другі школи по всій Росії губернатори донесли, що нічого протизаконного в них не замітили. Однаке комісія, котрої голова був тайний совітник Жданов, а секретар — п. Пржешибський, виготовила доклад, у котрому розказувала, що недільні школи були ділом

тайного товариства, мавшого метою «ниспровержение существующего порядка вещей и истребление царствующей в России династии». Усе діло шкіл недільних рухнуло! А в західнім краї пропали єдині руські народні школи; польські — осталися без конкурентів.

Правда, були ще конкуренти в Київській губернії, але небагато було з них користі, та мало того, з них вийшла нова біда для руської народної освіти. Як стали заводитися недільні школи, і завелися пом'януті школи при церковних приходах коло Білої Церкви, митрополит київський Арсеній циркуляром, написаним дуже строго, звелів усім священикам приходським завести при церквах школи. Звісне діло, що між духовенством в Росії, як і скрізь, є люди, що дуже спосібні стати гарними учителями народу, але взагалі далеко не всі священики мають час та й талант і навичку до народної педагогії. Для того така загальна міра, яку взяв митрополит, повела лише до того, що школи по-заводились на папері по всіх приходах Київської губернії, а на ділі вони були або мало де, або вчили в них не священики, а наймити з одставних солдатів, паламарів і т. п., або діти більш пололи ієрейські огороди, ніж читали граматки і псалтири; а про те, щоби взятися за новіші методи навчання народу, з отцями ієреями й говорити було нічого.

Скорі й адміністрація замітила, що з шкіл митрополитських мало пожитку (були случаї, що під ревізію митрополита ієреї перевозили із села в село одних і тих же учеників і так показували школи); князь Васильчиков доловив так званому «західному комітету» державного совіта про небезпеченство польської пропаганди, требуючи більшої енергії в шкільному ділі. По розваженню західного комітету цар звелів одніслити на перший раз 10 тисяч рублів на народні школи губерній Київської, Волинської і Подільської, поручивши міністру народної освіти п. Головіну взятися за діло устрою таких шкіл. Якийсь-то архієрей з Владимирської губернії (у Великій Русі) уже було визвався дати учителів з своїх бурсаків для тих будучих шкіл. Однаке адміністрація київська, і генерал-губернатор, і куратор учебного округа (п. Вітте, що тепер у Варшаві) одписали, що для цього діла треба учителів, вихованих на місці і знаючих народ, і по соглашенню з міністром заведена була в Києві «Временна педагогічна школа»³², котра для навчання лучших метод шкільних приймала людей, де-чого вчившихся вже то в гімназіях, то в семінаріях. Учить в сій школі згодилися без плати дехто з професорів університету, учителів гімназій, а найбільш з студентів університету, тих, що брали участь в недільних школах, якраз перед тим, у маю 1862 р., закритих. Студенти ще на півтора року перед тим думали й самі взятися за таку ж педагогічну школу, і один з них, розпорядитель Подільської недільної школи Вороний³³, вів про се якісь переговори з Юзефовичем³⁴, котрий тоді дуже ліберальнічав і з поляками, і з руськими. З сих переговорів нічого не вийшло, але як тільки відкрилася «Временна педагогічна школа», то студенти ці зараз дали без-

платно свою працю. Гроші, що мали йти на плату учителям, пішли на стипендії ученикам. З того ж часу окружний інспектор п. Тулов³⁵ з чиновником генерал-губернатора стали об'їздити села, по котрих селяни охотно згоджувалися виставляти хати для шкіл і приплачувати 30—50 рублів учителю до тих 150—180 р., котрі брався давати їм уряд, і давати дещо з огородини і др., тільки б мати «правдиві школи», а не такі, де діти їх тільки час тратять або роблять на попа і його сім'ю замість науки. Попробували було прilучити до діла і панів, але тільки деякі згодилися дати ґрунт та дерево на збудування школи, а більш говорили, що вони б раді помочити народній освіті, та бояться хлопоманів, котрі тільки й думають, як би пустити по школах гайдамацьку пропаганду. Це казали й ті пани, котрі ради конвенансів давали який-небудь спорний з селянами ґрунт або кілька дубів на школу. Дехто дуже вже прямо давав зрозуміти, що ті прокляті хлопомани засіли вже й у київську педагогічну школу. За перший же рік ця школа вспіла виготовити учителів на 45 шкіл на Київську губернію і 4 чи 5 — на Подільську. Для цих шкіл прийшлося подумати про хутніше вистачання книг учебних і читальників,— і в Києві взялися за роботу над такими книгами українськими, а також і російськими, але приспособленими до люду українського. З міністерства на це діло було відпущене 500 руб., на часть котрих почато печатати перше видання «Байок» п. Глібова. Тим часом по всіх гімназіях в Росії ішли роботи над критикою проекту устави середніх і нижчих шкіл,— мало не в усіх гімназіях Київського округу совіти подали голос, що, окрім російської мови, в школах мусить бути й мова українська, причім учителі правобічних гімназій бачили в послідній живіше орудіє для борьби з польськими претензіями на панування над народом руським. З петербурзької громади української деякі люди, маючи широкі стосунки, стали старатися в міністерстві про те, щоб устав шкільний дав українській мові первенствуючу роль в школах полуоднієї Росії, і міністерство напечатало в своєму журналі статтю, доказуючу окрімність і самостайність української мови, що була перепечатана й у «Правді». Мені здається, ця ревність широких українців була трохи крайньою і безтактною: бо дати первенство, а то й виключне панування мові українській в школах, коли весь стрій держави користується другою, так званою в Росії «русскою», а у вас в Галичині російською або (не зовсім вірно) великоруською, і коли по-українському писано було ще дуже мало, а шкільних книг зовсім не було наготовлено, було б ділом більш руйнівним, ніж будуючим, бо через те народ український відчужився б од усього ходу культури й державного строю в Росії і зводився б на пищу святого Антонія, на 5—10 книжок українських. Гаразд більш практичним було продовжати так діло, як началось: готовити книжки українські й уводити їх у школи рядом з російськими, вибираючи книгу не по мові, а по ціні того, що нею писано. Навичка читати по-російському не зашкодила б нашому народу, а читаючи по-своєму тільки справді гарне й цінне, народ би научився ці-

нувати й наріождаючіся рідну літературу, на котру він (особливо стоячи в патологічному стані «хлопства»), як на все нове, дивився часом не без недовіру. Замір же зробити мову, на котрій ще не виготовлено було самих елементарних книжок, офіціальною в школах міг тільки викликати реакцію, іноді між самим таки народом, що й справді случалось.

Однаке самі реакційні кружки в російській громаді ще у 1862 р. мало оглядалися на українське двіженіє, ганяючись більш за «нигилизмом», ніж за «сепаратизмом». Правда, що хоч одного з авторів поіменованіх букварів, п. Строніна, і арестовано в 1862 р. та й з другими полтавцями (між ними й п. Кониського³⁶) вислано до дальших губерній, але в карі Строніна «українська пропаганда» була більше причіпкою, бо ні в чому було обвинити, а буквар був об'єктом дотикаємим. Тільки польські реакціонери по правому берегу Дніпра кричали на «хлопоманію», і їм почали вторити поблизу елементи лівобережжя, що повело за собою слухи про висилку кількох з молодіжі з Києва і Полтавщини до дальших губерній. Після того, як із Переяславщини одвезено в Архангельськ п. Чубинського (того самого, що тепер працює по зазову й на гроши імператорського російського географічного товариства над етнографічним описанням правобічної України), київські хлопомани написали протест проти клевет, котрі на них зводять панські реакціонери обох боків Дніпра, і сам п. Катков прийняв сей протест на листки своєї «Современной летописи „Московских ведомостей“», хоч уже він перед тим спорився з «Основовою» з-за питання про українську словесність, виговорюючи російським українофілам, що вони «передражнюють» простонародний говор, і похваляючи галицьких літераторів з «Слова» і «Наукового сборника» за те, що вони стараються зблизити свою мову до російської³⁷. Катков так судив од того, що йому справді була зрозумішою мова панів Дідищко-го³⁸, Головацького і др., але не для того, щоб послідні знали справді по-російському, а лише для того, щоб вони виробляли мову з церковнослов'янщини, німеччини, латини і самої польщини, а сі всі мови були відоміші п. Каткову і йому подібним, ніж мова народу руського на Україні, і навіть було підхвачено кинений «Основі» єврейським «Сіоном»³⁹ докір у «сепаратизмі».

Перший елемент у російській громаді, що дужче других підтримав компанію польським аристократичним реакціонерам у жалобах на хлопоманію в школах київських, була клерикально-реакційна партія. Тоді саме, як по всій Росії обсужувалося питання об лучшім строї шкіл народних і як у київському краю це питання ставилося на практику, піднялось і друге: про підбільшання доходів духовенства, для чого в Петербурзі був наіменований комітет при святійшому Синоді. Сей комітет, недовго думавши, догадався звести два діла докупи: улучити матеріальне положення духовенства тим, щоб передати йому школи, т. е. обложити сільські громади новим налогом, за котрий буцімто будуть отці ієреї учити дітей. (А як учили вони в краю Київському,

ми вже казали. Прибавим, що як завелись по Росії, окрім західних губерній, земські збори, то скрізь селянські депутати протестували проти того, щоби школами завідували духовні, і заявляли, що в школах при церквах або нічого не учать, або нічого [не] вивчають. Самі духовні, коли бачать, що від їх требують справного учнення в школах, признаються, що їм ніколи: так случилося в дуже інтересному по ходу діла шкільного в Росії повіті Александровському губернії Єкатеринославської, де один з самих усердних діятелів у Росії по народній освіті барон Н. Корф⁴⁰, ділопроізводитель земського училищного совіту, зірко дивиться за школами та й публікує в газетах і в річних справозданнях про всякий успіх, як і про всяку нерадивість *.) Сьому заміру синодського комітету школи Київського округа стали впоперек. Само собою ясно, що митрополит Арсеній особою своєю почитав себе в обиді заведенням школ од міністерства, котрі явно показували нікчемність його ходів. Треба було дискредитувати в очах громади і уряду київські шкільні заміри і школу педагогічну. Для сього вже було готове оруддя, готові терміни, видумані поляками і жидами: «гайдамацька хлопоманія» і «сепаратизм». За їх то й ухопились сторонники російського клерикалізму. Органом сієї інтриги проти київського шкільного діла став «Вестник Юго-западной Руси»⁴¹, котрий видавали в Києві професори духовної семінарії Говорський і Єремич. Оба сі пани були родом білоруси і мали зв'язки з сотрудниками петербурзької «Основи». У перших н[оме]рах своїх «Вестник» печатав історичні монографії п. Куліша, і ще в половині 1862 р. (н. 5) сей журнал напечатав дуже гарячу і з толком написану статтю «Что такое хлопоманы?», котра, як кажуть, була написана п. Гатцуком, видавцем «Ужинка рідного поля». Автор просив російську громаду не вірити польським брехням на молодіж придніпрянську і толкував, що, не беручи на увагу помилки і лишню гарячість, природжену молодому зростові, так звані хлопомани — щирі слуги народні і страшні хіба польському панству, а не Росії. А нараз, ледве в півроку потім, журнал пана Говорського став називати молодіж українську в Києві ворогами держави російської і народу руського, чи безсамовіжими, чи то й самовіжими союзниками польської революції — і попрікав учену адміністрацію в Києві і міністерство народної освіти в Росії, що вони однімають святе діло школ народних у духовенства й oddають у руки таких злодіїв, як хлопомани.

* Барон Корф між іншим у своїй книзі «Земский вопрос» про народну освіту виказує, що земство мусить старатись в уряду про дозвоління видавати на народній мові книжки, не боячись дурних брехень про сепаратизм, а в своїх справозданнях про школи Александровського повіта ставить нерозуміння народ[ом] державного російського язика як одну із головніших перешкод освіти.— Р. С. Недавно, сього вже 1876 р., були нові вибори депутатів у земство, і бар[он] Корф був більш ніж $\frac{2}{3}$ голосів не вибраний наново на з'їзді виборців стану панського (тих, що мають більш ніж 200 десятин землі), але зате через 10 днів був вибраний на трьох з'їздах сільських громад мало не одноголосно.

Тим часом і в других краях Росії піднялося таке ж саме питання: кому віддати школи народні — духовенству чи міністерству? Питання се, як самі добре знаєте, є всеєвропейське. Орган реакційної партії «Московские ведомости» од кликнувся за духовенство; за його ж подав голос і «День», орган московських слов'янофілів, котрі в питаннях політичних і соціальних (як по ділу селянського наділу, земського й громадського самоправлення і т. ін.) завше стояли з «молодою, вольною Руссю», а тільки з причини своєї релігійності на сей раз стали за духовенство (хоч вони не раз, може, дужче других партій у Росії нападали на пороки духовенства, критикували архіерейсько-монашеський деспотизм, стояли за свободу білого духовенства, за зв'язь його з громадами і т. д.). Се вже були часи польської революції, коли в громаді російській, до таких діл і до політичного життя й полеміки дуже непривичній, була велика паніка і стала уходити в привичку метода приміщувати «польську справу» і «інтригу» до всякого спору. От реакціонери й стали зводити до купи російський ніглізм і польську рухавку, та й докоряючи міністерству освіти, що воно не віддає духовенству шкіл народних, винили його, що воно хоче в школи ввести ніглізм та через те служити і польській революції. Треба сказати, що міністр п. Головін зробив діло великої безтактності, котре дало багато сили ворогам його доволі благих намірів у шкільному ділі, його легенькій опозиції клерикалам, схожої з тією, яку вів міністр Дююю Наполеона III. У ті часи з'явилася за границею політична книга Скедо-Феротті «Que fera-t-on de la Pologne?» (Скедо-Феротті — псевдонім німецького барона з Чернігівської губернії Фіркса, агента міністерства фінансів російського в Бельгії; він видавав немало брошур про Росію по-французькому і по-російському, одну проти Герценя.) У сій книзі головна ідея була, що Польщі треба дати автономію й конституцію, але російському урядові нічого турбуватися, що се може стати приміром і руському народові і прецеденсом російській громаді требувати й собі того ж, бо поляки народ розбитий і до свободи зрілий, а руські ні; на толки, мовбите в Росії є громадський голос (*opinion publique*), по думці Скедо-Феротті, дивитися нічого, бо після цього можна сказати, що й у баранів, що скачуть на лугу через палку, є «громадський голос». Така безтактна постава питання принесла велику шкоду і для польського, і для російського політичного розвою, бо в ті часи загально була піднята річ у Петербурзі про конституцію, про котру натякало й в патріотичних протестах проти нот держав західних дворянство петербурзьке, тверське, нижегородське і ін., і сам цар в одвіті петербурзьким депутатам говорив, що призове в свій час громаду на поміч урядові задля строго державних діл. Пом'януті слова п. Скедо-Феротті мали тим більшу вагу, що на їх гляділи, як на голос деяких високих сфер в урядових кругах, сконцентрованих коло вел [икого] кн [язя] Константина Миколайовича. Міністр Головін, як усі знали, креатура сього князя, ддав ваги такому голосу тим, що розіслав книгу Скедо-Феротті по університетах і гімназіях. Така безтактність і п. Скедо-Феротті і мі-

ністерства не могла не обидити громади російської, і в противоріччях, котрі вона визивала, зміщувалися дві мислі; перша: «коли полякам давати конституцію, то й нам»; друга: «коли нам не давати, то й їм не треба». Однаке найбільш розсилка книги п. Скедо-Феротті визивала в Росії нелюбов до поляків, що «он, мовляв, як вони підходять до уряду російського», і нелюбов до міністра Головіна, «он як він знущається над руською громадою, рівняючи її до баранів, і як продає її полякам».

Тій партії, котра не хотіла волі ні руським, ні полякам, а хотіла реакції в школах, така безтактність пп. Скедо-Феротті і Головіна була на руку, і орган сієї партії п. Катков підняв великий крик проти міністерства. А як до Москви дійшли київські клерикальні жалоби на хлопоманію й український сепаратизм, буцімто покриваємий учебною адміністрацією, то партія п. Каткова прибавила ще нову вину міністерству освіти; так зложилася формула, котрою років з вісім грався п. Катков, про «ніглізм і сепаратизм, видумані польською інтригою на згубу держави російської, котра-то інтрига залізла й у високі сфери й відтіля розсаджує й піддержує все погубне для Росії». До цього прибавився й національно-державний централізм, котрий з того часу став народжатися в Росії і взяв собі за примір Францію та Пруссію; бо до того в Росії був тільки проти волі земель й народів адміністративний централізм й рутина, як у державі абсолютній, але не національний централізм, який ми бачимо, наприклад, і в конституційних німецьких державах, як Пруссія і Цислітавія; але об цім дальнє скажемо. Сей дух національного централізму з опаскою подивився на те, що в проекті міністерськім шкільного уставу стояло слово, що навчання мусить бути на «отечественній» мові,— слово, котре, як кажуть, саме міністерство толкувало для полудня в Росії в духу, вигідному для українофілів. З цього всього зложилися начала, по котрим орган, як стали казати, «староруської» партії, т. є. реакційні «Московские ведомости», напався на замір п. Костомарова видавати народно-педагогічні українські книги, обізвавши його «сторонником поляків», чи самовіжим чи безсамовіжим, але однаково шкідливим російській державі. У вас, в Галичині, за такі речі п. Каткова і братію його зовуть часто «великоруськими централами» і з поводу його приписують національно-централістичні тенденції і теорії цілому великоруському племені; але се правда тільки наполовину, коли ще не на менше. Не спорю, що стара історія, котра виробила могутчу державу в руському світові тільки в Русі Московській, мусила заложити підкладку і для національного централізму й у великорусів, подібного тому, який бачимо в Пруссії, у Французів мови *d'oï* і т. д. Але в опозиції деяких кругів громадських в Росії проти української літератури національний великоруський централізм грав далеко не головну роль. Почати з того, що народну мову українську покинули для мови російської державної (більш усього близької до великорущини, але не зовсім і з нею співпадаючої, а, наприклад, по правописі більшої до малорущини, бо великоруси не кажуть, як пишеться по-російському, *его, доброго* і т. д.) і родовиті

українці, котрі, починаючи з св. Димитрія Ростовського до Гоголя, працювали у Московсько-Петербурзькій Русі як літератори, адміністратори і т. д. Мову українську народну, можна сказати, од克rito тільки з тих часів, як завершилося останнє зрівняння Малорусі з Великоруссю в культурно-політичному устрою, з цього тільки віку, з котрого і російська мова стала зближатися з народною великоруською, бо тільки в XIX столітті і чим дальше до наших часів і у Великій і у Малій Русі та мало не і в усій Європі одкrito, мов яку Америку, правдивий народ, а особливо сільський; а се находка в різних краях Росії, як і в других землях Європи, повела за собою ідею о зближенню літератури з «простонародною мовою». Старі писателі київсько-малоруського віку, за часи Гетьманщини, в XVII і XVIII століттях дуже близько ще держалися до церковнослов'янщини, а то й до польщизни, що так і злегчало перехід їх до тодішньої російської, теж дуже церковної, мови; про народність літератури тоді ні у Великій, ні в Малій Русі не думали, про демократичність літератури і освіти — менше. (Ся ідея зачеплена автором статті про занехання мови народної на Україні, що була напечатана в «Правді», 1867 р. Ч. 1—11; тільки шановний автор бачить у літературі лише один бік — мову і дума, що можна 1000 літ історії стерти, як один час.) Од того українське літературне діло здавалося і здається дуже новим і непривичним далеко не одним тільки великорусам, а, мабуть, чи і не більшій частині грамотного люду й у самій Малорусі, і, як усяка новина, а ще в добавок не дуже систематично проведена, трошки здається чудною і багато людям також у Малорусі. А так як до того новий період українофільства 50-х і 60-х років, вийшовши з Шевченка, означився різким демократичним духом (а се його сила і зародиша важнішої будучності, ніж яку мало там і сям промелькавше у 30-і і 40-ві роки панське українофільство, наслідник, коли можна так сказати, «мазепинського», що нап'ятнував його Шевченко у своєму «Посланні до земляків» і що зачинав трохи й славно п. Медовник у розказі «Пан Комарчук»⁴², і ніж сентиментальний дилетантізм часів Квітки, котрий у своїй комедії «Сватання на Гончарівці» висказав ідею, що кріпаки та вовчі зовсім не лихі), то рутинний недовір до українофільства яко до нового і незвичайного діла сполучився з страхом чогось «гайдамацького». Від цього страху не були вольні і самі пани комарчуки, що колись-то переписувались з п. Кулішем по-українському і пишалися тим, що по-українському можна виражати всякі європейські думи (читай: писали російські і французькі слова Кулішевою правописсю), а потім у московських газетах [писали] статті проти українофільства, скріплюючи їх «історичними українськими іменами», т. е. іменами батьків, що колись-то розікрали вольний народ, будучи козацькою старшиною, і що Шевченко називав варшавським сміттям та гряззю Москви. Одного п. Катков писав, що він говорить не во ім'я тільки великорусів, а во ім'я благорозумної освіченої і зрілої часті і малоруської громади, т. е. рутинерів і реакціонерів на Малорусі; сі дві категорії скрізь на світі, а в Росії тим паче мають більшість. Катков і його сторонники

великоруські і малоруські стали боронити панування російської державної мови не для того, що вона великоруська, а для того, що вона вже готова, стара, вже панська — державна. Але сам п. Катков казав, що процес зросту мови російської ще не закінчився, що в ній можуть пробудитися нові елементи; сам він не тільки не мав, яко великоруський централ, антипатії до України (такої, яку, наприклад, мають німці до чехів, поляків або поляки до русинів і т. д.) ні предилекції до Великорусі, а, напроти, не раз казав, що Москва лежить в азіатському басейні, що московська історія полуазіатська і безодрадно сурова, що тільки після Богдана Хмельницького Московська держава стала європейською, і подавав голос за перенос столиці Росії в Київ. Сьогодні перенесіть туди столицю, і сьогодні нехай би взяли малоруси верх у літературі в Росії, то п. Катков, яко логічний державний централ, буде також нав'язувати малоруську мову великорусам, як тепер нав'язує малорусам, полякам і т. д.

Напроти того правдиві великорусофіли, т. є. московські слов'янофіли, котрих органом був у 1863 р. «День», полемізували з «Основою» і п. Костомаровим, але не відмовляли прав українців на розвій літератури і навіть боронили п. Костомарова від нападів п. Каткова, бо хоч московські слов'янофіли були дуже недалекі від великоруських інстинктів, однаке не були державними централами і політичними реакціонерами, а ще менше аристократами: вони були на свій лад теж «хлопоманами».

Щодо прогресивно-демократичної партії в російській літературі, що вийшла з так званих у 40-ві і 50-ті роки «западників», то ся партія мала в своїх руках більшість журналістики. Так ся більшість російської журналістики, в котрій, конечно, сотрудників найбільше великорусів, завше стояла за волю української словесності і за народну мову в українських школах. Її можна попрікнути тілько тим, що вона не виступала доволі енергічно в обороні українського діла. Але в усікім разі галицькій публіці відомі статті Пипіна, Прижова, «С[анкт]-Петербурзьких ведомостей», «Вестника Европы» і т. д.

На той час, як п. Катков підхопив напади київських клерикалів проти українофільства, українську мову в школах і книгах обороняли не тільки «Современник» і «Петербургск [ие] ведомости», але й «День» Івана Аксакова, хоч він і стояв за клерикалізм, і сам «Голос»⁴³, котрий проповідував тоді правдиві скедо-фероттівські ідеї. Однаке така була сила рутини в Росії в той смутний час і піднявшогося з того часу державного централізму, що не тільки в новім уставі шкільнім слово «отечественный язык» було замінено словом «русский», що значило «державний російський», через що українську мову витиснено з шкіл, куди вона, як ми бачили, стала входити (сим уряд російський робив тільки те, що і Франція, Пруссія і інші держави), але російський уряд прийняв міру, що пахла зовсім не духом нашого віку і в наших часах ніде, окрім Росії, неможлива, а іменно: адміністративним порядком заборонено цензорам пропускати у печать всякі книжки українські педагоги-

гічного змісту. Святійший Синод знов від себе заборонив такі ж книжки церковні, а через два роки опісля заборонив і проповідь на «простонародній мові і з простонародними словами». Приготовлені п. Костомаровим книжки зостались без видання, а так само і одобрене академією наук євангеліє. Розказують за вірне, що Синод заплатив типографії за дозволене попереду вже видання II-го випуска оповідань о. Опаторича, щоб тільки воно не виходило у світ. Кажуть такоже, що міністр внутрішніх діл п. Валуєв⁴⁴ говорив п. Костомарову, що се заборонення не є наконечне, а тільки часове задержання до менше смутного часу. Та й се зроблено було не в силу закона, бо видати закон, котрий би боронив не грязь книги, а форму, мову, і в Росії було не можна. Міністерство тільки неголосним адміністративним циркуляром приказало цензорам, щоб нічого педагогічного по-українському не пропускали. Цензори так стали усердствувати, що як у Києві печатається буквар п. Максимовича, котрий увесь був написаний по-церковнослов'янському і російському, а тільки у кінці мав одну карточку українських пословиць, то і сю карточку зчистили червоним карандашем. Попереду навіть Синод посorомився голосно зробити своє заборонення українських релігійних книг і теж зробив тільки приказ по духовним цензорам; але через два роки не постидався і голосно напечатати приказ проти проповіді на простонародних мовах, чим і показав, як далеко відступили нинішні архієпископи і митрополити від тих простих рибалок, що колись-то уловили світ простим «благовіщуванням».

Так завелось з 1863 р. у Росії, що по-українському можна було печатати стихи, поеми, повісті та хоть би і філософію Гегеля переводити на українську мову. Тільки того, що було б правдиво пищею для народу, не стало можна печатати. Колись-то у Росії і великоруси і малоруси піднімали спори про те, як широка мусить і може бути література українська,— чи така ж усестороння, як і російська, чи провінціанальна і простонародна, тільки на «домову потребу», як казав «День». Тепер заборонено іменно літературу «домовою», «простонародну», которую узнавали і москофіли. Та треба признатись, що і українофіли після заборонення такої літератури, що здавалась їм дуже вузькою і котрою вони не хотіли вдоволитись, ширшої теж не розплодили, хоч їм іменно зоставлена була воля на сьому широкому полю. Мало того, треба признатись, що українофіли не тільки не постарались обійти перепони, що їм поставила міністерська цензура задержка 1863 р., а ще як би самі постарались себе зв'язати. Найнатуральніше діло було б, після задержки у Росії, понапечатувати і перевід євангелій і учебники в Галичині, де народ тоді не менше, як і в Україні, був без книжок. Через те праця не пропала б марно, та й не пропали б і рукописі приготовлених книжок. Не знаю, що сталося з тими, що були послані в Петербург, але у Києві я сам читав колись гарно зложену зоологію, початки географії і святці, але де вони тепер, не скажу. Дуже вірно, що вони пропали.

Між тим така нісенітниця, як драма «Ятрівка»⁴⁵ і другі того ж автора, що зложив було зоологію, печатались тільки, щоби тратити гроші і викликувати сміх недоброжелателів української словесності (дві пом'януті драми потім були продані у Києві крамарям на папір по 1 копійці). Тратилася праця на переклади «Мазепи» Байрона або й стихів Фета і т. п. Се виходило з того, що хоть п. Куліш і гарно виложив у своїй статті у «Основі» «О простонародності української словесності», що ся простонародність єсть не сором, а сила сеї словесності, однаке многим українофілам дуже кортіло, щоб швидше побачити її у панському прибранику, зовсім як треба, по уніформі і з драмами, з поемами, з монологами, перекладами і т. п. А від того вони не дуже то горювали, що праця над простонародною освітою заборонена... Правда, що не дуже то напрацювали й над тим, щоб обогатити українську словесність і панськими творами. Зате немало було потрачено слів на жалоби у чотирьох стінах або, як коли лучалась оказія, у письмах у Галичину на московський централізм, котрий не дає їм робити їх діла. Такі жалоби і їх коментарі, які печатались у свій час у «Слові», «Меті» і т. д., були не без шкідливих наслідків у Росії, т. є. не жалоби на поліцейські і цензурні закази (бо хто їх похвалить, але хто їх і повалить самими закордонними жалобами?), а формула жалоб і мотиви, котрими у них вияснялись закази. Зі сторони галицьких журналів се була вина невольна, бо галичани міряли діла у Росії свою австрійською міркою: бачачи круг себе антагонізм і централізм племінний, боротьбу народностей, думали, що і в Росії те ж, і казали про великоруський гегемонізм і централізм, коли на ділі там був тільки більш державний централізм, а ще більш репресалії, що йшли від реакційної партії, котра і у великоруській сфері давила ще дужче усякі ліберальні і демократичні напрямки, схожі з южноруським українофільством. А українофілам треба б було трошки лучше знати діла свого краю і трошки менше кричати про племінний деспотизм «кацапів», а головніше треба б було мати менше страху, а більше такту, ціпкості і праці. Що після валуєвської задержки українські учебники і євангеліє не були послані до печаті у Галичину, тому причиною і те, що українських книжок мало було приготовлено, так що може б і без задержки їх не дуже б то багато з'явилося; а дальше і та догадлива недогадливість, питомо українська хитрість, по котрій часто українці самі себе перехитрюють. Були іменно такі, що казали: «На нас звели поклепи, брехню, буцімто ми вороги російської держави, а коли ми справді пошлемо наші книги за границю, то ми становимось схожі з польською і герценівською еміграцією і тоді наші книжки будуть заборонені надовго, а тепер лучше переждемо...»⁴⁶ У таких софізмах було більше пасивності і ліні, ніж зміїної мудрості. Ліні і неакуратність була причиною, що деякі з готових рукописей і пропали. Пасивність же і малодушність були винні, що українці на ділі більш себе зв'язували, ніж їх в'язала валуєвська задержка. У 1865 чи 1866 році у Катеринославі з'явилась українська брошурка для народу про судебні реформи російські. Брошурка була

зроблена не дуже то добре, але й не погано. Однако так собі і згинула без піддержки. А ся брошурка показувала, що деякі потрібні для народу книжки можна печатати по-українському і без задержки: і тоді, як і тепер, дуже велика є потреба з реа с у м у в а т и народові статті «Положений о крестьянах», о земстві, у котре крестьяни вибирають депутатів, о суді, у котрому народ сидить присяжними і т. д. Але крім згаданої брошурки нема нічого, написаного про се діло по-українському. Потім після 1863 року бували на Україні і епідемії так між людьми, як і худобою, та поучення, що робити у таких случаях, ніхто не написав. Ніхто не написав нічого і про позичкові каси, про торгові товариства і таке інше. А се все не могло б бути заборонено ніякою цензурою. А в добавок усього — що ж могла зробити цензура? Заборонити печатати книгу у Росії. Та хіба тільки світа, що в вікні?

Треба признатись, що українофільство показало себе самим слабим і недогадливим з усіх ліберальних напрямків у Росії. Так званий «нігілізм» потерпів кар, висилок у дальші губернії більш, ніж українофільство, потерпів навіть висилки у Сибір таких голів, як Чернишевський (чого не було ні з одним українофілом), однаке устояв: «нігілізм» перевернувся у «позитивізм» і став ще дужчим і серйознішим; замість одного закритого журналу («Современника»⁴⁷) з'явилось два («Вестник Европы», «Отечественные записки»⁴⁸ під новою редакцією) або закритий журнал змінив трохи ім'я і назвався замість «Русское слово»⁴⁹ — «Дело»⁵⁰, та й годі! Заарештовувала цензура оригінальні твори — появлялися переводні; задержував їх по новому закону о печаті (з 1865 р.) окружний суд, автори і переводчики вели процес до самого сенату, і коли не добивались зняття арешту з книги (що бувало не раз) або обмеження сили духовної цензури виясненням закону через касаційний департамент сенату, то усе-таки самим процесом, напечатаним у газетах, річами адвокатів, вели пропаганду тих самих ідей, котрі хотіла заборонити цензура. Часто заказ помагав ще більшій пропаганді, ніж коли б книжка з'явилась смирно. А коли видано закон про печать 1865 р., після котрого книги, не менше як у 10 листів, мають виходити без попередньої цензури, то тим часом відкривалася дорога і українським книжкам такої ж величини (бо процес з-за одної тільки мови не можна було ждати від уряду). А якби над сподівання і зробили процес, то се був би случай вияснити власні принципи і відповідати на поклепи і брехні. Однаке ніхто не нашовся, хто б зробив хоч одну пробу такого видання. Від того, коли другі ліберальні напрямки в Росії усе більш розширяли круг своєї пропаганди, українська зужувалася до того, що те, що виказувалось і становилось якби аксіомом у роки 1860—63, стало здаватись якось чудним і смілим у послідні роки. А так як інколи ще реакційні російські журнали випи-сували тиради з галицьких журналів «Слова», «Мети» і інших проти туранізму і централізму великорусів і польські жалоби, що «Москва» давить і малорусів разом з поляками, а потім як «Слово» само перевернуло пропор, то почали перепечатувати поклепи «Слова», буцімто

«українофіли» у Галичині і на Україні запродались полякам (брехні, котрі з Галичини вивозили і туристи і кореспонденти, як п. Кельсієв⁵¹ і др.), то у Росії багато з людей, хто і не мав нічого проти українофільства у принципі, стали дивитись з великом недовіром на українофільство. Настоящі великорусофіли, т. є. московські слов'янофіли, правдиво мусили образитись різкими фразами галицьких і українських народовців проти великорусів, а ся обида зробила легким, що ті самі люди, котрі у «Дні» боронили українофільство від Каткова у «Москві» (щоденна газета 1866—68 р. під редакцією п. Аксакова, що була забита міністерськими карами за різку опозицію аристократично-бюрократичній партії, котра тоді через газету «Вість» явно почала боронити привілеї польських панів в західнім краю), казали самі, що українофільство — союзник поляків, і одрікали в принципі пожиток таких книг, як згадана катеринославська брошуря, хоч така ярка неконсеквенція для просвіщенного письма непростительна.

Так над українськими працями і питаннями мало-помалу став у Росії туман з забуття, мовчання або недовіри, брехні і лайки. А годи йшли, і дорогі годи! Як завелось по лівобережних і новоросійських губерніях земство (з 1864—65 р.) і з ним школи народні передані були у руки училищних рад повітових і губернських (що складаються з депутатів земства, предводителів дворян, коронних (смотрителів), інспекторів училищ, благочинних, а у губерніях з архієреїв), діло народної освіти пішло швидше. Говоримо не про київський край, бо тут як у році 1864 став попечителем кн. Ширинський-Шихматов⁵² (котрого прадід був кримським магометанським аристократом, а дід лежить святим на Афонській горі, а дядько був міністром освіти після 1848 р., т. є. у часи самої дужкої реакції і обскурантизму, коли попереду бувший міністром гр. Уваров, приятель Геттого і один з батьків формули «православие, самодержавие и народность», пішов в одставку, бо не схотів підписати приказів у роді того, щоб в університетах не було більш, ніж 300 чоловік студентів (окрім лікарів, котрі були потрібні для армії)), то клерикалізм узяв верх, а з тим почали гнати усе просвіщене і українське. Школа педагогічна була знесена, читальника, що почав вироблятись, знівчено, наміст його уведено читальника, вивезеного князем з Вільна, уробленого віленськими обскурантами і клерикалами. Князь не схотів помістити туди навіть невинної статті про Хмельницького, писаної по-російському і тільки з виїмками з українських пісень про Хмельницького (стаття з'явилась опісля окремою брошурою), задля того, що там споминається те, що, по словам догадливого князя, пора вже забути, ось як: рада, козак, гетьман і таке інше.

Стидно признатись, а треба, що орудієм до того, щоб виганяти український дух із усіх шкіл, були зовсім не великоруси, а уроджені українці: українець же учитель одної гімназії у Києві Багатимов (в брошурі «Южнорусский язык, южнорусская школа, южнорусская поэзия»), українець о. Недзельський (у брошурі «Южнорусская прав-

да», що узялось її розширювати київське свято-владимирське товариство духовної освіти), українець же Андріяшев⁵³ (у київському народному календарі, у народній газеті «Друг національності»⁵⁴) і інші, котрі колись не раз говорили публічно по-українському, тепер висказували, що між народом українським і великоруським не більша різниця, як між якою-небудь московською і тверською губернією, що мова українська — постидне насліддя хлопства під поляками, що пісні українські не можуть мати педагогічної сили, бо вже не знають іншого сюжету, як «била жінка мужика, за чуприну узяла» або «ой пошила штанни з валу» і т. д. (Для чого автор Багатимов, що якийсь час перед тим печатав статтю про естетично-музикальну природу українців, брав із збірника Метлинського тільки коротенький виділ пісень «шуточних» і брехав перед світом, що мовбите інших і нема.) Такі брехні дійшли до того, що сам полуофіціальний «Киевлянин», котрого редактор, хоч і не дуже то великий приятель українофільства, а усе-таки чоловік просвіщенний, бувший професор університету п. Шульгін докорив київських українофобів тим, що вони тільки перебріхують речі польських філологів і критиків третього сорту, і нагадав їм байку про ведмедя і монаха і пословицю: застав дурня богу молитися, то він собі і лоб розіб'є. Додам, що князь Ширинський розіслав одтиски статті Багатимова по чотири екземпляри на кожну гімназію, а календар Андріяшева підніс самому цареві і цариці!! У київському краї і російських школ не дуже то багато після 1864 року розмножилося, а як настав міністром освіти у 1866 р., після каракозовщини, гр. Толстой, то клерикалізм узяв ще більшу силу. Хоч у 1869 р., уступаючи голосу усіх органів російської печаті (не виключаючи на сей раз і «Моск [овских] ведомостей», що признались, що Росія стала назад і від Турції у народній освіті і що доти не буде се діло йти добрым порядком, поки не заведуть особливо підготовлених педагогів; а попереду Катков казав, що таких не треба і що буде й духовенства, та хвалив міністерський проект гр. Толстого, у такому дусі зроблений), одкрили у Києві знов і школу педагогічну, усе-таки діло освіти сільського люду ледве-ледве бреде. Та як йому і йти, коли по міністерському положенню школа народна світська тільки тоді може бути заведена, коли того попросить громада сільська і на те згодиться епархіальний архиерей, а епархіальні архиереї, особливо київський митрополит, завше не згоджуються!

У школах земських у тих губерніях, де уведено земське положення, виявилася, хоч і смутно ще почута, потреба учебних і читальників книг, приспособлених до українського народу. Ще раніше перед тим лучші російські педагоги: Ушинський⁵⁵, Венель, Водовозов, з котрих перший і послідній зробили найлучші у Росії читанки для народних шкіл, висказали, що учити усі краї Росії по одних книжках і читанках не можна і що бодай хоч у самому елементарному ученню треба починати з народних, крайових мов. Для того Ушинський поставляв у примір школи Фреліха у Цюриху, у котрій починається наука з крайової мови і потім вже доходить до класичної німецької. Як поробили російські пе-

дагоги у Петербурзі і Москві читанки для народних шкіл такі, які вимагає нова розумна педагогія, т. е. мовою народною, з народними пословицями, піснями і т. д., звісно великоруськими, то ще явніше стало, що по одним книгам вчити у Великорусі і Малорусі не можна, що чим лучше буде зроблена книга для первої, тим гірше для другої і навиворіт. Сам п. Ушинський казав, що у Малорусі лучше вже було б вчити по церковнослов'янському, ніж по його книжці. Згаданий нами вище бар. Корф, як почав вчити по книжці Ушинського, то висказав печатно, що нерозуміння українцями мови російсько-великоруської є великою перепоною науки і що земства мусять просити уряду дозволити заводити у школи книги, писані народною мовою. Таке ж саме було замічено і у другому місці южної Русі, де земство усередно узялось за народну освіту: у Борзnenському повіті Чернігівської губернії. І там один з учителів народних п. Добровольський зложив «Букварь для южнорусских школ», виходячий з того начала, що як мова російська і великоруська українським хлопцям, що ще тільки починають вчитись, незрозуміла, то треба зложить буквар з таких слів, котрі общи обом мовам: і російській, і українській. Се щаслива догадка п. Добровольського, і він додержав своего начала у букварі доволі порядочно. Земство борзенське напечатало сей буквар на свій кошт, і перше видання вспіло скоро розійтись. Але по російським законам усяка книга для науки у школах мусить бути одобрена учебною радою або коло міністра, або коло попечителя округа. Як прийшов буквар Добровольського до ради попечителя у Києві, там перелякались не самого букваря, а заголовка його «для южнорусских школ». Однаке одобрили його з незначними відмінами, тільки скандалізуючий заголовок викинули і друге видання вийшло без нього. Буквар розходитья по українським школам і легчить дуже початкову науку. Практичність указує, що треба б було і другі книги поробить, збудовані на тім же принципі, т. е. не розриваючи з державною мовою і її правописсу у Росії, бо тоді книги не будуть допущені у школи, а тим часом близькі до мови української і повні статей, маючих практичний і теоретичний інтерес для народу українського. Але самим найпрактичнішим ділом, здається нам, було б вироблення читанки по ідеї Фреліха і Ушинського, т. е. українсько-російської, котра попереду, звісно, зразу неувійшла би у школи, яко усе-таки противна шкільному уставу, а особливо його толкуванню теперішнім міністерством, однаке, через вияснення її ваги і пригодності у печаті, пробила б собі дорогу і у сім'ї і школі, через розуміючих діло людей і земства. Як би там не було, але заведення земських, особливо повітових, учебних рад, хоч як не мало ще земство має у них уделу і як не рідко де воно серйозно узялось за школи народні (так, як у Александровськім і Борзенськім повіті), але усе-таки земські училищні ради — се місця, де можуть піднятись і вияснитись питання і про практичну потребу українського викладу у школах, бо потреба сього викладу не видумана з політичних або яких других фантазій, а виходить з самих елементарних ідей новішої пе-

дагогіки: наглядного і живого учения. І як тільки хто захоче приложить сі ідеї до шкіл у Малоросії, як тільки серйозно задумається про народну освіту, так і логічно прийде до українського викладу, хоч би ради державних і інших потреб і не виключного, а змішаного з викладом державної російської мови. А від кого ж ми і мусимо ждати серйозного і освіченого погляду на шкільне діло, на діло народної освіти, як не від депутатів земства в учебних радах і від земських зборів? Тут бачимо ще раз, що діло української освіти зв'язано тісно в Росії з ділом прогресу усієї держави і розвою тої нової, вольної Росії, котрої демократичне українофільство було і є тільки одним з появів, і що надія української освіти лежить, між іншим, у зрості і ширенні тих земських управ, зборів, рад, котрі заведені уставом 1864 року.

Правда, що так зване у Росії земство ще дуже слабий зросток, не маючий ще великої сили перед адміністрацією і часом не вияснивши ще своїх задач. Роботи його паралізуються ще порядочно великим процентом реакціонерів у дворянстві і особливо у духовенстві і малою освітою у міщанстві і у селян. Від того діло здорової освіти народної не скрізь стало таким старанням, як, наприклад, у Александровськім і Борзенськім повіті. Дуже інтересно, що одні з самих передових місць у Росії, де земство робить для народної освіти, се Вятська губернія і Нікольський повіт Самарської, у котрих земства майже виключно складаються з депутатів крестьянських. Найбільш слаба робота і серйозність погляду на діло народної освіти у земських зборах губернських і губернських учебних радах. Раз, що вони стоять дальше від практики і народу, ніж повітові, а у друге, тут винне заборонення видавати гроші за суточні проїздки депутатам сільським з повітів і сила президента зборів земських, непремінно предводителя дворян (дві міри, що уряд видав у годи після 1866 р., щоб ослабити ними заведене земство); вони дають губернським земствам аристократичний характер, а у губернських училищних радах мають верх губернатори і архиереї, особливо послідні. З того случається, що губернські збори і училищні ради відносяться або індиферентно до шкільного діла, або показуються реакційними, як показалась рада полтавська у ділі школи п. Лесевича⁵⁶ у Лубенському повіті, трохи знаному і галицькій публіці з тих фактів, що були вийняті два роки назад «Правдою» з «Санкт-Петербур [ургских] ведомостей». Ми не можемо обійти цього діла у нашій кореспонденції, бо воно теж може причинитись нашим галицьким браттям до фактичного знакомства з нашими обставинами.

П. Лесевич, поміщик Полтавської губернії, сотрудник ліберальних петербурзьких журналів «Русского слова» и тепер «Отечественных записок», одрікся в часи введення уставної грамоти для його бувших кріпаків од значної суми грошей, коло 4000 рублів, з тим, щоб на них була заведена позичкова каса, а з процентів — школа. Селяни вибрали його попечителем школи. Учителя узяли з київської педагогічної школи у році 1864, але скоро начались цього учителя звичайні перекори з більшім священиком і благочинним, котрі хотіли, щоб

школа прийшла у їх руки. Для того узнали самим пригодним средством доноси на школу, що вона веде українську сепаратистичну пропаганду. А тут же у р. 1866 з'явився у дуже погано вибрану годину, якраз у самім розгарі паніки і реакції після каракозовського атентату, у «С[анкт]-П[етербургских] вед [омостях]» розбір книги для шкіл київського учебного округа, завезеної з Вільна князем Ширинським. Тут було висказано, що замість редакції такої книги, як віленська, що у началі ставить церковнослов'янські псалми, потім статті по-російському (найбільш неудачно вибрані), а потім пісні великоруські,— аксіоми педагогічні вимагали б почати з пісень і статей малоруських, а потім уже ставити російський виділ, а потім церковний, так як педагогіка велить починати з ближчого і йти до дальнього, але не почати з далекого, а йти ще до дальнього. З поводу цього розбору завелася велика полеміка (пом'януті вище статті київських ругателів української мови і народу були писані проти цього розбору), у котрій п. Катков казав, що сей розбір написаний по одному mot d'ordre⁵⁷, що й статті Мазада⁵⁸ у «Révue des deux Mondes», поляків у «Часі» і т. д., по котрому і Каракозов стріляв на царя, і ссылався на «Dziennik Poznański», буцімто Шевченко умовлявся з польськими революціонерами про союз українофілів з поляками. У цій полеміці прийняв участь один з енергічніших дільців у земстві пирятинськім і чернігівськім (тепер мировий суддя у Петербурзі) п. Іgn. Закревський і вказав на школу п. Лесевича, не називаючи її по імені, як на примірну, бо у ній починається наука з української мови, потім переходить на російську і потім на церковну, і через то хлопці і виучуються швидше і з толком читати, і, укріпившись у читанню на рідній мові, тим лучче і з меншим трудом виучуються читати і по-російському і церковному. Управі князя Ширинського дуже захотілось найти і знівечити таку школу, котра була живим докором теоріям київського клерикалізму і не могла бути докоряєма у сепаратизмі і українській виключності. Іереї лубенські і усердіє полтавської училищної ради, у котрій після архієрея головнішою особою був директор гімназії п. Кульжинський (українець), прислугувалися князеві. Іереї донесли, що у школі п. Лесевича ведеться противу законне обученіе по-українському, але лубенська повітова училищна рада не послухала їх і нічого не зробила ні школі, ні учителеві. Тоді обернулись до губернської ради, котра і звеліла школу одібрати з рук п. Лесевича. Однако крестьяни заявили, що вони не хочуть і школи і обернути на що інше гроші, як у них одберуть школу. Тоді велено було одставити учителя од школи. Але п. Лесевич приніс жалобу на губернську училищну раду у сенат, і сенат, полагаючись на доносі лубенської повітової училищної ради, скасував приказ полтавської і ствердив усі права громади, п. Лесевича і учителя. Полтавська рада мусила об'явити рішення сената і одмінити своє. Вона додала тільки од себе, щоб лубенська рада дивилася, щоб не було викладання по-українському і одібрала українські книги з шкільної бібліотеки. Надармо п. Лесевич жалувався і проти цього приказу у сенаті, бо устав шкільний і не говорить, щоб

можна було викладати науки на іншій мові, ніж російська, однаке не може забороняти толкування на мові, понятній ученикам, коли вони чого не розуміють, а ще менше забороняє держати у бібліотеках книги українські, коли вони дозволені до печаті цензурою, бо книги такі можуть служити не до викладу у школі, а до читання дома. Ми не похибуємось сказати, що сенат був би скасував і новий приказ полтавської ради училищної, стоючи на букві закону, як він стоїть завше у своїх рішеннях. А таким доведенням діла до кінця п. Лесевич зробив би велику прислугу для вияснення положення українських толкувань у школах і книг у сільських бібліотеках. Але, мабуть, і п. Лесевич піддавсь українському недугу не кінчати діла і вважати перепони, котрі стоять на дорозі, більшими, ніж вони суть на ділі. Однаке ми вважаємо діло школи п. Лесевича усе-таки ознакою і почином поступу в Україні, бо у сьому виявилося і те, що повітові училищні ради не дуже-то спішаться закривати школи по доносам іерейським, ні навіть по приказам губернських рад, і те, що сенат розбирає доноси і клевети г є строгій законності, а не по тенденційності. А те і друге одкриває надію на лучші часи... Правда, усе-таки, поки сонце зійде, роса реакції багато ще очей виїсть, а зложені у часи більшої сили реакції устави і особливо норови, противні українському народному движенню, багато будуть робити перепон ділу народної освіти на Україні.

Уже багато шкодило і те, що з 1863 року до 1872 року появилась тільки одна книжка для народу на Україні, писана народною мовою (катеринославська брошуря про суди), що зачаті у р. 1860—63 склади видань українських по великих і малих городах вичерпались і не скоро зновляться, що старі зв'язки порвались. Однако сей о с т а н і й рік рішив питання, котре не раз піднімалось між народовцями українськими: чи справді заборонене і досі печатання книжок педагогічних по-українському, чи, може, вже й сама адміністрація цензурна забула про своє заборонення? Вийшло посліднє, бо того року київська цензура, як ні у чому не бувало, пропустила друге видання «Дещо про світ божий», і тепер дорога другим таким виданням відкрита. Коли тепер їх не явиться доволі, народолюбці мають пеняти на себе, а не на цензуру. Воно, правда, все ще є повід жалуватись: книги українські, як «Дещо про світ божий», хоть би вони були і дуже гарні з педагогічного боку («Дещо» не без недостатків, але усе-таки його російський перевід, напечатаний у Петербурзі, розійшовся у двох виданнях), але усе-таки не будуть пущені у школу, поки не зміниться або не виясниться шкільній устав у смислі, прихильнім українським книгам так, щоби хоч рядом з російськими книгами були допущені у школах і українські. Але при теперішніх обставинах ні того, ні другого скоро ждати не можна. Тільки усе-таки не кидати праці і виливатись у самих жалобах українським народолюбцям нічого. Треба глянути на діло оком позитивним. Ми живемо у такі віки, коли сентиментальності, самі благородні, небагато значать, а коли треба дивитись на усяке діло з холодним розсудком і будувати усякий новий будинок політичний і культурний

тільки після холодного розбору певних фактів і беручи за основу будинку ті ж факти, але не такі, котрі живуть тільки у наших бажаннях.

Російський уряд у 1864 р. звелів учити у школах по усій імперії по-російському і тим зупинив український виклад, котрий почав був заводитися. Ми бачили, з чого случилось так, бачили, які інтриги, клевети і т. п. помогли подавити начало українського викладу. Але і без тих почастних причин, котрі ми описали вище, ми думаємо, що діло се мусило случитись раньше чи пізніше, бо інакше російська держава мусила би бути виключенням зо всіх других. І то вже велике диво, що початково міністерський проект шкільного уставу замість «російська мова» написав «*отечественная*», що міністерство давало гроші на печатання таких книг, як байки п. Глібова. Дуже шемрано, що деякі університети, і між ними київський (не думайте, що од того, буцімто він повний великорусами, ні — не мало там і українців, а на той час ректором був уроджений українець п. Іванишев⁵⁹, однак щирій прихильник і совітодатель журналу п. Говорського), заявили у своїх замітках на сей проект уставу, що замість «*отечественный*» треба поставити «*русский*», щоб не було ніяких «двоєзичностей». Се значило, що університети тільки більш були ознакомлені з системами державної освіти у других землях Європи, ніж чиновники, котрі писали проект устави і котрі швидше могли бути слабими перед тодішнім ліберальним впливом у Росії. Справді, що ми бачимо по других землях, де процентні відносини головної національності до інших, входячих у державу, схожі до російських, як, напркл., у Пруссах і у Франції? Хіба у Познані, Шлезії і інших німецька мова не господствує по школах? Хіба у Бретонії, Фландрії, Гасконії, Ельзасі не виключно преподавалось і преподавається по-французькому? Хіба чув хто, щоби у північній Германії було у школах викладання на «платдейчу», а у Провансії на *langue d'oc*? (Я знаю, що ви не згодитесь на зрівняння української мови до платдейча, але я поговорю нижче про се зрівняння). А між тим платдейч мав колись літературу не меншу, т. е. багато більшу, ніж западноруська, і тепер має писателів не менше, ніж має українська мова, і есть люди, що уважають його окремою мовою від сьогочасного класичного «*Hochdeutsch*»⁶⁰. Про Провансію і говорити нічого. Всесвітня слава старої провансальської мови і літератури звісна усякому. Усі філологи (головою котрих у сьому ділі стоїть Dietz⁶¹ у його граматиці романських мов) признають, що провансальська мова є самостійна у ряду чотирьох великих мов романських (італіянської, провансальської, іспанської, французької). У текучому століттю у Провансії з'явилось немало поетів народних, з котрих головніших Янесміна⁶², Обанейля⁶³, Містраля⁶⁴ академія французька звінчала преміями, однак у школах полудневої Франції провансальська мова не введена; недавно почали того домагатися патріоти провансальські, однак побачимо, чи скоро вони того доб'уться. Що бретонська мова зовсім окрема від французької, тут вже ніякого спору бути не може. В послідній війні у Парижі було 8000 мобілей з Бретонії, котрі не розу-

міли по-французькому, аж нічогісінько. У Бретонії теж завелись свої народні писателі, своє відродження; академія у Парижі вінчала і бретонських поетів. Але допіро п. Гедоз (*Gaidoz*), редактор «*Revue Celtique*» і один з головних бретофілів, осмілився виявити («*Revue des deux Mondes*», Decembre 15. 1871), що треба б було у школах бретонських учити по-бретонському, та й то прибавив, що «коли не у державних, так хоч у частних» і т. д. А, звісно, що Пруссі і Франція дальше пішли у ділі прогресу, ніж Росія. Яка різниця є між Росією і другими землями, се видно і з того, що у Франції нікому не прийшло у голову забороняти печатати які-небудь книги з-за одної мови, що у Франції відкрито дійствують національні комітети, фланандський, провансальський і др.; добавимо, однакож, що у Провансії не подумали ще про виготовлення ні евангелія, ні педагогічних книг для народу і тільки цього року самий талантливий поет провансальський Містраль додався зложити популярну астрономічну статтю у щорічно виходячому *Альманасі* («*Almanac Provençau*»). Виходить, що усім державам передходить у своєму розвою через ступінь централізму, і, звісно, ні одна держава не уступить сама собою ні волі земської, ні язикової центробіжним силам, поки вони самі не зложуться, не окріпнуть і не зуміють працею і умінням з практичною мудрістю склонити на свій бік народу по провінціях і добитись свого права у сили центротяжної. У Росії до останніх часів усе було у сні — і самі сили центротяжні. Патріархальна поліція Николая I не думала про такі мудрості, як національності, вона була довольна тільки тим, щоб, як сказав Шевченко, од молдаванина до фінна на усіх язиках усе мовчало або співало про благоденstві. Одтого у ті часи національності чужі: польська, німецька, фінська і т. д.— скоріш були привілеговані перед руськими, ніж подавляємі. У годі нашого *Sturm und Drang Periode*⁶⁵ 1856—63 піднялися і заявились сили центробіжні і з'єднали собі багато співчуття і у самій великоруській громаді, назначеній історією стати силою центральною, але тодішні устави, насліддя патріархально-поліцейського строю держави, не могли бути благоприятні вольній ініціативі, котра б дозволила їм зорганізуватись і прийнятись за тверду працю. Хіба було народним напрямкам постаратись самим овладіти адміністративними лицями і канцеляріями і добитись привілегій, як робили поляки і хотіли було робити деякі з українофілів? Але подібно ся не дуже-то гарна з морального боку праця удавалась і удається тільки остзейським баронам на шкоду усім народам Росії і самому німецькому бюргерству і остзейському краю. Яко необхідна по закону історії реакція проти центробіжних напрямків 1856—1863 мусив розвиватись у Росії державно-національний централізм, і він піднявся після 1863 р. і узяв собі за ідеал готові приміри Пруссії і Франції. Але після емансидації крестьян, теж по необхідному закону, мусили піти реформи, як земська, судова, полегшання цензури і т. д., а кожда така реформа більшає число кадрів і струментів, котрими мусять покористуватись усі елементи народні і соціальні, що рвуться до свободи. Тільки для усіх треба їм

братись за роботу чесно і тверезо, уміючи шанувати і законні інстинкти і вагу центральних сил.

Обернемось у почасті до діла української народної освіти. Правда, потребу тої освіти українофіли основують на окремішності і самостійності української народної мови. Однак спитаєм самих себе і між собою безсторонньо: чи вияснена так тая самостійність науковим робом, щоб стала очевидною? Ми ссылаємося на авторитети, говоримо: ось що каже п. Миклошич, сам великорус Лавровський, Даль⁶⁶ і т. д. Але по правді, де повна наукова граматика українська, зроблена на основі народної мови і виложена порівнюючим способом? Де такий же словар малоруський? Яку ж твердість можуть мати усякі розмови про український язык, а тим більше жадання офіціального призначення прав цього язика? Поки ми не маємо наукової граматики і такого ж словаря мови нашої, доти не тільки не порішиться, чи є ся мова такою ж самостійною перед російською і великоруською, як, напримір, італіянська перед французькою або хоч провансальська перед французькою, чи так вони відносяться, як *platdeutsch*⁶⁷ до *hochdeutsch*, чи є вона *ratois*⁶⁸, але поки не добудемо ми такого словаря і граматики, доти мусимо мовчати, зціпивши зуби і зачервонівши від сорому, як який-небудь недоук або проходимець кине нам докір, що наша мова є неорганічний жаргон. А коли не вияснено науковим способом до наукової безсторонності, що таке наша народна мова, то хіба незавчасно було і есть жадати, щоб державна влада завела її у школи, та ще й не тільки у нижчі, але й в університети у Києві і Харкові, як те висказувалось у жалібних письмах декого з наших і галицьких народовців? Та ще і того мало, доказати самостійність якої-небудь мови, для того щоб і призначано було мовою для шкільного викладу. Треба, щоб поперед мова ся нажила собі літературу, і не архаїчну, а нову, пригодну для практичних потреб сьогочасних. Хіба мало було і є мов, котрих самостійність безспорна, котрі мали і гарні епоси, і пісні, і письменну літературу, але усе-таки або зробились уже мертвими, або робляться такими, бо не мають літератури, пригодної до сьогочасних потреб, од чого народ сам їх кида без жалю, бо те, що ми кличемо народом, т. е. так званий «простий чоловік», є великий практик і навіть матеріаліст, і коли він держиться народності, то або з пасивності і консерватизму (котрий поважати нічого, бо ним держиться усяка середньовікова дурість), або тоді, коли бачить, що народна партія не кінчає своїх праць романтизмом, а веде народ до ширшої вигоди соціальної і економічної. У противному случаю, як тільки дух прогресу торкається народу, він кидає без жалю одно за другим: бо бідному чоловікові ніколи грatisь романтичною любов'ю до рідного побиту, а трошки розбагатівшому селянинові (а селяни скрізь у Європі, а особливо у Слов'янщині, суть головною основою, а інде то й остатнє прибіжище народності) хочеться швидше хоч трошки походити на панів, офіцерів, чиновників. Ся поява є джерелом великого зіпсуття, виробленого полупанською цивілізацією; але що ж казатъ, коли таке діється скрізь по натуральному

ходу розвою. З народовцями-романтиками (а ми скрізь бачимо, що ідея національності виходила з романтизму, а де-де то і досі романтичною зістается) і народом скрізь майже вироблялось, а то і досі виробляється чудне ці гро ⁶⁹: народовці скрізь майже відкривають народність, мов Америку, і відкривають книжним робом: їх інтересує археологія, етнографія, у котрій вони знаходять істотні черти народності, а потім з тою ж археологією, етнографією підходять вони і до народу; а народові хочеться почути що-небудь ще не знаєме, він біжить од свого життя і шукає чужого; кажучи наглядно, скажемо, що романтики-народовці танцюють скрізь метелицю, а народ забува і та рветься до польки і до кадрилі. Тоді романтики-народовці кидаються, щоб показати панам, офіцерам і чиновникам, і тим із народу, котрі рвуться у пани, що можна бути франтом і у шапці, і у світі à la тощік, видумують народні кадрилі і польки. Та се б то ще нічого, але одкопують у археології своїх краєвих панів-феодалів, своїх воєнних героїв, і так виробляється свій краєвий феодалізм, свій шовінізм для примани панів, панків і полупанків, котрий мало-помалу переходить і на народ і перероджує інстинктивний порив народу вирватись із свого традиційного і патріархального життя і круга ідей у щось дуже несимпатичне. Правда, що як довгі часи і енергічно працює романтично-народна партія, то вона усе-таки доводить народ хоч коли не до самопізнання і самокритики, то хоч до пізнання своєї окремості, і історія повертає так національний шовінізм, як і феодалізм, у користь реформи старих і зложених війною і династіями держав, у користь принципу народної волі і краєвих автономій (два начала, котрі тільки дають ціну в очах друга прогресу теперішнім національним напрямкам *). Але усе-таки довга праця над тим, щоб розбуджувати почуття народності через романтично-археологічний розворух старовини, багато уносить каліччя народному уму і чоловічому чуттю і задержує у середині народа дух поступу і самокритики, як се бачимо і в чехів, німців і самих італіянців (про поляків і говорити нічого). Але як народний напрямок, будучи етнографічно-романтичним, буде працювати з так малою енергією і з так великими і довгими перервами, як се бачимо на Україні, то він

* Нічого спорити проти того, що земля, де ідея народності найбільш зійшлась з ідеєю політичного, коли не соціального, прогресу, у останні доби була Італія; тут і пропаганда національної ідеї усього менше опиралась на романтичну етнографію. Італіянським народовцям нічого було ссылатись ні на які свадебні, похоронні і інші обичаї, бо елементом головним, котрий виніс ідею з'єднання і свободи Італії, була буржуазія, а не крестьянство. Багато помогло прогресові Італії і те, що клерикальний елемент був ворогом національності і що Пій IX ⁷⁰ скоро розбив мрії про церкву, которая ослобонить Італію, котрі то мрії стали вироблятись у часи Джіоберті і др. Але й італіянські народовці, щоб підняти свій народ на німецький і французький мілітаризм, оберталися до пройшлих часів, до археології і піднімали пам'ять про те, що Італія була колись «госпою, а не служницею народів», як каже Леонарді ⁷¹ і сам Мацціні ⁷². Щоб така пропаганда не оставила поганих коренів в народі, се не може бути. Яку долю відіграв археологічний обскурантизм, шовінізм і т. д. в німецькім національнім напрямку з часів 1813 р. і досі — се всім звісно.

не тільки не вспіє повернути свій народ з дороги, ведучої до утрати народності, а тільки у кінець скомпрометує народність у очах образованої громади і народу. А кажучи по совісті, український напрямок, як і усі національні, грішить не тільки романтизмом, але ще підходить під ту категорію, про котру ми тільки що казали. Щоб добитись чого-небудь і щоб стати у щирій пригоді народу, український напрямок мусить не тільки узятись за кріпку працю, твірerez і впрост обчислену на те, щоб одвітити уже видній потребі народу, вийти з старих народно-патріархальних форм биту і ідей і щоб первим ділом поставити не народність для народності, а соціальний, економічний і культурний чоловічий поступ народу, для чого народна мова і форма пропаганди мусять бути тільки практичнішою одяжею, а не метою. Для такої праці треба одложити на бік романтичні мрії, не так часто дивитись назад, у археологію і етнографію, як уперед (я кажу про пропаганду, а не про науку спеціальну, котра вольна у виборі своїх тем, но котра зате зовсім не національна, а просто вже космополітична), показуючи народові з симпатією у історії більш усього те, у чому можна бачити проби проведення у побит ідей будучого, як свободи особи, совісті, проби праці економічної, а найбільш усього налягати на розвій чуття гуманності і розширення духу свободи познакомленням народу з побитом других народів, та очистити його розум од поганського і середньовічного фанатизму, подати практичну поміч і виучити думати через науки природні.

З таким духом зроблена бібліотека книг для народної освіти пробереться шаг за шагом у народ, а помогти читати такі книжки може і та російська громада, котру заводить уряд і земство у Росії чим дальш з усе більшою енергією. Висказавши вище, що на заведення по школах на Україні державного російського язика я дивлюсь як на факт історично необхідний, хоч по-моєму і требуючий переміни і розумного противудійства виясненням його невигод, я не вважаю потрібним дуже плакати на сей факт, а особливо кричати проти «великоруського національного централізму», а ще менше виясняти його якимсь-то містичним напрямком туранської Москви⁷³, знівечити слов'янську Україну, як вона знівела слов'яно-руський Новгород і т. д. Ще менше вважаю серйозними фрази, котрі я сам чував колись у своїх братів-україnofілів, що лучше най буде народ наш безграмотний, ніж прийме освіту на «московській мові і од Москви, бо тоді він стратить народність свою». Не буду говорити про ціну сього виречення й такого народолюбія. Але просто скажу, що факти показують, що не тільки страти народності, але й страти мови української при російському викладанню елементарної письменності нічого боятись: викази, що печатає бар [он] Корф, показують, як при працях, на котрі не підуть і не спосібні і двох з сотні сільських учителів, мова учеників поти не міняється і вони не всвоюють російської державної мови до того, щоб писати на ній, і коли об чому жаліти, прочитавши сі одчети, так об тому, що через заборонення науки по українським букварам тратиться більше часу на

вивчення грамоти і дається менше розвою хлопцям. Од того на російсько-державні школи на Малорусі треба дивитись, тільки як на вивчення народу кирильській азбуці і передачу деяких фактів про світ божий, і стойть тільки народолюбцям виготовити невеличку, але гарну бібліотеку книг справді потрібних для народу, вона не скоро, та зате природно і без насили піде у народ, і народ розбере, хто йому правдивий друг і що йому несе користь. Безоборонна поява у світ «Дещо про світ божий» ставить у обов'язок видавати такі книги, а там можна буде подумати і про періодичне народне видання, котре тепер здається мені ще лишнім, бо ще не має для себе публіки. До того ж не сьогодні, так завтра, а треба сподіватись нового закону про печать у Росії, по котрому і в провінції можна буде печатати без попередньої цензури. Одне, чого довго ще може прийдеться ждати у Росії, то вольного уходу євангелія українського, напечатаного у Відні, і релігійних книг українських. Кажу так, бо знаю, що ніде так рутини, навіть у Росії, не має сили, як у духовенстві і особливо монашестві, з котрого складається «Святіший Синод», і противухристиянський приказ Св. Синода, щоб духовна цензура не пропускала книг і проповідей на «простонародних мовах», мусить продержатись довго. Окрім рутини, тут діє багато і та ненависть до живої проповіді, котрою одміняється духовенство східногрецьке, як і римсько-католицьке, бо у вас митрополит пішов проти молитвенника на народній мові і виступив проти «українського елемента» у релігійних книгах у Галичині. А у Росії Св. Синод не пускав у світ цілі 40 годів ще того російського переводу біблії, котрий зроблений покійним біблейським товариством в 1818 році і котрий усе-таки більш церковнослов'янський, ніж російський, а особливо, ніж великоруський. А хоч пустив його насили, щоб зробити конкуренцію герценовському виданню, так недавно ще, як лондонське товариство біблійне предложило, що воно буде печатати сей перевід на лучшому папері і продавати дешевше, тільки б Синод увійшов з ним у зв'язь для його розширення, Синод не згодився... Український переклад буде особливо ненависним російським «чорним», бо він по самій необходимости буде живіший і простіший, ніж навіть гарний російський (що ще *desideratur*⁷⁴), а особливо, ніж той, що тепер продає Синод, а навіть і лондонське товариство під заголовком «перевод на русское наречие».

Однако, хоч я говорю, що Синод не пустить довго українського переводу біблії, кажу се тільки у такій мислі, що поки буде цензура на переводи св. письма у руках Св. Синода. Одначе не треба преувеличati i сили цього Синоду, як то часто роблять заграницні публіцисти, знамомі з Росією тільки з офіційних фраз. Церков у Росії має силу, поки її дає державна влада: у сьому змислі Росія являє той ідеал, котрого хочуть національні ліберали, новокатолики і т. п. ліберали у ділах політики релігійної.

От як церков російська гнала розкольників, а у недавні годи Синод видав указ, по котрому діти розкольників, коли учатися у школах державних, можуть, як схочуть, ходити на уроки закону божого, але

можуть і не ходити, і, звісно, Синод се зробив не з своєї доброї волі. Захоче держава іншого часу знівечити цензуру духовну у Синода, то й однім безперечно.

Але хоч би і довго прийшлося ждати виходу у Росії віденського видання українського перекладу св. письма, се не повинно дуже відбирасти духу україnofілам з погляду позитивної науки і користі для народу. Св. письмо у нашій ідеї грає не виключну роля. У очах багато людей з україnofілів перевід св. письма потрібний особливо, щоб підняти у очах народа ціну його мови, которую він сам почав уже вважати мужицькою і [не] високою, розговору недостойною. Але на се можна сказати, що повагу народної мови можна підняти і другими книжками, тільки б народ бачив у них серйозну науку і практичну ціну. А з сих поводів головніше діло усе-таки виходить виготовлення на українській мові книжок, котрі б просто несли у народ лічші ідеї нашого віку, викладали б позитивні науки і давали б народу практичні відомості. Коли тепер україnofіли не виготовляють таких книжок, то мають жалуватись тільки на самих себе.

Каюсь, що зайняв так багато місця з поводу розговору про дві тільки нові книжки на Україні, з котрих про байки майже ще нічого не сказав. Ale втішаю себе тим, що переказав дещо не зовсім знане у вас про наші фактичні обставини у послідні і передпослідні доби. Я знаю, що багато з чим, мною сказаним, можуть не згодитись земляки мої і у нас і у вас, але я старався скрізь виводити мислі з фактів, та поданими мною фактами тільки й дорожу: як хто доповнить їх або виведе з них другі виводи, ніж я, то я сам перший готов сказати їому спасибі. У другий раз позвольте поговорити об останніх загаданих мною українських книжках у зв'язку з загальним становиськом і ціною стихотворства на Україні.

ТУРКИ ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ

Письмо к издателю «Нового времени»¹

Милостивый государь, в 31 № «Молвы», в статье «Чистое дело требует чистых средств», я между прочим разобрал часть из тех статей, которые помещались в вашей газете по «славянскому вопросу». Статья эта послужила поводом к нападкам на вашу газету со стороны других газет, между прочим «Голоса», который придал ей смысл обличения «нечистых средств, употребляемых гг. Лихачевым и Сувориным», между тем как мне не было никакого дела до счетов «Голоса» с гг. Лихачевым и Сувориным, а только до тех псевдославянофильских мнений, того особенного, так сказать, скалозубовского славянофильства, желающего всем славянам «фельдфебеля в Вольтеры дать», которое когда-то выражалось «Голосом», а теперь заняло видное место в вашей газете. Вы остались недовольны как «извращением смысла» моей статьи со стороны «Голоса», так и моими «политическими мнениями» и, приглашая меня заявить, что «Голос» умышленно извратил мою статью, сами обещали «поговорить о моих политических мнениях» особо. Я исполнил вашу просьбу и прислал вам свое заявление, а вместе с тем и несколько пунктов, о которых не мне одному желательно было бы получить «политические мнения» газеты, которая не раз сама упоминала о своем «неожиданном даже для себя успехе». Вы моего заявления не напечатали, своего обещания не исполнили, а вместо того в мимоходной заметке «извратили» и мои «политические мнения», приписавши им защиту мира в теперешнее время и причисление славянского вопроса к внешним нашим делам. Нет надобности считать себя «великим писателем», «пророком», «пифией» и т. п., как вы изволите теперь обо мне выражаться, можно быть о себе самого скромного мнения, гораздо более скромного, чем то, которое вы же сами еще недавно высказали обо мне в вашей газете, но при всем этом нельзя не счесть неотъемлемым человеческим правом желания, чтоб мнений наших, если уж их удостоили внимания, не искавали. Я имел особое основание ревниво относиться к тому, чтоб моих мнений не искавали, потому что голос мой, как бы слаб он ни был, принадлежит к числу тех, которые так старательно заглушаются в русской печати и административными и столично-антрепренерскими манипуляциями: это голоса так называемых украино-

филов, или украинских хлопоманов, голоса людей, которые еще с 30-40-х годов смотрят на дело славянской свободы как на свое, кровное дело и в то же время чужды и реакционных стремлений, напр. «Московских вед [омостей]», «Русского мира»² и разных старых славянофилов и новых славяноблаготворителей, и безоглядного шовинизма тех, кто гораздо позже нас заметил славянское дело, а теперь кричит о нем, как о своем открытии, и в сущности только портит это дорогое нам дело, и при случае слишком кавалерски переезжает по головам нашим. Таковы, напр., и вы и ваши сотрудники, которые носились с видимо непродуманными словами Ерошенка «украинец, но не украинофил», а совсем забыли, что украинофилы-то и были первые ваши корреспонденты из Герцеговины³ даже еще в «Биржевые ведомости»⁴, и пропустили без внимания, что украинофильство сделало из еврея Гольдштейна «героя в славянской войне»⁵. Вот почему я обратился в редакцию «С.-Петербургских ведомостей» с просьбой поместить письмо в 52 строки, как вы для чего-то сосчитали, в котором, восстановляя сущность своих мнений, сослался, кроме статьи, по поводу которой начался этот разговор, еще на свою брошюру «Про українських козаків, татар та турок», в которой высказал раньше вашей газеты свой взгляд на значение для нашего народа славяно-турецкой борьбы и на необходимость активной помощи сербам и болгарам в теперешней их попытке освобождения. Я мог бы сослаться еще и на другие, еще более ранние из своих скромных трудов.

Вы в 228 № объявили, что «не знали и о существовании этой брошюры», потому что «не принадлежите к народу *его* (Драгоманова) родины (курсив принадлежит вам), и что оказывается, что, «считая славянский вопрос внутренним нашим вопросом, мы, стало быть, не расходимся в этом отношении с „Новым временем“». Ну и бог с вами!— вот все, что я мог бы сказать, если бы все дело шло о наших личностях. Не писать же мне «откровенных» статей вроде тех, какие вы написали о г. Головачеве, не спрашивать же вас, на основании каких «политических» статей вы делали недавно в вашей газете весьма лестные отзывы обо мне как о публицисте, не приглашать же мне, напр., г. Суворина к тому, чтоб он заявил, что редакция «Нового времени» умышленно извратила смысл моих и своих статей, говоря о том, что мы, стало быть, не расходимся с «Новым временем» во взгляде на внутреннее значение для России славянского вопроса. Да, говорю, не писать же мне обо всем этом как потому, что мне противна чисто личная полемика, так и потому, что вы вот, принадлежа к числу немногих счастливцев-монополистов, которым дозволено иметь свой треножник публицистики, сосчитали, сколько строк я занял даже и в чужой газете! Я и эти последние строки написал с тяжелым сердцем единственно потому, что считаю небесполезным подчеркивать приемы обращения всякого литературного хозяина-монополиста с нашим братом, простым работником, даже такого, который, выступая на хозяйство, хвас-

тался, что вот, мол, я издатель-литератор, не то что другие — промышленники *.

Но вы решились написать следующие строки:

«Г. Драгоманов становится в позицию стратега и пророка и говорит, что если общество славянское и русское не поймет тесной связи между внутренними делами России и славянским вопросом, то оно «подвергнет сомнению как начало, так и благоприятный исход даже самих военных действий, если они, наконец, будут начаты со стороны России». Эта туманная фраза должна быть очень глубокомыслена, но мы ее совсем не понимаем. Если г. Драгоманов хранит в своей душе такие большие секреты, от которых зависит даже судьба военных действий, то не мешало бы ему поделиться ими с публикою не в этой форме пифических речей и сивиллических книг⁶. Полагаем, что г. Драгоманову еще рано садиться на треножник, да и мебель эта в наши дни возбуждает не то чувство, какое возбуждала у древних».

Правду говоря, первое, что нам пришло в голову при чтении этих строк, это слово одного героя украинской комедии: «Лукавиш, серденько, а добре розуміш!» Нашлись же другие, которые поняли хоть бы, напр., и ту статью, в которой вы тоже находили неясные «намеки». Да-

* Я остановлюсь только вот на чем. Ну, не будем спорить, пусть уже вы не знали моей брошюры. Но если вы «русский», а особенно славянский публицист, а не своего рода великорусский «сепаратист», или лучше партикулярист, с централистическими замашками, которые вы неправильно считаете за пан-руссизм или даже за панславизм, то вы должны бы знать хоть тот материал, из которого она почти вся состоит, а именно народные украинские и галицкие предания, песни и думы о борьбе с турками и татарами. Их-то вы уж должны знать, после того, как вы цитировали с восторгом даже солдатско-канцелярские подделки под народные песни о войне с турками, фабрикованные в XVIII веке. Вы должны бы знать эти песни и предания народа моей родины, если не потому что вы же писали в вашей газете обо мне как об издателе их, и даже если не потому, что об них знает ученый мир в Европе и России (где недавно об издании их сделала свой приговор академия наук), так хоть потому, что, по газетным известиям, теперь, в виду войны, народ и лирники на юге России живо вспоминают эти песни и предания старой украинской казаччины. А не мешает припомнить, что в теперь мобилизованной будущей д у н а й с к о й армии (трех округов — киевского, одесского и харьковского) почти все солдаты — украинцы. Самые элементарные требования политической педагогии должны бы заставить вас, если вы точно «русский» и славянский публицист, обратить внимание на предания народа, из которого взята эта армия. А впрочем, может, вам канцелярские предания и писарская поэзия больше по душе, чем народно-казацкие. Ведь забыли же вы недавно, обозревая историю стремления России к освобождению славян, даже взятие Азова в а ш и м и казаками, донцами, вместе с н а ш и м и, хотя не забыли же вы поставить в числе деятелей для славянской свободы даже Ивана III⁷, который, хоть и убежал от Ахмета, зато сумел для достижения специальных московско-владельческих целей опустошить славянский Новгород и Вятку, и приготовить немцам и шведам господство на Балтийском море, и насыпать Менгли-Гирея на «литовские» города Киев и Чернигов, и помог крымцам вместе с турками устроить второе, едва ли не помноженное издание батыевщины для всего юга Руси. Или и вы считаете Киев — «литовским» городом, а Украину — только за н а ш у родину, а не в а ш у? E sempre bene⁸, господа!

лее, не странно ли и даже не смешно ли видеть чувство самодовольства, с которым русский публицист, сидящий не только на треножнике, но и на сковороде «независящих от редакции обстоятельств», требует от своего собрата ясной речи и открытия «хранимых в душе секретов». Однако мы готовы поверить искренности вашего непонимания и ваших вопросов и открыть наши секреты, и вместе с тем дать вам еще один случай объяснить, наконец, давно уже недоумевающей насчет ваших «политических мнений» публике, что вы понимаете под словами «внутреннее значение для нас славянского вопроса» и даже «параллельное развитие славянских дел и наших внутренних», о котором вы, наконец, заговорили в заметке обо мне, хотя до сих пор публика не могла вывести из всех ваших слов ничего, кроме, разве, видов на увеличение «внутреннего употребления» турецкого табаку, так так никакой программы внутренней политики в вашей газете не было и следа!

Вы вряд ли хорошенко обдумали ваш вызов. Но, несмотря на всю его фельетонную форму, я вам очень за него благодарен. В самом деле: пора нам говорить открыто, уже не намеками, хотя бы и ясными для умеющих понимать их, а твердыми и прямыми словами, как прилично людям свободным и убежденным. Пора и вам, господа публицисты столичных журналов, показать, «какого вы духа есте», и, объявив свои программы, если вы их имеете, принять на себя ответственность перед всеми за ваши убеждения. Если же вы таковых не имеете и если вся ваша программа состоит в том, чтобы, лавируя между различными партиями и инстинктами общества и колеблющимися дуновениями из главного управления по делам печати, как можно более собрать и сохранить денег за подписку, то пора обществу в этом и убедиться окончательно.

Секрет, открытия которого вы требуете от меня, довольно прост, и хотя он далеко не лекарство от всех болезней, но в данном случае, в предстоящей борьбе за национальное освобождение двух народов славянских, весьма может быть пригоден. Для названия его нет надобности даже в 52 словах, а довольно и двух. Секрет этот называется —

Политическая Свобода!

Только эта политическая свобода: всенародное, земское представительство, с контролем над действиями исполнительной власти, с неприкосновенной свободой лица, слова, сходок, обществ — и может обеспечить хоть сколько-нибудь согласие деятельности правительства с национальными интересами и общественным мнением, своевременность проявления этой деятельности, не ждущей, чтоб турки вырезали десятки и сотни тысяч братьев наших прежде, чем мы надумаемся помочь им, а также только политическая свобода может хоть сколько-нибудь охранить нашего солдата от тех злоупотреблений и хищничества, которые были причиной неудачи восточной войны 1854—56 гг.

Уже в малом виде, в деле помохи сербам, мы могли поучиться тому, что за люди успели всплыть наверх штабного и гошпитального заведыванья делами и как начали упывать деньги, корпии, одеяла; посмотрим, что будет, когда настанет война,— не «станет ли опять Бог на Арапате смотреть, как крадут в комиссариате», не придется ли опять сочинять песенки вроде: «А как третьего числа нас нелегкая несла» — и кончать их опять крепким словцом тем, «к т о т у д а в о д и л!»

Говорят, теперь так не будет. Дай бог; но это будет счастье: ведь одинаковые причины производят одинаковые следствия, а наш политический строй и теперь совершенно таков же, как и до падения Севастополя.

Только политическая свобода действительно введет саму Россию в круг европейских стран и положит начало устраниению и в самой России бед одного порядка с теми, которые возмущают нас в Турции, а именно: истощение народа всякими поборами, начиная с отсталой, аристократической, давно уже осужденной и земством и печатью податной системы, кладущей всю тяжесть государства на мужика, этого русского райю, произвол чиновников, отсутствие гарантий личности, национальная и религиозная нетерпимость. Беды эти очень застарела, к ним до бесчувствия пригляделись мы и не возмущаемся ими, хотя многие проявления их стоят своего рода «жестокостей в Болгарии» и хотя они часто напоминали о себе и в последнее время. Ведь в последние полтора года, когда началось герцеговинское восстание, произошли аграрные «беспорядки» в чигиринском уезде, где опустошена и обезлюдена целая область, в Воронежской губернии, где сенатор Клужин получил права паши, а на севере Черниговской губернии продолжался хронический голод от аграрных порядков; ведь в последние годы до 2000 человек было без суда заперто в убийственные казематы, сослано административным порядком в дальние губернии, состоялось несколько с самой умеренной точки зрения варварских приговоров по политическим делам (напр., приговор 17-летней девушки к каторжной работе за о д н у социалистическую брошюру, каких в Западной Европе обращаются в публике тысячи). В самый разгар нашего газетного похода на турок и мадьяр не переставали ссыпаться щедрою рукою предостережения газетам; пять газет подверглись временному, одна, и притом подцензурная («Киевский телеграф»⁹),— совершенному закрытию (а между тем еще во время кандинского вопроса¹⁰ кн. Горчаков¹¹ писал, что печать в России свободна, так как правительство поставило себе целью развитие в русском обществе самоуважения); цензура не допустила к печати несколько русских переводов ученых сочинений, обошедших всю Европу; полицейскою бумагою закрыто ученое общество, труды которого хвалила русская, славянская и западноевропейская печать (киевский отдел географического общества); из судов Польши изгнан народный язык; совершенно запрещено печатание не только книг на малорусском языке, но и тек-

стов к нотам и даже исполнение малорусских песен в концертах; русские сектанты тщетно ждали свободы вероисповедания, а мирные проповедники, напр. штундизма, называющие себя «русскими братьями», сидели в тюрьмах и монастырях. В самое последнее время, под шум восточного вопроса, издан давно осужденный и осмеянный даже русской печатью закон об усилении власти администраторов, представляющий генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам право издавать разъяснения и дополнения законов, обративший Российской империю в какую-то децентрализованную помпадурию и собственно положивший конец всякой тени самостоятельности земских управ и дум городских; оживилась комиссия по пересмотру университетского устава, т. е. по уничтожению всякой самостоятельности университетов,— и все это, как нарочно, чтоб показать, что общественное мнение в России ровно ничего не значит; наконец, вероятно в виде отплаты мусульманам балканским, издано запрещение быть учительницами девицам-мусульманкам, хотя бы и выдержавшим на то установленные испытания,— мера, которую мог присоветовать кто-нибудь только для того, чтоб оскандализировать правительство, добивающееся равноправия христиан и магометан в Турции *.

Неужели же все это и многое другое в таком роде — не признаки турецких порядков в России? Конечно, многое в Турции гораздо резче, но на то она и Турция. Но зато в Турции есть воля хоть переходить из одной гяурской секты в другую, а, кроме того, даже г. Катков насчитал не очень давно в Турции больше народных школ, чем в России, а вы сами сознались, что розничная продажа газет в Константинополе вольнее, чем в Петербурге. А по всему этому разве мы, славяне Российской империи — великорусы, малорусы, поляки,— не вправе сказать, что и мы нуждаемся и «в действительных реформах», и в «прочных гарантиях их исполнения», какими в государстве, не желающем, чтоб его признали тоже больным человеком, может быть только самоуправление самого населения и политическая свобода.

Но мало того, отсутствие политической свободы в России и присутствие в ней турецких порядков, не говоря уже о тяжести их для всех славянских и неславянских народов, населяющих эту обширную империю, составляют главную причину, почему еще существует Турция в XIX в. Почему Россия так охотно попадала «в сети западной дипломатии», как говорят недогадливые русские патриоты? Потому, что со времен французской революции отошли на второй план «крес-

* Того же порядка две меры, благополучно действующие уже несколько лет: это недопущение к педагогической службе в гимназиях и университетах евреев, хотя бы и кандидатов и докторов, имеющих по закону равные права службы с христианином, и недопущение поляков в русские университеты больше чем 10 % всех слушателей; в Киевском 20 % для того, верно, чтоб не обрусили. А мы уже и не знаем, какого нравственного порядка огульное оскорблечение, и притом частного, а вовсе не политического характера, нанесенное в 1873 г. русским студенткам в Цюрихе!

товые походы», «греческие прожекты» и т. п. страшные для Турции старые слова, а на первый план выступили: с одной стороны, интересы свободы народов и народностей, с другой — интересы существующей власти. С тех пор, как «екатерининские орлы» и «казаки» пошли вместо Дуная на Альпы «спасать троны и алтари, поколебленные превратными французскими идеями», существование Турции и луна на св. Софии обеспечены были надолго.

Я довольно ясно для каждого, знающего хоть сколько-нибудь новейшую историю, намекнул на сходство восьмилетнего терпения со стороны России, как члена меттерниловского Священного Союза, резни греков 1821—28 гг. с теперешним миролюбивым попущением сербо-болгарской резни в течение полутора года, во время бисмарковского «союза трех императоров». Но вы почему-то пропустили этот довольно ясный намек. Неужели же вы не понимаете, где причина перевеса «сетей дипломатии над историческими стремлениями русского народа»? Государство, в котором под видом самодержавия, господствует своеволие чиновников, в котором даже в податной системе существуют еще сословные привилегии, в котором господствует система насильтвенного обрушения всех невеликорусских элементов, полицейская охрана господствующей церкви и нет самой элементарной личной неприкосновенности, государство, в котором даже правящие не могут же не видеть непрочности такого порядка вещей в наше время, а потому не могут не взирать со страхом на всякое свободное движение около себя, хотя бы и против Турции,— такое государство не может ревностно служить делу свободы и самоуправления славянских и неславянских племен даже под Турцией.

Конечно, совершенно отказаться от того, к чему стремился сотни лет русский народ, к чему он начал стремиться в лице казаков украинских и потом донских раньше правительства, никакое русское правительство не в силах. Но было бы противоестественно, чтобы подобное правительство обнаруживало большую ревность к установлению прочной свободы по соседству с собою; было бы противоестественно, чтобы к нему с доверием относились более образованные слои подчиненных туркам народов, которые вместе с тем и более патриотично настроены; неестественно, чтобы и это правительство могло быть дружественно настроено к этим слоям, к разного рода славянским, румынским, греческим о м л а д и н а м, которые, конечно, не для того же хотят низвергнуть иго турок, чтобы заменить его другим.

Все это, конечно, не может не мешать энергии и единству действий противотурецких сил, как это мы видели не только в течение всего XIX века, но и в последнюю сербо-турецкую кампанию. Перед войною упорно ходили слухи о нерасположении русского правительства к конституционной и в то же время наиболее национальной сербской партии г. Ристича¹², о том, что русские дипломатические агенты предостерегали черногорского князя против «сетей омладины». А во время войны сербы боялись, что Черняев¹³ поможет Милану¹⁴ про-

известь противоконституционный переворот, а сам Черняев имел бес-тактность сказать в речи, произнесенной при провозглашении Милана сербским королем, о том, что армия сербская должна действовать и против внутренних врагов, намекая на конституционную партию, как, по крайней мере, разъяснили этот намек русские газеты, в том числе и ваша, говорившая о враждебности к Черняеву этой конституционной партии, т. е. именно той, которая и была всегда партией всесербской патриотической войны. Вы еще намекали, что эта партия не очень-то дружественно настроена к России и русским вообще. Откуда же взялось это недружелюбное настроение? Вследствие господства в сознании всех образованных людей в Европе известного рода политических идей, никакое государство, построенное на развалинах Турции, не может не быть устроено иначе на началах конституционных. И самодержавная Россия должна была принимать участие в устроении конституции Греции и Румынии, должна ведаться с конституционной Сербией. Но искреннего сочувствия и доверия между свободными политическими партиями в этих странах и русскими политическими людьми быть не может вследствие разницы начал, на которых держится государственная жизнь России, с одной стороны, и Сербии, Румынии и Греции — с другой. Напротив, между ними всегда будет недоверие. Если чисто политические комбинации заставят Россию добиться такой или иной автономии Герцоговины, Боснии, Болгарии, произойдет то же самое и с ними, а уж особенно всякий вид покровительства со стороны теперешней России балканским государствам повел бы за собою только повторение отношений между Конгрессовой Польшей и Россией Николая I-го или же, по меньшей мере, остановил бы в такой же степени развитие этих стран и их учреждений в свободном духе, как это делается с Финляндией. Во всяком случае влияние теперешней России на освобожденных от турок славян, если бы это освобождение и совершилось, могло бы быть только вредное и вызвало бы в сербах, а далее и в болгарах только ненависть, которая легко перенеслась бы и на самое русское общество.

Эту противоестественность, это противоречие между тем, что называется «историческою миссией России» (изгнание турок из Европы), и турецкими порядками в самой России отлично понимают все «друзья турок на гнилом Западе», начиная от Меттерниха блаженных времен и оканчивая теперешними немецкими газетами противославянского направления и английскими — партии Дизраэли¹⁵. Все эти господа пугают, с одной стороны, Европу русским кнутом, а с другой — русское правительство «панславистическим революционаризмом», демократизмом сербской омладины и великорумынской партии. Разве не ясно, в чей огород кидал камушки Дизраэли, говоря о том, что все сербское дело подняли тайные общества? Вам, господа петербургские публицисты, был опять случай показать себя свободными людьми, а не лакеями, и разъяснить двойную гнусность этого иностранного доноса, хоть намеком указав на тот кредит, какой имеют в

России внутренние доносы. Но вы опять пропустили этот случай, как пропустили случай потребовать себе большей свободы, когда английская торийская печать заметила, что как в России нет свободы печати и лица, то поэтому русское правительство само направляет печать и волонтеров на Турцию. Вы показали вид, что «много довольны» внутренними порядками, что вы вполне свободны в мнениях и действиях, что в России доносы не действуют и страха тайных обществ и демократических идей никто в России не испытывает. На днях и лорд Лофтус вслед за своим премьером попробовал попугать наше правительство сербским и румынским либерализмом, заметив, что, ставши самостоятельными, эти соседние с Россией страны станут своего рода Польшами, даже превратятся в республики, и «обе не будут способствовать спокойствию и безопасности соседних держав». Как видите, очень тонко!

И что ж? Такие запугивания очень хорошо действуют! Лорд Лофтус получил ответ, что, по мнению русского правительства, полная самостоятельность Румынии и Сербии (тем паче, значит, Болгарии) как королевств есть «глупость», «*une sottise*», как счел долгом почитировать англичанин, и русское правительство пристало к дербиевскому проекту какой-то «административной автономии» Боснии, Герцеговины и Болгарии, хотя понимает эту автономию как-то по-своему, в более широком смысле.

Итак, все, что говорилось славянофилами о полном освобождении братьев, все, до титула «король сербов», с которым так носились вы, вслед за ген. Черняевым, все, о чем мечтали энергические люди у самих сербов и болгар, все это признано «глупостью». Не глупость — это «административная автономия», хотя и под гарантию держав, на которую теперь согласен и Дизраэли! Это значит — правление предстоящих расплодиться в Боснии, Герцеговине и Болгарии классов христианских кулаков и мелких чиновников, вдобавок еще правление, не имеющее выгод полной государственной самостоятельности, при которой хоть есть надежда на то, что народ страны хоть когда-нибудь получит то правление, какое хочет. Над этой административной автономией останется и власть султана и его чиновников, и еще опека всех консультов, которые деньгами и интригами будут делать себе из этих кулаков и чиновников партии: турецкую, русскую, австрийскую, английскую, прусскую и т. д.

Вот какое освобождение внесет к братским народам официальная Россия, объявивши их заветные мечты «глупостью». И люди, претендующие быть представителями «неофициальной России», будут иметь дух превозносить подобную славянскую политику, которая, попустив смерть десятков тысяч сербов и болгар и нескольких тысяч русских добровольцев, выступает с такою программою!

В этом поведении или нет никакого человеческого достоинства и смысла, или оно есть результат иностранной интриги, искусно пользующейся страхом despoticского правительства ко всякой

свободе, или же «официальная Россия» макиавелистически рассчитала, что вовремя поддержаные сербы и болгары, не пережив бойни и разорения, стали бы скоро на свои ноги и сделались бы сами за-вязью всеславянской свободы, более достойною надежд славянства, чем теперешняя Россия. Во всяком из этих трех случаев поведение «официальной России» в течение всего последнего движения не заслужит благодарности славянства, и если теперь измученные сербы и болгары, скрепя сердце, еще находят в себе силы восхвалять «старшего брата» славянской семьи, то только потому, что утопающий хватается не только за соломинку, но и за бритву.

Впрочем, и «неофициальная Россия» показала, что она сродни «официальной, или, лучше сказать, продукты официальной России в том, что вы и вам подобные без разбору провозгласили Россией народной, закрыли среди русских добровольцев представителей действительно порядочной и действительно народной России, как у нас всегда бывает и как всегда будет, пока не будет политической свободы, единственного условия для группировки чистых людей и разъяснения чистых идей искренним, но мало образованным людям. А славянские вопросы по особой их сложности и связи с внутренними делами, национальными, религиозными, политическими и социальными, так трудны для обсуждения в России чистыми людьми, что нет ничего удивительного, если до сих пор в нашем славянофилии преобладал всегда и теперь всплыл наверх обскурантный и ташкентский элемент. Мы говорим о наших добровольцах в Сербии, с которыми откупщики и приказчики нашей печати и даже некоторые более порядочные, но не дальновидные люди носились, как с призраком,— не знаем уже и которым по счету,— «зрелости нашего общества», началом самостоятельности его в решении политических вопросов. Вы, впрочем, и тут остались верны себе и, несмотря на небезвыгодную для вас репутацию слегка оппозиционного журналиста, воротившись из Сербии, сделали такой только вывод из всего этого общественно-добровольного дела, что, мол, «общественное движение в пользу сербов доказало, что правительство может опереться на общество, если захочет выступить активно». А если не захочет? То при чем тут «общественная самостоятельность»?

Да, хвастаться этой самостоятельностию нечего! Зрелое и самостоятельное общество заставило бы правительство послать на Дунай 200 [000]—300 000 армии, а не ограничилось бы отправкою 5 [000]—10 000 волонтеров из 55—60 миллионов одних русских племен. Да и эта отправка произошла только благодаря «попущению» правительства и теперь уже стесняется администрацией и полицией, а высшим авторитетом этот «знак русской общественной зрелости» назван опытом «вылить холодной воды» (*de jeter de l'eau froide* — как цитирует не без юмора лорд Лофтус в своей интересной депеше, *was his Majesty's expression*) на славянский энтузиазм русского общества», опытом, который и удался, так как, по словам высшего авторитета, «очень мно-

го русских офицеров убито, и энтузиазм (русских) к сербам сильно понизился». Не потому ли и ультиматум, остановивший Абдул Керима ¹⁶ уже тогда, когда легло столько голов сербских и русских, явился так поздно, несмотря на то что в газетах, имевших близкое отношение к Черняеву, уже за неделю до него были печатаемы отчаянные телеграммы, чтоб опыт обливания холодной водой русского общества удался лучше? Согласитесь, что стране, в которой возможны подобные опыты, чтоб обществу, о котором можно так говорить, далеко до того, чтоб хвалиться своею зрелостью и самостоятельностью? *

Но посмотрим ближе, какие начала принесли с собою в среду балканских славян эти посланцы неофициальной России, добровольцы «зрелого» русского общества. Об них мало говорили до сих пор, все больше или хвалили за энтузиазм и храбрость или брали за безобразничанье и пьянство, прибавляя при этом, что «в семье не без урода» и указывая на их храбрость, достаточно выкупавшую пьянство в глазах русских людей; а в последнее время хотя и поднялся крик о беспомощности положения русских добровольцев, о беспорядочном с ними обращении, но и эти крики могут быть утишены указаниями, что после поражения армии наголову везде бывают беспорядки, жалобы и т. п. Тут же, кстати, нечистота приемов всяких Бильбасовых дают вам и вам подобным дешевые лавры (причем вы читаете вашим товарищам по газетной печати мораль о приличном для публициста поведении, которое сами соблюдать не думаете), и «подвиг русского народа в деле помохи сербам и болгарам» все остается величественным! Правда, вы с самого начала натолкнулись на явления посеребренее, чем пьянство уродов семьи,— на битье русскими офицерами болгарских волонтеров, но вы поспешили сейчас же успокоить публику замечанием: «Такой уж мы народ: зубы побьем, а все-таки освободим». И над вами даже мало кто посмеялся и почти никто не спросил: «От чего освободим? от мордобитий?!» И критика поведения одних наших добровольцев и положения других не поднялась до сих пор выше обличения излишнего употребления ракии «уродами в семье» и невыдачи подвод «даже офицерам», как говорят жалующиеся в «Голосе». Только генерал Новоселов решительно и по всем пунктам обвиняет распоряжения генерала Данdevеля, но публика готова увидеть в этих обвинениях только пикировку двух генералов.

* Любопытно, как нежно передают русские газеты эти любезные слова: «sottise» и «jeter de l'eau froide». В «СПб. ведом.» «глупость» переведено «большим промахом», а «окатить холодной водой» — «охладить пыл движения»; в «Нов. времен.» — «успокоить умы!» Любопытно также, что чужой человек, «Times» выразился о разговоре главы русского правительства с Лофтулом, что первый говорил «с любезностью, не имевшею в виду выказать русскую гордость». Да, где ж тут русская гордость! Тут и искры уважения к русскому народу нет, потому что нет и зерна сознания своей к нему принадлежности! Так говорил барин о своей дворне. А русская печать смолчала с истинно холопской тупостью нервов. Неужели же притутились нервы и у общества?!

По сербским газетам и по письмам сербов в русские газеты ничего не поймешь; пишущие для печати сербы, по расчету ли или по хозяйствской вежливости, но не говорят о наших даже того, что говорят наши газеты, которые далеко не платят сербам подобно же сдержанностью относительно них. Только в кой-каких корреспонденциях да в прорывах, вроде вашего сообщения о мордебитиях, раздаваемых болгарам, мелькают черты «родного быта», занесенного нашими освободителями на Саву, Мораву, на тихий Дунай. Но зато эти черты ярки в письмах и рассказах самих добровольцев наших, и будет время, когда правда откроется перед нашим обществом, будет время, когда сербы откровенно перекрестятся и скажут: «Ну, избавил нас бог и от константинопольских и от русских турок!»

Наших добровольцев нельзя, конечно, сваливать в одну кучу. Был среди них процент людей, искренне и сознательно шедших послужить делу народной свободы, но многие из таких прямо и гэворили то же, что тургеневская Елена¹⁷: «Что делать в России?» Это, конечно, не ваши. Голосов, выражавших их взгляд на дело, в русской печати почти не было слышно. Мало того, их голоса не очень-то могли быть слышны и в Сербии, и не они стояли во главе дела. Затем честно и искренно шли крестьяне и значительная часть солдат. Эти шли «за веру пострадать», «честный крест» оборонять. Это тоже не ваши, господа петербургские публицисты; хоть вы и вторили православной ноте во всем этом движении, но вторение это, конечно, лицемерие, и лицемерие мало достойное! Но и эти несчастные страдальцы «за крест» не стояли во главе дела, они были только материей действия.

Во главе дела стали русские офицеры, из коих многие прямо говорили: «мне все равно», «некуда деваться», да генералы, да агенты славянских комитетов. Конечно, и между офицерами были люди порядочные, но весьма любопытно, что безобразничать начали офицеры, юнкера и вообще «благородные»; они увлекли и «простых», из которых даже пьяницы давали зарок «не пить», а главное, что из этих-то благородных выплыли наверх именно «бурбоны», что именно бурбонов понасылали наши, особенно столичные, славянские комитеты в качестве уполномоченных и что поэтому именно бурбоны дали окраску всему поведению русского отряда в Сербии. А как сербское правительство отказалось от всякой власти над русскими добровольцами, то наши несчастные освободители братьев от турецкого ига попали именно под иго бурбонского элемента, ничем уже не сдерживаемого и вдобавок прошедшего школу совсем уже бесконтрольного насилия на Кавказе, в Польше, во внутренней Азии. Письма и рассказы добровольцев, вполне достойных веры, говорят о безмерном мордебитии, привязывании к столбам на солнце, отбитии ушей нагайками, «вспыпании» 400 палок, чему действительно бессословно подвергались и солдаты, и крестьянин, и студент университета, и учитель гимназии от назначенных и самозванных командиров, из которых иные, как, напр., генерал Новоселов, начинали мордебитие еще с дороги, с Киши-

нева. В последние месяцы на тихом Дунае, на Саве, Мораве шло такое мордобитие, о каком уже даже и у нас, во внутренних губерниях, в последние годы мало слышно было. Грубостям же и жестокостям подвергались и сербы и болгары, под видом приучения к военному искусству. Наши бурбоны никак не могли взять в толк, что серба точно надо обучить военному искусству, но нет надобности приучать к рабскому и церемонному отношению к офицеру, особенно на улице, в кафане, словом, вне службы, и начали учить сербов и болгар не столько делу, сколько «знать начальство». Не только армейские бурбоны, а и свыкшиеся с русскими порядками журналисты, вроде вас, не догадались или не знали, что у серба или даже болгарина и под гнетом весьма несложного и притом чужого турецкого ига сохранилось гораздо больше столько же сознательного, сколько и органического, собственного «варварам», а особенно южным племенам, чувства личной неприкословенности, чем у нас, после стольких веков подчинения своему деспотизму, крепостному праву, табели о рангах, что даже в Турции, благодаря ее магометанско-религиозному строю и первобытности форм ее деспотизма, несравненно больше привычек равенства и бессословности, чем у нас. Тем паче в княжестве Сербии, где целые поколения не знают крепостного права, ни даже дворянства, и где младшее поколение воспиталось при действии политической свободы. А наши бурбоны вздумали учить сынов «гайдуков» и «войников» или граждан конституционного государства зуботычинами и палочьем!

Грубым самодурством и над сербами и над русскими отличались, по рассказам, именно высшие начальники, как генерал Даневиль, агент столичного славянского комитета, состоявший при штабе генерала Черняева, генерал Новоселов, начальник ибарской армии, г. Лашкевич, начальник отряда княгини Наталии и т. д.

Вот это-то бурбонство, презрение к чужой личности и национальности да еще совсем не нужная даже для сербской простой, как и для русской, народной религиозности парадно-архиерейская, византийско-московская помпа, с чудовскими певчими, куда как уместная на поле битвы вообще, а особенно там, где архимандриты командуют военными отрядами! — вот то «новое», что выставилось наверх у русских добровольцев в Сербии и закрыло то доброе, что у них было, кроме, конечно, храбости в бою, которая не есть принцип, а от весьма сложных условий зависящее органическое явление, а потому в данном случае и не подлежит обсуждению *.

* Рассказы и письма говорят также о денежных «неаккуратностях» или попросту о казнокрадстве многих заведывавших деньгами, присыпаемыми на волонтеров, и госпитальными, о «вычетах», неизвестно в чью пользу, о требовании расписок на высшую сумму, чем та, которая выдавалась, и т. п. При желании дойти до правды редакторам газет не трудно проверить эти рассказы. Несомненно, что иные из лиц, поставленных во главе дела, наперед были лишены доверия общества, знаявшего их. Так, напр., иные, присылавшие пожертвования, прямо говорили, что просят не давать их г. Токареву, известному своим

Впрочем, главные, дававшие тон, самодуры и бурбоны остались целы. Но мы готовы даже согласиться с тем, что все наши добровольцы, не исключая и главных бурбонов и даже часть тех, у которых как-то упливали данные им на партии деньги, были «теплые ребята», «хорошие люди». Но тем хуже для той России, где они не выучились иному *modus vivendi*, кроме башибузукского мордобития, раздаваемого всякому подначальному, не выучились уважать чужие народные привычки, тем хуже для вас, господа монопольные руководители и выразители общественного мнения в этой России, что вы, ни постоянной критикой внутренних дел наших, ни даже кратким напутствием, разъясняющим общие принципы служения свободе, не подействовали на воспитание этих теплых ребят, этих несчастных храбрецов, которым пришлось заплатить своими головами за медленность правительства в отсылке ультиматума Порте¹⁸ и послужить предположенному нашими правителями «обливанию холодною водою славянского энтузиазма в России». Они послужили к охлаждению энтузиазма к русским в Сербии и Болгарии!

Слова нет, вся эта экспедиция наших добровольцев не останется без следа в деле установления тесной связи между славянами разных племен. Кой-чему из нее поучится и русское общество, в том числе и пробам самостоятельной политической деятельности, особенно если не остановится на теперешнем моменте, а пойдет далее к политической свободе. Но пока теперь сербы, которые, надо заметить, ждали и ждут, как и мы, да и вы, надеемся, выступления против турок русской армии, а не нескольких тысяч волонтеров, имеют основание сказать, что если они со стороны официальной России видели медленность, неискренность и, наконец, оскорбление, то неофициальная Россия показала им не только примеры русской щедрости, русской

поведением во время губернаторства в одной из северо-западных губерний. Нарекания на ген. Комарова и штаб ген. Черняева, наполненный матушкиными сынками и протеже великосветских славяноблаготворителей, неумелость которых успела разозлить даже личного приятеля Черняева, купца Хлудова, проникли даже в нашу печать. И все эти обстоятельства, эта «неаккуратность» с вверенным обществом деньгами, эта сила рекомендаций из столичного большого света, наконец, эта быстрота, с какою всплыли наверх по-видимому чистого славянского дела тушицы-богомолки и ташкентцы-странники муравьевско-туркестанские,— вовсе не случайность, а неизбежная принадлежность турецкой Руси! Даже корреспондент «Московских ведомостей» (№ 292) желает изменения порядков в русских госпиталях в Сербии, находя в них «такие чиновнические условия, при которых не всякому приятно в них работать», и наивно удивляется, что «вообще в Сербии никто не знает, куда ушли деньги, обильно притекающие из России, тогда как английские пожертвования в Сербии можно сосчитать все до копейки». В том-то все и дело, что во всей России господствуют «такие чиновничьи порядки, при которых не только работать нельзя приятно», но просто жить нельзя, и в том-то и дело, что англичанами потому ведется счет деньгам общественным всюду, что Англия государство конституционное, в котором общественный контроль постоянно поверяет все дела сверху донизу, а в России всякий чиновник, поставленный хоть на час, считает себя калифом самодержавным и безотчетным!

храбрости, русской готовности помереть за дело убеждения, но вместе с тем и русских бashiбузуков, что бashiбузукские привычки и инстинкты могут быть у многих, даже порядочных и добрых сердцем, русских людей. Сербы и болгары могут, словом, сказать, что они видели Русскую Турцию! Независимо от того иные откровенные сербы и теперь говорят, что «вы бы, господа, у себя прежде устроили ту свободу и благосостояние, какие хотите доставить нам и какими у нас, в княжестве, мы пользуемся в такой мере, что вам и нескоро достигнуть». И относительно княжества Сербии это, конечно, бесспорно верно, несмотря на его вассальную зависимость от Турции.

А наши еще хотят освобождать братьев-славян и в других странах, кроме Турции! Что касается до этих славян под Австро-Венгрией, Пруссией, Румынией или, напр., в частности, до русинов (малороссов, или украинцев) под поляками в Галичине, под венграми в Восточной Венгрии, под немцами и молдаванами в Буковине, то, как ни справедливы их жалобы на национальное притеснение, как ни простительны их надежды на Россию как на возможную избавительницу (не так-то уж, впрочем, сильные, как у нас думают, и слишком часто подвергаемые искушению и разочарованию), но теперь, пока господствуют у нас теперешние порядки, нам, таким, какие мы есть, смешно и заикаться об освобождении этих «братьев» *. Ведь теперь даже притесненный

* Кроме национальных, есть в некоторых и славянских и неславянских землях, пограничных с Россией, в массе народа еще и социальные надежды, которые тоже не что иное, как только порождение недовольства настоящим, складывающееся по формуле: «Где же лучше? — Где нас нет». Это совершенно особ-статья, и мы о ней не упоминали бы, если бы не предвиделась вероятность хотя слабого повторения опять полуславянофильской и четвертьсоциалистической фразеологии о крестьянской миссии России, фразеологии, которая так шумно являлась на сцену в 1863—65 гг., когда даже в «Голосе» печатались в пику «лехитскому элементу в Польше» страницы будто из «Колокола», а то из «Романов, Пугачев или Пестель» Бакунина¹⁹ или «Народ и государство» Мартынова²⁰. Фразеология эта в наших газетах являлась с той бесцеремонной легкостью, к какой способен только русский публицист, который чувствует, что на практике ему не придется прикладывать своих слов, а со стороны чиновников в Польше и Западном крае скоро, после получения ферм за службу, окончилась весьма любезным союзом чиновнического, а дальше и антрепренерско-газетного демократизма со всякими противокрестьянскими элементами, шляхетскими, еврейскими и иными. Слабое подобие этой фразеологии видно и в вашей газете, в статьях о монархическом крестьянском русском строе! Действительно, народ, напр. в Карпатах и отчасти и в Молдавии, надеется, что если придет «московский царь» или «якийсь царь», то «панам и жидам не буде такої волі», а то и разделят землю поровну. Но эти надежды совершенно одного рода с толками о «слушном часе», «настоящей царской воле», которые были и у крестьян в России, и теми надеждами, что скоро царь будет землю делить поровну между всеми, которые и теперь ходят, напр., в левобережной Украине. Это довольно серьезное явление, и о нем можно говорить, но, конечно, не с петербургскими газетами; и, конечно, «слушный час», «настоящая царская воля» настанет в Карпатах только тогда, когда «московский царь» начнет делить землю поровну и в России. Но кто же об этом может говорить, кроме крестьян в Карпатах или в Полтавщине? В сколько-нибудь образованных слоях

словак и даже румынский жид пользуется большей свободой, не только личной, но и национальной, чем в России не только поляк, литвин, украинец, румын, грузин, но даже чем член господствующего великорусского племени, москвич, которому запрещала же полиция даже молебны у Иверской править за братьев-славян, или чем представитель «патриотической» русской печати, на которого только подует ветер из канцелярии, и весь его патриотизм, многолетний труд, имущество полетит, как карточный дом. Казалось бы, что хоть это последнее не должно быть секретом для вас. Не вспоминая уже истории с коршевскими «С.-Петербургскими ведомостями», ведь должны же вы помнить хоть распоряжение редакциям газет, развезенное прошлою осенью, в котором сказано было, что если газета пикнет по славянотурецкому вопросу что-либо не согласное с теми бесцветными заявлениями, какие были сделаны в «Правительственном вестнике», то будет сейчас же закрыта, не дожидаясь даже 3-го предостережения. Так вы уж сами сначала найдите секрет, как освободиться самим, если вы недовольны моими секретами.

Я же не знаю, чем кончится теперешняя *impasse orientale*²¹, но знаю, что турецкие порядки в России в течение всего XIX в. были лучшею опорою турецкого господства в Константинополе, не говоря уж о том, что они были и будут лучшим оправданием последних. Я не знаю, чем кончится теперешняя дипломатическая возня с Турцией; я не берусь предсказать всех путей славянской свободе в Константинополь, но знаю, что путь через Петербург и Москву был бы путь верный. Поставьте в России на место турок внутренних самую элементарную, человеческую и национальную свободу, турки внешние, а дальше и всякая мадьяризация и германизация славян, всякая полонизация русинов и т. п. не продержатся и трех дней. Я знаю также, что турка могут и не побить еще, а если побьют, то мы все-таки останемся дома рабами турецких порядков, если теперь повторим ту же ошибку, которую сделали многие довольно даже благомыслящие и неглупые люди во время польского восстания 1863 г., а именно: пустились звать общество к ополчению на врагов внешних, не заручившись сначала или не требуя хоть рядом с этим внутренних учреждений, политических прав, которые одни могут обеспечить плоды и внешних побед, если они еще и будут. В 1863 г. впервые пошла в ход подача патриотических адресов, и эти адреса были более достойны развитых людей, чем теперешние: во многих из них (тверском, костромском и даже петербургском) были ясные намеки на конституцию, и даже в ответе на петербургский адрес говорилось о том, что в свое время представители теперь общественные элементы так уже разделились, что новое повторение мешанины 1863—65 гг. вряд ли и возможно даже и в такой степени, как тогда. Теперь социалисты не пишут брошюру вроде Бакунина и Мартынова и, вероятно, ни «Голос», ни «Новое время» не станут проповедовать ничего похожего на социализм не только в России, но даже в Турции и Австрии! А потому мы имеем тем более оснований не говорить здесь о социальной стороне славянского вопроса, а только об одной национально-политической.

страны будут призваны разделить с правительством заведывание государственными делами, и даже журнал Каткова советовал потопить польский сепаратизм во всероссийской говорильне. В 1863—65 гг. этими людьми, которые думали совместить антипольское движение с делом русской и даже всеславянской свободы, воспользовались, но вовсе не для того дела, для которого они думали служить, вовсе не для освобождения славяно-польского, литовского, белорусского, украинского народа от панов и ксендзов, которые благополучно пережили грозу, а для германизации Польши под покровом ее обрушения для подавления свободного движения в самом русском обществе. Потом этих людей бросили, как выжатый лимон, и даже газета Каткова стала получать предостережения, а потом сделалась только лейб-органом гр. Дм. А. Толстого²², одного из самых желательных для польско-магнатской и острзейско-баронской партии деятелей, потому что ей всего менее желательно народное образование в России; введенные прежде реформы начали урезываться, и наконец вся Россия пришла в то состояние апатии, какое мы видели в последние годы и из которого многие надеются вывести ее через войну с турками. На место же исполнения славянофильских мечтаний явился «союз трех императоров», это повторение меттерниховского священного союза, союз, в котором прославленный русский канцлер, представитель «национальной русской и славянской политики», шел на помочах германизатора Бисмарка²³ и мадьяризатора Андраши²⁴, а русский посол в Вене, сотрудник славянофильской «Русской беседы», помогал низвержению министерства Гогенварта²⁵, желавшего сделать уступку славянско-федеральным требованиям чехов, и славянская Россия потерпела полуторагодовую резню сербов и болгар и теперь идет на какую-то «административную для них автономию», обеспеченную надзором семи нянек — шести великих держав и седьмой — Турции!

Все недавнее прошлое следовало бы теперь же зарубить на носу, чтоб не повторить прежних ошибок и упущений и по-прежнему не остаться у себя дома ни с чем и чтобы не обмануть и тех, в ком мы поддерживаем пылкие надежды. Зарубить себе это на носу следует прежде всего дворянским, земским, городским собраниям, которые теперь пишут патриотические адреса, да печати, которая их вызывает и подхватывает; тем ученым, профессорам, которые принимают теперь деятельное участие в публицистической агитации по славянскому вопросу, тем многочисленным комитетам, собирающим пожертвования и отправляющим волонтеров, развитым людям из этих волонтеров и их близким, всем этим «представителям русского общества» следует каждому в своей сфере поставить прямо, ясно и дружно вопрос о политической свободе, без которой невозможно успешное движение России не внешнее, ни внутреннее. Если в русском обществе и печати есть хоть капля общественного развития и достоинства, они должны это сделать. Нечего обманывать себя софизмами,

что, мол, «не время; дайте сначала внешних врагов одолеть». Так обманывали себя и в 1863 г., так обманывала себя и наполеоновская Франция. Мы не говорим, что нужно пользоваться временем, когда правительство нуждается в общественной поддержке для войны внешней. В настоящее время это соображение не идет к делу уже и потому, что правительство наше, очевидно, сделало все возможное, чтоб затереть сербское восстание, сдержать сочувствие русского общества к восставшим, погубило столько сербов, болгар и русских и уступило отчасти уже тогда, когда на карту была поставлена вся репутация России, не только как славянской земли, но и как великой державы; когда Турция действительно начала раздавать России «коплеухи», по официальному выражению, и притом гораздо более сильные, чем те, какие наше правительство скушало на здоровье во время кандийского восстания. Мы говорим: давно уже нужно нам было заставить наше правительство положить конец резне наших братьев в Турции. Теперь же, когда оно, ввиду невозможности продолжать свою гибельную политику, выступило более энергически, нужно настоять, чтоб *господство турок на балканском полуострове было покончено раз навсегда*, и если для этого неизбежна война, то нужно обеспечить успех войны общественным контролем над чиновниками; нужно сделать всю внутреннюю и внешнюю политику страны действительно славянскую, народную, реформирующую и освобождающую! Нужно, словом, и для братьев и для самих себя устроить дом, в котором можно было бы жить хоть сколько-нибудь по-человечески и развиваться беспрепятственно. Ограничиваться одими заявлениями, что мы, мол, готовы пролить кровь свою, если нам это прикажут,— значит повторять только фразы слуг, а вовсе не граждан: мы давно ходим, куда прикажут; нам ведь приказывали когда-то и спасать Турцию от египетского восстания, для того чтобы «превратные французские идеи не свили себе гнезда в Каире». Нас и теперь могут не повести против турок, могут и остановить на полдороге в Константинополь, могут ограничиться какой-нибудь половиной «административной автономии» славян турецких; наконец, после всей нашей службы, у нас все-таки останутся дома турецкие порядки.

Я думал, что если не все это, то хоть большая половина составляет азбуку для всякого образованного человека, который хоть сколько-нибудь жил и мыслил, но оказывается, что для вас это — секрет. Но если это так, то я очень рад открыть его вам. Очень рад буду, если вы сможете «поделиться им с публикой», хотя бы даже для того, чтоб высказаться о нем отрицательным образом. Если же окажется, что нам с вами еще рано до обсуждения в Петербурге таких материй даже в форме пифических речей о том, что составляет аксиому для образованных обществ, то, по-моему, гораздо достойнее молчать, чем с развязным видом говорить лакейские речи, хотя бы, как мы готовы верить, и с благими намерениями.

Р. С. Теперь события идут скоро даже для неповоротливой России.

Пока печаталась наша брошюра, мы прочитали три известия из числа тех, какие обращают на себя больше внимания.

Первое из них — об энергических мерах для сосредоточения войск у Прута — не заставляет, впрочем, нас взять ни слова назад из того, что мы говорили о необходимости общественного контроля над исполнительной властью и в военное время, если оно наступит. А кроме того, даже это сосредоточение войск на Пруте не исправляет ошибки допущения турок до взятия алексинацко-делиградской позиции. Если, в случае возобновления военных действий, турки успеют опустошить половину Сербии и Белград займет австрийцы, прежде чем русская армия дойдет до Дуная, то в этом никто не будет виноват больше, чем наше правительство.

Второе — известие, что князь Черкасский пред назначается для устройства аграрных отношений в Болгарии, — заставляет спросить: будет ли продолжаться преследование всякого намека на демократизм и социализм в России в то время, когда кн. Черкасский будет прилагать за Дунаем московско-славянофильский «полусоциализм», и не заведется ли рядом с официозными Гракхами²⁶ за Дунаем новое издание такой же официозной «партии „Вести“», которая на этот раз, кроме русских олигархов и остзейских баронов, и польских магнатов, примет в свою среду еще и турецких бегов, причем фанариотские греки будут связью этого нового задунайского «охранительного элемента» с петербургскими ханжами большого света?

Третье — о намерении турецкого правительства представить иск русскому правительству за убытки, причиненные Турции русскими добровольцами, которых русское правительство должно было, на основании статьи Свода законов, сослать в Сибирь за поступление, без особого Высочайшего разрешения, в службу иностранного государства. Русские газеты смеются над этим иском, которого, конечно, Турция не выиграет, но только потому, что никакой окружной суд его не примет. А примет его кто-нибудь, то Турция непременно выиграла бы, и будь русские публицисты более политически развиты, они бы воспользовались и этим случаем, чтобы указать еще раз на устарелость русских крепостных отношений граждан к государству и на несоответствие этих отношений с интересами даже этого последнего. Ведь к Англии подобного иска предъявить нельзя, именно тому, что англичане по конституции имеют право ездить без паспортов за границу и делать там с собою, что им угодно.

Вообще эти новые факты, о которых мы упоминаем в этом post scriptum'e, как и все те, о которых мы говорили в брошюре, показывают только всю неповоротливость и непригодность русского политического строя не только для жизни в нем народа, но даже и для интересов государства. Судьба поставила московскому царству, из которого выросла теперешняя российская империя, совершенно революционные задачи по всей западной линии от остзейского края до Черного моря, где на разные родственные и неродственные великорусам народные

массы и национальности легли чужие династии, племена-сословия, духовенства.

Какая есть возможность исполнять освобождающие, совершенно революционные задачи, политические, национальные и даже социальные и антиклерикальные, государству, сохранившему весь неуклюжий средневековый, полуазиатский строй самодержавно-клерикального боярского царства, заимствовавшего из европейских своих отношений только тормоза немецкой дружбы, утонченное французско-бранденбургское чиновничество да понимание принципа национальности в виде насильтвенного «обрусения»?

Из этих противоречий происходит нечто до того сумбурное и во внешней и внутренней политике, такая путаница, что ее не вынесет ни одна мало-мальски образованная и логическая голова. Одна политическая свобода может открыть хоть начало выхода из этого невыносимого «заколдованныго» круга.

УЧЕНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАПАДНОРУССКИЙ КРАЙ

[Рец. на кн.:] Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д [ействительным] чл [еном]
П. П. Чубинским, в семи томах

Последние 10—12 лет в русской ученой литературе характеризуются, между прочим, значительным вниманием к народной словесности. Большое количество изданий народных песен, сказок, пословиц, а также немалое число статей, монографий и книг по этому предмету начинает выгодно отличать нашу литературу даже среди других европейских. Но в этой литературе русской народной словесности есть один довольно крупный, хотя и не всеми примечаемый, недостаток, а именно — неполнота и односторонность: большая часть изданного в предпоследнее время материала относится к Великой Руси, и монографии и книги по народной словесности, быту и т. п., несмотря на общее название «русский», стоящее на их заголовках, почти исключительно занимаются великорусским бытом, великорусской поэзией, великорусским народным мировоззрением. А между тем нередко даже люди глубокой учености и тонкого анализа, делая свои заключения на основании одного только быта, словесности, мировоззрения великорусского, придают однако же своим заключениям широкое значение суждений о всем русском племени. Таковы, напр., за этою оговоркою, достойные всякого почтения последние труды Г. Щапова¹.

Подобная неполнота и односторонность, составляя в научном отношении только источник неверных построений, отражаются, по необходимости, и в общем образовании, в школе, в журналистике — уже более невыгодным образом. В то время, как, напр., горячие любители народной словесности, курсы, статьи и брошюры, популяризаторы толкуют юношеству, обществу и народу об Илье Муромце, Василисе Микуличне и т. п., входя часто в самые мелочи подробности, это юношество и это общество воспитываются в полном неведении о том, напр., что такая малорусская дума и ее герои, не уступающие ни в народности, ни в значении великорусским, и можно встретить даже людей с высшим образованием и даже, трудно пове-

рить, специалистов, которые имеют лишь весьма смутные понятия о малорусской народной словесности. Такого рода односторонность порождает особый, большей частью бессознательный, великорусский *партикуляризм*, тем более нежелательный, что он ведет за собой, как естественное свое последствие, партикуляризм и малорусский. С этим последним нельзя покончить иначе, как оказывая внимание, в науке и жизни, во всех тех случаях, где приходится иметь дело, кроме общерусского, *общественного*, элемента, с *народным*, в равной степени народному элементу обеих великих разновидностей одного русского народа, взаимно пополняющих и равно необходимых друг другу в целом *.

Вышеупомянутая односторонность отчасти может быть объяснена тем, что издания памятников малорусской народной словесности, явившиеся большей частью до 60-х годов, как, напр., издания гг. Максимовича, Срезневского, Метлинского, Кулиша, Костомарова и др., стали библиографической редкостью — именно потому, что упредили временем своего появления эпоху усиленного интереса к народному быту в наших культурных центрах. С 1863 г. в «Чтениях московского общества истории и древностей» печатаются «Народные песни Галицкой и Угорской Руси», собранные г. Головацким и др., сборник этот весьма не систематичен, варианты одной и той же песни встречаются в нем разбросанными, напр., таким образом: в 1 № «Чтений» за 1864 г., на стр. 1, 4, 13 и 71; разделение его отличается наивностью, напр., «песни и думки казацкие», «песни вояцкие», «думы о событиях обыкновенной жизни», «думки и песни образованного сословия» (отличаются в большинстве смесью приторности с цинизмом) и т. п. Но во всяком случае, по богатству материала это одно из самых крупных и важных изданий в таком роде. В целом, напечатанное до сих пор составляет три объемистых тома; множество песен в нем отличается высокими эстетическими достоинствами и характерностью национальной и древностью, как местной, галицкой, так и обще-южно-русской, наконец и общерусской; другие поражают своей близостью с песнями западных славян и даже западных народов вообще. Появясь подобное собрание на любом западноевропейском языке, или хоть даже на азиатском, но только в Западной Европе, о нем бы заговорила критика, им бы воспользовались исследователи, оно бы признано было крупным, плодотворным вкладом в национальную литературу и общечеловеческую науку. Но у нас не произошло ничего подобного: о собрании г. Головацкого было упомянуто только один раз вместе с другими

* В последние годы все более выходит из тумана, составившегося из старых шляхетских привилегий и нашего невежества, еще третий русский народный мир, говоря словами г. Бессонова, «мир особый, на общерусском корне параллельный малорусскому и посредствующий между Русью Великой, с одной стороны, между западным славянством — с другой,— мир белорусский» (Бессонов, Белор. песни, III).

этнографическими работами в одной из статей проф. Ор. Миллера в «Журнале Мин. нар. просвещ.»² за 1866 г., и до сих пор это богатое материалом издание прошло бесследно для нашей ученой литературы. Что до общества и публицистики, то, конечно, они еще меньше оказались в состоянии оценить такое издание и воспользоваться им. Не помогли и патриотические возгласы о «западном крае» и «братьях галичанах», ни личная история самого г. Головацкого, так интересовавшая некоторые наши издания. Наши журналы и публика говорили больше о том, как г. Головацкий стал из австрийского каноника русским статским советником, чем о его богатом сборнике, а публицистика довольствовалась противоречивыми фразами то «об исконном руссизме» западной Руси, то «об ополячении» ее вместо того, чтобы заняться разбором песен, представляющих одно из верных зеркал народного быта этого края.

Между тем как специалисты и люди, которые по профессии должны были заниматься малорусской этнографией, оставили ее совершенно вне круга своих интересов, в противоположность 30-м и 40-м годам, когда изданием и объяснением малорусской народной словесности занимались люди с такой подготовкой, как Срезневский, Максимович, Метлинский, частные люди на юге России понемногу взялись за собирание и издание, если не за объяснение, богатого местного этнографического и художественного материала: в 1864 г. вышел обширный сборник «Украинских пословиц» г. Номиса³ и Тощенький, но с почтенной попыткой на систематичность сборничек любовных песен (Пісні про кохання. Київ) г. Лавренко⁴. Перед этим незадолго вышел музыкальный сборник «Українські пісні» г-жи Баллиной (Харьков, 1863), который заключает и не напечатанные дотоле варианты, интересные не только по музыке, но и по словам, равно как и небольшой сборник г. Гулака-Артемовского (Нар. укр. пісні з голосом. Київ. 1868) и изящный и богатый в музыкальном отношении сборник г. Лысенко (Збірник українських пісень. I—II. Лейпциг. Київ. 1869, 1871), который только в самое последнее время дождался рецензии специалиста вместе с сборником проф. Рубца⁵ (Нар. укр. песни. I—III. С.-Петербург. 1871—1873). В 1869 и 1870 гг. вышли в Киеве два выпуска «Народных южнорусских сказок» под редакцией г. Рудченко⁶. Но издание, о котором мы сейчас упомянем, показало, что это все только небольшая часть того материала, какой лежал бесплодно для науки в тетрадях любителей, рассеянных по южной Руси.

Императорскому русскому географическому обществу⁷ принадлежит честь сосредоточения и возбуждения усилий, направленных к изучению юга Руси в этнографическом отношении и восполнения в русской науке того пробела, какой образовался благодаря отсутствию там таких учреждений, как московские — общество любителей русской словесности, общество истории и древностей, и небрежению к местному народному этнографическому материалу. Косвенно помогли

тут те толки о «западном крае», которые заняли наше общество и печать после польского восстания 1862—1863 гг.

С 1862 по 1869 г. географическое общество, по инициативе бывшего министра народного просвещения г. Головнина⁸, обсуждало разные программы для этнографо-статистического исследования так называемых западных губерний в трех их областях: литовской, белорусской и украинской, или, точнее, малорусской. В обе первые были отправляемы и экспедиции, но до сих пор мы не видим в печати трудов их, а одну из экспедиций, а именно в Белоруссию, комитет общества прямо признал «не увенчавшейся успехом». По всему видно, что в Литве и Белоруссии не оказалось местных сил, которые бы дали опору для ученой экспедиции; приезжие же «силы», вызванные после 1863 г. служебными льготами, оказались не на высоте задачи этнографического изучения края, который многие из них считали даже в корень «нечистым», или же их хватило только на широкие планы. Действительно, мы видим, что до 1863 г. этнографические работы о Белоруссии принадлежат почти все полякам (Чечет⁹, Зенькевич¹⁰, Киркор¹¹ и др.). В 1863—64 г., если не считать серьезного описания Гродненской губернии г. Бобровского¹² (2 т., 1843 г.), то окажется, что русских сил хватило только на издание беспорядочного и слабого во всех отношениях сборника «Памятников народного творчества северо-западного края», изданного при «Виленском вестнике»¹³ под редакцией г. Гильдебрандта. В довершение, в этом сборнике помещены как народные песни заведомо сочиненные виленскими литераторами, которые перед тем печатались в местных журналах с авторскими подписями*. Два толковых сборника белорусских песен г. Бессонова и г. Шеина¹⁴ появились в самое последнее время (в 1873 и 1874 гг.); оба принадлежат людям частным и посторонним краю, а первый снабжен предисловием, весьма резко относящимся ко многим деятелям в северо-западном крае и к их отношению к белорусскому народу. Серьезный труд по белорусской этнографии, сделанный русским местного происхождения, мы имеем только в белорусских пословицах, собранных г. Носовичем¹⁵ и изданных императорским географическим обществом. Г. Носович участвовал богатым вкладом и в вышеупомянутый сборник г. Шеина.

Если планы географического общества относительно описания третьей части западного края, малорусской, увенчались лучшим успехом, то этому причиной то обстоятельство, что здесь местное общество было подготовлено к такой работе умственным движением предыдущего времени, благодаря которому здесь русские этнографические труды, большей частью уже упомянутых выше лиц, взяли перевес над, во всяком случае, достойными почтения трудами польскими гг. Руликовского¹⁶ («Opiś powiatu Wasilkowskiego». Warszawa,

* См. об этом и вообще критику издания г. Гильдебрандта у г. Бессонова, Белорусские песни, I, XLIX и след.

1853). Новосельского¹⁷ («Lud ukraiński», Wilno, 1857), Стецкого («Wolyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym». Lwów, 1864). В 1869 г. географическое общество возложило на члена своего, г. Чубинского, поручение объехать область малорусского племени на правом берегу Днепра, т. е. губернии Киевскую, Волынскую, Подольскую, южные части Минской, Гродненской, край холмский, часть седлецкого и люблинского, что и было исполнено г. Чубинским в три поездки в 1869—1870 г. Во время этих поездок г. Чубинским и его помощниками было собрано множество разнородного этнографического материала (4000 песен, 300 сказок и т. п.). Кроме того, едва ли не больше доставлено было разными лицами, уже и прежде занимавшимися малорусской этнографией, не только на правом берегу Днепра, но и на левом и отчасти в Новороссии, до сих пор еще мало исследованной в этнографическом отношении. Из таких лиц, как видно по заметкам в «Трудах» экспедиции г. Чубинского, особенно много доставили материалов гг. Костомаров, Кулиш, Дыминский¹⁸ (2000 вариантов песен), Новицкий (5000 вариантов песен, записанных им и другими лицами), Залюбовский, Андреевский и др. Г. Лысенко положил на ноты много свадебных и обрядовых песен, отличающихся наибольшей древностью, а потому в особенности интересных для истории русской музыки. Гг. Новицкий и Ефименко¹⁹ приняли участие в составлении программ для экспедиции, г. Кистяковский²⁰ — в приведении в систему решений волостных судов, г. Антонович доставил данные для истории колдовства, г. Полинковский составил большую часть статьи о евреях, г. Михальчук²¹ принял участие в составлении статьи о поляках, г. Симиренко доставил фотографии с предметов бытовой обстановки и с типичных лиц. Многие лица доставили замечания о хозяйстве и других сторонах быта народного.

Не мудрено, что при таких условиях в результате экспедиции г. Чубинского составилось собрание материалов поистине изумительного количества, особенно если примем во внимание, что варианты песен приведены г. Чубинским не вполне, а по особой системе, с приведением только тех мест и слов варианта, которые отличаются от слов основного. Весь материал, доставленный г. Чубинским, географическое общество предположило издать в семи томах: Том I-й (два выпуска): общее предисловие; легенды, загадки, пословицы, колдовство. Том II-й: сказки мифические и бытовые. Том III-й: народный календарь. Том IV-й: песни обрядовые. Том V-й: песни бытовые. Том VI-й: волостные суды. Том VII-й (два выпуска): евреи, поляки; статистика малорусского населения; обзор малорусских говоров; жилище, пища и одежда малороссов. Вся эта коллекция печатается под общим заглавием: «Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским».

По настоящее время напечатаны: I выпуск I-го тома (1872 г., 224 стр.); III т. (486 стр., 1872 г.); I вып. VII т. (1872 г., 337 стр.); VI т. (1872 г., 406 стр.) и V т. (1874 г., 1209 стр.). О них-то мы и думаем дать краткий отчет читателю, исключив один первый выпуск седьмого тома как относящегося к всельникам *.

Из указания числа страниц напечатанных до сих пор томов материалов, доставленных и собранных г. Чубинским, можно составить понятие об объемах этой громадной коллекции. Из перечня содержания каждого тома можно видеть также, что вся эта коллекция не отличается систематичностью и логичностью в распределении материала: мы видим то слишком частные подразделения, не соподчиненные никакому общему, как в I томе и в VII, то слишком общие, как в V томе: ведь все песни *бытовые*, и действительно, мы видим в V томе всякие песни — от любовных до исторических; то видим, что заглавия не выдержаны логично: обрядовым песням отнесен особый том, IV-й, но ведь и колядки, напр., и веснянки тоже в своем роде обрядовые; в III т. собраны песни, и поверья, и обряды, привязанные к каким-нибудь дням в году, почему этот том и назван «Народный дневник», но тут многие поверья и песни о святых совершенно того же рода, что и в первом томе, напр., особенно духовные песни. Не сомневаемся, что во II томе, где будут помещены сказки, мы найдем много совершенно однородного с рассказами и поверьями о зверях, растениях, чертях, которые мы видим в I томе. Останавливаемся на всем этом потому, что вообще в наших этнографических изданиях классификация материала — слабая сторона и будет такою, пока в основу ее не положена будет генетическая классификация частей антропологии и социологии. По этой классификации материал, представленный г. Чубинским, должен бы был расположиться приблизительно в таком роде: Числовое описание племен, населяющих юго-западный край; антропологическое их описание. Данные быта семейного. Данные быта общественного. Данные для характеристики мировоззрения народного (языческие, христианские знания). Народная беллетристика — сказки и баллады, т. е. такие песни, как, напр., об убийстве разбойником брата женихого, отравление сестрой брата и т. п., которые теперь г. Чубинский поместил в бытовых песнях в таких главах, как «отношения к родственникам жены», или для которых он придумал такой отдел, как «отравление», между тем как песни такого рода вовсе не отражение типических сторон быта, но поются ради эффектности сюжета, как ради того же слушаются сказки, и большей частью, как и сказки, принадлежат к числу так называемых «бродячих рассказов», т. е. встречаемых чуть не у всех европейских и у многих азиатских народов. Само

* Этому выпуску была посвящена у нас особая статья М. П. Драгоманова «Евреи и поляки в юго-западном крае», в июле 1875 г., стр. 133.— Ред. [«Вестника Европы»].

собой разумеется, что в каждом отделе данные должны быть распределены, елико возможно, по культурно-историческим эпохам. Но если этого сделать нельзя, то лучше всего распределить их по какой-нибудь легкой внешней системе, в роде алфавитной или календарной для святых, зоологической или ботанической, как, напр., это сделано в «Deutsche Pflanzensagen» Пергера (1864), в которой только, к сожалению, как и у г. Чубинского, в I томе, растения не названы по-латыни, а только народными именами. Тогда, по крайней мере, хоть легко можно бы было пользоваться материалом для справок и пополнять его, что вовсе не легко при теперешних системах распределения этнографического материала, в том числе и той, какая принята в собрании г. Чубинского.

В этом последнем издании, чем больше всматриваешься во внутренность каждого тома, тем больше видишь следов необдуманности классификации материала не только по томам, но и по отделам и главам. Так, в первом томе видим целые главы, напр., I, II, I-й отдел V, или, пожалуй, всю V главу, совсем без заглавия; пятую главу видим озаглавленной и разделенной следующим образом: мир духовный (после какого заглавия стоят легенды о сотворении мира, сказания о Боге, Христе, сказания и песни о святых), духовные песни, черти, духо-человеки (между которыми встречаем, рядом с русалками, и ведьм, знахаря и даже мясо гада!), мифические существа (в числе коих видим змея, коего встречали и выше, грифа — и пигмеев, богатырей и т. п.), олицетворения (напр., доля, смерть,— а «элыдни» в предыдущей главе! — и рапхманов²², которым место рядом с сыроедами, пигмеями и т. п., и даже страшный суд, которому совсем тут не место). Миновавши все странности и нелогичности, только что отмеченные, нельзя не заметить, что все почти предметы V главы могут быть названы одинаково удобно мифическими существами или олицетворениями. Подобные же странности и нелогичности встречаем и в разделении песен, наполняющих огромный V том, названный окончательно: песни любовные, семейные, бытовые и шуточные. Первые, напр., разделяются между прочим на «любовь девушки, любовь парня», а дальше еще «счастливая любовь», а посередине: «посещение девушки парнем», или дальше: «несчастная любовь», а особо «разлука», «измена» и т. п., и даже «отчаяние» и т. д., и т. п. Особый отдел для «шуточных песен» был бы только тогда понятен, если бы эти песни были в свою очередь разделены логично, сообразно делению песен нешуточных, и если бы в этих последних мы не встречали особых отделов, как «пьяницкие», «словесные», которые совершенно одного рода с помещенными в «шуточных». А хуже всего в данном случае то, что в отделах, названных так нешуточно, как «любовь девушки», «любовь парня» и т. п., встречаем не только однородные песни с шуточными, но прямо варианты этих последних. Так, напр., исследователь впадет в большую ошибку, если будет видеть серьезные типические черты «любви девушки»

малорусской в таких песнях, как № 19 (стр. 9), с такими стихами, как:

На вгороді бузина коріністая,
Чортова дівчина норовистая.

Но и этим не ограничивается слабая сторона издания г. Чубинского по части систематизации материала. На какие бы отделы ни был разделен его сборник, в какой бы отдел ни попала известная песня, но можно требовать, чтобы все ее варианты были в одном месте, особенно при системе издания и счета песен и вариантов, принятой г. Чубинским, по которой песни отмечаются цифрами 1, 2, 3 и т. д., а варианты каждого номера буквами А, Б, В и т. д. Но какое же серьезное значение имеет счет г. Чубинского, если у него встречаете то и дело варианты одной и той же песни как отдельные номера, помещенные через несколько песен от своих товарищ, и почти всегда независимо от того новые варианты еще и в других отделах. Так, напр., в том же отделе «Любовь девушки» находим варианты одной и той же песни под № 11 и 51, под № 14 и 46 или же под № 44 и далее под № 214, и потом в отделе шуточных (стр. 1179) под № 230 и еще там же под № 236. Мы нарочно привели все почти эти примеры из одного отдела — для того, чтобы читатель видел, как много небрежностей в систематизации песен представляет сборник г. Чубинского и как легко было избежать их, так как удержать в памяти содержание песен одного отдела во время редакции его вещь не трудная, а при общей редакции тома достаточно было пересмотреть внимательно оглавление его, чтобы заметить, в каких случаях варианты одной и той же песни и с одним и тем же характером помещены в разных отделах. Мы привели примеры все почти из одного отдела и далеко не исчерпали их; но каждый отдел V-го тома сборника г. Чубинского полон примерами такой же небрежной систематизации, и мы бы не скоро кончили, если бы вздумали перечислять даже важнейшие примеры *. Довольно сказать, что даже варианты таких известных и характерных песен, как «Королевич» (смерть жены от родов), помещены на стр. 365 в отделе любовных песен с наивным названием «болезнь и смерть» и на стр. 766—778 в отделе семейных песен, под заглавием

* Вот еще несколько примеров: на стр. 335—337 помещены варианты А, Б, В, Г номера 660, а под № 662 еще один вариант помещен как особая песня, и потом опять новый под № 664 и под № 690; № 678 есть только вариант № 663, № 668 — вариант № 665, № 677 — вариант № 673; 678—663, № 684, 685, 686, 687, 693 не отвечают тому отделу, в котором помещены. № 709 — вариант 698. В отделе казацких песен вар. 1 номера 21 есть вариант № 26 и № 46; № 27 — вариант № 25, № 29 — № 21, № 36 — № 9, № 37 — опять № 21, вариант к № 41 встречаем далее под № 127. Варианты известной юмористической песни «Мицанка» видим на стр. 1075 и 1171, «Птичью свадьбу» — на стр. 1124 и 1144.

«смерть жены» и проч.; «Немерівна» помещена на стр. 625 в отделе «невыгодные последствия положения женщины» и на стр. 892 в особом отделе «положение дочери в семье»; песни о свадьбе брата с сестрою — на стр. 201 в отделе «несчастная любовь» (совсем не соответственно содержанию песни) и на стр. 910 в отделе, тоже довольно странном, «братья и сестры» и т. п. Все эти примеры приведены нами из V тома, но и в III томе мы встречаем не меньше примеров такого же разделения вариантов одних и тех же веснянок, колядок, щедривок и т. п., и сведения разнородных вместе, благодаря только сходству двух-трех случайно приросших стихов (ср. напр. в колядках № 1 и 39, Д, или № 59, Е). Некоторые из разлученных произвольно вариантов сведены посредством подстрочных указаний (см., напр., в колядках № 5 и 32 и т. п.), но многие так и остались удаленными один от другого (напр. № 42 от 5 и 32 или №№ 25, 28 и 132). Вообще же колядки расположены совершенно без системы и колядки народные перемешаны с книжными, с виршами, чисто языческие с христианскими, серьезные с пародиями, как будто нарочно возможно бессистемнее *.

В I томе песен немного, а потому такой разбросанности материала, как в III и V т., быть не могло. Но зато тут встречаем часто бессодержательные заявления, как, напр., на стр. 152: «Луцкий уезд. О Спасителе народ имеет правильное понятие». Что за исключительный Луцкий уезд! Или на стр. 159: «Ушицкий уезд. О святом Духе народ имеет правильное понятие». И больше ничего не говорится о представлениях народа о св. Духе! На стр. 25 находим даже такое уверение, что в Холмской Руси «дождь, снег, град, роса объясняются физически правильно». Это тем более удивительно, что до сих пор и ученые не знают правильного объяснения образования грозы. Все такие уверения означают просто, что иные из доставлявших г. Чубинскому сведения лиц или отличались малой догадливостью, или старались наполнить все рубрики программы ответами как попало, а г. Чубинский все эти ответы и внес в свои книги **.

Том VI (решения волостных судов) отличается наибольшей систематичностью в распределении материала, особенно решений уголовного характера. Правда, что такой материал наиболее легко под-

№ 127. Вариант известной юмористической песни «Мищенка» видим на стр. 1075 и 1171, «Птичью свадьбу» — на стр. 1124 и 1144.

* К числу вещей, вызывающих улыбку, в собрании г. Чубинского надо отнести вопросительные знаки, которые он ставит подле искаженных слов, о которых однако же совсем не трудно догадаться, что они значат; между тем иной подумает, что это слова, неизвестные собирателю. Так, напр., *кіоству* — очевидно не что иное, как *к різдву, счолося* — счалося, *дрегло* — дерево и т. п. В иных случаях искажение могло случиться при записывании мало подготовленным лицом. Почему же поставлен знак непонимания при стихе: дочка до неньки сміло фука (стр. 415), совсем непонятно. Что непонятного в слове *цукюйки* (стр. 392, т. III) — уздечка (*Zügel*)?

** Не лучше и такое сведение, какое находим во II т., стр. 223: «29 июня. Женщины в этот день празднуют «брикси». Что это за «брикси» — не сказано.

чиняется сортировке; рубрики же для него готовы благодаря систематике уголовного и гражданского права. Решениям предпослана скжатая, но обстоятельная статья г. Кистяковского «Волостные судьи, их история, настоящая их практика и настоящее положение», в которой кажется только странным, что автор, имея в виду материал народного суда в Малороссии, говорит довольно подробно о народном суде в Московском государстве и совсем ничего не говорит о таком суде в литовском-польском; чтобы говорить о последнем, правда, пришлось бы обратиться к актам, грамотам и вообще к сырьем материалам. За статьей г. Кистяковского следует несколько афористическая вначале, но довольно живая статья г. Чубинского «Краткий очерк народных юридических обычаев на основании прилагаемых гражданских решений». Жаль, что автор не привел здесь всей статьи своей «Очерк народных юридических обычаев и понятий в Малороссии», в коей, между прочим, сделано несколько интересных сближений черт народного права в Малороссии с древнерусскими, отразившимися в «Русской Правде», «Псковской судной грамоте» и т. п.

Разбор юридического материала, заключающегося в VI томе, предоставляем специалистам *. Общий интерес в нем имеет вопрос о доброкачественности крестьянского суда, и уже по этому вопросу мы укажем на предисловие г. Чубинского, который говорит, между прочим, что, пересмотрев книги множества судов и выбрав из них более 1000 копий решений, он не встретил ни одного нелепого и явно недобросовестного решения; что, несмотря на недружелюбное отношение крестьянского населения к евреям и польским помещикам, последние очень часто (30 % всех случаев) обращаются к волостным судам, к чему они не обязаны по закону и чего не делали бы, если бы суды эти были плохи и т. д.

Вообще, несмотря на недостатки систематизации, которые произошли, видимо, от поспешности работы, собрание г. Чубинского представляет в своем роде редкое, а в нашей литературе едва ли не единственное издание по богатству и разнообразию материала. Без сомнения, научная разработка его может занять не одного ученого и на долгое время. В настоящей рецензии мы желали бы только указать вообще на значение этого издания и остановимся только на немногих частностях.

Как ни многочислен и ни интересен материал для характеристики разных сторон народного быта, преимущественного семейного, какой представляет огромный V том «Материалов», мы, однако, не будем говорить теперь о нем, пока не выйдет IV том, обещающий

* VI том «Трудов экспедиции» г. Чубинского послужил уже, между прочим, материалом для статьи г-жи Ефименковой²³ в «Знании» «Народные юридические воззрения на брак».

обрядовые песни, где, вероятно, будут главным образом свадебные песни. Мы полагаем, что заключения о народном быте по памятникам его словесности тогда только будут носить научный характер, когда они не будут опираться на абсолютный метод, забывающий, что народная словесность настоящего времени все равно что земная кора для геолога, заключает в себе осадки различных культурных эпох, а кроме того, в народе есть разные положения, разные характеры и т. п., что народ, словом, не безразличная масса, которая *вообще* может быть характеризована по словесности ее. Обрядовые песни заключают в себе черты быта от древнейших его форм до новейших, а потому они должны быть, по нашему мнению, точкой отправления при изучении народной словесности.

Но 1-й вып. I тома и III том «Материалов» заключают в себе довольно законченный круг данных для характеристики верований малорусских поселян. Мы не считаем себя вправе оставить речь о настоящем издании, не сказавши хоть несколько слов об этих данных. Достаточно однако, беглого взгляда на эти данные, на поверья, легенды, сказки, песни, вирши и т. п., чтобы пришла в голову мысль: как можно было говорить столько о том, что русская народность древнейшего исторического русского края, в коем народ до самого последнего времени не переставал проявлять себя активно, испортилась или затемнилась, утратила свой русский характер, ополячилась и т. п.? Конечно, в быту народа, жившего и действовавшего в течение 1000 лет в известных отношениях с другими народами, имевшего различные культурные слои, не могло не накопиться много нового, много сходного с чужим. Но в то же время теперь, когда о быте, верованиях, словесности правобережной Малороссии и Галичины мы имеем благодаря сборникам гг. Головацкого и Чубинского такое множество материала, скорее приходится сказать, что вряд ли где-либо сохранились в таком количестве древнейшие черты русской народности, как в этих будто бы «ополяченных» краях. И если мы воздерживаемся от решительного произнесения такого приговора, так это потому, что боимся, как бы в этом выводе не играло роль главным образом то, что другие края теперь оказываются просто меньше исследованными, чем Галиция и юго-западный край.

Недавно вышедшие сборники белорусских песен гг. Бессонова и Шеина показывают, например, тоже множество древнейших русских бытовых черт в другом крае и опять-таки в том, который многие считают «не чисто русским».

Как бы то ни было, а верования и песни I и III тома «Материалов», собранных экспедицией г. Чубинского в юго-западный край, на каждом шагу заставляют вспоминать древнейшую Русь, дотатарскую, ее летописи, проповеди духовных, обличения, а также юго-западных славян и в то же время очень часто и великорусских раскольников, их духовные стихи, книгу Голубиную²⁴ и т. д. Таковы, например, рассказы о сотворении мира с участием черта, о происхож-

дении гор, верования, представляющие любопытнейшую аналогию с богумильскими и манихейскими и через эти последние с зендскими, изложенными в Бундегеше *. Напечатанные в III т. «Материалов» г. Чубинского колядки представляют целые Веды ²⁵ южнорусские, по которым можно проследить оттенки религиозных представлений от древнейших времен до позднейших. Вот, например, колядка, которая своими образами напоминает гимны Индре ²⁶ и многие псалмы, воспевающие бога, проявляющегося в громе:

Ой із-за гори, з-за зеленої
Виходить нам чорна хмара (туча),
Але не є то чорна хмара,
Але но є то Напередовець,
Напередовець, красний молодець.
Заперезався чорною ожиною (ежевикой),
За тою ожиною та три трубоньки:
Перша трубонька та роговая,
Друга трубонька та золотая,
Третя трубонька та жубровая (зубровая).
Та як затрубить та в роговую,
Та врадуєся весь звір у полі;
Та як затрубить та в золотую,
Та врадуєся вся риба в морі;
Та як затрубить та в жубровую,
Та врадуєся весь мир на землі (стр. 291).

Другие варианты этой колядки больше приспособлены к восхвалению пастуха и почти совсем чужды космических образов (там же, стр. 293, 469); но вот еще новые образы из одного варианта:

Як затрубить в золотую,
Пішли голоса попід небеса,
Небеса ся ростворили,
Всі святі ся поклонили ** (стр. 405).

* Чубинск., т. I, стр. 143, 185, 191, 192, 142, 145, 146, 147, 151. В Бундегеше творение существующего мира производится при борьбе злого духа с первоозданными Азурой предметами; Justi, *Der Bundehest*, VI—XI. Ближайшие к напечатанным у г. Чубинского верования южнорусские, севернорусские и др. приведены у Афанасьева ²⁷ — «Поэтич. воззрения славян на природу», т. III, стр. 458 и след. Богумильское влияние ²⁸ на южнорусскую народную словесность не подлежит сомнению: многие колядки, напр., прямо подходят к песням попа Богумила, «как Христа в попы ставили» и как «Христос плугом орал» (см. ниже).

** Ср. Rig-Vega, 1, 4, г. 8, перев. Langlois („Biblioth. oriental“, 1872, I), стр. 75: «О, Магавон (Индра)... твое могущество не знает соперника! Страшным громом ты заставляешь звучать реки и волны!!!» ...стр. 89, гимн XIX — 14, «Бог, носящий молнию, от звука, который ты производишь, возбуждаются все существа одушевленные и неодушевленные, и сам Твашгри (Гефест), испуганный твоим гневом, дрожит, о Индра, видя, как ты освящаешь царство твое». В малорусских поверьях тучи также часто представляются чертями, как в Ведах Азурами. См. Чубинского, т. I, 22—25.

Место не позволяет нам больше выписывать текстов колядок из III тома «Материалов», и мы ограничиваемся только указанием их наиболее интересных и отличных одна от другой категорий. Таковы, 1) колядки с явными следами древнейшего натуралистического культа или мировоззрения, явно образовавшиеся из древнейших религиозных гимнов, в роде Вед или гимнов так называемых гомеровских, как, например, вышеприведенная; ср. также о заре — колядки на стр. 281, 391, 395, 420; о солнце, месяце, ветре и т. п. на стр. 409, 404, 415, 452—453; о коне и герое, устроющих небо (стр. 291—292)*; 2) колядки, в которых слиты образы христианских святых с образами антропоморфических богов, покровителей земледелия (св. Петр, Илья или сам Бог орут ниву, ходят за овцами и т. п.), напр., на стр. 385, 321, 346, 348, 421, 428, 450—451, 453, 337, 352, 390, 453; 3) колядки со следами религиозного мировоззрения, высшего от первобытно-натуралистического, но и не чистого православно-богословского, со следами мировоззрения дуалистического (вроде богумильства) и пантейстического, напр., основание мира двумя голубями, построение церкви с тремя окнами — небо и тройца (Чуб. III, 280 и др.), спор св. Петра и Бога о величине земли (стр. 307, 344—346), олицетворение Христа птицей, рыбой, евангелия — цветком, расцвет розы на Рождество, течение реки из слезы, уроненной ангелом, из крови Христа, и рождение Христа среди винограда, и т. п. (см., напр., стр. 298, 343, 353, 324, 447—449, 306, 434, 335, 407 и т. д.**) Сюда же примыкают колядки и щедривки, говорящие о встрече Марии Девы с жидами, о разговоре ее с Христом о муках и т. д., напр., стр. 343, 349, 353, 447, 442, 444,

* С последн. сравни в Риг-Веде (I, 1, 6) слова о том, как Индра, едучи на колеснице, дает образ хаосу.

В колядках № 31 (стр. 294—95), 85 (стр. 357), 151 (стр. 422—23) можно видеть или темные, или модернизированные черты представлений о царе-праотце, терпящем от врага, как Джемшид или Иима. Колядка № 120 (стр. 392) представляет, кажется, следы культа Леля²⁹, солнца в виде «белого дитяти», как в Ведах называется восходящее солнце.

В колядках № 139 месяц и сестра его — заря обходят мир, смотря, готовят ли хозяева мед, вино, калачи и т. п. жертвы. Ср. Rig-Veda, Langlois, p. 45, IX, 1. Малор. колядку о чудесном коне ср. с белор. у Бессонова, стр. 75.

** В одной колядке два ангела являются в виде голубей и говорят (стр. 417):

Ми випитуєм, ми вивідуєм,
Що ся діє межи мирами:
Пани весь світ заняли (в другом варианте — жиди и
пани),

Брат на брата ворогує и т. д.

В другом варианте стоит и такой стих:

А царь на царя войни силае.

В иных колядках ангелы дышат над Христом в яслях, в других — волы (стр. 326, 355, 449). Волы часто зовутся святыми. Ср. Чуб., т. I, стр. 48. В Знаиме, в Моравии, на старой фреске, изображающей Рождество, над волами нарисованы ореолы, как над святыми. L. Leger³⁰. Le Monde slave, 217.

449, 481, о лежании Христа в гробу (447)*; 4) колядки книжно-бурсацкого характера из богогласников XVI—XVII в. (стр. 327, 328 и др.)**; 5) колядки, представляющие обломки вертепной и вообще рождественской драмы (стр. 329), часто наивно или с юмором трактующие предмет (№ 73, стр. 342, как лицьвязи, т. е. белорусы, приносят дары Христу; № 84, стр. 355, и № 100, стр. 376 — Христа хвалят звезды, кони казацкие, бурсак, забывший по-латыни, пастухи; № 104, стр. 381 — празднование родин Христа на небе, ср. № 166 и т. п.); 6) шутки и пародии мальчиков (стр. 427, 430, 434, 463, 476—77), бурсаков (стр. 426), лакеев (425) и т. п., так сказать, карнавальный элемент праздника и обряда. Все эти роды колядок отвечают разным эпохам религиозного мировоззрения и отношения к празднику и обряду, так что в колядках мы имеем и черты древнейшего мировоззрения, и позднейшие наслойки. Некоторые колядки, наконец, не имеют вовсе религиозного характера, а составляют просто житейские восхваления хозяев, девушек, парней, священников. Этот, 7-й род колядок поражает, между прочим, чертами древнего и вовсе не крестьянского быта: и одежда в них вспоминается кованая, с оружием, часто стрелами, шубы куны; молодые люди представляются героями, предводителями войск, сидят в шатрах со слугами-товарищами, осаждают города и т. п. Очевидно, что эти образы взяты из быта дружины и князей времен удельных (см., напр., Чуб., т. III, стр. 433, 312—313, 307—310, 321).

Одна колядка представляет черты быта еще докняжеского: в ней мужи собираются спуститься по Дунаю и поступить в службу в Царьграде (стр. 297 и 440). Впрочем, варианты колядок с чертами героического быта удельной эпохи лучше, полнее и многочисленнее в сборнике галицких песен г. Головацкого; они приведены и объяснены в сборнике «Исторические песни малорусского народа», недавно изданном г. Антоновичем и Драгомановым.

Таким образом, в малорусских колядках, которых напечатано теперь такое множество благодаря сборникам гг. Головацкого и Чубинского, мы имеем остатки самого древнего эпоса русского, религиозного и героического, сохранившиеся благодаря их обрядовому характеру в том крае, где впервые организовалось русское племя. Древность колядок, между прочим, доказывается сходством с ними белорусских «волочобных песен». Будучи прокомментированы с помощью летописей, поучений и вообще памятников древнейшей русской литературы, а также сравнительно с песнями других народов, особенно славянских, колядки, веснянки, да и вообще обрядные песни малорусские представили бы драгоценный источник для уразумения

* С последнею сходна моравская песня *Tre ložé* (*Sušila, Moravské národní písni s nápěvy*, 1872, 47. Ср. Сахарова³¹, I, 93, 133).

** № 60, стр. 333, прямо церковный ирмосъ: Дева днесь и т. д.

старины славяно-русской *. Теперь, когда издано немало песен другой русской земли древнего заселения — Белоруссии, а также когда, благодаря другому сборнику г. Шеина, мы имеем впервые после Сахарова довольно полный и систематический сборник аналогических песен (семейных и обрядовых) великорусских, мы вправе ожидать от наших специалистов серьезного сравнительного исследования о бытовых чертах в семейных и обрядовых песнях трех ветвей русского племени. Занятые в последнее время почти исключительно великорусскими былинами, наши специалисты оставляли почти без внимания и великорусские семейные и обрядовые песни, и вообще так называемые лирические; на малорусские же и белорусские песни наши ученые вовсе почти не обращали внимания в последние двадцать лет, после Максимовича, Метлинского, Костомарова, которого исследование о южнорусских песнях в «Беседе»³², долженствовавшее дать в новом, более полном виде труд его, изданный в сороковые годы, к сожалению, прерван с прекращением «Беседы». Теперь, после

* Представленное выше указание древнейших и новейших категорий, на которые разделяются колядки, есть уже само собой ответ на то мнение о колядках малорусских, какое высказано было г. А. Веселовским³³ в рецензии на «Исторические песни малорусского народа», т. I, напечатанной в «С.-Петербургских ведомостях»³⁴, 1875, № 278. Г. Веселовский, как нам кажется, слишком далеко заходит в приложении в данном случае теории позднейшего, культурно-христианского, происхождения, распространения таких памятников народной словесности, как песни, а особенно обрядовые, которые далеко не то, что сказки, легенды или даже баллады. По г. Веселовскому, обычай колядовать — христианского происхождения, а колядки — песни, в коих в искаженном виде передаются черты рождественской драмы, представляющейся ходящими с вертепом и звездою, отсюда — три царя превращаются в месяц, солнце и дождь, месяц, солнце, звезды и т. д., и т. д. Мы не будем поддерживать мифологических объяснений слова колядка, которые, однако, до сих пор в ходу у занимающихся русскими древностями; мы готовы принять, что колядка — *calendae*, но не можем принять, что в колядках нет следов дохристианского культа, ибо он слишком очевиден во множестве колядок, как и в других обрядовых и периодических русских песнях, с коими мы считаем особенно необходимым сравнивать колядки. Так, напр., мы считаем чрезвычайно важным, что в малорусских колядках есть явные веснянки, что, очевидно, может быть объяснено как тем, что такие песни могли составиться еще в дунайский период жительства славяно-русского племени, когда праздник начала весны мог быть недалеко от 25 декабря — 1 января, чем объясняется и роль, какую играет во многих малорусских колядках виноград; не менее важно и то сходство, какое существует между малорусскими колядками и белорусскими волочобными песнями, которые поются на светлый праздник, уже прямо совпадающий с весенним праздником в наших широтах. Видимо, что значительная часть песен языческого весеннего праздника прибилась в христианскую эпоху на юге к Рождеству (колядки) и Новому году (щедривки), а севернее — к празднику Воскресения Христова. Уже волочобных песен г. Веселовскому вряд ли удастся вывести из рождественской драмы. Да и малорусские колядки, принадлежащие явно к обломкам и потомкам этой драмы, довольно ясно выделяются из ряда других, между прочим, и своим книжным языком. Они не только христианского, но и весьма нового происхождения, так как вряд ли малорусская вертепная драма может быть отодвинута дальше XVI в. Есть много и христианских колядок, но все-таки не имеющих связи с вертепной драмой и, очевидно,

сборников Бессонова, Шеина, Головацкого и Чубинского, уже нельзя ни игнорировать, ни ограничиваться общими словами о песнях и вообще памятниках народной словесности белорусских и малорусских.

Нам остается сказать лишь по нескольку слов о других изданиях, однородных по материалу с тем огромным изданием, которым мы обязаны императорскому русскому географическому обществу.

В I томе Записок основанного в 1873 г. юго-западного отдела императорского русского географического общества (Киев, 1874) помещено, в числе прочих более или менее достойных внимания статей, и 20 песен, записанных от кобзаря Остапа Вересая³⁵, вместе с написанной г. Русовым интересной биографией певца, из коей можно узнать, как в старину было организовано обучение кобзарскому искусству, а также вместе со статьей г. Лысенко о музыке Вересая³⁶ и малорусской песне вообще, представляющей едва ли не первый у нас опыт сравнительно-этнографического музыкального исследования. Об исторических думах, записанных от Вересая, мы

древнее ее, хоть бы, напр., колядки о сотворении мира и вообще богумильские. А если культ месяца, дождя, солнца и т. д. древнее культа трех царей рождественских, то, конечно, и колядки о первых должны быть древнее не только вертепной драмы, но и христианства. Тем более нет невозможного, что если обрядовая поэзия малорусская сохранила следы славословий и представлений религиозных дохристианских, то она могла сохранить и следы героических славословий и представлений дотатарской, т. е. ранней христианской, эпохи на Руси. Песни со следами дружинно-княжеского быта этой эпохи помещены в книге, которую разбирал г. Веселовский. Издатели ее не только «помнили, что песни подвергались наслойке в течение поколений», но при каждой песне указывали на такие наслойки, только основываясь на сближении песен с летописями, считали возможным признать в этих песнях и древний слой. Рецензент говорит кроме того: «Мне недостаточно знать, что песня своим содержанием напоминает черты дружинно-княжеской эпохи; мне необходимо узнать, что такого рода соответствия нельзя найти между песнью и чертами какой-нибудь другой позднейшей эпохи». Но не только на суде, а и в науке часто считается, если не достаточным, то важным доказательство известного факта положительным способом и не требуется от доказывающего, чтобы он еще доказывал его и отрицательным. А в данном случае черты нравов, отношений, обстановка, вооружение и т. п. во многих колядках явно и не крестьянские, и не казацкие, а боярские и княжеские. Издатели в предисловии оговорились, что этим бытовым чертам они придают больше значения, чем личным сближениям, к которым может подать повод сопоставление песни и летописи, а тем менее именам, встречающимся в песне. Исключение сделано только для № 12 («Князь Роман») — гаивки (весенняя игра — г. Веселовский называет ее колядкой). Встречая во всех подлясских вариантах ее имя *Роман*, издатели, конечно, думали, что имя это в этих вариантах не случайно. Требование г. Веселовского, чтоб имя это было и в других вариантах, тогда только было бы вполне основательно, если бы издатели полагали, что песня эта для Романа сочинилась. Но она, очевидно, древнее Романа, — уже как весенняя хороводная игра, — а интересна в данном случае не только тем, что в подлясских вариантах в нее попало имя грозного завоевателя края, но и тем, что в ней представляются древнерусские данники, и князья, и древнерусская дань — пчелы. Такого рода черты проглядывают во многих малорусских обрядовых песнях, приведенных в I томе «Истор. п. малор. народа». Г. Веселовский оспаривает из этих песен и значение № 14 («Княжеский тиун»),

говорить много не будем, так как они помещаются с объяснениями и в вышеупомянутом издании «Исторических песен малорусского народа». Скажем только, что Вересай пел во время III археологического съезда еще три думы, которые не вошли в издание юго-западного отдела географ. общества. Из дум не исторических у Вересая обращает на себя внимание дума, озаглавленная «Невольницька» (стр. 6), до сих пор неизвестная и весьма оригинальная. В ней представляется, как соколенок был взят из гнезда «стрельцами-бухаловцами» и занесен в Царьград, где его на рынке купил Иван Богословец и держал его в серебряных путах и с жемчугом около глаз. Старый сокол прилетел над Царьград, голос его услыхал соколенок, «головку склонил и крилечка опустил» и т. д.

А сокіл налітав, та на крила взяв,
Та на високу висоту — гору підношав:
«Ей, соколя мое, бездольне-бездонне!
Лучче ми будем по полю літати

объясняя в ней слова *поїхав суди судити* просто отзвуком по случаю города Судомира — Сендомира. Но мы имеем теперь в богатой коллекции песен и прочего этнографического материала, доставленной киевскому отделу географ. общества г. Манджурую из Харьковской и Екатеринославской губернии, новый вариант этой песни, который кончается так:

Нема пана дома, десь у гетьмана,
Суди судить, ради радить,
А за тії суди — золотій шуби,
А за тії ради — коника в наряді.

Песня записана в Вильшанах, Харьковской губ., и, очевидно, Сендомир тут ни при чем. К тому же песня приняла и местную наслойку московского периода (собственно слово «гетьман»), как и следует это в левобережной Украине, а сходство ее с галицкою в основной теме — свидетельство древности основы песни. На такие песни только недавно обращено внимание, и мы не сомневаемся, что если только общество окажется в состоянии выставить побольше и оценить труды лиц, вроде г. Манджуры³⁷, то мы получим немало песен со следами древнерусского быта из разных концов Руси. Мы и теперь имеем несколько новых песен и вариантов, которых теперь не приводим, не желая удлинять мимоходную заметку.

Считаем необходимым сказать, что нельзя не согласиться с замечаниями г. Веселовского касательно нерусского происхождения легенды о золотых воротах (№ 15). Но во всяком случае, не следует забывать, что эта легенда приурочилась у нас ко взятию Киева татарами и обратилась в песню, которую слышал г. Стоянов³⁸ в Киеве и от которой г. Кулиш записал четыре стиха. В отношении таких бродячих сказаний и образующихся из них песен важно и то, что их придержало в известной местности и какую они там приняли местную форму. Руководствуясь этими соображениями, а также считая себя прежде всего *издателями*, они поместили в свое издание №№ 63—69, так как желали собрать все песни, где только осталась какая-либо память о турках и татарах, и очень жаль, что они пропустили несколько колыбельных песен. А что №№ 63—69 не бытовые песни и баллады, это ясно оговорено и в предисловии, и в комментариях, Малорусские же песни, родственные № 63-му, действительно представляют то «оригинальное» явление, что в Малороссии встречаются вместе все варианты, какие в Сербии и Болгарии, в Германии, Чехии, Моравии, Польше и Великороссии попадаются порознь.

Та собі живності доставати,
Ніж у тяжкій неволі у панів проживати.
Ей тож у панів єсть що пить і їсти,
Та тільки не волен світ (не вольно)
по світу походити!»

Нам кажется, что эта дума — аллегория неволи в пленах турецком, где некоторые пленники занимали и высокое положение, и находится в ближайшей связи с теми невольницкими песнями, какие помещены в вышеупомянутом издании г. Антоновича и Драгоманова.

Песни религиозно-нравственного содержания, которые поет Вересай, мало представляют отличий от песен малорусских слепцов-лирников и однородны с песнями великорусских «калик перехожих» и нищих, кроме песни о Правде (стр. 23). Есть и великорусская песня о том, как «Правда с неправдою боролися», но в ней обе олицетворены в два мифических существа. Малорусская же песня представляет простой протест против порядков «дореформенной России»:

Нема в світі правди, правди не зіськати,
Що вже тепер неправда стала панувати!
Тепер правда у панів у темниці,
А щира неправда з панами в світлиці...
Бо у суді stati,— правди не зіськати,
А тільки сребром-златом панів насищати и т. д.*

Песня эта вполне однородна по своему духу с теми, в коих оплакивается крепостное право, панщина ** и коих любопытнейшим продолжением являются песни об эманципации. Достойно примечания, что песни последнего рода явились в Галичине в 1848—49 г. и что только после 1861 г. галицкие песни, образчик которых был напечатан в «Основе» за 1862 р.³⁹, явились в юго-западном крае. Теперь уже они перебрались через Днепр. Разумеется, что с особенной охотой поют эти песни на правом берегу Днепра, где впечатление барщины усиливалось религиозным и национальным отличием классов, где освобождение крестьян совпало с польским движением 1861—63 гг. и где меры, принятые правительством после 1863 г., оказались гораздо благоприятнее крестьянам, чем условия освобождения крестьян на левом берегу Днепра. На правом берегу Днепра поется несколько песен, в которых основная галицкая тема уже очень разработана, так что песня галицкая разбилась на три: в одной изображается объявление воли и отлет панщины, в друг-

* Вариант Вересая, впрочем, не из лучших.

** Одна из более характерных песен в таком роде напечатана г. Костомаровым в «Летоп. русск. литерат.» (кн. VI, стр. 89), другая приведена в конце его монографии «Последние годы Речи Посполитой»; песни об инвентарях напечатаны в статье «Малороссия в ее словесности» в «Вестн. Европы», 1870, май.

гой — отчаяние панов и экономов и их положение после эманципации, в третьей — воспоминание крестьян о панщине и благодарность царю за освобождение. В I томе Записок киевского отдела географ. общества напечатан вариант, записанный г. Белинским от лирника из села Овсяников, Литинского уезда, Подольской губернии; он интересен тем, что представляет соединение почти всех мотивов, какие в других вариантах являются поодиночке, с прибавлением новых своеобразных стихов.

Кто интересуется знать, как народ принимает реформы, тому мы рекомендуем известную малороссийскую песню:

Летіла зозуленка понад гори, села
Чогось наша громада смутна, невесела, и т. д.

В сатирических песнях, которых от Вересая записано в книге, изданной киевским отделом географического общества, пять, в одних проглядываются те же симпатии и антипатии, что и в вышеупомянутых песнях, особенно в № 2 («Дворянка»)*. Другие иронизируют над женщинами, плохо хозяйствующими (№ 4), или представляют набор комических неудач (№ 3, «Хома та Ярема»), или по-своему передают положение, под пение о котором и танцевала молодежь у царя Алкиноя (№ 5 «Бугай»)**. И малорусский кобзарь переходит к таким песням от думы о смерти Федора Безродного, как и певец Демодок к песне об Аре и Афродите после песни о событиях троянской войны. На многих сатирических песнях малорусских видно влияние великорусское; песня о Хоме и Яреме явно заимствованная от великоруссов, у которых подобные песни и сказки в свою очередь тоже заимствованы из западных повестей***. Песня «Птичья свадьба» (щиголь)**** обща малороссам с западными славянами и другими народами; в таком роде есть сербская песня о женитьбе воробыя (Караджич⁴⁰, Сербские песни, I, 532—533), только гораздо короче, чешская (Wenzel, Westslavisches Mäzchenschatz, 240), немецкая (Uhland⁴¹, Deutsche Volkslieder, I, 37, Vogelhochzeit). У болгар поют о свадьбе рака и жабы (Болгарские народные песни, собран. Миладиновцев, Загреб, 1861, 21—24); такую же песню поют в Белоруссии (Бессон., 54). У романских народов пародия на свадьбу людскую представлена в виде свадьбы насекомых, как, напр.,

* Такая же галицкая в «Чтен. имп. моск. общ. истории и древностей», 1865, IV, III, 477.

** Такая же в Чтениях, 1865, IV, III, 509.

*** «Декамероне» Бокачио⁴², VIII, 8, друзья Zeppa Spineloccio, повесть «Иван Гостинный сын и о друзьях, о Марке и Шпинелете», у Пыпина⁴³ «Очерк литер. истор. стар. сказок и повестей», 276; там же, 301 — «Повесть о дву братах о Ереме и о Фоме». Песню великорусскую см. в «Летопис. русск. литер.», т. IV, стр. 73, песни самарск., собран. Костомарова и Мордовцева⁴⁴.

**** Такая же галицкая в Чтен., 1865, IV, III, 505—508; подобная же — «Свадьба перепелки», там же, стр. 518.

у итальянцев: свадьба муравья (Ferrago, Canti Monferrini, 120; тосканский вариант у De Gubernatis⁴⁵, Zoological Mythologie), у французов: свадьба бабочки (Vujeaud, Chants et chansons populaires des provinces de l'ouest, I, 38), подобные же у провансалов (Arbaud, Chants populaires de la Province, I, 195, II, 189)*. Малорусская поэзия вообще любит подобные пародии **. Она не останавливается представить даже пиршество на небе ***.

Пользуемся настоящим случаем, чтобы указать на необходимость приступить к систематическому и сравнительному изучению русской народной поэзии, для которого необходимы и сборники с указаниями на песни, подобные печатаемым в данном сборнике, прежде всего в пределах одной народности, а дальше и в других. При теперешней же разбросанности вариантов и по разным изданиям и при той бессистемности, с какой расположены варианты даже в одном издании, как, напр., кроме г. Чубинского, у гг. Головацкого, Якушкина⁴⁶ и др., и при отсутствии у наших издателей песен обычая делать указания на другие издания,— в высшей степени затруднена возможность изучения народных песен.

Прекрасным исключением из этого правила являются недавно изданные чумакские народные песни И. Я. Рудченко (Киев, 1874, XIII, 257). Этнографический очерк г. Рудченко «Чумаки в народных песнях» был помещен в «Вестнике Европы» (1872, сентябрь и октябрь), а потому нам нечего много говорить о чумакских песнях по содержанию их. Мы скажем только о системе издания г. Рудченко. В нем собраны все кем бы то ни было напечатанные до сих пор песни, в коих упоминаются чумаки, и много рукописных. Варианты подобраны один к одному чрезвычайно тщательно; песни расположены в порядке моментов чумацкой жизни. В таком виде изданные песни действительно не только легко могут быть изучаемы по составу и форме их, но и представляют ряд картин жизни народной. Правда, что в издание г-на Рудченко иные песни попали только потому, что в них случайно, иногда, напр. в замену слова «казак», попало слово «чумак»; но в таких случаях лучше поместить лишнюю песню, чем пропустить нужную. Жаль только, что г. Рудченко вовсе не задавался мыслью о сравнительном изучении песен. Хотя мало, но и между чумацкими песнями найдутся такие, которые не исключительно принадлежат Малороссии и, может быть, заимствованные. Такой мы признаем первую песню г. Рудченко, которую он вряд ли справедливо считает в предисловии древней. Эта песня по языку и тону обли-

* В том же вкусе — мышиный бал у Vujeaud, I, 40.

** Птицы приготовляют хлеб — см. Чтен., 1866, I, 558; мышь кныш получала, там же, 559; суд над вороном — Чтен., 1865, IV, 502; жук тонет, там же, 504; смерть комара — Чтен., 1868, IV, 503, 1865, I, 564. Сахаров, Сказан. russk. нар., 266. Юмористическое хозяйство: Рудченко, Южнорус. сказки, I, 1. Ср. Карадж. Сербск. II, I, 505, 531. Медведь орет — Чтен., 1865, IV, 509.

*** Чтен., 1865, IV, 499; ср. Чубинск., III, 381.

чает свое происхождение в Великороссии. Более полные варианты ее, напечатанные у г. Рудченко (В. и Г.), рассказывают, как в виде чумаков проникло в город (Азов) войско и захватило город. В этом виде песня представляется перефразировкой прозаического сказания о взятии донцами Азова в царствование Михаила Федоровича, сказания, напечатанного в «Чтениях императорского московского общества истории и древностей» (1864, кн. III, отд. V, стр. 12—17). Повествование это по своему именно сказочному характеру сильно отличается от исторических свидетельств об этом событии, и притом явно составлено в XVIII веке. Ему должна была отвечать великорусская песня, которая не записана до сих пор никем; песня эта зашла в Малороссию, где стала сильно изменяться: варианты А. и Б. у г. Рудченко уже не заключают в себе мотива ограбления города чумаками, а рисуют обыкновенную торговлю: только склад их обличает великорусский источник.

Это не единственный пример не только проникновения великорусской песни в Малороссию,— таких примеров немало, как и обратных *,— но и пример того, как в Малороссии находятся песни, так сказать, переведенные с великорусских, тогда как великорусские оригиналы не пойманы до сих пор исследователями. Другой подобный пример указан в I томе «Исторических песен малорусского народа», стр. 284. Это один из вариантов песен о кровосмешении сына с матерью, в коих сыновья называются донцами, особенно варианты, напечатанные в V томе «Материалов» г. Чубинского (№ 458, стр. 921—927, особенно вариант Ж.), которые явно носят след великорусского влияния и в языке. Мы предполагаем, что существовала или, может быть, и существует песня великорусская, для которой послужило источником сказание, вроде тех, какие напечатаны г. Костомаровым в «Памятниках старинной русской литературы», изд. гр. Кушелева-Безбородко, II, 415—442. И великорусский оригинал вышеупомянутой песни у г. Рудченко мог образоваться из сказания или сказки. Это опять не исключительные примеры как перехода сказания в песню и наоборот, так и соответствия малорусской песни великорусскому сказанию, соответствия, которое заставляет предполагать переход из одной местности в другую песни и сказания. Так, напр., Шишков⁴⁷ в записке, поданной императору Александру, указывал в числе других примеров неуважения к духовенству и распространения раскола ходившую в народе мольбу «о некоем попе, нарядившемся для совершения неистовства в козью срогами кожу, которая тотчас к нему приросла» **, а в «Записках о южной Руси» г. Кулиша (т. 2) напечатана малорусская сатира о

* Так переходили не только баллады, но исторические песни; напр. самарская песня, напечатанная в «Летоп. р. литер.», т. IV, 38,— явно великорусская переделка малорусской песни о запорожцах после полтавской битвы — только с переменой грусти побежденных в иронию победителей.

** Иконников⁴⁸, Граф Н. С. Мордвинов, стр. 420.

попе и крестьянине Кирике совершенно на эту тему, только вместо козьей шкуры стоит воловья. Мы знаем и другой вариант этой же сатиры.

Подобные примеры указывают на настоятельную необходимость сравнительного изучения русской народной словесности, и в частности на необходимость исследовать южную Украину великорусскую, которая соприкасается с малорусской и которая почти не тронута в этнографическом отношении, а между тем она издавна была местом смешения малорусской и великорусской казацкой колонизации.

«ПЕРЕДНЄ СЛОВО» [ДО «ГРОМАДИ»¹ 1878 р.]

I

«Громада» видається для громад тієї країни в царствах Росії й Цісарщини (Австро-Угорщини), на котрій живуть люди, що звуть себе *українцями, русинами, русняками*, а іноді й просто *людьми*, а од книжників зовуться малорусами, малоросіянами, рутенами і т. і. Люди по цих громадах, хоч і розкидані по великій країні, а все-таки стільки подібні одні до одних мовою й звичаями, як це рідко де спіткаєш по таких великих країнах на світі. Не раз за сотні років з того часу, як про тих наших людей говорить писана історія, громади тієї нашої України показували, що й на найдальших кінцях її люди пам'ятали добре про других земляків своїх. І досі наші селяни-чорнороби йдуть на заробітки й на виселки найбільше в ті країни, по котрих здавна жили або ходили батьки їх, по котрих і тепер живуть земляки, і мало вважають на те, як поділені ті країни між царствами та начальствами. Тільки між письменними людьми й на нашій Україні заслабла чутка про громади наших людей, і більше вважаються казенні межі й поділи її, бо ті письменні люди тепер мало мають спілки з мужиками, а більше з начальством, і вивчені по чужим школам, для служби чужим царствам і панствам, між котрими поділена наша Україна.

От через те ми бачимо, що треба перш усього нагадати тим письменним людям про ті межі, в котрих живуть наші люди і в котрих лежить наша земля.

Українська земля — там, де живуть такі самі мужики, як на колишній козацькій Україні по Дніпру, котру здавна більше знають письменні люди з усіх наших україн.

Отже мужики ці живуть в тій межі, котру читач наш сам собі може навести на карті по тих місцях, що перелічимо далі. Хай почне він на заході сонця трошки на південь од *Білостока* в Городненській губ. в Російській імперії і трошки на схід сонця од *Седльця* в Царстві Польськім і веде межу через *Красностав*, *Янів*, *Крешів* в тому Царстві, а далі в Цісарщині через *Ярослав* на захід *Дубенка*, *Сянока*, а звідти трохи не під самий *Старий Сандеч*, а од того через гори *Бескиди* (Карпати) мало не до *Пряшева* (Eperiess) в Угорщині,

а од нього до Ужгорода (*Ungvar*), Мукачева (*Munkacz*), Хуста (*Huszt*), Сегіта (*Sziget*) до Чорногори в тім кутку, де сходяться казенні межі Галицька й Буковинська до Угорської, а звідти до Кірлібаби, на межі Угорській, Буковинській і Седмигородській (Трансільванській).

Тут починається південна межа нашої України: йде вона од *Кирлібаби* на *Чернівці* (*Czernowitz*), столицю Буковини, й звідти недалеко знов входить в Російську імперію, йдучи на південь од *Хотина* в Бессарабщині, далі через Сороки з добрим крюком під *Більці* в Бессарабщині ж, а потім понад Дністром, подавшись трохи на захід аж до *Дністрового лиману* й до моря, до Білгороду (*Akerman*), а звідти на захід понад морем аж до *Дунайського гирла* з довгою вузенькою полосою од Акерману в середину Бессарабщини, а на схід од Акерману морем до *Перекопа*, а потім по *Арабатській косі* під *Феодосією* та *Керч*, далі через пролив на *Тамань*, а звідти через *Новоросійськ* по південній межі землі козаків Війська Кубанського (чорноморці) і далі мало не до великого коліна на р. *Кубані*.

Східна межа нашої України піде, закручуючись, то на схід, то на захід повз *Новочеркаськ* в землі козаків донських, *Слов'яносербськ* в Катеринославщині, а далі на схід поза *Богучари* й *Павловське* в Воронезькій губернії.

Північна межа нашої України йде поза *Павловським*, через *Коротоянь* в Курській губ. на середину між *Старим Осколом* і *Обоянню*, а звідти під *Корочу*, навколо *Суджі*, вище *Новгород-Сіверського* та *Городні* в Чернігівщині, до *Лоєва* на Дніпрі в Могилевській губ., далі Дніпром до *гирла Прип'ятського*, а далі мало не скрізь р. *Прип'яттю* до *Пінського* в Мінській губернії, а там через *Пружани* в *Гродненській* губ. під *Білосток*.

Всього буде в цій землі більше 13 500 кв. миль. А наших людей в ній налічують в Росії 14 239 129 та в Австрії — 3 032 000 (в Галичині — 2 312 000, в Буковині — 200 000, в Угорщині — 520 000), всього більше 17 000 000 *.

По цих межах наші мужики мають сусід мужиків од Білостока до Бескидів — ляхів, або поляків, за Бескидами до Ужгорода — словаків, од Ужгорода до Хуста — угрів, од Хуста аж до гирла Дунайського — молдаван (воловіків, румунів), коло гирла — болгарів, тих, що в Болградських виселках живуть; по морю Чорному проти наших мужиків сидять татари, (в Добруджі) болгари, турки, греки,

* Про це все дивись: Головацького «Народные песни Галицкой и Угорской Руси», IV. («Чтения в Моск[овском] общ[естве] истор[ии] и древностей», 1876, I, III, 676—747, с этногр. картою); Михальчука «Наречия, под наречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины» («Труды этногр.-стат. экспедиции в Юго-зап. край» П. П. Чубинского, т. VII, 453—512 с картою); Ритиха «Этнограф. карта Европ. России»; Ритиха «Племенной состав контингентов русской армии»; Суорина «Русский календарь на 1877 г.»

грузини, абхазци і т. і.; далі по сухій межі коло наших мужиків сидять сусіди-мужики: татари (в Криму), черкеси (за Кубанню), а од Кубанського коліна по межі східній і північній аж під Новгород-Сіверський — москвиши (москалі, руські, великоруси), а далі білоруси (невірно — литвини, лицьвяки).

Ніхто не може перечити, що така сила народу, коли б була на своїй волі й в спілці, то здоліла б що-небудь зробити доброго для себе й стати в пригоді для сусідів. Тільки ж оддавна усе те, що робилось на нашій землі й навколо, вело не до того, щоб міцніше звести наші громади в спілку, а щоб розбити й ту спільність, яка й була сама по собі й поміж громадами, й поміж людьми в кожній громаді. Не час тепер розказувати багато, через що воно так було. Перша причина й тут, звісно, була — місце, на котрому довелось жити нашим громадам: на великій дорозі, через котру перлись в Європу степовики — вояки з Азії і через котру до них добирались великі царства, сусідні з нашою Україною. Закарпатську нашу Україну (країну, яка звалась давно Мукачівщина) ще в Х ст. захопила держава Угорська, в XIII ст. по степах наших і на самому Поділлю сіли татари, а з XIV стол. Польща забрила Галичину, Молдавщина — Буковину, литовсько-білоруські князі по волі й по неволі загорнули під себе все, що зсталось нашої землі, і тоді наши люди вкупі з білорусами й литвинами почали хоч увільнятись од татар і посунулись до самого Чорного моря. Але в XV—XVI стол. берег Чорного моря із тим, що було під Молдавщиною, захопила Турецька держава. Тоді ж таки Литовська держава дісталась під Польщу з усією нашою Україною, що була за князями литовського роду. Панство, що вийшло з своїх і чужих вояків, котрих мусили багато держати наші громади, затим що їх з усіх боків чіпляли, а далі й велика доля попівства й частина міщанства, приладжуючись до чужого начальства, повертались у нас в людей зовсім чужих мужикам нашим, в поляків, а далі, коли по-дніпрянська Україна з 1/2 XVII ст. перейшла по волі й по неволі під Московське царство — в москвинів. А в Цісарщині, куди дістались в XVIII ст. частини нашої землі то од Польщі (Галичина), то од Туреччини (Буковина), стали засідати на нашій землі ще й пани-німці. Міста ж наши за поміччю чужого начальства населилися найбільше жидами, котрих чужі нашим громадам начальства то навмисне на-кликали до нас, як польське, то не пускали виходити з нашої землі, як московське. Так наші українці зостались майже тільки селяни й городяни-чорнороби, та трохи з малого купецтва й попівства, а попівства, панства, начальства й купецтва на нашій Україні єсть і московського (найбільше на лівім боці Дніпра й в степах), польського (найбільше од Дніпра до Бескид), угорського (за Бескидами), молдавського (в Бессарабщині й в Буковині). Всі ті, чужі нашим мужицьким громадам, люди між собою, кожна порода, спільніші, ніж де-небудь, бо окрім того, що одно роблять, ще й однієї мови, віри й породи, а нашим мужикам чужої, нагнітали й нагнітають наші

мужицькі громади ще більш, ніж по всіх других країнах нагнітає їх начальство, панство й купецтво.

Кілька разів за останні триста років селяни наші вставали, щоб скинути з себе панування чужих людей, і всякий раз показувалась сила й родинства й земляцтва між мужицькими громадами на нашій Україні, невважаючи на те, що вони були не дуже то письменні, й на те, що вони ніколи не були під одною державою. В часи найбільших повстань нашого мужицтва проти панства показувались і найбільші змагання громад по всій нашій Україні стати в спілці проміж себе. Найбільша сила, чутка про котру дійшла до самих далеких мужицьких громад нашої України, була козацька Січа Запорозька, куди зібрались найвільніше мужицтво з усієї України,— осередок «Вольностів Війська Запорозького», або вільної землі української. Так в 1/2 XVII ст. за приводом вираного «січовим товариством старшим і меншим» і всім повставшим проти польської неволі народом «за гетьмана Війська Запорозького й всієї України малоросійської» Богдана Хмельницького спільне повстання мужицьке, а почали й міщанське, піднялось од Лубенщини до Надвірної під Бескидами. Війна між сусіднimi царствами за нашу Україну та безладдя між козацтвом поділили знов нашу Україну й положили пустелю між правим боком Дніпра й лівим, котру потім суд царства та панства Московського, Польського та Турецького звелів зоставити віковічно². Тільки ж наше мужицтво не послухало того суду й знов почало оселяти правобічну Україну подніпрянську під захистом знов появившогося там козацтва за фастівського полковника Палія (1688—1704). Знову стали горнутися до того козацтва й селяни й міщани з усієї України обох боків Дніпра аж до Перемишля в Галичині, а також і деякі пани, котрі не хотіли зовсім ділитись од мужицтва й між котрими ми знаходимо перший в наших країнах примір пана хлопомана, написавшого перш польську книгу, а потім пійманого в мужицькій одежі з листом, звавшим народ до повстання (Данило Братковський, скараний судом в Луцьку 1702 р.).

В часи найбільшої сили козацтва українського, од Хмельниччини (1648 р.) до першого руйнування Січі за Мазепи (1709 р.), видно, як росло в наших людей знаття про те, що вони осібна порода людей, невважаючи на підданство якій державі або й на саму віру, осібна од поляків (універсали, вселюдні листи Хмельницького й др.), далі од москвинів (універсали Виговського й др.), од тих і других (листи Петрика й січових товаришів), що вони всі мусять бути вільними й стати всі вкупі й спілці (лист Б. Хмельницького, Петрика³, січових товаришів*). Далі до кінця XVIII ст. ті всі думки йдуть, все слабіючи.

* Просимо читачів глянути в «Летописи Самоила Величка» т. I, 32—33, 75 (листи Б. Хмельницького), 80—89 (лист мовбіто писаний Богданом Хмельницьким в 1648 р., а на самім ділі пізніше складання, в которому показується, що думали козаки в другій половині XVII ст.); т. II, 224—226 (лист кош [ового] Мартиновича), 343—345 (л. кош. Сірка), 394—396

Вважливе діло: в ті ж часи, коли найближче було наше мужицтво до волі, а вся Україна до спілки національної, тоді ж наша Україна найбільше звертала на себе увагу й сусіднього мужицтва усякої породи й становилась і йому в пригоді, або, інакше кажучи, мала найбільше ваги інтернаціональної. В ті ж названі часи козацька Україна була й притулком для міщанських і мужицьких втікачів польських, волоських, сербських, московських, а найбільш усього білоруських; од чутки про козацтво українське піднімалось мужицтво й польське, а білоруське так цілими повітами козачіло й приставало до спільних громад (федерациї) козацьких полків українських.

Тільки через що б там не було, а сталось не так, як бажалось козацтву й мужицтву українському, і коли сила держав польської й московської, за помічю козацького панства, скасувала козацтво перше на правім боці Дніпра (1711—1713), а потім і на лівім (Гетьманщину й городове козацтво — в 1765 р., Січу й Низове — раз в 1709, вдруге в 1775), мужицтво наше скрізь дісталось в тяжку неволю, а земля наша розірвалась між сусідніми царствами і начальствами. Перед світом стали замість одного нашого народу в Росії — Малоросія, тобто тільки Чернігівщина й Полтавщина, Слобідська Україна, тобто Харківщина й далі до Острогожська, куди тікали на землю, записану здавна за Московським царством, наши люди з польської сторони в XVI—XVII ст., Новоросія, колишні Вольності війська Запорозького, котрі країни начальство ділило на губернії, як знато само, прилучувало наші громади до чужих, населяло між нашими громадами чужих, зганяло наші і т. д.; в Польщі те ж саме робилось по воєводствах, причому більша частина наших країн залічувалась в Малопольські землі, а друга, північна, — в Литовські! Скрізь по наших землях засіло чуже панство, а наші громади мужицькі одірвалися одна од одної, і люди по громадах теж одірвались один од одного.

Після всякого безладдя й тяжкої війни пропала держава Польська, і більша частина нашої України, на правім боці Дніпра, дісталась під одне царство Московське, тільки старі порядки мало перемінились, хіба що до польського панства ще прибавилось московське. Друга, менша частина, Галичина, дісталась під Цісарщину, під котрою теж зсталось панство польське, та ще й та Галичина, котра й під Польщею була окремим воєводством Руським, тепер тісніше зчеплена була з польським воєводством Краковським, а в Буковині, котру, як сказано було, здобула Цісарщина од Турції, зчеплено було наші громади з волоськими та над тими й другими було поставлено начальство німецьке.

Так поряд наша Україна була поневолена й поділена, а люди й гро-

(од того ж), а найбільше 467—472 (л. кош. Сірка), 539—543 (л. кош. Гусака), 557 (л. кош. Гр. Сагайдачного); III, 62; Солов'єв⁴ «Істор. Росії», т. XIV, 182—193 (лист повстанського гетьмана Петрика), тамож 180 (л. кош. Гусака). Всі листи з 1648 р. до 1692.

мади розірвані одні одних, і сама думка про волю й спілку їх придавлена в мужицьких громадах, а ще більше в письменних людях. І так сталося саме тоді, коли скрізь в Європі, а особливо на західній половині її, складались ті думки про людське життя й про державні й громадські порядки, котрими тепер заправляються всі освіченні люди,— так сталося в XVIII ст. Саме в XIX ст. письменним людям на нашій Україні довелось, вже по старих книгах та по увазі до неписьменних людей, добиватись до того, хто вони, чим вони були й чим мусять бути.

Як тільки втихомирились наші країни після страшенної війни й безладдя, серед которого одігнано Туреччину од Чорного моря й Дністра й пропала Польська держава, і як тільки знову почала рости в наших сторонах без перериву наука, хоч і по чужих школах, так і почала рости поміж письменними українцями думка про наші громади, про волю їх і про спільність їх на всій нашій Україні. Початок зроблено на подніпрянській Україні, де більше задержалось колишнього козацького духу.

З кінця XVIII ст. починають показуватись зводи історії козацької України, хоч і писані не нашою мовою *. Зараз за тим починаються проби письменних людей наших писати чистою мужицькою мовою жартівліві й жалосні книги про селян наших **. Далі більше прибавилось уваги до козацької історії, а за тим і до мужицьких споминів про неї, пісень і т. д., а далі й до усяких пісень і казок мужицьких ***.

* Нашою мовою писані літописі козацькі з XVII й початку XVIII ст. (Самовидця, Грабянки, Велички й др.), дякуючи порядкам, котрі перетягли письменство з нашої України в Петербург і Москву, заставались ненапечатаними аж до 40—50-х років XIX ст. Через те ж мало стали відомі в нас і писання латинські, польські, французькі і т. і. про козацтво XVII ст. В кінці XVIII ст. з'явилися перші печатні зводи козацької історії французькі й німецькі: Шерера⁵ — «Annales de la Petite Russie ou Histoire des Cosaques de l'Ukraine», 1788, Енгеля⁶ — «Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken», 1796. Наши: «Краткая летопись Малая России с 1506 по 1776 г.», изд. Рубаном, СПб., 1777; «Летописец Малая Россия», изд. Туманским, СПб., 1793. Сюди ж треба поставити й «Историческое известие о возникшей в Польше Унии» Никол. Бантыша-Каменского, написане по волі Катерини II ще в 1795 р., але надруковане тільки в 1805.

** Котляревського «Енеїда» почата в 1798 р., перші три пісні напечатані тільки в 1809 р. в Петербурзі, скінчена в 1825 р., а вся напечатана в Харкові тільки в 1842 р. «Наташка Полтавка» й «Москаль-чарівник» написані в 1819 р. для «вольного театру» в Полтаві, напечатані в 1837 р.; писання Гоголя-батька, Квітки, Гулака-Артемовського й ін. полтавців і харківців 10-х і 20-х рр. XIX ст. Тоді ж і перша граматика чисто мужицької мови української Павловського 1818.

*** «История Малой России» Дм. Бантыша-Каменского. СПб., 1822 (тричі видана до 1842 р.); «История Малороссии» Н. Маркевича. СПб., 1842—1843; «Опыт собрания старинных малороссийских песен» кн. Цертелева. СПб., 1819; «Малороссийские песни» Максимовича. М., 1827; «Украинские песни», 1834, «Запорожская старина» Изд. Срезневского, 1833—38, по більшій часті фальшиві, зроблені по Рубану й по «Истории русов» та колись дуже читалися; «Малорусские и червонорусские думы и песни» Пл. Лукашевича. СПб., 1836; «Наські українські казки запорожця Іська Материнки»⁷. М., 1833 і т. д.

Вже з тих чисел, які ми навмисне поставили в примітках, можна бачити, як то важко було розростись тій думці письменних людей про козацтво й мужицтво наше й в XIX ст. в кріпацькій, чиновницькій і централізованій Росії. А тим часом і в самому мужицтві порушилась думка помститись за кріпацтво й неволю, вирватись хоч на час з неї, і показувались немов забутки старого козацтва, немов початки нового, романтичне гайдамацтво *Гаркуші*⁸ на лівім боці Дніпра, і *Кармелюка* на правім, котре пускало об собі нові пісні й казки *. А по всій Україні то там, то сям піднімались маленькі бунти крестьянські, та втікачі в степи та виселки іноді й великими купами на *слободи* в степи, на котрих жили колись запорожці. Коли далі деякі письменні українці стали більше приглядатись до старої козаччини й до теперішнього стану мужицтва, то вже й українські писання їх стали показувати початок думки, щоб вернути козацьку волю на Україні **. Далі роздумавшись, українські вчені люди забажали ясно волі усього люду нашого од кріпацтва, письменства для нього, спільності усієї землі й своєї волі (автономії) для неї чи то в Росії, чи то в спільній і вільній Слов'янщині. Такі думки вже дуже пробивались в «Істории Русов, или Малой России», буцімто писаній Георгієм Кониським, архієписк. Білоруським, котора почала дуже пильно переписуватись українським панством в 20-ті роки, а напечатана була тільки в 1846 р. *** Зовсім явно думки такі вилились та ще й нашою мужицькою мовою в писаннях Шевченка з 1840 по 1847 р. То були бажання хоч невеличкого київського кружка приятелів Костомарова й Шевченка «Кирило-Мефодіївське братство»⁹, про котре знайдете розмову в дальшій нашій книжці і котре було скаране царем Миколаєм в 1847 р.

Подібно ж і на правім боці Дніпра серед споляченої шляхти почала звертатись увага до своєї країни, рости спомини про козацтво й гайдамацтво, увага до мужицтва ****. Тільки тут було менше прихильності до козацтва й менше уваги до мужицтва, і думка не про свою волю України, а про прилучення її до поновленої Польщі. Тільки й тут серед партії «демократів» були думки про увільнення мужиків од кріпацтва серед повстання для того поновлення Польщі.

Тим часом мужицтво наше показувало, що йому дуже не тер-

* *Пісня Кармелюкова:*

Од богатого візьму я, а бідному даю,
І так гроші поділивши, сам гріха не маю.

** Єремії Галки (Костомарова) «Переяславська ніч» і «Сава Чалий», трагедія з кінця 30-х років, і А. Могили (проф. Метлинський) «Думки та співи» і т. і.

*** В ті ж часи, як певно писалась та «Істория русов», козацька історія підбивала й вільний дух по всій Росії, як це видно із Рилєєва — «Ісповедь Наливайка» й «Войнаровский».

**** Українська школа польських поетів (Мальчевський, Залеський, Гощинський¹⁰ і др.).

питься в кріпацтві, а найбільше по правім боці Дніпра, по старій козацько-гайдамацькій полосі коло Дніпра й скрізь під панством польським. До того ж сюди мусили зайти чутки й про повстання «хлопське» в Галичині, котре підняли в 1846 р. на цей раз більше польські, ніж наші, мужики й од котрого багато панів втікало й в Росію. Саме начальство російське здумало вдергати панське здирство хоч на правобічній Україні і зробило «інвентарні правила» 1847 про землю й роботу кріпаків. Правила ці не вдовольнили кріпаків, котрі в піснях своїх жалілись, що «чиновники полигались з панами». В часи ж севастопольської війни 1855 р. мужики в Київщині піднялися цілими селами, щоб іти «в козаки, на вільні степи», де буцімто всім «цар обіцяв волю й землю»¹¹. Знайшовсь один з польських студентів демократів (Розенталь), котрий пішов до мужиків розказувати їм, що вони те не од царя, а од спільногого повстання з поляками отримують, і, звісно, пропав в Сибіру. Після війни скрізь по Україні кріпаки стали ждати волі то од царя руського, то од Наполеона, а потім, коли вийшла звісна воля без землі 19 февр[аля] 1861 р., то вони скрізь стали ждати «нової волі» й «слушного часу», коли вся земля буде поділена між людьми рівно, так що сам цар мусив казати в Полтавщині виборним з мужиків, що «нової волі» він не дасть. Були й такі, що казали, що прийде якийсь Гарабурда¹² [Гарібальді] і дасть нову волю.

Це все, що робилось в самому мужицтві українському з 50-х років, отдавалось і на тих письменних українцях, котрі, почавши од ко-заколюбства раніших часів, стали пильніше приглядатись до мужицтва, а найбільше, коли між ними став сам мужик зроду, Шевченко, котрого в 1857 р. повернуто з невільної служби в Азії. Письменні українці, по більшій часті ті, що були в товаристві Кирило-Мефодіївському, і найближчі до них, стали більше виступати з своїми думками в печаті, в окремих книгах (Куліша, Марка Вовчка, Костомарова, Шевченка і др.), а далі в місячному виданні «Основа» 1861—62. Коли ж після 1863 р. стало важко говорити українцям в Росії, то вони стали писати по галицьких часописах, наприклад в «Меті»¹³ 1863—64 рр. і в «Правді» 1867—75.

Перше прихильники українського люду й країни виступали смирно, бажаючи небагато: волі печатати книги рідною мовою й чити нею по нижчих школах, волі особи в державі російській, полегшення бідноти мужицької, повертання панства й попівства на Україні до породи української, до згоди з мужицтвом. (Дивись Шевченка «Посланіє до земляків», статті Куліша й Костомарова в «Основі» й «Дні»). Навіть Шевченко, котрий в думах своїх та піснях йшов дальше (напр., «Заповіт»: «Поховайте та вставайте — кайдани ломіте!»¹⁴ і т. д.), коли писав простою мовою (прозою), то радий був вдовольнитись і тим малим, котрого він бажав в «Посланії». Тільки дальший зріст вільних думок (демократії й соціалізму) в Європі й в Росії в 60-ті роки, примір поляків, котрі змагались повставати

(1860—63 рр.), увага на бажання самого мужицтва нашого, а до того байдужість українського панства й навіть ворогування доброї долі панства й попівства (найбільше вищого) до всіх тих бажань українських, ворогування проти них доброї волі панства, попівства й чиновництва в Московщині, заборона начальством печатати книги українські (наукові й церковні) і байдужість до того навіть вільнолюбивих московських людей — це все показало декому з українців марність надії на все те, що панує на Україні й по всій Росії.

Ще з 50-х років почали вироблятись серед молодих з письменних людей на Україні ті думки, котрі вороги їх з поляків назвали «хлопоманією», а з жидів і москвинів — «українським сепаратизмом», тобто думки про те, щоб підняти чорноробів, вигнати усяке панство й начальство з України й поставити на ній вільну козацько-мужицьку державу або повернути хоч таку свою волю, яку мала Україна в Московському царстві за часи гетьманів. Безперечно, що такі думки ворушилися по гарячих головах. Тільки таких людей було ще мало, й вони мало що робили не те, щоб доводити ті думки до діла, але й щоб більше привернули людей до них. Та до того по підбитих українах (провінціях) усяким освіченим людям важче було так навчитись і зібратись докупи, як навіть це можна було і в столицях Росії. Через це «хлопоманські» й своєвільні думки на Україні в 50—60-х рр. мало в кого стали досить ясними й дужими, а потім на кілька часу й зовсім були притихли.

До того ж і праця невеличкої купки українських «хлопоманів» поневолі мусила розбиватись на усі боки од наукового дослідження старовини й мови народної до праці серед мужицтва. А тут ще й польське повстання случилось якраз тоді, коли тільки що українські «хлопомани» і прихильники «своєї волі» стали складатись в упорядковані купки й громадки й виясняти собі свої думки й приводи, чого і як добиватись. Українці бачили, що начальство московське й по-московлене панство й попівство наклада руку й на самі смирні праці українські, як, наприклад, на книги й школи; а тоді ж таки панство польське на правім боці Дніпра прямувало до того, щоб якбільше забрати в свої руки наше мужицтво й повернути старе Польське королівство, і самі найвільнодумніші польські демократи, навіть ті, що згоджувались з тим, що Україна не в усьому подібна до Польщі й мусить мати якусь-то свою волю, все-таки змагались прилучити її до Польщі, з чого не могло б бути нічого, окрім панування поляків над українцями, а далі й панства над мужиками. Мужицтво українське в часи повстання польського 1863 р. само повстало проти поляків, щоб «завоювати собі землю», як колись козаки, і тим примусило й начальство царське дати йому більше землі, ніж її дано було скрізь по царській волі 1861 р. На правобічній Україні, в губерніях Київській, Подольській, Волинській, як і в інших, де було польське панство, почалися переглядання «уставних грамот», що були зроблені од 1861 до 1863 р. російським начальством і панством (по більшій часті

польським) з 1864 р. по 1869 р. В тих трьох губерніях наші крестьяни здобули через те на 20 % більше поля, ніж вони було дістали до польського повстання *. Це все не зосталось без сили над прихильниками української волі, і тим більше, що вони як «хлопомани» більше давали ваги поліпшенню господарства мужицького, ніж яким-небудь державним порядкам. До того ж тоді скрізь в Європі ходили думки, навіть між соціалістами, що поліпшатись господарство мужицьке може й без вільного державного строю, за поміччю царства, а до того в Росії була дуже міцна думка, що прихильник мужиків мусить мало не в усьому йти з мужиками. А мужики українські стали за царя, від котрого сподівались землі, проти поляків. От через це все думки й праця українських вільнодумців і «хлопоманів» роздвоїлись: не лишаючи незадовольства проти начальства московського за його нагніт на українську волю й породу (національність), хлопомани раді були, що те ж начальство сповня хоч частину їхнього бажання про справи господарські (економічні) і дає нашому мужицтву хоч в одній країні трохи більше землі.

Таке роздвійство ще додало причини, через що українське «народовство» в 60-ті роки не виступило перед своїм людом і перед усім світом з прямими думками про те, що *сам народ український мусить впорядкувати свою долю, як йому потрібно, скинувши з себе усяке панство й державство.*

Потроху дійшло й до того. Ще з 1866 р. начальство царське спинилось навіть і з тими невеличкими ділами, котрі воно почало робити для мужиків, напр [иклад] з школами, з переміною податків, і почало явно йти назад і більше держати руку панства навіть і на правім боці Дніпра. До того й тут виявилось в 70-ті роки, що й надання нашим мужикам трохи більше землі не рятує їх од бідності й од того, щоб вони не мусили запродуватись в найми або кидати свою батьківщину й шукати собі виселків, де вони знаходять ту ж саму неволю, що од неї думали втекти. Тим часом за 10—15 років після волі 19 февр [аля] 1861 р. вспіло нарости нове панство — багатирське, іноді з самих мужиків і козаків, з сільської старшини, котре поприставало до ранішого панства — дворянського й купецтва, також почало нагнічувати мужицтво й збільшило число чужих йому людей на Україні. Між бідним мужицтвом знову почала ходити думка про те, що мусить таки наступити новий переділ землі, вже од нового, коли не од теперішнього царя. Так знову мужицьке життя поставило й перед письменними українцями думку про те, як вийти мужицтву нашому з тієї нової неволі, в которую воно дісталось, ще не зовсім вирвавшись з старої панської й зовсім не вирвавшись з чиновницької (царської).

* Дивись «Труды этнограф.-статист. экспедиции в западнорусский край». Материалы, собранные П. П. Чубинским, т. VII, 515.

Західна Європа й Америка, де тим часом вкінець розбились надії прихильників чорноробства на поміч од Бонапартів, на поміч од держави в Пруссії (*Staatshülfe*), в котрих можна було бачити, як по самих вільних державах (Англія, Швейцарія, також С.-Америк [анські] Спільні Держави) мужицтву живеться далеко не красно, навчали, що мужицтву *ніхто не поможет, окрім його самого*. В Україні, в котрій все, що вище мужика, двічі, коли не тричі, чуже йому, це ще більше мусило бути правдою, ніж де-небудь. Нарешті начальство царське ще раз наложило руку навіть на самі смирні початки праці над тим, щоб перенести в мужицтво науку й звести панство з мужицтвом хоч однаковою мовою: воно заборонило в 1876 р. вкінець печатати українські книги на Україні, а з них — наукові книги й де-небудь в Росії, причому знову показалась або байдужість до цього нечуваного в Європі діла, або й явне ворогування проти українства з боку московського й помосковленого панства, навіть з самих вільнодумців. Та байдужість і те ворогування тільки осмілили царське начальство робити, що здума, над Україною.

Так в тій частині нашої України, що під Москвою, зростала в XIX ст. знов думка про спільність і волю своєї України серед невеличкіх громадок і письменних людей, а серед громад мужицьких так виростала своя думка про землю й волю; так показувалась дедалі марність надії і тих і других на всяке панство й начальство світське. Подібне ж вияснилось останніми часами й щодо панства попівського. Тільки тут, може, ще більше видно, як мужицтво наше *само по собі*, саме через те, що воно бачило навкруги себе й од чого терпіло, було попхнуто до того ж, до чого мусили б дійти письменні люди наукою: почало скидати попівські пута з розуму свого.

Ta вся колотнечча, яка робилась на нашій Україні сотні років, не давала на ній без перестанку рости науці, а особливо науці про природу. З того ж часу, як наша Україна дісталась під державу царів московських, наука в нас дісталась в конечну неволю царського й попівського догляду (цензури), котрий пропускав з всесвітньої науки до нас тільки те, що хотів. Далеке й чуже начальство не дбало зовсім про наші школи, навіть і про такі, які йому було завгодно заводити в своєму царстві для самих панів і попів. До того ж прохід науки до наших людей спинявся через те, що по школах наших стали вчити чужою мовою, і навіть коли вже панство й попівство наше так-сяк вправилось з тією мовою й помосковилось, то до мужицьких громад вже зовсім не могла дійти й крихта панської науки, котру розказувано чужою мовою. Так наша Україна довго мусила годуватись майже самою церковною, грецько-слов'янською наукою, а нашему мужицтву після XVIII ст. зостались самі хіба послідки й луна тієї науки. Тільки ж розум наших людей і в старовину пробував вийти з тієї межі, яку перед ним провело грецько-слов'янське попівство, і в тій межі звернув увагу більш на те, що було найпозиточне для громад людських, ніж на обрядові вигадки й заборони. Що тому

була за причина, чи природна сила розуму наших людей, чи те, що вони здавна мусили знатись з людьми усякої віри (напр., коли не йти в дуже далеку старовину: з греками, з італіянцями по Чорному морю в XIV—XV ст., з ляхами, з німцями, з усякими лютерами, кальвінами, социніанами і т. і., котрими кишіло русько-польське королівство в XVI—XVII ст., до котрих приставали й пани й міщани), тільки ж ще в XVI—XVII ст. наша Україна була найближче, ніж коли-небудь, до тих думок, які помогли в Європі перемінити панські церковні порядки на громадські, а далі й увільнити розум громадський од путів попівської науки. Думка про таку переміну починалась у нас серед простіших людей саме тоді, коли вище панство наше, світське й церковне, почало повернутись в чужу породу, польську, а далі й у віру латинського обряду і коли та віра, котра так-сяк, а стала вірою наших людей, дедалі зоставалась тільки вірою простих людей. *Впятьтаки наша Україна була найближча до тих думок, котрі довели всю Європу до зміни церковної (реформації) якраз тоді, коли наші прості люди найбільше повставали за свою волю, а наша порода була найближче до спільноти всіх своїх громад.*

В XVI ст. прості люди по містах наших закладали братства церковні, в котрих багаті й бідні були рівні, в котрих усі братчики мусили вибирати й судити попів, й архієрей мусив слухатись братства, бо братчики брали собі право докоряти й архієрея, коли той робив що не-потрібне, й «противитись йому як ворогові правди». Братчики на сходах, скінчивши розмови про справи свої, самі читали книги духовні й розмовляли між собою, печатали книги церковні й світські, держали школи. Братчики думали, що гроші й маєтки церковні — добро бідних людей, вдов, сиріт, давали з братського скарбу поміч бідним і нужденним без лихви, помагали бідним хлопцям вчитись науки. Братчики хотіли самі судитись проміж себе, не виносячи справи за поріг, і т. д.* Попівському панству, архієреям не подобались такі змагання простих людей, «хлопів, кожум'як, сідельників» і т. і., і вони пристали під руку архієрея римського, створивши на Брестському соборі (1595) унію, котру стали підpirати польське панство й королевство. Це було одною з причин, через що наша зміна церковна не пішла до кінця, як західна реформація. Братчики пристали до тих архієреїв, котрі зостались з грецьким «благочестієм» (православієм). За поміччю міщан, козаків і селян вдержалась на Україні церква грецько-слов'янська, а потім мусила пристати вкупі з Гетьманчиною під церковне начальство московське. Тільки ж і в прихильниках грецького «благочестія» на Україні в XVI—XVII ст., а найбільше тоді, коли до братства простих людей ще мало приставало архієреїв, було багато братського духу, духу громадських церков, якими робились в Європі церкви «протес-

* Дивись устав Львівського братства, зложений міщанами 1586 р. в «Памятниках Київської комісии для разбора древних актов», т. III, 24, далі 37—45.

тантські». В тих писаннях, які писались в XVI ст. проти унії архієрейської, наші люди, навіть з попів, проклинали панство церковне, «владик, архімандритів, ігуменів, всіх священиків, котрі, на святих місцях лежачи, гроши збирають, слуги умножають, жони украшають, приятелі обагачають, корити зіждуть, розкош свою поганську ісполняють», і казали, що «хлопи, кожум'яки, сідельники, шевці, простії християни, світські — то й єсть саме тіло церковне, котре має волость скверноначальника попа вирвати, осудити й проклясти», що наука, мовбіто попи вищі світських людей і що світські мусять тільки слухатись їх в усьому,— це наука не Христова, а рабинська. Навіть монах українець писав тоді: «Не попи спасуть нас, або владики, або митрополити, а тайнство віри православної та заповіді,— оте спасе нас»,— і добавляв, пишучи «народу руському, литовському й лядському в розділених сектах і вірах розмайтих», що тепер «священики всі черевом, а не духом офірують» і що «на панів нічого надіятись, що прості люди самі мусять вичистити церкву од скверноти» *. Знаходились в XVI ст. попи, котрі «для ліпшого вирозуміння християнського люду посполитого» перекладали Євангеліє «з язика болгарського на мову руську», та ще й так, щоб воно годилось для людей і грецького й латинського обряду **. А козаки за Хмельницького казали польському ксьондзові своєю терпкою мовою, що й «ваші ксьондзи й наші попи однакові такі сини» ***.

Діло не дійшло до того, щоб у нас заложились цілком громадські церкви, як там, де подібний же рух серед громад міщанських довів до кальвінства, індепенденства і т. і. Тільки ж все-таки братства йувесь рух церковний XVI—XVII ст. пройшов не дурно. З самих попів наших повиходили люди, котрі й в Московщині навчали людей тому, що в XVII ст. навчали дальші парослі протестантства (армініани, латітундарії, дейстї¹⁵), тому що не самі тільки грецькі християни — християни, що й у нехриста можна навчитись доброму, що спасіння не в обрядах і т. і. (Прокопович, Бужинський¹⁶ і т. і.). Тільки таких людей стала тратити в XVIII ст. наша Україна для столичної Московщини, а там вони перероблювались з вільних людей на царсько-церковних чиновників. Дальший зріст таких думок серед людей духовної школи в нас спинився, найбільше через церковну централізацію й цензуру ****. Само попівство наше під царською рукою зовсім перестало бути вибірним, стало казенним, а далі й зовсім чужим, особливо архієрейство.

* Четыре сочинения афонского монаха Иоанна из Вишни.— Акты Южн. и Зап. России, II, 205 і далі. Апокризис альбо отповедь на книжки о соборе Берестейском, через Христофора Филялета, 1587.

** Див. И. Житецкого¹⁷. О пересопницкой рукописи.— Труды III археол. съезда, 221.

*** Пам. Киевск. Комм., I, III, 325.

**** Ще в 1720 в Чернігові вийшла книга «Богомыслие», в котрій побачили «лютерские противности». Цар Петро заборонив печатати всякі книги духовні без догляду вищого начальства церковного.

А по громадах мужицьких все-таки ворушились думки, котрі було проскочили в гору в братствах, та ще й своїм робом посувались далі: в піснях і казках своїх мужики розказували про Христа — Бога бідних, сміялись над попами й архієреями, іноді й над святыми, «що молебні люблять», і над усіма порядками церковними, котрі тільки деруть з мужика: «Боженьки, боженьки! А над ким ви будете богувати, як нас не буде!»*

Потроху попівство наше й церкви стали для наших простих громад майже такими ж самими, якими були колись, в перші часи унії: панськими й чужими, тільки що не латинськими! От тоді-то серед нашого мужицтва показались люди, вже зовсім *протестанти*, котрі дедалі стали складатись в «братства». «Штунди» — так і звуть себе — «братство руське». Тут не обійшлося без чужої науки: німців і московських людей. Тільки ж чужа наука сама по собі багато не вдіє, коли самі люди не готові прийняти її. Та й з усіх чужих вір наши люди слухають німецьких менонітів, анабаптистів і московських не старообрядців, а «людей божих» (шалопутів, хлистів; ці теж не без німецького початку в XVIII ст. завелись в Московщині), і «люди ж божі», хоч верзуть усякі нісенітниці, та все-таки держаться того, що в кожному чоловікові божа сила єсть, що він сам по собі розуміти віру може без попа та що всі люди мусять в братстві жити. У штундів так і зовсім уся віра на христове братство сходиться. А в усіх тих сектантів, які тепер показуються серед українського мужицтва, порядки духовних громад зовсім такі, які хотіли завести братчики XVI ст.

Цікаве діло, що ці нові братства заводяться у нас вже зовсім самими «хлопами, кожум'яками, сідельниками», що ніхто з письменних людей на Україні навіть не вмів дізнатись добре про ті братства. Вони самі собі ростуть і письменству навчаються, і коли тепер не заводять школ і печатень, то тільки через те, що це тепер трудніше в Росії XIX ст., ніж в Польщі XVI ст.; самі перетолковують між собою біблію «з язика болгарського на просту мову — руську», на просту українську, і коли не пишуть тих перекладів, то через те, що ще й не чули, що єсть люди, котрі пишуть не панською руською мовою,— українською.

В усякім разі й тут, в справах духовних, як і в справах господарських, *наше мужицтво тепер приходить на те, на чому стояло в козацькі часи XVI—XVII ст.* До того ж підходять з різних боків (національного, політичного й соціального) й купки письменних українців, котрі не забули того, що вони українці, й хотять ухопити *кінець нитки, що ввірвалась в нашій історії в XVIII ст.* Чи вмітимуть наші письменні люди вхопитись за край тієї нитки, котрий тягнеться сам по собі в нашему мужицтві, чи вмітимуть прив'язати до нього й те, що

* Дивись приміри у нас в: Малор [оссийские] нар [одные] предания и рассказы. К., 1876; у Чубинського, Труды, т. I.

виплела за XVIII—XIX ст. думка людей, котрих історія не переривалась, і звести в темноті й на самоті виплетену нитку — іноді більше бажання, ніж ясної думки — нашого мужицтва з великою сіткою наукових і громадських думок європейських людей — ось в чому *тепер все діло для теперішніх письменних людей на нашій Україні!*

Ось де для них: чи жити, чи помирати?!

До того ж краю дійшли письменні люди й мужицтво і в тих наших країнах, що під Цісарчиною, хоч там і була трохи одмінна доля письменних людей в XIX ст., ніж в Росії. Там під пануванням начальства неслов'янської породи й віри не греко-руської важко було зовсім перемінити в наших школах і церквах старі порядки XVII ст., як це зроблено у нас під московським начальством. Там руські церкви і школи вдергали більшу частину попівства од повертання в зовсім одмінну од мужицтва породу. В Галичині найменше порвалась нитка, котра прив'язує письменство людей XIX ст. з старим церковноруським XVII ст., тільки уніатським. Це, звісно, мало свою користь і для мужицтва, бо все-таки вдергувало наших письменних людей коло свого краю й народу. Тільки ж через те, що письменні люди руські в Галичині були тільки попи, то й письменство руське було тільки попівське, з його мало було користі для живих потреб громадських. Ще з того часу, як в Галичині за поміччю польського начальства взяла верх унія, братські порядки в церквах вкорочено, і попи дедалі склались в осібне панство, звісно, менше, ніж польське, а все-таки вище од мужицтва. Під Цісарчиною попівство руське повернулось там в чиновництво, то цісарське, то польське, котре дума про свою користь та службу старшому начальству, а не про громади, тим більше, що настанова попа на парафію там залежить од пана-дідича.

Тільки років з сорок назад і серед галицького попівства стали показуватись люди, котрі науковою і приміром других країв слов'янських стали доходити до думки, щоб хоч що-небудь робити на користь свого мужицтва, хоч давати йому більше зrozумілу церковну науку, на його живій мові. Розумніший між ними був *Маркіян Шашкевич*, видавши книжку «Дністрова Русалка» (1837) з піснями мужицькими і почавши перекладати Біблію на галицьку мову. Шашкевича його товаришів між іншим підбили до таких праць книги з нашої України (Котляревського, пісні Максимовича). Мусили також зробити своє й проби польської української школи письменської, а найбільше збори пісень *Вацлава з Олеська* й *Жеготи Паулі*. За українськими книгами в Галичину стали заходити з Росії й козацькі думки. Тут сталося польське повстання проти цісаря в 1848 р., і мужики галицькі показали себе також само, як і подніпрянські в 1863 р. Цісарське начальство здумало вжити з того початку між письменними русинами галицькими уваги до того, що вони не поляки, а русини, із ненавистті мужицтва галицького до панства польського, і згодилось на те, щоб русини впорядкувались як осібна політична партія, осібна, призначена державою порода людей, рівна по праву зо всіма другими.

Русини, попи й мужики, звернули надію на начальство цісарське, що воно їх зовсім увільнить од польських панів, а мужики склались на попів, що ті здобудуть їм од цісаря волю од панщини, поле, ліси й пасовиська. Тільки й тут всі ті надії стали марними. Окрім позбави од кріпацької панщини та маленьких клаптиків землі за чималі податки, мужики наші в Галичині не дістали нічого й тепер, дедалі збіднюються все більше й тратять і ті клаптики землі, що були в них, і хати, запродаючи їх жидам, щоб виплатити усяке здирство. Та й уся Галичина все-таки зостається під польським начальством, котре перешкоджа русинам в усьому й навіть заводити свої школи і т. і. Бачачи таке, деякі з письменних русинів стали покладати надію вже на царя московського *. Та й саме мужицтво в Галичині, як де, то сподівається, що від того ж царя, як руського, здобуде собі землю й волю од великих податків і всякого здирства. Тільки з цими надіями живуть галичани вже більше десяти років, а все з них нічого не виходить, і для того, хто знає порядки в Росії, ясно, що й нічого не буде: і в Росії селяни ждуть того ж од царя, ждуть, що він не тільки, «подарувавши панщину, подарує й податки», а ще позволить панів в кайдани заковувати, посыкати в ліс стосів рубати і т. і.** Вже й в Галичині з'явилися люди, і між письменними людьми (котрі вже тепер єсть там й окрім попів, і між самим мужицтвом), котрі розуміють, що марно надіятись і на цісарське начальство, і на московське, і на своїх попів, а покладають надію на самих себе та на самі мужицькі громади. А бачачи на нашій Україні людей однакової породи, що одно терплять і до одного йдуть, вони раді пристати до спільної праці з російськими українцями.

Далеко гірше стоять наші земляки в Угорщині. Тут дуже вже давно наші люди дістались під руку панів угорських. Сюди, за гори, майже не доходила чутка про наших козаків і про те, як в наших місцях мужицтво пробувало само орудувати долею своєю. Та в часи нашого козацтва людей наших за горами ще було небагато; землі було вволю; пані угорські теж ще не розплодились та й часто заодно з мужиками терпіли од турок, втікали од них, воювались з ними. Коли ж панство угорське міцніше й густіше засіло на нашій Закарпатській країні, в XVIII ст., то вже тоді козацтво наше було далеко, аж за Дніпром, та й те скінчилось. Так загірні люди наші одбились зовсім од нас, та й у нас так затихла думка про них, що навіть вчений складач «Істории Малой России» Бантиш писав, як темну чутку, що «сведущие люди находят нынешнее малороссийское наречие сходным с тем, коим говорят венгерские россияне, известные под именем (?) карпатогорсов ***. Перше в XVIII ст. хоч попів-

* Про це все більше розказано в нашему передньому слові про галицьке письменство до книги «Повісті Федъковича». К., 1875.

** Дивись подільську пісню, перероблену з галицької, записану од лірника, в Зап[исках] Юго-западн. отд. Русск. географич. общ., I, II, стр. 54—55.

*** Ист[ория] М[алой] Р[оссии], III, 249.

ство закарпатське було спільне з галицьким (а часами в XVII через нього то й дотикалось до київського), але в XIX ст. і воно підлягло зовсім угорському начальству й потроху переробилось зовсім на нове панство, майже зовсім угорське, котре й говорить між собою не інакше, як по-угорському й не має іншої думки, як жити з наших людей та вслугувати начальству й панству угорському. Рідко хто з того попівства думав про те, щоб що-небудь писати по-руському, а котрі й думали (в останні тридцять-двадцять років Духнович¹⁸, Раковський¹⁹, Павлович²⁰ і др.), то ще менше галицьких попів думали про те, щоб писати близько до того, як мужицтво їхнє говорить, і про такі речі, щоб світським людям та громадам мужицьким були пожиточні, а змагались писати все більше про попівські речі та мовою мовби то *московською*, як панською серед усіх руських, котрої однако ніхто в них не вміє, бо не чує ніколи. Через те писачі ті нікого й не загріли до своєї рушини, про котру рідко хто з письменних людей по тих сторонах і дума.

Досі найбільше, що зворушило земляків наших на Угорщині,— це повстання угрів проти цісаря в 1848 р. й похід війська з Росії на поміч цісареві. Дехто навіть з попів руських по тій стороні пристав було до угрів, але потім, коли не їх взяла, то й ті перейшли на цісарів бік і стали йому прислугуватись проти угрів. Мужики ж зразу стали за цісаря, бо дякували його за волю од панщини й сподівались теж поля, лісів, пасовищ^{*}. Ті ж з письменних людей, хто був гарячіший до рушини, ті стали сподіватись усякого добра, звісно, більше для себе, ніж для мужицьких громад, од цісаря або од цісаревого приятеля, царя «руського», й ще ревніше стали старатись помосковитись, щоб показати, що й між ними є пани, як і між уграми. Деякі й справді стали на час чималими чиновниками в своїй країні. Тільки мужики тут дістали ще менше, ніж в Галичині, а згодом цісар мусив помиритись з уграми, і пани угорські знов забрали силу по всій тій країні над нашими людьми та ще тепер стали лютішими до них. А з того змагання письменних людей помосковитись вийшло тільки те, що вони ще більше стали гордувати над своїми ж земляками мужиками, котрі б то й мови настоящої руської не вміють. Потроху всі письменні люди в угорській Україні вернулись до угорської мови, хіба хто поїхав в Росію на службу, з чого, звісно, для тієї країни ніякої користі немає, і тепер хоч і єсть ще там одна газета мовбіто руська, то й та, змагаючись писати по-панському, по-московському, тільки й дума, що прислугуватись до угрів, і нападається на усіх, хто їм не хоче коритись: на сербів, на словаків, та й на своїх русняків і на саму Московщину. Тепер на всю нашу угорську країну нема ні однісінького письменного чоловіка, котрий би явно промовив хоч слово за своє мужицтво й за рушину й слов'янство. Так воно й мусило бути після

* Дивись пісні проти Кошути²¹, приведені в нашій статті «Малороссия в ее словесности». — Вестник Европы, 1870, VI.

того, як письменні люди в тій країні захотіли бути не громадянами серед своїх людей, а панами, хоч би й руськими. Руського панства коло себе вони не знайшли, московське далеко: прийшлось приставати до угорського або мовчати! Тільки як воно це не гірко бачити, а вже й з цього видно, що в нашій угорській країні діло громад руських стало начистоту: тут вже зовсім видно, що не мужицьке, зовсім чуже й зовсім гордує мужицтвом і руциною, зовсім ворогує проти них. Явно значить, що тут вже й крихти надії не може бути на що-небудь, окрім самих мужицьких громад, котрі самі собі мусять помогти, вибавивши свою землю од чужих людей. А коли там наших людей небагато, то ясно, що вони мусять шукати помочі в спілці з сусідами, котрих доля майже така ж сама, як і їхня: з словаками, сербами, волохами і т. і. та з своїми братами-русинами — за горами, в Галичині й у нас. Ця спілка з людьми, котрим самим того ж треба, що й русинам закарпатським, буде певнішою поміччю, ніж надія, напр., на Московщину: Московщина далеко, та й начальству московському нема причини переміняти за Карпатами порядки, котрі воно само в себе держить!

Так-то по всіх наших українах стало тепер на однакове: скрізь наши люди зостались майже тільки мужики; скрізь людей наших однаково давить, хоч і не однакове, царство, панство, купецтво й попівство; скрізь мужицькі громади одного бажають, скрізь виявилось однаково, що марні надії на кого-небудь, окрім на самі мужицькі громади. А коли ті громади скрізь у нас однакової породи, живуть поруч, то ясно, що нашим людям найліпше: стати спільно, щоб дійти до свого; щоб жити *по своїй волі на своїй землі*.

Що ж то значить: жити по своїй волі на своїй землі? Чи то значить тільки заложити свою окрему державу, як, напр., зробили це на наших очах італіянці²²?

Безперечно, українці багато стратили через те, що в ті часи, коли більша частина інших пород людських в Європі складали свої держави, їм не довелось того зробити. Як там не єсть, а своя держава, чи по волі, чи по неволі зложена, була й досі ще єсть для людей спілкою задля оборони себе од чужих і задля впорядкування своїх справ на своїй землі по своїй волі. Тільки ж не всіх справ і не для всіх людей рівно! Тепер вже люди переросли державні спілки й прямують і волею, і неволею до якихось інших. Тепер вже показалось, що й в тих породах людських, котрі мають свої держави й велиki, багатi, й вільнi (напр., як Франція, Англія), або й велиki спілки вільних держав (як С. Американска Спілка), більша частина людей бідує мало чим менше, ніж бідують мужики українські. Безперечно, що коли б українці перш усього вибились з-під чужих держав і заложили свою, вони б стали також, як і другі породи, самі мізкувати, щоб полегшити ту біду, од якої терплять скрізь люди. Тільки ж того, що пропало, не вернеш, а надалі повстання проти Австрії й Росії, таке як робили за свою державну спільність італіянці за поміччю

Франції, для нас річ неможлива. Швидше можливе діло для нас — стати усім в одній державі, це коли б одна з тих держав, що тепер володіють нашою землею, одірвала решту її од другої держави. Звісно, це швидше може зробити Росія з Австрією, ніж Австрія з Росією. Тільки в такім случаю наші справи не поліпшали б багато, хіба б що наші австро-угорські брати зовсім би запевнились об цім та пристали б до спільноти праці проти усякої неволі, од котрої ми терпимо. Далеко можливіше для українців добиватись в тих державах, під котрими вони тепер, усякої громадської волі за помічю других пород, котрі теж піддані тим державам. Тільки ж це таке діло, котре потребує стільки усякої праці, що в кінці її не варто здобути тільки державну волю й спілку. Не варто було б здобути тільки те й тоді, коли б довелось справді людям української породи добитись того через велике повстання й криваву війну. Мало того, що ми бачимо по других людях, котрі мають свої держави, напр. хоч би й в Італії, нас може навчити примір і нашого повстання за часи Богдана Хмельницького, коли наша Україна справді була найбільше подібна до самостоячої й чималої держави.

Держава та зложилася через повстання великої частини поспольства козацтва, міщанства, попівства й трохи й панства, не забувшого ще рушини й «благочестія». А вже серед самого повстання показувалась незгода між багатшими й біднішими, між поспольством, міщанством — і козацтвом і панством, між козацтвом, поспольством — і попівством, далі між козацтвом простим — і значним. Незгода ця примусила українців шукати помочі проти Польщі в «союзі й протекції царя восточного», котрі союз і протекція обернулись в «підданство», й не «вільне підданство», як хотіли українські козаки, а в «вічне підданство», як поправляв гетьмана Виговського цар московський. Вже за часи того Виговського незгода між тими поділами наших людей по стану й по багатству дійшла до того, що вже наперед можна було бачити, що українська держава не встоїть «серед незгоди частих і непостоянних начальників» кожного стану й серед «незичливих сусідственних монархів фактій» (злочинств), як плакались товарищі війська запорозького в листах, на котрі ми вказали вище. Сталось це через те, що ті, хто закладав українську державу XVII ст., скидали з себе тільки чуже ярмо та те, що більше усього мулило їх, а не виривали неволі з коренем: вони зоставили стани людські: попівство, вояцтво (шляхту й козаків), міщанство, поспольство; вони, хоч і казали потім, що «козацька шабля скасувала колишні панські кріпості на землю», та тільки не вміли подумати об тім, як би не заводити нових кріпостів, а всі кинулися на займанницю поля, лугів, млинів, а то так і зоставили старі кріпості на ґрунти православних церков й шляхти й козаків з тими підданими, котрі «обиклуло повинності одправовали». На тому й вмовились державні люди українські з царем в Переяславі (1654) і зараз же почали й од нього й од гетьманів випрошувати собі нові маєтності з підданими або хоч з послушними.

«Як люди осілись після Хмельницького,— казали в початку XVIII ст. у нас на Україні,— то можніші пописались в козаки, а подліші осталися в мужиках»*. Через кілька років після Переяславської умови 1654 р. *городова Україна* вже знову мала нових своїх «дуківляхів», а за тим сталося так, як усі знають. В *Україні низовій* згода й воля держались довше, бо там менше було станів та займанщини (бо майже не було хліборобства), а було *товариське вояцтво* й господарство (рибальство, полювання, скотарство).

В цьому-то *товаристві*: *в рівності* й *в спільному господарстві* над усім, що потрібно людям, і єсть корінь волі й для людей, маючих свої держави й не маючих їх. «Шабля козацька» інакше б послужила «матері нашої Україні», коли б вона, «скасувавши нестерпиму лядську неволю», не ділила людей на стани й не попускала займанщини, а повернула б всю Україну в «вольності усього товариського люду українського», в те, чим були річки й луги на низовій Україні для «товаришів війська запорозького». От до того, що справити, в наших дідів не стало розуму, коли вони складали козацьку державу, як і ні в кого в ті часи, до того мусимо тепер після довгої й гіркої науки добиватись ми, іхні онуки, в котрих нема ніякої держави.

Ясне діло, що така велика купа людей, скільки є їх на всій нашій Україні, не може бути одним товариством, інакше вона б перестала бути й вільним *товариством*. Вона мусить стати *товариством товариств, спілкою громад*, вільних в усіх своїх справах, інакше які-небудь громади будуть поневолені робити не те, що вони хотять, і не там, де вони сидять. Добре було товаришам запорозьким щороку кидати жереб, якому куріню яка річка на цей рік дістанеться, бо товаришів запорозьких було завше тисяч з 6, і вони вже через вояцтво своє мусили найбільше сидіти в Січі, коли не були в поході. Але вже то одне, що кожний товариш мусив безпремінно приставати до якого куреня січового, щоб стати справді товаришем січовим, робило, що справедельної рівності не було між усіма, хто сидів на всій землі запорозькій (а їх там бувало не 6—10 тисяч, а 50—60), хоч і кожному була воля перейти в Січу й стати товаришем. Та в тім то й сила, що не кожний схоче, а всі не можуть кидати свою громаду та йти в другу, в середню навіть на час. Не буде рівної волі й тоді, коли хто-небудь буде справлятись в усьому за другого, як це робиться в виборних державах. Виборний тільки тоді не стане начальством, коли він просто справить те діло, за котрим його вислав другий, котрий знов наперед, якє то діло, й наказав, як його треба справити. З цього ясно, що справді *вільними* можуть бути *тільки маленькі держави*, або, *ліпше сказати, громади, товариства*. Справді вільною спілкою може бути *тільки спілка товариств*, котрі просто чи через виборних

* Лазаревського «Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783)». Чернігов, 1866, 5, 6.

людей для кожної справи обертаються до других товариств, з котрими їм найближче, найлегше, найпожитніше бути спільними, за потребами їм справами, oddаючи їм поміч за поміч.

Розважаючи далі, побачимо, що й громада потрібна людям тільки для того, щоб кожному було найліпше. Значить, і громада тільки тоді буде мила кожному, коли вона не неволить нікого: бути в ній чи не бути. І громада мусить бути *спілкою вільних осіб*.

От дійти до того, щоб спілки людські, великі й малі, складались з таких вільних людей, котрі по волі походились для спільної праці й помочі в вільні товариства,— це й єсть та ціль, до котрої добиваються люди і котра зовсім не подібна до теперішніх держав, своїх чи чужих, виборних чи не виборних. Ціль та зветься *беззначальство: своя воля кожному й вільне громадство й товариство людей й товариств*.

Це діло не зовсім таки нечуване на нашій Україні. Наша Січа Запорозька була подібною ж вільною спілкою: кожний міг прийти до неї й одійти, коли хотів. Кожний приставав до такого куреня, до котрого хотів; кожен курінь був спілкою вояцькою й господарською, котра працювала спільно й вживала своє добро в спільному будинку. Всі 38 куренів складали товариство січове. Товариство обладало усім добром на землі своїй і ділило щороку по жеребу між куренями те, з чого найбільше жили товариши: річки. Хто хотів «ліситити», звіря ловити, ті складались на час роботи в курінь і ділились заробленим рівно. Вся старшина курінна й січова була виборна на рік або поки вгодно товаришам. Правда, як ми це вже спом'янули вище, такі товариські порядки не розширялися в Січі на всіх людей і на все господарство. У січовиків було поспільство; вони давали заводити по хуторах займанщину. У них з'явилися і піддані. Окрім того, порядну згоду вміли держати січові товариши тільки по куренях, котрих і вороги їх не могли не похвалити, а в цілому товаристві часом бувало чимале безладдя *. Та ніхто ж і не дума, щоб в XVII ст. та ще при такій колотнечі, яка була тоді по наших сторонах, могли бути якраз такі порядки, як слід їм бути і які будуть колись. Примір Січі тільки показує, що ті вільні порядки, про котрі ми зараз говорили, зовсім не таке діло, що його ні здумати, ні згадати, тільки в казці сказати. Більш двохсот років стояло з подібними порядками січове товариство — й робило своє діло, вояцьке й господарське, далеко не погано. Звісно, діло запорозьке було доволі просте; тепер у людей більше діла, більше потреби, та зате в них і більше науки, і більше розуму, то вони зможуть вправитись ліпше січових товаришів. Тепер ніхто ще не може сказати докладно ні того, коли, напр., світ дійде до таких беззначальних порядків, про які сказано вище, ні всіх доріг, якими він дійде до них. Цілком такі порядки тільки тоді можуть бути й в одній якій країні, коли вони будуть на всьому світі, бо тільки

* Ригельмана «Летописное повествование о Малой России». М., 1848, IV, 67—84.

тоді зовсім перестане потреба в вояках і купцях, з котрих скрізь і заводиться панство й багатирство, а за тим і начальство. Для таких порядків мусить також, щоб не було попівства й віри, з котрої виходить попівство, бо попівство теж панство й начальство, а віра заводить незгоду між людьми. Замість віри мусить бути вільна наука, котра до того мусить настільки полегшити людям чорну роботу, щоб люди не могли ділитись на чорноробів і білоробів, щоб кожний робив чорну роботу й мав час і для білої роботи, для вправи громадських діл, для науки, котра тепер тільки в руках панства або доводить до панства вчених людей над невченими. А це все речі нелегкі й неблизькі.

Тільки ж до того всього, до тих беззначальних порядків увесь світ іде і йтиме, бо доти не може бути спокою між людьми, поки де-небудь хто-небудь буде в якій-небудь неволі. От через те ні один народ, ні одна держава, ні один гурт людей (партія) не здоліє того, ні щоб не попустити таких порядків, ні щоб зробити їх проти волі людської: до них добиваються й будуть добиватись люди й навмисне, й ненавмисне, й через науку, й через державні переміни, й через повстання, й через усякі спліки між людьми. В Західній Європі й Америці єсть вже сотні тисяч людей, котрі просто прямають до таких порядків. То партія соціальна, громадська, соціалісти-громадівці. Почавши серед деяких людей з самого панства й купецтва, котрі провели далі думки XVIII стол. про волю й щастя кожної особи (Роб. Овен²³, Сен-Сімон²⁴), думки громадські дедалі притягали до себе і чорноробів і людей великої науки й розуму (Луї Блан²⁵, Прудон²⁶, Лассаль²⁷, Маркс, Дюрінг²⁸, в Росії Чернишевський) і тепер стали вже чималою силою, на котру мусять вважати й байдужі й вороги. Дедалі й люди вчені, котрі й не зовсім належать до громадівців, згоджуються на ту чи іншу з їх думок (Мілль²⁹, Лавеле³⁰, Шефле³¹) або викладають свої думки про громадські порядки недалеко од самих гарячих громадівців (Ланге³²). Досліджування про старі, допанські, докупецькі, додержавні громадські порядки й про зостатки їх на світі стало тепер однією з самих гарячих праць європейської науки (Мен³³, Маурер³⁴, Лавеле і т. і.*). До того ж дедалі все більше пока-

* В Росії, після німця Гакстгаузена³⁵, вчені люди почали досліджувати старі й теперішні громадські порядки серед міщанства московського (*община, мир*) — в працях Чернишевського, Кавеліна³⁶, Беляєва, Соколовського, Посникова і др. У нас на Україні більше говорилось про державні порядки громад козацьких (праці Костомарова, Куліша, Антоновича), про те, як залежало панство (у тих же, а про нове панство XVII—XVIII ст. найбільше у Лазаревського — «Малороссийские посполит [ые] крестьяне», «Очерки старинных дворянских родов Черниговской губернии», «Очерки малорусских фамилий» в «Русском архиве» з 1875 р.), про громадські суди (Іванишева — «О древней сельской общине в Юго-Западной России», у Антоновича і Новицького в їх книгах про крестьян в Україні в XVI—XVII ст.), ніж про громадське господарство. По наших українах в Австрії зовсім нічого не зроблено письменними людьми для науки про старі й нові громадські порядки, окрім хіба про братства й міщенство (в працях Зубрицького³⁷, Петрушевича³⁸, Шараневича³⁹). Про теперішні проби громад-

зується безладдя теперішніх порядків державних і панських (війна, крадіжка, банкротства, кризи і т. і.). Це все дедалі все більше дає сили думкам громадівським і серед теперішніх чорноробів (поки ще більше городських, ніж сільських) і серед білоробів.

Тепер ще нема згоди між тими громадівцями ні в тому, як добитись тієї зміни в порядках громадських, яку вони здумали, ні в тому, як конечне впорядкувати товариське життя в спілках малих і великих. Приміром таких незгод можуть служити суперечки навіть між тими з громадівців, котрі більше других готові тепер же сказати, як треба повалити теперішні порядки й чим іх зараз же замінити, між тими, котрі належать до стілок громадівських *крайових і всекрайових* (інтернаціональних) і котрі викладають рішуче свої думки на з'їздах (конгресах) своїх виборних. Напр., тоді, як одні налягають більше на волю кожної особи, товариства й громади (повне беззначальство, анархія, як каже Прудон і другі романці, а з слов'ян, напр., Бакунін), другі — більше на спілку всієї породи або країни на народну державу (*Volksstaat*), велику (напр., у німців) чи меншу (напр., у фланандців)*. Тільки ж корінні думки в європейських громадівців все-таки одні, а таке чи інакше впорядкування громад малих і великих по тих думках зробиться скоріше силою потреб людських, ніж заранніми розмовами, більше потребами впорядкувати працю над виробкою пожиточних людям речей *господарських* (економічних) чи то малими, чи великими купами й спілками людей, ніж думками (*політичними*) про порядки державні й противодержавні й перемінами в державних порядках або скасуванням тих порядків через повстання. Повне ж беззначальство, повна воля кожної особи завше

ського господарювання й спільних заробітків на Україні майже тільки й єсть, що в «Неделі» 1876—1877 рр. статті д. Ф. Щ[ерби]ни «Крымские солев промышл[енные] артели», «Артель севастопольских лодочников», «Южнорусские артели» і т. д.

* На з'їзді соціалістів в Генті 1877 р. один англічанин і два німці просили постановити, що: 1) «З'їзд заявляє, що треба, щоб держава, котра справляється за ввесь народ і в котру ввесь той народ входить, обладала землею й іншими струментами праці». Три французи (два з Франції, один з Бельгії) внесли таку 2) статтю: «Робітники мусять забрати громадське добро, щоб повернути його в власність спільну для союзних виробляючих товариств». Один італіянець вніс таку 3) статтю: «З'їзд постановляє, що земля й струменти праці стають спільною власністю, не постановляючи зарані порядків і способів для того». За 3-ю статтю тільки й подав голос цей самий італіянець, за 2-у подано 11 голосів (з Італії, Іспанії, Франції, Греції, Швейцарії, Германії, Бельгії), за 1-у подано 16 голосів (2 англічанини, 3 німці, решта більш усього фланандці). До цієї 1 статті прибавлено тільки по думці фланандця де Пена після слова «держава» — «ї громада», так що похвалена більшим числом голосів (16 проти 11) стаття вийшла така: «Le congrès déclare qu'il est nécessaire que l'Etat ou la commune, représentant et comprenant la totalité du peuple, possède la terre et les autres instruments de travail». — Bulletin de la fédération jurassienne⁴⁰, 1877, № 37—38. Подібні ж суперечки йдуть і з-за того, як добиватись зміни теперішніх порядків: чи зміною законів, чи науковою й проповіддю, чи повстанням, чи зсередини держав, чи знизу вгору і т. д.

зостанеться ціллю всіх порядків, чи по малих, чи по великих спілках, так само як думка вменшити до 0 перешкоду од тріння в машинах. І в наші часи не тільки громадівці всяких порядків, а й ніхто з розумних людей вже не може говорити проти волі й добра кожної особи. Громадівці тільки показують, що ні те добро, ні навіть сама воля не можливі без того, щоб чоловікові не діставалось для вжитку все те, що він випрацював. А це впять не можливе без того, щоб кожний мав рівну долю в орудуванні сирою силою природи, як земля, і приводами праці над нею, як машини, що впять-таки можливе тільки в товаристві товариств. В цих думках всі громадівці стоять за одно.

Ми бачили вище, що українські письменні люди й українське мужицтво прийшли до того, що їм нічого не остается далі, як просто пристати до думок європейських і американських громадівців і по-своєму прикладати їх на своїй землі.

ІІ

Розваживши над тим станом, в котрому тепер стоїть наша Україна, ми бачимо, як далекий він од тих беззначальних громадських порядків і як теперішні порядки навіть не дають нашим людям роздумати докладно про своє життя, а не то, щоб стати до того, щоб перемінити їх. З цього вже ясно видно, що люди, котрі посвятилися на те, щоб послужити українським громадам, мусять, добиваючись до тієї конечної цілі, користуватись усікими й малими змінами теперішніх порядків, котрі хоч в чому-небудь, хоч на час поліпшують долю тих громад, а найбільше такими, котрі влегшують людям і громадам спосіб збиратись до куп, вкупі роздумувати про своє життя й пробувати поставити його інакше.

Так, напр., повертаючись до життя українського народу в Росії, ми бачимо, що мало того, що в його одніято більшу частину землі його, що він терпить од усякого багатирства, як і всі чорнороби в світі, але терпить він ще й од панства, од самовольного царського начальства, котрих по деяких краях в Європі й в Америці вже й нема, од попівства, котре обдира його й затуманює далеко більше, ніж по деяких інших землях в Європі й в Америці. Наші мужики, як і скрізь майже в Росії, навіть не получили й того, що їм обіцяно було й по царських законах, наші люди, як і всі піддані царські, розганяються по волі чиновників по безмірному царству російському, не можуть бути зовсім безпечні ні за свою шкуру, ні за волю, не мають волі навіть слова сказати про свої справи, ні навчатись про те, про що навчаються другі люди, ні збиратись до куп і до товариств. А до того на нашій Україні царська самоволя навіть забороня людям і вчитись і проміж себе, і по родинах, не то вже по вселюдних школах, вчитись навіть писати книги на рідній мові наших людей.

Дехто держиться таких думок, що *або все, або нічого, що чим гірше, тим ліпше*, бо тим скорше люди не стерплять і тим скорше

візьмуть все, що їм слід, а як трохи полегша, то буцімто вони й тому так будуть раді, що вже й заспокояться й більшого не захотять. Тільки те, що скрізь діялось й діється на світі й не тільки між людьми, але й між звірем, не показує, щоб такі думки були правдиві, щоб вони були справними законами живих тіл і громад (законами біологічними й соціологічними). Ніяка жива тварина не витерпить, щоб не вхопити хоч ту частину, яку можна вхопити з того, що їй треба, а з другого боку, усяку можна так заморити, що вона вже й ногою не двигне сама, а з третього, підживившись трохи, усяка забажа більшого, а далі усього, що їй треба. В Європі скрізь ведуть перед і в громадівському руху зовсім не ті з простих людей, котрим найгірше, а ті, котрим найліпше, і найдужчий той рух зовсім не там, де найменше було малих перемін в старих порядках, а там, де їх було найбільше.

Було б зовсім чудним ділом не виступати проти деяких порядків, од котрих терплять наші люди, напр. в Росії, тільки через те, що й в других країнах, де тих порядків вже нема, люди все-таки терплять. Було б чудним, якби ми судили порядки російські, рівняючи їх тільки до таких, які мусять бути і яких ще ніде нема. То був би суд без усякої перспективи, та й без усякої сили в очах, може, більшої часті живих людей, котрі не можуть зразу вискочити думкою своєю за все те, що навколо себе бачать. От через те в своїх книгах, переглядаючи життя наших громад, напр. в Росії, ми стараємося рівняти його перше з тим, яке б воно мусило бути навіть проти теперішнього закону російського, далі з тим, яке ми бачимо по других державах, а далі з тим, яке мусить бути по чистій правді громадській і яке, певно, буде тоді, коли самі вільні громади розумних і рівних людей візьмуть в свої руки всії свої справи. От через те ми вважаємо, що нашим людям слід добиватись і тих змін, котрі, як показують приміри усіх других країн в Європі, мусять наступити й в Росії ще раніш, ніж велика частина громад зрозуміє потребу докорінної зміни в теперішніх порядках: добиватись скасування царської й чиновницької самоволі, котра, певно, заміниться виборним урядом (царством уставним, а далі цілком виборною гетьманчиною або республікою). При теперішньому стані Росії, котра дуже вже явно держиться тільки мужицькими грішми, сама панська рада з виборних людей з усього царства не може бути без того, щоб зараз же в ній не піднялась розмова про податки мужицькі й про наділ мужикам поля. А вже одна розмова про це послужить тому, щоб більше одчинити очі мужицтву на всі державні й громадські порядки, й поведе за собою дальші бажання й зміни. Далі усяке вменшання чиновницької самоволі в Росії мусить полегшити людям кожної породи, країни, громади спосіб умовитись і впорядкуватись проміж себе й підкопа ту державну централізацію, котра не дає жити нашій Україні. Звісно, ні один з тих, хто поставив собі ту конечну ціль, про яку ми сказали вище, тобто цілковите беззначальство й цілковите громадство, не може вдовольнитись малими змінами в теперішніх порядках, а, добившись їх, буде доби-

ватись все більшого. В самих менших змінах, в змінах державних, він буде байдужий до того, як там впорядкується вище державне начальство, а більш налягатиме на те, щоб вбільшити власне *волю кожної особи в слові й праці, волю кожної людської породи, спілки, громади, країни*, щоб, скільки мога, вменшити силу державного начальства, чи то царського, чи гетьманського, чи то управи (адміністрації), чи самої виборної ради (парламенту), перед силою особи, громади і щоб дати їм більше способу для того, щоб заложити живі початки порядків безначальних: безпанських і бездержавних.

Так, гадаємо ми, примусить сила думки й життя працювати на нашій землі живого громадівця в справах політичних. Найголовнішим же ділом його, певно, буде помагати тому, щоб якнайбільша частина мужицтва зрозуміла те, як йому взяти всі свої справи безпосередньо в свої власні руки. До цього кінця веде все, що робиться тепер по всьому світі, навіть і те, що обдира мужицтво та, щоб ліпше те робити, збира його в великі купи, в котрих те мужицтво пізнає свою силу. До цього кінця ведуть всі теперішні порядки, котрі своїм здирством і байдужістю до добра вселюдського показують мужикам марність надії на кого-небудь, окрім самих себе. Ця природна сила не тільки доброго, але й злого часом ще більше посуга мужицтво до нових порядків, ніж усякі проповіді. Тільки, звісно, що всяка дорога стає легшою, коли нею люди прямують більше свідомі, більше по волі, ніж темні й по неволі. От тут-то й можуть тепер прислужитись мужицтву ті люди, котрим доля помогла за науковою й усякою іншою білою роботою вияснити собі думки громадські більше, ніж у мужицтва за його щоденною чорною працею, особливо, коли ті люди посвятається тій службі цілком для мужицтва.

У нас на Україні думка про таке цілковите посвячення людей панської науки на службу мужицтву не зовсім вже нова. Ми бачили проби такої служби в українській хлопоманії, котра показала приміри людей, що не тільки письменно стояли за мужицтвом, а й оселялись серед мужицтва й бралися за всю мужицьку роботу. Проби зійтись з мужиками робились і людьми з польської демократії на Україні. Далеко більше од таких проб, і українських, і польських, показали їх в останні роки й в нашій Україні всеросійські соціалісти. Росія — країна темна, без вільного слова, без пам'яті про те, що ще вчора робилось, і через те не всі ті проби відомі, й, може, ні одна не відома цілком. Через те й з усяким судом про них треба стерегтись. Здається нам, що ми не дуже помилімось, коли скажемо, що проби української хлопоманії «злитись з народом», іноді в тому, що самому народові треба кидати, показували більше щирості до України, ніж знаття потреб громадських і почастно мужицьких на всьому світі, ніж всесвітньої науки; що проби польські *увільнити народ* од царства й панства мали на цілі більше Польщу, ніж нашу Україну, і більше державну, ніж громадську волю; що проби всеросійських соціалістів *пiti в народ*, гаряче переносячи в Росію думки європейських грома-

дівців і змагаючись звести докупи працю над увільненням мужицтва в Росії з такою же працею європейською,— що й слід було! — переносили в Росію й ті спроби, які виросли в Європі при тамошньому житті й стані народа; до того ж всеросійські соціалісти, маючи на умі державну *вигадку* (фікцію) всієї державної Росії, як польські демократи — всієї (державної історичної) Польщі, тим менше могли вважати на нашу Україну⁴¹, таку, яка вона єсть, з тим життям, яке в ній єсть, або прибирати способів праці таких, яких потребує те життя, ні осідати на Україні з довгою й затяжною працею навіть і на стільки, на скільки дає до того могу царство російське.

Останніми часами вияснилось, що треба злити те усе добро, усе потрібне громадам, що було в усіх тих пробах, повчиться з усіх помилок, які були зроблені раніше, й твердо обмежити, спеціалізувати працю людей, котрі хочуть працювати власне для українських мужиків. Немало вже говориться про це словесно, дещо говорилось і печатно. Ми попробуємо сказати й свої думки про цілі й способи праці українських громадівців на близькі часи, про які ми тільки й можемо думати скільки-небудь фактично.

Наши думки про останні цілі громадської праці ми вже сказали вище. Ми думаємо, що наша Україна, котра не має ні свого попівства, ні панства, ні купецтва, ні держави, а має доволі розумне од природи мужицтво, залюбки прийме науку про беззначальні й товариські порядки, що через те на тій Україні варто працювати громадівцям, а найбільше тим, котрі зросли на Україні. Дальші наші думки про теперішні способи праці для тієї цілі ми могли б виложити з перегляду подібної ж праці на всьому світі, з здуманих (теоретичних) потреб людських осіб і громад. Але ми ліпше будемо виводити ті думки з перегляду того стану, в якому стоїть тепер наша Україна. Ми ж думаємо, що усяка громадська праця на Україні мусить мати українську одежду, *українство*. Звісно, те «українство» не може бути в цілях праці. Цілі праці людської однакові на всьому світі, як однакова здумана наука. Але *прикладна* наука не однакова скрізь. Так і з громадською працею: в кожній країні, в кожній людській породі, далі навіть в кожній громаді й колоожної особи мусять бути осібні підходи й приводи до однакової цілі; кожна країна й купа людська може показати більш ясно, ніж другі, потребу й способ тієї чи іншої з тих праць, того чи іншого способу праці, потрібної і для всіх людей. Цьому навчають і проби всесвітньої праці робітників.

Найважніша, яка досі була зроблена, проба робітницької спілки всесвітньої «Association Internationale des Travailleurs»⁴², котра постановила, що біднота (пролетаріат) по всьому світу має одну ціль і мусить заодно стати, постановила також, в своєму уставі (в Лондоні 1864 р. в ст. 7), потребу, щоб в кожній країні були товариства по породах людських. Сама та «Всесвітня спілка» через те й розстроїлась і стратила тепер силу, що вона задумала заложити вже й середню всесвітню управу над всіма крайовими товариствами своїми

в Головній Раді спілки (Conseil général, Conseil central) раніше, ніж думки спілки пустили корені по всіх країнах Європи, так що сила тієї Ради була більше на папері, ніж на ділі. Інакше кажучи, та «спілка» почала працю *не знизу вгору, а згори вниз*, так що й сама 7 стаття уставу її, котра говорить про потребу крайових і породних товариств, і доволі централістична й доволі темна *.

З поводу того, що деякі спілки «Всесвітньої спілки» знаходили, що Головна Рада не потрібна й що вона приносить централістичну управу, начальство в справи товариські, вийшли незгоди в «Спілці», найбільш між Головною радою, за котру стояли більше германські спілки, й Спілкою громадівською («Alliance socialiste»), в котрій був старшиною москвин Бакунін і до котрої більше пристало романських товариств. Сварки ті багато причинились до вменшання сили «Всесвітньої спілки», хоч і більше підняли думку про потребу самостоячих крайових товариств, за котрі стояла «Alliance socialiste». Тільки й вона не пустила коренів по всіх країнах Європи через те ж саме, що й «Всесвітня спілка». Як мало могли обидва товариства пустити ті корені по справжніх живих громадах, в котрих люди зійшлися по однаковості праці, по сусіству, породі, видно, напр., з того,

* Ось де та стаття: «Puisque le succès du mouvement ouvrier ne peut être assuré dans chaque pays que par force résultante de l'union et de l'association; que, d'autre part l'utilité du Conseil central dépend de ses rapports avec les sociétés ouvrières, soit nationales ou locales, les membres de l'Association internationale devront faire tous leurs efforts, chacun dans son pays pour réunir en une association nationale les diverses sociétés d'ouvriers existantes ainsi que pour créer un organe spécial. Il est sous-entendu cependant que l'application de cet article dépendra des lois particulières de chaque pays et que, abstraction faite de ces obstacles légaux, chaque Société locale indépendante aura le droit de correspondre directement avec le Conseil central de Londres»; або

«Вбачаючи, що верх робітницького руху може стати певним в кожній країні тільки через силу поєднання й спільноті і що, з другого боку, корисність і самії Середньої Ради залежить в тому, скільки вона знається з робітницькими спілками, чи національними, чи місцевими, товариші спілки Інтернаціональної мусять старатись, кожний в своїй країні, звести в одну спілку національну всі ті товариства робітницькі, які тепер єсть, а також заложити окреме для них печатне видання. Розуміти треба й те, що поступати по цій статті треба, вважаючи на закони осібні в кожній землі, й що, скинувши те, що треба, з-за перешкод од законів тих, кожне осібне товариство крайове матиме право листуватись просто з Середньою радою в Лондоні».

Як бачите, тут все діло йде од готової вже спілки, котра наперед назвала себе всесвітньою, «інтернаціональною», та ще й од Середньої Ради її, котра й хоче, щоб по кожній країні завелись такі ж середні спілки, й мовбіто не хоче, щоб вони заступили її перед осібними товариствами. Окрім того, тут не ясно показано, що таке *pays, nation*, — чи держава й всі, хто під нею живе, чи природна країна й порода людська. На ділі в Спілці інтернаціональній, а особливо в Раді, виступали люди по державах. Так, в ній був виділ (секція) й секретар генеральний за *Rosciю*, хоч в Росії десятки країн і людських пород, одна до одної не подібних. Про те, як оберталась «Association internationale» і «Alliance socialiste» до Росії, Польщі й усієї Слов'янщини, ми поговоримо в 1 книжці «Слов'янської Громади».

що іспанська «Federacion» напечатала в 1870 р., що «Головна Рада в Лондоні, бачачи скорий зрист Товариства в Росії, поставила генерального секретаря для цього народу (nacion) — німця Карла Маркса!» і що звісний артилерист, філософ і оратор Бакунін був на з'їзді 1869 р. виборним од ліонських робітниць, що сучать шовк, сам живучи в Женеві (Bakounine, publiciste, délégué des ouvrières ovalistes de Lyon. Genève *).

Ясно, що як коли-небудь оживе «Всесвітня спілка» й стане справді коли не всесвітньою, то всеєвропейською або заложиться нове подібне товариство, то тільки після того, як скрізь по кожній країні й людській породі заложаться міцні товариства людей, котрі зійшлися в природну спілку не по самій тільки основі думок, а й по однаковій праці, по сусідству, по однаковій породі й мові, і тоді, коли вони самі забажають і ширшої й всесвітньої спілки. Тепер же, от уже від кількох років «Alliance socialiste» вмерла (1870 р.), а «Association internationale» живе більше на папері, ніж на ділі, а зате в кожній країні серед кожної людської породи росте думка й проповідь про ті зміни, які вони думали поробити в громадських порядках. І в тій крайовій праці тепер і вся дійсна сила громадівського руху в Європі, далеко більша, ніж в з'їздах малосильної «Association internationale» або в таких, яким був з'їзд соціалістів торік в Генті.

Обернемось же до тієї праці на нашій Україні, як та праця виходить з того стану, в котрому та Україна тепер живе.

Наша Україна поділена між двома чужими державами. В одній царство самодержавне, в другій — уставне. Вже через це одне нам, українцям, нічого розказувати, чи мають для нас яку вагу державні вільності хоч не великі, як про те колись, за часи самодержавства Бонапарта⁴³ й Біスマркового короля, розказували деякі європейські соціалісти і як про те іноді розказується у російських соціалістів. Ми вже теперішнім станом частини нашої землі приведені до тієї думки, на котрій стали й європейські соціалісти, коли постановили на Лозаннському з'їзді «Всесвітньої спілки робочих» в 1867 р., «що недостача політичної волі спиня громадську науку й увільнення бідноти (пролетаріату)» і що через те з'їзд об'являє, «що увільнення робітників в справах господарських не можна одмежовувати од увільнення їх державного, що постановити вільності державні єсть діло першої й безпремінної потреби», що треба всім товаришам добиватись гаряче, щоб усі народи мали права, котрі виложили французи в уставі 1789 р.^{**} Всяка зміна громадська посувається не самими тільки

* Про це все див. у «Testut Internationale», 5—6, 25, 209, 147.

** Le Congrès international, considerant: Que la privation des libertés politiques est un obstacle à l'instruction social du peuple et à l'émancipation du prolétariat,— declare: 1) Que l'émancipation sociale des travailleurs est inseparable de leur émancipation politique; 2) Que l'établissement des libertés politiques est une mesure première d'une absolue nécessité; 3) Que cette même déclaration sera renouvelée chaque année; 4) Qu'il sera donné communication

різкими, рішучими кроками, а й щоденною тихою працею, не самими тільки переломами закону, а й законними працями. В таких же державах, як Росія, не можна й говорити ні про яку сталість праці, ні про який закон. Там всякий час треба бути готовим боронити не то свою працю, а й думку й шкuru просто револьвером од царських беззаконників. Австрія далека навіть од такої волі державної, яка єсть і в других царствах, напр. в Англії або в Бельгії, а все-таки там, як ми вже сказали, наші люди можуть виступити одверто і як порода людська, і як партія громадська, навіть і як громадівська, серед самих робітницьких товариств і серед сільських громад на зборах (мітингах). Останніми часами ми бачили суди над соціалістами в Галичині⁴⁴ й в Росії, з котрих виявилось, що те, за що в Галичині присуджували на 3 місяці тюрми, в Росії каралось 12—6 роками каторги. Ясно значить, що те, що потребує в Росії незвичайного геройства, в Австрії можуть робити люди з звичайною натурою, а звісно, що всяка громадська справа посугається вірніше, коли за нею стоять якнайбільші лави хоч і звичайних людей, ніж самі герої, котрих ніколи багато бути не може. Ми, українці, на цей час мусимо признатись, що ми ще не покористувались і тими всіми невеликими вільностями, які дають австро-угорські порядки, й мусимо добиватись для себе й у Росії на перший раз хоч таких порядків, звісно, не для того, щоб на них стати.

Далі одна з найголовніших одмін нашої України од великого числа других земель, в тім числі й од Московщини, в тому, що в ній мужицтво ще більше покинуто на самого себе, ніж в тих країнах, котрі не тільки мають свої держави й панство, а ще й підгорнули під себе й другі землі з їх і панством і мужицтвом. Чи по волі, чи по неволі, а в тих землях держава й панство роблять що-небудь і для мужицтва, а як де, то на користь і мужицтва державної породи роблять і люди з пород чужих, недержавних. Доволі буде показати хоч на те, що, напр., в Московщині книги для московського люду пишуть не самі москвина, а й українці, а то й німці, ляхи, грузини, молдавани і т. і., причому по більшій часті забивають про працю для своїх людей. В таких країнах і люди з думками противодержавними й противопанськими все-таки йдуть по тій дорозі, которую проложила

officielle de ces résolutions à tous les membres de l'Association internationale des Travailleurs, ainsi qu'à ceux du Congrès de la Paix, en leur demandant leur concours énergique pour investir tous les peuples des droits imprescriptibles de 1789.— Testut, 133—134.

Tí статті («Déclaration des droits de l'homme et du citoyen» і «Dispositions fondamentales garanties par la constitution»), власне, й говорять не так про те, як буде впорядковане вище начальство, а про те, які мусить мати права кожний чоловік перед начальством: рівність, волю переходити з місця на місце, волю слова, письма, печаті, віри, зборів і навіть право противитись неволі. Louis Blanc, «Histoire de la Révolution française», 1869, III, 47—51. Нам, українцям, тепер треба доловити до тих основних прав ще і волю кожної породи людської, а також громади й країни, тобто вільності *федеральні*.

держава й панство, користуючись усіма засобами, котрі дали їм держава й панство. В таких же країнах, як наша, цілком не так. Письменні люди на нашій Україні скрізь двічі одірвані від свого мужицтва: й через панство, й через виучку по чужих школах, і звичку йти з людьми державної породи. Через те наші письменні люди по волі й по неволі тягнуть в бік московський, польський, угорський, німецький, або й зовсім кидають свою країну. Навіть ті з письменників українців, котрі держаться думок мужицьких (демократичних) і союзних (федеральних), не всі одразу можуть переломити в собі те, що в них з батьків і дідів поселила чужа держава й школа, й вернути собі те, що в них вона одняла,— спільність з українським мужиком, напр., хоч би то в мові. Звісно, ніякого чоловіка не можна примусити безпремінно працювати в тій країні, де він родився, для тих, а не для других людей. Підряд бачимо німця, котрому доля довела працювати у французів, і навиворіт. Тільки найбільше все-таки люди працюють серед своєї країни й для свого народу, коли тільки в тому народі хоч сяк, хоч так, а господарюють свої люди. Не так в нашій Україні. Письменний українець по більшій часті працює для кого вгодно, тільки не для своєї України й її мужицтва. А з другого боку, здавна звикли усякі чужі люди хазяйнувати на Україні, не знаючи її, не звертаючи уваги на те, як треба обернатись з українцями; ми не кажемо вже про тих, котрі тільки й думають, як би поживитись з України, нічого доброго для неї не роблячи. От через це ті люди між письменними українцями, котрі не хотять, щоб дедалі все більше Україна й її мужицтво тратило свої сили, мусять заректись не йти з України, мусять упертись на тому, що кожний чоловік, вийшовши з України, кожна копійка, потрачена не на українську справу, кожне слово, сказане не по-українському,— єсть видаток з української мужицької скарбниці, видаток, котрий при теперішніх порядках не звернеться в ній нізвідки. Так перш усього українська думка про працю для мужицтва мусить вести за собою осілість, земляцтво. Це не значить, що українці мусять не глядіти далі своєї межі. Зовсім інакше: вони в тій межі робитимуть те, чому навча всесвітня наука, спробована примірами других країн і в згоді з іншими людьми, близькими й далекими. Вони тільки перестануть оббирати свою країну, покористуються всіма силами, які дає їм їхня країна й порода, і будуть брататись з іншими, не як пухирі, що літають по вітру, а як люди, котрі, стоячи міцно на землі своїй, можуть говорити не тільки за себе, а й за неї. Правдивий федералізм може вийти тільки з спілки таких людей по всіх країнах Європи.

Розваживши далі над потребою українським людям не розбігатись по чужих землях, а працювати в своїй, дійдемо й до того, щоб і на самій Україні люди як можна більше держались кожний свого кутка, котрий їм найбільше відомий і де вони найбільше зрослись з людьми. Без такого повертання людей до свого кутка, без сидіння, як можна довше, на одному місці більша частина розмов про громадство, феде-

ралізм і проти державних і купецьких порядків зостається, власне, одними розмовами, бо ніхто ж стільки, як ті державні й купецькі порядки, не ганя людей од краю до краю й не ставить кожного безрідним і одиноким серед великих куп таких же безрідних і одиноких людей, котрими через те так і легко орудувати усякому начальству й багатирству. Звісно, дедалі пересування людей з сіл в городи, з місця на місце все більше росте в світі, й не од самої тільки неволі господарської (бідності), а й од волі особи, котра хоче все бачити, всього спробувати. Тільки ж те пересування тоді тільки не буде служити самим багатирям, коли по всіх кутках будуть сталі й впорядковані купи людей, спільніх між собою, мов рами (кадри), в яких поставатиме новоприйшовший товариш, а не бурлака, як тепер.

Вже з цієї потреби осілості людей з нашими думками по наших громадах виходить і потреба того, щоб вони приходили туди не з самими тільки такими чи іншими думками про громадські порядки та з проповіддю їх, а перш усього з *докладною* (спеціальною) *наукою в таких речах, котрих потребує громада людська*, чи то хліборобських, чи вчительських і т. д. Чоловік, котрий хоче, щоб його поважала й ради його слухала, думки його приймала громада, а особливо така терта, практична, як мужицька, мусить знати й вміти тих речей ліпше, ніж кожний чоловік в громаді. Тільки такий чоловік, котрого праці й ради щодня потребує громада, стане їй любий і зростеться з нею так, що й громада може послухатись його думок і про зміну й громадських порядків *. Тільки осілість в громаді з *докладною*, явно потрібною громаді працею дає основу, на котрій можна толкуватись про те, якими способами на який час треба добиватись зміни громадських порядків, котру звуть то *переміною* (реформою), то *переворотом* (революцією).

Тепер багато толкується про ті способи проміж громадівцями в Європі й у Росії і частіше всього способи ставляться поряд з цілями, так що ми бачимо такі пропори гуртів (партий), як *Staatssozialismus* (державний соціалізм), *socialisme progressif*, *socialisme révolutionnaire*, соціально-революціонная партія і т. д., причому кожний розтяга розум слів: закон, держава, поступ, переміна, переворот і т. д., як йому до вподоби. Те, що ми бачили досі в житті людському й що бачимо й тепер, показує, що життя те переміняється усякими способами й волею не одного гурту і що ні один гурт не може завше вжи-

* При цьому не слід пропустити й такої уваги: тільки *докладна повсякденість* потрібна громаді праця може порятувати проповідачів нових порядків до того, щоб серед них не виросла порода людей, котра буде тільки «молоти язиком» та кидатись од справи до справи, ганяючи з краю до краю «как саврас без узды», так самісінько, як це робили колишні пани. А комусь-то треба ж буде платити за ті «пройсти й прогони». Звісно, нікому, як тому мужицтву, котре за все платить і котре майже тільки одне у нас живе по закону: «В поті лиця їж хліб твій», закону, котрий і мусить бути корінним законом і громадським, і громадівським!

вати безпремінно одних способів. Мало того, стан громади, серед котрої живе чоловік, в іншу хвилю збуджує такий дух, попиха громаду до таких способів, котрі наперед і вгадати не можна. Ясно, що діло не в способах, а в цілі та в живій спільноті чоловіка, котрий має думки про потребу зміни в порядках громадських, з тією громадою, серед котрої він живе. При такій спільноті, котра, як сказано було зараз, вироста тільки з осіlostі та з докладної праці, можуть мати вагу й ті проби добиватись докорінних змін в теперішніх порядках, ті проби, котрі радять робити, замість проповіді словами, прихильники повстання, бунтів, *propagande par les faits* (проповідь ділом) і т. п. Повстання робляться од гарячої крові, од нетерплячки, од невиносної неправди, котра гніте людей, якраз в той час, коли вони повстають, і їх не можна ні втішити, ні підняти розмовами, а також початками чужих громаді людей тоді, коли вони, а не громада надумались його підняття.

Ми думаємо, що всі приміри справді дужих повстань, до самого повстання паризького 1871 р. (Паризької громади, Комуни), показують правду першої половини нашої думки, а недавні малі вдачі таких проб «проповідати ділом», як, напр., уличний хід на спомин Паризької громади приїжджими людьми в Берні 1876—1877 рр. або проба приїжджих людей підняти повстання селян під Беневентом в Італії в 1877 р., показують правду другої половини тієї думки. Певно, що й ті проби мусили не пройти зовсім без сліду, тільки навряд, щоб той слід був рівний тим стратам, котрі понесли люди для того, щоб їх зробити.

В Росії між соціалістами дуже поважається Паризька громада 1871 р. і ставиться часто як примір праці громадської й дома. В останні роки чимало говорилось про «бунти» й в Росії. Тоді як одні з громадівців російських держались думки, що їм тепер треба налягати на саму проповідь і тільки строїти ряди будущого війська для спільногов повстання громадівського та ждать часу, коли можна буде «покликати народ», щоб він зробив спільний «переворот» в Росії, або «звести докупи менші народні бунти в один повстанський взрив» («Вперед»), другі казали, що треба раптом повалити теперішній уряд і захопити в свої руки державну силу тепер же, бо скоро може бути вже пізно, й впорядкувати Росію по-своєму («Набат»⁴⁵). Треті не признавались до змін згори ніяким урядом і не дуже вірили в те, що може зразу наступити спільне повстання по всій Росії й зміна всіх порядків, та зате думали, що «краєві бунти» проти теперішніх порядків найліпше збудять і мужицькі громади. З-за цих думок бували чималі суперечки між російськими громадівцями, котрі часто на ділі сходились на одному і на ділі більш усього робили, звісно, проповідь (пропаганду) громадівських думок, де можна було. Проти середнього столичного уряду не було зроблено досі ні одного підступу. В столиці була зроблена тільки одна безоружна проба — і, звісно, не повстати, а проговорити проти теперішніх порядків громадських і державних

(демонстрація на Казанській площі 6 дек [абря] 1876 р. в Петербурзі⁴⁶). Ні одної проби «краєвого бунту» російські «бунтарі», або «проповідачі ділом», не зробили. А в ці останні роки самі мужицькі громади бунтувались в Чигиринщині, в Уральщині, в Воронежчині і т. д. *проти неправди, котра зачепила безпосередньо їх самих.* І там не тільки не було ні одного вченого громадівця, а навіть російські письменні люди не здолали й дізнатись докладно, як робились ті бунти.

Вже з цього видно, що всі розмови вчених російських громадівців про повстання, бунти і т. і. були цілком здуманими, а змагання на них більше словесні, ніж дійсні. Такими вони й мусять зостатись, поки громадівці ті не стануть громадськими людьми, такими, про яких ми зараз говорили. Недавніми часами показалось в Росії кілька проб дійсного виступу проти теперішніх порядків (напр., оборона од жандармів в Одесі⁴⁷, діло д. Засуличевої проти Трепова⁴⁸, виступ київських студентів проти арешту їх товаришів і т. д.). Проби ті вийшли живими й звернули на себе громадську увагу. Ті проби, які вони маленькі не єсть,— таке діло, котре показує, що сміливий дух вже пробуджується й в Росії*. Певно, що тут послужили й ті розмови про «бунти», «проповідь ділом» і т. і., котрі м'ялись в останні роки. Тільки ж, розібравши ті проби, ми бачимо перш усього, що вони вийшли не з здуманої, а з живої боліті громадок молодих людей, котрим не стало сили терпіти зневагу й муку од царських слуг: тут люди обороняли самі себе, одплачували за своїх, заступались за своїх. Далі ми бачимо, що всі ті виступи зовсім не соціалістичного, а *політичного* духу, виступи не проти господарських порядків, а проти державних: проти шпіонів, жандармів, прокурорів, поліцмейстера і т. д., тобто зовсім не такі, про які говорили російські громадівці. І похвала тим виступам вийшла тільки од тих людей, котрі найбільше розуміють державні порядки, і, звісно, всього менше од мужицтва, про котре ті громадівці всього більше думали.

Для того щоб мужицтво похвалило ті виступи, треба, щоб воно теж розуміло державні порядки, а для того щоб, напр., яка мужицька громада помогла такій пробі не даватись в руки жандармам, яка була зроблена в Одесі, або вступилася так за кого-небудь з тих громадівців, котрих начальство хапа десятками, як пробували оступитись київські студенти за товаришів, треба, щоб громада знала й любила тих людей, як людей громадських, як товаришів.

* Ще торішнім літом ми писали в книжці «Народні школи на Україні перед життя російського» (22—23): «Ми думаємо взагалі, що ті, хто зветься в Росії ворогами теперішніх порядків, говорять про переворот та про бунт, далеко смирніші люди, ніж про них думають, більш страшні здалека, ніж на ділі. Доволі буде вказати на те, що у нас в останні роки було наарештовано до 2000 чоловік, звісно ж тільки два случаї, коли арештовані попробували одбиватись од жандармів і прокурорів, і що у нас жандарм і прокурор іде полювати на «новь» з меншою опаскою, ніж на бекасів».

Мужицькі ж повстання цілими громадами скрізь, а в Росії більше, ніж де-небудь, можливі тільки з-за причин явно громадських і господарських (соціально-економічних). Найслабший бік мужицьких бунтів в Росії, не тільки в середній Московщині, а з XVIII ст. і в нашій Україні й навіть, здається, й в других козацьких землях, завше був і єсть в тому, що в мужиків не ставало розуму про державні порядки, що мужики, повстаючи проти тієї неправди, котра безпосередньо давить їх, завше думають, що вони повстають не проти закону державного, а за закон, за царську волю, проти котрої йдуть мовбите не вони, а пани або чиновники. Через те вивченому чоловікові страшенно трудно й підступити до мужиків в такі часи, хіба він візьме на себе личину, мовбите й він вірить в царську добру волю або в таке інше, як бродячі солдати й другі подібні, що завше показуються в мужицьких бунтах в Росії. Так на таку личинудалеко не всякий вивчений чоловік згодиться піти, а ще менше здоліс видержати її, навіть хоч би хто й задумав таке діло *. Ясно, що віру мужицьких громад наших в царський закон може розбити тільки докладне товмачіння, пропаганда. А в тім-то й лихо, що такої пропаганди в такі гарячі часи, як бунти громадські, громада мужицька навряд чи й стане слухати од негромадського чоловіка. Ясно значить, що й для того, хто держиться думки про те, що й краєві громадські бунти посугають час спільноЯ зміни в теперішніх порядках, все діло зводиться на те, чи стане він громадським чоловіком ще перед бунтом, чи ні.

Нам здається, що розмови про те, коли слід «кликати народ на спільнний переворот» і як «зводити в один великий взрив» малі бунти,— даремні клопоти, бо коли б вже дійшло діло до того, то «більша частина народу» обійшлась би й без усяких верховодів, котрі б її кликали, та строїли, та зводили.. Та коли б більша частина народу «постройилась в ряди громадівців», то, певно, нічого б було вже й «переворот» робить. Значиться, коли розмовляється про те, як держатись громадівцям до повстань, то можна говорити тільки про малі, краєві повстання, бунти. Ми вже сказали, що, як нам здається, бунти

* Говорячи так, ми становимось зовсім не на правове поле, а на природне: ми не кажемо: «Яке хто має право підводити або обманювати других?». Ми кажемо: «Рідко хто зважиться обманювати самого себе, нести свою голову за те, чому він сам не вірить, говорити таке, що тільки затуманюватиме в других ті думки, котрі він вже для себе самого вияснив!» Потреба говорити правду єсть така ж потреба здорового чоловіка, як і потреба дихати чистим воздухом. В таких случаях, як «краєвий бунт», не можна навіть говорити про те, що обманом зробиш щастя людям. Навіть великі повстання Разіна, Пугачова, в котрих не було ясних політичних думок, а до того був ще й обман, «самозванщина» і т. д., кінчались тим, що повстанці побивали. А що ж зостанеться з «красного бунта», коли після того, як його задавлять, не зостанеться в людях навіть і ясної думки про те, за що люди наложили своїми головами? І що ж в кінці всього зостанеться з самих думок про «нове життя по правді», коли в однім місці самі проповідачі його доложать одну неправду — про царя, в другім другу — про бога і т. д.

не робляться згори, а що вони піднімаються знизу од немоготи терпіти неправду. Нам здається далі, що хто б що не думав про краєві бунти, чи вважав би їх корисними чи шкідливими, а державні й громадські порядки в Росії в Галичині тепер зайшли в такий кінець, що мужицькі бунти мусять підніматись дедалі все частіше *. В 95 случаях із 100 навіть «бунтареві», не громадському чоловікові, трудно буде розпалитись самою думкою настільки, щоб понести свою голову в тій справі, котра просто не вража його ока й вуха. З другого ж боку, ні один справді живий чоловік не витрима, щоб не пристати до діла, що робиться коло його, в котрому він бачить хоч зерно своєї правди, і не постаратись, щоб те зерно розрослось якнайбільше. Коли такі живі люди з громадівців наших, ставши своїми людьми в мужицьких громадах, будуть свідками того, що громадам тим робиться кривда, котрої вони не можуть стерпіти, то, певно, вони й повстануть вкупі з громадою, і в такім случаї вже, звісно, мусять приложити всю свою силу на те, щоб повстання громадське пішло якнайдальше: щоб не тільки громада противилась тій найближчій кривді, з-за котрої піднялась вона, а й попробуала змінити й усі ті порядки, од яких вона терпить: напр., в селі обернула всю землю в громадську, як цього маленькі проби вже й робили наші мужики позаторік в Подольській губернії, правда, тільки з землями своїх же мужицьких багатирів. Так, значиться, й тут все діло зводиться на те, чи стане громадівець — «проповідач ділом» осілим громадським чоловіком, чи ні.

Врешті ж, навряд хто б міг вірити в те, що, напр., в Росії на близькі часи, при теперішній силі війська державного, може бути навіть таке велике мужицьке повстання, як в часи Хмельниччини або навіть Пугачівщини. Далі ми думаємо, що давати дуже велику вагу повстанням, а до того й вірити в те, що велика корінна зміна усіх громадських і господарських порядків, котру звуть «соціальною революцією», може стати ділом одного великого повстання, навіть і в одній великій країні,— це показує звичку думати більше про державні справи, ніж про громадські й господарські. Звичка та вкоренилась в людях письменних за ті часи, коли люди, поставлені в державних урядах (царі й виборні, як, напр., якобінці в часи великого повстання французького в XVIII ст.) думали, що вони можуть державною силою згори повернути життя, й самі думки й звичаї тисяч і мільйонів людей, як їм завгодно. Такі державні думки йшли тоді поруч із старою науковою про природу, науковою, котра довго навчала, що бог творить в світі чудеса, а потім, коли й дібралась до того, що побачила порядок в зміні всього на світі, то все-таки думала про скорі зміни, про перевороти на світі земному, *les révolutions du globe terrestre*. В XIX ст. багато було повстань, а ні одне з них не здоліло

* З політичного боку Росія тепер подібна до Франції перед революцією 1789 р., з соціального — до Англії 20 рр. XIX ст., Прикарпатська ж Україна багато в чому подібна до Боснії й Герцеговини.

до кореня порядків не то громадських і господарських, а навіть і державних. Недавніми часами й науки про природу, геологія й біологія, показали, як помалу йдуть всі зміни на світі, і замінили слово *révolution* на слово *évolution* (розпускання, зрист). Нова наука природна мусить перевчити письменних людей і в їхніх думках про зміни порядків громадських, одучити од звичок держати свої думки найбільше на державних справах та державних змінах, та скорих переворотах, та повстаннях і привчити пам'ятати, що всі порядки в людських громадах ростуть, а не робляться одразу і що державні чи противодержавні заходи й повстання — тільки частина тих приводів, якими посугуваються зміни в людському житті, а далеко не все. До того ж і наука про громадське життя дедалі все більше виясня, що державні порядки колись, тоді, як найголовніше діло державне була війна, були коренем і господарських змін, напр. забирання землі вояками, а тепер державні порядки найбільше — тільки покрівля порядків господарських і послідок думок людських і що значить їх ні заложити, ні повалити вкінець не можна одразу. Сама думка про «беззначальство» одкида усяку думку про переміни згори вниз, а не знизу вгору, од особи до товариства й далі, і примушує перемінити слова *révolution sociale* на *évolution sociale* і вменшити віру в самі повстання. Повстання можуть починати будити громадський розум, можуть кінчати старі порядки, котрі вже підкопані з усіх боків інакшими способами (те й друге видно, напр., на повстаннях з-за такого ще доволі простого діла, як державна воля і спільність Італії), а зробити нові порядки, та ще й громадські й господарські, саме повстання не може. Навіть повалені старі порядки, особливо громадські й господарські, вертаються безпремінно «на другий день повстання», коли їх нічим замінити таким, щоб господарські потреби людські так чи сяк та вдовольнялися, а з тими потребами люди не ждуть довго. Таке й случилось в 1848—49 рр. у Франції, коли в перший раз в великому місті попробувано було зразу перевернути старі господарські порядки, поки самі ще щирі громадівці не здоліли й здумати, а не то зробити зразу усі нові порядки. Майже на тому самому зупинивсь і повстанський уряд Паризької громади 1871 р., котрий навіть майже зовсім не змінив корінних громадських і господарських порядків, не скасував осібного обладнання ні хат, ні фабрик як через те, що мало було в самому Парижі людей, котрі б пристали на те, так і через те, що тоді б йому прийшлося самому поробити усі нові порядки в Парижі, а далі в усій Франції, без котрої трудно собі й здумати життя Парижу *. Сила зросту нових громадівських порядків значить

* В виборах 26 березня в уряд Паризької громади з 480 000 виборців подавало голоси 230 000 чол., а з них 167 000 за Громаду. З 92 вибраних було 21 несоціалістів, 18 соціалістів-федералістів, 44 якобінців і так званих бланкістів. Перед кінцем П[аризької] громади, після того, як з неї вийшли 21 смирніших республіканців, в ній було 57 якобінців і 23 соціалісти-федералісти. Змін господарських уряд Паризької громади тільки й зробив, що дав волю не

не стільки в повстаннях проти старих порядків, а особливо не в скасуванні державних порядків, скільки в зрості малих і великих товариств між людьми, в зміні звичаїв і думок людських по всіх громадах якої країни, коли не всіх країн, хоч би на перший раз самих європейських, в цілім ряді праць зовсім не політичних, а громадських і господарських, родинних, наукових.

Тепер ще є люди між чесними громадівцями, котрим такі думки не любі, котрі навіть думають, що коли люди не будуть вірити в те, що зараз же все буде по-їхньому, то й руки опустяться. Тільки ж це такий же самий страх, як і той, що мовбите коли люди перестануть в бога вірити, то всі злодіями стануть. Зовсім інакше: власне віра в те, що завтра все буде по-нашому, коли не спевниться (а ми бачили це не раз за XIX ст.), доводить до того, що в людей, котрі вчора вірили й гарячились, завтра руки опускаються!

От справді осіле життя в громаді за докладною щоденною й щодня потрібною громадянам працею може вкінець одучити письменних людей од тих старих державних звичок, котрих ще чимало зсталось і в теперішніх громадівців, навіть і в тих, що, покинувши (не дуже давно) якобінські думки, пристали до думок про «беззначальство». Тільки щодня маючи діло з людьми, котрі повиростали серед теперішніх порядків, можна побачити усе, чого не стає їм для «нового життя», і кожну хвилину помагати їм посуватись до нього. З сотень примірів такої помочі зовсім не політичного духу ми зупинимось тепер на одному. Важко собі й пригадати, щоб цілковиті безпанські й беззначальні порядки могли заложитись там, де люди так мало вміють господарювати коло сирої тварі й машин, як, напр., наші мужики, через недостачу в них науки про природу. От вже з цього одного виходить, що дуже потрібно, щоб по наших громадах були люди, котрі не тільки б уміли розсудити про державні й господарські порядки, а ще б уміли господарювати коло скоту, на землі, на фабриці і т. д. найліпшим науковим способом і могли б навчити тому мужицькі громади. Скажемо просто, не заходячи дуже далеко од того, що ми тепер бачимо в Росії: нас беруть завидки, коли ми читаемо «Письма из деревни» і т. і. хіміка Енгельгардта⁴⁹, і ми думаємо: чому не чути про людей, котрі б так розумно помагали мужицьким товариствам і громадам вправляти своє господарство, як вправля той Енгельгардт своє власне, для своєї користі, наймитами? Ми б бажали нашій Україні сотні Енгельгардтів з десятками спеціальностей, та тільки з громадівськими думками й цілями в праці. Охота до такої праці, до

платити за квартири за часи війни (од окт. 1870 р.), звелів одібрати церковні маєтки на громаду, продовжив строк недоплати по позичках за часи війни, дав волю забрати зоставлені в позичковому скарбу речі не дорожчі од 20 фр [анків] — Le françaïc. Etude sur le mouvement communaliste à Paris, en 1871. Прибавити треба, що по селях вже зовсім не розуміли не те, що то таке за соціалізм, а й самої республіки, і жахались її як безбожества й мовбите розбою.

помочі мужицтву закладати усякі господарські товариства показувалась і в Росії в початку громадівського руху в 60-ті роки. Тільки скоро вона замінилась самою проповіддю про повстання. Та при порядках державних в Росії важко було й витримати з самими смирними пробами товариського господарства, щоб не дістатись в руки поліції, важко було вивченим соціалістам не махнути на все таке рукою. Тільки ж все-таки в самому мужицтві й у нас на Україні самі собі ростуть проби товариського господарювання * й ждуть того, щоб вчені люди подали їм свою поміч науковою.

І ми найгарячіше бажаємо, щоб скорше пропали царські державні порядки в Росії, щоб такі люди могли виробитись з гарячих молодих громадівців, котрі тепер гинуть по тюрях, і щоб щезла в наших письменних людях панська незвичка до затяжної, холодно обдуманої неполітичної праці, котрої доволі знайдеться по наших мужицьких громадах. Такі люди поможуть повиростати по тих громадах пуп'янкам, з котрих попіднімаються парослі нових громадських порядків, що, вбільшуючись, дедалі випхнуть старі порядки новими, не здуманими тільки, а готовими й з готовими для них людьми — громадянами. А така служба мужицьким громадам більш ще, ніж друга, потребує довгої осілості серед них.

Так вже сама осілість наших громадівців по країнах і громадах, осілість, котра так потрібна власне на нашій Україні в її теперішньому стані, примусить їх звернути увагу на багато речей, котрі уважити треба б було в наші часи й другим, що піклуються про конечну зміну громадських порядків, і підопре в наших громадівцях ті думки про ту зміну, котрі виходять і з нової всесвітньої науки.

Теперішній стан нашої України зверта увагу ще на багато таких справ, котрі важливі й для громадівців насьому світі. Так, напр., було вже сказано вище, що в нашему мужицтві в Росії показуються люди, котрі йдуть проти попівства, котре, між іншим, просто пристало до чужого начальства й панства й ворогує проти українства, а що в нашій Україні в Австрії попівство виробилось в своє панство. Через це все наші громадівці мусять виступити проти попівства дужче, ніж це досі роблено було громадівцями, напр. в Московщині. В Австрії наші громадівці мусять виступити проти попівства, може, ще дужче, ніж в Україні малоросійській, власне, через те, що там попівство не так явно одцуралось од української породи й іноді манить себе й інших і самі мужицькі громади, буцімто воно стоїть за ті громади й може полегшити їхню долю. В нашій австрійській Україні безпремінно і якнайскорше треба налягти на те, щоб попівство обмерзіло молодим людям, щоб вони не йшли в попи. Отже, повалити готове попівство й не дати вирости новому серед таких братств, як штунда, котрі тепер виступають проти готового «православного» попівства, та

* Дивись спом'януті статті в «Неделе», а також в «Киевск [ом] телеграфе», 1875, № 14.

тільки з тією ж самою «святою» книгою, на котрій заоснувались православні святощі й попівство, помагати теперішнім противопопівським братствам стати людьми цілком вільного розуму можна тільки так, щоб підкопати в корені віру в те, чого не бере розум чоловічий. А це можна зробити тільки за поміччу науки про зрист усього в природі, а також про те, як росли й віри й попівські порядки по всьому світу. Тепер вже в Європі досить виробилось такої науки, та тільки громадівці мало спожиткували її в своїй проповіді, навіть і ті, котрі, як «спілка громадівська» «Alliance socialiste», 1867 р., просто написали в своїм уставі, що «Спілка» заявля, що вона не вірить в бога й хоче, щоб «віра замінилась наукою». А по деяких країнах (напр., в південній Німеччині й в самій Франції) ще не перевелись громадівці, котрі думають помирити своє громадівство з вірою й навіть з християнством. Тільки останніми днями в північній Німеччині, коли показалась проба прусського лютерського попівства привернути до себе робочих вигадкою «державного й християнського соціалізму», німецька соціально-демократична партія виступила з різкою проповіддю проти віри й попівства. Досі ще противопопівська наука держиться скрізь більше серед багатших людей і переходить до чорноробів дуже помалу, більш *крапельками*, що процідуються зверху вниз, ніж через впорядковане навчання од людей, котрі взялись за те докладно. А таке навчання тепер дуже потрібно, бо попівство було першою білою працею, котра підняла купку людей над другими, чорноробами, а потім вкупі з воящтом, а далі з усяким іншим начальством і панством вбільшувало і святило нерівність між людьми, захопило собі великі маєтки й досі стоїть за них і підпира державну й громадську неволю й нерівність і всилюється повернути великі купи богомільного народу проти усіх противників тієї неволі й нерівності, в тім числі найбільше проти громадівців. Віра ж і попівство здавна підбивали незгоду між людьми й не можуть перестати підбивати її ніколи. До того всього, коли нові беззначальні порядки потребують, щоб люди мали більше часу на науку й не несли нікчемної праці й видатків, то певно, що скасування віри, богомільства, церков і попівства влегши ті тягарі, котрі скрізь несуть людські громади. От через це все наукова праця з різних боків проти попівства є єдина з найбільших потреб прихильників громадівства скрізь *. Коли ж на нашій Україні попівство зверта на себе більшу, ніж по деяких інших країнах, увагу громад, то тут муси-

* Уряд Громади паризької 1871 р. постановив, «що віра — діло домове, а не громадське. Управи IV і XVII волостів (arrondissement) паризьких постановили, що в школах громадських не будуть вчити попи, що вся наука в них буде опиратись тільки на вільному розумі, а управа XVII волості постановила, що ученикам не будуть давати в школах ніякої книги, ніякої речі, котра чим-небудь буде противна науковому методу». Lefrançais, App., 53—58. Тільки досі ще таких шкільних книг нема! А в такі то часи, як часи Громади паризької, найліпше й видно, яка помилка була зроблена через те, що попівську силу серед простих людей, особливо селян, не підкопано було раніше науковою.

ла б повстati тepeр же по всiх купках українських громадiвцiв пильна праця, щоб почати широку проповiдь protи кореня вiри й попiвства за помiчкою науки природної й громадської.

Вище було сказано, що українство задержалось майже тiльки в самiм мужицтвi і що дуже мале число письменних людей признається на Українi до свого kraю й люду. З того виходить нова служба для тих з теперiшnих вивчених людей, котрi не зrікаються свого українства. Люди тi, коли вони tильки трошки роздумаються, то не можуть стати iншими, як приятелями мужицтва, подiбними демократам, соцiалiстам i т. i. гуртам в других країнах. Tильки ж в цих других країнах, де державнi порядки не одвернули так вивчених людей od мужицтва, як в нас, такi гурти можуть легше звести свою працю на саму проповiдь про змiну теперiшnих невигiдних простим людям порядкiв, державних i господарських, залишивши iншi громадськi справи й потреби — науковi, майстровi i т. i.— на других людей. Цi другi люди часто зовсiм i не розумiють думок про ту змiну в громадських порядках, а працюють просто для теперiшnих, a iнодi й ворогують з тими, хoче змiнi. Tильки ж все одно часто вони, й не гадаючи об тiм, працюють для того, щоб стала можливою цiлковита змiна теперiшnих громадських порядкiв, iнодi ще бiльше, nж деякi проповiдачi самими словами про ту змiну. A часто й тi самi проповiдачi tильки користуються тим, що виробили й вигадали такi люди для своеї цiлi й потреби. Доволi буде, щоб пояснити нашу думку, вказати, напр., на той вжиток, який роблять тепер проповiдачi громадiвства з статистики й науки про господарство громадське, з науки про старинне громадське життя й про звичai й думки usяких народiв, з науки про змiну стравi на працю в tилi чоловiчому i з усiєi нової бiологiчної науки взагалi. Ми вже не кажемо про вигади технiчнi, без котрих теперiшnе, a ще бiльше будущe господарство не проживе й години, або про початкову науку дiтську. Dосi всi такi справи були зовсiм в руках людей старих порядкiв i навiть не дуже звертали на себе увагу проповiдачi громадiвства серед чорноробiв, хоч завше vagу їх розумiли люди, котрих можна вважати за батькiв нового громадiвського руху, як, напр., Овен, С. Сiмон i dr. Dосi навiть всi розмови про те, щоб зробити правдиву статистику чорноробського життя самими товариствами робочими зоставались самими розмовами. Tильки недавнiми часами й в з'їздах самих виборних од чорноробських товариств громадiвського руху поставленi були думки про такi справи, як цiлковите навчання дiтей (*Enseignement intégrial, instruction intégrale* — на з'їздi «Всесвiтньої спiлки», 1867 i 1868)*; торiк на з'їздi гурту нiмецьких громадiвцiв постановленo видавати науковий мiсячник (*«Die Zukunft»* — «Будущe»); окрiм того, виходить в Швейцарiї другий подiбний мiсячник (*«Die neue Gesellschaft»* — «Нова громада»). Подiбнi проби есть тепер i в французiв (*«Le*

* Навчання наукам (безпопiвське), умilostям i ремiсництву.

Travailleur — «Робітник», *Le Socialisme progressif* — «Поступове громадство»), у фламандців і др.

Такі проби науки чисто громадівського напрямку ще доволі слабі. Тільки ж в Західній Європі од того ще не така велика шкода, бо, як ми сказали зараз, там для такої науки працюють і нехотя люди й других думок. Наша ж Україна тим не подібна до других країн, що в нас до мужицтва не доходить і стільки з вигадів панської науки, скільки їх доходить по других країнах, де панство не одірвалось од мужицтва в зовсім вже чужу породу, і що в нас вже зовсім ніхто: ні державне начальство, ні панство — не помага й тим науковим працям, котрі служать навіть тому, щоб пізнати свою країну. Мало того, в нашій Україні всякий, хто ухопив хоч трохи науки, вже перебіга од мужицтва в гурт чужих йому людей і становиться паном навіть і тоді, коли б вважав себе прихильником мужицтва. От через це у нас ті невеличкі купки людей, котрі, маючи всесвітні думки про волю мужицтва, не зре克лись свого українства, мусять робити не одне те діло, котре по других країнах роблять подібні їм гурти людей, а кілька діл, починаючи од діл академічних (таких, напр., як збори слів мови нашого народу, без котрих не може посуватись ніяка проповідь і наука серед мужицтва й котрі, напр. в Московщині, робляться за поміччю держави) і кінчаючи ремісництвом, проповіддо в мужицьких громадах, повстаннями з тими громадами і т. і.* Це праця, звісно, нелегка, і не всякий, хто не був в шкурі українській, зрозуміє потребу усіх частин такої праці. Тільки розваживши добре, усякий прихильник мужицьких громад мусив би згодитись з тим, що те, що примушує доля робити українським прихильникам мужицтва, мусили б робити подібні ж люди й скрізь, що скрізь би було корисно для мужицьких громад, якби всяка праця, чим-небудь — чи просто, чи боком — потрібна тим громадам, робилася людьми з громадівськими думками, а не байдужими, а то й ворогами громадівства, і якби усі люди, котрі тепер поділились способами (спеціальностями) праці, потрібної для громад, були коли не в спілці й змові, то хоч би розуміли один одного. От такого розуму всіх таких спеціалістів, а ще ліпше — спілки й змови між ними, й мусять бажати на нашій Україні прихильники мужицтва, і для того, щоб вона наступила, вони мусять взятись за всі ті справи, котрі просто й боком потрібні на користь мужицьким громадам української породи в їх теперішньому стані. Українським громадівцям нічого страшитись, що вони розкидаються по великій купі різної праці. Хай тільки не розкидаються хоч по безмірній обшарі російського царства, а осядуть на Україні, коло українських праць, то незабаром наших людей достане на всі ті праці.

* Щоб напечатати «Толковый словарь великорусского языка» Даля, для котрого слова збирала Академія, цар дав 6000 руб. Про те, як стоять в нашій Україні початкова школільна наука перед державною Московщиною, дивись в другій часті «Громади».

Ось деякі важніші признаки стану українських прихильників мушкицьких громад, українського громадівства теперішнього часу, по крайній мірі, по нашему розуму. Ми думаємо, що говорили не зовсім неправду, коли казали, що ті одміни не в чому-небудь зовсім осібному, а в тому, що стан України де в чому ясніше показує потреби таких змагань і праць, котрі потрібні й скрізь. Таке ж, думаємо, виходить і з тією одміною українського громадівства, на котру ми зведемо усі ті, що вище були показані, і котру ми скажемо словами: *український соціалізм не партія, а громада*. То значить, що українські соціалісти мусять од тепер же змагатись, щоб, осівши по наших громадах, приложити свої голови й руки до того, щоб справляти всі служби, потрібні в здоровому житті громадському (*services publiques, fonctions sociales*), і там в громадах з тими службами проповідати здорові громадські порядки, показувати примір їх та обороняти старі здобутки й нові парослі тих порядків од ворогів їх усіма способами, мирними й вояцькими. Нічого, здається, прибавляти до того, що такі робітники для українських громад мусили б тепер же, осідаючи по тих громадах, змагатись до того, щоб зчеплятись в спілки з своїми товаришами по всіх громадах од більших до дальших і з усіма тими, хто тільки чесно працює коло такої чи іншої, більше чи менше просто потрібної для України в її теперішньому стані праці, так щоб Україна, якскорше покрилась цілою сіткою зчеплених один з другим *товарищів і товариств*, робітників українського громадства, з котрих якнайбільше людей були б й товаришами в мушкицьких громадах.

Ясно, що не тільки для того, щоб наступила велика зміна в теперішніх порядках і на нашій Україні, але й для самого того, щоб по ній з'явилось багато таких людей, котрі потрібні для того, щоб по всіх громадах наших поставити думки про нове громадське життя, потрібно багато праці й у нашій Україні й навкруги її і, певно, немало часу. Не тільки ні один чоловік, а й ціле коліно ровесників, що тепер живуть й працюють, не може взятись наперед вказати всі приводи й дороги до того кінця. Та й в усьому слово, проповідь і сама наука — тільки один з приводів громадського зросту і досі йшли більше позаду його, ніж попереду. Ми ж, починаючи наше печатне видання далеко од рідної України, ще менше, ніж хто інший, сміємо брати на себе верховодство навіть і в суді про те, як громади українські посугублюються до тієї цілі, до котрої явно йдуть тепер громади в Європі, в Америці. Ми думаємо, що в усьому печать зробить своє діло, коли вона буде більш виясняти ті цілі, до котрих йдуть громади, судити ті дороги, по котрих вони досі йшли, те, що привело їх до того, на чому вони тепер стали, ніж налягати безпремінно на той чи на другий привід, на ту чи на другу дорогу, так, мовбите тільки єсть один привід, одна дорога для живих людей та ще й в усякий час. Печать же українська на теперішній час зробить велике діло, коли хоч покаже докладно *теперішній стан України*, як і через що вона прийшла до нього, і поможе тим людям з українців, які хотять зробити щось доброго

для своїх громад, зібратись докупи й вияснити собі, де працювати й до чого прямувати, а тоді вже вони самі знайдуть десятки доріг до спільної цілі.

Заложити тепер таку печать на самій Україні, навіть Австрійській, діло не легке, а в Росії цілком неможливе. Через це ми почали наше видання в Швейцарії, де ми маємо повну волю слова, хоч, правда, зате не маємо навколо себе живої громади земляків наших. Ми добре розуміємо, що найліпше усього вияснили б всі сказані вище думки про стан нашої України й про потреби усякої праці для неї, коли б ми просто напечатали цілий ряд праць по всіх тих справах, котрі намічено вище. Тільки ж всякий мусить зрозуміти, скількох чоловіка праці потрібно для того. На Україні ж навіть тепер не зовсім вже бракує в людях, котрі б здоліли, коли б захотіли, виповнити ті всі праці. Немало земляків наших працює по чужих кутках над подібною чи іншою працею, і ми б нічого не сказали проти того, коли б хто заступав їхнє місце в громадах українських і навіть коли б їхнє українське серце могло цілком задовольнитись працею серед чужих людей по чужих способах. Хай спитає кожний з них самого себе: чи всі думки, котрі він хотів передати товариству, приймались чужими людьми і чи так само, як би він хотів, чи ні? Певно, ні! Так чи не пора ж українцям повернутись до своїх земляків і до праці для них просто? Коли ж за спільною працею всіх розумних українців налагодиться як слід життя 17 мільйонів нашого люду, тоді й ті «широкі інтереси», котрі тепер підбивають вивчених українців шукати собі поля для праці по чужих сторонах, на чужих мовах, зовсім не втратять, а ще більше виграють од того, що в світі буде одним бездушним трупом менше, однією живою великою породою людською більше. Але ж всі ті розмови про «широкі інтереси», котрі буцімто потребують, щоб українець почав служити їм з того, щоб зрікався власне своєї України,— нічого більше, як послідки тієї неволі, в котрій тримала нашу країну чужа держава — Польща, а потім таке ж чуже Московське царство з безмірною чиновницькою централізацією. Й всякий українець і неукраїнець мусять же розуміти, що він просто служить неволі цілої великої країни й усякому обдиранню, й кишені, й розуму великої людської породи, коли по волі чи по неволі, ділом чи бездільством підпира й продовжує послідки тієї державної неволі й централізації.

Ми беремо волю поставити це діло просто й ясно перед судом земляків наших, без помочі котрих ми не можемо послужити нашій Україні, якби того ж хотіли. Закладаючи перше цілком вільне видання українське, ми будемо старатись зробити його сталим й одчинимо його для всякої письменної праці земляків наших, котрі держаться одинакових з нами основних думок про життя громади й природи: хто признається до громадівства, своєї волі (автономії) мужа і жінки, кожної особи, спілки, громади, людської породи, до вільного товариства (федерації) громад і пород людських, до вільного розуму (раціоналізму) й твердої науки (позитивізму).

Обертаючись перш усього до земляків наших, маючи на думці в усьому нашему ділі перш усього й найбільше їх, розмовляючи про людей *наших* і *чужих*, ми зовсім не пристаємо до тих, хто б думав сіяти яку-небудь незгоду між людьми неоднакової породи. Далі, в наших книгах читачі побачать не раз недобре слово про *чужих людей на нашій Україні*: про ляхів, москвинів, угрів, німців, жидів. Тільки ж, розваживши над тим, читач наш, певно, побачить, що ми говоримо про них не як про людей перш усього не нашої породи, а як про людей, котрі або шкодять нашему мужицтву, або не дбають про нього. То люди стану панського, попівського, чиновники, купці і т. і.— неробочі білоруки, або коли й білоробчі, то до того такі, котрі зовсім не думають про те, щоб хоч стільки служити нашему чорноробу, скільки скрізь служать білоробам однієї з ними породи. Така чи інша порода людська може нам бути більш чи менш до вподоби, також як і способи праці, які в ній вживаються навіть для нашої цілі. Тільки ми ніколи не дамо волі зачіпати кого-небудь в його домовій праці. Ми тільки мусимо давати одсіч усякому, хто думає порядкувати на нашій землі не тільки на шкоду нашему мужицтву, але й не знаючи його, не питуючи його або й зневажаючи його. Хто ж і чужий працює в спілці з нашими людьми, поважаючи їх, хто пристає до наших громад, а особливо до громад мужицьких, той для нас такий же наш чоловік, як мовбито він був наш і зроду. Та такий і мусить бути усякий громадівець: коли українець, котрий не став громадівцем, показує тільки, що він не додумавсь або не довчивсь до кінця,— також само й громадівець на Україні, котрий не пристав до українців, теж не довчивсь, не додумавсь до кінця, не поборов в собі пана, чиновника. Тільки ж і того мало: ми добре знаємо, що людей, додумавшихся до кінця, ще мало на світі й що тепер ще не можна й бажати, щоб люди панського роду й казенної школи зовсім служили мужицтву, та ще й українському. Примір такої служби мусять показати перш усього наші люди, то за ними підуть і чужі. Ми ж не пропустимо пошанувати усяку працю, чим-небудь корисну для наших громад, для українства, [хоч би] її зробив і не наш чоловік, хоч би він і не згожувавсь з нами в усіх думках наших, хоч би він і не думав про службу власне нашим громадам.

Далі, розваживши, що тепер добро й лихо громад в одній країні Європи зчепляється з добрим і лихим других близьких і далеких країн, ми не думаємо, щоб нашим людям слід було всилуватись рвати всі ті нитки, котрі чи так, чи сяк, а поєднали їх з людьми других пород в тих державах, до котрих тепер належать наші громади. Дуже гірко нам обійшли ті держави, тільки ж дух всесвітньої спільноті, не маючи поки другої дороги, просувавсь до нас і через ті державні нитки. Замість того, щоб нам рвати ті нитки, котрі так чи сяк, а єднають нас з другими, нам ліпше вкупі з ними переробити теперішнє поєднання з невільного на вільну спілку рівних громад. Ми думаємо за себе, що українцям замість того, щоб рватись заложити

свою державу або які-небудь дуалізми, напр., як угорський в Ціарщині, ліпше старатись розбавляти усяку державну силу й прямувати до волі краєвої й громадської вкупі з усіма іншими країнами й громадами. От через те українцям найліпше виступати з думками не стільки національними, скільки *автономними* й *федеральними*, до котрих пристане завше багато людей і з других країв і пород. В кінці всього тільки автономія самих дрібних куп людських може помирити всі теперішні сварки між породами людськими. Ми, напр., стоймо за волю нашої породи, але ж ми думаємо, що було б не по правді, якби ми взяли по шнурі одбили ту межу, в котрій більша частина людей нашої породи, та й гнітили на менші частини або й на купки людей чужої породи, примушуючи їх становитись нашими,— так, як це робиться скрізь не тільки по державах, напр., як у французів, німців, москалів, угрів, поляків, а й по таких країнах, як наша, котрі ледве самі вибиваються з-під чужої неволі, напр., як у сербів, болгар і т. і. По нашій думці, кожна громада, кожне навіть товариство чужої нам породи, коли воно сидить і серед українських громад, мусить бути вільним зостатись таким, яким воно хоче. Самим же українським громадам далеко корисніше тепер же почати добиватись якнайбільшої своєї волі, ніж пориватись здобути для України більше чи менше централізовані осібні державні порядки. Добиватись такої своєї волі громадівської й крайової (напр., навіть повітової й губернської) для України, напр. в Росії, ми думаємо, що буде й розумно й корисно, бо по такій дорозі українці підуть не самі, а вкупі з федералістами й з других пород і до них пристане навіть чимало людей і з самої державної породи московської *.

Тільки ж все-таки ми думаємо, що добра доля людей з тих пород, з котрими ми тепер зчеплені державними порядками, стане проти нас, а найбільше ті, котрі більше звикли панувати над другими або котрі мають користь з державного й іншого панування: бо звичка й користь більше мають сили над людьми, ніж слово й розум, і ховаються часто й під розумними словами про волю, рівність, спільність, широкі справи і т. і. От через те ми наперед знаємо, що українське громадівство спітка собі ворогів не тільки як громадівство, а й як українство. Не тільки панство, попівство, купецтво, чиновництво в нашій Україні в Росії й в Австрії (найбільше, звісно, з перевертнів) виступить проти українського громадівства, а воно не буде любезне великим

* Ці всі справи не так то здумані й не так то далекі, як хто-небудь може подумати. І тепер, напр., в Галичині стоїть ще справа про поділ Галичини на Західну й Східну, котрий поділ по нашій думці інакший, ніж по думці тамошніх націоналістів руських і польських. Незабаром буде в Росії Земський Собор, в котрому безпремінно мусять піднятись розмови про «обласну автономію», і українцям, і тим, що будуть в тому Земському Соборі, і тим, що в ньому не будуть, прийдеться стати або федеральними нашого розуму, або стояти за те, щоб заведена була більше чи менше централізована Україна (як Ц[арство] Польське, Угорщина і т. д.).

купам людей і в щирій Московщині, Польщі, Угорщині, Німеччині, особливо людям столичним. По всьому, що ми бачили скрізь і що вже бачимо тепер і в Росії, ми можемо ждати, що й в Росії виросте гурт централістів, не тільки лібералів (таких, напр., як німецькі націонал-ліберали) або демократів (як німецькі прогресисти, французькі гамбетанці⁵⁰), а й соціалістів-державників (як, напр., німецькі соціал-демократи або французькі бланкісти). Ці всі гурти в землях, що були під Польщею, певно, пристануть до централістів польських, а в других — до московських, і всім їм буде не по нутру наше українство. Ми ждемо зате, що ті, хто самі побули в стані людей недержавних і «окраїнних», хто сам потерпів од централізму, ті будуть прихильніші до нас, навіть коли вони будуть самі з поляків, що були колись державною породою, або з москвичів, котрі тепер державна порода. Ми ждемо через те більше прихильності до себе од поляків-познанчиків, а потім од варшав'яків, ніж од поляків галицьких або подніпрянських, од москвинів, північних поморців, низовців поволжьких, донців, уральців, сибірських людей, ніж од людей столичної Московщини або помосковлених українців, далі од людей недержавних пород в Росії: фіннів, естів, латишів, молдаван, кавказців і т. і., звісно, коли вони дізнаються про нас, а за Росією од людей слов'янської породи, котрих доля подібна нашій долі. Українцям слід старатись стати в тісну спілку зо всіма такими недержавними людьми в Росії й в Австрії, навіть і з такими, котрі не зовсім ще дійшли до громадівських думок, тільки б вони признавались: 1) до того, що кожна порода людська мусить бути сама собі господарем дома, 2) та до того, що силаожної породи людської лежить в мужицтві. Ми думаємо, що коли українське громадівство вкорениться на своїй землі й зчепиться з сусідніми демократичними й федеральними гуртами, то воно потроху втягнеться в широку спілку всеєвропейських демократичних гуртів, а між ними, найтісніше, в спілку демократій людей *менших і недержавних* пород, таких як, напр., західні слов'яни, волохи, провансали, каталонці, бретонці, фланандці, ірландці і т. і., котрих доля найподібніша до нашої і серед котрих впорядкуються тепер скрізь гурти, подібні українській хлопоманії або й громадіству.

Не дуже то давно можна було звертати малу увагу на подібні гурти і навіть думати, що вони коли не шкідливі, то лишні. Ще років з 10—20 ті гурти були малосильні, а як де, то й зчеплялись з старими думками (попівськими чи феодальними). А до того гурти розумців (раціоналістів), вільнодумців (лібералів), народовців (демократів) і громадівців, впорядкувавшись перше там, куди держава й купецька сила постягала більше людей, багатства й науки, тобто серед пород державних (французів, німців, англічан, москвинів і т. і.), виступали з словами про всесвітнє братство, рівність і волю: всенародство-інтернаціоналізм. Перед тими словами, думалось, що розмови про яку-небудь одну країну нічого не варті, а розмови про своїх і «чужих

людів» мовбuto й зовсім шкідливі, бо тільки руйнують тісне всесвітнє братство. Тільки ж останніми часами показалось, що де в кого і з «інтернаціоналістів» слово народ (nation) значить держава, так що ті інтернаціоналісти зовсім і не вбачають недержавних пород, а іноді й людей малих держав. Далі показалось, що «патріотичні» гурти людей по малих країнах і недержавних породах замість того, щоб замирати, як того ждали було, все всиливались, а поряд з тим і почали дедалі все більше обертатись до думок розумівських і громадівських (як то показують деякі товариства феніанські в Ірландії⁵¹, каталонські федералісти й громадівці, деякі люди серед французьких провансалів, як, напр., видавці «La Lauseitto», цілій фландрський громадівський гурт і т. д.). А до того виявилось, що слова про братство й рівність всесвітню у деяких людей з пород державних, навіть і з громадівців, любісінко живуть поряд з звичками верховодити над другими по приміру держав тих, в котрих повиростали ті люди, і з зневагою до «темних» і недержавних людей. Так, напр., показали себе в часи після повстання сербських мужиків в Герцеговині проти турецького й потурченого панства й чиновництва і далі в часи війни слов'янських пород проти турецької держави угорські й німецькі не то ліберали, прогресисти, а й демократи й соціалісти в Австро-Угорщині, а за ними й німецькі соціал-демократи в Германії й навіть в Швейцарії. Од проповідачів рівності всіх людей, од космополітів почулося, що слов'яни — варварська, розбійницька порода, що треба вдергати «німецьку греблю проти слов'янства», що проложена од Балтійського моря до Адріатицького, або й посунути її ще далі на схід; од інтернаціональних ворогів теперішніх держав почулись скарги на те, що зневажаються «національні й навіть державні інтереси» угорські, австрійські, німецькі, що уся Австро-Угорщина — частина Германії, бо й то, що в ній ще не помічено, тобто землі слов'янські, все-таки «передня земля Германії» (ein Vorland Deutschlands). Дійшло до того, що вже верховодники «Всесвітньої спілки робітників» заприсягали не тільки в тому, що 99 % неволі й здирства, котре буцімто терплять слов'яни в Турції, єсть видумка Росії, а й в тому, що «не можна показати ні одної голови з південних слов'ян, котра буцімто рветься на волю!», до того, що проповідачі всесвітньої революції чорноробів стали кликати держави й начальства європейські порятувати Турцію, навіть з «status quo», і не то вже, що побити начальство царя російського, а щоб й одігнати од цивілізованого світа Росію, котру вже всю, і з самими її «ніглістами», звали диким звірем! *

* Цього всього доволі знайдете в віденських і пештських газетах усяких гуртів і в соціалістичній пештській «Arbeiter-Wochenchronik» (угорська «Munkas-Heti-Kronika»), лейпцигському «Vorwärts» і др. газетах германських соціальних демократів, а за ними й в швейцарському «Grütianer» і т. і., італійській «La Plebe» і т. д., і т. д., а вкупі в брошурах одного з верховодів німецького соціалізму й інтернаціоналу, Лібкнехта: «Zur orientalischen Frage oder soll Europa kosakisch werden?» і «Die Orientdebatte im deutschen Reichstag».

Так-то привітали навіть соціальні демократи сусідніх державних пород проби слов'янські впорядкуватись по своїй волі на своїй землі. Нас німало не здивує, коли також само привітають люди державних пород і українські проби *. У наших земляків галицьких єсть дві приказки: 1) «Тікай, ляше, бо все, що на тобі, то наше», 2) «Посунься, ляше, най русин сяде!» Ці дві приказки ясно малюють те, як стойть діло між державними та панськими й недержавними та мужицькими породами людей скрізь на світі. Не тільки все, що пани й держава витягають з людей простих, недержавних, все, що на панстві, але й теперішня сила самих противопанських і противодержавних гуртів серед людей державних пород на добру частину виросла через те, що висисала грошеві засоби й вивчених людей од людей простих, од породи недержавної. Тепер, коли показуються люди, що хочуть покинути працю тільки на породу державну, а повернути її на породи недержавні, і впорядкуватись серед неї самі по собі, багато декому приходиться знімати з себе те, що він надів чужого, і багато декому приходиться посуватись. Це ж, звісно, не всякому подобається, навіть і з тих, хто говорить, що всі люди рівні. Того, хто звик мало вважати на самі слова та звик заглядати в середину людського життя, того ці всі буцімто нові розмови й зовсім некосмополітичні й недемократичні вчинки угорських і німецьких і т. і. прихильників всесвітнього громадівства проти слов'янства і т. і. не можуть дуже здивувати. Він зна, що старі звички живуть в людях довго й довго заховуються й під новими думками й словами й навіть обертають їх собі на службу.

В тому, як себе держать німецькі соціал-демократи перед слов'янами, не буде нічого дивного, коли пригадаємо собі, що апостол тих людей Лассаль писав не дуже давно (в 1863 р.), що він дуже зрадів, прочитавши в одного пруссака слова: «Я сподіваюсь дожити ще до того часу, коли спадок Турції дістанеться Германії ю коли полки німецьких солдат або робітників стануть на Босфорі». Далі Лассаль каже: «Я признаю право національності тільки за великими культурними націями, а не за расами, котрих все право тільки в тому єсть, щоб ті їх переробляли й розвивали далі». («*Nein, Nationalitaets principler bin ich nicht... Ich vindicire das Recht der Nationalitaet nur den großen Kulturnationen, nicht den Raßen, deren Recht vielmehr nur darin besteht von jenen assumilirt und entwickelt zu werden.*») Цікаво, що тут же Лассаль каже, що він «найрішучіший противник федеральної держави і такий же прихильник унітарної». — «*Briefe von F. Lassalle an C. Rodbertus-Jagetzow*», Berlin, 1878, 56—57. Цікаво також, що і в соціалістів других державних пород часом прориваються подібні ж неприхильні слов'янам думки і що, напр., ціну недавньому повстанню сербів проти Турції зложив на бернському з'їзді «Association internationale» в 1876 р. вірніше других чоловік недержавної породи фланандець Де Пене, навіть вірніше деяких з всеросійських соціалістів. Тільки те, як німецькі громадівці напали на російських «нігілістів» і романських «анаархістів» трохи провчило і тих, і других і в цій справі, як це можна стало бачити, напр., на «*Bulletin de la fédération jurassienne*» з 1877 р.

* Досі нам не раз вже траплялось одповідати на питання: нашо ми печатаємо «Громаду» по-українському? Ми не можемо інакше одповісти, як спитати в свою чергу: «А чому б нам не печатати по-українському?»

Він зна, що в світі всяка сила посувається тільки перед силою ж. Напр., люди угорські й німецькі дуже довго звикли панувати над слов'янами, як люди державні, як пани, купці і т. і.; з того панування довго перепадало деяшо й деякому з чорноробів угорських і німецьких, котрі все-таки вважались за щось вище, ніж слов'яни, щоб не тільки панство й купецтво, а й добра частина самого чорноробства державних пород не отруїлась державною отрутою. А вже, звісно, нею отруїлись письменні люди й з самих громадівців. Щоб ту отруту вигнати з світа, мало самої науки словом про те, що всі люди однакові та брати, а треба, щоб «менші» впорядкувались обік з старшими та показали їм ділом, що вони, як там не єсть, а можуть жити самі по собі. От через те навіть і наростання нових породних держав, таких, напр., як Італія, Романія, Сербія, Болгарія й навіть як Германія під боком у Франції, все-таки корисно для зросту космополітичних думок у сусід їхніх, котрі доти хазяїнували по їхніх хатах як «великі народи». Такі національні держави, які вони не єсть, а спиняють не тільки вояцьку й державну зневагу одних пород людських другими, а ще й кладуть «початок кінця» тому, щоб панство й багатирство (капіталісти) тих пород, що раніше набралися сили, висисало (експлуатувало) людей породи сусідньої й на господарському полі, і кладуть кінець тій спільноті, яка поневолі єсть в цій зневазі й цьому висисанню між державою, панством, багатирством і т. зв. «народом» державної й панської породи. Коли держава, панство й багатирство теперішніх «великих», «культурних» і т. і. пород будуть одіпхнуті в свої країни хоч би новими державами пород «менших» в Європі, а далі й в Азії, хоч би з їхнім панством і багатирством, і опиняться вид до виду з своїм «народом», тоді й «соціальний переворот» настане скорше. Так само може бути корисний навіть державний федералізм в Австрії й Росії, котрий би дав чехам, полякам (звісно там, де мужики — поляки), русинам, словенцям, словакам, сербам, хорватам, роминам і т. д., які вони тепер не єсть, свою волю на своїй землі. А всього корисніше було б, звісно, коли б серед усіх недержавних і мужицьких пород в Європі впорядкувались і розрослися гурти людей, котрі, оступаючись кожний за свою породу, були б в той же час і явними прихильниками громад мужицьких,— такі гурти, як, напр., громадівці фланандські, українські, чеські, сербські і т. і. Такі гурти не тільки зроблять думки про волю людську справді всесвітніми, бо занесуть їх в саму глибину усіх пород людських, а до того й поможуть людям пород панських і державних викинути з себе усі звички панські й державні. Мало того, такі гурти на перших порах вменшать силу поступових гуртів перед пород державних, бо одведуть од них якусь долю перевертнів до праці для пород недержавних, котрі вони були покинули, але потім вбільшать силу тих гуртів тим вже одним, що примусять їх теж зібратись кожному на своїм природнім ґрунті, замість того, щоб розкидатись скрізь, куди сяга межа державна. Безперечно, коли б усі понімчені слов'яни в Західній Пруссії або в

Австрії, слов'яни поугрені в Угорщині, пофранцужені провансали, бретонці й фланандці, пополячені русини, помосковлені українці покинули працю серед письменства й громадства (політики) пород державних, а вернулись до праці серед своїх людей, то державні письменства й громадства на час би втратили, а скоро б затим всі б виграли вже через те одне, що кожний би працював на своєму природному ґрунті. Як би там і де не було, а в Східній Європі, особливо в Росії, чується гаряча потреба в такому осіданню й розмежуванню праці, бо тут вона дуже вже нерівно поділена, бо тут дуже прикладається закон, що «у имущего и будет и преизбудет, у неимущего же аще что и имать быти, отнимется». І ми думаемо, що, напр., українці, осівшись з своєю працею на своєму мужицькому ґрунті, не тільки послужать своєму мужицтву, котре досі або обдирали, або обминали усі письменні люди, або не знали, як до нього приступити, а ще послужать і всім сусідам, і самим полякам, і москвинам, показавши ділом, що пора вже скінчити *кочування письменного* чоловіка думкою й працею «от финских хладных скал до пламенной Тавриды»⁵² і «od morza do morza!» З таким кочуванням можна служити кому й чому вгодно, тільки не народові, не мужикові, бо мужики — люди осілі й краєві, і в кожному краї різні!

Спільні ж справи, напр. спільна праця для волі і т. і., од того вже не програють, що їх зовсім не в силах ніхто залишити, навіть коли б і хотів. Українські ж справи так зчепляються з справами сусідніх людей навколо, і в Росії, й в Австро-Угорщині: з московськими, білоруськими, польськими, словацькими, сербськими й всякими іншими слов'янськими і не слов'янськими (напр., з волоськими через Буковину й Бессарабію, коли вже не говорити про Трансильванію), що українському громадському чоловікові, власне, з того часу, як він стане українським, ніяк не можна не стати чоловіком дуже широких думок федеральних, навіть інтернаціональних. Звісно, що близче всього для українського громадянина будуть справи сусідів його найріднішої породи й найподібнішої долі, себто слов'ян. Товариство всеслов'янське для громадянина українського мало чим не така ж сама потреба, як і товариство громад українських. І певно, що державні пута, котрі тепер плутаються на ногах українських, розтопляються тільки в вільній спілці всеслов'янській, до котрої початок мусить положити спілки всіх поступових товариств по слов'янських породах, особливо тих товариств і гуртів, котрі працюють просто для волі мужицтва слов'янського. Маючи завше такі думки, ми й досі в своїх виданнях говорили про справи слов'янські як про свої рідні і тепер в дальшій часті «Громади» вділили їм чимало місця, а наперед будемо видавати, поряд з «Громадою», окремий ряд книжок з значком «Слов'янська громада»⁵³.

ШЕВЧЕНКО, УКРАЇНОФІЛИ Й СОЦІАЛІЗМ

I

Із одної печі, та не одні речі. Шевченко вже не «безумний патріот». Шевченко ніколи й не був «сепаратистом». Шевченко — ворог Росії й Польщі й козако-український республіканець. Шевченко — ворог Росії. Шевченко — мирний патріот. Шевченко пророк «своєї хати й своєї мудрості», яка вберегає «дужими нігілізму». Шевченко — не соціаліст і не революціонер, а законний австрійський поступовець. Шевченко — не «современный украинофил». Шевченко — нігіліст і соціаліст. Шевченко — Христос і Белал¹. Шевченко для посвячених і непосвячених. Так завше з пророками.

Шевченко настільки великий чоловік для українства, що зовсім не диво, коли на його так часто оглядаються українці й неукраїнці, коли зайде розмова про українську справу. Лихо тільки, що досі ніхто не зваживсь докладно розсудити об тім, що таке справді Шевченко сам по собі й у свій час, а всі, хто бравсь писати про нього перш усього думали про себе, і кожний повертав Шевченка, як йому на той час було треба, та глядячи на те, перед ким говорилось про українського кобзаря.

Найбільш разючий примір такого повертання показав один із найближчих приятелів Шевченка, д. Куліш, який у 1857—61 рр. виславляв Шевченка як навіки славного громадянина, поета й навіть «першого історика» України («Эпилог к «Черной раде», 1857; «Чого стойти Шевченко яко поет народний», 1861), а в 1875—77 рр. знайшов у ньому тільки «п'янную музу, поддержанную худшими, а не лучшими умами своей родины» («История воссоединения Руси». — «Казаки по отношению к обществу и государству»)². В цьому прикладі крутіння Шевченка діло доходить до явного скандалу тільки через те, що його робить один, той самий чоловік. Тільки ж подібно, як д. Куліш, повертали Шевченка по-своєму й інші люди одної, тієї ж самої партії, яка вважала Шевченка своїм пророком,— українофільської партії в Росії й в Австрії. Так, українофіли, приятелі

Шевченка в Росії, говорячи про нього, налягали більш усього на те, що він не єсть або й не був «крайовий патріот», а інакше сказати, не має або й не мав того, що в Росії звуться «українським сепаратизмом».

В 1857 році, коли українолюбство ледве розправляло крила, підбите в 1847 р., та ховалось під захист московського слов'янолюбства, д. Куліш в «Эпилоге к «Черной раде», напечатаному в московській «Русской беседе» 1857 р., навіть іще не смівши назвати Шевченка по імені, й заговорив про цього «величайшого поета южно-русской поэзии, певца людских неправд и собственных горючих слез» ось як:

«Называют его безумным патриотом; а между тем он-то и нанес первый удар тому вредному местному патриотизму, который поднимает на ходули своих аттестованных историою героев и отворачивает глаза от доблестей соседнего народа,— тому патриотизму, который полагает свою славу не в успехах благоденствия целой страны, а в торжестве какой-нибудь партии или даже нескольких лиц, иногда, очевидно, во вред всему народонаселению... (??). Так! он доходил до безумия в излиянии своего гнева на беззакония людские; он был неистов, когда призывал небо и землю против тех, кого считал виновником страдания ближнего. Но кто же осудит поэта за то, что, поддавшись невыносимой боли сердца, он не соблюдал меры своим воплям?..»

Через кілька років д. Костомаров, другий товариш Шевченка по карі 1847 р., вже казав в українському місячнику, що в Шевченка ніколи й не було гріхів «безумного патріотизму». По слову д. Костомарова:

«Ни великорусы без малорусов, ни последние без первых не могут совершать своего развития. Одни другим необходимы; одна народность дополняет другую; и чем стройнее, уравнительнее, взаимодейственное будет совершаться такое дополнение, тем нормальнее пойдет русская жизнь. Шевченко, как поэт народный, чувствовал это и уразумел, и оттого-то его понятия и чувства не были никогда, даже в самые тяжелые минуты жизни, осквернены ни узкою, грубою неприязнью к великорусской народности, ни донкихотскими мечтаниями о местной политической независимости: ни малейшей тени чего-нибудь подобного не проявилось в его поэтических произведениях». («Воспоминание о двух малярах».— «Основа», 1861, IV, 53).

З малими одмінами слова д. Костомарова завше говорились українофілами в Росії, коли йшла прилюдна розмова про Шевченка. Ми самі говорили трохи подібне в «Неделе» 1847 р. і в «Киевском телеграфе» 1875 р. І таке говорилось зовсім не з нещирості, а через те, що коли декому з українофілів у Росії справді не хотілось виступати «сепаратистами», звісно, кожному по своїй причині (д. Костомаров, напр., виступав у своїх наукових творах після 1857 р. з думками про «федеративные начала» в усіх Русях; інші прямували до всесвітніх

соціалістичних думок), то їм не хотілось і признатись навіть і для себе, що їхній «пророк» був коли-небудь «українським сепаратистом».

А в ті ж самі часи в Галичині люди, які звали себе учениками й Шевченка, й Костомарова з Кулішем, вихваляють Шевченка, власне, як пророка козако-української республіки й повстання проти Москви (а перше говорилось — і Польщі) («Вечерниці»³, 1862; «Мета», 1863). Ще в 1872 р. д. Ом. Партицький у книжці «Провідні ідеї в письмах Т. Шевченка» говорив, напр., таке:

«В поезії «Кавказ», зверненій проти Росії, заповідається одверте повстання проти Росії («Пров [ідні] ід [еї...]», XVIII). Козацтво й черкеси — то (для Шевченка) два головні представителі волі й слави...» (там, 15). Ненависть Шевченка до царів, викликана історичними і сучасними споминами, має власний свій корінь в усposобленню й характері українця. Поняття волі, за котру стільки крові політо, в умі українця не знає граници. Вже такий нахил того люду, що збивається більше на форми республіканські, ніж на форми монархічні. З тої причини в Шевченка навіть добре й тихі (??), ба навіть біблійні, царі не дізнають пощади» (тамо ж, 17).

В 1877 р. д. Партицький знов казав, що «Шевченко був одвертим противником Росії і її панування над Україною» («Газ [ета] шк [ольна]», 1877, ч. 9), і всякий логічний чоловік мусив спитати: а Польщі? — а далі й: а Австрії, наслідниці Польщі в Галичині й помічниці тамошнього польського панства?

Рідко хто з галицьких народовців всмілювавсь держатись на логічному козацько-українському народовстві й республіканстві. З 1866 р. «молода» галицько-українська партія постаршала й прийняла до себе декого з старших, та ще й людей «із становиськом», а за приводом совітника й віце-маршалка Лавровського, пароха Качали⁴, директора Ільницького⁵ й ін. почала було не тільки миритись із австро-польською урядовою системою, а й сама ставати урядовою. Показалась потреба установити й урядовий погляд на Шевченка, якого раз уже партія признала за свого апостола.

Почалось із того, що в галицьких народовців із Шевченка почала спадати його неприхильність до Польщі, до магнатства, а зосталась тільки неприхильність до Москви. На прилюдних відчитах висувались уперед такі речі, як «Сон» (1870 р.), а такі, як «Гайдамаки», ховались назад. (Дехто робив подібне ж і в Росії, тільки навиворіт). Єсть такі, напр. редактор півурядової «Газети школальної», які й досі стоять на такому переполовиненню «апостола самостійності Русі-України». Другі ж, чесніші й логічніші, люди думали вправитись із ним інакше: вони попробували заплющити очі зовсім на політично-соціальний, а особливо на «гайдамацький» бік «Кобзаря». Розбираючи «Неофітів», д. Згарський⁶ каже, що «Кобзар наш... поставив нам великим, святым приміром образ терплячих за віру мучеників, християнських нововірців. Ні жовчию, ні местию не дише зболіле

серце нашого віщого. Не зазиває він земляків своїх до кровавої помсти на розпинателях, а до непоколебимої віри в правду» («Правда», 1868, 235). Другий критик Шевченка в газеті галицьких народовців львівський професор університету Ом. Огоновський⁷ не згоджується з цими словами д. Згарського, признається, що Шевченко говорив-таки в «Неофітах» про месть і т. ін. Та все-таки в його «Критико-естетичному погляді на деякі поезії Шевченка», а особливо в промові, яку держав проф. Огоновський в XII роковини Шевченка на зборі, на якому були й вищі урядники галицькі, поляки, Шевченко маюється перш усього «патріотом», який клопочеться найбільш усього об тім, щоб в українців була «своя хата, своя воля, своя мудрість!» Патріот той, звісно, любить народ, хоче волі йому, плачеться на неволю, та все-таки чоловік досить смирний, який проповідує «резигнацію», який радий обіймати й ворогів своїх, і т. ін. Не терпить чоловік той найбільше «чужої мудрості», через яку пропала й Україна слідом за Росією. По словах д. Огоновського:

«Шевченко радить землякам, щоб із науковою завітала в них мудрість своя, а не чужа, німецька. До прийняття мудрості німецької пани-українці не були ще приспособлені, а опроче культура чужа могла б таких недолюдків зробити каліками моральними, позаяк вони ні мови рідної, ні історії не знали... Розуміється, що такі недоуки, полизавши дещо німецької філософії, всяку віру в Бога мусили втратити. От і джерело сучасного нігілізму, що в деяких верствах вищого й середнього товариства в Росії неначе джума пагубна шириться» («Правда», 1873, 30—31).

Легко зрозуміти, що заховати політично-соціальний бік писань Шевченка було важкенько. Коли не в Галичині, то деінде, а на нього мусили звернути більшу вагу. Між іншим, це сталося у Цюриху—в 1873 р., коли там зібрались чимало українців і москалів із Росії, поляків і кілька русинів із Австрії.

В ті ж самі XII роковини Шевченка, коли читав свою промову проф. Огоновський у Львові, в Цюриху кілька русинів із Галичини зібралися теж святкувати роковини Шевченка, і д. С. С.⁸ виставляв як «головні признаки руського (українського) характеру, спільні з польським індивідуальність і сильну любов родини», напроти тих німців, які, дивлячись на цюрихських «росіян»,уважали їх русинів «eine russische Fraction von nihilistisch-kommunistischen Färbung» (це мусить бути московська партійка нігілістично-комуністичної барви). Для того, хто знов згадує тодішнє життя слов'янської молодіжі в Цюриху і польський музей гр. Плятера на цюрихському озері, де директором був звісний д. Духинський і де намальовано на стіні картину Східної Європи, на якій було написано, що «туранська Московщина» має ознаки: неволю й комунізм, а «арійська Польща з Руссю» — волю й індивідуальність, хто знов, як неприхильно дивилася більша частина цюрихських поляків на студентів і студенток із Росії, на їх «нігілізм, соціалізм, космополітізм» і т. ін., для того тільки й стане ясною про-

мова галицького оратора в Цюріху. Газета галицьких українофілів напечатала слова його без усякої уваги. Коли ж у тому самому Цюріху серед «росіян» (яких половина була з України) прочитана була стаття про Шевченка з поглядами, подібними до тих, яких держиться д. С [ip]ко, то редакція «Правди», даючи про те звістку, прибавила: «З деякими поглядами в [исоко] п [оважного] дописувателя, які годі нам тепер враз із одмінними нашими поглядами спеціально наводити, ми не годимося» («Правда», 1873, 340—344, 473). Телеграма ж, яку послала в спомин про Шевченка як «співця справи мужицької» цюріхська молодіж «малорусская и великорусская» до одного з товариств галицької молодіжі, так і не попала в печать.

Звісно, як не всилюйсь, а трудно було зробити з Шевченка смиренського уніатського попика під австро-польським урядом, як трудно було повернути й українське народовство на щось середнє між чиновницькою австрійською вірноконституційністю à la «Слово»⁹ й магнатською державноправністю à la о. Качала». І скоро довелось і народовцям галицьким накладати ясніші барви на сіреневий образ, яким намалював Шевченка д. Огіновський. В промові д. Вол. Барвінського¹⁰ в XIV роковини смерті Шевченка (1875 р.) Шевченко виступав уже більшим поступовцем, хоч усе-таки таким, що за малим помістився б в рамці австрійських порядків і тільки не містивсь у «московських». Звісно, й для д. Волод. Барвінського Шевченко — немов «історичний дух нашої народності», й через те, почавши говорити про Шевченка, д. Барвінський сходить на перегляд історії «Русі-України».

Цю ж Русь-Україну ось як високо ставить д. Барвінський: «Коли на заході доперва французька революція з кінцем XVIII віку мстить знехтовані досі права людськості й стає переломом для прав свободи одиниці, свободи віри, мислі й слова, Русь-Україна вже в першій половині XVII віку, отже, більше як о 100 літ уперед, розпочинає це велике діло всесвітньої культури». Тільки ж Україна хоч так випередила Францію йувесь «захід», а «довговікова борба нашого народу зовсім далека від комуністичних і соціалістичних переворотів, які проявилися на заході. Ідеал нашого народу не перечить природного устрою суспільності. Він не йде до комуністичного зрівняння всіх багатств, ані до соціалістичного зрівняння всіх людей після одної міри. Народний ідеал не перечить конечності витворення різних верств (клас) суспільності, але домагається зовсім свободного, нічим не упривілейованого переходу кожної одиниці з одної верстви в другу, свободного розвою всіх моральних і матеріальних сил кожної одиниці. Цей ідеал — це ненарушима підстава неустанного здорового життя економічного і морального — так у народі, як і в цілій людськості. Соціальна борба України так далека від комуністичних і соціалістичних тенденцій, як далека її борба народна й релігійна від народної й релігійної нетolerанції».

По словах оратора, Україні не судилося вдергатись із своїми ідеалами. Вона «упала разом із Польщею (sic!) перед престолом чужого сусіда» і осталась позаду ходу, на який ступили другі народи після французької революції, заснула, аж поки не розбудив її Шевченко й не звернув на стару дорогу. Тільки ж тепер українці д. Барвінського не стануть поновляти старої Січі, воєнної,— «грубої сили», а заложать «моральну Січ — щирого патріотизму» й спокійно можуть сказати своїм сусідам: «Не страхайтесь нас! Ми не йдемо до революції, ми не шукаємо переворотів, ми йдемо законною дорогою, в нас нема ні слова неправди (?). Не страхайтесь — ми не спроневіrimось завіщанню Тараса Шевченка... він кличе до нас: «обніміться, брати мої, молю вас, благаю!» Так говорить українофіл-оратор і кінча стихами Шевченка, оберненими до його ж:

.....жива
Душа поетова святая...
І ми, читая, оживаем
І чуем Бога в небесах!

Дд. Огоновський, С. С., Барвінський і інші недурно згадували про «нігілізм», «соціалізм», «комунізм», «революцію» й т. ін., яких би то нема в Шевченка й у його духовних синах. Ці згадки показують, що на Україну насуvalась нова хвиля європейських думок, на цей раз більше через Московщину, яка, маючи в собі все-таки центр із людьми, по-європейському вивченими в Петербурзі, багато в чому випередила Україну. То була хвиля матеріалістичних і соціалістичних думок. Хвиля та застала й на Україні російській, і в Галичині вже міцний культ Шевченка, якому вже кланялись не самі тільки українофіли «Правди», а й «москалофіли» «Слова», й рутенці «Друга», й самого «Руского Сиона», так само як Христу кланяються й лютеранці, й папівці, й святійший синод петербурзький, і кланялись якийсь час і деякі соціалісти.

Деякі люди «нових думок» на Україні тим більше могли пристати до культу Шевченкового, що справді між їхніми думками й Шевченковими було більше ниток, ніж між Шевченком і «Словом» або «Р[ускім] Сіоном»¹¹, та й самими українофілами «Просвіти»¹² й «Правди», які, не вважаючи на їхні акафісти Шевченкові на своїх зборах, боялись пускати з нього хоч що-небудь у мужицтво. Тут же з'явилось празьке видання «Кобзаря», в якому багато, особливо противуцерковних, віршів показалось у печаті перший раз. Видавці попробували пустити ці вірші не тільки в панство, а й у мужицтво, поробивши маленькими книжечками одбитки таких речей, як, напр., «Марія»*. Потроху в деяких кружках на Україні й у Галичині стали

* Замітимо при нагоді, що ця проба «пропагандного» видання Шевченка зроблена була без системи, як можна бачити й з того, що вибрано було й як зведено докупи в цих «метеликах» із Кобзаря (1. «Сотник», «Марина», «Титарівна»; 2. «Княжна», «Варнак», «Петрусь»; 3. «Неофіти», «Марія»; 4. «Відьма»), так із того, що навіть таку річ, як «Неофіти», напечатано було

ходити думки про Шевченка, дуже подібні до тих, які виложені в статті д. С [ip]ка *.

Звісно, і в Росії, і в Австрії знайшлося багато людей, які або не мали прихильності ні до нової української партії, ні до підновлених і підбавлених творів Шевченка, або налякалися, коли б і їх не зважено за членів нової, небезпечної партії, або й те й друге вкупі. От і почали — навіть прославлені шевченколюбці, або вигороджувати Шевченка (й себе) з нової партії, або ділити його писання на вівці й козл [иш], або винуватити цілком і Шевченка й нову партію, або бормотати таке, що й второпати не можна.

Цікаво, що один із перших прокурорів нової партії, очевидчаки, колишній українофіл, тільки, здається, ще «доосновський» козакофіл, д. Z., автор прокурорської, коли не жандармської, статті в катковському «Русском вестнике» — «Современное украинофильство» (1875 р., ч. II) ¹³, попробував виділити Шевченка од таких «нігілістів і інтернаціоналістів в українофільській шкурі», як, напр., автор статті «Література російська, великоруська, українська й галицька» ¹⁴, поставивши їм у батьки з старших українців не Шевченка, а Костомарова, «представителя отрицательной, можно сказать, разлагающей школы украинских писателей». «Как вы смеете,— кричит цей старий українофіл на «современных»,— как вы смеете зачислять в ваши ряды таких людей, как Гоголь, Максимович, Метлинский, Квитка, Котляревский, людей очень неравных по таланту, но сходных в том, что любовь их к своей родине и языку нисколько не мешала им быть истинно русскими, любить искренно общее отечество и ставить общее выше частного! ** Шевченко и другие (?) истинно художественные таланты не принадлежат вашим рядам».

Трошки вище той же д. Z., який сердиться на «костомаровську школу» за те, що вона виступа й у історії України проти старшини козацької за «чернь», яка буцім була гірше для України, ніж польське панство, Шевченка зве «лучшим сыном Русо-Украины».

Незабаром далеко славніший українофіл, «основський» корифей д. Куліш, виступивши проти «нігілістів і соціалістів» «современных» і козацьких часів, уже назвав і Шевченка «худшим, а не лучшим сыном своей родины», бо, по його словах, тільки «худшие, а не лучшие умы его родины поддержали» його «пьяную музу».

без усякого пояснення цілком невідомих мужикам речей. Нарешті, це видання, зроблене в 1876 р., дало сконфіскувати аж у 1877 році товариство «Січ» ¹⁵, яке поставило на йому свою фірму, а нічого не зробило проти тієї цілком беззаконної конфіскати!

* Т. Г. Шевченко і його думки про громадське життя («Громада», ч. 4, ст. 39—99, Женева, 1879).

** А згадати при нагоді, в Котляревського, Квітки та й у самого Гоголя в «Вечерах на хуторе» «москалененавидение» було далеко більше, ніж у «современных интернационалистов в украинофильской шкуре». Тільки й того, що при всьому тому Котляревський, Гоголь і т. ін. були *vіronopіddаними!* А таких тонких речей, як «общее» та «частное», в ті часи люди й не знали.

В Галичині комедія з ніглізмом, соціалізмом і Шевченком справлялась подібно, тільки по-своєму. В Росію рідко заходять галицькі часописи, а деякі зовсім не заходять, і через те ми думаємо, що не зайде буде розказати про цю комедію трошки більше.

В Галичині ця комедія стала тим жвавішою, що там у 1877 р. случились два судові процеси проти соціалістів, кількох українців і одного поляка, прокураторія зробила кілька обшукань по хатах у русинів і навіть у деяких товариствах, як «Академ [ический] кружок», «Просвіта» й ін. Звісно, як деморалізована публіка галицька, польська й руська. Всі партії й партійки кинулись доносити одні на одних: ти, ви, мовляв, джерело соціалізму й ніглізму! У «Слова» таким джерелом виходили поляки й україnofіли, у польських газет — «Слово» й попівство руське та Москва. Галицькі україnofіли переплякались і почали звертати ніглізм і соціалізм на саму «Москву».

«Соціалізм і ніглізм,— писав молодий професор гімназії Євг. Желехівський¹⁶, якому довелась немала роль в комедії з ніглізмом і Шевченком,— соціалізм і ніглізм розширені тільки в північній Росії, котра переповнена тайними створишеннями й закинена множеством того рода часописами й книжками. Усилля *північних новаторів* розширяти свою пропаганду також на Малу Русь не осягнули результату. Вони видали вправді пару книжечок на малоруському языці й позискали кількох людей; але загал русинів так на Україні, як і в Галичині, виступив рішуче проти сеї пропаганди й зірвав із тими людьми всякі зношення. Доказом того українські органи в Росії (які?) й львівська „Правда“» («Рускій Сіон», 1877, № 10).

Україnofільська газета «Правда» кілька разів за 1877 р. сказала те ж саме. В статті «Прояви соціалістичні між українцями й їх значення» (написав Будеволя¹⁷, автор статті про Шевченка в «Вечерницях») «Правда» напечатала великими буквами, «що українські соціалісти є причепи до соціалістів московських, попхнуті туди російським правлінням». У статті «Лжепророки» «Правда» признається, що галицькі народовці:

«Поклали пункт тягості на придніпрову Україну, піддалися добровільно під духову супремацію і гегемонію братньої інтелігенції з-над Дніпра, бо там була гідна презентація нашої ідеї, підтримувана наукним трудом такого Костомарова, Антоновича, або таким об'явом чесного і дорогого рідного слова такого Вовчка, Куліша, Стороженка, Нечуя й інших».

«Так було,— каже «Правда»,— аж донедавна. Аж не з'явились лжепророки — нові гетьмани... експлуататори народу й України, що засіли чванливо на горах чужих, де нема ніяких тюрем, де тобі губи кулаками не заткають і в такій ліберальній формі висисають кров народу, буцім в ущасливлення його, за котре вони при такім тоненькім розумі, яким вони величаються, не зуміють сказати, коли воно буде і яке воно буде! Сотки рублів видають на вигідне життя по метрополіях чужих, сотками оплачують далекі дороги, сотки видають

на публікації, з яких та поміч народові, що з торішнього снігу» й т. д. «Коли б,— каже дальнє галицький український орган,— придніпрянська інтелігенція узнала проводирство таких лжепророків, ми б тоді, хоч із страшним, пекучим болем у серцю, мусили б узяти розбрат із тою інтелігенцією, хоч так нам дорогою, а цілу одвічальність за це мусили б зложити перед історією на лжепророків!»

Тільки ж, каже публіцист «Правди», «ми знаємо напевно, що загал інтелігенції придніпрянської далекий від того, щоб віддатися в найми (!) лжепророкам»,— і почина й кінча добивати лжепророків соціалізму на Україні іменем українофільства й стихами Шевченка!

«Правда» мала коли не резон, то повід писати таке, бо, минаючи навіть те, що вона сама була підновлена, а «Товариство імені Шевченка»¹⁸ було заложене на гроши, прислані з України в 1873 р., коли вже галицькі народовці доволі показали себе на тій дорозі, на яку вони стали слід за совітником, віце-маршалком і банкіром Лавровським¹⁹, навіть у 1875—77 рр., коли вже вона виступила проти соціалізму, і в самому 1878 р., після всього того, що було понаписувано в «Правді», до неї слались писання людей «із придніпрянської інтелігенції», яка, звісно, належить до духовної церкви Шевченка.

Духовні сини тієї церкви у Львові не стали на показаних вище словах. Після арештів у Львові вони так і такими словами почали одхрещуватись од ніглізму, соціалізму й революції і від тих, кого в ній обвинувачувано, одхрещувались раніше, ніж іще сказала своє слово прокураторія, що зарані передавали в руки прокураторії земляків своїх. Мало того. Автор «Провідних ідей в письмах Т. Шевченка», тепер впорядчик «Газети школьної» у Львові, пригадав нові вини лжепророків соціалізму в Галичині, вини й перед українською громадою, й перед австрійським начальством. Він перепечатав із «Руского Сіону» лист, очевидячки, написаний теж галицьким народовцем *:

«Соціалісти на Русі. Читаємо в «Рускім Сіоні», ч. 18: «В послідніх роках ділано зі сторони російських соціалістів старання, щоби перенести соціалістичну пропаганду також на Україну й Галичину. Они з'єднали собі навіть на Україні для своїх теорій одну дуже знамениту особистість, п. Драгоманова, професора Київського університету, занимавшого на полі науки й літератури дуже важне становисько. Ви-

* «Рускій Сіон» — перш усього орган вищого попівства львівського і вже через те ультрамонтанський. Тільки ж від часів, коли при «Правді» розсылались виборчі маніфести о. Качали (1873 р.), показались видніші нитки між ультрамонтанами й галицькими народовцями-українофілами. «Р[уський] Сіон» став печататись у типографії Тов. ім. Шевченка, не раз хвалив «Правду» й народовців, особливо в часи нагону на ніглістів і соціалістів. Нам самим траплялось чути навіть од світських галицьких народовців, що унія — саме українська віра, бо вкупі і православна, і не московська! А між молодшим попівством галицьким народовців і українофілів масти «Правди» вже набралось чимало.

ступлення цього мужа в цій пропаганді могло бути дуже шкідливим, тим більше, що, будучи одним із провідників малоруського руху в закордонській Русі, мав він на тамошню інтелігенцію незвичайний вплив. Однакож розвага й здоровий розум Русі побідили. Русь не пішла на цю нову небезпечну дорогу, на яку її спровадили усилувано, й оставила п. Драгоманова. Вона показала наглядно, що й і не сниться о напрасних переворотах, маючи вести до осуществлення якихсь безмисльних утопій, з котрими ніяке порядочне общество стояти не може, але що стоїть кріпко на вікових засадах людськості, й стремить до отримання свого биту на дорозі *природнього й законного* розвою. По тій причині не лишалось п. Драгоманову нічого, як під пресією уряду оставити Росію, де всякий вплив стратив. Він удався до Галичини й шукав тутки поля до свого ділання. Вже перед тим був він тут знаний, стояв із многими людьми в літературних зношеннях і мав для своїх праць наукових багато почитателів. Однакож Галичина стала мов один муж напротив його нових соціальних теорій. Надармо грозив Драгоманов, що скомпрометує їх товариства, іменно: «Просвіту», «Товариство імені Шевченка», если йому не послідувати. В одвіт на все тоє зірвали всякі зношенні з п. Драгомановим і виповіли в своїх виданнях місце для його праць, котрі почали прибирати небезпечний характер. Не осягнувши своєї цілі, опустив п. Драгоманов Галичину, а виїжджаючи за границю, зав'язав стосунки з кількома академіками, наміряючи зробити їх орудіями своєї пропаганди. Молодці дали увлечись: чи не свідомі добре діла, чи, може, інтересувала їх новість, чи в кінці схліблляло їм те, мати до діла з таким славним чоловіком. На щастя, вдалося правительственим органам відкрити цю переписку вже в початках і запобігти всім можливим наслідкам. Сожалімо за тими молодими людьми, котрі, може, й несвідомо пустились бездоріжжям і тим самим загородили собі в нашім краю будучність; однакож, із другої сторони, вважаємо то щастям, що зараз із початку запобіжено злому й здержано його розширення. Молодіж наша буде тепер осторожною, а ми віримо, що навіть обвинені гірко десь жалують свого нерозважного кроку».

До цих слів д. Партицький, на той час товариш предсідателя в «Просвіті» і, значить, чоловік, який міг знати добре хоч те, чи справді хто-небудь «грозив» «Просвіті» чим-небудь, додав од себе такі слова:

«Справа соціалістична представлена в «Рускім Сіоні» в цілості правдиво. З нашої сторони додамо тільки, що особа п. Драгоманова є і досі ще для нас загадочна. Если правительство російське знато, що п. Драгоманов є небезпечним соціалістом, так дивно, чому його, як інших соціалістів, не повезено на Сибір, а позволено йому їхати до Галичини і тут розвивати чинність, небезпечну і для самої Росії. Книжки соціалістичні, друковані п. Драгомановим і призначенні до Росії, звичайно, доходять тільки до Львова і тут у готелю англійським розпаковуються з таким гуком і стуком, що зараз увесь Львів і всі

консули російські о цілім небезпечнім транспорті знають. Рівночасно з транспортом книжок приходять до Галичини безчислені листи від п. Драгоманова, з його ж підписом на конверті, і, очевидно, у всіх адресатів відбуваються ревізії, бо правительство діланням п. Драгоманова направду затривожене. А тим часом під претекстом якогось соціалістичного руху відбувається на цілій Україні, дійсно, якби який суд страшний. Нам доносять очевидці, а дневники віденські в цілості тоє підтверджують, що в Харкові, Полтаві, Києві і майже по всіх селах українських відбуваються так численні арештування, що донині около 10 000 (!!!) русинів перевезено на Сибір. Дійсно, п. Драгоманов є або тільки простим орудям у руках ворогів Русі, або чинить у добрій вірі, але по-дурному. В однім і в другім випадку чинність його є небезпечна і для Русі шкідлива».

От таким-то людям, які спосібні були це все понаписувати, довелося справляти і в 1877 р. звичайну службу в роковини апостола й пророка божого Тараса, і в такий час, коли поліція почала хапати тих із богомольців того ж апостола, які признались і до сатани соціалізму. Тонка нитка шевченколюбства в Галичині мусила ввірватись. Перш рвонули її з того боку, який і досі є найлогічніший, коли не найрозумініший в Європі (і через те й досі найміцніший!) — з ультрамонтанського!

Почалось у маленькому місті, в Станіславові. В 6 ч. «Газети школьної» 1876 р. з'явилася звістка з цього міста, що там «члени філії «Просвіти» святкували річницю смерті вічнопам'ятного нашого поета Тараса Шевченка». «Не знаєм, оскільки інформації наші опираються на правді, досить, що катехит семінарії учительської в Станіславові мав заказати ученикам семінарії брати уділ на тім вечорі поминальнім. Ісля зважимо, що той вечір головно був устроєний учителями Станіславова (між якими тепер стало кілька «народовців-українофілів»), то заказ отого катехита був би лише обв'яром ревності зовсім підозріального рода»*.

Катехит (Н. М. Огоновський) не змовчав і, згадавши, що ще недавно сам папа благословляв редактора одної польської газети «давити лібералізм, а найбільше той, що, окутувшись у полотно уміркованості, змагається лучити Христа з Белілом», написав до «Р [уского] Сіону» відповідь, у якій каже, що він нікому не заказував іти на вечір Шевченка, бо не знав, що він буде, а коли би я був знав, то:

«Заявляю публічно, що если би я був знав, що в Станіславові устрояється вечер в пам'ять Шевченка, то був бим ученикам моїм з кафедри заказав уділ в тім же брати, хоть би го і всі здешні учителі разом устроювали».

* Останні слова д. катехит зрозумів так, що про його питання: «Чи не москаль він?» «Газ [ета] шк [ольна]» не згодилася, та тільки не пояснила, що то значить «ревність підозріального рода».

«Відомо загально, що межи молодіжжю шкільною шириться чимраз більше «невірство», а по крайній мірі, бодай апатія до релігії. Усилія катехитів, хотя би і найусерднійші, суть по більшій часті безплодні вже по тій причині, що неопитна, а фантастична молодецька виображення для «ложних пророків» череззвичайно восприемчива. Одно єще було отрадою нашою, що в нас не було ще до сих пор *контррелігійних писем* в язиці руськім. Тепер однако і тії появилися, а то *вроді поезій Шевченкових!!* Прошу переглянути особливо II том «Кобзаря» Шевченкового, виданого в Празі 1876, котрий «Просвіта» з таким запалом межи молодіж розпространяє, а убідиться ч [ільна] редакція, скільки там богохульних ересей і нігілістичної гнилі. (Важнійші уступи наводжу в дописі)».

«Треба в самій річі діло неучтивих людей в належитім світлі представити і здискредитувати, бо гідра погана піднесе ще з більшою гордістю голову свою».

«„Газ [ета] школьна“ і п. редактор знають безсумнівно, що я русин, но і священик заразом,— що мні повірене от в [исоко] преосв [ященого] архіерея релігійно-моральне образовання молодіжі шкільної, що я одвічальний за тую должності, на мене вложену перед Богом, моїми властями духовними, моїм народом і совістю моєю. А позволить собі п. редактор сказати, що не то катехит-священик, но і кожний учитель, чоловік совісний, не повинен допустити, щоб молодіж брала участь во вечері, де Шевченко ставляється *«ідеалом всякого совершенства»*, *«первим громадянином»*, де заохочуються присутствуючі до читання і ізучення творів великого поета, котрий писав, правда, прехороші річі, но писав ось як:

На апостольськім престолі
Чернець годований сидить... і т. д.

А на іншім місці:

Світе тихий!.. і т. д.

Що ж доперва сказати о «поемі» «Марія», де о таїнственому воплощенню сина божого поет от як говорить:

.....уже зірница
На небі ясно зайнлялась;
Марія встала та пішла
З глеком по воду до криниці,
А гость (Арх [ангел] Гавр [иїл]) за нею,
І се в ярочку догнав Марію...»

Як бачите, д. Н. М. Огоновський поставив свою думку просто й ясно. Того ніяк не можна сказати про тих, хто виступив на оборону Шевченка. «Правда» пробувала було подивитись на д. Огоновського згори вниз, та сама не посміла витримати свої очі. В статті «Образок руського ультрамонтанства» (ч. 7, 1877) вона одповіла катехитові, що «стійність поетів і їх заслуга не міряються після їх віри в догмати», але тут же з'їхала не тільки на те, що Шевченко оступався за «закованих братів», що й «християнство піднялось за нижчими», на те, що

cateхит Огоновський, «нападаючись на Шевченка, показав, що він не піймає головної сторони християнства і, хоронячись за горду тіару, забуває на вбогий Віфлеем», а й на те, що Шевченко мав право не знати догмату «неомильності папи», що він писав Марію в 1859 р., цебто раніше, ніж Пій IX створив догмати «тайнственного воплощення» (який говорить про безгрішний рід Марії, а зовсім не Христа). Це все тим уже не йде до речі, що в поемі «Марія» Шевченко виступив за границю не тільки ультрамонтанства або католицтва, а й християнства!

Ще гірше стали перед сміливим cateхитом інші народовці, дд. Желехівський і Партицький. Д [обродій] Желехівський, учитель із Станіславова і член філії «Просвіти», яка урядила споминки Шевченка, перш усього не згоджується, щоб між молодіжжю була нерелігійність; напроти, каже, «молодіж наша зберігає в собі великі задатки релігійності» (тоді як «Правда» признається, що «невірство дуже обгортає молодіж», тільки, каже, «причина того не постала ні з часу заснування «Просвіти», ні задля празького видання «Кобзаря»). Д [обродій] Желехівський каже далі, «що молодіжі небезпечно подавати в руки антирелігійні письма, на тоє згодимося, певно, всі, однакож цей закид не можна робити ані Шевченкові, ані „Просвіті“». «Шевченка,— каже д. Ж [елехівський],— хвалять і російські писателі, і мало знайдеться між поетами більш релігійних від нього,— на доказ чого й приводить виписки як із російських писателів, так і з Шевченка.

«Коли ж, мовляв, і виступив Шевченко проти тих, хто скривляв завіти Христові, і виривалось йому слово, котре читателя разити може і з котрим тяжко згодитись, то це походить не з злії волі, але з надміру ревності... Правда, що в письмах Шевченка находитися пару утворів, з котрими не згодимося, але вони не кидають ще злії тіні на поета. Ісли в поемі «Гус» виступає він проти папи, в двох чи трьох місцях неприязно виражається о езуїтах, то цього упереджування годі йому яко православному (тільки!) взяти за зле... Додам ще й тоє, що таких уступів дуже мало і що всі вони не мають великої стійності, бо писані тоді, коли дух Шевченка тяжкою неволею вже зломлений був».

Далі д. Желехівський спускається до такої школянської оборони своєї партії:

«Одповім ще на злобний закид, будьто би товариство «Просвіта» насилу пхало молодіжі том II празького видання (в котрім, власне, ті мрачні уступи находяться). Позволю собі дати о. Огоновському в сім згляді одне важне пояснення. Празьке видання уряджене в той спосіб, що всі перли Шевченкової музи поміщені в першім томі і, властиво, цей тільки том призначений для загалу. В том другий входять твори слабші, проти російському правительству вимірені, межи ними також і мрачні уступи; він призначений лиш для тих, котрі спеціально студіям о Шевченку отдаються. З сеї-то причини напе-

чатаний том II в далеко меншім числі, і хоті й менший об'ємом, коштує дорожче. Єсли ж уже висока ціна (том I: 2 злр., том II: 3 злр.) немного дала би купців з-поміж молодіжі, то заховувала «Просвіта» (як довідується) ще і ту остережність, що том I продавала кожному, том II же тільки старшим людям. Таким чином розпродала «Просвіта» том I цілком, коли тим часом том II ще і досі в значнім числі у неї находититься *. Щодо засад, яких «Просвіта» придержується, то знає се кожний, хто бодай трохи з нею ознакомлений, що поставила собі найважливішою цілею ширити в народі релігійність і моральність. Се видно аж надто у всіх її виданнях, сего перестерігає вона і при комісовій розпродажі чужих книжок. Єсли же у Станіславові дісталися через неувагу деякі примірники другого тому межі учеників, то не винувата сему «Просвіта», але неосторожність нас самих, засідавших в філії общ[ества] Качковського».

Подібно ж викручується й «Газета школьна» (ч. 8—11), добавляючи до резонів д. Желехівського ще й такі, що буцім «Світі тихий» вийнято з поеми «Гус», тоді як у празькому виданні ясно помічено: «Ці вірші у «Правді» 1873 р., ч. 15 надруковані як частина поеми «Гус» (писана в 1845 р.), але у власному рукопису Шевченка вони означені датою 1860 р.»²⁰ В кінці, мов, для того, щоб показатись найприхильнішим до церкви, д. Партицький, слід за о. А. Торонським²¹ із «Р[уского] Сіону», доносить на книжку «Байки-небилиці», видану друкарнею Білоуса в Коломиї з народними казками про Бога, святих, попів і т. ін., як про таку, в якій є «много такого, що вірі й моральності є шкідливе!»

Редакція ультрамонтанського «Р[уского] Сіону», печатаючи лист д. Огоновського, сказала сама, що «соглашаємося взагалі з поглядом д. Желехівського на Шевченка», і, подаючи раду, що «добре б було зробити таке видання, в якім би лише вибрані моральні й релігійні твори того ж поета предкладали молодіжі», сподівалась, що « знайдуться уміркованіші люди, котрі тих кількох роз'ярених погодять». Нам же здається, що згода може настати й просто між «самими роз'яреними», бо самі дд. Желехівський і Партицький недалеко одійшли від катехита Огоновського, який сам каже, що Шевченко написав «прехороші речі», хоч писав і «єретичні». І справді, д. Партицький, як ми бачили, погодивсь із ультрамонтанами як у нападі на «Байки-небилиці» (яких багато взято з наших «Малорусских (народних) преданий и рассказов»), так і в поході проти «соціалістів на Русі».

Щодо Шевченка, то згода між галицькими народовцями, такими як дд. Партицький і Желехівський, і попівством зводиться на те, що Шевченко був і ангел, і агтел. Та ж сама думка трошки інакше говориться в «Правді» і в листі д. Желехівського, цебто, що не всі твори Шевченка зрозумілі й приступні для молодіжі і для народу (*ad usum populi*), так само як і біблія, і що деякі твори апостола Русі-України

* І тому майже все видання вивезено в Росію.

треба залишити тільки для старших і для «спеціально студіюючих». Один Шевченко вийшов для посвячених, другий — для профанів!

Так-то крутили на всі боки українофіли в Росії й Австрії свого пророка, аж поки в Росії його прокляв найближчий його приятель, а в Австрії його поділено надвое. Так завше й буває з «пророками», на яких їх обожателі не дивляться *об'єктивно й історично*, а тільки *абсолютно*.

Як же мало думали говорити так про Шевченка навіть найрозумініші, найбільш звичні до історичного способу думання земляки його, показує, напр., стаття д. Костомарова «Воспоминание о двух малярах», у якій ми читаемо такі слова: «Шевченко был избранник народа в прямом значении этого слова; народ как бы избрал его пять вместо себя... Шевченко сказал то, что каждый народный человек сказал бы, если б его народное чувство могло возвыситься до способности — выразить то, что хранилось на дне его души... Шевченко возвеститель народных дум, представитель народной воли, истолкователь народного чувства».

Те, що в д. Костомарова говорилось усе-таки світською мовою, те в Галичині вже просто перекладалось на церковну — і Шевченко здавсь і в промовах, і в телеграмах, які посилались щороку в день його смерті, «святым мучеником, пророком і апостолом Русі-України». А звісно, що ніхто так не мучиться, як святі, пророки й апостоли, од тих, хто їм кланяється. Починається з того, що кожне слово пророка стає святым, не розбираючи, коли, як, при чому воно сказане. Далі кожний вірний примазує до святих слів свої, святити словами пророка кожну свою думку, вибирає з тих слів, що йому треба, перекручує їх. Появляється купа Петрів, Павлів, Симонів-волхвів²². Тонкі люди з вірних починають ділити науку на тайну і явну. Починається таке, що й справді святий не розібрав би, коли це якому вірному самому захочеться стати пророком або привидиться йому Діоклесіан у жандармському мундирі. Тоді пророк стає посланцем не Єгови, а Сатани, тоді ікона пророча летить у болото! *Sic semper prophetis!*²³

ІІ

Потреба об'єктивного й історичного суду над Шевченком. Недостача матеріалу для такого суду. Празьке видання «Кобзаря» й спомини найближчих приятелів Шевченка. Школа Шевченка: Шевченко в Петербурзі й «Маяк»; Київський слов'яно-український кружок 1845—46 рр. і українська публіка того часу. Шевченко як поет: романтична школа Шевченка; наскільки Шевченко поет мужицький, простий і реальний? Одміна Шевченка од поетів «натуральної» й «соціальної» школи. Думки Шевченка про віру: «благочестіє» (православіє); вільне,

індепендентське біблейство; вільнодумне кощунство; вільнодумство в віршах Шевченка й українофільська праця 1857—1863 рр. Думки Шевченка про державу та громаду й зрист їх своєкрайнство, козацтво, народоправство; нелюбов до Польші, до Москви; ненависть до царства; мужиколюбство й ненависть до панів. Грунт громадських думок Шевченкових: козацька й гайдамацька Україна й бажання українського мужика та вільне біблейство; одміна Шевченкових думок од новішого європейського соціалізму. Шевченкова праця в громаді до тюрми й по тюрмі: чи був у Шевченка ґрунт для постійної громадської та ще й революційної праці? Грунт та-кої праці в Європі; кийське товариство 1845—46 рр. і життя Шевченка на Україні до неволі; що руйнувало Шевченка однаково на волі й неволі? Невпорядкованість української праці в 1859—60 рр.; самота Шевченка й життя день за днем у Петербурзі й на Україні; припадковість виступів Шевченка в громадах. Сила Шевченка: поетична натура, здоровий розум, мужицтво. Користь із «Кобзаря» для мужицтва й для громадської проповіді: користь із неполітичних творів; потреба вибору образів і думок із політичних творів.

Кожного чоловіка, кожного писателя тоді тільки можна оцінити як слід, коли роздівимось на нього власне історичним, об'єктивним поглядом, та ще й на ґрунті тієї громади, в якій він виріс і працював. Таке досліджування «пророків» показує, що дійсно пророків, «всеселых выразителей народа» і навіть для одного «часу» ніколи й не було. Таке досліджування розбиває ідоли, святі мощі, та зате дає тільки правдивий погляд на померших пророків, а ще й міцну нитку, щоб провести нас у будуче слідом не за особою з усіма її часовими й особистими одмінами й хибами, а за думкою.

Отже, Шевченка ніхто ще так не дослідив історично й об'єктивно ні як поета, ні як громадського чоловіка. Та це й не так-то й легко, бо близькі до нього люди не дали нам основи для такого досліду ні докладними звістками, ні навіть повним і добре впорядкованим виданням того, що він писав.

Щоб далеко не ходити, спинимось на празькому виданню «Кобзаря», про яке говорять видавці як про повне, зроблене по власних рукописах Шевченка.

Перш усього те видання кидається в очі чудовим поділом на дві книги. Очевидчаки, видавці прилагоджувались до російської цензури, виділяючи в першу книгу таке вже невинне, що вже ні до чого й прилепитись. А коли й у раньших виданнях «Кобзаря», в тім числі й у кожанчиковському²⁴ (яке, певно, порядкував хтось із близьких

Шевченкові людей), стихи його поставлено зовсім не в часовому порядку, то тепер через поділ усього «Кобзаря» на дві книги: цензурну й нецензурну — стало вже зовсім важко вдергати порядок, як росли думки поета про те та се. Коли згадати, що, окрім такого поділу «Козбarya» на цензурний і нецензурний, кожна книга празького видання пущена «з додатком споминок про Шевченка Тургенєва й Поплонського, Костомарова й Микешина»²⁵, про які, як про щось основне, виголошується на передніх листах, немов вони прибавляють щодо ціни самого «Кобзаря» або прикривають його своїми крилами, то це видання стане пам'ятником опортунізму, прилагоджування «духовних синів» Шевченка до російських казъонних порядків. Із найближчих людей до Шевченка знаходимо там споминки тільки одного д. Костомарова. Та й ті так мало дають матеріалу для історії власне духовного чоловіка, Шевченка, що просто дивуєшся, коли читаєш, напр., у д. Микешина: «Н. И. Костомаров мог бы дать самые точные разъяснения», а од д. Костомарова чуеш: «Я не могу похвалиться особенною с ним близостью, так что в этом отношении мне известны были лица, более с ним связанные задушевными узами, чем я, и более меня зналые особенности его жизни». А споминів тих-то людей — і нема! В самого д. Костомарова про найцікавіше, про життя його з Шевченком у Києві і про їхнє товариство слов'яно-українське, не бачимо ні згадки. Глухо споминається тільки «отъезд (!) Шевченка из Киева в январе 1847 г.» Ясно, що цензура закувала перо славного історика у Празі!

Нарешті, й тексти самого «Кобзаря» в празькому виданні напечатано без усякої системи. Перш усього не зроблено огляду тих текстів, печатних і рукописних, із яких зроблено видання, не сказано, які тексти взято за основні; не показано в кожному випадку, чому вибрано той текст, а не другий, хоч зате іноді бачимо, що в примітках показані, мов одміни (варіанти), навіть помилки шарлатанської ліпської книжки «Сочинения Пушкина и Шевченки»²⁶. Приглядаючись, можна догадатись, що основою для празького видання були кожанчиківське та львівське, до яких підбавлено нове з рукописів і по яких пороблені, тільки не скрізь, поправки по рукописах *. А як де, то взято за основу рукопис, а внизу поставлені одміни по печатних виданнях, та тільки з такими неакуратними значками, що часом зовсім запутаєшся. Так, напр., про «Неофіти» сказано, що їх напечатано по рукопису, що заставсь у д. Марковички з одмінами по львівському й кожанчиковському виданню. А під першою одміною показано: «Перш [ий] рук [опис]», далі «рук [описний] вар [іант]». Які це рукописи? Треба було сказати, тим паче, що й львів'яни кажуть, що їхнє видання

* Так, напр., в листі «До Основ'яненка» читаемо: «Поборовся б з *кацапами*», а внизу стойть «Поборовся б з москалями (з власн. рукоп. Шевченка)». «З *кацапами*» — чие ж це слово? Чи Шевченкове, чи львівських видавців? Таких примірів немало.

(дуже нелагодне!) зроблене по рукописах, хоч вони напечатали, як Шевченкову, зовсім не його пісню «Ще не вмерла Україна»²⁷, яка так подібна до Шевченкових, як «Душечки часок не видя» — до Пушкінових. Словечка: «перш. рукоп., рук. вар., льв. вид.» або «перш. рукоп.», «справлено рукою Тар. Григор. по власному рукопису» — завше бачиш під одним [i] тим же текстом, а звідки взято самий текст, чи з першого рукопису, чи з другого, чи просто з власного рукопису, — не бачиш. Через це всі ці одміни не помагають тому, щоб точно прослідити хід думок і працю поета. Окрім того, наскільки ми могли судити, наскоро переглянувши рукописи Шевченка тоді, як вони йшли на виставку в Прагу, не все з них внесене в нове видання. Та й у недавно випущеній першій книжці маленького женевського видання «Кобзаря» є одна штучка, якої не знаходимо в празькому виданні *. Далі й сам д. С [ip] ко в своїй статті приводить один вірш «не по празькому виданню, а по новому рукописному варіантові» (стор. 64). Потім у цьому виданні нема ні «Дневника» Шевченкового і ні його московських писань, яких після нього зсталось чимало.

Думаємо, що вказаного буде доволі, щоб сказати, що в нас нема і досі повного й акуратного видання Шевченка і що приятелі його, а також ученики мусили б перш усього постаратись, щоб дати нам його, а також біографію Шевченка з його листами.

Не тільки молодий вік Шевченка, а й середній вік, коли він жив у Києві серед ліпших людей України, досі темний. А тепер заговорюють про те, чого навчивсь Шевченко в Польщі, од поляків, із польського письменства, — і д. С [ip] ко говорить про те, що виніс Шевченко з пробування свого в Варшаві²⁸ в часи повстання 1830 р. Для нас усе те діло темне. Маловідоме й життя Шевченка в Петербурзі, а також і те, чого він навчивсь і як він глядів на тих письменників російських, яких там знов, напр. як Бурачок²⁹, Жуковський і т. ін. Хоч би нам хто сказав, які книги в який час читав Шевченко тоді, як складавсь у ньому письменник і громадянин, коли вже не про те, з ким, про що розмовляв і листувавсь, то все-таки можна б було судити хоч скільки-небудь напевно про школу Шевченка в молодший вік і в середній.

В цей середній вік найбільше впливу над Шевченком мусили мати його київські прятелі 1845—46 рр., далеко більше його вчені, і його гостювання по Чернігівщині й Полтавщині, де він мав багато приятелів між панством. На лихо, й про київський кружок, із яким Шевченко і був скараний, досі є тільки дві звістки, та обидві не підписані ким-небудь, на кого можна було би скласти. Ми вже зробили витяги з одної з тих звісток («Громада», II, 228—231). Зваживши на те, як непевно трапляються в Росії закордонні видання, ми приведемо й тут той витяг із статті «Жизнь Куліша» у «Правді» 1868 р.³⁰:

* Два слова й про це женевське видання. Названо воно «Кобзарь Тараса Шевченка. Частина перша» (Женева, Печатня «Громади», 1878). Видання це ще менше може замінити потрібний порядній збір творів Шев-

«Ще бувши в Києві, звів Куліш докупи скількох приятелів; в сій-то невеличкій громаді зародилася перва думка — видання книжок, по-трібних до самопізнання українського, і споруди простолюдних шкіл по панських добрах. Думка була нахилити до сього деяких панів-гуманістів і тим положити основу народній освіті на Україні. Частенько писав Куліш із столиці до Білозерського, та до Костомарова, та до інших, піддержуючи їх духа. А вони не такі були козаки, щоб їх треба було б збоку підpirати. Вони осадили межі себе й Шевченка, здержуючи його завзяте бурлацтво. Раз по раз вони сходились і вели широкі розмови про всю Слов'янщину. Отоді ж то Шевченко понаписував високі свої твори: «До мертвих і живих», «Шафарикові» й інші. Що вони проміж собою науковим способом говорили, то він виповідав поетичними образами, і з одного сього розумно, яким високим духом київська громада дихала. Обняла вона своєю думкою весь мир слов'янський і глибоко зрозуміла, що дух українського люду більш, ніж який інший, здоліє той мир у одне живе тіло стулити. Віра Христова й історія слов'ян була їм світом і теплом до великого подвигу. Святе письмо всі вони добре знали і з великою шаною почитували. І стали вони на такій думці, що не на дипломатію треба слов'янам уповати; що до сього діла треба нових людей і сили нової, а тією силою повинна бути чистота серця, праведна освіта, свобода простого люду і християнська саможертва. Щоб же всьому мирові було розумно, що тут Україна не поставлена альфою й омегою, признали вони своїми патронами всеслов'янських апостолів Кирила і Мефодія і назвали свою громаду Кирило-Мефодіївським братством. Найвиразнішим параграфом устави сього братства було приречено тільки тих приймати до себе, хто був знаний із непорочного життя й праведної освіти. Другим знов параграфом застережено, щоб у сьому ділі ніколи тим робом не ходжено, як у езуїтів, що для своєї мети байдуже їм було про способи. Найкращим способом ширити свою проповідь уважали вони усне й печатне слово й добру науку дівчат як матірок і сестер тих діятелів, що мали колись вирости перед стуманілого люду й холодного лінівого панства. Тим-то вони поставили піклуватись, щоб на Україні постало якнайбільш письменного й тямущого жіноцтва. Не в централізоване государство заміряли вони скupити всі слов'янські народи, а в вільний союз під протекторатом російського імператора. А як імперія його доти не згідна була б притулити до себе слов'янської федерації, доки б не очистилася би з ганьби кріпацтва, то установлено було помалу-малу підготовляти й панів і уряд до зrozуміння сеї спасенної громадської потреби за поміччю науки й намови,

ченка. Назначено воно, як кажуть, «для цілі пропаганди» і в ньому вибрано саме «нецензурне» з «Кобзаря» вже без усякого часового порядку, так що в кінці в читача стає дуже темно в голові об тім, що справді думав Шевченко, напр., хоч би й про віру: бо, напр., на стор. 80 Шевченко хоче «люльки з кадил закурити», а на стор. 114 сердиться на тих земляків, що кажуть: «Нема ні пекла, ані раю!»

а простий люд — до нової крацої долі за помічю шкіл; розпочати ж се діло повинні були пани-гуманісти в своїх селах. Се ж то те саме, що вславило царя Олександра II вовіки по всьому світові, підняли були на себе люди убогі й не знані ще за його панотця, царя Миколая.

Опасувались вони писати до свого приятеля Куліша про братство; давали тільки йому знати, що вони почали розмовляти громадно на всякі поважні речі. А він їм на це відписував: «Хвалитеся мені словами, та не матиме сили ваше слово, поки ви не заходитеся коло діла. Ділом вашим нехай би була щира праця над освітою самих себе й інших. Занедбайте політику. Сам собою настане час, що від нашого слова впадуть стіни єріхонські (!?). Розуміючи, що Куліш туди ж манівцем простує, куди вони широкий шлях прокладають, і що діло їх, як уряд не зрозуміє його, станеться для них небезпечним, змовились вони не показувати Кулішу устави й до братства його не зазивати. Так же само й Шевченка держали вони oddalik щодо братства».

Друге місце, де розказується про те ж «братство» київське,— небагато де в чому цікава стаття «Україна» в «Колоколі» Герцена (1860, № 61). Там читаємо ось що:

«Пробуждение славянских народностей быстро отразилось в Украине и подняло из летаргического сна народную мысль и чувство. Явилось стремление возродить умирающую под кнутом московским и штыком санкт-петербургским народность и воссоздать самобытную литературу.

Но ідея панславізма принялася в Україні совсем не так, як в Москві, де она проявилась или в стремлении уразуметь смысл тро-парей и букварей, или в риторических похвалах старомосковской Руси, под которые боязливо прокладывалась всероссийскому престолу надежда простирасть когда-нибудь царственную десницу на славянские народы и уготовать им вожделенную судьбу України и Польши. В Україні эта ідея totчас облеклась в светлу форму федеративного союза славян, где бы каждая народность сохраняла свои особенности, при всеобщей личной и общественной свободе. Вместе с тем возникло убеждение, что только этим путем Україна может подняться из упадка и сохранить свой собственный, столь несправедливо и безжалостно попранный образ. Молодые люди Харьковского и Київського університета быстро стали проникаться этими идеями. Могло ли это ускользнуть от бдительных преследователей всяких ідей при імператоре Николає?

В 1847 г. в Києві по доносу студента, жандармського сина Петрова, взято было под арест несколько лиц, принадлежавших к кругу малороссийских писателей, и в числе их народный поэт Тарас Шевченко, которого превосходные стихотворения знают наизусть не только почти все читающие малороссы, но и многие великороссияне и славяне. Всех захваченных притащили в III отделение, где и засадили. Из их бумаг и писем оказалось, что все они проникнуты ідеєю

соединения славян и любовью ко всем славянским народностям, и украинской в особенности, омерзением к крепостному праву и к религиозным и национальным ненавистям и соболезнованием о невежестве народа. Вместе с тем некоторые письменно выражали мысль, что было бы очень полезно, если бы существовало ученое общество с целью сближать умственную деятельность славянских народов и распространять в народе просвещение. Что мыслью об этом обществе не соединялось намерение основать так называемое *тайное общество*, доказывает то, что в бумагах обвиняемых лиц найдено было порицание правила: «цель оправдывает средства». Как при этих данных возможно было обвинить в политическом преступлении, когда общество существовало в предположении, а не на деле, и мысль о федеративном союзе славян представлялась только как идеал в отдаленном будущем? Можно ли было за это обвинять и карать, да еще как и как долго? Но что невозможно для простых людей, для Дуббельта³¹ было возможно. Он тотчас увидел, что тут есть готовый материал для того, чтобы представить дело так, будто бы открыто тайное политическое общество, и окрестил сочиненное им общество именем Украйно-Славянского!..

Николай Павлович — человек формы, давал больше значения противным ему идеям, когда они были обличены в формальность, поэтому уничтожить общество в его глазах представлялось великой заслугой; следовательно, Дуббельт мог надеяться высочайшей награды и благоволения.

Под нравственною пыткою заключения в крепости принудили обвиняемых наклепать на себя, что действительно было общество; с своей стороны III отделение дозволило им представить вымышленное общество в елико возможно извинительном свете. Таким образом, они написали, что их общество касалось только западных славян, а не почиющих под кроткою десницею всероссийского монарха, который один может освободить их из уз немецких и турецких. Как ни нелеп был вымысел, как ни противоречил всему, что находилось в бумагах арестованных лиц, однако дело слажено. Свежеиспеченные государственные преступники хотя и получили наказание, но растворенное отеческим милосердием. Некоторых, главнейших, засадили в крепость кого на год, кого на три года, а потом послали на службу в великороссийские губернии; но и тех и других отдали под строжайший надзор полиции. Поэта Шевченко послали рядовым в Оренбург, а потом в Новопетровское укрепление...

Оповідання в «Колоколе» не зовсім сходиться з тим, що говориться в «Правді», та все-таки видно, що обидва писані людьми, які стояли до діла доволі близько, і все-таки дають судити про те, звідки вийшли думки «братства», до якого належав і Шевченко. Джерелом тим були зовсім не «європейські думки» про волю і т. ін., які підклада братству д. С [ip]ко і яких держались «кружки» Герцена й Огарьова в Москві, петрашевців у Петербурзі і т. ін. То було «всеслов'янство»

(панслов'янізм) Коллара³², Шафарика³³, Ганки³⁴, який підбивав і московських слов'янофілів. Правда, український панслов'янізм був не зовсім те, що московський, бо позаду його була козаччина, а не Московське царство, а під ним підбита Україна, а не «сверкаюча стальній щетиной» імперія. От через те в українському всеслов'янстві було, як ми не раз нагадували, багато європейства, та тільки те європейство було більше природне, ніж знане, і все-таки й українське всеслов'янство мало багато подібного до московського, багато такого, що тягло людей, приставших до нього, не наперед, а назад од європейських думок, не давало зрозуміти їх, розпалитись ними. Найміцнішою з таких назад тягнувших ниток була «Христова віра» й «святе письмо», шкідливу силу якого на українолюбство навіть пізніших часів, основських, ми показали в «Громаді», кн. II. Як би не здавались братолюбними й вільнолюбними деякі слова в Христа й у пророків, а все-таки раз у них нема ніякої ясної думки про форми всього громадського й державного порядку, а вдруге в них на головну сцену ставиться не воля людини, а воля божа, і через те всякі слова про братство між людьми й проти насильників зводяться на те, щоб терпіти, поки сам Бог не схоче визволити рабів. А найголовніше всього — це те, що «святе письмо» не підтримує думки, що щастя людське — перед нами, а не позаду нас. Тільки чоловік, що начитався «слова божого», міг написати своїм приятелям таке, як д. Куліш: «Занедбайте політику. Сам собою настане час, коли від вашого слова впадуть стіни ерихонські». Після таких слів можна цілком повірити статті «Колокола», що в приятелів д. Куліша справді не було навіть впорядкованого братства, а не то вже, щоб вони гаряче взялись на працю для того, щоб їх думки стали ділом. Можна навіть сказати, що то були ще й не думки, а більше мрії, мрії людей більш із добрим серцем, ніж із ясним політичним розумом і наукою, яка веде чоловіка не тільки бажати того чи іншого, а ще й працювати, щоб бажання стало хоч коли-небудь ділом. Перед тим ділом київські братчики навіть іще жахались. Про це можна догадуватись і по деяких словах і в тому, що напечатано вище, і в тому, що розказує мимоходом д. Костомаров у «Воспоминании о двух малярах». У «Жизні Куліша» говориться, що «братьчики» постановили держати Шевченка оддалік від братства». Д [обродій] Костомаров, розказуючи, як, пізнавши його, Шевченко перше був «холоден и сух и измерял слова и движения мои (Костомарова) с недоверчивостью», як потім вони «сошлись и подружились», каже: «Т [арас] Гр [игорьевич] прочитал мне свои [не] напечатанные стихотворения», і говорить дальше: «Меня обдало страхом: впечатление, которые они производили, напомнило мне Шиллерову балладу «Занавешенный Саисский истукан». Я увидел, что муза Шевченкова раздирала завесу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!!! Поэзия всегда идет вперед, всегда решается на смелое дело; по ее следам идут история, наука и практический труд».

По цих словах можна думати, що не вчені братчики йшли попереду поета, а поет випередив їх. Через що? Звісно, не через науку, а через гарячу натуру та через те, що йому на своїй шкурі довелось витерпіти долю України. «Солодко» було вченим братчикам слухати «ненапечатані» твори поета, та й «страшно!» Ось через що, мабуть, вони й «держали його oddalik od братства», бо гарячий поет дуже б скоро попхнув учених слов'янщиків «у політику», та ще й у мужицьку. Що й Шевченка часами брала досада на своїх учених приятелів, можна бачити по словах у «Посланії до земляків»:

І Коляра читаєте
З усієї сили,
І Шафарика, і Ганку,
І в слов'янофіли
Так і претесь... І всі мови
Слов'янського люду,
Всі знаєте. А своєї
Дасть-біг!..

Мужик Шевченко стояв попереду вивчених приятелів, київських слов'янофілів, і гарячою громадською думкою, і таким же українством. До того він більше їх бачив світа не тільки в мужицтві, а й у Росії взагалі. Він бачив і Петербург із царем, бачив і панство, на яке братчики покладали надії. Не можна не звернути уваги на те, що «Сон», у якому Шевченко явно виступив проти царства, написаний був іще в Петербурзі, в 1844 р., до знайомства з д. Костомаровим (1845), який, звісно, мусив бути найголовнішим у київському слов'янолюбському кружку. Значить, є багато правди в словах земляка, які згадує д. С [ip] ко, що Шевченко приїхав на Україну з Петербурга з готовими думками про волю України од московських царів. Ми ж знаємо, що в Петербурзі Шевченко жив серед людей далеко більш його вчених, яких він явно поважав, та тільки далеко не республіканців. Хіба в Брюллова виривались слова досади на царя Миколая, який йому «покровительствува». Але звідси далеко було до того, що написано в «Сні». Ясно, що Шевченко в Петербурзі мусив був добиратись до своїх противуцарських думок більш «своїм умом», ніж за поміччю науки й більш його вчених людей.

Трохи не так само довелось йому й у Києві, де він коли навчивсь чого нового, то хіба трохи про слов'янство, про яке теж він став задумуватись іще в Петербурзі, згадуючи в «Гайдамаках», як-то гірко, що «старих слов'ян діти впились кров'ю». Можна навіть думати й по «Посланію», ѹ по словам дд. Куліша й Костомарова, що в Києві Шевченко почав кидати «козаколюбство», не стільки навчившись історії України од вивчених знайомих і приятелів, скільки з досади на те, як вони величались «українськими Брутами й Коклесами»³⁵. І тут півмужикові Шевченкові довелось добиратись до правди більш «своїм умом», ніж поміччю науки й учених приятелів.

Були ще люди на Україні, з якими водився Шевченко, окрім київ-

ського університетського кружка; була інша купа теж українофілів. То були пани на лівобічній Україні, серед яких кобзар наш мав уже велику славу й ласку. І про цю компанію Шевченка мало звісно докладно. Більш усього про життя Шевченка в Чернігівщині й Полтавщині в 1843—46 рр. розказує лубенець А. Чужбинський-Афанасьев («Воспоминания о Т. Гр. Шевченке», СПб., 1861). Там знаходимо таку картину розумових інтересів багатшого українського панства:

«В то время паны наши жили, что называется, на широкую ногу, и патриархальное гостеприимство не теряло ни одной черты из своего почтенного характера. Молодое поколение было уже более или менее образовано. Женщины высшего сословия, собственно молодые, все уже были воспитаны в институтах, пансионах или дома под надзором гувернанток, и французский язык не только не казался диковинкой, как в начале тридцатых годов, но считался необходимой принадлежностью всякой образованной беседы. Говорили на нем бегло и порядочно одни, впрочем, женщины, а кавалеры по большей части не умели вести разговора на этом языке, но каждый щеголь считал обязанностью пригласить даму на танец — непременно по-французски. Хотя у многих помещиков выписывались журналы, т. е. «Библиотека» и «Отечественные записки», но критические статьи Белинского оставались неразрезанными на том основании, «что в них все начинается от Адама», и жадно читалась литературная летопись Брамбеуса³⁶, приходившаяся по плечу большинству публики: заучивались наизусть драматические фантазии Кукольника, и я знал одну очень милую барышню, которая могла проговорить без запинки всего Джакобо-Санназара»³⁷.

Над таким ґрунтом піднімалось кілька панських родин, із яких великопансько-французьке навчання давало вже вищі парослі, хоч, дякуючи кріпацтву, яке псувало панські натури лінню, та державним порядкам, які не давали путньому чоловікові робити що-небудь для громади, дуже калічились і ті люди, що вже набрались із Франції не самих мод і танців, а й вільних, чоловічих думок. Ось як мають тих людей Чужбинський:

«Здесь надо сказать несколько слов о небольшом кружке, который овладел Шевченком. Тесный кружок умных и благородных людей, преимущественно гуманных и пользовавшихся всеобщим расположением, принадлежал к числу тех собутыльников, которые, не находя ли деятельности в тогдашней среде, не успев ли отрешиться от юной разгульной жизни, единственным наслаждением находили удовольствие похмелья и девизом своим избрали известную латинскую пословицу «in vino veritas»³⁸. Слабость эта, извиняемая в дворянском быту, а в то время заслужившая даже особенную похвалу, не вредившая никому, не мешала однако же членам упомянутого кружка быть приятными собеседниками почти весь день, потому что они могли выпивать очень много и только уже вечером нализывались до того состояния, когда язык прилипает к гортани и в глазах двоятся пред-

меты. Кружок этот носил название «общества мочемордия» вследствие того, что на языке его не существовал глагол пьянствовать, а заменялся фразой «мочить морду», и каждый удалый питух назывался «мочемордой» или, по крайней мере, имел право на это название. В противоположность — неупотребление спиртных напитков называлось «сухомордие или сухорылие». Члены, смотря по заслугам, носили титулы мочемордия, высокомочемордия, пьянейшества и высокопьянейшества. В награду усердия у них существовали отличия: сивалдай в петлицу, бокал на шею и большой штоф через плечо. В известные дни или просто при съездах они совершали празднества в честь Бахуса, и вот как сзывались мочеморды на эти празднества, бас гудел: «Ром! пунш! ром! пунш!», тенора подхватывали «Полпиво! полпиво!! глинтвейн!», а диксанты выкрикивали: «Бела, красна, сладка водка!» Великий магистр произносил приличную речь, и мочеморды предавались своим возлияниям. Все горячие напитки считались достойными, но существовало одно условие, вследствие которого истый мочеморда для поддержания чести общества не должен был употреблять простой водки, а непременно настойку, если не действительную, то хоть прикрытую этим названием. Так, напр., в случае сильного недостатка мочеморда пил гриненниковку, т. е. простую водку, в которую, за неимением под рукой никакой специи, вбрасывался гриненник. Старейшиной тогда был В. А. З [акревски] ий³⁹, носивший титул высокопьянейшества и получивший большой штоф через плечо. Умный и благородный человек, гусар в отставке З-ий целый день бывал душою общества, и все, кто слушал его рассказы о похождениях мочеморд в обоих полушариях, хватались за бока от смеха, и в те минуты от него нельзя было оторваться. С крестьянами он обходился необыкновенно кротко и иначе не отзывался к ним, как с какою-нибудь шуткой».

Тепер, читаючи такі оповідання, всякий здвигне плечима, коли ще не гірше. І справді, компанія для українського кобзаря неабияка! Тільки все-таки ми думаемо, що він дещо виніс із цієї компанії, окрім «мочемордія», яке, однаке, стало заїдати поета вже після пробування за Каспієм. Серед тих панів, із яких виходили «мочеморди», були люди, що все-таки, окрім щирого, нечиновницького серця, мали вже в голові деякі вільні думки, які зайшли з французькими книжками Гюго, Ламартіна⁴⁰ і ін. Знали вони ціну й забороненій книзі, напр., Міцкевичевій. Були між ними й ті жінки, які зрозуміли Шевченка і на яких він завше покладав надію, що вони його оцінять (напр. С. А. З [акрев] ська⁴¹, авторка повісті «Інститутка» в «Отеч[ественных] записках» і ін.). Були тут: і кн. Рєпнін⁴², чоловік із породи декабристів і, мабуть, чи не автор «Істории русов», яка стільки мала сили над Шевченком; були тут і такі, яких цар Миколай послав на Кавказ, як гр. Яків Бальмен, якому Шевченко посвятив свій «Кавказ», або такі, яких привозили в III отделені за похвали французької республіки, як сам «високоп'янейшество» В. З [акревськ] ий. Ми

всмілюємося думати, що Шевченко наслухавсь вільних, сміливих, європейських думок од таких людей далеко більш, ніж од своїх університетських київських приятелів, яким, видно по всьому, європейські, неспеціальні письменства були доволі чужими,— звісно, не систематичних політичних думок, а хоч гострих висмішків проти казильонних і церковних порядків. Ми думаємо, що й ці уривки з європейських політичних думок, які попадали в уха Шевченка од полтавських панів, були для нього корисніші, ніж уривки з Шафарика й Ганки, яких, певно, поет ніколи і в руки не брав, або «Славянская мифология» д. Костомарова, напечатана церковними буквами,— всі ці речі, які мають свою ціну, та тільки на такому ґрунті, якого не було в тодішній громаді, а тим більше в Шевченка.

Шевченко висміяв українське панство, «котре перлось на чужину шукати доброго добра, добра святого, волі, братерства братнього», яке «залазило на небо» і казало: «нема ні пекла, ані раю». І був він правий, коли лаяв їх за те, що вони «в Україну принесли з чужого поля великих слів велику силу, та й більш нічого», за те, що вони «кричали, що Бог создав нас не на те, щоб ми неправді поклонялися», та все-таки «хилились, як і хилились, і знову шкуру дерли з братів незрячих гречкосіїв» і т. ін. Та все-таки, коли ми порівняєм сих панів не тільки з петербурзьким кружком «Маяка», в який попав Шевченко за тими земляками, що йшли за Квіткою або й самими євангельськими слов'янцями київськими, то мусимо сказати, що дехто з того панства хоч би одними «великими словами, привезеними з чужини», прислуживсь і самому кобзареві, бо й він через кілька часу став говорити багато такого, за що колись сердивсь на своїх панів земляків.

Тільки все-таки в цій школі українського панства, та ще й при «мочемордії», Шевченко ще менше міг навчитись чого-небудь систематично, ніж у компанії київських слов'янщиків. І тут він іще більше підхоплював самі зернятка нових для нього думок, а часом слів, та «мотав собі на уса», та перероблював собі «своїм умом», іноді так не до ладу, як це зробив він із «німецькою мудростею», написавши в своєму беззв'язному й далеко не так мудрому, як звичайно думають, «Посланню до земляків» таку нісенітницю, як: «А то залізете на небо: I mi — не mi і я — не я! I все te бачив, все te знаю: нема ні пекла, ані раю, немає Й Бога, тільки я, та куций німець узловатий, та й більш нікого...» (??!) Ще більше звисока мусив дивитись Шевченко на панів українських, ніж на київських Колларів. Ані ті, ні другі, кожні по своїй причині, не здібні були систематично навчити Шевченка.

Чужбинський малює нам життя Шевченка в Полтавщині, в Чернігівщині, в Києві в той час, коли, як він каже, «наш поэт кипел вдохновением, стремился к самообразованию». Він каже, що Шевченко в нього в селі й у Києві було, лежачи найбільш «в ненастную погоду», чита журнали або потрібні йому історичні книги. Жаль, що Афанасьев не сказав, які. Він тільки згадує, що в нього Шевченко читав польські

книги й журнали, а в Києві, казав Шевченко, він прочитав «все источники о гуситах и эпохе, им предшествовавшей, какие только можно было достать, а чтобы не наделать промахов против народности, не оставлял в покое ни одного чеха, встречавшегося в Киеве или других местах, у которых расспрашивал топографические и этнографические подробности».

Лихо тільки, що тоді в Росії майже зовсім нічого було «достатъ» про Гуса і т. ін., бо майже нічого не було писаного, а од забрідних чехів, музик або пивоварів, не дуже-то багато можна було навчитись. Та й узагалі на відомих йому мовах, московській і польській, не дуже-то багато міг вичитати Шевченко, особливо коли викинути й «Отеч [естественные] записки», які в українців зостались нерозрізані і яких Шевченко не любив за те, що там його не високо ставили. Чужбинський каже, що Шевченко почав було вчитись по-французькому та покинув. Не знаємо, звідки прийшла йому охота до французької мови, може, для того, щоб бути салонним чоловіком, бо й із «Жизні Куліша» і з «Воспоминаний» Чужбинського видно, що приятелі Шевченка дуже звертали увагу на те, як держить себе Шевченко в салонах. Тільки ясно, що Шевченко або не давав великої ціни наукі французької мови, або не звик що-небудь систематично робити, або швидше те й друге.

Життя Шевченка на Україні, яке малоє нам Чужбинський у 1843—47 рр., виглядає доволі безцільним полупанським байдикуванням серед сільського панства за рюмкою з чоловіками, в танцях і коло музики з дамами, на балах у губернатора в Чернігові, з писанням карикатур на провінціальних баришень у клубах, із студентами в Ніжині і т. д., а часами то, по слову самого Шевченка, «кабануванням» цілий день на постелі. На цьому ґрунті піdnімається тільки читання лежачи книг, більш які попадуться під руку, та мрії й думки про те, щоб «поехать по Днепру на дубе на Запорожье, потом до Лимана, поискать остатков старины», змалювати яку-небудь церкву і т. д. Звісно, як набіжить муз, то напишеться добрий вірш; трапиться нагода — скажеться добре слово і серед приятелів, і серед мужиків (напр., що слід гасити пожар і жидівський), а не то, то поет щиро пограється з дітьми. Але ніякого плану праці й життя не бачимо ми в тому, що розказують нам близькі приятелі Шевченка про ліпшу пору його віку, бо не було в нього ніякого систематичного погляду на життя й працю, який дає тільки систематична ж наука.

А її то й не було в нашого кобзаря. Кругом нього було дві компанії: спеціалісти-слов'янщики й так звані світські люди. Кожні й училися, і знали те, що їм було треба. А Шевченкові треба було ображовання чоловіка взагалі й письменника зокрема. Ні того, ні другого не вміли йому дати його приятелі в часи середні. А потім тюрма, Арал, а потім та картина нашого «избранника українського народу», яку намалював д. Микешин: «Читать он, кажется, никогда не читал при мне; книг, как и вообще ничего, не собирал. Валялись у него и по

полу, и по столу растерзанные книжки «Современника» да Мицкевича на польском языке... Российскую общую историю Тарас Григорьевич знал очень поверхностно; общих выводов из нее делать не мог; многие ясные и общеизвестные факты или отрицал, или не желал принимать во внимание: этим и оберегалась его исключительность и непосредственность отношений ко всему малорусскому».

Не знаємо, чи треба було неуцтва, щоб задержати в Шевченка «непосредственность» до України. Не думаємо! Тільки ж у всякім разі не неуцтво пошкодило дуже Шевченкові, і як письменникovi, і як громадянинovi, який так і зоставсь із нахапаною науковою мальяра про Нептунів, Беатріче Ченчі (Шевченко писав — Ченчіо) і т. д., науковою, яку він виніс із академії, та з «Біблією», яку товк у дяка й яку підновили йому приятелі київські, та з історією України найбільш по «Істории русов». Тільки незвичайна врода (талант) поета та його мужнictво виводили його на просту дорогу з того туману, в якому його держала така наука.

Врода ж, звісно, діло велике, як і «свій розум», та тільки й врода росте як слід, і «свій розум» іде, куди треба, коли їм помогає спільній розум найліпших людей часу в усьому образованому світі. Інакше й велика врода, й міцний розум і не при такій долі, яка судилася Шевченкові після 1847 р., не дадуть чоловікові зробити того, що він міг би зробити.

Багато б треба написати нам, щоб доповнити нашу думку. Ми мусили б перебрати й усе життя Шевченка, й усе написане їм. Ми того не зробимо, а зачепимо тільки найголовніші речі, найбільше затим, щоб кинути хоч трохи переваги проти тих абсолютних і похвальних поглядів на Шевченка, до яких треба прилучити й статтю д. С [ip]ка, напечатану вище. Ми мусимо все ж таки сказати, що стаття та не раз сходила на вірну історичну дорогу, та тільки адвокатські заміри конечно доказати, що Шевченко «наш», на кожному кроці збивали автора з тієї дороги на стару, сказати би, богословську *.

Шевченко вийшов у д. С [ip]ка «правдивим народним кобзарем, писателем мужичим», та до того таким, який мав і «ту широту й освіту, яку могли дати його думці наука й життя між освіченими людьми», а почастно раціоналістом, соціалістом і революціонером.

От, власне, цього б то й не можна сказати після зовсім об'єктивного й історичного перегляду писань Шевченка.

* Окрім основного погляду на Шевченка як на *нашого*, д. С [ip]ко часто забуває про те, що Шевченко сам переміняв свої думки, і через те сміло переносить слова Шевченка одного часу до других. Так, напр., д. С [ip]ко (ст. 63) слова «Візантійський Саваоф», сказані в віршах «До Ликері» в 1860 р., ставить коло слів із «Кавказу», писаному в 1845 р., коли ще Шевченко був ширим християнином і навіть православним, і коли сердився на попів, то, власне, за те, що вони ставили «храми, каплиці і ікони» не за те, за що треба. На такій думці Шевченко стояв іще в 1849 р., коли він хотів карати «чечня, чом людей не навчає» (Ой вигострю товариша). А виступив проти «аскетизму» Шевченко вже тільки через 10 років.

Перш усього ми думаємо, що треба б узагалі пересудити те, що звється завше «народний письменник», «избранник всого народа», «у котрого вилився увесь мужицький український світогляд, усі народні інтереси» і т. д.

Наука ще не вміє показати, що таке справді дух якої-небудь породи людської, і поки що ознакою породи служать більше зверхні одміни її, напр. мова, ніж внутрішні, т [ак] наз [ваний] «світогляд». Цей «світогляд» складається з різних речей, між іншим, із віри й науки, які все переходять од породи до породи. Окрім того, цей «світогляд» міняється в міру того, як яка порода переходить із одного історичного ступеня на другий. Далі й у тому, що ми звемо частіше всього народом, у мужицтві, у якому люди подібні одні до одних, є все-таки одміни в світогляді. От через що треба бути обережнішим з такими словами, як світогляд народний. А ще обережнішими треба бути з такими словами, як «співець за ввесь народ», «письменник народний, мужичий» і т. д.

Перш усього спитаємо — що то значить письменник мужичий? Чи той, хто пише за мужиків, чи про мужиків, чи для мужиків, чи те, й друге, й третє вкупу? Перше про Шевченка говорить д. Костомаров («Восп [оминание] о двух малярах»), а все останнє, здається, говорит д. С [ip]ко та й інші хвалителі Шевченка.

Та ми думаємо, що не може бути, щоб хто-небудь міг що сказати за мільйони, навіть сказати так, як говорять мільйони. Так, напр., навіть по формі своїй пісні «народні» Шевченка, Кольцова і т. ін. не зовсім однакові з піснями мужицькими, які складались сотні років мільйонами людей. Прибавимо, що ці мужичі пісні мають іноді такі одміни (варіанти), що виходять зовсім не подібні одна до одної. А то ж то писана за раз, одним чоловіком пісня! Далі, кожний чоловік пише найбільш усього для себе й для рівних собі, окрім тих, які навмисне пишуть книги початкової науки для дітей чи для менше знаючих. А коли тепер мужики не рівні з письменниками, то письменників справді мужицьких тепер і бути не може, окрім письменників-учителів. Правда, в останні десятки років скрізь з'явилася цікавість знати про мужицьке життя, а до того скрізь письменницька школа стала високо цінити простий спосіб писання, який може бути більш приступний і мужицтву. От через що з'явилася скрізь школа письменників, найбільше поетів і повістярів, яких можна згодитись назвати мужичими по матеріалу й почастно по формі їхнього писання. Тільки ж чи зовсім вони мужичі? Думаемо, що ні!

Та для нашої речі важніше спитати: чи Шевченко ж належав до тієї школи письменників простих і через те мужичих? Ми всмілюємося сказати, що ні, так само як ми кажемо ні, коли хто спитає, чи Шевченко писав для мужиків, як пишуть учителі. Що Шевченко не був учителем, тут нема про що й говорити, бо всякий буває тим, до чого здібен од природи. Ми тільки мусимо завважити, що навіть думки написати що-небудь наукове для мужицтва не видно в Шевченка,

як і в усіх українолюбцях аж до 1857—60 рр. По всьому видно, що вони тільки ледве-ледве почали задумуватися про такі речі якраз перед тим, коли їх похапано було в 1847 р. Доти тільки ворог «українських Пушкіних» Белінський⁴³ говорив, що їм ліпше всього було б повернути працю їхню на наукові книги для мужиків. Шевченко написав «Букварь» тільки в 1859 р., і, звісно, ніхто не стане вихвалювати той буквар і ставити його між великими ділами Шевченка. Та, кажемо знов, про це нічого багато й говорити. Друге діло, справа про те, чи писав Шевченко свої вірші для мужиків, або ще ліпше: чи писав він навмисне так просто, щоб їх могли розуміти й мужики?

Хто перечитає найлюбиміші вірші Шевченка, власне, ті, де він виступає письменником із думками громадськими, той побачить, що він усього менше думав писати їх для мужиків. Інакше навіщо б він наносив туди не тільки «конфедератів», а аполлонів, ченчіїв, ессеїв, колізей, яких іноді він так безбожно переплутував, так мало знаючи й історію, й саму міфологію, якої нахапався у академії. В добрій половині того, що найгарячіше писав Шевченко, він показується менше усього письменником для мужиків. Попробуйте, напр., почитати мужикові хоч «Послані до земляків», яке дехто вважає за самий сік із Шевченка! І тут нема нічого дивного. Коли люди розійшлися по своїй освіті так, як теперішнє панство й мужицтво, то не може бути, щоб письменник і, власне, той, хто хоче мати силу над громадою, писав так, щоб його розуміли однаково й мужики, й пани. Правда, поета й повістяра може нахиляти сама проста школа письменницька так, щоб писати якнайпростіше. Так власне письменницька школа Шевченкова вела його не до простого способу, а од простого. Д [обrodії] Микешин і Прахов⁴⁴ (*«Пчела»*, 1876, ч. 16) кажуть про Шевченка як про маляра, що «немало було потрачено Шевченком часу на те, щоб перейти од брюлловсько-академічного класицизму до натурального й рідного йому реалізму». Те ж саме треба сказати й про Шевченка як про письменника, який вивчивсь писати на Жуковському та на Міцкевичеві. Картини Шевченкові, окрім явного «жанру», показують, що йому ніколи не довелось зовсім вибитись із «klassицизму», а довелось іноді тільки перемішати класицизм із реалізмом на спосіб «французского с нижегородским», як, напр., в картині русалок (*«Пчела»*, згадан. ч.). Те ж саме треба сказати й про багато його писань і з пізніших часів, напр. про «Неофіти».

Говорячи про це, ми зовсім не думаємо сказати, щоб у Шевченка не було зовсім «неманірних», простих картин і в слові, іноді таких простих, що справді їх може розуміти найпростіший, неписьменний чоловік. Така, напр., більша частина його *nepolіtichnix* стихів і поем. Тільки про їх треба сказати, що вони вийшли простими більше ненароком, ніж нароком, більше через натуру поезії (яка все тягне до простого), ніж через школу поета, яка була усього менше проста.

Те ж саме треба сказати й про *речі* поезії Шевченка.

Кобзар наш почав писати як романтик, а романтики зовсім не

старались перш усього вибирати для поезії речі звичайні і вже через те типічні. Вже й у ті часи, коли починав писати Шевченко, письменство російське майже розпрощалось із романтизмом Жуковського, Козлова і т. ін. Повалив романтизм у Росії Гоголь, а останні сліди його розвіяла та справді «соціальна beletrystika» першої половини 40-х років, яка стала між Гоголем і Тургеневим, Островським і т. ін., і критика Белінського, критика «натуральної», а потім «соціальної школи». Натуральна школа підбивала письменників малювати людей такими, які вони є, і людей більше звичайних, ніж вибраних. А соціальна школа примушувала письменника навіть і тоді, коли він хотів показати нам яке-небудь громадське зло, показувати його на звичайних людях, усього ліпше не на злих, а ще на доволі добрих, і тим вона не тільки показувалась правдивішою, а ще більше вражала громаду, підбивала її проти порядків, а не проти незвичайних злочинців. Такі, напр., картини кріпацтва й панства в Тургенєва в «Двух помешниках», «Муму» і т. ін. Кому звісне повістярство російське 40-х років (Нестріев-Кудрявцев, Сто Один⁴⁵, Іскандер, Достоєвський і т. ін.), ті знають, що з європейських соціалістичних думок найбільше запала ім думка Роб[ерта] Оуена, що людина цілком не винна в тому, чим вона стала й що робить. бо вона стає такою чи іншою дякуючи тому ґрунту, на якому зросла, й тим порядкам, при яких живе. Оци-то думка й зробила «соціальну» школу нових російських повістярів такою, якою ми зараз її показали.

Шевченкові ж ця нова думка була цілком невідома. Він усе постарому судив та карав людей і навіть усе хотів «перелякати пекло та здивувати Данта старого нашими магнатами й полупанками». До думок натуральної й соціальної школи ніколи не вибивсь Шевченко сам по собі, а української критики, подібної Белінському, тоді (та й тепер) нема. Почастно ж Белінського не любили в українських кружках як через те, що такі ще українці, які повернулись силою історії в провінціалів, тобто поневолі в задніх, не підрости до нього, так і через те, що й Белінський, збитий московською казъонциною й гегелівською державністю, не хотів знати «письменства провінціальної породи»*. В раніших своїх поемах Шевченко виступає зовсім романтиком («Причинна», «Тополя», «Утоплена»). Далі він стає більш реальним та все-таки збивається на мелодраму, напр. у «Катерині» («Сидить батько в кінець стола» і т. д., та й сама сцена Катерини з чумаками й з москалями) і в самих «Гайдамаках» (як Гонта ховає дітей), в «Відьмі» (смерть батька) і навіть у «Наймичці», найпростішій

* Козачковський⁴⁶ розказує, що Шевченко не любив і Гоголя або, як каже д. Козачковський, «не сочувствовал Гоголю: по его словам, неудавшиеся честолюбивые мечты были причиной его умственного расстройства». Гоголя не люблять і інші українолюбці за те, що він не писав по-українськи. Тільки ж діло в тім, що без школи Гоголя не може тепер бути ні поета, ні повістяра. Між іншим, українські письменники в Росії й Галичині тим і зістаються позаду російських, що не пройшли як слід школи Гоголя.

і найреальнішій із усіх його поем (смерть наймички). Вибирає для своїх поем Шевченко до останніх часів іноді речі зовсім не дійсні, сходив на противну поезії алгорію (напр., «Великий льох»), на темні слова (напр., «Радуйся, ниво» і т. д.). Часами аж жалко дивитись, як поет по-дитячому не вміє справитись із живими людьми й картинами дійсного життя (напр., в «Сотнику» або в «Сні»: хоч би картина царського двору, особливо в тім місці, яке приводить д. С [ip]-ко, як цар «підходить до найстаршого... та в пiku» і т. д., або як «Ірод лиже в ліктора халяву та просить півдинара, щоб випити» і т. ін.*. Думаючи показати огидним панство, Шевченко все вибирає незвичайні злочинства панські (напр., «Княжна», «Варнак») і на ділі більше всього сходив на «гріх прелюбодійний», минаючи інші, не менші гріхи не так панів, як панства, і гріхи звичайні, які тим тяжчі, що робляться купами й не самими злочинцями.

Знов-таки скажемо, що, поминувши все те, Шевченко дав нам найживіші картини щоденного життя (доволі буде показати, напр., на діда, бабу та хлопця в «Наймичці», на «Садок», «Тече вода» і т. д.), начеркнув образи чиновництва, панства, солдатчини, москалів, українців, дівчат (две породи — Катерина — Наймичка і ін., і Настя в «Сотнику», вона ж в «Якби мені черевики», «Якби мені, мамо, намисто»). Немало показав він і звичайного горя од теперішніх порядків, горя соціального, горя солдатчини («Пустка» і ін.), наймів («Якби мені черевики» і ін.), і показав найпростішим, найреальнішим способом. То знов-таки подарунок натури поета, а трошки, звісно, й часу, од духа якого не міг уже втекти й наш поет,— та не з тієї школи, з якої він вийшов і з якої не вміли вивести його земляки його, громада, критика. Ми бачили, що громада українська не здоліла дати Шевченкові потрібної для його часу науки взагалі. Не помогла вона йому й літературною критикою почастно. В ті часи, коли складавсь поет наш, чужа критика сміялась над ним, а земляки вміли тільки кланятись йому, як кланяються й досі. Ті перли, які дав нам Шевченко як поет, він дав нам сам од себе, більш наперекір своїй школі й своїм письменним землякам, ніж дякуючи їм. Ми ж сказали вже, що сам по собі інший чоловік може зробити чимало, та не стільки, скільки б міг і треба б було.

Коли це правда про поета, то ще більше мусить бути правдою й про громадського чоловіка.

Громадський чоловік, коли почне роздумуватись про добро й зло, яке є в громаді, то перш усього наткнеться на віру й церкву. Віра була першою думкою громадською, яка впорядкувалась; попівство й церк-

* Тут до ладу буде пригадати слова проф. Прахова з поводу «Русалок»: «В этом рисунке лучше, чем в каком-нибудь другом опыте Шевченка, видно, как боролся он против заученного классицизма, как этот классицизм все-таки нет-нет да и скажется в какой-нибудь мелочи и как, отказавшись от классической рутины, художник на первых порах вдался почти в циническое понимание действительности».

ва були першими порядками громадськими, які заснувались на думці людській; попівство було першою білою, панською працею, яка виділилась із спільногомужицтва *. Віра й попівство потім причіплялись до всього доброго й злого в громаді. Проти віри й попівства перш усього піднялась скрізь і вільна думка: недурно ж у Європі реформація і вільнодумство XVIII ст. були раніше противодержавних революцій і соціалізму.

Перед вірою стали й наші перші українолюбці. Багато б було розбирати, через що й як, а тільки сталося так, що перші українолюбці XIX ст. не пристали до того противного вірі духу, який із XVIII ст. став вкорінятись і в Росії, і зостались на боці християнства й «благочестя» XVII ст.** Правда, українське благочестіє було м'якше й вільніше, ніж московське, та тим міцніше воно могло держатись і в поєвропейзованих українцях XIX ст., тим більше воно могло притягати українців до таких таборів у російському письменстві, які явно тягли назад, до царсько-попівської Московщини XVII ст.*** Ниткою, яка в'язала нове українське письменство з петербурзько-московськими назадівцями, був Квітка, в якого ніколи не виходив із голови той дух, що затяг був його в монастир. У ті роки, коли Шевченко починав писати, осередком таких благочестивих назадівців у петербурзькому письменстві був «Маяк» Бурачка, який сам, здається, був українець. Із ним водились петербурзькі українці й усі тодішні українські письменники, і сам Шевченко. Знов кажемо, що перша доба писательства Шевченка нам доволі темна, а далеко од Росії ми не можемо перебрати навіть печатні матеріали до того, напр., тодішні журнали. Тільки в усікім разі в перших своїх писаннях Шевченко показується таким же благочестивим, як і Квітка, і нічим не показує, щоб йому не було міле «маяківство». Слов'янський кружок у Києві затяг його ще більше в «святе письмо», яке положило на ньому свою печать навіки ****.

* Раніше всього впорядкувалась війна, вояцтво, а затім і царство, та тільки більш самі по собі, без навмисної думки зарані — без теорії. Попівство — як захарактерство — почалось раніше, а впорядкувалось уже після царства, та зате міцно, теоретично, і од себе вже зробило теорію й для царства й вояцтва.

** Ми трохи зачепили в II т. «Громади» справу про те, як через державну централізацію сталося, що Україна, яка в XVI—XVII ст. почала доходити до протестантських думок, із XVIII ст. почала оставатись позаду од столичної Московщини й через те мало була зачеплена духом французької філософії XVIII ст.

*** Д [обродій] Костомаров, який дав такі вільні, такі реальні образи святих Феодосія, Олександра Невського і т. ін., який так вірно зложив ціну монахам, стояв за «благочестіє» в книгах для народу, проти «модних матеріалістів», між іншим, і через те, що, каже він, «православие южнорусского народа гораздо духовнее, чем некоторые полагают, и не состоит, как часто у великорусов, в соблюдении одних внешних обрядов» («Основа», 1862, май).

**** Д [обродій] Козачковський, споминаючи життя Шевченка себе в 1845 р., каже: «Иногда он занимался чтением Библии, отмечая места, пора-

Правда, Шевченко далі став більш «євангельцем», ніж благочестивим «візантійцем» і в Біблії став шукати духа народолюбного пророкування, проповіді суду божого над неправедними. Ми не дуже помилимось, коли порівняємо віру Шевченка в середній вік його з вірою якого-небудь пуританця-індепендента XVII ст., додавши до того, що Шевченко як поет, мальяр і православний не міг викинути з своєї думки Божу матір і навіть Божу службу *. Таким «біблійцем» в основі зоставсь Шевченко й до смерті, як це видно, напр., із стихів «Радуйся, ниво неполитая», писаних у 1859 р., або «Во Іудеї, во дні они», які кінчаються викликом до Христа: «Спаси ти нас, младенче праведний, великий! Навіть у «Марії», в якій Шевченко найдальше одступив од євангелія, він написав слова, які дають дд. Желехівським повід говорити, що Шевченко не переставав бути християнином:

Все упованіє мое
На тебе, мій пресвітлий раю,
На милосердіє твоє.
Все упованіє мое
На тебе, мати, возлагаю,
Святая сило всіх святих!
Пренепорочная, благая!

Таких слів не міг написати постійний раціоналіст. Таким раціоналістом, яким хоче показати Шевченка наш товариш, він ніколи й не був і не міг бути, бо для того треба було іншої школи, ніж та, яку він пройшов, іншої компанії, ніж та, в якій він державсь. Ті всі противухристиянські й навіть безбожні слова й картини, на які показує наш товариш,— то тільки або виклики досади гарячого чоловіка, який не бачить обіцяної богом правди на землі, або вільнодумне кощунство, або смілі замахи поета. То все початки раціоналізму, які ми бачимо й у наших мужицьких казках і піснях, які не шкодять мужикам ходити у церкву й до попа на раду, а ще не раціоналізм, бо так ми мусимо називати тільки постійну (консеквентну) і впорядковану (систематичну) думку. Ми ж бачимо, як Шевченко кидавсь од безбожних викликів до віри в суд Божий. Навіть його «Марія» показує, як він не порвав із християнством, бо показує, як йому хотілось обернути християнство на свій лад, на службу своєму мужицтву. Постійний раціоналіст не може мати таких мрій.

Ці слова наші може підперти перегляд *рік за роком* того, що розказують про Шевченка приятелі його, й того, що він сам написав, а не самі тільки уривки з «нецензурних» творів II тому празького «Кобжавши особенным величием мысли. Из тогдашних предположений его помню два неосуществившиеся: первое — большая картина «Видение Иезекииля в пустыне, полной сухих костей».

* В викинутому цензурою місці з «Воспоминаний о Т. Гр. Шевченке» д. А. Козачковського («Киевск [ий] телеграф», 1875, ч. 25) сказано було, що Шевченко й хвалив протестантську віру і не хвалив у православів його покірливості перед начальством і панством. Жаль, що д. Козачковський не говорить, коли казав Шевченко таку думку: чи в 1845—46 рр, чи в 1859.

заря», по яких Шевченко вийшов у д. С [ір]ка і деїстом, і раціоналістом.

Так, ми вже згадували, як сердиться Шевченко в «Посланії до земляків» на поєвропейзованих панів-«безбожників» у 1845 р. Мабуть, до тих же часів, а може, й до пізніших треба прикласти й те, що розказує д. Козачковський: «Я был свидетелем, как он, слушая кощунство хозяина, у которого он жил, сказал: «Издеваться над нравственно-религиозными убеждениями, которые освящены веками и миллионами людей, неразумно и преступно». А звісно, що не самий деїзм, а все церковне, все й візантійське освячено віками й мільйонами.

Тільки опісля, в поемі «Княжна», роздумуючись над тим, що бажаний ним «суд божий» і «правда божка» щось не дуже поспішаються, Шевченко викликує:

А бог куняє. Бо це було б диво,
Щоб чути й бачить і не покарати!
Або вже аж надто довготерпеливий...

«Княжна» написана в 1847 р., а вступ до неї — в 1858 р. Чи в 1847 р. написані ці слова, чи вставлені пізніше, може, в 1858 р., тільки вони важні тим, що показують, як перші ясні іскри вільнодумства проти християнського Бога дало Шевченкові нарікання на те, що нема кари гріхові! Сидячи в неволі, Шевченко все більше зупинявся на цій думці і в 1850 р. кінчав вірш «Якби ви знали, паничі» викликом:

Ні! нічого
Нема святого на землі!
Мені здається, що й самого
Тебе вже люде прокляли!

А все-таки тоді ж він писав д. Козачковському, втішаючи його в смерті в його сім'ї: «Верь глубоко, разумно!» Ще в 1857 р. в «Неофітах» Шевченко стоїть на християнському ґрунті і навіть молиться на святого хреста, і зовсім не являється, як каже д. С [ір]ко, раціоналістом. Хоч він тут і каже: «Все брехня: і царі, і попи!», та каже це про староримських попів із їх «кам'яними» богами; він не велить молитись нікому на землі, окрім правди (а не кесарям), а на небі велить: «молітесь богові святому», — і ми зовсім не розуміємо, як міг д. С [ір]ко викинути ці найближчі слова з того місця «Неофітів», яке він приводить у своїй статті (стор. 63) як показ «раціоналізму Шевченка в усій його силі». Тільки в 1859 р. в Петербурзі Шевченко почав вириватись уже за границі й християнства, а не то вже візантійства. Сталось це, ми думаємо, як через те, що він пішов далі по дорозі досади, що немає правди на землі, так і через те, що в Петербурзі Шевченко вже попався на той ряд думок громадських, який примушував людей читати Герцена, Фогхта, Бюхнера⁴⁷, Фейербаха⁴⁸ і т. ін. А тут ще почали дратувати Шевченка благочестиві слов'янофили (див., напр., «Молитву» — «Умре муж велий в власяниці!» на смерть митрополита Григорія, якого Шевченко зве по «Колоколу» Герцена «юбкоборцем»). Шевченко став у Петербурзі трохи водитись із

кружком «Современника», який, як міг, проводив новоєвропейські філософічні думки. Тільки чи в нього самого не ставало духу й науки зовсім вирватись із християнства, чи його вдержував дух приятелів, із яких сам Костомаров писав проти «модних прогресистов, котрим кажется удобным навязать народу материализм»,— тільки ж Шевченко, як розказує про нього д. Крапивина («Правда», 1876, 104), і в 1859 р., тоді, як писав «Марію», моливсь щодня богу, а в 1860 р. видав «Букварь южнорусский» із молитвами і другою «візантійчиною»*.

Так по Шевченкові і в 60-ті роки ледве-ледве пройшло те проти-вицерковне вільнодумство, яке вже в 40-ві роки дуже закоренилось по московських і петербурзьких кружках Герцена, Белінського і новіших раціоналістах, матеріалістах. Та й тих зерен раціоналізму, які пробивались у Шевченка, не піддержали ні його товариши, які навіть зоставили ненапечатаними аж до 1876 р. такі його твори, як «Марія», хоч присягали, що «кожна йота Шевченкова мусить бути відома» громаді («Передмова» до кожанчиковського видання 1867). і передавали печатати його твори в Галичину, де завше можна було їх напечатати вільно,— не піддержали навіть і молоді україnofіли, які в часи «Колокола» і т. ін. грались у християнство.

Громадському чоловікові через те найпотрібніше раз на все роз-прощатись із вірою, що поки сього не зроблено, доти ні він, ні громада, яка за ним піде, не забезпечені, що він усе йтиме наперед у думках своїх про всі громадські порядки, які святила й святить тепер віра. Без систематичного раціоналізму нема й систематичного вільнодумства в сім'ї, в громаді, в державі. Це можна показати й на таких людях, як Мацціні; це тим більше видно на Шевченкові.

Вже й д. С [ip]ко каже, що Шевченко не зміг додуматись до іншого строю сім'ї, ніж той, який він бачив, а тільки розібрав дуже докладно усе те лихо, яке є в теперішньому сімейному життю. Ми думаємо, що й це багато сказано. Ми вже в 16 примітці показали, що Шевченко зовсім не думав у «Катерині» (1840) й «Наймичці» (1846) ставати проти «законної сім'ї». Тепер прибавимо, що Шевченко і після

* Цей «Букварь южнорусский», 1861 року. Цина три копійки. Составил Тарас Шевченко» тепер трудно здібати, і через те про нього нема ясної думки, а само те, що такий поет, як Шевченко, зложив буквар, підбиває декого возвеличувати його. А в тім букварю знаходимо ось що: «Велика азбука. Мала азбука. Склади (шматки з псалмів біблейських). Псалом СХХХII (із бородою Ааронью, і з росою Єрмонською). Молитви (з увагами, в яких дуже возвеличується християнство, монастири й т. ін.). Рукописна азбука. Лічба. Дума про поповича Олексія. Дума про Марусю попівну Богуславку. Народні пословиці». Звичайної церковщини багато й у «Граматці» д. Куліша, про якого життя його в «Правді» каже, що він виправляв і «проповіді» Гречуловича. Слова д. Костомарова за церковщину в народній освіті приведені цілком у «Громаді», II, 200. В тій же книзі «Громади» показано, як і молодші україnofіли-студенти в Києві й Харкові возились із церковщиною ще в 1862—63 р.

того, як написав по мужицькій казці «Тополю», не спинив своєї думки на неволі дітей у батьків або навіть у «Катерині» розказав без усякого протесту, як батько й мати вигнали Катерину через наговори сусід. Так же само в «Гайдамаках» він трохи не возвеличив те, як батько по своїй волі вбиває малих дітей — канібалство, в якому й д. С [ip] ко бачить «нові» думки Шевченка, який, мовляв, малює, «як сім'я приноситься в жертву громадському ділу», так мовбито сім'я — менша громада — мусить справді приноситись у жертву хоч би й великий громаді, рідній Україні! І досі дітська неволя майже зовсім не зачеплена українським письменством, яке й у ньому зосталось позаду до російського, що ще в 40-ві роки ясно поставило заступитись за всіх менших: у сім'ї, як і в громаді. Згадаймо хоч «Капризы и раздумье» й інші писання Герцена ще перед 1847 р. Звичайно кажуть, що на Україні нема такого *самодурства*, яке малюють нам Острівські в сім'ї московській. Такого — нема, а своє самодурство все-таки є, та його не хотять бачити українолюбці. Сам Шевченко зачепив його тільки в деяких словах, та й то говорячи тільки про дівчат і мало чим інше, ніж у мужицьких піснях * або зовсім по-водевільному, напр. в «Сотнику». Бачачи в неволі дітські тільки невільні шлюби або неволю любитись із тим, хто до вподоби, Шевченко й у справі жіночої волі тільки й додумався перше до вінчання по любові, а під кінець до шлюбу без вінчання або й до вільного вживання того, що д. С [ip] ко зве «правом тіла». Тільки в ті часи, коли Шевченко писав «Гімн чернечий», «Ликері» або й «Великомученице кумол», в передовому російському письменстві вже минуло й жоржандство, і вже Михайлова⁴⁹, слідом за Міллями, піднімали справу про цілковиту рівність жінки з чоловіком і в науці, і в праці громадській. Видно по всьому, що як в 40-ві роки жоржандство⁵⁰, так і в 60-ті роки думки Міллів проминули наших українолюбців і не зачепили найбільш чуткого з них Шевченка не то вже, щоб прямо, але навіть і через «Современник». Так, із думками про сім'ю і з картинами її Шевченко зоставсь не то щоб тільки «аналітичним», як каже д. С [ip] ко, а іноді й непостійним, як і в думках своїх про віру **. Мало того, Шевченко, який змалював незабутніми картинами деякі боки патріархальної мужицької сім'ї, яку він знав, про багато з того, що складає нову справу сімейну серед вивчених людей, просто нечув і не думав, здається, через

* Напр., «Тополя» (1839), «Мар'яна-черниця» (1841), «І багата я, і вродлива я» (1849), «Породила мене маті» (1849), «На вулиці невесело» (1849). Можна думати, що на такі речі потрапляв Шевченко не навмисно, а тільки слідом за мужицькими піснями, які він згадував на чужині, а найбільше в неволі 1849 р. Зовсім окремо стоїть «У Вільні,городі преславнім» (у празькому «Кобзареві» позначено — до 1847 р.?), де показано, як губить дитину не так самоволя батьківська, а ненависть до чужої віри. Добре б було абсолютним хвалителем Шевченка порівняти цей вірш із сценою дітовбийства в «Гайдамаках».

** Так, у пісні «Туман, туман долиною...» (1849) Шевченко малює, як воно нещасливо скінчилася проба молодої пари «заховатись од батька й матері».

те, що зоставсь позаду од передових громадських думок навіть і в Росії. Щоб цього допевнитись, радимо пригадати, напр., хоч «Кто виноват?» Герцена, роман, писаний ще в 1834—47 рр., та й зрівняти його з картинами й думками про сім'ю Шевченка хоч у самому 1860 р.*

Тут до речі згадати справу сватання Шевченкового в останні роки його життя, про яку тепер уже напечатані листи самого Шевченка до двоюрідного брата його Варфоломея Шевченка. В цих листах бачимо доволі звичайні, всього менше нові, з «нового розумного життя» думки Шевченка про жінку. Старий, уже підтоптаний чоловік шукає молодої через людей, а коли було посватавсь до молодої дівчини 18 років (Хариті) і вона не схотіла йти «за старого та лисого», то лас її в листах, що вона збожеволіла. Потім те ж саме й у Петербурзі з другою дівчиною (Ликерею). Д [обродій] Микешин розказує з поводу петербурзького сватання ось що: «К женскому полу Т [арас] Гр [игорьевич] относился совсем оригинально; но здесь, может быть, неуместно вспоминать об этом. Скажу только, что в момент расстройства его отношений к одной простой украинской девчонке, на которой он собирался было жениться, он особенно был лют на все женское племя, вычитывая из Библии и из других (звісно, церковных) источников всякую хулу на них». Знов Біблія! Не диво, що з такою вагою на плечах Шевченко не пішов далеко в своїх думках про сім'ю й жінку.

Найдальше пішов Шевченко в думках про волю в державі й громаді, про багатих і бідних. Тут його посувала й доля його самого, й доля України: тут йому вийшла в користь і та невеличка наука, якої він нахапавсь проміж людей. Поляк Гордон правду каже, говорячи, що Шевченко належить до найчервоніших у своїх громадських поглядах. І таким червоним Шевченко став уже рано, вже в 1843—1844 рр., ми навіть не знаємо, як він став таким; певно, більш сам по собі, без покажчиків. Дедалі Шевченко становивсь усе більше червоним республіканцем і демократом і почав зачіпати не тільки неволю, а й бідність.

Нам нічого показувати — де й як: у статті д. С [ip] ка це зроблено докладно. Ми б бажали тільки докладного розмежування тих ступенів, по яких проходили думки Шевченка про державу й громаду на Україні в середній і пізній вік його. Це зробити нетрудно, навіть насикро переглядаючи рік за роком писання Шевченкові.

* В статті проф. Прахова «К рисункам Т. Г. Шевченка» знаходимо звістку про одну картину Шевченка з часів життя його в солдатах, на якій він «представляет нам общество из трех человек в юрте: сам Шевченко в белом кителе сидит за столом и чинит карандаш; перед ним его товарищ-натурщик, обнаженный до бедер, рассматривает нарисованное; третий сидит по-турецки на полу у самовара, пьет чай и покуривает, держа подле книжку с надписью G. Sand, 1851». («Пчела», 1876, ч. 16). Треба б було знати, хто той любитель Ж [орж] Санда й чи говорили вони що з Шевченком про цього письменника.

Перше Шевченко виступає з словами, в яких узагалі видно сум на чужині за своєю країною («На вічну пам'ять Котляревському»), далі спомини про долю її і, звісно, про козаччину, як вона боролась із турками, ляхами («Іван Підкова», «Тарасова ніч», «Гамалія», «Гайдамаки»). Серед тих споминів появляється в нього думка: чим усе те скінчилось? Хто взяв волю козацьку? Чи навіки вона заснула? Одповідь на те проскачує в посланії «До Основ'яненка» (1840). Перше кобзар сподівається тільки, що «слава України не вмре, не загине», що її нагадають такі кобзарі, як Основ'яненко, які ліпше, ніж він сам, «поборються з москалями» — голосом, піснею! Кілька років опісля в «Чигирині» (1844) Шевченко вже пише надію, що з його пісні, може, виростуть ножі, які «розпанахають погане, гниле серце» земляків, що забули свою Вкраїну, і вицідять із нього погану кров, і «наллють козацької крові» *. Ще в посланії «До Основ'яненка» не видно політичної думки, і кобзар виступає тільки прихильником своєї країни, породи, мови. В «Чигирині» (19 лютого 1844, Москва) він уже говорить про «волі нашої отруту». В «Сні» (1844, 8 червня, Петербург) кобзар уже просто виступає проти московсько-петербурзьких царів, «катів, людоїдів, що розпинали нашу Україну», найбільше нападаючись на Петра I й Катерину II і вибираючи проти Петра образи з «Істории русов».

По всьому видно, що перед першим виданням «Кобзаря» (1840) Шевченко в Петербурзі надибав земляків, у яких не тільки знайшов писання Котляревського й Квітки, що потрапили якраз у серце українця, який сумував часами на чужині, й підбили його писати по-українському, а ще й історичні книги, напр. «Історию Малой России» Бантиша-Каменського, які підновили в поета спомини його про могили козацькі, про гайдамаччину й т. ін., що він приніс із села, од діда й інших. Між 1840 і 1844 рр., видно, Шевченко потрапив на «Історию русов», яку приписували Кониському, і вона запанувала над його думками своїм українським автономізмом і козацьким республіканством, своїм духом, у якому до патріотизму козацьких літописців XVII—XVIII ст. й кобзарських дум прибавилась якась доля європейського республіканства часів декабристів. Шевченко брав із «Істории русов» цілі картини, і взагалі ніщо, окрім Біблії, не мало такої сили над системою думок Шевченка, як ця «Істория русов» у 1844—45 рр.**

* Пор. Ісаїй, гл. VI.

** Зрівняйте в «Сні» — «Із города із Глухова» (празьк. «Кобз.» II, 24) і «Історії русов» (229, 231); «Великий лъох» (38—39), «Іржавець» (1847) і «Ист[орию] русов» (206—207, 212—213). Окрім фактів історичних і картин по «Істории русов», ми нагадаємо такі слова цього славного памфлета, написані після оповідання про руйну Петром Лебедином. «И ежели в человечестве славится тот великодушiem, кто презирает ужасы и опасности, то уже нет для тех и титулов, кои были орудиями и участниками Лебединских тиранств и зверских лютостей, ужасающих самое воображение человеческое. Остается теперь размыслить и посудить, что ежели, по словам самого Спа-

В «Великому льоху» (Миргород, 1845) Шевченко показує себе ворогом Богдана Хмельницького, який «присяг Москві», і прихильником Мазепи, якого вояків «порізала Москва» в Батурині й під Полтавою, а найбільше «славного Полуботка», який у «Істории русов» маюється як останній Катон козацької республіки.

Ніяк не можна сказати з д. Костомаровим, щоб Шевченко ніколи не мав «мечтаний о mestной независимости». В усіх писаннях 1845 р. («Великий льох», «Розрита могила», «Кавказ») Шевченко виступає ясно з тим, що пізніше звалось українським «сепаратизмом». Можна навіть сказати, що сепаратизм той у Шевченка більш усього козацький, звісно, без того вже трохи панського духу, який став показуватись у козацької старшини XVIII ст. То сепаратизм із більш демократичним нахилом, зовсім такий, як у «Істории русов», та тільки все-таки перш усього сепаратизм, який усе зло в своїй Україні й саме панство виводить *од* чужих, од москаля, од московського царя. В своїх панів, чиновників Шевченка більш усього вражає те, що вони «перевертні, котрі помагають москалеві господарювати та катувати матір» — звісно, Україну, що вони «по-московськи цвенькають» і сміються з своєї мови і т. д. («Розрита могила», «Сон»). У «Великому льоху» Шевченко пророкує, що родиться новий Гонта, що розпустить волю на всій Україні; в «Розритій могилі» Шевченко ясно дає зrozуміти, що коли б « знайти в могилі те, що там поховали старі батьки», козаччину, яку заховав Богдан, «то не плакали б діти, мати б не ридала», а в «Заповіті» (який поставлено в празькому «Кобзарі» в 1846 р. хоч без помітки, коли писаний він, і який усім своїм духом і складом,— нерівним од неспокою,— більш усього подібний писанням 1845 р.) Шевченко просто кличе земляків «вставайте, кайдани ломіте і вражою злою кров'ю волю окропіте». По всьому тому, що писав Шевченко з 1845 р., воля та — більш усього воля своєї породи й країни, воля національна й державна.

З кінця 1845 р. в творах, писаних на Україні («Кавказ», 14 дек., В'юнище, Пол [тавська] г [уб.]; «Холодний яр», 17 дек., тамо ж), Шевченко найбільш усього спиняється над кріпацтвом (нічого розказувати, через що), яке він зачіпав уже й раніше («Сон», «Великий льох»), та не так дуже, як тепер. Цей зупин на кріпацтві та хвиля костомаровського панславізму, яка пройшла в 1845 р. по Шевченкові (під «Посланієм до Шафарика» («Еретик») стоїть: 22 ноября 1845, Пе-

сителя, в Евангелии описанным, которые суть непреложны и не мимо идут, ежели «всякая кровь, проливаемая на земле, взыщется от рода сего», то какое взыскание предлежит за кровь народа русского, пролитую от крови гетмана Наливайка, до сего дня, и пролитую великими потоками за то единственno, что искал он свободы или лучшей жизни в собственной земле своей и имел о том замыслы, всему человечеству свойственные?» Пригадаемо також і слова про москалів як про «народ, ничем от украинцев не лучший, но нахальный и готовый на все обиды, грабления и язвительные укоризны» — слова, які «Істория русов» вкладає своїм героям, як Богун, Мазепа і ін.

реяславль), збавила трохи в Шевченка його «сепаратизму» й повернула його стріли од «чужих людей», «москалів» на своїх панів, на самих панів-українофілів і козаколюбців, яких найбільш усього він же сам і розплодив своїм гарячим словом *. У «Посланії до мертвих і живих, і ненароджених земляків моїх» Шевченко справді вже, кажучи словами д. Куліша, «як ніхто другий насміявсь над славою української козаччини», а найбільше гетьманщини і підрізав сам свій історичний український сепаратизм «Істории русов»**.

В дальшому зрості свого козаколюбства Шевченко, одійшовши од гетьманщини, приблизивсь було до того запорозтва кінця XVII ст., яке виступало й проти московської неволі, й проти повертавшої на панський лад городової гетьманщини, яка готова була задля свого панства поступитись і частиною української волі, а особливо волі «гультяїв» — черні й запорожців. (Див.: «Сон» — «Гори мої високії», 1847, «За байраком байрак», 1847 і порівняй із грамотами запорозькими, показаними в «Громаді», I, 12). Цей низовий, запорозький, більш ніж городовий гетьманський дух у Шевченка з 1846—47 рр. показує, який справді незвичайний нюх, навіть нюх історика, мав у собі Шевченко.

Тільки ж і в грамотах січових козаків даремно б ми стали шукати не самих тільки добрих бажань, а й ясної думки, як же вберегти, встроїти свою волю України й волю мужицьку серед того світу широкого, серед тих «ворогів лютих» (турок, татар і т. ін.), серед «незичливих сусідніх монархів фактій», або погляду вперед себе, а не в старовину, яка малювалась запорожцями ліпшою, ніж була. Так само даремно б

* Чужбинський каже, що й Квітку стало читати панство полтавське більше вже після Шевченка.

** Найбільше побачимо переміну в думках Шевченка про старовину українську, коли ми зрівняємо слова його в посланні «До Основ'яненка» (1841):

Слава не поляже,
Не поляже, а розкаже,
Що діялось в світі...
І чиї ми діти...

з словами «Послання до земляків» (1846 р.)

Все розберіть та спітайте
Тоді себе: що ми?
Чиї сини, яких батьків,
Ким, за що закуті?
То й побачите, що ось що
Ваші славні Брути:
Раби, піdnіжки, грязь Москви
Варшавське сміття...
Я ридаю, як згадаю
Діла незабутні
Дідів наших: тяжкі діла!
Якби їх забути,
Я оддав би веселого
Віку половину!

стали ми шукати одповіді на ці всі питання й у Шевченка, в тих віршах його того часу, коли в нього вслабів козацько-гетьманський сепаратизм 1845 р. Шевченкові не доставало не тільки європейської науки, яка б показала йому ясний ідеал державного порядку — попереду нас, а не позаду, а недоставало навіть і науки про саму українську козаччину, науки, яка провела б логічно хоч би січовий погляд на гетьманщину. А погляди навколо себе, на царсько-боярські порядки Московщини XVII ст., які перейшли і в Росію XIX ст., не могли не красити в голові Шевченка старовини української. Найліпшою йому здавалась старовина XVI ст., до Брестської унії й незгоди між козаками й Польщею через ксьондзів і магнатів. Тодішня Україна, з якої, як ми знаємо, турки та татари зробили було поле для виводу невільників і галерників, здавалась Шевченкові веселими селами, в яких весело жилося («Невольник», 1845, «Ще як були ми козаками», 1847). Мало того, навіть часи, коли постригавсь у монахи козак Палій, тобто XVIII ст., привиджувались Шевченкові часами, коли панувала «братьєская наша воля, без холопа й без пана» («Чернець», 1848, пор. «Буває в неволі іноді згадаю», 1850). Козацькі ради, на яких вибирались гетьмани, самі ті гетьмани знов почали малюватись Шевченком такими, якими вони ніколи не були: з братерською згодою, з патріотизмом (напр., обрання Наливайка в Чигирині: «У неділеньку у святую», 1849; кінець Дорошенка: «Заступила чорна хмара», 1859). Ми тепер знаємо, що Наливайко був більше розбійник, ніж патріот, що той «атаман случайно сложившіся толпы», як каже про Наливайка д. Костомаров, не був навіть ні козаком, ні гетьманом і що вже через те одне ніколи й не було такої ради в Чигирині, яку списав Шевченко слідом за «Історією русов», а ще гірше, знаємо, що Наливайко прохав у короля козацьких прав для своєї валки, а «свавольним хлопам» радив різати носи й уха, що Дорошенко «торгував українськими головами»⁵¹ не згірше московських воєвод і нарешті згодивсь узяти воєводство в Московщині й що запорожці звали «преславного Дорошенка» «юдиним товаришем»; Шевченкові все це не було звісно. Носячи в думці свої вигадані образи козаччини, Шевченко то знову кохав надію, що таки вона колись вернеться, то казав, що ні,— не вернеться, то знов впиравсь, що «таки буде сподіватись, виглядати». Але ж як-то воно козаки встануть із могил, на це вже Шевченко дедалі все менше міг давати такі ясні одповіді, як тоді, коли він був чистим і постійним сепаратистом козацьким. Тепер він сам собі казав, що кохає свої надії, тільки щоб собі самому «жалю завдавати» («Чернець», 1848), і навіть що він «сам не знає, що робить», що він знає тільки, що йому верзеться старий козак усатий з своєю волею на чорнім вороні-коні, а більше нічого не знає («Хіба самому написать», 1848).

Так, Шевченко, підірвавши славу гетьманщини, сам не дав нам «провідної ідеї», як же впорати свою волю України не на історичному ґрунті гетьманщини, без козацького сепаратизму, бо й сам тієї думки

не мав. Надалі з того всього козаколюбства Шевченкового тільки й зосталась ясна думка, що ненависть до царства, яка знову стала в нього рости з великою силою, особливо в передсмертних петербурзьких його творах 1860 р. Нам нічого багато говорити про цю ненависть і про ці писання, бо про це докладно сказано в статті нашого товариша. Од себе ми прибавимо тільки, що й у цих останніх, противуцарських стихах Шевченко все-таки не міг вибитись із біблейства, не міг набрати проти царів іншого матеріалу, окрім того, що давала йому Біблія з її патріархальною деспотією. Цар Шевченка й у 1860 р. не пішов далеко од того, яким страхав жидів пророк Самуїл,— що, мовляв, одніматиме в вас жінок і т. ін.* Через те одне ті стихи (мимоходом кажучи, слабенькі по своїй роботі й нерівній манері) не могли й не можуть мати великої сили в наші часи. Тільки на перепутті (з Азії в Петербург) писані справді чудові стихи «Я не нездужаю нівроку» (1858) чіпають дійсні боки того царства, яке ми бачимо перед собою.

Зі зростом і з змінами думок Шевченка про державу й Україну тісно зчіплялись і його погляди на сусідів її, тих, що володали їй володаюти нею,— на Польщу й поляків, на Москву й москвинів. Із перших своїх зустріч із поляками панами та економами, з москалями панами та чиновниками Шевченко не міг винести доброго спомину. Недовір'я й неприхильність до чужих, сусідів України, те, що звуть «исключительность», зосталась у Шевченка на все; по крайній мірі, про неї говорять не тільки ті чужі, а й сам Шевченко. Так, поляк Гордон⁵², який бачив Шевченка в 1850 р. в Уральську, каже, що Шевченко «ненавидить москалів, не любить поляків» (Gordona «Soldat» споминається у Gwido Battaglia⁵³ — «Taras Szewczenko», Lwów, 1865). У Чужбинського читаємо ось що:

«Он не любил поляков, но к Мицкевичу чувствовал какое-то особенное влечение. Несколько раз принимался он переводить лирические пьесы Мицкевича, но никогда не оканчивал и разрывал на мелкие куски, чтобы и памяти не осталось. Иные стихи выходили чрезвычайно удачно, но чуть какой-нибудь казался тяжелым или неверным, Шевченко бросал и уничтожал все предыдущие строфы.

— Мабуть, сама доля не хоче,— говорил он,— щоб я перекладав ляцькі пісні».

Виступів Шевченка проти москалів доволі виписано в статті нашого товариша.

Звісно, було з чого вирости в Ш[евченка] недоброму серцеві до ляхів і москалів, дякуючи Польщі й Москві як державам і панствам. Звісно також, що люди, звиклі панувати або хоч вести перед над другими, вбачають часто «исключительность», «нетерпимость» і т. ін. й там, де чоловік породи підбитої просто стоїть тільки за себе або тільки нагадує, що він іще з своєю породою живий. Таке лучається

* «Царі», I, VIII, 11—18.

з нами, українцями, в зносинах навіть із такими особами з наших сусідів-панів, які себе вважають космополітами й не вбачають самі в себе націоналізму далеко більшого, ніж у нас. Ми не станемо розбирати тут довгої справи про те, скільки природна в підбитих другими людьми неприхильність і до народів через неприхильність до їх держав і панства.

Ми беремо в Шевченка його «ненависть до москалів, нелюбов до поляків» як факт природний, а ті несимпатичні боки, напр., москальства, які показав д. С [ip]ко по Шевченкові, за вірні. Тільки ж про Шевченка говорять як про чоловіка-громадянина, з «провідними ідеями» для його земляків, та ще й як про соціаліста.

Чоловік із політичними ідеями дає перевагу ідеям над чуттям. Чоловік із широкими ідеями нових часів, та ще й соціаліст, не може ставити одну породу настільки виключно вище інших, як то робив Шевченко, кажучи: «Нема на світі України, немає другого Дніпра», не може вбачати й показувати у інших пород самі тільки злі боки духа. А через одно й друге такий чоловік дійде й до провідної ідеї про спільність змагань усіх пород, щоб змінити на добро теперішні злі порядки, або ліпше сказати, дійде до цілого ряду провідних думок про те, як упорядкувати цю спільність. Нічого того ми не бачимо в Шевченка, і через те й з його національними ідеями сталося те ж саме, що й з державними, тобто він, виступивши перше з виключним українством, потім став його залишати, висказав кілька широких думок, та не розвив їх, не прилагодив до них усіх подрібних думок і зоставив тих, хто б задумав піти за ним, без усіх провідних думок про національну справу в тому стані речей, у який переходила наша Україна в 60—70-ті роки.

Так, до поляків Шевченко, як і перші історики «Малої Росії», обернувшись перше зовсім як православно-козацький патріот далеко більше, ніж як син кріпаків у польського панства; в його перших козацьких поемах і слова «ляшки-панки» говоряться більше слідом за старими піснями, а найбільше діло йде про зневагу козацьких прав, а ще більше про унію, а не про селян, які терпіли вже й у XVI—XVII ст. тільки ж од православних панків, як і од уніатів. Навіть і в «Гайдамаках» (1841) ми бачимо те ж саме, тільки тут добре серце поета взяло перевагу і, підбивши його заплакати, що «старих слов'ян діти вмились кров'ю», поставило його на дорогу до більш широких думок, по якій за помічю костомаровського слов'янства він дійшов до бажання, «щоб усі слов'яни стали добрими братами» (1845). Насміх над гетьманчиною (1846), яка «Польщу повалила та й сама пропала», а далі кара, яку Шевченкові прийшлося ділити вкупі з деякими поляками (Брон. Залеським, Гордоном і т. ін.), ще більше зм'ягчили польську ненависть Шевченка, і він написав своє посланіє до Брон. Залеського⁵⁴: «Ще як були ми козаками» (в кожанчиковському виданню воно помічено 1847 р., а в празькому — 1858). Козак подає там руку ляхові, просячи і в нього «руки й серця чистого»;

щоб іменем Христовим возобновити той рай», який мовбіто був на Україні між поляками й козаками, аж поки «неситії ксьондзи, магнати нас розлучили, розвели».

Навряд, щоб слова про чисте серце можна було признати зовсім ясними, а згоду «іменем Христовим» і ясною, й «новою», і через це все й міцною. До того ж проти цих кількох неясних слів зараз же ставали в Шевченка ясні картини, які він іще раз нагадав у стихах:

Не знаю, як тепер ляхи живуть
З своїми вольними братами?
А ми браталися з ляхами! (1850) —

по всьому видно, навіяних розмовами з висланими поляками про «подавання рук». Ніякими іншими картинами не переважались ні ці картини, ні ті, які Шевченко намалював од «Тарасової ночі» до «Гайдамак» і до яких він повертає і після тих розмов і в названому вірші, і в такому, як «Швачка» (1849). А перевага їм могла б бути тільки тоді, коли б Шевченко намалював ляха не пана, а хлопа, та сказав хоч слово про те, як подадуть руку один одному не самий тільки пан із чистим серцем і козак на Україні, а хлопи польський і український, кожний на своїй землі стоячи та з своїм панством борючись. Щоб же таке було написати, Шевченкові треба було й іншої долі, й справді нових, соціально-демократичних думок... На нема ж і суду нема! В усякім разі провідної думки про те, як бути нам тепер із ляхами, треба шукати де інше, а не в «Кобзарі» Шевченка. Доволі й того, що в «Кобзарі» ми знайдемо кілька сліз од щирого серця, кілька добрих слів, кілька широких для свого часу й для свого стану думок.

Те ж саме й з думками Шевченка про москалів. І тут хвиля панславізму, проба критичного погляду на «козацьку славу» й гетьманщину зм'ягчила серце козака проти «москалів». Іще більше зробила, мабуть, та приязнь і пошана, якої зазнав Шевченко од москвинів в останні роки життя свого й у Нижньому, й у Москві, й у Петербурзі. Тільки новий, приязніший погляд кобзаря на москвинів не виливсь у нього новими віршами. Живучи серед москалів-солдатиків, таких же мужиків, таких же невільників, як і сам, Шевченко не дав нам ні одної картинки доброго серця цього «москаля», які ми бачимо в інших висланих, напр. у Достоєвського; москвин-мужик, одданий паном у солдати, малюється у Шевченка таким, що спомина свою милу тільки тим, що «така ухабиста собою, й менше белої не дарила». («Не спалося,— а ніч як море», 1847)*. Москаль, якого «вітала титарівна-лімерівна, що людьми гордувалася», для нього і в 1860 р. все-таки тільки «пройдисвіт», як у 1840 р. був тільки «чужий чоловік...» Певно ж, що коли національні поети тільки так будуть говорити про сусідів, то важко буде справдитись бажанню, «щоб усі слов'яни стали добрими

* Порівняйте, як те ж саме намальовано у Некрасова («Огородник») або й у Шевченка там, де він виводить не москвина, а свого, українця («Петрусь»).

братами!». Ось через що ми не думаємо, щоб Шевченко справді міг провести нас у «вільну, нову сім'ю» інтернаціональну.

Найдалі б міг провести нас Шевченко у справах громадських, які торкаються волі мужицької. Любов до мужика, до невільного, а потім і до бідного — це найголовніша провідна ідея Шевченка і як поета, і як чоловіка. З самого початку Шевченко, виступивши як поет український, навіть тоді ще, коли, зараз вирвавшись на волю, дуже паничував (як розказує д. Сошенко), зараз же заговорив про мужиків, бо про них безпремінно буде говорити всякий живий український поет. І все своє життя Шевченко найбільше говорив про мужиків, перше переспівуючи мужицькі казки й пісні («Причинна», «Тополя»), а дальше — малюючи мужицьке життя («Наймичка» і т. д.), найбільш затим, щоб оступитись за мужиків, яких кривдає чужі («Катерина») й свої пани («Послані до земляків» і т. д.), або затим, щоб показати панам примір у мужиках, кінчаючи оповідання такими словами: «Отак люди научайтесь ворогам прощати, як цей неук...» і т. ін. «Наша Україна» — рано стала для Шевченка все рівно що *мужики українські*, а «наша правда» — все рівно що *воля й веселе життя тих мужиків*. Та про це нічого нам багато розказувати: це всі добре знають, та й стаття д. Сірка говорить про це докладно.

Ми мусимо тільки зупинитись на тому, чи справді Шевченко думав про ту «правду й волю» й про те, як вона настане, так само, як думають соціалісти, як це говорять тепер про Шевченка часто наші товариші і між іншими й д. Сірко.

Ми ніяк не згодимось, щоб Шевченко був соціалістом. Ми думаємо навіть, що згодитись із ним було б шкідливо й для долі самого соціалізму на Україні, бо це б пустило невірну думку й про те, що таке соціалізм.

Перш усього, дійсного, на ґрунті стоящого соціалізму не може бути в тій громаді, в якій іще не знесено кріпацтва й не збудовано усього господарства на вільному наймиту-робітникові. Ми б добавили ще, що на ґрунті стоящого соціалізму не може бути й там, де не заведено ще уставної, парламентської держави, в якій тільки й виходить начистоту панування багатих. При кріпацтві й царському самодержавстві соціалізм може бути тільки навіянний ізбоку, більш книжний, ніж ґрунтовий, і іноді більш видом противукріпацьких і противучиновницьких думок, ніж справді соціалістичних, противубагатирських. Таким і був соціалізм московських і петербурзьких кружків 30—60-х рр., вичитаний із французьких книг; таким де в чому зостається й новіший соціалізм у Росії, хоч він справді вже почав ставати на ґрунт після того, як знесено кріпацтво *. Шевченко ж писав у часі крі-

* Про це тепер не час розводитись. Ми мусимо тільки сказати кілька слів, щоб цими кількома рядками не викликати непорозуміння між нами й нашими читачами. Така вже доля нової Росії,— з кінця XVIII ст.,— що в ній усі нові думки громадські беруться більш із європейських книг, ніж ростуть із власного життя, й раніше, ніж життя дає їм ґрунт. Сталось це через те,

пацтва і був занадто грунтовий чоловік, щоб не звернути найбільше уваги, власне, на мільйони невільних кріпаків, ніж на сотні вільних наймитів. До того нізвідки не видно, щоб Шевченко знову хоч що-небудь про С[ен]-Сімона, Фур'є, Луї Блана, Прудона і т. ін., ні навіть про соціальні романи Жорж Санд, яких уже й у 40-ві роки читали й у Москві, й у Петербурзі, а в кінці 50-х років дехто вже й у Києві. Нізвідки не видно, щоб із тими європейськими соціалістами думали познайомити Шевченка його більш учені товариші, бо не видно й на писаному ними самими ніякого сліду уваги до тих соціалістів і до зворушенії ними робітницької справи в Європі. Шевченкові, значить, доводилось би бути соціалістом уже зовсім «свого розуму», а найрозумніший розум не міг би вивести науки соціалізму тільки з того, що він бачив у Росії в часи Шевченкові, в часи не тільки самодержавства царсько-чиновницького, а й кріпакства.

Шевченко й наліг і на те, й на друге, і коли він виступав не тільки проти неволі, а й проти здирства державного, тобто, як каже д. Сірко, показував економічний бік царства, то це ще зовсім не робить із Шевченка соціаліста. І ще б таки противникові царства не говорити про подушне! * Шевченко, як каже д. Сірко, «дививсь на царів», хоч і не з «мужицького погляду», «як на джерело всякого здирства» (бо мужики

що татарщина та московська руйна (Новгорода, Пскова, України та Білої Русі — останніх двох Москва руйнувала не сама, а вкупі з Польщею) спинили зрості крайні руських, так що зложена накінець у XVIII ст. Росія причепилась до Європи XIX ст. зі складом життя XVI—XVII ст., а де в чому й ще давнішого. Це дає осібний склад усьому громадському руху в Росії, в якій передові люди не можуть не брати з Європи найновіших думок і не тільки прикладати їх до своїх далеко старіших порядків, а й випереджувати думкою ті стації, які пробігає її життя російське слідом за Європою, і навіть, глядячи на Європу, знівіряться у цих стаціях раніше, ніж вони наступають у Росії. Дехто думає, що в цьому є велика вигода Росії, яка б то незабаром зразу вскочить у найновіші стації зросту громадського Європи. Ми так не думаемо. Тільки в усякім разі така доля громадського руху в Росії є послідок усієї її географії й історії, — і її треба призвати хоч-не-хоч. Щодо соціалістичних думок, то в Росії за царя Миколая I треба було бути с[ен]імонівцем (як герценовці 1830-х років) або фур'єристом (як петрашевці 40-х років), щоб гаряче ненавидіти кріпакство й чиновницьку самоволю, тобто хотіти змін далеко ще не соціалістичних. У 60-ті рр. соціалісти, як Герцен, Огарьов, Чернишевський, клопотались про вигідніший наділ селян землею — теж про річ іще не соціалістичну, бажаючи її од царського уряду Росії. Тепер соціалісти в Росії поставили всю соціалістичну програму (вся земля селянам, усі фабрики робітникам і т. ін.), та ще її бездержавну, і виступають словом проти «буржуазії» ще раніше, ніж та склалась у Росії, а ділом ідуть більше проти самодержавства царського і перш усього доб'ються уставного (конституційного) царства, в якому то й складеться її візьме гору «буржуазія». Тільки ж тоді її складеться й грунтува, справді мужицька соціалістична партія, а при якій-небудь волі державній, може, її спроваді те, що Росія росте під натиском передових думок європейських, поможе її більше прилагодити до них і ті задні стації громадського руху, які вона мусить пробігти, щоб догнати Європу.

* Як цар братиме десятину й т. ін., говориться їй у Самуїла, Царств. I, VIII, 15—17.

напроти думають, що цар хоче добра, а деруть пани та чиновники), — соціаліст же й на державу дивиться найбільш (а дехто й зовсім) тільки як на кріпость для оборони панування багатих. Найбільше ж усього й Шевченко налягає не на здирство, а на неволю, на зневагу особи царями та панами, які в його картинах найчастіше насильники жінок, дівчат. Царі — те ж саме, та ще й до того насильники над народами, душогуби. Звідси до соціалізму ще чимала дорога. Те, що Шевченко говорить про багатих і бідних, про «дідами крадене добро» і навіть про роботящи руки й про «землю, всім данную», не змінює ні каплі зараз сказаного. Ми й у козацькій думі XVII ст. знаходимо, як дорікає Ганджа Андібер тодішніх дуків, що вони «позабирали луги й луки», а про соціалізм козаків XVII ст. було б дивно й говорити. А проти багатих і їхньої неправди ми знаходимо цілі купи писаного не тільки попами середніх віків, а й жидівськими пророками, та тільки коли ми їх запишемо в соціалісти, тоді стратимо всякий ясний образ соціалізму і попадемось, власне, в сітку, яку розкидають вороги соціалізму, коли кажуть, що соціалізм, тобто по-їхньому тільки скарги бідних на багатих, а не *справа організації всякої потрібної громади праці*, — старий, як світ божий.

Ось, напр., іще пророк Амос кричав на тих, хто «давить менших, хто меле на борошно бідних, хто гнете менших податками та побудував собі пишні виноградники й великі будинки, хто прибавляє неправду до неправди й грабунок до грабунку в палацах своїх» і. т. д.* Те ж можна сказати й у Осії, Ісаїї V, 8 зовсім немов слова Шевченка. Слова Шевченка про суд божий над лукавими — немов звісний псалом «Возстані, Боже**. В картинах «царства правди», які малює Шевченко, тільки що нема того, як «вовк буде лежати поряд із вівцею», як у пророка Ісаїї ***.

Шевченко, власне, тим так і любив пророків жидівських (див. у д. Козачковського) та Псалтир⁵⁵, що він сам думав їхнім способом про громадські справи. Зовсім мов біблійний пророк, який говорить про маленьке царство жидівське й велику ассирійську, або вавілонську, силу, Шевченко каже черкесам: «...лицарі великі, Богом не забуті! Борітесь — поборете! Вам Бог помагає» («Кавказ», 1845). Побіблійному майже все здумує собі Шевченко й те, що тепер звуть «соціальним переворотом», «соціальною революцією» і т. ін.

Коли ж одпочити
Даси, Боже, утомленим

* Амос, VIII, 4, 5, 2; VI, 12, 1—7, 14 і т. д.

** Також Ісаїї V, 8. Горе вам, що пригортаете дом до дому, поле до поля і т. д. X, 1, 2 — про неправі суди.

*** Увесь псалом Шевченка «Радуйся, ниво» (1859) про те, як Бог осудить неправих і визволить рабів, є ні що інше, як XXXV гол[ова] пророка Ісаїї, в якій Шевченко дещо переробив, напр., кінець. Хто хоче допевнитись, яку силу мала над Шевченком «Біблія до останнього часу, тому радимо слово в слово зрівняти псалом Шевченка і XXXV гол. Ісаїї.

І нам даси жити!
Ми віруєм твоїй силі
І духу живому.
Встане правда! встане воля!
І тобі одному
Поклоняється всі язики
Вовікі і вікі!

Вже в 1859 р. Шевченко малював «дива господнії», — як буде «Бог судить, визволяти довготерпливих і воздавати злодіям за злая», і перед самою смертю питавсь: коли ж то прийде «апостол правди і науки?» Навіть у ті часи, коли Шевченко зневірявсь у тому, що прийде той суд божий, той месія, яких він ждав, думка його виводила йому все-таки картини катастрофи цілком біблійної, хоч і без Єгови: «Чи буде суд? Чи буде кара царям, царятам на землі? Чи буде правда між людьми?.. Повинна буты.. бо сонце стане і осквернену землю спалити!»*

Поряд із цим біблейством або, лішче сказати, під біблейством у Шевченка жили спомини подніпровського селянина про гайдамацьку помсту над панством, і він переходив од біблійних думок про суд божий і месію до того, як «невчене око загляне панам у очі, глибоко, глибоко, як потече сторіками в синє море кров дітей панських», та й цю картину гайдамацтва збивав на біблійний лад: «Настане суд — заговорять і Дніпро і гори!»

Отже, думки чоловіка, яким володіли майже зовсім тільки біблійні пророки та спомини українського гайдамацтва, не можуть ставитися в ряд із думками соціалізму XIX ст.

Правдивий соціалізм у думці й праці настав, власне, у XIX ст. як через те, що тільки тепер, після великих державних змін і революції XVI—XVIII ст., — настало панування вільного багатирства в державі та праця вільних наймитів у господарстві під урядом багатирів, так і через те, що тільки тепер склались остаточно й допевнились і думки передових людей XVIII ст. про природний *незупинний поступ* громадський наперед — *прогрес*, поступ у господарстві, в громадських порядках, у науках і знаннях. Думка про такий прогрес скасувала віру в суди божі, в апостолів і всякі катаклізми згори, не тільки од бога, а й од «великих людей» і начальства, і показала дійсний розум і таких гострих, часових рухів, які перше можна було вважати за катастрофи. Вона поділила їх на бунти, або почастні повстання людей, яким немогут терпіти такі чи інші порядки, що їх безпосередньо давлять, і на *революції* — широкі рухи людей, знають що ясно й те, що валити їм, і те, чим замінити повалене, рухи, які підготовлялись широким прогресом громадським і в яких беруть участь не самі тільки ті,

* Пор. Ісаї XXXVIII — про день помсти за неправду, особливо 4 і 9, як зорі на небі стліють, річки повернуться в смолу, порох — у сірку і земля зробиться гарячою смолою. Як земля згорить — також XIV, 6.

яких безпосередньо давлять такі чи інші порядки, а всі, хто вінав, що ті порядки вже негідні для спільних громадських потреб їхнього часу *.

Вже С[ен]-Сімон, власне, батько соціалізму XIX ст., хоч і пустив свої громадські думки, назвавши їх «новим християнством» (*«Nouveau Christianisme»*, 1825), і хоч казав навіть, як і ранішні сектанти, що він тільки висуває нагору правдиві християнські думки, які були по-псовані після Христа, та все-таки виступив зразу ж зовсім не на церковну дорогу: в його трьох основах нового порядку стоять: *наука й ремесло* (*science et industrie*; див.: *«Catéchisme des industrielles»*, 1823; *«Nouveau Christianisme»* і ін.). Він іще замолоду радив прокопати Панамський перешийок; одні з перших книг його були *«Вступ до наукових праць XIX ст.»* (*«Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle»*, 1807—1808), який прив'язується до славної книги XVIII ст. Кондорсе⁵⁶ *«Нарис картини поступів розуму людського»* (*«Esquisse d'un tableau des progrès de l'esprit humain»*) і є одна з перших проб показати спільність усієї науки й праці людської на всьому світі. А його *«Кілька думок філософічних на вжиток XIX ст.»* (*«Quelques opinions philosophiques à l'usage du XIX»* в книзі, виданій у 1825 р. *«Opinions littéraires, philosophiques et industrielles»*) є також одна з перших проб показати, як поступали вперед громадські думки й порядки в старий вік, у середній, у новий і в новіший у європейській історії. С[ен]-Сімонова записка про потребу нового круга науки (*«Nouvelle Encyclopédie»*) подає думку про потребу вивести людей для нового громадського життя через новий круг нової науки. Треба додати, що С[ен]-Сімон, хоч, звісно, більш усіого звертав увагу на свою Францію, та все клопотавсь про зміну порядків у всіх, хоч європейських, громадах і про спільність усіх їх проміж себе. Вже в 1814 р. з'явилася книжка: *«De la réorganisation de la société européenne, ou de la nécessité et les moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique, en conservant à chacun son indépendance national; par M[onsieur] le comte de Saint-Simon et par Augustin Thierry, son élève»*⁵⁷. Не забудьмо й того, що с[ен] сімоновці збудували першу залізну дорогу во Франції, що С[ен]-Сімон мав велику силу над історичною наукою французькою (зараз ми бачили, як Ог. Тьєрі підписався його учеником, *élève*), навіть над новою матеріалістичною філософією німецькою Фейербаха, нарешті, що з с[ен] сімонівців вийшов Й. Ог. Конт⁵⁸, який дав величезну картину поступу людського в думці й громадських порядках у своїй *«Позитивній філософії»*.

Батько соціалізму XIX ст. в Англії Роберт Оуен теж виступив із *«новою вірою»*; тільки ту віру він зразу oddілив од усіх інших і од

* Звісна розмова між Людовіком XVI і герцогом Ліанкуром, який сказав королеві про те, що народ у Парижі взяв Бастілью (14 липня 1789 р.): «Що таке? Бунт?» — «Скажіть, В[аша] В[еличність], революція!» — «Quoi? c'est une révolte?» — «Dites, Sire, une révolution!»

християнства як віру розумову, раціональну (*rational religion*) і зв'язав свою «систему нового розумового порядку й розумової віри» з вирібкою характеру людського («Нові погляди на громаду, або про сформування людського характеру», 1812 р.). І в Роберта Оуена підложена під усіма його замірами, хоч і не так широко, як у С[ен]-Сімона, думка про поступ у історії; в компанії Оуена бачимо хіміка Дальтона⁵⁹, винахідника паровозів Фултона⁶⁰; і поступ ремесловий також важкий і для Оуена, як і для С[ен]-Сімона.

Новіші ж соціалісти, од Луї-Блана (якого книга про «Впорядкування праці» — «Organisation du travail» — появилась уже в 1839 р.), вже не мали й того зерна сектантства, що було в старших; для них уже вся історія людська є ясний поступовий зріст, якого соціалізм мусить бути конечною квіткою, звісно, яку тільки ми тепер мусимо пригадати. З Прудона ж, якого основні думки були вже напечатані раніше, ніж розігнано київське «братьство» («Що таке власність?» — «Qu'est ce que la propriété?», 1840 р., «Філософія бідності» в 1846 р.), — з Прудона сама «соціальна справа» стає частиною соціальної науки *.

Тепер порівняймо ці основні думки європейського соціалізму з думками Шевченка про «суд божий», про «суд, на якому невчене око, немудрі премудрих одурять», пригадаймо, що Шевченко тільки й знав, що хліборобство та свою Україну, про яку він казав, що «нема на світі другої», та трошечки зачепив тільки Слов'янщину, та й спитаймо: чи можна ж справді поставити Шевченка в ряд європейських соціалістів — не тільки його часу (40—50 рр.), а й ранішого?

Скажуть, може, що Шевченко не все ж говорив про «суд божий» та «сторіки крові», яку проллють «немудрі», а й про слово, котре стане на сторожі коло менших, котре зійде колись правдою, про апостола науки і т. ін. Це все так, і це все показує, що думки часу, хоч здалека, а зачепили й Шевченка. Та тільки здалека й зачепили, а не вкорінились у ньому так, щоб логічно прилагодити до себе всі інші його думки. Перш усього про такі речі Шевченко говорив не так часто й багато, як про суд Божий та гайдамацтво, і говорив усе-таки біблійним способом (*апостол науки; «слово»* нагадує «Слово» євангеліста Івана). А головніше — всі ці нові слова Шевченка не в'яжуться з старими й показують тільки, як часами Шевченко говорив кожний раз інше, сам не знаючи, куди йому кинутись, на віщо покласти надію в сумному життю своєму й України. До того ще придалось, що добре серце Шевченка жахалось тієї *kari bожої*, того суду невченого ока, яких він викликав, і тоді Шевченко просив «старших покаятись, обняти найменшого брата, молив, благав і старших, і менших обнятись» і т. д.— і показував тут у собі чоловіка м'якого, доброго серця, а не

* Ще в книжці про власність Прудон вложив як свої думки про безнаціальство (*anarchie*), так і про те, що «все, що робиться законами й політикою, є справа науки, а не гадання» («tout ce qui est matière de législation et de politique, est l'objet de science, non d'opinion»).

чоловіка, який знає, що в історичному поступі більш усього має силу не добра воля осіб із усіма тими судами над ними, карами й страхами кари й каянням, а мимовільний зріст громадського життя та впорядкована громадська праця й тиха, й гостра. Ми думаємо, що деякі приміри думок про те, що справді радив робити Шевченко, які ми показали в І голові, показують, як можна заплутатись, коли сказати собі, що Шевченко є порадчик у громадській праці, а почастно в праці соціально-революційній. Усі добре надії Шевченка й добре слова, все його вагання од «свяченого ножа» до «братьського поцілунку» тільки однімали навіть поетичну силу й дійсну вартість в його гайдамацьких викликів і затемняли його образи повстання пригнічених рабів. Це можна бачити, напр., по «Заповіту», в якому він кличе перше: «Кайдані ломіте і вражою злою кров'ю волю окропіте», а потім просить «пом'янути його незлім, тихим словом», так, мовби можна зразу заговорити тихим словом, маючи кров на руках,— або в псалмі про «суд божий» («Радуйся, ниво»), де Бог відає злодіям «за злая», а сліпити «владик» так, що вони й «шляху не найдуть», «а рabi тими шляхами, без гвалту й крику, походяться» і т. д.

Звісно, що й «революції не робляться на рожевій воді», а бунти самих «немудрих рабів» тим більше. І українські гайдамацькі повстання XVII—XVIII ст. робились, власне, не з тихими словами, а з гвалтом і криком, та, по крайній мірі, були цілосними проявами, як і ті пісні про Перебийноса, Нечая, Гонту, Залізняка і т. ін., які й досі живуть у наших мужиків і в яких нема того вагання й непостійності, які є в заповітах та псалмах Шевченка. Пісні ті не можуть розказати думок теперішнього громадіства, та, по крайній мірі, ліпше показують, яку силу має в історії й гайдамацтво, ніж Шевченкові заповіти та псалми.

Що ж до слів Шевченка про «науку», то вже через те не можна рівняти їх до слів якого-небудь С[ен]-Сімона, що подрібно говорив Шевченко тільки про одну науку — історію України, та ще найбільше «по могилах», і він же в інших віршах сердивсь на те, що «москаль уже й могили козацькі розкопує». Про ту спільність науки, вміlostі й господарства, яку сенсімонівці звали *industrie*, нема й спомину в Шевченка, як і в інших українолюбців його часу.

Далі не треба забувати, що ясний і постійний погляд на те, яку силу має для зміні громадських порядків і наука, й слово, й ножі, які в думках Шевченка мусили зійти на українській ниві з насіння його слова, дає, власне, думка про безупинний поступ громадський. А думка та виходить або з безпосереднього доглядання, як переміняються од громадської праці громадські порядки, як це бачили європейці в XVI—XVIII ст., або з науки всесвітньої історії, всього ліпше і з того й з іншого. В Шевченка як у підданого такого сонного й темного царства, як Росія, що ще й не знав всесвітньої історії, не могло бути такої думки. Через те він і не міг твердо стати й на думці про те, що справді з його насіння-слова будуть жнива. Він сам собі каже:

.....Орю

Свій переліг — убогу ниву!
Та сію слово: добрі жніва
Колись-то будуть.. I дурю —
Себе-таки, себе самого,
А більше, бачиться, нікого...
Дурю! Бо лучче одурити!
Себе-таки, себе самого,
Ніж з ворогом по правді жити
I всує нарікати на Бога!

(1860 р., 5 жовт.)

і кілька днів опісля (18 жовт.) каже сам собі: «сиди! — і нічогісінько не жди!» Такого не говорив ні один соціаліст у Європі. Такого не говорять тепер соціалісти і в Росії, навіть сидячи у тюрмах, мов у могилах.

Накінець треба нагадати, що європейський соціалізм із самого свого початку не думав тільки виступати проти старого порядку, а зараз же поставив проби й нового впорядкування громадського, зараз же наліг на таку річ, як спілка, толока, праця громадою — association. Подібну думку тільки через силу можна накинути нашому кобзареві, як це робить д. Сірко, коли бачить у словах його: «по якому правдивому, святому закону землею, всім даною, торгуєте?», що Шевченко признавав землю «громадською власністю». Перш усього Шевченко зовсім не спинявся на чисто господарських справах, які, замітимо, не були і його ділом. Коли б же його спітали, як вправитись із землею, що од панів одібрано, то він, певно, одповів би, як колишні козаки, думкою про рівну «займанщину»*. Не тільки Шевченко, а й учені українофіли мало звертали уваги на господарські речі, а почастно спілкове господарство навіть не високо й ставили. Ми вже пригадали в I т. «Громади», що господарський бік нашої історії громади (купи, копи і т. ін.) досі не досліджений нашими вченими. Навіть на спілкове господарство в Січі (правда, не хліборобське, а охотницьке, скотарське й рибальське та спілкове харчування по куреням) наши вчені не звертають уваги, і досі в усіх українськіх напроти «общинности» великоруса («Две русские народности»). Та таки здається, що спілкове господарство в українських селян

* Можна думати, що самі слова: «по якому святому закону торгуєте?» склались у Шевченка на лад біблійний: у книзі Левітів (XXV, 23—24) стоять: «а землю ви не мусите продавати в (вічну) власність, бо земля моя (каже Бог), бо ви в мене гости й проживальники. От через те-то по всій вашій країні мусите ви попускати (на 49, ювілейний рік) викуп (запроданої землі)». Тільки ж і закон старожидівський про кінець усіх заставів і запродажів через 49 р. далекий уже був і од ранішого громадського господарювання на землі і ще даліше од такого, якого хочуть соціалісти.

почало знову заводитись тільки недавно, після волі вже *. Не диво, що Шевченкові, який не знати європейських думок про спілку, ні-звідки було взяти картин спілкового господарства і що скрізь, де він малює свій «рай», він показує осібну сім'ю, а не спілку або громаду. Пригадаймо, напр., хоч «Сон» («На панщині пшеницию жала...»), а в ньому такі слова:

Уже не панські, а на волі;
Та на своїм веселім полі
Удвох собі пшеницию жнуть,
А діточки обід несуть...

Коли ж у словах Шевченка про «братолюбіє» і «единомисліє» бачити думки соціалістів про «асоціацію», то не тільки всі повищі «буржуазні демократи», які ж написали ще на першій республіці французькій «fraternité», «union»⁶¹ і т. д., а й усі моралісти од Конфуція будуть соціалістами.

Не можучи згодитись із тим, щоб Шевченко був і міг бути соціалістом, ми не можемо згодитись і з тим, щоб Шевченко був і дійсним революціонером або навіть постійним громадським, політично-соціальним діячем. Ні для того, ні для другого ні в Шевченка, ні коло його не було ґрунту ні в думках, ні в силах.

Тут ми знов мусимо вернутись до того, що в Шевченка не було ясної думки про поступ громадський у історії. А тільки ця думка дала Європі дійсних, постійних революціонерів і політично-соціальних діячів взагалі. До того революції поставали більше од почувань, ніж од думки (як, напр., особливо повстання національні), більше були консервативні, класові, ніж прогресивні, всеспільні (напр., у Швейцарії, в Гольштині і т. ін.— за стару, звичайну волю селян, у Англії і ін.— за привілеї шляхти й городів, як у нас за привілеї козаків і т. д.), більше піднімались проти найгостріших фактів, ніж проти системи (напр., навіть швейцарське повстання проти фогтів імператорських, а не то вже повстання козаків і городян московських «за царя — проти бояр»), — і через те все були більше бунтами, ніж революціями, і дуже рідко добивались того, чого їм було треба. Найбільше думки було в повстаннях із-за віри, проти начальства чужої віри, та й тут уже одна церковна думка про те, що все од Бога — й чуже начальство, й муки, спиняла руки, які готові були піднятись проти церковної неволі. Так ми бачили й у часи великої церковної зміни (Реформації) трохи не до самого кінця XVI ст., коли таки зважились і протестанти,

* Ми нагадували писане про громаду й спілкове господарство на Україні в старовину й тепер у I т. «Громади». Тепер нові ще факти показані в виданнях статистиків чернігівського земства 1877—78 рр.

Галицькі народовці, які, виступаючи проти соціалізму, показують на індивідуальність українців, кажуть не од себе і зовсім основно здаються й на українські авторитети. Вони тільки не хочуть знати ні Січі, ні нових фактів із українського мужицького життя.

й католики одповісти на питання, чи можна повставати оружно проти царя, що давить їх віру? — Можна й слід!

Іще голландська й швейцарська революції XVI ст. були такими старими повстаннями; такою на більшу частину була й шотландсько-англійська революція в половині XVII ст. (яка, між іншим, одним боком боронила волю в себе й заводила неволю в Ірландії) — і тільки французька революція кінця XVIII ст. явилається уже цілком новою революцією: з-за цілком нових думок громадських про рівне право кожної людини й право всякої громади наставити собі такі порядки, які вона схоче. Діло в тім, що між великим англійським бунтом (*the greath rebellion*) і великою французькою революцією (*la grande révolution*) у передових людей у Європі порвалась укінець віра християнська й виробилася думка про природний і безупинний поступ в історії.

Та думка була плодом старих змін і революцій, найбільш революцій реформаційного часу. Під кінець XVII ст. справді вид усієї Західної Європи й кожної країни в ній став не той, що був двісті років перед тим. Ремісництво й торг, які пішли вгору після того, як знайдено морську дорогу в Індію й Китай та Америку, зробили життя людське далеко лагіднішим, ніж перше. Найбільше ж вражала думку людську неподібність життя церковного: неоднакові віри та ще й як де, то в одній державі з рівним правом. Така згода різних вір стала перше по нужді, а не з навмисної думки, бо перше кожна й нова віра, протестантська, також хотіла панувати над іншими, як і стара, католицька, бо себе тільки вважала святою, а інші — чортовими. А як сталося, що скільки не різались люди з-за віри в XVI—XVII ст., а все не могли звести всі віри на одну, то мусили якось помиритись. А після ряду церковних мирів по нужді ті люди, що стали більше вважати на зріст ремесла та торгу, ніж на попівські суперечки, та вчені, які, читаючи старі книги, грецькі й римські, та подорожі по далеких землях, мали нагоду порівняти християнські церкви з науковою дохристиянською та вірами нехристиянськими в диких і в більш учених народів у Індії, Китаю і ін.— зневірились у святості однієї якої-небудь церкви й стали говорити про віру природну, яка росте з ростом громадських порядків і розуму людського. Потроху передові люди склали думку й про волю кожного вірити так, як він думає, *й про зріст цієї волі в історії всього світу*. Як тільки ця думка запанувала в передових людей у громадах Західної Європи, так за нею пішли й інші: про волю й ріvnість кожної людини в державі, в громаді, далі про те, як забезпечити впорядкування громадського господарства, щоб та воля стала дійсною, пішов лібералізм, демократизм, соціалізм. Усі старі почуття, як, напр., бажання непідлегlostі під чужу породу, всі недобитки старих вільних звичаїв і привілеїв, спомини старих бунтів і т. ін.— все те тепер або прилагоджувалось до цих нових думок, коли хоч у чому-небудь згоджувалось із ними, або засихало, коли було їм противне. Думка про поступ в історії стала

підpirати всі змагання до зміни в громадських порядках по тих нових думках, зміни то миром, то повстанням. Думка про поступ *позаду нас* підpirала передові гурти й тоді, коли вони були ще малими, даючи їм певну надію, що подібно ж буде поступ і *од нас*, і *після нас*. Так, напр., тепер соціалісти, заступники «четвертого» стану громадського, бачачи й признаючи те, що зробила в свій час для поступу громадського буржуазія, «третій» стан громадський, тим більше хочуть іти далі й підpirають свої надії на те, що таки вони доборються до свого, приміром того, як боролась і доборолась до свого та буржуазія.

Так-то думка про поступ історії наперед стала ґрунтом і підвалиною всякої громадської — політично-соціальної — праці, мирної, як і повстанської, і в цілих гуртів, як і в кожній людині осібно, вливаючи *вільним робітникам коло добра громадського* таку силу в душу, яку колись давала найліпшим із рабів божих віра в царство небесне за службу Богові й церкві; тільки тепер та нова думка не несла в душу тієї шкоди, яку наносила стара церковна віра.

Ми бачили, що в Шевченка не було міцної й ясної думки про поступ в історії, бо її й не могло бути в чоловіка, який думкою стояв на церковному ґрунті, не мав європейської науки й знав тільки російське життя часів Миколи I. Такий чоловік і не міг стати не тільки дійсним революціонером, але й яким-небудь постійним діячем, яких ми бачимо в Європі XIX ст. Правда, Шевченко міг би стати хоч революціонером непідlegості своєї породи й країни — таким, напр., яких бачимо в поляків, що іноді обходились і без віри в поступ, а тягли, власне, до своєї старовини. Та не треба забувати, що почуття одрублності своєї породи й державної непідlegості її од других ніколи не було в українців таке велике, як у поляків, а після руїни, яку потерпіла Україна за XVIII ст., те почуття ще більше ослабло і що сам Шевченко й у ті часи, коли він найбільше тягся до старої козаччини, казав: «Було колись! Та що з того?! Не вернеться!!» В кінець треба сказати, що який би не був гарячий чоловік Шевченко, він усе-таки був майже один такий, бо навіть і людей особисто гарячих до громадської праці багато не може бути там, де нема ще доволі людей із вивченими думками про ту працю і де руїна всіх старих громадських спілок між людьми й державна неволя вслабили в людях дух товариства й вільного вчинку. Один же, та й два-три, не тільки не вояки в полі, а навіть не можуть бути й ініціаторами до того, щоб збирати людей до дійсного бою проти всього того, що бачить навколо себе.

Так Шевченко й зоставсь чоловіком, який мав добре громадські бажання, часами мав повстанські мрії, а все-таки не став ні політично-соціальним, ні, ще менше, революційним діячем, навіть і таким, яким може бути поет. Усе ж таки велика доля написаного Шевченком показувалась до 1847 р. тільки приятелям, а потім зовсім зоставалась сковою аж до 1876 р., коли вона навіть перележала. Ми вже

казали й у II ч. «Громади», що не так робили поети-революціонери, як, напр., Віктор Гюго, а в Слов'янщині — Міцкевич.

Це зовсім не понижав Шевченка як людину, а тільки показує міру, вище якої не виросла (через що б там не було) його громада. Ганити ж громаду, чом вона не була сяка, а така — дурниця. Одне розумне діло, яке можна зробити тут,— це роздивитись, яка вона була, щоб зрозуміти, яким міг і мусив стати серед неї й такий чоловік, як Шевченко.

Вже з того, що ми написали вище про київське товариство 1845—46 рр., можна бачити, що д. Сірко дуже поспішивсь побачити в тому товаристві «пансловістично-революційні ідеї», заміри «покликати слов'ян до знесення царської владі й кріпацтва» і т. ін. По крайній мірі, близько стоявші до діла люди говорять, що це товариство, цей «зародок практично працюючого українського руху (partie d'action⁶²)», було далеко смирніше, а ще смирніше думало «проводити свої бажання й між письменних людей і в простий народ». Та, певно, коли б хоч «рукопись одного з громадян, працюючого по історії свого краю», була така, яка вона виходить у словах д. Сірка, то його б не осудили тільки за «намерение составить тайное общество, в котором обсуждаемо было бы соединение славян в одно государство», і не вислали б тільки в Саратов⁶³. Згадаймо долю соціаліста Петрашевського⁶⁴, який і вмер у Сибіру, або й не самого першого між петрашевцями д. Достоєвського, який був гірше покараний, ніж сам Шевченко, бо був 9 років у каторжній роботі.

Що сказали ми про все братство київське, треба сказати й про Шевченка, звісно, найгарячішого й найреволюційнішого думками між братчиками. Те, що розказує д. Сірко про «пропаганду Шевченка на Подолі, в Києві й по шинках, про Васюру й про тих міщан, яких знайшли українські хлопомани початку 60-х років і які пройнялись соціально-демократичною й національною пропагандою Шевченка», треба б перевірити холодною критикою, поки що не забуто дійсного і поки ще не виросли казки. Поки ж що ми маємо печатне свідоцтво од дуже близького до Тараса чоловіка — д. Варфоломея Шевченка. Той розказує про Тараса якраз тоді, коли він був уже братчиком київським і жив на селі, серед «народу», в такого чоловіка, як сам д. В. Шевченко, якого він поважав і на якого всякий пропагандист-революціонер, а надто дійсний революціонер, безпремінно б наліг, щоб привернути його не тільки до своїх думок, а й до праці, щоб він став осередком цілого революційного братства й між мужиками.

А в д. В. Шевченка ми знаходимо тільки ось що («Правда», 1876 р. «Споминки про Тараса Гр. Шевченка», 27—28):

«Раз ходили ми з Тарасом по саду: він став рекламиувати «За горами гори хмарою повиті...» Я слухав, притайвши дух; волосся в мене піднялося дібом! Я став радити йому, щоб не дуже «заходив він у хмари». Тарас став показувати мені якісь портрети й говорив, що то все його приятелі, що всі вони вмовилися працювати задля

народної просвіти. Ця праця мусила йти ось якою дорогою: кожний з них, відповідно своїм достаткам, визначив, яку суму він вкладатиме в громадську касу. Касою вправлятиме виборна адміністрація. Каса ростиме як із вкладок, так із процентів, і як виросте гаразд, тоді видаватиметься з неї тим убогим людям, які, скінчivши гімназію, не матимуть спроможності йти в університет. Той, хто брав цю запомогу, повинен був, скінчivши університет, служити шість літ учителем на селі. Сільським учителям гадали вистаратися від казни й від поміщиків-панів плату, а коли ця плата буде мала, так давати запомогу з каси. Я спітав Тараса: яким же путем можна добитися, щоб уряд видав позволення заводити по селах школи? Тарас відповів мені, що це вчиниться дуже просто: по козачих і казенних селах уряд не заборонятиме, а поміж панських треба наклонити панів. Тарас мені ддав, що думка, як би завести по Україні добре сільські школи, народилась у нього ще тоді, як він був у кирилівській школі.

Гадка про темноту нашого люду й про велику потребу освіти давно сиділа й у мене в голові: од слів Тараса я дуже зрадів, але мені показалося, що, дбаючи про народну освіту, не слід Тарасові пускати такі твори, як «За горами гори». Тарас задумався: довго він ходив по саду, спустивши голову, й до самого вечора я не добився від нього іншого слова, окрім: «Ні» або «Авежак пак так». Прийшовши ввечері в хату, він сів біля столу і схилився на свій товстий ціпок, який хтось переслав йому з Кавказу. Довго так сидів він мовчки, та вже жінка моя спітала:

— Чого це ви, Тарасе Григоровичу, такий смутний! Може, що неприятно вам?

— Ні, сестро! — одповів він.— Так!.. Не одне в мене в голові.

Тут треба додати, що Тарас мав незвичайну силу слова: наче було що розказувати, всі його слухають мовчки, наче якого проповідника».

Як кому завгодно, а цього всього мало, щоб зважити Шевченка за члена «практично працюючого революційного товариства» й навіть за навмисного пропагандиста революційних думок між мужиками.

Є в нас і дві печатні звістки про дійсні виступи Т. Шевченка перед цілими купами мужиків. Вони показують, що Шевченко був гарячий чоловік, який не вдергувавсь, коли траплялось бачити неправду, й при нагоді навчав людей добруму. Так д. Варфоломей Шевченко розказує (тамо ж, 26):

«З Кирилівки поїхав Тарас у Київ. Брати його провели його до шинку на кінці села й затягли його випити на прощання.

Випили більш, ніж треба було, і вийшло ось що. Жид-шинкар почав лаяти якогось крестьянина; Тарас не витерпів. «Чого дивитеся, хлопці! Простягніть жида та висічіть!» Ці слова мов огнем запалили хлопців. Жид не вспів озирнутися, як його розложили, в один миг явились різки, і потільки били жида, покільки Тарас не сказав: «Годі!»

Не треба говорити, що жиди з цього зараз зробили цілий «бунт». Пішли доноси, що Шевченко проповідує колівщину (?) і на пробу зібрали сто чоловік селян і хотів вирізати всіх жидів у Кирилівці!. Поліція піднялася на діби; але скінчилось на тому, що брати Тарасові одкупились і покрили собою всіх тих, які брали участь у жидівській хлості!.

Чужбинський говорить про другий випадок, де Т[арас] Григор [ович] поміг жидові («Воспоминания о Т. Гр. Шевченке», 18):

«В то время, как в П... перепрягали нам лошадей — это было ночью,— в соседней улице случился пожар. Горела убогая лачужка. Народ сбегался, но тушили и помогали преимущественно евреи, потому что в лачуге жил их единоверец. Мы прибежали на пожар, в свою очередь, и Т. Г. бросился спасать имущество погорельцев. Он наравне с другими выносил разный хлам и по окончании держал речь к христианскому населению, которое как-то неохотно действовало на том основании, что «горел жид». При всей нелюбви своей к этому племени, что не удивительно было тогда не только в простом украинце, слышавшем еще от живых свидетелей о поступках евреев за Днепром, но и в высших классах общества, Шевченко горячим словом упрекал предстоявших в равнодушии, доказывал, что человек в нужде и беде, какой бы ни был нации, какую ни исповедывал бы религию, делается нам самым близким братом».

І тут ще не видно революціонера, як і в тому всьому, що розказують про Т[араса] Гр[игоровича] Чужбинський і Козачковський.

Після того як вернувшись Шевченко в європейську Росію, він не дуже-то посмирнішав у своїх мріях і бажаннях, хоч по всьому видно, що він став більше думати проти попівщини, ніж проти інших старосвітських порядків. Тільки ж знов чи через те, що Шевченко знову опинивсь один в полі воїном, чи через те, що він знов не міг сам собі здумати того, що ж йому робити для того, щоб закласти хоч початок *праці* по його думках, а він виступав у громадську працю дуже мало й дуже смирюно.

Як далекі од революційності були вчинки найголовніших українофілів, можна бачити зі статті одного з них, напечатаної в «Колоколі» 1860 року і вже спом'янутої нами. Перш усього в ній на перший план висувається справа національна. Далі в ній ось як говориться про стан українофілів до уряду:

«Благотворное влияние весны (хотя не постоянной, с частыми рецидивами зимних морозов) [в] царствование Александра II пробудило и Малороссию. На украинском языке появилось вдруг несколько прекрасных сочинений. Освобождение крестьян оживляет нас надеждами за бедный угнетенный народ наш, у которого отнято все, чего он домогался во всю свою жизнь с такою настойчивостью и самопожертвованием. Благодарим императора Александра II и просим только, чтобы народ освободился не по одному имени, но чтоб пользовался перед законом одинаковыми правами с дворянством:

иной свободы Украина, упорная в старых своих убеждениях, не понимает.

Мы желали бы сверх того, чтоб правительство не только не препятствовало нам, украинцам, развивать свой язык, но оказалось бы этому делу содействие и сделало бы теперь же распоряжение, чтоб в школах, которые, как оно само уже объявило, будут заведены для нашего народа, предметы преподавались на родном языке, ему понятном, а не на официально-великорусском, иначе народ украинский будет заучивать лишь слова, не развивая своих понятий. Более мы не станем требовать и желать, особенно для себя, ничего независимо от общих, совокупно со всей Россией желаний. Никто из нас не думает об отторжении Южной Руси от связи с осталльною Россией. Напротив того, мы бы желали, чтоб все другие славяне соединились с нами в один союз, даже под скипетром русского государя, если этот государь сделается государем свободных народов, а не всепожирающей татарско-немецкой московщины. В будущем славянском союзе, *в него же веруем и его же чаем* (тільки «веруем и чаем!»), наша Южная Русь должна составить отдельное гражданское целое на всем пространстве, где народ говорит южнорусским языком, с сохранением единства, основанном не на губительной мертвящей централизации, а на ясном сознании равноправности и своих собственных выгод».

Ми думаемо, що в цих бажаннях усього менше революційності; для тих же, хто б став шукати в програмі українофілів 60-х років соціалізму, цікаво буде звернути увагу на те, що в зараз виписаних словах навіть ні слова не сказано про землю для селян, а говориться тільки про їх рівність із панами в правах державних. Після цього ще дивно й те, як сам Шевченко все-таки не забував згадувати про землю,— певно через те тільки, що сам був мужик, а не через те, щоб він чув про «соціально-економічні справи» од своїх учених приятелів.

Мало того, все, що ми знаємо про українофільство петербурзьке 60-х років, показує, що в ньому не було не тільки революціонерів, але навіть скільки-небудь політичних людей, людей із системою політичної праці. Правда, один між ними, д. Костомаров, мав велику силу в освічених громадян у всій Росії, і його не забуде історія й зросту думок про державно-громадські справи в Росії: він зворушив думки про *народоправство*, про союзництво (*федералізм*), про *мужицтво* (чернь). Тільки ж те зробив він як історик минувшого, а не як суддя теперішнього й порадчик громади в теперішніх справах. Звісно, як історик, Костомаров мав свою службу громаді, і він справляв її так, як можна б бажати, щоб усі справляли свою. Тільки ж громада має потребу й у других службах — у порадниках у біжучих тепер справах. Костомаров же не раз казав, що він не думає прикладати до теперішнього тих думок, що він говорив про минувше, не раз зрікався служби порадника в живих справах, а раз йому лучилось виступити з такою радою, яка могла тільки найменше заставити здвигнути плечима. Це лучилось, коли галичани Ливчак і Климкович (бувший колись між

упорядчиками «Мети») почали видавати в Відні «Славянскую зорю»⁶⁵ з московсько-панслов'янським духом і обернулись за радою ї до Костомарова, а той їм одповів: «Будьте перше австрійцями, а потім уже слов'янами!!» Окрім же Костомарова, не було тоді між українолюбцями зовсім чоловіка зі скільки-небудь твердими громадськими думками.

А тим часом росли справи державні й громадські в Україні, в Росії, в Слов'янщині — справа політичної волі, селянської волі і т. ін., потім польська, західнослов'янська, і всі вони проходили майже зовсім без того, щоб українолюбці подали свій голос. Про польську справу важко було промовчати українолюбцям: та вони тільки й сказали (в «Основі» 1861—62 р.), що ми не хочемо йти з польськими повстанцями, а що ж ми хочемо самі робити, з ким хочемо йти, про те не сказали, а в найгарячіший час зовсім замовкли або говорили щось неясне й безіменне в «Меті», од якої, напр., д. Костомаров печатно одрікавсь. Скінчилось тим, що українолюбці косо, а то й просто пішли в польській крові за начальством: впорядчик «Основи»⁶⁶ й д. Куліш так і поїхали служити в Польщу. Д [обродій] Костомаров, звісно, не міг піти на те. Він довго й держав себе, по крайній мірі, чисто, аж поки торік не написав у «Новом времени» статті «Полякам-миротворцам» такої, що хоч би й «Московским ведомостям», а то й «Киевлянину». Справу слов'янську кирило-мефодіївські братчики київські, появившись у Петербурзі з кінця 50-х років, мов навмисне занехаяли зовсім. Навіть ніякого впорядкованого й ясного погляду на галицькі справи не сказали петербурзькі україnofіли 50—60-х років. Одною справою майже виключно заклопотались були ті україnofіли: справою мужицької освіти як способу піддержати, щоб не втратилась українська порода й мова. Та при першому пороzi, на який вони наткнулись, вони й стали — і навіть замовкли. Ми бачили з «Колокола», що українолюбці казали, що бажали б, щоб «правительство не только не препятствовало украинцам развивать свой язык, но оказалось бы тому содействие», — і всю свою працю налагодили на таке бажання. А що ж робити, коли «правительство воспрепятствует»? До цього не приготовились...

Звісно, всякій постійній праці громадській, та ще й упорядкованій, на дорозі стояли казенні перешкоди. Тільки ж ми бачили, що поляки, напр., а найбільше, власне, ті, що попробували кари за царя Миколи, не зупинились, а робили своє діло, вже як його вони розуміли, а робили. До них не можна й оддалека рівняти наших українолюбців, навіть і самих братчиків 1845—46 рр.

Молодші ж українолюбці, які з'явилися у останні роки життя Шевченкового в Харкові й Києві, були ще дуже молоді, та до того зглядалися на старших, і навіть опісля не зробили за себе й того, що старші, а потім розбрелись або замовкли ще більше, ніж старші.

Ми говоримо це все не для того, щоб винуватити кого, а тільки для того, щоб показати міру й силу ґрунту й товариства, на якому й

з яким мусив жити й працювати Шевченко. Міра та й сила була, як бачимо, дуже невисока, навіть нижча, ніж могла б бути й у такій землі, як Росія. А тут іще силу самого Шевченка надірвало життя його в Азії.

А що силу ту підірвало життя в Азії, це ясно з усього. Звичайно говорять про тяжку кару, на яку осуджено було Шевченка; згадують, між іншим, як про найтяжче про те, що йому заборонено було писати й малювати. Тільки ж нам здається, що силу кари тієї, на яку осудило Шевченка начальство, дуже вбільшують*. Дневник самого Шевченка, спомини про нього Козачковського, Тургенєва й інших, листи Шевченка до Броніслава Залеського, які ми маємо в себе, показують, що начальство не так-то вже давило Шевченка, як можна було ждати. Напр., звісно, що близьке до Шевченка начальство звичайно не перешкоджало йому ні писати, ні малювати, і написав він, власне, в 1848—49 рр., коли, по його словах, йому було найгірше жити в неволі, зовсім не мало. В усякім разі кару Шевченка не можна рівняти до тієї, яку, напр., терплять соціалісти в Росії, та й за царя Миколи терпіли поляки, декабристи або й петрашевці,— і кару ту ще так-сяк можна було б перетерпіти. Мабуть, чи не найгірше в ній було не те, до чого присудило й що робило Шевченкові начальство, а те, як занехаяли його земляки. Треба перечитати Шевченкове: «І знов мені не привезла нічого пошта з України», пережити отакі слова, як:

Колись божились та клялись,
Братались, сестрились зо мною,
Поки, мов хмара, розійшлися —
(Без сліз роси тії святої)
І довелося знов мені
Людей на старості... Ні, ні!
Вони з холери повмирали;
А то б хоч клаптик переслали
Того паперу... (1849 р.)

Коли прочитаєш оці слова, то подумаєш, що є речі (в наших сторонах), які далеко більше руйнують, ніж усякі кари, що може зробити начальство. Ті речі виходять од байдужості, дерев'янства, од безсердечності, якою, треба сказати, доволі наділені громадяни в Східній Європі. Од чого то так сталось, друге діло,— може, найбільше од того, що тут уся історія, із чужинцями й своїм начальством, тільки й робила, що рвала нитки між людьми, руйнувала в них справді громадські, товариські й навіть родинні звички, а тільки слабість, власне, братерських звичок є одна з найпримітніших одмін у руських людей, московських, як і українських, хоч вони так і люблять величались своїм «серцем» перед «сухосердечною, міщанською Європою, в якій, мовляв, люди тільки й знають, що гроши лічить...»

* Ще дужче вбільшують силу кари, на яку були засуджені приятелі Шевченка, напр. Куліш, Костомаров, Білозерський (див., напр., в «Жизні Куліша» або в згаданій статті «Україна» в «Колоколе»).

Не знаємо, як кому, а нам все кидається в очі, коли читаємо життя якого-небудь великого чоловіка в тій Європі, слова «други його» (*ses amis*), які безпремінно здибаєш на кожній стороні. Кожний такий чоловік,— чи то учений, чи поет, чи вмілець, чи політик,— мав коло себе одну, дві, три душі, які все йому помогали, іноді доглядали його, як малу дитину, і не тільки з того, що любили його особисто, а цінили в ньому його талан-вроду, якого, правда, не можна й виділити з особи, цінили той талан-вроду як *скарб громадський!* Мало того, коло кожного такого чоловіка було товариство людей різної праці, які помогали йому розширити свій розум на різні боки, і кілька чоловіка таких, що добре знали толк, власне, в тому, над чим він працював, і могли порадити його в його праці. От через що в Європі таланти не гинуть на кореню, а ростуть, особливо вже коли раз стануть видними. В лад тому в Європі й самі начальства знають ціну талантів, і навіть у гіркі часи громада не дасть та й само начальство не підніме руки на якого-небудь В. Гюго або й на Елізе Реклю.

У нас же, в «добрій серцем слов'янській Росії», нема нічого рівного ні громаді, ні «другам», які підпирають у Європі людей із талантами *. В нас цар може гноїти в Сибіру Чернишевського, який, може, й не думав ніколи про таку Паризьку громаду, за яку Реклю вислали — замість кари — в Бельгію! Або пригадає заборонити Шевченкові й писати, й малювати. А в ряд тому в нас Шевченкові довелось написати ті слова, що ми привели вище, або, ще гірше, ось які:

Хіба самому написать
Таки посланіс до себе,
Та все дочиста розказатъ.
Усе, що треба, що й не треба.
А то не діждешся його,
Того писанія святого,
Святої правди ні од кого.
Та й ждать не маю я од кого,
Бо вже б, здавалося, пора:
Либонь уже десяте літо,
Як людям дав я «*Кобзаря*»,
А їм неначе рот зашито:
Ніхто й не гавкне, не лайнє!
Неначе й не було мене!
Не похвали собі, громадо,—
Без неї, може, обійдусь,—
А риди жду собі, поради;
Та, мабуть, в яму перейду
Із москалів, а не діждусь...

* Трохи подібне тим «другам» можна бачити хіба в «кружку» Бєлінського й Герценя в Москві в 30—40-ві рр. Тим-то, може, ніколи ні одне гніздо в Росії не дало стільки й талантів!

Мені було, аж серце мліло,
Мій Боже миць, як хотілось,
Щоб хто-небудь мені сказав
Хоч слово мудре; щоб я знов,
Для кого я пишу, для чого,
За що я Вкраїну люблю,
Чи варт вона огня святого.
Бо хоч зостаріюсь затого,
А ще не знаю, що роблю:
Пишу собі, щоб не міняти
Часа святого так на так,
Та іноді *старий козак*
Верзелься грішному,— усатий,
З своєю волею мені
На чорнім вороні-коні.
А більш нічого я не знаю,
Хоч я за це і пропадаю
Тепер в далекій стороні...⁶⁷

Часами Шевченко питав:

На батька бісового трачу
І час, і пера, і папір,—
А іноді так і заплачу
Таки аж надто?..

А часами доходив до того, що думав таке, яке написано в доволі темному, заплутаному і через те ще більш гіркому вірші, на який ми звертаємо увагу його біографів: «Чи то недоля та неволя, чи то літа ті, летячи, розбили душу?» В цьому вірші поет проклинає тих, хто знав його душу «і молодою й непорочною, святою, і ще якоюсь» — і яким він каже:

...вороги!
І люті, люті!.. Ви ж украдли,
В багно погане заховали
Алмаз мій чистий, дорогий,
Мою колись святу душу —

і доходить до того, що каже:

Бо ви мене з святого неба
Взяли між себе і писать
Погані вірші научили (???)

Отаку муку терпіти, муку безнастанної душевної самоти й непорадності — гірше, ніж кара од начальства або й такі його видумки, щоб не смів писати ні малювати. Такі вигадки завше можна обійти, а приязного товариства, а громадської поради, якої просить розум, — уже ніяк і ніде не візьмеш, коли їх нема.

А Шевченкові трохи не цілий вік довелось жити без громадської поради, а після того, як його вивезли за Каспій, як розбито київське братство, як «розійшлися побратими й посестри, як хмара», то жити

без усякого міцного й впорядкованого товариства, та, мабуть, що й без приятелів таких, яких йому треба було, навіть й тоді, коли його вернули в Петербург, де він знайшов багато зі своїх давніх приятелів і більшу частину київських братчиків. По крайній мірі, на таке наводять ті споминки про Шевченка, які досі звісні, й між іншим, і споминки дд. Костомарова і Микешина.

Д [обродій] Костомаров каже, що бачивсь він із Шевченком не так часто і то більш усього в домі віце-президента академії уміlostей гр. Федора Толстого⁶⁸, чоловіка доброго, а для Шевченка й дуже доброго, та по всьому, що ми знаємо про нього (напр., з «Записок» Пасекової⁶⁹), зовсім не східного для українських братчиків. Між колишніми братчиками так мало вже було спільної праці, що Шевченко навіть не читав уже в 1859—60 рр. Костомарову своїх стихів і неохотно одповідав, коли той питав його про те, що він пише. Д [обродій] Микешин говорить про «огромное влияние и неподдельный восторг, которые внушала личность Шевченка в кругу тогдашней молодежи». Тільки ж перш усього видно по всьому, що д. Микешин говорить про молодіж академії уміlostей, на якій щось не видно сліду Шевченкового, а далі з того, що розказує сам д. Микешин, видно, що Шевченко найбільш зневажався все-таки з сім'єю гр. Толстого, в якого бував щодня, іноді по кілька разів, і взагалі ходив по «салонах» людей «светских», більш чи менш добрих, приязних, але зовсім не людей із громадськими думками й замірами. Провідником по знайомих був Шевченкові д. Микешин, який був тоді навряд чи не найближчим чоловіком Шевченкові; — по крайній мірі, Шевченко виливав перед ним свої думки більше, ніж перед ким іншим. А цього найближчого чоловіка, як каже він, Шевченко перше «только терпел», а потім звав «недоделанным» і «панычом»*.

Походи Шевченка з Микешиним кінчались «некоторым подпитием и добродушной разговорчивостью» поета, а іноді, «если в среде собеседников случайно оказывалось лицо, ему антипатичное, или разговор принимал, по его мнению, вызывающий тон, то он (Шевченко) делался придирчив и крайне резок» і робив хазяйнові великий клопіт «отвлечь его от предмета раздражения». Після такого вечора Шевченко дома або в хаті д. Микешина «систематично бередил свое наболевшее сердце воспоминаниями» і доходив до «импровизации, по силе и огню чувства напоминавшей (д. Микешину) игру знаменитого трагика Айра Олдриджа». Той увесь огонь тративсь даремно. Д [обродій] Микешин каже: «Много было в его речах преувеличенного и желчи; но возражать ему в такие минуты было невозможно,— и я молча любовался им, слушая его как талантливый бред раздраженного горячечного больного; а продолжалось это дотоле, пока оставались еще на столе недопитые бутылки пива».

* Один із найбільших приятелів Шевченка, якому він зоставив свої рукописи, д. Лазаревський — цензор і тепер, і він підписує заборони творів Шевченка!!

В такому товаристві — без порядку, без плану праці, в такому життю день за днем, у такому гаянню часу — люди не робляться «практично працюючими» революціонерами, а навіть перестають бути й громадянами, а далі — гинуть! Так сталося і з Шевченком.

Думкою, звісно, Шевченко зоставсь майже таким, яким і був. Де в чому, напр. в справі церковній, він навіть посунувсь далі — і посунувсь, як ми думаємо, більше сам по собі та за помічю чужих людей, а не своїх товаришів. Правда, зате він майже зовсім забув про своє колишнє всеслов'янство, яке він тепер іще менше згадував, ніж його приятелі, хоч тепер, власне, треба б було подумати про нього більше; бо од «сепаратизму» українського, од ненависті до москалів, про що колись ясно й гаряче співав Шевченко, тепер одверталися і його товариші, зводячи розмову на «федеративные начала на Руси», а значить, тепер тим паче треба було б налягти на слов'янщину. Тільки як і навіщо?.. Шевченко не чув про це кругом себе, а сам од себе не пригадав... Тепер уже не можна було сказати Катерині-Україні — «кохайся, та не з москалями», а з ким і як кохатись?.. І попереду Шевченко признававсь, що в політичних справах він «нічого більше не знає», окрім того, що йому «верзеться — усатий старий козак з своєю волею». А тепер де його взяти, того козака? Ким його й чим замінити?.. Ці всі речі були ще темніші для Шевченка, ніж для інших.

У такому стані й здоровший чоловік, ніж Шевченко останніх років, не стане не то практичним революціонером, а й практичним громадянином узагалі. І ми справді бачимо, що Шевченко в 1858—60 рр. живе більше день за днем, ніж працює, та ще й за громадською працею. Д [обродій] Сірко ставить Шевченкові в похвалу, що він «не озвавсь нічим на галас перед визволенням кріпаків», і бачить у тому, що Шевченко, як соціаліст, не міг ждати нічого доброго з усього тодішнього лібералізму. Тільки ж ми бачимо, що, власне, «соціалісти» тодішні (Герцен, Огарьов, Чернишевський і ін.) найбільше тоді й робили «галасу». Шевченко просто заслаб тілом і духом і не міг вправитись із тією купою справ, про які тоді «галасували», і засувавсь у свої особисті діла, як, напр., сватання в Нижньому Новгороді, на Україні, в Петербурзі. Звісно, як чоловік розумний і талантливий, він і з цього свого «ніглізму» вилив чудовий вірш: «Я не нездужаю» і т. ін., в якому він сказав, що «нічого не буде», поки не стануть «громадою обух сталити», або, як каже д. Сірко, став кликати (про себе!) людей не до надій на уряд і інших, а до революції. Тільки ж готовитись і до дійсної революції почали тоді, власне, ті, хто робив більше «галасу», а часом то подававсь і надій й на самий уряд, на який певний час не тратили надій ні «Современник», ні «Колокол». Українолюбці ж зоставались із краю од усього, що тоді починали революціонери в сповітку, як і од того, що робили й не революціонери.

Навіть печатав Шевченко в 1858—60 рр. більше все старе, смирніше, і нічого не робив для того, щоб напечатати інше за границею,

і навіть не пускав новіших творів у рукописах, як колись, не говорив про них із такими людьми, як Костомаров. «Пропаганду» робити в Петербурзі Шевченкові було ні з ким і нікому, а щоб на Україні він робив навмисну пропаганду — це теж сказати, було б узяти гріх на душу.

В нас є кілька звісток про життя Шевченка на Україні 1859 р. Між тими звістками виступає оповідання д. С. Крапивиной про життя Шевченка в Києві в її сестри. В цьому оповіданні, як завше, наш кобзар виглядає найсимпатичнішою людиною, яка шуткує зі старими, грається з дітьми, не думає про себе, про гроши, носом чує других таких же людей і т. ін. Тільки тут же й у цьому всьому видно всю безцільність цього життя день за днем, а до того ще всю духову самоту поета («Правда», 1876, ст. 102—105). І ми самі пам'ятаємо, що, прибувши в Київ у 1859 р., ми застали в товаришів — студентів університету чутку, що тепер у городі Шевченко, але не пам'ятаємо ніякого глибокого сліду того пробування. Кілька товаришів наших, які були знайомі з Шевченком, казали було, що треба зібратись на вечір і що на нього прийде й Шевченко, потім це все залишили — мабуть, «страха ради», а скоро Шевченко й виїхав, і тільки й зосталось сліду його пробування, що фотографія. Навіть багато розмови не було між студентами про це пробування, а не то вже яких планів, замірів спільної праці, до якої б воно підбило молодіж. А ми мусимо додати, що кружок студентський, у якому ми жили, був той самий, який вів перед у всіх тодішніх справах російської молодіжі, і що з нього скоро після того, в початку 1860 р., забрано було з 12 осіб до кріпості за тайне політичне товариство, заложене в Харкові, і що й між забраними було вже кількох ревних українофілів. Правда, що в усьому тому харківському товаристві українолюбство не виступало досить ясно і що тодішні українолюбці харківські й київські не були чим-небудь упорядкованим і з ясними замірами.

В усякім разі революціонери не живуть так безцільно, як Шевченко в Крапивиной; пробування революціонерів не проходить так безслідно для більш прихильних для революції куп людських, як пробування Шевченка в Києві в 1859 р. А з другого боку, справді здібні для якої-небудь упорядкованої громадської праці люди не пропустили б так пробування коло себе такого чоловіка, як Шевченко, як пропустили київські українолюбці.

І тут ми здибуємось із тою же самою думкою: Шевченко не міг виступити на Україні в 1859 р. не то як революціонер, а й як громадівський чоловік, бо й сам до того ще не виріс, а громада ще менше.

Показують на те, як Шевченка вивезли з села в Київ у 1859 р., як на доказ того, що Шевченко взявся було знов за «революційну пропаганду» серед українського мужицтва. Тільки ж справа це темна. Про неї ми маємо тільки дві печатні звістки. Ось що розказує д. Варф [оломей] Шевченко («Правда», 1876, стор. 66):

«В Межиріччі Тарас не минув-таки пригоди. Ляшки-панки спо-

рудили полювання й запросили до себе Тараса. Се було влітку 1859 р. Година стояла чудова. Тарас хоч і не любив полювати, але любив повеселитися в товаристві. В веселій компанії пішла весела річ: стали говорити про ченців; Тарас не любив брехати, говорив те, що думав, і виповів свій погляд на ченців. У той час, наче умисне, був у Межиріччі жандармський офіцер. Поляки зараз підіслиали до нього жида з доносом, що Шевченко богохульствує. Позвали Тараса зараз до жандарма.

— Про вас говорять, що ви богохульствуете,— сказав жандарм.

— Może, я говорять,— одповів Тарас,— про мене можна всячину плести, бо я чоловік уже «патентований»; от про вас так певно, що нічого не скажуть.

І знов повезли Тараса спершу в Черкаси, а потім у Київ. У Києві тоді був генерал-губернатором князь Васильчиков; він, розпитавши в Тараса всю подробицю «богохульства», порадив йому іхати швидше в Петербург, «где люди развитые и не придираются к мелочам из желания выслужиться за счет своего ближнего».

Другу звістку знаходимо в «Колоколе» 1860 р. (ч. 80), значить, ще за життя самого Тараса Григоровича і, як бачиться, не здалека од нього й вийшла та звістка.

«В дополнение к биографии Т. Шевченко, напечатанной во 2 кн. «Народного чтения».

В прошлом году известный поэт Шевченко, после многолетней ссылки на берегах Каспийского моря, получил наконец пзволнение съездить на родину, о чем тогда дано было знать губернаторам Малор [оссийских] губерний для сведения.

Минуя города и села, Шевченко спешил в свою родную, давно не виденную Кирилловку. В м. Межиричи, Черкасского уезда, он наткнулся на тамошнего исправника Кабашникова, который, как и другие его собратья, имел от Гессе⁷⁰ предписание неукоснительным образом наблюдать за таким-то и таким Шевченком. Встретившись с последним, К-ву⁷¹ прежде всего пришло на ум сдѣратъ с него, в силу чего он потребовал от Шевченка снять с него портрет *во весь рост и безошибочно*. Тот отказался. К-ов сейчас же арестовал его, донося Гессе, что им задержан отставной рядовой Т. Гр. Шевченко, уличенный в кощунстве и богоотступничестве. Гессе приказал немедля препроводить Шевченка за конвоем в Киев. И если бы не добрые люди, меж которыми нельзя не назвать жандармского генерала Куцинского, то Шевченко долго бы прогостили в киевской полиции».

Покійний Максимович розказував нам, що Шевченко справді в якомусь шинку коло Канева розказував, що «матір божа була покритка». Певно, що Шевченко не раз тоді говорив те, про що він думав і писав. А писав він тоді, як ми бачили, протицерковні речі — такі як «Марія». Всі три звістки сходяться на тому, що Шевченка обвинувачено в богохульстві. Тільки ж із них не видно, щоб Шевченко

навмисне «пропагандував», а видно, що він скорше «проговорювавсь», особливо підпивши. От через це, мабуть, Шевченко й не любив говорити про цю причину навіть із приятелями, од яких би, певно, навмисний «пропагандист-революціонер» не потайв свого діла. Д [обродій] же Костомаров розказує про це так:

«Разнеслась весть о том, что во время поездки его (Шевченка) в Малороссию в последнее время с ним случилась какая-то неприятная история, приведшая его до щекотливых объяснений с властями. Я спрашивал его об этом и не получил никакого удовлетворительного ответа».

Може, Шевченко не сподіавсь, що д. Костомаров похвалить його «богохульство», а таки, мабуть, і стидно було йому признаватись, що він проговоривсь, та ще й серед «ляшків-панків». У всякім разі, випадок, який розказує д. Варф [оломей] Шевченко, показує, що діло було зовсім не подібне до «пропаганди», та ще й серед «народу». З усіх же трьох звісток видно, що Шевченко не чіпав тоді державно-громадських справ.

Більше ж ми не маємо звісток про «практичне» революціонерство Шевченка за останні роки його життя і, не маючи фактів, не вважаємо й потрібним про це говорити далі.

Ми й говорили стільки про те, чи справді Шевченко був «практичний революціонер» тільки тому, що про те говорили й говорять інші. В кінці ж ми думаємо, що Шевченко міг мати велику силу, і політичну, і революційну, хоч би й сам і не був практичним ні революціонером, ні навіть громадянином, політіком. І одно, й друге потребує осібної натури, якої Шевченко не мав, власне, через те, що він мав свою осібну натуру — поета, тобто чоловіка, який думає й чує картинами і який перш усього рветься до того, щоб списувати ті картини чи на полотні, чи на папері словом. Такий чоловік може мати велику політичну силу — тільки не безпосередньо, як справді політичний чоловік, який рветься зараз до праці, для якої зараз же збере людей і т. ін. Правда, що в більше політичній громаді поет давав би й більше політичні картини, і частіше й ясніші, так само, як у ширше й глибше вивченій громаді він би й зачіпав більше речей і глибше й ліпше б умів змалювати їх. Ось через що ми не думаємо жалкувати, що Шевченко не став українським ні Мацині чи Гарібальді, ані Вольтером, Фейербахом, Роб [ертом] Оуеном, Луї Бланом і т. ін. Ми могли б пожалкувати (якби можна було жалкувати на історію!) тільки на те, що поет Шевченко не мав коло себе не то щоб українських Мацині, Вольтерів, Луї Бланів, а навіть таких критиків, як Бєлінський і Добролюбов, і через те не став таким поетом, яким міг би бути.

Сила й служба Шевченка в громаді й мусила бути перш усього й найбільш усього силою й службою поета, та тільки недостача сьогочасної європейської праці й науки на нашій Україні в часи Шевченка не дала йому стати таким поетом, який найбільш усього мав сили над найбільш освіченими земляками своїми й не пускав би їх шукати по-

трібної їм поезії «по чужих хатах». А по своїй вроді Шевченко міг би стати таким поетом, маючи в собі не тільки велику силу вбачення й здумання картин із життя, а й великий розум, щоб самому зрозуміти найголовніші боки життя людського (що, як звісно, не часто трапляється в поетів), а до того, через свою мужицьку долю, мав охоту спинятысь найбільше над життям найбільшої частини громад людських,— підвалини всього життя громадського,— над життям *мужицтва*. До того доля довела Шевченкові родитись, власне, серед того мужицтва, яке не тільки доволі вродливої породи, а ще й не забуло зовсім тих часів, коли воно чи сяк, чи так, а пробувало само по своїй волі впорядкувати свою долю або хоч повалити те, що йому перешкоджало. От дякуючи як тій вроді особи Шевченка та його розумові, так і його мужицтву й українству справді *велика купа картин*, змальованіших Шевченком, і навіть *чимала купа думок*, сказаних їм, дуже близько потрапляє в розум і серце людей, які задумуються над найголовнішими справами життя громадського, які нам вказує й саме життя, й наука наших часів, і, між іншим, і новіший соціалізм.

Ми приступили якраз до того, про що каже й д. Сірко печатно і що не раз довелось нам чути в останні часи, тобто до того, «яка користь може бути з творів Шевченка задля народної соціально-революційної освіти».

Ми сказали вже в «Переднім слові до громади», що не можемо ставити підряд слів «соціально» — «революційний», бо перше слово вважаємо ширшим, ніж друге, бо «соціалізм» — ціль, а «революція» — один із способів іти до тієї цілі. От через те мусимо змінити написаний вище запит так: яка може бути користь із творів Шевченка для освіти народу про соціалізм і революцію?

На це ми вже трохи одповіли там, де говорили про Шевченка як про письменника. Ми сказали там, що манера Шевченка як письменника-романтика далеко не з простих і вже через те далеко не все, писане ним, може бути приступне народові. Тепер ми мусимо прибавити, що недостача доброї науки й школи письменницької та критики для Шевченка наложила дуже шкідливу руку на багато з писаного Шевченком і через те знов-таки вменшила приступність Кобзаря народові — мужицтву.

Більша половина поэм Шевченка («Гайдамаки», «Відьма», «Сотник», «Неофіти») дуже не оброблені. Багато в нього таких же необроблених і ліричних дум, і пісень, а також посланій. «Сон» (1845 р.) і «Посланіє до земляків» можуть назватись примірами розтріпаності. Видно зараз, що Шевченко і мало-таки прикладав праці, щоб обробити свої писання, і мало знат добрі приміри артистичної роботи у інших письменників. Недостача старанної обробки видна в Шевченка, мов навмисне, в дальших його писаннях, починаючи з «Гайдамак», тобто з часу, коли він став уже звісним і став братись за політичні речі. Видно, що, окрім недостачі доброї школи, тут винна була й недбалість — що, мов, і так збреде, все збреде од «українського Пушкіна», — і не-

спокій чоловіка, якого самого дратували речі його поезії більше, ніж це бува з артистами, які можуть бути об'єктивнішими. Чимало шкодила рівності Шевченкових писань іще й звичка українських письменників жартувати, прикидуватись дурником, неучком,— іноді зараз після того, як письменник скочив угору до Аполлона, Нури⁷², або ще — іноді серед речей, де такий жарт зовсім не до речі і де він псує стихи, які без нього були б прекрасні, напр. «У Вільні, городі преславнім» — початок і кінець, або слова «свінею заснувши, звичайно та-кий і сон приверзеться» — в думі «Буває, в неволі іноді згадаю». Коли ж до нестаранної обробки, та нерівності, та манірності, жарту примажеться ще й цинізм і перемішування старовини з новиною (напр., Біблії з петербуржчиною), то іноді виходять у Шевченка речі, які просто противно читати всякому чоловікові й з літературним образуванням, і з простим смаком. Такі, напр., мов навмисне протицарські писання Шевченкові з 1860 р. («І Архімед і Галілей», «Саул», «Царі»)*.

Шевченко, певно, думав, що такою нерівністю й жартом потрапляє якраз у народний смак. Тільки ж узагалі народні пісні завше й реальні, й цільні, й рівні по своєму тону, бо ті пісні вилились із самого життя, не навмисне, і через те й вийшли такими реальними й цільними, як буває в самому життю те, що їх породило: печаль, радість, любов, ненависть чи що інше. Українські ж пісні до того на диво стройні по своїй будівлі, і в них слово до слова так прибрано, мов вони обточені довгою працею великого артиста. Нерівні й розтріпани на Україні тільки шинкові та танцюві пісні. Кобзарі наші, правда, мішають поважне з жартовим, та тільки так, що співають пісню поважну після жартливої, а не мішають повагу й жарт у одній пісні на шкоду й тому, й другому. От через що нашему мужикові інші твори Шевченка, в яких він так недоладно мішає спосіб розмови й скаче од сліз до жартів і цинізму, покажуться зовсім прикрими,— так само, як невміла будівля іншої поеми і її перескоки од речі до речі покажеться нашому мужикові доволі важкою, щоб зрозуміти, про що йде розмова **.

* Недоладно перемішано Петербург із Римом і в «Неофітах», хоч там саме оповідання й рівніше.

** Ми думаємо, що Белінський таки сказав багато правди в своєму строгому суді про «Гайдамаки», хоч і був неправий у тому, що не вважав потрібним українське письменство взагалі. Ось що казав тоді Белінський: «Если господа кобзари думают своими поэмами принести пользу низшему классу своих соотчичей, то в этом они очень ошибаются: их поэмы, несмотря на обилие самых вульгарных и площадных слов и выражений, лишены простоты вымысла и рассказа, наполнены вычурями и замашками, свойственными всем плохим пийтам, часто нисколько не народны, хотя и подкрепляются ссылками на историю, песни и предания,— и, следовательно, по всем этим причинам они не понятны простому народу и не имеют в себе ничего с ним симпатизирующего» («Отеч [естественные] зап[иски]», 1842, кн. 5) «Замашек плохого пийты» справді чимало у Шевченка; Белінський тільки не бачив, що Шевченко не «плохий пийта», а поет, якому не було доброї школи.

Так щодо форми доброї частини творів Шевченка. Щодо речей і думок, то тут теж багато шкодять розпусканню «Кобзаря» серед мужицтва ті помилки проти наукової правди, які мусили виходити з малої науки Шевченка про ті речі, про які він хотів писати, а також нерівність самих його думок. Так, напр., не можна ж призвати правдою, щоб царі завелись так, як розказує Шевченко в думі «Саул», тобто що жили собі вільні пастухи, аж ось «лихий царів несе — з законами, магами, з катами» і т. д.; або чи можна ж не здвигати плечима трохи не на кожнім кроці, читаючи, який небувалий Рим за Нерона видумав український кобзар! Не можна ж, тепер тим більше, не бачити тих помилок проти української історії, які поробив Шевченко слідом за «Історіею русов» у тих козакохвальних творах, які ми назвали вище. Значить, багато з творів Шевченка, які можна б уживати для проповіді вільнодержавних думок серед мужицтва, прийшлось би видавати з таким великим числом приміток, що вони б зовсім втратили силу в очах простого читача. В других же творах Шевченка думки нові, широкі, вільні перемішані з особистими або кружковими забобонами, або з думками зовсім старими. З великого числа примірів ми приведемо тільки два, які зразу попались нам під руку. Так, напр., в «Великому лъюху» читаєш про те, як царі московські повернули українців у кріпаки, роздали, розпродали степи українські всяkim панам і т. ін., — і зразу наскачуєш не тільки на слова:

Дніпро, брат мій, висихає,

Мене покидає,

в чому царі московські мало винні, а й на таку скаргу:

І могили мої милі

Москаль розриває!

або:

Тепер заходились

Древності шукати!

А тут же рядом побачиш, що поет говорить про «жидову, німоту» таким тоном, який зовсім не підходить до тих думок, які ми б хотіли, щоб пішли в народ. Або ось, напр., читаєш у молитві Шевченка:

Царів, кровавих шинкарів,

У пута кутії окуй...

Трудящим людям, всеблагий...

Свою ти силу ниспошли.

А далі:

А чистих серцем? — Коло їх

Постав ти ангели твої!

Що то за ангели? Нащо ті ангели??!! Що з ними робити людям, які хотять «сім'ї нової, розумного життя»? І так майже на кожному ступні натикаєшся на нерівність, на невпорядкованість думок Шевченка про віру, державу, громаду, про породи людські і т. д.

От через це все «Кобзар»увесь, як він є, не може стати книгою ні цілком народною, ні такою, яка б цілком служила проповіді «нової

правди» між народом. Тé ж саме треба сказати й про велику частину поем, дум і пісень Шевченкових порізно.

Найліпше оброблені й найзрозуміліші у Шевченка поеми й пісні, в яких він найменше виступає з своїми власними думками, а говорить про життя людське картинами: то будуть такі речі, як «Катерина», «Наймичка», потім коротенькі пісні, де він малює сім'ю, дівчат, наймичок і т. ін. Ці речі й приступніші до читання народові. Правда, це будуть і найцензурніші твори Шевченка і через те дехто, може, й не вважає їх потрібними для «справи соціально-революційної». Ми, звісно, не станемо називати тих творів ні соціалістичними, ні революційними — та назовемо їх *любими, братерськими* і через те вважаємо їх дуже корисними для збудження тих думок, які ведуть людей до того, до чого мусять довести їх усі еволюції і революції, які помогають бути тим, чим мусить бути всякий, і революціонер більш інших,— добрим і чесним чоловіком. Скільки ми знаємо, такі речі з «Кобзаря» найбільше й люблять самі мужики слухати й читати, і ми знаємо випадок, коли один гарячий революціонер «ходив в народ» з «Кобзарем», то його найбільш просили читати, власне, «Катерину» та «Наймичку».

«Найчервоніші», найменш «цензурні» речі у Шевченка по всіх тих причинах, про які сказано вище, найменш годяться до того, щоб їх пускати в народ цілком, без покажчика й приміток. А коли покажчик не все ходить із книгою, а примітки в книгах для мало вчених людей діло недоладне, то один вжиток, який можна зробити з цих творів Шевченка для «простих людей»,— це вибирати з них найліпші, найпростіше писані й найясніші по думках шматки та вставляти їх у оповідання, які науковим способом навчатимуть про історію України, про державні й громадські порядки й т. ін. Таких шматків у «Кобзарі» знайдеться чимало й пречудових і розумом, і мовою, і сміхом, і силою картини, і до того простотою своею.

Такі шматки та згадані вище зовсім прості твори Шевченка показують, що справді в ньому був і мужичий письменник, і душа-чоловік, і великий розум, і глибоко громадський чоловік. Та тільки й вони не дають нам уважати Шевченка тим, за що його хотять уважати: за чоловіка зовсім *нових думок*, навіть і для тих часів, коли він їх писав, а показують тільки, чим би він міг стати в іншому товаристві, яке б справді дало йому *нову європейську науку!* Тим вище ми мусимо поставити особу Шевченка. Тільки ж правди потайти не можна й про нього, бо він же казав:

Молітесь правді на землі,
А більш нікому не молітесь!

III

Шкода од молебнів Шевченкові. Безсильство «Кобзаря» для заснування міцного народовства й самого українолюбства в Росії й Австрії. Що вкорінило українське громадівство в Галичині? Наука українцям із об'єктивного й історичного перегляду Шевченка й українства його часу: потреба широкої науки, впорядкування й сміливого вільного вчинку; потреба виходу з думкою й практикою за границю Росії, в Європу й Слов'янщину. Московсько-всеросійській українські ями на дорозі українського громадівства: «руssкая одежда» соціалізму — московське бунтовство й українське гайдамацтво замість соціалізму. Потреба європейського городського розуму й практики серед українських селян і українства серед горожан. Чим може тут послужити українське письменство? Подібність теперішньої хвилі українства до 1845—46 рр. і 1859—63 рр. Чи підуть українці самі по собі, чи позаду за іншими?

Завше з молебнів, та ще й з молебнів після смерті святого, мало буває користі, а багато шкоди людям. А може, нікому так не шкодять молебні, як нам, півварварам на сході Європи. Пригадаймо, що російське письменство дійсно після того й почало рости, коли Белінський показав, що в Росії письменства ще справді й нема, що Пушкін сам іще не робить письменства, та й йому ще нема чого дуже молитись. Пора вже, щоб хто-небудь справив подібну службу й українському письменству з Шевченком, і тим більш пора, що українолюбці давно вже величають його й як письменника, і як проводиря в громадській практиці, а з цього величання справа українська, ні письменна, ні громадська, не дуже-то посувається. Ми пам'ятаємо, як колись «Основа» одповідала на всі закиди московських слов'янофілів про те, що навряд може й потрібно бути осібне письменство українське, тим, що одповідь на кожний закид кінчала: «У нас есть Шевченко». (Див. статтю «Русский патриотизм. Ответ „Дню“» (Вл. Ламанському)⁷³. «Основа», 1862, № 3). Ми тепер знаємо, як мало помог такий показ на Шевченка в основській і післяосновські часи, коли українолюбці в Росії найбільш клопотались про «сохранение и развитие своей народности посредством развития самостоятельной литературы и школы». Ми знаємо, що навіть скільки-небудь повного видання Шевченка ми діждалися тільки через 14 років⁷⁴ після того, як скінчилася «Основа». А 14 років у наші часи — це цілий вік!

Мало чим більше послужили молебні Шевченкові і навіть самий «Кобзар» Шевченка й у Галичині, хоч там вільно було й печатати, й читати «Кобзаря», й говорити про нього прилюдно. Ми бачили, як

крутиять із «Кобзарем» ті, що справляли молебні його авторові. Ми знаємо, що Шевченко не вирятував галицьких народовців од спліки з магнатством і ультрамонтанством, яка готова вже була скріпитись укінець на виборах у державну австрійську думу в 1873 р., коли українофільська газета розпускала передвиборні маніфести свого депутата⁷⁵ (о. Качали), в яких іменем 16-мільйонового русино-українського народу проклинявсь «лібералізм», «цивільні шлюби» і т. ін.* Молебні Шевченкові не вирятували членів «Просвіти» од годування галицького народу дяківськими книжечками й не примусили Товариство імені Шевченка видати хоч одну книжку для народу і навіть дати місце в своїй заложеній на українські гроши друкарні з тавром славного народолюбця справді народолюбним пробам молодих галицьких письменників, коли воно наймає ту друкарню ультрамонтанам «Руского Сіону» і купцям горілок і т. ін. на етикетки. Не вирятували молебні Шевченкові галицьких народовців і од доносів на українських «нігілістів», «соціалістів», які теж себе вважали за синів Шевченка!

Мало того. По правді кажучи, молодший гурт галицький, купка раціоналістів і соціалістів дуже мало прив'язується до Шевченка, а справді більш вирости з насіння й од дощу з Московщини, ніж од насіння, посіяного «Кобзарем». Ми знали в Україні, що в Росії не одного чоловіка, в якого Шевченко й українство посіяли перші зерна прихильності до мужицтва й потреби вільної громадської праці, але коли самого «Кобзаря» мало було, щоб одповісти на всі ті думки, що тепер будить у чоловіка новоєвропейська вільна й мужицька справа, а замість того в «Кобзарі» трапляється чимало старовини, то не один із таких людей кінчав тим, що кидав і «Кобзаря», й українство, а приставав до всеросійсько-московського вільнодумства й громадівства й часом нехтував українство в самій його основі. В Галичині не було й таких гуртів, як всеросійське вільнодумство й громадівство, і через те насіння з «Кобзаря» просто засихало на корінню й поверталось у таке зерно, яке ми бачили в «Правді», «Газеті школьній», «Р [ускому] Сіоні» або в «Другу» 1873—1874 рр. Хто придивлявсь до того, як зріс у Галичині новий гурт раціоналістів і громадівців, той мусив бачити, що, окрім зерен німецької науки (яких — чудне діло! — дуже мало впало на галицькі громади, навіть студентські), помогла піднятись тому гурту більше невеличка повість Г. И.⁷⁶ із «Отечественных записок» про диякона, якому панночка, що покинувши багатство, стала учителькою мужицьких дітей, нехотя показала, що в нього «свиняча

* «Одвертий лист із України, підписаний 31 українцем», які протестували однаково й проти д. Качали, й «Слова» і як українці, і як граждане Росії й слов'яни, див. у «Правді», 1873, ч. 19. Протест проти цього протесту як «проти незгоди між своїми», підписаний 24 іншими «українцями», див. у «Правді», 1874, ч. 3. Одповіді на цей протест «Правда» не схотіла помістити. А д. Качалу вибрали галицькі українофіли-народовці першим головою Товариства імені Шевченка.

натура зайла людську» («Друг», 1876 р.), та кілька розділів із «Что делать?» Чернишевського («Друг», 1877)⁷⁷, ніж увесь «Кобзар», якого «Заповіти» співали собі любенько галичани, починаючи од редактора «Слова» й до студента-народовця, не беручи на себе ніяких обов'язків справді «вставати й ломити кайдани» які-небудь, хоч навіть кайдани духовні.

Така-то сила хоч не дуже талантливих речей, та таких, у яких справді сидить новий дух, перед творами великого таланту, та в яких нове перемішане з старим так, що без помочі збоку й не розбереш, що ж справді з нього треба брати. Так-то мало врятував самий «Кобзар» українство в Росії й так мало послужили «Кобзар» і молебні йому, щоб посіяти справжнє поступовство й народовство в Галичині.

Не дуже-то поможуть молебні Шевченкові й тепер, коли між українцями в Росії й Австрії вже зложились гурти справжніх поступовців і народовців, розумівців (раціоналістів) і громадівців (соціалістів). І тепер, як і попереду, молебні Шевченкові й показ на нього чужим більш усього нагадують вихвалки панів-козаколюбців своєю історією, і значить, і собою, які осміяв Шевченко:

А історія? Поема
Вольного народу!
Що ті римляне убогі!
Чортзна-що, не Брути!..
У нас Брути і Коклеси,
Славні, незабутні!..

Далеко більше може бути плоду од об'єктивного, критичного й історичного погляду на своє минувше й на себе, і навіть од вбільшування того минувшого й наших слабих боків, ніж од такого величання ним.

Критично-історичний же перегляд життя й писання Шевченкового може багато чому навчити українолюбців і почастно українських громадівців. Перш усього він навчить, що «Кобзар» є вже річ пережита — eïn überwundener Standpunkt, як кажуть німці. Та мало того: «Кобзар» багато в чому є зерно, яке перележало в коморі й не послужило як слід і в свій час, коли було свіже, а тепер уже мало на віщо й годиться. Далі той перегляд навчить, що сам Тарас Шевченко був золотом, яке не було оброблено як слід далеко не через саму нещасливу особисту долю та ворогів, бо ті й другі часом більш стають у пригоді, щоб засталити чоловіка й показати йому життя з усіх боків, коли потрапляють на таку натуру, яка, була, напр., у Діккенса або й у самого Тараса Шевченка. Ні, по правді кажучи, Шевченко зоставсь необрбленим або й захованим у землю золотом далеко більше дякуючи «своїм» приятелям, ніж «чужим» ворогам.

Як ми вже казали не раз вище, тут нема нічієї особистої вини, а є тільки хиби всієї громади української Шевченкового часу. Хиби ті, по нашій думці, ось які: недостача широкої науки про світ і людей та недостача впорядкованої спілки (організації) не тільки між купами

українолюбців і народолюбців по всій Україні, а й між членами одної якої купки з докладним поділом праці. Як наслідок цих двох хиб, виходила третя: недостача сміливого, вільного вчинку (ініціативи) й сили продержати свою дорогу через усі перешкоди, які безпремінно мусило спіткати українство, та ще й прихильне мужицтву, і які всі його прихильники мусили наперед знати, приносячи «не мир, но меч» у теперішні державні й громадські порядки, що давлять Україну й її мужицтво. Дякуючи цим трьом хибам, не тільки не могли витримати старші українолюбці — навіть такі, як Шевченко, з своєю працею, якої їм, певно, бажалось, а не могли й привернути до себе всі найліпші сили своєї країни, найширші голови, найгарячіші серця, найосвітніші розуми, яких велика частина розбрелась по чужих кутках, де вони вбачили більше європейства, спільноти й вільного вчинку і куди вони понесли й ті добре зерна, які в них закинуло, та не здоліло випестити українство.

Коли хочете, тут у корені була таки вина й «чужих людей», коли не «ворогів України». Тут найбільше усього винна та руїна, яку витерпіла наша Україна з кінця XVII ст., коли її поділено між Московським царством, Польщею й Турцією, а далі та державна централізація, під яку підпала Лівобічна Україна (Гетьманщина) в Московськім царстві й Петербурзькій імперії XVIII ст. Скільки в тих основних фактах вини української, а скільки «чужих людей», розбирати тут не час; а скільки нам узагалі пошкодили та руїна й поділ України, а потім державна централізація,— про те ми говорили в «Громаді» в I книзі й II (Україна й центри). Тепер ми згадаємо тільки конечний наслідок тих основних фактів, який надалі сам став основним фактом і причиною дальших наслідків: це те, що наша Україна в XIX ст., ставши «провінцією», одстала більше од передової Європи, ніж це могло б бути, коли б вона йшла без перериву своєю дорогою з XVII ст., а до того одстала й од Московщини, яка в XVII ст. була дальнє позаду, ніж наша Україна з Білою Русею, які тоді йшли вдвох нарівні й помагали одна одній. Цей наслідок історії всіх країн Росії з другої половини XVII ст. став причиною, через що українство XIX ст. майже в усьому все показувалось одсталішим і слабшим од усіх передових рухів у Росії й не могло витримати в перетяжці з рухами московськими.

Скільки не гримало українство на Москву, починаючи з самих жартів над москалями Котляревського й Пасічника Рудого Панька (Гоголя), скільки не махали на Росію кулаками в галицьких газетах дехто з молодших українолюбців після 1862—63 рр., а все-таки наше українство не змогло вискочити ні працею, ні навіть думкою через границю Росії, поза почастні російські обставини, а в самій Росії — «провінціальні».

Ми бачили, що Шевченко й своєю науковою, й своєю працею, й своєю любов'ю й ненавистю все товкся в тій Росії та в Україні такій, яка прилагодилася до тієї Росії з XVIII ст. Од цього всього виходили й усі

хиби Шевченка й його товаришів і вся причина невеликої ваги і для свого часу, й для нашого — причина, через що вони не мали такої сили, яку мали російські європейці — товарищі Герцена й Белінського, а потім Чернишевського й Добролюбова або й самі московські слов'янофіли, які хоч тим уж були дужі, що постійно тягли в XVII ст., хоч назад, а не вперед, та зате не свою Московщину, а всю Росію й усю Слов'янщину. Од цього вийшло й те, що українцям довелось пізніше москвинів і всеросіян виступити й на дорогу новоєвропейського громадівства, і до того виступити не просто за європейським громадівством, а за переложенням на московсько-всеросійський лад, а іноді то й не тільки переложенням, а й «перелицьованим». Ясно, значить, що, щоб вберегтись надалі од показаних вище хиб і вибитись із ряду «задніх», а то й «прихвоснів», нема другого ліку, як тільки почати, скільки можна більше, придивлятись до європейської думки й праці як можна безпосередніше та будувати свою працю як можна на ширшій основі, яка б виходила за краї обставин і границь Росії. Коли б сказати нашу думку трохи фігурно, то ми б сказали, що вирятуватись із показаних вище хиб Шевченка й українолюбців його часу ми можемо тільки тоді, коли, стоячи ногами й з серцем на нашій Україні, ми будемо держати свої голови в Європі, а руками обнимати по меншій мірі всю Слов'янщину. І коли кому треба держатись цього, так це українським громадівцям.

Звісно, це легше сказати, ніж зробити, хоч і не так само, як колись Шевченкові легше було сказати: «вертайтесь до козаччини», ніж вернутись до неї навіть самому собі. «Дело веков поправлять мудрено», як казав Некрасов. Усі ми сини й онуки батьків і дідів наших і невільники свого часу і обставин його, які вросли історично. Тільки ж і думка — теж одна з обставин історичних, яка, в свою чергу, перероблює натуру й дітей, й онуків наших, і нас самих. Громадівські ж думки про цілковиту зміну теперішніх підвалин і порядків життя людського більш інших одривають думки й змагання людей од минувшого й теперішнього й примушують їх хоч пробувати цілком змінити способи громадської праці й у теперішній час. Можна, значить, сподіватись, що й про ту переставку думки й громадівської праці з старого й вузького ґрунту україно-російського на новий і широкий європейсько-слов'янський, про яку ми зараз сказали, задумуються хоч ті українолюбці й українські громадівці, для яких українство й громадівство справді діло життя, а не розмови й хвилевої мрії.

В усякім разі без європейсько-слов'янської основи громадівство українське ще менше може налагодитись, ще більше блукатиме, шукаючи собі правдивої дороги, й ще пізніше набереться сили, ніж московське, а до того частіше, ніж могло б бути, падатиме в ями, які йому порило й пориє старе й нове життя українське і всеросійське.

Ми вже показали неподібність Шевченкового мужиколюбства до основ новішого соціалізму, навіть якого-небудь С[ен]-Сімона.

Ми бачили, які стари й вузькі Шевченкові думки й мрії про «правду» й «волю» й про те, як вона настане на землі, перед думками ново-європейського соціалізму. Ми зупинились і на одній із найдужчих причин тієї неподібності: на тому, що в Шевченка не було думки про прогрес історичний і що думки його й мрії не виросли на ґрунті вже зробленого широкого прогресу громадського. Думка про прогрес могла бути підсунута Шевченкові європейською науковою в школі, хоч це й важко було в його часи й не для тих шкіл, по яких учився Шевченко. Далеко ж важче було підложить під усю працю Шевченка й товаришів його європейську думку про прогрес громадський із усіма її наслідками. Тут перешкоджувало все те, що бачилось у Росії за часів царя Миколи та майже все, що перш усього кидається в історії Росії, не виключаючи й України, й усе, до чого довела та історія.

Довго б треба говорити, щоб докладно пояснити те, що ми зараз сказали. Для того треба б було перебрати всю історію Росії. Ми скажемо тільки кілька слів.

Найбільша географічна одміна Росії од інших держав у Європі — величина її, найбільша статистична одміна — рідкість людності; найголовніша одміна історії її — перетяжка пород людських і держав, довша й кривавіша, ніж по інших країнах Європи. От через це в Росії всякий зріст господарський, громадський і розумовий хоч і почавсь майже в один час, напр., як і в Германії або Англії й не дуже пізніше од більшої частини Франції, а дуже зоставсь позаду. Росія не то щоб молодша од інших держав, як кажуть іноді, а тугіше росла. Мало того, Росія проходила ті самі ступні зросту, що й Європа, тільки дедалі од XIII ст. до кінця XVIII ст. все пізніше, а до того так, що кожний ступінь майже зовсім не давав тієї користі для громади, яку він давав у Європі. Лучилося це, як ми думаємо, через те, що перетяжка пород людських принесла в Росію народ дикий, татар, а вони піддали сили державі московській, а в ній царству, й дали й тій державі, й тому царству такий вид, якого не могло бути по інших країнах, де теж були й свої центри-збирачі, й своя доба переваги королівської сили над іншими. З XIII по кінець XVIII ст. татари, а потім «московський збір країн руських» руйнували ввесь схід Європи та розганяли там людей. Немало з свого боку причинилась тут і Литва, й Польща, які теж од XIV до XVII ст. думали бути тут «збирачами» країн руських і неруських. Між іншим, татарські набіги та державні збори зробили скрізь у Великій, Малій та Білій Русі те, що знищили майже скрізь городи й городян-ремісників, яким і без того важко було закластись у такій широкій та малолюдній країні.

Як пропали «севернорусские народоправства» — то всі знають. Менше знають, скільки погибіль їх задержала культуру в Московщині. А на те, що й інші городи в Московщині, як, напр., Твер, Смоленськ, Нижній Новгород, навіть Рязань, були теж центрами культури — і теж пропали через московське «собирание», мало хто звертає уваги.

Про те ж, яка була культура в городах нашої України од Львова до Ніжина, а особливо в городах Білої Русі ще в XVII ст., коли городи ті ще не були зруйновані війною Москви й Польщі, а потім поновлені вже жидами,— про те майже ніхто й не говорить. А коли б те все розібрали докладно, тоді вся «історія цивілізації» в Росії стала б перед нами зовсім інакше, ніж тепер. Як би там не було, а тільки «зібрана» царями Московщини в XVI—XVII ст. майже зовсім не мала городян-ремісників, тобто тої основи громадської, якою держалась тоді вся культура Європи й на якій з XVI ст. держиться ввесь поступ її — од вільнодумства до громадівства. До того треба придати, що безперервна війна з-за збору Московщини завше підновляла феодалізм — роздачу земель із людьми служащому дворянству й зробила те, що селян закріпили в Московщині саме тоді, коли в Європі скрізь вони явно почали увільнятись: у XVI—XVIII ст. А це кріпацтво ще більше спинило зрост громадський і, між іншим, і зрост городів. Нарешті й татарські звичаї та війна за «збирання землі» безмірно вкріпили царську силу, яка, проявляючись чиновництвом, стала давити всі інші. І коли далі само царство побачило потребу й ремесла, й науки для самої сили своєї, то ввесь дальший прогрес громадський із XVII—XVIII ст. пішов у Московщині за приводом царства й чиновництва, через що: 1) ще більше задавив вільний вчинок громадський; 2) став огидним громадянам; 3) на перших порах іще більше розірвав сили громадські одну од одної й навіть іще більше розганяв людей, як розганяла їх тяжка служба всього люду московського Петрові I й т. ін. А коли в країні не вспіло скластись ніякої міцної й упорядкованої сили громадської, яка могла бстати проти царства й його порядків, то противенство їм тільки й виходило з самих селян-хліборобів та з далекого козацтва, тобто степових пастухів, рибалок та здобичників. Це противенство не могло скластись у що-небудь подібне революціям, які були в Європі вже в XVI—XVII ст. за приводом людей усе-таки вивчених по городах, і виривалось бунтами за догородську старовину, та ще коли б хоч за чисту додержавну, доцарську старовину, а то за царя проти бояр! — тобто проти наслідку за причину. То були бунти без поступової і навіть без систематичної думки й такі, в яких перед вели не люди, в яких до сміливості прикладались і звичка думати, твердий і ясний розум, а які тільки й були що «розудальне добры молодцы», а по більшій часті ще й «воры-разбойнички». Такі бунти були наперед безнадійними не тому, що вони не могли взяти гору на той час на ділі, а тому, що не могли залишити по собі ясної думки й цілі надалі. В тім і найбільша їх неподібність до революцій.

Таким безнадійним бунтом був звісний бунт Ст[епана] Разіна «за царя проти бояр» у XVII ст. Бунт Пугачова сто років опісля був уже більш свідомий, бо між тими двома бунтами пройшло кілька десятків років розколиницької культури й думки, трохи подібної до тієї, яка була в Європі в часи Реформації. Тільки ж і тут недостача

городських сил громади й світської науки городянської зробили те, що ввесь рух розкольницький, навіть безпопівський, тільки здалека можна рівняти до реформаційного європейського і що замість швейцарських, голландських, англо-шотландських республік XVI—XVII ст. московські розкольницько-козацькі круги й у XVIII ст. спромоглись тільки на самозваного царя Ємельку Пугачова, який сам про себе говорив, що він нічого й не сподівався, як тільки половити риби в каламутній воді. Розбищацький по формі, виключно козацький, рибальсько-скотарський більш навіть, ніж хліборобський, по своїй суті, церковно-старовірський по своїй барві, а до того самозваноцарський бунт Пугачова був бунтом іще більше старосвітським, реакційним, ніж бунт німецьких селян і містиків XVI ст., і вже через те не міг скінчитись нічим *. До Пугачова не могли пристати навіть усі нестаровіри, а не то вже ті люди з середньої Московщини, які все-таки вже затягались у нове європейсько-городське життя. Лассаль тим же вважає за реакційне й німецьке селянське повстання XVI ст., далеко свідоміше і менше класове, ніж пугачовське, що воно зовсім забуло в своїй програмі про міщан-ремісників і знало тільки хліборобів та землевладців. Правдиво революційним рухом (далі побачимо, що тут ліпше було б сказати — поступовим) Лассаль уважає в часі селянських повстань не ті повстання, а зріст міщан, навіть міщанського багатирства. «Тоді як селянські повстання,— каже він,— були тільки на вид революційні, тоді справді й дійсно революційним був поступ промисловий, поступ городського виробку (Production), дедалі все більший зріст поділу праці й через те ростучого багатства капіталу, який виключно збирався у руках міщанства, бо той стан людей узявся за виробок і присвоїв собі користь із нього **. В часи московських «удальців» од Кудеяра ⁷⁸ до Пугачова європейське міщанство не тільки так наживало капітал, а й одбило од попівства науку, а од панства — вільний дух. От через що революційний дух у Європі все йде вгору з XVI ст., і багатша частина міщанства рядом повстань (дійсно революцій) допевняє те, що виробилось тихим зростом господарським і розумовим (дійсно еволюцією, яку Лассаль зве по-старому революцією). З кінця XVIII ст. слідом за

* Пугачов сам про себе казав: «Дальнего намерения, чтоб завладеть всем российским царством, я не имел, ибо, рассуждая о себе, не думал к направлению быть по неумению грамоте способен; а шел на то, если удастся чем поживиться или убиту на войне быть; все я заслужил смерть — так лучше умереть на войне». Пугачов у своїх маніфестах і розмовах дарував людям «реки и земли, травы и моря, крест (раскольничьий) и бороду, хлебный провиант, свинец и порох — и вечную волю». Іноді зводилася розмова й на «берега кисельные, реки сытовые», іноді Пугачов обіцяв розділити «все царство с донскими и яицкими казаками». Прапор у Пугачова був із старовірським хрестом.

** :Arbeiterprogramm (Програма робітників. Про вибірний зв'язок між теперішньою добою історичною й думкою робітницького стану). Zürich, 1872, 6—7.

багатшим міщанством, до якого прикладається тепер, власне, назва буржуазії, виступає бідне, робітницьке, яке тягне за собою й сільських робітників, селян, уже до такого руху, який буде не таким, як французька «жакерія»⁷⁹ XIV ст. або німецьке селянське повстання XIV ст.

В Московщині ж і в XVII—XVIII ст. ще тяглись свої «жакерії», і коли там не було впорядкованих письменного й промислового городянства й вільного панства, то вільний дух і повстання, замість того щоб рости, як у Європі, все вменшувались од часів «Смутного времени», коли так чи сяк, а всі країни й усі стани людські рвались до волі та пробували вкоротити самоволю царську, до часів Пугачова, коли встали тільки козаки, селяни, та розкольники, та «інородці» на окраїнах, та й то тільки за самозваним царем-самодержцем.

Після Пугачова вже московські «чорні люди», селяни, не вставали проти своїх порядків скільки-небудь великими купами. Городяни ж на цей раз уже заводились не своїм вільним вчинком, а начальством, та ще й на ґрунті кріпацтва. Добра доля промислового люду після Петра I були чужинці, які тим більше припадали до начальства, бо од нього здобували монополії. Письменні люди теж виходили з служаків та панства, лакейського перед царем, кріпосницького перед мужиком. От через те од московських «білих людей», білоруків і білоробів, і в XVIII ст. не можна було ждати не тільки революції, а й вільного слова.

Так не тільки Московщина далеко одстала од Європи, а ще сталося так, що ні один із ступнів зросту громадського, який вона проходила, не дав громаді майже нічого того, що ті ступні давали в Європі: аристократія не дала рицарської честі й духа непідлегlostі, церква — ні зерна звички до науки й твердої совісті, царство — рівності й волі кріпацької. Ледве-ледве з кінця XVIII ст. нові поєвропеені служаки-пани та для служби державної збудовані городи починають давати деякий плід, який тільки через вісімдесят років виродив із себе волю кріпаків 1861 р. та нещасні царські реформи Олександра II. Коли поєвропеєний російський чоловік XIX ст. починав думати про зміни недоладних порядків своєї країни подібно тому, як змінялися вони громадською працею в Європі, то йому приходила на думку не та впорядкована, чи затяжна, чи гостра повстанська праця, яка й складає прогрес у Європі, а тільки або вчинок царський якого-небудь Петра I, або різня якого-небудь Пугачова — в обох випадках катастрофа над громадою, а не вільний і спільній вчинок ліпших сил громадських, чи то мирний, чи повстанський. І коли на нового Пугачова дедалі все менше було надії, то вивчений росіянин, який бажав зміни в своїх порядках, усе більше спинявся на думці про зміни по царській волі, коли то сам цар до них додумався. Важливо, що навіть декабристи 1825 р. не прибрали іншого, чим підняти народ до бунту, окрім імені царя Костянтина!

От на такому-то ґрунті появивсь із 30-х років у Росії й соціалізм із європейських книг. Довго він зостававсь без усякого ґрунту і зво-

дивсь майже на саму тільки думку про волю кріпацьку. Та й та думка стала на ґрунт тільки тоді, коли до неї прихиливсь і цар. Зараз же показалось, що перші соціалісти в Росії, і Герцен, і современниківці, перше теж звернули надію на царську реформу, дуже врізвавши її свого соціалізму. Сам Бакунін писав у 1862 році: «Романов, Пугачов или Пестель?» — і вірив у демократичного Романова⁸⁰, так само як згоджувавсь на викуп землі для селян, правда, всієї землі («Русским, польским и всем славянским друзьям». — «Колокол», 1862, ч. 122). Мартъянов із Лондона писав «Письмо к Александру II» як «народному цареві».

«Народний цар» не оправдав надії. Також і між панством московським не знайшлося не тільки Пестелів, а навіть доволі Унковських і Європеусів⁸¹ (див. в «Колоколі», 1862, ч. 126, «Адрес тверского дворянства» про непремінний викуп наділу селянського всіма станами, а не самими селянами, про скасування дворянського стану, про земський собор і т. ін.). Бакунін вернувсь до цілої соціалістичної програми, а з другого боку вже тим легше зложив надію на самий «народ» і поклонивсь тіні Пугачова, що він і в 1862 р. казав, що навряд, щоб «народ» потерпів далі, що йому не дають землі й волі й що народ виставить із себе Пугачова, коли згори не появиться народного Романова або Пестеля. «Народом» же здавна в Росії звикли вважати тільки селян і через те вже з часів «Колокола» (1862, ч. 112) програму соціалізму в Росії почали зводити на слова «земля і воля»*. Тут зложилася у Європі Всесвітня спілка робітників (Association Internationale des travailleurs), звісно, на тому ґрунті, який був виготований усією історією Європи і почастно соціальним рухом XIX ст., і між найголовнішими думками своїми виголосила, що «воля робітників (соціальна революція) мусить бути ділом самих робітників». Бакунін і російські соціалісти пристали до тієї спілки (з 1868 р., а ще більше з 1870) і зараз же заявили, що руський народ, тобто все-таки селяни, тепер уже готовий до того, щоб приложити до діла програму спілки

* Як мало в Росії розуміють вагу городового життя з його осібною працею, для якої потрібне щось інше, а зовсім не земля, показують, між іншим, і думки кн. А. Васильчикова («Землевладение и земледелие в России и в других европейских государствах») про те, що «робітницька справа в Європі є в корні справа аграрна», що «народные смуты, волнующие современные общества, имеют свой корень в безземельном состоянии большей части народов старого света» і що «народные массы» хочуть, власне, здобути «клочок земли, кол и двор». Так мовбіто все городське господарство зовсім і не було, й не є потрібне людям. Цікаво б було побачити тепер і хлібороба, такого, якого хоче кн. Васильчиков, напр., без машин або й без двигарів, а що робив би, напр., лондонський або женевський машинщик або дзигарщик (про лікаря, математика або маляра ми вже й не споминаємо), коли б йому дали «волю з землею», «клочок земли», якого як де в Європі, то ніде вже для всіх узяти, так як у Московщині, як де, то він нічого й не вартий. Ми думаємо, що як давно вже пора змінити думку, що Росія тільки край хліборобський, так давно вже пора закинути й звичку звати народом тільки селян-хліборобів, а признати народом усіх, хто робить корисну громаді працю, та здобувати всім їм дійсну волю: товариську працю.

і перш усього до повстання за її думки. Як на доказ — вказували на Ст. Разіна й Пугачова. Треба, казали, тільки пустити в народ «організаторів», які підіб'ють і повернуть народ до того, щоб повстанням розбити державно-попівсько-панські пута, а тоді соціалістичні, та ще, по думці Прудона — Бакуніна, федерально-анаархічні (беззначальні) й навіть безпопівські порядки сам собою зложить наш народ. Таких організаторів Бакунін вбачав у нашій молодіжі в школах, яка тоді (коло 1870) знов почала виступати проти російських казильонних порядків і бажати служби для народу. Бакунін став кликати ту «революційну молодіж» кинути школи і йти замінити народові Ст. Разіна й Пугачова *.

В виписаних унизу словах Бакуніна і «Вперед»⁸², яким подібних ми б могли набрати великі купи з московського соціалістичного письменства, видно перш усього гаряче серце, яке рветься до діла для народу, та при тому видно, що воно вірить у те, що речі так стоять, як йому хочеться,— видно, значить, і наслідки богословського й метафізичного погляду на історію, а до того ще й те, що в московських інтернаціоналістів зосталось іще доволі старого патріотизму, а в соціалістів і анархістів доволі ще звичок монархізму, аристократизму,

* Див. більш усього Бакуніна «Наука и насущное революционное дело», 1870, стор. 1: «...Единственно ныне полезное и спасительное дело — бунт...», «Поздравляю молодежь с тем, что правительство гонит ее из университетов и школ в народ»; 22—23: «...Безграмотный, но умный человек из народа серьезнее и глубже социалист, чем вы (мы) сами...», «...Русский мужик — этот урожденный социалист»; 26: «...Из всех европейских народов наименее религиозен именно наш великорусский народ»; 27: «Русский народ по преимуществу реальный народ»; 29: «Нельзя сомневаться, что русский народ способен к революции. Со времени Лжедмитрия по настоящее время у нас только один неизменный бунтовщик против государства — это крестьянский народ и городские мещане... Народ никогда не переставал бунтовать. Бунтовал он победоносными массами два раза: один раз под Стенькою, другой раз с Пугачевым» і т. д. В книзі «Государственность и анархия» (1873, Прибавление А, 19), рядом із дуже гострою критикою «затемняющих народный идеал черт: 1) патриархальность, 2) поглощение лица миром, 3) вера в царя, к которым можно было бы прибавить христианскую веру, официально-православную или сектаторскую», Бакунін каже ще більш ріпчуто: «Мы верим в путь бунтовской и только от него ждем спасения. Народ наш находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню. Но хотя и всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако частных вспышек недостаточно. Надо поднять вдруг все деревни. Что это возможно, доказывают нам громадные движения народные под предводительством Стеньки Разина и Пугачева». Ми навряд багато помилимось, коли скажемо, що більша частина російської молодіжі, яку судили за соціалізм із 1871 по 1878 р., мала думки близькі до тих, які написав Бакунін у своїх писаннях 1870—73 рр. Друга частина московських соціалістів, яка видавала «Вперед», всілювалась поставити інакший погляд на науку й узагалі вдергати більше «западний» погляд на соціалізм («Вперед», т. I, 1873, «Знание и революция», «Очерк развития международной ассоциации рабочих» і ін.), тільки ж патріотизм і віра в скоре повстання свого народу, теж-таки селян, призвела до того, що й «Вперед» так же само величав пугачовщину, а в суті діла так само цінив і

якобінства й те, що вони ще не до кінця втягли в себе соціалістичну думку про малу силу осіб (воронів) й передових людей (організаторів) перед силою куп, народів *. Почастно тут же видно малу увагу до того, як прив'язується зрист соціалізму в Європі до зросту всіх її порядків і між ними до городського життя.

Бакунін був занадто вчений, тертий і «западний» чоловік, щоб не вбачати слабих боків своєї віри в московський народ, тільки він сам собі й іншим заговорював ті боки й поспішався пролетіти над темними хмарами, які думка наводила на небі його віри **. А мала вдумка в дрібні факти історії Московщини помагала йому так перелітати або знаходити й там «городських міщан», які бунтували також, як і селяни, за народний (соціалістичний) ідеал! ***

Трохи більше позитивної уваги до всіх тих речей, до яких торкались писання таких людей, як Бакунін,— і, по крайній мірі, такі люди, як сам Бакунін, інакше б глянули на всю справу соціалізму в Росії, й сама та справа далеко більше б виграла, ніж тепер. Правда, сам Бакунін наперед виступав проти тих, яких він називав «попами науки,

науку. Так, у статті «1773—1873» р., посвяченій Північно-американській революції («Прошедшее») і Пугачову («Будущее»), «Вперед» говорить, що «основные (господарские) вопросы справедливого общественного строя не нуждались в научной и философской обработке. Они были доступны доисторическому человеку, как и крестьянину XVIII в. Но их отложила (через что ж?) на будущее политически выработанная мысль периода политических революций», что «в манифестах безграмотного казака было более крепких залогов, неотвратимых грозных пророчеств для будущего, чем во всех гуманных «Наказах», даже во всех либеральных и радикальных проповедях против алтаря и престола, раздававшихся на берегах Темзы, Сены, Делавера» (262). По «Впереду», пугачовщина тільки через те не взяла гори, що особи її верховодників не мали «подчиняющего, организаторского ума, хорошо рассчитанной воли», що «смелый самозванец не сумел организовать восстание», що Пугачов справді був «вороненок, а не ворон». «Где же летаешь ты, предсказанный (Пугачов не предсказував, а казав, що «ворон, тобто правдивый цар, летает») ожидаемый ворон? Долго ли русскому народу ждать свое будущее?» — так кінчав свою статтю «Вперед».

* Про патріотичну філософію історії московських гегельянців од Герцена («Старий мир и Россия» і т. п.) до К. Аксакова ⁸³ і ін. слов'янофілів московських, поруч із патріотизмом кельтофілів і германофілів у XIX ст., ми мали нагоду говорити в своїй книзі «Вопрос об историческом значении Римской империи». Там ми показали, як у таких випадках богословська думка про вибраний богом народ, ставши на ґрунт старосвітського виключного патріотизму, перевернулася у метафізичну думку про зміну передведучих народів у всьому світі.

** Так, Бакунін сам казав («Наука и насущное революционное дело», 28): «В народе нашем, к несчастью, еще немного политического смысла и нет еще ясного понятия о политической свободе». Трохи вище він каже: «Одна из важнейших причин долготерпеливости масс, несомненно, заключается в народном невежестве. Вследствие этого невежества народ не обнимает себя как солидарную и в своей солидарности всемогущую массу; он разъединен в своем понятии о себе точно так же, как под влиянием гнетущих его обстоятельств он разделен в жизни» (14). Тільки Бакунін думає обійти свої погляди на народ такими словами, як: «Оставим пока вопрос об отношении народа к царю в сто-

аристократами інтелігенції» і т. ін., ї проти тих «позитивістів» і «революціонерів-доктринерів» у Росії, які казали (по словам Бакуніна), що «народ розвивається точно так же, как и все живое и существующее в мире, по неизменным законам природы. Развитие всякого народа обусловливается причинами топографическими, экономическими, историческими, пожалуй, политическими, но отнюдь не зависящими от произвола одного или нескольких лиц. Поэтому никто не может ни ускорить его, ни установить. Народ движется незаметно сам собою и освободится, когда придет его время».

Ми зовсім не стоїмо за всяких попів науки, доктринерів-позитивістів і т. ін., а особливо за російських, які, думаючи таке, приходили, по словам Бакуніна, до того, щоб «не тратить сил по-пустому в тщетных усилиях, отказаться от всякой революционной деятельности, предаться исключительно делу своего собственного развития, движе-

роне... Народ требует теперь только широкой и полной свободы в жизни: а что ему за дело до того, будет ли это свободная жизнь с императором или без императора» (24, 28). Або: «Но дайте только народу веру в его собственную силу, покажите ему только возможность вырвать кнут..» Еге! Дайте! Так у тімто й сила, що Всесвітня спілка робітників недурно сказала, що діло волі робітника мусить (може) бути ділом (тільки) його самого!

*** Справді «городські міщани», подібні тим, із яких із часом вийшли в Європі соціалісти, були задавлені в Московщині ще в початку своєму, в XIV—XV ст. Ті ж міщани, які бунтувались за царя Олексія проти осіб начальства, а не проти порядків, власне, й не міщани, так само як більша частина «сословия» міщанського в Росії й у XIX ст., як і ті, що й у XIX ст. робили холерні бунти, або як і ті баби матроські, що робили карантинний бунт у Севастополі й т. ін. Звісно, як петербурзький холерний бунт скінчився викликом царя Миколи I: «На колени! А вже московський бунт проти чиновників царя Олексія скінчився викликом: «Многие лета великою государю! Как угодно богу и царю, пусть так и будет». Тільки в псковському бунті за царя Олексія можна бачити зерно твердої й ясної вільно-городської думки, певно, через те, що в Пскові найменше було розігнано старих городян. Та тільки зерно те дуже вже слабе й не має великої ваги в суді про міщан у Московщині навіть і в XVII ст. На патріотизмі ж і на малій увазі до подібних фактів держиться й думка про анархізм (беззначальство) й про федералізм московського народу. Правда, тепер іще в селян у Московщині залишилась «община-мир», і там, де в ній не завелись кулаки, там вона вправляється добре в тому, що їй дозволено робити. Тільки ж щоб московські селяни були беззначальні, та ще й федералісти, цього ніяк сказати не можна: перш усього й мир — начальство, та ще й яке! А потім у сім'ї в них «сам», «большак» — зовсім деспот. Далі для спрах ширших, ніж справи одного села, для волосних, земських, державних, і в старі часи ще не вспів скластись у Московщині справді впорядкований федералізм (костомаровський федеральний уклад на добру долю видуманий), а дедалі в московській період брав гору все більше монархізм, який склався по образу «большака» в сім'ї, і дедалі в народі вкріплялась пошана й якась артистична любов до начальства — «грозного і ласкавого», кажучи словами билини, а то й просто до «грозного», навіть такого, як Іван IV. Багато з цього, що ми зараз сказали, напр., про патріархальність, про деспотизм «мира», про те, що ці «мири» «соединяются между собою только посредством царя-батюшки», сказано у самого Бакуніна («Госуд[арство] и анархия», Приб[авление] А, 10—17).

нию науки и, сколько будет возможно, распространению необходимых знаний в народе» («Народное дело», ч. 1, 1868).

Ми навіть не думаємо, щоб країна, яка так зосталась позаду, як Росія од Європи, безпремінно мусила так же довго проходити всі ті ступні, які проходили передні країни, не думаємо, що дітям тієї країни не слід рватись до найпередніших думок найперших країн.

Ми тільки в корені проти того «суб'єктивізму», який, починаючи од згаданих статей Бакуніна, почали виставляти проти «попів науки і доктринерів» російські соціалісти й народники в заграницій і краївій печаті, так само як ми проти проповіді виключчних способів служби прогресу народному — «единствено спасительных, насущных дел», чи буде то школа (та ще й казъонна!), чи буде то бунт (та ще й пугачовський!).

Ми не бачимо користі ні для якого «діла», а ще більше для народного, в тому, щоб не бачити того, що справді було й є на світі, а бачити те, що нам хочеться, щоб було. Ми не бачимо також, щоб для громадської праці безпремінно треба було, щоб чоловік мав безмірну віру й у свої сили, в те, що од одної труби його впадуть стіни Ерихону⁸⁴. Ми думаємо, що взагалі думка моральна якого-небудь позитивіста Мілля про те, що кожний путній чоловік мусить поставити собі метою «робити так, щоб, умираючи, міг сказати, що він хоч одну частину справ людських лишає хоч трохи в лішому стані. ніж він застав її», далеко ліпше забезпечує навіть і вірність, і постійність праці навітьожної особи, ніж віра в чудесний і скорий наслідок од праці особи або й цілого гурту. Хай кожний вибирає собі таку вірьовку, щоб тягти громадський поступ, яка йому до сподоби, чи більше, чи менше передню, аби тільки вона вела по простій дорозі для поступу й користі всієї громади, та хай не обманює себе й інших і про те, що він тягне, й про те, наскільки він може потягнути, та хай знає, що не одна тільки його вірьовка є на світі, й розуміє й тих, хто теж тягне туди ж, куди й він, та тільки за іншу верьовку.

Тільки ж, може, й справді до таких думок у Росії можна було дойти навіть не стільки теоретичною наукою про поступ європейських громад, скільки гіркою наукою фактів, страт, смерті й т. ін. Такої гіркої науки багато випало на долю московським соціалістам із «революційної молодіжі» з 1870 р. Та молодіж кинулась «в народ» руйнувати наднародні порядки, але «народ» і не ворухнувся, і, власне, той народ, який у XVII—XVIII ст. найбільше бунтувався із Ст. Разіним та Пугачовим,— селяни. Логічним наслідком того було перш усього розпорядкування соціалістичного ґрунту в Росії й іще гірше — невпорядкованість (безсистемність) праці соціалістів. Так, одні з «соціально-революційної молодіжі», яким мало було слова, проповіді соціалізму, які рвались до «діла», та ще й до діла зі скорим кінцем, із усім своїм народництвом і соціалізмом пристали майже виключно до руху противуцарського серед вільнодумного панства, а зовсім не до противубагатирського руху серед мужицтва. (Всякі

демонстрації, убійства жандармів і т. ін.) Тільки на цьому політичному полі, серед панства, російським соціалістам важко взяти собі перед у науково-письменській праці, яку так було занехаяли після статей Бакуніна. З другого боку, ті, хто пам'ятає, як іще недавно в російських соціалістичних кругах висміювали всяку працю не серед народу, а серед інтелігенції, а особливо працю політичну, ті бачать у цих нових виступах московських революціонерів зраду дійсно соціалістичному, дійсно народному пропорові. І справді, коли судити по печатній праці, то не видно, щоб тепер у Росії багато робилось для народу й серед народу. Певно, що робота та не зникла, та тільки йде вона вже дуже глухо, безписьменно.

З другого боку, деякі з московських соціалістів, які все-таки хочуть удержатись із революційною працею серед народу, зробили навіть ішо кілька ступнів по дорозі патріотизму далі тих, які вже зробили Бакунін і «Вперед». Так, у недавно виданому у Петербурзі листку «Земли и воли»⁸⁵: Социально-революционное обозрение, № 1» бачимо, що «Пугачев, Разин и их сподвижники» звуться вже просто «народными революционерами-социалистами», яких «программа остается и теперь для громадного большинства русского народа. Поэтому,—каже петербурзький листок,— ее принимаем и мы, революционеры-народники». Петербурзький листок цих революціонерів-народників, починаючи історію соціалістичного руху в Європі тільки з Всесвітньої спілки робітницької (1864 р.!!), питает: чому ж у Росії соціалізм не так дужий, як у Європі, хоч він би то й почавсь у той же час? — і одповідає, що тільки через те, що він приходив у Росію не в народній одежі. «Социально-революционное обозрение» завидує тим «малограмотным, неразвитым, иногда далеко не нравственным отставным солдатам, деревенским бабам и мужикам, действующим, напр., в расколе, где они так часто поднимают массы народа и ведут их за собою во имя каких-нибудь диких, ни с чем не сообразных идей, привлекательных для народа лишь какая-нибудь каплей правды, которая таится в них». Щоб і собі притягувати не «отдельные личности из народа, а массы», «Земля и воля» радить: «Бросим ту иноземную, чуждую нашему народу форму наших идей... Пять лет тому назад мы сбросили немецкое платье и оделись в сермягу, чтобы быть принятыми народом в его среду. Теперь мы видим, что этого мало: пришло время сбросить и с социализма его немецкое платье и тоже одеть его в народную сермягу».

Рада ця трохи темна, і тільки показ на Пугачова та на розкол та гаряча похвала «новій чигиринській справі» «Степановича⁸⁶ с друзьями» трохи проясняє її. Отже, як чути, то д. Степанович із друзями говорили чигиринським селянам, що цар хоче дати їм землю, та наслідник не хоче *. Своїми словами листок «народников-революцио-

* Говорячи про справу д. Степановича тільки по чутках, ми, може, й помиляємося. Тим більше бажаємо бачити скоріше печатний список тієї справи,

неров», коли за тими словами піде й діло, заставляє ждати цілого ряду вчинків уже зовсім емпіричного бунтівства, в якому не тільки форму, а й самі основні політично-соціальні думки європейського соціалізму будуть не тільки затемнені, а й просто зломлені.

До того треба придати, що коли судити по праці російських соціалістів тільки по печаті (а по іншому трудно й судити), то побачимо, що в останні роки цілі дуже важливі боки думок перших російських соціалістів-теоретиків (Герцен, Огарьова, який перший написав: «Народу нужна земля и воля» та прибавив: «и образование» «современниковців» і самого Бакуніна), — думки про зміну теперішніх порядків у сім'ї, про заміну віри наукою і т. ін., — залишили майже зовсім без уваги нові соціалісти-практики в Росії.

Колись-то систематично й через те широко здумана справа «нового громадського життя», або, як стали казати потім, «соціальної революції», в Росії почала ставитись зовсім *емпіристично* й через те вузько, частинами й навіть противурічсто *. Нарешті з боку «соціальних революціонерів» почулась рада поставити «народну революцію» якось уже зовсім окремо од всесвітнього громадського

який обіцяла дати «Петербургская вольная типография» «Земли и воли». Тоді можна буде докладніше судити хоч про те, що прибавили «революціонери из интеллигенции» до того, що сам народ вигадав у часі звісного «чиринського діла» 1873—75 рр.

* Про недостачу в російських соціалістів і революціонерів системи й рівної праці проти старих державних, громадських, господарських і церковних порядків ми вже говорили в «Листку громади», ч. 1, найбільше в статті «Коли битись, то вже не миритись». Хто прочитає підряд писане тими соціалістами й революціонерами за останні 10 років, навіть статті одного автора, напр. Бакуніна, той побачить, як непостійно говориться в них навіть про одну ту саму річ. Покажемо тільки один примір: у «Народном деле» читаємо: «Кто хочет быть свободен действительно, в жизни и в деле, тот должен устремить все усилия свои на уничтожение народной религии» («Нар. дело», 1868, ч. 1, 13). «Мы хотим разрушения всякой народной религии и ее заменения народным знанием... Наша задача состоит поэтому прежде всего в уничтожении народного невежества» (там же, 19). «Мы должны устремить, главным образом, всю свою пропаганду против царя; должны прежде всего уничтожить в сердце народа остатки (!) той несчастной веры в царя, которая в продолжение столь многих веков обрекла его на гибельное рабство» (там же, 23). Незабаром після того Бакунін писав: «Была бы большая ошибка со стороны людей, искренно желающих освобождения народного, если бы они открыли прямую войну против народных предрассудков путем книжной или словесной свободомыслительной пропаганды... Основатели Интернационального общества поняли это превосходство. Если бы они выставили с первого раза антирелигиозное и антимонархическое знамя, огромное большинство работников не пошли бы за ними» і т. д. (Всесвітний революціонний союз соціальної демократії. Русское отделение. К русской молодежи, 17). Подібні ж незгоди можна було б показати й по інших речах, напр., по таких, що таке справді «революционное дело», що може й чого не може робити революціонер і т. ін. Невигода од таких емпіричних учників і вага іще вбільшується тим, що майже всяка думка виголошується виключно ріпучим робом, а часом то й іменем «партії», хоча в Росії нема й мови ніякій партії впорядкуватись і докладно вмовитись не то про способи праці, про тактику на яку-небудь хвилину, а й про самі основні думки її.

поступу, окрім не тільки од всебічної науки, а навіть од науки самого господарського соціалізму *.

Дійшло до того, що тепер, після всього писаного про соціалізм на московській мові од часів Герцена й Огарьова, ледве чи не треба в Московщині наново починати розмову про те, що таке справді соціалізм такий, який є він у Європі. Мало того, не буде нічого дивного, що коли з'явилася між московськими соціалістами думка про те, щоб «зняти з соціалізму німецьку одежду» і прийняти між соціалістів і Пугачова тільки затим, що він умів підняти народ,— то не буде дивно, коли між ними з'являться знов купи, які помиряться й з Романовим, аби він знов зробив що-небудь для «народу». Та таки й у всьому не буде нічого дивного, коли й з нового московського соціалізму вилупиться нове московське слов'янофільство, як вилупилось старе (Киреєвських⁸⁷ і бр [атії]) з руху ліберального і філософічного 20—30-х рр., а молодше (од. Ів. Аксакова до Кельсієва, Март'янова, а далі й до Вол. Ламанського, «Голоса», «Нового времени» і т. ін.) — з демократичного руху 50—60-х рр.

В такі-то глухі кінці завели коли не всіх, то добру долю й ледве чи не самих гарячих соціалістів російських: 1) недостача в громадах Росії практичного й теоретичного ґрунту для соціалізму, такого ґрунту, який є в городській, ремісничо-фабричній, письменній, вільно-державній Європі, яка бачила, починаючи з якого-небудь Х—XI ст., безперервний прогрес через громадську працю; 2) мала увагу до всіх боків того прогресу й до ґрунту його; 3) недостача систематичної,

* Поряд із тим, як збільшився у «Земле и воле» патріотизм проти «Впереда» і писань Бакуніна 1868—1873 рр., збільшилась у ньому й зневага науки й самої думки. Тоді було положено, що й безграмотний селянин і навіть доісторичний чоловік може просто пристати до «Інтернаціоналу», і з того виводилося, що «організаторам» треба одложити науку на час після революції. Тепер, коли «догородський», не кажемо вже «доісторичний чоловік» у Росії не зробив сподіваної «соціальної революції» тільки буцімто через те, що «організатори» не вміли «одягти німецький соціалізм у рідну сермягу», «революціонери-народники» в «Земле и воле» мусили сказати: «Оставьте катехизисы и учебники,— мабуть, уже й самого соціалізму.— Погрузитесь в великое море народное... уловите ту струю, которая прямо брызжет из сердца народного...»

Тут нема нічого дивного або якої-небудь особистої хиби самих видавців «Земли и воли», як колись не було її й у Бакуніна, й у видавців «Впереда». Бакунін був чоловік, який на своєму віку вчивсь не менше всякого іншого з тих, хто боронив науку; видавці «Впереда» і в 1873 р. написали статтю «Знание и революция». А все-таки й той, і інші написали те, що ми бачили вище про науку, доісторичного чоловіка й соціальну революцію. Певно, і видавці «Земли и воли» не тільки не дурніші інших, а вчились не менше хоч, напр., середнього вивченого чоловіка в Росії, коли не більше. Певно, вони не менше никого іншого поважають науку в «післяреволюційний час». А тільки вони написали те, що ми зараз виписали. І примусила їх написати те, як і про «рідну сермягу», логіка,— раз, коли вони стали на ті думки, які ми показали вище, друге, коли соціалістичний рух у Росії поставлено було на ті підвалини, які ми назвемо й далі в тексті.

а не емпіристичної прилагоди європейських думок до життя власної країни й 4) надія зразу зробити в Росії соціальну революцію.

Тільки ж що б там не казало або робило хоч би й усе теперішнє коліно московських соціалістів, а все-таки соціалізм у Московщині піде своєю природною дорогою, подібною до європейської, бо все-таки як не єсть, а Московщина вже стала на європейську дорогу. Городяни в ній уже з'явилися, а з ними й письменство, й ремесло, а між письменними робочими вже з'явилися і соціалісти. Само начальство й грошовите панство, фабриканти вирощують ґрунт, на який падає соціалістична проповідь, і по всьому, що ми знаємо, за останні роки падає вона найбільше на городських майстрів, як і слід було ждати, і, певно, од них піде й незамітними дорогами в села. А в тих селах, коли складеться правдивий соціалізм, то на такому ж ґрунті, як і в городах у Європі: на ґрунті письменства, наукового господарства, вільнодумства й безвірства, тобто зовсім не на тому, на якому стояли Разіни, Пугачови і т. ін. І такий соціалізм, зчеплений із широким всебічним громадським прогресом, хоч би він виступив на перших порах і не дуже сильним, а мусить піти й у Московщині, як і в Європі, дедалі все вбільшуючись, тоді як старі селянські рухи йшли дедалі все вменшуясь од часів «Смутного времени», в початку XVII ст., до наших.

Далеко не так запевнена справа соціалізму на нашій Україні. Далеко більше небезпечності в тій Україні, що тут розум соціалістичного руху зузиться ще більше, що тут закорениться на довше думка про те, що соціалізм у нас позаду або коло нас, серед нашого селянства, а не попереду, в європейських городах. Окрім усього іншого, завести українців у такий глухий кінець може й те саме, що спроваді наші козацькі рухи XVII ст. мали в собі більше прогресивного, ніж московські, бо наші козаки все-таки були близьче до тодішньої Європи, й те, що в нас справа соціалізму мусить іти поруч із справою вирятування своєї породи, з новим народженням національним, і що в нас більше ще, ніж у Московщині, може взяти силу по вільнодумних, противудержавних гуртках думка про «свою одежду», «свою хату» і т. ін. Думка зробити з Шевченка, а далі, значить, і з його герой — козаків і гайдамак — соціалістів є вже одна з ознаків такої небезпечності. А є інші ознаки!

Зовсім нема нічого дивного, що в Шевченка, напр., не було ясної й міцної думки про широкий громадський прогрес; не було її в нього не тільки через те, що він не мав європейської науки, а й через те, що він був патріот, українофіл. Українська історія ще більше обірвана, ніж московська, бо в ній нема навіть і поступу національного збору, й крайової непідлегlosti. Ми вже показали в I т. «Громади», як по всіх боках історії України з кінця XVII аж по кінець XVIII ст. видно перерив і навіть руїну. З кінця XVIII ст. деякий прогрес і на Україні йшов не тільки під огидливою покрівлею державного вчинку й громадської неволі, а й у «чужій одежі», московській, і де в чому, напр. в школі, до останку руйнував те своє, що ще зосталось од старовини

і що, коли б не було зруйновано, то, певно, поступало б вперед далеко скорше й ліпше, ніж чуже та ще й казъонне. Не диво, що українському патріотові, коли він безперервно не оглядався на Європу й у будущі часи, нічого не зоставалось, як вперти свої очі назад у XVII ст. та в селянство, яке майже одно тільки й зосталось українським. Не можна перечити, що в українському XVII столітті було чимало такого, що й тепер би згодилось у Росії для громадського поступу, й того, що в нашому селянстві в XVIII—XIX ст. потроху протягалась нитка самостійної історії українських людей. Одне й друге ми старались доказати в I т. «Громади». Тільки ж такий перерив і така руїна, які пережила наша Україна з XVII ст., дурно не обходяться навіть і без такої централізації, в яку дісталась Україна з XVIII ст.; та й само селянство без городян далеко ще не заходило ніде. Щоб недалеко заходити, спинимось хоч на соціально-політичних справах, то й побачимо, як із кінця XVII ст. почала не тільки вменшуватись в українців сила вільного вчинку, а й затемнятись думка про корені й наслідки громадських порядків, думка, яка було в XVII ст. явно почала рости і вияснитись. Так од часів перших повстань проти Польщі за Косинського й Наливайка до Гадяцької комісії⁸⁸ 1658 р. росла й яснішала думка про національну волю й свою вправу; од тих же часів до Хмельниччини — думка про волю селянську й рівність усіх українців, про право всіх на землю. Між українцями почали появлятись люди, які широко стояли то за ту, то за другу думку, як, напр., Перебийніс, Данило Нечай, Іван Богун — за спільну волю й рівність; ті ж і багато інших — за волю України од Польщі, Богун же, Немирич, впорядчик Гадяцької комісії 1658 р. і ін.— за свою волю й непідлеглість і од Польщі, і од Москви. Спільна прихильність до тих думок заполоняла душі й таких людей, які більш думали про себе, ніж про громаду, як, напр., Богдан Хмельницький, і висувала наперед громадського руху людей таких, як він, які все ж таки не були самими «разудальними добрыми молодцами», «ворами-разбойничками». Взаємини між усіма верствами громади української, од пансько-козацько-міщанського попівства до селянства, робили те, що між тодішніми козаками були люди, які могли виложити ті всі вільні думки, демократичні й майже чисто республіканські, й письменно, й навіть із примірами з історії своєї і чужої, напр. голландської. В другій половині XVII ст. вже тільки в Січі держаться скільки-небудь ясно ті думки й навіть ростуть аж по часи повстання Івана Петрика (1692). Тільки ж дедалі думки ті стають усе більш непостійними, а виголошувати їх беруться люди все більше подібні до «воров-разбойничков», такі як Івашко Брюховецький, демагог Чорної ради, поки не став гетьманом, а потім «боярин и холоп его царского величества», а потім його «изменники»; або й сам Іван Петрик, усе ж таки пройдисвіт, запроданець татарам, як Дорошенко туркам.

Видно, що по українських головах у кінці XVII ст. носились добре думки та рідко доходили до серця, а ще рідше складались у ясні

плани, в міцні заміри, а тільки й служили інструментом, на якому грають пройдисвіти або люди, які тільки й здолють, що зворушитись ними на час. В XVIII ст. тільки в універсалах Мазепи після «измены», а ще більше товариша його Пилипа Орлика⁸⁹ (1711—39) видно хоч ясну республіканську думку, та й то, мабуть, чи не просто переложену з польського й виставлену найбільше напроти Петра I з його царством. Та ті універсали од тих людей, які полізали в свій час «руку его царского пресветлого величества» та попанували над «простими людьми», так і зостались «голосом вопіющого в пустині». Останній великий рух український — гайдамацьке повстання Залізняка й Гонти 1768 р. вже мало чим одійшло по темноті думок од бунту Ст. Разіна й пугачовщини.

Гайдамаччина і рух 1768 р.— дуже важливі факти як протест проти польських державних, панських і церковних порядків. Тільки ж уся справа 1768 р. показує, в якім лісі й безладді були державні й громадські думки тодішніх верховодів українського повстання. Вони (архимандрит Мельхиседек⁹⁰, запорожець Залізняк і сотник українських вояків на польській службі Гонта) підняли людей «золотою грамотою», яку мовбіто дала цариця Катерина, й сподівались, що та цариця, яка за три роки перед тим знесла гетьманщину на лівім боці Дніпра і вже придушувала й Січ, та цариця, яка роздавала кріпаків своїм слугам, потерпить нову хмельниччину на правім боці Дніпра! До такої «темноти» треба приdatи, що повстанці 1768 р. все-таки показували таку ж вузьку церковну ненависть до католиків і жидів, яку польські конфедерати⁹¹ мали до благочестивих (звісні слова: лях, жид та собака — *vira одинака*), та ще й те, що після різні в Умані Гонта (по Шевченку — «мученик правий») і Залізняк (по Шевченку — «душа щира») поробили себе не тільки перший гетьманом, а другий полковником, а ще й князями Смілянським і Уманським, поділили здобич по чинах (причому Залізняк продав у Київ три скрині з сріблом). До того це все нове козацтво одрізняло себе од тих хлопів, які думали тепер, побивши панів, стати самі всі рівними з тими вільними козаками: коли треба було ховати ті трупи, яких побили в Умані, то гайдамаки не схотіли того робити, а примусили мужиків, зігнавши їх із навколо. Після цього всього уманський рух не тільки не можна взяти за прогресивний рух для все-таки європейської країни в XVIII ст., а навіть за рух по щиро запорозьких громадсько-товариських думках XVII ст. Коли до темноти й безладдя, які показались у руху 1768 р., ще прибавилась неволя й солдатчина царсько-російська, то не диво, що багатші наші селяни стали думати тільки про бариш на копійку, хоч би зного брата-селянина, а бідніші й у найгарячіші часи (з 1855 р.) втішались темною mrією про те, що, мовляв, цар кличе всіх у козаки, або буде землю ділити між мужиками, або про якийсь «слухний час», який хто його зна звідки й як настане.

Ось на таких-то обірваних та затемнених думках наших селян, на

споминах таких темних рухів, як уманська різня 1768 р., згріс Шевченко й переніс їх у свої поеми, покладаючи надію, що нові Гонти піднімуть знову «правду й волю» на Україні. До такого-то темного й хисткого ґрунту прийдеться спуститись українським соціалістам, коли вони, признавши Шевченка соціалістом, захотять «одягти європейський соціалізм в одежу» думок і мрій українського селянства. І в Московщині тепер той, хто б захотів, не вважаючи на те, на чому виріс європейський соціалізм, опертись тільки на саме теперішнє селянство, той мусив би покинути все те, що вигадала Європа на вжиток людям із XV—XVI ст.: все ремесло, фабрики, науку й нарешті, мабуть, чи не зостатись із царством, а напевно й із попівством. На Україні то б було ще гірше, бо на Україні нема тепер і того городового життя, яке все-таки вже завелось у Московщині за останні двісті років і яке все-таки пускає корені й у села. Звісно, це все даремна розмова, і тепер усе рівно ні пугачовщина, ні уманщина не може бути, а ще менше може бути, щоб вона розійшлась по всій Росії й узяла гору над усім. Одне, що може бути,— це те, що ті соціалісти наші, які б важили тільки на пугачовщину та гайдамаччину, даремне б потратили свої сили навіть і тоді, коли б їм пощастило зробити кілька невеличкіх бунтів: бо повстання тоді тільки пускають по собі слід, коли вони робляться з-за незаплутаних, ясно поступових думок. Тоді й маленьке повстання, яке буде на свій час роздавлене, все-таки стане одним із покажчиків наступаючої великої зміни чи революції.

Тільки ж хоч би й усі московські соціалісти, залишивши приміри європейського широкого соціалістичного руху, вдарились на саму проповідь і почин пугачовщини серед селян (чого на самому ділі не може стати),— все-таки з того не може вийти такої шкоди для соціалізму в Московщині, як у нас, коли б ми, то слідом за ними, то не до ладу зрозумівши думку про те, що соціалістичну справу, як усіяку всесвітню справу й думку, треба прилагодити до всякої країни й породи людської, та вбачивши, що в нас найбільше непорушена українська порода в селянстві,— самі обернули всі наші сили тільки на те, щоб підбивати наших селян до нової гайдамаччини.

Ми вже сказали в I т. «Громади», що московські соціалісти можуть спеціалізувати свої сили, зужувати свої програми далеко більше, ніж наши, бо в Московщині для поступу громадського працюють далеко не одні тільки соціалісти. Тепер ми ще скажемо, що московські соціалісти можуть робити проби скидати німецьку одежду зі свого соціалізму й одягати його хоч у «радельну сорочку» розкольників або й у кафтан самозваного селянського царства, бо все одно європейство й європейський соціалізм прийде до них і в села з городів, яким од Європи вже не одірватись.

У нас не так. У нас ніхто не думає про нашого мужика, окрім малої купи одвертих українолюбців і народолюбців, та й із тих тепер виступають скільки-небудь постійно тільки одверті соціалісти. На руках цих українолюбців і соціалістів лежить на Україні вся купа культурної

праці, без якої тепер не може вистояти ні одна людська порода, без якої не може обійтись ні одна європейська громада. Українські громадівці мусять стати до того, щоб поправити все те лихо, яке зробила нашим людям доля, ввірвавши наш історичний поступ на всіх боках життя: державного, громадського, господарського, розумового. Українські громадівці мусять узяти на себе страшенну працю — поправити страту нашою Україною своїх городських верств громади з їхньою наукою, ремеслом, більшою рухливістю, вільним духом, сміливим виступом словом і ділом проти всякої неволі й неправди громадської і т. ін. Ми не станемо тепер говорити про це докладніше, бо ми вже сказали свої думки в I т. «Громади», де ми зачепили всі громадські справи, до яких, по-нашому, мусять стати українці-громадівці,— *од азбуки до оружного громадського повстання*. Тепер ми спинимось на тому, що тільки дуже коротко зачеплено було нами в писаному раніше.

Скрізь у Росії соціалісти мусять звернути велику увагу на селян, ще більше, ніж звертали досі, бо досі в Росії більш говорилось про «деревню», про «агарний соціалізм» і т. ін., ніж справді робилось що для них. Усе-таки Росія — переважно сільська країна, а також усетаки в цілій купі сільських людей у Росії залишилось більш і товарицьких звичок, і руху до волі, ніж у цілій же купі зовсім уже забитих і розділених один од одного міщан і простих, а часом і самих підпанків. Гріх було б не покористуватись такими здобутками хоч старосвітської, додержавної й допанської волі й товариства в селян руських, а між ними таких, напр., як громадське обладування полем, вигонами й т. ін. Адже ж покористуватись для громадського поступу тими всіми забутками старосвітської волі й товариства між селянами, а також і споминами про старі вільні рухи й протести можна тільки тоді, коли поступові гурти не будуть підлагоджуватись та спускатись до них, а коли вони тільки вчепляться за ті забутки й спомини, щоб потягти селян вперед, підняти їх до себе, зчепивши їх до тих нових зростків, які все-таки вспіли появитись серед наших поєвропейщених городів і в яких усе-таки лежить тепер найбільша поступова сила в Росії, як і в Європі.

Ще більше це все прикладається до України й до праці українських громадівців.

Виступаючи серед наших селян, цих безперечних українців, приміром європейських городян, українські громадівці мусять приложити свою працю й до того, щоб уменьшити одміну, яка тепер є на Україні між городянами й селянами й яка буде дедалі вбільшуватись, коли ніяка сила не виступить проти того з систематичною працею.

Як тепер розходяться городяни й селяни на Україні, це можна було ясно показати, якби в нас був рахунок городського й фабричного люду по породах, мовах та освіті по всій Україні. Але того нема. Скільки-небудь здібний до цього рахунок маємо ми з однодневного

перепису Києва в 1874 р.* Там ми бачимо, між іншим, ось що: всього люду в Києві 127 251. З них родилось у Києві 36 005, в Україні обох боків Дніпра (Юго-Западний край, Малороссия, Новороссия) 57 865 — вкупі *родом із України*: 93 870 = 73,85 %, з Московщини 16 872, з Білої Русі 10 515, з Польщі 2371 і т. д. А по мовах записало себе: *українською мови* (малорусское наречие) — 38 553, казъонної руської (общерусское наречие) — 48 437, *мужицької московської* (великорусское наречие) — 9736 (вкупі цих двох 58 173), білоруської — 1479, польської — 7863. З цього ми бачимо, що *української мови* записало себе в Києві не 73,85 %, а тільки 39,26 %⁹², та й то, мабуть, іще якась частина їх записалась так через те, що перепищики питали не про ту мову, якою тепер говорять хто (*langue parlée*), а про *рідну мову* (родной язык), а багато з тих, в кого рідна мова була українська, потім змінили її на інші. Порівняймо з цим, як держаться своєї мови поляки: ми бачили, що прийшло в Київ із Польщі тільки 2371, а говорять польською мовою 7863 (з них — православних 185, католиків 6963; католиків руської мови тільки 1472). По числах київського перепису важко судити про письменність щиріх українців у Києві, але можна думати, що між ними, власне, найбільше неписьменних і що в них і українська мова задержалась, власне, через їх неписьменність. Можна думати, що мужицької московської мови записали себе найбільш неписьменні і що, значиться, з 16 тисяч людей із Московщини неписьменних у Києві не більш 9 тисяч. Усього ж неписьменних у Києві 66 219 і між ними православних 53 953, а киян родом 35 603. Найбільше ж киян над некиянами в тих частях: Куренівському кварталі, в Лук'янівському, Плоській, передмістях,— у тих, де найбільше записалось людей і української мови іде найменше й письменних. Коли ж між киянами письменних тільки 26^{1/2} %, а між некиянами 35 %, то можна думати, що прийшли у Київ люд, хоч би з українців, стає письменним і вкупі тратить українську мову. Окрім того, велика купа письменних мусить бути й не з України. Коли так, то й вийде, що в Києві українська мова й неписьменство йдуть поруч!

По перепису київському 1874 р. не можна зробити докладного рахунку ремеслового навіть і взагалі. А до того ще перепищики зводчики числення людей (д. Чубинський і ін.) не зробили таблиці ремесників по всіх мовах руських, і через те не можна зовсім бачити, чим працюють і живуть кияни української мови. Тільки ж зваживши на те, що найменше української мови показано в тих частях, де найбільше ремесників і взагалі дійсних городян (в Дворцовій, Старокиївській часті, найбільше на Крешатику, в Подольській), то вийде, що

* *Киев и его предместия по переписи 2 марта 1874 г., произведенной и разработанной Юго-западным отделом императорского русского географического общества, 1875.*

українська мова й ремесло зовсім не сходяться докупи, як і українська мова й письменність.

По цьому рахунку Києва можна судити, який то слабий тепер ґрунт українського соціалізму. Ми скажемо навіть ширше: по цьому рахунку видно, який слабий ґрунт соціалізму на Україні взагалі, навіть коли б усі письменні люди й ремісники в тамошніх городах прихилились до соціалізму, звісно, московської або польської мови, або в інших городах — жидівської, коли б такий заложився *. Між городами й селами скрізь іде незгода, і навіть у такій землі, як Франція, після того, як Париж 1789—93 рр. справді дав волю й купу землі селянам, усе-таки села не йдуть за паризьким і взагалі городським соціалізмом, а помагають душити не тільки соціалізм, а й республіку,— і між ними не тільки селяни в якій-небудь Бретані, для якої мова французько-городська зовсім уже чужа, а й у всій північній Франції щиро французької мови (*langue d'ouï*). Що ж буде, коли городи на Україні зовсім виділяться з українських сіл і з своєю освітою, і з неукраїнською мовою? Про це б варто подумати й соціалістам московської, польської й жидівської мови, які б мусили в проповіді серед людей їхньої мови налягати на те, щоб ті люди якомога ближче держались до українського селянина й мусили б помагати українцям у проповіді соціалізму й на українській мові серед селян, і тих, що зстаються в селі, й тих, що переходятять у город.

Тільки ж занадто привикли, що українцям ніхто не помагає, то й на цей час будемо довольні, коли в цьому нашему бажанню, щоб соціалісти неукраїнських мов серед України вменшували націоналізм і вбільшували інтернаціоналізм кожний серед людей своєї мови, не побачили вузького націоналізму в нас самих. Усе-таки найважчі тягарі соціалізму на Україні мусять узяти на себе самі українські соціалісти. Ніхто, як вони, мусять узятись за те, щоб не дати вкінець розділитись городам і селам на Україні на дві, чи три, чи чотири породи. Для того вони мусять тільки звернути більше уваги на тих людей, які переходятять із українських сіл у города. А таких чимало.

По перепису київському видно, що в Києві, окрім природних 36 т [ис.] киян, живе 57 т [ис.] людей із України і між ними з Київської губернії 32 т [ис.], з Чернігівської 8 т [ис.] з Полт. 4372, тобто найбільше з тих губерній, де українська порода найчистіша. От у тих-то людей треба задержати українську мову й думку, через що задержиться й спільність їх із українським селянством.

* В закладі соціалістичної проповіді серед жидів у Росії і Австрійській Русі є велика потреба й найголовніше діло т. зв. «жидівської справи» по тих сторонах. У книжечці «Про те, як наша земля стала не наша» ми зробили рахунок жидів і праці їхньої на нашій Україні, з якого виходило, що жидів усіх у нас 1 300 000; з них четвертина робітників, а решта шахраїв (купців, факторів, шинкарів і т. ін.). Треба ж, щоб хто-небудь поніс до них думки соціалістичні, а найбільше до 400 000 робітників, яких треба ж одірвати од шахраїв і звести з іншими робітниками. А цього ніхто не зробить так, як соціалісти з жидів і на тій мові, якою тепер говорять наші жиди.

Найбільш усього тут може стати в пригоді письменство й школа. Треба, щоб українець, коли він схоче розширити свої думки, міг зробити це за помічю української книги, інакше він або зостанеться таким, як і був, або візьметься до чужого, хоч із стратою часу і з переривом ниток, які в'яжуть його зі своїми. Вже для цієї страти часу й цього перериву хтось та мусить постаратись, щоб український селянин, виходячи з теперішньої сільської темноти, а надто переходячи в город, міг здобути собі всяку науку на українській мові. В тих породах людських, які мають хоч державну непідлеглість, у такому випадку все-таки помагає й казъонна школа. На Україні (виключаючи хіба трохи Галичину) про поміч казъонні школи нічого й думати. На Україні, що в Росії, тільки після того, як настане в Росії хоч уставне царство, можна сподіватись хоч волі закладати неказъонні українські школи, та й то не без протиєнства московсько-всеросійських централістів, яких чимало знайдеться і між правими, і між лівими росіянами, між одвертими московськими націоналістами і між псевдокосмополітами. В усякім разі устав державний (конституція) дасть хоч основу волі для української школи в Росії, і тоді тільки й зможе виступити широко впорядкована праця українська для того, щоб понести українське письменство в села та вберегти для українства письменних людей і городян-ремесників та техніків усякої, корисної теперішній європейській громаді праці. От через що, кажемо ще раз, і для українців-соціалістів справа зміни державних порядків у Росії, і в них справа волі всякої породи й громадського вчинку, зовсім не останнє діло на теперішню хвилю *. Справа ж українства серед городян, звісно, така справа, яка потребує впорядкованої праці не одного часу. Для неї треба готовуватись і ставати й тепер, і далі — й до конституції в Росії, й після неї. В деяких частинах нашої України, що в Австрії, напр. у Галичині, на неї можна налягти і зараз же.

Найпершим ступенем у цій праці мусить бути впорядкування *громадівсько-українських товариств* між людьми всякої потрібної громаді праці по городах на нашій Україні (*corps des métiers*⁹³), а далі впорядкування праці над тим, щоб виробити потрібне їм письменство на українській мові. І з тим, і з іншим треба поспішатись, як і взагалі

* На всякий випадок ми мусимо сказати, що найдужчі виступи проти самодержавства більш усього можливі й корисні там, де сидить корінь його,— в столицях, і вже через те українцям більш спосібна праця соціальна й культурна, ніж політична, і усього більше серед мужицтва сільського й городського. Це особливо мусить так бути, поки в Росії всякі протидержавні виступи будуть робити самі тільки молодші люди — теоретики, студенти, а не старші — практики, земці й т. ін. Звісно, коли б, напр., земства й «провінціальні» виступили проти самодержавства, то тоді б інший був і наслідок, ніж той, який виходить із теперішніх виступів молодіжі. Та й тоді для українців, як ми вже казали не раз, менше буде ваги в тому, який, напр., у Росії парламент, ніж у тому, щоб було найменше самодержавства, царського й чиновницького, та державної централізації.

з поправкою всіх хиб старшого, досоціалістичного українолюбства, які ми показали вище й у II т. «Громади»: таких, як розрив із європейством, замкнутість думки й праці в Росії, провінціальність, невпорядкованість і т. ін.

Не забуваймо, що для нас, як для людей, які майже цілком поставлені під чужі руки, страшна не тільки чужа неволя, а й самий поступ чужих людей, коли з ним поруч не йде й наш поступ наперед. Треба нам тільки трошечки впинитись на однім місці — і зараз же ми зостаємось позаду, а поступ наших сусідів і чужих людей на нашій землі розстроїть нас на кілька часу не дуже менше, як і неволя. Ми могли б це допевнити десятками примірів із нашої історії з XVI ст., та приведемо тільки кілька іх із новіших часів і з того круга, в якому досі всього більше приложили праці українолюбці,— з письменства.

Нове письменство українське, після перериву його в XVIII ст., піднялось, між іншим, на грунті всеросійського руху проти «високо-парної» поезії, з бажання перенести очі од столиць до сіл, який рух і яке бажання зайшло з кінцем XVIII ст. і в Росію. Думки ті знайшли в нас найліпший ґрунт і в нашому, тоді ще невеликому поділі людей на стани (класи), в нашему новому панству, ще тільки недавно перевернутому з козацтва, яке в'язало ще наше панство з мужицтвом, і в нашій мужицькій словесності, яка, будучи мужицькою, все-таки добре погладилась і тими вивченими класами, які в XVII—XVIII ст. ще не одірвались від мужицтва. Коротко кажучи, той новий передовий європейський дух, прийшовши до нас через столицю, знайшов у нас, власне, в нашій тодішній провінціальності і в наших пам'ятках із старовини, добрий для себе ґрунт. Тільки ж у тім-то сила, що й пам'ятки нашої старовини XVII ст. тим-то й були добрим ґрунтом для нових європейських думок XIX ст., що в свій час наша старовина письменська (напр., театр, вірша, приказка й казка, сама дума й пісня) або й громадська (братства, всеспільне рицарство козацьке, яке почало ставати республіканським і по думках) були близькі до колишньої новини європейської. А зailа наші добрі вчинки, власне, провінціальність XIX ст., яка дедалі все більше одсуvala нас од європейської новини. Новий всеєвропейський письменський рух на нашему ґрунті дав такі для свого часу добре вчинки, як Котляревський, Василь Гоголь⁹⁴, Гулак і ін., що показали такі початки «простого» письменства, яких не було тоді в Московщині, через столиці якої прийшов до нас і той рух. Тільки ж ті початки не були підперті ясною науковою думкою й громадським упорядкуванням, і через те, хоч на початках нового українського письменства зріс Микола Гоголь, та зробив він конечну зміну письменства не в нас, а в Московщині! Ми ж зостались позаду. А зоставшись позаду, мусили далі встоювати не тільки проти казильонних порядків, а й проти громадського поступу в Московщині, який теж повернув нас у провінціалів.

Те ж саме сталося і з нашим всеслов'янством (про яке ми говорили в II т. «Громади»), з нашими початками науки про мову й життя

мужицьке з усіма добрими вчинками харківських і київських українолюбців 30-х і 40-х років.

Те ж саме сталося і в 60-ті роки, в часи «Основи» й опісля. Ми хвалились тоді, що в нас усе письменство «простонародне», яке однаково зачіпає всіх наших людей — «од найпростішого селянина до просвіченого європейською наукою пана» («Переднє слово» д. Куліша до «Хати», його ж «О простонародності української словесності». — «Основа», 1862, № 1). Ми хвалились, що в нас найвченіші люди найбільш усього звертають уваги на мужицтво, беруться за його освіту й що тим вони заложать міцну основу нашому письменству. Москвичі, що видавали «Современник», питались і собі: чи може бути самостійне українське письменство? А одповідали, що чому ж ні? I, сподіваючись, що українці найбільше наляжуть на книги, які будуть популяризувати науку, нагадували, що на цьому полі так мало зроблено й у московському письменстві, що українцям не важко буде не тільки не зостатись позаду, а й випередити «старших братів».

Ми знаємо тепер, що українці з остались позаду,— стільки ж через себе, скільки через ворогів, противенства яких треба було ждати наперед, і наперед треба було пригадати, як обійти його. А колись-то «Основа» ось як похвалялась словами «живо прочувствованной и задуманной статьи молодого ученого», автора статті «Русский патриотизм»: «Малорусская литература (и теперь) доказывает, что она создается не на песке, а на твердой почве и в своем настоящем имеет прочные залоги будущего развития, что она достаточно определилась для того, чтобы не затеряться в журнальном хламе, под влиянием цивилизаторских внушений русских патриотов. Сомневаться в этом могут только они — патриоты-скептики. Но всякому свое: им — теория, нам — жизнь; им — проповедь, нам — дело; им — ораторское искусство до самоослепления, нам — зрение и слух...»

Тепер навряд хто стане перечити, що не тільки «дела и жизни», а навіть «зрения и слуха» не дуже-то «мы» показали в боротьбі проти «руssких патриотов» і в службі українському народові й що не пройшло року після того, як «Основа» напечатала цю похвалу молодого українолюбця, як настав у Росії знов перерив майже всякої української праці на кілька років.

Тільки з 1868—69 рр. знов стали показуватися праці російських українців, перше етнографічні, а потім і інші, не такі сирі, а трошки згодом можна було побачити новий вид українства, частина якого ясно показала волю пристати до самих передніх європейських гуртів. У цьому, а також і в тому, що тепер уже дужче виступає на поміч російській Україні галицька, де українство може вільніше впорядкуватись, є вже трохи поруки, що на цей раз українство витримає більше. Тільки ж напевно цього сказати не можна. Нове громадівське українство піднімає не один меч проти теперішніх порядків, і проти нього мусить піднятись теж не один меч. Наступає й мусить іште наступити, кажучи словами Шевченка, «время лютел!» Під натис-

ком соціалізму в Європі наступає час заміни царств республіками, в Росії — кінець самодержавного царства, в Росії ж і Австрії до того прикладається суперечка породного федералізму з централізмом. Далі скрізь усе чистіше буде ставитись і громадівсько-господарська справа. Старі порядки не подадуться ж без спору, й не буде дивно, коли Європа незабаром знову переживе 20-ті роки: Меттерніха⁹⁵, Касльєрі і т. ін., а Росія — Аракчеєва. Новому українству, з його громадівством і федералізмом, прийдеться витерпіти всі удари старих сил, а до того вистояти в конкуренції з поступом ліпше впорядкованих поступових сил у сусідів. Українцям треба товариства та товариства, праці та праці скрізь — од Кубані до Тиси!..

Звісно, ті думки, до яких тепер пристає нове українство, витримають, бо то думки всесвітні. Тільки ж для того, щоб вони як слід прийнялися на нашій Україні, треба, щоб хтось прилагодив їх до українського люду й країни, а це ніхто не зробить так, як свідомі себе українці, та й не кілька чоловік, а цілі впорядковані гурти. А таких гуртів може й на цей раз не знайдеться на нашій Україні, як не раз не знаходилося раніше, як не знайшлося у 1845—46 і в 1859—63 рр.! А час тепер гарячий, і потреба на таїк гурти й їх працю велика й по селах, і по городах на нашій Україні, а де в чому навіть знов час тепер не менш вигодний, напр., для українського громадівства перед московським, як було з справою «народних книг» тоді, коли покладав на нас надію «Современник».

Так, коли обернемось, напр., до стану, до якого дійшла громадівська справа в Росії, то побачимо, що він робиться дуже спосібний для української праці. Окрім того, що тепер уже дуже підрівалось всеросійство в соціалістичній праці й вияснилась потреба країового впорядкування її, наслідки руху нашої молодіжі «в народ» вийшли не зовсім такі, яких ждали, напр., у ті часи, коли Бакунін писав свої поклики до тієї молодіжі. Рух «в народ» звернув на себе увагу й у так званій інтелігенції, на яку дехто з російських громадівців радили махнути руками як по менший мірі на трутнів. І в одних він звернув на себе увагу більш навіть як рух протидержавний, ніж господарський (з того виходила, напр., всеспільна прихильність до вчинку д. Засулічевої), а в інших, власне, своїм широким зв'язком із усім прогресом політичним, соціальним і науковим. Далі, тоді як дехто з соціалістів із «інтелігенції» одкідав науку теоретичну й технічну і т. інші вигадки «буржуазного світу» або одкладав їх на «післяреволюційний час», люди з самого народу показали, що вони, напроти того, раді здобути в свої руки ту силу, ѹ між ними показались такі особи, які навіть книжною наукою, не кажучи вже про ремесло, обігнали багато з тих «проповідників» соціалізму й «організаторів» із «інтелігенції», так що вже час, мабуть, покинути це старе слово; дедалі все більше виясняється, власне, серед самих мужиків недостача голої проповіді мужицького повстання.

Треба сказати, що які б не були хиби прихильників українства,

а в них ніколи не доходило до того, щоб уже зовсім так вузько й голо зрозуміти народну або соціальну справу, як вона розумілась чималим числом російських соціалістів недавніх іші часів. Навіть коли вона не розумілась українцями доволі ясно й не ставилась широко на ділі, то чулась усе-таки не зовсім уже вузько. Так, і українці часом не знали, чого вчитись: узагалі, напр., науки природничі, технічні, ремеслови праця не дуже-то прихиляли до себе українолюбців; далі майже все здібуюш, що хто з українців знає свою мову, той не знає чужих і навпаки, та ніколи ми не чули в українських кругах ради однини зовсім науку або й одложити її «на другий день революції». В останні роки одною з найбільших незгод між українськими громадівцями й великом числом російських було також і те, що українці хотіли поставити в себе соціалістичну справу на ширших підвалах: поруч і з волею державною, і зі зростом усіх пород людських та науки, ремесла, штуки.

Тепер увесь хід життя приводить більші купи людей до тих думок, яких держалась невеличка купка українських громадівців. Хто дасть добру страву цим думкам на Україні, той поведе за собою передові її гурти і з панства, й з мужицтва. Замітимо тут, що, напр., письменство російське, дозволене й недозволене, середнє й закордонне, не може на цей час дати тієї страви: дозволене — через те, що царська цензура його заїла, недозволене — через те, що «революційні» кружки російські мало дбали про такі речі, як письменство, й що навіть були ще недавно між ними такі, де, як каже один із товаришів їхніх, дивились на письменство майже так, як колись рицарі середніх віків. Російське письменство теперішнього часу страшенно зосталось позаду од цілої купи нових думок по справах політичних, соціальних, культурних, так що важко вибрати ліпший час, щоб поборотись із ним у живих гуртах на Україні.

Навіть два-три десятки поважно та правдиво й вільно написаних книг про Україну, яка вона була, є й мусить бути, про Росію й інші слов'янські країни, про громадські рухи в Європі з XVI ст.: ремісницький, державний, розумовий, артистичний, а почастно про рух соціалістичний, а також книг, які б давали хоч не широкий, та докладний образ новішого європейського наукового погляду на природу, й книг ремісничих — ці кілька десятків книг, коли б з'явились незабаром, зробили б велике діло. Вони спинили б утікачу наших молодих людей од України й українства, давши їм змогу пізнати свою країну й породу й причепитись до всесвітніх думок інтересів за помічю українського письменства й показавши їм, як можна служити всесвітнім інтересам на українській ниві.

Діло тепер за тим, чи знайдеться на Україні, а найбільше серед українських громадівців доволі людей, які б зараз же стали до подібних письменних праць, а коли ні — то чи зробиться хоч частина цих праць, яка послужить приміром для молодіжі, що тепер вчиться по вищих школах. Тій молодіжі старші мусять вкорінити думку, що

тепер тільки люди із спеціальною наукою (все рівно чи ремесловою, чи теоретичною) можуть зробити що-небудь міцне для громади, а що почастно для українства пройшов час, коли можна було вдовольнятись добрими словами та працею на гулянках *.

Од того, чи більшу, чи меншу працю, й узагалі, чи більше, чи менше впорядкування й у Росії, й поза Росією покажуть українські громадівці, власне, в теперішні часи, поки в Росії ще ламлеться самодержавство, залежить і те, чи вистоять українці як щось самостійне, яке безпосередньо йде до великої мети прогресу європейських громад, чи ні,— чи підуть вони як прихвосні за сусідами, скорше всього за москвинами. Безперечно, конституція в Росії дасть волю чималій купі праці української, найбільше породно-науковій: тоді заложаться на Україні заклади, подібні слов'янським «Матицям»⁹⁶, і притягнуть до себе спокійніших людей із українолюбців із панства, яких праця буде посередньо, а іноді й просто корисна й для українських громадівців. Тільки та ж конституція дасть іще більшу волю й силу московським людям, і вони, певно, посунуть свої справи так, що потягнуть за собою велику купу помосковлених людей і на Україні. Українство не згине до часу, але зостанеться знову «провінціальним родичем», прихвоснем. А коли хто згодивсь із тим, що ніхто так не послужить чоловікові, як сам він, то й мусить же згодитись і з тим, що ніхто так не послужить і людям якої країни, як самі вони. А з прихвоснів яка ж служба!..

* Історія народного руху, напр. слов'ян, показує нам, якої твердої праці Юнгманів, Шафариків, Палацьких⁹⁷ і т. ін. вона коштувала. Коли б треба було допевнити примірами Європи, що такої ж праці потребує й рух соціалістичний, то ми б нагадали, пропускаючи старі приміри, хоч, напр., те, що в Все світній спілці робітників були такі люди, як К. Маркс — із перших учених-економістів, Е. Реклю — з перших географів у світі, що з т. зв. робітників, які були членами громади Паризької (Комуни), багато таких, які належали до найліпших у своєму ремеслі, напр., Chardon — котляр (chaudronier), Clemence i Varlin — перепльотчики, Durand — швець, Pindy — столяр і ріжчик на металах, Ranvier — маляр на склі, Oudet — маляр на фарфорі, Avrial i Langevin — механіки і т. ін. Між ними деякі, як, напр., Clemence, Varlin, Malon (колись чорнороб — *homme de peine*, тепер редактор «Socialisme progressif»), Fraenkel, Pindy і ін. здобули собі доволі високу теоретичну науку, Chardon, Langevin, Pindy й після вигнання звернули на себе увагу й неприхильників великою дотепністю в своїй праці; Gamelin — бронзівник, не член Комуни, а директор монетного двору за її часи, вспів навіть залишили по собі поліпшення виробу сплавів монетних, яке признав уряд і після Комуни.

ЧТО ТАКОЕ УКРАИНОФИЛЬСТВО?

I

В «Русском богатстве»¹ (1881 г., февраль и июль) помещены две статьи г. Л. Алексеева² на тему: «Что такое украинофильство?» — причем во второй из этих статей признается вопрос этот «живым и важным,— возможно обстоятельный разбор которого — дело полезное». Такое заявление, а также выраженный в некоторых местах статьи вызов,— даже как будто со стороны коллективной единицы, и по меньшей мере редакции обозрения,— к обсуждению вопроса, «затронутого» г. Алексеевым, дает нам основание предполагать, что редакция «Русского богатства» примет на свои страницы и наши замечания на статьи г. Алексеева. Интересуясь данным вопросом и имея о нем мысли, диаметрально противоположные мыслям г. Алексеева, мы считаем весьма важным, чтоб полемика, которая, конечно, поднимается не для полемики, происходила по возможности перед одною и тою же публикою.

Мы постараемся ответить г. Алексееву со всевозможным спокойствием,— хотя, да простит нам автор, мы признаемся, что нам было трудно сохранять это спокойствие при чтении многих мест его статьи. Это — место, где он чрезвычайно развязно иронизирует над противниками, положение которых он сам хорошо должен был понимать и которые не на все замечания его могут и ответить. Нелегко и вообще спорить с г. Алексеевым, так как, при всей решительности его приговоров, статьи его представляют много противоречий и неясностей, особенно именно там, где он всего решительнее произносит положения, на которых далее, как на аксиомах,— строит свои выводы.

Так напр., г. Алексеев («Р[усское] б[огатство]» № II, 29) говорит: «И мы, малороссы из партии народников, признаем своей родиной Малороссию, как национальную единицу», — а вслед за тем (стр. 36) решительно отрицает заботы «воздородить Малороссию как этнографическую особь». Но ведь слова «национальная единица» и «этнографическая особь» — синонимы. Так, г. Алексеев признает заботы украинофилов о народной литературе весьма почтенными (там же, стр. 23), но упрекает их за заботы о судьбах малорусского театра (стр. 30). Но ведь на театрах дают

литературу же, называемую драматическою. (Заметим в скобках, что если уже в чем упрекать украинофилов по театральному вопросу тем, кто признает необходимость народной украинской литературы, так разве в том, что они так мало заботились о своей драматической литературе. Она ведь не пошла вперед после Котляревского и Квитки, которые, напомним, впрочем, были директорами театров,— а какие теперь существуют положения о театрах на Украине, г. Алексеев должен знать). Отвечая в июльской книжке «Русского богатства» на замечания своего возражателя в «Неделе»³, который указал ему на крупнейшее его противоречие, г. Алексеев пишет: «Мы говорили: если украинофилы создадут на своем родном языке настоящую народную литературу, т. е. отвечающую нуждам народа,— и прекрасно: мы будем видеть в них работников народного дела»,— и не признает в этих словах указанного ему противоречия с общим отрицательным его приговором об украинофильстве. «Ведь это и значит,— говорит он,— что украинофильство (как движение, но не как идея) получает «смысл и значение» (стр. 73).

Что значит слова: как движение, но не как идея,— мы решительно не понимаем, равно как не понимаем, каким образом движение, которое хоть бы при одном условии, т. е. создании народной литературы,— имеет «смысл и значение», может в конце концов оказаться «ложью», как провозглашает г. Алексеев на стр. 90.

Далее, во многих местах своих статей г. Алексеев решительно разделяет «работу для народного дела» и работу для «национальности», причем следует думать, что под первым он разумеет исключительно работу для вопроса экономического, а ко второму относит работы так называемые культурные: литературу, науку и т. п. Г. Алексеев решительно заявляет, что обе работы не совместимы. Это заявление да пословица о двух зайцах кажутся ему вполне достаточными основаниями для осуждения внимания украинофилов к национальности и ее особенностям. Впрочем, чтобы увеличить силу пословицы о двух зайцах, автор считает нужным прибавить и другую аксиому: «китайский язык мешает юриспруденции, если вы одновременно занимаетесь и тем и другим».

Между тем вся эта аргументация пословицами и аксиомами вовсе не убедительна, потому уже, что она нелепа и заключает в себе противоречия. Прежде всего нужно доказать, что всякие заботы о национальности, что всякая работа культурная действительно есть другой заяц перед вопросом экономическим; затем надо подумать о том — существует ли пословица, воспрещающая приобретение ружья и собак для охоты хотя бы и за одним зайцем? Пословица же о необходимости кормить собак задолго до охоты известна, конечно, и г. Алексееву. Затем решительно неясно, почему это китайский язык и юриспруденция несовместимы не только в том случае, когда идет дело об ознакомлении с юриспруденцией в Китае (что необходимо, напр., для истории права),

но даже и в том случае, когда кто-либо собирается быть юристом в Китае? Наконец непонятно, почему это г. Алексеев не представляет себе возможности разделения труда в коллективной работе? Сам он признает заботу о народной литературе делом почтенным, и, вероятно, согласится с тем, что и разрешение экономических вопросов невозможно без помощи литературы (по крайней мере в Западной Европе мы не видим примеров безлитературных народников). А как же можно создавать народную литературу без изучения народного языка, каковое изучение требует своих приемов и орудий, своего труда, своих специалистов этого труда? Ведь не скажет же г. Алексеев, что так как управлять локомотивом и бить молотком по наковальне в одно время нельзя, то, следовательно, когда нужно ездить по железной дороге, то все должны стать кондукторами, а не кузнецами.

Мы могли бы привести еще более подобных противоречий и неясностей из статей г. Алексеева,— но, полагаем, довольно и данных примеров. И эти примеры мы указали вовсе не из придирчивости, а частично потому, что в них затрагиваются самые существенные черты вопроса, которые было бы желательно увидеть разъясненными лучше, чем это сделано г. Алексеевым; а во-вторых, чтобы иметь право обратиться к автору не столько в качестве возражателя, сколько в качестве прежде всего одного из публики,— с просьбою: на будущее время оставить иронию, и отступления с нападениями, не знаем, в какой лагерь — только часто совсем не в украинофильский, и аллегории, а поставить культурный, политический и социально-экономический вопрос на Украине в связи с вопросом национальным в тех конкретных формах, в каких эти вопросы там проявляются, да и обсуждать их в тех конкретных же условиях, в каких они там существуют. Тогда он скорее получит ответы на вопросы: что и как следует делать «работникам народного дела» на Украине и ложь ли или нет те «национальные» стремления, которые он поражает в украинофильстве. Быть может, после такой конкретной переверки программ своей и чужой деятельности г. Алексеев придет к такой программе, что и спорить с ним многим «украинофилам» придется не о чем, как, оказывается, незачем им спорить по вопросу о свободе и необходимости народной украинской литературы.

В ожидании же такой переверки мы должны приступить к роли возражателя на то, что написано уже г. Алексеевым. К сожалению, и тут мы должны начать с того, что может тоже показаться кому-либо педантической придирчивостью. Мы должны сказать, что г. Алексеев слишком легко, слишком от руки писал свои статьи,— а потому у него на каждом шагу видно фактическое незнакомство с предметом, о котором он говорит. В оправдание его личности мы должны признаться, что иное, напр. украинские писания, изданные за границей: в Галиции, в Праге, в Вене и проч., ему и знать

было нелегко,— но все-таки для приговора, да еще столь строгого, нужно было узнать многое, что, явно, не известно г. Алексееву.

Г. Алексеев цитирует как малорусскую песню, но прибавляет: «принадлежит, кажется (?!), Шевченку» — слова, которых он не найдет ни в одном сборнике песен; говорит о том, что «больно и тяжело слышать малороссу свои родные песни, поющие про смерть народа», — но таких песен тоже не находим ни в одном сборнике украинских народных песен, изданных в России или в Австрии. В этих сборниках, равно как и в рукописных (которых, мы позволим себе уверить г. Алексеева, мы видели немало), мы встречаемся с выражением тоски и слез по поводу различных исторических явлений, которые пережили разные части Украины: нападений татар и турок, притеснений польских панов и жолнеров и московских солдат, разорений Сичи Петром I и Екатериной II, крепостного права и рекрутчины, неволи на сахарных заводах и притеснений подрядчиков и поверяющих паспорты, безземелья и т. п. Но до «смерти народа» от этого плача весьма далеко,— не только потому, что в тех песнях встречаются слова вполне сознательного протesta и надежды на лучшее будущее, но уже по тому одному, что эти песни существуют и создаются заново и в настоящем времени. Последнее, очевидно, неизвестно г. Алексееву, несмотря на то, что он называет себя «народником из Малороссии», — а между тем украинофилы успели даже напечатать несколько вполне современных украинских песен, показывающих, что общественная мысль украинского простонародья не спит и теперь выражается в вполне национальной форме, несмотря на все невнимание к этому простонародью так называемой интеллигенции, не исключая и «народников из Малороссии». Укажем, чтоб не быть голословными, хоть на песни, напечатанные в «Записках Юго-Западного отдела Русского географического общества», т. I, 306, а также прилож. 54—59, т. II, 556—557, 574—575 и др., в Трудах этнограф. экспедиции г. Чубинского, V, стр. 969 и др.

Вообще ссылки на песни — одни из самых неудачных у г. Алексеева. Если он даст себе труд познакомиться хоть с тем материалом по этой части, который издан украинофилами, то он будет поражен необыкновенной живучестью украинской нации, несмотря на то, что она с $\frac{1}{2}$ XVIII ст. представляется почти исключительно простонародием, и необыкновенным богатством в ее поэзии именно социального элемента. Г. Алексеев не только не отчаяивается в будущем великорусской национальности, но даже радуется обрусению украинцев, а между тем, известно ли ему, что на десятки украинских песен о крепостном праве и об освобождении крестьян,— песен, полных протesta и надежд,— известны только две великорусские песни, и то лакейские, которые поют о том, как

«Хорошо лакею жить

Во господском во дворе» (Шейн, 183).

Несомненно, что если б «народники в Малороссии», от имени которых говорит г. Алексеев, не с таким презрением смотрели на памятники украинского народного языка, то они бы сильно изменили свои воззрения на многое,— и уже, конечно, больше бы знали ту почву, на которой им нужно действовать, если только они точно «не отрекаются от Малороссии и работают для нее».

Как легко относится г. Алексеев к устной народной словесности украинской, так же ошибочно он говорит о словесности писанной. Так, напр., он совершенно неверно передает и заглавие, и содержание повести одного из новых украинских беллетристов: «Малорусский беллетрист Нечуй (говорит он), в одной из своих повестей, кажется (опять: кажется!!), «Д в і д о л і», или что-то в этом роде (что бы сказал г. Алексеев, если б кто-нибудь позволил себе процитировать таким образом повесть, напр., Решетникова⁴ или Златовратского?!⁵), рисует две супружеские пары, из коих в одной муж поляк, а жена украинка, а в другой — наоборот, жена поляка, а муж украинец. Кажется, чего бы лучше! Издревле сабиняники примиряли воюющих. Но Нечуй думает иначе: поляки, в его глазах, народ лукавый, коварный, поганый народ. Сообразно такому взгляду, он заставляет своих поляков совершать всяческие коварства и лукавства, и т. д.» «Вот вам украинофильская эндоагамия,— восклицает г. Алексеев,— не женись на польке — пропадешь».

Вся же эта тирада помещена для доказательства положения, что «украинофил не чужд некоторой злобы к поляку»,— и еще общее, что в украинофильстве сидит «односторонность, которая игнорирует все чужое (уже игнорирует, а не злобствует) и возвеличивает свое».

Оставив даже в стороне то, что если б все существующие украинофили были такими дураками, какими их рисует на стр. 33 «Русского богатства», № II, г. Алексеев, который заставляет их даже предпочтить какого-то Тарапуньку — изобретателя усовершенствованной зубочистки — Уатту, Фультону и т. п.,— то из этого вовсе не следовало бы, что то, что г. Алексеев зовет «возрождением украинской национальности», есть глупость. Начнем с того, что никакой повести Нечуя «Дві долі» нет, а есть его две повести: «Дві московки» («Две солдатки»), по нашему мнению, лучшее произведение Нечуя, которое мы осмеливаемся рекомендовать вниманию «народников в Малороссии», и даже где угодно,— и «Причепа». Г. Алексеев, очевидно, слыхал о последней, но, очевидно, только слыхал, а не читал ее. Мы не принадлежим к числу ее безусловных поклонников и даже имели случай в свое время печатно отнестись к ней довольно строго, сравнивая некоторые тенденции ее с теми, которые подложены под комедию Островского «Не в свои сани не садись»: старик, мещанин Лемишко, идеализован у Нечуя подобно тому, как идеализовал Островский своего Русакова. Но того, что видит в этой повести г. Алексеев, в ней совсем нет. Прежде всего в повести

вовсе нет «польского народа», так как действие ее происходит на Украине правого берега Днепра, где никакого польского народа нет, а есть только польская шляхта. Нечуй вывел экземпляры ее в виде мелких чиновников, арендаторов (посессоров) и управляющих, и если они вышли не симпатичными, то художник в этом не виноват. Мы не думаем, чтоб г. Алексееву самому были симпатичны те экземпляры поляков-управляющих, которых еще и теперь можно встретить даже на левом берегу Днепра и добыть которых с правого берега, их рассадника, было мечтой левобережного плантатора еще в недавние времена. Это о поляконенавидении Нечуя в частности. Что же касается до поляконенавидения украинцев вообще, то его может предполагать только тот, кто вовсе не знаком ни с Украиной и с историей украино-польских отношений, ни с украинскою литературою, кто не знает, напр., того, где собственно живет польский народ, а где — только польская шляхта, с которою одною и враждовали искони веков украинцы. Таких незнакомых с делом людей много в Великороссии, но г. Алексеев, который, очевидно, жил хоть на левом берегу Днепра, должен бы был иметь обо всем этом более отчетливые представления. Так он должен бы знать, что еще казаки времен Хмельницкого определили сущность украинско-польских отношений словами: «Маєте ви собі Польщу, а нам наша Україна останеться» — и что эта фраза постоянно приводилась всеми украинскими историками и публицистами нового времени (Кулиш, Костомаров, Антонович и др.) в их спорах с польскими публицистами-патриотами. Затем, ни один украинский писатель с половины 40-х годов не отрицал прав действительного польского народа на «его Польшу», — и когда в последнее время гг. Кулиш и Костомаров взяли было фальшивую, близкую с московской, хотя все-таки не вполне с нейозвучную, ноту в польском вопросе, то сейчас же встретили возражение именно со стороны украинофилов, между прочим и от того же Нечуя, которому г. Алексеев приписывает столь дикие мысли. И в русской литературе первые возражения против системы обрусения Польши были сделаны украинофилами же⁶ — в «Вестнике Европы» 1872 г. Вообще странно, что г. Алексеев не знает, что уже с $\frac{1}{2}$ 40-х годов всякий политически образованный украинофил есть вместе с тем и славянский федералист и потому уже не может быть врагом народной Польши. Г. Алексеев почитает Шевченка, а потому должен же знать его слова уже в «Гайдамаках»:

Болить серце, як згадаєш:
Старих слов'ян діти
Впились кров'ю,— а хто винен?
Къондзи, єзуїти,—

его «Послание к Шафарику», в котором украинский поэт молит,
Щоб усі слов'яни стали
Добрими братами,
І синами сонця правди,
І еретиками,
Отакими, як констанцький
Еретик великий...

а также «Послание к Бр. Залесскому» с его финалом:

Отак: то, ляше, друже, брате,
Неситії ксьондзи, магнати
Нас роз'єднали, розвели,—
А ми б і досі так жили.
Подай же руку козакові
І серце дружнє подай,—
І знову іменем Христовим
Возновім наш тихий рай.

Или, может быть, г. Алексеев не считает Шевченка украино-филом? Тогда кто же будет и украинофилом?! Тарапунько? Чтоб покончить с отношением украинофилов к «польскому народу», мы укажем г. Алексееву на только что полученный нами № украино-фильской простонародной газеты «Б а т ь к і в щ и н а» («Отечество»), в которой вменяются вот какие обязанности украинским депутатам галицкого сейма: «если наши депутаты будут выступать только в одних вопросах прав национальных, то даже и из наших селян и мещан не каждый поймет их, а для мазуров (так зовут крестьяне поляков Западной Галиции) это будет совсем безразлично. Все красноречие, всю смелость, всю горячность пусть они оставят для таких дел, которые наиболее живо касаются целого простого народа, украинского, как и мазурского, чтобы каждый крестьянин и мелкий мещанин в целом крае мог сказать об украинских депутатах: это истинные и неустрашимые защитники народа,— хотя бы польские паны и жиды называли их за то нигилистами, коммунистами и как бы там хотели. Смелым и разумным поднятием вопросов общинных (громад) они расшевелят тяжелые на подъем массы народу, и не только украинский народ перестанет выбирать в земские депутаты помещиков-поляков или старост (исправников), но и мазуров; вместо того, чтоб выбирать графов, выберут опять своего брата, Сивца или Голамба, которые будут держаться более с украинскими депутатами, чем с польскими панами. А права украинского языка и т. п. достаточно будет защищать лишь в экстренных случаях, когда поляки начнут на них новые нападения».

Как далеки мы от того суздальского образа (это не наше слово, а г. Алексеева, когда он говорит о г. Нечуе), каким нарисовал г. Алексеев поляконенавистное украинофильство! А еще «Бать-

ківщина»⁷ далеко не самый радикальный орган украинских партий.

Также произвольно представляется г. Алексеевым и отношение украинофилов и к великорусам, напр. к русской литературе. Г. Алексеев буквально уподобляет украинофилов ослу в басне Крылова и говорит, что «украинофилы восхищаются своим Квиткой, Левицким, Нечуем и знать больше ничего не хотят...» «Щедрин, разумеется, великий писатель, но и Вытребенька наш... и т. д.», — способен будто бы сказать украинофил.

Между тем достаточно взять галицкие украинофильские сборники конца 60-х годов, чтобы увидеть, что, напр., тот же осмеиваемый г. Алексеевым Нечуй познакомил заграничную украинскую публику, которая с трудом может читать по-великорусски, именно с Щедриным, а другая «голова турка», на которую обрушивает свои удары г. Алексеев, — г. Старицкий сделал то же с Некрасовым, — и оба в таких прекрасных переводах, что сочинения этих талантливых (хотя и вряд ли «великих»!) писателей может теперь читать всякий грамотный украинский крестьянин в России и Австро-Венгрии. В 1874 г. украинский перевод щедринского рассказа «О том, как мужик двух генералов прокормил» был представлен в киевскую цензуру для отдельного издания в числе других украинских популярных брошюров («метельков», над которыми тоже иронизирует г. Алексеев), — и не вина Нечуя и других украинофилов, если цензор не разрешил напечатание этого «метелька». В одном украинофильском органе («Правда», 1874) г. Алексеев найдет даже речь председателя венского общества «Січ»⁸, в которой Некрасов поставлен даже выше Шевченка, — с чем вряд ли согласится и сам г. Алексеев. Украинофилы же перевели и несколько образцов из Гл. Успенского, Островского (которого «Грозу» играет в украинофильском переводе одна из театральных трупп, ездищих по городкам в Галиции), Тургенева и др. Всеми этими переводами могло бы пользоваться украинское «простонародье» и в России, для которого в подлиннике не доступны писатели великорусские. Мы не говорим уже о том, что украинофилы популяризовали в среде своих австрийских соплеменников труды ученых, писанные по-русски: Пыпина, Костомарова, Лавровского и др. И все это ознакомление с русскою литературою тех кругов, которым она прямо не была или даже не могла быть знакома, украинофилы вели и ведут под градом обвинений, столь же несправедливых, как и обвинение г. Алексеева, но при этом выходивших из явно полицействующего лагеря! Как эта работа похожа на крыловского осла!

Повторяем, что иного из того, о чем мы говорим здесь, г. Алексеев мог и не знать, если он в последние годы не переезжал границу Волочиска⁹, хотя в таком случае ему следовало бы воздержаться от своих обвинительных приговоров. Но уже совсем непростительно русскому писателю не знать, напр., Белинского и в том числе

его отношения к украинской литературе. Г. Алексеев недоволен тем, что кто-то, в «Неделе», в статейке «Обиженная русская народность»¹⁰ (статейке, которой многие украинцы имеют основание быть недовольными по другим мотивам: очень уже она из себя казанскую сироту представляет!) вспомнил, как некогда Белинский «гоготал» над украинской литературой.

«Такие имена, как Белинский, Добролюбов (на Добролюбова ведь никто не жаловался, потому что он не «гоготал» над украинской литературой, а понимал ее значение), должны для нас быть священными!» — восклицает г. Алексеев и затем утверждает, что русская литература относилась отрицательно только к бездарностям украинским, «к разным Квиткам, Кулишам, Нечуяム», а к Шевченке, напр., она относилась и относится с глубокой симпатией.

Но, оставляя в стороне «русскую литературу» вообще и как она относилась к кому из украинских писателей (было всякого!), — дело в том, что Белинский, который было сначала похвалил именно Квитку и за его «Марусю», и за его опыт дидактической литературы украинской, — именно-то на Шевченка и нападал столько же несправедливо, сколько и невежливо, — именно «гоготал» и даже ругался. Случилось это как раз в то время, когда Белинский особенно исполнился московского и петербургского гегелианства с его государственно-централизаторскими идеями. Тогда он объявил войну всему негосударственному: Новгороду — перед Москвой, болгарам и сербам — перед Турцией, украинской литературе — перед русскою. Что скажет г. Алексеев, «малоросс из партии народников», о таких, напр., аргументах Белинского: «жалко видеть, когда и маленькое дарование попусту тратит свои силы, пиша по-малороссийски — для малороссийских крестьян», — или: «мужицкая жизнь сама по себе мало интересна для образованного человека»? (Сочин. Белинского, т. V, 303—306). Прикажет ли он остановиться перед этими словами с поклоном, как перед чем-то «священным»?

Украинофилы, конечно, не могут не принять к сведению такого отношения к народу вообще и к их народной литературе в частности со стороны такого деятеля русской литературы, — но это вовсе не мешает им ценить в Белинском то, что в нем действительно ценно, писать о нем вполне почтительные статьи в галицких журналах и даже перепечатывать его писания. Да и вообще мы совершенно не понимаем, где мог подметить г. Алексеев у украинофилов, живущих в России, игнорирование русской литературы. Совсем на-против, — им можно скорее поставить в упрек то, что они слишком близко принимают ее к сердцу и слишком мало заботятся о том, чтоб следить за общечеловеческим движением, черпая непосредственно из более развитых европейских литератур и перенося их результаты непосредственно же в свою родную среду на ее языке.

Этот недостаток в деятельности большей части украинофилов, недостаток, который, при известных обстоятельствах, обращается в

вину перед собственным делом и народом, происходит от одной черты, которая, вследствие условий жизни в России, стала принадлежностью почти всех ее деятелей. Это привычка во всех практических вопросах не смотреть дальше государственных границ России и теперешних условий ее жизни. Вот и г. Алексеев во всех своих рассуждениях и предположениях об украинофilaх и «украинском возрождении» ни на минуту не задумался о том, что ведь не весь украинский народ находится в России, а что более 3-х миллионов его живет в Австрии и что там украинцы имеют более 15 периодических изданий, пользуются своим народным языком не только в элементарных школах, но и в гимназии и даже в университете. Если бы г. Алексеев проехался хоть, напр., в Львов или в Вену, то он бы увидел там на деле то, что он предполагает нарочно как *deductio ad absurdum*¹¹ в споре против украинофильства, т. е. не только переводы на украинский язык великого Щедрина, но и переводы Байрона, Шелли, Шекспира и даже Геккеля и Ланге; увидел бы, как студенты, выходя из университета, говорят на украинском языке о Спенсере, о медицине, о тригонометрии. И представьте,— все это выходит вовсе не так глупо и смешно, как думает г. Алексеев, а так же просто, как то, что в Париже об этом говорят по-французски, а в Москве — по-русски.

Г. Алексееву, по нашему мнению, вообще следовало бы предпринять поездку за Волочиск прежде написания его статей, если не для того, чтобы проверить многое из того, что он так безапелляционно порешил в них, то для того, чтобы собрать во всяком случае более обстоятельный материал для характеристики того движения, которое он так осуждает. В самом деле! Г. Алексеев рисует нам украинофильство и таким, и эдаким; то-то оно имеет, того-то не имеет, «экономической стороны жизни вовсе, напр., не затрагивает»! учит украинофилов тому-то и тому. Но на основании какого материала г. Алексеев составляет свои понятия? Ведь украинофильство не имеет теперь в России своих органов со времени прекращения «Основы», которую тоже г. Алексеев не видно, чтоб знал. Только переехавши через волочисскую границу, г. Алексеев мог бы вполне ясно узнать, что он не только нарисовал русской публике суздальский образ украинофила исключительно по своей фантазии да разве по наблюдениям над какими-то невежами и кретинами, но даже и там, где он говорит вещи справедливые, только повторяет то, что уже давненько говорится в украинской печати, и притом гораздо обстоятельнее.

К числу таких справедливых вещей принадлежит, напр., замечание о высокости мысли: «я люблю свою семью больше себя, отчество больше семьи и человечество больше отечества», хотя, кажется, было бы реальнее выразить мысль о постепенном росте интересов человека в такой форме: я могу быть счастлив только в семье, семья моя — только в отечестве, отчество же — только

в человечестве. Если б г. Алексеев был знаком с литературою украинскою последних лет, то он бы увидел, что в ней есть целые группы, которые построили свою работу именно на этом принципе. Различие их от г. Алексеева заключается в том, что они не пересекают из одной категории предметов в другую и не подменяют рода кругов, которые ставятся в вышенаписанной серии. Они берут индивидуум, семью, нацию — и человечество. Г. же Алексеев, объявив сначала, что и он будет брать такие же предметы, вдруг, приступив в конкретной жизни — к Украине, выбрасывает из своей серии украинское отечество с его национальностью, которую он воспрещает любить, а затем вместо человечества, или между украинским отечеством и человечеством, ставит совсем новую вещь — государство, да еще в добавок тоже с национальностью, но только такою, которая в Великороссии живая, народная, отечественная, а в Украине — только официальная, которую украинцам сначала еще надо усвоить.

Но г. Алексеев не смущается ни подменою сорта кругов, ни муками перелома, а требует, чтобы украинская нация ломалась да еще и находила в том удовольствие. Получив русское государственное образование, г. Алексеев требует, чтобы украинцы становились русскими, великоруссами, на том основании, что они живут в государстве, основанном великорусским племенем, хотя, как мы видели, и не все, и на том, что уже помещичий класс и чиновники на Украине обрусили. Но г. Алексеев забыл, что они обрусили только на левом берегу Днепра, а что на правом — польское государство оставил по себе помещиков национальности польской, и что эти помещики теми же самыми аргументами, которыми пользуется и г. Алексеев, требуют от украинцев, чтоб они ополячивались,— а в Галиции, где, благодаря разным искусственным мерам, парламентское большинство подтасовано в пользу национальности польской, и чиновники — поляки же — и принимают зависящие от них административные меры для ополячения украинцев.

Спрашивается: какой из двух помещицко-чиновницких слоев следует слушать украинцам? Или, быть может, обоих вместе? Логически: следует или не слушать ни одного, или — обоих вместе. Допускаем последнее и посмотрим, каков будет результат исполнения хоть одного из желаний нивелаторов украинской национальности, будто бы то в пользу человечества, а на самом деле в пользу каких-нибудь из так называемых господствующих, или государственных, национальностей, которые составляют такой же остаток бюрократической старины XVIII в., как господствующие, или государственные, церкви есть остаток старины XVI—XVII вв. Двадцать миллионов украинцев перестанут говорить по-украински, а станут говорить половина по-польски, половина по-русски; часть их, живущая за Карпатами, по-венгерски, а живущая в Буковине — по-немецки или по-валашски¹² (так как там чиновники-немцы, а помещики — валахи). Спрашивается: при чем тут человечество? Ведь

все равно никто из украинцев тем самым не станет говорить по-общечеловечески, ибо такого языка еще не существует, и при этом ни один из перечисленных языков, которые заменят в нашем предположении украинский, не имеет даже значения в известном круге международного языка, каковы, напр., французский или английский. А затем, пока украинцы будут перелепливать свой язык на чужие (кстати: будет ли это гонка за одним зайцем или за двумя, если украинцы вместо того, чтобы стремиться просто к усвоению общечеловеческой цивилизации на своем языке, будут работать над усвоением чужих языков и вместе с тем общечеловеческой цивилизации через их посредство), произойдут новые административные комбинации; поляки, напр., очень легко могут подчиниться немцам,— тогда украинцам опять надо будет заняться самопеределкою? Опять, спрашивается: кому это должно доставить пользу и приятность, кроме будущих помещиков и чиновников, которых, под предлогом блага человечества, г. Алексеев желает избавить от необходимости самим выучиваться языкам тех наций, среди которых они живут?

Язык имеет значение как орудие обмена мыслей. С этой стороны мы совершенно согласны, что было бы удобно, если бы весь мир и до сих пор говорил одним языком, хотя, конечно, желали бы, чтоб этот язык был богаче того всемирного языка, каким говорил *homosapiens*¹³, когда он еще не распался на расы и нации, или, точнее, когда он вовсе не говорил, а мычал, почему ученыe и называют его теперь *homo australis*, человек безъязыкий. Судьбам угодно было, чтоб человек развивался через разнообразие наций и языков. Несомненно, что это разнообразие разделяет между собою виды человечества и что было бы крайне желательно установить общее орудие для обмена мыслей между нациями. Но если национальные языки разделяют особей двух наций между собою, то они соединяют между собою особей одной нации, а взяв во внимание, что средним числом всякий индивидуум имеет более сношений с людьми близкими между собою, чем с далекими, мы придем к заключению, что национальные языки гораздо более соединяют людей, чем разделяют их. Выгодное для всего человечества разрешение задачи о всемирном языке должно состоять в том, чтоб достигнуть внешнего объединения наций, не разрушая внутреннего соединения их частей. Забыв об этом последнем, мы бы осудили все человечество в его видах на страшную ломку, до окончания которой сделали бы общечеловеческую цивилизацию достоянием класса мандаринов с тремя пуговками, которые бы одолели все 100 000 слов и знаков общественного языка и которым г. Алексеев желает принести в жертву теперешние национальные языки.

Европейское человечество уже попробовало такой способ объединения,— в то время, когда языком культуры, которую монополизировали было римская администрация и потом римская

церковь, был язык латинский. И что же? — весь прогресс новоевропейских обществ тесно связан с процессом разрушения этого единства, с эманципацией национальных языков, которая особенно резко проявила себя в эпоху реформации. Но этот процесс временно совпал с процессом организации централизованной администрации на римский же лад в тех государствах, на которые к тому времени распалась Европа,— и в каждом из них образовалось учение о национальности государственной и государственном языке, который в каждом государстве стремится занять место латинского языка, как каждая государственная церковь стремилась занять место римской церкви. В XIX веке все эти подражания древнему и католическому Риму в разных сферах жизни народной падают, и вместо насилиственного объединения людей и групп, которое в сущности разъединяет их, а не соединяет, начинают придумывать способы их свободной солидаризации. На этой дороге должен разрешиться и вопрос о всемирном языке не запрещением национальных языков, а поставлением рядом с ними одного, избранного всемирным конгрессом интернационального языка*.

Стирание же национальных языков в пользу не всемирного, а государственных и сословных языков было бы не только противно явно демократическому ходу развития цивилизации в последние столетия, но производило бы только новые разделения между людьми, не оправдываемые даже природными условиями, которые породили существующие нации. Взявши за пример Украину, мы видим теперь, что на территории от верхней Тиссы в Венгрии до Кубан-

* Подобное западному католическому, единство представлялось в группе православно-славянских племен языком церковно-славянским. Как известно, весь прогресс литературы, связанный с ее демократизацией, не только, напр., у сербов, но и у великорусов, связан с прогрессом разрушения этого единства. В Великороссии его разрушили с XVIII века, особенно со времен Ломоносова,— Карамзин, Крылов, Пушкин, Островский, новые народники. То же самое сделали в Сербии Обрадович¹⁴, Караджич и другие,— то же самое сделали на Украине казацкие летописцы XVII—XVIII в., авторы вирш в комедии в XVIII в., украинофилы в XIX в. Вот почему и взлетают на воздух все планы славянофильских централистов, потомков Шишкова¹⁵,— потому что нельзя в одно и то же время восхвалять Пушкина за внесение народного, и следовательно частного, великорусского элемента в русскую литературу и вздыхать о разрушении прежнего славянского литературного единства, которое держалось на «старом слоге». Также силой держалась на «старом слоге» и последующая за церковным единством форма единства русского,— половины XVII до половины XVIII века,— эпохи макаронизма церковно-бело-мало-великорусского, Дмитриев Ростовских, Симеонов Полоцких, Феофанов Прокоповичей. Это единство тоже было разрушено прежде всего великорусами после Ломоносова. И здесь тоже история поставила и даже, смеем думать, решила дилемму: или единство, или народное разнообразие. А примириться это разнообразие и здесь не может иначе, как избранием одного языка посредствующим, а вовсе не стиранием всех остальных. Таким посредствующим языком в Славянщине, действительно, имеет более всего шансов сделаться язык великорусский, особенно при изменении к лучшему литературных условий в России. Украинцы не могут иметь ничего против этого посредничества и всегда высказывали ему сочувствие в России, и даже в Австрии.

ской области в России существует один язык вместе с другими, также сходными национальными признаками, благодаря чему 30 миллионов индивидуумов могут весьма легко солидаризироваться между собою. Примеры этой солидаризации г. Алексеев может увидеть в Кубанской и Терской областях, куда направляются колонисты из левобережной и правобережной Украины, в Аккермане и Галаце, куда являются рабочие из-под Киева, как и из-под Карпат (гуцулы), в Варшаве, куда спускаются на барках карпатские лемки по Сяну, как и пинские полешуки по Бугу и Нареву. Последовав внушениям гг. Алексеевых о разных «господствующих» национальностях, эти 30 милл. индивидуумов разделились бы по языку и вообще по национальности на четыре разновидности, причем, по всей вероятности, образовали бы не чистые национальности своих соседей, а разные ублюдочные помеси. Спрашиваем: выиграла ли бы от этого не только совокупность 30 милл. теперешних украинцев, но и солидарность общечеловеческая? Прибавим, что полученные таким образом четыре новых национальных ублюдка, по всей вероятности, были бы ниже по нравственным качествам, чем их предки чистых национальностей, ибо мы не думаем, чтоб такое скрещивание пород давало плод высоких качеств *.

Таким образом, все построения г. Алексеева против сохранения украинской национальности будто бы в видах общечеловеческих польз разлетятся сами собою, если только заметить, что он среди спора совершенно произвольно подсовывает между национальностью и человечеством совсем посторонний предмет: национальность административную и сословную. Мы должны остановиться и на этой стороне мнений г. Алексеева, так как и она дает повод к уяснению одной из самых важных сторон разбираемого вопроса, к которой г. Алексеев возвращается несколько раз, а именно отношения украинофилов к прошлому их отечества.

«Был в истории России,— восклицает г. Алексеев,— светлый момент, может быть, самый лучший в ее истории: это, когда гениальный царь Петр онемечивал русских. Несомненно, он стремился к благу русской земли, он шел к нему верным путем (отбросивши кое-какие частные ошибки и приняв во внимание ту эпоху), он стремился привить нам (?) качественно лучшие формы жизни; то, что он вводил, было лучше старорусского. Многие замечают, что

* На белорусах и отчасти на галицкой интеллигенции (духовных) мы видим явное доказательство упадка расы под влиянием давления на национальность с XVI—XVII в. Белоруссия проявляла тогда значительную энергию, особенно в делах культурных, а Галиция доставила немало крупных деятелей украинскому казачеству. Замечательно, что теперь самые талантливые писатели галицко-буковинские и вместе самые горячие деятели «народного дела» (Федькович, Франко, Павлык и др.) принадлежат к слову, сохранившему наиболее чистоту национальную,— к крестьянству, и что все они по идеям своим украинофилии.

его царствование в некотором роде было временем террора. Верно. Но не будь его — иной, белый (?) террор обрушился бы на зчинавшуюся новую Русь. И вот этот царь-реформатор, даровитейший и благороднейший из деятелей того времени, был деятелем антинациональным. Мы знаем, что украинофилы, как и их московские совздыхатели, питают зуб на Петра; но это и подтверждает наше мнение об узком и слепом украинофильском духе» («Р. Б.», июль, 82). Это говорит «малоросс из партии народников».

Но, к сожалению, во всем этом не видно и следа знакомства с историей «жизни» и «народа» в России вообще, а в Малороссии в частности. Подтвердим это примерами из истории «форм жизни», наиболее идущих к данному вопросу, т. е. из истории школ.

Мы считаем излишним напоминать г. Алексееву, что школы на Украине существовали в достаточном количестве и до Петра Великого, хотя он, кажется, склонен разделять весьма вкоренившееся в России мнение Белинского, что «Малороссия стала выходить из непосредственного состояния вместе с Великороссией только со времен Петра Великого» и что она «обязана приобретением цивилизации, образованности и человечности» именно петровской системе. Мы обратим только внимание г. Алексеева на то обстоятельство, что школы львовская, острожская, киевская, черниговская и др. были делом не администрации, а общества, и притом преимущественно средних и даже низших его классов: мещан, казаков,— и были школами всесословными уже в XVI—XVII вв.

Уже в половине XVII в. украинцы, особенно те, которые побывали в Западной Европе (как, напр., казацкий полковник из социнианской семьи Ю. Немирич, в Голландии), заметили недостатки старых украинских школ и хотели приблизить их к новому европейскому типу. Мысль эта ясно выражена в Гадячском договоре казаков с Польшею в 1658 г., а именно, в следующих словах: «Академию в Киеве соизволяет его королевское величество и станы короннии возставить, которая в таких преимуществах и волностях имеет быть, яко академия краковская... Другую також-де академию е [го] к [оролевского] в [еличества] и станы короннии и великого княжества Литовского соизволят устроить там, где оной место способное усмотрят... Гимназия (то есть, учительные дома), коллегия, школы и типографии, сколько их надобно будет, без препятствия ставити будет волно, и свободно науки отправовати, и книги печатати всякия, и в прениях о вери, tolko bi без поругания и без урази маестату королевского» (Летоп. Сам. Величка и проч. IV, 92).

Спустя несколько лет Дорошенко, заключая в 1670 г. новый договор с Польшею, ставит в нем условие: «Академию в Киеве чтоб строити волно... Другую академию в Могилеве белорусском, или зде на Украине, где строению суще обрящется место, и дабы правами и волностями так были укреплены, как краковская академия... Так-

же школы и друкарни, сколько их потребно будет, без трудности чтоб волно строити было, и учение исправляти и всякия книги печатати» (Акты, относящ. к ист. Южной и Зап. России, IX, стр. 199). В 1710 г. условие о школах ставит в договоре с Карлом XII Филипп Орлик.

Сначала польско-московские войны, а потом несогласимость свободы школьной с московскими обычаями препятствуют осуществлению подобных планов украинских казаков. Школы украинские остаются все в том же положении, в каком были в первой половине XVII в., так что, когда Ломоносов приходит в Киев, то справедливо находит, что там уже почти нечemu учиться (каковое суждение историки русской культуры обращают в пользу мнения о недостаточности киевской культуры и в XVII в. и о необходимости и для нее «реформы» Петра II). Ломоносов настаивает на необходимости учреждения университетов в Киеве и Москве, конечно, не зная о требованиях 1658 и 1670 гг. Университет открывается в 1755 г., но только в Москве, причем для него делают набор студентов по украинским семинариям. В 1760 г. последний гетман, Разумовский¹⁶, ходатайствует об открытии университета в Батурине, причем секретарь его, Теплов, человек нерасположенный к местным учреждениям, все-таки пишет, что «по состоянию епархиальных малороссийских школ, батуринский университет в числе студентов никакого недостатка иметь не может и перед с.-петербургским и московским университетами великий в том авантаж предвидится».

Но университета в Батурине не открыли — и вообще Украина до- ждалась университета в Харькове только в 1805 г., а в Киеве — 1834 г. В конце XVIII в., в самый разгар просветительной деятельности Екатерины II, Шафонский писал, что школы в черниговском наместничестве остались еще в таком виде, в каком были «под польскою державою».

Потом оказалось, что и то еще хорошо. Население все-таки в них училось,— и Теплов писал: «В склонности народа малороссийского к учению и наукам ни малого сомнения нет, потому что в Малой России от давнего времени заведенные школы, не имея к себе содержания (казенного), а учащиеся и по силе обучения никакого одобрения (привилегий и пр.), не токмо по сие время не ослабевают, но еще по временам число учеников больше оказывается». Шафонский через двадцать пять лет еще замечает: «Должно малороссиянам ту справедливость отдать, что они охотно в науки вступают, так что не только достаточных, но и самые бедные мещанские и казацкие дети с доброй воли в вышеписанные училища идут и мирским подаянием ежедневной пищи, списыванием для собственно-го и других обучения печатных книг живут и, терпя голод и холод, и всю скудость, и нужду, охотно и прилежно учатся, и многие из них, как в духовном, так и в светском звании достойные выходят люди». Из Румянцевской описи Малороссии видно, что в половине XVIII в.

почти в каждом селе в ней были школы, по крайней мере в черниговском полку было 142 села, а школ 143.

Но вот и те отсталые школы, какие еще существовали на Украине, начали подвергаться «реформам». Число школ стало сокращаться, так что, напр., в Харьковской губернии в 1732 г. было 46 приходских школ, а в 1834 г., когда население ее значительно возросло, уездных училищ было только 11, а приходских — 18, итого 39. В местностях черниговского полку, которые составили теперь части уездов: Черниговского, Городненского и Сосницкого,— даже после учреждения земских школ,— всего существовало в 1875 г. 52 школы, там, где в 1768 г. их было 134, так что в XVIII в. была там 1 школа на 746 душ населения, а теперь 1 на 6730 душ!!! («Земский Сборник» Черниговской губ., 1877, кн. 2). Теперь губернии Киевского учебного округа — самые просвещенные области в России в XVII ст.— оказываются самыми отсталыми в Европейской России, по числу народных школ.

Таковы прогрессы Украины после петровских реформ по части школьной.

Собственно говоря, возрождать украинскую национальность нет надобности, так как она не умирала, а существовала всегда и продолжает существовать и теперь, хотя в России она существует почти исключительно среди так называемого простонародья. Если видимым признаком национальности служит язык, то следует признать это существование, так как украинский язык сохранился, как язык самостоятельный и довольно чистый. Мы знаем, что это существование многими отрицается и в литературе, но, обратив внимание на то, что писано было об этом языке, нельзя не заметить такого внешнего разделения: отрицательное отношение к украинскому языку сосредоточивается почти исключительно в газетах, разумеется, известных партий, но не переходит в книги, которые почти без исключения высказывают об этом языке положительное мнение. При всем почтении к газетам, мы считаем, однако, книги более солидными советчиками в жизни, а потому и осмеливаемся утверждать, вслед за всеми славянскими лингвистами, что украинский язык существует, как язык самостоятельный. Г. Алексеев уверяет, что он портится, русеет, хотя, к сожалению, приводит неудачный пример в доказательство этого положения, так как «с к о р і й ш» вм. «м е р щ і й» вовсе не исключительное русское, а общеславянское слово, и всегда существовало в украинском языке. Мы можем привести сотню примеров того, как «портится», т. е., напр., о francajivayetsya немецкий язык, и, запасшись известной смелостью, готовы утверждать, что со временем немецкий язык заменится французским. Но до этого еще очень и очень далеко, а теперь плох бы был тот деятель в Германии, который бы построил свою деятельность на мысли о предстоящем исчезновении немецкого языка.

II

Конечно, если бы дела на Украине продолжали долго тянуться так, как они тянулись до появления в ней украинофильства, то украинская национальность исчезла бы в более или менее продолжительный срок. Но беда Украины состоит не в том, что ее народность хоть и медленно, а исчезает, а в том, отчего происходит это исчезновение, которое само собою есть признак и источник других, весьма реальных бедствий. Эти бедствия состоят в том, что на Украине образованные классы отделены национальностью от так называемого простонародья и что таким образом последнее лишено их естественной помощи, даже и тогда, когда они, если не в целом своем составе, то хоть в лучших своих частях, желали бы оказать ее простонародью. Страна таким образом отделена от своего мозга, в противность тому, что существует в других странах с однонациональным составом населения, где поэтому происходит ничем не стесняемый эндозмос и экзозмос между верхними и низшими слоями населения, невозможный теперь на Украине. От такого положения дел на Украине терпит и так называемый народ, и так называемая интеллигенция,— и целое большое племя, по признанию всех наблюдателей, далеко не бездарное, поставлено в невозможность ни устраивать свои домашние дела, ни исполнять свою роль в концерте человечества.

Такое положение дел, вовсе не нормальное, а совершенно патологическое, есть результат совпадения несчастных исторических условий, главным образом, несчастного географического положения страны среди конstellации держав на востоке Европы в XV—XVII вв., совпадения, результаты которого были закреплены и усилены условиями завоевательно-бюрократических и сословных порядков государства, через которые прошли все народы Европы с того же XV в. В XIX в. эти порядки изменяются повсюду; начали они изменяться и на востоке Европы. Народы повсюду стали эмансицироваться, а потому эмансируются и национальности, которыми характеризуются народы. Украинский народ, с его национальностью, не может составлять исключение,— вот почему и для него должен был настать час не возрождения, не сохранения, а развития, — и для этой потребности должна была, среди него, родиться та партия, которую называют украинофилами. Как «народник», г. Алексеев избавит нас от необходимости говорить о том, что нужно для развития народа на почве экономической, социальной, политической, культурной. Украинскому народу нужно всего, что нужно и всем другим народам, в том числе и тем, которых национальность вполне ограждена и не подвергается сомнениям. Но украинскому народу

нужно и признание его национальности и ограждение ее развития,— а нужно это именно для ограждения возможности его развития на почве экономической, социальной, политической и культурной.

Г. Алексеев не только позволяет, но и предписывает любить отечество, хотя и меньше, чем человечество,— но тут же рядом провозглашает, что «национальность — пустой идол» и что «кто поклоняется ему, тот забывает живых, страждущих людей». Но ведь отечество представляется для человека главным образомнацией, которая в нем живет (иначе отечество будет горы, реки, озера, болота и пр.), и если человек не любит эту нацию, то он или любит другую,— и таким образом попадает в число тех, о которых Шевченко сказал:

Дядьки отечества чужого! —

или же не любит никого, а забывая живых, страждущих людей, представляет себе человечество именно «пустым идолом». Человечество есть только совокупность наций; идол человека есть только отвлечение лучших черт от индивидуумов и наций.

Совокупность признаков индивидуумов, населяющих известное отечество и составляющих известную нацию, и есть национальность. Поклоняться ей незачем, но называть ее пустяком тоже нельзя. Ее нужно признать, как факт, и не забывать его при всех наших соображениях о живых, страждущих людях. Национальность, как совокупность признаков, свойственных известному числу индивидуумов, есть условие их ассоциации между собою, разрушать которое значит разбивать союз на атомы и ослаблять каждый индивидуум порознь и все вместе; ослаблять же и разбивать частные союзы — значит ослаблять и разбивать и общий. Затем национальность есть все вышеупомянутые признаки порознь. Признаки наций, как и индивидуумов, могут быть более или менее симпатичны, но опять-таки самый идеал человека мы составляем, только отвлекая наиболее симпатичные признаки индивидуумов и наций, а следовательно, стремясь к тому, чтобы развивать индивидуумы и нацию до идеала человека, мы должны отправляться от существующих индивидуальных и национальных признаков, иначе воспитание обращается именно в втискивание живых людей в форму пустого идола, которое не может принести им ничего, кроме страдания. Национальные признаки еще не определены точно наукой, кроме разве языков, вот почему следует очень скептически относиться к разговорам о национальных идеях и даже национальных учреждениях. Но национальные наклонности, национальные способности, привычки несомненно существуют, хотя они иногда больше чувствуются, чем поддаются определению. Вот именно развитие нации до человеческого идеала и может идти успешно, только сообразуясь с этими национальными особенностями, а кроме того, и развитие нашего понятия

об этом идеале идет только благодаря проявлению и развитию симпатических национальных особенностей.

Спросим теперь «малоросса из партии народников»: неужели в числе украинских национальных признаков нет достойных развития, глубоко человеческих признаков? Если же он их сам не заметил, то пусть спросит о них посторонних наблюдателей, которые проехали всю Россию, начиная от сирийца Павла Алеппского¹⁷ (в XVII ст.) и до великоруса Белинского, в XIX, не минуя англичанина Кларка и обруслого немца Ригельмана в конце XVIII в., немцев Коля (Kohl), Боденштедта¹⁸ и Гакстаузена в XIX и т. п. Мы приведем несколько выдержек из показаний тех наблюдателей, которых слова есть на русском языке и потому нас легко будет проверить всякому. Вот что писал в 1655 г. наблюдатель сириец: «В пятницу вечером прибыли мы к берегу Днепра, прямо против Печерского монастыря, и дали знать в Киев о нашем прибытии. Эту ночь мы провели на берегу реки. Нам было здесь приятно и покойно; вдали перед нами блестели куполы Печерского монастыря, и вообще как только мы достигли этой цветущей страны, наши души переполнились радостию и восторгом, расширились сердца наши, и мы изливали благодарность Господу Богу. В казацкой земле мы чувствовали себя как дома, потому что обитатели этой страны любезны и радушны и относились к нам как будто земляки» (Сборник материалов для историч. топографии Киева. К. 1874, 174—175). Описывая торговлю Киева в то время, сириец подметил еще одну из национальных особенностей украинских: деликатность к женщине. «Для торговли в прекрасных лавках и удивительных магазинах,— говорит он,— избираются женщины; они проворно надевают, на свой манер, все спрашиваемое из шелковых или соболиных изделий, но никто не смотрит на них постыдным взором» (там же, 86—87). Вот отзыв путешественника-великорусса в XIX ст. Устрялова: «Малороссия вообще пленила меня красотою природы и приветливостию ее жителей» (Воспоминания о моей жизни. «Др. и Нов. Россия», 1880, VIII, 660). А вот впечатления самого Белинского: «Верст за 30 до Харькова я увидел Малороссию, хотя еще перемешанную с грязным москальством. Избы хохлов похожи на домики фермеров — чистота и красотость неописанные... Другие лица, смотрят иначе. Дети очень милы, тогда как на русских смотреть нельзя — гаже и хуже свиней» (Пыпин. «В. Гр. Белинский», 260). Разбирая исторические песни великоруссов, Белинский остается недоволен слабостию в ней политического сознания. «Не такова,— говорит он,— историческая поэзия Малороссии... Малороссия была органически политическим телом, где всякая отдельная личность сознавала себя, жила и дышала в своей общественной стихии и потому знала хорошо дела своей родины, столь близкие к ее сердцу и душе. Народная поэзия Малороссии была верным зеркалом ее исторической жизни. И как много поэзии в этой поэзии» (Сочинения Б., т. V, 236).

Разбирая «Слово о полку Игореве» и положение в нем женщины, Белинский говорит: «Все это, повторяем, отзывается южной Русью, где и теперь еще так много человечного и благородного в семейном быту, где отношение полов основано на любви, а женщины пользуются правом своего пола; все это противоположно северной Руси, где семейные отношения грубы, женщина — род домашней скотины, а любовь совершенно постороннее дело при браках: сравните быт малороссийских мужиков с бытом мужиков русских, мещан, купцов и отчасти и других сословий, и вы убедитесь в справедливости нашего заключения о южном происхождении «Слова о полку Игореве» (Сочинения, V, 89). «Малороссия,— писал в другом месте гениальный великорус,— страна поэтическая и оригинальная в высшей степени. Малороссияне одарены неподражаемым юмором; в жизни их простого народа так много человеческого и благородного. Тут имеют место все чувства, которыми высока натура человеческая!» (Сочинения Белинского, V, 303).

А мы с г. Алексеевым, мы, «малороссы из партий народников» и «человечники», будем смеяться над заботами о сохранении и развитии украинской национальности и советывать украинцам перелепливаться в другие национальности будто бы для блага человечества и собственного! Мы имеем некоторый материал, по которому можно судить, насколько именно в петербургский период, когда великорусы, даже в простонародье, успели сделать такие шаги вперед по части развития в их национальности именно человеческих черт и ослабления тех несимпатических черт, какие в них подмечали иностранные путешественники XVI—XVII в.,— украинцы не только не ушли вперед, а во многом посунулись назад, особенно в тех именно слоях своих, которые подверглись перелепке национальной. Если угодно г. Алексееву, мы поделимся с ним нашим материалом *.

Так как наперед трудно сказать, какие национальные черты наиболее заслуживают развития, то наилучшее условие для подбора национально-человеческих черт,— конечно, свобода национального развития, при свободном же общении наций между собою. Украинофилы желают не только первого, но и второго,— вот почему на

* Г. Алексеев сам признает упадок в украинском народе, но говорит: «Тут дело не в денационализации, а в деморализации. Народ от старого отстает, а новых идеалов еще не выработал себе. Вот почему всякая гниль и пошлость так легко и пристают к нему». Но пусть г. Алексеев разберет этот вопрос в деталях и держась в пределах украинской истории и жизни: какие были старые идеалы украинского народа? почему он новых не вырабатывает? почему не усваивает тех, которые выработаны образованным классом? откуда идет к нему пошлость и гниль? чем облегчается ее приставание к народу и т. п. Тогда, быть может, он и сам признает ту роль, какую играет во всем этом процессе остановка развития украинской национальности и денационализация верхних ее слоев вместе с их бюрократизацией.

столь многих популярных книжках, ими издаваемых, стоит девиз из Шевченко:

«І чужому научайтесь,
Свого не цурайтесь!»

Вот почему, далекие от приписываемого им г. Алексеевым ветхозаветного духа, украинофилы связывают мысль об успехе своего дела с мыслью об успехе свободно-народных элементов повсюду. Несколько лет тому назад г. Скабичевский¹⁹ (в «Биржевых ведомостях») выразился, что он не понимает, как тот ум, какой написал «Северно-русские народоправства» и «Бунт Стеньки Разина»²⁰, может держаться такого узкого направления, как украинофильство. Но Костомаров именно потому и написал «Северно-русские народоправства» и «Бунт Стеньки Разина», что он украинофил! И не характерно ли, что никто другой в России не писал ни «Народоправств», ни «Стеньки Разина» раньше этого украинофила? Не характерно ли, что в то время, когда Пушкин, которому образование открывало доступ к гуманнейшим идеям нашего столетия, восклицал:

Тебя я воспою, о Котляревский, бич Кавказа!
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена,—

полуобразованный Шевченко, который говорил сам о себе:

Мені було,— аж серце мліло,—
Мій боже милий! як хотілось,
Щоб хто-небудь мені сказав,
Хоч слово мудре; щоб я знов,
Для кого я пишу? для чого?
За що Я Вкраїну люблю?
Чи варт вона огня святого?..
Bo хоч зостаріюсь затобо,
A ще не знаю, що роблю.
Пишу собі, щоб не міняти
Часа святого так на так,
Ta іноді старий козак
Верзеться грішному, усатий,
З своєю волею мені
На чорнім вороні-коні!
A більш нічого я не знаю,
Хоч я за це і пропадаю
Тепер в далекій стороні,—

сумел отнестились по-человечески и к «диким черкесам» («Кавказ»), и к жидовке («У Вільні, городі преславнім») и тем показал, что украинофил может быть не только федеральным панславистом, но и федеральным космополитом и что он только в общечеловеческом благе видит спасение своей родины.

Уже пример киевского кружка Шевченка показывает, что г. Алексеев совершенно неправ, когда то серьезно, то с иронией говорит, что украинофильство совсем не политическое движение. Он выводит такое заключение из того, что большая часть украинофилов в России отрекается от приписываемого им сепаратизма и действительно ничем его не проявляет. Но, во-первых, повторяю, украинофильство существует не только в России, но и в Австрии, где украинские крестьяне и украинофильские писатели собираются на митинги, издают политические журналы, посылают депутатов в сеймы и в имперский парламент. Для австрийских украинцев вопрос о сепаратизме и не-сепаратизме в России совершенно безразличен, хотя и для них вовсе не безразличен вопрос о развитии в России народа украинского и его национальности. И их обвиняют в сепаратизме свои Катковы (из поляков и мадьяр), но они тоже не сепаратисты; они демократы-федералисты. Можно быть тридцать раз политическим и социальным деятелем и не быть вовсе ни сепаратистом, ни даже дуалистом и т. п. Человек, посвятивший себя служению не государственной национальности, может вполне удовольствоваться развитием государства, к которому он принадлежит, в направлении личной свободы (неприкосновенность национальности есть одно из прав личных), местного самоуправления и т. п. прав и учреждений, которые вполне обеспечат развитие его национальности и отечества. Думать о развитии России в таком направлении никому не запрещено,— следовательно, украинофилы и в России вполне могут быть политической партией, поскольку таковые существуют в России. И как политическая партия, украинофилы, конечно, должны искать себе поддержки в сближении с другими подобными же политическими партиями разных племен и местностей России, а прежде всего, конечно, в привлечении на свою сторону массы населения на Украине.

Г. Алексеев заявляет, что будто для голодающего «народа» на Украине совершенно безразличны цели украинофилов *. Мы сильно сомневаемся в этом, да и сам г. Алексеев, кажется, тоже сомневается. В русской литературе не раз высказывалось мнение, что всякие культурные и политические вопросы сами по себе не важны перед вопросом экономическим, а тем более не интересны для «народа». Мы не разделяем этого мнения, но понимаем его, когда оно проводится последовательно. Но г. Алексеев сам выходит из рамок этого мнения, когда признает пользу украинской литературы и школы для народа. Вот уже один из пунктов соприкосновения украинских «националов» с их народом. Но мы думаем, что и вообще национальность так же не отделена от народа, как кожа от организма, и что «народу» на Украине вовсе не безразличны,— кроме

* «Современные хохлы голы и босы,— говорит г. Алексеев,— и им не до Украинцы». А хлеб и сапоги откуда же они получат?!

вопроса о том, на понятном ли ему или непонятном языке будут его учить, судить и т. п.;— и другие вопросы, поднимаемые украинскими автономистами: вопрос об организации общинного и областного самоуправления, о таком или ином распределении налогов и расходов по областям, о направлении по ним путей сообщения и т. п., и т. п.— особенно, если уметь рассказать «народу» важность всех этих вопросов и их связь с системою государственно-национальной централизации и децентрализации. Рядом с этим, конечно, украинские автономисты не упустят случаев поднятия и вопросов чисто экономических. Ведь и сам г. Алексеев допускает возможность «существования украинофилов-народников». Его возражатель в «Неделе» указал ему на «народничество» в старом органе украинском «Основе», и г. Алексеев должен был ответить на это указание словами: «все это совершенно верно»,— но тут же почему-то прибавил: «но к нам не относится».

Очень относится! — так относится, что обязывает г. Алексеева взять назад многое из того, что он написал против украинофильства, и в том числе и уверение, будто «в идеи украинофильства экономическая сторона жизни вовсе и не затрагивается». Затрагивается она и в идеи, затрагивалась она и на практике и в украинской литературе прежних времен, затрагивается она в ней и теперь. Мы можем указать г. Алексееву целый ряд изданий на украинском языке о народе и для народа, в которых он увидит разработку экономических явлений в чисто народническом направлении, но только с тем отличием от великороссийского народничества, что в них нет идеализации украинского народа перед Западом, ни приглашения к друзьям народа «снять с своего народничества немецкую одежду», никакого «общиннофильства», «расколофильства» и т. п. проявлений восточнического руссофильства, столь заметного в доброй половине писаний «русского» народничества. Относительное обилие украинских литературных произведений, посвященных именно экономическим явлениям жизни народа, при всех неблагоприятных условиях, в каких находится украинское писательство в настоящее время, заставляет ожидать, что при малейшем улучшении этих условий украинское писательство тем паче не остановится на «Сказках» Андерсена²¹. Ведь и «чистые украинофилы», говоря языком г. Алексеева, не могут существовать без внимания к украинскому простонародью уже по тому одному, что украинская национальность почти исключительно и представляется этим последним, а потому и «чистым» «националам» украинским приходится быть «народниками». Вообще на Украине только нелогичный народник может не стать украинофилом, и наоборот. А с какого конца кто начинает — это дело личного развития, не больше.

Таким образом, с теоретической своей стороны так называемое «украинофильство», которое г. Алексеев зовет еще «холоман-

ством» (ему, верно, неизвестно, что польские помещики прозвывали его в 60-е годы еще и третьим именем: х л о п о - манством — едва ли не более точным; хлоп — по-польски: крестьянин, мужик), представляет движение вовсе не ложное и ретроградное, а вполне правдивое и прогрессивное. Чтоб спорить против него, надо отрицать самый факт существования украинской национальности,— что многие и делают, хотя, как мы сказали, в газетах, но не в книгах. Но раз мы признали существование в украинском народе черт оригинальной нации,— нет никакой возможности теоретически оспаривать выводы и стремления украинофильства. Гораздо сильнее могут быть практические возражения против последних.

На этом можно окончить всю общую сторону наших замечаний на общие же положения статей г. Алексеева. В его статьях, впрочем, есть мысли и о некоторых частностях верные, о которых в публике существует много недоразумений, как напр., о возможности понимания украинским мужиком произведений высшей литературы, о языке новых украинских писателей, которые выходят из сельской непосредственности украинской литературы начала XIX в. (каковой выход открыли уже Костомаров и Шевченко), о тесной связи украинской литературы элементарной, которую г. Алексеев признает, с литературой высшей, которую он считает невозможностью, несмотря на то, что она существовала до XVIII в. по всей Украине и теперь существует в Галиции, и т. п. Но статья наша вышла и так очень длинна, а потому об этих и подобных вопросах — в другой раз, если г. Алексееву угодно будет поставить их и высказать о них свое мнение не в виде иронических и решительных, но совершенно голословных, по большей части на неверных данных основанных приговоров, а на реальных деталях. Из всех частных вопросов, которых касается г. Алексеев в своей второй статье, мы остановимся немного только на замеченном его возражателем «Недели» совпадении его отрицания украинофильства с отрицанием «Киевлянина» и К°. Г. Алексеев не понимает, зачем сделано ему указание на это совпадение, и называет это совпадение случайностью. Мы согласны с ним, что из указания, сделанного в «Неделе», нельзя и вывести иного заключения об этом совпадении. Но на самом деле совпадение это вовсе не случайно, а фатально. Мы видели уже, что отрицательно отнесся к украинофильству и другой писатель близкого к г. Алексееву лагеря, г. Скабичевский,— и в свое время «Киевлянин» с удовольствием напечатал у себя статью под заглавием «Не мы одни...». Такое же отрицание встретили мы в статье «Отечественных записок» по поводу одесских брошюр о Шевченке 1878 г.²² (опять, как видите, чрезвычайно вовремя!). Это отрицание украинского движения людьми лагеря, по всему противоположного тому, какой занимает «Киевлянин», проистекает из того, что собственно оба

лагеря совершают одну и ту же ошибку, отождествляя, каждый по-своему, государственность с человечеством. Белинский, как мы видели, очень симпатично относился к украинской национальности; он даже признавал, что «малороссийский язык существовал во времена самостоятельности Малороссии и существует и теперь в памятниках народной поэзии тех славных времен», а все-таки отнесся вполне кассационно вовсе не к одной «маниловщине» тогдашней украинской литературы, как уверяет г. Алексеев (против маниловщины и тогда уже писал, напр., Костомаров), а именно «к идее украинофильства» и к его тогдашнему представителю, Шевченку, которого, после ссылки его с друзьями, Белинский в дружеском письме к г-ну в Париже называл просто «хохлацкой свиньей, годной только на сало». Источник этого отрицания Белинского был в мнении, что как «история Малороссии не имеет государственного значения», а теперь Малороссия и совсем не имеет государственного класса, то, следовательно, она не должна иметь и своей литературы, и пр., и пр.

НОВІ УКРАЇНСЬКІ ПІСНІ ПРО ГРОМАДСЬКІ СПРАВИ (1764—1880)

*Про видання списків українських пісень
про громадські справи в XVIII і XIX ст.*

Читачам нашим, може, звісно, що в 1874 р. почалось в Росії видання українських пісень про громадські справи — «Исторические песни малорусского народа. С примечаниями Вл. Антоновича и М. Драгоманова». В цьому виданні задумано було напечатати всі пісні українського народу, в котрих показуються зміни громадського життя на Україні і думки про нього народу, од найдавніших часів і до наших, і додати до пісень докази свідків з літописів і всяких інших записок, котрі або стверджують докази пісень, або поправляють їх. Пісні ці задумано було видати в таких поділах, котрі підходять до найважніших змін громадських порядків на Україні: I) *Пісні віку княжеського і дружинного* (або вояцько-боярського од IX до XV ст.). II) *Пісні віку козацького* (од кінця XV до к. XVIII ст.). III) *Пісні віку гайдамацького* (XVIII ст., найбільш на правім боці Дніпра). IV) *Пісні віку кріпацького і рекрутського* (з кінця XVIII ст.). V) *Пісні про волю* (в Австрії з 1848, в Росії з 1861 р.).

З цих поділів в 1874 р. напечатано: *Пісні віку княжеського і дружинного* і перша частина *пісень віку козацького*: а) *Пісні про війну з татарами і турками*; а в 1875 р. друга частина: б) *Пісні про війну з поляками* до см[ерті] Богдана Хмельницького (1657 р.). Далі мусили іти остатні частини пісень віку козацького; с) *Пісні з часів Гетьманщини під московським підданством* (од смерті Б. Хмельницького до першої руїни Січі і кінця Мазепи в 1709); д) *Пісні про кінець козаччини* (од 1709 р. до другої руїни Січі в 1775 р.) з *піснями козаків чорноморських*. Тільки цих пісень ми не вспіли видати, бо в початку 1876 р. мусили виїхати з Росії, а скоро за тим вийшла заборона печатати українські книги в цьому царстві. Так думка наша і нашого тодішнього товариша видати повну історію (дієпісь) нашого народу в його власних піснях не справдилася: наше видання стало на 1657 р.

Після того з'явилась в «Русской мысли» 1880 р. праця д. Костомарова «История казачества в памятниках южнорусского народного песенного творчества», котра в другій своїй половині, хоч і не дає повних списків пісень, та все ж мов продовжує «Истори-

ческие песни малорусского народа» до кінця XVIII ст. і заходить трохи і у XIX ст., в пісні про кріпацтво і волю. Тільки все ж таки пісень післякозацького віку д. Костомаров торкається мало, та і про пісні остатньої доби козацького віку, напр. пісні про руїну Січі, він, явно, не міг сказати всієї правди під доглядом царських цензорів.

Тим часом в 1879 р. ми написали невеличку статтю для «Слов'янського альманаху» на 1880 р. в Відні — «*Політичні* (громадські) *думки в нових українських піснях*», в котрій ми переглянули українські пісні про громадські справи з кінця XVIII ст. Неждано для нас, та, певно, і для всіх, хто слідить за письменством в Зах. Європі, цісарська цензура задержала нашу статтю, вбачивши в ній «уразу цісарського величества, підбивання одного стану проти другого і т. і.». А ми в нашій статті майже зовсім нічого не казали од себе, а найбільш тільки поробили виписки з самих пісень, взявши собі за підставу і слова: «je ne propose rien, j'expose» (я нічого не раджу, я тільки викладаю). Для знаючих діло ми скажемо, що наша стаття була написана подібно до переднього слова, котре напечатав д. Пітрє перед своєю збіркою сіцлійських пісень (G. Pitré. Canti popolari siciliani. I—III). Ми певнісінські, що така заборона, яку наложила на нашу статтю цісарська цензура, неможлива ніде в Західній Європі, та навіть і в Австрії вона не була б можлива з статтею про німецькі або про угорські пісні, бо вся б німецька і угорська печать підняла б проти того крик в один голос. А з працями слов'ян, а надто русинів, можна все зробити, між іншим через те, що слов'яни, а надто русини, не тільки побояться озваться за своїм правом, а ще між ними знайдуться люди, котрі не тільки зрадіють, коли поліція наложить руку на особу і думку чоловіка не їхнього тісного гурту, а ще побіжать самі підцькувати проти нього поліцію, забуваючи стару приказку: «сьогодні мені, завтра — тобі!»

Пригода з нашою статтею в Відні і праця д. Костомарова в «Русской мысли» навела нас на думку написати нову працю, котра тепер і напечатана в цій книзі, працю, котра б давала хоч короткий перегляд громадського життя українського народу і думок його по пісням з половини XVIII ст., так щоб можна було, доложивши її до «Історических песен малорусского народа» і до праці д. Костомарова, мати хоч і не такий подрібний, як би слід, та все-таки цілий продовж історії громадського життя українського народу з давніх часів і досі, розказаної слідом за його власними піснями. Звести цю історію слід тим більше, що, як це звісно всім, хто знає діло, рідко в якого народу є стільки і таких гарних пісень, як в українців.

Тільки дуже б було жаль стати на самих тільки витягах з пісень, так як це стало в праці д. Костомарова і у нашій. Безпремінно треба закінчити видання повних списків українських громадських пісень з давнього часу і до теперішнього. Цю працю зовсім добре можуть зробити тільки ті вчені, що живуть серед самого народу нашого в Росії і Австро-Венгрії і мають до праці всі потрібні засоби, з котрих

на чужій стороні бракує навіть найпотрібніших книг. Тільки ж ми допевнилися, що напр. в Росії таке видання неможливе через цензурну неволю. От через що ми зважились од себе зробити, що в нашій силі. Ми беремось видати по тому ж способу, по якому видані перші частини «Исторических песен малорусского народа», хоч ті списки, які в нас єсть, в доволі повному зборі з печатних і рукописних збірок: пісні про кінець козаччини (1709—1775) і пісні віку кріпацького і рекрутського з піснями про волю і про грошове панство, тобто всі пісні про громадські справи на Україні XVIII і XIX ст., окрім пісень гайдамацьких.

Як можна бачити і по оцій книжці, списки ті в нас впорядковані, і ми могли би почати печатати їх, коли б були на те потрібні засоби. Тільки ж поки ми їх здобудемо, певно, пройде якийсь час, і ми б хотілискористуватись тим часом, щоб поповнити наш збір новими списками, котрі можуть зібрати наші земляки в Росії і Австро-Венгрії. От до тих земляків ми і обертаємося і просимо їх записувати потрібні для нашого видання пісні і посылати нам. По оцій книжці можна бачити, які пісні потрібні нам. Австро-венгерські земляки можуть посылати свої списки просто на наше ім'я (M. Dragomanov. Rédacteur de la "Hromada", Génève). Російські завше, коли схочуть, знайдуть спосіб передати нам свої папери.

Ми звертаємо тепер найбільшу увагу на пісні з XVIII і XIX в., не тільки через те, що їх менше напечатано, ніж пісень раніших, а й по другим причинам. Од цих часів майже не зсталось таких записок, як козацькі літописи (Самовидця, Граб'янки, Величка і др.), з котрих усе-таки видно, що думали самі українці про справи своєї землі. Од часу руйни козацтва на правім боці Дніпра (1711—1714) і од часу невдачі Мазепи і першої руйни Січі в 1709 р. письменні люди на Україні скоро сполячились і змосковились, а потім і одвернули думки майже од усіх справ своєї країни, і самі тільки мужики ще говорять про ті справи в своїх піснях, котрі зостались єдиними українськими літописами XVIII—XIX ст. і майже єдиним показом того, що український народ ще не загинув.

І власне ці літописи найменше звісні письменному світові, як і в усьому житті українського народу власне в новіші часи XVIII і XIX ст. Причиною до того стає між іншим і цензура московського начальства, котра спиняє всякі вільні праці про Україну власне з тих часів, коли більша частина її підійшла безпосередньо під руку Московського царства з його панством і чиновництвом. Через це вся історія України і її теперішній стан показується в дуже фальшивому свіtlі.

Українські і московські письмовці здавна показують докладно всі лиха, які Україна терпіла під польським панством, як вона повставала проти нього, як волею прилучилася до Москви, сподіваючись лішої долі «в союзі і протекції в царя восточного, православного». Як же жила Україна за цим царем, про це історики довго мовчали, коли ще не говорили, що, мовляв, жила вона і живе також щасливо, як живуть

щасливо всі піддані богом хоронимого царства. Виходило так, що на старій Україні мовбuto і не було ніякого життя, окрім вояцького, козацького, та що козаки на те тільки і потрібні були, щоб битись з Польщею, а потім прилучити або ще, як часто кажуть, вернути Україну до Москви, а після цього козаки мусили або щезнути, або перебратись на край Московського царства, щоб там служити цареві, побиваючи черкесів і т. і. Тільки, мовляв, неспокійні люди та безчесні ізмінники між козаками ще кілька часу, од смерті Б. Хмельницького до Мазепи, не покорялись московським царям, а потім і вони щезли, і Україна в усьому підійшла під ряд інших, спокійних земель Московського царства. Народ український, мовляв, забув про свою колишню, дуже вже старосвітську і дику волю, не дума про свою самостійчість і про самовправу своєї країни. Про це, мовляв, можуть марити тільки купка українолюбців, завзятих книжників або трохи не божевільних.

Подібні думки про український народ панують і в начальства, і у письменних людей, і в Австро-Венгрії. І там також мають історію і стан українського народу, коли не з пансько-польського, то з казеного цісарського погляду.

В остатні двадцять років нові українські історики, починаючи з д. Костомарова, трохи розширили рамки такої історії України. Вони розібрали докладніше часи од смерті Б. Хмельницького до Мазепи і показали розум в тодішніх «ізмінах» українських гетьманів проти Москви, показали, як московські бояри і царі зневажали вольності козацькі, гнітили і обдирали народ, ділили Україну, мов «скот», з Польщею і т. і. Тут же вони показали, як і старшина козацька собі змагалась повернутись в панство, подібне до польського і московського, і як через те «чернь» козацька та поспільство (мужики) з запорожцями ненавиділи старшину і не піддержували її, коли вона піdnimalась проти Московського царства. Тільки ж коли дальша історія України, після того як царі московські, за поміччю черні і поспільства, скрутили козацьку старшину, не була розказана докладно, то виходило, буцімто козацькі противники Москви були вже цілком не праві, а Московське царство буцімто було правдивим приятелем черні. І справді, московські історики, як напр. Соловйов, виставляють в такому свіtlі московське начальство на Україні, а надто, коли їм можна вказати на що-небудь подібне до слов цариці Катерини II, котра, касуючи козацькі виборні уряди в Гетьманщині, казала, що вона «вибавляє народ український од мучивших його вкупі многих маленьких тиранів».

Тільки докладна історія життя українського народу в XVIII і XIX ст. могла б показати, якою брехнею були слова московських правителів, коли вони, як напр. та ж Катерина II, казали, що по скасуванню виборного козацького уряду «народ буде облегчений і буде благоденствовати». Історія б показала, що народ український в XVIII—XIX ст. старих маленьких тиранів не збувсь, а нажив ще

нових, більших, що Україна, стративши всяку тінь своєї вправи, пішла назад в освіті, в господарстві і т. і. Докладна історія українського народу в XVIII і XIX ст. з показом його думок могла б доповнити про дійсну потребу для України своєї вправи, котрої бажають ті українці, що не одвертаються од своєї землі і її люду. Така історія, звісно, не може появитись під московською цензурою. От через це великий гріх перед своїм народом кладуть на себе ті українські вчені, котрі, маючи до того здільність, по своїм талантам і вченості, не стануть до того, щоб написати і видати хоч такі праці про життя і думки українського народу в XVIII—XIX ст., які вони понаписували про XVI—XVIII ст. Тим самим вони збавляють міцного наукового ґрунту всі змагання до поліпшення теперішнього стану українського народу.

Ми не тратимо надії, що сама любов до свого краю і народу приведе українських вчених, далеко здільніших, ніж ми, до думки виступити на вільному од царської цензури полі з науковими працями про життя українського народу в новіші часи. Тепер більш, ніж коли-небудь,чується потреба в такому виступі, а також в тому, щоб познакомлено було широкий європейський світ з українським народом. Народ цей довго жив спільним з цим світом життям і йшов з Європою, до самого XVIII в., наскільки це йому позволяла нещасна його доля, котра насилала на його татарські і турецькі руйнування. Тільки міцний царський кордон, а потім одчужіння од українського народу панських станів, власне з XVIII ст., положило межу між українцями і європейським світом. А все-таки і досі багато вільних і світлих європейських думок і змагань здibuємо серед українського мужицтва. Настав час, коли треба з усієї сили переносити на Україну нову європейську науку, а поряд з тим показати думки і змагання українського мужицтва європейському світові, котрий, певно, знов признає в українському народі свого брата. Між іншим голос цього європейського світа мусить пристидити і тих освічених людей на Україні, котрі, вивчившись на кошт її мужицтва, одвертаються од нього. Перше ж усього, звісно треба зібрати і видати матеріали для списання життя і думок українського народу за остатні часи. Один з таких матеріалів — пісні, котрі склав цей народ про своє життя. Ми і беремось видати такі пісні і сподіваємось, що наші земляки не лишать нашого видання без своєї помочі, найбільш тим, що будуть присилати нам нові списки потрібних для нього пісень.

Просимо газети, прихильні до науки про Україну, оповісти про наше видання як можна більшому числу земляків наших.

ЧУДАЦЬКІ ДУМКИ ПРО УКРАЇНСЬКУ НАЦІОНАЛЬНУ СПРАВУ

I

*Вступне слівце: Чому я обертаюсь до редакції
«Народу»¹.*

*Проби моєї розмови з громадою в «Зорі» і нещасний
кінець їх.*

Дуже б мені хотілось просто приступити до деяких поважних речей, про котрі остатніми часами говорив «Народ» та й другі руські видання, так деякі причини примушують мене почати з переднього слівця. Бачите, мені судилося переносити мою розмову з одної хати в другу, то й треба не тільки представитись перед новою компанією, а ще й пояснити їй, через що й про що ведеться моя розмова.

Ну, так,— за дозволом,— починаю!

Років з два тому назад прочитав я одну допись в «Зорі»². Певно, багато з читачів «Народу» зна оцю газету, що виходить у Львові. В тій дописі говорилось про справу дуже важну взагалі й дуже близьку до моого серця, та й звісну мені трошки більше, ніж звичайно-му галичанину, а власне, про справу українського письменства в Росії. Дописач наводив, що в Росії цензори, царські урядники, що мусять переглядати рукописи перед друком, звичайно не дозволяють друкувати українських книжок. На це горе дописач радив спосіб — дивоглядний: посилаєте цензорам, казав він, більше рукописів, то вони хоч багато заборонять, а все-таки дещо зостанеться, то й ви будете мати більше українських книжок, ніж тепер.

Мені така рада видалась так, якби хто радив людям виставляти вовкові найбільше овець: мовляв, хоч вовк і поїсть більше, та й вам зостанеться. Ну, а як вовк ненажерний трапиться, або й два вовки з лісу вийдуть? Я й надумавсь на іншу раду: коли вже нема сили ні хіті вовка прогнati, то хоч овець замкнути та перевести в другу кошару, і не давати зовсім ні одної книжки цензорам російським, а всі друкувати, напр., в Галичині.

Надумавшись на таке, я схотів і свою думку поставити на суд громадський. Хто-небудь подума, що це так легко. В Галичині, мовляв, є чимало газет, котрі, знай, одно кажуть, що раді б всяку руську

думку подавати до громади, а «Зоря» навіть щороку молить всіх русько-українських писачів підpirати її як «єдину літературну газету русько-українську» своїми працями. І видається «Зоря» немов від Товариства імені Шевченка, котре повстало за гроші, дані з умовою, щоб усяка русько-українська думка без огляду на те, чи людина належить до якого гурту чи кружка, могла виходити на світло. Так на ділі ж це зовсім не так. І Товариство імені Шевченка, і «Зорю» держать в своїх руках люди, про котрих досить буде сказати, що вони не схотіли в своїй друкарні печатати творів самого Шевченка, бо вони бояться його думок. Тож ті люди печатають у себе тільки таке, що ні в чим не йде проти їх думок інтересів, і майже тільки твори таких людей, котрі їм завше були покірливі, мов вівці пастухові.

Я ж, бачите, провинився перед тими людьми, між іншим, тим, що не раз виступав проти них з думками Шевченковими, то мені зав'язані двері в усі їх видання. Тільки на той раз впорядчиком «Зорі» був чоловік особисто добренський³, — я й зважився післати йому мою думку про українські книжки і цензорів у Росії. Та тільки я не смів підписувати своєї думки своїм іменем, ні навіть викласти її просто, а сказав її так, мов чудацтво, над котрим я ж перший посміюсь, коли почнуть з неї кепкувати.

В такій одежі пройшла моя думка в «Зорі» і навіть звернула на себе увагу декого. Осмілившись, я і в другий раз посунувся з моїми думками у «Зорю». Пригода була така, що важко було промовчати. Бачите, якийсь землячок, назвавшись Турист⁴ (тобто Подорожній), надрукував у «Правді» допис мовбіто з Іспанії про те, як один іспанський писач ганьбив російське письменство. Кажу: мовбіто з Іспанії, бо в допису тому таке пороблено з іспанськими словами, якого не зробить ніхто, хто навіть два дні походить по вулицях першого іспанського містечка. Дописач просто витяг кілька уступів зо старого іспанського писателя, котрі були переказані в однім російськім же виданню, та й послужився тими витягами, щоби відбити в наших русинів охоту читати російські книжки. (Вже один такий захід кілько вартий!) Подивітесь, мовляв, що каже про ці книжки такий освічений чоловік, та й покиньте читати писання таких з натури нікчемних людей, як росіяни!

Справа, зачеплена д. Туристом, досить цікава й сама по собі, й по способу, як вона була виложена, так що вп'ять важко було промовчати, і я вп'ять, надівш маску чудака, написав свої думки в «Зорі»⁵, а добренський редактор «Зорі» вп'ять її напечатав. На цей раз моя допис наробила багато галасу⁶: «Правда» кинулась на мене з піною коло рота, деякі земляки листами й словесно виступили проти моїх думок. Я допевнivсь, що майже усі, хто проти мене виступав, зовсім не зрозуміли моїх думок: одні через те, що не схотіли зрозуміти, другі, може, через те, що я не вмів їх розказати, треті, певно, через те, що справа занадто складна і деякі боки її потребують зовсім

нового підходу, а не такого, до якого в нас звикли. Були, впрочім, і такі, до котрих можна було прикласти слова Возного в «Наталці Полтавці»: «Лукавиш, теє-то як його, моя галочка, а добре розумієш» і котрі навмисне переносять спір на таке поле, де б нічого не могло вирости, окрім будяків. Найгірше було те, що багато людей були підбурені проти моєї статті, а самої її вони не бачили. Так одному дуже щирому чоловікові сказано було, буцімто я просто раджу занехаяти усяку українську письменську працю і захвалюю усе,— таки усе,— що написано по-московськи. Добре, що я мав пригоду розмовитись з тим чоловіком і що він мені щиро, без усяких викрутасів, передказав те, що він чув про мою статтю. Розмова наша скінчилася так, що лішого не можна було й ждати: земляк⁷, довідавшись, що я справді маю на думці, передав мені 1000 франків на запомогу письменській справі в напрямку, котрого я боронив, і позаяк коло того часу д. Павлик казав мені, що хоче закласти газету «Народ», то я й зараз же назначив ті гроші на це діло.

Очевидно, що з усяким земляком, що зацікавився моєю дописцю в «Зорі» й нападом на неї в «Правді» й деінде, не можна було розмовитись усно, то я мусив уп'ять послати нову допись у «Зорю», де обговорював нові боки поважної для нас справи відносин українського письменства до російського й узагалі України до Росії.

Післав я свою допись у «Зорю» та й жду місяць, другий, третій: нема ні статті моєї в «Зорі», ні звістки. Нарешті, прошу одного приятеля спитатись в редакції «Зорі», що сталося з моєю дописцю, і взяти її, коли вона не буде там печатана.

Відповідь дістав я таку, що моя стаття надійшла якраз перед тим, як сталає пригода в Галичині: арештування кількох гостей із Росії й трьох галичан (дд. Франка, Павлика й Скородинського, урядника «Просвіти»). Тож редактор «Зорі» й собі налякався й, порадившись з товаришами, спалив мою працю, не читавши її. Остатньому я тим скорше вірю, бо навіть найполохливіша людина, прочитавши мою працю, встидилась би свого переполоху, бо в ній не було аж нічогісінького політичного, нічого страшного навіть для Росії, а тим паче для конституційної Австрії.

Ну, що робити з такими панами?! Хіба видати процес перед судом за страчене добро, котре було їм вручене. Якби я давав пакунок, а редактор був капітан корабля, що, почувши вітрець, подумав, що то вже буря, й покидав усю вагу в море, то я б, може, й виграв процес, а тепер ще біг зна!

Найгірше для мене й для моєї справи те, що я не тільки втратив час, але перенісся в місто, де в мене навіть нема джерел, по котрим я писав спалену допись.

А тим часом противники моїх думок не вгавають і рвуть їх і мене особисто з усіх боків.

Особисті напади й лайки можна залишити без відповіді. Скажу тільки про одну і то найбільше через те, що сама редакція «Народу»

зачепила одну з тих лайок, котрими мене обсипають різні добродії в «Правді». Вони мене лають, між іншим, *обрусителем* і *об'єдинителем*. Про мое *обрусительство* говорити не буду *, а про мое *об'єдинительство* скажу, що слово це само по собі порожнє: важко, коло чого, коло кого й як хоче об'єднання. Я ж справді завше хотів побачити об'єднення освічених, добрих і чесних людей в нашій країні й по сусідніх сторонах і народах коло праці для волі, освіти й добробуту всіх тамошніх людей і завше боровсь proti всякого роз'єдинення, котре вносять між тих людей неволя, неуцтво й сліпє своєлюбство, навіть і тоді, коли ці темні сили вкриваються одягами народолюбства.

Але, окрім особистого спору, єсть незгоди в думках, і незгоди ширі, котрі можна *всунути*, хоч іноді не в самих суперечників, так між тими, хто, не чуючи голосу другої сторони, гнететься на той бік, звідки чує слово. Так ось з огляду на таких людей не можу я залишити спору, що почав було у «Зорі», і мушу його тепер перенести у «Народ».

Бачу я добре, що це не так-то вигідно й для мене, й для читачів «Народу», між котрими єсть багато таких, що не бачили попередніх дописів у «Правді» ні в «Зорі», і котрі не так учені, щоб розуміти все в їх викладі. Через це все я мушу почати з того, що виложу, про що був у мене спір з «Правдою», а далі зупинюсь на нових точках спору.

II

Що я хотів сказати в «Зорі» про російське й українське письменство. Космополітизм і національство.

Іспанський писатель, за котрого почавсь у мене спір з «Правдою», осердивсь на свою публіку й узагалі на західноєвропейську за те, що вона борзо чита тепер твори російських писателів (Гоголя, Тургенєва, Достоєвського, Л. Толстого й ін.) в перекладах французьких і інших. Він схотів показати іспанцям і взагалі західним європейцям, що їм не личить звертати увагу на російські писання, бо вони, мовляв,

* Якби діло йшло про самого мене, то я б зважився «проковтнути жабу», як кажуть французи, й заприсягти перед «прекрасними масками», котрі видають «Правду», в тім, що мені таки лежить коло серця українство. Може б, після цеї присяги яка-небудь щира, хоч слабенька, душа не так би боялась прочитати уважно мої думки про те, що шкодить, власне, українському духу. Та як мені зважатись на такий сором після того, як «прекрасні маски» об'явили, що всі галицько-укр[айнські] радикали тільки з опортунізму признають національний ґрунт? Цікаво б хоч почути, з якого, власне, опортунізму???

не підходять до європейського духу, а надто іспанського. Замість того, щоб радіти з життя,— каже він,— росіяни сумують. Вони все говорять про нещасних та бідних та оступаються навіть за покараних в криміналах. (Бачите, росіянам мало того, що людина засуджена сидить в криміналі; вони довідуються, за що засуджено? що довело людину до вини, навіть коли вона справді винна? і піднімають питання, чи не була яка загальна причина вини, котра тільки виявилась на тій людині, та чи не можна б усунути ту причину: горе, бідноту, темноту й т. ін.?) Покиньте, каже той іспанець своїм землякам, читати такі книжки: їх пишуть люди не нашого духу, не нашої навіть крові, а азіатської, жовтої, перейняті наскрізь не нашою вірою, а буддівською. (Остатні слова, бачите, натяк на те, що в породу росіян увійшло чимало народів *фінських* та *турецьких*, котрих старі вчені, що ділили всіх людей на світі на п'ять пород, прозвали були *жовтошкірими*, як європейців прозвали *білошкірими*. Так на лихо, віра має мало спільногого з породою й шкірою. Напр., Будда, царевич в азійській Індії, що виробив віру, котра справді з сумом погляда на життя людське та при тім навчає, як вменшувати сумні боки життя братством та взаємною поміччю між людьми, був, як і всі його земляки, не жовтої, а також нашої, білої шкіри.)

Вже з того, що ми сказали вище про суд згаданого іспанця про російське письменство, видно, що він, власне, не різний нас, русинів-українців, від москалів, що він і в нас бачить ту ж саму кров, хоч виразно й не говорить про нас, а про всіх людей на сході Європи. Та й справді, хіба наші селяни, що склали такі пісні, як «*Та нема в світі так ні кому, як бурлаці молодому*», або *наш Шевченко* не так само оступаються за бідноту, навіть за арештантів? От я й хотів нагадати оце нашему землякові, котрий хотів відбити судом іспанця наших людей від найліпших книг російських, котрі тепер перекладаються на різні мови та читаються по всім світі, і показати йому і подібним йому, що, засуджуючи російське письменство за те, що в нім є найліпшого, він засуджує заодно й найліпше, що єсть у нашім письменстві. Я навів приклад другого іспанського ж таки писателя, котрий зовсім інакше дивиться на російське письменство і, власне, цінить у ньому те, що перший ганьбить.

Я спинивсь на прикладі першого писателя іспанського і його думках про кров російську, буцімто інакшу від крові іспанської, бо це давало мені нагоду розібрати одну справу, про котру частенько говориться в наших часописях, та, як мені видається, дуже неслушно, тобто про народний, або породний дух, характер і таке інше.

Справу о цю я й тепер попробую обговорити знову й навіть з новими додатками і почну з основ її, оглядаючись на тих читачів «Народу», котрі не бачать «Зорі», і до того ж на менше вчених читачів «Народу», бо тепер частенько вже й у книгах і часописях, писаних навіть для селян, говориться про такі речі, як народний дух і відповідні йому народні святощі, котрі б то всі мусять поважати і т. ін.

Подібні намови ведуться з різних поводів, з котрих одні слушні, а другі зовсім неслушні. На світі дійсно є різні народи, або людські породи, котрі відрізняються одні від других найбільше мовою, почасти лицем і тілом, звичаями, одежею, струментами і т. д. В старі часи, коли люди були менше розсудні, ніж тепер, то між різними народами були часто сварки не тільки за здобич, а просто через те, що неподібне в однім народі вважалось людям другого за щось смішне або й відразливе, і народи жахались один одного або ворогували проміж себе от так, як, напр., кінь жахається верблюда або собаки ворогують з котами й т. д. Коли серед деяких народів повстало попівство і впорядковані віри, то ті народи стали вважати других, що їхньої віри не держались, за нечисті, прокляті богами. Тоді й сварок між різними народами стало ще більше, бо такі попівські народи вважали навіть обов'язком своїм попереду зовсім нищити, а потім силою повернати чужі народи в свою віру. Через такі й другі сварки між народами стало так, що в деяких сторонах один народ став паном над другим, от, напр., як у Чехах німці над чехами або в нас у Галичині поляки над русинами.

В новіші часи по наших сторонах, у Європі, вже не робиться так, щоб пануючий народ вибивав підданого, а все-таки панування показується в тім, що, напр., людей підданого народу примушують говорити в школах, судах, а то й у бесідах мовою пануючого народу, а мову підданого, а також і звичаї його висміюють і т. ін.

Згодом розумніші люди стали думати, що й такий нагніт одного над другим — річ неправедна та й нерозумна, невигідна для загалу народу навіть пануючого, бо, по найменшій мірі, дражнить людей — сусідів і відводить їх від спільноти праці над добробитом. З таких думок почалися в усій Європі рухи, котрі йдуть до того, щоб кожна людська порода у своїй країні або навіть у своїм місті чи селі сама порядкувала свої справи й жила собі, як сама хоче. Коли який народ був поділений між кількома державами і це перешкоджало частинам цього народу жити вільно, то люди в тих частинах змагались до того, щоб поєднатись у одну державу.

З таких рухів до вільності й поєднання різних частин одного народу остатніми часами найголосніший був рух серед італіянців. Довго вони напружались, поки не повиганяли неприязніх людові князів та королів, увільнили дві свої країни (Ломбардію й Венецію) від Австрії, а третю (Римську околицю) — від попівського уряду папи і склали одне королівство з досить вільними порядками. (Певно, між читачами «Народу» є люди, котрі добре пам'ятають війну між австрійцями й італіянцями в 1859 і 1866 рр., після котрої Австрія відступила від Ломбардії з містом Міланом і Венецією.)

Усі освічені люди похваляли змагання італіянців до вільності й до єдності державної і ставили італіянський рух у приклад другим подібним у других народів. Такі рухи прозвано *національними*,

від латинського чи італіянського слова *націо*, *націоне*, т. є. порода, народ.

Тільки ж і в італіянськім національнім руху була й є одна приключка, а власне та, що не всі італіянці зібрались в одну державу, італіянське королівство. Зостались осібно від нього, між іншим, ті, що живуть у Швейцарії, в країнах Тессінській і Граубюнденській. Вони в свій час дуже помагали братам своїм в Італії добути волі та єдності, а все-таки ніколи й не думали й не думають прилучатись до них в одну державу. Через що це? А через ті порядки, в яких вони живуть у Швейцарії.

Швейцарія — це спілкова всенародна держава, тобто спілка малих країн, в котрихувесь народ вибирає собі на час (звичайно на 2, на 3 роки) уряди. Там депутати від усіх країн і той уряд, що вони вибирають, порядкують справи, спільні всім країнам, як військо, цло, пошту, залізні дороги і т. ін., а всі краєві справи, в тім числі всі школи, порядкують крайові уряди. Від того там не тільки в кожній країні, але в кожнім місті й селі люди беруть науку в школах, пишуть до всіх урядів, говорять в судах тою мовою, якою сама країна або громада хоче, тобто такою, якою в країні або в громаді говорять. До спільногож уряду швейцарці згодились дати волю обертатись на всіх головних мовах, якими говорять у Швейцарії, тобто на німецькій, французькій і італіянській.

От через те, коли б швейцарські італіянці пристали до королівства Італії, то нічогісінько не виграли б як люди національності італіянської, а стратили б, принайменше тепер, немало: перемінили б свої виборні крайові уряди на королівські, мусили б служити по кілька років солдатами та відбувати походи в далекі краї, тоді як тепер у Швейцарії постійного війська нема, а всі молодші люди по кілька тижнів у рік муштруються з офіцерами, а потім дістають додому гвери та й стріляють ними чи самі, чи по товариствах, а воювати швейцарці на чужині не можуть, а тільки тоді б воювали, якби хто напав на їх державу. Всю оту волю тепер би стратили швейцарські італіянці, коли б прилучились до держави Італії, та до того мусили б платити більше цло і всякі податки, щоб удержувати королівський уряд та військо. От через що швейцарські італіянці радо братуються з королівськими у спільнім письменстві, всяких уміlostях та штуках, а все-таки не думаютъ відділятися від Швейцарії, которую вони порядкують вкупі з людьми чужої мови й інших звичаїв — з німцями та французами.

З цього прикладу виведемо собі таку думку, що *національність* сама по собі одно, а *державна єднота національності* — друге.

Цю різницю багато людей забуває в другій породі людській, котра після італіянців майже вся зібралась у одну державу, — в німців. Ще тридцять років назад в Європі було кілька німецьких держав, котрі були сполучені в одну спілку, в котрій старшим уважався цісар Австрії. Після нього найбільше землі мав король прус-

ський. Німці ті не були, властиво, під чужими урядами, як колись італіянці міланські та венеціанські,— і в деяких малих державах мали більше волі й освіти, ніж у більших, як Прусси або Австрія. А все-таки багато з німців хотіли бути в одній державі, щоб дорівняти великим сусіднім державам: Франції та Росії.

Після довгого часу вагання сталося так, що Прусси побили Австрію, виключили її з німецької спілки, і прусський король став цісарем і над меншими німецькими державами й командиром над усім їх військом. Прусські підходи до цісарства німецького не подобались панству й цісареві французькому, і з цього вийшла війна між німцями й французами, після котрої німецьке цісарство відібрало від Франції дві країни — Ельзас і Лотарінгію. Країни ті залюднені переважно німцями, та тільки французька держава давно вже прилучила їх до себе. Люд німецький там не дуже тому протививсь, бо французькі королі, щоб прихилити його до себе, вменшили силу панів над селянами й міщенами, скасували державні уряди попівські, а сто років тому назад селяни та міщани в Ельзасі і Лотарінгії вкупі з усіма французькими повставали проти тяжкого уряду королів та проти останків панщини, тоді як військо королів прусських та менших німецьких князів приходило до Франції оступатись за її короля та за панів. З того часу ельзасці та лотарінгці, хоч все-таки говорили по-німецькому і хоч де в чому терпіли від французького уряду, а все-таки були радніші належати до французької держави, ніж до німецьких, і привикли звати себе французами.

От тепер німецькі державники відібрали від Франції Ельзас і Лотарінгію, не питуючи її людей і явно проти їх волі. Як тільки можна, ельзасці і лотарінгці кажуть, що вони хочуть вернутись до Франції, а німці їм на те відповідають: ви німці по нації, ви наші брати породою та мовою, то й мусите бути в одній державі з нами, а не з французами. Добре братерство проти волі!

Але цісарство німецьке не стало на тім тільки, щоб прилучити до себе насильно німців в Ельзасі й Лотарінгії, воно забрало й кілька міст, де людність дійсні французи, принайменше говорить по-французьки, а по-німецьки не вміє. Про ті міста німецькі державники кажуть, що вони потрібні для німецької держави, бо там можна держати добре кріпості проти Франції. І по такій рації тепер німецький уряд усяко тіснить французів по тих містах і взагалі в Ельзасі й Лотарінгії, перешкоджає тамошнім людям їздити у Францію, а французам до них, виганяє французьку мову зі шкіл ельзаських і т. ін. І все це робиться для користі німецької національності.

Подібне ж робиться в німецькій державі і з поляками. Ще давно королі прусські забрали частину польських земель, але обіцялись залишити полякам їх національність і навіть волю приймати до себе поляків з других країн, відходити до них, торгувати з ними і т. ін. Хоч згодом прусський уряд почав ламати ті обіцянки, та все-таки дещо з них зоставалось, напр., в школах, а надто в нижчих, в прус-

ській Польщі учено по-польському. Аж тепер, коли прусський король став німецьким цісарем, то й польські країни, що йому піддані, прилучено просто до німецької держави, і там заведено німецькі порядки, і, між іншим, майже зовсім вигнано польську мову із шкіл, а щоб польська мова і в громадах не піддерживалась перед німецькою, то виганяють з німецької Польщі людей, зарібників, що прийшли туди з Польщі російської та австрійської, і таких, що там живуть з малечкою, і навіть, що служили прусськими вояками. З того вигнання багато родин дізналось недавно великого горя. I все це робиться для того, щоб уберегти німецьку національність від польськості.

З цих прикладів про німецьку державу можна вивести, що національна єднота в державі не завше може вести до більшої вільності і що думка про національність може бути причиною і насилування людей і великої неправди.

А з італіянцями так виходить ще інший клопіт: між іншим, італіянців є чимало в Австрії, в країнах понад Адріатичним морем, найбільше по містах, бо по селях там живуть майже самі серби. До якої національної землі треба застосувати ті країни? Багато італіянців кажуть, що ті країни мусять належати до Італії раз через те, що вони колись були підданими венеціанської держави, а вдруге, через те, що коли ті італіянці, що живуть там в містах, найосвітніші, а виділити міста від сел важко, то вся сторона мусить бути італіянською. Знов же багато сербів кажуть, що як по селях людей більше, ніж по містах, то вся та сторона й з містами мусить бути сербською. Де можна, по містах італіянські ради місцеві перешкоджують закладати школи сербські та примушують і сербів учитись по-італіянськи. Якби сила в крайових радах дісталась серbam, то вони так само робили б з італіянською мовою. I обидві сторони по кликуються на національність і її потреби.

Звівши докупи всі ці приклади, як італіянські, так і німецькі, правдолюбива людина мусить прийти до того, що *сама по собі думка про національність ще не може довести людей до волі й правди для всіх і навіть не може дати ради для впорядкування навіть державних справ*. Треба пошукати чогось іншого, такого, що б стало вище над усіма національностями та й мирило їх, коли вони підуть одна проти другої. *Треба шукати всесвітньої правди, котра б була спільною всім національностям.*

Так всесвітню правду люди почали виробляти собі вже давно. Років уже за 500 до Христа була в Азії держава персидська, котра обнімала кілька національностей, досить освічених. В тій державі перси панували над другими, та все-таки піддані народи вже не вважались за бидло персів; закони писались не на самій персидській мові, а на кількох, котрими говорили головніші народи в державі; уряд порядкував дороги, канали, будинки не в самій персидській землі, а й по других. Коло того ж часу в Індії виробилась віра буддівська, котра навчала, напроти старій вірі індійських попів, що всі люди

рівні з природи, їй котра проповідувалась різним народам, а не одному тільки індійському. Трохи згодом у нас, у Європі, серед греків розумніші люди, філософи (любомудри) стали навчати, що всі люди одинакові та що треба любити не тільки свою батьківщину, своє місто, а весь світ, усіх людей. Такі філософи звали себе *космополітами*, тобто *світовими горожанами* [громадянами].

Про грецького філософа Сократа розказується, що коли його питали, де його батьківщина, то він відповів: *уся земля*, даючи тим знати, що він себе вважав горожанином усякого міста, де тільки є люди. Від греків космополітичні думки перейшли до римлян, котрих держава обняла багато різних народів у Європі, в Африці й Азії. Римський філософ Ціцерон, викладаючи науку учеників Сократових, казав, що «вони думали, що люди родились на світ, щоб поєднатись з подібними їм і витворити з ними вкупі товариство цілого роду людського». Ціцерон так викладає думку про природний зріст у людини такого космополітичного почуття: «Проміж усім, що є почесного в людей, нема нічого славнішого і такого, що б так далеко йшло, як товариство людей з подібними їм. Це товариство і ці взаємини інтересів, ця любов до людського роду починається з прихильності батьків до своїх дітей, далі обіймає родичів, приятелів, сусідів, росте в горожанина, котрий дбає о добро цілого міста і свого народу, розширяється на подружні нашому народи і закінчується товариством усього роду людського».

Така космополітична наука перейшла у віру християнську. Стара жидівська віра рахувала на самих тільки жидів і домагалася, щоб усякий, хто пристав до неї, приймав жидівські національні звичаї, напр. обрізування. Того ж хотіли і від християн перші апостоли, чисті жиди, як Петро. Апостол Павло, жид погречений, навчав, що перед Христом нема жида, ні грека, ні обрізаного, ні необрізаного, ні варвара, ні скіфа, як нема й ні пана, ні раба, ні мужа, ні жінки,— а все одно (Лист до галатів, III, 28—29. До колосян, III, 11). Павлове християнство взяло гору над Петровим і пішло по всяких народах Азії, Африки й Європи, і з нього виросла віра, котра себе стала звати по-грецьки *католицькою*, тобто загальною, а по-римськи — універсальною, тобто світовою, і тим себе й відрізняла від старих вір, що їх звала *крайовими*, або *народними, національними*, або, як говориться на мові, що вживается в наших церквах, *язичеськими*. (Язик-бо значить по-церковному те, що по-нашому *мова і народ або нація*).

Християнство стало, значить, другою вже світовою, а не національною вірою після буддівства. З того часу, як розійшлося християнство по великій частині світу, між різними народами християнськими, не глядячи на їх мови й звичаї, виробилось щось загальне, початок братерства. Окремі нації стали себе вважати частинами одної родини і звались: християни мови або нації італіянської, французької, англійської, німецької і т. ін., і навіть коли люди одно-

го народу робили щось негарне людям другого, то перші жалілись на весь християнський світ, що, мовляв, з нами поступають не по-християнськи.

Після християнської віри в Західній Азії виробилася ще нова віра арабина Магомета, котра теж хотіла бути світовою, а не національною і теж обняла різні народи: арабів, єгиптян, персів, турків і др.

З цих трьох світових вір дві, християнська та магометанська, ворогували проміж себе, а коли всередині їх теж почались незгоди, то різні церкви ворогували проміж себе та нищили людей не менше, коли не більше, як нищили їх війни національні. Аж ось розумніші та добріші люди по різних вірах стали думати, що не слід чіпатись до других за різні церковні звичаї та думки, а що треба поставити над усіма церквами *людськість* і всіх людей всіх вір призвати братами. Подібні думки вже проявлялися давно серед буддівців, а років з дві сотні тому назад почали часто проповідатись і серед християн, найбільше серед так званих *протестантів*, що відпали від римської церкви. По всіх освічених сторонах повстали нові *філософи*, котрі впять стали звати себе *космополітами*, або *світовими* горожанами і проповідали братство всіх народів. Коли навіть повстали в Європі рухи національні, то і ті рухи оперлись, власне, на космополітичні думки: мовляв, коли всі народи однакові брати, то не слід, щоб один народ панував над другим. Так думка про *людськість* поставлена була вище над думкою про націю та віру, з їх осібними звичаями, урядами та інтересами, і стала таким суддею посеред суперечок проміж націями й вірами та основовою до волі кожної нації й віри в тих границях, поки нація чи віра не неволить других.

Аж ось саме тоді, коли нові філософи вже років 100 тому назад досить виробили думку про світове горожанство [громадянство], або братство, всіх людей, по деяких країнах Європи, більших до нас, справа почала повернутись назад, до старих національних думок. Об'явилось це перше в німців через осібні обставини, в котрих жили німці сто років назад. Німці були поділені між різними державами, а на заході мали сусідою велику французьку державу, котра часто вступалась в німецькі внутрішні справи. Окрім того, багате французьке королівство служило й німецьким князям прикладом розкоші, й французька мова почала вживатись серед німецьких князів і панства замість рідної, котру панство німецьке почало навіть зневажати. Коли французи сто років назад скасували в себе панство й королівство і через те почалася війна між німецькими князями й французами, то багато освічених німців раді були, що французи побивають німецьке військо, і почали навіть прилучати німецькі міста до нової французької держави.

Але незабаром старі вояцькі й королівські звички знову прокинулись у французів; вони завели собі замість вільної держави ціарство зручного вояка Наполеона, а той почав завойовувати німецькі землі та обдирати їх, як старі вояки.

Тоді в німців прокинулась ненависть до французів, а далі до всього французького. Поскільки німці хотіли скинути з себе французьке панування та підняти пошану до своєї мови, цей німецький національний рух мав рацію й не тільки не йшов проти космополітичної думки (про всесвітнє братство), а навіть просто опирався на ній. Але посільки в німцях пішла ненависть *до всього французького* затим тільки, що воно французьке, і прихильність *до всього німецького* тільки через те, що воно німецьке,— німці звертались до старих, навіть захристиянських національних думок.

Згодом серед учених німців виробились такі думки, що *національність — це річ найголовніша для людини*, а що всесвітня людськість — то щось навіть гайдке; що німець мусить тільки й думати об тім, щоб в усьому бути цілком німцем: в усіх стосунках з чужинцями дбати перш усього про німецьку користь і, мало того, жити, як кажуть, тільки німецьким духом, мати завше німецький розум, німецьке серце, німецькі звичаї і т. д. і тим плакати в собі той осібний національний характер, чи дух, котрий би то бог чи природа навіки присудили німцям. І давніше серед німців, як, впрочому, і серед других народів, проскачувала думка, що вони — найперші люди на світі. Так, сотню років тому назад німецький писатель Гердер⁸ втішав своїх земляків, котрі не мали великої національної держави, тим, що німецька національна вдача є, власне, в усесвітній людськості, в плеканні науки й письменства. В часи ж Наполеона німець Фіхте⁹ казав своїм землякам: «Будьте якнайбільше німцями, тоді ви будете справжніми людьми».

Так в німецьких думках про національність виробились два круги: один — думки про *вільність кожної національності* вправлятись дома, як хоче, й про потребу викладати всяку світову річ національною мовою, а другий — якесь *примусове національство*, котрого мусить держатись кожна людина з певної національності, чи хоче вона того, чи не хоче, і також *примусова ненависть* до других національностей. Кажу: якесь *національство*, бо ніхто не може точно сказати, що то таке німецький розум, німецьке серце *. Ніхто не може навіть точно показати в тих звичаях, які віками увійшли в життя німців, які звичаї справді німецькі, а які чужі. А нарешті, ніхто не може допевнити людей, щоб вони безпремінно держались старих

* В «Зорі» я нагадував, як плутали німецькі національники, котрі, напр., записували між ознаки німецького національного духу християнську віру (як звісно, вироблену не німцями, а спільною працею десятка старих народів), причому одні стояли за римське католицтво, а другі — за протестантизмом. Поряд з тим другі німецькі національники вважали ознакою німецького духу безвірний раціоналізм (вільний розум). Такі самі незгоди виходили між німецькими національниками і в справі природних німецьких державних порядків: одні вважали за найвідповіднішу німецькому духові державу прусську або австрійську монархію, другі — англійську конституцію, треті — американську республіку. Так само плутались і кельто-французькі й слов'янські національники.

своїх звичаїв, коли ті звичаї вважаються невідповідними, і не брати нових, чужих, коли ті розумніші, і т. ін. От через це німецьке примусове національство дуже затемняло думки німців і причинило до того, що багато недоладних порядків у німецькому житті державному, громадському, родинному, таких, що вже давно філософи показали їх неслухність, задержались надовго. Окрім того, це національство підняло в німцях погорду до других народів і підперло неправедні вчинки самих німців над другими народами.

Власне, подібне до того, що діялось між французами та німцями на заході Німеччини, робилось між німцями та різними народами, переважно слов'янами (чехами, поляками, словінцями й др.) на сході Німеччини. Віддавна різні князі — найбільше прусські та австрійські — то позавоювали різні слов'янські країни, то інакше поробились в них державцями, а затим потроху уряди й панство поробились там німецькими. Коли до слов'янських людей дійшли думки космополітичних філософів про рівність і потребу вільності усіх націй, то й слов'янські народи, піддані німцям, стали також виступати проти німецького панування, як німці проти французького. Позаяк і слов'яни були також роздражнені німецьким пануванням, як німci французьким, і позаяк слов'яни були менше вчені, ніж німці, то вони поновили в себе всі хиби німецького національства і навіть деякі просто навчились всяким думкам у німецьких національців. На лиху, й серед самих слов'ян ще здавна виробились свої пануючі й піддані народи, напр., поляки й москалі стали панами перед нашими русинами-українцями. То думки, подібні до німецького й західнослов'янського національства, мусили вирости й серед слов'ян, котрі дістались у такий стан, як наші галичани. До того й сюди дійшов вплив німецького національства через книги.

З цього, що зараз сказано про національство у німців і слов'ян, можна побачити, скілько хибного, а в усякім разі темного є в тім, що тепер ще говориться національниками про такі речі, як національна вдача, національний характер, дух, відносини між різними націями й т. ін. Отже, той іспанець, на котрого суд про російське письменство покликується дописач «Правди», є один із іспанських національників, котрий противставить іспанську національну вдачу, а за нею взагалі латинську (бо іспанська мова, як і французька та італіянська, пішла від латинської) вдачам німецькій і слов'янській. Оглянувши, подібно як ось тепер, звідки пішло національство і яку воно має вартість, я хотів показати в «Зорі», на який хисткий ґрунт станемо ми, як залишимо ясні думки всесвітньої людськості, котрі можуть дати найміцніший ґрунт нашому прямуванню до національної вільності, а пристанемо до старозаконного примусового національства. Почастно я попробував звести розмову про вартість письменства російського для західних європейців і для нас на ґрунт вселюдських справ.

Я доводив, що, дякуючи тому, що москалі, котрі переважно

склали російську державу, віддавна мали собі державу дужу, нікому не піддану й ніким дома не загрожену, в них не мало ґрунту дражливе національство. Через те письменство російське, хоч і повстало пізніше других слов'янських, а зразу стало здоровіше, ніж другі слов'янські, бо зразу приступило до того, щоб обговорювати справи людського життя,— громадського, родинного, особистого,— не з тим заміром, щоб непремінно сказати яку національну думку, щоб показати свою російську вдачу, а щоб дійти до правди. А позаяк росіянин бачив перед собою прояви життя, хоч в основі подібні до тих, що є, напр., і в Англії, Франції, Німеччині, та все-таки де в чому відмінні, то західним європейцям тим цікавіше читати російські книжки, бо вони там знаходять своє, та інакше сказане. Виходить, що російське письменство через те найбільше цікаве для чужинців з усіх слов'янських, що воно найменше національствує, найбільше космополітичне по замірах і думках, а при тім по одежі тих думок, по тим пригодам, котрі воно описує, це письменство само собою виходить національне й осібне, оскільки відмінне життя російське. З того виводив я, що й наше українське письменство, щоб стати інтересним, мусить піти по тій же дорозі і, покинувши туманне й шкідливе національство, взятись до того, щоб обговорювати по-своєму ті живі справи, котрими тепер клопочуться усі освічені народи. При цім я показував, що найліпше, що було писане на нашій мові, напр. твори Квітки, Шевченка, М. Вовчка, Федъковича, Мирного, Франка, писане було, власне, таким же способом, як і твори нових російських письменників від Пушкіна й Гоголя, а що все, писане національством, виходило мертвим.

Нарешті я доводив, що та увага, яка тепер піднялась по Західній Європі й Америці до російського письменства, зовсім не шкідлива для нас, українців, а навіть могла б бути корисною, бо вона свідчить про те, що європейці й американці зацікавились Росією й слов'янами взагалі і через те звертають увагу почастно й на нас. Коли б ми були більше рухливі, менше ліниві, то б ми на цей час цікавості західних народів до Росії могли б пусткати до них і звістки про нас ураз із перекладами ліпших творів і наших письменників.

Отаке-то я розказував у «Зорі». І за таке-то мене лаяли й лають по різних газетах русько-українських послідніми словами, які тільки можна вживати в друкованій мові, так буцімто я зробив найгірший гріх проти батьківщини.

III

Вартість розмови про космополітізм і національство для українства. Зв'язок цеї справи зі справою російського письменства на Україні. Фальшивий космополітізм і правдивий бік українства в Росії. Вартість російського письменства для теперішньої України. Упадок українського письменства й науки про Україну. Всеслов'янська вартість російської мови.

Ті думки, котрі я виложив оце про національство й людськість, я викладав не раз і на письмі й усно років за 25. Іноді мені траплялось почувати від земляків такий закид: «Нехай те все є правда, та вона тепер не на часі. Ми, українці, тепер мусимо боронити свою національну волю, мов ханаанці від жидів, а самі ми нікому не грозимо, то є нема страху, щоб наше національство стало подібне до старозаконного жидівського, котре довелось розбивати апостолам Павлам. Лишіть нас з нашим самооборонним національством, то ми колись, скінчивши оборону нашої нації, пристанемо й до космополітизму».

На це мушу відповісти так: перш усього наше національство зовсім уже не таке мирне. Послухайте, з якою ненавистю говорять іноді наші люди про москалів, поляків, жидів, і подумайте, що б сталося з тими сусідами нашими на Україні, коли б удалось нашим національникам узяти уряд на Україні в свої руки. Яке б вони їм «обукраїнення» приписали! А поки що таке людиноненависне національство шкодить тим, що будить до нас ворожі спочуття й у наших сусідів, тоді як тепер навіть на війні треба вменшувати ненависть проміж людьми хоч би так, як робить це всесвітнє товариство «Червоного хреста» на своїм полі. А найголовніше — наука, правда ніколи не пошкодить, а тільки поможе. Навіщо ми будемо вменшувати свою силу в боротьбі за волю нашої нації, опираючись на науку застарілу, хибну, коли ми можемо, власне, опиратись на нову, вірнішу? Тепер же всяка боротьба проміж людьми опирається на науку. Ось через що я думав і думаю, що я, власне, служу справі вільності нашої нації, коли змагаюсь вияснити справу національності й людськості в прикладі до наших обставин.

Може бути, що я, викладаючи свої думки про відносини між національністю і людськістю або світовим товариством, сказав щонебудь не зовсім вірного. Я б сам бажав, щоб думки мої поповнено, поправлено з другого погляду, новими дослідами, новими примірами. Через такі спори тільки й виробляється між людьми правда. Так ні, противники мої розсердились на мене й почали лаятись і навіть виключати мене з української сім'ї, як колись попи виключали ере-тиків з церкви.

На злість і лайку я відповідати не буду. А зупинюсь на дечому

важнішому, що зачіпається серед лайки, і попробую поговорити про те спокійно, то, може, хто, коли не з теперішніх моїх противників, то з других людей, котрі інакше, ніж я, дивляться на наші національні справи, обізветься також спокійно й розсудливо скаже свою думку.

Почнемо зі справи російського письменства і його вартості для нас, українців. Я дуже жалкую, що справу всесвітності й націоналізму довелось мені розбирати вкупі зі справою російського письменства. Одно трохи перешкоджає другому, а до того справа російського письменства почасти слушно роздражнює українців, а надто в Росії, бо там царськими указами майже зовсім заборонено українське письменство і українці примушенні вдоволятись тільки російським. До того деякі з росіян, неприхильники українського письменства й усякої осібності та волі українців (а такі неприхильники є й серед українців з роду), виступають проти українства, прикриваючись всесвітністю. Між тими неприхильниками є такі, котрі кажуть, що національностей не треба, що національні мови тільки перешкоджають людям, то й ліпше, коли українська мова вимре. Такі фальшиві всесвітники були й є не тільки в Росії. Були часи ще недавно, коли деякі німці говорили таке ж саме проти слов'ян і навіть італіянців; вони казали: добре б було, коли б уся Європа була сполучена в одну державу, то поки що нехай Венеція належить до німецької Австрії, а чехи до Німеччини; добре б було, якби всі народи могли порозумітись на одній мові, то нехай, напр., чехи забувають свою, а вчаться німецької і т. ін.

Я не раз виступав проти таких фальшивих всесвітників і, власне, опиравсь на правдиву світову людськість. Останній раз я говорив проти них у книжці «Историческая Польша и великорусская демократия», де я показував, що противники українства, котрі послугуються всесвітністю, дійсно зовсім не космополіти, а московські національники, або російські державники, і мені, признаюсь, самому вже нудно вертатись до спору з такими людьми. До того ж на всякий час своя боротьба! Був час, коли на нашему ґрунті треба було боротись з недовченими й поверховими напередниками, котрі не розуміли ваги національностей, а тепер треба боротись з назадниками, котрі в барві національній хочуть вести нашу громаду до застарілих і шкідливих думок суспільних і освітніх.

Скажу тільки про справу мови. Звісно, добре б було, якби всі люди на світі могли розуміти один одного. Може, колись яким способом до того дійде. Але поки що люди говорять сотнями, тисячами мов, і найважніше тепер діло, щоб просвіта доходила до людей на всіх тих мовах, щоб усі люди скорше й легше могли ту просвіту прийняти. Кількасот років тому назад була в Європі сама тільки церковна просвіта, котра пішла по Європі від латинського чи римського народу і викладалась на латинській мові. Так що ж? На тій мові дійсно попи, напр. італіянські, англійські, шведські й польські і т. ін.,

могли порозумітись проміж собою, та зате простий народ ні в Англії, ні в Швеції, ні в Польщі не тільки не розумів того, що говорять чужі прості люди, а не розумів і свого попа і не брав від його освіти. Завваживши це, розумніші прихильники церковної освіти — протестанти (Вікліфи, Лютери, Кальвіни і т. ін.) почали вживати по церквах серед кожного народу його живої мови, і через те, напр., євангеліє розповсюдилося. Тепер світська наука йде по тій же дорозі: вживає всяких живих народних мов і приходить до самих далеких сторін, до найдрібніших народів. А найбільше вчені люди або подорожні порозуміваються проміж себе тим, що вчаться кільком мовам, на котрих говорять найбільше або найвище освічені народи, напр. мовам французькій, англійській (найбільше), німецькій. Коли тепер люди найменшого народу отримати хоч початкову науку на своїй мові і кому з них того буде замало і він схоче вищої науки, а письменство його мови не буде в силі йому послужитись, бо замалий народ не в силі оплатити коштів великого письменства та вищих шкіл, то така людина візьметься за книжки на чужій мові. Коли б згодом усі люди такого народу покинули навіть зовсім свою питому мову й пристали до чужої — на це б не можна було нарікати, бо це б сталося з власної волі тих людей і тоді, коли б уже стара їх мова зробила, що могла: дала просвіту, хоч початкову. Зовсім інакше було б, якби хто, державники чи пани, стали висміювати стару мову та забороняти її в школах та книгах. Через те не тільки терпіли б живі люди від погорди других, а ще й просвіта б їх спинялась, бо поки то ще люди забороненої мови вивчаться чужої, на це треба не одного людського віку! А до того просвіта на чужій мові була б для людей важка або й неприступна.

Коли це все приклади до української мови, котрою говорить в Росії, може, яких 17 мільйонів людей, то побачимо, яку шкоду, власне, для зросту всесвітньої освіти роблять ті, хто забороняє мову українську в школах і книгах. От через те я, напр.,уважав себе обов'язним кричати проти такої заборони й перед українцями, й перед росіянами, й перед усім освіченим миром в дописях і книжках італіянських, англійських, французьких і т. ін., протестував проти тої заборони на всесвітніх з'їздах письменників у Парижі й у Відні (на віденський з'їзд я послав протест вкупі з д. Павликом) ¹⁰.

Тільки ж ця прихильність до письменства українського не заспілює мені очей і не забороняє мені цінити вартість і письменства російського самого в собі і для нас, українців *.

* На цей раз я не буду вже говорити про те, як та ж сама прихильність до нашого письменства, а ще більше до нашого народу примушує мене розбирати й те, які, власне, думки ширяться українською мовою, й бажати, щоб та мова була струментом для проводу в наш народ думок поступових, а не старосвітської гниливизни й темноти (обскурантизму), як це часто бачимо в писаннях українських національників або всесвітніх ретроградів-назадників, котрі підшиваються під українське національство, як, напр., езуїти й іх приятелі між галицькими попами й урядниками.

З моїх противників деякі кажуть: звісно, коли що добре пишеться на російській мові, то те можна й слід читати й другим радити, але ж нашо осібно розмовляти про вартість російського письменства? Це, кажуть, шкідливо для письменства українського, бо й так багато людей вихваляють російське письменство та радить українцям покинути для нього своє.

На це я відповім: добре, так навіщо ж деякі українолюбці пічатають такі розправи, в котрих проводиться думка, що в російському письменстві нема й не може бути нічого вартого, такі розправи, яких, напр., повно в «Правді»? Коли б подібне хто став говорити й про поляків, німців, іспанців і т. ін., розводячи розмови про їх жовту чи сіру кров, то треба б же було, щоб хто-небудь виступив проти того, бо шкода ж терпіти неправду та проповідь людоненависництва.

До того ж справа про вартість російського письменства стала в остатні роки, по крайній мірі в Галичині, на черзі в ряду практичних справ. Вже в часи заснування бібліотеки «Січі» (про що я розказував у моїх «Австро-руських споминах») і початку народолюбного поступового руху серед львівської молодіжі (1875—1876 рр.) було спробовано, яку користь поступове народолюбство серед галичан може принести з російського письменства. Між іншим, знайомість з цим письменством довела декого з молодіжі, що належала до старої галицької партії, неправедно названої московлюбцями, до українського народовства (дд. Павлик і Франко можуть те посвідчити, бо самі перейшли через таке). От через це львівська й краківська поступова молодіж, котрим ніякий московоненависний українолюбець не може відректи найгарячішої прихильності до Русі-України, не раз обертались до мене й до других російських українців, щоб ми запомогли їм дістати деякі російські книжки наукові, повіті (напр., Тургенєва, Герцена, Достоєвського, Некрасова, Успенського і т. ін.), поступові (і, додамо, прихильні українській справі) журнали та переклади російські знаменитих англійських, французьких і т. ін. писателів.

Я робив, що міг, по цій справі, але з чужини багато робити не міг. Знайшлися такі українолюбці, котрі виразно відповідали галицькій молодіжі, що не будуть помагати їм здобувати російські книжки та журнали, бо все російське письменство вважають за неварте й навіть шкідливе для русинів-українців по своєму духу чи характеру. (На це, що тепер розказую, я маю документи.)

Шкода від таких відповідей вбільшується ще тим, що, власне, в остатні роки письменство українське в Росії пішло назад, а не наперед, як це можна бачити, напр., по тому, що ліпші тамтешні українські писателі, Нечуй і Мирний, упали до таких творів, як «Опеньки», «Перемудрив»¹¹, та показують таку темноту думок і такий брак навіть поверховного письменського смаку, який видно, напр., у повіті «Над Чорним морем». Погляд на дійсну умілість письменницьку такого Тургенєва чи Л. Толстого або принаймні на

натуральність картин такого Гл. Успенського міг би показати ліпші письменські взірці молодим галицьким письменникам і, власне, збудити в них, при їх безспірному українолюбстві, дух конкуренції з росіянами. Я вже не кажу про переклади на російську мову творів європейських писателів.

От через що, між іншим, власне тепер була невідложна потреба виступити проти такого українолюбства, котре ширило зневагу до *всього російського письменства*. А були й є ще й інші потреби.

Деякі з наших противників говорять, як, між іншим, сказано й у «Правді»: чого це ви нам вихваляєте непремінно московське письменство? Хіба наші люди й наше письменство не так стойть до нього, як і до другого: французького або й іспанського?

Я мушу сказати перш усього, що такі слова я чув найбільше від людей, про котрих я можу закласти свою голову, що вони самі не тільки іспанської, а й французької мови не знають, і взагалі ніякої, окрім російської, і дуже часто навіть не знають добре й української. Можу також посвідчити, що між українцями, котрі пишуть для печаті і притому противні або байдужі на словах до письменства російського, дуже мало таких, щоб були здібні написати що по-українському: коли ті люди пишуть що, то преспокійно по-московському і по більшій часті таке, що в ньому не знайдете нічого українського, а іноді знайдете зовсім навіть казенні думки про «православіє, самодержавіє і народність», то по частинах, то й цілком. Через це виключне й московоненависне українолюбство виходить на ділі якимсь лицемірством і по більшій часті прикриває просто безписьменство, а то й обскурантство (темнолюбство).

Я дозволю собі сказати, що з того часу, як я став на публічну службу чи учителя, чи писателя, то не пропускав пригоди говорити молодшим людям на Україні, що вони не можуть уважати себе навіть образованими, доки не вивчати, по крайній мірі, двох-трьох західно-європейських мов, щоб хоч читати на них найважніші речі. Не раз усно й печатно говорив я, що українське письменство доти не стане на міцні свої ноги, доки українські письменники не будуть діставати все-світні образовані думки й почуття просто з Західної Європи, а не через Петербург і Москву, через російське письменство, як робиться це досі, через що виходить так, що навіть московоненависне українолюбство по своїх основних думках бува ні що інше, як европоненависне московлюбство, тільки трохи перелицьоване *.

І отже, я мушу признати, що як бачив я, так і бачу й чую від певних свідків, що знаття західноєвропейських мов дуже мало розширене серед українців, навіть серед університетських, і що дуже рідко хто

* В своїй статті в «Зорі» я доводив, що теперішнє старозаконне національство українське є ні що інше, як перелицьована катковщина й победоносцевщина, з чого дд. правдяни зробили, буцімто я увесь український рух назвав катковщиною!

з них, навіть з тих, хто вчиться на філологічному факультеті, читають книжки, напр., французькі або німецькі, а вже про англійські й говорити нічого *. Подумайте ж тепер, яка мусить бути просвіта в такій громаді, коли вона ще збунтується й проти російського письменства?!

І дійсно, *необразованість* — це тепер одна з відмін, власне, українолюбних кружків у Росії. Хоч я й живу на чужині, а все-таки доводиться мені бачити декого з молодших українолюбців, скінчивших уже науки, діставати від них листи з думками й запитами про різні наукові й громадські речі, і я, навіть привикший до не дуже високого стану просвіти по провінціях російських, часто просто дивуюсь, до якого ступеня теперішнім українолюбцям не звісні елементарні речі про культурно-громадські справи серед європейських народів **.

Нарешті, низький стан культури в українських кружках можна бачити просто з того, що тепер навіть печатається українцями. Власне, по-українському печатається ними дуже мало, майже виключно повістки й поезії. З цього, між іншим, видно, до чого лицемірствує москалененависне українолюбство, бо якби наші земляки взяли його усерйоз, то прийшлося би їм майже зовсім нічого не читати навіть про Україну, бо все-таки найбільша й найліпша частина з того, що пишеться українцями про Україну, писана по-московському ж.

Наскільки впало українське повістярське й поетичне письменство навіть проти того, як воно стояло було років з 15 назад, коли хоч два талановиті наші писателі (Мирний і Нечуй) рішуче пристали були до всеєвропейського *соціально-психологічного* роману та ще й з демократичним напрямком,— про це, думаю, й говорити нічого. Хоч тепер і нема в російському письменстві великих талантів, окрім Л. Толстого, котрий псує свою роботу тенденційним пропоркуванням досить спірних думок, та все-таки, коли перейдеш навіть не від Короленка, а хоч би від Боборикіна¹² до тих романів, котрі красять «Зорю» та «Правду», то чуєш, що переходиш все-таки від живих картин або хоч від фотографій до шаблонових малюнків

* Це було написано, коли я прочитав навіть в листі моого противника в «Правді» ось які слова про звісні йому українолюбські кружки: «Російська мова заміні нам усі мови, навіть українську!!!

** Нічим, окрім необразованості або хуторної філософії, не можна об'яснити й того факту, що славетна «угода» дд. Романчука й тов[аришів] знайшла собі прихильників, а може, й ініціаторів серед російських українолюбців. З погляду «хуторної філософії» являється не знати як мудрою вся оця політика поклонів, круйтіства й обману «високих сфер», а тим часом на європейському ґрунті вже вияснилось, що політична мудрість требує смілого погляду в будучину та притягання на свій бік громадської думки й народних мас. Не скрізь однаково це вияснилось: в Англії більше, в Франції, Германії менше, але досить ясно стала ця справа і в Австрії, і навіть у Галичині, де вже народні маси прокидаються. Та й у самій Росії є люди, котрі ведуть прогресивну роботу хоч тихо, та прямо, без «хуторних» викрутасів.

або й до суздальського богоізмівства. Безсмачне мертвяцтво тих малюнків не викупає навіть тенденція, бо по часті тенденції здibuєш або проповідь чоловіконенависті, або якогось зовсім темного національства, як те, яке проповідують «Над Чорним морем» до ладу й не до ладу ляльки Нечуеві, або навіть мораль цілком казенну, що, мовляв, дякуючи Пречистій або й начальству (московському), усе може влагодитись преблагополучно, як це виходить з писанин д. Мордовця або з комедії недавнього автора роману «Хіба ревуть воли?»

Я б хотів зовсім пропустити без спомину ту, як каже «Правда», «патріотичну белетристику», примір котрої являє тепер роман «Боротьба», що печатається в «Правді»¹³. Це така писанина, перед котрою навіть ті пасквілі, що печатаються Незлобіними¹⁴ і іншими патріотичними белетристами «Русского вестника» на нігілістів і лібералів або й українофілів, виходять взірцями письменської вміlostі й образованості. Хто ж з порядних людей у Росії вважає твори Незлобіних за літературу? Це не література, а «Московские ведомости», кажучи словами Щедріна.

Але спеціальний стан теперішнього українського письменства примушує нас доторкнутись і до українських Незлобіних.

Як звісно, українські писателі працьовитістю і рухливістю не виблискують. Від якого ж часу з'явилася в українському письменстві досить енергійна особа чи група, котру можна пізнати по деяких ознаках стилю, думок, заходів дуже однообразних, при великій різності авторських імен, псевдонімів і анонімів,— особа чи група, котра пише романі, повісті, оповідання, вірші, дописі про всякі справи, публіцистику, навіть береться за науку. І в усьому ця особа чи група показує брак таланту (в коротких белетристичних творах ще іноді видно основу цікавого анекдота, котрий найліпше б було просто як такий і розказати), брак науки або навіть образованості, а до того неконсеквентність ідей, окрім тільки в проповіді старозаконного націоналізму, і просто крутийство найбезцеремонніше. Твори цеї особи чи групи кидають найгірше світло на невеличке письменство українське, власне, тим, що вони тепер займають в ньому велике місце, дякуючи своїй скількості, а також і тим, що мають вплив на Галичину, де письменство майже зовсім мертвє й сколастичне й дуже рідко зачіпає ті громадські справи, про котрі хоч дуже необразовано, а все-таки говорять писання згаданої особи чи групи. Ось через що стає навіть громадським обов'язком, щоб хто-небудь дав собі працю Геркулеса розворушити продукти цеї літературної фабрики й показати увесь сором, який вони приносять українському руху в Росії, й усю шкоду, яку вони чинять у Галичині. Я попробував був остерегти галичан, зачепивши такі твори цеї фабрики, як «Слов'янська етнографія» та «Горовенко»¹⁵, і тим розлютував проти себе дописачів «Правди», котрі вбачають в моїх осторогах особисті рахунки: «Откуда мне сие?» — можу спитати або навіть сказати: «Врачу, исцелися сам!»

Коли обернемось до писаного про Україну навіть по-московському українцями, то й тут побачимо теж не дуже відрадосні прояви. В усякім разі, тепер твори навіть найбільше вчених українолюбців стоять далеко нижче по науковій вартості, ніж твори чистих москалів або українців-общерусів. Тут причиною почести провінціальне життя українців, котрі не мають під рукою столичних засобів до науки, а також те, що стан національності, котру кривдаєтъ у Росії, не дає, власне, українолюбцям спокою духа й потрібного для науки концентрування, збору уваги на певних точках праці. Тільки ж тут винна й власна воля українців, котрі засиділись на старих думках про національність і зв'язані з нею справи, думках, котрі панували в науковому й політичному світі, а надто германському й слов'янському, перед 1848 р., але тепер дуже перемінились в більше освічених народів, навіть у германських і в самій Росії.

Перед 1848 р., коли у нас складались думки членів Кирило-Мефодіївського товариства, скрізь в Європі були «Молода І алія»¹⁶, «Молода Германія»¹⁷, загальне германофільство, кельтофільство, піддаючись котрому навіть соціаліст Прудон казав, що «вільність — річ кельтська, а деспотизм — франкська» (*«la liberté est gauloise, le despotisme est franc»*). В передових кругах у Росії панувала однаково серед западників, як і слов'янофілів, гегельянська система з її думками про зміни національних гегемоній по періодах все-світньої історії. Німець Гегель¹⁸ думав, що німецька (германська) гегемонія буде остатньою. Московським гегельянцям, восточникам або слов'янофілам, звісно, це не подобалось, і вони ждали, що після доби германської буде слов'янська, переважно великоруська. Російські западники почали спориці з проти того й радили Росії просто вживати готової європейської просвіти, а почали самі вірили, що буде слов'янська доба історії, та тільки малювали її собі не в образі Московського царства, а в формі ліберально-соціалістичній, для котрої підстави бачили в сільській громаді, котра зсталась у Московщині (Герцен і другі). Подібні надії держались і де в кого з восточників (Хом'яков, браття Аксакови і др.). Наши українофіли того часу, або ліпше — українські слов'янофіли, стали посередині між російськими западниками й московськими слов'янофілами, чи восточниками, як їх звав Гоголь, — і цей стан їх, почали відповідаючий історичним ознакам України, давав їм свою оригінальність і силу, через котру вони вносили багато поправок в теорії російських западників і слов'янофілів і в науці, і в політиці. Дякуючи тому наші старші українофіли, починаючи від таких, як Максимович, котрих націоналізм зв'язувався ще з європейським романтизмом, і кінчаючи кружком Костомарова, котрого політичні тенденції в 1848 р. були недалекі від тенденцій «Молодих Італій», «Германій» і т. ін., не тільки дали нам наукові праці про Україну, і досі найліпші з того, що в нас про неї писано, а ще багато де в чому вели перед навіть усій Росії.

Але ж час не стояв. Після 1848 р. виявилось, що національна ідея сама по собі не є ліком на всі лиха громадські (примір не тільки Венгрії й Германії, а й самої Італії, де національна ідея тісно зв'язувалась із всеєвропейським ліберальним рухом), а часом без других культурних ідей може служити джерелом великих помилок (примір союзу слов'ян з реакцією в Австрії); виявилось, що питання політичні, культурні, соціальні мають свої задачі, по крайній мірі, стільки ж важні, як і національні, і для котрих національності можуть бути тільки грунтом і формою варіацій. Чисто наукова праця рішуче виділилась з літератур національних і стала цілком інтернаціональною. Виділилась із національних рамок і справа освітня, напр. боротьба за світську школу проти церковної. Ще більше інтернаціональним став рух соціальний — боротьба за права найбіднішого з працюючих класів. Навіть в таких кругах культурних справ, в котрих націоналістичні теорії мали собі найбільше прикладу, погляди перемінились: нововідкриті археологічні матеріали показали, що культурні взаємини між народами існували за сотки, за тисячу літ до Христа, що, напр., фінікійська азбука, від котрої пішли майже всі теперішні азбуки на світі, сама була плодом інтернаціонального обміну культур, так само, як і монета; що грецька скульптура й навіть філософія, жидівський монотеїзм, римське право і т. д.— все, що вважалось колись за плоди чисто національні, виросло під впливами інтернаціональними. Про цільність національності в культурі новіших народів християнських і магометанських, а надто після XVI ст., і говорити сором. В самій усній простонародній словесності, котра вважалась колись дзеркалом народно-національного духу, нова наука показала черти, спільні всім народам або просто взяті одним народом від другого через перехід байок, пісень і т. ін. від Азії в Європу й навиворіт. Словом, навіть у тій науці, котру німці назвали трохи по-старому націоналістичному *Völkerpsychologie*¹⁹, матеріал інтернаціональний висунувся на перший план; притому існування національного елемента не відмовляється, а тільки конечний суд над ним відкладається на той день, коли можна буде точно розділити національне від інтернаціонального, а в самому національному те, що є основне, природжене якій національності, від перемінного, історичного, котре в одну добу життя нації існує, а потім щезає, або в одну добу не було, а в другу появляється.

Треба сказати, що науково-політична думка в остатні часи трохи розкидалась по подрібних справах і тепер нема таких цільних світоглядів, як, напр., гегелівська філософія. Через те нові наукові погляди трохи роздріблени і їх нелегко звести докупи. Тим-то можна побачити немало противомовного навіть в писаннях одних і тих же великих розумів нашого часу. Але більше-менше новий світогляд вияснився не тільки в учених, але й у звичайної освіченої громади в Європі.

В Росії, звісно, справа стоїть гірше як через меншу освіту гро-

мади, так і через те, що там цілі відділи нової науки, напр., ті, котрі чіпають релігію, просто заборонені. Та все-таки середнім числом ліпші російські вчені свідомі в новому науковому світогляді і його методах, а іноді їх вільність від впливів національних традицій старих наукових центрів, їх рівні стосунки з французами, англичанами, німцями, слов'янами дають їм особливу ширизну поглядів. В усякім разі загал учених росіян вийшов уже із старих націоналістичних теорій, котрі ще зостались тільки в секті слов'янофілів і найбільше у славістів, котрі обмежились тісненьким кружком матеріалу й думок. Тільки ж і там старий гегельянсько-московський націоналістичний світогляд дуже підкопаний і систематично проявив себе недавно тільки в книзі Данилевського²⁰ «Россия и Европа», писаній не спеціалістом гуманістів, а натуралистом, котрий під кінець життя понаписував такі примітки на своїй книзі, котрі рівні тому, що він зрікається многого з того, що перше написав. Книга Данилевського пішла в хід більше серед такої публіки, котра з властивою науковою мало має діла, котра зветься в Європі шовіністами, державно-національними самохвалами, от як, напр., буланжисти серед французів, а наукові поваги в Росії навіть усміхаються над книгою Данилевського.

На Україні діло стойть далеко гірше. Тут ще живіші старі націоналістичні погляди як через те, що українці більше відстали від Європи, ніж петербуржці та москвичі, так і через те, що урядові утиски на українську національність дражнять українців і примушують їх перецінювати вартість національності в історії й житті.

Відсталість українську не тільки від європейців, а й від росіян можна було бачити навіть на Костомарові. Він сам, розказуючи про свої незгоди з ліберальними професорами й літераторами петербурзькими, котрі гаряче прийняли його після саратовського вигнання, говорить у своїх листах, що, може, він за 9 років життя в глухому місті відстав від передового світу. Але це не вдержувало його від виходок, переважно в «Основі», проти «модного соціалізму» або «модного матеріалізму». Погляди, відповідні цим виходкам, були причиною не тільки того, що Костомаров надавав клерикальний характер тій популярній літературі, котру він хотів видати для України, і того, що він дуже звужав ту літературу (ми про це говорили в II т. «Громади»), але й пошкодили йому оцінити науково багато боків у житті й історії України. Так, він перецінив «український індивідуалізм» і відбив увагу від спілкових змагань українців. Так, він зовсім не зрозумів вартості неправославних впливів на українське письменство з XVI ст., протестантських і римських, і навіть зачатків питомого протестантизму в братствах та в таких писателях, як Іван Вишенський. (Про це я говорив ще 1870 р. в статті «Малороссия в ее словесности» в «Вестнике Европы».) До того, перемішавши європейське ліберальне демократство з слов'янофільським народництвом, Костомаров, описуючи Виговщину, дуже став на бік черній

Запорожжя, котрі підперли московського царя проти автономізму козацької старшини, і через те, власне, стратив провідну думку для суду над московською політикою в часи від Чорної Ради 1663 р. до мазепинщини, а далі випустив з-під очей саму Січ Запорозьку, котра в його працях по історії Гетьманщини являється уривками, і, нарешті, не оцінив як слід і зросту ліберально-автономічних думок серед січовиків від 1667 до 1710 р., зросту, котрий натурально привів до запорозького нарису конституції України в 1710 р., написаного під впливом Костя Гордієнка²¹. (Ми старалися показати той зрист у передньому слові до I вип. «Політичних пісень українського народу в XVIII—XIX ст.») Сам Гордієнко, найбільше достойний слави з українських козаків, і його конституція зостались у Костомарова загубленими серед «мазепинців», тоді як, власне, Гордієнко все життя своє проборовся з Мазепою і опинився в союзі з ним тільки тоді, коли не було йому іншого вибору.

В етнографічних роботах відсталість Костомарова ставила його просто в чудний стан. Так, він усилувався по піснях установити український народний світогляд і, між іншим, символіку, а не звернув уваги на те, що найзвичайніші українські зілля носять уже чужі — то грецькі, то латинські назви (vasильки, конвалія, ruta, м'ята і т. ін.), і що з назвами мусили до нашого народу перейти про них і погляди, казки й т. ін. з чужих сторон, і що, значить, перше ніж ламати собі голову над окружками чужосторонніх поглядів, котрі зайшли до руського народу і дуже часто не сходяться один з другим, треба обернутись до їх джерел: візантійських, арабських, латинських, перекладів церковнослов'янських і т. д.

Коли так багато важного недобачав, так помилявся й так заплутувався сам Костомаров, то чого ж можна ждати від людей меншого таланту й ученості! А й досі уся українська наука й усі українолюбці, власне, живуть думками Костомарова. Поскільки ж ті думки в своїх історико-філософських основах сходяться з думками московських слов'янофілів, то виходить досить кумедна річ, що українолюбці живуть окружками зо старої пруссько-московської філософії, котру недавно підновив Данилевський. Ця філософія зовсім уже не личить українолюбцям, а надто в своїх практичних прикладах, бо вона рахована на історичну московську державу, котра душить українців. Українолюбці це чують, але, держачись за старомодний націоналізм, не мають сили вибитись із зачарованого круга.

Недавно можна було побачити в українській печаті зовсім кумедну прояву. «Правда» переклала з «Вестника Европы» статтю д. Слонімського²² «Национальность в политике». Автор, досить свідомий нового науково-політичного напрямку європейського, російський ліберал, та ще й жид, безпощадно розбиває московсько-слов'янофільські теорії, хоч приміри приводить переважно німецькі, почастино пруссько-біスマрківські. Видавці «Правди» взяли до себе працю д. Слонімського (і прекрасно зробили, бо це одна з немногих ста-

тей у львівському органі, котрі може читати людина з європейським літературним смаком) і до прусських примірів автора подобавляли російські. Автор, певно, не зостанеться тим недовольний. Та тільки комедність виходить у тому, що основи нових національних, власне, інтернаціональних поглядів д. Слонімського зовсім не підходять до націоналістичної філософії правдян, котрої вихідні точки зате підходять до філософії тих, котрих, власне, хотів побити д. Слонімський.

Але залишимо правдян, а перейдемо до справді учених українців.

Перше місце по пильності й талановитості між українськими ученими тепер треба признати д. Потебні²³ за його праці про мову й народну словесність українську. Про лінгвістичні праці д. Потебні я не компетентний говорити. Але про праці його про народну словесність я дозволю собі сказати, що вони дуже часто мають характер самого зводу чи покажчика матеріалу, без усякого навіть натяку на те, яку ж провідну думку можна в йому знайти, в якім напрямку шукати її. До того дивно, чому це д. Потебня, при його великій пильності, майже ніколи не виходить за границі матеріалу слов'янського, тоді як тепер європейська наука поставила питання про подобенство в творах різних племен і тоді, як в Росії виходять такі широко порівнявчі праці, як петербурзького професора Олександра Веселовського? (Щоб мені не докорили, що я захвалую все великоруське, а принижую українське, я мушу сказати, що я зовсім не «преклоняюсь» перед усіма працями д. Веселовського, а надто писаними в остатні роки, коли він часто громадить матеріал, навіть сирісінський, мов у записній книжці, так що навіть один звісний європейський учений, великий прихильник петербурзького професора, як і я сам, недавно сказав про такі праці: «Це не наука, а ерудиція». Та все-таки і в подібних працях д. Веселовського видно широку основу, котрою може покористуватись всесвітня наука.)

Другий харківський україновідець д. Сумцов²⁴ недавно попробував було в «Київській старині» навіть виступити проти нового європейського порівнявчого методу в етнографії, але потім сам уязвсь за нього, тільки дуже незручно. Його нові праці виходять набором почастних вказівок, котрі повиписувані з книг, що мов пригодою попались авторові до рук, і котрих вказівок учений не склав навіть в який-небудь порядок.

Праці д. Сумцова про наших старих писателів XVI—XVII ст. цінні, та тільки по виписках з рідких тепер книг. Ясної ж, а тим паче вірної провідної думки з них не виведеш і не доб'єшся відповіді на пекуче питання: чому наше письменство в XVII ст. пішло де в чому навіть назад проти XVI ст., а потім і замерло не в одній Росії, а й у Галичині, що вела перед у XVI ст.

Праця д. Сумцова про григоріанський та юліанський календарі на Україні явно показує, чого бракує нашим ученим для того, щоб витолковувати нашу старину, а далі дати нам раду в пекучих справах.

Для університетського професора д. Сумцова, як і для сільського попа Ст. Качали, юліанський календар — це наша національна святыня, а григоріанський — це папська удка, щоб піймати нас і сполячiti. Д [обродій] Сумцов і не подумав поглянути на те, що говорили в XVI—XVII ст. про той календар протестанти, особливо німецькі, і як вийшло, що нарешті цей календар прийняли й протестанти і ніхто через те не став папівцем, ні не стратив національності.

Подібне треба сказати й про праці д. П. Житецького, напр., про остатню: «Очерк литер [атурной] истории малор [оссийского] наречия в XVII—XVIII в.». Поки йдуть виписки з матеріалу та граматика, то все добре й пожиточне, а як тільки вчений писатель переходить до суті письменства, до справ освітніх, до ґрунтів їх, так і виходить темнота, а то й просто фальшиві думки, котрі можуть нас відвести просто в край, противний освіті й самому українству. Д [обродій] Житецький теж замітив, що наше письменство в XVI ст. подавало більше надії розвитись, ніж потім сталося у XVII ст., і навіть згодився з тим, що в XVI ст. оживляв наше письменство вплив західноєвропейського руху, котрий звуть новонародженням наук (*renaissance*) та протестантством. Тільки ж усе-таки він не міг дати собі ради далі, коли прийшлось йому говорити про новий зrіст на Україні православної церкви, підпертої в XVII ст. рухом козацьким. Д [обродій] Житецький забув усе, що він було признав доброго за неправославними впливами на Україну, і пішов, як звичайно наші й московські казенні писателі, без розбору захвалювати православно-козацький рух як наш «народний», як «спасителя нашої національності». А як же вийшло, що під впливом цього спасителя наше письменство стало йти навіть назад, а не вперед по змісту і нарешті стало вимирати, піддаючись московському,— ця важна наукова й практична справа зосталась зовсім для д. Житецького і для його публіки темною. Інакше б було, якби д. Ж [итецький] не піддававсь старомодним словам про народ та національність та поглянув на історію письменства других народів, де б можна було побачити, щó, власне, помагало, а щó спиняло зrіст «народного», тобто перш усього світського, в тім числі й простонародного, а за тим безпремінно й національного матеріалу в старих європейських письменствах. Літературна історія латинського Заходу ясно показує, що жива світська література переховалась там після запанування церкви, дякуючи зостаткам класичної, дохристиянської літератури на мові латинській, котра була все-таки живою для певного класу людей; що ця латинська світська література будила охоту і в покатолицьких варварів збирати й своє усне письменство, а далі розвивати його. Далі зросли світські громадські інтереси — феодальні, державні, міщанські й т. ін., котрим стала відповідати література, і нарешті під новим впливом доцерковної літератури то через арабів, то просто наступив рух новонародження наук і реформації, котрий рішуче освободив різні світські елементи від

тісних рамок католицьких і породив великі національні літератури. І наша література на Україні, поскільки була доткнута тим рухом всеєвропейським, постільки й починала жити; поскільки віддалялась від нього, постільки й замирала. Правда, наше мужицьке життя, більше або менше спеціально питоме, породило усну словесність, подібну котрій, може, й не знайдеш в освічених сторонах Європи, де другі класи закрили розвій сільського мужицтва. Так і то треба було, щоб до нас дійшов демократичний рух Європи XVIII—XIX ст., щоб наші письменні люди довідались про ту нашу мужицьку словесність і вирятували хоч частину її від безслідної смерті. На лихоманку, наші народовці зле зрозуміли європейський демократичний рух, котрий привів нашу громаду до пошани простонародної словесності, перемішали його з примусовим національством і через те не можуть собі дати ладу ні в усій історії нашого письменства, ні навіть з тим, як їм бути з нашою простонародною словесністю, через що, між іншим, стали думати, що одної її досить для основи всього письменства, і в самій цій словесності не розличили живих, спосібних до поступу ознак і думок від мертвих і противних поступові.

Між теперішніми істориками України перше місце займає д. В. Антонович. Праці його дають дорогий матеріал для історії України, але коло того матеріалу треба ще багато заходу, щоб він став історією, тобто викладом, освіченим ідеєю. Найліпше видно це з того, що коли, напр., українофіли і навіть галицькі відрубники бачать в д. Антоновичеві партізана своїх ідей, легенъкі ретушовки його праць, зроблені, напр., д. Щебальським²⁵, появлялись в «Русском вестнике» в підпору тенденцій «обрусения», або навіть його праці з маленькими приписочками звісного М. Юзефовича видавались як програма такої системи «обрусения» й релігійного примусу, якої в XIX ст. навіть російський уряд не сміє провести. (Ми говоримо це, маючи на думці переважно брошуру «Очерк истории православной церкви в Юго-Зап [адной] Руси в XVII и XVIII ст.», фінал котрої, де говориться, що в свій час польський уряд робив резонно, коли нищив православіє, і що тепер рос [ійський] уряд мусить також нищити католицизм, переносить нас в часи Пилипа II Іспанського і панування теорії *сijus regio, ejus religio* (чиє царство, того мусить бути й віра). Брошуря та була видана від імені Київської археографічної комісії (предсідатель М. Юзефович, головний редактор В. Антонович), але недавно перепечатана в монографіях В. Антоновича без фіналу. Я висказав в «С[анкт]-П[етербургских] ведомостях» свою думку про чудну для наших часів ідею цеї брошюри ще в той час, як вона появилась.)

Ніхто з наших істориків не вміє так точно встановити факти переважно історії державно-політичної, коли який князь або гетьман став правити, коли взяв яке місто й т. ін., але д. Антонович мов навмисне обходить усі ідейні боки історії, виводи з фактів, порівняння з історією других народів і т. ін., через що й можливе

вживання його праць і відрубниками й обrusителями, а ще гірше те, що ширша публіка зовсім нічого не виносить з праць д. Антоновича й через те, власне, не чита їх. Іноді д. Антонович натяка на «народні ідеали», котрі переважно виявились у козацтві, і говорить так, мов народник. Тільки ж даремне ви б шукали в його працях ясного показу тих ідеалів, а ще менше осуду їх, показу, яке місце вони можуть мати в спільній великій еволюції європейської людності й т. ін., тобто таких провідних думок, котрі одні тільки й можуть сказати громаді, як їй бути з народницькими й козацькими симпатіями, куди їх приткнути в сучасності. Найліпший показ такої неясності проступів народництва в д. Антоновича можна знайти в одній з ліпших і найстаранніше оброблених його праць — в монографії про Палія й кінець козацтва на правім боці Дніпра²⁶. Там прекрасно показано, коли й де був Палій, кого коли побили його козаки й т. ін., не видно тільки, які, власне, порядки були в «Паліївській державі», що там робили люди щодня, як господарювали й т. ін., не натякнуто на те, яке місце займала та «Паліївська держава» по своїм внутрішнім порядкам і культурі в ряді других форм громадського життя європейських народів і т. ін. (Вважаю не лишнім нагадати, що цей закид я говорив д. А [ітонови]чеві ще в 1870 р., коли він прилюдно боронив свою працю про Палія як магістерську дисертацію в Київському університеті.)

Хиби д. Антоновича в більшій ще силі виступають у працях його учеників. Ми спинимось на одному тільки примірі проф. Дащенка. Між іншим, він написав одну працю, котра звється «Борьба культур и народностей в литовско-русском государстве в период династической унии Литвы с Польшею». Тільки ж, не глядячи на таке ім'я праці, даремне б стали ви шукати в ній справедливістю історію цивілізації, тобто порівняння порядків державних, соціальних, освітніх Польщі, Литви й Русі перед їх унією й у часі її, та показу, якому ступню європейської еволюції відповідав стан кожної з трьох країн в певні епохи. Щось подібне такому порівнянню бачимо тільки в огляді прав королів польських і литовських в епоху Ягеллонів. Тільки ж автор не глянув на Польщу назад, в ті часи, коли її королі були подібні до литовсько-русських князів, а тим паче не глянув на відповідні епохи в Європі. Властивого ж культурного порівняння в нього зовсім нема. А тільки повна й порівнявча студія життя Польщі, Литви й Русі з оглядом на європейську еволюцію й може пояснити, наскільки натуральним було те, що Польща взяла гору над Литвою й Руссю. Замість такої студії вчений автор займає нас розмовами про те, чи «винен чи не винен» був Вітольд, або про те, що якби Свидригайло²⁷ вмів «соблюдать надлежаний порядок», то все пішло б інакше. Звісно, після таких розмов такий великий факт, як перевага Польщі над Литвою-Руссю, зостається темним, або цілком випадковим, або результатом «інтриг» польського вовка проти нашого руського телятка.

Найбільше показує хиби теперішньої науки про Україну, власне, те, що ця наука ніяк не може дати собі ради з козацтвом, хоч найбільше з ним возиться. Остатніми часами з цією справою вийшов чистий скандал: д. Куліш, один з найбільших наших національників і козаколюбців, став дуже гостро нападати на наше козацтво, називаючи його чистим розбищацтвом, похвалюти польських панів, що не хотіли терпіти козацтва, та Петра I й Катерину II, що зруйнували Січ, й т. ін. (Розбишаками вийшли козаки в д. Куліша, між іншим, через те, що він, як звичайно наші вчені, огляда нашу історію без порівняння з історією других народів. Тим часом в історії західно-європейських народів можна знайти факти, з котрих методом д. Куліша можна довести, що всі корпорації й класи — рицарі, міщани, студенти, навіть монахи, а нарешті й інституція королів — були розбишаки і всі революційні рухи, як і державні війни, були розбоями.) Така переміна в поглядах д. Куліша підняла проти нього всіх українолюбців, та, окрім заміток Костомарова, котрий поправив деякі почастні помилки д. Куліша, українські козаколюбці нічого не виставили проти нього, окрім лайки, часто зовсім неприличної. (Найважніше, що писання проти недавньої праці д. Куліша про Богдана Хмельницького писане москалем Карповим²⁸, котрий боронить козаків проти Польщі та зате видає їх головою царському московському урядові.) Безспірно, д. Куліш пересолив і наговорив багато зовсім чудного, та все-таки зміна його поглядів свідчить, по крайній мірі, про те, що настав уже час, коли не можна цінити історію нашої України з погляду одного, та ще й хвилевого стану людності, ні навіть з погляду тільки національного, а надто перемішаного з православним; що треба оглянути історію нашу сукупно в усі її доби: княжо-городську, феодально-литовську, пансько-польську, козацьку, царсько-російську (з виділом ціарсько й конституційно-австрійським) — і в усяку з цих діб звернути увагу на зрист чи упадок людності, господарства, порядків і думок громадських і державних, освіту, пряму чи косу участі українців усяких класів чи культур в історії й культурі європейській. Зложити правдивий суд над усіма ваганнями цих всіх справ у нашій історії можна, тільки рівняючи її з історією других народів Європи. Тільки таким же способом можна сказати правдивий суд і почастно над нашим козацтвом, над його вартістю й хибами, над причинами його смерті (осередніми, як і побічними) і над тим, що воно залишило по собі цінного в нашему народі, котре може ще дати свій плід, а що в ньому є такого, котре треба просто «здати в архів» і призвати навіть шкідливим для поступу.

Але ж наші вчені, звичайно, й не думають про таке опрацювання історії ні всієї нашої країни, ні почастно козацтва, з котрим вони найбільше мають діла, а думають, що кількох доволі неясних слів про народ і народність досить буде, щоб пояснити все в такій заплутаній справі.

Впрочім, цю хибу українські вчені ділять із московськими істориками Русі, котрі теж думають, мовбіто історія Русі є наука осібна від історії всієї людності, так, якби хто з учених природників подумав би, що наука про лисиці осібна не то від загальної науки про животини, а навіть від науки про вовків! Та все-таки російські історики, хоч стоячи на державній точці, зачіпають іноді відносини Росії та Західної Європи, пробують виводити якусь філософію історії, показують для Росії якісь перспективи на всесвітньому театрі життя. Українці ж або обходяться без усякої філософії, або держать себе в якомусь узенькому, провінціальному та до того й зовсім неясному, плаксивому романтизмі, перед котрим людині, що не має сама охоти пускатись у довгі наукові досліди, зостається тільки сказати: було колись, та що з того?!

Поясню свою думку такими примірами: величаться запорозькими набігами на Малу Азію й не рахувати в позитивні пригоди української історії, напр., завоювання берега Чорного моря Катериною II (нехай і запізнього через помилки московської політики перед Україною) або остатньої війни Росії проти Турції (при всіх дуростях, які наробив російський уряд перед війною й послі) — ще більша помилка, ніж та, яку роблять московські історики династичних поглядів, коли вихваляють Олега Київського, а пропускають без уваги приолучення Подолії до руських земель під литовською династією. Далі, розводиться в історії українського письменства про всякі посередності, аби вони написали два вірші по-українському, а пропускати без уваги в історії культури на Україні заснування трьох університетів (нехай уп'ять запізно), Гоголя, перших славістів російських, українців з роду, й т. ін.— значить нічогісінько не розуміти в культурних справах. А в обох показаних примірах поверховне українофільство просто зрікається свого «національного добра» на користь «зажерного сусіда». Будучи консеквентним у поверхньому національстві, прийдеться й Костомарова віддати москалям в «заєманську літературу», бо Костомаров писав переважно й найліпші свої праці по-московському. Тим часом Костомаров має в історії українства далеко більше ваги як автор «Богдана Хмельницького» і т. ін. «московських» творів, ніж як автор «Переяславської ночі» і т. ін. слабих українських проб. Правдиво науковий, широкий погляд на історію України мусив би показати нашій громаді й чужим, як фатальні національно-крайові задачі українські сповнялися і під чужими урядами і як поступ цивілізації на Україні, навіть і в чужій формі, вів до того, щоб виготовити ґрунт для свідомого українства. Через це вияснилось би краще й те, наскільки Україна могла б цивілізуватись сама й послужити для всесвітньої цивілізації при повній самосвідомості й автономії, до котрих вона поривалась не раз і котрі вона тепер може осiąгнути на дорозі всесвітнього поступу.

В чому наглядно видно, наскільки українолюбська наука стойть нижче навіть від російської, так це в справі про історію й теперіш-

ній стан володіння землею на Україні. Скільки людей у нас заходилося коло історії селянства нашого, і це, думалось би, найцікавіша справа для народолюбців. А тільки остатніми часами чоловік майже по-сторонній, професор загальної історії, д. Лучицький²⁹ пролив світло на цю справу, показавши, що на нашій Україні було повсюдне громадське володіння землею, що сліди його зостались і досі навіть там, де нема вже такого загального громадського володіння, яке є в Слобідчині або в Новоросії і яке мало відрізняється від великоруського. І показав він це, між іншим, по тих самих архівних грамотах, котрі навіть напечатані другими — українцями й українолюбцями. Як це сталося, що другі дивились і не бачили? А так, що їм засліпили очі слова про національні духи та вдачі, слова, по котрим московський дух міг жити в громадському володінні землею, а український не міг і т. д.

Є одна галузь науки, в котрій ще недавно українці, можна сказати, вели перед у Росії,— це те, що зветься не зовсім точно етнографією з виділом про народні звичаї й право. Наука про звичаєве право ще недавно майже була основана в Росії українофілами Чубинським, Юхименком³⁰, Кістяківським. А тепер де вона на Україні, коли тим часом російська наука дійшла по цій часті до праць європейської важності, як книги д. Макс. Ковалевського³¹ (українець з роду, але не українофіл), російські, французькі й англійські?! І такий упадок вийшов не тільки через пригодову недостачу особисто талановитих спеціалістів, а через навмисну зневагу космополітичного, порівнявчого напрямку в науці, проти котрого в часи археологічного з'їзду в Одесі³² виступали українофільські вчені в спорах з тим же д. Ковалевським, називаючи той напрямок «плавбою по океану без бережному». Тепер зо спеціально українського боку в один круг з працями д. Ковалевського можна поставити хіба працю д. Волкова про весільні звичаї слов'ян, котра знайшла собі місце не в «Правді», ні в «Зорі», а... в болгарському «Сборнику» міністерства народної освіти!

Для того, щоб допевнити, що це не випадкова пригода, а послідок навмисного реакціонерства, котре запанувало в остатні роки в певних українофільських кругах, я мушу розказати одну приключчку. Як звісно, «Правда» приобіцяла було в початку служити органом європейської науки на Україні. Скоро після початку отримав просьбу від основателя «Правди» написати європейську наукову хроніку для одного з чисел. Я відповів, що, не будучи енциклопедистом, про всякі науки писати не можу, а міг би написати про ті галузі, котрими більше займався, напр., про нові праці й теорії в науці про народну словесність (*folklore*) і про нові книжки по історії Ізраїлю, по котрій в ті часи вийшов початок праці Ренана³³, що звернула на себе увагу всього світу. Тільки ж позаяк реставратор «Правди» писав мені, що мовбите українська громада бажає націоналізму і не хоче космополітизму й раціоналізму, то я просив дати мені вказівку, як мені

написати про космополітично-антропологічний напрямок в етнографії, щоб не обурити націоналістів, а про Ренана — щоб не показатись раціоналістом? Відповіді на ці запити я не отримав. І всякий, хто погляне на «Правду», побачить, що там і сліду нема європейської науки, котра тепер після того, як галицько-український національний рух офіційно поставлений під начальство галицького єпископату, мусить бути згори вигнана з галицько-українського національного письменства. Нагадаю, що тим часом як українофільське письменство, діставшись під диктатуру певних авторитетів, добровільно втікало від нових наукових напрямків навіть в тих галузях, котрі були для нього найприродніші, як folklore, польська журналістика, навіть підцензурна (в Варшаві), вспіла познайомити свою публіку і з новою працею Ренана і стала видавати спеціальне фольклорне письмо в дусі нової космополітично-антропологічної школи («Wiſła»³⁴), а далі й поросійському почали появлятись «Етнографическое обозрение»³⁵ і «Живая старина»³⁶, котрі хоч не так рішуче, а все-таки виступають на ту ж дорогу, причому «Этн [ографическое] обозрение» має навіть сотрудників-українофілів. Нарешті, навіть наймолодший слов'янський брат, Болгарія, заложив фольклорне видання, котре зразу звернуло на себе увагу вченого світу (див. «Archiv für Slav [ische] Philologie»³⁷, «Am Urguell» і др.) і навіть почало приймати до себе українські праці. Тим часом уже років 6-7, коли піднялась справа реорганізації львівської «Зорі», я радив закласти при ній фольклорний виділ на європейський лад, і були тоді сили, котрі могли поставити цю справу по-європейському. Але мій проект упав не через кого, як через наших національників. Так ці добродії добровільно спиняють зріст нашого письменства гірше, ніж усяка царська цензура, бо нема нічого гіршого над добровільну реакцію. І після цього ми ще будемо плакати, чому наші сусіди не шанують нашого письменства нарівні зо своїми!

З усього зараз сказаного ясно, що українське письменство й наука про Україну мусять перш усього обновитись, приставши до тих методів і напрямків, котрі тепер творять силу письменського й наукового руху в Європі й Америці й котрі найтісніше зв'язані з теперішнім всесвітнім громадським рухом: культурним, політичним і соціальним. Між іншим, українолюбці мусуть вийти з того вузького й поверхового національства, котре в Європі втратило смисл після 1848 р. З цього зовсім не слідує, щоб вони мусили зректись своєї прихильності до України, до її нації або її заходів відшукати дійсні національні ознаки в історії й сучасності українського народу *.

* При цій нагоді я, в інтересах згоди, попробую-таки «проковтнути жабу» й сказати два слова проти того перекручування моїх думок, що буцімто я зовсім не признаю національності. Ще в своїй статті в «Зорі» я виразно сказав, що *національноті* я признаю, а тільки противлююсь *націоналізмові*,

Напроти, прихильність до своєї країни й народу тільки виграє, коли вона очиститься від старозаконної ненависті до чужих і освітиться світлом вселюдського спрямування до поступу. Наука ж про свою національність стане на міцний ґрунт, коли всесвітній порівнявчий метод встерегатиме дослідувачів від скорих і поверхових виводів, які робили старі націоналісти, навіть такі, як автор праці «Две русские народности», і котрих запізнені приміри можна було бачити недавно в «Правді» в очерку «Три національних типи народних»³⁸, котрого не можна без скандалу виголосити, напр., ні на одному науковому конгресі, ні навіть напечатати ні на одній звісній науковому світові мові, напр., і на російській, на котрій з'явилися же і навіть на свій час з виблиском «Две русские народности».

Я певнісінський, що таке обновлення українського письменства й науки настане незабаром: деякі ознаки показують уже початки такого обновлення. Найскорше пішло б те обновлення, якби наша письменська громада взялась рішуче вчитись європейським мовам та просто увійшла в *прямі стосунки з європейською наукою, письменством і політикою*. Але позаяк життя не жде і позаяк всі письменні українці добре розуміють російську мову, а більша частина їх лінуеться вчитись мовам європейським, то для користі самого українського письменства треба показувати молодіжі, чого, власне, мусить вона шукати в російському письменстві, і посилати українських молодих письменників шукати провідних думок і взірців письменництва вміlostі й наукових заходів скорше в російських повістярів, навіть таких, як Успенський та Короленко, в російських учених, як Пипін, Веселовський, М. Ковалевський і др., аніж в теперішньому українолюбському письменстві, навіть в такому, що пишеться по-російському, тобто все-таки мусить оглядатись на якусь критику, не

тобто *примусу* держатися звісних почуттів і думок (політичних і культурних) по тій причині, що вони національні або (частіше) вважаються за такі. В рецензії на брошурку д. Стодольського³⁹ (в «Товариши») я показав, що при теперішньому стані науки питання про національні відміни стало зовсім не таким простим, як було 50—60 років назад. Тепер багато з того, що вважалось колись за національне, признато спільним усім народам на певній ступені зросту або й продуктом інтернаціонального процесу, котрий почався давно. Я сказав вище, що тепер наука про національніті мусить розібрати, що в певних ознаках нації є сталого, більше-менше біологічного, а що перемінне, і багато ще треба праці наукової, зробленої найширшим, всесвітньо-порівнявчим методом, щоб дійти до можливості сказати щось тверде про суть національностей. В міру своїх сил я працюю над обробкою матеріалу для національної психології української і в своїх працях по народній словесності відмічаю завше подобенство її відміні Українських творів від чужих, українські варіації азтих у чужих народів тем і т. д. Але я не позволяю собі ніяких сумарних виводів, доки сотні робіт по подібному методу будуть зроблені в однім кругу народної словесності, а є ще немало й других кругів.

так як українолюбські пера й чорнила в галицьких часописях *. Бо письменство російське при всіх хибах таки ближче стойть до сучасного європейського руху, ніж теперішнє українське.

Так ось чому я, зовсім не думаючи голосити «смерті українському письменству» (ще раз беру на себе сором і виголошу перед земляками в тому «очистительную присягу» проти донощиків «Правди!»), а, власне, бажаючи добра українському письменству, вважаю тепер потрібним виступати проти тих, хто відкида російське письменство як буцімто нічого не варте і тим відкида найприступніший для загалу нашої громади колодязь, де все-таки тече жива вода, й хоче засудити ту громаду на виключне вживання загнилої вже водиці, а то й просто мертвової, котра бучно зве себе «патріотичною» українською науковою, белетристикою й т. ін.

А окрім того, тепер, власне, треба раз назавше вияснити справу відносин українського письменства до російського взагалі. Не один

* Д [обродій] Пипін став тепер, після своєї рецензії на «Историю русской литературы» д. Ом. Огоновського, дуже непопулярним серед українолюбців, з котрих деякі навіть просто записують його в катковці. Мені навіть один український національник ставить у вину, чому я нічого не пишу проти д. Пипіна; тим паче я боюсь, що на мене розсердяться за те, що я раджу вчитись у д. Пипіна. Теорія примусового писання проти д. Пипіна не так-то й ліберальна. Всякий волен писати про те, що йому інтересне. Для мене ж, та, думаю, й для багатьох українців, спір д. Пипіна з д. Огоновським і навпаки мало інтересний. Д [обродій] Огоновський написав слабу з наукового боку книгу, хоч з величими претензіями (хиби обробки старшого періоду показані досить ясно в рецензії д. А. С. в «Историческом вестнике»). Ці претензії розсердили д. Пипіна, і він написав рецензію далеко не з лучших, в котрій, видимо, пересолив і забув багато з того, що сам говорив, а рівно й те, що про спірні з д. Огоновським предмети він ліпше сказав у статті «Спор южан и северян» у «Вестнике Европы» ж. От і все! Не варто було роздувати спору між рецензентом і автором. Що ж до справи про широту української літератури й права її на рівність з російською, то спір у цій справі — найпустіша гайба часу. Щоб література мала право на широту, треба, щоб вона була широка. От, напр., голландська література пише, власне, діалектом долішньонімецької мови, та коли на ній появляються твори первокласної наукової вартості, напр. твори Тіле⁴⁰ або Кюнена⁴¹ по історії релігій, то, значить, вона й має право на такі твори. Я з свого боку вважаю ліпшим розказати по-українському про праці, напр., тих же Тіле й Кюненів, ніж споритись з ким-небудь про право української літератури говорити про такі широкі речі, як історія релігій (див. брошуру «Нова теологічна наука»). А головніше — у д. Пипіна є багато праць і окрім рецензії на книгу д. Огоновського. З таких праць, напр., «Опыт литературной истории русских сказок и повестей», котрая з'явилася раніше знаменитої праці Бенфея⁴² про Панчтантру, якби була переложена на яку-небудь західноєвропейську мову, могла б мати високе місце в усесвітній науці як один з початків нової порівнявчої школи, котру часто звуть школою Бенфея. А українці можуть знайти в цій праці й досі вказівки для історії старого письменства і впливу його на народну словесність і на Україні, яких не дасть, напр., компіляція д. Огоновського, найслабша, власне, в подібних точках.

Я вже в «Зорі» сказав, що виключаю з писаного українцями в Галичині прекрасну роботу про родинне життя на Україні в XVI—XVII ст.⁴³ Це єдина справді наукова й свіжка праця, написана по-українському, з усього, досланого українолюбцями в Галичину за остатні 10-15 років.

уже десяток років чуємо ми про самостійність українського письменства, про його право бути рівним з російським і т. ін. Тільки ж дійсна праця українських письменників зовсім не відповіда таким претензіям, а в письменстві, може, ще більше, ніж у чому другому, право без праці, котра дає силу, не має ніякої вартості: буряти, напр., мають, може, ще більше право мати свого Шекспіра, ніж англічани, котрі з певного погляду могли б задовольнятись латинською мовою, та, отже, англійського Шекспіра увесь світ чита, а про бурятського не чути. В часи «Основи» українські письменники ображались, коли навіть московські слов'янолюбці, такі як Ів. Аксаков, В. Ламанський, згоджувались на те, щоб українське письменство було собі, та тільки для «домашнього обихода». Але ж тепер, майже через 30 років, по совісті треба сказати, що ми самі, російські українці, мало зробили для того, щоб добре виповнити навіть ці рамки, хоч зробили кілька кроків, щоб виступити з цих рамок, переважно в літературі переводній, хоч виключно поетичній. *Прози української*, окрім белетристичної, як не було, так нема ніде, окрім у женевських виданнях.

При цій нагоді замічу, що пора б уже порахувати перешкоди й переслідування, яких дізнали за остатні 30—40 років літератори і письменство російське ліберально-радикального напрямку і українське. Звісно, проти російського письменства не було таких загальних заборон, як проти українського 1863 і 1876 рр., та все-таки, напр., кара Чернишевському і кружкові його в 60-ті роки, висилка в Сибір цілої купи літераторів у 70-ті й 80-ті роки, заборона «Современника», «Русского слова», «Отечественных записок», «Дела», не числячи газет, і вигонка цілого ряду ліберальних професорів з кафедр — чогось та коштують. А проте ліберальна наука й література в Росії живе й бореться далеко енергічніше, ніж українське письменство, котре має коло себе ґрунт у Галичині. Напр., заборона 1863 р. не виключала можливості печатати по-українському не тільки белетристики, але й наукових праць, а забороняла тільки духовну й популярно-наукову літературу. Чому ж ні один український учений не видав наукового діла за ті часи? Далі, закон про печать 1865 р. давав усякому можливість обійти попередню цензуру, печатаючи в Петербурзі й Москві книги в 10 листів⁴⁴, котрі заборонити мав право тільки суд, і кілька років цей закон досить совісно сповнявся. Чому ні один український письменник не попробував скористуватись тим законом і поставити навіть адміністративну заборону 1863 р. перед судом, котрий в ті часи держав себе досить независимо й пропускав не раз такі книги, котрі цензори хотіли задержати, й навіть (вироком про Вундта⁴⁵ «Душа человека и животного») укоротив руки духовній цензурі взагалі? Тим часом російські ліберальні писателі тим законом користувались і навіть вибороли для себе певний простір, котрого зовсім не сміє відняти від них і победоносцівська доба. Нарешті, я спитаю, хто перешкоджав, напр., Косто-

марову видати переклад «Біблії» й популярно-наукові брошури, напр., у Галичині? Хто перешкоджа вченим українолюбцям закласти в Галичині серйозне наукове видання і т. д. і т. д.?

Не дуже-то багато зроблено й у Галичині, а надто осібними українськими національниками, бо якби від їх письменського плоду відкинути те, що мусило бути зроблено, бо від самого уряду згори були признані русинам школи, і що зроблено за оплатою урядовою, то зостанеться не дуже багато; а як ще й те розібрati щодо середньої вартості, то зостанеться справді цінного ще менше від того, що зроблено російськими українцями. Не можна пропустити того факту, що в галицькій печаті проби перенести до своєї хати передові наукові й літературні думки й заходи європейські, тобто надати живий характер літературі, роблені були майже виключно радикалами: в «Громадськім друзі», «Дрібній бібліотеці»⁴⁶, «Науковій бібліотеці»⁴⁷, «Літературно-науковій бібліотеці»⁴⁸. Проби ці прийшлося радикалам робити не тільки без помочі національників, а при опозиції з їх боку. Те ж треба сказати й про такі проби, як «Жіночий альманах»⁴⁹. Навіть єдиного галицького белетриста після Федъковича, котрого може читати літературно вихована публіка поза Галичиною, радикала Франка, націоналістична громада трохи на той світ не загнала й не перестає обкидати болотом. Та й самого Федъковича повіті видав радикал і навіть «обруслитель», по словах націоналістів. Ось де, між іншим, треба шукати причин невеликої прихильності радикалів галицьких до націоналістів. Усе живе, не тільки в політиці, але навіть в письменстві, приходиться радикалам вносити в свою громаду з бою проти національників, котрі хочуть вдергати скрізь панування мертвецької рутини і *добривільно спиняють зрист нашого письменства до рівності з європейським.*

Тим часом російське письменство, не глядячи на всі перешкоди з боку уряду, не спало й добилось собі становиська світового й осібно в кругу слов'янському. Чи це кому подобається, чи ні, а європейський світ призначав російське письменство рівноправним членом у своїй сім'ї, і тепер не проходить тижня, щоб не появлялось чого-небудь перекладеного з російської на яку-небудь світову мову: французьку, німецьку, англійську. Багато європейців тепер учиться російської мови, й недалеко той час, коли вона буде прийнята в число мов світових.

Серед слов'ян російська мова стала вже дійсно посередньою. Цього хіба сліпий не примітить, коли буде їздити по слов'янських землях. Я, напр., ще в 1871 р. у Празі ніяк не міг вдергати з чехами розмови по-чеському, бо вони (навіть ті, що ніколи не були в Росії) говорили зі мною по-російському. Недавно мені довелось бути в Сербії, і я побачив те ж саме. На одному офіційному візиті розмова почалась по-французькому, та приймавший мене достойник попрохав у мене «дозволу говорити по-російському». А йому добре було звісно, що я далеко не прихильник офіційної Росії. В Болгарії

я щодня бачу приміри, як, напр., чех або галицький русин (народовець, котрий ніколи не був у Росії) говорить з болгарином по-російському. Поляки більш других слов'ян опираються проти вживання «московської» мови. Напр., у Женеві можна побачити студенток-польоок, котрі скінчили гімназію на московській мові в Варшаві або й в Одесі, а розмовляють з росіянами не інакше як по-французьковому. Тільки ж коли поляк за границею стає до практичного діла, зараз пише на своїх дверях у Женеві й Парижі, як і в Софії: «Здесь говорят по-русски», а в Болгарії польські емігранти, напр. лікарі, ще до війни 1877 р. просто починали говорити з болгарами по-російському, і є такі, що й досі майже на тому й зостались.

І зовсім не треба думати, щоб таке вживання мови російської було зв'язане з яким-небудь «московлюбством», а надто з таким, про яке говорять у Галичині. Зовсім ні. Специфічні питання секті «московських слов'янолюбців» всього менше читаються слов'янською (як і російською) публікою, а читаються нею, власне, ті писання, котрі звались колись у Росії «западническими», — твори Тургенєва, «Вестник Европы» і т. ін. Таке я бачив у 1871 р. в Празі; те ж саме бачу тепер у Болгарії. Ніде в світі тепер так не лають Росію, часом не само тільки урядову, як у Болгарії, і ніде тепер так багато не купують російських книг, як у Болгарії ж, і купують тих книг багато на кошт уряду, котрий на ножах з Росією. Читають болгари російські книжки оригінальні, а також переводні, бо як же, напр., студентові вищої школи, історикові, не прочитати Бокля, або Спенсера, чи Моммзена, а коли він не зна англійської ані німецької мови, то мусить читати по-російському. Недавно я робив пробу: давав болгарам-студентам читати польський переклад звісної книги американця Моргана⁵⁰ про первісні громади, так мені його вернули: кажуть, «важко розуміти».

Цю пригоду — *всеслов'янську* вартість *російської мови* — треба призвати як дійсність, проти котрої упиратись — все рівно що *противу рожна перти*. (Подібна проява показується і в германському світі. Так, напр., датчани хоч не люблять німців, а часто пишуть по-німецькому, коли хочуть ширшої публіки. Так робить звісний Брандес⁵¹. Так же поступає й багато голландців.) Не важити цеї дійсності — така ж сама глупість, як і задля вартості російської літератури зневажати осібні національні слов'янські мови й письменства, в тім числі й наше українське. Всякому своє, по його силі! В усякім разі, ми, російські українці, нічого не тратимо на тому, що признаємо російську, «московську» мову за посередню слов'янську, бо ми її знаємо й завше знати будемо. Тому ж, хто б у такому признанні побачив яку зраду чи шкоду для осібних українських справ, я нагадаю, що таке признання входило в програму кирило-мефодіївських братчиків 1847 р. Костомарова, Шевченка й ін., котра й досі є найрозумніше з усього, що вигадало українолюбство.

На цьому тепер ми й скінчимо розмову про вартість для Украї-

ни російського письменства, а мусимо поговорити про те, що таке «обрусеніє», звідки воно взялось, на чому опирається, і після того про те, як найліпше з ним боротись.

IV

Звідки пішло обрусеніє? Самобутні мудрування в цій справі українсько-галицькі. Потреба наукового досліду цеї справи. Державно-національний централізм і культурний космополітизм з національним автономізмом у старі віки. Дві системи в початку середніх віків у Європі. Латинський централізм в церкві римській і національний автономізм протестантський. Централізм у церквах східних. Національний централізм в англійській державі (нормано-анжуйська Англія, Валлія, Ірландія, Шотландія), у старій королівській Франції, в Бургундії і новій пореволюційній Франції. Французькі республіканці-централісти, правдиві батьки теперішніх «обрусенії». Германізація. Обрусеніє.

Сподіваюсь, що скільки-небудь безсторонні читачі розібрали, нарешті, мої думки про національність і космополітізм, а також і про вартість для українців теперішнього російського письменства й про вагу для них надалі російської мови. Хто буде мені ще тикати, що я взагалі не признаю національностей, а почастно української, або що я проповідую обрусеніє, з тим я більше говорити не буду. Тепер по черзі справ нам треба розібрati, що то таке система обрусенія, звідки пiшла вона, на чому держиться. Тільки тодi, коли ми точно вiдповiмо на тi питання, ми можемо вiдповiсти й на друге: як лiпше боротися з цим лихом.

Знову я б радніший просто приступити до розбору цеї справи, не зачiпаючи нiкого, так знову не можу так зробити, зваживши обставини, при котрих менi приходиться говорити з громадою.

Мене повiдомляють з певного боку, що слова мої приймаються гiрше, нiж як чудацькi, що вони «страшенно непопулярнi», бо українська громада гаряче почуває свою національність і ставить її вище всього, обрусеніє ж так допекло її, що вона гаряче готова битись не тiльки з ним, а зо всiм, що хоч поверхово нагадує обрусеніє, і навiть з тим, хто холоднiше дивиться на нього. Ще мене повiдомляють, що українська громада дуже не задоволена полемikoю проти тих, хто, нехай i з помилками й хибами, а все-таки служить найважнiшiй тепер для неї справi — ширення національної української свiдомостi й ненавистi до обрусенiя.

Треба коротко вiдповiсти на цi закиди. .

Перш усього скажу, що хто хоче по правді служити громаді, той мусить не гнатись за популярністю і навіть пам'ятати мудрі слова Ренана, котрі я вже раз мав пригоду нагадувати, що «*іноді найліпший спосіб мати рацію — не боятись пробути певний час не в моді*». А ще важніше, що сама боротьба з певним лихом потребує холодного розсліду справи, мабуть, чи не більше, ніж гарячого почуття. Щоб ви сказали про лікаря, котрий би озбройвся самим тільки гарячим почуттям на боротьбу з певною хворобою? Чи не прирівняли б ви його до того кухаря в Гоголевих «Мертвих душах», котрий державсь системи: «катаї, валяй, було бы горячо»?

Щодо полеміки та її різкої, то я покликуюсь на одну з поезій Шевченка:

Ой вигострю товариша,
Засуну в халяву;
Та піду шукати правди...
Та спитаю в жидовина...
І у ченця, як трапиться;
Нехай не гуляє
Та святе письмо читає,
Людей навчає...⁵²

Оті наші вчені національні, що, маючи всі засоби і навіть будучи просто службою, обов'язані стежити за науковою, досі сидять на думках, які наука в Європі вже покинула 30—40 років назад; оці наші публіцисти і політики, котрі стають до праці, не вислідивши її цілей і способів науковим способом, не познайомившись, як така робота ведеться по більш освічених сторонах, хіба це не ті ченці, котрі гуляють? Хіба не треба хоч показати їм гострого товариша з халяви? Помилиться той, хто подума, що полемістові так любо ходити по світу з таким товаришем замість того, щоб ходити з хлібом-сіллю, або санітарові любіше гребтись у бруді, ніж ходити по рожевих садках... Зрештою в словах моїх про більшу частину названих вище писателів і вчених українців нема, власне, ніякої полеміки, а є тільки одвертий вияв моєї думки, на котрий всякий має право в літературній республіці і котрий є навіть обов'язковим знаком пошани до чесних і заслужених писателів. І мені б першому стало гірко, якби мої уваги були ким-небудь взяті за напади. Коли я з чим полемізую, так це з лінівим на думку, а буйним на слова шарлатанством та з крутійством, котрі хочуть взяти монополію українолюбства. Це такі прояви, котрі справді мусять бути викоренені ножем полеміки з нашого поля...

По тій передмові, гірко зітхнувши, о Музо, над нашою долею, трошки пополемізуймо, а потім приступимо просто до діла.

В остатні часи по-нашому написано чимало проти *обрусенія*, тільки в більшості писання це нагадує страви Гоголевого кухаря. На нашій половині Європи мозок у людей ще дуже лінівий і довго

думати не любить, а любить короткі заходи, рішучі слова. Це можна запримітити однаково в москаля, як і в українця, в поляка, як і в болгарина,— у консерваторів, як і у революціонерів, у космополітів, як і у націоналістів. До того я мав уже нагоду завважати, що наші українські національники, хоч на словах і бунтується проти Москви, а на ділі живуть московськими ж думками і московськими ж способами думати, навіть не дуже-то перелицьованими, беруть, напр., основи своєї націоналістичної філософії просто в московських «само-бытників» і навіть ще не першого сорту. Між іншим, у таких «само-бытників» ще за часів царя Миколи була думка, що, мовляв, «руssкому чловеку все немецкие науки и машины может заменить одна природная сметка да глазомер». Така самобутня думка ускочила навіть в голови російських соціалістів-революціонерів бакунінського «согласия», вважаючих себе космополітами, котрі проповідували нік-членість «буржуазных наук», і глибоко залягла в головах «руssких народников» всяких «согласий», від Юзовського⁵³ до Льво-Толстовського. Подібна ж зневага до «науки узловатого німця», котрій противставлялась «своя мудрість», продиктувалася Шевченкові звісні уступи в його «Посланні», істинно глупі, і вони, власне, через свою глупоту, котра освящає лінівство нашого мізку, так само стали популярні, як і виклики Бакуніна проти буржуазних наук і шкіл.

Звісно, тепер зовсім без наук (і досі для нас німецьких та буржуазних!) та без сяких-таких машин не проживеш. Я знав колись у Женеві одного російського народника-соціаліста, досить доброго кравця, котрого «спропагандировали» бакуністи і котрій схотів бути хліборобом * та ще й на «чистій» землі, в Америці. Той народник не признавав ні наук, з книжками, географічними картами, ні машин, напр. залізниць, пароходів і т. і., але все-таки вживав ножів і ножиці, хоч я йому й доказував, що відповідно до його думок не треба йти дальше зубів та нігтів. І в Америку він хотів дістатись не просто плавом руками й ногами, а все-таки на старенькому човнику, котрій стояв прив'язаний коло берега Рони і котрій він думав украсти. Атласів наш народник не признавав, а все-таки уривки географії дійшли до його і він таки знов, що Рона тече в море та що Америка за морем; він тільки не знов про пороги на Роні, про Perte du Rhône та про те, що таке Середземне море, а що Атлантика.

Не раз мені нагадується цей народник, коли я бачу або читаю «само-бытників» московсько-консервативних і російсько-революційних, народників, українських народовців і т. і. Надто часто приходить мені споминати мрії моого народника про човен на Роні. Згадую я його, як він думав викрасти той човник і проскочити незаміченим від берегової поліції швейцарської і французької, коли

* Бачите, хлібороби — це чистий «народ». К слову сказати, що наші руссько-українські радикали не могли інакше назвати газету «для селян і міщан», як «Хлібороб»?

я читаю темні натяки про те, що наші національники думають визволити Україну з пазурів Москви анонімними статейками в галицьких виданнях. Згадую я його й тоді, коли читаю загальні проби філософії наших національників. Бо що ж таке їх теорія спеціальних національних духів українського й московського, як не старенький човен, викрадений коло берега «Москви-реки», де його збудовано 50 років назад по образу Гегелевої барки на річці Шпрей?

Приступаючи просто до справи: звідки пішло «обрусеніє», ми знаходимо, напр. у «Правді», десятки вироків, що воно йде «з духу, вдачі, характеру, історії великоруського народу». Коли поглянеш на те, чим підпирають сотрудники «Правди» такі вироки, то побачиш в них зовсім уже кухарів Гоголевого Ноздрьова, так що спиняєшся на них значило б зовсім уже гаяти час. Трошку старанніше, хоч в тім же роді, озброєний сотрудник «Діла» д. Баштовий⁵⁴, котрий недавно виступив з довгою статтею «Українство на літературних позвах з Московщиною», і про нього треба сказати кілька слів.

Основні історично-філософічні думки д. Баштового ті ж самі, котрі виложив систематично москаль Данилевський в книзі «Россия и Европа» і котрі в своїй суті є ні що друге, як московська перелицьовка Гегелевого германофільства, котра запізнилась років на 30-40. Д [обродій] Баштовий не звернув уваги навіть на російські критики основ цеї філософії, зроблені дд. В. Соловйовим⁵⁵, Кареєвим⁵⁶ і інш. Про власний перевір та передум тих основ д. Баштовим нічого й говорити. Д [обродій] Б [аштовий] досі вірює в цільні національно-культурні типи й нічогісінько не знає про інтернаціональні елементи навіть у старих азіатських культурах, більш ізольованих (відділених), ніж середземноморська й європейська культура, в котрій різні національні елементи перемішались з досить давніх часів, коли показався вплив єгиптян, ассиріян, фінікійців на греків і т. і., тобто з самого початку грецької історії в XII ст. до Р. Хр. Баштовий, зайшовши в суперечці з д. Пипіним про «Історію руської літератури» д. Огоновського аж у стару Азію, шука там цільних національно-культурних типів, говорить про Китай, Індію, Юдею і ані на хвилину не спиняється над тим, що в Китаї теософія Лао-dzi⁵⁷ зовсім подібна до теософії індійських брамаїстів, а що потім серед китайців поширився індійський буддизм і пустив глибокі корені. Д [обродій] Баштовий ще досі вірює в те, що жидівська культура основана на «чистому монотеїзмі», тоді як європейська наука давно вже доказала, що в свій час жиди були такі ж фетишисти й політеїсти, як і другі народи, що жидівський монотеїзм пізніших часів виробився інтернаціональним процесом, під впливами на жидів думок іранських, єгипетських (в Єгипті державна проба свого роду монотеїзму зроблена була ще під XVIII династією, тобто ще за 1500 років до Р. Хр.) і навіть грецької філософії. Коли вже говорити про «чистий монотеїзм», то треба б пам'ятати, що він появився тільки в освічених європейців в часи дієтичної філософії після реформації, а до того

часу навіть християнство було свого роду дуалізмом і навіть політейзмом. І всією такою старою й хисткою машинерією д. Баштовий хоче допевнити, що в «українців є свій національно-культурний тип, а в москалів його нема й не може бути». Зовсім, мов у звісному анекдоті про те, як колись високий візитатор зайшов у шпиталь божевільних і стрів там індивідуума, котрий показав йому усіх хорих, а, нарешті, сказав про одного: «А це послідній дурень! Дума, що він Ісус Христос, коли всьому світові звісно, що Ісус Христос — я!»

Сівши на крадений човник, стару й підгнилу теорію осібних цільних і віковічних національних духів, д. Баштовий пустивсь розмовляти про справу національно-державних централізмів і національної автономії в Європі. Про цю справу не могло нічого дати д. Баштовому російське письменство, очевидно, єдине, котре йому доступне, бо по-російському в цій справі є тільки мої статті «Новокельтское и провансальское движение во Франции» в «Вестнике Европы» та С. Подолинського про Кatalонію в «Русской мысли». Перших д. Баштовий не згадує і, очевидно, не знає поданих там фактів; другу зна тільки в досить безцеремонній переробці д. Мордовцева. То й прийшлося д. Баштовому або піти в науку до «узловатого німця», або проповідати «мудрість свою», склавшись на «глазомер». Як добрий український національник, він вибрав останнє і по «глазоміру» поділив Європу на три полоси по породах (расах): на романську, німецьку і російську. Держави першої раси, по слову д. Баштового, можуть приклести до себе приказку: *живи сам і другим давай жити*. Про Австрію й Пруссію (держави німецькі, по д. Б-ому) можна сказати, що там вже інший девіз: *живи сам і другим трошечки давай жити!* В Росії же панує такий девіз: *живи сам і нікому іншому не давай жити!* («Діло», 1891, ч. 66).

Далі ми будемо докладно говорити про відносини державної й недержавних національностей у Франції, і читач сам побачить, наскільки вірно схарактеризував «глазомір» д. Баштого романську полосу Європи. Поки що скажемо, що не тільки Австрія, навіть у Транслітавії⁵⁸ рай для провінціальних національностей, але й Пруссія і сама Росія не дійшли ще до державного національного централізму французького.

Щодо Росії, то ми тут скажемо, що до неї тепер в усьому, а надто в літературних справах, скоріше може бути приложена приказка: *i сам не живи, i другим не давай жити!* В літературі ця приказка олицетворяється попередньою поліцейською цензурою, котра була колись в усій Європі, в часи, коли там панували політичні порядки, подібні до теперішніх російських, а тепер зостались тільки в Росії вкупі з самодержавієм царським або ліпше чиновницьким. Ця цензура зробила можливими заборони української літератури приказами 1863 і 1876 рр., звісно, неможливі тепер ні в якій державі Європи. Але ж цензура душила й душить і російську літературу, і не так далекий від нас той час, коли міністр освіти і шеф цензури гр. С. Уваров⁵⁹,

котрий ще був освітніший од багатьох російських чиновників, казав прилюдно: «Хоч би вже раз література російська зникла, спокійніше б було!» Винуватити громаду росіян за систему обrusення так, як можна винуватити французів або німців за францизацію або германізацію, тепер ще принаймні передовчасно, бо закони в Росії пишуться не парламентами, вибраними поголовним голосуванням, як у Франції та Германії. Пождімо, то тоді й судитимо.

Як дісталась у романську полосу д. Баштового Бельгія, ми й зрозуміти не можемо. В Бельгії властиво германців більше, ніж романців, бо по ревізії 1880 р. було 2 479 747 душ людності з виключно фланандською мовою, 2 327 867 душ з французькою та 433 749 обомовних, так що в ній германська раса перемагає тим більш, що обомовні здебільшого фланандці зроду. Дійсно, Бельгія належить до держав рішуче мішаного національного складу, як Швейцарія та Австрія, і не диво, що там мови обох національностей дійшли майже до повної рівноваги, але це сталося зовсім не через толерантність романську проти других національностей. Ми покажемо далі цю толерантність властиво в Бельгії, а тепер скажемо, що й у новому бельгійському королівстві, котре вийшло із спільногоповстання фланандців і французів (валонів) проти корони голландської в 1830 р., фланандці лиш довгою боротьбою в письменстві, в радах міських і державних добились того, що тепер мова їх майже рівноправна з французькою. Не далеко ходячи, досить було прочитати, напр., в «*Independance Belge*» (котра досить пошиrena і в Росії) спори в бельгійському парламенті, які велись три роки тому назад з по-воду проекту закону, що примушував офіцерів армії знати обидві крайові мови, щоб побачити, що катковщини є чимало й у Бельгії. Вся різниця тільки в тому, що при парламентському порядку, хоч би й цензовому, не можна придушити національність, котра становить більшість в державі і котра свідома себе.

Це все міг би знати досить легко й д. Баштовий, якби замість того, щоб покладатися на «глазомір» та на окружки, які до нього дійшли з московської ж літератури, він пішов на час у науку до «узловатого німця», і щоб говорити про Прованс і Францію, переглянув хоч за два роки «Агтана Provançash та «Le Félibre», а для Бельгії глянув би в книжку de Haulleville «La nationalité belge ou les Flamands et les Wallons» та Роденберга «Belgien und die Belgier» або хоч на витяг з неї про фланандську літературу в «Deutsche Revue», 1881 (IV—V), коли не працю Графа про літературу в Бельгії в ювілейному виданні «Cinquante ans de liberté» (1830—1880). Не пошкодило б заглянути в книжечку Ad. Fischhof'a «Die Sprachenrechte in den Staaten gemischter Nationalität», котру колись хвалило й «Діло».

Вся ця «німецька наука» потребувала б 7—10 день праці та 20—30 франків видатків, а просвітила б д. Баштового й про Прованс

і про фландрів почастно і про всю справу національного централізму й автономізму взагалі, та ще де про що.

Тепер же, читаючи таких оборонців українства, як д. Баштовий, не кажучи вже про публіцистів «Правди», скільки-небудь тямущий прихильник українства мусить молитись: *Боже, порятуй нас від приятелів, а від ворогів і самі ми врятуємося!*

Галицькі редакції, котрі друкують самобутні проби українських любомудрів в справі «обрусення», могли б від себе поучити їх трохи, нагадавши, що в самій Австрії було й навіть досі є чимало германізації, румунізації, італіянізації, полонізації, мадяризації, навіть над нашими ж українцями, так що коли такі системи родить певний дух, то духу того досить по всіх расах: германській, романській, слов'янській, фінській. Та в Галичині до лінівства мізку прилучаються ще явні хвороби, котрі виносять люди зі шкіл попівської й адвокатської, через котрі звичайно переходят освічені галичани. Ці хвороби: поверхова балаканина й партійність, при котрій людина й сама зна, що говорить нісенітнію, та вдовольняється тим, що так, мовляв, треба для справи, котру ми тепер боронимо.

Тим часом серйозні люди мусять же зрозуміти, що ні «глазоміром», ні партійною балаканіною серйозного діла не виясниш і поважної та досить складної справи не наведеш на добру дорогу. Треба іншого заходу — холодно-наукового. Попробуємо ж підступити до справи обрусіння з таким заходом, наскільки вистачають наші сили, й поставить наші досліди на суд громадський, котрий може доповнити або поправити в наших думках те, що в них є невірного, або й зовсім їх перекинути, та тільки все ж таки не «глазоміром», ані гарячністю, а холодним науковим дослідом.

Перш усього спитаємо: чи не було або чи нема й досі в державах інших народів, окрім великорусів, чого-небудь подібного обрусінню?

Наскільки нам звісна історія й теперішній стан Європи, то ми можемо сказати, що не було й нема такої нації й національної держави, де б не було свого «обрусення» або й не зсталось слідів його й досі, і що, значить, *системи, подібні обрусеню, суть ознакою не певної національності, а певного порядку громадського, котрий відповідає певному періодові зросту народів.*

Оглядаючи історію всіх культурних народів, ми мусимо прийти до виводу, що *система примусової національності* є такою ж всесвітньою проявою в громадському життю, як і система *примусової релігії*. Першою підставою обох систем служить дикий суб'ективізм, котрий пхає людей дивуватись тому, що не подібне до їхнього, сміячись з нього, ворогувати, нищити. З певною культурою цей дикий суб'ективізм може то систематизуватись і розростатись, то ослаблятись і щезати. В життю релігійному нетolerантність систематизується й росте до крайніх розмірів вкупі з ростом монотеїзму, як це ясно видно з закону жидівської синагоги, котрий приписано Мойсею, і з релігійної політики християн і магометан. Те саме,

що монотеїзм в політиці релігійній, є державна централізація в справах політики національної; до тих же наслідків приводить і централізація церковна, перший ступінь до котрої робить церковна аристократія. Це доказує історія всяких рас.

Звісно, ми не можемо тут давати спеціальної наукової дисертації, а тільки нагадаємо в певній системі важніші факти, в тім числі деякі досить звісні навіть з гімназіальних підручників. За останнє просимо прощення в читачів, звертаючи вину на тих наших національників, котрі пускаються в політику й публістику, закинувши навіть гімназіальну науку.

Оглядаючи історію національних централізмів, природно здібаємось із проявами протиленства тому централізмові, з проблеми заснувати національний автономізм на ґрунті теоретичному. Перший звісний приклад національного примусу в історії можна побачити в учинках одної з перших військових держав — ассирійської, царі котрої, завоювавши Єгипет в VII ст. до Р. Х., примушували єгипетських князів переміняти імена їх столиць і свої власні. Певно, подібні вчинки робились й другими подібними державцями, та тільки нам вони не звісні. Друга велика деспотія, котра досить скоро по ассирійській завоювала Передню Азію й Єгипет, персидська, показує нам противний приклад — певну національну толеранцію, бо до нас дійшли декрети персидських царів, писані мовою не тільки персидською, а й вавілонсько-ассирійською, сузіанською, єгипетською. Та тільки тут не можна вбачати спеціально расової толеранції персів; це було наслідком чисто історичних обставин. Перси в момент, коли завоювали або, як тепер виясняється, взяли за згодою певної часті людності Вавілон, стояли культурно нижче від сузіанців, серед котрих давно засіла персидська династія, і вавілонян і були під впливом сузіанської і вавілонської культури, через те й поставились до неї толерантно. Це той же самий прояв, який ми бачимо в перших вчинках римлян відносно до греків, у відносинах варварських королів (готів, бургундів, франків і інш.) до римлян, а в наших сторонах — у політиці літовських князів. Прояви подібної толеранції бачимо у греків за часів Птоломеїв у Єгипті (де знаходимо декрети царів грецькі й єгипетські), але дуже слабі, бо в ті часи греки вже з погордою дивились на чужинців-варварів, так що вище державне життя в поолександрівських греко-азіатських царствах, як і в Єгипті, правилось на грецькій мові (як мало в таких справах має ваги «національна вдача», видно, напр., із того, що перси за часів Ахеменідів були досить толерантні до віри чужинців, тоді як за часів Сасанідів, коли віра їх дуже наблизилася до монотеїзму, гонили єретиків і чужовірців майже так, як християни). Політика цих греко-азіатських держав до національностей негрецьких виложена вся в словах листа Арістотеля до Олександра Великого: «Пам'ятай, що для греків ти старшина, а для других ти пан». Грецький національний централізм пустив такі корені в західній Азії, що навіть у державі Партів (іранської породи)

офіціальна мова була грецька, як потім у середньовічних державах Європи такою мовою була римська.

На заході старої Європи першою завойовницькою державою на велику скалу стала римська, котра й, будучи ще республікою в Римі, була централістичною на провінціях. Маючи певну культуру й опираючись на досить численну італіянську народність, римляни дивились звисока на більш-менш варварські нації заходу і, покоряючи їх, ставили під адміністрацію й юрисдикцію своїх чиновників, котра вся справлялася на італіянській мові, так що *римська держава дає нам перший великий приклад денаціоналізації провінціалів, обрусенія окраїн*, коли хочете вжити такого терміна. (З західноєвропейських своїх підданих римляни мусили найбільше попускати галлам (кельтам) заальпійським, так і то тепер звісно з надписів, що галльська мова дуже ще була розширеня по всій теперішній Франції навіть до кінця римської держави, але всі офіціальні надписи там виключно латинські (Mommzen «Röm [ische] Gesch [ichte]», V, 90—92).

Як було сказано, спершу римляни обертались толерантно до більше культурних греків і певно до напівгрецького Сходу. Але згодом звичка централізації взяла перевагу й тут, і латинська мова стала брати перевагу в офіціальному життю й східної половини римської держави настільки, що навіть після того, як держава та поділилась, навіть у Візантійської імперії, пройшло кілька віків, поки грецька мова визволилася із-під латинської і стала офіціальною, на свою чергу примусовою для *окраїн*.

Тим часом, коли так на ґрунті державного централізму розростався по культурному світові централізм національний, з'явилися зерна й реакції йому — свідомого *національного автономізму*. Зерна ті зародились у початках *культурного універсалізму*, котрому помогло зрости саме лихо — завоювання. Найстарші звісні початки того універсалізму дає нам пропаганда буддизму, релігії, котра повстала серед стосунків різних націй в Індостані й котра (як свідчать надписи Асоки) вже, напевне, за 250 років до Христа проповідувалася різним націям і поза Індією осібними апостолами (місіонерами-посланцями) на різних мовах. Так ця перша на світі *протестантська й демократична віра* (котра йшла проти вір старих попів і навчала, що всі люди рівні), а також перша віра *інтернаціональна* (спільна багатьом народам), перша стала вживати й усіх мов, між ними й зовсім невчених і навіть диких, і освящала їх. Так в Індії буддівці вживали, попри мові старих святих книг (санскриту), й мови простої (палі), а далі й мов усіх народів південної й східної Азії, на котрих перше писане було притчі з життя Будди, «добра наука» (евангеліє) цього Великого Учителя, і котрі, певне, через те тільки й не пропали. Цікаво, що через переробки з іранської переробки життя Будди, оповідання про його під назвою «Життя цесаревича Йосафата» зайшло у Європу, де християнська церква признала святым цього Йосафата і де воно розповсюдилось майже на всіх мовах.

Не так упорядкована була проповідь старих вір Передньої Азії Єгипту, аж поки й тут з різних вір виробилась віра, подібна до буддівської,— християнська. Коли після персидської держави Передня Азія, Північна Африка та Середземноморська Європа зблизились в державах греко-македонських, потім у римській, то почалось досить жване взаємне познайомлення між різними народами й вірами. Ми знаємо, що проповідачі вір єгипетської, малоазійської, сірійських і других заходили аж у Рим, де їх охоче слухали жінки. Зостались і уривки з перекладів і переробок на грецьку мову святих книг єгипетських (кн. Гермеса), фінікійських, вавілонських і друг[их].

Найбільше звісно нам про ширення на чужих мовах і серед чужих людей віри й святих книг жидівських.

Після того, як старе жидівське царство було зруйноване, жиди поневолі, а почасти й по волі розійшлися по різних країнах, від р. Євфрату до Риму, і стали забувати стару свою мову, котра зосталась у їх святих кни�ах. В Азії вони почали навіть писати новіші святі книги мовою сірійською, близькою од іншої, а в Єгипті й Малій Азії говорили мовою грецькою й нарешті переклали (за 150-100 р. до Христа) свої старі святі книги на грецьку мову й подописували на ній нові, так що й увесь збір цих книг стали звати грецьким словом Біблія (Книги).

Коли серед жидів, котрі так перемішувались з чужими народами, повстала друга в історії протестантська віра, християнство, то й вона почала робитись інтернаціональною і вживати різних мов, як і буддівство, і тим освящати ті з них, на котрих раніше не було письменства. До нас не дійшло християнських книг, писаних по-жидівському. Найстаріші з християнських книг «Листи Апостола Павла» писані по-грецькому. Також по-грецькому ми маємо й Євангелія й другі писання апостольські. Ale з II віку по Р. Хр. почались переклади християнських книг на мову сірійську й єгипетську, далі з III в.— на латинську, аж поки в V в. переклав св. Іеронім на латину (не дуже зручно і з помилками) всю Біблію, котра й досі вживається в рим [сько]-кат [олицьких] церквах п [ід] н [азво] Вульгати⁶⁰. В IV в. зроблені проби перекладу Біблії на мову подібних до німців та шведів — готів, котрі прийшли було з Дніпрових сторін на Дунай; в V в. з'явилась Біблія на мові арменській, в IX в.— на слов'янській (староболгарській), на котрій і досі вона читається в наших церквах.

Побік обміну релігійного між народами йшли початки й обміну творами науковими й поетичними, котрі теж підкопували національну пиху й зневагу до чужих народів і підpirали думку культурного універсалізму, цю найліпшу підставу для національного автономізму. Тепер знаходяться сліди проби переробок творів грецьких філософів для єгиптян. Давно звісні переклади творів грецьких філософів і лікарів (Аристотеля, Галена і др.) на мову сірійську (найбільше між V і VIII в.), з котрої вони перекладались потім (з X в.) на

арабську мову, а з неї пішли переклади латинські і т. і. (Нагадаємо, що перші проби перекладів Арістотеля з арабського на латинське були прокляті папами 1209 і 1231 р., котрі веліли катам палити ті книги.) Більше розповсюдились: «Повість про Олександра Великого» (котра, певно, пішла з Єгипту та обійшла всі мови Передньої Азії й Європи), «[Повість] про Трою», а ще більше витяги з індійської збірки байок, перероблені спершу для персів, а далі для сірійців і арабів («Каліла і Дімна»⁶¹), а нарешті для всіх народів середньовічної історії, та «Книга семи мудрих»⁶², теж спершу зроблена по індійських джерелах персами (Сіндібад-Німе). Ця страшенно шкідлива книга, а надто в християнських чернечих переробках, джерело зневаг проти жінок, була найбільше розповсюдженою книгою на світі, аж поки нові місіонери християнські, переважно англічани, не розпустили в XIX в. на сотнях мов переклади Біблії, та все-таки вона, як і другі, згадані вище, переходячи від народа до народа, служила письменському обміну між народами й виробці думки, що *всяка мова варта того, щоб на ній було письменство.*

Так уже в часи переходу старих віків у середні повстали одна проти другої дві думки (принципи, ідеї): 1) *національно-державний централізм, примус до державної мови і 2) людяно-освітній універсалізм з вільністю кожної народної мови.*

Розвал римської держави нападом різних малоосвічених (варварських, як казали греки) народів (німців, слов'ян і др.) прикрив обидві думки ніби туманом. Варвари, що завоювали різні країни римської держави і хрестились у римсько-християнську віру, самі вчились латинської мови, хоч при тому держались і своїх і навіть пробували писати на них книги святі й світські. Але згодом, коли в римській церкві запанували єпископи, а над ними найстарший, римський папа, тобто коли виробилось церковне панство й царство, то римська церква, котра здавна не терпіла іншої мови в службі церковній, окрім латинської, почала всяко забороняти вживати в церквах інші мови й перекладати церковні книги на ті мови. (Папа Григорій VII, котрий найвиразніше поставляє своє царство над усім світом та примушував попів не женитись, виразно заборонив у листі до герц [ога] Чехії народну мову в церкві й у св. письмі.) І так стояла ця справа, аж поки серед нових християнських народів не почались противопопівські рухи, котрі навчали, що християнин може *сам просто без попа обертатись до бога*, і котрі противились найбільше панству єпископів і царству папи. Тільки ці рухи рішуче взялись за діло старих християн — нести науки християнські на всяких мовах по всьому світові.

Цікава історія християнської науки, напр., в Англії. Англи почали хреститись в VI—VII ст., а вже з середини VII ст. починають появлятись на англійській мові переробки й переклади частин Біблії, але згодом заборони таких перекладів прийшли з Риму і в далеку Англію. Тільки рішучі противники папства й навіть попівства в

Англії, як Віклеф, Пюрвей і другі, переклали Біблію на нову англійську мову (в 1384—1388 р.). Але римсько-англійське попівство докоряло Віклефові, що він своїм *перекладом Біблії для простих людей* «*розсипав перли перед свинями*», і почало палити учеників Віклефа (котрі спершу звались *бідними попами*) і їх англійські Біблії. В 1404 р. собор англійських єпископів рішуче заборонив уживати всякі переклади Біблії, окрім латинського.

В землях французьких почали перероблювати й перекладати частини Біблії з XI ст. під впливом противопівських учителів грецьких (*катарів, тобто чистих*) і болгарських (*богумилів*), котрі пішли від учителів армянських (*павликіян*). Церкви або товариства, зложені з людей з такими думками, звались у французьких землях, між іншим, *бідними братами*. Вони-то й хотіли мати Біблію на зрозумілих їм простих мовах і спочатку навіть обертались за тим до папи, але даремне. В 1229 р. собор єпископів у Тулузі заборонив світським людям держати й латинську Біблію, а надто читати Біблію на простих мовах, а незабаром другий собор постановив, що хто не віддасть єпископу за 8 день своєї книги перекладу Біблії, щоб єпископ спалив його, того самого вважатимуть за єретика, тобто коли скочуть, то й спалять. Скорі противопівський рух у південній Франції знищено, по волі пап та королів, огнем і мечем, і проби перекладати Біблію на прості мови (провансальську й французьку) у Франції завмерли.

З кінця XIV і в XV ст. думки французьких «*бідних людей*» і англійських «*бідних попів*» зайшли до чехів і зараз же в них явилися проби перекладів Біблії на чеську мову. Хоч папа з єпископами і палили і нищили чеських учителів братської віри, напр. Гуса й др., а все-таки не вспіli задушити зовсім їх думок. В 1480 р. Біблія чеська була навіть видрукована.

А тут іще вчених людей скрізь стало більше, почалось *новонародження наук*, і вчені люди навіть римської церкви почали читати Біблії грецькі й жидівські, порівнювати з ними переклад латинський, перекладати частини Біблії на свою мову. Коли німець Лютер став учити проти папи й єпископів та проти римської церковної служби й задумав перекласти Біблію на німецьку мову просто з жидівської та грецької, то знайшов більше 20 проб німецьких перекладів Біблії. В 1522 р. Лютер надрукував німецький переклад Нового Завіту, а в 1534 р.— повний переклад Біблії. З Лютера почалось рішуче *протестанство або реформація* (переміна) в церкві римській, від котрої відпала половина Західної Європи. Зараз за Лютеровим перекладом видруковані були англійські (з 1524 р.), французько-швейцарський (1535), голландський (1537), шведський (1541), фінський (1548), данський (1550), польський (1561, 1565) і т. д. Фінський переклад лютеранських церковних книг і Біблії були перші книги на мові фіннів, також само було і з лютерськими книгами на мовах литовській і естонській, котрі тік стали письменними і урятовані були від

загибелі *. Згодом, в XVIII—XIX ст., серед протестантів в Англії заклались товариства, щоб друкувати Біблії на всяких мовах, котрими говорять в англійській державі, а далі по всьому світові, і ці товариства поводили так в число письменних мов мови найдикіших народів усього світу.

Отак-то вільний церковний рух проти римської церкви з думкою всесвітньою послужив до освячування всяких мов і національностей.

Про це все див.: Herzog «Real-Encyclopaedie der protestantischen Theologie», статті «Bibel», «Bibellesung», «Bibelübersetzungen» і т. і., подібні ж статті в «Encyclopaedia Britannica» і, нарешті, дуже цікаву книгу Gastera «Graeco-slavonic literature and its relation to the folklore of Europe during the Middle ages», де оглянуто вплив арmeno-греко-болгарського богоімістства на Захід Європи.

Серед східних церков не вспіло вирости церковне царство, подібне до римського папства, і через те там не було такого рішучого утиску нових простих мов у церквах, як у церкві римській. Але позаяк і тут була церковна аристократія — єпископи, то потроху і тут завелась зневага до нових мов у християнських народів і навіть до старих, негрецьких. Так, патріархи-греки в Олександриї, Єрусалимі й Антіохії заходжувались витиснити з церков мови єгипетську й сірійську й замінити їх грецькою.

Подібне ще більше вперто робили грецькі архієреї серед волохів та болгар, і коли недавно болгари рішуче поновили собі осібну церкву, то цареградський патріарх, а за ним і інші східні прокляли болгар, обвинивши їх у нечуваній ересі (схизмі) — *філоетнізмі* (любові до осібності народної), буцімто противній християнству. Та й у слов'янських церквах завелась своя латина: і досі у православних слов'ян — новоболгар, сербів, румунів, москалів — у церквах служать на мові староболгарській, которую тепер навіть у Болгарії народ мало розуміє, а в інших країнах — ще менше. Коли тепер на

* Перша литовська книга був переклад Лютерового катехізису 1547. Біблію перекладено в 1590 р., та друкований переклад появився в Лондоні аж 1660 р. Щоб придушити протестантство, почали друкувати литовські книжки і езуїти, але коли протестантство у Литві завмерло, то перестали. Литовський переклад Біблії катол[ицького] єп[ископа] Гедройця виданий був в 1823 р. російським Біблійним товариством, котре склалось під впливом англійських протестантів. Перша латиська брошурка були 10 заповідей, виданих протестантами в 1530. Далі пішли протестантські ж кусники Біблії, лютеранський катехізис (1566), Новий Завіт (1685) і т. д. Тепер в Росії з усіх малих, недержавних і мужицьких народностей найліпше стоять естонська й латиська, бо хоч мови їх не мають майже зовсім офіційального вжитку, та мають принаймні для себе досить розвиті літератури, а по числу часописів стоять досить високо, бо ести мають на 900 000 людності 10 часописів, а латиші-протестанти в прибалтійських губерніях — на 1 100 000 людності 12 часописів, тоді як латиші-католики в Вітебській губ. не мають ні одної. Безперечно, своїм ліпшим станом ести й прибалт[ійські] латиші (як і фінни) обов'язані протестантству.

різних мовах слов'ян православних або уніатів східного обряду з'явилися переклади Біблії, то сталося це дуже недавно і під впливом протестантів, а в Болгарії так і просто заходом протестантів. Сербський переклад зробила світська людина В. Караджич, і перше подав його рос [ійському] Біблійному товариству ще в 1819 р., та воно дало його на перегляд сербу ж Стойковичу⁶³, так той обурився простонародною мовою перекладу і ввесь його перекрутів на церковне таки. Тільки 1847 р. Караджич видав свій чистий переклад і за те дістав трохи не анафему від сербських архієреїв і попів, і тільки нескоро потім переклад його уряд допустив у Сербію.

В Росії єпископи заборонили було ще в 1824 р. російський переклад Біблії, виготовлений Біблійним товариством, а коли недавно дозволили — тільки щоб читати дома, а не в церквах,— то заборонили переклад український. В Австрії для українців східного обряду надруковано русько-український переклад молитов і Нового Завіту, та зробили те зовсім не українські попи східного обряду, а світські люди, і св. Юр довго не хотів благословити навіть перекладу молитов, а перекладу Нового Завіту і досі не хотять ширити галицькі попи, та й не можуть ширити, не зриваючи з римською церквою, бо той переклад зроблено не з латинської Вульгати, которую собор єпископів римсько-католицьких у Тріденті призвав обов'язковою для всіх римських католиків. (Нагадаймо, що римські попи, навіть після реформації, видавали накази, котрі коли не забороняли так рішуче простим людям читати Біблію, як у середні віки, то так утрудняли її, що це було рівне забороні. Така булла папська 1713 р. «Unigenitus Dei filius, breve 1816 р.» на ім'я єпископів Гнезненського і Могилевського проти дозволених раніше перекладів Біблії, 1824 р.— проти біблійних товариств і різні прикази 1829, 1844, 1849 рр.) Треба спом'януть як дуже добру пригоду в церкві російській те, що в ній ще в XIV ст. Степан Пермський переклав кілька церковних книг на мову досить диких зирян і тим зробив таке добре діло, яке тільки через 400—500 років стали робити англійські місіонери. Русолюбці бачать у тому особливий знак народного характеру москалів — доброї терпимості (толеранції) до всяких чужих націй. Але ми, не відмовляючи самому Степанові добрості, думаємо, що вчинок його можливий був тільки через те, що в його часи ще не вспіло в північній Московщині втврдитись церковне панство.

Почасти через подібний недогляд або непорядок церковний з'явилися у XVI ст. проби приблизити Біблію до мови народної на Білій Русі та у нас, на Україні. Тоді тут церкви східно-православній західно-католицька стояли одна поряд з другою і начальство церковне було розстронене, а до того сюди через Польщу приходив з чехів дух гусівський. От ще з XV ст. дійшов до нас кусник Біблії, переложений з чеської на мову, приближену до української, далі в 1517 р. світська людина Фр. Скорина почав друкувати в чеській

Празі, раніше Лютерової, Біблію українську мовою, близькою до білоруської. А далі вже, коли прийшло й до нас західне протестанство, то чимало людей стало пробувати перекладати Біблію на народну мову, та мало з тих проб було надруковано 1580, а найліпша т. зв. «Пересопницька рукопись», переклад чотирьох євангелістів (1556—1561), так і зосталась у єдиній рукописі. Знаменитий руський печатник Іван Федорович Москвитин говорить в передмові до церковнослов'янського «Євангелія Учительного» 1560 р. від імені накладчика, литовського гетьмана Григорія Ходкевича, таке: «Помыслил же был есми и се, иже бы сю книгу, выразуменія ради простых людей, преложити на простую мову и имел есми о том попеченіе великое. И совещаще ми люде мудрые, в том писме оченые, ижъ прекладаніем здавних пословиц на новые, помилка чинится но малая, якоже и ныне обретается в книгах нового перевода. Того ради сю книгу, яко здавна писаную, велел есми се выдруковать». Оці мудрі люди православія й католицтва і є найбільші вороги, котрі спиняли у нас і на Білій Русі зрист національного письменства!

В XVII ст. у нас запанувало в країнах, що козаки відбили від Польщі, архієрейство та попівство православне, а в тих, що зостались під Польщею, уніатське, і церковне панство не потерпіло такого хлопського непорядку, як переклади Біблії та інших церковних книг на просту народну мову. Так наша народна мова й не визволилась з-під церковнослов'янської чи староболгарської через те, що наша країна не пристала рішуче до всеєвропейського руху протестантського.

Таким робом на нашій землі склався сумний стан речей, однаково в частинах її православних, як і уніатських: *щонеділі або навіть щодня в церкві*, котру наш народ привчили поважати як найвищого суддю в справах духових, виявляється зневага мові *нашого народа*, показується, що мова та не достойна стати способом розмови між Богом та людьми. Ось де найгірше «обрусеніє» в загальному смислі цього слова, ось де перша підвадина всякої «денаціоналізації» серед нашого народа, окрім того, що, як ми покажемо в свій час, це вживання старої болгарської мови в церквах на нашій землі було почастино тією дорогою, котра привела освітнє життя російських українців до помосковлення! І цікаво, що навіть найревніші національники-народовці серед галичан ні слова не говорять проти такої зневаги нашої народної мови церквою, проти цього кореня всіх денаціоналізацій нашого народу!! А як би вони глибше розуміли речі, то мусили б кричати проти неї вдесятеро дужче, ніж проти цензурних утисків на українську мову зі сторони московського уряду!

З усього попереднього огляду історії церковного «обрусенія» по різних сторонах ясно, що коли в церквах християнських під пануванням єпископів та патріархів і пап зріс національний централізм і примус, то проти нього знову піднявся рух просвітньо-космополітичний, протестанство, і довів принаймні деякі сторони

Європи, котрі рішуче пристали до того руху, до пошані всяких мов народних — до національного автономізму в справах релігії. Але на цьому не спинився вплив руху протестантського: визволення простих народних мов з-під ярма латини в церкві причинилося до того, щоб дати волю цим мовам і в письменстві світському. І до того по різних сторонах Європи робились проби письменства на різних простих мовах, та все-таки, коли латина була єдиною святою мовою, то проби ті робились, немов гріх який. Коли ж живі народні мови через переклад на них євангелій і т. і. посвятилися в очах християнського люду, тоді вони почали сміливо вживатись для всякої письменності й науки.

Тільки ж державні обставини в Європі склались так, що деяким народним мовам довелось боротись з іншими, котрі, ставши державними, нав'язувались чужим людям, як колись латина нав'язувалась всяким народам у римській державі. Так склались нові «обрусені», світські, котрі тепер й оглянемо.

Після того як розвалилась держава римська, в різних країнах Європи складались окремі держави майже завше через військову перевагу певної національності над іншими. В тих державах неминуче почав рости й свій національно-письменський централізм, хоч на заході Європи довго він маскувався й здергувався перевагою мови латинської, наслідуваної від держави римської і піддергуваної церквою.

Коли після того, як нормани осілись в Англії, більш-менш закінчився на заході Європи період «мандрівки народів», найбільше централізованою державою там стала Англія, під королями нормандського й анжуйського роду. Навіть коли королівська самоволя, зручно організована Вільгельмом I Нормандським⁶⁴ за помічю церкви як протиєнство сучасному континентальному феодалізму, була зломлена дружним напором різних станів народу (панство, попівство і міщанство) і коли Англія стала монархією конституційною, то все-таки державна сила там сцентралізувалась так, як ніде в середньовічній Європі. Натурально, що перші систематичні заходи до державно-національного централізму в тій Європі ми знаходимо в державі англійській. Звісно, як зневажено було все саксонське при перших королях Англії з норманнів і анжуйців з їх французькою мовою. Знищити зовсім саксонську мову було заважко для нормандсько-французької меншості, і згодом виробилася в Англії мішана мова, новоанглійська, котра нескоро стала увіходити і в державне життя. (В перший раз цею мовою написаний був королівський маніфест в 1258 р. попри мові латинській і французькій, а в перший раз про мова від імені короля в парламенті сказана була по-англійському тільки 1363 р., значить, майже через 300 років після того, як по-францужені нормани завоювали Англію (1066). Та ще й після того французька мова вживалась довго в державному житті Англії. Тільки ж з того часу тим енергійніше взялись англічани до ден-

ціоналізації людності кельтійської, котра ще зоставалась на британських островах.

Адміністративна політика англічан у кельтійських країнах була зовсім римська: завойовуючи нову країну, англічани оселяли там свої колонії, заводили свої порядки з своєю офіціальною мовою: французькою або новоанглійською (звісно, попри латині). Так поступали вони в Валлії⁶⁵ і пізніше в Ірландії.

Вже англосакси нищили національність кельтів у Британії, але то було нищення самої людності, щоб зайняти її місце. Так перед часом Вільгельма Завоювателя знищенні були бритти майже в усій теперішній Англії, окрім західних окраїн. Зараз же після того, як нормани осілись в саксонській Англії, вони почали захоплювати землі бриттів у Валлії (*Gwallia Wales*), де держали себе, як потім іспанські «конквістадори» в Америці. Але на півночі країни стояли ще кельтійські державки, хоч і вони мусили признавати своїм господарем короля Англії. Валлійці не були варварами, бо не тільки були здавна християнами, а мали від X ст. свої збори законів, писані по-кельтському й по-латинському. Під кінець XIII ст. найдужчі князі Валлії задумали увільнитись від англічан. Коли архієпископ англійський поїхав у Валлію, щоб спинити повстанський рух, то валлійські барони сказали йому виразно: «Ми не хочемо покорятись Едварду (1-му королю Англії) і не потерпимо, щоб наш князь покорявся чужинцям, *котрих мови, звичаїв і законів ми зовсім не знаємо*». Едвард переміг валлійців і знівечив їх національні державки. В країнах, котрі захопили нормандські авантурники (*Lords Marchers*), англійський король зоставив порядки, котрі вони там завели, хоч там було багато феодального свавільства, котрого англійський уряд не терпів у себе, але в бувших чисто валлійських землях Едвард завів англійські порядки. Осібний *Statutum Gwalliae* (1284), хоч і признавав почести валлійські закони, та ставив вище їх англійські і англійську адміністрацію; чимало землі роздав король англійським панам. Валлійцям це не дуже-то подобалось, і вони стали бунтуватись. Англічани били їх, а надто їх кобзарів-бардів. Бунт барда Оуена Гліндуря в 1400 р. був досить важний, бо бунтовщик став князем широкої країни. Тоді англійський уряд видав такі закони, по котрим валлійцям заборонено було володіти власністю в городах, мати які-небудь чини, носити в городах зброю; шлюби між англіканами й валлійцями були заборонені; валлієць не допускався перед судом як свідок проти англічанина; сходи й товариства валлійцям були заборонені. Останнє підрізувало, власне, товариства бардів і їх поезію, котра, як звісно, мала вплив на всю Європу. Такі закони були поновлені в 1447 р. Кажуть, що Генріх V (1413—1422) виразно заборонив школи й книги валлійські. І тільки коли подібні заходи принесли свій плід — підрізали національність валлійську, то закони англійські за Генріха VIII в 1536 і 1543 зрівняли особисті права валлійців і англічан і дали депутатам Валлії місце в англійському парламенті.

Це було прекрасно, тільки не мало безпосередньої ваги для національності валлійських кельтів, котра при всіх англійських державних і адміністративних порядках не могла мати ніякого державного права, а при тодішньому аристократичному цензі депутатському не могла мати й заступників у парламенті, бо зосталась тільки серед простого народу. Багато кельтів поанглилось, література їх збідніла і коли зовсім не вмерла, то тільки дякуючи реформації, а надто радикальним її сектам, котрих держава не тільки не признала, а ще й досі примушує адептів їх платити податки на англійську єпископальну церкву. Реформація і ці секти принесли валлійцям переклад Біблії (1567 — Новий Завіт, 1588 — вся Біблія) й сяку-таку релігійну літературу. Далі прибавилось археографічно-лінгвістичне дилетантство, котре зацікавилось старою кельтійською поезією бардів, фольклором, і в XIX ст. основалось спеціальне валлійське літературне товариство, котре робить щорічні з'їзди (Eistedfod) по прикладові старих бардів і оживило й біжучу літературу на валлійській мові.

Тепер у Валлії на 1 359 895 душ людності ще говорить валлійською (кімрійською) мовою 934 530, а в усій Англії — 996 530 душ; з них зовсім не розуміють по-англійському і говорять тільки по-валлійському 304 110 душ.

Валлійська мова тепер має 11 часописів (усіх часописів у князівстві Валлії 75) і школи, звісно, приватні. Позаяк в конституційній Англії розвилася велика вільність товариств і навіть до недавніх часів не було міністерства народної освіти і все шкільне діло держалось корпораціями, то й не могло ні відки вийти перешкоди приватним школам валлійської мови. І тепер елементарні школи в Англії держаться не стільки просто державою, скільки товариствами та субсидіями держави, котрі видаються через громадські й окружні шкільні ради, то й валлійські школи можуть діставати державні субсидії. Тільки ж тепер учать на валлійській мові майже виключно тільки в школах недільних, і спеціаліст кельтійський, котрого ми споминаємо далі, пише нам, що йому незвіні школи, котрі б, при кельтійському викладі, одбирали державну субсидію. Так тепер можна сказати, що, при англійській вільності, кельтійська національність тільки терпиться, а не признається офіціально, коли не рахувати свят в честь наслідника трону принца Валлії, на котрих тепер, ради археологічно-етнографічного дилетантства, танцюється валлійський танок в старій національній одежі: з пледами через плече і з короткими спідницями замість штанів. Ліберально-радикальна партія, такі люди, як Гладстон⁶⁶, котрий живе в Валлії, мають велику популярність серед валлійців і похваляють їх на святах за те, що вони енергійно відстоюють свою національність і мову, але офіціальної ваги мова ця майже зовсім не має. Тільки недавно кілька законів та один рапорт були переложені офіційно на валлійську мову, причому уряд заплатив кошти перекладу. Закладені два роки тому назад органи

крайової (по-нашому повітової) автономії (local government) дуже радо прийняті кельтійськими патріотами в Валлії і можуть стати політичними осередками їх руху, але поки що наслідків їх для кельтійської національності не видно. (Див.: York Powell, «History of England»; Ferf. Walter, «Das alte Wales»; H. Gaidoz, «Les Celtes du pays de Galles et leur littérature» в «Revue des deux Mondes», 1871, Mars; «Revue Celtique», IV — Sebillot, «Les langues celtiques dans les îles britanniques et en France»; Windisch, «Keltische Sprachen», стаття в «Encyclopaedia von Ersch u. Gruber», II, Section, 35 Theil. До того ми додали власні досліди по газетах, а також по розмовах і листу оксфордського професора Pica (Rhys), котрий тепер один з перших кельтістів в Європі.

Розмову про Валлію не можна скінчити, не нагадавши, що власне радикальний, майже зовсім безпопівський характер протестантських церков у Валлії причинився не тільки до того, що тепер з усіх старих кельтійських націй все-таки найліпше стойти валлійська, але й до того, що Валлія стала точкою, звідки вийшли великі релігійно-просвітні рухи, котрі прислужились і іншим націям. В 1662 р., коли упала англійська республіка і повернувшись королівський уряд вигнав з парафії 2000 попів за церковне й світське радикальство, один з них заложив «Товариство ширення евангелія в Валлії». Це товариство стало прикладом для інших, між іншим для такого, котрешило евангеліє і на мові шотландських кельтів-турали (1709), і такого, котрешило недільні школи в Англії і Валлії (1785). Нарешті в кінці XVIII ст. один валлієць, Thomas Charles, настав, щоб «Товариство ширення християнської науки» видало двічі по 10 000 валлійських перекладів Біблії, а далі змовивсь з кількома радикальними протестантами-баптистами (від котрих тепер пішла українська «штунда») і одним німцем і задумав закласти товариство для ширення Біблії на живих мовах не тільки в англійській державі, а по всьому світові. До такої думки пристав дехто і з англійської королівсько-єпископальної церкви, і так повстало в 1804 р. товариство, зложене з людей усіх християнських церков — «Британське й чужостороннє біблійне товариство («Britisch and foreign Society»), котре почало з того, що видрукувало 20 000 примірників Біблії валлійської та 5000 Нових Завітів, а далі почало друкувати Біблії або хоч Нові Завіти на всяких мовах (тепер коло 250) і розпустило досі коло 200 мільйонів таких книг. Цікавий уряд того товариства по першому ще статуту: в комітеті мусить бути 36 членів, з них — 6 чужосторонців, а 30 — з англічан, 15 прихильників єпископальної церкви, 15 незгідних з нею (дисидентів). Перші видруковані товариством книги були: Біблія валлійська й англійська та евангеліє по Івану на мові могавків, народу дикого в Північній Америці.

Ніхто більше цього товариства, котрого початок вийшов, як бачите, з Валлії, не прислужився досі стільки для притягання до письменного життя найдальших і найдикіших народів і, значить, для культур-

ної автономії (освітньої вольності) народів. Тепер би слід по прикладу його закласти таке ж всесвітнє товариство для ширення світської науки.

Пokaюсь у свого рода національній загоріlostі: я колись марив, що наша Україна, 20 раз більша людністю, ніж Валлія, зробить щось подібне. Так марив я, коли бачив чимало українців, старших і молодших, котрі присягались на тому, щоб поставити свій патріотизм на ґрунті передових всесвітніх думок, культурних, політичних і соціальних, і рішуче нести в свій народ ті думки словом і книгами. Відносини нашого народу до сусідів самі собою нав'язували нам подібну пропаганду й серед них, а надто серед жидів, білорусів, литвинів, румунів, а далі навіть і серед поляків і великорусів. Та з тих мрій виповнилось тільки трішечки: видрукування в Женеві перекладу української брошурки «Про багацтво та бєдносць» для білорусів та участь галицьких радикалів-українців в початках соціалістичної пропаганди серед жидів та поляків. А щодо загалу українолюбців, котрі присягались до радикалізму 10-15 років назад, то де вони опинились тепер, видно з того, що тепер нам приходиться перед ними навіть доказувати шкідливість для української справи римського клерикалізму звісних «угодовців». Так вони стали далеко не то від науково-світського радикалізму й космополітизму наших часів, а навіть від християнського радикалізму й універсалізму валлійців, основателів британського й чужостороннього біблійного товариства.

Ще нещасливіше, ніж у Валлії, випала історія кельтійської національності і далеко гірший стан її і тепер в Ірландії.

І тут кельти, в той час як почалися їх стосунки з англічанами, були вже не варварами, мали літературу, закони, але були розділені політично так, що не могли противитись як слід нормандським авантурникам, а потім англічанам, котрі завоювали частину Ірландії по берегу проливу, починаючи з висадки англо-валлійців в другій половині XII ст.

В Ірландії спершу важко було англічанам подужати велику масу кельтійської людності, так що перші виселки англійські там самі почали покельчуватись. Англійський уряд піднявсь проти того на такі заходи, приклад котрих бачимо в кількенійському статуті 1366 р., котрий поділив Ірландію на дві частини — чисту й погану, англійську й кельтійську, з котрих остання була безмірно більша. Шлюби й кумівство між англічанами й кельтами і навіть узяти мамку з одного народу до дитини з другого було заборонено, як державна зрада. Так само заборонено було англічанину давати кельтові коня чи зброю чи що інше. Заборонялось англічанам усяке компанство з кельтом, а надто з бардом. Навіть монахи-кельти не могли вступити в монастир англійський і навпаки. Заборонялось англічанам носити одежду кельтійську й їздити на конях по-кельтійському. Ні один кельт не міг вести процесу перед англійським судом, так що навіть убити англічанинові кельта було вільно. Англічанинові заборонялось говори-

ти по-кельтійському, а коли б кельт примішався до компанії англічан, то вся його земля конфіскувалась, а сам він замикався у тюрму, поки не вивчиться прохати прощіння на англійській мові і т. д.

Кількенійський статут занадто ідеальний, щоб його можна було цілком відвергнути на практиці. І після його не тільки кельти ірландські жили, а навіть англічани покельтчувались і ставали, як казано тоді, *ipsis Hibernis hiberiniores* і бунтувались проти англійської корони. Коли в Англії взяв на час гору монархічний абсолютизм при Тюдорах, то задумано було зробити кінець ірландській анархії й сепаратизму і вироблено була система, котру історик Грін (Green, «History of English people», II, 176) характеризує так: «Генрі VIII-ому мало було покорити Ірландію. Йому хотілось цивілізувати народ, котрий він покорив, хотілось правити ним по законах, а не самою силою. Але один тільки образ закону, який могли собі здумати король і його міністри, був закон англійський. Звичайний закон, котрий мав силу в Ірландії, за границею Pale (країни, здавна заселеної англічанами), ірландська система кланового уряду й громадського володіння землею, так само як поезія й література, котрою славилася ірландська мова, були не тільки невідомі англійським державним мужам, але висміювались ними, як варварство. Єдиним способом цивілізувати Ірландію й поправити хаотичний недад, котрий вона показувала іх розуму, було знищити всю кельтійську традицію ірландського народу, «зробити Ірландію англійською життям, законами, мовою».

Спершу англійський уряд думав іти до мети потроху, але настав спір релігійний між католицтвом і реформацією, а далі політичний — між королями й парламентом, і в Ірландії, котра в усьому чинила наперекір Англії, англійський уряд узявся за найстрогіші міри.

Треба нагадати, що урядова (королівсько-єпископальна) реформація, котру англійський королівський уряд Генрі VIII і др. проводив і в Ірландії, не могла пустити тут коренів, ані помогти так самій кельтійській національності, як поміг радикально-сектантський безєпископальний і навіть безпопівський рух у Валлії. Коли англійський уряд посилив у 1560 р. в Ірландію нові церковні книги, котрі мусили там замінити католицькі, то не збувся своєї зневаги проти кельтійської мови, а написав такі речі, котрі не лагодились проміж себе: «хоч, мовляв, і найліпше б було, щоб церковна служба справлялась на такій мові, яку люди найліпше розуміють, та позаяк важко друкувати ірландськими буквами, й мало в цілій державі розуміються в них, то й нічого справляти в Ірландії службу церковну мовою крайовою, а хай уживається коли не англійська, то латинська» (King, Church, «History of Ireland», I, 755).

Не диво, що ірландці були холодні до такої реформації і воліли вже стару церкву з її латинською службою, до котрої вони принаймні вже привикли. (Нагадаймо, що проби автономії в церковному життю й письменстві ірландців були підкопані римською церквою за поміччю англічан же вже в XII ст.) Англійський уряд страшенно

мстився на ірландцях за їх бунти на користь римської церкви, а потім — королів Стюартів, котрих англічани двічі проганяли. Звісно, що виробляли в Ірландії англійські уряди Генрі VIII, Елизавети, нарешті, голови англійської республіки Олівера Кромвеля. Останній після походу 1649 р. майже знищив ірландців, натхнений біблійними картинами війни жидів з ханаанеями. Тисячі ірландців були перебиті, десятки тисяч вивезено на тяжкі роботи в Америку, де їх навіть продавали, як негрів. Милість була, коли уряд дозволив ірландцям виселитись на службу в Іспанію та Францію. В усьому краю зостались тільки 850 000 душ, з котрих 150 000 були емігранти з Англії і Шотландії. Спеціально для кельтів Кромвель назначив тільки одну з чотирьох ірландських провінцій (Connaught) і всю землю їх роздав англічанам, з котрих поробились лендлорди. Не треба забувати, що така денаціоналізація йшла поряд з державно-адміністративною централізацією між Шотландією, Ірландією й Англією.

Такими заходами, котрі хоч і не так радикально підновлялись і в XVIII ст., не зломлено сепаратизму ірландського, котрий витворявся навіть у поселених в Ірландії англічан, але зломлено кельто-ірландську національність. В 1861 р. на 5 798 967 людності в Ірландії було вже тільки 105 536 кельтів по мові, а в 1881 р. на 5 174 831 усієї людності кельтів було тільки 950 680 (18 %), та й з тих лише 103 562 говорило тільки по-кельтському, а решта вже говорила й по-англійському. Ніяких державних прав кельто-ірландська мова не має і література на ній майже не існує, хоч у новіші часи заложилось осібне «Товариство для охорони й плекання ірландської мови» («The gaelic Union for the preservation and cultivation of the Irish language»). В самому автономному або й у сепаратистичному рухові Ірландії хоч іноді гаряче говориться про кельтійський дух, незгідний з англосаксонським, та все-таки спеціально кельтійська мова не грає ніякої ролі, і Ірландія властиво показує приклад великої англоненависті при англійській мові.

(Див.: Beaumont, «Irlande»; W. A. O'Connor, «History of the Irish People», I—II; Em Lawles, «Ireland (the story of the Nations)»; Green, «History of english people» I—IV; Sebillot в «Revue celtique», IV; Windisch, «Keltische Sprache», Brokchaus, «Conversationslection», Irland).

Багато б треба було нам говорити, якби ми схотіли простежити долю кельтійської національності в Шотландії, історія котрої досить сплутана дрібними сварками й мало відома у нас звичайній публіці. Та для нашої мети досить буде привести кілька найголовніших фактів.

Держава Шотландська певно почалась серед кельтів, котрі дали їй ім'я (Scotia); та вже рано центр цеї держави перейшов у південну, здавна посаксонену країну, на котру потім впливала новоанглійська національність. Уже в шотландських законах XII ст. (*Regiam Majestatem*), писаних по-латинському, видно, що старе кельтійське

звичаєве право дуже було занехаяно. Все державне життя справлялось уже від того часу на мові англо-шотландській, коли не на латинській, а кельтійська (гаельська) зоставалась тільки для звичайного словесного права в горах, для словесної, хоч досить багатої, поезії, зв'язаної з ірландською, та почасти для заміток церковних. Ледве під кінець XV ст. літературні аматори почали записувати в горах Шотландії народні кельтійські пісні, та й то ще не досить певно. Реформація, котра, як звісно, прийняла в Шотландії радикальний, женевський напрямок, почала було посвящати й кельтійську мову, коли слідом за англо-шотландською книгою церковних псалмів і молитов («Book of Common Order») подібна книга була зроблена й на кельтійській мові й надрукована в 1567 р. То була перша друкована книга кельтійська. В 1690 р. видана була Біблія для Ірландії з словничком для шотландських кельтів.

Так положена була культурна перешкода для знищенння гаельської мови. Але ж державні порядки в Шотландії все йшли до такого знищенння почасти й не без вини самих кельтів, котрі, як горалі (Highlanders), вживали розбої і дражнили проти себе більш освічених англосаксонських подолян (Lowlanders). Заміри знищити кельтів-горалів пішли в Шотландії систематичніше, коли Шотландія прилучилася до Англії в XVII—XVIII ст., англо-шотландський уряд почав побільшувати силу князьків горальських над простим народом, а поряд з тим напирати на те, щоб вони переміняли свою мову й звичаї на англійські. В 1616 р. уряд обов'язав тих князьків посылати дітей своїх на Поділля, щоб вони там учились читати, писати й говорити по-англійському. Акт королівської Ради писав тоді про цей примус, що це «єдиний спосіб, щоб вивести панів горальських з варварства і приготувати їх зреформувати й їх країну і довести її до побожності, покірливості й освіти» (to godliness obedience and civility).

Ремство шотландських горалів проти уряду англійського, а надто в XVIII ст., коли він став дужче нагнітати на них, потягло їх підпирати династію Стюартів, коли її вигнали англічани в 1688 р. З того часу Стюарти кілька разів піднімали бунти між горалями Шотландії; після кожного бунту англійський уряд все більше нагнічував на тих горалів, випираючи їх з рідної країни. В 1725 р. звелено було одібрати в горалів гвери, і після бунту 1745 р. заборонено навіть одежду горальську й кожний гораль мусив давати ось яку, кумедну тепер, присягу: «Присягаюсь, що так само як мушу я відповідати перед Богом на великий день страшного суду, так я не буду, не мушу держати в себе рушниці, ні пістолета і ніякого гвера, і що не буду носити тартан'у (tartan — осібна матерія для одежі, пледу (pleid — шаль)) і нічого з гірської одежі (Highland-garb), а коли я буду таке робити, то нехай я буду проклятий на моїх справах, на родині й маєтку моєму, нехай я ніколи не побачу ні жінки моєї, ні дітей, батька, матері, ні приятелів, нехай я буду вбитий на війні

як боязливий і лежатиму без християнського похорону в чужій землі, далеко від гробів батьків моїх і родичів, нехай це все нападе на мене, коли я зламаю мою присягу». Цікаво, що після цеї нагінки на національну одежду шотландських горалів знаменитий артист Гаррік, граючи Макбета, не смів появитись в цій одежі на сцені в Лондоні, щоб не «провалити» спектаклю (Lecky, «History of England in XVIII cent.», III, 53—54).

От такими заходами англічани дуже підрізали національність шотландських кельтів. Коли вони зовсім її не знищили ще й досі, то тільки через те, що все-таки новий освітній рух узяв під свій захист і гаельську мову. Ми бачили, що освічені люди зацікавились народними піснями гаельськими та що на мову гаельську почали перекладати й протестантські святі книги. Перше надало охоти гаельським поетам писати по-своєму, а друге дало сяке-таке релігійне письменство гаельське. В другій половині XVIII ст. велику цікавість до гаельських народних пісень та переказів збудив по всьому світові Макферсон, видавши переробки їх по-англійському, мовбіто як поеми старого співака Оссіана. Потім видано частину кельтійських матеріалів Макферсона⁶⁷. В XIX ст. склалось кілька товариств для досвіду поезії гаельської та плекання її мови. Тепер цею мовою говорить у Шотландії коло 300 000 душ на 3 735 000 усієї людності, а в усій Великобританії 309 254 душ, з котрих, однаке, тільки 48 873 не говорить по-англійському. Ніякої офіційної сили мова гаельська не має і з усіх публічних інституцій вживається тільки в церквах. Само собою розуміється, що мови тої і вільно вживати в приватних школах і що вчені спеціалісти учати про неї по університетах як про наукову цікавість. (Див. про це все: Burton, «History of Scotland», I—VIII; Mackintosh «History of civilisation in Scotland», I—IV; Sebillot в «Révue Celtique», IV; Windisch, «Keltische Sprachen». Ми додали деякі замітки після пр [аці] Pica.)

Рівняючи долю трьох кельтійських націй, ми не можемо не запримітити, що ліпше з них вийшли валлійці, у котрих запанувало радикальне, майже зовсім безпопівське, протестантизмо, гірше вже шотландські горали пресвітеріанці (попівці), а найгірше ірландці, котрі і зостались при римському католицизмі.

Другою по черзі централізованою державою в З [ахідній] Європі, після Англії, явилася Франція, хоч і на другий лад, абсолютно королівський і бюрократичний. Політика Франції до недержавних національностей була також само проскрипційна, як і англійська. Ми оглянули долю найважніших із недержавних національностей у Франції в своїй праці «Новокельтское и провансальское движение во Франции» («Вестн. Европы», 1875, август, сент.) і, шануючи формат «Народа», не будемо повторятись. Суть діла в тому, що з недержавних національностей Франції кельтійсько-бретонська не вспіла ще вибитися з-під латини, як дісталася під панство французької мови, так само як і іберійсько-біскайська. Обидві вспіли собі здобути з усіх

публічних інституцій в середні віки тільки *mîsterii* (релігійний театр) та почасти церковну *проповідь*, за котру, однаке, католицьке духовенство взялось енергійніше тільки в новіші часи, під страхом протестантства і надто якобінського переслідування в часи Великої революції. (Переклад Нов. Завіту на бретонське з'явився тільки в 1827 р., а всеї Біблії тільки в 1866 р.) Різні діалекти мови провансальської (*lange d'os*) почали було власити в церкви ере-тицькі (альбігойців і др.), в акти муніципальні й провінціальні, як за проводом римської церкви насکочила французьку Україну французька Москва в образі хрестового походу проти альбігойців у 1209 р. і підрізала сходи другої французької національності на ниві публічного життя, і з того часу *lange d'os* повернувся в забуту історію музичьку мову, аж поки не нагадав про неї новий літературний рух у XIX ст.

Така була в середні віки доля недержавних національностей на західній половині теперішньої Франції. Чим було тоді спеціально французьке королівство на цій половині, тим було на східній *герцогство Бургундське*. Воно мало свою «окраїну». Нідерландські землі заселені *фламандсько-голландськими* варіаціями долішньонімецького племені. Багаті через ремесла і торг, порідні й почасти юридично зв'язані з німецькою імперією городи нідерландські були не те що села етнографічних острівків біскайської й бретонської мови. В городах нідерландських виросла своя література; буйна автономія городів тих рано стала писати свої публічні акти живою народною мовою, примушуючи шанувати її й феодальних князів своїх, навіть таких, як графи Фландрії, котрі мали підданих і французької мови (валлони). Та тільки коли бургундські герцоги з кінців XIV ст. прилучили правдами й неправдами до своїх французьких земель нідерландські, так зараз же вони почали давити нідерландську національність. В цих заходах бургундського уряду французької національності ми бачимо перший в новій Європі приклад свідомого національного централізму, системи денационалізації, направленої проти національності висококультурної й цілком свідомої себе й свого права на автономію.

Хоча двір бургундських герцогів XV ст. топився в розкошах з податків, що йшли від нідерландських городів, але при тому дворі систематично виключена була нефранцузька мова й висміювались делегати міщан і рицарі нідерландські, котрі нею не говорили. Правда, коли треба було Пилипові Доброму (доброму для панів) прохати прибавок грошей (*Beden*) у нідерландських міщан, то він звертавсь до провінціальних сеймів (*Staaten*) по-нідерландському, але коли городяни, котрі не могли зносити герцогського здирства й зневаги їх прав, бунтувались і війна їм не щастила, то вони мусили прохати в герцога ласки по-французькому. А до того бургундські герцоги поставили над автономічними городовими судами нідерландськими апеляційні палати й найвищий суд — герцогські з процедурою римсько-

французькою і з мовою урядовою французькою. В своїй «обrusительній» політиці герцоги Бургундії йшли по дорозі, на котру вже раніше ступили французи, графи Фландрії, а також королі французькі, їх сюзери. Цікаво, що коли король Франції пішов 1382 р. на поміч графу Фландрії проти бунтувавших фламандських міщан, то в армії союзників було під острахом смерті заборонено говорити по-фламандському, хоч там були рицарі з фламандського краю.

Інтересно буде, при цій нагоді, завважити, що бургундські герцоги, а надто король Смілий⁶⁸, так само руйнували непокірні їм городи нідерландські, як і московські Івани III і IV — Новгород, так що нідерландські хроніки звуть короля іменем Грізний, Le Terrible.

Цей натиск «оффранцуження» вкупі з бюрократичною централізацією і деспотизмом господаря викликав у Нідерландах *перший в історії Європи приклад закону про рівноправність національностей в змішаній державі*. В знаменитій *Великій Привілеї*, котру взяли депутати різних провінцій Нідерландських з дочки Кароля, Марії (1477), — в цьому акті, котрий є один з світліших прикладів і політичного лібералізму середньовічного, поставлено було, що спільна всім провінціям канцелярія мусила мати в собі мужів обох національностей: французької і дольньонімецької, ознайомлених з обома мовами, і що всякі приписи, об'явлені в якій країні не крайовою мовою, не мають вартості. (Дуже жалкуємо, що не маємо тепер під рукою текста цієї привілеї, котрий надрукований в «Verzameling van XXIV originale charters 1787» в часи повстання бельгійців проти Йосипа II Австрійського, а говоримо про неї з других рук, між іншим, з книги de Leveleye «Le gouvernement de la démocratie».)

Як звісно, значна частина французьких земель бургундських герцогів одійшла за часи тієї Марії до Франції, тоді як Нідерланди одійшли до габсбурзько-іспанського дому. Через те натиск «оффранцуження» Нідерландів спинився, а в північних провінціях, котрі вибились з-під габсбурзько-іспанського дому в окрему вільну державу, зовсім перестав. Але в південних провінціях, що тепер складають Бельгію, цей натиск лишив по собі помітні сліди, і інтересно, що навіть уряди іспанський і австрійський вживали там французької мови в XVII і XVIII ст.

Факти боротьби бургундських герцогів з нідерландцями можна знайти в Баранта «Histoire des Dues de Bourgogne», а також у великих зводах історії Франції Мішле й Мартена. Про адміністративну політику бургундських герцогів у Нідерландах див.: Wenzelburger, «Geschichte der Niederlande», I).

Забравши більшу половину земель бургундського дому, французька держава стала викінчати в себе систему централізації, а далі посуватись до Рейну, забираючи вже й країни німецької мови, долішньої, як частина Фландрії, й горішньої, як Ельзас. Тоді й французька держава стала на дорогу «оффранцуження восточних окраин» ще

більше рішуче, бо від часів бургундських успів розвитись ідеал централістично-бюрократичної адміністрації. Я маю право думати, що політика, напр., Людовіка XIV у Фландрії, Лотарингії й Ельзасі, з їх апеляційними судами й другими палатами й адміністрацією виключно на французькій мові, досить звісна скільки-небудь освіченій публіці, про неї говориться навіть і в гімназіальних підручниках, і через те не буду тут розводитись про цю справу.

Вже книга Токвіля «*L'ancien régime et la révolution*», котра появилась з сорок років тому назад, показала ясно, що велика революція французька в адміністрації Франції тільки викінчила роботу старих королівських політиків Франції, як Рішельє та Людовік XIV. Республіканці-якобінці — це властиві віртуози державної централізації. Вони вкупі з Наполеоном I, котрий зібрав коло себе решту їх, виробили ту систему політично-адміністраційну, котра стала взірцем для всіх бюрократичних порядків в Європі включно до Росії й навіть почали до Турції. *Інтересно, що французькі республіканці-якобінці виробили логічну, свідому систему, підпергута навіть формально прогресивними аргументами, і розширили попередні заходи французьких королів «до о francaуження окраїн».* Вони конечні батьки новішого державно-національного централізму, усяких германізацій, мадяризацій, обрусеній і т. д.

Почасти я говорив про це в праці «Новокельтское и провансальское движение во Франции», але треба сказати про це ще тепер і трошки докладніше.

Я думаю, що історія великої французької революції стане найяснішою, коли в ній розрізнати два уклади, говорячи терміном Костомарова: *французький і паризький*. Революція всефранцузька, приготовлена всім попереднім культурним процесом і почата провінціальними бунтами в 1788 р. (в Бретані й Дофине), дала «Декларацію прав людини й громадянина» 1789 і конституцію 1791 р. Але Парижеві цього було мало: він хотів радикальнішої реформи, та ще й не тільки політичної, а й релігійно-філософської. Звісно, в теорії Париж мав рацію, та тільки практично матиме рацію хіба в ХХ ст. Коли виявилось, що провінція не може піти за Парижем, тоді теоретикам радикальної реформи при тодішніх звичках думки й учників, вихованих віковою школою абсолютизму державного й церковного, не зосталось нічого, як опершись на Париж, узятись за абсолютистичну палицю й нею гнати всю Францію по дорозі поступу. Ось головна внутрішня причина, чому республіканці-якобінці взялись за політично-адміністративну централізацію, цілком противну заявлі «Декларації прав», до котрої й вони молились. Другі причини, між іншим, і роялістично-коаліційна війна,— побічні.

Підтягуючи провінції до свого ідеалу, якобінці наткнулися там і на недержавні національності з їх мовами, котрі почали було відживати перед тепла того руху, що зродив «Декларацію прав», між іншим, перекладати по-своєму цю декларацію. Проскрибовані якобінцями

громадські елементи, починаючи від попів і роялістів і кінчаючи республіканцями-федералістами, явились по провінціях і взялися і собі за пропаганду своїх ідей на недержавних мовах, почали протестуючи при цьому проти диктатури Парижа над усією Францією. Якобінці вгледіли корінь лиха в самому факті життя недержавних мов, відмінних від святої «мови Декларації прав». Вони поспішались якнайскоріше знищити ті мови.

8-го плювіозу II⁶⁹ року республіки Барер, член Комітету державного порядунку («Comité du salut public»), зробив у Конвенті рапорт про цю справу. Ми мусимо спинитись довше на цьому рапорті, бо документ цей має в собі всі сорти катковщини, які тепер можна здібати, напр., у російських національних централістів, починаючи від консервативних і кінчаючи революційними, котрих теорії ми розбирали в книжці «Историческая Польша и великорусская демократия».

Барер говорив: «Громадяни (*citoyens*)! Тираги, змовившись проміж себе, сказали: неуцтво було завше нашим найдужчим помічником; піддержім же неуцтво; воно творить фанатиків, вбільшує кількість противуреволюціонерів; відсунемо Францію до варварства — послужімось з народів малоосвічених або з тих, котрі говорять мовою іншою, ніж мова спільноти просвіти...

Комітет зрозумів цю змову неуцтва й деспотизму...

Я тепер зверну вашу увагу на найліпшу мову в Європі, на ту, котра перша освятила одверто права людини й громадянина, на ту, котра має на собі працю передати світові найвищі думки про волю й найбільші погляди державні.

Звісно, для Барера це мова французька. По його словах, вона недавно ще була невільницька, дворова, але від часу революції люди з усіх країн Франції заговорили нею з виразом волі й рівності.

«Тільки чотири є точки в республіці, на котрі мусить звернути увагу революційний законодавець з погляду мов, котрі найбільше противні ширенню громадського духу й ставлять перепони знаттю законів республіки та їх викону.

Між старими мовами, гальськими (*velches*), гасконськими, кельтійськими або східними, котрі творять відтінки в відносинах різних громадян і країн нашої республіки, ми запримітили (і рапорт послів національних говорить в один голос про це з різними агентами уряду, посланими в департаменти), що мова так звана бретонська (*bas-breton*), мова басків, мова німецька та італіянська продовжують царство фанатизму й забобонів (*superstition*), перешкоджають революції проникнути в дев'ятирічних департаментах і можуть сприяти ворогам Франції».

Барер огляда ці мови, причому, говорячи про італіянську на Корсіці, каже, що на цьому острові народ навіть не знає про існування нових законів, бо вони написані мовою, котрої той народ

нē розуміє. «Правда,— каже Барер,— від кількох місяців наші закони перекладаються на італіянське, але ж чи не ліпше б було поставити там кількох учителів нашої мови, ніж перекладчиків на мову чужу?..

Ось уже три роки, як законодавчі ради говорять про народну освіту. Закони про виховання мають виготовити ремісників, артистів, учених, літератів, законодавців, чиновників; але найперші закони про виховання мусять приготувати громадян, отже, щоб бути громадянином, треба слухатись законів, а щоб їх слухати, треба їх знати. Значить, ви обов'язані дати народові перше виховання, котре дасть йому можливість розуміти голос законодавця. Яку ж противність показують всякому розумному порядкові департаменти Рейнський, Морбіганський, Фіністер е т. і.? Законодавець говорить там мовою, котрої ті, що мусять виконати закони й слухати їх, не розуміють. Старі держави не знали такого разочітого й небезпечного контрасту.

Треба розповсюдити (populariser) мову (державну), треба знищити цю аристократію мови, котра немов ставить націю освічену серед нації варварської.

Ми зреволюціонували уряд, закони, звичаї, норови, одежду, торгівлю, саму думку; треба ж зреволюціонувати й мову, котра служить їм щоденним струментом...

Федералізм і забобони говорять по-бретонському, еміграція та ненависть до республіки говорять по-німецькому, контрреволюція говорить по-італіянському, а фанатизм говорить по-баскському. Розбиймо ж ці струменти шкоди й облуди!

Комітет подумав, що треба вам предложить як річ негайну й революційну: поставити в кожній громаді в означених департаментах по вчителю французької мови, котрий мусить учити молодих людей обох полів і читати кожної декади всім громадянам закони, декрети й накази, послані Конвентом. Ці учителі будуть перекладати усно закони для легшого розуміння їх, в перші часи. Рим наставляв молодь, навчаючи її читати закон 12 дошок⁷⁰. Франція буде навчати частину громадян французької мови по книзі Декларації прав...

Якби я сказав таке деспотові, то він би мене вилаяв; за часи монархії кожний дім, кожна громада, кожна провінція була немов осібною державою по життю, обрядах, законах, звичаях і по мові. Деспот мав потребу роз'єднати народи, розділяти країни, інтереси, перешкоджати стосунки, спиняти однаковість думок. Деспотизм піддерживав різницю мов; монархія мусить бути подібна до Вавілонської вежі, і для тирана нема другої загальної мови, окрім сили, щоб мати слухняність та податки, щоб мати гроши.

А в демократії, протиєво,— нагляд за урядом довірено кожному громадянинові, щоб наглядати за урядом, треба його знати, треба надто знати його мову.

Кілька видатків ми зробили на те, щоб перекласти закони двох перших державних рад на різні мови Франції, так мовбіто мусимо

ми підпирати ці варварські жаргони і ці грубі мови, котрі можуть тільки служити фанатикам і контрреволюціонерам.

Залишати громадян в незнанню мови національної (nationale — тут державної) — значить зраджувати батьківщину...

Громадяни! Мова народа вільного мусить бути одна і та ж сама для всіх!

Що це таке? Тоді як чужі народи на всьому світі учаться мови французької, сказати, що в самій Франції є 600 000 французів, котрі не знають ні законів, ні революції, що виробляються серед них?!

Треба нам мати гордість, котру мусить давати першенство французької мови з того часу, як вона стала республіканською, треба нам сповнити обов'язок!

Залишімо мову німецьку, малопристойну для народів вільних, поки (в Німцях) не впаде уряд феодальний і вояцький, котрому вона служить найдостойнішою окрасою.

Лишімо мову іспанську для її інквізиції й університетів, поки вона не виголосить вигнання Бурбонів, котрі відняли трон в народів всіх Іспаній.

Щодо мови англійської, котра була великою й вільною тоді, як вона обогатилася словами *величество народу*, то тепер вона стала мовою уряду тиранського й ненависного, банків та векселів!

Тільки та мова, котра дала свої згуки вільності й рівності, мова, котра має законодавчу трибуну і 2000 трибун народних... котра розказала всій Європі про вартість 14 армій, мова, котра служить струментом слави відвоювання Тулона, Ландау, Фор-Вобана й знищення армій королівських — тільки така мова може стати всесвітньою.

Це амбіція генія вільності; він її викона! А ми — ми обов'язані перед нашими согромадянами, обов'язані задля ствердження Республіки зробити так, щоб на всьому її обширі говорилось мовою, котрою написана Декларація прав людини».

Конвент дав декрет в дусі цього докладу, а скоро після того слухав новий доклад Грегуара⁷¹ «Про потребу й способи знівечити всі народні вимови (patois) і розповсюдити мову французьку» і видав прокламацію, зложену Грегуаром:

«Громадяни, ви маєте щастя бути французами!.. Ви ненавидите федералізм політичний; відкиньте й федералізм мови! Мова мусить бути єдина, як республіка!» і т. ін.

Відповідно таким поглядам політики Конвенту поступали не тільки у Франції, а і в тих країнах, котрі вони покоряли, «увільняючи їх від тиранства королів», як, напр., у Бельгії, де мова фландрська до останку витіснялася з урядів. Слідом за політиками Конвенту пішов Наполеон.

(Див.: Vinson, «La convention et les idiomes locaux» в «Mélanges de linguistique et d'anthropologie» par Ab. Hovelacque, Em. Picot et J. Vinson; De Hauleville, «La nationalité belge»; Gazier, «Lettres à

Grégoire sur les patois de France 1790—94». — «Documents inédits sur la langue, les moeurs etc.»)

Так виробилась система французького націоналізму централістичного, про котру в раніші часи не мали й думки. Ця система пустила серед французів глибокі корені, так що тепер ніде нема такого унітаризму, як у французькій громаді. Звісно, коли в XIX ст. по недобитих національностях Франції піднялися рухи до відродження національних мов, то серед висококультурних французів знайшлося досить дилетантів, щоб смачувати в тих руках і похвалюти їх. Але це, принаймні досі, не має ніякого впливу на офіціальне життя, ні в школах, ні в урядах не допускається мова, інша від державної французької. Звісно, не маючи попередньої поліцейської цензури, уряд французький в XIX ст. не міг видавати заборон на книги не-французьких мов, але не треба думати, щоб нові провінціально-національні рухи не мали проти себе Каткових у пресі французькій. Я приводив у «Вестнику Европи» приклади криків їх проти «сепаратизму» провансальського, в котрому нема десятої часті того соціально-політичного елемента, який є, напр., у Шевченка. Я міг би привести ще новіші приклади, та мушу берегти папір і час.

Розкажу наочні факти. Років 3-4 назад довелось мені жити літом в Савойській долині серед досить освічених французів. Між ними один інженер був з Провансу, а другий — інспектор академії з Британії. Саме тоді паризька преса чимало писала про провансальських патріотів «фелібрів», з приводу екскурсії, котру робили аматори в Прованс, де в руйні амфітеатру паризькі актори грали трагедію Софокла (по-французькому) і де потім приїжджі брали участь у поетичних святах фелібрів. Парижани — народ до всього цікавий, а до того серед літературної громади в Парижі має вплив симпатичний романіст Доде⁷², провансал (як і Золя) і приятель Фр. Містраля, «короля фелібрів», так що парижани збігались навіть дивитись на популярну процесію, досить дитячу, з «Тараскою» (змій, котрого вбив коло Тараскону герой крайової легенди). Тим більше вони любувались «південними літературними святами під південним небом». Але, як звичайно, не обійшлося в пресі і без виступів проти південного «сепаратизму».

В нашій вілледжіатурі під Монбланом читалась «Le Temps», котра давала гарячі описи екскурсії пера Фр. Сарсе, звісного критика й прихильника «діалектів і patois»⁷³. Довідавшись, що один з наших сожителів по хотелю провансаль, я зводив розмови на рух фелібрів, але дістав відповідь, що це справа чисто поетична, святкова й глибоко в щоденне життя не може й не мусить *iti*, бо інакше вона розділить французів на дві нації. В суті це ж саме казав мені один із шефів фелібрізму поет Руманіля⁷⁴, коли я був у нього в Авіньйоні в 1872 р. Я завважав, що поки весь рух фелібрів буде обмежатись на поезіях, доти він зостанеться гуртковим і поверховим.

«— Що робити? — питав Руманіля.— Писати популярно-наукові

книжки, виборчі маніфести, говорити по-провансальському на мітингах і т. і., коли вже закон не позволяє вам учити по-своєму в школах». — «Таке саме говорив нам один ваш компатріот», — завважив при цьому молодий фелібр, що був з нами. — «Хто такий?» — «Професор з Гельсінфорса». (Це був «фінноман», потім таке саме говорив фелібрам імператор бразілійський, і слова його були приведені в «Armana Grovençau».) — «Знаєте, — сказав мені Руманіля після одної такої розмови, — на це нам зважитись трудно, бо ми все-таки французи (*parce qu'aprés tout nous sommes des Français*)».

Тепер фелібри пішли трохи даліше: трохи більше пишуть прозою, Містраль навіть говорить про те, щоб постили мову провансальську в школу, але це все дуже слабе, коли порівняти навіть з працею і змаганнями українофілів у Росії.

Коли я зачепив інспектора бретонця, то він мені з гордістю сказав, що він хоч родився в Бретані, але мови бретонської не знає і не хвалить не тільки щоб писати нею, а навіть того, що уряд піддержує існування цеї мови тим, що дає вчителям народним школам із тамтешніх людей, котрі все-таки, бачачи, що діти не розуміють по-французькому, обертаються до них хоч по-бретонському.

«Треба, — казав мій собесідник, — послати туди учителів чистих французів, щоб слова не говорили бретонського, і тоді зразу справа була б скінчена!» — «Ну, — кажу я, — треба вам узяти приклад з нашого уряду, котрий навіть попів посила в Грузію таких, що слова грузинського не знають, так що навіть тайна сповіді там відбувається з драгоманом!» — «Справді? — спитав мій бретонець і, зрозумівши в словах моїх іронію, прибавив зо сміхом: — А, це дуже вже сильно, сповідь з драгоманом!» — «Правда, — сказав я, — але веде ще радикальніше до «тріумфу національної мови над крайовими жаргонами».

Можу завірити, що 99 на 100 звичайних освічених французів дивиться на патуа, як мій бретонець-інспектор.

Не так давно моя родина купалась в океані в біскайському містечку Гітарі, коло іспанської границі. Раз величенька компанія гостей з різних провінцій Франції, різних професій, гуляючи коло містечка, наткнулась на дітей і хотіла щось розпитати в них. Але діти нічого не розуміли по-французькому, а гості не вміли ні слова біскайського. Гості страшенно розсердилися, а надто одна дама, котра вилаяла дітей в дусі Конвента, доказуючи їм, що вони «французи і мусять знати свою національну мову». На горе, діти не зрозуміли її цеї рації. В усій компанії знайшлася тільки одна людина, котра доказувала, що коли ми заїхали в біскайську землю, то ми мусимо й вивчитись біскайської мови, а коли ні, то хоч терпіти, що біскайські діти нас не розуміють. «І та бе — українка!» Решта знала тільки одно: тут Франція, вони французи, вони мусять говорити по-французькому!

Не диво, що єдина концесія від держави французької, яку дістали недержавні «жаргони» в останні часи, — це розказ міністра пошт (фелібра), щоб за телеграми провансальські й бретонські у Франції

платити не 15 сантимів за слово, а 5. Бачите, тепер всій Європі можна посылати телеграми, на якій кому вгодно мові, навіть шифровані, аби латинськими буквами та арабськими цифрами (я сам не раз посылав і получав телеграми у Швейцарії й Франції російські й українські). Всередині Франції тариф на телеграми, писані мовою французькою, 5 сант. за слово, за мови чужосторонні (*langues étrangères*) — по 15 с. От фелібри й підійшли до свого товариша, котрий став міністром пошти, з тим, що мова провансальська не чужостороння, а теж французька, крайова б то, і міністр підвів її під 5-ти сантимінний тариф та до компанії прибавив і бретонську! Фламандську, італіянську й біскайську тоді забуто, і не знаю, чи потім хто добавив і їх чи, скоріш, ні. Але Каткови в пресі французькій не пропустили протестувати й проти такої концесії провансалам і бретонцям.

Найгірше у Франції стоїть справа недержавних мов через те, що там вона мусить боротись не тільки з законами, а й з звичаями, в котрих французька громада страшенно консервативна. Звісно, що для французів легше змінити форму держави, ніж викинути зайву букву в академічній орфографії. По часті мови нема в Європі більше централістичної громади, як французька. В Германії такий Моммзен так і ріже свої лекції гольштінським акцентом, і в шкільніх книжках побачите зразки провінціальних поезій Грота⁷⁵, Кобеля⁷⁶ і т. і. В Італії ще більше вільності: там по провінціях є театри, де грають на діалектах, і ніхто не боїться вимови, а то й розмови на діалекті.

Сам перший король єдиної Італії, умираючи, говорив до свого сина по-п'емонтському. (В Італії є курйозна мішанина парткуляризма з унітаризмом⁷⁷. Напр., між офіцерами армії вважається за добрий тон закидати по-п'емонтському, бо кадри спільної італіянської армії вийшли з П'емонту і Віктор Еммануїл⁷⁸ любив п'емонтську мову; на флоті закидати по-генуезькому.)

У французів все, що нагадує *patois*, висміюється. І цей дух перейшов навіть у т. зв. французьку Швейцарію, де женевець буде невдоволений, коли ви його назвєте французом, і скаже вам: «я женевець», і тут же поправить дитину, коли вона скаже або вимовить слово на лад женевського патуа. Водський кантон (*Vaud-Waadt*) більшою своєю частиною належить властиво не до французької мови, а до провансальської (*lange d'oc*) і має у себе поетів-лауреатів на зборах фелібрів, але, борони Боже, щоб у школах кантону або в урядах вживано хоч слово з кантонального патуа, а не з академічної французької мови. Інше в німецькій Швейцарії, де хоч книжна й актова мова все-таки *neu-hoch-deutsch*, та і в домі багатого бюргера, і в шкільних розмовах, і на мітингах, і на *Landsgemeinde*⁷⁹ почуєте різні варіанти *Schwitzer-Dütsh'a*⁸⁰.

Останніми часами науковий фольклорний рух почав трохи змінити погляди французької громади на патуа (недавно стала виходити спеціальна *«Revue de patois»*) паралельно тому, як і в адміністративних порядках потроху вводиться децентралізація. Але, взявши на

увагу всі звички французької громади, питаєш себе, що швидше настане: чи нові погляди підкопають державно-національний централізм, чи він заїсть в кінець недержавні мови й діалекти?

Ми розповіли докладніше про стан недержавних мов у світі французькому, бо це річ цікава, а також через те, що наша громада на диво мало зна цю справу. Приклад тому не тільки д. Баштовий з його статтею в «Ділі», а навіть земці-українофіли, котрі в 1880 р. в Чернігівській земській губернській раді промовляли за тим, щоб українську мову допустити в школу і покликувались на приклад Провансу й Бретані!!! Признаюсь, що я прожив тоді кілька тижнів з холодом коло серця, чекаючи, як такі аргументи перекине який катковець показом на те, що у Франції ні в одній раді навіть ніхто й не писне про те, щоб у школу пущено було яку мову, окрім державної французької. Далі про другі держави я буду говорити коротше.

Мені трохи чудно було розповісти в журналі австрійському історію германізаційних заходів уряду німецько-австрійського проти різних слов'янських і інших національностей держави. Та й російська публіка мусить же щось знати про переслідування чеської мови після білогорського бойовища (1620 р.), про германізаційні заходи уряду Марії Терезії⁸¹ й Йосифа II⁸², бо про те досить оповідається в «Істории славянских литератур» Пипіна й Спасовича і почасті в «Нової істории Австро-Угорщини» Спасовича (по Шпрінгеру).

Я нагадаю коротенько про централістично-германізаторську політику М. Терезії й Йосифа II, бо в ній ясно видно систематичне наслідування французької системи з її мішаниною державно-національного централізму заходами дійсно просвітніми (*Anfklärung*), через що система ця стає принадливішою й тим більше шкідливою. Нагадаю тільки державно-централістичні інституції М. Терезії, закладені ще в 1747—49 р. (*Hofrechnenamt*, K. k. vereinigte Hofkanzlei), германізаційний, хоч добрий в суті своїй на той час шкільний закон 1771 р., германізацію гімназій і празького університету, добру тим, що витиснено латину, та не добру тим, що ніяка інша мова, окрім німецької, не була заважена, та що дітей, що не знали німецької мови, навіть не велено було брати в гімназії; указ Йосифа II 1784 р. про заміну латини німецькою мовою в офіційних закладах Венгрії, без усякого права для інших країнових мов і т. д.

Не може бути сумніву, що державно-національний централізм у Росії з XVIII ст. наслідував Францію, Пруссію та Австрію. Звісно, підстави для того були й хатні: *дикі* — в національній виключності, котра була в москалів, як і в усіх народів, і *культурні* — в релігійній нетолерантності, котра мусила вкоренитись серед великорусів в часи боротьби з татарами-мусульманами й поляками-католиками, що сіли було в 1610—1613 рр. в самій Москві й поводились там не дуже-то толерантно; нарешті — *державні*, бо й стара Московщина виробилась у централізовану монархію й була свого роду Францією, тільки дикуваною. З усього, що нам писано про Московське царство XVI—XVII ст.,

б'є в ніс дух нетолеранції національно-релігійної середвищих верстов людності, хоч, з другого боку, навіть з самих намов духовенства московського видно, що простіші москалі братались і женились з усякими «поганими» — мусульманами, поганцями на Сході і дружили з «лютерами й кальвінами» на р. Двіні, в Новгороді і т. і. Після Петра I, котрий навіть офіційно підписувався по-голландському, ця м'якість великорусів перед чужими націями явно себе стала показувати, хоч, з другого боку, рішуче централістична система політично-адміністративна, котра склалась у Росії на старомосковській основі, але під видимим упливом німців, мусила виробити й систематичний державно-національний централізм. Зовсім рішуче він себе починає проявляти з часів Катерини II, котра в 1764 р. написала знаменіті слова в своїй інструкції генер [альному] прокуророві кн. В'яземському: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия (тоді невеличка східна частина теперішньої Фінляндії) суть провинции, которые правятся конфіrmованными им привилегиями; нарушить оныя отрешением всех вдруг весьма непристойно б было, однако ж и называть их чужестранными и обходитьсь с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностию — глупостию. Сии провинции, также и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусили и перестали бы смотреть, как волки к лесу. К тому приступ весьма легкий, если разумные люди избранны будут начальниками в тех провинциях; когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб век и имя гетманов исчезло, не токмо б персона какая была произведена в оное достоинство».

Тільки ж і ці слова Катерини, про котру треба пам'ятати, що вона була все-таки німкенею на російському престолі, мали смисл більше політично-адміністративний, ніж національний. І після Катерини II централізм у Росії був більше державним, ніж національним, аж до самих 1863—1866 рр. В перший раз проявився рішуче централізм національний у Росії після польського повстання 1863 р., коли Катков виголосив характерні слова: «Чому ми не мусимо й не можемо робити того в Польщі, що Франція робить в Ельзасі, а Пруссія — в Познані?»

В словах цих ясно видно, що обрусеніє не є система, котра витікає з духу національного великорусів або з спеціально російського державного ґрунту, а є, принаймні на добру частину, наслідуванням певної фази всеєвропейської державної політики. Специфічно російським елементом в теперішній системі обрусенія можна вважати певну брутальність, котра проявляється, напр., в повертанні уніатів на православіє або в забороні української літератури. Та й така брутальність видається російським специфіком тільки для нашого XIX ст., бо в XVII—XVIII ст. відносини Людовіка XIV до гугенотів або англійського уряду до гірських шотландців були ще більше брутальні. Та навіть тепер, коли порівняємо відносини російського абсолютноного, тобто тепер архаїчного, уряду до уніатів і українців з відносинами конститу-

ційного венгерського уряду до словаків, то ще хтозна-кому треба буде видати премію на конкурсі брутальності. Ми мусили б спеціальніше оглянути відносини російського державно-національного централізму до національності української, але ця справа потребує цілого тому, щоб бути виясненою. Скажемо найкоротше тільки для того, щоб нас не докорили, що ми обминули найцікавіший для галичан-українців вік історії системи обруsenія.

Основу для централізму національного й тут, як інде, робить централізм державний, політично-адміністративний. Певне, *lex Jusephovicia* 1876 р.⁸³ можлива тільки через те, що нема ніяких політично-адміністративних інституцій, котрі б стояли на дорозі між петербурзьким бюрократизмом і Україною. В XVII ст. Україна мала такі інституції в козацькій Гетьманщині. Московський уряд почав з того, що обрізав ті інституції. Тільки ж не треба забувати, що Україна стратила свою політичну автономію принаймні на половину через самих синів своїх. Вже в перші роки після злукі з Москвою чернь посполита й козацька з самим Запорожжям, міщани й частина духовенства, державчись монархічних ідеалів, ішли проти автономних тенденцій козацької старшини й вищого духовенства і підрізали ті тенденції між 1657 і 1663 рр. Потім міщани, запорожці й почасти посполита чернь, скуштувавши боярського уряду, почали зміняти думки, але вже запізно, та й дійшла до ліберального ідеалу, свідомого себе, хіба частина запорожців (К. Гордієнко і т. і.); коли тим часом старшина козацька, повертуючись у панство, за Самойловича й Мазепи, сама підбурювала Москву проти запорожців. Коли Мазепа піднявся проти царя, тоді він і частина старшини козацької попробували зійтися з Запорожжям, але знову запізно. Тим часом самі порядки Гетьманщини, прилагоджені більше до вояцького, ніж до мирнодержавного життя (бо при них не тільки поспільство й міщани, але навіть шляхта, яко така, не мала політичного права), застаріли так, що український автономізм, проявляючися за часів Катерини II, перед смертю Гетьманщини й Запорожжя був настільки архаїчний і по своїй формі, так мало подібний до всеєвропейського лібералізму того часу, що міг тільки дати урядові петербурзькому привід хутніше скасувати українсько-козацькі порядки. Великого жалю те скасування на Україні не викликало, надто скасування Гетьманщини, про котре, напр., ми не маємо ні одної пісні. В простому народі скасування Запорожжя, очевидячки, визвало жаль, котрий видно по великому числі пісень, та провідною думкою в них іде жаль не за автономією козацькою, а за те, що «степи подаровано генералам», тобто думка не національно-політична, а соціальна. Так само і в освічених українців, коли виявився літературний протест проти політики Катерини II, то не з приводу автономії козацької, а з приводу кріпацтва, що завела Катерина II (ода Капніста, писана по-російському). Коли політика Катерини до України чим відміняється від політики сучасних їй державних централістів в Європі, так це власне в заведенню у нас кріпацтва тоді саме, як європейські державні центра-

лісти, котрих наслідувала Катерина II, хоч касували автономію клас і провінцій, так вменшували кріпацтво. Тільки ж треба пам'ятати, що в цьому Катерина II тільки вивершила й припечатали політику, яку проводила вся козацька старшина українська, починаючи з самих часів Богдана Хмельницького,— московофіли, як і автономісти, і ще незвісно, хто з них більше. В документах, що можна вважати за *maxимум* автономізму серед козацько-українського панства за часів Катерини II і в котрих можна бачити навіть сліди впливу на те панство сучасних європейських політично-ліберальних думок, а власне в просьбі «о восстановлении разных старинных прав Малороссии», поданій в 1764 р., а також в промові одного українського шляхтича «о поправлении состояния Малороссии», певне, сказаній тоді ж, найвиразніше проситься «*самовольный малороссийских мужиков переход (который побиться) в силу прав малороссийских впредь навсегда пресечь*» («Киев[ская] старина», 1883, іюнь, 343; 1882, жовтень, 124). Звертаємо увагу ще й на те, що ці автономістичні документи писано зовсім не по-українському, а на добрій тодішній офіціальній російській мові, вже досить повелікорусеній. Подібною ж мовою писаний і українсько-патріотичний діалог «Разговор Великороссии с Малороссией» («Киев[ская] старина», 1882, II, 325 і далі), писаний в половині XVIII ст.

В новішій нашій інтелігенції деякі спомини про стару козацьку автономію прив'язуються до тенденцій європейського лібералізму, але майже так само, як зовсім уже археологічні спогади про ще старіші городські віча. І всі такі спомини далеко менше вбирають у себе новий лібералізм, ніж спогади про Земські собори Московського царства або всеросійську Катеринину *Комісію* 1767 р. (Нагадаємо адреси земств українських в 1878—1881 рр.)

Національно-культурний автономізм український теж пропав на добру частину через недбалість і добру волю самих українців. До самих часів Катерини II, коли шкільні книжки українського видання став заміняти московськими та петербурзькими українець же, київський митрополит Миславський⁸⁴, великоруський уряд не робив нічого для культурної денационалізації українців. (Не треба думати, що книжки, котрі виганяв Миславський, були народно-українські: то була церковнослов'янщина з примішкою українщини.) Навпаки, українські архіереї, учителі й т. п. могли обукраїнювати Москву, скільки б хотіли. І дійсно, містерії київської композиції грали семінаристи навіть у Сибіру *, Мазепа писав до Меншикова по-українському, і сам Петро I говорив у Білій Русі та в Галичині по-українському. Лихо наше було в тому, що наш освітній рух XVI ст., на котрому видно було вплив європейського відродження наук і реформації, не вигорів через Берестейську унію й визвану нею православно-козацьку реакцію, котра дала

* Нагадаймо, що в початку XIII ст. в протягу 30 р. не було в Росії висвячено ні одного архієрея-великоруса, а все українці, котрі урядували по всіх єпархіях од Києва до Сибіру.

в нашому письменстві XVII ст. перевагу церковнослов'янсько-руському макаронізму над елементом народним. Через те наші письменники XVII ст. не чули різниці своєї мови від письменської мови московської, також по-своєму макаронічної. А коли ця остання за часи Петра Великого стала органом розширеної державної культури, з досить сильним для тодішньої Східної Європи процентом світських європейських інтересів, то московсько-петербурзька література, которую виробляти помагали за Петра В [еликого] й українці, стала ширшою й живішою, ніж тодішня українська, й потягла до себе й наших людей, котрі дивились на неї не як на чужу, а як на свою, й незамітно починали всвоювати і її мову. (Див. між іншим дневники українців з XVIII ст., що друкуються в «Киевск [ой] стар [ине]»). Ми боямось пускатись тут у розмову про справу, которая потребує ще спеціальних студій, але не можемо проминути зовсім одного боку питання про відносини культури на Україні і в Москві в кінці XVII і в початок XVIII ст. Треба бути дуже обережним з такими словами, як ті, що Москва тоді була зовсім дика та що українці й занесли до неї культуру,— фрази, котрими рясує, напр., «Історія руської літератури» д. Огоновського, котрий, очевидно, не дав собі труду познайомитися з історією письменства й культури на Московщині навіть по загальніх працях, як Галахова, Порфир'єва і т. і. Безперечно, взагалі культура стояла в XVII ст. нижче в Московщині, ніж на Україні, і українці багато послужились тоді московській культурі. Тільки ж зовсім уже дикою Московщина не була; в ній, напр., зоставалось дещо з культури старих городів, як Новгород, Псков і др. А до того нові культурні впливи йшли в Московщину не з самої України, а й з Польщі — через Білу Русь і просто через переїжджих, а також і від німців, шведів, голландців, англічан, через приїжджих і цілі колонії чужинців, котрі закладались у Новгороді, Архангельську, Холмогорах і в самій Москві. Ці чужинці, а надто протестанти, несли в Московщину культуру де в чому свіжішу і ширшу, ніж тодішня українська, занадто попівська та козацька, которая в XVII ст. стояла під переважним впливом католицької Польщі, культуру державно-технічну й навіть письменство світське — початки повістей, новели, сатиричні картини і т. і., котрих зостаткі тепер розбирають спеціалісти, як Пипін, Веселовський, Ровинський⁸⁵ і т. і. Це все готовило в Московщині XVII ст. питомий ґрунт для т. зв. *Петрової доби*, которая зразу поставила державі й письменству завдання світські, широкі й свіжі, перед котрими завдання попівсько-козацької України XVII ст. стали вузькими й застарілими (різницю й відносини культурні між Україною й Московщиною за часів Петра I-го можна бачити, напр., переглянувши самі заголовки книг, котрі показані в праці Пекарського⁸⁶ «Наука и литература в России при Петре Великом»). Тоді ще на Україні друкувалось більше книг, ніж у Московщині, і Петро I посылав московських друкарів учиться навіть у Чернігів, та на Україні друкували майже виключно стару церковщину, а в Московщині виходили й речі технічні й учебники, як «Книга морського плавання»,

«Воинские правила», «География», «Геометрия, славенское землемерие» і т. і., та такі освітні новоєвропейські речі, як твори Пуффендорфа, Г. Гроція, Ліпсія⁸⁷ і др. по історії, політиці, фінансах і т. і. Варто б украйнолюбцям, а надто галицьким клерикалам, роздумати над цею різницею й тепер!).

В цій відсталості України перед Москвою можна й треба винуватити історичні обставини XVII ст., котрі не дали козацькій Гетьманщині перейти в новоєвропейську впорядковану державу, не дали зреалізуватись проектам закласти на Україні університети й гімназії, проектам, котрі старий протестант, соціанін Юрій Немирич вніс у Гадяцьку умову 1658 р. і т. і. Між тими обставинами винен перед Україною і московський уряд. Та це не змінить факту, що під кінець XVII ст. в Московщині склалися умови культури ширшої й свіжішої, принаймні в вищих верствах громади (в нижчих українці й досі культурніші від москалів!), і що до культури тої з XVIII ст. українці потяглися добровільно.

Так-то сталося, що Московщина, бувши слабшою від України культурою масовою, стала вище від України культурою передніх рядів громади, і через те перетягла до себе й передні ряди українські. Ось де історична правда, а разом і велика наука для нас! *Коли ми хочемо хоч зрівнятись тепер з Московчиною, то напружімось, щоб хочде в чому випередити її передні ряди;* тепер, коли література російська здавлена цензурою, а наша в Галичині може мати велику вільність, саме час для такого напруження. Ось через що тепер нема більших ворогів будучини нашої національної літератури, як усякі консервативні, клерикальні й т. і. угодовці...

Але ж вернемось до історії. Ненормальності свого письменського стану почали розуміти деякі українці XVIII ст. аж тільки тоді, коли в російській літературі став рішуче тиснутись замість церковнослов'янського простонародний великоруський елемент, котрий різав уха українцям своєю відрубністю від нашого простонародного ж, і тоді наші Котляревські почали писати нашою простою мовою. Але ж і вони не думали, що творять осібну від російської національну літературу й не мали претензії бачити мову останньої в школах, принаймні в вищих, в судах і т. і. (Досить характерно, що коли в 1813 р. закладалось і в Росії Біблійне товариство під впливом англійського і в зв'язку з ним і надрукувало за короткий час, поки в 1826 р. уряд його не закрив, біблійних книг на 30 мовах, в тім числі на 17 мовах у перший раз; коли навіть чужинці, як греки, волохи та серби, оберталися до того товариства, ніхто з українців не подумав подати йому до друку український переклад біблії.) Перший в XIX в. документ, в котрому ясно проведено українську автономічну думку, «Істория русов», писаний прекрасною російською мовою 20-тих років.

Тенденцію провести мову українську в школи, в суди і т. д. почали забирати собі в голови тільки невеличкі українофільські гуртки 40-вих років під впливом думок західнослов'янських національних рухів.

З усіх таких тенденцій найбільше розширилась і отримала серйозну вагу в часи емансидації селян (1857—1863) тільки думка про народну українську мову в елементарній школі, в популярній літературі, в сільсько-громадському уряді, в словесному мировому суді. (Про це свідчать такі сучасні документи, як, напр., «Замечания на проект средних и низших училищ», видані мін [істерством] нар [одної] освіти в 1863—1864 р., документи, в котрих видно думки не гуртків, а цілих корпорацій, напр. учительської, згідно з котрими потім висловились і деякі земства з Чернігівської губернії під проводом звісного російського педагога бар [она] Н. Корфа.) Вихідна точка таких думок була зовсім не національна, не потреба задоволінити інтереси національної інтелігенції, а чисто демократична й утилітарна: потреба подати простому народові освіту в найприступнішій для нього формі та дати йому можливість розуміти й боронити свої права, дані йому законами. Уряд російський, тоді ще «новичок» в теоріях державно-національного централізму, спочатку не противився таким думкам і в 1861 р. навіть обернувся до українофільських авторитетів у Петербурзі, щоб вони переклали на українську мову «Положение о крестьянах 19 февраля», і справа ця не вигоріла, здається, через незгоду між самими тими авторитетами. (Пригода ця, однаке, не звісна докладно, я чув тільки, що між українофільськими авторитетами вийшла між іншим незгода із-за того, що одні дивились на справу спроста, утилітарно, думали, що «Положение» треба перекласти на мову простих мужиків, щоб вони ліпше розуміли його, а другі хотіли покласти перекладом «Положения» ґрунт для історично-національно-правової мови і для того зажиткувати мови старих актів.) Тільки з 1863 р. уряд російський кинувся вороже на всяку українську тенденцію.

Тільки ж треба сказати, що рішучої опозиції, навіть осуду, уряд не визнав серед загалу інтелігенції на Україні, бо ополячена частина тієї інтелігенції навіть в 1859—1863 рр. підбивала уряд проти «української» хлопоманії, а помосковлена — була взагалі досить холодна до українства. Опозиція виходила тільки від гуртків і, треба ж сказати, була ні енергійною (навіть настільки, щоб показувати право української літератури цінними працями, друкованими в Галичині), ні зручною.

Нехай я стану свого роду «проклятою Мазепою», для певного сорту українських національників, але я мушу сказати, що прирівняння обрусенія, напр., Польщі до «обрусення» України є не слухнє й не зручне. Нехай би наука признала, що українська національність не тільки так само відрубна від московської, як польська, але й німецька або навіть фінська, то з того все-таки не вийде, що «обрусені» України усе рівно, що «обрусені» Польщі. В Польщі відрубність національна й право на автономіючується не в учених кабінетах, а всюди в житті і маніфестирується всячими способами серед польських мужиків, як і серед панів і літераторів. На Україні не так. Навіть заборона 1863 р. перешкоджала, напр. Костомарову, друкувати в Росії по-українському

Біблію та популярно педагогічні книжки, але не забороняла йому друкувати по-українському «Богдана Хмельницького», «Мазепи» й т. і. Чого ж він писав їх по-московському? Чого пишуть по-московському наукові твори всі теперішні українські вчені, навіть патентовані українофіли? Чого сам Шевченко писав по-московському повісті або навіть інтимний «Дневник»? Очевидячки, того, що всі ті інтелігентні українці зовсім не так почують свою відрубність від москалів, як, напр., поляки.

Який же резон ми маємо кричати, що «зажерна Москва» *вигнала* нашу мову з урядів, гімназій, університетів і т. і. закладів, в котрих народної української мови ніколи й не було або котрих самих не було на Україні за часів автономії, противуставляти цьому «нечуваному варварству» права фланандців у Бельгії або поляків і навіть венгрів у Австрії? Варварством для XIX ст. являється тільки заборона української літератури 1863 і 1876 р. (ще під кінець XVIII ст. за Іосифа II цензурний нагніт на чеську мову був дійсно не менший, ніж ця заборона!), а в усьому іншому Росія трактує Україну так само, як Франція — Прованс. Похвалити за те Росію, звісно, не можна, але й ганьбити її більше, ніж Францію, теж нема рациї.

Діло в тому, що ідея національної й навіть адміністративної децентралізації в державах, котрих історія заставила перейти через кілька сотень років централізаційного періоду (а в Європі, власне, тільки дві країни пішли цілком по іншій дорозі — Швейцарія та Нідерланди), — ідея нова. А серед того ще новіша ідея вартості й права національностей, котрих історія обернула в *плебейські* й навіть сільські, та ще, як провансали й українці, попридержавних націях, дуже їм рідних. Дивлячись холодно-науковим поглядом, нічого й дивуватись, що ця ідея має ще так мало прихильників. Дивно було б, якби було інакше!

Такі національні рухи, як український, мусять вибороти собі признання й права — працею культурною й політичною. Наскільки «москалеїдство» може послужити в цій боротьбі? Ми показали в попередньому огляді, як мало воно має за себе історичного резону. В дальшому ми поставимо питання: наскільки москалеїдство практичне і чи нема других способів боротьби за українську національну автономію, більш відповідних дійсному ходу речей, між іншим, і дійсному зросту системи «обрусення», а через те одне вже й більше практичних?

*Фатальність українського сепаратизму при погляді на обрученіє як на наслідок національної вдачі великорусів. Шанси й характер українського сепаратизму. Вартість аноніму в політичних справах. «Одчайдухи» — московлюбці й москвожерці. Конечність боротьби з політично-адміністративною централізацією в Росії при реально-історичному погляді на систему «обручення». Союзники українців у тій боротьбі: невеликоруські нації, а надто плебейські, великоруські ліберали, а надто земські. Неслушність спорів з великорусами про наші національні права. Потреба умови з ними на грунті чисто політичному: прав особи, вільних порядків державно-адміністративних. Федералізм і земська самоуправа (*selfgovernement*). Тенденції земські в Росії. Природна постепенність зросту українства при політично-адміністративній волі в Росії. Безполітичне українство.*

Відповідно до того, звідки ми будемо виводити ту систему «обручення», котра тепер давить нас, українців, як і другі невеликоруські нації, ми складемо собі й думки про те, як нам бути з тим «обрученієм».

Коли згодимось, що це «обрученіє» витіка з «духа, вдачі» і т. і. (дивись про цю синоніміку в «Правді») великоруського народу, тоді нам зостається одно з двох: або рішуче йти до того, щоб відрватись від великорусів у осібну державу чи до другої держави, або, коли на те нема сили ні охоти, то скласти руки й ждати своєї смерті.

Я не нав'язую своєї думки нікому і навіть радий був би, якби мої думки в цій справі були перекинені фактами, але поки що я кажу одверто, що *ніде не бачу сили, ґрунту для політики державного відриву (сепаратизму) України від Росії*, а, окрім того, бачу багато інтересів спільніх між українцями і Росією, напр. справу колонізації країн між Доном і Уралом. (Про це говорив я в брошурі «Вільна Спілка, Вольный Союз»⁸⁸.)

Справа про «український сепаратизм» — справа делікатна. Але зовсім обійти її не можна, хоч би й з огляду на те, що тепер пишеться в певних галицьких виданнях. Я вже мусив говорити про це в статтях «Неполітична політика» і пробував говорити в відповідях на запити, як мені вбачалось, щирі, деяких українців у «Правді»; так в тих грубостях, з котрими мені вернув мої відповіді директор чи комісіонер «Правди», було написано, що я навіть донощик московському урядові, коли говорю про «український сепаратизм». Я думаю, що московський уряд не

має потреби в моїх доносах, коли може прочитати в «Ділі» звісні сеймові бесіди, напр. о. Січинського, або й у «Правді» допись проти моого скептицизму з поводу тих бесід і в ній рішучі слова про «цілу партію українців-австрофілів» у Росії («Правда», 1891, т. I, вип. 2, 107—108. З Київщини).

Коли мої слова в цій справі можуть мати яку-небудь вагу в очах московського уряду, то вони мусять хіба заспокоїти його в страхах українського сепаратизму і через те вменшити його гнів на дописачів «Правди» за їх москвожерні і австрофільські фрази. Не бачачи ніде, ні в якій силі громадській на Україні, окрім хіба частини польської шляхти, і то дуже тепер наляканої урядом і мужиками, ніяких підстав для державного сепаратизму і бачачи, що він проявляється тільки слабенькими з наукового й письменського боку анонімними дописами в «Правду», я і відмовляю тепер принаймні всякої серйозності українському сепаратизму.

Не тільки в російській Україні нема «цілої партії» сепаративної чи австрофільської, а нема навіть і одного гуртка людей з такими думками, котрий мав би яку-небудь серйозну політичну вагу. Основую своє свідоцтво, між іншим, і на тому, що український сепаратизм і австрофільство нічим себе не проявляє, крім анонімних дописів у якій-небудь «Правді». Звісно, всяка противодержавна праця потребує часами таємності, аноніму, псевдоніму, але ж щоб увесь який сепаратистичний рух держався самою таємністю та проявлявся тільки фразами в анонімних дописах, того ми не бачили ні в однім серйознім національно-політичнім рухові, напр., у італіянців, мадярів, поляків і т. д. Що ж то воно за ідея, що не знайшла собі за 20—30 років ні одної людини, котра б без маски, сміливо проговорила її, котра б не віддала за ту ідею не то життя, а навіть частини свого спокою, кар'єри і т. і.? Очевидно, що таку ідею треба просто вважати за практично не існуючу, за *quantité négligeable*⁸⁹ *. Не маючи під собою ніякого

* Москалі кажуть: «Каков поп, таков и приход». Але вірно, що й парафія вплива на попа і що оратор мусить числитись зі своєю публікою, то й ми мусимо часами звертати увагу на ті способи спору, котрих уживають проти наших думок «правдяни», певно ж рахуючи на звісний ефект перед якоюсь частиною української публіки. Способи ті найбільше особисті напади, «покази психології» противника, як кажуть дд. «правдяни». Так і в справі анонімної політики мені просто закинули те, що й я сам уживав аноніму. Правда, але тільки тоді, коли моя праця в українських справах торкалася цілком літературних речей та була припадковою. Та й то, коли я в 1865—1866 р. по просьбі кількох земців та педагогів чернігівських написав укупі з покійним Судовщиком у «СПБ. ведомостях» дві статті про «земство і укр. мову в школах на Україні» і коли тодішній попечитель київський заявив, що він розгонить українофілів-педагогів чернігівських, я взяв на себе відповідальність за ті статті. В 1874—75 р. я, «будучи на службі царській», підписував свої праці про Україну, коли передо мною стала дилема або систематично працювати для українства, або кидати це діло. Коли певний український гурток порішив виступити з своїми політичними публікаціями за границею і поручив мені редакцію їх, тоді я поставив зараз справу про аноніми. Гурток рішив висту-

політично-соціального ґрунту, а в собі ніякої сміливості, українські сепаративні тенденції не доходять ні до якої навіть літературної ясності й держаться самими тільки чуттями, та й то більше негативними, ніж позитивними, котрі, звичайно, самі себе бояться. Галичани можуть собі уявити українських сепаратистів по тих типах з московілів, котрі про себе звуть себе «твердими», про себе моляться на північ, а прилюдно — найзвичайніші попи та чиновники, котрі навіть попереджають других в офіційній, навіть польській лояльності. Ті люди немов поспішаються загладити гріх свого «помышлення» поклонами свого «раболепія».

Такі були ті сепаратисти «помышлением», яких я мав пригоду бачити і описувати. Вони навіть рідко надумувались на дописи в яку «Правду», а казали: «Не треба нам нічого робити, все за нас зробить Бісмарк!» Тепер дописів у «Правду» більше, хоч по стилю їх можна битись об заклад, що авторів їх ніяк не більше, як 5 душ, коли й не менше. Прогрес невеликий, та й про той прогрес галичани можуть судити по дописах власних «одчайдухів», кажучи народовською термінологією. Як і в сепаратистів-«правдян», так і в московільських одчайдухів нема реально-політичної думки, навіть нюху до реальних фактів, а є тільки чуття ненависті, котре не може знайти собі навіть відповідного слова і котре, навіть коли праве, то кидається в таку сторону, що само себе ріже. Так московільський «одчайдух», коли навіть розказує про дійсну кривду, що терплять русини в Галичині, то не тільки попсує свій малюнок схематичним, а то й фантастичним нарисом, а ще додасть: «Вот какова наша свобода, конституция!» — і тим влучить в цілі російських прихильників «самодержавия». Так само коли «одчайдух» - московоненависник задума описати яке лихо українського народу в Росії, то безпремінно одними й тими ж стереотипними фразами поставить його як ознаку «російської культури» і тим прислужиться, напр., святоюрським антикультурникам!

Більше паралелей проводити тепер не буду. Читач сам зробить їх колекцію, коли схоче, вибираючи перли з літератури одчайдухів по обидва боки Збруча.

Очевидно, що такими заходами не тільки не поб'еш Москву, а

пати без підписів, по прикладу тодішніх російських видань, як «Вперед», «Набат». Резон був такий, що підпис під статтею ясно опозиційного видання буде затруднити авторам всяку роботу в Росії. Але як тільки мені прийшлося у Відні видавати першу брошуру хоч трохи з політичним змістом («По вопросу о малорусской литературе»), зараз же я почув усю несерйозність політики анонімної і підписав ту брошуру своїм іменем. Зараз же російська урядова цензура вирізала в «Русской старине»⁹⁰ мою невинну статейку з поводу рецензій на мою збірку казок, і я став «виелімінований з російської суспільності» і літератури. Але це не вдержало ще кількох земляків, однакових зо мною політично-соціальних думок, підписувати свої писання, котрі друкувались в Женеві. Я не стану ні собі, ні їм приписувати політичної ваги, та все-таки зауважу, що наш федераціально-соціальний напрямок виставив одверто свій прапор і імена коло нього, тоді як сепаратистично-націоналістичні тенденції на Україні досі живуть неясними натяками та анонімами.

можна тільки побити самих себе в громадській думці й дома, й серед широкого світу. Коли ж признаємо, як дійсно є, що «обрусені» єсть ознака й наслідок не національного духу, а певної державно-адміністративної системи, тоді ми ставимось зразу на реальний ґрунт в боротьбі з тим обрусенім: станемо боротись з тою системою і притому боротись безпремінно, маючи спільніків, між котрими будуть і самі великоруси, бо система шкодить і їм, душить і їх. Ми вже сказали, що система та — політично-адміністративна централізація, заострена чиновницько-царським самодержавієм. Система ця має ворогів в усій Росії, і ті вороги — природні наші спільнікі, з котрих, проте, ми мусимо зробити вибір відповідно плебейському стану нашої національності, пам'ятаючи, що, напр., аристократичні противники російського уряду самі стануть на його бік проти нас або кликатимуть його проти нас, як тільки виступлять одні проти других їх і наші класові інтереси. (Так в 60-ті роки кликали російський уряд проти «української хлопоманії» польські пани, котрі в той же час самі сприяли польському сепаратизму!)

Найприродніші наші спільнікі в Росії — це всі недержавні народи, котрі, виключивши поляків, німців і румин та почасти грузинів і вірмен, суть націями плебейськими. Реальні обставини життя тих народів такі, що й їм політика сепаратизму так же мало личить, як і нам, і далеко ліпша політика федералізму. Найбільше мають шансів на сепаратизм поляки, бо сепаратизм жменьких балтійських німців серед неприятних їм латишів і естів — байка! Та й то багато поляків бачить, що при всіх теперішніх обставинах Європи, котрі житимуть, аж поки соціальний рух не переробить її зовсім (а це, певно, потребує не одного десятка років), відрив Конгресівки від Росії (бо про Польщу 1773 р. й говорити нічого!) був би економічною руйною для тієї Конгресівки. Ведімо ж укупі зо всіма недержавними народами Росії спільну й енергійну критику теперішньої політично-адміністративної системи в Росії і таку ж агітацію за систему противну — вільності й децентралізації.

На тій дорозі ми знайдемо підмогу й серед самих великорусів. Мені казали деякі дописувачі «Правди»: «Як ми можемо іти спільно з великорусами, коли між ними нема нікого, хто б признавав наші національні права». Щоб уже так не було нікого, це забагато сказано. А далі вся така постанова справи зовсім не політична, а маніловська. Коли ми признаємо, що ми стратили свої національні права через брак свідомості нашої національності і не можемо дійти до них через певну політично-адміністративну систему, то нам може бути інтересним тільки: 1) щоб національна свідомість росла серед наших власних земляків, а 2) щоб великоруси помагали нам, а не перешкоджали ламати ту політично-адміністративну систему.

Перше єсть наша хатня справа, про котру нам з великорусами нічого й говорити. Коли національна свідомість залежить найголовніше від науки і письменства, то ми мусимо перш усього самі налягти на

те, щоб розвинути в себе ту й другу. Звісно, і наука, і письменство йдуть добре при широкому просторі й потребують державної помочі, а надто помочі школи. Але «на нет и суда нет». Ми мусимо робити поки що в теперішніх обставинах, тобто як приватні особи й гуртки. Стан це незавидний, але він не був би дуже вже і гіркий, коли б наші особи і гуртки дали собі заповіт працювати енергійніше, спільно, плодити науку і письменство свіже, а не мертвє. Цenzура для живого письменства не страшна, бо, напр., цензура не спинила всю письменну Росію вивчити напам'ять «Горе от ума». А ми ж маємо під боком Галичину, де можемо видрукувати майже все, що цензура заборонила в Росії. Я вже в «Зорі» казав як першу чудацьку думку, що найліпше б було, коли б українські письменники змовились нічого не давати в цензуру російську, а все своє друкувати в Галичині, для чого можна б було провести організацію й зібрати кошти без великого клопоту. Нехай би так прожило українське письменство 5, багато 10 років і показало, що в ньому є жива вода, то воно б пробилось і через кордон і підняло б свідомість національну в ширшій українській громаді.

З великорусами ми можемо говорити тільки про другий пункт — про боротьбу з політично-адміністративною централізацією. Перший приступ до розмови може бути такий: хотять вони вберегти «предварительную цензуру», котра давить і їхнє письменство, чи ні. Звісно ж, що і преса великоруська, і земства, навіть шляхта московська і дума города Москви, говорили за свободу преси, а значить, в суті й проти таких заборон, як ті, котрі давлять українське письменство з 1863 і 1876 р. Нехай собі великоруси як хотять дивляться на наше письменство, але нехай тільки помогуть собі й нам скасувати «предварительных цензорів», то ми вже й виграємо чимало. Те ж саме й у других точках прав людини і товариства. Добудьмо вкупі з великорусами «хоть куцую, а все ж конституцию», то нею покористується наша національність, чи хотять того великоруси, чи не хотять.

Трудніше впорядкувати ті справи, для котрих мало однієї вільності особи й приватних товариств, а де потрібна публічно-громадська поміч і навіть примус: школи, суди, фінанси. Справи ті входять прямо в державні, і тут приклад різних європейських конституційних держав показує, що навіть при конституції можуть бути нації привілейовані і скривджені майже до проскрипції. Безпремінно, і в Росії приайдеться вести боротьбу проти державно-національного централізму, але ж та боротьба зовсім не безнадійна. Найвідповідніше буде, коли боротьбу ту, напр., ми, українці, будемо вести на ґрунті не національному, а державно-адміністративному, тобто виставляти на перший план потребу автономії місцевої і крайової, автономії громад, повітів, провінцій (губерній чи груп їх). Така програма буде мати за себе всіх розумних людей, якої б національності хто не був, а там, коли яка громада чи країна, користуючись своїм правом, впорядкує собі школи з яким викладом національним, то це буде її діло; головне, щоб ніхто згори не мав права її перешкоджати. На такому порядку, а зовсім не на поділі

держави по етнографічній карті держиться національна рівноправність у Швейцарії. В такому порядку є єсть справдішній, здоровий, всім пожиточний федералізм, котрий зовсім не те, що розмін централізмів і національних гегемоній на дрібнішу монету, як це бачимо в різних національників, а надто австрійських.

Зрештою, нам нічого дуже носитися з самим словом *федералізм*, котре лякає людей, що привикли до звичайних централізованих держав європейських. Треба зауважити, що тепер до слова цього навіть серед більше освічених і ліберальніших європейців менше прихильності, ніж було перед 1848 р. Тоді не тільки, напр., слов'янські політичні філософи були федералісти, навіть на еллінський лад *, а і національні рухи паніталійський, пангерманський були федерацістичні.

Вийшло ж на ділі так, що навіть Італія, зібравшиесь у ціле, стала унітарною державою, мало чим відмінною від французької. Германія коли осталася почасти федеральнюю, то з перевагою прусської гегемонії. В Австрії федералізм опирається на коронні краї, в котрих у кожному непремінно давлять яку-небудь меншість, а федералісти-національники ще стремлять здебільшого до уgrpування країв відповідно історичним споминам, що, коли гадати по прикладу корони св. Степана Угорського, мало подає надії, щоб уснуло згадане зло. Вкупі з тим єдина справді федеративна держава в Європі, Швейцарія, після 1848 р. почасти вменшила державного федералізму, державної автономії кантонів, упорядкувавши законодавчу і адміністративну силу спільногого уряду і поставивши кантональні уряди під певний догляд спільногого, хоч зоставила все-таки великий простір для урядів кантональних, а в кантонах — для громад.

Але хоча таким способом державному *федералізму* після 1848 р. не так-то пощастило в Європі, то за те *адміністративна децентралізація* дуже поступила наперед навіть по старих централізованих державах, як Пруссія, де до старого досить ліберального закону про автономії міст додано незлий закон про провінціальну, а тепер і про сільську автономію, або як Франція, де тепер міста мають досить широку автономію і де покладено початок і автономії департаментів.

Взірцевою для держави нефедеральної може бути тепер місцева і повітова автономія в Англії після нових законів (*local government*). Коли, як слід чекати, через кілька років ці англійські порядки доповняться крайовими радами (*council*) для Шотландії, Валлії, Ірландії і осібним крайовим виділом парламенту, для справ спеціально Англії, то получиться такі порядки, котрі даватимуть людності «Сполучених королівств» усі практично пожиточні боки федералізму, хоч без цього слова. Ті порядки англійські мусять стати на довгий час взірцем для всіх

* Див. про це, між іншим, в автобіографії Костомарова в книжці «Літературное наследие».

великих держав Європи, в тому числі й для Росії. Окрім теперішнього, вже дуже глупого і через те недовговічного деспотизму царського в Росії нема серйозних перешкод для закладу, звісно, ступневого, подібних порядків. Що все розумніше в Росії тягнеться на дорогу тих порядків, це доказало земство за 25 років свого життя. Те земство мало свої хиби; тепер під нагнітом бюрократії зрист його мусить притихнути, але цілком знищити його не зважилась бюрократія; і все-таки воно спровадило свою живучість, і з ним з'язана назавше справа вільності й адміністративного порядку в Росії.

З крайових земств російських далеко не останніми показали себе наші українські, а надто чернігівське й херсонське, так що ми маємо резон дивитись на земства як на *наши симпатичні національні порядки*, з котрих мусить вийти ліпша доля нашої нації. Українські автономісти зроблять найрозумніше, коли рішуче зв'яжуть долю свою з долею земств на Україні і, значить, в усій Росії. В тій думці нема нічого нового, бо практично українолюбці, котрі що-небудь робили для освіти й добробуту нашого народу, де єсть на Україні земські уряди (тобто на лівім боці Дніпра й у Новоросії), завше рахували на земство й мали від його підмогу. Треба тільки поставити таку практику на ґрунт ясної і широкої теорії.

Хто дав собі труд оглянути історію земських урядів у Росії за 25 років, той не може не завважити однаковості напрямків ліпших земств на Україні й у Великорусії. Напрямки ті — демократизм і думка про децентралізацію, а також про натуральне групування повітів і губерній для практичних справ, економічних і просвітніх, у країни, котрі відповідають натуральним поділам Росії географічно-етнографічним.

Можна сказати, що політично-адміністративні ідеали російських земств, великоруських, як і українських, є одинакові з програмою наших кирило-мефодіївських братчиків, звісно, без її занадто ідеального для теперішнього часу федерального американства.

От у цьому ми бачимо ґрунт для практичної згоди нашої з великорусами, хоч би останні й не згоджувались з усіма нашими думками про нашу національну осібність, про наше право на рівну з російською літературою й т. і. По моєму чудацькому розуму, так я б про такі речі ніколи й не говорив з великорусами, як про речі, котрі дійсно до політики, та ще й спільної, не належать, а говорив би про *права особи* (волю друку, товариств, судові гарантії для особи й т. і.) та про *самоуправу* громад, країн, їх право порядкувати свої справи, а разом з тим і школи, давати свої гроші, на що хотять, хоч на видання словника українського чи турецького і т. д. і т. д. А як з історії земських урядів у Росії звісно, що й великоруські земства бажали й прав особи й самоуправи, то я й певнісенький, що згода між нами й великорусами в політичних формулах для тих усіх справ наступила б скоро, а там уже всяка особа, громада й країна налила б у ті форми такої води, яка їй до вподоби.

Звісно, наливання води української не обійтеться без противенства й боротьби. Так це діло людське. Люди взагалі більше звірі, ніж ангели, і все добре в них не готове, а розвивається, та до того ще й боротьбою більше привичок і інтересів, ніж думок. Українство національне не-премінно мусить боротися з централістичними привичками не тільки великорусів, а ще, може, більше повелікорусених українців, а також з несвідомістю й рутиною самих українських мас. Так все, чого може бажати в цьому випадкові українолюбець, це щоб йому було відкрите поле для боротьби.

Через те, що з усіх ознак національності найбільшу вагу має мова, то уявімо собі, як може піти боротьба за українську мову в Росії при самій найменшій політичній вільноті — правах особи й земської автономії, яких вибирають собі народи в Росії. Коли б упала попередня цензура, то впали б теперішні перешкоди для українських книг, переважно для популярних. Вже й досі українці допевнили, що вони можуть видавати популярні книжки настільки цінні, що їх перекладали й великоруси. По таких прикладах, які ми бачили в 1874—76 рр., коли українських книг, що були видані і розповсюджувались невеличким гуртком, розходилося по 27 000 екз. у рік, тоді як всеросійський офіційний комітет грамотності розширив тільки 42 000 екз. російських популярних книг на всю Росію, можна гадати, що при найменшій волі українська популярна література зробила б неможливою всяку конкуренцію з нею на Україні, навіть коли б школи народні й зостались цілком російськими. При одній волі вживати українську мову в школах приватних, навіть попри обов'язковій російській, скоро б показалось, що в українських школах діти хутніше виучуються читати й розуміти книги, навіть російські, ніж при теперішньому порядку, а се б притягло до українських шкіл народ і земства, так що останні б почали вводити українську мову в свої школи, а коли б закон тому перевчив, то добились би відміни закону. Так в які-небудь 5—10 років однією силою педагогічних аргументів початкові народні школи у нас стали б національними, хоч би з них і не витіснено було цілком і російської мови, та певно й церковнослов'янської.

Трудніша справа української мови в середніх і вищих школах, і не тільки через те, що тут довелося б боротися з законом, а й через те, що класи людності, котрі посилають дітей у ті школи, українську мову знають в усікому разі менше, ніж російську, і через те, що українська наукова термінологія ще не вироблена в нас. В останньому могла б помогти Галичина з її науковими підручниками, так вони ж для Росії чужі і їх термінологія була б у російській Україні для учителів і учнів, напр. в гімназіях, навіть для українофілів, більше чужою, ніж термінологія російська. Через це все треба б було довшого часу, поки б українська мова пройшла у середні й вищі школи.

Треба завважити, що наглої практично-педагогічної потреби вводити тепер українську мову в ті школи нема, а що потреба ця дальнього, сказати б, ідеального порядку. Недобре для громади, коли в ній

просвіта різко ділиться на вищу й нижчу, бо тим спиняється натуральний обмін між верствами громадянства. Але цю потребу зразу можуть зрозуміти тільки радикальніші ідеалісти, демократи. Треба часу, щоб за ними пішла ширша громада. Перший увод української мови в школи середні й вищі на Україні, певно, зробиться через реформу викладу російської мови й літератури так, щоб при ньому йшло порівняння з українською мовою, а також читання творів народних і найліпших українських писателів паралельно з російськими. Далі зріст української літератури впливав би й на школу і, нарешті, земська автономія давала б можливість розширяти вживання української мови до обов'язковості, а з другого боку, автономія професорська давала б можливість закладати й по вищих школах українські курси, котрі привчили б громаду вживати українську мову й для вищої науки.

Так я собі здумую зріст українства в школах при певній політичній вільності в Росії. Подібно до того можна собі здумати й зріст українських впливів у громадському й державному життю Росії. Проти цього нарису можна сказати тільки одне, що трудно добитись політичної вільності в Росії. Правда. Але ж відірвати від неїувесь край від Збруча до Кубані ще трудніше. Діло так стойть, що треба або одне, або друге. Третього не пригадаєш!

Дорога, которую ми радимо свідомим українцям, зовсім не нова. Вона ясно була показана ще в програмі Кирило-Мефодіївського товариства; не так давно на неї ступали українці в часи земських агітацій 1878—1883 рр. Цікаво, що новонароджена «Правда» почала просто з такої програми, которую похвалила в свій час і «Буковина»⁹¹, що потім по сковзнулась на бік львівського угодства *.

* Вияснити генезу того «угодства» в один бік і separatизму в другий, які проводить спеціально «Правда», було б важно й для того, щоб кинути світло взагалі на справу українського separatизму. В цьому інтересі скажемо, що візводителі «Правди» в 1889 р. обернулись до мене, щоб я став «на чолі діла» й написав програму для журнала. Знаючи писання тих візводителів, я відповів, що не сподіваюсь між нами згоди в думках, а через те можу написати тільки свою програму, которую віддам на суд як редакції, так і всієї громади. Але впорядчики «Правди» надрукували мою програму як свою, підписавши її «Видавництво», і тільки змінили одну фразу та додали до моого тексту, в которому я говорив про потребу «лайцізації політики» галицької, ось яку примітку: «Тим не думаємо відсунути, напр., наших духовників від роботи для народу; навпаки, думаємо, що вони, стикаючись безпосередньо з народом, велими багато можуть і повинні зробити для нашої народної і громадської справи. Промовляємо однак рішуче за еманципацію політики з-під владі церковної ієрархії, котра, напр. в Галичині, підпадає в руки езулітів». Знаючи, що по Галичині й по рос. Україні пішла чутка, що я беру участь в «Правді», а з другого боку, побачивши вже в I ч. «Правді» думки, діаметрально протилежні програмі, я зараз же по виході ч. I написав у редакцію одвертій лист з протестом проти «москалеїдства» і проповіді всякої ненависті проти других націй. Листу того редактори «Правди» при посередництві д. Франка впрокали мене не друкувати, бо, як писав мені один з візводителів «Правди», «інакше «Правда» зараз же пропала б», а обіцяли зробити в II ч. журнала замітку про те, що опротестовані мною уступи вміщені в «Правду» через недогляд, а надалі обі-

Чим більш рішуче підуть українці по цій дорозі, тим скоріше й тим у більшій пропорціїсягнуть своєї мети — вільність і автономію української людності. Чим менше вони покажуть енергії в цьому напрямкові, тим менш корисні будуть для України результати тієї вільноті, котра все ж таки колись мусить наступити в Росії.

Над цим мусять роздуматись власне ті українолюбці, котрі змагаються винайти третю дорогу, осібну від тих, що показані вище. Властиво, ту третю дорогу не можна навіть виложити теоретично, бо вона цілком емпірична і зводиться до того: *робім те, що нам обставини дозволяють*. Через те, що обставини тепер найбільше втрудають роботу політичну, для цієї третьої дороги пригадано було слово *культурна праця* і потім вже праця та *відділена* була й теоретично від *політичної* і навіть її противоставлена. Ми вже мали пригоду говорити про те, що поділ культури від політики в основі своїй неслучний і в Росії поясняється власне неосвіченістю, котра колись давала надію соціалістам-революціонерам зробити революцію без науки, а тепер манить народників надією зробити соціалізм або культуру без політики.

В наших українських культурників без політики психічним грунтом теорії лежить перше всього мале знаття історії справді культурних рухів на світі, котрі навіть проти своєї волі бралися таки за політику, як, напр., рухи релігійні, що рішуче проповідували: «Царство мое не від цього світа», а окрім того, просто індивідуальні обставини, мало сприяючі енергії взагалі: певний темперамент, літа, розчарованість і т. д. Це такі резони, проти котрих спором не вдіш нічого». Спокійно обдумуючи справу, треба їх призвати як факти, і призвати, що теорія *«робім те, що можна при теперішніх обставинах»* для того, щоб наша національна свідомість не вмерла, а хоч потроху росла, щоб росла наука про Україну, письменство українське і т. і., має за себе деяку практичну рацію.

Тільки перш усього треба, щоб та теорія й видавала себе за те, чого вона справді варта, не більше-не менше, тобто за чистий емпіричний спосіб жити й працювати, найвідповідніший для певних індивідуумів, щоб вона не забувала, що властивою підставою її служить приказка: *рада б душа в рай, так гріхи не пускають*, як і казав це мені один з прихильників цієї теорії ще 16 років тому назад. Треба, щоб ця теорія властиво не видавала себе за теорію, за щось загальне, й не оберталась вороже проти тих, котрі її не хотять держатись, а хотіть щось робити

цили, що подібного друкувати не будуть. Я мав слабість згодитись, а незабаром уся «Правда» стала наповнятись «недоглядами» і нарешті стала ініціаторкою «угоди» і підданства русинів «власні церковні ієрархії, котра підпадає в руки єзуїтів».

Чи пояснять коли видавці «Правди»: 1) навіщо їм була потрібна моя програма, коли вони задумали йти по діаметрально протилежній? і 2) як помирити їх примітку про ієрархів з їх угодовською політикою?

ширшого й сміливішого. Далі треба, щоб «безполітичники» вже рішуче й не лізли в політику, не завдавались такою метою, як «примирить с нами правительство», кажучи словами Костомарова в листі до мені в 1876 р. зараз після виходу legis Jusephoviciae. Всякі заходи з цією метою перш усього фантастичні, а далі противокультурні, бо, напр., не можна ж пробувати культурними заходами примиряти з нами противокультурну победоносцевщину. Та й взагалі треба ж, щоб навіть виключно письменська праця наших культурників була справді культурна, тобто прогресивна, а не реакційна, а не консервативна, а це не така легка річ, вона не менше трудна, як і прогресивна політика, бо перш усього потребує розриву з російською цензурою й переносу письменницької праці за границю *.

Так воно й вийде, що, нарешті, культурницька програма, коли вона не схоче бути противокультурницькою, буде в основі та ж сама, що й та, котру ми радимо, тільки тіsnіша або й млявіша і через те менше матиме за собою енергійніших людей на Україні й менше матиме сили відвоювати українству поля в будущій Росії.

Такі-то ми маємо думки про боротьбу з «обрусенієм» за українство. Думки ті зводяться до слів, котрі зчіпляються з усіма нашими думками про національність і людність: обрусеніє не є наслідок якої національнності, а є вселюдська проява певного державного порядку і мусить бути побиване певними вселюдськими заходами до реформи їх. Допускаю, що думки ці можуть бути справді чудацькі, але я їх виводив не з якого-небудь суб'єктивного почуття, а тим менше інтересу, а старався вивести їх з усесвітнього огляду культурного й державного життя. Таким же оглядом нехай, хто хоче, й розбива мої думки. Я перший буду вдячний за те, бо в наші часи пора вже ставити всю громадську та навіть індивідуальну працю на ґрунт думок, виведених холодно-об'єктивним дослідом.

* Історія недавнього українолюбського культурництва має в собі, між іншим, таку пригоду: кілька років тому назад в одній петербурзькій газеті д. Мордовцев написав звістку про українську збірку, котра подана була на перевідгляд в цензуру. В тій звістці д. М-в говорив про провідну статтю збірки, котра (стаття) навчала, що український рух не має політичних завдань, а самі просвітні й моральні. «Киевлянин» висміяв таку думку або, по його словах, захід «одурити москаля», а нарешті цензура не пропустила ні цієї статті в збірці, ні кількох наукових, і тим дала українолюбцям науку: статей про неполітичність українського руху зовсім не писати, а для наукових українських статей закласти орган у Галичині. Так ми й зостались тільки з соромом звістки д. Мордовцева та тими слабими статейками, котрі пропустила цензура. Ще спасибі «Киевлянину» за те, що замітив, що український рух не може бути неполітичним, і тим трохи піддержив пошану до українства в очах освічених людей, бо ті люди знають, що тепер усякий серйозний рух іде в політику, тобто виборює собі право жити й проводити в житті свої думки.

Народні чи національні святощі. Перемінність національних ознак. Народні звичаї, одяг. Національність і релігія. Богумільство — релігія маси нашого народу. Страти нашої національності на сектантах. Кирилівська азбука і страти нашої національності. Юліанський календар і консерватизм нашого народу. Народна мова як святощ. Однаковість основи національних теорій наших народовців і москвофілів. Перевага москвофілів у прикладах теорії національних святощів. Єдиний спосіб побіди над москвофілами. Кінець: еволюційна теорія — основа «Чудацьких думок».

Тепер поговоримо докладніше про те, до чого ми мусили не раз доторкатись вище, а власне про обов'язковий націоналізм, про культ того, що в Галичині народовці звуть *національними святощами*.

Нема нічого темнішого над ідеєю про ці святощі і нема нічого шкідливішого для української справи, а надто в Галичині, як ті ідеї.

Очевидно, що коли на вироб національних ознак мусить мати вплив географія й історія, то, значить, в тих ознаках мусить бути багато перемінного, а окрім того, стільки ж доброго, скільки й хибного. Про сталість національних ознак і говорити смішно.

Починаючи розмову про це, ми пригадуємо собі пригоду, котра сталася років з сорок тому назад у Києві. Ген[ерал]-губернатор Бібіков ходив по Лаврі з великими достойниками краю, в числі котрих був і маршал шляхти, поляк, здається, гр. Тишкевич, котрого один з православних предків похованій у Лаврі. «От бачите,— сказав Бібіков, показуючи маршалкові на монумент його предка,— ваші предки були православні!— «А ще раніше язичники»,— відповів граф.

І справді, котрої з національних святощів мусив держатися гр. Тишкевич, чи православія, чи культу Перуна? Та й Перунові, певно ж, не від віку кланялись кияни. Певно, не одна національна святощ перемінилась на горах київських з того часу, як наші предки сіли на них!

Тим часом націоналісти примушують нас кланятись національним святощам, вважаючи за них усе *status quo* теперішнього народного життя й думки. Наприклад, Волод. Барвінський ставив навіть в політичну програму русинів «зберігати й піддержувати в народі народні звичаї». Кумедно, що він в той же час ставив потребу «наводити народ до доброго господарства» (*«Зоря»*, 1891, ч. 13, ст. 225, голова, присвячена В. Барвінському в *«Історії руської літератури»* д. Ом. Огоновського, котрий так охоче говорить про національні святощі).

Але як же перемінити, напр., хліборобство в нашім народі, не зачепивши його звичаїв?

Скажуть, що між звичаями треба зробити вибір: одні плекати, другі змінити. Але тоді куди йде вся теорія святості народних звичаїв?

Візьмемо ще один примір. В усіх національних руках має велику вартість демонстративне вживання національного костюма. Як демонстрація при певних обставинах, це має рацію. Але даремне ми б старались підвищити цю справу під логіку. Перш усього: що таке національний костюм? Костюми перемінялися в кожного народу, і, звичайно, тепер за національний костюм для демонстрації вибирається костюм певного стану людей чи в старовину, чи тепер, та ще й певної країни в нації, так що й тут люди поводяться більше-менше суб'єктивними поглядами, а не обов'язковим культом національної святощі, об'єкта котрої неможливо встановити й тут, як і в других частинах всієї справи.

У нас вибрано за демонстративно-національний костюм не історичний, не магнатський, а етнографічний, мужицький (хоч я читав в народовських органах похвали руському боярському костюму д. Федоровича і цікавий був би знати, де він узяв для нього взірці?). Безспірно, в нашему народному костюмі є чимало і естетичного, і гігієнічного. Але щоб він увесь був, напр., гігієнічний, а надто на всі сезони, того ніяк сказати не можна. Наші дами, одягаючись в національний костюм, доповнюють його деякими грішними видумками західноєвропейськими, і, конечно, їх за те похвалить найзазятіший націоналіст, котрому йде о здоров'я тих дам. Та й нам, хворим городянам, мужчинам, національний костюм, зоставляючи горло голим, виносний тільки, коли ми його прикриємо європейським пальто, та ще й пов'язкою круг шїй.

Мені навіть соромно, що я пустився в такі дріб'язки та ще й кравецького характеру. Але що ж будеш робити, коли люди притисном пристають до нас, щоб ми зберігали всі народні звичаї, а також і одежду. (В програмі В. Барвінського говориться і про потребу зберігати народну одежду.)

Та перейдемо до речей більше поважних, до речей культури духовної, де націоналісти теж показують нам примусові народні національні святощі, починаючи з релігії.

Ми вже говорили в II листі про те, в якому кумедному стані опинились європейські націоналісти-романтики, коли хотіли застосувати релігію до національних ознак, тим часом коли релігія європейських народів тепер одна з релігій інтернаціональних, християнська. Дехто пробував поділити між європейськими племенами віроісповідання християнські, виголошуючи, що православіє відповідає слов'янам, католицизм — романцям, а протестантство — германцям. Але ж сама статистика кричить проти такого поділу, а історія й етнографія — ще більше. Чи можна, напр., виобразити собі протестантство без романської Женеви? Чи не подібніші етнографічно греки з італіянцями, ніж зо слов'янами і т. д. і т. д.? Очевидно, що теперішні релігії, як продукт

культурно-історичного процесу інтернаціонального, ніяк не можуть входити в ряд ознак національних.

Обертаючись спеціально до нас, русинів-українців, трудно навіть сказати, яка, власне, віра в нас може вважатись за фактично національну? Коли взяти пам'ятники «народної мудрості» — легенди, пісні, прислів'я українські — та по них характеризувати народну релігію, то побачимо, що в ній над ґрунтом натуралистично-політейстичним лежить найбільше кора релігії маніхейсько-богумільської, як і в болгар, сербів і великорусів, так що коли б треба було застосувати до якої з історичних релігій наш народ, то я б його застосував скоріше всього до bogumільства, і наперед хвалюсь, що одолію кожного свого противника в науковім спорі про цю справу. А тим часом одні з наших народовців вважають за нашу народну віру православіє, другі — унію, треті — навіть римський католицизм. До того ж серед нашого простого народу є свідомі протестанти, а переважна частина інтелігенції є філософами в релігії, навіть більша частина тих, хто лицемірствує перед якою-небудь церквою.

Що ж тепер ми приймемо за примусову національну святощ в релігії?

А тим часом, коли наші націоналісти кланяються як національним святощам то православію, то унії, залишенні ними без уваги штундисти на Україні московляться, русини римського обряду в Ц[арстві] Польськім і Галичині полячаться, а русини-протестанти на Угорській Русі становляться словаками.

Подібну ж прислугу робить нашій національності й культ другої національної святощі — т. зв. Кирилівської азбуки, ради котрої наші народовці всіх сортів ворогують з латинською азбукою, називаючи її «польським абецадлом». Безспірно, перемінити тепер у нас азбуку було б справою нелегкою, хоч воно було б добре, бо зблизило би нас з більше цивілізованим світом. Та, по крайній мірі, добре б було, коли б націоналісти не робили собі фетиша з теперішньої азбуки і не переносили свого фетицизму і в народ, та, окрім того, щоб звернули увагу на тих русинів, котрі знають тільки азбуку латинську і тепер зостаються зовсім без руських книг і через те читають виключно польські, волоські і т. ін. та переходять до чужих національностей (я попробував було для таких русинів видати «Марію» Шевченка латинськими буквами, так дістав за те грубу брехню від д. Ом. Партицького).

Поряд з церковним обрядом наші національники поклоняються як національній святощі також і юліанському календарю. Ми вже згадували, що навіть професор університету д. Сумцов, слідом за попом-народовцем Качалою, посвятив цілу статтю в «К[иевской] старине» справі календаря, щоб доказати, що заходи перемінити той календар на григоріанський є замах на нашу національність. Ми говорили, що д. Сумцов не звернув уваги на те, що григоріанського календаря колись також боялись протестанти, а надто німецькі, і що однакож потім,

коли вони прийняли той календар, то ніякого поримлення їх не ви-
йшло.

В справі календаря, як і обряду, нема різниці між нашими націона-
лістами українофільськими й «московофільськими» *.

Найгірше в боротьбі наших націоналістів проти григоріанського
календаря — це аргументація, которую за Качалою повторя і д. Сумцов,
в котрій знаходиться і таке, що «наш народ консервативний», то не
треба чіпати й старого календаря, до котрого він привик. Не треба,
значить, чіпати і старих способів господарства і самого рабства перед
усякого рода деспотами, до котрих народ наш теж привик!. Добра ко-
ристь для народу з такої інтелігенції, которая вжива таких аргументів,
котра преклоняється перед «консерватизмом народу»!

Ми думаємо, що чим скорше б змінено було старий календар на
новий, тим ліпше, бо нашо ж держатись того, що явно противно при-
роді. Тільки ж коли тепер ця зміна могла б образити народ (хоч це ще
й не так певне), то до неї треба йти постепенно. Але головне діло в
умисловім боці справи — в консерватизмі, що зв'язаний зо справою
календаря. Консерватизм — це така річ, которую треба підрізувати при
всякій пригоді, а справа календаря є одна з таких пригод. Про кален-
дар часто приходиться говорити й простому народу. От і треба, щоб
люди т. зв. «інтелігентні» при всякій нагоді поясняли простим людям
різницю між двома календарями і те, відки вона виходить, і привчали
простих людей дивитись на цю справу без усякого фетишизму. Думка
людська — річ органічна: одним фетищем стане менше в одній справі,
то стане їх менше й у других, і поступ народу стане легший.

З усіх ознак національних, в котрих націоналісти бачать святощі,
найясніша — мова. Вона й має найбільше практичної ваги, бо мова є
спосіб, котрим люди розуміються, через котрий іде до людей освіта.
От через це найбільша частина й політичної справи національників
зводиться до права певної мови в уряді, суді, школі, а надто в почат-
ковій.

Тілько ж і важність мови не може доходити до того, щоб освічена
людина дивилась на неї як на святощі, вищу від людини. Мова все-таки
слуга людини, а не пан. Мова мусить рости і перемінятись відповідно
зросту людини, громади. Людина вільна вчити й уживати й чужі мови.

В таких громадах, як наша, де людність розкололась на класи-
національності, через що спиняється природний обмін культурний між
класами, вбільшується погорда вищих класів до нижчих і вменшується
пошана до себе в нижчих класах,— це справа делікатна. Тільки ж в

* Треба сказати, що в основних принципах між цими гуртами взагалі
нема різниці. Ось, напр., слова з «Червоної Русі»⁹² (1891, ч. 50), котрі могли б
любісінко поміститись і в «Ділі»: «Нашей т. зв. старорусской партии расхо-
дится головным образом о том, чтобы нашу церковь с ея обрядом и наш рус-
ский язык с его историческими памятниками, с его азбукою и правописанием
сохранити ненарушенными до поры, пока нынешний тяжкий времена не ста-
нут лучшими».

усякім разі не можна голими фразами проти чужих мов та за нашу «милу, красну мову» помогти лихові, впевнити практичний народ у тому, що мова його справді святощ.

Тут нема іншого способу, як стати на практичний же ґрунт, а не на релігійний, тобто піднімати вагу нашої мови працею над літературою, котра б була корисна народові й замінила б йому в більшій часті пригод життя мови чужі. Противитись же тому, щоб люди з простого народу нашого знали й чужі мови,— значить противитись природі й ризикувати тим, що ми огиднемо народові з нашими намовами. (Найбільше недоладний резон, котрий виставляють народові, щоб держався свого, словами Шевченка: «Бо хто матір забуває, того бог карає». Адже ж і народ бачить, як Шевченків замикають у тюрми, а «перевертні» роблять кар'єру!)

В Росії були часи, коли навіть без усякої трати національної волі вищі стани настільки погнались за мовою французькою, що дехто з них майже зовсім не вмів говорити по-російському. Патріоти-моралісти докоряли їм і прославляли питому мову майже тими самими словами, які читаємо в наших народовців. І ніщо не помагало, аж поки не з'явилися на російській мові Жуковські, Пушкіни, Лермонтови, котрі могли робити конкуренцію французьким письменникам. Тепер уся справа там скінчена. І у нас не може бути інакше.

Ми сказали вище, що культ народних святощій, замість того щоб бути корисним нашій національній справі, навіть просто шкодить їй. Шкодить він не тільки тим, що відбива наших патріотів від прямо потрібної для народу роботи, без романтики, але й тим, що підрізує, власне, корінь спеціально української національної свідомості. З приведеної вище виписки з «Червоной Руси» видно, що, власне, між т. зв. в Галичині «москвофілами» і народовцями в принципах нема великої різниці: ті і другі б'ють поклони перед національними святощами, і для тих і для других національність — альфа і омега всіх змагань.

Але ж скажуть: «москвофіли» признають «один русской народ от Тиссы до Амура», тоді як народовці ісповідують «відрубність малоруського народу від москалів». Правда. Тільки ж культ «народних святощій», котрий спільній обом гуртам, такого роду, що він згладжує між ними різниці й віddaє перевагу, власне, «москвофілам».

Дуже смішно виводити «москвофільство» в Галичині тільки від «московських рублів» або від існування «погодінської колонії». Без-спірно, галицьке «москвофільство» мусить мати свої органічні підстави. Найбільша з них: реакція полонізмові — одного роду з тою, котра привела Б. Хмельницького до підданства Москви. Даліного роду аристократизм, котрий не вірить в сили самого галицького мужнітва, а обертається до спорідненої держави, котра має уряд, ієархію, панство руське. Нарешті, притягає галицьку стару партію до Московщини й спорідненість національна, котрої вага вбільшується, власне, теорією національних святощій.

Більшість навіть українських лінгвістів і етнографів признає, що між українцями і великорусами не такі відносини, як, напр., між українцями й чехами, сербами й т. ін., а що відносини ті більші і що генеалогія українців серед слов'ян мусить бути не така: батьки — слов'яни, сини — чехи, поляки, серби, українці, великоруси і т. д., а така: діди — слов'яни, сини слов'ян — чехи, поляки, серби, руси, сини *russiv* — українці, білоруси, великоруси. (Див., напр., Житецького.) Отже, при такому стані речей відкривається простор однаково і для теорії повної відрубності українців від великорусів, і для теорії панруської. Доказом тому може служити й та легкість, з якою, напр., Головацький і Климкович перейшли від напрямку малоруського до панруського, а Ом. Огоновський перейшов від старорушини до українофільства. Теорія ж національно-історичних святощій дає таке ж право відшукувати ті святощі в козаччині, як і в Московському царстві, в державі Данила, як і в імперії Катерини II, а надто для галичан, для котрих придніпрянська історія майже стільки ж чужа, як і приволзька, тоді як історія придніпрянська все-таки має багато точок, спільних з приволзькою й приневською.

Історія ж церковна і погляд на церкву гречеського обряду як національну святощі дає пряма перевагу галицьким «москвофілам» над народовцями, котрі в цьому пункті виходять навіть менше українофілами, ніж «москвофілами».

Об'являти церкву уніатську національною малоруською святощю — значить розриватись не тільки з історичною малоруською традицією, а й з теперішнім *status quo*. Клерикалізм уніатський — це галичанський сепаратизм не тільки від України, а й від Буковини, це просто абсурд, тим паче, що в самій Галичині унія майже зовсім не має широких прихильників в самому попівстві (в цьому ми переконалися, розмовляючи колись в Галичині з попами провінціальними, і це народовці ліпше знають, ніж ми) і що, з другого боку, й самі польські клерикали й Рим дивляться на унію тільки як на переходну ступінь до чистого римського католицизму. Ввиду цього православні симпатії галицьких «москвофілів», зо всім тим, що з них виходить, являються далеко більшими до теорії національних святощій, ніж лицемірний уніатський клерикалізм народовців.

На ґрунті «народних святощій» зовсім оправдуються і симпатії деяких, коли не всіх, «москвофілів» і до царського самодержавства в Росії. Історія не дала нашим старим вічам виробитись у систему вільного державства, подібного до англійського або до швейцарського. Потім «козацька воля» захопила тільки частину нашого народу і ледве стала склонятись до свідомого лібералізму, як була зламана. Тим часом церковна проповідь защепила серед нашого народу ідеал царсько-державний, котрого тепер, безспірно, держиться найбільша частина народу. З тим ідеалом наш народ ворушився проти поляків в Австрії в 1848—49 рр. і проти поляків у правобічній Україні в 1863 р. В 1848—49 рр. всі австро-руські патріоти одушевлялись тим же

ідеалом. І тепер за нього викликувались народовці *. Нічого дивного, коли дехто, не бачачи сили абсолютизму в теперішній Австрії, шука її в Росії. Він кланяється одній з «народних святощій»!

Майже так само повертається проти галицьких народовців на користь «москвофілам» і культ мови як національної святощі. Літературна мова завше щось штучне в порівнянню з народною, котра в дійсності є певна купа крайових діалектів. Коли народовцям вільно виробляти мову літературну з діалектів малоруських, то треба признати певну слушність і тому, що рішучі «москвофіли» беруть мову роосійську, на котру вони, почаси не без рації, дивляться як на вироб всіх руських племін або навіть, як Наумович, хочуть виробити ще новий «твердий руський язык вищої культури» з російського і малоруського на основі церковнослов'янській.

Теорія Наумовича⁹³ абсурдна з практичного боку, а надто для росіян, з котрих ніхто не скоче залишити готову вже «м'яку» мову Пушкіних, Лермонтових, Тургеневих для «тврдого» язичія Наумовичів. Тільки ж за тою теорією не можна не признати певної величності, котра мусить притягати до себе галичан, а надто людей релігійних. Побити ту теорію, а вкупі з тим і все літературне «москвофільство» на Малорусі можна тільки закинувши погляд на мову як на святощ, а глянувши на неї з радикально-демократичного і утилітарного боку.

Мова не святощ, не пан людини, народу, а слуга його. Література мусить нести в маси народу просвіту як найлегшим способом. Для того мова літературна мусить бути якнайближчою до простонародної. Проти такого погляду «москвофіли» на Малорусі являються просто вільними чи невільними обскурантами і не зможуть видержати конкуренції з народовцями перед скільки-небудь живою громадою. Само собою розуміється, що літературні народовці тоді тільки дійсно прислужаться народові й стануть міцно серед нього, коли дадуть народові на його мові літературу йому корисну: утилітарну й просвітню, бо від літератури формально націоналістичної, пустої народ відвернеться, а література ретроградна обезсилить його в конкуренції з сусідами, та, нарешті, від неї, а вкупі з тим і від її національності відвернеться й сам народ, починаючи від своїх більше інтелігентних осіб. Відвертається ж і тепер народ від своїх дійсно прекрасних по мові, а часом і по поезії старих пісень, бо зміст їх тепер уже не відповіда народному життю. І треба й тут зреクトися теорії національних святощ, а признати, що народ тут почаси має рацію навіть тоді, коли він заміня прекрасні козацькі пісні на погані солдатські, бо все-таки в дійсності він бачить перед собою

* Див. недавні статті в «Ділі» і «Правді» за «батьківську руку» замість «парламентаризму», котрі любісінсько могли б знайти собі місце в «Гражданах» або «Моск [овских] ведомостях». Др. Антоневич букв в букву повторив слова «Правди» на «москвофільському» мітингу 2 фебр [уара] 1892. Так, знаменита трійця «православие (галицька унія), самодержавие и народность» (національность) виходять однаково програмою Николая I і його теперішніх обожателів у Росії, як і галицьких «москвофілів» і українофілів!

«охвицька молодого», а не «отамана козацького». Візьмімось скілько-небудь енергічно за те, щоб пустити в народ порядні пісні, відповідаючі нашему часу, пояснімо народові, що є реально доброго в старих піснях, і ми витіснимо «охвицька молодого» скорше, ніж напомавами про те, що треба зберігати старі пісні як національну святощ.

Ми скінчили огляд важніших речей, котрі виставляються нашими націоналістами як народні, національні святощі. Разом з тим ми скінчили наші «Чудацькі думки», по крайній мірі, певний їх ряд. Ми назвали їх «чудацькими» через те, що вони йдуть напереріз тому, що звичайно говориться і прихильниками і противниками українського руху. Тільки ж, звісно, ми, як і всяка людина, котра має певні думки, вважаємо їх за вірні, по крайній мірі, доти, поки їх не перекинуть науковим способом наші противники. Поки що ми вважаємо вірною основу тих думок, бо вона є ні що інше, як приклад до певної справи такого світогляду, котрий тепер руководить усією науковою,— того світогляду, що *не признає на світі нічого постійного, стоячого (статичного), а бачить тільки переміну (еволюцію), рух (динаміку)*. Немає і не може бути постійних національних ознак, стоячих без переміни національних духів, нема між людьми вічних політично-адміністративних порядків, таких як, напр., обрусеніс, не може бути й національних святощій. Вся практична мудрість людська може бути в тому, щоб убачити напрямок руху світового, його міру, закон і послужитись тим рухом. Інакше рух той піде проти нас, роздавить нас.

В нашій справі, коли ми поставимо думку, що національність є перше, головне діло, то ми або поженемось за марою, або станемо слугами того, що всилується спинити поступ людський, і поставимо на риск, коли не на згубу, й саму нашу національність. Коли ж ми станемо при думці, що головне діло — поступ людини й громади, поступ політичний, соціальний і культурний, а національність є тільки ґрунт, форма та спосіб, тоді ми певні, що послужимо добробитовій просвіті нашого народу, а вкупі з ним й його національності: охороні й зростові того, що в ній є доброго.

ПРОПАЩИЙ ЧАС

*Українці під Московським царством
(1654—1876)*

Плакати про старовину, бажати вернути її — завжди даремне діло, а особливо для нас, слуг «простого» українського народу. Ми знаємо добре, що того, чого ми хочемо, не було ще ніколи на світі, а тільки буде колись, як люди стануть далеко розумніші, ніж тепер. Однак оглядатися назад треба, щоб знати, через що тепер стало так гірко, щоб не помилитися знов, як колись помилялись. Українцям треба добре оглянувшись назад і пригадати останні дві сотні і два десятки років після того, як козаки українські за приводом Богдана Хмельницького піддалися під руку «царя Восточного, Московського», у 1654 році.

Перше, що кинеться в очі, як глянеш на Україну в часи Хмельницького і на Україну цього часу, ось що: тоді була козаччина, тепер нема. Вчені люди, що пишуть історію, чужі, а то й наші, завсігда кажуть: така зміна і мусила бути; козаччина — діло не пригідне для життя чоловічого; козаччина появилась у гіркі часи життя люду руського, тоді, як його неволив татарин та лях; козаччина своє одслужила: вона обороняла землю українську од чужих, поки могла, поки на півночі не вкріпилась велика братня держава, Московське царство, потім прилучилася до нього,— передала в руки його свою воєнну працю і мусила одступити туди, де була ще потрібна, на далекий край руського царства, на Кубань, щоб там битись з невірами. На Україні ж мусили завестись інші порядки, стрій держави для життя мирного: промислового, ремісничого, наукового, уміlostі. Далі кажуть вчені люди, що нібито проти московської держави і її порядків на Україні випиралися хіба які завзяті вояки, що не хотіли знати нічого, окрім «лицарства», та змінники, котрих збивали вороги народу руського, та люди, звиклі до несупокою та до «шатості», як колись казали.

Розказуючи, яке то гарне життя завела по низовим Дніпровим степам цариця Катерина, що пороздавала землі панам та чужим, німцям-колоністам, московський професор Солов'йов каже, що коли запорожці прохали, щоб їх землі зоставлено було за ними, то це б то значило, щоб краї ці, «Новая Россія повернулась в пустиню» *.

* Учебная книга русской истории, Сергия Соловьева, ст. 347.

Звісно, виходить, що цариця мусила військом знищити Запорожжя! Такі погляди виучують наші діти по школах та гімназіях і держать їх в головах своїх, не думаючи довідатись, чи правда воно чи ні, чи справді козаки, мов божевільні, тільки й думали, щоб завести круг себе пустелю, а що усе добре позаводили круг нас царі, котрі мусили викорінити тих божевільних розбишак, та й що ми справді живемо не знати в якім добрі!

Ось, приміром, д. де Пуле¹, чоловік бувалий і в Московщині, і в Литві, і в нас на Україні, де він був чи й є інспектором воєнної гімназії в Полтаві, чоловік, котрий не раз писав, що не може того бути, щоб на всій великій обширі царства руського були однакові порядки, та ще й порядки московських чиновників. А як торкнувсь цей д. де Пуле нашої України і написав статтю про Горленків та Ломиковських, ворогів царя Петра і прихильників Мазепи, то й забув, що він же сам писав про московські порядки*. Ось що говориться в кінці статті д. де Пуле, ось що прочитали ті тисячі письменних людей, що купують і читають на Україні «Вестник Европи»:

«Старая казацкая воля, старая казацкая слава, что по всему степу дыбом стала», выражаясь словами народного эпоса, могли существовать тогда лишь, когда было для них питание — войны с неверными, турками и татарами, защита и спасение русского юга от поглощения его Польшей. Но затем, когда удалось отстоять свою самостоятельность, когда стала мельчать борьба с неверными, казацкая слава, естественно, должна была становиться анахронизмом, переходит в область эпоса и только в нем быть окруженою поэтическим ореолом, в действительности же обращаясь или долженствуя обратиться в разбой, как обратилась она везде на русских окраинах, где казачество стояло живою стеной, защищавшою Русь от азиатских кочевников.

В Малороссии, где задачи казачества были шире и роль несравненно значительнее, чем на Дону, Волге и Урале, в начале прошлого века, и при Петре Великом, от прежней славной деятельности, от старой казацкой воли оставалась устарелая, на военный лад построенная община, в которой аристократия, «старшина», высшее военное сословие, резко отделяется от народа и, любя «волю» для себя, не признает ее необходимой для простого народа, которого начинает давить и порабощать задолго до введения крепостного права. Кроме русской народности и православия, в малороссийской военной общине не выработалось ничего оригинального, своего: все зачатки гражданской жизни, все формы ее были в ней польские. Самостоятельное существование было немыслимо: приходилось быть или Польшей, или Москвой. Но Польшей не захотели быть еще отцы и деды современников Мазепы и Горленко. Перейти к Польше значило повторять зады, отказаться от славного прошлого, ибо Польша, забрав

* Малороссийские эмигранты при Петре Великом («Вестник Европы», 1872 р.).

себе почти 2/3 русских земель, не перестала быть Польшей, не сделалася западной Россией, как некогда сделалася ею Литва; что же оставалось делать? Правда, дело сделано, и давно, еще Хмельницким; но Москва, московские порядки, московский деспотизм, московская грубость... Несомненно, еще до Мазепы и Горленко с товарищами, многие из малороссиян, без всякой мысли об измене, не раз и серьезно думали и передумывали об этом, вздыхали и поминали прошлое... Но вот появился гениальный человек и прошел по всей Малороссии левого берега Днепра, прошел своею особою, с другими «москалями». Только старые, отпетые люди, вроде Мазеп, Горленок и Ломиковских², не могли в нем видеть нового русского человека, каких не давала прежняя Москва, но с какими легко можно было ужиться и малорусам, вкусившим, в высших своих слоях, через посредство Польши, европейскую гражданственность; вместо Москвы создавалась новая Россия, вместо москалей появлялся новый народ, русский, чуждый местной и этнографической узости».

Себто так виходить, що цар Петро був не москаль тільки, а такий новий русин, що вбрав в себе усе, що було доброго в українського і московського чоловіка, а ті порядки, які позаводились на Україні після нього, були нові європейські порядки, тобто воля не для самих тільки панів, як в Польщі, не для козаків тільки, як в нашій старій Гетьманщині, а для усіх людей: воля робити, думати, вчитись, говорити, правитись народові, як сам хоче, ось як в Швейцарії та тій Голландії, де вчивсь Петро кораблі строїти; або хоть така, як була вже й тоді в Англії, де вже не сам король правив землею, а з виборними хоть од панів та купців і міщен; або хоть не така воля, так хоть рівність, хоть льгота, коли не увільнення од кріпацтва, як то було вже й за часи Петра по Західній Європі, і як то незабаром сталося в ній скрізь за часи великого повстання французів. А до волі та рівності прибавим науку, освіту: за часи Петра вже жили Ньютон, Вольтер, Лессінг і т. д., що увільняли розум людський од путів попівських.

Так ось на яке добро пощастилось нашим прадідам перемінити старовину козацьку українську!

Шевченко узивав ту козацьку старовину «срамотньою годиною», казав, що він би оддав половину свого віку молодого, тільки щоб забути тяжкі діла батьків наших. Так то не жаль українським народолюбцям старовини своєї!

Чому б і не так! Розумні українці давно вже перестали плакати за старою козаччиною з її гетьманчиною. На Україні якось не звикли дуже захвалювати усе своє, старосвітське, через те, що як недавно було тут щось подібне до власного царства та панства, то нікому було привчити українців пишатись своею славою. Одну недовгу хвилину, як було тільки знов почали пізнавати освічені українці свою старовину, у 30—40 роки цього століття, горстка людей покричала про славу козацької України, але зараз же сама знайшла в ній плями, і тепер, коли хто хоче піznати ті плями, пізнає їх найскорше з вчених праць

українців: з звісних усім праць Костомара, з коротких, але цінних Лазаревського «Про крестьян та панів на Україні. (Малороссийские посполитые крестьяне)». — «Записки Чернигов. Статистич. Комитета» т. 1. та й «Очерки малор. фамилий». — «Русский Архив», 1875 р.), Антоновича («Последние годы казачества на правом берегу Днепра»). Та й самий Шевченко, котрий попереду виспіував про «буничку й булави» гетьманські, скоро приглянувшись до гетьманщини, побачив, що там давили простого чоловіка і торгували Україною, запродуючи її то москалеві, то королеві, крикнув:

Варшавське сміття ваші пани,
Ясновельможній гетьмани,
Раби, підножки, грязь Москви!
Чого ж ви чванитеся, ви,
Сини сердешної України? ³

Упять кажемо: чому б не так! Чому не проміняти мирну пряцю над ремеслом або науковою на гарцювання по степах, щоб «скородити татарські ребра!» Тільки огляньмося: чи багато вспіли ми в сій мирній праці, чи сповнилась хоть половина навіть того, «за що ми бились з ляхами, за що скородили списами татарські ребра», — бо хоть деякі із наших батьків, як деякі з усяких народів в свій час, любили війну для війни, били «невіру» за те, що він «невіра», та не всі ж тільки затим і гарцювали по степам, щоб битись та гарцювати. І гарцювати наші батьки були примушенні для того, щоб одігнати од свого краю гарцювання татарське та турецьке, що іменно не давало рости на Україні мирній праці над хазяйством та письменством. І не глядючи на се козацьке гарцювання, — відкіля ж і сама Московщина за батька й діда царя Петра та й за його самого брала і вчителів і духовників, як не з нашої України! Це кажуть і вчені московські, тільки якось не вміють держати в головах своїх одної думки. Вони навіть хваляться й тим, як де військо царське погарцює, — от хотіби по усяких Пруссіях та Швейцаріях, куди царі після Петра посылали й наших козаків та некрут, не знати для чого, тільки не для того, щоб боронити нашу землю.

Погляньмо ж на те, яке життя справді настало на Україні після того, як скасовано козаччину, на те, що ми дістали замість неї, — і як вийде, що Україна не зовсім згаяла останні двісті років, то чи справді через те, що в ній скасовано старі питомі порядки, а заведено нові, московські та петербурзькі. Ми вже не будемо питати про те, чому так, коли вже козаччина перешкоджала вже років двісті мирному життю нашої землі і руської держави, то чому скасовано тільки українську козаччину, а заставлено Донщину? Хіба степи Донські не так же потрібні для «миру і освіти», як дніпрові і дністрові? Одповісти буде легко; Дон більш свій Московському царству, вірніший йому, хоть і Донові врізано волі, бо й він колись бунтувався! Ну, та це ми залишимо! Ми зовсім не заздримо «тихому Донові», — хай живе, як йому любо, хай задержить зерно волі, як ще зосталось в нього, до дру-

гих, ліпших часів, поки воно зійде буйним деревом. Тоді він непремінно згада, що колись Дон і Дніпро, як правились самі собою, більш знали один про одного, ніж опісля, як над тим і другим стали верховодити петербурзькі канцелярії, а не ради козацькі, згадає, що колись співали кобзарі українські «славу війську запорозькому і донському, з усією чернью низовою на многая літа, до кінця віка» («Дума про те, як запорозький отаман Кішка вибавивсь із турецької неволі»).

Ми лишимо других, а переглянемо, що ми самі, українці, виграли за останні двісті років, як пропадали наші старі «негідні» порядки, а зводились нові, московські і петербурзькі, буцімто європейські.

Не знайдеш тепер такого європейця, котрий би не думав, що без волі народу, а при одній царській самоволі не може добре жити ніяка земля, що народ не може добре правитись самими чиновниками, котрих згори наставляє самовольний цар. Тепер трудно знайти і таких людей, котрі б не згоджувались з тим, що усі діла в дуже великий державі не можуть бути вправлені чиновниками та указами з далеких столиць, не спітавши, що думають люди в тих краях, для котрих пишуться укази; тепер навіть і в руськім царстві заведено земства та городські управи, щоб хоть менші діла свої робили самі краєві люди, як самі знають, а не чиновники, що сьогодні тут, а завтра там.

А коли так, то що ж нам була за користь з того, що і ми перетерпіли жорстокість Петра I, остервенілість Меншикова⁴ і німців біронових⁵, дурості Павла I⁶, солдатське звірство Аракчеєва⁷, холодну самоволю Миколи I, про котрих українці не можуть навіть сказати, що це були «свої собаки, котрих ми ж самі вигодували», бо в нас позаду не було ніякого Івана IV⁸. Та й самі ці петербурзькі самовольники і нівечники натури чоловічої ніколи не вважали нас, українців, за своїх і коли слічалось, давили нас з більшою злістю, менш жаліли «безмозглих, упрямих хохлів», ніж своїх «руських». Хіба помоглось що-небудь і великорусам од того, що терпіли рядом з ними і «брраття черкаси», вмерти за котрих обіцялись батьки іх тоді, як Хмельницький прохавсь у підданство «царя Восточного»? На що ж було руйнувати ті права краєві, ті виборні уряди, які були колись на Україні, коли тепер усі освічені люди думають, що без краєвих прав та виборних урядників обйтись не можна? Двісті років мучення, поки царі доконали старі українські порядки, пропали, значить, даремне!

А все, що не робилось царським урядом для України після Хмельницького аж до 1775 р., коли зруйновано Січ, усе те роблено ні для чого, як щоб доконати старі українські порядки. І скільки то хитрощів пішло на те в московських бояр та петербурзьких чиновників, скільки муки прийняв простий українець, скільки попогнувся та призвичайвся ябедничати український пан та полупанок, поки це случилось,— для того, щоб потім признатись, що усі ці «нові» порядки нікуди не годяться!

Коли в 1654 р. Україна прилучилася до Московського царства, то була між українськими козаками, з одного боку, і московськими боярами і царем, з другого боку, ось яка умова:

«Прошение гетмана Богдана Хмельницкого к Алексею Михайловичу с приложением договорных пунктов.

Божией милостию великий государю царю и великий княже, Алексию Михайловичу, всея Великия и Малыя России самодержче, и многих государств государю и обладателю, твоему царскому величеству.

Мы, Богдан Хмельницкий, гетман войска запорожского, и все войско запорожское, и весь мир християнский российский, до лица земли челом бьет:

Обрадовался вельми спожалованъя великого и милости неисчислennя твоего царского величества, которою нам изволил твое царское величество показать, много члом бьем тебе, государю нашему, царскому величеству, и служити прямо и верно во всяких делах и повелениях царских твоему царскому величеству будем повеки, только просим вельми, яко и в грамоте просили есмы, изволь нам, твое царское величество, в том всем пожалованье и милость свою царскую указати, о чм посланники наши от нас твоему царскому величеству будут члом бити.

1) Вначале изволь, твое царское величество, подтвердить права и вольности наши войсковыя, как из веков бывало в войске запорожском, что своими правами суживалися и вольности свои имели, в добрах и в судах чтоб ни воевода, ни боярин, ни стольник в суды войсковые не вступались, но от старших своих чтоб товарищество суждены были: где три человека казаков, тогда два третьего должны судити.

[Под сими статьями помета думного дяка Алмаза Иванова⁹.]

Сей статье указал государь и бояре приговорили: быть так по их челобитью.

2) Войско запорожское в числе 60 тысяч чтоб всегда полно было.

Указал государь и бояре приговорили: быть по их челобитью 60 тысяч человек.

3) Шляхты, которые в России обретаются, и веру, по непорочной заповеди Христовой тебе, великому государю нашему, твоему царскому величеству, чтоб при своих шляхетских волостях пребывали и меж себя старших на уряды судовые обирали, и добра свои и вольности имели, как при королях польских бывало, чтоб и ныне, увида такое пожалованье твоего царского величества, клонилися под область и под крепкую и высокую руку твоего царского величества со всем миром християнским. Суды земские и градские через тех урядников, которых они сами себе добровольно берут, исправлены быти имеют как и прежде сего; тако ж шляхта, которые казну свою имели по крепостям на маєтностях, тогда и ныне, любо чтоб им поплачено или на маєтностях довладети дано.

Сим статьям указал государь и бояре приговорили: быть по их челобитью.

4) В городах урядники из наших людей чтоб были обираны на то достойные, которые должны будут поддаными твоего царского величества, исправляти или удержати, и приход на лежащей в правду в казну твоего царского величества отдавати.

Указал великий государь и бояре приговорили: быть по их челобитью, а быти б урядником, войтом, бурмистром, райцом, лавником, и доходы денежные и хлебные и всякие на государя сбирать им и отдавать в государеву казну тем людям, кого для тое сборныя казны государь пришлет, над теми сборщиками смотреть, чтоб делали правду.

5) На булаву гетманскую, что надано со всеми принадлежностями старство чигиринское, чтоб и ныне для всего ряду прибывало.

Указал государь и бояре приговорили: быть по их челобитью.

6) Сохрани Боже смерти на пана гетмана (понеже всяк человек смертен, без чего не можно быти), чтоб войско запорожское само меж себя гетмана избирали и его царскому величеству извещали, чтоб то его царскому величеству не в кручину было, понеже тот давной обычай войсковой.

Государь указал и бояре приговорили: быть по их челобитью.

7) Имений казацких чтоб никто не отнимал: которые землю имеют и все пожитки с тех земель, чтобы при тех имениях добровольно имели; вдов после казаков остальных чтобы и дети такие же вольности имели, как предки и отцы их.

Быть по их челобитью.

8) Писарю войсковому чтоб, по милости его царского величества, одна тысяча золотых для подписков, также и мельницу для прокормления, что великий расход имеет.

Быть по их челобитью, давать из тамошних доходов.

9) На всякого полковника, чтоб по мельнице было, для того что расход великий имеют, но когда милость будет твоего царского величества, и больше того, чем твое царское величество пожаловать изволишь.

Государь пожаловал по их челобитью.

10) Также на судей войсковых по 300 золотых и по мельнице, а на писаря судейского по 100 золотых.

Государь пожаловал по их челобитью, а про судей допросить, сколько судей.

11) Также ясаулам войсковым и полковым, что на услугах войсковых завсегда обретаются и хлеба пахать не могут, по мельнице б им было, просить твоего царского величества.

Государь пожаловал по их челобитью.

12) На поделку снаряду войскового и пушкарей и на всех людей работных у снаряду, просим твоего царского величества, изволь имети

свое царское милостиво призрение, яко о зиме, так и о станах, такожде на обозного по 400 золотых.

Государь пожаловал, велев давать из тамошних доходов.

13) Права, наданыя из веков от княжат и королей как духовным и мирским людям, чтоб ни в чем не нарушены были.

Государь пожаловал, велел быть по тому.

14) Послы, которые из века из чужих земель приходят к войску запорожскому, чтоб пану-гетману и войску запорожскому, которые к добру б были,вольно приняты, чтоб то его царскому величеству в кручину не было, а чтобы имело против его царского величества быти, должны мы его царскому величеству извещати.

Государь указал и бояре приговорили: послов о добрых делах приймати и отпусках, а о каких делах приходили и с чем отпустят, о том писать к государю; а которые послы присланы от кого будут с противным делом государю, и тех задерживать и писать об их государю; а без государева указу их не отпускать, а с турским салтаном и с польским королем без государева указу не ссылаться.

15) Как по польским землям дань вдруг отдается, воли бы есмя и мы, чтоб ценою ведомою давать от тех людей, которые твоему царскому величеству належат: а если бы иначе быти не могло, тогда ни на единаго воеводу не позволять, о том договариваться разве бы из тутовых людей, обобравши воеводу, человека достойного, имеет те все доходы в правду его царскому величеству отдавать.

Сей статье государь указал и бояре приговорили быть по тому, как выше сего написано, сбирать войтом, и бурмистром, и райцом, и лавником, а отдавать в государеву казну тем людем, кого государь пришлет, и тем людем над сборщиками смотреть, чтобы делали правду.

16) А то для того имеют посланники наши договариваться, что наехав воевода права бы ломати имел и установы какие чинил, и чтоб быти имело с великою досадою, понеже прав иному не могут вскоре навыкнуть и тяготы такие не могут носити: а из тутовых людей когда будут старшие, тогда против прав и установ тутовых будут исправляться.

О правах государев указ и бояр же приговор написан в иных статьях.

17) Прежде сего от королей польских никакого гонения на веру и на вольности наши не было, всегда мы всякого чину свои вольности и для того мы верно и служили; а ныне, за наступления на вольности наши, побуждены его царскому величеству под крепкую и высокую руку податься. Прилежно просити имеют послы наши, чтоб правился его царское величество нам на хартиях писанных с печатями, вислыми, един на вольности казацкие, а другие — на шляхетские дал, чтоб на вечные времена непоколебимо было, а когда то одержим, мы сами смотр меж себя имети будем. кто казак, тот будет вольность казацкую иметь, а кто пашенной крестьянин, тот будет должность обыкную

его царскому величеству отдавать, как и прежде сего; такое и на люди всякие, которые его царскому величеству подданные, на каких правах и вольностях имеют быти.

Государь указал и бояре приговорили: быть по их челобитью.

18) О митрополите помянути имеют, как будут разговаривати, и о том послом нашим изустный наказ дал есмь.

Государь указал и бояре приговорили: митрополиту на маестности его, которыми ныне владеет, дать жалованную грамоту.

19) Такожде просити прилежно послы наши имеют его царского величества, чтоб его царское величество рать свою вскоре прямо к Смоленску послал, не отсрочивая ничего, чтоб неприятель не мог исправиться и с иными совокупиться для того, что войска ныне принуждены, чтоб никакой их лести не верили, если б они имели в чем делать.

Указал государь и бояре приговорили: про поход ратных людей объявить посланником, с которого числа государь сам и бояре, и ратне люди с Москвы пойдут, а к гетману не писать.

20) И то надобное дело припомнити, чтоб наемного люду зде по рубежу от ляхов; для всякого бесстрашия, с 3000 или, как воля его царского величества будет, хотя и больше.

Допросить, в коих местах по рубежу стоят.

21) Обычай тот бывал, что всегда войску запорожскому платили: просить и ныне его царского величества, чтоб на полковника — по 200 золотых, на ясаулов войсковых — по 400 золотых, на сотников — по 100 золотых, на казаков — по 30 золотых.

Отговаривать Великий государь, его царское величество, для православныя християнския веры, хотя их от гонителей и хотящих разорити церкви Божия и искоренити веру християнскую, от латынь оборонити, собрал рати многия и идет на неприятелей, и свою государеву казну для их обороны ратным людем роздал многую. А как было у гетмана, у Богдана Хмельницкого, государев ближний боярин, и наместник тверской Василий Васильевич Бутурлин¹⁰ с товарищи, и говорил с гетманом о числе войска запорожского, и гетман говорил: «Хотя число войска запорожского и велико будет, а государю в том убытка не будет, потому что они жалованья у государя просить не учнут»; а говорил гетман при их, и при суде, и при полковнике, и им ныне о том говорить не доводится.

22) Орда есть ли бы вкинуться, тогда от Астрахани и от Казани надобно на них наступати, такожде и донским казакам готовым быть; а ныне еще в братстве дати сроку, а их не задирать.

Сказать: на Дон к казакам государево повеленье послано будет: будет крымские люди задору никакого не учинят, на них неходить, а буде задор учинять, и в то время государь укажет над ними промысл чинить.

23) Кодак-город, который есть сделан на рубежу от Крыму, в котором пан гетман всегда по 400 человек там имеет и корм всякия

им дает, чтоб и ныне его царское величество как кормами, так и порохом к наряду изволил построити; также и на тех, которые за порогами Коша берегут; чтобы его царское величество милость свою изволил показать, понеже нельзя его самого без людей оставить.

Допросить: по скольку корму человеку на тех 400 человек дают и за порогами для Коша сколько человек, и о чем за них бьют челом.

Доложить государю бояре говорили: которые государевы всяких чинов люди учнут бегати в государевы черкасские города имеете, и тех бы съсков отдавать».

Ми не считаємо цих п е р е я с л а в с ь к и х с т а т е й за «верх премудрости» державної. Те, що ми тепер бажаємо, нам «собі дорожче», як кажуть купці, ніж те, що втратили українці. Переяславські статті писали козаки і думали про самих козаків. Вони вважали за Україну не всю землю, де живе український чи, як вони казали тоді, руський або російський, або малоруський народ, а тільки ту землю, де по давнім умовам козаків з поляками мусили жити козаки: не усю землю по Сян в Галичині і по гірний Дунаєць і гірські Тисси в Карпатах, а тільки по Случ (воєводства Чернігівське, Київське та Брацлавське). Переяславські статті вмовлялися з царем тільки про волю козацьку, а «пашенного крестьянина» зоставляли «должность обыклую отдавать его царскому величеству, как и прежде сего», значить, як було це за часи Польщі, проти котрої уставали і «пашенні крестьяне» укупі з козаками. Ті шляхтичі, котрі верховодили канцелярією Хмельницького (та й сам цей батько козацький був шляхтич!), не забули осібно написати в статтях переяславських про шляхту, щоб вона «при своїх шляхетських волостях пробувала, як при королях польських бувало, і щоб уряди судові, земські і городські, як і за Польщі було, вибирали шляхтичі», а не пашенні люди. Тільки козаки мали б свій власний суд,— після цеї умови!

Окрім козаків та шляхти, права і вольності вимовлені були для попів і ченців, щоб і вони мали те, що їм було надано од королів польських, значить, і землі з пашеними людьми, та для міщан, щоб вони обирали для себе і для своїх діл войтів і магістрати та ратуші, щоб то як тепер городських голів та городську думу.

Так-то зроблені козаками статті вдержували стару нерівність між людьми українськими і не дбали зовсім про пашенних людей, про бідних хліборобів. На користь їм можна б було хіба повернути 13 статтю, що «права, надані од князів і королів духовним і світським людям, щоб не були ні в чім порушені». Та тільки прав таких простим пашенным людям ніхто не давав. Поки що вони тільки зоставались вільними там, де повтікала шляхта. А як земля за ними не була призначана, то потроху і стали ці прості люди обертатись у «послушенство». Сам козацький батько Богдан Хмельницький мав од королів польських надані села «на праве поместном с подданными». А послаці його, котрі їздили в Москву вмовлялись з царем про вольності

козачі,— генеральний суддя Самійло Богданов і переяславський полковник Павло Тетеря¹¹, подавали в марці 1654 р. цареві челобиття, в котрім прохали, щоб: «мне судье на mestечко Имgleево-Стятый с подданными в нем будучими и со всеми землями издавна до Имgleева належащими и на тех землях подданными будучими, а мне полковнику на mestечко Смелую також с подданными в нем будучими и со всеми принадлежностями, полями, лесами, угодами и озерами, которые имеют быть со всем, как и прежде было. И чтоб есмы были вольны в своих подданных, как хотя ими уряжати и обладати, мы и дети и наследники наши, которые бы имели от нас те маєтности одержати; и чтоб до них никто, кроме нас и наследников наших, никакого дела не имел вечными времяны. Также чтоб нам вольно было на тех землях своих, которыя с милостивого жаловання его царского величества будем имети, людей селить, как которые к нам будут приходить, мельницы ставити и всякие пожитки, какие-нибудь прежде были и какие сами можем привлашти и вымыслить можем, приспособляючи без всякой в том ни от кого помешки. Также потом чelом бьем, чтоб нам вольно было всякия питья для своих же подданных держати, вино курити и откуп, как и звычай есть на Украине имети и при всем том иззычаю, как в том крае ведется, пребывати». Про це усе просили пани Богданов і Тетеря у царя «привилії на хартіях, золотими словами писаних».

Колись польські пани також позабирали землі і перш усього старались захопити затим такі струменти та заводи, що найпотрібніші хліборобові, або такі, котрі переробляють хліб — мlinи та винниці, щоб хлібороба держати в своїх руках, та захоплювати луки, щоб не було куди без плати хліборобові скотину вигнати, та ліси. Народ іменно через те і піднявся проти Польщі укупом з козаками, що «вражі ляхи» ріки і луки жидам заарендували, а тепер козацькі старшини, вмовляючись з московським урядом про козацькі вольності, почали вимовляти собі те, що за часи Польщі мали в себе пани та їх рандарі жиди. Потроху почало йтись до нового кріпацтва, а Московське царство не тільки не зупинило цієї ходи, а ще помогло розростись злим зернам, що були в козаччині, а добре заглушило.

А були в переяславських статтях і добре зерна іменно такого устрою громадського, до котрого також прямують скрізь освічені люди. Тут умовлялось, щоб чужі люди у діла країві не вступали, щоб усякий уряд був виборний, щоб ніхто без суду не був скараний і щоб судили свої люди, товариші, хоть козаків, шляхтичів та міщан, коли не усіх. Так була на частину огорожена воля краю і народу од самоволі царської. Гетьман і старшина тільки нічого не сказали напроти слів бояр, посланців московських, об тім, що тільки козаки мусять присягати на умови з царем, а ні сам цар, ані посланці його не можуть, що «піддані тільки присягають царям, а царям не личить присягати підданим, і що коли польські королі присягали на умови з козаками, то тільки тому, що польські королі невіри і несамодержці, і що коли

прості козаки просять, щоб цар заприсягнув, то старшина мусить пам'ятати милість великого государя, що ради християнської православної віри і святих божих церков зволився прийняти козаків під свою велику руку, а тому мусить привести на вірність цареві військо запорозьке, а нерозумних людей,— цебто простих козаків,— вдержувати од непотрібних розмов». На ті усі права, які ми вище прописали, козаки пристали, як «на пожаловання і милість царську», а не так як на право своє; наперед згоджувались дань давати і не так, як колись давали, тільки щоб не царські чиновники її збирали. Козаки вимовили своєму гетьманові, щоб до нього посли чужих царів приїздили, та тільки мусили гетьмани цареві казати, що до них ті посли говорили. Так козаки зоставляли у горі непорушеним самодержавне право царя над землею і підданими.

Однако, як порівняти і ті права, які вимовили собі козаки у царя московського, з тим безправ'ям, яке було у государстві Московськім, то усе-таки не можна не сказати, що устрій козаччини був більш подібен до устрою теперішніх вольних держав європейських, так званих конституційних, ніж Московське царство і теперішня російська імперія.

Всі знають, як з дуже малого почала рости теперішня воля народу в Англії. Як порівняти ті права, що витребували собі пани англійські у короля Івана, званого Безземельним (1215 р.), звісну Велику Грамоту про вольності (*Magna Charta libertatum*), то вийде, що вони були не багато більші, ніж вольності наших козаків у 1654 р., і служили попереду на користь ще меншому числу людей.

Англійська грамота була писана після бунту проти короля, через те де в чому вона виразніше напира на права підданих перед королем, особливо на те, що король не буде брати податків без того, щоб не згодилася рада земська. Однаке про права і вольності осіб, громад і городів і в англійській грамоті не виразніше сказано, ніж в нашій. Деякі слова англійської грамоти мовби слово в слово такі самі, як в українських козацьких умовах з царем; ось напр. пункт 1), по котрому обіцяється, що церков англійська буде вольна і вживатиме усії свої права і вольності і що ніхто їх не дотикатиметься; або пункти 2, 16, 48, 49, у котрих король каже: «Ми подарували усім нашим вольним підданим у королевстві Англії за себе і за наслідників усяку вольність, котру пересчитуємо далі,— ми даруємо усім городам, містечкам і селам їх старинні права і привілії,— наперед ніхто не буде ні задержаний, ні ув'язнений, ні в кого не одніметься добро його, ні права, ні вольності, ніхто не буде покараний смертю, ніяким способом без суда рівним з ним людей по законам краївим» *.

І англійська грамота вимовляла права і вольності найбільше баронам, панам, воякам! А далі, за великими панами, баронами,

* Dufau, *Duvergier et Jaudet. Collections des constitutions, chartes et lois fondamentales des peuples de l'Europe, et des deux Amériques*, I, 362.

в Англії ширшу волю получили менші вояки, ось якби наші козаки, далі міщани, а тепер має її увесь народ. Скрізь в великих краях в Європі вольності попереду вимагали собі вояки, з котрих виходили пани, а далі вольності ширилися і обнімали більшу частину людей. Правда, скрізь ми бачимо, що зрівняння прав усіх людей у краї не йшло поруч з ширенням вольності. Ті, хто був поставлений нижче, міщани, селяни, аби тільки вибавитись з-під керування панського, раді були помогти королям уменшити вольності панські. Од того згодом скрізь уряд чиновничий узяв гору над виборним, та не до кінця. Все-таки з цієї виборної старовини щось зоставалось, що опісля підправлялось або підновлялось: які-небудь сойми, земства або таке інше. Земля, де найдовше зоставались такі старинні виборчі порядки та ради, швидше могла перебудуватись на нову вольну державу, де вже не одні краєві діла, але й більші, державні, не міг кінчати король та чиновники, не спітивши ради народної, сойму виборних, де не одного тільки пана, але нікого не можна було, як це й досі можна в Росії, ні замкнути, ні покарати без суду, де кожний має право вольно, що хоче, говорити, печатати книги і газети і їздити, куди хто хоче. Вигода України двісті років назад була в тім, що вона через війну з татарами, через повстання проти Польщі мала ще земський вольний, воєнний стан і виборний уряд,— вже тоді, як скрізь по більшій часті європейських земель військо було вже не земське, а королівське, вербоване, котре слухало тільки королів та князів, коли вже уряд чиновничий узяв майже скрізь гору над виборним. До того на Україні простір і свіжа оселя на стежах робили те, що більша частина сільського люду була на ділі вольною. А тоді вже були часи, коли встроїлись народоправства, або республіки Голландська і Швейцарська, а на який час було і Англійська, котра хоть перемінилась вп'ять в королівство, та таке, в котрім вже в кінець не стало самодержавства, або самовольства королівського, і в кінець розрослися зерна старої англійської вольності: король втратив право що-небудь зробити без ухвали ради земської, або в чім-небудь порушити право якого-небудь англічанина.

Тоді, як наша Україна прилучилася до Московського царства, такі вольності заводились не тільки по стародавньому звичаю, як було колись за часи городських народоправств руських до татар, або в Пскові і Новгороді, котрі вибрали і виганяли князів «по старине»; ні, двісті років назад вже думка про вольність піддержувалась і освітою, читанням книг про народоправства у греків та у римлян. Так же само двісті років назад скрізь вже по Європі освіта стала вменшати кріпацтво, котре українці майже скрізь тільки що скинули у себе, повставши проти польських панів.

Од того можна думати, що в Україні мала б з'єднатись старосвітська вольність вояцька з новою, всенародною, про котру вже турбувались освічені люди в Європі, можна було ждати, що те, що завелося на Україні само по собі, буде піддержане нарочитою думкою, бо й на

Україні тоді вже чули й писали, напримір, про Голландську республіку, котра також одбилась од королів іспанських, як Україна одбилась од королів польських.

Навірно можна сказати, що якби Україна, одірвавшись од Польщі, стала була осібним княжеством, або королівством, або хоть і козацькою республікою, то з часом і в ній би узяли б більшу силу чиновники і пани над вибором і народом, як і скрізь це було. Та тільки навряд без помочі з боку, яку давала неволя московська, і пани вспіли б за яку-небудь сотню років переломити старосвітську звичайну вольність, бо вже через сто тридцять років скрізь прочули про таке діло, як зміна королівського порядку у Франції. Знівечити хоть старосвітську, але свіже заведену вольність на Україні помогли застарілі невольні порядки тих держав, з котрими зв'язувалась Україна: панська Польща, а особливо ж порядки Московського царства, у котре увійшла Україна і в котрому вона знайшла знову панство, таке, як і в Польщі, та ще й царство, не дуже ліпше, як у Турції.

Ніяк не можна сказати, щоб народ московський чи великоруський був не способний до вольності. В стари часи і там були вольні городи, як і в Київській Русі, що потім стала Україною. Хто такі з первоначалку були псковичі та новгородці, чи наші українці, чи ні,— тільки в XIV столітті, тоді як ці народоправства були найдужчі, вони вже були великоруськими. Великоруси ж були й козаки донські, та яїцькі або уральські, котрих устрій був майже такий, як і в нашему Запорожжю. У великорусів задержався і досі стародавній вольний звичай володіти землею громадами і переділяти її по громадському приговору. Цей звичай, може, задержався через те, що земля великоруська велика і тут було місця донедавна ще усякому, та ще й через те, що хоть великоруси — народ і давній, як і другі новоєвропейські народи, однако кожна оселя в ньому не дуже давня, бо народові усе приходилося переходити з місця на місце, тікаючи то од татар, то од ляхів, то од власного начальства, і кождий раз ніхто як громада робила займище на землі, рубала ліс і т. д. Устроювати артілі з виборними старшинами великоруси уміють, як рідко яка з других пород людських. Але такі громадські порядки здавна вже вдергались у Московщині тільки для малих громад, осель, артілів. А всі ширші справи, земські і державні, у Московщині здавна вже звикли отдавать в руки царя і його чиновників. Московщина внизу в селях — ще й досі молода земля, в котрій люди самі собою ще вміють правитись без начальства. А як держава Московщина стара, як наприклад і Франція. Рід князів і царів в Московщині не переривавсь довго, і був свій, не те що в нас, литовський або польський. Церковний уряд теж завсіди був свій, от він і привчав народ слухатись царя, як божого помазанника. До того попереду татари підирали московських князів, а як потім ці князі пішли й проти татар, то народ увесь став більш шанувати їх, а попи ще більше хвалили. А народ великоруський розлазився по землі такій широкій, що одна оселя тільки через те й не одривалась

од другої, що задержувала спомин про Москву-матушку і царя-батюшку, і чим далі усе забував, що це мовбите серце Росії, Москва, було й єсть для всіх, навіть великоруських, земель просто павуком, а зовсім не серцем.

От через це усе уся історія Московщини, як і Франції за часи од XII до XVIII в., пройшла у тому, що чим дальше, все більше росла сила царського уряду над старосвітськими громадськими земськими порядками, чиновників над виборними. Так вирости чудні і не всякому зрозумілі ознаки життя державного, а почасти й народного в Московщині: внизу, в селах, поки не чіпається царське начальство,— у великоросів бачимо зовсім громадський дух і самоправ, немов в старих кантонах Швейцарії, а зараз над селом — царську і чиновничу самоволю, таку, котрої не бачила Європа навіть в часи, коли найбільша була сила королів і чиновників, при якому-небудь Людовіку XIV¹² французькому або Фридериках прусських¹³. До того треба придати велику різницю Московщини, наприклад, од Франції і других західноєвропейських земель. Тут, у Європі, завсігда була наука, которая вдернула самоволю царську, помагаючи людям спізнати, що есть доброго і в других нецарських порядках. Московщина ж, у лісах та степах, далека од старих освічених земель, була дика і не знала другого письменства, окрім церковного. Читала Московщина в книгах не про народ [опра] вства грецькі та римські, а про біблейські царства; бачила перед собою приміри не італянських народоправств, не Англії, не Швейцарії, не Голландії, а татар казанських, астраханських, з їх ханською самоволею. Скрізь по Європі в XVI—XVII в. королі всилились і ламали вольності земські, та ніде не було такого скаженого душогубця, як Іван IV московський. До того скрізь в Європі, коли королі топтали вольності панів на виборні уряди, то хоть вменшили кріпацтво простих людей, в Московщині царі завели кріпацтво, тоді як воно вже щезало в Європі. Вп'ять і тут показалось таке, що Московське царство було й нове і старе. Старе воно було тим, що давно вже повелось і що народ вже призвичайвсь слухатись царя, а в XV—XVI в. воно стало як би наново заведене, бо саме тільки тоді московські князі пооднімали землі у других князів, увільнилися од татар і стали напирати на землю князів литовських. Московську землю мовби знову завоювали князі, так як би Францію французькі королі у IX в. або Англію норманські у XI в., і роздавали землю воякам своїм: боярам та дворянам, а щоб народ не тікав з цих земель, щоб у бояр та дворян завсігда були вояки-піддані для царської служби, то народ закріпостили.

От до якого то царства прилучилася наша Україна! Була вона мов новонароджена земля вольна, хоть і мала вже погані зерна, як початок кріпацтва, хоть воля її не була ще вкорінена в народ наукою, которая б показала, що іменно і треба людям зоставатись вольними та правитись тільки виборними. Нічого дивуватись, що за ті часи, як Україна пристала до Московського царства, з його самовольним

царем, з кріпацтвом, жившого без науки,— то царська самоволя зайла вольності українські; московське боярство помогло зрости на Україні зернам кріпацтва, а просвіта почала на Україні рости дуже тихо, тим тихше, що невеличка частина українських письменних людей розділилась і на Московщину; вольним же думкам, котрі росли вже в Європі укупі з науковою і звідти переходили й до нас, тепер поставлений був тин царською та чиновницькою самоволею. А якби тепер серед українського народу з'являлись думки та заміри стати против зросту неволі, то вже тепер вони мусили б вдаритись не тільки об тих своїх людей, котрим вигідна була неволя людська, але й об московський уряд і війська, а то і об народ, котрий розумів діло так, що українці чинять зраду, коли не слухають «нашого царя» і т. д.

От через це усе після Хмельницького до самих часів Катерини ми бачимо, як замість того, щоб розростатись тому доброму, що було в козацьких українських порядках, воно топчеться царями або схне,— а зло поливається, розростається.

ДВА УЧИТЕЛІ

Спомини

ВІД АВТОРА

Вже кілька років назад написав я для «Народу» оці спомини, та вагався посылати їх у редакцію, не бачачи в них досить «політичного» матеріалу, а надто в першому. Аж ось недавно розмовляв я з одним українцем про теперішній стан гімназій у Росії і почув від нього, які зовсім холодні і навіть часто ворожі там тепер відносини між учениками і учителями, і пригадались мені образи моїх двох учителів, із яких перший служив навіть у «миколаївські» часи¹, а вмів так гуманно, так тепло жити з учениками і піднімати їх інтелект і мораль... Контраст між моїми споминами про двох учителів і оповіданнями недавнього знайомого піддали мені «політичних» мотивів послати мої спомини в редакцію «Народа».

I

К. І. ПОЛЕВИЧ

В мене на совіті лежить обов'язок прилюдно спом'янути двох із своїх гімназіальних учителів: латиніста Казимира Йосиповича Полевича й історика Олександра Івановича Строніна. Не для того тільки я мушу їх спом'янути, що сам я особисто вдячний їм більш, ніж кому-небудь з усіх людей, окрім батька моого², за те добро, яке вони зробили для моєї душі. Ні, то люди, що кожний по-своєму прислужились до морального виховання цілого ряду поколінь у Полтавщині, а через те й цілій нашій країні.

На лихо, я не маю другого місця, де б я міг подати мої спомини, окрім невеличкого «Народа», то й мушу говорити коротше, ніж би слід.

Полевич був родом із Борисівського повіту Мінської губернії, і як уся шляхта тамошня, чув себе поляком. Я вже докладно не пам'ятаю, в якій вищій школі він учивсь; але він певно був казенним студентом і був висланий відсиджувати звичайних 8 років на лівий

берег Дніпра, та там і зоставсь на 25 років, поки дослужився до «повної пенсії» (1861). Коли я став його учеником (1854 р.), то застав про нього серед гімназистів таке «преданіє»: Полевич був колись великим франтом; іздав навіть верхи і ходив по місту з кінським «хлистиком», але йому стала пригодом, що рішуче змінила його. Він закохався в дочку одного учителя, теж поляка, і в самий день, як прийшов до її батька свататись, почув від нього новину, що його любу саме перед тим заручили з другим, теж учителем і поляком (В Полтаві в гімназії і в кадетському корпусі було й за мене кількох таких). З того часу Полевич став аскетом.

І дійсно, за мене Полевич жив у маленькій хатці в однім домі з католицьким костелом, щодня найменше двічі молився в костелі, одягався так, що ніколи не було видно близни; в гімназії носив він мундир, а дома якесь пальто, подібне до сутани, не єв м'яса, ні навіть, пам'ятається, яєць і молока, уклонявся від жіночого товариства й не ходив ні до кого на дім, і рідко кого приймав у себе, окрім учеників. Одна розкіш у нього зосталась — добрий чай з «сухарками» (Zwieback), якими він гостив і деяких дуже до нього приближених учеників.

Усе життя Полевича йшло на учеників, на те, щоб навчити їх латини. За ті часи не було в Росії теперішнього класицизму³. Ученики до 4-ої класи не знали ні греків, ні латинів, а з 4-ої ділились: одні пили на класицизм, другі — на законовідство⁴. Після 1848 р. до царя Миколая дійшла чутка, що в Західній Європі консерватори жалуються, що класичні студії ведуть до республіканізму й соціалізму⁵ (про це єсть курйозний трактат Бастія «Le Bacchalaureat et le socialisme»), і він вигнав греку майже зо всіх гімназій, замінивши її натулярною історією. Полтавська гімназія зосталась при одній тільки латині, замість якої, як сказано, ученики могли вибирати законовідство. Законовідам, зрештою, не трудно було дістатись до університету, бо їх приймали туди з обов'язком через рік держати екзамен із латини, дуже легкий.

Виходило так, що латину в нас учив тільки той, хто хотів, а Полевич так поставив справу, що хто не хотів учитись добре, той зовсім кидав латину. По тодішній «5-тибальній системі» звичай у нашій гімназії був такий, що хто не заслужив у Полевича ні 5, ні 4, той «переходив на законовідство». Ні протекція, ні слози матерів, ніщо не могло заставити Полевича перемінити бал, та й атмосфера в класах була така, що ученик або вчився з усієї сили, або втікав сам.

Система науки була в Полевича оригінальна. Ніщо не заучувалось абстрактно. З першої лекції Полевич не питав *genetivus*⁶, *vocativus*⁷ і т. д., а так: *aqua* — *aquaе* — вода; как буде *водою?* *воды?* і т. д. З третьої лекції люди сідали перекладати фрази з російського на латинське по відповідній хрестоматії, і з того часу починалась повна індивідуалізація учеників. Усякий перекладав дома, скільки вспівав, а Полевич у класі підходив до одного, другого, питав: «Що Ви написа-

ли?» Читав переклад, поправляв помилки, поясняв темати і т. д. На кожній лекції учитель об'ясняв частину граматики, і це було minimum для всієї класи. Ця обов'язкова лекція займала дуже мало часу, і найцікавіше було в ній бачити самого учителя, що, очевидно, хорував злишком енергії, а до того недостатком вимови і через те викладав яке-небудь граматичне правило, путаючись у словах, але з таким запалом, що піднімав голос до крику, стукав кулаком по столу, так що іноді набивав добре щиколонки, або й по плечу ученика, часто випускав із рота краплі сlini. У другого все виходило б комічно, а Полевич піднімав енергію класи і добивавсьного: правило залягало в голови ученикам, а потім кожний сідав за свій переклад, а Полевич або обходив учеників індивідуально, або сідав собі за свою роботу: перечитування тем, які ученики писали раз у два тижні, або за композицію тих тем. Обходи учителем учеників були для їх приємністю. Полевич пізнавав природу кожного, знов, як його підопхнути до роботи, частіше всього наївно-доброю шуткою: «Ану, я таки Вас поймаю, поймаю» і т. д.

Звичайно, на перший рік так ішло діло до кінця падолиста, при 4 лекціях у тиждень. В падолисті приходили до неправильних діеслів, і тут же Полевич розказував про *infinita locutio* і *ablativus absolutus*, після чого переходили до переказу Корнелія Непота⁸. Полевич видавав додому ученикам свій коментарій («объяснения») до п'яти «полководців». Коментарії такі (вони були й для других авторів) переписувалися учениками в останні два дні перед різдвяними й пасхальними вакаціями, коли нерви учеників були напружені вижиданням розпуску або й повозу здому, який возвіщався криком: «Н. Н.! за тобою приїхали», так що ніяка правильна лекція не була можлива. Інші учителі самі в ці дні в класи не приходили, другі даремне всилювались чим-небудь зайняти учеників, яких половина ходила по коридорах і двору, ледве ховаючись від інспектора. Одна «латинська клас» — осібна хата в бібліотеці, якою адміністрував незмінно Полевич, була повна, бо Полевич казав: «Формальна робота — не робота» — і, замість учення, давав ученикам переписувати свої «объяснения», які переходили від покоління в покоління, хоч, звісно, й розривались. І було хлопчиком попаде у руки екземпляр «объяснения», під яким підписано «*scripsit N. N.*»⁹, про котрого чуєш, що він уже десь учителем, або хоч студентом в університеті, або хоч гімназистом 7 класи, і мимоволі задумаєшся про будущину, або коли ти прийдеш у старшу класу, а тоді четвертокласник принесе «объяснение» до якого-небудь Алківіада з підписом «*scripsit Dragomanow anno Domini 1854*»¹⁰, і так на тебе й линуть картини з того часу!

Етикет вимагав, щоб ліпші ученики кінчали в протягу 2—4 тижнів до Різдва п'ять «объясненных» полководців Корнелія і на Різдво добровільно переводили «не объясненных». Максимальний шик був — привезти з різдвяних вакацій переклад усіх полководців до Аттіка.

Звичайно таких завзятих «аристократів» знаходилося 2-3 на класу, і вони після Різдва получали Саллюстія¹¹ «Bellum Jugurthinum», які іноді кінчали до Паски, щоб на вакації узяти Овідія¹² і т. д.

Так вироблявсь добровільний *maximum*, під яким стояли ступені до *minimum*, так що під кінець курсу в 7 класі 2—4 чоловіка читали Таціта¹³, більшість Гораци¹⁴, меншість Лівія¹⁵. І читали не які кусники, а цілі книги, часто цілі твори, читали не для самої вправи в граматиці, а для тексту, смакували картини, ідеї. Пам'ятаю, напр [иклад], як ентузіазмувавсь я, читаючи у Саллюстія кандидатську промову Кая Марія, а в ній слова: *fortissimum quemque generosissimum*¹⁶ і т. д. Добре, що цар Микола не знав про мій екстаз, а то б і латину вигнав із гімназій!

В перші два роки моєї науки у Полевича робота наша хоч ішла окоче, навіть гаряче, та на ній лежав якийсь аскетичний характер. Але по смерті Миколая (1855) й по замиренню (1856)¹⁷ все в Росії пішло якось по-весняному. Ожививсь і Полевич. Частіше виривалась шутка і в нього, і в нас; іноді середтиши в класі ученик промовив свій коментарій до читаного класика: «Це мов із Щедріна», — скаже, напр., читаючи Ціцеронову *Verrin'y*¹⁸ і т. і. Я сказав, що Полевич був і бібліотекарем бібліотеки, яка звалась «учительською» (в одміну од «панською»), а по-казенному — «неподвижною». І перше деякі ученики брали з неї книги — тепер це стало частіше. Потрохи стали заводитись у нас розмови з Полевичем про книги, з приводу них, і стосунки наші стали менше формальні. І перше іноді ученики заходили до Полевича в квартиру і удостоювались скуштувати фамозного чаю з сухарками. Тепер потроху виробилося таке, що в Полевича щодня бували ученики, а щонеділі пився чай і ось по якій причині: учеників підбільшало, і вже говорили з ліпшими учениками про їх авторів у Полевича не було часу в класах, то він і назначив у себе в хаті понеділок і вівторок для 5-ої кл., середу й четвер — для 6-ої, п'ятницю й суботу — для 7-ої, а неділю — для «аристократів» із усіх клас.

Ці роботи йшли вільніше, переклад частіше перебивавсь літературними й історико-політичними бесідами, не раз піднімавсь «регіт несказаний», бо й у самого Полевича під його аскетизмом лежав скарб веселості, але все йшло во славу латини, яку наші «полтавці» в університетах, при професорах-схоластах із німецьких «гуманістів» 3-го сорту, тільки забували після гімназії. Про себе я скажу, що, поступивши в університет київський, я пішов кілька разів на лекції професора латини Деллена, що написав по-своєму незлу працю «Beitrag zur Kritik der Satyren des Juvenalis», я побачив, що мені там після Полевича абсолютно нічому вчитись, і коли під кінець моого курсу взявся до римської історії, то просто пішов далі від того, що робив із Полевичем, і не раз, і не два ставали мені в пригоді спомини «латинських чаїв» у Полтаві. А ніякими терезами не зважити вартості того впливу, який мали класи й чаї в Полевича на наше загальне

виховання — літературне й моральне. «*Integer vitaе!*¹⁹ — звали ми часто цього найбільшого ідеаліста, якого я бачив на своєму віку.

В 1859 р. я вийшов із полтавської гімназії і слізно розпрощався із Полевичем. Через рік я на вакаціях заїхав у Полтаву, а що Полевич нікуди на вакації не їздив, то застав його в Полтаві. Раз приходжу і бачу в нього молоденького ученика, 5-класника.

— Ось,— каже мені Полевич,— читаємо Шекспіра; в мене очі слабнуть, то прошу учеників іноді читати мені вслух. Ну, та Ви ще почитайте!

Я взяв. То був Король Лір у дуже літературному, хоч не буквальному перекладі Дружиніна²⁰. Я став читати, і сам не замічаючи як, майже забув, що я не один... Бачу тільки, що в Полевича очі блищають і що він кілька разів перемінив місце. Нарешті чую в себе на плечі руку, що трохи не лама мені ключицю, як було колись, як Полевич поясняв мені яке темне місце в латині.

— Буде! — каже Полевич.— Ви дуже гаряче читаете.

Певне, в той вечір Шекспір не дав Полевичу спокійно молитись у костелі.

Пройшло ще кілька часу. Ми почули, що славний куратор наш Пирогов кликав Полевича в Київ, але той не схотів кинути Полтаву, а згодивсь тільки написати свою методу і виправити свої «объяснения» для друку. Але незабаром (в березні 1861 р.) Пирогову цар дав одставку від кураторства. Після вакацій чуємо, що Полевич скінчив 25 років служби, хоче їхати додому та по дорозі спинитись на кілька часу в Києві. В Полтаві Полевичу зробили товариші, ученики, а почали й місто, проводи найгарячіші. В Києві його ждало на пароходній пристані 30—40 душ його колишніх учеників і провели його через усе місто до невеличкої кватирки, найнятої для нього. Через який тиждень у цій кватирці на углу Жандармської й Владимирської обновились наші полтавські чаї, тільки в новій формі. Полевич уявсь учити нас грецької мови, яка викладалась у нас в університеті ще мізерніше, ніж латинська, професором-німцем і його ад'юнктом-українцем, великим поліглотом, який, однак, почув від мене зі здивуванням, що литовська мова, яку він вивчив, арійська (*incredibile memoratu*²¹). Ми, студенти-філологи, звісно, підскочили від радості, коли Полевич предложив нам учитись у нього грецької мови, і Полевич, повторивши з нами елементи граматики, посадив нас за Гомера, а потім за Софокла, виробляючи для нас спеціальні лексикони тих п'єс, що ми читали з ним. Кожний з нас старався здобути осібне видання читаного автора з коментарями, через що наші лекції получали спеціальний інтерес, а після лекцій за чаєм, який ми тепер узяли за кошт складчини, йшли розмови класичні й не класичні.

Звісно, ми стереглись зачіпати два делікатні пункти в Полевича: польськість і католицизм, або, ліпше сказати, релігію. Це було нелегко, бо саме тоді все йшло до польського повстання 1863 р.

Полевич був щирий поляк. Я пам'ятаю ще з Полтави, як м'яв він мені плече, коли я вертав йому в бібліотеці книжку «Современника», де був переклад «Конрада Валленрода»²², і сказав йому, що мені дуже подобалась пісня Вайделота.

«— Що ж би Ви сказали, якби почитали оригінал! — сказав мені тоді Полевич і почав: «О gdyby ut...²³ Hi! Ви цього не розумієте! — крикнув нарешті Полевич, трохи не розбиваючи мені плеча,— треба бути поляком!...» Але все-таки Полевич бачив, що Польщу 1773 р.²⁴ не вернеш, і сумно опускав голову, коли зачіпалась як-небудь у розмові польська справа. Ніякої ж іншої формулі розв'язання польської справи Полевич якось не мав. Само собою виробився у нас на цей бік такий *modus vivendi*²⁵, що ми про Польщу не говорили, а Полевич ні з яким поляком у Києві не познайомивсь і жив тільки з нами, полтавськими «космополітами» чи «українофілами», однаково «москалями» для тодішнього польського патріота.

Неждано з католицизмом і релігією взагалі вийшло в нас легше. Як усі російські студенти, ми були вільнодумці. Дехто з нас, що спеціально занімався історією, починали історично студіювати й релігії, в тім числі християнство. Охоче тоді читалась у нас IV книга Лорановичів²⁶ «Etudes sur l'histoire de l'humanité. Le christianisme». В Росії між студентством, що покінчило з релігією, взагалі нема смаку до кощунства, а з Полевичем ми тим паче були обережні, але вся наша атмосфера, яка проступала при всяких справах літературних, наукових, політичних, про які ми розмовляли, була рішуче вільнодумна, нехристиянська. Іноді серед такої бесіди оглянешся на Полевича, який акуратно щодня ходив трохи не через усе місто до костела, і подумаєш: «Куди це ти попався, мій голубе?» Але Полевич мовбіто й не замічав, що компанія його не має нічого спільного з *Syllabus*-ом²⁷. І чудне діло! Коли справа не зачіпала дуже вже різко католицької церкви, суд Полевича завше був на користь вільнодумного світогляду, так, мовбіто ні Риму, ні *Syllabus*-а ніколи не було.

Трохи згодом Полевич зробив крок далі. Сам став чіпати «пекучі питання» і став казати, що він зовсім не хоче сліпої віри, що не боїться аналізу, що певний, що й наукова критика тільки ліпше ствердить релігію, й попрохав мене здобути йому Штрауса й Лорана. На той час у мене тих книг не було, а окрім того, Полевич не бігло читав по-німецьки, і я обіцяв йому розшукати Штрауса²⁸ по-французьки, але це взяло час. Раз при мені Полевич став розпитувати одного свого ученика, тепер медика, про фізіологію їди і хотів довідатись, «що він відбира з свого організму, коли не єсть м'яса». А треба сказати, що піст Полевича явно не був на користь його організму, що слабів зовсім не по літам його.

Видимо, в Полевичу життя з нами почало виробляти якийсь перелом... Напевно, він запримітив це і зовсім неждано об'явив нам, що він мусить виїхати з Києва додому, до Борисова.

Заява була зроблена так рішуче, що заставалось тільки розпро-

щатись та провести дорогого вчителя до Чернігова, куди мусив їхати один із нас.

З Борисівщини я мав небагато звісток від Полевича: кілька листів досить неясних. Писати ясно в ті часи польського повстання було трудно. Видно було тільки, що Полевичу живеться нелегко. Він, очевидно, нічим не вмішався в польську політичну ситуацію, хоч, звісно, не міг бути й на боці муравйовщини²⁹. Навіть те, що було незлого в цій муравйовщині, тобто фатальне розв'язання селянської справи, досить радикальні аграрні міри на користь мужикам, не могло радувати Полевича, який в аграрних справах, на диво, не розумів нічого і удержував навіть шляхетську погорду до хлопів. Це проскакувало навіть у листах Полевича поряд із натяками на те, що родина брата його зруйнована і що мусить запомагати її із своєї пенсії (здається, 400—600 р. на рік).

Так пройшло років з два. Я тим часом скінчив гімназію й був рекомендований професором історії Шульгіним до посилки за границю, щоб потім зайняти його кафедру. Вдячним за те був я Полевичу, якого на кожнім кроці споминав, пишучи працю по історії Риму. Тим часом ліберальний (тоді) Шульгін пішов у одставку, і факультет наш зостався у руках неприхильних йому консерваторів. Я почував себе на піску й мусив узяти місце учителя географії в 2-їй київській гімназії, куди мене вступити майже всилував директор Вілуев, чоловік доволі мішаних і багато в дечому консервативних думок, але чесний, добрий педагог. Вернувшись у Київ після вакації 1864 р., застав я в педагогічному світі оригінальну консталіацію: наш попечитель Вітте³⁰, петербурзький німець досить ліберальних поглядів, але часом напускавши на себе катковщину, щоб показати, що він «любить матушку Росію», як він тоді кричав, б'ючи себе в груди, був назначений в Варшаву на місце «маленького міністра просвіти» в Царстві Польському, щоб виповнити досить розумний закон шкільний, що вийшов того ж року для Царства, по якому в кожній частині Царства Польського мусили школи вестись на мові краївій (польській, литовській, руській), хоч при тому в гімназіях вбільшувалась наука російської державної мови. За Вітте мусив їхати Вілуев, його шкільний товариш, щоб стати «маленьким попечителем», тобто директором усіх шкіл варшавської губернії, де було щось 5—6 гімназій. Вітте, помічник його Михневич, що теж переходив у Варшаву, і Вілуев вербували учителів, інспекторів і директорів між персоналом київських педагогів. Обернулися і до мене.

Я був із Вілуевим трохи en ami-cochon³¹ ще зі студентських часів і кажу йому:

— Як же ви мене кличете у Варшаву, коли недавно мене трохи не на всю гімназію ні гілістом назвали *. Який з мене усмиритель Польщі!

* Хоч це до Полевича й не йде, але це така характерна для тодішньої

— Власне, тому я вас і кличу,— сказав гаряче В-в,— що Ви «нігіліст», звісно, не в «базарному» смислі слова. Ви раціоналіст і демократ, а нам (В-в любив говорити як муж державний) таких у Польщі й треба. Ми боремось там не з національністю поляків, але з римським клерикалізмом і аристократією.

— Ну, Василь Васильович,— кажу,— ще хто його зна, куди та боротьба поверне, то ліпше Ви мене не кличте, а я Вам порекомендую людину, що буде в Варшаві більше на своєму місці, ніж я, і буде справді окрасою Вашого округу, а до того не буде мішатись у ніяку політику. Це Полевич.

І я розказав В-ву, що це за чоловік, про якого зрештою В-в чув дещо й раніше.

— Добре,— каже В-в,— напишіть йому, що він може мати місце в Варшаві.

Росії історія, що я не можу не розказати її тут. Була у нас раз гімназіальна педагогічна рада, на якій розбиралось, кому з учеників вищої класи яку нагороду дати. Присудили золоту медаль одному поляку. Коли це бере голос один учитель, А. Д. Т., колись трохи замішаний в справу Костомарова³², трохи навіть потерпівши (висилку з університету на якийсь час у нижчу школу), потім досить ліберальних думок, але завше безхарактерний. Т. каже, що ученик має щось, що може пошкодити йому отримання золотої медалі, яка дається «при безупречному поведінні».

«Пам'ятаєте»,— каже Т., обертаючись до Вілуєва. Той каже: «Не пам'ятаю!» Ми всі дивуємося. Тоді Т. розказує, як рік чи два назад, в часи повстання польського, він увійшов у класу і застав, що той ученик говорив щось із запалом по-польськи. На виговор Т-а ученик відповів, що він поляк, що серце його з тими, хто бореться за Польщу і т. і. Т. доніс об цім директору і той скінчив справу, давши ученику виговор і записавши йому в той місяць за «поведіння» 3, а не 5. Це по-російському педагогічно й тактично, бо на случай, коли б хто спітав директора про справу, то можна було сказати, що була та скінчена: «виновний наказан». Тепер Т. нагадував цю пригоду. По лицеях усіх, починаючи від директора, було видно, що Т. їм гідкий, але всі мовчали. Я по-прохах слова і повів розмову на ту тему, що ученик два роки назад був зовсім недоростком, тут ми не маємо резону вимагати від дітей сталих політичних поглядів і судити їх за політику, що слова «безупречное поведение» мають чисто морально-педагогічний смисл і т. д. За мною те ж саме м'якше ще промовив ксьондз, і коли потім директор зібраав голоси, то тільки я та ксьондз були за те, щоб заставити медаль за тим учеником, а інші всі подали голоси, щоб одніти. Але після ради не один учитель підійшов до мене і, стискаючи мені руку, промовив: «Этакая скотина Т.! Хочет быть инспектором!» Слово в слово те ж саме сказав мені й Вілуєв через півгодини, закликаючи мене до себе на чай.

Скорі після вакації прийшлося нам судити провину ученика вже зовсім неполітичну. Провіна була негарна, за яку по всім звичаям гімназіальним мусило випасті конечне вигнання з гімназії. Я з принципу проти такого вигнання й змагався, щоб назначити меншу кару, але при голосуванні зо мною подав голос один Т. Коли рада скінчилася, Вілуев у коридорі замітив Т-у, що він не ждав від нього такого голосу. Т. образився і доволі голосно відповів: «Я не розумію, чому Ви виговорюете мені, а не Др [агомано]ву». «А, так Ви рівняєте себе до Др [агомано]ва! — закричав зовсім уже на всю гімназію В., — так знайте ж: Др [агомано]ву можна держатись усіх думок, Др [агомано] в нігіліст, він в інспектори не проситься!» Ми, учителі, йдучи позаду, зареготались.

Я згодивсь, але прибавив, що я мушу написати П[олевич]у слова В. про те, що новий шкільний уряд у Ц[арстві] Польським національноті польської чіпати не хоче. «Про римський клерикалізм,— кажу,— нема що говорити з П[олеви]чем, бо хоч він, може, більше католик, ніж папа, але його релігійність не має нічого агресивного».

Полевич згодивсь узяти місце вчителя латинської мови в одній з варшавських гімназій, і незабаром отримав я від В-ва йому гарячі похвали.

Років через 5 зустріло мені бути в Варшаві. Звісно, я першим ділом відшукав Полевича. Він чимало зостарівсь, але більше ослаб. Не такі сильні рухи, ні голос, але основа осталась та ж сама, тільки сміх не був такий яснодіячий, а з барвою суму й навіть іронії.

Небагато він розказав мені про своє життя в ті часи, коли ми не бачилися, але все-таки довідався я, що йому важко було жити «дома», тобто в Борисівському повіті, «зо своїми», тобто родичами, польськими шляхтичами, що не розуміли, як він міг всією душою любити своїх учеників, «московських» хлоп'ят, і жити ними й для них. «Служити», заробляти гроші можна було, по їх думках, скрізь, а любити, покладати душу... для «москальчат»... не можна. Я з холодом у серці думав собі про ту порожню, яка мусила бути коло душі Полевича за $2\frac{1}{2}$ року його життя «дома», серед «своїх».

В Варшаві П[олеви]ч чув себе не в міру ліпше, але старої полтавської поезії життя не було. Перш усього П-ч не звик до обов'язкової латини, та ще починали її з 1 класи. При таких порядках полтавського читання з учениками латинських авторів цілими книгами не могло бути, а далі й латинських чаїв і всього того. Далі П-ч опинивсь якось між двома стільцями й перед громадою, і перед товаришами. Він усе-таки був поляк, але не міг поділяти польських поглядів на росіян і на все російське, польської ненависті й погорди, прикритої в офіційних стосунках солодкими манерами й словами. Коли я був у Варшаві, в кінці 1870 р., шкільна система вже відступила від закону 1864 р. і ясно стала прямувати до «обрушения». Я пригадав Вілуєву його слова 1864 р. Вілуєв путавсь у відповіді. Неждано для мене Полевич зовсім не був противним новим російським порядкам, по крайній мірі в гімназіях.

— Безспорно,— казав він,— дітям із початку трудніше вчитись по російським книжкам, але треба ж признати, що вони ліпші з педагогічного боку, ніж старі польські, та й учителі росіяни внесли педагогічні методи й погляди свіжіші, ніж у старших учителів поляків.

На мої слова, що освіжити польські школи могли б згодом і самі поляки, Полевич відповів:

— Звісно, могли б, ну а коли повернулось діло так, що в Польщу нові методи принесли росіяни, то що ж тут робить?..

Але видно було по всьому, що Полевич все-таки сумував від такого звороту речей. А коли я розказував йому, що у нас і в «коренній

России» реакція проходить уже від політики й до педагогії і що незабаром «обруслене» і в Польщі стратить свої прогресивні оздоби мілютинських часів³³, то Полевич ставав ще сумнішим, і мені просто стало жаль людини, і я перестав говорити з ним про такі справи.

Про життя варшавське Полевич говорить трохи іронічно, сміючись найбільше над манією варшав'ян або й поляків узагалі вважати усе своє найліпшим на світі.

— У нас усе Шекспіри, Рафаелі, Гумбольдти³⁴, Рашелі³⁵ і т. д., тобто ліпші, ніж справжні Шекспіри, Рафаелі, Гумбольдти, Рашелі і т. д., — казав Полевич, заливаючись реготом і по-своєму оригінально трясучи головою.

До мене в готель Полевич зайшов кілька разів і мило говорив із моєю жінкою й дитиною. Це була для мене картина невидана в Полтаві, де Полевича завше можна було бачити тільки в обстанові, подібній до монастирської, і де ходили комічні анекдоти про розмови Полевича з двома-трьома дамами, які зважувались ходити до нього з просьбами поправити двійку якого-небудь гімназиста. «За віщо доля обидила цього люб'язного чоловіка, не давши йому своєї сім'ї!» — думав я, глядючи на те, як цей «монах» мило говорив із моєю жінкою й дочкою, якій він на другу візиту приніс навіть якусь іграшку.

Вийздиачи з Варшави в Берлін, попрощавсь я з Полевичем з подвійним жалем. Я бачив, що він зовсім одинокий чоловік, виставлений на холод і якраз тоді, коли й по законам природи, навіть і без посту, свій жар у нього мусить погасати.

З того часу я не бачив більше Полевича, тільки обмінявсь із ним кількома листами. Та писати він не вмів, а після моєї еміграції писати мені до нього було ніяково. Кілька років назад здібав я в Женеві одного учителя з Варшави й довідався від нього, що Полевич умер, але ніяких деталів про смерть цю, ні про життя Полевича в останні часи не міг я здобути від того учителя...

Я собі думаю, який то рай заслужив собі у свого бога Полевич? І не можу собі придумати для нього ліпшого раю, як обставити його добровільними учениками, серед яких він би стояв і викликав:

«Aqua — aquae — вода! Как будет водою?.. Правда!.. а как будет водами?.. Правда, правда, прекрасно!»

По крайній мірі, я ніколи не бачив в очах Полевича такого щастя, як тоді, коли почув від нього в перший раз подібні повищим слова.

Зрештою, один мій товариш, якого ще в Полтаві Полевич учив добровільно по-грецьки, казав мені, що Полевич сам признавсь, що любить більше грецьку мову, ніж латинську, і що радніший був би вчити завше дітей грецької мови...

Коли це правда, а здається, що правда, бо не дурно ж товариші Полевича на прощання з ним у Полтаві дарували йому колекцію грецьких авторів, а не латинських, то зостається тільки сказати з героями Геродота:

«О Божество завистливе!» —

або інакше: «О дурне ще життя в людських громадах, коли вони не сміють ні використовувати такі сили, як Полевич, ні дати їм щастя, якого вони заслужують!»

ІІ

О. ІВ. СТРОНІН

Щоб показати докладно, яку вагу мав для мене ѹ товаришів моїх наш учитель історії Сtronін, я мушу кинути оком на тих учителів моїх по історії, що були перед ним.

Під впливом батька, що любив читати історичні книги, я змалку інтересувався історією і, ще будучи учеником гадяцького повітового училища, переважно міщанського, прочитав немало історичних книг, в тім числі двічі «Історию государства Российского» Карамзіна³⁶. Але, поступивши в полтавську гімназію (1853) в третю класу, я не нашов там страви для моого історієлюбства, хоч чутку про нього принесли в гімназію з Гадяча мої земляки-товариши. Пам'ятаю, що одного вечора, коли я від батька, що ще не вспів виїхати, вернувсь у гімназичний пансіон на ніч, то мене підхопили під руки якісь товариши ѹ повели напівсерйозно, напівшуточно до старшого, ученика VII кл. Бекмана³⁷, який тільки що вернувсь із одпуску. (Потім Бекман хотів держати екзамен на магістра р[имської] історії в Києві, але був засланий в 1860 р. в губ. Вологодську по першому політичному ділу при Олександру II і скоро вмер на сухоті). Бекман спітав мене, чи правда, що я читав Карамзіна «Історію», і почав мене екзаменувати з фактів, а нарешті з філософії історії, ставлячи такі, напр., запити: кого я вважаю більшим чоловіком: Петра I чи Наполеона? На що я відповідав, що Петра, бо він давав не тільки про війну, але ѹ про просвіту свого народу. Після того Бекман давав мені іноді читати книги, які брав із учительської бібліотеки, між іншим романи Вальтера Скотта³⁸, «Іліаду» та «Історію Греції» Джілліса³⁹ в рос[ійському] перекладі. В. Скотт тоді не дуже мене заінтересував (це сталося пізніше), а від Гомера ѹ Джілліса я зовсім погречивсь, зрештою, більше на вояцький лад: робив собі з паперу шлеми, коня з палок, які «метав» на взгляд богорівних Пелідів і Атрідів.

В класах мое історієлюбство не мало поживи, бо нас учив історії старого Востока молодий учитель Сорокін (потім звісний як поліціант і реакціонер на директорстві в Немирові ѹ Житомирі) по учебнику Смарагдова⁴⁰, по методу т[ак] зв[аному] «отселе и доселе» без усяких розмов. Класи Сорокіна проходили зрештою дуже весело дякуючи манері вчителя. Він вскачував буквально як опарений у класу, кілька мінют бігав по хаті, потім сідав на кафедрі ѹ більше з неї не злазив. Як тільки він сідав, один з учеників ніс йому чорнильницю ѹ перо і тим

часом приліплював до кафедри узенький папірчик, на якому написана була хронологія тих Діоків і Ціаксерів, що були на ту лекцію задані. Потім Сорокін починав викликати учеників до кафедри, на котрій кожний трошечки зручний і прочитував собі тих Діоків, сяк-так зодягаючи їх худеньким м'ясом по Смарагдову. Сорокін не бачив того крізь свої сині окуляри. Трудніше було, як Сорокін починав з поводу відповіді визваного ученика питати «в розбивку» учеників «на скамейках», та ще з усього курсу. Правда, дехто й для цього приготовляв биндочки паперів із хронологією, що держались у рукавах або на колінах, та поки одшкукає ученик якого Сарданапала⁴¹, Сорокін наскочить із запитом і зріже людину, вилає ослом і ще й поставить серед класи на коліна. Іноді таких колінопреклонених набереться душ 10, і тоді один погляд на цю низку будив сміх в усій класі й у них самих, та часто й на лиці учителя, що хотів дати собі найсуворіший вигляд. В такі хвили класа показувала немов протест тим, що ученики скрипіли лавками або й викрикували, нявкали, кукурікали, через що низка колінопреклонених вбільшувалась. Але вбільшувалась і веселість класи, надто тоді, коли вчитель кидав запити й колінопреклоненим. Під кінець року колінопреклонені виросло до великих розмірів, бо Сорокін якось замітив на кафедрі хронологію та почав ставити учеників на коліна на три-чотири лекції наперед.

Була між нами легенда, буцімто Сорокін через те так «дурить», що він обиджений тим, що він мусить учити історії маленьких, а що він її зна чудово і що один раз, коли його послали в VI класу замість другого, хорого вчителя, то він таку «лекцію прочитав», що ученики не чули дзвінка. Ми цій легенді вірили, а все-таки держали себе на лекціях Сорокіна так, як я розказав вище.

Моя репутація історика була причиною того, що товариші вложили на мене обов'язок написати хронологій для кафедри, а іноді й для рукавного вжитку. Дякуючи цьому я відповідав Сорокіну без помилки про всяких Апріасів і Ціаскарів і на коліна попадав тільки за кукурікання, але раз на цілих два тижні.

Як настали екзамени, то я мусив наготовити кілька хронологій з усього курсу; ученики брали їх у рукави або клали в програми на той стіл, коло котрого сідали «обдумувати» викликані, поки один відповідав коло учительського стола. Чутка про таку функцію мою пішла по пансіону, і я отримав нараз виготовити такі хронології й для старших клас. Те я робив охоче раз через те, що здобув собі протекцію й трошки навіть повагу «старших», які тоді били «маленьких» ні за віцо, а вдруге через те, що це заповнило мій вільний час, якого в мене було багато, бо більшу частину науки своєї класи я знав іще з повітового училища. Така функція фабриканта хронологій зосталась зо мною років три, аж до «нової ери» в наших гімназіях, і через це я зарані вивчив усі учебники Кайданова⁴² (по якому ще вчилися старші класи), а потім Смарагдова, а надто визубрив хронологію так, що старші іноді бавились зо мною в таку гру: «Скажи німецьких імператорів з кінця

через одного» з тим, що за кожну [помилку? — Р. М.] получиш по кулаку в спину, а як добре скажеш, то легеньку, а іноді й нелегеньку «шльопку» по потилиці з похвалою: «Молодець, історик!»

В IV класі нам мусив викладати історію Греції і Риму старший учитель Стеблин-Каменський, або інакше Михайло Павлович, якого ім'я говорилось у нас з пошаною. Він був звісний за «красноречивого» в класах і гордого з директором і його підлизами. Гордість його пояснялась так: йому нічого не можуть зробити, бо в нього брат — інспектор училищ округу і приїздить сюди ревізором. Говорили, що в вищих класах Мих [айло] Павлович «читає лекції», нічого не боїться, раз назвав навіть Катерину II «б-дъ». Казали зрештою, що тепер Мих. Павлович читає лекції рідко і навіть часто зовсім не приходить у класи, бо напивається горілкою і хорує вдома, а іноді приходить у класи напівсонний, але вже коли почне «объяснять урок», то тільки слухай. В усякім разі такі чутки будили наш інтерес до нового для нас учителя, коли ми перейшли в IV класу від Сорокіна.

На ділі наші надії сповнились мало, Мих. Павлович часто пропускав лекції, «объясняв» мало, хіба те, що стояло в Смарагдова «в скобках», напр [иклад] «яблоко раздора», «Энеев конь», і при цьому вчитель казав так: «Треба це знати, бо в салоні можете почути такі терміни». Головна відміна Мих. П-ча від інших учителів (окрім Полевича хіба, що був уже зовсім осібний чоловік) була в тому, що він дививсь із погордою на всю тодішню шкільну рутину: говорив ученикам «Ви», позволяв казати йому перед лекцією, що я сьогодні не вивчив лекції, і питав ученика потім, терпіти не міг «зубряжки» (слово в слово) і всієї з нею зв'язаної психології. Не дай Бог, ученик скаже йому: «Я збився!» «Так набийтесь!» — відповість Мих. Павлович і так скривить губи, що ученик на місяць пристижений. Великим лібералізмом було в Мих. Павловича те, що він не держав «списочку» учеників із одмітками («шерами», як у нас казали) в себе ю у секреті, а віддавав у кожній класі держати його осібному ученикові, і хоч він там і писав шери грецькими буквами (чомусь не дальнє δ, так що 5 виражалось δ), але всі знали, хто що «получив».

Зрештою за мій час Мих. Павл. не вспів поспитати всіх учеників за місяць навіть по одному разу. Мене спитав раз якось похапцем і нічого не написав у «списочку», а в місячній відомості поставив 3. В першу же лекцію товарищи сказали йому, що цього мені мало, бо я історик і читаю історичні «сочинения». Мих. П-вич спитав мене дещо, запитав, що я читав по Греції. Я назвав Джілліса, або, як у нас звали його, Гілліса. «Ну, Гілліс — это много: вы не удержите всего в голове», — сказав М. П-вич і сказав правду, бо твір був в VI досить грубих томах. Але що взяти коротшого, не сказав, поправив мені 3 на 5; більше, здається, мене ніколи не питав, але ставив регулярно в місячних відомостях 5. Зрештою дедалі Мих. Павлович і ходити в класи став зовсім рідко. А я, не маючи ніякої ради, взяв наново перечитувати Джілліса і зовсім «сказився на греках», провернувши

навіть зо свого «казу» й декого з товаришів, з якими я багато попсував паличок у «перилах» на сходах і на пансіонських вікнах, вживаючи їх як «метательные копья». Скінчилось тим, що інспектор (німець) перед вакаціями поставив усі бракуючі палички на мій рахунок і зажадав від мого батька щось рублів 3—5, пояснивши йому, що це за «метательные копья» — à la grecque. Батько, почувши від мене, що винні тут Гомер Гнедича⁴³ та Джілліс, тільки засміявся. На вакаціях батько дав мені якусь римську історію, але в якомусь такому перекладі, що я її не міг читати, то зостався при Гомері, з яким ховався в сараї; там, залізши в коляску і набивши собі кишені сухими сливами та вишнями, заїдав собі ними Пелідів і Атрідів. Це було тоді мое найвище «блаженство». Один раз після сеансу такого блаженства почув я від повітового смотрителя училищ, нашого квартиранта, що в Полтаві вмер Мих. Павл. Стеблин, якого знали й по повітах, бо він тоді заступав директора. Приїхавши в Полтаву, довідавсь я, що новим «старшим учителем історії» назначено нам Олександра Івановича Сtronіна, привезеного до нас, здається, з Новгороди-Сіверського.

На перший раз новий учитель не зробив на нас осібного враження. Він немов примощувався до нового місця і, як потім стало видно, не знов, як йому вправиться із обов'язковим учебником, страшно сухим і майже виключно воєнним. Сtronін старався його оживити хоч почасними оповіданнями. З таких пам'ятаю одне — про рицарство, яке мене так зацікавило, що я пригадав Вальтера Скотта і почав розшукувати по гімназії й по місту його романі в дуже лихих перекладах із французьких перекладів. Зрештою треба сказати, що перший рік побуту в нас Сtronіна був дуже невигідний для всякої учебної праці. То був немов антракт між міколаївськими і олександрівськими часами⁴⁴. Наш директор, що добре підходив до міколаївських порядків, зрештою ще досить у м'якій формі, коли порівняти його з іншими, поїхав більш ніж на півроку в Петербург шукати нової служби, а правити дирекцію зоставсь інспектор німець, переведений до нас із-за Дніпра, де, як була чутка, він був дуже лютий, але насکочив на те, що його один ученик побив, а це в міколаївські часи вважалось за ганьбу «офіцерському благородству». У нас той інспектор був м'якенький і тільки нудив нас своїми довгими намовами, а не будив до себе ні страху, ні пошани, ні симпатії.

З виїздом директора всяка дисципліна страху у нас пропала, а другої не було. Найгірше держали себе середні класи, в тім числі й наша. Ми просто не ходили на лекції і проводили час у садку в пустотах. Ледве-ледве хто читав белетристику. Регулярно робили в одного Полевича, «щоб його не обидити», та сяк-так держались прилично у Сtronіна. На мені особисто той чудний рік окошився тим, що я, будучи за рік усе-таки «відличним» учеником, тобто маючи в середньому виводі 4¹/₂, був зоставлений на другий рік у класі (5-тій), бо, посварившись із учителем математики (поляк Гаєвський любив

«остріти» над учениками, я відповідав), перестав учитись його предмета й дістав на екзамені 1, а до того на екзамені з французького заступився за товариша, що відповідав передо мною і якому учитель (бельгієць) сказав грубість, після чого весь час, поки я писав на зошиті свій переклад із російського на французьке, пройшов у воркотні учителя й моїх реєліках. Неспокійний, я написав в однім місці замість французького *il*, латинське *ille*.

— А! — закричав учитель,— то ти не вмієш писати навіть *il*, нема про що далі розмовляти, я напишу тобі 0.

По правилам, хто «обрізуувавсь» не більше, як із двох предметів, тому давали «передержку» після вакацій, але мені не дали, бо вчитель французької мови доказував, що передержка дається тому, хто получив 1, а на 0 мовби нема й передержки. Учитель математики, що сповняв обов'язок інспектора, піддержав його, розписав мене чорно і з дисциплінарного боку — рада зоставила мене на другий рік у класі. Учитель математики навіть неприлично возвістив об тім товаришам моїм, пританцюючи коло стола з «відомостями» і приспівуючи:

«Современный человек
будет сидеть в 5-м классе целый век!»

А він мене прозвав «современным человеком» за те, що я читав на його лекціях між іншими книгами «Современник»⁴⁵, що тоді не мав, зрештою, ще радикального напрямку, хоч у ньому вже писав і Чернишевський, якого стаття «Очерки гоголевского периода русской литературы»⁴⁶ мені дуже подобалась трохи згодом. І коли я вийшов відповідати на екзамені з фізики і попередній учитель мій, що був тепер асистентом, сказав: «А вот хороший ученик!», то Гаевський сказав: «А вот увидите, как будет современный человек отвечать физику по Пушкину, по Лермонтову и по «Современнику» — он уже отвечал так математику». Але я, прийшовши до себе після катастрофи на алгебрі, всі шість днів перед фізикою вчився безперestанно й відповів на 5. «А вот видите», — сказав асистент. «Странно,— відповів Гаевський,— как это он в «Современнике» вычитал физику».

Розказую я це все як тінь, на якій покажу образ Строніна, розказую, між іншим, і для того, щоб показати, яка, власне, була в нас дисципліна шкільна і учебний авторитет до тих часів, коли то «система Пирогова» з такими учителями, як Стронін, «зруйнуvalа до остатку ту дисципліну і той авторитет».

Вернувшись із вакацій, я довідавсь від урядника гімназіальної канцелярії, що Стронін подав «особое мнение» об тім, щоб мені позволена була передержка, та що те «мнение» не було послано, як мусило, в «округ», тобто куратору в Київ. Я був досить молодий, і батько сказав мені, щоб, як мене не переведуть у VI кл., то щоб я не печаливсь, а тільки не опускавсь, та, коли в мене буде вільний час від лекцій, то щоб я не байдикував, а читав; та й про товариство попередньої 5 класи батько чув не дуже добре, а в новій були в мене приятелі, досить інтелігентні хлопці, то ми й порішили, що, може, й ліп-

ше буде мені зостатись на другий рік у V-ій класі. Я так і сказав Сtronіну, що здивав мене в дворі гімназії і досить здержано спитав мене, що я думаю робити, причому не натякнув мені, що він подав за мене «особое мнение».

З того часу зав'язалось у мене зі Сtronіним щось близче. Він часто питав мене в класі, заставляючи повторити деякі його об'ясnenня. На лихо тоді література історична в Росії була страшенно бідна, так що ученикам майже нічого було читати, окрім хіба «журналів», де я відшукував переклади «Завоювання Перу й Мексики» Прескотта⁴⁷, «Історії консульства та імперії» Швера і т. і. З 1855 р., в журналах почав показуватись «новий дух». І у нас, в провінціальній громаді, і серед учителів той дух було дуже чутно. Дух той спочатку ще не мав виразної соціально-політичної барви, але виявлявся підняттям інтелектуальних інтересів, моральних і літературних. Людям хотілось читати, думати, любити людей... І ми, ученики, здобували собі книжки й читали купками, розмовляли про прочитане. Пам'ятаю, більше всього ми зачитувались Гоголем, хоч повного видання його ніяк не могли здобути.

Раз прийшов учитель словесності, менше ніж «посредственность», як називали ми його, що був також і старшим надзирателем нашого пансіону, й спитав, чи не хоче хто абонуватись на книгу Куліша «Чорна Рада». Кількох дали по 3 рублі й незабаром получили по книзі, що зрештою великого інтересу не збудила. Скоро рознеслась у нас чутка, що сам автор був у Полтаві, а потім, що він видав нові твори Гоголя й інші книги⁴⁸ й зложив їх у продаж у Сtronіна. Один товариш, що обігнав мене, перешовши в VI класу, і на диво товариш, що був зовсім холодний до літератури, не вмів написати ніякого «сочинения», а любив возитись із математикою, шахами і т. і. «головоломками», раз просить мене піти до Сtronіна й купити йому «Сочинения» і «Переписку» Гоголя за цілих 15 рублів, страшенні гроші для гімназиста.

— Ти,— каже,— ходиш на дім до Сtronіна, то тобі можна це зробити.

А я до Сtronіна на дім не ходив, хоч страшенно того хотів і мене навіть обіцяв повести до нього старший приятель мій, співпансіонер, ученик VII кл., що охоче розмовляв зі мною між іншим про річку Псьол, що текла від нашого городу до його села у третьому повіті і в яку ми були оба закохані. Через Псьол ми й звали один одного «водняк» на манеру «земляк». Так ось мій водняк від певного часу почав розказувати якісь чудні речі, що, мовляв, оце, що написано в Гоголя та Щедріна, якого «Губернские очерки» почали міститись у «Русском вестнике» Каткова, не повинне бути, а мусить бути інакше. Що тепер у Росії єсть люди, які рішуче хотять такої переміни, й на чолі стоять цар Олександр, але багато єсть, що держаться старого, як було за царя Миколая, і що, мовляв, одні звуться *александровцами*, а другі — *николаевцями*. Після кількох таких розмов «водняк» мене пита, чи я хочу

бути олександрівцем, чи миколаївцем. Я, звісно, захотів першого.

— Ну, а в Полтаві,— питаю,— єсть олександрівці?

— Є,— каже,— напр., у нас в гімназії Стронін; єсть,— каже,— і в корпусі (кадетськім) між учительями.

— Ну, а між учениками? — питаю я наївно.

— Є й між учениками,— каже,— ось я, В-ий і інші.

В-ий мене довго інтригував. То був хлопець досить уже зрослий, недворянського роду, що, скінчивши повітове училище, був навіть уже на службі у якомусь «присутствии», а потім наш директор «открив» його, як любив він казати, й помістив у гімназіальний пансіон.

Тут у вищих класах В-ого начальство рекомендувало репетитором до багатьох учеників, до яких В-ий став їздити й на вакації. В останній раз В-ий познакомився із багатою родиною Капністів⁴⁹, з яких старший був «англоман», тобто ліберал і прихильник волі селян. З дому Капністів В-ий вивіз копію «Кавказа» Шевченка, з якого раз при мені продекламував:

Продаєм,

Або у карти програєм

Людей... не негрів, а таких

Таки хрещених та простих...

Мене страшенно вразили ці слова, але В-ий навіть не хотів мені розказати більше про «Кавказ», і я вже довідався дещо від моого водняка, який незабаром дав мені перечитати Й Іскандера (Герцена) і «Права русского народа», а також вірші (Лаврова⁵⁰, як тепер відомо):

«Меня поставил Бог над русскою землею»,—

Сказал нам русский царь —

політична сатира на банкрутство миколаївської системи перед Севастопольської війни.

Не знаю напевне, звідки зайдли до моого водняка ці провесники нової доби, але я порішив, що це все мусить іти від Строніна, якого я поставив у своїй думці головою «александристів» у Полтаві. «Коли б,— думав я,— добраться до Строніна, то я вже взнаю»,— і я входивсь за справу покупки Гоголя.

В найближчу неділю взяв я 15 р. і пішов до Строніна, але, увійшовши, так сконфузивсь, що ледве вспів розказати діло, дати гроші й узяти 5 грубих томів Кулішевого Гоголя й вибіг. Стронін, пам'ятаю, вдернував мене злегка (в нього взагалі дуже фамільярної манери не було), але я відговорився чимсь і втік, як дурень.

— Ну, то зайдете коли іншим разом,— сказав Стронін,— в мене й інші книги єсть.

Не скоро я зваживсь зайти іншим разом, і посередині між двома візитами случилася у нас у пансіоні ціла революція за приводом В-ого і, я думаю, не без впливу Строніна. В-ий намовив пансіонських старших відректись від того, що в нас звалось «молодечество», тобто бити ма-

леньких, виступати проти пансіонських порядків і грубити надзирателям. Ми поклали нічого цього не робити, але за те вимагати справедливості й віртуозності від начальства.

Пам'ятаю, що в перші дні, коли з'явилася у нас така добровільна дисципліна, що доходила до того, що навіть звісні снолюбці встали по першому дзвінку й зараз же одяглись і з'явилася на молитву, то начальство не дуже то довольне було тим і дивилось на це з якимось недовіром. Незабаром справа вияснилась, коли один надзиратель грубо вилаяв «маленького» й коли В-ий від усіх старших заявив старшому надзирателю, що так і так мовляв: ми будемо держатись порядку, але жадаємо, щоб і з нами поступали законно і віртуозно. Старший надзиратель закусив губу, помовчав і сказав: «Я надеюсь, що ви, господа, сдержите своє обещання». З того часу надзирателі пом'якали, а трохи пізніше, коли один грізний і грубий педант-німець підряд наговорив грубостів кільком з маленьких учеників, то всім пансіоном осміяли його, і коли старший надзиратель прискочив пущти нас, то спокійно розказали йому діло й сказали, що манера того німця до того показалася нам чудна, що ми невольно засміялися. Німець більше не приходив на дежурство. Незабаром подібно ж був «укрошен» і француз, учитель танців, що звик бити маленьких пансіонерів смичком і лінійками й дерти за чуба. Учитель танців застався, але уявив собі манери, більше відповідні знаменитій *politesse française*⁵¹.

Інтересно, що учителі-консерватори прямо приписували такі наші «революції» впливу Строніна через тих учеників, що ходили до нього.

По весні я зайшов опять до Строніна, щоб узяти якусь книжку, що була мені потрібна для якогось «сочинення». Я застав його за обідом.

— Посидьте,— каже він,— трохи, поки я скінчу обід, а щоб не скучно було, то тим часом почитайте ось що.

І кладе передо мною невеличку книжку, розкриту на листку, на якому написана по-українські «Панська воля»⁵². Я почав читати це маленьке оповідання Марка Вовчка. Коли я дочитав до кінця, як дитина вмерла через панщину, я не знаю, що сталося зі мною. Піднімаю голову й бачу, що Стронін стоїть надо мною й дивиться на мене пильно, а чую, що в мене слізози в очах і хочу те сковати.

— Не соромтесь,— каже мені Стронін,— то золоті слізози,— і поцілував мене в лоб.

З того часу я запалав до нього огнем дружби, та й він мені відповідав дружбою, спершу учительською, а опісля приятельською до сивого волоса й до смерті.

Почалось із того, що він мені дав оповідання М. Вовчка, а також «Граматку» Куліша й повів із собою на проходку, розмовляючи про будущу волю кріпаків та про народну освіту. В таких проходках ми проводили по кілька часу кожної неділі, причому один раз зйшлися із учителем історії в кад [етському] корпусі Дмитром Пильчиковим⁵³,

що став звісний потім як спеціальний пропагандист українофільства й про якого я розказав у I вип[уску] моїх «Австро-руських споминів»⁵⁴. Після того я став стрічатись із П[ильчиковим] в книжному магазині Ч-ка й у цукорні біля неї, і П. просто посвящав мене в досить радикальні думки без усякої спеціальної української барви. Раз завів мене Сtronін і до «схоластиків», як він називав один дім, в якому квартирували доволі розумний учитель законовідства Вакуловський, що з ним ми, як латинники, не мали зв'язків у класах, новоприбулий наш учитель натуральної історії Кизімовський, що тільки скінчив курс, і учитель словесності в кад[етському] корпусі Ілляшевич. Там читались газети і розмовлялось про чутки з Петербурга, між якими найбільше інтересні були чутки про те, який вітер віє на справу кріпацьку, що вже була зачеплена царем «секретно». Особливо інтересні стали для мене візити до схоластиків пізніше, коли в 1854 р. зібрались у Полтаві депутати від панства для нарад над справою кріпацькою. Один з тих депутатів, Гамалія, був університетський товариш і приятель нашого натураліста й часто заходив до нього й розказував про хід кріпацької справи.

З тих візитів до схоластиків вийшла в мене, а далі й в інших учеників приязнь до нашого натураліста, добрячого чоловіка, але не так-то зручного педагога, а приязнь та придавала охоту вчити й натуральну історію й читати натуралістичні книжки, що почали тоді виходити, напр. «Геологію» Куторги⁵⁵, — праця нелегка. З рік після знакомства з К[изімовським] довідавсь я і ще один мій приятель, з якого потім вийшов досить учений натураліст, що К. на запити: «Це допотопна животина?» — відповідав гаряче: «Яка допотопна? Ніякого потопу не було». Ми переказали Стр[оніну], щоб він придерживав К-ого й розказав йому, що такими відповідями він тільки наскочить на донос, а що ліпше хай розкаже ученикам у системі принципи палеонтології при зоології та принципи геології при мінералогії, то вони просто забудуть такі слова, як допотопний, післяпотопний. Сtronін так і зробив.

Цей примір може показати, як під впливом Сtronіних самі ученики в ті часи дивились на голу пропаганду звісних тенденцій у школі, ѿ може служити доказом, як можна було, маючи більше Сtronіних, а не ганяючи їх із шкіл, обійтись без так зв[аного] «нігілізму». У самого Сtronіна увесь курс був, коли хочете, пропагандою, та ѿ чи може бути інакше з гуманною науковою, починаючи від теології й кінчаючи історією? Усе діло тільки в тому, як ведеться та пропаганда. У Сtronіна вона не була ніколи голою, доктриною, ненауковою, непедагогічною. Курс IV і V-ої класи проходив у нього з меншою тенденційністю, ніж навіть в офіційних учебниках, що тоді в Росії були досить республіканські в грецькій і римській історії (слідом за класичними джерелами) і антипапістські в середній (слідом за німцями — гібелінами⁵⁶ й протестантами). Тут Сtronін, очевидно, мав ціль зацікавити хлопців картинами життя й драматизмом фактів.

Ідеї проступали в нього в курсі тільки в VI і VII класі, де викладалась історія нова, від реформації. Але і тут ідея одягнута була в факти. Талант Строніна показувавсь у тому, що він переносив учеників у саму суть життя й інтересів кожної епохи і при тому, звісно, будив симпатію до передового інтересу епохи, так що ученики переживали боротьбу за волю індивідуальної совісті в періоді Реформації, за просвіту в XVIII ст., за політичну волю, автономію націй і демократію з соціальною справою з кінця XVIII ст. В XVIII ст., перед фр[анцузькою] революцією, Стронін викладав нам політичні теорії Вольтера, Монтеск'є⁵⁷ і Руссо, а в XIX, перед 1848 р.— соціальні Оуена, С. Сімона, Фур'є і ін. При цьому курс історії доводився до останнього року, так що ученик, скінчивши його, міг собі орієнтуватись у тому, що кругом нього робилось. Так ми, кінчаючи курс по весні в 1859 р., просто перейшли від лекцій до газет, в яких тоді розказувалась справа італіянська⁵⁸, якої герої нам знані з клас.

Такий курс вівся досить подрібно з фактичного боку, і паралельно класовим лекціям йшло читання не тільки журналів, в яких тоді радикальний «Современник» і ліберальний «Р[усский] вестник» давали чимало статей по новій історії, але й книг, що тоді почали виходити доволі систематично, напр. «Историческая библиотека» при «Современнике», яка давала переклад «Історії XVIII ст. й першої четверті XIX» Шлоссера, «Историки и публицисты новейшего времени» при «Отеч[ественных] записках», де печатались переклади Прескотта, напр. переклады Маколея⁵⁹ і т. д. Ні виучування курсу Строніна, ні тим більше читання історичних книг не було в нас працею пасивною. Починаючи з VII-ої класи ми мусили (не всі, а волонтери) по черзі робити замітки з лекцій Строніна, які другі товариші переписували, а кілька тем із курсу навіть обробити самі й прочитати з кафедри замість учителя, що перед тим перечитував із автором його лекцію й радив, як переробити. Окрім того, Стронін заохочував учеників вчитись зхідноєвропейських мов. Пам'ятаю, що раз у себе Стронін якось різко підірвав мене при кількох товариших на якійсь ліберальній фразі, так що мене те навіть уразило. Я виждав, поки товариші розійшлися, і спитав Строніна, що я сказав недоладного, що він мене так різнув?

— Нічого такого, але Ви говорите звичайні фрази дуже молодих людей,— це кров у Вас говоритъ, а не мозок. Прохолоне кров, вилетять і фрази.

— А чого ж треба, щоб не вилетіли?

— Треба доброго філософічно-політичного виховання, а до нього Ви навіть приступити не можете, коли не будете знати по крайній мірі двох, а то й трьох європейських мов. Ось тепер російське письменство трохи оживилось, але хто зна, чи надовго. Перед 1848 р. на моїх очах воно було почало оживлятись, а потім цензура його й придушила. Хто порукою, що опять не буде такого? А коли Вам буде

приступне письменство французьке, німецьке та англійське, то ви забезпечені: їх не задавить ніяка цензура.

Вислухавши таке, я взяв тут же у Строніна Гізо «Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe», бо французька мова у нас викладалась ще сяк-так зносно, а дякуючи латині я тим паче міг читати без великого труду французькі книжки. Німецьку ж мову викладали нам один галицький поляк та останній німець так, що діти німців у нас тільки забували по-німецьки. Під імпульсом чисто літературним я було ще в першому році 5-ої класи хотів сам учитись по-німецьки й обернувшись до учителя-галичанина, що був у нас у пансіоні одним із дежурних надзвірателів, аби він мені дав яку літературну книжку німецьку. Він мені дав томик Коцебу⁶⁰, де був «Der Menschenhass und die Reue» і «Lustspiel am Fenster». Почав я з трагедії, а вона скоро так мені огидла, що я не міг її читати далі. Взяв комедію — і розібрati не міг, нащо така дурниця робиться. Так я й держав цього Коцебу, не читаючи, поки трохи не загубив. Шіллера я знав із російських перекладів, між іншим «Дон Карлоса»⁶¹. Під впливом розмови Строніна я здобув у одного товариша томик Шіллерових драм і почав мучитись із лексиконом, аж поки таки не прочитав, і потім уже на першім курсі в університеті по намові Строніна, що треба вміти читати на європейських мовах, хоч книги по своїй спеціальності, дочитував Шіллера та взяв Макса Дункера⁶² «Geschichte des Alterthums». Подібно працювали й інші мої товариші, що ходили до Строніна.

Я не знаю, якої ж ще дужчої праці можна вимагати від хлопців по 16—18 років?

Може хто-небудь знайде ненауковим і непедагогічним те, що Стронін посадив нас за книжки, спіймавши нас на інтересах політичних. Так хотів би я побачити в ті часи в Росії, коли в Севастополі розбита була міколаївська система й коли фатально стала перед Росією потреба реформи, починаючи з волі кріпаків, живу людину без політичних інтересів. Та нехай інший хто, «чистий педагог», посадить учеників на половину такої праці, за яку посадив нас Стронін, то буде з нього.

Звісно, розмови Строніна з найближчими до нього учениками виходили й поза границі шкільної науки й навіть історичних монографій. Розмовляли ми й про «чисту політику», напр., читали «Полярну звезду»⁶³ і «Колокол»⁶⁴ Герцена, якого повну колекцію привіз Стронін із Лондона, куди їздив літніми вакаціями 1858 р. і де був і в Герцена.. Та це читання було не для всіх, а тільки для кількох осібних приятелів С-на між нами, таких між іншими, що не могли нарібити скандалу.

Треба сказати, що Стронін звертав увагу й на те, щоб ученики не брали на себе праці передовчанскої для сил. Так, напр., коли мені прийшлося розказувати на своїй лекції про історію Англії з кінця XVII до к [інця] XVIII ст., і я, добираючи до неї факти зі Шлоссера,

хотів оглянути й літературний рух і між іншим зацікавився Локком⁶⁵ і, конечно, хотів більше розказати про нього й про філософічні методи, а також і про Адама Смітта⁶⁶, то Стронін обкоротив мої глаголи і нізащо не дав мені читати на свій час добре написаних лекцій філософії професора Новіцького⁶⁷.

— Се все справи не для гімназиста,— сказав Стронін,— а для студента університету.— А мене спеціально навіть налякав: «Ви маєте охоту до філософування, стережіться, щоб не впасті в абстракції без фактичної піdstави». Після того я покірно примирився з тим, що мені не дають читати лекцій Новіцького.

Таким способом Стронін виробляв людей, звісно, з дуже радикальними тенденціями, але з досить високою культурою і з певною видержкою, на спосіб англійський. Коли б таких учителів знайшлось у нас більше та довше подержалась ліберальна система куратора Пирогова, що правив київським учебним округом лишеньського $2\frac{1}{2}$ роки, то такого роду «англичан» на Україні було б далеко більше, хоч і так далеко не безслідно пройшли ученики Строніна для поступу України.

Тут я мушу сказати дещо про відносини Строніна до українських національних справ, тим паче, що про це споминалось не раз у галицьких газетах на некористь Строніна як «космополіта» і навіть «москаля».

Коли я ще був у Полтаві (до кінця цвітня 1859 р.), тоді ще там українські sprawи не ставились різко. Від самого Пильчикова я не чув нічого українофільського *. Не так давно в некрологі Пильчикова, писаному його гарячим поклонником⁶⁸, я читав, що він ніколи не споминав про свою участь у Кир [ило] -Мефодіївському братстві. Це, положимо, виходило з крайньої полохливості, яку П [ильчико] в зводив у систему, що перейшла і до його послідователів. Але коло 1860 р. П-в досить голосно став викладати загальні українофільські теорії. За мій час у Полтаві він того не робив. У самого Строніна, як я сказав, продавались видання Куліша, і він мені перший дав читати Марка Вовчка і Куліша «Эпилог к „Чорной раде“».

Обдумавши вже потім систему Строніна, я зрозумів, що він цінив в українській літературі те, що було в ній явно поступове, користуючись ним біля поступового ж у російській літературі і західноєвропейських, не зачіпаючи передовчно національних справ і чекаючи, поки українська національність сама зaimпонує світові силою свого поступу. Але незабаром національні тенденції стали ставитись українцями, як і московськими слов'янофілами (тоді ще ці напрямки не посварились), не тільки рішуче, але навіть агресивно і до того деструктивно. В усьому культурному житті на перший план виставлена була національність, яка до того була протипоставлена людству (або Європі — в слов'янофілів, європеїзований Росії — в українофілів). Слово «космополіт»

* Про Пильчикова я трохи розказав в «Австро-руських споминах».

обернено в лайку. Всяка культура не національна об'явлена була лишень деморалізацією. До того ставилась національність не лишень у формі культури, але і в ідеях, як і в московських слов'янофілів. Які це ідеї — це було або неясно, або просто зводилось на «народну традицію», тобто на реакцію. Українофіли признавали бідність української літератури, недостачу української школи і говорили одверто, що поки не виробиться українська література, то ліпше буде, коли українці нічого не будуть читати, що коли не можна заложити українських шкіл, то ліпше нехай не буде на Україні ніяких або, прибавляли інші, церковнослов'янські, бо українофіли, як і моск [овські] слов'янофіли, були по більшій часті клерикали і щирі й раді народовства.

Космополіти, не відкидаючи ваги національної форми цивілізації, все-таки в принципі цивілізацію ставили вище національності і вважали утилітарно кориснішою для народу, ніж народні традиції, між якими єсть багато архаїчного і просто ретроградного. Сварки збільшувались іще від того, що до націоналістів (українських, як і московських) присусіджувались люди, подібні до героя «Театрального разъезда» Гоголя, «господина, не сколько равнодушного насчет литературы», люди, що самі мало чого вчились, для яких справи науки, літератури, політично-соціального поступу були в чутті досить далекі і які, звісно, охочі були відкладати всі ті справи *ad kalendas*⁶⁹, коли по-українськи появляться «собственные Платоны и крепкие разумом Невтоны»⁷⁰ і т.д. Таким людям важчий був доступ у табір космополітів (окрім хіба деяких бакуністів⁷¹, противників «буржуазної науки» і т.і.), то вони й досі примазуються до націоналістів, до слов'янофілів, українофілів і т.д. Не бракло їх у Києві і в Полтаві в 1859—1860 рр., і вони то ославили Сtronіна «космополітом» в їхньому розумінні слова, тобто противником українства, москалем, по-теперішньому, обрусителем.

Я переказав подібні спори між українолюбцями і космополітами в Києві в своєму оповіданні про київські недільні школи, заложені восени 1859 р. (Австро-русські спомини, I). Подібні спори піднялися тоді ж і в Полтаві, де теж були недільні школи, в яких прийняв гарячу участь Сtronін. Як сказав я вже з поводу київських спорів, спори ці були більше абстрактні, ніж реальні, бо і українські націоналісти читали самі і вчили у школах із московських книг не менше, ніж космополіти, а космополіти вчили про-українськи не менше, ніж українофіли *.

Тим часом Сtronін (що дійсно, здається, родився від москаля, бувшого кріпака, потім управителя ки[язя] Юсупова, але родився в Полтавщині) не тільки ширив свідомо М. Вовчка (якого ми розносili і по селах, як я це знаю із власних споминів), але, коли заклались у Полтаві недільні школи, переробив на українське «Буквар» Золотова⁷², зложений по «звуковому» способу «передвижных букв», що був пущений в моду недільними школами і що переважував усікі старомодні буква-

* При нагоді скажу, що о. Огоновський, недавно цитуючи мої слова про це, покалічив їх, чи навмисне, чи ні, хай сам скаже.

рі, в тім числі і українські Куліша й Шевченка. Цей перший український буквар, зроблений по раціональній методі, послужив незабаром як *corpus delicti*⁷³ для того, щоб обвинуватити Строніна «в намерении оторвать Малороссию от России». Але ми забігли трохи вперед. Вернемось в 1858—59 рр. і в гімназію.

Інтерес, розбуджений у нас Строніним до історії цивілізації, ще збільшив у нас інтерес і до літератури, в тім числі і латинської. Спосібніші з нас налягали тим більше на Лівія й Горація, щоб скорше обратись у Полевича до генеральського чину і читання Тацита, що притягав до себе як ліберальний писатель. Приязнь із новим учителем натуральної історії, при новій реалістичній філософії, яку проводив нам і Стронін, притягала нас до студій натури: читання книг, вибору гербаріїв, додому в мінералогічнім кабінеті і т. д. Через це все наші останні два курси в гімназії були повні досить інтелігентної роботи.

Кілька років пізніше можна було замітити, що в полтавської молодіжі, яка прибуvalа в Київ в університет, начитаність трохи понизилась. Тут були загальні причини, в тім числі почести те, що вже нові ідеї, які нам приходилося виробляти читанням, розповсюдились і почали гуляти по головах як щось готове, легке, далі — поверховно-утилітарний напрямок⁷⁴, базаровсько-писаревський, що насувався на нас із півночі, нарешті початок «народничества», що з погордою дивилось на «тонкости дворянской и буржуазной науки», а нарешті і споріднене з тим питоме українофільство. Корифеї українофільства полтавського, сам Пильчиков і Щелкан, учитель воєнного кадетського корпусу, не вчили в гімназії, другі зовсім не були учителями і не дуже-то багато самі знали, тому всі вони не могли руководити науковою і читанням гімназистів, з якими почали сходитись у недільних школах і на яких хотіли мати вплив, притягаючи їх до своїх ідей. Розмови про національність почали відтягати молодіж від образовання, а клопоти про мову народну, над якою гімназисти, звісно, не могли робити наукових студій, відсували набік вивчення європейських мов, реакція ж проти «московської цивілізації» охолоджуvalа молодіж до читання російських книг, а українських не було. Зрештою незабаром не стало в Полтаві ні Полевича, ні Строніна. Тільки ж все-таки один мій університетський товариш, якому довелось учителювати в кількох гімназіях Київського округу, говорив мені років через десяток після того, як я залишив Полтаву, що все-таки він ніде не бачив у других гімназистів такого інтересу до інтелектуальних справ, як у полтавських: *manebant semper vestigia moriculis libertatis!*⁷⁵

Р [оки] 1859—1860 можна вважати за апогей впливу Строніна в Полтаві. Той вплив вийшов за стіни гімназії. По думці Ілляшевича, кружок ліпших учителів гімназії, кад [етського] корпусу і дівочого інституту (інтернату панянок) заходився, щоб заложити в Полтаві дівочу гімназію, якої взір саме появився в Ярославлі на кошти Демидова. Полтавські учителі згодились б років учiti в своїй дівочій гімназії безплатно, а гроші на інші видатки стали збирати приватними дорогами.

Уряд дозволив на те, а також, щоб будучі учителі дівочої гімназії виробили проект уставу її. В цьому виробі прийняв гарячу участь Стронін, і при його працьовитості і ораторському таланті став першим у тих нарадах. Він же виступав як делегат учителів гімназії перед начальством і товариством полтавським. Незабаром міністерство нар [одної] просвіти переславо в ряди учителів по всіх гімназіях для обсуду «Проект устава средних и низших учебных заведений». Уваги учителів, напечатані потім у кількох спорих томах, можуть служити цікавим джерелом для знайомства з громадською думкою в Росії в початку 60 років. «Замечания совета полтавской гимназии» між ними далеко не послідні по серйозності педагогічній, а також і по тенденції до автономізму. Між іншим там поставлена і потреба початку науки в нар [одних] школах на народних мовах, з тим, щоб до російської мови переходили постепенно.

Коли я на вакаціях 1860 р. розпитував Полевича про ті «замечания», той мені сказав, що все те майже робота Строніна. Незабаром, по тодішній моді петербурзького уряду, і городські ради закликані були подати свої уваги про реформу городського статута. Полтавський війт (голова) знайшов за найліпше обернувшись до Строніна, і той поміг йому написати свої уваги в ліберальному напрямку. Восени 1859 р. відкрились у Полтаві недільні школи, потім суботня для жидів. Всі ті школи держались як свого роду федерація, до якої, окрім учителів, прилучились і люди з панства, урядників, купців і т. д., що спомагали школі грішми *. Школи ті повели до видавництва учебників, до стосунків зі школами і видавництвом по других сторонах. Нарешті школи привели до народних публічних лекцій. Перші такі лекції в Росії були спробувані власне в Полтаві задовго до петербурзьких лекцій в «Соляном городке». В цих лекціях первенство належить Строніну — як по таланту викладу, так і по системі. Потім суть тих лекцій була печатана під назвою А. Іванова «Рассказы о земле и небе», «Р [ассказы] о силах земных», «Р [ассказы] о жизни земной», «Р [ассказы] о жизни человеческой». Послідовність їх іде по системі Конта і єсть досить зручна проба короткої енциклопедії, а в останній брошурці — проба популярного викладу поступу в історії (три з цих брошур перекладені на українську, а остання чомусь ні).

Поряд із лекціями для народу, кружком Строніна був задуманий і популярний театр любителів. Для початку був узятий «Ревізор» Гоголя. Це була прерозумна думка не відрізняти театру народного від театру для інтелігенції, а виробити з останнього те, що цілком зрозуміле простим людям і в той же час підніма вгору їх критику і взагалі думку. Простонародність полтавського театру мусила виявлятись лише тим, що ціни на місця були назначені дуже дешеві. Тільки й начальство не було дурне: губернатор, коли йому принесли для ухвали афішу спек-

* Між ними гарячу участь взяла Єл [изавета] Ів [анівна] Милорадичева, що тоді прихилилась до українофільських ідей.

таклю, постановив на ній панські ціни і так знищив увесь замір полтавських просвітителів народу.

Так уся робота полтавського кружка не могла пройти в Росії без урядових перешкод. Особисті конфлікти загострили діло. Ще в 1858—59 році случилася «історія» в кад [етському] корпусі, де директор наговорив грубощів шановному учителеві, проти чого ціла корпорація учительська пожалілась вищому урядові воєнних шкіл. З Петербурга приїздив по цьому ділу урядник. Щоб спаралізувати цілком неправе діло директора корпусу, цей директор з губернатором Волковим придумали таке: губернатор доніс у Петербург, що між учителями кад. корпусу звелись «демагоги» і записав у число їх чотирьох видатнішіх протестантів проти директора (Пильчиков не був записаний в те число) та для виду безсторонності додав і трьох учителів гімназіальних, в тім числі Строніна. Так получилось сім (святе число!) «демагогів» у Полтаві.

Скоро потім з'явились в «Колоколі» Герцена кореспонденції про деякі незаконні вчинки Волкова, а що літом 1858 р. Стронін їздив за границю і був у Лондоні (і у Герцена, прибавимо ми), то ті кореспонденції були поставлені нарахунок Строніна. Восени 1859 р. в Полтаву приїхав цар. В Харкові губернатор Лужин пожалівся йому на студентів університету, з якими в нього вийшло кілька «історій» (див. в «Колоколі» т [ого] р [оку] «Грязь и Лужин» і т. і.), і цар дуже різко зробив виговор студентам у парадній залі університету. В Полтаві губернатор пожалівся цареві на гімназію, і цар, прийшовши туди, сказав директору прилюдно: «Я слышал, что у тебя учителя заражены демократическим духом. Смотри за ними построже».

Я вже тоді був у Києві в університеті, де дякуючи Бекману (якого з Харкова вижив Лужин і який в Києві готовився до магістерства по історії Росії) і недільним школам познайомився з проф [есором] історії Павловим, найвидатнішим із між київських ліберальних професорів. Получивши від молодших товаришів із Полтави звістку про те, що говорив там цар у гімназії, я розказав про це Павлову. Незабаром цар прибув і у Київ, де шеф жандармів кн [язь] Долгорукий почав жалітись куратору Пирогову (до якого ще цар був прихильний і якого ненавиділа вся ретроградна бюрократія в Росії), що в Полтаві учителі, а надто Стронін, дійшли до крайніх революційних ідей. Павлов же розказав Пирогову те, що він чув від мене про Волкова і Строніна, додавши, що він по вступних екзаменах в університеті бачить, як прекрасно приготовлені ученики Строніна по історії. Пирогов сказав Павлову, щоб він послав до нього кількох відомих йому студентів полтавців. Павлов вибрав трьох, в тім числі і мене. Ми розказали Пирогову, що знали про Строніна і інших «демагогів» і про Волкова. Пирогов поїхав у Полтаву на ревізію. Там йому пожалілись на Строніна губернатор і архієрей. Пирогов сказав директору гімназії, що він думає для тиші перевести Строніна в другу гімназію. Але потім, побувши на лекціях Строніна і поговоривши з ним у себе, рішив зоставити його до часу в Полтаві і навіть, щоб заявити нере-

зонність доносів Волкова, перед вищим урядом представив Строніна к новому року для нагороди орденом. А в Києві він сказав інспекторові всіх училищ округа Тулову, що знав Строніна, і з яким я зближився через недільні школи, що Стронін одна з ліпших голов між педагогами округа і що він назначить його на першу вакансію директора гімназії, навіть минаючи інстанцію інспекторської служби. Так казав мені Тулов.

Тим часом у початку 1861 р. реакція завалила самого Пирогова з кураторства, а в літі 1862 р. случились у Петербурзі пожари⁷⁶, які приписали «нігілістам» (слівце це саме пішло в моду, бо в лютім 1862 р. з'явився роман Тургенєва «Отцы и дети»). «Пожары, как генералы Чичикова, пришли кстати» для реакції, як писав мені Стронін. Скрізь по Росії пішла нагінка на «неблагонадежных» і «злонамеренных». Волков представив свій список «демагогів» — розширеній. Строніна одставили, потім укупі з кількома іншими арештували і відвезли в Петербурзьку кріпость *. В Петербурзі Строніна обвинувачували і в замірі поступити в легіон Гарібальді, і в замірі «отделить Малороссию от России», нічого не допевнили, та все-таки вислали в Мезень Архангельської губернії коло полярного круга, а звідти скоро перевели в Пінегу засідателем суду, а потім суддею в Шенкурськ. Останнє пояснюється тим, що в Архангельській губернії обраузаних урядників ніде взяти, окрім висланих, а до того ще тоді губернатором в Архангельську був порядний і ліберальний чоловік кн[язь] Гагарін, син важкої в Петербурзі особи⁷⁷ (він був предсідателем комітету міністрів), якого лише держали далеко від Петербурга, бо він був жонатий на купецькій дочці, що не могла мати доступу до царського двору. Гагарін зібрал коло себе політичних висланців, яких називав «comité du salut public» Архангельської губернії. Між ними видавався Чубинський по універсальності своїх адміністративних дотепностей. Стронін не почував себе таким універсалістом і відпрохався від комітету на спокійніше місце судді в Шенкурську, де мав досить вільного часу, щоб писати свої праці по теорії історії, які він тоді задумав під впливом Бокля⁷⁸ і О. Конта.

Ті праці вийшли з 1869 р. трьома книгами: «История и метод», «Политика как наука», «История общественности»; четвертої (про

* Арештовані були тоді в Полтаві і кілька українофілів — Щелкан, Лобода і пізніше Кониський. Щелкана вислано за границю лічитись, та він скоро вмер. Лободу⁷⁹ вислано, пам'ятається, в Пермську губ[ернію], Кониського — в Вологодську, але скоро увільнено. Пильчикова не займали. Він умів якось жити в миру з начальником. Характерний анекдот про нього розказував мені Полт[авської] гімн[азії] катехіт Думитрашко. В літі 1861 р. приїхав у Полтаву петер[бурзький] економіст (потім член акад[емії] наук) Безобразов⁸⁰ для студій про знаменитий Іллінський ярмарок⁸¹, оселився в домі Думитрашка, познайомився з Пильчиковим і питав у нього адрес Строніна. П[ильчик]о в сказав, що не знає. Про це Б[езобразо]в в сказав Д[умитрашк]о. Цей здібній Строніна і візнає від того, що він все на старій квартирі і що П-в був у нього зо 2 дні перед розмовою з Б-м.

вагу особистостей в історії) не дала дописати смертельна хвороба автора. Багато б треба було говорити, щоб оцінити ці праці, про які я чимало наспорився в свій час із автором. В цілому їх можна назвати невдачними. Сtronін думав писати свої праці як позитивність, а тим часом всі звички його думки виховались у старій ідеалістичній школі гегеліанства, та, окрім того, відповідно тій школі підібрав він собі історичний матеріал, витолковував усі його деталі. Тільки поряд із тим незвичайні теоретичні здібності автора вкупі з позитивізмом продиктували йому масу гостроумніших заміток, дедукцій, найдорожчих для філософа історії, і коли б праці Сtronіна були напечатані на якій-небудь західноєвропейській мові, то в Європі було б оцінено, що вони вносять у науку. У Росії ж вони або не звернули на себе уваги, або були оцінені критиками скоріше неприязно, ніж прихильно (д. Михайлівський⁸² гаряче нападавсь на них). «Політика як наука» викликала дуже неприхильну реакцію і в гал[ицькій] «Правді», продиктовану Пильчиковим, що винайшов у книзі Сtronіна, досить федералістичній, московське україножерство і т. д. Я попробував було вступитись за книгу, та ред[акція] «Правди» мої замітки не напечатала.

В 1869 р. Сtronін отримав амністію, тобто право жити по всій Росії. Він мав наївну думку, що йому знову дадуть місце в гімназії і приїхав у Київ із тою ціллю. Звісно, не дали. Йому прийшлося удержуватись роботою, яку давав йому знайомий, що служив при міністрі доріг, потім адвокатурою, на яку він отримав право як прослуживши в Арх[ангельській] губ[ернії] по судам, почасти газетною літературою. Адвокатуру Сtronін кинув незабаром, бо, казав він мені, з кримінальних процесів не можна прожити, а цивільні, не глядючи на реформу, все-таки рішались більше за кулісами, ніж на суді, а ходити за кулісами Сtronіну було прикро. Він узяв місце мирового судді в Білорусії, потім предсідателя мир[ового] з'їзду в Любліні, а далі юрисконсульта при мініст[ерстві] доріг і на останку зроблений був членом ради того міністерства *.

Міністр юстиції гр[аф] Пален⁸³, хоч сам реакціонер, сміявся, коли Сtronін сказав йому, просячи місце по судах в 1871 р., що він був висланий в Арх[ангельську] губ[ернію] за «намерение отделить Малороссию», і предложив Сtronіну місце прокуратора. Але Сtronін не взяв прокураторського місця **.

* Коло того часу на службі в мін[істерстві] доріг пробули, між іншим, також Куліш, Мордовцов і Чубинський.

** Розмова гр. Палена зі Сtronіним показує, як у Росії самі вищі урядники мало придають ціни обвинувачуванню в політичних винах. «За что вы были сосланы?» — спитав гр. П[ален] Сtronіна. «За намерение отделить Малороссию от России». — «Что же, вы действительно имели такое намерение?» — «Нимало. Это выдумал губернатор Волков». — «Какой это Волков?» — «Тот, что теперь состоит в совете минист[ерства] внутр[енних] дел». — «А, этот красивый!.. Так видите, мы нуждаемся в способных силах в прокуратуре. Хотите ли получить там назначение?» і т. д.

Останні місця Строніна оплачувались добре, та не давали місця інтелектуальним інтересам і незвичайним педагогічним здібностям Строніна.

В ці часи я бачився з ним тричі, двічі в Петербурзі, в 1870 р. і в 1874 р., і раз у Женеві в 1887 р. Коли мене вигнано було з професорства, Стронін випросив був мені місце мирового судді в Ц[арстві] Польськім із обіцянкою першої вакансії предсідателя, та я не взяв цього місця, але поїхав за границю видавати «Громаду».

З того часу ми переписувались зі Строніним рідко, більше з поводу нових книг по соціології, які я йому посылав іноді. В 1887 р. Стронін приїхав у Швейцарію хворий на нерви, які лікарі веліли йому лічити пробуванням у горах і вандрівками. Нерви Строніна не були зовсім зруйновані. Йому важко було проживати самому між чужими, і він недовго пробув у горах, а переїхав у Женеву, де жив коло мене, потім у Лозанну, де його привітав тепло мій друг, проф [есор] Герцен. В Лозанні прокинувся в Строніні педагог; він ходив у школи, а надто в гімназію, і її директорові так сподобалися його уваги, що він попрохав старого полтавського учителя написати їх йому систематично. В жовтні того року я зі Строніним поїхав на кругову вандрівку по Італії на Турін, Мілан, Геную, Пізу, Рим, Неаполь, Флоренцію, Венецію. Кошти вандрівки (1000 ф[ранків] на двох) заплатив Стронін, бо в мене не було сантима зайвого, то я, власне, доглядав свого товариша і мусив зберегти йому час і кошти, показуючи йому в кожному місці найголовніше. Я від усього серця всілювався відплатити старому вчителеві за науку доглядом і почасти наукою, бо Італію я вивчив досить і люблю гаряче.

Багато поучуючих і щасливих хвиль провели ми перед монументами і в музеях Італії та серед її природи, і я вдячний долі за те, що вона мені послала ту вандрівку. Надто я пам'ятаю дві хвилі. Хоч я бував кілька разів і подовго в Римі, але ніколи не бував на святій горі, куди плебеї відходили від патриціїв. Стронін, якого музей часто втомляли, настояв на тому, щоб таки поїхати на це місце, на якому, як він казав, була підложена основа європейської демократії. Ми поїхали. «Свята гора» — це, власне, невисоке місце кілька кілометрів від Риму в гору по Тібр, що тут робить колінце, а воно обмежує місце, зовсім подібне до тих, де находяться городища на Україні. Такими городками були, власне, і Капітолій з Палатіном⁸⁴ у Римі, подібний городок хотіли собі заложити, окрім від Риму, плебеї на святій горі. Під горою стоять маленька проста « trattoria », куди певно foresticri (чужинці) рідко заходять і де можна знайти лише сир та дуже плебейське вино. Стронін, хоч досить делікатний на желудок, як усі петербурзьці, конечно, хотів випити за плебеїв із хазяїном trattorії і нашим візником, що показались уже оба не римлянами, хоч і плебеями. Хазяїн іще щось зізнав про те, що таке monte sacro⁸⁵ і плебеї, а візник неаполітанець і немудрий зовсім нічого про те нечув і мало розторопав у моїх розправах про колишню подію. Та ми, скити, від

серця випили плебейського вина і попоїли плебейського сира на святій і для нас історичній горі, хоч я, як гувернантка старого учителя, і побоюювався, щоб той пир йому не пошкодив. Обійшлося благополучно.

Покінчивши з Неаполем і Помпесю, ми мусили вертатись в Рим. Сtronін не хотів уже мішати вражень, що раз лягли в його душу, і хотів зараз же їхати до Флоренції. Але залишив якийсь локальний поїзд, що ішов тільки до якогось Орте. Тим часом вечоріло. Ми поїхали і прибули в Орте, де всилу знайшли якусь локанду, очевидно, збанкрутовану через залізницю, сяк-так переночували, але вранці не знайшли ні в локанді, ні на станції навіть білої кави. Почтовий поїзд на Флоренцію ішов лише на 2-ій годині дня; треба було якось перебути.

Я запримітив щось подібне до ліска над Тібром і предложив перебути час там, захопивши з собою хліба і вина. Прийшовши до річки і оглянувшись лісок, гаї, гірки і т. і., ми опинились немовби коло монастиря в Полтаві, над Ворсклою. На нас так і повіяло старовиною і Україною, і ми обернули Orte в Орчик. Кілька годин посиділи ми там у гаю над Тібром, розмовляючи про Полтаву, згадали і про спори полтавсько-кіївські, про українство і космополітізм, згадали і колишніх людей; дечому посміялись, переживши знову через 20 років наші українські почуття, між іншим, як я читав у Сtronіна в перший раз М. Вовчка, встали все-таки космополітами і поїхали в город Данте і Галілея, рідний по-своєму і для нас.

В Венеції ми попрощались зі Сtronіним. Я поїхав у Женеву, а він у Петербург. Там він зараз здобув собі плеврит, що перейшов у сухоти, і через рік я отримав від свого учителя і друга лист із Криму про його тяжку хворобу, а незабаром читав у газетах звістки про його смерть і сухі коротенькі некрологи. Лише фельєтон в одній з південних російських газет, писаний одним із учеників Сtronіна, був довший і теплий, та авторові було невільно в Росії розказувати про Сtronіна всю правду...

ДОДАТКИ

СТОРІНКИ ВЕЛИКОГО ЖИТТЯ

Чи не найзначніша постать після Шевченка в українській суспільній думці XIX століття — Михайло Драгоманов, людина різnobічних наукових зацікавлень і прямувань, широкого діапазону практичної дії. Студент-викладач недільної школи, доцент університету св. Володимира у Києві, видавець безцензурних українських видань у Женеві, професор Вищої школи у Софії — між цими офіційними віками біографії вченого місяці й роки напруженої праці над собою, заглиблення в історію власного народу і народів Європи, прагнення осмислити шляхи людської цивілізації й на підставі цього намалювати ясну перспективу творчого саморозвитку України.

В основі його невтомного творчого і громадського життя було слово, звернене як до прихильників, так і до опонентів — у сотнях статей, наукових розвідок, листів. Бліскучий публіцист, чиє перо весь час служило боротьбі проти політичної і духовної тиранії, проти вузьких кастових інтересів чи непросвіти; фольклорист, чиє збірки «Исторические песни малорусского народа» (у співавторстві з В. Антоновичем), «Нові українські пісні про громадські справи», «Малорусские народные предания», «Політичні пісні українського народу XVII—XIX ст.» та наукові студії поставили його врівень з європейськими ученими того часу; оригінальний літературний критик та історик рідного письменства; соціолог і політолог, глибокий фахівець з історії античності і Середньовіччя; громадський діяч і кореспондент десятків періодичних органів і сотень співвітчизників і зарубіжних вчених, який весь час слугував зміцненню зв'язків між Наддніпрянчиною і Галичиною, між Україною та Європою,— такою багатогранністю, енциклопедичністю вирізнялася вся діяльність Михайла Драгоманова. «Він не написав ані одного слова, котре б не відносилося до живих людей, до живих обставин і до тих питань, котрі так чи інакше порушують думки і чуття оточуючої його громади. Оте живе чуття, той бистрий погляд, що завсігди добачує потреби хвилі і вміє найти для них відповідний вираз і відповідне заспокоєння,— на думку І. Фран-

ка,— найліпше характеризує нам самого Драгоманова» (Михайло Петрович Драгоманов. 1841—1895. Єго юбілей, смерть, автобіографія і спис творів / Владив і видав М. Павлик. Львів, 1896. С. 27). І навіть дослідження грецьку чи римську історіографію, старі хартії вольності — конституційні свободи Англії чи Швейцарії, історичні пісні, вчений прагнув використати політичний, морально-етичний досвід попередніх епох та інших народів для просвіти українців, для впровадження в їхньому житті здобутків цивілізації. З іншого боку, спостереження над сучасним громадським життям у Драгоманова постійно контролюється історичними знаннями. Ерудиція історика у нього могутньо підпирає талант і пристрасть публіциста, факти завжди подані через особистісне сприйняття, авторитет наукової істини і моральність засобів її утвердження для нього самоочевидні. Можливо, завдяки цьому він ніколи не підладжувався під загальноприйняті погляди, не говорив підхлібно ні з друзями, ні з ворогами, не прагнув бути «модним», не вмів бути гнучким у поведінці навіть зі своїми спільниками. Як свого часу Шевченко зробив українську літературу європейською за глибиною і новизною вираження естетичного ідеалу рідного народу, так і Драгоманов у 70—90-х роках минулого століття підняв свої українознавчі студії до європейського рівня за методом наукового мислення, широтою аргументації та теоретичних узагальнень тощо. Власне, Драгоманов-українець невіддільний від Драгоманова-європейця. Це тип українського вченого-енциклопедиста, що знайшов своє яскраве продовження у могутніх постаттях — І. Франка, М. Грушевського, В. Вернадського, А. Кримського.

Глибина інтелекту вченого, об'ємність його доробку, і досі мало-зnanого у широких наукових колах, максималізм у судженнях чимало спричинилися до того, що його критикували і справа, і зліва. Починаючи з кінця 20-х років і аж до недавнього часу його вважали одним із ідеологів буржуазного націоналізму. Тим часом Д. Донцов, маючи на увазі послідовні федералістські погляди вченого, безапеляційно відкидав будь-яку його причетність до ідеї вільної України. Не вносили ясності і, здавалося б, взаємовиключні оцінки І. Франком позиції Драгоманова у взаєминах з ним особисто і галичанами, висловлені на початку ХХ століття. У радянський же час, незважаючи на окремі об'єктивні дослідження спадщини М. Драгоманова (зокрема І. Романченка, О. Лисенка, М. Бернштейна, Р. Іванової, П. Федченка, В. Поважної та ін.), панувало поверхово-усереднене тлумачення праць ученого, завжди кориговане в негативний бік гостро тенденційною ленінською оцінкою монографії «Историческая Польша и великорусская демократия». Праці ж Б. Кістяківського чи М. Шаповала, І. Лисяка-Рудницького чи Е. Горнової були відомі лише поодиноким дослідникам. А хронічна відсутність більш-менш повного зібрання наукових студій вченого лише стимулювала позірну легкість оцінки його доробку, що, зрозуміло, не вписувався в якусь єдину зручну формулу (чи то націоналіста, чи то соціаліста...). Бо маємо перед собою, образ-

но кажучи, гірський хребет із численними вершинами й долами... А в горах, як відомо, чим більше піднімаєшся і стежиш за органічними, іноді несподіваними переходами рельєфу, тим більше відкривається захоплююча перспектива висотних спостережень.

Михайло Петрович Драгоманов народився 18 вересня 1841 року в Гадячі, тому самому містечку на Полтавщині, де колись була прийнята з ініціативи гетьмана І. Виговського Гадяцька угода, що давала ілюзії на відродження автономності України в межах оновленої спілки її з Річчю Посполитою. У родині Драгоманових пишалися своїм походженням із козацької старшини, незалежністю і навіть вільнодумством: один із дядьків Михайла брав участь у декабристському повстанні. Батько ж закінчив привілейоване училище правознавства у Петербурзі, згодом з невідомих причин перебрався у заштатний Гадяч. Серед місцевих жителів була про нього тривка слава як про небагатого, але совісного і справедливого чоловіка, здатного стати на прою з місцевими здирцями — таким його й вивів у своєму творі Панас Мирний. Життєві дороги Драгоманова і братів Рудченків згодом ще не раз перетнуться, і саме Михайло Петрович не лише підтримає напрям соціально-психологічної прози Панаса Мирного, а й видаватиме її у Женеві.

Контакти Драгоманових із їхнім далеким родичем поетом Амвросієм Метлинським і поетом Михайлом Макаровським живили сімейні зацікавлення українською старовиною, хоча у цій патріархальній родині було сильним тяжіння і до російської культури. І в майбутньому не лише син Михайло, а й донька Драгоманових Ольга (відома більше як Олена Пчілка, мати Лесі Українки) працюватимуть для української літератури.

Михайло Драгоманов спочатку навчався у нічим не примітному Гадяцькому повітовому училищі, а згодом у Полтавській гімназії (1853—1859) з її загалом рутинними порядками. Самостійність юнака, його внутрішня задерикуватість і несхильність до показної поштівості мало не обернулися виключенням зі школи. І якби не заступництво учителя історії О. І. Сtronіна перед попечителем Київського учбового округу Миколою Івановичем Пироговим, бути б Драгоманову із «вовчим квитком». Треба зазначити, що саме у Полтаві наприкінці 50-х років XIX століття вже поширювалися україnofільські тенденції.

У гімназії Драгоманов почав серйозне знайомство з історичними працями М. Карамзіна, Д. Бантиша-Каменського, Ф. К. Шлоссера, В. Г. Прескотта, Т. Б. Маколея, Ф. П. Г. Гізо, зачитувався «Отечественными записками», «Современником», фундаментально опанував іноземні мови, зокрема латину. На схилі віку Драгоманов згадував, що його учитель Сtronін «переносив учеників у саму суть життя й інтересів кожної епохи, і при тому, звісно, будив симпатію до передового інтересу епохи, так що ученики переживали боротьбу за волю індивідуальної совісті в періоді Реформації, за просвіту в XVIII ст.,

за політичну волю, автономію нації і демократію з соціальною справою з кінця XVIII ст.» (М. Драгоманов. «Два учителі. Спомини». Друкується в даному виданні). Це вміння показати своїм слухачам серцевину історичного розвитку, відчути у минулому живий зв'язок із сучасною йому добою стало притаманним і самому Драгоманову-історику.

Драгоманов прийшов до Київського університету восени 1859, саме напередодні реформи 1861 року, коли всюди було відчутне бродіння ліберальних і революційних ідей у російському суспільстві. Незважаючи на те, що Київ як адміністративний центр Південно-Західного краю був досить провінційним містом, і тут відчувалося невдовolenня суспільним становищем, серед студентів університету формувалися гуртки польського національно-патріотичного спрямування, виявлялися зацікавлення демократичними ідеями в дусі «Современника», поступово вироблялася програма української національно-культурної праці. Саме з числа студентів-шестидесятників багато хто стали авторами першого українського літературно-політичного журналу «Основа» (А. Свидницький, В. Антонович, Т. Рильський, Б. Познанський та ін.), входили до Київської громади, стали основою Південно-Західного відділу Російського географічного товариства тощо. Правда, Драгоманов в ту пору мало цікавився безпосередньо політичними справами. Можна сказати, що девіз його педагога Строніна — якомога більше працювати над самоосвітою — в особі М. Драгоманова знайшов вдячний ґрунт. Коли в Києві почали створювати перші в тодішній Росії недільні школи, юнак став викладати історію в школі на Новім Строенії, згодом цей же предмет — у Тимчасовій педагогічній школі. Вряди-годи він виявляє свою позицію публічно: під час проводів останків Шевченка з Києва до Канева, у зв'язку з полемікою між Пироговим і Добролюбовим щодо тілесних покарань у школах та під час проводів Пирогова з поста попечителя шкільного округу.

За певної схоластичності викладання на історико-філологічному факультеті Драгоманов виніс звідти добрий смак до самостійної дослідницької праці, і це не могло не впасти в око професору загальної історії В. Я. Шульгину. Правда, його пропозиція щодо залишення М. Драгоманова на кафедрі до професорського звання була взята до уваги лише пізніше. А відразу по закінченні університету (навесні 1863 року) йому довелося піти вчителювати у 2-гу київську гімназію. Тоді ж була розпочата праця над підготовкою дисертації «Імператор Тиберій» на право читання лекцій, яка була захищена 1864 року й поклала початок його науковим спробам простежити логіку суспільного процесу.

З другої половини 60-х років Драгоманов постійно співробітничав у російській періодиці. У «Санкт-Петербургских ведомостях» він стає фактично оглядачем слов'янських проблем. Тоді ж з'являються його перші статті, присвячені національній, чи народній, школі на Україні, що викликало тривалу полеміку з «обrusителями», носіями монархіч-

ної ідеї — попечителем Київського учебового округу О. Ширинським-Шахматовим, міністром Д. Толстим і навіть тим же В. Шульгіним — редактором офіціозного «Киевлянина». Аналіз державно-катковського підходу до українського і польського питань, поглядів російських слов'янофілів і польської преси на історичне минуле і сучасне українського народу рано чи пізно мав привести молодого Драгоманова до глибшого зацікавлення історією українського народу, до з'ясування перспектив українського національного руху.

У цей же час триває поглиблене вивчення Драгомановим історії Давнього Риму, держави, яка вперше закріпила правові основи цивілізації. Вивчення історії античності і Середньовіччя у Росії в 60-х роках мало внутрішній побудник: прилучити громадян до європейського політичного і культурного досвіду. У прокламації російських революціонерів «До молодого покоління» твердилося про молодість російського народу. Звідси була очевидною потреба в освоєнні не лише вітчизняної, а й світової історії. На відміну від нинішнього часу, в тодішній Росії активно перекладаються праці зарубіжних істориків, політологів, майже водночас із їх виходом на батьківщині. Так, «Всесвітню історію» Шлоссера перекладав М. Г. Чернишевський, який у статті «Про причини падіння Риму» (1861), критикуючи крайнощі «російського общинного соціалізму» О. Герцена, обстоював єдність історичного розвитку Заходу і Росії. Зрозуміло, чому античні зацікавлення Драгоманова не були втечею від реальної дійсності.

У 1869 році він захищає магістерську дисертацію «Вопрос об историческом значении римской истории и Тацит», де розглядає соціально-політичні теорії суспільства, передусім Гегеля і Гердера. Відтак, згадує при цьому ім'я забороненого Чернишевського, даючи підстави своїм противникам зачислити себе в ряди соціалістів. Конкретний же аналіз історіографії Риму, а також Давньої Греції в іншій праці — «Очерк историографии в Древней Греции» («Университетские известия». 1868. № 1) дозволяв Драгоманову твердити про відносну автономність політичних і культурних ідей, які можуть випереджати реальні соціальні відношення в тій чи іншій країні. В останній праці він писав, що іноді «личные идеи и свойства отличаются наименьшей зависимостью от общего настроения и наибольшим произволом» (с. 2). Тут і в подібних випадках бачимо філософсько-історичну спробу обґрунтувати теорію історичного процесу, пов'язаного не лише зі зміною виробничих відносин, продуктивних сил, засобів виробництва, а й із виявленням у ньому міри людської свободи. Відзначаючи позитивістський і раціоналістичний склад мислення Драгоманова, Б. Кістяківський наголошував на тому, що це «не помешало ему возвыситься до признания высшей ценностью личность и, что еще важнее, до более углубленного понимания идеи личности, выразившегося в признании ценных свойств, присущих личности, и за каждой культурно-определенной народностью» (Кистяковский Б. Его политические взгляды

ды, литературная деятельность и жизнь // Драгоманов М. П. Политические сочинения. Т. 1. С. X). Ідея прогресу як результату історичного перебігу подій і як його внутрішньої сутності стане наріжним каменем історіософських і культуроносницьких побудов Драгоманова.

Важливо підкреслити, що, будучи прихильником теорії О. Конт, Г. Спенсера, П. Ж. Прудона, вчений нерідко виривався за рамки позитивістського вчення. Його приваблює аналіз не тільки співвідношення соціальних сил, а й весь соціальний світ людини. Тут ще нема, зрозуміло, детального розгляду суспільства як цілісного живого організму, де постійно взаємодіють економіка, політика, соціальні відносини, духовна культура, де кожен елемент виступає як частина системного цілого, але і в працях «Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого», «О состоянии женщины в первом веке Римской империи», «Вопрос об историческом значении Римской истории и Тацит», «Положение и задачи науки древней истории» по-мінне прагнення історика до комплексного аналізу.

Один із найретельніших дослідників спадщини М. Драгоманова І. С. Романченко справедливо вбачав силу історичного методу Драгоманова в тому, що вчений і публіцист «умів бачити загальне і осібне, національне і загальнолюдське, індивідуальне і суспільне в їх тісному взаємозв'язку, в єдності конкретного історичного процесу» (Драгоманов М. П. Літературно-публіцистичні праці. Т. 1. С. 10).

Драгоманов постійно цікавився проблемами історичного розвитку взаємин особи і держави; і хоча в нього немає єдиного цілісного дослідження історії державного права, історії цивілізації, в сумі його статті і монографічні дослідження тяжіють до комплексного осмислення історії і заперечують суто одномірне її пояснення лише економічними чинниками. Увага до політичної, соціальної, культурної творчості тої чи іншої нації, або, іншими словами, її цивілізаційної програми і практики, визначає зміст більшості наукових студій вченого. Він не ідентифікує понять «цивілізація» і «культура», хоча за логікою авторських міркувань остання виступає внутрішньою якістю мірою історичного процесу на тому чи іншому його витку. Вона виявляє характер духовної життєдіяльності нації і конкретної особистості, її включеність у загальноцивілізаційний процес. Ось чому з кінця 60-х років М. Драгоманов приходить до занять фольклором і спостережень над сучасною українською літературою.

Тому підставою були й практичні потреби. Члени Київської громади в умовах діяння Валуєвського циркуляру 1863 року ставили за мету науковою працею, передусім в царині етнографії, фольклористики, історії України та археології, довести абсурдність офіціозних положень про несамостійність української нації та її культури, українофобським виступам окремих російських та польських шовіністичних видань протиставити писемні пам'ятки історії і духовності рідного народу. Широка наукова й культурно-просвітительська діяльність Київської громади, як і подібних осередків в інших українських містах,

ще чекає свого уважного вивчення. Поруч із П. Чубинським, В. Антоновичем, П. Житецьким, М. Лисенком, М. Старицьким Михайло Драгоманов був одним із найактивніших діячів цього об'єднання. І те, що перша спільна праця Драгоманова й Антоновича «Исторические песни малорусского народа» (в двох томах) викликала європейський розголос і здобула Уваровську премію, свідчить про глибоко продуману систему аналізу, багатий репертуар текстів, величезну копітку працю, виконану абсолютно на громадських засадах.

Драгоманов постійно підкреслював пріоритет В. Антоновича в написанні згаданої праці, яка й досі є окрасою української фольклористики. Проте аналіз його фундаментальної статті «Малороссия в ее словесности» показує, що багатьма своїми концептуальними положеннями вона попереджує «Исторические песни малорусского народа». Тут послідовно проводиться думка про Україну як перехідний місток між Південно-Східною Європою і Росією, про безперервність культурно-освітніх взаємин українських земель з іншими слов'янськими та інонаціональними духовно-культурними осередками, про своєрідні соціально-політичні й культурні традиції, які саме її, Україну, пов'язують з історичним досвідом Київської Русі і пізнішого перебування в складі Великого Литовського князівства, з проявом ідей Реформації та Відродження. Актуальними були думки вченого про республікансько-демократичний характер козаччини, явища принципово відмінного від бунтів О. Пугачова і С. Разіна. Не випадково князь Ширинський-Шахматов після прочитання статті Сліпушкіна про Богдана Хмельницького безапеляційно заявляв: «...це все будить стару пам'ять про те, що Україна була осібна, а тепер треба то все забувати» (цит. за: Громада. 1878. Кн. 1. С. 159). А з іншого боку, польські історики Дубецький і Корзон, нерідко використовуючи фіктивні дані, розвивали мотив культурно-колонізаційної місії Польщі на українських землях та некультурності місцевих жителів. Таку ідею, яку несподівано у 70-х роках підтримав П. Куліш, Драгоманов рішуче й послідовно заперечував. Власне, подальша фольклористична праця Драгоманова — підготовка та видання збірок «Малорусские народные предания и рассказы» (К., 1876), «Нові українські пісні про громадські справи» (1754—1880)» (Женева, 1881), «Політичні пісні українського народу XVIII—XIX ст. з увагами» (Женева. 1883, Т. 1; 1885. Т. 2) — засвідчує його орієнтацію на живу пам'ять народу — його усну поезію. Відомий письменник-історик Д. Мордовець, рецензуючи збірник розбійницьких пісень Арістова, відзначав саме історико-джерелознавчу цінність усної народної поезії східних слов'ян: «В ней народ становится историком своего прошлого, историком *sine ira et studio* (цілком об'єктивно.—Р. М.), завещая потомству не только свой коллективный приговор над добрыми и злыми деяниями своих исторических предков... распорядителей судьбами русской земли, но и всенародную оценку светлых и темных сторон всей исторической жизни...» (Древняя и новая Россия. 1876. Кн 3. С. 405). Думається, що пильне вивчення Шевчен-

ком, Костомаровим, а згодом і Драгомановим не лише козацьких літописів, а й історичних пісень та дум забезпечили конкретно-історичну оцінку діяльності Хмельницького та інших гетьманів.

В «Исторических песнях малорусского народа» переважає підхід до фольклорних творів як до своєрідних історичних документів, у подальших працях М. П. Драгоманов ставиться до них як до естетичного самовираження народу, яке має аналогії і в інших країнах. Ширше застосовується порівняльно-типологічний підхід, інколи навіть такі праці про міграцію сюжетів грішать втратою конкретного ґрунту. Проте визначальним для Драгоманова був погляд на міцну закоріненість народної пісні в соціальній дійсності, що само по собі не було запереченнем зв'язку цієї поезії з якимись прадавніми уявленнями народу. Поруч із дослідженнями «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества» (1872), «История казачества в памятниках южнорусского песенного творчества» (1880, 1883) М. I. Костомарова праці Драгоманова відкривали широку перспективу майбутнім фольклористичним студіям, вони накреслювали сприйняття національної історії, відмінне від, скажімо, самодержавницької концепції «Истории государства Российского» М. М. Карамзіна, М. Погодіна, С. Соловйова та ін.

На фоні широких соціально-політичних рухів 60—90-х років фольклористична діяльність Драгоманова була не самодостатнім фаховим заняттям, а своєрідним показником політичних, громадських орієнтацій народу, відповідності тих чи інших соціальних проектів, у тому числі й народницьких, корінним його потребам. Інтерес вченого до поетичної історії слов'янських народів, передусім українського, російського, білоруського, був зумовлений потребами й дещо іншого порядку. Погляди на волю й неволю, сімейні й майнові взаємини, на товарицькі спілки, на всю сферу діяльності людини, які у західноєвропейських країнах були закріплені у конституційних деклараціях (хартіях вольності), у практиці українського селянства фіксувались передусім у фольклорі. Простежуючи зв'язок вірувань, переказів свого народу з аналогічними віруваннями, переказами інших народів, учений обґрунтував загальнолюдський, загальноцивілізаційний характер багатьох таких уявлень, зрошеність історії одного народу в багатьох моментах з минулим, особливо культурним минулим, своїх близьких і даліких сусідів.

Важливим стимулом для наукових інтересів Драгоманова стало його трирічне наукове відрядження за кордон (звичне в умовах царської Росії), де він мав змогу слухати лекції багатьох європейських професорів, працювати у бібліотеках та архівах Берліна, Праги, Відня, Гейдельберга, Цюриха, Флоренції. Там були підготовлені дослідження «Из истории отношений между церковью и государством в Западной Европе» і «Борьба за духовную власть и свободу совести в XV—XVII в.», які виявляли картину жорстокої боротьби між світськими урядами Європи та церквою за владу. Нетерпимість до чужої віри,

до чужих переконань породила цілі релігійні війни і навіть вчоращеного протестанта проти католицьких догматів могла зробити вбивцею (скажімо, Лютер послав на тортури знаменитого медика Сервета). Для Драгоманова не було сумнівів у вищості наукової істини, яку можна доводити і перевіряти доказами, дослідами, над релігійними постулатами, що ґрунтуються на вірі. І все ж коли йдеться про свободу віросповідання, вченій підтримує реформаційні рухи, зокрема сектантство в Росії, які, на його думку, близчі до інтересів простої людини, ніж ортодоксальна церква, і які дають певний простір для волевиявлення. Тому він так підтримує ідею видання Біблії українською мовою, прагне познайомити українського читача з працею французького релігієзнавця Ж. Е. Ренана, пише брошуру «Про волю віри» та ін.

За кордоном М. Драгоманов пильно приглядається до проблем існування так званих державних і недержавних націй, до урядової політики і політичних програм різних партій у соціальному та національному питаннях. Якщо досвід минулого живить думку Драгоманова-політика, дає йому вагомі аргументи для розуміння сучасних йому політичних ситуацій, то пильна увага до проблем свободи особистості, до взаємин індивіда і держави спонукає його і в історичних дослідженнях повсякчас розкривати логіку історичного процесу, простежувати звивисту, але неперервну лінію історичного прогресу.

Зіткнувшись за кордоном із німецьким шовінізмом стосовно слов'янських народів, М. Драгоманов утверджується на думці про перспективність федералістичної програми, висунutoї свого часу Кирило-Мефодіївським братством. У численних своїх статтях («Восточная политика Германии и обрусение», 1872; «Новокельтское и провансальское движение во Франции», 1875; «Евреи и поляки в Юго-Западном крае», 1875; «Народные наречия и местный элемент в преподавании», 1875; «Очерки новейшей литературы на малорусском наречии», 1874) він підводить читачів до федераційно-демократичних ідей, якраз протилежних унітарно-централістським принципам державної політики Росії і Німеччини. Знайомство з літературою і громадською практикою народовців і москвофілів у Галичині гостро настроїло його проти «рутенства» обох партій. Якщо москвофіли живилися хибними уявленнями про Росію — із подачі московських слов'янофілів типу Погодіна, то народовці, будучи тісніше пов'язаними з інтересами трудових верств, дещо засвоїли із Шевченкових творів, хоча вченій дорікав їм у вузькості національних інтересів, у нездатності стати на загально-європейську точку зору. З цією метою він прагнув засобами російської літератури вплинути на характер галицьких видань, щоб підірвати в Галичині клерикалізм і бюрократизм і навернути молодь (а серед неї були І. Франко, М. Павлик, О. Терлецький, В. Навроцький та ін.) до народних інтересів (див.: Драгоманов М. П. Автобіографическая заметка // Літературно-публіцистичі праці. Т. 1. С. 55). Надрукована

у «Правді» стаття «Література російська, великоруська, українська і галицька» (1873), хоч певною мірою і схематизувала літературний процес, штучно відділяючи твори для простолюду від творів загальнонаціональних, а також листи Драгоманова до журналу «Друг» сприяли перетворенню цього останнього на суперечливий український орган. З того часу М. Драгоманов стає активним кореспондентом галицьких видань, не раз викликаючи опозицію проти себе у «Правді», «Зорі» чи «Ділі», але в той же час надаючи їм і особливо революційно-демократичним виданням І. Франка, М. Павлика («Громадський друг», «Товарищ», «Народ», «Жите і слово») своїми статтями гострої соціальної злободенності.

Повернення М. Драгоманова до Києва дало йому поштовх до заняття у Південно-Західному відділенні Російського географічного товариства, два роки він фактично редактує газету «Київський телеграф», бере участь у роботі Київського археологічного з'їзду. Але наклепи рептильних видань із Галичини, доноси з Києва на адресу міністра народної освіти ретрограда Д. Толстого про нібито сепаратистські, соціалістичні переконання Драгоманова (причому слово *соціологія* на його лекції було сприйняте за *соціалізм*) стали невідпорним пунктом звинувачення. І у вересні 1875 року вченого було звільнено з Київського університету, на початку 1876 року він назавжди виїхав за кордон. Відтоді все життя його сім'ї і всі його видання аж до зайняття восени 1889 року кафедри загальної історії у Вишій школі Софії велися лише на субсидіях Старої громади і на нечисленних гонорарах. І в цих досить несприятливих умовах, коли царський уряд, ввівши в дію Емський указ, ополчився проти будь-яких маніфестацій культурної, не кажучи вже про державну, політичну, самостійності українського народу, Драгоманов створив українську позацензурну пресу. Фактичний повпред українства за кордоном, він виконав для своєї нації місію не менш поважну, ніж Герцен — для Росії, тим більше, що завжди мав на увазі історичні традиції, реальний стан і перспективи співжиття різних слов'янських народів, державних і недержавних. Він був послідовним прихильником ідеї соціалізму, вільного від гнітючого централізму і заснованого на принципах федералізму, максимальному застосуванні місцевого самоврядування. Оптимальне волевиявлення інтересів кожної громади і кожної особистості з огляду не на якісь вузько-партийні, а на загальнолюдські інтереси — такою була загальна справді демократична платформа цього вченого, близкучого публіциста і політичного діяча. Цей принцип він послідовно обстоював у своїх товариських взаєминах із російськими революціонерами А. Желябовим, М. Бакуніним.

За кордоном М. Драгоманов разом із С. Подолинським і М. Павликом налагоджує випуск спочатку альманаху «Громада» (1878—1880), (5 книг), а згодом і одноіменного безцензурного журналу. Поруч із художніми творами («Лихі люди» і «Хіба ревуть воли, як ясла повні?» Панаса Мирного, «Марія» Шевченка та ін.) він уперше публікує зна-

менитий лист В. Бєлінського до М. Гоголя (1880), листи І. Тургенєва і К. Кавеліна до О. Герцена як виразні свідчення тодішньої політичної думки.

При всій напористості своїх суджень Драгоманов ніколи не був доктринером, він завжди прагнув розглядати явища і факти історичним, об'єктивним поглядом, на тому ґрунті, де вони постали, в їхній еволюції.

Особливе місце у драгоманівській спадщині займає стаття «Шевченко, україnofіли і соціалізм», у якій автор гостро скритував формальний культ Шевченка у Галичині, що спирається на тенденційне препарування народовцями його творчості, не чуже й пізнішим літературознавцям. Сьогодні є застарілим пунктом твердження автора статті про малу начитаність Шевченка, неприйняття умовно-фантастичних прийомів у його поемах. Ю. О. Івакін на широкому матеріалі довів велику інтелектуальну наслаженість поезії Т. Г. Шевченка, оригінальність і новизну його умовно-поетичних форм. Проте позиція Драгоманова щодо дейзму поета, мабуть, не викликатиме сьогодні такої однозначної критики, як раніше. Набагато складнішим є питання і про соціалізм Шевченка. При всіх своїх вузьких місцях ця монографія ставила аналіз питання на широкий соціальний ґрунт, була продиктована, на думку А. Луначарського, автора статті «Шевченко і Драгоманов», потребами зміцнити соціальні можливості української літератури.

Якщо стисло окреслити віденсько-женевський період діяльності Драгоманова, то можна визначити в ній кілька принципово важливих проблем: це спроба популяризувати соціалізм, який був би прийнятий українській громаді й не гнітив би свободу індивіда,— громадівський соціалізм; це послідовна пропаганда конституційних гарантій — федералістського принципу державотворення, принципу широкого розповсюдженого місцевого самоврядування і принципу свободи особистості; критика унітарно-централізаційного принципу в побудові держави, партії тощо; пропаганда ідей соціального і духовного розвитку української нації; виведення її на європейський спосіб буття; критика репресивно-диктаторської ролі російського царизму як всередині країни, так і поза її межами. Зрештою, всі вони підпорядковані ідеї вільного розвитку української нації та ідеї людської свободи. У статті «Что такое украинофильство?», вказуючи на присутність у національних рисах як позитивного, так і негативного, Драгоманов наголошував: «...наилучшее условие для подбора национально-человеческих черт, конечно, свобода национального развития при свободном же общении наций между собой».

Знайомство Драгоманова з вченням М. Бакуніна давало йому підстави ототожнити «беззначальство» із «самоврядуванням». Співробітничав учений також із «лавровцями», за іменем П. Лаврова, редактора соціалістичного органу «Вперед». Але контакти Драгоманова з російськими революціонерами в цей час помітно ослаблюються,

передусім через розходження з ними стосовно форм боротьби (Драгоманов дедалі послідовніше відмовляється від терору), щодо принципу побудови партії і участі публіциста у новому виданні. У Женеві Драгоманов видавав газету «Вольное слово» на кошти Земського союзу, хоча, як виявилось, це були гроші від «Священної дружини», промонархістської організації. І як би не уточнювались деталі цієї досить заплутаної справи, принципово важливо, що драгоманівські публікації у цьому органі були послідовно антисамодержавницькими. У цьому виданні М. Драгоманов, оглядаючи історичні взаємини України і Польщі, критично висловлюється з приводу підтримки Герценом та іншими російськими революціонерами лозунга «історичної Польщі» на прaporах польського повстання 1863 року. Наскільки він справедливий для українців та білорусів, які потрапляли в сферу цього повстання? Герцен, як відомо, стверджував всеєвропейське значення польського повстання, але й він не врахував усю гостроту питання про перспективи недержавної нації, яка примусово асимілюється іншою.

Так зване слов'янське питання на Балканах, яке тривалий час визначало зовнішню політику багатьох європейських країн, постійно привертало увагу «старогромадівців» і М. Драгоманова зокрема. Співчуття до сербів і болгар, придавлених турецькою тиранією, не заважало йому бачити й від'ємні позиції російського панславізму як проурядової централізаторської політики.

Якщо в 70-х роках у статтях Драгоманова переважає об'єктивний виклад, то в 80-х аргументація підсилюється пристрасно полемічним тоном. Цикл брошур, спрямованих проти російського царства («Турки внутренние и внешние», 1876; «Внутреннее рабство и война за освобождение», 1877; «До чего довоевались», 1878 та ін.), викриває внутрішню гнилизну царської армії, де безстрашність простих солдат — визволителів сербів і болгар уживалась з продажністю та садизмом офіцерів. Із Києва писали Драгоманову про те, як добровольця поета Манжуру офіцер покарав за непоштівість 200 різками. У включенні в це видання брошурі «Турки внутренние и внешние», яка викликала великий читацький резонанс, публіцист висловлював далекоглядні міркування: «Государство, в котором под видом самодержавия господствует своеolie чиновников, в котором даже в податной системе существуют еще сословные привилегии, в котором господствует система насильственного обрушения всех невеликорусских элементов, полицейская охрана господствующей церкви и нет самой элементарной личной неприкосновенности... такое государство не может ревностно служить делу свободы и самоуправления славянских и неславянских племен даже под Турцией».

Борючись проти цього «внутрішнього потуречення», М. Драгоманов прагнув використати європейську трибуну для розвінчення подібного шовінізму і для пропаганди українського слова в світі. Паризька «La République Française» 16 квітня 1876 р. писала, що «русинам недоставало найбільше усього знати Європу і бути знаними» (цит. за:

Правда. 1876. № 7. С. 279). На світовому конгресі у Парижі Драгоманов і використав авторитет І. Тургенєва, щоб ознайомити членів конгресу з доповіддю про реальну заборону царським урядом в 1876 році української літератури.

Останні роки Драгоманов прожив у Софії, де, як вже говорилося, став професором загальної історії щойно створеної Вищої школи, предтечі нинішнього Софійського університету. Незважаючи на прогресування хвороби, він, крім читання лекцій, постійно зайнятий дослідженням болгарського фольклору, підтримує систематичні зв'язки зі своїми українськими кореспондентами. На сторінках нових українських видань «Народ», «Жите і слово» та інших неодноразово з'являються статті і рецензії М. П. Драгоманова. Він відкидає думки скептиків про інтерес народу лише до хліба, мріє зложити історію української літератури в дусі статті «Шевченко, українофили і соціалізм». І загалом попередні фольклористичні студії поруч із плановою працею, на його думку, і входять у його задум «зложити очерк історії цивілізації на Україні».

Тут, у Софії, народжується одна з найкращих праць ученого — «Чудацькі думки про українську національну справу», яка пройнята гострою критикою перелицьованої «московської» нетерпимості українських національників. Як позитивну програму вчений висуває ідею спільної боротьби українців і росіян проти політично-адміністративної системи, за свободу і децентралізацію. Характерно, що саме тут на-краслена програма майбутніх широких історичних студій: «...треба оглянути історію нашу совокупно в усі її доби: княжо-городську, феодально-литовську, пансько-польську, козацьку, царсько-російську (з виділом цісарсько- й конституційно-австрійським) — і в усяку з цих діб звернути увагу на зрист чи упадок людності, господарства, порядків і думок громадських і державних, освіту, пряму чи косу участі українців усіх класів чи культур в історії, культурі європейській... рівняючи її з історією других народів Європи». Таке завдання і досі лишається далеким від повного втілення.

Софія 90-х років міцно притягувала до себе погляди українців. Адже Драгоманов був одним з ініціаторів створення радикальної партії в Галичині, прагнув вплинути на духовний розвиток Лесі Українки, яка врутрішньою сутністю своєю так походила на дядька. І ті ідеї, які він колись обстоював в «Исторической Польше и великорусской демократии», в її продовженні — «Вольный союз — Вільна спілка: Опыт украинской политico-социальной программы», мали реалізовуватись у практичній діяльності партії. Тут немає можливості зупинятися на останньому документі, який, за свідченням В. Науменка (Відділ рукописів ЦНБ АН УРСР, спр. 1 / 49600), почали готовувся Старою громадою ще у Києві. Остаточне ж життя йому дав Драгоманов, створивши, по суті, перший ґрунтовний проект конституції для Росії, багато положень якої актуальні і для сьогоднішніх законотворців. Очевидно, що окремі його думки у нових історичних умовах сприйма-

ються критично, але система наукового мислення вченого була вільна від будь-якої політичної кон'юнктури, тому й нині здатна дивувати нас тривістю і несхитністю її основних положень. Справа тут у головному. Людина широкої натури, Драгоманов упродовж кількох десятиліть проголошував війну «всім релігійним, національним, політичним і соціальним ідеям, котрі не гоďяться з універсальним суспільним і науковим поступом», хоча б їх цілковите або часткове визнання українськими соціалістами могло здобути хвилеву популярність серед народу (*Драгоманов М. П. Малоруський інтернаціоналізм.* // Вибр. твори: В 2 т. Прага, 1937. Т. 1. С. 157).

Мабуть, ювілей Драгоманова (1895) був чи не першою такою широкою відзнакою українського вченого і громадського діяча, всеукраїнською і всеслов'янською маніфестацією його заслуг. Сам ювілянт скромно стверджував, що вся його праця — це політичне проведення в життя думок, висловлених кирило-мефодіївцями, і народолюбничих ідеалів української інтелігенції 60—70-х років «з одмінами, котрі принесла всесвітня наука і політика в новіші часи» (цит. за: Михайло Петрович Драгоманов... С. 105). Образне порівняння свого подальшого життя з вибухом світла в лампаді перед тим, як її згаснути, на жаль, виявилося пророчим. 20 червня 1895 року Михайла Петровича не стало.

На порозі його одвічної домівки висловлювалася надія на те, що «його дорогоцінні останки треба конче перевезти у той вільний куточок України — у Львів, де вони повинні лежати, підбиваючи людей до праці в його напрямі, доти, доки їх не можна буде перевезти у вільний Київ» (там же, с. 112), мріялося про повне видання його творів, про придбання його бібліотеки для Львівського університету. А журнал «Български пръгледъ» (1895, № 6. С. 67—72) не сумніваючись писав, що в умовах народовладдя вдячні нащадки поставлять цьому мученикові «один із найвидніших пам'ятників». На жаль, досі ці справедливі і в умовах будь-якої цивілізованої держави реальні побажання лишаються словами. І лише зараз крига починає поступово скресати. Повільне повернення нашому народові наукової спадщини, гідної його великої і нелегкої історії, сьогоднішня складна політична ситуація, велика світова опінія щодо імені Драгоманова змушують нас вчитуватись у слова цього вченого-енциклопедиста з такими високими моральними настановами: для чистої справи треба чистих засобів, любов до власного народу ніколи не служила перепоною для поважання інших народів, у будь-яких скрутних обставинах життя людині треба триматись високих переконань.

Дорогий читачу, хочеться сподіватися, що цей однотомник вибраних праць Михайла Петровича Драгоманова допоможе Тобі почати сходження ще на одну з прекрасних вершин людського розуму, що він допоможе Тобі у виборі своєї життєвої позиції у цей непростий час.

ПРИМІТКИ

Наукова спадщина М. Драгоманова, незважаючи на її величезний обсяг і принципове значення у розвитку суспільної і гуманітарної думки на Україні та в Росії, видавалася дуже нерівномірно, епізодично. Найближчий співробітник вченого М. Павлик доклав подвійницьких зусиль до публікації його епістолярію та фольклористичних студій українською мовою. «Розвідки Михайла Драгоманова про українську народну словесність» (у 4 томах, 1899—1907) і досі є єдиним найбільш систематизованим виданням такого типу, хоча тут ще не було жодних наукових коментарів. Важливою текстуальною базою для дослідників продовжують залишатися видання «Собрание политических сочинений М. П. Драгоманова», в 2 томах (Париж, 1905—1906) і «Политические сочинения», видання за редакцією І. М. Грєва і Б. О. Кистяківського (М., 1908. Т. 1). Надруковані українськими емігрантами однотомники «Драгоманов Михайло. Збірка політичних творів», за редакцією Павла Богацького (Прага; Нью-Йорк, 1937) і «Архів Михайла Драгоманова: Листування Київської Старої Громади з М: Драгомановим (1870—1895 рр.)» (Варшава, 1937) — цінна спроба саме наукового опрацювання цієї важливої частини драгоманівської спадщини. На Радянській Україні лише в 1970 році побачили світ «Літературно-публіцистичні праці М. П. Драгоманова» (у 2 томах; упорядники І. С. Романченко, В. В. Лисенко) — єдино приступна широкому читачеві лектура праць літературознавця, публіциста, хоча ще на початку 20-х років Українська Академія наук ухвалила видати повні зіbrання праць Т. Шевченка, В. Антоновича, М. Драгоманова. І лише зараз згідно з ухвалою Республіканського ювілейного комітету по відзначенню 150-річчя з дня народження М. П. Драгоманова робляться перші організаційні заходи по виданню у найближчі роки 20-томного зіbrання його праць.

Даниною світлій пам'яті вченого є цей оперативно підготовлений видавництвом однотомник. До нього включено не лише сuto історичні праці («Положение и задачи науки древней истории», «Борьба за духовную власть и свободу совести в XVI—XVII столетии»), а й фольклористичні студії, де висновки історика спираються на факти духовного розвитку народу — історичні думи та пісні. З огляду на обмежені розміри тому ми змушені вдатися до публікації цілісних уривків із таких фундаментальних праць, як «Исторические песни малорусского народа» (в 2 томах) чи «Нові українські пісні про громадські справи. 1764—1880». Уперше друкуються у зіbrанні історико-популярні праці М. Драгоманова «Про українських козаків, татар та турок», «Пропащий час: Українці під Московським царством», а також окремі соціологічно-публіцистичні трактати, зокрема з національних проблем на Україні. Із поданих у томі матеріалів у згаданому двотомнику 1970 року друкувалися лише стаття «Шевченко, українофілі і соціалізм» і почасти «Чудацькі думки про українську національну справу». Не претендуючи на вичерпне представлення у томі тільки історичних досліджень М. Драгоманова (скажімо, лише монографічні дослідження з історії античного світу і Середньовіччя зайняли б кілька томів), хотілось після видавничої тривалої перерви відкрити читачеві широкий світ наукових зацікавлень вченого — історика, мислителя, де логіка конкретно-історичного аналізу фактів, подій слугувала інструментом пізнання супереч-

ливої дійсності 70—90-х років XIX століття і підpirала його прогнози соціолога-політика.

Статті згруповано в хронологічному порядку, за часом першої їх публікації. Том завершується мемуарами Драгоманова про своїх учителів, що в радянський час теж не передруковувались. Публікація здійснюється за сучасною орфографією та пунктуацією із врахуванням притаманних Драгоманову особливостей (зберігаються і властиві йому написання географічних назв, прізвищ — наприклад, *Омир* замість *Гомер*). З огляду на відсутність рукописів друкованих статей і на різну мовно-правописну традицію у київських, львівських і женевських виданнях-п'оршодруках ми намагались уніфікувати правописні моменти (наприклад, вживання дублетних форм *тілько* і *тільки*, *кожний* і *каждий*) не стільки по всьому тому, скільки у межах кожної конкретної статті. Явні описки виправляються беззастережно, окремі редакторські розкриття скорочень і тому подібне подаються у квадратних дужках.

Видання супроводжується примітками та іменним покажчиком.

Примітки до статей склали кандидат філологічних наук Р. С. Міщук і кандидат історичних наук В. С. Шандра (до статей «Положение и задачи науки древней истории», «Борьба за духовную власть и свободу совести в XVI—XVII столетии»).

У процесі роботи нам доводилося скористатися послугами бібліографа М. О. Мороза, за що складаємо йому щирі подяки.

МАЛОРОССИЯ В ЕЕ СЛОВЕСНОСТИ

[Рец. на кн.:] *Малороссия (Южная Русь) в истории ее литературы с XI по XVIII век. И. Г. Прыжов. Воронеж, 1869*

Вперше за підписом *П. Т-ев* (Толмачев) надруковано в журн. «Вестник Европы» (1870, кн. 6, с. 754—801). Включалось до зібрання: *Драгоманов М. Розвідки про українську народну словесність і письменство* / Владив М. Павлик. Т. 1 / Зб. філол. секції Наук. тов-ва ім. Шевченка. Львів, 1899. Т. 2. С. 1—47 (у перекладі українською мовою). Ця стаття є розгорнутою рецензією на працю відомого російського фольклориста Івана Гавриловича Прижова (1827—1885), дослідника міфологічної зоології, і продовжувала серію українознавчих праць М. Костомарова, О. Пипіна та інших у літературно-художньому і громадсько-політичному журналі «Вестник Европы» (виходив у Петербурзі в 1866—1918 роках).

Подається за п'оршодруком.

¹ Йдеться про видатних діячів в історії Київської Русі: літописця Нестора (пом. 1113), автора «Житія Феодосія, ігумена Печерського» (бл. 1091), гіпотетичного упорядника «Повісті временних літ»; Володимира Мономаха (1053—1125), великого київського князя, автора «Повчання», а також про безіменного автора «Слова о полку Ігоревім»; про останнього див. у кн.: *Махновець Л. Про автора «Слова о полку Ігоревім*. К., 1989.

² *Острог* — місто на Волині (нині Ровенської обл.), власність князів Острозьких у XVI — першій пол. XVII ст., де було створено авторитетну школу, друкарню, гурток антиуніатських літераторів, що й дало підстави сучасникам називати місто українськими Афінами.

³ *Острозькі*: Костянтин Іванович (бл. 1460—1530) — великий литовський гетьман; Костянтин (Василь) Костянтинович (1526—1608) — український магнат, київський воєвода. Останній відомий своїм культурним меценатством, підтримкою православної церкви і ворожістю щодо селянсько-козацьких повстань К. Косинського і С. Наливайка.

⁴ *Могила* Петро Семенович (1596—1647) — церковний і освітній діяч України. Засновник Києво-Могилянської колегії, згодом київської академії.

⁵ Дмитрій Ростовський (Туптало Данило; 1651—1709) — український і російський письменник, церковний і культурний діяч, митрополит ростовський. Автор популярної чотиритомної «Четей-Міней».

⁶ Баранович Лазар (бл. 1620—1693) — український церковний, політичний, освітній діяч і письменник. Певний час виконував обов'язки київського митрополита, організував друкарню в Новгороді-Сіверському. Виступав за збереження політичної автономії України у складі Росії.

⁷ Прокопович Феофан (1681—1736) — український і російський письменник, учений, культурний діяч. Будучи ректором Києво-Могилянської академії, відіїхав до Петербурга, де за дорученням Петра I фактично став очолювати православну церкву.

⁸ За відсутністю кращого (фр.).

⁹ Міклозич Франц Ксавер (1813—1891) — австрійський філолог-словівіст, словенець за походженням. Визнавав самобутність української мови.

¹⁰ Шлейхер Август (1821—1868) — німецький мовознавець, один із засновників порівняльно-історичного мовознавства, чл.-кор. Петербурзької АН (1858). Автор «Компендіума порівняльної граматики індогерманських мов» (1861).

¹¹ Ламанський Володимир Іванович (1883—1914) — російський учений-словівіст. Автор праці «Об изучении греко-славянского мира в Европе» (1870). Засновник цілої школи словівістів у Росії.

¹² Срезневський Ізмайл Іванович (1812—1880) — російський і український філолог, словівіст, історик, палеограф. Спочатку у статті «Погляд на пам'ятки української народної словесності» (1834) обстоював незалежність української мови, згодом визнавав її наріччям російської. Упорядник «Украинского альманаха», «Запорожской старины».

¹³ Лавровський Микола Олексійович (1825 або 1827—1899) — російський вчений-словівіст, автор праці «Про візантійський елемент у мові договорів руських з греками» (1853).

¹⁴ Максимович Михайло Олександрович (1804—1873) — український вчений-історик, фольклорист, етнограф, літературознавець, перший ректор Київського університету. Драгоманов присвятив йому свою статтю «М. А. Максимович: Его литературное и общественное значение» («Вестник Европы». 1874, Кн. 3. С. 442—453).

¹⁵ Головацький Яків Федорович (1814—1888) — український поет, історик, етнограф, фольклорист. Упорядник цінного збірника «Народні пісні Галицької і Угорської Русі» (В 4 кн. М., 1878). Після еміграції зі Львова (1867) — голова Віленської археографічної комісії.

¹⁶ Бодянський Осип Максимович (1808—1877) — український та російський філолог, історик, письменник і перекладач, професор кафедри історії літератури слов'янських наріч у Московському університеті, редактор «Чтений Московского общества истории и древностей российских».

¹⁷ Костомаров Микола Іванович (1817—1885) — український і російський історик, етнограф, письменник. Один із засновників Кирило-Мефодіївського братства. Автор численних історичних монографій з історії України та Росії (див. зокрема: Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобіография. 2-е изд. К., 1990). Костомаров рецензував ряд праць М. Драгоманова, нерідко з ним полемізуючи; в свою чергу, Драгоманов опублікував біографічний нарис «Микола Іванович Костомаров» (Світ. 1881. № 1—2).

¹⁸ Буслاءв Федір Іванович (1818—1897) — російський філолог і мистецтвознавець, академік Петербурзької АН (з 1860 р.). Фольклористичні праці 70-х років, зокрема «Мандрівні повісті і оповідання» (Рус. вестн. 1874. № 4; 5), які засвідчили відхідченого від міфологічної школи до теорії взаємного літературного спілкування між народами, позначились на працях М. Драгоманова. Уклав «Историческую хрестоматию церковнославянского и древнерусского языков» (М., 1861).

¹⁹ Цитата із відгуку В. Белінського на «Древние российские стихотвор-

рения, собранные Киршею Даниловым» (див.: Собр. соч.: В 10 т. М., 1979. Т. 4. С. 180).

²⁰ Тобто у «Збірнику українських пісень» (К., 1849).

²¹ Йдеться про відому фольклорно-історичну збірку «Записки о Южной Руси» (В 2 т. СПб., 1856—1857), укладену і видану Пантелеімоном Кулішем. У ній вміщено ряд переказів, легенд, історичних дум і пісень поруч з описом середовища, де ці твори побутували.

²² Тобто «Малорусский литературный сборник», виданий Данилом Лукичем Мордовцем (1830—1905), майбутнім українським і російським письменником, автором численних історичних романів, активним діячем української колонії у Петербурзі. У збірнику були опубліковані фольклорні записи М. Костомарова, здійснені ним на Волині.

²³ Шишацький-Ілліч Олександр Васильович (1828—1859) — український поет і етнограф, редактор неофіційної частини «Черніговских губернских ведомостей».

²⁴ Мокоша — давньоруська богиня плодючості, «мати урожаю» (див.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 437—446).

²⁵ Тобто з використанням таких джерел, як «Короткі географічні, політичні та історичні відомості про Малу Росію» (СПб., 1773), «Короткий літопис Малої Росії з 1506 по 1770» (СПб., 1777) Василя Григоровича Рубана (1742—1795), українського і російського письменника, та «Історії русів», приписаної Георгію Кониському (1717—1795), українському письменнику, білоруському архієпископу. Перше видання «Історії русів» здійснено О. Бодянським під титулом «Сочиненія Георгія Кониского» (М., 1846).

²⁶ «Чтения Московского общества истории и древностей» — точна назва: «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских».

²⁷ Погодін Михайло Петрович (1800—1875) — російський історик, письменник, журналіст, публіцист. Послідовник норманізму в історичних концепціях, заперечував факт самобутності українського народу. Зібрав велике архівосховище.

²⁸ Стасов Володимир Васильович (1824—1906) — російський музикальний і художній критик; з приводу його поглядів на можливе походження билин Драгоманов написав статтю-рецензію «Новий погляд на великоруський богатирський епос Влад. Стасова» (Правда. 1869. № 26—31).

²⁹ Гірей-Менглі (пом. 1515) — кримсько-татарський хан (1468—1515), який підтримував дружні взаємини з урядом Івана III і вів постійні війни з Польщею та Литвою, у 1482 р. його орда зруйнувала Київ.

³⁰ Йдеться про «Початкове, або Києво-Печерське зведення 1097 р.», що становило основу «Повіті временних літ» і звідки починались «Лаврентіївський літопис» (1116) та «Іпатіївський літопис», до останньої входив як складова частина «Київський літопис» про події з 1111 по 1200 р.; також про другу частину «Галицько-Волинського літопису» (бл. 1290), де використані князівська хроніка, літопис про литовських князів та антитатарські розповіді (див.: Літопис руський / За Іпатським списком переклав Леонід Махновець. К., 1989).

³¹ Йдеться про так званий «Густинський літопис» поч. XVII ст., який містить виклад історії України з часів Київської Русі до 1597 р., засновується на численних історичних джерелах.

³² Длугош Ян (1415—1480) — давньопольський історик, автор величезної «Historica polonica», цінної пам'ятки середньовічної історіографії, де широко використано архіви різних країн.

³³ Кромер Мартін (1512—1589) — польський письменник, автор полемічних антипротестантських видань, зокрема «De origine et rebus gestis polonorum libri XXX» (Базель, 1555).

³⁴ Гвагніні (у Драгоманова: Вагнини.) Александрі (1538—1614) — польський історик, з походження італієць; автор, очевидно, разом із М. Стрийковським, книги «Хроніка Європейської Сармації» (Краків, 1611).

³⁵ Білозерський Микола Михайлович (1833—1896) — український фольклорист і етнограф, редактор «Черниговских губернских ведомостей», видавець зб. «Южнорусские летописи» (К., 1856. Т. 1), автор цінних спогадів про Шевченка.

³⁶ «Синопсис» («Київський синопсис») — перший узагальнений нарис з історії України і Росії, перше видання якого у Києві (1674) здійснив архімандрит Гізель Іннокентій.

³⁷ Лібели — пасквілі (від анонімних заяв, переважно доносів, до суду у римлян).

³⁸ Скорина Франциск (Георгій) (бл. 1485 — бл. 1550) — білоруський першодрукар, громадський і культурний діяч. У заснованій ним 1517 р. у Празі друкарні видав білоруською мовою Псалтир і Біблію.

³⁹ Фіоль Швайпольт (бл. 1460—1526) — першодрукар церковно-слов'янських книг кирилицею (Краків, 1483—1491).

⁴⁰ Будний Симон (бл. 1530—1593) — білоруський культурно-освітній діяч, один із керівників реформаційного руху у Білорусії та Литві. Виступав проти церковного догматизму, проти ігнорування рідної мови в писемності.

⁴¹ Федоров Іван (бл. 1525—1583) — російський першодрукар, один із засновників книгодрукування на Україні. Створив Львівську (1573) та Острозьку (1581) друкарні.

⁴² Ходкевич Григорій (пом. 1542) — литовський гетьман, у маєтку якого в Заблудові (нині Мінської обл.) І. Федоров і П. Мстиславець надруковували «Евангеліє учительне» (1569) і «Псалтир» (1570).

⁴³ Поцій (Потій) Інатій (1541—1613) — київський греко-католицький (уніатський) митрополит (1600—1613), один із організаторів Брестської церковної унії (1596).

⁴⁴ «Апокрисис» — полемічний щодо Брестської церковної унії 1596 р. та папства твір Філалета Христофора, українського письменника 2-ї пол. XVI — поч. XVII ст. Висловлювалось припущення, що під цим псевдонімом ховався польський письменник Христофор Броневський (перекручено — М. Бронський).

⁴⁵ Тобто Івана Вишенського (нар. між 1545—1550 — помер 1620) — українського письменника-полеміста, автора численних посланій, в тому числі «Краткословного отвѣта Петру Скарзіє».

⁴⁶ «Акты Южной и Западной Руси» — видання матеріалів переважно з історії України та Білорусії XIV—XVII ст., здійснене Археографічною комісією (СПб., 1863—1892). Редактором більшості томів був М. Костомаров.

⁴⁷ Александр VI (в миру Родріго Борджія; бл. 1431—1503) — пapa римський з 1492 р.

⁴⁸ Лев X — пapa римський в 1513—1521 рр.

⁴⁹ Йдеться про Людовіка XVI (1754—1793) — французького короля (1774—1792) з династії Бурбонів. Під час народного повстання був засуджений за контрреволюційні дії.

⁵⁰ Макіавеллі Нікколо (1469—1527) — знаменитий італійський політичний письменник.

⁵¹ Цвінглі Ульріх (1484—1531) — швейцарський церковний реформатор і політичний діяч, ідеолог одного з найрадикальніших напрямів у протестантизмі — цвінгліанства.

⁵² Савонаролла Джіроламо (1452—1498) — італійський релігійно-політичний реформатор, проповідник ідей аскетизму, республіканського правління під зверхністю папи. Страчений після звинувачення в ересі.

⁵³ Лютер Мартін (1483—1546) — діяч церковної Реформації у Німеччині, який проголосував врятування душі через особисту віру, дещеву церкву, секуляризацію церковного майна.

⁵⁴ Скарга (Павенський) Петро (1536—1612) — польський політичний діяч, ксьондз-езуїт. Користуючись підтримкою короля Сигізмунда III, сприяв посиленню католицизму в Польщі і прийняттю Брестської унії 1596 р.

⁵⁵ Смотрицький Мелетій Герасимович (бл. 1578—1663) — український письменник-полеміст, філолог, церковний і освітній діяч. Автор першої української граматики (1618). Виступаючи проти Брестської церковної унії, видав ряд полемічних творів, згодом прийняв греко-католицьку віру.

⁵⁶ Самойлов Олександр Миколайович (1744—1814) — російський державний діяч, командував таврійським армійським корпусом, згодом генерал-прокурор і державний скарбник.

⁵⁷ Бунт Косинського — перше велике селянсько-козацьке повстання на Україні під проводом гетьмана Криштофа Косинського (1591—1593). Почавшись із його особистого невдоволення утисками польсько-шляхетської влади, воно переросло в широкий протест народних мас проти польського за-силля на Україні.

⁵⁸ Сагайдачний (Сагайдачний-Конашевич) Петро Кононович (пом. 1622) — гетьман українського реєстрового козацтва. Під його керівництвом було здійснено успішні походи проти султанської Турції і Кримського ханства.

⁵⁹ Борецький Іов (пом. 1631) — український церковний, політичний і освітній діяч. Перший ректор Київської братської школи, київський православний митрополит (1620—1631).

⁶⁰ Адріан (1636—1700) — останній всеросійський патріарх.

⁶¹ Довгалевський Митрофан — український письменник XVIII ст. Автор ряду драм та курсу поетики.

⁶² «Летопись Самовидца о войнах Хмельницкого» — український козацько-старшинський літопис XVII ст., де широко показана народно-визвольна війна 1648—1654 рр., стверджується ідея автономії України. «Літопис Самовидця» уперше підготував до друку і видав член Київської громади О. І. Левицький. Його авторство приписують генеральному підскарбю Романові Ракушці-Романовському (1623—1703).

⁶³ Йдеться про щоденник, який, за припущеннями С. Величка, нібито уклав секретар Богдана Хмельницького Зорка Самійло. Радянські вчені твердять про міфічність цієї особи (див.: Петровський М. Н. Псевдо-Діаруш Самійла Зорки. К., 1928).

⁶⁴ «Сказание о войне казацкой» — перша частина чотиритомного козацько-старшинського літопису Величка Самійла (помер після 1728). У ній використано козацькі літописи про події 1648—1659 рр., іноземні хроніки С. Окольського, С. Пуффендорфа та інші джерела.

⁶⁵ Грабянка Григорій Іванович (пом. бл. 1738) — український козацький літописець. Будучи гадяцьким полковником, клопотався про повернення Україні автономії. Автор великого літописно-історичного твору «Действия пресельной и от начала поляков кровавшей небывалой браны Богдана Хмельницкого, гетмана Запорожского, с поляки... Року 1710».

⁶⁶ Тут ідеться про десятитомний щоденник українського мемуариста Марковича Якова Андрійовича (1696—1770), який обнімає період 1717—1767 рр. Виданий частково під назвою «Щоденні записки генерального підскарбя Якова Андрійовича Марковича» (М., 1959. Ч. 1—2).

⁶⁷ «Диариуш» Ханенка — щоденні записи представника української старшини Миколи Даниловича Ханенка (1691—1760), онука гетьмана Правобережної України, які написані на підставі особистих вражень автора у Москві 1722 р.

⁶⁸ «История русов» — історичний твір, написаний досі не встановленим автором у кінці XVIII — на поч. XIX ст. Відбиваючи історичні події з найдавніших часів до 1769 р., цей твір був позначений ідеєю автономізму України і європейського республіканізму. Ця видатна літературна пам'ятка мала величезний вплив на Пушкіна, Гребінку, Гоголя, раннього Куліша, Костомарова, Шевченка.

⁶⁹ Пуффендорф Самуель фон (1632—1694) — німецький правознавець та історик. Будучи з 1677 р. державним шведським історіографом, включав

у свої праці відомості про визвольну війну на Україні в 1648—1654 рр. Розвивав ідею природного права.

⁷⁰ *Полетика Василь Григорович* (1765—1845) — збирач документальних матеріалів з історії України XVI—XVIII ст. О. М. Лазаревський припускає думку про його участь у створенні «Історії русів».

⁷¹ *Румянцевський опис Малоросії, або Генеральний опис Малоросії* — перепис 1765—1769 рр. населення і господарства Лівобережної України з метою запровадження підвищеного оподаткування. Його матеріали нині зберігаються в Центральному державному історичному архіві (далі: ЦДІА) УРСР у м. Києві та рукописному відділі ЦНБ АН УРСР.

⁷² *Чепа Андріан Іванович* (1760 — бл. 1822) — колекціонер документів з історії України. Служачи в канцелярії малоросійського губернатора П. О. Румянцева, зібрав великий архів, у більшості згодом втрачений.

⁷³ *Шафонський Опанас Филимонович* (1740—1811) — історик, статистик, етнограф, лікар, автор «Чернігівського намісництва топографічний опис з коротким географічним і історичним описом Малої Росії, з частин якої це намісництво складено» (К., 1851).

⁷⁴ *Лазаревський Олександр Матвійович* (1834—1902) — український історик. Досліджував історію Лівобережної України. Здійснив ряд важливих документальних публікацій («Щоденник генерального підскарбія Якова Марковича», К., 1893—1897. Вип. 1—3 та ін.).

⁷⁵ *Симоновський Петро Іванович* (1717—1809) — український історик. Автор «Краткого описания о казацком малороссийском народе и о военных его делах», виданого О. Бодянським (М., 1847), де обстоював політичну автономію України.

⁷⁶ *Бантиш-Каменський Дмитро Миколайович* (1788—1850) — російський і український історик і археограф. Автор «Істории Малой России» (В 4 т. М., 1822), багатого фактичним матеріалом «Словаря достопамятных людей Российской земли» (В 5 ч. М., 1836).

⁷⁷ *Рігельман Олександр Іванович* (1720—1789) — російський історик, військовий інженер, топограф. Автор компілятивного «Летописного повествования о Малой России и ее народе и козаках вообще...» (В 4 ч. М., 1847).

⁷⁸ *Міллер Орест Федорович* (1833—1889) — російський літературознавець, фольклорист, професор Петербурзького університету. У праці «Ілья Муромец и богатырство киевское» відчутний вплив міфологічної теорії. Драгоманов полемізував із положеннями його доповіді «О великорусских былинах сравнительно с малорусскими думами», виголосленими на археологічному з'їзді у Києві (див.: Києвлянин. 1874. № 109). Пізніше він доповинив лекції Міллера «Русская литература после Гоголя (за исключением демократической)» своєю статтею «Т. Г. Шевченко» (Неделя. 1874. № 37).

⁷⁹ *Археографічна комісія в Києві* (або Тимчасова комісія для розгляду давніх актів у Києві) — наукова установа, створена 1843 р. при канцелярії кіївського, подільського й волинського генерал-губернатора. Вона видала ряд цінних джерел з історії України.

⁸⁰ Після поразки повстання Косинського Северин Наливайко (пом. 1597) у 1594—1596 рр. об'єднав навколо себе селян та козаків і зробив ряд походів у Молдавію проти турків та на Волинь і Білорусію — проти польського коронного війська. Під час облоги повсталих поблизу Лубен незадоволена старшина видала Наливайка гетьманові Жолкевському.

⁸¹ *Братковський Данило* (пом..1702) — український громадський діяч і письменник. За виступи проти ополячення та покатоличення українського населення, за підтримку антишляхетського визвольного руху був замучений польською шляхтою у Луцьку.

⁸² *Палій (Гурко) Семен Пилипович* (в 40-х рр. XVII ст.— 1710) — фастівський полковник, керівник визвольної боротьби проти польської шляхти (кін. XVII — поч. XVIII ст.).

⁸³ *Немирич Юрій* (пом. 1659) — високоосвічений український шляхтич. Разом із Виговським був ініціатором укладення Гадяцького договору.

⁸⁴ *Виговський Іван Остапович* (пом. 1664) — гетьман України (1657—1659). Очолив шляхетсько-старшинську верхівку, яка дотримувалася пропольської орієнтації. Не чужий амбіцій і корисливості. Використовуючи антиросійські настрої окремих старшин, Виговський уклав із польським королем Гадяцький договір (1658), який містив важливі пункти щодо автономії України, хоча й не зреалізованої в тих умовах. Неприязнь Виговського до Москви і до простолюду стала причиною народного повстання.

⁸⁵ *Гізель Інокентій* (1600—1683) — український освітній і церковний діяч, історик. Був ректором Києво-Могилянської колегії (з 1645 р.), архімандритом Києво-Печерської лаври (з 1656 р.).

⁸⁶ *Кримське ханство* — татарська феодальна держава на території Кримського півострова, пониззя Дніпра, Приазов'я і Прикубання у 1449—1783 рр., яка проводила здебільшого протурецьку політику і спустошувала українські і російські землі.

⁸⁷ *Султанська Турція* загарбала *Кам'янець* (*Кам'янець-Подільський*) у 1672 р. і повернула його шляхетській Польщі 1699 р. в результаті поразки у війні з Росією, Австрією, Польщею та Венецією.

⁸⁸ *Свирговський* (*Свірчевський*) *Іван* (пом. 1574) — український гетьман, який разом із молдавським господарем Івоном вів збройну боротьбу проти турків, визволив частину Валахії, але внаслідок зради бояр потрапив у полон і загинув.

⁸⁹ Цебто «Русалка Дністрова».

⁹⁰ *Чалий Сава* (пом. 1741) — полковник надвірного війська магнатів Потоцьких у Немирові. Переїшов під час повстання гайдамаків на їх бік, згодом присягнув на вірність польсько-шляхетському урядові, за що був скарнаний гайдамаками.

⁹¹ *Калниш* (*Калнишевський*) *Петро Іванович* (бл. 1690—1803) — останній кошовий Запорізької Січі. Здібний воєначальник, він, хоча й скорився указу Катерини II про зруйнування Січі, був ув'язнений у Соловецькому монастирі.

⁹² *Кішка Самійло* (пом. 1602) — гетьман українського реєстрового козацтва (1599—1602). Після майже 25-річного турецького полону організував повстання невольників і, вирвавшись з неволі, повернувся на Україну. Цей факт осіпавший у народній думі. Згодом гетьман Кішка водив козаків у похід до Молдавії (1600) та до Лівонії (1601—1602).

⁹³ Йдеться про засновані козаками монастирі: Межигірський у Києві та Трактемирівський (Трехтимирівський) під Каневом.

⁹⁴ *Підкова Іван* (пом. 1578) — молдавський господар (1577—1578). Бувши свого часу запорізьким козаком, спираючись на козацькі загони, вів антитурецьку політику. Підступно захоплений у Немирові і страчений за наказом польського сейму у Львові. Виведений у народній думі в образі Серп'яги.

⁹⁵ *Кумівщина* — бій між селянсько-козацькими повстанцями під проводом Павлюка і польсько-шляхетським військом польного гетьмана М. Потоцького під селом Кумейками (нині Черкаського р-ну Черкаської області) 6 (16) грудня 1637 р.

⁹⁶ *Бібіков Дмитро Гаврилович* (1792—1870) — російський державний діяч, київський військовий губернатор (1837—1852), київський, подільський і волинський генерал-губернатор, міністр внутрішніх справ (1852—1855). За його участю було розгромлено Кирило-Мефодіївське товариство, велися політика на зменшення польського впливу на Правобережній Україні, проведено інвентарну реформу 1847—1848 рр.

⁹⁷ *Шульгін Яків Миколайович* (1851—1911) — український історик. Автор праць з історії Лівобережної України 2-ї пол. XVII—XVIII ст. та з історії Коліївщини. Давав копти М. Драгоманову на видання «Громади».

⁹⁸ «Киевлянин» — літературно-політична газета Південно-західного краю, яка виходила в 1864—1918 рр. у Києві і здебільшого займала реакційні позиції щодо українського питання, хоча й публікувала окремі виступи А. Свидницького, М. Лисенка, І. Нечуя-Левицького.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ МАЛОРОУССКОГО НАРОДА С ОБЪЯСНЕНИЯМИ ВЛ. АНТОНОВИЧА И М. ДРАГОМАНОВА

Предисловие

Вперше надруковано як передмову до двотомного збірника «Исторических песен малорусского народа» (К., 1874, т. 1, с. I—XXIV). Цenzурний дозвіл 10 серпня 1874 року.

На спільну працю М. Драгоманова і В. Антоновича з'явились численні відгуки, зокрема видатних вітчизняних і зарубіжних славістів (М. Костомарова, Ол. Веселовського, В. Ягича, Б. Хаджеу, А. Рембо, У. Рольстона, В. К. Морфіла), а сама вона була відзначена Уваровською премією. До зібрань творів не включалася.

Подається за першодруком.

¹ Антонович Володимир Боніфатійович (1834—1908) — український історик, археолог, етнограф, громадський діяч. Входив до складу гуртка «хлопоманів» у Київському університеті, згодом був активним членом Київської громади і місцевого відділу Географічного товариства, головою Товариства Нестора-літописця (з 1881 р.). Був у близьких взаєминах із Драгомановим, який офіційно опонував магістерську дисертацію Антоновича «Последние времена казачества на правой стороне Днепра». Згодом їхні відносини погіршилися на грунті розходження у поглядах на проблему подальшого правового і культурного розвитку України, її взаємин з Росією та Заходом тощо (див., зокрема, лист М. Драгоманова до В. Антоновича від 10 вересня 1885 р. (Архів Михайла Драгоманова. Варшава, 1938. С. 30—42).

² Цертелев (Церетелі) Микола Андрійович (1790—1869) — український і російський фольклорист, упорядкував і видав збірку «Опыт собрания стаинных малороссийских песен» (СПб., 1819) із записами 12 дум.

³ Лукашевич Платон Якимович (бл. 1806—1887) — український фольклорист і етнограф, видавець збірки «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни» (СПб., 1836).

⁴ Метлинський Амвросій Лук'янович (1814—1870) — український поет-романтик, видавець, упорядник збірки «Народные южнорусские песни» (1854), яку високо оцінив М. Драгоманов. Це одне з найповніших зібрань народних дум та історичних пісень середини XIX ст.

⁵ Йдеться про «Малороссийский литературный сборник» (Саратов, 1858), укладений Д. Мордовцем здебільшого із матеріалів, зібраних М. Костомаровим у 40-х рр. XIX ст. на Волині.

⁶ Вацлав з Олеська (літ. псевдонім Залеського Вацлава Міхала; 1799—1849) — польський фольклорист, упорядник двотомної збірки «Польські та українські пісні галицького люду» (Львів, 1833).

⁷ Паулі Жегота (1814—1895) — польський фольклорист, історіограф, видавець двотомного збірника «Пісні українського люду в Галичині» (Львів, 1838—1840), де були, як аргументовано довів М. Возняк, використані чужі фольклорні записи.

⁸ Шашкевич Маркіян Семенович (1811—1843) — один із засновників нової української літератури в Галичині, у впорядкованому гуртком «Руська триця» альманасі «Русалка Дністрова» (Будим, 1837) містилися і фольклорні твори.

⁹ *Маркевич Микола Андрійович* (1804—1860) — український поет-романтик, історик, етнограф. Автор компілятивної, з чималим додатком документів «Істории Малороссии» (В 5 т. М., 1842—1843), книги «Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян» (К., 1860) та ін.

¹⁰ *Нос (Hic) Степан Данилович* (1829—1900) — український фольклорист, етнограф, письменник, лікар за фахом, член Чернігівської громади.

¹¹ Очевидно, тут йдеться про одного з активних добровільних кореспондентів Південно-Західного відділу Російського географічного товариства.

¹² *Новицький Іван Петрович* (1844—1890) — київський журналіст, фольклорист, член Старої громади.

¹³ *Чубинський Павло Платонович* (1839—1884) — український етнограф, автор фундаментальної праці «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край» (В 7 т. Пб., 1872—1879).

¹⁴ *Синицький Дмитро Олександрович* — учитель київських гімназій, член Київського відділу Географічного товариства (70-ті роки).

¹⁵ *Штангеєв* — український фольклорист, чиї записи народних пісень у 70-х рр. публікувалися в «Київських губернских ведомостях».

¹⁶ *Андрієвський Митрофан Олександрович* (1840—1887) — український педагог, філолог, член Київської громади з початку її заснування.

¹⁷ *Рудченко Іван Якович* (1845—1905) — український фольклорист, критик і письменник, співавтор роману «Хіба ревуть воли, як ясла повні?», виданого М. Драгомановим у Женеві. Упорядник збірок «Народні південноросійські казки» (1868, 1870), «Чумацькі народні пісні» (1874).

¹⁸ *Рудченко Опанас Якович* — Панаś Мирний.

¹⁹ *Лоначевський-Петруняка Олександр Іванович* (нар. 1841) — український фольклорист, інспектор Олександровської ремісничої школи на Подолі (Київ). Очолював комісію Старої громади по укладанню словника. Див.: Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. С. 376—378.

²⁰ *Судовщиков Євген Олександрович* (1830—1869) — учитель географії 2-ї київської гімназії, приятель М. Драгоманова.

²¹ *Ільницький Лука Васильович* — член Старої громади і київського відділу Географічного товариства, власник книгарні, бібліотеки і друкарні, де друкувались у 70-х роках видання Громади.

²² *Русов Олександр Олександрович* (1847—1915) — український земський статистик, фольклорист, етнограф, діяч Київської і Чернігівської громад.

²³ *Залюбівський Григорій Антонович* (1836—1898) — український етнограф, член Катеринославського окружного суду.

²⁴ *Лободовський Михайло* — учитель на Катеринославщині, звільнений з роботи за українофільство, емігрував, у Женеві був складачем у друкарні Драгоманова. Переклав на українську «Тараса Бульбу».

²⁵ Можливо, це Марія Ганенко, авторка статті «Семейно-имущественные отношения крестьянского населения в Елисаветградском уезде» (альманах «Сніп», 1886), можливо, Є. А. Ганенко, автор допису у журн. «Древняя и новая Россия» (1875. № 6).

²⁶ *Симашевич Митрофан Васильович* (1845—1910) — священик, автор історико-археологічних і історико-етнографічних розвідок з життя Поділля.

²⁷ *Бучинський Мелітон Йосипович* (1847—1903) — український фольклорист, етнограф, громадський діяч. Листувався з М. Драгомановим (див.: Переписка М. Драгоманова з М. Бучинським. 1871—1877 / Зладив М. Павлик. Л., 1910).

²⁸ *Білинський Петро* — збирач фольклору, кореспондент М. Драгоманова та І. Франка або *Білінський М. І.*, дописувач із Києва.

²⁹ *Ліліенкрон Рокус Фрайгер* (1820—1912) — німецький філолог, професор Кільського та Іенського університетів, видавець «Історичних народних пісень німців від XIII до XVII століття» (1865—1869).

³⁰ *Рюриковичі* — давньоруська князівська династія, яка походила від київського великого князя Ігоря, сина легендарного Рюрика.

³¹ Гедиміновичі — династія великих литовських князів, яка походила від Гедиміна (пом. 1341), глави Великого Литовського князівства (1316—1341), у складі якого тривалий час перебували деякі українські землі.

³² Пітре Джузеппе (1843—1916) — італійський фольклорист. Видав «Бібліотеку сіцілійських народних переказів» (В 25 т. 1870—1913).

³³ Барська конфедерація — військово-політичне об'єднання польської панівної верхівки у Барі на Поділлі (1768—1772) з метою протистояння впливу російського уряду на королівську політику та розширення прав шляхти і католицької церкви. Спрямована передусім проти українського населення, ця конфедерація викликала Колівщину.

³⁴ Йдеться про статтю М. Драгоманова, яка вміщена у цьому виданні.

³⁵ Данило Галицький (1201—1264) — князь Галицько-Волинської землі. Проводив політику на об'єднання руських земель, успавився перемогами над німецькими рицарями (1238), угорсько-польським військом (1245), порівняно незалежною політикою щодо Золотої Орди.

³⁶ Ольгерд (пом. 1377) — великий князь литовський (1345—1377) із династії Гедимінів. Розгромивши васалів Золотої Орди, розширив свої володіння за рахунок українських земель. Вів боротьбу проти централізації московської влади.

³⁷ Тут, очевидно, йдеться про Вітовта (1350—1430) — великого князя литовського (з 1392), який, зміцнюючи свою владу, ліквідував удільні князівства на руських землях і згодом вигнав татар за межі Придніпров'я. Він розширив межі держави аж до Чорного моря і успавився своєю перемогою у Гріонвальдській битві (1410).

³⁸ Буджацька (Білгородська) орда — татарська орда, що кочувала між гирлами Дунаю та Дніпра і вчинювала напади на українські землі.

³⁹ Створити достовірну історію народних пісень Бретані (фр.).

⁴⁰ Підробку цієї «Думы-сказания о морском походе старшего князя-язычника в христианскую землю», опубліковану П. Кулішем в «Записках о Южной Руси», довів М. Костомаров у своему дослідженні «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества» (Беседа. 1872. № 12. С. 33—38).

⁴¹ Баторій Стефан (1533—1586) — семиградський (трансільванський) князь (1571—1576), польський король (з 1576). Намагався ліквідувати Запорізьку Січ (1578), а напередодні війни з Росією дещо збільшив козацьке військо. Після підписання з нею перемир'я у 1582 р. проводив посилену полонізацію Лівобережної України.

⁴² Цитата із видання: Буслаев Ф. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861.

⁴³ Йдеться про видання: Галахов А. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1863. Т. 1.

Галахов Олексій Дмитрович (1807—1892) — російський історик літератури, критик.

⁴⁴ Кравчина — так називалися гайдамацькі загони, зокрема загін Гната Голого, який діяв у Чорному лісі (верхів'я р. Інгул) і який захопив Чигирин, Таращу, Умань.

⁴⁵ «Вестник Западной России» — щомісячний політичний та історико-літературний журнал промонархічного спрямування, який у 1862—1871 рр. виходив у Вільні (як продовження «Вестника Юго-западной и Западной России»).

⁴⁶ Гильдебрандт Петро Андрійович (1840—1905) — російський археограф, етнограф, фольклорист і історик. Під його наглядом виходили праці П. П. Чубинського. У виданому ним «Сборнике памятников народного творчества в Северо-западном крае» (Вільно, 1871) відбились шовіністичні настанови упорядника.

⁴⁷ Коялович Михайло Йосипович (1828—1891) — російський письменник, історик, обіймав кафедру цивільної російської історії в Петербурзькій

духовній академії. Автор праць «Литовская церковная уния» (в 2 т., 1859—1862); «Лекции по истории Западной России» (1864) та ін., написаних з позицій слов'янознавства.

⁴⁸ *Безсонов Петро Олексійович* (1828—1898) — російський фольклорист, славіст. З 1879 р. завідував кафедрою слов'янських наріч Харківського університету. Видав праці, присвячені російській старовині, народній, зокрема епічній, поезії.

⁴⁹ *Ржеувуський (Жевуський) Вацлав* (1765—1881) — польський консервативний діяч, поміщик, який у власному маєтку заснував школу лірників-торбаністів.

⁵⁰ *Стецький Тадеуш Єжи* (1833—1888) — польський письменник, автор етнографічно-статистичної праці «Волинь із статистичного, історичного та археологічного погляду» (1864).

⁵¹ Очевидно, йдеться про Василя Гнатовича Пероговського (1830—1881) — судового слідчого і мирового суддю на Волині, який друкував у «Волинських губернських ведомостях» статті з етнографії, археології та історії.

⁵² *«Атенеум»* — краєзнавчий науковий і літературний журнал, який виходив у Вільні (1841—1851) за редакцією Й. І. Крашевського.

⁵³ *Гатцук Микола Олексійович* — український фольклорист і мовознавець 2-ї пол. XIX ст., видавець збірки «Ужинок рідного поля» (1857).

ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ НАУКИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Вперше надруковано в «Журнале Министерства народного просвещения» (1874, № 10, с. 152—181).

Подается за перводруком.

¹ *Кадм Мілетський* (VI ст. до н. е.) — родонаочальник літературної прози, історик. Його вважають автором праці «Історія Мілете і всієї Іонії» (у 4 кн.).

² *Ферекід Сірський* (із Сіроса) — жив, найімовірніше, у середині VI ст. до н. е., автор космологічних творів, в основі яких — думка про те, що світова будова є наслідком божественної дії на земне.

³ *Акузілай (Акусілай) Аргоський* — один з найдавніших грецьких логографів. Виписки з його праць були вміщені у виданні Мюллера «Фрагменти грецької історії» (Париж, 1841).

⁴ *Логографи* — традиційна назва перших грецьких істориків.

⁵ *Гекатей Мілетський* (бл. 545—480 до н. е.) — грецький історик, географ і мандрівник. Автор творів «Генеалогія» (шляхетських грецьких родів) і «Землеопис» (країн Європи та Азії).

⁶ *Скілак із Каріанд* — грецький мореплавець і географ. У VI ст. до н. е. за дорученням персидського царя Дарія I здійснив експедицію вверх по Інду, персидському і арабському узбережжю. Його працями (на сьогодні втраченими) користувалися Гекатей і Геродот. До нашого часу дійшли відомості про Періпла (Псевдо-Скілака), пізнішого автора (IV ст. до н. е.), який свою працю про плавання по Середземному морю підписав іменем *Скілак*.

⁷ *Геродот* (бл. 484—425 до н. е.) — давньогрецький історик, автор дев'яти книг «Історії». Вважається «батьком історії».

⁸ *Аристей (Аристій)* — легендарний грецький письменник (VII ст. до н. е.) з Проконнеса.

⁹ *Свідас (Свіда)* — грецький лексикограф (Х—XI ст.).

¹⁰ *Крез* — лідійський цар VI ст. до н. е.

¹¹ *Kip II Великий (Старий)* — царював 558—529 рр. до н. е.; заснував Персидську державу.

¹² *Манефон* (1-ша пол. III ст. до н. е.) — єгипетський жрець та історик, який писав грецькою мовою. Найбільш значна праця «Історія Єгипту» була присвячена періоду від міфічної до історичної епохи до 30-ї династії (343 р. до н. е.).

¹³ *Бероз* (III ст. до н. е.) — жрець Вавілону. Написав для царя Антіоха I історію Вавілонії грецькою мовою, від якої збереглися лише окремі фрагменти.

¹⁴ *Філон* (*Філон Вівльський*) — письменник-еллініст (I ст. до н. е.).

¹⁵ *Санхуніатон* (*Санхуніафон*) — давньоіндійський мудрець, жрець і письменник, який жив у Тірі до Троянської війни (бл. 1260 до н. е.).

¹⁶ *Менандр* (бл. 343—291 до н. е.) — давньогрецький комедіограф. До нашого часу дійшли фрагменти його комедій, повністю — «Відлюдник».

¹⁷ *Пелопоннеська війна* — серія війн за панування в Греції між демократичними Афінами і олігархічною Спартою у 431—404 рр. до н. е.

¹⁸ *Пунічні війни* — загальна назва трьох війн Риму проти карфагенян: 1-ша Пунічна війна — 264—241 рр. до н. е.; 2-га — 218—201 рр. до н. е.; 3-тя — 149—146 рр. до н. е.

¹⁹ *Тацит* (бл. 55 — бл. 120 рр. н. е.) — великий римський історик. Основні праці: «Історія», «Аннали», «Життя і характер Юлія Агріколи», «Німеччина» та ін. М. П. Драгоманов присвятив йому свою магістерську дисертацію «Питання про історичне значення Римської імперії і Таціт» (1870).

²⁰ *Ювенал* *Децім Юній* (60—127) — римський поет.

²¹ *Аристотель* (384—322 до н. е.) — давньогрецький філософ і вчений-енциклопедист.

²² *Полібій* (бл. 200—120 до н. е.) — давньогрецький історик із Мегалополісу. Автор книги «Всесвітня історія» (в 40 т., збереглися повністю перші п'ять).

²³ *Юліан Сальвій* (II ст. н. е.) — римський юрист. Йому належить 90 книг «Дигест», з яких збереглися лише цитати в пізніших юридичних творах.

²⁴ Мова йде про енциклопедію греко-римських старожитностей Даранбера і Сальо в 5 т. (1877—1917) — довідкове видання з історії античної культури, головним чином, з питань державно-правових відносин, матеріальної культури, мистецтва та історії релігії. Досі не втратило свого значення.

²⁵ *Ізіда* — єгипетська богиня материнства, яка керувала людськими долями. У Римі їй було споруджено храм під іменем Ісіди Кампейської.

²⁶ *Cerapic* — бог родючості, підземного царства, моря і здоров'я.

²⁷ *Анубіс* — єгипетський бог смерті.

²⁸ *Халдеї* — група незалежних семітських племен, які проживали на околицях Вавілонії в 1-й пол. I тис. до н. е.

²⁹ *Kircher Aтанасіс* (1602—1680) — німецький вчений, який займався фізигою, природничими науками, лінгвістикою, старожитностями, теологією і математикою. У Вюрцбургу викладав філософію і східні мови.

³⁰ Йдеться про текстологічне дослідження ієрогліфічних та інших написів на пам'ятниках Давнього Єгипту і античності, опубліковане 1797 р. Г. Цьогою (Цегою).

³¹ *Розеттський напис* — напис на камені, знайденому в Розетті (Нижній Єгипет) 1799 р. Висічений текст був написаний трьома способами: ієрогліфами, демотичним письмом і грецькою мовою, що дало можливість Ж. Ф. Шампольйону в 1822 р. розшифрувати давньоєгипетське письмо.

³² *Zoega (Зоега)* *Іоанн Георг* (1755—1809) — відомий датський археолог і дослідник коптського письма.

³³ *Крейцер Фрідріх* (1771—1858) — німецький археолог, професор філології та історії в Гейдельберзі.

³⁴ *Юнг Томас* (1773—1829) — англійський лікар і фізик. 1814 р. зайнявся розшифровкою давньоєгипетського письма, відшукав зв'язок між ієрогліфічним і курсивним письмом, значення деяких знаків у напису на Розеттському камені. 1819 р. заснував товариство для публікації єгипетських текстів.

³⁵ *Шампольйон Жан Франсуа* (1790—1832) — французький археолог і засновник сучасної єгиптології.

³⁶ *Анкетіль-Дюперрон Абраам Ясент* (1731—1805) — французький ман-

дрівник і вчений. 1755 р. рядовим солдатом приїхав до Індії для пошуків давніх книг парсів. Перший перекладач на французьку мову текстів Авести і Упанишади.

³⁷ *Зендавеста* — священна книга стародавніх іранців і парсів.

³⁸ *Бактри* — жителі Бактрії, давньої області у Середній Азії. В 1-й пол. I тис. до н. е.— рабовласницька держава.

³⁹ *Сассетті Філіппо* — італійський філолог, один з перших дослідників санскритологів; 1583—1588 рр. проживав у Індії.

⁴⁰ *Кодекс брамінів* — староіндійські священні тексти, що належать до ведійської літератури і містять описи та тлумачення ритуалу жерців.

⁴¹ *Вількінс Чарльз* — англійський дослідник санскриту, один з перших познайомив Європу з давньою індійською літературою, зокрема із санскритськими темами. 1808 р. видав граматику санскриту, найкращу для свого часу.

⁴² *Джонес (Джонс) Уільям (Вільям)* (1746—1894) — англійський сходознавець; досліджував мову, літературу і культуру Давньої Індії. Переклав «Сакунталу» Калідаси (1789).

⁴³ *Кольбрюк Генрі Томас* (1765—1837) — англійський санскритолог, який перший розпочав вивчення індійської літератури в Європі.

⁴⁴ *Нібур Кастен* (1733—1815) — датський мандрівник. Подорожував по Єгипту і Аравії, привіз з Персеполя клинописні тексти.

⁴⁵ *Опперт Жюль* (1825—1905) — французький орієнталіст німецького походження. Дослідив, що клинопис винайшли не вавілонці, а давніший народ, який він називав шумерійцями.

⁴⁶ *Ленорман Франсуа* (1837—1883) — французький сходознавець, автор першої великої узагальнюючої праці з історії Давнього Сходу «Керівництво до давньої історії Сходу до Персидських війн».

⁴⁷ *Сміт Джордж* (1840—1876) — англійський ассиріолог і археолог. Працював у Британському музеї, 1872 р. відшукав серед табличок аккадську версію легенди про потоп, поему про Гільгамеша, епос про створення світу, анали Ашшурбаніпала, шумеро-аввілонський словник тощо.

⁴⁸ *Раулінсон Генрі Кресвік* (1810—1895) — англійський військовий діяч, основоположник ассиріології. Основна праця — «Перські клинописні написи» (1846).

⁴⁹ *Штігель Фрідріх* (1820—1905) — німецький іраніст; 1853—1869 рр. переклав і прокоментував «Авесту».

⁵⁰ *Шарп Самуїл* (1799—1881) — англійський письменник; був банкіром, потім зайнявся сходознавством, надрукував кілька цінних праць.

⁵¹ *Ленсіус Карл Ріхард* (1810—1884) — німецький єгиптолог. Продовжив працю по розшифруванню і вивченю єгипетської мови і письма після смерті Шампольйона; 1842—1846 рр. очолював багату за своїми результатами наукову експедицію в Єгипет і Ефіопію.

⁵² *Бругш Генріх* (1827—1894) — німецький єгиптолог. 1853 р. був відряджений до Єгипту, 1870—1879 рр.— очолював школу єгиптології в Каїрі. Видав і дослідив значну кількість давніх єгипетських текстів. Автор першого значного словника давньоєгипетської мови.

⁵³ *Дюміхен Йоган* (1833—1894) — німецький єгиптолог. Кілька разів мандрував по Єгипту, звідки вивіз значну кількість копій важливих написів та багату колекцію.

⁵⁴ *Марієтт Огуст* (1821—1881) — французький єгиптолог і археолог. Відкрив поселення Серапей біля Мемфіса, заснував Єгипетський музей у Каїрі.

⁵⁵ *Ботта Поль Еміль* (1802—1870) — французький археолог. В 1843—1846 рр. відкрив ассирійське місто Дур-Шаррукін і палац ассирійського царя Саргона II (722—705 до н. е.).

⁵⁶ *Лейярд Остен Генрі* (1817—1894) — англійський археолог, політик і дипломат, один з основоположників месопотамської археології, відкрив Ніневію.

⁵⁷ *Лофтус* — англійський археолог і геолог, відомий розкопками стародавнього Вавилону та бібліотеки ассирійського царя Ашшурбаніпала, здійсненими в 40-50-х роках XIX ст.

⁵⁸ *Ешмуназар* (*Ешмуназар*, бл. IV ст. до н. е.) — сідонський цар, саркофаг якого було відшукано 1855 р. в м. Саїді (Турція) і передано до Лувру. Саркофаг було виготовлено в Єгипті. На його покришці був напис про заслуги Ешмуназара. Текст напису відноситься до найбільш важливих пам'яток фінікійської писемності.

⁵⁹ *Ренан Жозеф Ернест* (1823—1892) — французький історик релігії, семітолог, філософ. Головні праці — «Історія походження християнства», «Історія ізраїльського народу».

⁶⁰ *Федерб Луї Леон Цезар* (1818—1819) — французький генерал, який брав участь у завоюванні Францією колоній в Африці. Йому належать цінні праці з питань географії і етнографії.

⁶¹ *Авеста* — збірка релігійних книг стародавніх парсів. Окремі її частини походять з 1-ї пол. I тис. до н. е., відредакторовані на початку н. е.

⁶² *Юсті Фердинанд* — німецький орієнталіст; професор порівняльної граматики і німецької філології в Марбурзі. Видав 1868 р. «Бундегеш» з гlosatorом.

⁶³ *Вільсон Горас Гайман* (1786—1860) — англійський вчений-філолог, знавець санскритської мови та індійської літератури.

⁶⁴ Йдеться про перший переклад Рігведи на французьку мову, здійснений Ланглуа в 1848—1851 рр., оцінений пізніше спеціалістами як небезпосередній і некритичний.

⁶⁵ *Веди* — найдавніші пам'ятки староіндійської літератури, написані санскритом. Створювалися у кінці II тис.— 1-й пол. I тис. до н. е.

⁶⁶ *Рігведа* — книга гімнів, одна із чотирьох складових частин Ведів.

⁶⁷ *Бірн Самуїл* (1813—1885) — англійський археолог; працював в Британському музеї; досліджував клинописні написи; перекладав «Книгу мертвих», уклав словник ієрогліфів.

⁶⁸ *Моавія* — ранньоробавласницька держава, яка існувала з кінця II тис. до 2-ї пол. I тис. до н. е. на південні сучасної Йорданії.

⁶⁹ *Геркуланум* — італійське місто в Кампанії поблизу Везувія. Виникло як поселення осків у VII ст. до н. е., згодом заселене етрусками і греками, підкорене Римом (307 до н. е.). Разом з Помпеями засипане вулканічним попелом.

⁷⁰ *Fabretti (Фабретті Рафаель*, 1618—1700) — італійський археолог; досліджував барельєфи Капітолійського музею, написи в римських катакомбах та ін.

⁷¹ *Маріні (Маріні)* — італійський епіграфіст латинських написів. У М. П. Драгоманова йдеться про його працю «Старожитності і пам'ятки арバルських братів» (Рим, 1795).

⁷² *Бек Август* (1785—1867) — німецький філолог і історик античної Греції, засновник епіграфіки. Ініціатор монументального видання грецьких написів «Корпус грецьких інскрипцій», для якого підготував матеріал в чотирьох томах, з них первіших два видав сам (1825—1843).

⁷³ *Летронн Гійом Франсуа* — французький дослідник давньогрецьких і латинських написів.

⁷⁴ *Ореллі Каспар фон* (1739—1849) — швейцарський класичний філолог, видавець текстів античних авторів.

⁷⁵ *Моммзен Теодор* (1817—1903) — німецький історик античності. 1858 р. за його ініціативою розпочалося видання «Корпуса латинських інскрипцій». Автор праць «Римська історія» (Нобелівська премія, 1902) та «Римське державне право».

⁷⁶ *Ніневійські бики* — тут мова йде про фігури крилатих биків, якими прикрашалися палаці ассирійських царів. Були відкриті під час археологічних розкопок в 40—50-х роках XIX ст.

⁷⁷ Вавілонський календар відзначався точністю розрахунків. Місячний рік ділився на 12 місяців по 28, 29 або 30 днів, тимчасово вводився 13-й місяць для узгодження з сонячним і т. д.

⁷⁸ Фівські храми знаходилися у давньоєгипетському місті Фіви, відомому з III тис. до н. е.

⁷⁹ Зевс Олімпійський — йдеться про скульптуру Зевса Олімпійського в 12,5 м, спорудженну афінським архітектором Фідієм у 460—450 до н. е. і встановлену в Олімпі. Відноситься до одного з семи чудес світу.

⁸⁰ Латре (Лартре) Едуард (1801—1871) — французький археолог, дослідник палеоліту; провів розкопки в печерах Мустє, Мадлена і Оріньєка.

⁸¹ Сципіоні — одна із гілок давньоримського патріціанського роду Корнелів, яка дала ряд визначних полководців і державних діячів: Публій Корнелій Сципіон. Публій Корнелій Сципіон Африканський Старший та ін.

⁸² Вірхов Рудольф (1821—1902) — німецький вчений і політичний діяч. Проводив дослідження в різних областях медицини, разом з тим займався антропологією, археологією і етнографією.

⁸³ Ваннуссі (Ваннучі) Атто, 1808—1883) — італійський історик і політичний діяч.

⁸⁴ Де-Россі (Россі) Джованні Батіста (1822—1894) — італійський археолог, який 1849 р. відкрив римські катакомби і дослідив їх пам'ятки і написи, започаткувавши цим самим церковно-християнську археологію.

⁸⁵ Лівінгстон Давид (1813—1873) — англійський мандрівник, дослідник Африки.

⁸⁶ Вайц Георг (1813—1886) — німецький історик-медієвіст. Визначний знавець джерел і публікатор текстів з історії середніх віків Німеччини.

⁸⁷ Герланд Георг — німецький лінгвіст-антрополог. Опрацював 5-й і 6-й томи «Антропології» Г. Вайца.

⁸⁸ Міллер (Мюллер) Фріц (1821—1897) — німецький зоолог.

⁸⁹ Леббок Джон (1834—1913) — англійський археолог і етнограф. В книзі «Праісторичні часи» вперше запропонував періодизацію археологічних пам'яток. У праці «Походження цивілізації» досліджував питання історії культури, одруження і сім'ї.

⁹⁰ Тайлор Едуард Бернет (1832—1917) — визначний англійський етнограф, автор праць «Першіна культура» і «Антропологія».

⁹¹ Бастіан Адольф (1826—1905) — німецький етнограф. Засновник Берлінського музею народознавства (1868).

⁹² Каспарі Отто (1841—?) — німецький філософ, професор філології в Гейдельберзі.

⁹³ Амі (Нату, Гамі) Ернест — видатний французький етнограф і антрополог XIX ст.; професор природничого музею в Парижі, видавець «Recue d'ethnographie».

⁹⁴ Брока Поль (1824—1880) — французький антрополог. Заснував антропологічне товариство в Парижі, відкрив школу антропології, на базі яких було відкрито антропологічний інститут.

⁹⁵ Фуکідід (460—396 до н. е.) — афінський історик. Автор праці «Історія Пелопонеської війни» (у 8 кн.).

⁹⁶ Спенсер Герберт (1820—1903) — англійський філософ, соціолог, психолог; один з родоначальників позитивізму.

⁹⁷ Мілль Джон Стюарт (1806—1873) — англійський філософ, економіст і соціолог.

⁹⁸ Бузаріс (Бузиріс) — міфічна особа, син Нептуна і Лісіанісси, єгипетський цар, який приносив у жертву іноземців.

⁹⁹ Нін — ассирійський цар (IX—VIII ст. до н. е.), який вів війну з сусідньою Бактрією; за переказами, був одружений з Семірамідою.

¹⁰⁰ Семіраміда — згідно з ассирійськими міфами і переказами, ім'я цариці Шаммурамат (кін. IX ст. до н. е.), родом із Вавілонії. З її ім'ям Геродот і Ктесій пов'язують створення «висячих садів», одного з семи чудес світу.

¹⁰¹ Ктесій Кнайдський (бл. 400 до н. е.) — придворний лікар персидського царя Артаксеркса II Мнемона; автор праць «Persika» (в 23 кн.) та «Indika» (в 3 кн.). Збереглися лише у витягах пізніших авторів.

¹⁰² Німеврод — легендарний цар Месопотамії.

¹⁰³ Платон (427—347 до н. е.) — видатний грецький мислитель, представник грецької ідеалістичної філософії.

¹⁰⁴ Лангобарди — назва давньоімецького племені, яке на початку I ст. проживало на лівому березі Ельби. 568 р. завоювало Ломбардію.

¹⁰⁵ Закони Ману — давньоіндійський збірник правил, якими повинні були керуватися індійці в особистому і суспільному житті.

¹⁰⁶ Костянтин, Флавій Валерій, Костянтин Великий (бл. 285—337) — римський імператор, який в кінці життя прийняв християнство. Церковна традиція пов'язує з Костянтином Великим корінний поворот від переслідування нової релігії до сприяння їй.

¹⁰⁷ Сильвестр I (314—335) — папа римський, який, за переказами, хрестив Костянтина Великого.

¹⁰⁸ Діодор Сіцілійський (бл. 90—21 до н. е.) — історик епохи еллінізму, автор 40 книг з всесвітньою історією.

¹⁰⁹ Віко Джамбаттіста (1668—1744) — італійський мислитель. Автор праці «Основи нової науки про загальну природу націй», в якій намагався сформулювати закони історії на основі порівняльно-історичного вивчення релігії, побуту, звичаїв, соціально-політичного ладу народів.

¹¹⁰ Бунзен Христіан (1791—1860) — німецький вчений і державний діяч. Займався дослідженням філософії мови, історії, релігії, єгипетських старожитностей та археологією.

¹¹¹ Соломон (помер близько 928 до н. е.) — цар Ізраїльсько-Іудейського царства. Згідно з біблійською традицією славився незвичайною мудростю.

¹¹² Кекропс (*Кекроп*) — в грецькій міфології перший цар Аттики, автіхтон (народжений землею).

¹¹³ Тезей (*Тесей*) — давньогрецький герой і афінський цар.

¹¹⁴ Ромул — згідно з римською міфологією, разом зі своїм братом, близнюком Ремом, заснував Рим (бл. 753 до н. е.).

¹¹⁵ Нума Помпілій — згідно з античною традицією, другий цар Риму. Йому приписують багаточисельні державні заходи: встановлення законів, будівництво храмів, введення релігійних обрядів, розподіл громадян на стани, створення жрецьких і ремісничих колегій тощо.

¹¹⁶ Лікург — легендарний законодавець Спарти.

¹¹⁷ Орфей — міфічний грецький співак.

¹¹⁸ Арістофан (бл. 445—386 до н. е.) — грецький поет, видатний представник давньогрецької комедії.

¹¹⁹ Ксенофонт (430—425 — після 355 до н. е.) — історик і письменник; учень Сократа.

¹²⁰ Лівій Тіт (59 до н. е.— 17 н. е.) — римський історик епохи принципату Августа.

¹²¹ Грот Джордж (1794—1871) — англійський історик античності. Основна праця — «Історія Греції» (у 12 т.).

¹²² Меріバル Чарльз (1808—1894) — англійський історик Римської імперії. Основна праця — «Римська історія в епоху імперії» (у 8 т.).

¹²³ Фріделандер Людвіг (1824—1909) — німецький філолог і археолог, професор Кенігсбергського і Страсбургського університетів, автор праць про римські звичаї.

¹²⁴ Рошер Вільгельм (1817—1894) — німецький економіст; один із засновників і видатних діячів історичної школи в політичній економії.

¹²⁵ Сенека Луцій Анней Старший (бл. 55 до н. е.— 40 н. е.) — римський письменник, який написав працю з римської історії (не збереглася), присвяченою подіям громадянської війни.

¹²⁶ *Пліній Старший* (25 чи 24—79) — римський державний діяч, історик і письменник. З його багаточисельних праць збереглася лише «Природнича історія» (у 37 кн.).

¹²⁷ *Варрон Марк Теренцій* (116—27 до н. е.) — видатний римський історик, вчений-енциклопедист. Основною працею була «Людські і божественні старожитності» (у 41 кн.), в якій Варрон досліджував історію римлян.

¹²⁸ *Гіппократ* (бл. 460—377 до н. е.) — давньогрецький лікар і філософ, реформатор античної медицини. Його вважають родоначальником медичної географії.

¹²⁹ *Конт Огюст* (1798—1857) — французький філософ, родоначальник позитивізму. Основна праця — «Курс позитивної філософії» (у 6 т.), який згідно з задумом автора повинен був охопити всі області знання і громадського життя.

¹³⁰ *Бокль Генрі Томас* (1821—1862) — англійський історик і соціолог. У праці «Історія цивілізації в Англії» пояснював історичний розвиток суспільства, спираючись на географічні фактори.

¹³¹ *Ціцерон Марк Туллій* (106—43 до н. е.) — визначний оратор, філософ, письменник і державний діяч Стародавнього Риму.

¹³² *Марафонська битва* — одна з найбільших битв греко-персидських воєн, яка відбулася 13 вересня 490 до н. е.

¹³³ *Коріолан Гней Марцій* — римський патрицій, який відзначився при взятті (493 до н. е.) міста Коріоля. Під час голода в Римі, закупивши хліб в Сіцілії, запропонував видавати його народу лише в тому випадку, коли він знищить трибунат. Був осуджений, втік і згодом напав на Рим.

¹³⁴ *Авгурство* — відгадування римськими жрецями волі богів по польоту птахів.

¹³⁵ *Хавки* — багаточисельний давньонімецький народ, який проживав по р. Везер і на берегах Північного моря. Близько 400 р. злився з саксами.

¹³⁶ *Тейлор Генрі* (1800—1886) — англійський поет, автор ряду історичних драм.

БОРЬБА ЗА ДУХОВНУЮ ВЛАСТЬ И СВОБОДУ СОВЕСТИ В XVI—XVII СТОЛЕТИИ

Вперше надруковано в журн. «Отечественные записки» (1875, № 2, с. 445—494; № 3, с. 75—134). Ця стаття логічно перегукується своїм змістом із іншою статтею Драгоманова — «Из истории отношений между церковью и государством в Западной Европе», надрукованій у журн. «Знание» (1876, № 8, с. 1—63; № 11, с. 1—38). У зібраний праць друкується вперше.

Походить за першодруком.

¹ *Кальвін Жан* (1509—1564) — діяч Реформації, засновник протестантського віровчення, в основу якого покладені ідея про абсолютне визначення Богом долі людей, думки про необхідність здешевлення церкви і мирський аскетизм.

² *Еразм Роттердамський* (літературний псевдонім Гергарда Гергардса, 1469—1536) — німецький (виходець з Голландії) гуманіст епохи Відродження.

³ За католицькою традицією апостол Петро вважається першим римським єпископом, вбитим за імператора Нерона — душителя християн. Претендуючи на першість у церкві, папи називали себе послідовниками Петра.

⁴ *Імунітет церкви* — звільнення церковників та їх земель від державних повинностей.

⁵ «*Аугсбурзьке сповідання*» — систематичний виклад основ лютеранства, зроблений на Аугсбурзькому сеймі в 1530 р. соратником Лютера Меланхтоном Філіппом (1497—1560).

⁶ Павло — один із апостолів раннього християнства, якому приписують 14 послань — складову Нового завіту.

⁷ Секуляризація церковного майна — перетворення церковної власності на світську.

⁸ Кромвель Олівер (1599—1658) — діяч Англійської буржуазної революції XVII ст.

⁹ Генріх VIII (1491—1547) — король Англії з 1509 р., з династії Тюдорів; поставив під зверхність короля англійську церкву, провів конфіскацію церковно-монастирських земель.

¹⁰ Від імені давньогрецького філософа-матеріаліста Епікура, згідно з вченням якого вищим благом життя є щастя людини.

¹¹ Тридентський собор 1545—1563 рр. відбувся в м. Тренто (лат. Tridentum). Був скликаний з метою підняття авторитету католицизму «на вічні часи». Собор визнав недоторканність папи, підтвердив його непогрішимість і ухвалив зверхність папи над собором.

¹² Боссюєт (Боссює) Жак Бенінь (1627—1704) — французький церковний діяч, єпископ (з 1681 р.), ідеолог феодально-католицької реакції і абсолютизму.

¹³ Пуритани — прихильники кальвінізму в Англії і Шотландії в XVI—XVII ст.

¹⁴ Германн (Херманс, Арміній) Яків (Якоб) (1560—1609) — голландський богослов, засновник релігійної течії в кальвіністській церкві.

¹⁵ Гомар Франс (1563—1641) — богослов, захисник догматів ортодоксального кальвінізму.

¹⁶ Богерманн (Бохерман) Іоанн — пастор, під головуванням якого проходив в 1618—1619 рр. Дордрехтський собор (Голландія). На цих зборах кальвіністських пасторів було засуджено армініан.

¹⁷ Штатгальтер — посадова особа, яка від імені глави держави представляла владу і здійснювала керівництво на певній частині території в деяких країнах Європи (Нідерландах, Австрійській імперії тощо).

¹⁸ Томазіус Христіан (1655—1728) — відомий німецький філософ і юрист.

¹⁹ Тіндарль Вільям (між 1477—1484—1536) — англійський богослов, автор і видавець церковної літератури. Був оголошений еретиком і спалений.

²⁰ Фердинанд II Арагонський, Фердинанд V Католик (1452—1516) — король Сіцілії (з 1468), Арагону (з 1479), Кастилії (1479—1504), Неаполя (з 1503).

²¹ Ізабелла (1451—1504) — королева Кастилії та Іспанії з 1475 р.

²² Філіпп II (1527—1598) — іспанський король з 1555, з династії Габсбургів.

²³ Бреве — письмове послання папського двору.

²⁴ Сікст IV — папа римський в 1471—1484 рр.

²⁵ Пій V — папа римський в 1566—1572 рр.

²⁶ На Божій трапезі (лат.).

²⁷ Людовік IX «Святий» (1215—1270) — французький король з 1226 р., з династії Капетінгів.

²⁸ Ультрамонтанство — релігійно-політична течія в католицизмі, представники якої відстоюють ідею необмеженої влади римського папи і його право втручатися у світські справи будь-якої держави.

²⁹ Легісти — юристи, які впроваджували римське право на протиставлення його праву церковному та феодальним звичаям.

³⁰ Бажано (лат.).

³¹ Обжалування як правопорушення (фр.)

³² Пій II — папа римський в 1458—1464 рр., в миру — письменник та історик Еней Сільвіо Пікколоміні.

³³ Карл VII (1403—1461) — французький король з 1422 р., з династії

Валуа. 1438 р. видав Прагматичну санкцію, якою встановлювалась незалежність галліканської церкви від папства.

³⁴ *Дюмулен Шарль* (1500—1566) — знаменитий французький юрист, захисник прав королівської влади в її боротьбі з феодалами і церквою.

³⁵ *Климент VIII* — папа римський в 1592—1605 рр.

³⁶ *Карл Великий* (742—814) — франкський король з 768 р., з династії Каролінгів.

³⁷ *Генріх II* (1519—1559) — французький король з 1547 р.

³⁸ Йдеться про постулати, викладені у так званому «Г'ятикнижі» — перших п'яти книгах «Старого завіту», написаного, за біблійною легендою, пророком Мойсеєм.

³⁹ *Кокіль Гюї* (1523—1603) — визначний французький юрист, який працював над збиранням матеріалів місцевого звичаєвого права.

⁴⁰ *Паскве (Паскье) Етьєн* (1529—1615) — відомий французький юрист, який 1564 р. виступив адвокатом університету в процесі проти езуїтів. У промові на суді довів шкоду для держави від діяльності езуїтського ордена.

⁴¹ *Генріх IV* (1553—1610) — король Франції з 1589 р., засновник династії Бурбонів. Під час релігійних воєн очолював рух гугенотів.

⁴² *Вселенські собори* — загальноцерковні з'їзди представників вищого духовництва, на яких вирішувалися питання церковних догматів, церковного права тощо.

⁴³ *Флері Андре Еркюль де* (1653—1743) — французький церковний і державний діяч.

⁴⁴ *Сігберт (Сігеберт)* (пом. 1112) — французький історик, автор «Хронографії».

⁴⁵ *Генріх III* (1551—1588) — французький король з 1575 р., вбитий домініканським монахом за непокору розпорядженням папи Сікста V.

⁴⁶ *Вільгельм Оранський* (1533—1584) — нідерландський політичний діяч, який під час буржуазної революції очолив дворянську опозицію. В 1568 і 1572 рр. організував походи німецьких протестантських князів і гугенотів проти іспанців, армія яких у 1567 р. вступила до Нідерландів.

⁴⁷ *Порохова змова в Англії* — таку назву отримала організована папою змова проти англійського парламенту в 1605 р.

⁴⁸ *Інокентій III* — папа римський в 1198—1216 рр.

⁴⁹ *Люїперрон Жак Даві* (1556—1618) — французький кардинал, який енергійно протидіяв поширенню кальвінізму.

⁵⁰ Покидьками із брудного плебсу (лат.).

⁵¹ *Якоб I* (1566—1625) — король Великобританії та Ірландії з 1603 р., з династії Стюартів.

⁵² *Александр VII* — папа римський в 1655—1667 рр.

⁵³ *Людовік XIV* (1638—1715) — французький король з 1643 р., з династії Бурбонів.

⁵⁴ *Інокентій XI* — папа римський в 1676—1689 рр., який намагався обмежити діяльність езуїтів.

⁵⁵ *Нунцій* — постійний дипломатичний представник римського папи при закордонних урядах.

⁵⁶ *Констанційський собор* — католицький церковний собор у м. Констанці 1414—1418 рр. На ньому було засуджено вчення Я. Гуса та Д. Уїкліфа, проголошено принцип зверхності собору над папами, замість трьох римських пап обрано одного.

⁵⁷ *Александр VIII* — папа римський в 1689—1691 рр.

⁵⁸ *Дюпанлу Фелікс Антон* (1802—1878) — французький проповідник і письменник, професор Сорbonni.

⁵⁹ *Жозеф де Местр* (1753—1821) — граф, езуїт; ідеолог французької Реставрації.

⁶⁰ *Гус Ян* (1369—1415) — чеський мислитель, ідейний натхненник національно-визвольного руху в Чехії, діяч Реформації. Вимагав позбавити

церкву земельних володінь та підкорення її світській владі. Я. Гуса було за-
суджено як еретика і спалено.

⁶¹ *Беллярмін* (Белларміно) Франческо Ромоло (1542—1621) — італій-
ський кардинал, видатний діяч католицької церкви.

⁶² *Григорій VII* — папа римський в 1073—1085 рр.

⁶³ *Меровінги* — перша династія королів (V—VIII ст.) Франкської держави. Останнього короля Хільдеріка III в 751 р. позбавив влади Пипін Короткий, який заснував династію Каролінгів.

⁶⁴ *Сікст V* — папа римський в 1585—1590 рр., заявив себе спрітним дипломатом, підтримуючи добре взаємини з усіма монархами, яких намагався послабити за рахунок одиного і тим самим поставити в залежність від папського престолу.

⁶⁵ *Данило* — один із чотирьох «великих пророків» ізраїльського народу.

⁶⁶ *Григорій III* — папа римський в 731—741 рр.

⁶⁷ *Павло V* — папа римський в 1605—1621 рр., який вів фанатичну боротьбу з Реформацією.

⁶⁸ *Васквец* (Васкес) Гавріїл (1551—1604) — іспанський езуїт, викладав богослов'я і філософію в Алкані. Десятитомне зібрання його творів було видано в Ліоні 1620 р.

⁶⁹ *Павло IV* — папа римський в 1555—1559 рр.

⁷⁰ *Єлизавета (Елізавета) Тюдор* (1533—1603) — англійська королева з 1558 р., за володарювання якої в Англії остаточно встановився протестантизм в його поміркованій формі.

⁷¹ *Катерина Медічі* (1519—1589) — французька королева з 1560 р., яка виступила союзницею Ватікану і відіграла основну роль в організації масової різni гугенотів католиками у Парижі.

⁷² Вчинком несамовитої тварини, наділеної здатністю пам'ятати (лат.).

⁷³ Йдеться про одну із сторінок історії Моава (ІІ—І тис. до н. е.), коли вбивство царя Елона послужило сигналом до масового побиття племені моавітян ізраїльтянами.

⁷⁴ *Бушер (Буше) Жан* (бл. 1548—1645) — французький політичний діяч періоду релігійних воєн; один з засновників Паризької ліги (1585—1594), професор богослов'я Сорbonні; займав позицію непримиренної боротьби з абсолютизмом, виступаючи проти Генріха III і Генріха IV, схваливав тиранівобивство.

⁷⁵ *Рішльє (Рішельє) Арман Жан дю Плессі* (1585—1642) — французький державний діяч, ідеолог абсолютизму, герцог. З 1622 р.—кардинал, з 1624 р.—член Державної ради, перший міністр короля Людовіка XIII, фактичний правитель Франції.

⁷⁶ *Сен-Сіран Дювершье* (1581—1643) — французький теолог.

⁷⁷ Прихильник вчення голландського богослова-католика К. Янсенія (1585—1638), в якому поєднувалися елементи протестантизму з вченням Августіна Блаженного. В своїй основі було спрямоване проти езуїтів.

⁷⁸ *Страсті Господні* — релігійне свято за тиждень до Великодня.

⁷⁹ До виконання (лат.).

⁸⁰ *Григорій XIII* — папа римський в 1572—1585 рр.

⁸¹ *Ферр'є Арно* (1508—1585) — французький письменник, юрист.

⁸² *Маргарита Австрійська* (1480—1530) — генеральний штатгалтер (намісниця) в Нідерландах, яка відіграла значну роль в міжнародній дипломатії.

⁸³ *Урбан VIII* — папа римський в 1623—1644 рр.

⁸⁴ *Григорій XIV* — папа римський в 1590—1591 рр.

⁸⁵ *Конкордат* — договір між римським папою і урядом держави, яким юридично оформлялось становище церкви в даній країні.

⁸⁶ *Климент XII* — папа римський в 1730—1740 рр.

⁸⁷ *Сарпі Паоло Фра* (1552—1623) — відомий італійський історик, який відкрито виступив проти втручання духовної влади у світські справи, проти

безгрішності пап, сліпої віри і езуїтства. Головна праця — «Історія Тридентського собору» (1619).

⁸⁸ *Бароніус (Бароній) Цезар* (1538—1607) — історик католицької церкви. Найвизначніша праця — «Церковна історія від Різдва Христового до 1198» (В 12 т. Рим, 1588).

⁸⁹ *Вальденци (вальденси)*, «ліонські бідняки» — прихильники ересі, яка виникла в Ліоні 1175 р. Назву отримали від імені купця Вальда, який роздав своє майно бідним і проповідував відмову від приватної власності та повернення до раннього християнства.

⁹⁰ *Марсілій Падуанський* (бл. 1280—1343) — італійський політик і філософ, який виступав проти папства. Був відлучений від церкви і заочно засуджений до смерті.

⁹¹ *Вікарій* — папський намісник у віддалених районах.

⁹² *Дож* — титул виборного глави Венеціанської республіки.

⁹³ *Міноріти, менши брати* — монахи ордену францісканців.

⁹⁴ *Жуайез (Жуайез) Франциск* (1562—1615) — кардинал, архієпископ тулузький, згодом — руанський; сприяв примиренню папи з Генріхом IV. 1606 р. був папським легатом у Франції.

⁹⁵ Від латинського *reductio* «повернення».

⁹⁶ *Прелат* — почесна назва представника вищого католицького духовництва.

⁹⁷ *Анабаптисти* — послідовники однієї з найрадикальніших течій у Реформації, яка виникла у Німеччині в XVI ст. Анабаптисти виступали проти церковної ієархії, ікон, тайнств, соціальної нерівності тощо.

⁹⁸ *Аміран (Аміральд) Моїз* (1596—1664) — реформатський богослов, професор богослов'я в Саморі.

⁹⁹ *Матвій* (1557—1619) — імператорський намісник в ерцгерцогстві Австрійському з 1593 р.; в 1612—1619 рр. — німецький імператор.

¹⁰⁰ *Карл V* (1500—1558) — король Іспанії в 1516—1556 рр. та імператор «Священної Римської імперії» в 1518—1556 рр. з династії Габсбургів.

¹⁰¹ *Лепіталь Мішелль* (1507—1573) французький державний діяч, юрист, поет.

¹⁰² Йдеться про релігійний диспут в Пуассі (1561 р.) між католиками і гугенотами.

¹⁰³ *Караффа (Карафа) Антоніо* (1538—1591) — кардинал, родич папи римського Павла IV. Зібрав декреталі і листи пап від св. Клиmentа до Григорія VII.

¹⁰⁴ *Карл IX* (1550—1574) — король Франції з 1560 р.

¹⁰⁵ Тридцятирічна війна 1618—1648 рр. — перша загальноєвропейська війна між країнами габсбурзького блоку та антигабсбурзькою коаліцією.

¹⁰⁶ Йдеться про Рудольфа II (1576—1612) — німецького імператора, який розпочав боротьбу з протестантизмом в Богемії (1602). За допомогою військ намагався придушити виступ чеських реформаторів. У результаті Рудольф II лишився чеського престолу на користь Матвія (1611—1619).

¹⁰⁷ *Молох* — божество у західносемітських племен, якому у жертву приносили людей, переважно дітей.

¹⁰⁸ *Бітонський (Бітон) Давид* (1494—1546) — кардинал Шотландії, один з могутніх противників Реформації.

¹⁰⁹ Йдеться про папу римського в 1522—1523 рр. — Адріана VI.

¹¹⁰ Йдеться про розповідь з «Діяння апостолів», згідно з якою Ананія продав своє майно, щоб допомогти апостолам. Частину виручених коштів він з дружиною Сапфірою приховав, за що апостол Петро покарав їх раптовою смертю.

¹¹¹ *Іеронім Празький* (1396—1416) — сподвижник Я. Гуса, спалений езуїтами.

¹¹² *Давид* — цар Ізраїльсько-Іудейської держави (кін. XI ст.—бл. 950 до н. е.).

¹¹³ Серве (Сервет) Мігель (1509 чи 1511—1553) — іспанський мислитель і медик Відродження. За критику християнських догматів присудом інквізиції був спалений.

¹¹⁴ Назва п'ятої книги Мойсея — «Повторення закону».

¹¹⁵ Беза Теодор (1519—1605) — керівник реформатської церкви в Женеві.

¹¹⁶ Нокс Джонс (1505—1572) — ідеолог шотландської Реформації.

¹¹⁷ Соцін Лелій (1525—1562) — італійський еретик, основоположник соцініанства — течії у протестантизмі, в основі якої лежить віра лише в Святе Письмо, заперечення догмату Трійці, вимога віротерпіння.

¹¹⁸ Згідно з Нантським едиктом (1598) католицизм признавався панівною релігією у Франції, протестантське богослужіння заборонялося вести у Парижі та деяких інших містах. Але протестантам дозволялося займати державні посади нарівні з католиками.

¹¹⁹ Бейль П'єр (1647—1706) — французький мислитель, філософ, богословський критик.

¹²⁰ Варфоломіївська ніч — назва різні, влаштованої католиками гугенотам 24 серпня 1572 р.

¹²¹ Альбігойці — учасники еретичного руху на півдні Франції у XII—XIII ст., які вважали церкву соторінням сатани, заперечували церковні догмати, вимагали ліквідації церковного землеволодіння. Проти альбігойців було організовано хрестові походи (1209—1229). Рух придушено на поч. XIV ст.

¹²² Павло III — папа римський в 1534—1549 рр.

¹²³ Леренте Жан (1756—1823) — іспанський історик. Головна праця — «Критична історія інквізиції в Іспанії» (1817—1818).

¹²⁴ Прескотт (Прескот) Вільям (1796—1859) — американський історик. Автор праці «Історія Фердинанда Й Изабелли».

¹²⁵ Еймерік (1320—1399) — каталонський інквізитор, домініканський монах. 1356 р. був призначений головним інквізитором Арагонського королівства.

¹²⁶ Парамон (Парамо) Луїс — іспанський історик, один з перших дослідників інквізиції. Йдеться про книгу «Про походження і розвиток святої інквізиції».

¹²⁷ Інокентій IV — папа римський в 1243—1254 рр.

¹²⁸ Климент IV — папа римський в 1265—1268 рр.

¹²⁹ Александр IV — папа римський в 1254—1261 рр.

¹³⁰ Вормський сейм — перші збори державних діячів Німеччини в 1521 р., на яких був підписаний едикт про засудження вчення Лютера.

¹³¹ Гроцій Гуго (1583—1645) — голландський юрист, філософ, історик, державний діяч, один із засновників теорії природного права.

¹³² Наваджеро Бернардо (1507—1565) — вчений, кардинал і веронський єпископ. Відомий працею «Життєпис папи Павла IV».

¹³³ Моріц Саксонський (1521—1553) — герцог, діяч Реформації.

¹³⁴ Аугсбурзький релігійний мир був підписаний у 1555 р. між протестантськими і католицькими князями та Карлом V. Ним встановлювався суверенітет князів, в тому числі і в релігії.

¹³⁵ Йдеться про Нідерландську буржуазну революцію 1566—1609 рр.

¹³⁶ Йдеться про племінника Ф. Гвіччярдині (1482—1540), Людовіка Гвіччярдині, автора праці «Описання Нідерландів».

¹³⁷ Едуард VI (1537—1553) — король Англії з 1547 р.

¹³⁸ Лану Франсуа (1531—1594) — французький історик. М. П. Драгоманов цитує його працю «Політичні і військові роздуми» (1587).

¹³⁹ Франциск I (1494—1547) — король Франції в 1515—1547 рр.

¹⁴⁰ Турнон Шарль Томас (1668—1710) — італійський кардинал.

¹⁴¹ Йдеться про березневі події 1562 р., коли Гіз напав на гугенотів, які

в ризі співали релігійні гімни. Під час сутички декілька чоловік було вбито і сто поранено.

¹⁴² *Фаллу Альфред П'єр* (1811—1886) — французький політичний діяч і історик.

¹⁴³ *Колін Гаспар* (1517—1572) — французький адмірал, який в 1560 р. оголосив себе кальвіністом; брав активну участь у всіх релігійних війнах, за що переслідувався католиками і, зокрема, Гізами.

¹⁴⁴ Йдеться про Генріха IV, який одружився 18 серпня 1572 р., а через шість днів після цього почав погром гугенотів, вождем яких він вважався.

¹⁴⁵ *Вазарі Джорджо* (1511—1574) — італійський художник, архітектор і письменник.

¹⁴⁶ «Лютеран і всіх інших еретиків слід засудити до смертної кари, винищити, розігнати, не давати ходу, вигубити вогнем і ножем, відкинути, дощенту викорінити, вибити, знищити» (лат.).

¹⁴⁷ *Сюллі Максиміліан* (1560—1651) — французький державний діяч, всевладний міністр при Генріху IV.

¹⁴⁸ *Кевенгілер* (Кевенгіллєр) *Людвіг Андро* (1683—1744) — австрійський фельдмаршал. Підготував праці з воєнних подій свого часу.

¹⁴⁹ *Утраквісти* — одна з назв представників поміркованого крила в гуситському революційному русі XV ст.

¹⁵⁰ *Рудольф II* (1576—1612) — німецький король (див. прим. 106), який 1609 р. ввів пільги для протестантів.

¹⁵¹ *Кроати* — назва угорських військ.

¹⁵² *Тілл Йоганн Церклас* (1559—1632) — полководець, головнокомандуючий армією «Священної Римської імперії».

¹⁵³ *Валленштейн Альбрехт* (1583—1634) — герцог, головнокомандуючий австрійської армії.

¹⁵⁴ *Лашез Франсуа* (1624—1709) — французький езуїт, духовник Людовіка XIV.

¹⁵⁵ *Лулуа Франсуа Мішель* (1641—1691) — французький державний діяч, з 1668 р.— воєнний міністр.

¹⁵⁶ *Феодосій* (бл. 346—395) — римський імператор, який визнав християнство державною релігією.

¹⁵⁷ *Флешье Еспрі* (1632—1710) — французький проповідник і письменник.

¹⁵⁸ *Бурдалу Луї* (1632—1704) — французький церковний діяч, посадав кафедру риторики, філософії і богословської моралі в Буржській академії.

¹⁵⁹ *Арнольд Готфрід* (1665—1714) — німецький історик протестантської церкви.

¹⁶⁰ *Севінє Mari* (1626—1696) — французька письменниця.

¹⁶¹ *Лабрюйєр Жан* (1645—1696) — французький письменник, сатирик-мораліст.

¹⁶² *Лафонтен Жан де* (1621—1695) — відомий французький байкар.

¹⁶³ *Вобан Себастіан* (1633—1707) — французький маршал, інженер, письменник.

¹⁶⁴ *Людовік XV* (1710—1774) — король Франції з династії Бурбонів.

¹⁶⁵ *Даламбер Жан Лерон* (1717—1783) — французький математик і філософ.

¹⁶⁶ *Аріані* — прихильники однієї з течій в християнстві, засновником якої бувalexандрійський священик Арій (?—336). Аріанство заперечувало церковний догмат про єдиносущність бога-отця і бога-сина.

¹⁶⁷ *Стюарти* — королівська династія в Шотландії (з 1371 р.) та Англії (1603—1649, 1660—1714).

¹⁶⁸ *Просвітеріани* — помірковані прихильники кальвінізму серед пуритан.

¹⁶⁹ *Марія Стюарт* (1542—1587) — шотландська королева з 1560 р.

¹⁷⁰ *Квакери* — члени християнської протестантської секти, яка виникла в Англії в 1650 р. Ними заперечуються зовнішні форми релігійності.

¹⁷¹ *Унітарії* — прихильники течії у християнстві, яка заперечує церковний догмат про Трійцю.

¹⁷² *Буллінгер Генріх* (1504—1575) — керівник німецької реформатської церкви.

¹⁷³ *Фарель Гільом* (1489—1565) — французький діяч Реформації у Швейцарії, сподвижник Ж. Кальвіна.

¹⁷⁴ *Аконтіус* (1492—1566) — італійський письменник, священик Трієнти, примкнув до Реформації і оселився в Англії. Проповідував терпимість і згоду в християнстві.

¹⁷⁵ *Мор Томас* (1478—1535) — англійський мислитель-гуманіст, один із засновників утопічного соціалізму.

¹⁷⁶ *Фенелон Франсуа* (1651—1715) — французький письменник, архієпископ. Головний твір — «Пригоди Телемака».

¹⁷⁷ *Помпадур Жанна Антуанетта* (1721—1764) — фаворитка французького короля Людовіка XV.

¹⁷⁸ Вестфальський мир 1648 р. підписаний в результаті Тридцятилітньої війни.

¹⁷⁹ Йдеться про послідовників вчення Аврелія Августина (354—430), християнського теолога, філософа-містика.

¹⁸⁰ *Авель* — біблійний персонаж, другий син Адама і Єви.

¹⁸¹ *Сократ* (470 чи 469—399 до н. е.) — давньогрецький філософ-ідеаліст.

¹⁸² *Аристід* (бл. 540—467 до н. е.) — державний і військовий діяч Стародавньої Греції.

¹⁸³ *Камілла* — знаменитий римський полководець V—VI ст. до н. е.

¹⁸⁴ *Катон Марк Порцій* (233—149 до н. е.) — державний діяч, історик, письменник Стародавнього Риму.

¹⁸⁵ *Сенека Луцій Анней* (бл. 4 р. до н. е.—65 р. н. е.) — римський політичний діяч, філософ, письменник.

¹⁸⁶ *Євхаристія* — причащення.

¹⁸⁷ *Гетцер Людвіг* (кін. XV ст.—1540) — анабаптист.

¹⁸⁸ *Кампанус Іоанн* (1500—1574) — голландський противник церковного догмату Трійці.

¹⁸⁹ *Грібалді Маттео* — італійський еретик.

¹⁹⁰ *Алциат (Альчіатті) Андрій* (1492—1550) — італійський юрист.

¹⁹¹ *Соун Фауст* (1539—1604) — діяч Реформації, італієць за походженням; живучи у Польщі, виступав проти католицизму і вимагав перебудови християнства на засадах розуму.

¹⁹² *Коорнгерт Дірк* (1522—1590) — голландський вчений. У релігійних питаннях вважається попередником Армінія, схильним до світогляду Еразма Роттердамського.

¹⁹³ *Демосфен* (бл. 384—322 до н. е.) — давньогрецький оратор і політичний діяч.

¹⁹⁴ *Меноністи* — члени протестантської секти, яка виникла в 30-х роках XVI ст. в Нідерландах.

¹⁹⁵ *Епископій Симон* — сподвижник Я. Армінія, 1634 р. відкрив колегію в Амстердамі.

¹⁹⁶ *Олденбарневельд (Ольденбарнефельд)* *Ян* (1547—1619) — нідерландський державний діяч.

¹⁹⁷ *Моріц (Моріц Оранський)* (1567—1625) — державний діяч і полководець Республіки Сполучених провінцій (Нідерландів).

¹⁹⁸ *Камерон Річард* (? — після 1680) — шотландський протестант, засновник секти камероніанців, вів протикатолицьку агітацію на півдні Шотландії, за що не раз переслідувався.

¹⁹⁹ *Латітудинарії* — назва релігійної партії XVII ст. в Англії, члени якої належали до державної церкви і відзначалися віротерпимістю. На чолі її стояли Чиллінгворт, Кедворт, проповідники Тіллотсон, Спенсер та ін.

²⁰⁰ Ремонстранти — голландські сектанти, що відійшли від кальвіністів, відкинувши тезу Кальвіна про «абсолютне напередвизначення».

²⁰¹ Мільтон Джон (1608—1674) — англійський поет, публіцист, політичний діяч.

²⁰² Локк Джон (1632—1704) — англійський філософ, психолог, педагог.

²⁰³ Карл II (1630—1685) — король Англії з 1660 р.

²⁰⁴ Пенн Вільямс (1644—1718) — прихильник секти квакерів, законодавець Пенсильванії. Повне зібрання його творів було видано в Лондоні 1726 р.

²⁰⁵ Вільгельм III (1650—1702) — король Англії з 1688 р.

²⁰⁶ Йосиф II (1741—1790) — імператор «Священної Римської імперії» з 1765 р.

²⁰⁷ Супрематія — від лат. *найвищий*.

²⁰⁸ Гоббс Томас (1588—1679) — англійський філософ-матеріаліст.

²⁰⁹ Спіноза Бенедикт (1632—1677) — нідерландський філософ-матеріаліст.

²¹⁰ Болінброк Генрі (1678—1751) — англійський державний діяч і письменник.

²¹¹ Кондорсе Mari Жан (1743—1794) — французький філософ-просвітитель, математик, соціолог, політичний діяч Французької буржуазної революції.

²¹² Рейналь Гільом Томас (1713—1796) — французький історик і філософ. Автор книги «Історія обох Індій» (1770).

²¹³ Гельвецій Клод Адріан (1715—1771) — французький філософ-матеріаліст.

²¹⁴ Руссо Жан Жак (1712—1778) — французький філософ-просвітитель, письменник, педагог.

ПРО УКРАЇНСЬКИХ КОЗАКІВ, ТАТАР ТА ТУРКІВ

Вперше надруковано окремою брошурою в Києві, 1876 р., у друкарні В. Давиденка. Цenzурний дозвіл 16 травня 1876 р. Як свідчив згодом М. Павлик, Драгоманов доповнив цю брошуру численними вставками. Нескорінно перевидавалася, зокрема товариством «Просвіта».

Подається за київським виданням 1906 р.

¹ Хозари — тюркомовний народ, який у середині VII ст. створив ранньофеодальну державу — Хозарський каганат на території Північного Дагестану та нижнього Поволжя. Захопивши потім Приазов'я, більшу частину Криму, додніпровські степи та лісостепи, вони примушували окремі племена слов'ян платити данину. У X ст. після розпаду каганату хозари змішалися з іншими народами.

² Печеніги — тюркські кочові племена, які очолили в VIII—IX ст. союз племен на території від Північного Причорномор'я до Дунаю, робили набіги на Київську Русь аж до поразки від війська Ярослава Мудрого (1036 р.). Згодом відійшли до Карпат.

³ Половці — середньовікові тюркські племена, які займали величезну територію від гір Тянь-Шаню до Дунаю. З XI ст. здійснювали набіги на Київську Русь. Об'єднані ханом Кончаком в одну державу (2-га пол. XII ст.), у XIII ст. були розбиті ордами Батия (1238) і поступово втратили свою етнічну єдність.

⁴ Починаючи з 20-х років XIV ст. українські землі поступово стають залежними від Литви, і в той же час переважання у Великому Литовському князівстві слов'яно-руських земель суттєво впливало на державну, церковну і культурну політику уряду. Так, ряд князів перейшли на православ'я, актовою мовою у державі була руська, тут мирно співіснували різні віросповідання.

⁵ Йдеться про Ягелла (Ягайла) (бл. 1350—1434) — великого литовського князя (1377—1392, з перервою), який після Кревської унії Польщі й Литви (1385 р.) та одруження на польській королеві Ядвізі став польським королем під іменем Владислава II Ягайла (з 1386 р.) — родоначальником династії Ягеллонів. За його володарювання Галичина підпала під владу Польщі.

⁶ Це та інші місця в статті свідчать, що її автор врахував зауваження В. Антоновича та інших «старогромадівців», висловлені у листі В. Л. Беренштама до М. П. Драгоманова від 25 травня 1871 р. (див.: Архів Михайла Драгоманова. Варшава, 1937. Т. 1. С. 49—53).

⁷ Турецькі війська на чолі із султаном Магометом II 29 травня 1453 р. захопили столицю Візантії — центр православної церкви. Велетенська імперія перестала існувати. Іван III, одружившись 1472 р. на доньці загиблого в бою останнього візантійського імператора Константина Палеолога, проголосив себе наступником візантійських імператорів, а Москву — третім Римом.

⁸ Печерський монастир (Києво-Печерська Лавра) — найстаріший православний монастир на території Східної Європи, значний видавничий центр.

⁹ Савур-могила — осіпана в думах могила знаходиться на шляху від гирла р. Дон до гирла р. Самара. Дума ж «Втеча трьох братів із города Азова, з турецької неволі» пов'язана своїм змістом із хутором Сауровим на Донеччині.

¹⁰ Відновлюючи зв'язок між змістом думи «Маруся Богуславка» і фактами, наведеними зарубіжними істориками, Драгоманов припускає, що знаменою султаншею була полонена попівна із Рогатина в Галичині (див.: Історические песни малорусского народа: В 2 т. К., 1876. Т. I. С. 236—237).

¹¹ Ланцкоронський Предслав (пом. 1531) — староста хмельницький, організовував походи козаків на кримських татар.

¹² Дашибович Остап (бл. 1455—1535), будучи спочатку канівським, а потім черкаським старостою, запропонував у 1533 р. польському сеймові створити сторожові споруди по Дніпру для захисту від татар.

¹³ Брестська унія (1596 р.) про угоду українсько-білоруської церкви з католицькою мала своєю метою явну експансію Ватікану на схід та ополячення місцевого населення. В той же час ця унія до певної міри, при всьому драматизмі її запровадження, була каталізатором духовних процесів на Україні та Білорусі, змушуючи діячів культури осмислювати події в інших європейських країнах.

¹⁴ Козаки, які були записані у реєстр (леєстр), вважалися на державний службі Речі Посполитої. Обмежуючи число реєстрових козаків і підтримуючи матеріально козацьку старшину, польська влада прагнула контролювати дії своїх прикордонних українських загонів (див., зокрема: Грушевський М. С. Очерк истории украинского народа. К., 1990. С. 158—159).

¹⁵ Дорошенко Петро Дорофійович (1627—1698) — гетьман Правобережної України (1665—1676), прилуцький полковник (з 1657). Брав участь у придушенні народного повстання (1657—1658) на боці І. Виговського. Оголосивши себе гетьманом Правобережної України, уклав союз із Кримським ханством, а 1669 р. підписав угоду про перехід України під владу Туреччини. 1676 р. капітулював перед російським військом.

¹⁶ За намовою Дорошенка турецький султан Магомет IV пішов у похід на Польщу і дійшов аж до Львова. Польща врятувала своє хистке становище, віддавши Турції Поділля.

¹⁷ Самойлович Іван (?—1690) — гетьман Лівобережної України (1672—1687). Дбав про розширення привілеїв козацької старшини. Брав участь у боротьбі проти Петра Дорошенка і проти турків. Після невдалого походу 1687 р. на Крим старшина звинуватила Самойловича у зраді, і його було заслано до Сибіру.

¹⁸ Ромодановський Григорій Григорович (?—1682) — російський державний і військовий діяч, боярин. У складі російського посольства брав участь в Переяславській раді (1654).

¹⁹ У вересні 1656 р. між Польщею і Росією було підписано Віленський

трактат, за яким цар Олексій Михайлович обіцявся захищати своїх нових союзників від шведів і за яким йому було обіцяно польську корону. Це перемир'я тривало до 1660 р.

²⁰ *Мазепа Іван Степанович* (1644—1709) — гетьман Лівобережної України (1687—1708); з метою розірвати яремні взаємини України з царським урядом пішов на зговір з польським королем Станіславом Лещинським та шведським королем Карлом XII. Після поразки у Полтавській битві втік з рештками козаків та шведського війська до Румунії.

²¹ *Довгорукий (Долгоруков)* Микола Андрійович (1792—1847) — російський військовий і державний діяч.

²² Незважаючи на козацькі депутатії до Катерини II, Запорозьку Січ було зруйновано (15—16 червня 1775 р.). І лише у зв'язку з підготовкою до війни з Туреччиною царський уряд 1787 р. вирішив створити з колишніх запорожців Військо вірних козаків, або Чорноморське козацтво — з 1788 р.

²³ Йдеться про запорожців-утікачів, які на півднях Туреччині територіях у гирлі Дунаю створили Задунайську Січ (1775—1828).

²⁴ Територіальні розділів Польщі між Австрією, Пруссією і Росією було три: перший — в 1772 р., другий — в 1793 р. і третій — повна ліквідація польської держави — в 1795 р. Внаслідок останнього поділу Східна Галичина підпала під владу Австрії, або Цісарщини.

АНТРАКТ З ІСТОРІЇ УКРАЇНОФІЛЬСТВА (1863—1872)

Вперше опубліковано у журн. «Правда» (1876, № 12, с. 471—479; 1876, № 13—14, с. 523—529; № 15, с. 575—581; № 16, с. 624—633).

Підпись — *Українець*.

Стаття, як засвідчує редакція «Правди» (1876, № 12, с. 471) у преамбулі до її публікації, була надіслана до журналу влітку 1872 р. під назвою «Народна освіта і література на Україні». Видавці наголошували на тому, що впродовж чотирирічного лежання в архіві «Правди» її автор пішов далі у своїх поглядах. Драгоманов підтримував наміри цього народовського видання стати загальноукраїнським органом, але різко виступав проти національної замкнутості редакції. Підсумовуючи власні спостереження і висновки з приводу занепаду народної освіти на Східній Україні, Драгоманов згодом написав і видрукував у збірці «Громада» (Женева, 1878) розвідку «Народні школи», куди ввійшла з деякими уточненнями й ця стаття. У зібрання творів не включалась.

Подається за першодруком.

¹ *Подушка Іван* — маловідомий український поет, родом із катеринославських кріпаків.

² *Павлусь* — псевдонім П. П. Чубинського.

³ «Основа» — перший український громадсько-політичний і літературний журнал, що виходив у 1861—1862 рр. у Петербурзі і об'єднав навколо себе як широко відомих авторів, так і молоді на ґрунті інтересу до історії України, до її самобутнього національного розвитку.

⁴ Ці кошти були згодом використані на преміювання «Словника» Б. Грінченка.

⁵ *Опатович Степан Іванович* (1832—1892) — священик, церковний письменник, активний член української Громади в Петербурзі.

⁶ Перша недільна школа як засіб інтелігенції сприяти просвіті народу була відкрита 11 жовтня 1859 р. в Києві і стала прообразом багатьох таких шкіл на Україні і в Росії загалом. Але 12 червня 1862 р. всі вони були закриті за нібито пропаганду атеїзму та соціалізму (див.: Драгоманов М. Австро-руські спомини // Драгоманов М. Літературно-публіцистичні праці: В 2 т. К., 1969. Т. 2).

⁷ Це Лебединцев Петро Гаврилович (1819—1896) — священик Успенського собору на Подолі (1860—1864), згодом протоієрей Софіївського собору.

⁸ Митрополит Арсеній впродовж шістнадцятілтнього перебування на кафедрі (з 1860 р.) доводив, що «евангельє на малоруському языке немыслимо; на простонародном языке будут профанироваться евангельские истины», і тому заборонив ввезення евангелія, надрукованого 1871 р. у Відні.

⁹ Шейковський Каленик Васильович (1842—1903) — український етнограф, мовознавець, автор «Опыта южнорусского словаря», педагог. Для недільних шкіл видав підручник «Домашня наука» (1861).

¹⁰ Стронін Олексій Іванович (1827—1889) — історик, соціолог, педагог, учитель в часи навчання Драгоманова у Полтавській гімназії. Див. статтю «Два учителі» в цьому виданні.

¹¹ Ященко Леонід (1833—?) — студент Київського, потім Московського університетів. Автор підручника «Граматика задля українського люду» (1862).

¹² «Домашняя беседа» («Домашняя беседа для народного чтения») — правоохоронницька газета, яка видавалася у Петербурзі з 1858 по 1877 р. і на чолі якої стояв Віктор Іпатійович Аскоченський (1813—1879).

¹³ «Русская беседа» — журнал слов'янофільського напряму, який виходив у 1856—1860 рр. у Москві. Виступав за певні громадські свободи, звільнення селян від кріпацтва, підтримував поширення у народі грамотності та релігійного виховання.

¹⁴ «День» — слов'янофільська газета, яка виходила у Москві в 1861—1865 рр. і яку тривалий час редактував І. Аксаков. Обстоюючи певні конституційні свободи, виступала в той же час проти революційного руху.

¹⁵ Катков Михайло Никифорович (1818—1887) — російський публіцист, в 40—50-х роках близький до ліберальних кіл, згодом відвертий шовініст.

¹⁶ Йдеться про інсінуації російської та польської шовіністичної преси, яка, використовуючи посилення боротьби царської влади з революційною пропагандою, намагалась довести прямий зв'язок національно-культурницької праці на Україні з революційним рухом або ж приписувала українофілам політичний сепаратизм. Наслідком таких інсінуацій став Валуєвський указ 1863 р., який різко обмежував можливості українського друкованого слова.

¹⁷ Павлов Платон Васильович (1823—1895) — російський історик, професор Київського університету (1847—1861, після перерви — з 1873).

¹⁸ Васильчиков Іларіон Іларіонович (1805—1863) — київський, подільський і волинський генерал-губернатор.

¹⁹ Шевирьов Степан Петрович (1806—1864) — російський літературний критик, історик літератури і поет.

²⁰ Устялов Микола Герасимович (1805—1870) — російський проофіційний історик.

²¹ Булгарін Фадей Венедиктович (1789—1859) — російський журналіст і письменник.

²² Сенковський Осип Іванович (псевдонім Барон Брамбеус; 1800—1858) — російський письменник, журналіст, сходознавець, редактор журналу «Бібліотека для чтения» (з 1834).

²³ За всіма правилами мистецтва (лат.)

²⁴ Шульгін Віталій Якович (1822—1878) — професор історії Київського університету, редактор газ. «Киевлянин» (з 1864). Деякий час підтримував Драгоманова, рекомендував його на кафедру, але потім розійшовся з ним через неприязнь до українофільства.

²⁵ Бунге Микола Христянович (1823—1897) — російський політеконом, ректор Київського університету (1859—1862, 1871—1875, 1878—1888).

²⁶ Грановський Тимофій Миколайович (1813—1855) — російський історик і громадський діяч. Його праці мали вплив на розвиток М. Драгомановим теорії історичного прогресу.

²⁷ Тобто процесу над російським революціонером Дмитром Володимиро-

вичем Каракозовим (1840—1866), котрий вчинив замах на царя Олександра II 4 квітня 1866 р.

²⁸ «Весть» — політична і літературна газета, яка виходила у Петербурзі в 1863—1870 рр., була органом дворянсько-кріпосницької опозиції реформам 60-х років, вела боротьбу з ліберальною пресою.

²⁹ Псевдонім Царедавенко належав Єфименкові П. С.

³⁰ «Московские ведомости» — газета, яка виходила у Москві в 1756—1917 рр. Редакторами її були у 1856—1862 рр. Е. Ф. Корш, в 1863—1887 рр.— М. М. Катков. З 1863 р. газета різко виступила проти всього передового в суспільному житті та літературі.

³¹ У прокламації «Молодая Россия» (травень 1862), написаній революціонером П. Г. Заїчневським, закликалося до революційної перебудови суспільства і передусім до знищення сім'ї імператора та членів його «партії». Драгоманов не поділяв таких вузькоzemовницьких планів і обстоював ідею широкої просвіти народу і здобуття конституційних свобод. З приводу цього члени Київської Громади опублікували «Отзыв из Киева» (Современная летопись «Русского вестника». 1862. № 46), де водночас відмежувалися від причетності до терористичних програм.

³² «Временная педагогическая школа» була створена у Києві за розпорядженням міністра О. В. Головніна для підготовки майбутніх вчителів народних шкіл, які б мали протистояти польським впливам на Волині, Поділлі та Київщині.

³³ Вороний Феодосій Якович (1837—1910) — студент Київського університету, згодом директор Кишинівської гімназії, де вчителював І. С. Нечуй-Левицький.

³⁴ Юзефович Михайло Володимирович (1802—1889) — помічник куратора Київського учбового округу (1842—1858), голова Тимчасової комісії для розгляду давніх актів у Києві.

³⁵ Тулов Михайло Андрійович (1824—1888) — український педагог, заступник попечителя Київського учбового округу.

³⁶ Кониський Олександр Якович (1836—1900) — український письменник, педагог і громадський діяч.

³⁷ Катков у власних виданнях підносив так звану «погодінську колонію» у Львові — москофілів, які писали «язичієм» і орієнтувалися на політику російського царського уряду, отримуючи від нього певні субсидії на свої видання.

³⁸ Дідицький Богдан Андрійович (1827—1909) — український поет і журналіст, редактор москофільської газети «Слово».

³⁹ «Сіон» — щотижневий журнал російських євреїв, що виходив в Одесі в 1861—1862 рр. Проводив програму загальної єдності євреїв. Вів полеміку з «Основою».

⁴⁰ Корф Микола Олександрович (1834—1883) — російський педагог і методист, організатор земських шкіл на Катеринославщині.

⁴¹ «Вестник Юго-Западной Руси» («Вестник Юго-Западной и Западной России») — щомісячний історико-літературний журнал, який виходив у Києві з 1862 по липень 1864 р. за редакцією К. Говорського, а пізніше до 1871 р. у Вільно. Займаючи шовіністичні позиції, виступав проти польського патріотичного руху, проти поширення в народі творів Т. Шевченка.

⁴² Йдеться про оповідання, яке вперше було надруковане в «Правді», Всеволода Порфирівича Коховського (1835—1891), українського письменника та педагога, начальника військово-педагогічного музею у Петербурзі.

⁴³ «Голос» — щоденна політична та літературна газета, яка виходила у Петербурзі в 1863—1884 рр. Обстоювала еволюційні заходи уряду, всезагальну шкільну освіту. За редакторства історика В. Більбасова стала впливовим органом лібералів.

⁴⁴ Валуев Петро Олександрович (1814—1890) — міністр внутрішніх справ (1861—1868), який, заперечуючи будь-яку самостійність української мови,

1863 р. підписав циркуляр про різке скорочення українського друку і про заборону української мови в школі.

⁴⁵ «*Ятровка*» (1864) належить перу маловідомого літератора О. Цисса.

⁴⁶ Тут йдеться про М. І. Костомарова.

⁴⁷ «*Современник*» — літературний журнал, який виходив у 1836—1866 рр. у Петербурзі, з 1847 р. видавцями-редакторами були М. О. Некрасов й І. І. Панаєв. Був трибуною пропаганди ідей соціалізму. Закритий у квітні 1866 р. у зв'язку із каракозівським замахом.

⁴⁸ «*Отечественные записки*» — літературно-науковий і політичний журнал, який виходив у Петербурзі в 1839—1884 рр. Редактором тривалий час виступав А. О. Краєвський, з 1868 по 1877 — М. О. Некрасов.

⁴⁹ «*Русское слово*» — літературно-політичний журнал, що в 1859—1866 рр. виходив у Петербурзі. За редакторства Г. Благосвітлова у журналі співробітничали Д. Писарев, В. Зайцев, А. Щапов.

⁵⁰ «*Дело*» — літературно-політичний щомісячний журнал, який виходив у 1866—1888 рр. у Петербурзі. До 1880 р. фактичним редактором був Г. Є. Благосвітлов. У виданні поєднувались революційно-просвітницькі тенденції із народницькими.

⁵¹ *Кельсієв В. І.* — політичний емігрант. Близький до Герценя і його гуртка в Лондоні, він прагнув залучити старообрядців до революційного руху. Розчарований і зламаний після поневірянь за кордоном, здався російській владі. Автор покаянних спогадів «Пережитое и передуманное» (1868).

⁵² О. Ширинський-Шихматов, приїхавши із Вільна до Києва, привіз із собою читанку для білорусів, яку різко критикували за казенність її рецензент педагог В. І. Водовозов. У київському варіанті читанки теж не було нічого рідного українським учням. Тому Драгоманов, аналізуючи її у статті «Земство и местный элемент в народном образовании» («Санкт-Петербургские ведомости», 1866, ч. 93), обстоював зовсім інший принцип викладання у школах — від рідної мови до російської як державної. Попечитель відразу ж доніс новому міністру народної освіти Д. Толстому про українські настрої Драгоманова.

⁵³ *Андріяшев Олексій Хомич* (1826—1898) — директор 1-ї гімназії у Києві, видавець книжечок для народного читання. Драгоманов був одним із авторів комічної опери «Андріяшада» про цього педагога-обрусиеля.

⁵⁴ «*Друг народа*» — газета, яка виходила у 1867—1878 рр. у Києві, підтримувала русифікаторську політику уряду.

⁵⁵ *Ушинський Костянтин Дмитрович* (1824—1871) — вітчизняний педагог, засновник педагогічної науки і народної школи в Росії.

⁵⁶ *Лесевич Володимир Вікторович* (1837—1905) — український філософ, етнограф. У створенні ним народній школі в селі Денисівка на Полтавщині вчителював Шимановський Борис Опанасович, засланий пізніше за українофільство.

⁵⁷ *Лозунг (фр.)*.

⁵⁸ *Мазад Шарль* (1824—1893) — відомий французький журналіст і письменник.

⁵⁹ *Іванишев Микола Дмитрович* (1811—1874) — український історик права, професор Київського університету, головний редактор видань Київської археографічної комісії.

⁶⁰ *Верхньонімецька (нім.)*.

⁶¹ *Діц Фрідріх* (1794—1876) — німецький лінгвіст, один із найбільших світових авторитетів у галузі романських мов.

⁶² *Янесмин (Жансемін) Жаку* (1798—1864) — провансальський поет (на гасконському діалекті).

⁶³ *Обанель (Обанель) Теодор* (1829—1886) — провансальський поет.

⁶⁴ *Містраль Фредерік* (1830—1914) — провансальський поет. Очолював гурток прихильників відродження місцевої мови і культури (так званих фелібрів).

⁶⁵ Період бурі і натиску (*нім.*).

⁶⁶ Даль Володимир Іванович (1801—1872) — російський лексикограф, письменник.

⁶⁷ Нижньонімецька (*нім.*).

⁶⁸ Місцевим наріччям (*фр.*).

⁶⁹ Один замість одного; плутанина (*лат.*).

⁷⁰ Пій IX (1792—1878) — папа римський з 1846 р.

⁷¹ Леонарді Джакомо (1798—1837) — граф, італійський поет.

⁷² Маціні (Мадзіні) Джузеппе (1805—1872) — італійський революціонер, борець за національне визволення Італії.

⁷³ Поняття «туранські» утворив німецький філолог Макс Мюллер, назавши так народи, що населяють відроги Алтаю, очевидно, виводячи це поняття від *Турану* — старовинної назви території тодішньої Туркменії. Польський письменник Генрік Духінський (1817—1886), розчарований невдачами польського повстання 1863 р., вибудував цілу гіпотезу про «туранізм» росіян, котрим нібіто властиве азіатство, на відміну від арійства інших європейських націй.

⁷⁴ Рідкість (*лат.*).

ТУРКИ ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ

Письмо к издателю «Нового времени»

Вперше надруковано окремою брошурою (Женева, 1876). Стаття у зібрання творів не включалась. Авторська дата 27 листопада 1876 (Женева).

Подається за першодруком.

¹ «*Новое время*» — літературна і політична газета, яка в 1868—1917 рр. виходила у Петербурзі. Забравши в 1876 р. редакцію в свої руки, О. Суворін (1834—1912) надав газеті дещо ліберального характеру, але вже й тоді вона підтримувала русифікацію в Польщі, а після 1877 р. відверто повернула до російського шовінізму.

² «*Русский мир*» — політична, економічна та літературна газета, яка видавалась у Петербурзі в 1871—1880 рр. Критикувала «західників», вела полеміку з демократичною пресою.

³ Можливо, йдеться про Теофана Олександровича Василевського (літ. псевдонім — Соффрон Кругль; пом. 1915), українського публіциста, добровольця у сербсько-турецькій війні (1875—1878), який прислав у російські та галицькі газети статті із Герцоговини. Таким же добровольцем був і поет Іван Манжура, нагороджений сербською медаллю за відвагу.

⁴ «*Биржевые ведомости*» — комерційна газета, яка виходила в 1861—1879 рр. у Петербурзі. Будучи органом ліберальної буржуазії, підтримувала конституційні свободи, земську діяльність, виступала проти засилля реакційного дворянства.

⁵ Гольдштейн Д. А. — єврей-доброволець із Росії, який у битві при Аліксінці проявив мужність і винахідливість, був відзначений генералом Черняєвим і помер у подальшому бою від ран.

⁶ Тобто пророкування.

⁷ Тут і в інших місцях Драгоманов послідовно викриває централізаторську політику царя Івана III Васильовича (1440—1505), який, прагнучи підірвати владу великого князя литовського Казимира IV на сусідніх, українських, землях, підбив кримського хана Менглі-Гірея на захоплення Чернігова та Києва.

⁸ Завжди гаразд (*лат.*).

⁹ «*Киевский телеграф*» — неофіційна суспільно-політична і літературна газета, яка виходила в 1854—1876 рр. у Києві. У 1874—1876 рр., коли її фак-

тично редактував М. Драгоманов, стала органом пропаганди демократичних ідей, національно-культурної діяльності, чим викликала її заборону з боку влади.

¹⁰ Кандійське питання було викликане повстанням жителів острова Кандії (з осені 1886 р. по 1888 р.) проти турків за приєднання до Греції.

¹¹ Горчаков Олександр Михайлович (1798—1883) — міністр закордонних справ Росії (1856—1882).

¹² Ристич Йован (1831—1899) — сербський державний і політичний діяч. Під час сербсько-турецької війни 1876—1878 рр. домагався активних воєнних дій Росії проти Турецької.

¹³ Черняєв Михайло Г. (1828—1898) — царський генерал, авантюрист, який очолював загони російських волонтерів під час визволення балканських слов'ян.

¹⁴ Милан Обренович (1854—1901) — сербський король (1882—1889). Втягнувши країну у війну з Туреччиною, лише завдяки втручанню Росії врятував Сербію від поразки. Спирався на реакційні сили в країні, розпустив Народну скупщину (1875).

¹⁵ Дізраелі Бенджамін (1804—1881) — знаменитий англійський державний діяч.

¹⁶ Абдул-Керім-паша — командуючий турецькою армією.

¹⁷ Тобто героїна роману І. Тургенєва «Накануне».

¹⁸ Порта — Оттоманська імперія.

¹⁹ Бакунін Михайло Олександрович (1814—1876) — російський революціонер, ідеолог анархізму. Його праці значно вплинули на формування конституційної програми М. Драгоманова, який видавав і аналізував спадщину цього діяча.

²⁰ Март'янов Петро Олексійович (1834—1865) — російський політичний діяч, письменник, колишній кріпак. У праці «Народ и государство» та в «Письме к Александру II» із Лондона (Колокол. 1862. № 132) радив російському цареві скликати Земський Собор. Автора листа після повернення його в Росію було засуджено на заслання до Сибіру.

²¹ Східний тупик (фр.).

²² Толстой Дмитро Андрійович (1823—1889) — російський державний діяч, міністр народної освіти (1866—1880), міністр внутрішніх справ і шеф жандармів (1882—1889).

²³ Бісмарк Отто фон (1815—1898) — німецький державний діяч, об'єднав німецькі землі в одну державу під зверхністю Пруссії. В 1871—1890 рр.— рейхсканцлер Німеччини.

²⁴ Андраши Дьюла (1823—1890) — граф, угорський політичний діяч. В 1871—1879 рр.— міністр закордонних справ Австро-Угорщини.

²⁵ Гогенварт Карл Сигізмунд (нар. 1824) — австрійський державний діяч, міністр-президент і міністр внутрішніх справ. На останньому посту він пробув лише дев'ять місяців через відсутність підтримки його реформістських проектів цісарем.

²⁶ Тут порівняння з політичними діячами Стародавнього Риму Гракхами Тіберієм (162—133 чи 132 до н. е.) і Гаєм (153—121 до н. е.), які для зміцнення держави провели ряд реформ, чим викликали невдоволення сенаторів і власну насильницьку смерть.

УЧЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАПАДНОРУССКИЙ КРАЙ

(Рец. на к.:) Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные действительным членом П. П. Чубинским, в семи томах.

Вперше надруковано у журн. «Вестник Европы» (1877, т. 3, с. 85—109) за криптонімом *M. T.-овъ*. Входило до зібрання: *Драгоманов М.* Розвідки про українську народну словесність і письменство. Т. 1. С. 103—127.

Подається за першодруком.

¹ *Щапов Афанасій Прокопович* (1831—1876) — російський історик церковного розколу, старообрядництва.

² «Журнал Министерства народного просвещения» — щомісячний відомний журнал, який виходив у 1834—1917 рр. і в якому публікувались праці великих вчених Росії (Ф. Буслаєва, О. Веселовського, Р. Віппера, Т. Грановського), також статті М. Драгоманова.

³ *Номис* (псевдонім Матвія Терентійовича Симонова; 1823—1901) — український етнограф і фольклорист; педагог. Упорядник фундаментальної збірки «Українські приказки, прислів'я і таке інше» (СПб., 1864).

⁴ Йдеться про видання «Пісні про кохання» (К., 1864), здійснене студентом Б. Лавренком на основі фольклорних записів О. І. Лоначевського.

⁵ *Рубець Олександр Іванович* (1838—1913) — український фольклорист і хоровий диригент, видавець українських пісенних збірників.

⁶ *Тобто І. Я. Рудченко.*

⁷ Географічне товариство було засноване 1845 р. з відділами у різних частинах держави, зокрема в Києві у лютому 1873 р. Завдяки старанням П. Чубинського Південно-західний відділ відразу поставив за мету широку українознавчу працю, а в 1879 р. за «Труды экспедиции...» сам Чубинський отримав Уваровську премію.

⁸ *Головнін Олександр Васильович* (1821—1886) — російський державний діяч, міністр народної освіти (з 1861). Сприяв виробленню нових статутів: університетського (1863), гімназіального (1864), положення про народні школи (1864), закону про пресу (1865).

⁹ *Чечот Ян* (пом. 1847) — польський фольклорист, збирач і перекладач польських і білоруських народних пісень.

¹⁰ *Зенкевич Ромуальд* (пом. 1868) — один із перших білоруських етнографів, зібрав і видав цінний збірник «Гмінні пісні пінського люду» (Ковно, 1851), де є також пісні з українського Полісся.

¹¹ *Кіркор Адам Гонорій* (1818—1866) — польський і білоруський археолог, лінгвіст, публіцист. Автор праці «Покуття з археологічного погляду» (1876).

¹² Можливо, йдеться про Михайла Бобровського (нар. у кінці XVIII ст.) — російського палеографа, професора Віленського університету.

¹³ «*Віленский вестник*» — газета, яка, маючи велику історичну традицію, під різними назвами виходила у Вільні, у 60-х роках мала пропольське спрямування, і лише прямі заходи генерал-губернатора М. Муравйова перетворили її в російський орган.

¹⁴ *Шейн (Шеїн) Павло Васильович* (1826—1903) — білоруський етнограф і лінгвіст, збирач білоруських і російських народних пісень.

¹⁵ Йдеться про «Сборник белорусских пословиц» (в «Сборнике Императорского географического общества по отд. этнографии», 1867—1869, т. 2), укладений білоруським фольклористом, лексикографом Іваном Івановичем Носовичем (1788—1877).

¹⁶ *Руліковський Едвард* (1825—1900) — польський історик та етнограф, видав кілька праць на підставі етнографічних матеріалів, зібраних, зокрема, на Кіївщині.

¹⁷ *Новосельський* (псевдонім Антоні Марцинковського; 1823—1880) — польський літературний критик, етнограф, постійний автор петербурзького «*Tygodnika literackiego*». Видав збірник «*Lud ukraiński*» (в 2 т., Вільно, 1857).

¹⁸ *Димінський Андрій Іванович* (1829—1905) — український фольклорист і етнограф. Записані ним пісні ввійшли у фольклорні збірки М. Драгоманова.

¹⁹ Єфименко Петро Савович (1835—1908) — український фольклорист, висланий (1863) на адміністративне заслання в Архангельську губернію.

²⁰ Кістяківський Олександр Федорович (1833—1895) — український прапорщик, професор Київського університету, член київського відділу Географічного товариства. Батько Б. О. Кістяківського, майбутнього видавця «Політических сочинений» М. П. Драгоманова (1908).

²¹ Михальчук Костянтин Петрович (1841—1914) — український мовознавець-діалектолог, активний член Київської громади. Автор дослідження «Наріччя, піднаріччя і твори Південної Росії в зв'язку з наріччями Галичини» (1877).

²² Під рапхманами окремі дослідники розуміли брахманів в Індії, які шукали зближення з християнством. За народним повір'ям, це бідні жителі в далеких землях, які святкували Великдень через 3,5 тижня після православних.

²³ Єфименко Олександра Яківна (1848—1918) — український і російський історик, етнограф, дружина П. С. Єфименка.

²⁴ Йдеться про книгу духовних віршів.

²⁵ Веди — найдавніші пам'ятки індійської релігійної літератури, що склалися протягом II—I тисячоліть до н. е.: Рігведа, Самеведа, Яджурведа і Атхарваведа.

²⁶ Індра — верховний бог і покровитель церковної влади у ведійській релігії в Індії.

²⁷ Афанасьев Олександр Миколайович (1826—1871) — російський історик, літературознавець і фольклорист. Видавець збірників народних казок і легенд, автор монографії «Поэтические воззрения славян на природу» (1865—1869), де використано український матеріал.

²⁸ Тобто пов'язані з церковною спресою в Болгарії, Сербії, прихильники якої виступали за наближення церкви до інтересів простої людини.

²⁹ Лель — бог кохання у слов'янській міфології.

³⁰ Леже Луї (1843—1923) — французький історик, професор слов'яно-знавства в Колеж Де Франс. Листвувався з Драгомановим, рецензував його праці у французьких славістичних виданнях.

³¹ Сахаров Іван Петрович (1807—1863) — російський етнограф, фольклорист, археолог. Здійснив багатотомні видання «Сказаний русского народа...» (1836—1849), «Путешествий русских людей в чужие земли» (1837), «Песен русского народа» (1838—1839) та ін.

³² Йдеться про статтю «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества» М. Костомарова (Беседа. 1872. Кн. 4—6, 8, 10—12), яка була переробленим і доповненим варіантом його докторської дисертації «Об историческом значении русской народной поэзии» (1843).

«Беседа» — науковий, літературний і політичний журнал слов'янофільської орієнтації, який виходив у 1871—1872 рр. у Петербурзі.

³³ Веселовський Олександр Миколайович (1838—1906) — російський історик літератури, академік Петербурзької АН. Виступав рецензентом фольклористичних праць М. Драгоманова.

³⁴ «Санкт-Петербургские ведомости» — офіційна щоденна газета, яка виходила з 1728 р. у Петербурзі при Академії наук, з 1875 р.— при Міністерстві народної освіти. За редакторства Е. Корша у 70-х роках тут регулярно виступав з приводу слов'янського питання М. Драгоманов.

³⁵ Вересай Остап Микитович (1803—1890) — кобзар із Прилуччини, особливо популярний після свого виступу на київському археологічному з'їзді 1874 р.

³⁶ Нарис О. Русова та стаття М. Лисенка про техніку гри Вересая опубліковані в «Записках Юго-Западного отдела Императорского русского географического общества» (К., 1874. Т. 1).

³⁷ Манджура (Манжура) Іван Іванович (1841—1893) — український поет, фольклорист. Листвувався із М. Драгомановим.

³⁸ Стоянов Олександр Петрович — український етнограф, вчитель у Пол-

таві, з 1878 р.— директор Кутаїської гімназії. Друкувався в «Киевской старине».

³⁹ Йдеться про фольклорну публікацію в журналі «Основа» (1862. № 5. С. 62—74).

⁴⁰ Караджич Вук Стефанович (1787—1864) — сербський письменник, філолог, етнограф, фольклорист, упорядник одної з перших збірок народних пісень «Народна србска песнарица» (Віденськ, 1815).

⁴¹ Уланд Людвіг (1787—1862) — німецький поет-романтик, збирач і дослідник фольклору, передусім старонімецького епосу.

⁴² Очевидно, тут цитується італійське видання знаменитого твору Джованні Боккаччо (1313—1375), бо перший російський переклад було здійснено О. М. Веселовським лише в 1891—1892 рр.

⁴³ Пипін Олександр Миколайович (1833—1904) — російський літературознавець, автор спеціальних монографій, присвячених українській літературі та фольклору. Представник історико-культурної школи в літературознавстві.

⁴⁴ Йдеться про публікацію «Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым» у науковому історико-літературному збірнику «Летописи русской литературы и древности» за редакцією М. Тихонравова (М., 1862. Т. 4).

⁴⁵ Губернатіс Анджелло (1840—1913) — італійський історик світової літератури, редактор журн. «Rivista Europea», де широко публікувалися праці Драгоманова.

⁴⁶ Якушкін Павло Іванович (1820—1872) — російський письменник, фольклорист, етнограф. Друкувався в «Основі». Близький знайомий Марії та Опанаса Марковичів.

⁴⁷ Шишков Олександр Семенович (1754—1841) — російський державний діяч і письменник, міністр освіти за царя Олександра I, в 1824—1828 рр.

⁴⁸ Іконников Володимир Степанович (1841—1923) — український історик, професор Київського університету, редактор «Університетських ізвестій».

ПЕРЕДНЕ СЛОВО [ДО «ГРОМАДИ» 1878 р.]

Вперше надруковано у зб. «Громада» (Женева, 1878). Авторська дата 30 apr. 1878. Передруковано М. Грушевським у збірнику «З починів українського соціалістичного руху. Мих. Драгоманов і женевський соціалістичний гурток» (Віденськ, 1922), а також включалось у зібрання: Драгоманов М. П. Вибрані твори. Прага, 1937. Т. 1.

Подається за першодруком.

¹ «Громада» — неперіодичний громадсько-політичний і літературний збірник, який М. Драгоманов за дорученням Київської громади видавав у Женеві в 1878—1879, 1882 рр. за участю С. Подолинського, Ф. Вовка, А. Ляхоцького. Усього здійснено п'ять випусків цього позацензурного видання.

² Підписання угоди 1686 р. між Росією і Польщею, всупереч інтересам козацьких полків, призвело до розподілу українських земель. Польща лишала за собою Правобережжя, за винятком Києва та його околиць, які, як і Лівобережна Україна, відійшли до Росії. Після арешту і заслання гетьмана Самойловича, який не схвалював московсько-польське зближення, на Україні почався наступ царського уряду на рештки козацької автономії і все ширшала прірва між козацькою старшиною і простим народом.

³ Петрик Іван (пом. 1696) — військовий канцелярист. Прагнув підняти повстання проти І. Мазепи, нібито оборонця інтересів «драпіжних панів» (1692). При цьому сподівався на допомогу від кримських татар. У боротьбі

з переважаючими силами війська Мазепи повстанці потерпіли поразку. Див.: *Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. К., 1990. С. 232—233.*

⁴ *Соловьев Сергий Михайлович (1820—1879)* — російський історик, автор 29-томної «Істории России с древнейших времен».

⁵ *Шерер Йосип Бенедикт (1741—1824)* — німецький письменник, викладав у Тюбінгенському університеті історію Росії, автор праці з історії України (1788).

⁶ *Енгель Йоганн Христіан (1770—1814)* — австрійський історик, автор «Історії Галича і Володимира» (1792), «Історії України та українських козаків» (1796).

⁷ *Ісько Материнка* — псевдонім Осипа Бодянського.

⁸ *Гаркуша Семен (1739—1784)* — ватажок селянських повстанців проти панів. Його образ широко ввійшов в українську літературу.

⁹ *Кирило-Мефодіївське братство* — таємна політична організація у Києві (1845—1847), яка ставила завдання ліквідувати кріposne право, скусувати дворянські привілеї, побудувати державу слов'янських народів на засадах федерації (див. про це ширше: *Козак С. Українські змовники і месіаністи братства Кирила і Мефодія. Варшава, 1990*). Усіх учасників братства після слідства в Третьому відділенні було жорстоко покарано.

¹⁰ *Гоцинський Северин (1801—1876)* — польський поет-романтик, найталановитіший представник «української школи» в польській літературі.

¹¹ У зв'язку із війною проти Франції та Туреччини російський уряд весною 1855 р. оголосив набір добровольців до війська. Багато селян на Київщині зрозуміли це як заклик до відновлення козаччини і стали організовуватись у сотні, відмовляючись відбудувати панщину. Перелякані поміщики запросили війська для розгрому повсталих.

¹² Так називали на Україні борця за визволення Італії з-під влади австрійської монархії і за об'єднання усіх італійських земель Джузеппе Гарібальді (1807—1882). Популярність таких чуток про Гарібальді підтверджує й інший «громадівець» — А. Свидницький.

¹³ «Мета» — літературно-політичний журнал народовців, який у 1863—1865 рр. виходив у Львові за редакцією К. Климковича. Передруковував багато матеріалів із «Основи».

¹⁴ Так було у другому томі празького «Кобзаря» (1876), який упорядкували Ф. Вовк і О. Русов. Очевидна помилкова заміна слів «кайдани порвіте» в автографі «Заповіту».

¹⁵ *Дейст* — прихильник вчення, яке, визнаючи бога першопричиною світу, відкидає його втручання в природні явища й суспільне буття.

¹⁶ *Бужинський Гаврило Федорович* (бл. 1680—1731) — російський і український письменник і церковний діяч. Соратник Ф. Прокоповича. Перекладач творів Еразма Роттердамського, С. Пуффендорфа.

¹⁷ *Житецький Павло Гнатович (1837—1911)* — український філолог, педагог і громадський діяч. Досліджував історичну фонетику української мови, зокрема таку її пам'ятку, як Пересопницьке Євангеліє 1556—1561 рр. (з Переопницького монастиря на Волині). Приятели відзначали його як «Платину В. П. Павло Гнатович Житецький. К., 1987».

¹⁸ *Духнович Олександр Васильович (1803—1865)* — український письменник і педагог, культурно-освітній діяч-москвофіл на Закарпатті.

¹⁹ *Раковський Іван (1815—1885)* — редактор московільських видань «Церковный вестник», «Церковная газета».

²⁰ *Павлович Олександр Іванович (1819—1900)* — український поет на Закарпатті (нині Східна Словаччина).

²¹ *Кошут Лайош (1802—1894)* — угорський політичний діяч, один із керівників революції 1848—1849 рр., яка ставила завдання відновити державну самостійність Угорщини.

²² Єдине Італійське королівство було створене в 1861 р.

²³ *Овен (Оуен) Роберт* (1771—1858) — англійський вчений, один із теоретиків утопічного соціалізму і кооперативного руху.

²⁴ *Сен-Сімон Анрі Клод* (1760—1825) — французький соціаліст-утопіст.

²⁵ *Блан Луї* (1811—1882) — французький соціаліст-утопіст, історик. Заперечував класову боротьбу.

²⁶ *Прудон П'єр Жозеф* (1809—1865) — французький соціолог і публіцист, один із ідеологів анархізму, обстоював ідею заміни держави кооперативними, договірними відносинами. Його вчення вплинуло на становлення поглядів Драгоманова.

²⁷ *Лассаль Фердинанд* (1825—1864) — німецький політичний діяч, один із засновників німецької робітничої партії (1863) і авторів реформістської «Готської програми» (1875).

²⁸ *Дюрінг Карл Евген* (1833—1921) — німецький філософ і економіст. Висунув ідею реформування буржуазної держави на соціалістичних засадах.

²⁹ *Мілль Джон Сьюарт* (1806—1873) — англійський філософ, політеконом, публіцист. Автор праць «Система логіки», «Основи політичної економії».

³⁰ *Лавеле (Лавельє) Еміль Луї Віктор де* (1822—1892) — бельгійський економіст, історик, публіцист. 1879 р. I. Франко видав переклад його праці «Земельна власність і її історія». Лавеле ж у популярному французькому журналі «Revue des deux Mondes» опублікував статтю «Польське й українське питання в Галичині».

³¹ *Шефле Альберт* (1831—1903) — німецький економіст і державний діяч. Представник так званого державного соціалізму.

³² *Ланге Фрідріх* (1828—1875) — німецький філософ та економіст, автор праць «Історія матеріалізму і критика його значення», «Робітниче питання та його значення в сучасному й майбутньому».

³³ *Мен Альберт* (нар. 1841) — французький парламентський діяч-клерикал.

³⁴ *Маурер Георг Людвіг* (1790—1872) — німецький історик права і політичний діяч.

³⁵ *Гакстгаузен Август Франц Людвіг* (1792—1866) — німецький літератор і економіст, після відвідання Росії (1843—1844) написав ряд праць про російську общину.

³⁶ *Кавелін Костянтин Дмитрович* (1818—1885) — російський ліберальний публіцист та історик.

³⁷ *Зубрицький Денис Іванович* (1777—1862) — український історик-московіфіл, архівіст, етнограф.

³⁸ *Петрушевич Антон Степанович* (1821—1913) — український історик, філолог та етнограф.

³⁹ *Щараневич Сидір Іванович* (1829—1901) — український історик-московіфіл, автор праць з історії та археології Галичини та Волині.

⁴⁰ «Конгрес проголосує, що необхідно, аби держава чи комуна, представляючи і включаючи в себе більшість народу, посідала землю і всі інші знаряддя праці» (фр.).

⁴¹ Згадані питання М. Драгоманов широко розглянув у монографії «Историческая Польша и великорусская демократия».

⁴² *Association International des Travailleurs* (Міжнародна спілка трудящих, або Інтернаціонал) — організація, створена під керівництвом К. Маркса 1864 р. у Лондоні для захисту інтересів робітників. Внаслідок різного трактування його ставлення до політичної боротьби Інтернаціонал розділився на марксистську і бакунінську течії і в 1876 р. розпався.

⁴³ *Бонапарт Наполеон III* (1808—1873) після обрання президентом Французької республіки (1848) влаштував з часом державний переворот (2 грудня 1852) і, проголосивши себе імператором, запровадив деспотичний режим.

⁴⁴ У Галичині 1878 р. відбувся судовий процес над I. Франком, О. Терлецьким, М. Павликом та іншими за приналежність до соціалістичної партії та переховування соціалістичної літератури.

⁴⁵ «Набат» — безцензурна газета російських революціонерів-народників у Женеві (з 1875).

⁴⁶ Партія «Земля і воля» організувала першу в Росії беззбройну демонстрацію в Петербурзі.

⁴⁷ Студент Іван Ковальський (1850—1878) вів пропаганду серед сектантів, при затриманні жандармами вчинив збройний опір і після суду був розстріляний 2 серпня 1878 р.

⁴⁸ Революціонерка Віра Засулич (1851—1919) після замаху на петербурзького градоначальника Трепова, який побив політичного в'язня Боголюбова, в ході судового процесу була виправдана. Після виїзду за кордон заснувала групу «Освобождение труда».

⁴⁹ Енгельгардт Олександр (1828—1893) — російський вчений-хімік, публіцист.

⁵⁰ Йдеться про прихильників французького політичного діяча Гамбетти Леона Мішеля (1805—1881).

⁵¹ Фенія — революційна партія в Ірландії, яка боролась переважно терористичними актами (з 1858 р.) за незалежність Ірландії від англійської королівської влади.

⁵² Дещо видозмінена цитата із вірша О. Пушкіна «Клеветникам России».

⁵³ Це видання так і не побачило світу. Див. про це примітку у вид.: Драгоманов М. П. Вибрані твори. Прага, 1937. Т. 1. С. 385.

ШЕВЧЕНКО, УКРАЇНОФІЛИ І СОЦІАЛІЗМ

Вперше надруковано у зб. «Громада» (1879, № 4, с. 101—230). Авторська дата 28 листопада 1878 р.

Праця ця з'явилася в результаті тривалих спостережень автора над спадщиною Шевченка, якій Драгоманов, зокрема, присвятив нарис у петербурзькій газеті «Неделя» (1874, № 37), статтю «Славянское и русское значение Шевченко» («Киевский телеграф», 1876, 1 липня) тощо. Пізніше неодноразово передруковувалася: 1906 р. у Львові з передмовою І. Франка; 1914 р. у Києві з передмовою А. Ніковського; у 1937 р. у Празі (лише третя частина); 1970 р. у Києві.

Подається за першодруком із врахуванням ряду мовноправописних моментів у львівському та київському (1970) виданнях.

¹ Беліал — Сатана.

² Критика цих поглядів Куліша на Шевченка містилась у рецензії на «Історию воссоединения Руси» (Киев, телеграф. 1875. № 32), яка, очевидно, належить М. Драгоманову.

³ «Вечерниці» — перший літературно-громадський журнал народовців, який виходив у 1862—1863 рр. у Львові. Опублікував 15 творів Шевченка і статті «Слівце правди» Д. Танячкевича, «Ми і вони» К. Климковича в оборону поета від польської шовіністичної преси.

⁴ Качала Степан (1815—1888) — галицький громадсько-культурний діяч. Драгоманов разом із членами Старої громади двічі виступав проти основних положень його брошюри «Політика русинів» (підписаної псевдонімом М. Загірний).

⁵ Ільницький Василь (1823—1895) — український педагог і літератор, директор української гімназії у Львові.

⁶ Згарський Євген Якович (1834—1892) — галицький письменник.

⁷ Огоновський Омелян Михайлович (1833—1894) — історик української літератури, професор Львівського університету. Цикл його статей «Критично-естетичний погляд на декотрі поезії Т. Шевченка» було надруковано у журн. «Правда» (1872. № 9; 1873. № 1; 3—6; 13).

⁸ С. С. — криптонім українського етнографа, антрополога і археолога

Вовка (Волкова Федора Кіндратовича; 1848—1918). Співробітник Драгоманова по Київській громаді і в Женеві, де вони разом видавали твори Шевченка і праці про нього в «Громаді».

⁹ Тобто на взірець москофільської газети «Слово» (1861—1887), яка отримувала таємні субсидії від російського уряду.

¹⁰ *Барвінський Володимир Григорович* (1850—1883) — український громадський діяч, письменник, редактор «Правди» (1876—1880), «Діла» (1880—1883). Автор доповіді «Поезія Т. Шевченка а наше народне життя» (1878) стверджував міжслов'янське значення поета.

¹¹ «Руский Сіон» — двотижневий церковний часопис, що виходив у Львові в 1871—1880 рр. за ред. професорів-теологів Сильвестра Сембратовича і Юліана Пелеша.

¹² «Просвіта» — культурно-освітня організація, заснована 1868 р. народовцями у Львові. Організовувала шевченківські вечори, видавала твори Шевченка, правда, досить обкросні, але й такі, що не публікувалися в Росії.

¹³ Драгоманов вважав, що ця стаття написана «донощиком» Рігельманом Миколою Аркадійовичем (1818—1888), поміщиком, заступником голови Слов'янського комітету у Києві, що замолоду під впливом О. І. Рігельмана та Г. П. Галагана мав певні українофільські симпатії.

¹⁴ Цебто Драгоманов.

¹⁵ «Січ» — організація українських студентів у Віденському університеті, якою у 70-х роках керував активний кореспондент і спільник М. Драгоманова Остап Терлецький.

¹⁶ *Желехівський Євген* (1844—1885) — український лексикограф.

¹⁷ *Будеволя* — псевдонім Данила Івановича Танячкевича (1842—1906), галицького священика і громадського діяча.

¹⁸ Товариство імені Шевченка засноване в 1873 р. на пожертвування із Східної України (зокрема від Є. Милорадович) для видавничої і наукової праці.

¹⁹ *Лавровський Юліан Григорович* (1821—1873) — галицький народовський діяч, банкір.

²⁰ Поезія «Світе ясний! світе тихий!» написана Шевченком 27 червня 1860 р.

²¹ *Торонський Олексій* (1838—1899) — український уніатський священик, педагог.

²² *Петро, Павло, Симон-волхв* — євангельські персонажі.

²³ Так завжди буває (лат.).

²⁴ Йдеться про посмертне видання «Кобзаря» 1867 р., здійснене М. Костомаровим, Г. Волиневичем, за участю М. Лазаревського.

²⁵ У працьому виданні «Кобзаря» (1876) були також спомини поета Якова Полонського і скульптора Михайла Микешина.

²⁶ Йдеться про видання «Новые стихотворения Пушкина и Шевченка». Лейпциг, 1859 (з помилкою у прізвищі поета).

²⁷ «Ще не вмерла Україна» — вірш, приписуваний Т. Шевченкові, насправді належав П. П. Чубинському.

²⁸ Сучасне літературознавство не володіє фактами, які підтверджували б Шевченкове перебування у Варшаві.

²⁹ *Бурачок Степан Онисимович* (1800—1877) — російський критик, редактор журналу «Маяк» (1840—1845), який публікував окремі твори Шевченка.

³⁰ «Жизнь Куліша» — це автобіографія письменника (Правда. 1868. № 2—4; 7; 24—28), хоча її авторство для читачів було таємницею.

³¹ *Дубельт Леонтій Васильович* (1792—1862) — керуючий Третім відділом за царя Миколи I (1839—1856), який вів політичну справу Шевченка та інших кирило-мефодіївців.

³² *Коллар Ян* (1793—1852) — чеський поет і вчений, прихильник ідеї слов'янської взаємності.

³³ *Шафарик Павел Йосеф* (1795—1861) — чеський і словацький історик,

філолог, діяч національного відродження. Через О. Бодянського отримав Шевченкові твори.

³⁴ Ганка Вацлав (1791—1861) — чеський філолог і поет.

³⁵ Іронічне порівняння місцевих «патріотів» з римськими історичними діячами Брутом і Коклесом.

³⁶ Тобто Осип Сенковський.

³⁷ П'єса «Джакобо Санназар» (1834) належала Нестору Васильовичу Кукольнику (1809—1868), російському поетові і драматургові.

³⁸ Істина у вині (лат.).

³⁹ Закревський Віктор Олексійович (1807—1858) — український поміщик, у маєтку котрого не раз гостював Шевченко.

⁴⁰ Ламартін Альфонс (1790—1869) — французький поет-романтик, політичний діяч.

⁴¹ Закревська Софія Олексіївна (нар. 1798) — російська письменниця, сестра В. О. Закревського.

⁴² Репнін-Волконський Микола Григорович (1778—1845) — малоросійський військовий губернатор (1816—1834). У його яготинському маєткові Шевченко жив у 1843—1844 рр.

⁴³ У рецензії В. Белінського на «Гайдамаків» в «Отечественных записках» твердилось, що «они непонятны простому народу и не имеют в себе ничего с ним симпатизирующего» (див.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В. 10 т. М., 1955. Т. 6. С. 172).

⁴⁴ Прахов Адріан Вікторович (1846—1916) — російський і український мистецтвознавець.

⁴⁵ Сто Одін — псевдонім літератора О. Д. Галахова.

⁴⁶ Козачковський Андрій Осипович (1812—1889) — лікар у Переяславі, приятель Т. Шевченка.

⁴⁷ Бюнхер Фрідріх Карл (1824—1899) — німецький фізіолог, прихильник вульгарного матеріалізму і соціального дарвінізму.

⁴⁸ Фейербах Людвіг (1804—1872) — німецький філософ.

⁴⁹ Йдеться про представників революційно-демократичної критики, яким, зокрема, був М. Михайлов (1829—1865).

⁵⁰ Йдеться про моду на твори Жорж Санд (1804—1876), яка одною з перших у французькій літературі почала пропагувати ідеї соціалізму та жіночої емансиляції.

⁵¹ Прагнучи забезпечити собі незалежність від Москви і від Польщі, П. Дорошенко у 1669 р. визнав себе васалом турецького султана і тим самим відкрив дорогу «союзникам»-татарам, які спустошували Україну. В своїх подальших політичних комбінаціях то з Польщею, то з Туреччиною Дорошенко менш за все думав про долю народу. А під час втечі населення із Правобережжя на схід він навіть віддавав переселенців у неволю татарам.

⁵² Гордон Якуб (псевдонім Ятовта Максиміліана; 1827—1895) — польський політичний засланець, однополчанин Шевченка.

⁵³ Батаглія (Батталья) Гвідо (бл. 1846 — після 1913) — польський журналіст і критик, автор нарису «Тарас Шевченко. Його життя й твори» (Львів, 1865). Правда, у спогадах його однокурсника Барановського (ЦДІА у Львові. Ф. 365, оп. 1, арк. 11) є твердження про те, що цей нарис писався ними разом під час навчання у Львівському університеті.

⁵⁴ Залеський Броніслав (1820—1880) — польський історик і художник; будучи політичним засланцем, заприятелював із Т. Шевченком.

⁵⁵ «Псалтир» — книга молитовних піснеспівів, приписуваних цареві Давидові.

⁵⁶ Кондорсе Марі Жан Антуан Нікола де (1743—1794) — французький філософ-просвітитель, соціолог, політичний діяч. Ставив розвиток людства у залежність від науково-освітнього прогресу.

⁵⁷ «Про реорганізацію європейського товариства, або про необхідність і засоби об'єднання європейських народів в одне політичне ціле при збереженні

національної незалежності кожного», за графом Сен-Сімоном і Огюстом Тьєрі, його учнем (*фр.*).

⁵⁸ Конт *Огюст* (1796—1857) — французький філософ-позитивіст, соціолог.

⁵⁹ Дальтон (*Долтон*) Джон (1766—1844) — англійський фізик і хімік.

⁶⁰ Фултон Роберт (1765—1815) — американський винахідник.

⁶¹ Братерство, спілка (*фр.*).

⁶² Партия дії (*фр.*).

⁶³ Йдеться про М. Костомарова.

⁶⁴ Петрашевський Михайло Васильович (1821—1866) — російський соціаліст-утопіст. Підтримував визвольну боротьбу українського народу проти царяту.

⁶⁵ «Славянская заря» — московофільська газета, яку видавав у Відні в 70-х роках XIX ст. Йосип Ливчак.

⁶⁶ Тобто Білозерський Василь Михайлович (1825—1899), один із організаторів Кирило-Мефодіївського товариства, редактор «Основи».

⁶⁷ Цитата із вірша Т. Шевченка «Хіба самому написать».

⁶⁸ Толстой Федір Петрович (1783—1873) — російський скульптор і художник, віце-президент Академії художеств. Сприяв викупу Шевченка із кріпацтва.

⁶⁹ Тобто спогадів «Из дальних лет» (СПб., 1878—1889) російської письменниці Тетяни Петрівни Пассек (1810—1889).

⁷⁰ Гессе Павло Іванович (1801—1880) — чернігівський, потім київський (з 1855) цивільний губернатор.

⁷¹ Табачников Василь Олександрович (у Драгоманова *Кабашников*) — поліцмейстер, який затримав Шевченка під час його останньої поїздки на Україну (див.: Спогади про Тараса Шевченка. К., 1982. С. 496).

⁷² Нума Помпілій (кін. VIII — поч. IX ст. до н. е.) — за римською міфологією цар Стародавнього Риму, реформатор.

⁷³ Стаття «Русский патриотизм» належала Павлові Житецькому.

⁷⁴ Це працьке видання 1876 р.

⁷⁵ «Правда» розіслала додатком до № 16 за 1878 р. дві брошюри Николая Загірного (Степана Качали): «Безпосередні вибори до Ради Державної і русини», «Політика русинів». В останній він «приставав в імені 16 міл. русинів до австрійської, польської федеративно-клерикальної партії з її освітньою і соціальною програмою, включно до реставрації конкордату з Римом і опозиції цивільним слюбам».

⁷⁶ Йдеться про переклад повісті Гл. Успенського (1843—1902) «Отравленный дьякон», який публікувався у «Друзі» (1876. № 14; 15) із передмовою М. Драгоманова.

⁷⁷ Цебто переклад (неповний) роману «Что делать?» М. Чернишевського, здійснений І. Франком і М. Павликом і надрукований у «Друзі» за 1876 р.

⁷⁸ Кудеяр — юморіно, історична особа (див. примітку до публікації одноіменного роману: Костомаров М. І. Твори: В 2 т. К., 1990. Т. 2. С. 743—744).

⁷⁹ Жакерія — селянське повстання у Франції (1358) проти французької знаті, жорстоко придушене нею при англійській допомозі.

⁸⁰ Цебто царя.

⁸¹ Унковський і Европеус — представники тверського дворянства, прихильники радикальних економічних реформ у Росії на поч. 60-х років XIX ст.

⁸² «Вперед» — російський суспільно-політичний журнал, який П. Л. Лавров-Миртов видавав у Женеві.

⁸³ Аксаков Константин Сергійович (1817—1860) — російський письменник, критик, один із основоположників слов'янофільства.

⁸⁴ За біблійською легендою, при взятті євреями палестинського міста Іеріхону його стіни впали після трикратного обходу ними навколо мурів із трубними звуками.

⁸⁵ «Земля і воля» — таємна народницька організація, заснована 1876 р.

у Петербурзі, прагнула підготувати селянство до соціалістичної революції шляхом пропаганди та насильства.

⁸⁶ *Стефанович Яків Васильович* (1853—1915) — український революціонер-народник, який спробував організувати повстання селян у Чигиринському повіті підробленими, нібито царськими, грамотами («золотими грамотами»). Втікши із тюрми (1878), у журналі «Община» полемізував із «Громадою».

⁸⁷ *Киреєвський Іван Васильович* (1806—1856) — російський письменник, один із найпомітніших слов'янофілів.

⁸⁸ Гадяцькою комісією при гетьмані Виговському у 1658 р. були укладені пункти умов між Україною і Польщею, якими передбачалась певна автономія для України. Незважаючи на юридичне підписання цієї угоди у Варшаві, вона лишилася незреалізованою.

⁸⁹ *Орлик Пилип* (1672—1742) — гетьман, обраний на місце Мазепи (квітень 1710), автор проекту республіканської конституції для України. Див. текст цієї конституції: *Мельник Л. Г. Конституція Пилипа Орлика 1710 року // Вісн. Кіїв. ун-ту: Іст.-філол. науки. 1991. Вип. 2.*

⁹⁰ *Значко-Яворський Мельхіседек* (Михайло, 1716—1804) — ігумен Мотронинського монастиря на Чигиринщині (1753—1768), який прагнув за допомогою Москви позбутися церковної унії. Деякі історики виставляли його керівником Коліївщини.

⁹¹ *Конфедерати* — шляхта, яка зброею утверджувала ухвали своїх політичних нарад-конференцій (напр., Барської 1768 р. на захист незалежності Польщі від Росії).

⁹² Дані тут не точні.

⁹³ Цех, гльядя (фр.).

⁹⁴ *Гоголь-Яновський Василь Панасович* (1777—1825) — український письменник. Батько М. В. Гоголя.

⁹⁵ *Меттерніх Клеменс Венцель Лотар* (1773—1859) — австрійський державний діяч, дипломат. Один із організаторів реакційної міжнародної угоди «Священного Союзу».

⁹⁶ «*Матиці*» — національно-освітні і видавничі організації в ряді слов'янських країн XIX ст.

⁹⁷ *Палацький Франтішек* (1798—1876) — чеський історик і політичний діяч. Головував на Слов'янському з'їзді у Празі.

ЧТО ТАКОЕ УКРАИНОФИЛЬСТВО?

Вперше надруковано у журн. «Русское богатство» (1881, т. 11, с. 93—126) за підписом *M. Петрик*.

До зібрання творів не включалось.

Подається за першодруком.

¹ «*Русское богатство*» — журнал, який виходив у 1876—1918 рр. в Петербурзі, з кінця 1880 р. став органом ліберального народництва. Відзначався успіхом у середовищі інтелігенції завдяки цікавій beletristyci.

² *Алексеев Л.* — постійний публіцист журналу «*Русское богатство*». У відповідь на цю статтю Драгоманова він відгукнувся в наступному номері журналу статтею «*Сказка про белого бычка*».

³ «*Неделя*» — літературна і суспільно-політична газета ліберально-народницької орієнтації, яка виходила в Петербурзі у 1866—1901 рр. Редактував її Павло Олександрович Гайдебуров (1841—1894), виходець із України.

⁴ *Решетников Федір Михайлович* (1841—1871) — російський письменник, представник народницької прози.

⁵ *Златогратьський Микола Миколайович* (1845—1911) — російський письменник. Перекладав твори Ю. Федьковича.

⁶ Тут Драгоманов має на увазі свою статтю «*Восточная политика Герма-*

нии и обрусение» (Вестн. Европы. 1872. Кн. 2. С. 640—694; Кн. 3. С. 644—679; Кн. 5. С. 210—253), де на підставі власних спостережень над колонізаційною політикою Пруссії на польських землях робив узагальнення про спільну природу онімчення і русифікації недержавних народів як засобу централізаторської урядової політики.

⁷ «Батьківщина» — громадсько-політична газета, яка видавалася у 1879—1896 рр. з ініціативи І. Наумовича для народу, у 1889 р. її редактував М. Павлик.

⁸ Йдеться про Остапа Терлецького.

⁹ Волочиськ (нині Тернопільської обл.) у ті роки був прикордонним пунктом на межі Російської держави з Австро-Угорщиною.

¹⁰ Висловлювалось припущення, що її автором був М. Костомаров.

¹¹ Доведення до абсурду (*лат.*).

¹² По-румунські.

¹³ Розумна людина (*лат.*).

¹⁴ Обрадович Досифей (1742—1811) — сербський письменник, громадський діяч.

¹⁵ Шишков Олександр Семенович (1754—1841) — російський адмірал, міністр народної освіти, президент Санкт-Петербурзької Академії наук, філолог; запеклий противник мовної реформи Карамзіна.

¹⁶ Розумовський Кирило Григорович (1728—1803) — останній гетьман Лівобережної України (1750—1769), президент Петербурзької Академії наук.

¹⁷ Алеппський Павло (бл. 1627—1669) — арабський церковний діяч, мандрівник і письменник.

¹⁸ Боденштедт Фрідріх (1819—1892) — німецький письменник і перекладач. Автор збірки перекладів українських народних пісень «Поетична Україна» (1845). Висловлювалася думка, що ця збірка була відома Т. Шевченкові.

¹⁹ Скабичевський Олександр Михайлович (1838—1910) — російський літературний критик.

²⁰ Монографії «Северорусские народоправства», «Бунт Стеньки Разина» належали перу М. І. Костомарова.

²¹ Натяк на те, що переклад казок Андерсена (К., 1874), здійснений М. Старицьким, ніяк не вичерпує творчих можливостей української мови у перекладній справі. Переклади Франком Гете, Кулішем — Байрона і Шекспіра уже тоді свідчили про потребу інтелектуального наповнення української культури.

²² Очевидно, йдеться про брошуру Олексія Олександровича Андрієвського «Тарас Григорьевич Шевченко в отзывах о нем иностранной печати» (Одеса, 1879; підпись *Т-ый*).

НОВІ УКРАЇНСЬКІ ПІСНІ ПРО ГРОМАДСЬКІ СПРАВИ (1764—1880)

*Про видання списків українських пісень
про громадські справи в XVIII i XIX ст.*

Дане післяслово опубліковане в кінці окремого видання «Нові українські пісні про громадські справи (1764—1880)» (Женева, с. 127—132). Авторська дата цього розділу книги 28 вересня 1881 р. На видання з'явилося ряд рецензій, зокрема Л. Леже, М. Павлика, В. Коцовського та ін. До зібрання творів не включалось.

Подається за першодруком.

ЧУДАЦЬКІ ДУМКИ ПРО УКРАЇНСЬКУ НАЦІОНАЛЬНУ СПРАВУ

Вперше під назвою «Чудацькі думки: Листи на увагу мудрим людям через редакцію „Народа“» ця праця надрукована в журн. «Народ» (1891, № 7, с. 97—103; № 9, с. 141—145; № 10—11, с. 165—173; № 13—14, с. 197—204; № 17—18, с. 233—237; № 20—21, с. 277—280; № 22, с. 297—302; № 23, с. 321—324; № 24, с. 344—350). Авторська дата *Salmannsdorf bei Wien 1891 сент. 15.* Наступне, друге видання здійснив І. Франко у Львові 1892 р., супроводивши його своєю передмовою, в якій, зокрема, вказав, що «Драгоманов згодився на це нове видання і зволив для нього ще раз переглянути текст своєї розправи і поробити деякі поправки та додатки». Пізніше праця включалась до празького (1937) і кіївського (1970) видань творів М. П. Драгоманова. В останньому — без четвертого і п'ятого розділів.

Подається за окремим львівським виданням 1892 р.

¹ «*Народ*» — громадсько-політичний журнал (1890—1895), який виходив у Львові та Коломиї за редакцією І. Франка та М. Павлика. Орган радикальної партії. Створений з ініціативи й почасти на кошти М. Драгоманова. Тут він надрукував, крім «Чудацьких думок...», «Австро-руські спомини», «Листи на Наддніпрянську Україну» та багато інших матеріалів.

² «*Зоря*» — літературно-суспільний двотижневий журнал у Львові (1880—1897). З 1884 р.— орган Наукового товариства імені Шевченка. Незважаючи на різні ідейні орієнтації членів редакції, зумів стати загальноукраїнською трибуною. В «*Зорі*» ж розпочалася полеміка між Вартовим (псевдонім Б. Грінченка), автором статей «Хто ж винен?» (1888, № 10) та «Де ж наша робота?» (1888, № 13—14) і Чудаком (Драгомановим) («Лист у редакцію „Зорі“». 1889, № 4).

³ Йдеться про Олександра Борковського, українського педагога й перекладача.

⁴ «*Турист*» — псевдонім В. Б. Антоновича, який переказав у своєму «Листі подорожнього» (Правда. 1889, № 6) негативні враження іспанського критика Хенера Помпейо від російської белетристики, висловлені ним у мадрідській газеті «*El liberal*».

⁵ Це стаття «В справі відносин українців до російської літератури» (Зоря. 1889, № 8—11) теж за підписом Чудак.

⁶ Йдеться про статті «Національне питання в Росії» публіциста й письменника Трохима Зіньківського (*T. Звіздочота*; 1861—1891) та «Відповідь „Зорі“» О. Кониського.

⁷ Очевидно, Микола Васильович Ковалевський (1841—1897), член Старої громади, який майже всі свої кошти передавав Драгоманову на видання української нецензурної преси.

⁸ Гердер Йоганн Готфрід (1744—1803) — німецький філософ і письменник. З повагою ставився до історичних перспектив української нації.

⁹ Фіхте Йоганн Готліб (1762—1814) — німецький філософ.

¹⁰ На Паризький літературний конгрес (1878) М. Драгоманов подав через І. Тургенєва доповідь «Українська література, заборонена царським урядом», на Віденський (1880) — доповідь разом із М. Павликом.

¹¹ Це комедії «Голодному й опеньки — м'ясо» І. Нечуя-Левицького (1887) та «Перемудрив» Панаса Мирного (1886).

¹² Боборікін Петро Дмитрович (1836—1921) — російський письменник, представник натурализму в літературі.

¹³ «Боротьба» — твір, приписуваний О. Кониському («Правда», 1891 р.).

¹⁴ Незлобін — псевдонім російського письменника Олексія Олексійовича Д'якова (1845—1895), автора антинігілістичних творів.

¹⁵ Це стаття і роман «Юрій Горовенко» Олександра Кониського.

¹⁶ «Молода Італія» — таємна революційна організація, яка в 1831—1848 рр. очолювала боротьбу італійців за визволення з-під австрійського гніту та за об'єднання Італії.

¹⁷ «Молода Германія» («Молода Німеччина») — таємна революційна організація німецьких емігрантів у Швейцарії (1834—1850). До неї входив Г. Гейне.

¹⁸ Гегель Георг Вільгельм Фрідріх (1770—1831) — німецький філософ.

¹⁹ Народна психологія (нім.).

²⁰ Данилевський Микола Якович (1822—1885) — російський публіцист, природодослідник, автор історіософського твору «Россия и Европа» (1869).

²¹ Гордієнко (Гординський) Кость (пом. 1733) — кошовий Запорозької Січі (з 1701). Вважається одним із авторів першої української конституції 1710 р., складеної за гетьманування П. Орлика.

²² Слонімський Леонід (нар. 1850) — російський публіцист, автор «Вестника Европи» з соціально-економічних проблем.

²³ Потебня Олександр Опанасович (1835—1891) — український лінгвіст, філософ, етнограф.

²⁴ Сумців Микола Федорович (1854—1922) — український літературознавець і фольклорист. Тут йдеться про працю «Культурні переживання», яка друкувалася в українському історичному журналі «Киевская старина» в 1888—1890 pp.

²⁵ Щебальський Петро (1810—1886) — російський історик і публіцист, працював у поліцейсько-цензурних установах.

²⁶ Це монографія «Последние времена казачества на правой стороне Днепра» як передмова до другого тому третьої частини «Архива Юго-Западной России» (К., 1868).

²⁷ Свидригайло (1355—1452) — великий князь литовський (1430—1432). Виявляв прихильність до руської шляхти та православної церкви, через що викликав опозицію магнатів.

²⁸ Карпов Геннадій Ф. (1839—1890) — російський історик, професор Харківського університету, виступав з критикою історичних праць П. Куліша.

²⁹ Луцицький Іван Васильович (1845—1918) — український та російський історик, дослідник аграрних відносин у Франції.

³⁰ Йдеться про П. С. Єфименка.

³¹ Ковалевський Максим Максимович (1851—1916) — російський історик, соціолог, політичний діяч, видавець журн. «Вестник Европы».

³² Шостий археологічний з'їзд проходив 1 вересня 1884 р. в Одесі.

³³ Ренан Жозеф Ернест (1823—1892) — французький письменник, історик і філолог-сходознавець. Автор «Історії походження християнства», «Історії ізраїльського народу», «Життя Ісуса».

³⁴ «Wisla» — польський етнографічний журнал, що виходив у Варшаві в 1887—1905, 1916—1917 pp.

³⁵ «Этнографическое обозрение» — наукове неперіодичне видання етнографічного відділу Товариства любителів природи, антропології та етнографії (з 1889) за участі А. Кримського.

³⁶ «Жива старина» — науковий журнал етнографічного відділу Імператорського російського етнографічного відділу (з 1891 р.) за редакцією В. Ламанського.

³⁷ „Archiv für slavische Philologie“ — міжнародний славістичний журнал, який виходив у 1875—1920 pp. у Берліні за редакцією славіста Ватрослава Ягича (1838—1923).

³⁸ Нарис «Три національні типи народні», надрукований у «Правді» (1888. № 3, С. 157—169) за підписом Низенко, належав В. Антоновичу.

³⁹ Цебто О. Кониський, який під псевдонімом Стодольський опублікував працю «Етнографія Слов'янщини» («Школьна часопись». 1887). Рецензія Драгоманова на неї з'явилася у журн. «Товариш» (1888. № 1. С. 15—30).

⁴⁰ Тіле Корнелій (нар. 1890) — голландський богослов, професор Лейденського університету.

⁴¹ Кюнен Абраам (1828—1891) — голландський богослов, автор праць про Старий Завіт та ін.

⁴² *Бенфей Теодор* (1809—1881) — німецький філолог, індолог, основоположник порівняльного методу в філології.

⁴³ Це праця «Про шлюб на Русі-Україні в XVI—XVII столітті» (Зоря. 1885. № 13—18) українського історика, археографа Ореста Івановича Левицького (псевдонім *Маяченець*; 1848—1922).

⁴⁴ Згідно з цим законом цензуру проходили лише видання обсягом до 10 друкованих аркушів, які, природно, були дешевшими і доступнішими для широкого читача.

⁴⁵ *Вундт Вільгельм* (1832—1920) — німецький психолог, фізіолог і філософ.

⁴⁶ «Дрібна бібліотека» — серія художніх і перекладних науково-популярних творів, яка виходила з ініціативи І. Балея та з участю І. Франка у 1877—1880 рр.

⁴⁷ «Наукова бібліотека» — серія науково-популярних творів, видавана Франком у 1887—1888 рр.

⁴⁸ «Літературно-наукова бібліотека» — серія науково-популярних видань (1901—1917), яку до 1912 р. здійснювали І. Франко та В. Гнатюк.

⁴⁹ Це «Перший вінок» — альманах, виданий 1887 р. спільними зусиллями Наддніпрянщини і Галичини з ініціативи письменниць Наталі Кобринської та Олени Пчілки у Львові.

⁵⁰ *Морган Люїс Генрі* (1818—1881) — американський етнограф, археолог, дослідник первіснообщинного суспільства.

⁵¹ *Брандес Георг* (1842—1927) — датський літературознавець, історик літератури європейських країн.

⁵² Цитата з вірша «Ой виострю товариша» Т. Шевченка (1848).

⁵³ Від прізвища Юзова (псевдонім Йосипа Івановича Кабліца; 1848—1893) — російського публіциста-народника, який вчився свого часу у Київському університеті. Був автором праць «Основи народництва», «Інтелігенція і народ».

⁵⁴ *Баштовий* — псевдонім І. Нечуя-Левицького, яким була підписана розвідка «Українство на літературних позвах з Московчиною», спрямована проти критики О. Пипіним концепції «Історії літератури руської» Ом. Огоновського.

⁵⁵ *Соловйов Володимир Сергійович* (1853—1900) — російський поет і філософ, автор численних праць, серед яких — «Национальный вопрос в России».

⁵⁶ *Кареєв Микола Іванович* (1880—1931) — російський історик і соціолог.

⁵⁷ *Лао-dzi* (604 р. до н. е.) — китайський філософ, сучасник Конфуція.

⁵⁸ *Транслітавія* (*Транслітанія*) — частина Австро-Угорщини, що лежала на південь від Ляйта (Литаві), південної притоки Дунаю, і включала в себе Угорщину, Боснію, Герцоговину.

⁵⁹ *Уваров Сергій Семенович* (1786—1855) — російський міністр народної освіти (з 1833 р.) і президент Академії наук.

⁶⁰ *Вульгата* — Ветхий, або Старий, Завіт.

⁶¹ «*Каліла і Дімна*» — класичний твір персидської літератури.

⁶² «*Книга семи мудрих*» — це повість індійського походження «Повість про сім мудреців».

⁶³ *Стойкович Опанас* — професор Харківського університету (1802—1813). Переробив і видав 1824 р. під своїм іменем переклад Біблії, раніше здійснений сербською мовою Вуком Караджичем.

⁶⁴ *Вільгельм I Нормандський* (Завойовник, 1027 чи 1028—1087) — герцог Нормандії, який в 1066 р. завоював Англію.

⁶⁵ *Валлія*, або *Уеллс* — область в Англії.

⁶⁶ *Гладстон Уільям Еварт* (1809—1898) — англійський політичний діяч-реформатор, вождь англійських лібералів у 2-й пол. XIX ст.

⁶⁷ *Макферсон Джеймс* (1738—1796) — шотландський поет, автор фольклорної підробки, яку довго вважали поемою кельтського співця Оссіана (III ст.).

⁶⁸ Карл Смілий (1433—1477) — герцог Бургундський (з 1467), який вів боротьбу за незалежність від короля Людовіка XI.

⁶⁹ Тут дату вказано за французьким революційним календарем: це V («дощовий») місяць, який тривав від 22 січня до 21 лютого.

⁷⁰ Йдеться про закон у Давньому Римі, який розробила спеціальна комісія близько 451—450 р. до н. е. для недопущення судових зловживань.

⁷¹ Грегуар Генріх (1750—1831) — французький єпископ, відзначався демократизмом, моральністю і чесністю у відстоюванні гуманних принципів Великої французької революції.

⁷² Доде Альфонс (1840—1897) — французький письменник, родом із Провансу.

⁷³ Місцеве наріччя (фр.).

⁷⁴ Руманіля Жозеф (1818—1891) — провансальський поет, який, почавши писати поезії французькою мовою, перейшов на провансальську.

⁷⁵ Гrot Клаус — німецький поет, що писав на діалекті північної Німеччини.

⁷⁶ Кобель Франц (1803—1882) — німецький поет, що писав на верхньобаварському діалекті.

⁷⁷ Тобто прагнення до самостійності окремих частин держави на відміну від унітарного, централістичного підходу.

⁷⁸ Віктор Емануїл (1820—1878) — король Італії (з 1861).

⁷⁹ Громадські збори (нім.).

⁸⁰ Швейцарсько-німецька (нім.).

⁸¹ Марія Тереза (1717—1780) — імператриця «Священної римської імперії» (1765—1780). Проводячи централізацію підлеглих земель, дещо послабила кріпосну залежність селян.

⁸² Йосиф II (1741—1790) — імператор «Священної римської імперії» (1780—1790). Прибічник освіченого абсолютизму.

⁸³ Тут йдеться про царський Емський указ 1876 р., в основу якого лягли пропозиції спеціальної комісії на чолі з М. Юзефовичем (звідси — закон Юзефовича) щодо заборони вживання української мови в наукових працях, введення жорсткої цензури для художніх творів тощо.

⁸⁴ Миславський Самуїл — митрополит Київський (1783—1796), автор «Краткого исторического описания Киево-Печерской Лавры». Ставши митрополитом, запровадив русифікацію Академії.

⁸⁵ Ровінський Дмитро (1824—1895) — російський державний діяч, письменник.

⁸⁶ Пекарський Петро (1828—1872) — російський історик, автор праці «Наука и литература при Петре Великом».

⁸⁷ Лінсій Юстус (1547—1606) — бельгійський вчений, філолог.

⁸⁸ Це брошуря «Вільна Спілка. Вольний Союз», де Драгоманов написав розділ «Природні області і пропаганда соціалізму на плебейських мовах Східної Європи», вийшла додатком до «Громади» (Женева, 1881).

⁸⁹ Незначна величина (фр.).

⁹⁰ «Русская старина» — російський історичний журнал (1870—1918) у Петербурзі. Містив чимало українознавчих матеріалів з історії XVIII—XIX ст.

⁹¹ «Буковина» — літературно-суспільна газета, яка виходила в 1885—1910 рр. у Чернівцях, згодом у Відні. Публікувала «Листи на Наддніпрянську Україну» Драгоманова до Вартового — Б. Грінченка.

⁹² «Червона Русь» — московофільська громадсько-політична газета, що виходила у Львові у 1888—1891 рр.

⁹³ Наумович Іван (1826—1891) — український священик, видавець, журналіст.

ПРОПАЩИЙ ЧАС

Українці під Московським царством (1654—1876)

Вперше надруковано повністю окремим виданням у Львові 1909 р. з передмовою Михайла Павлика, де припускалось, що брошура мала служити вступом до запланованої М. Драгомановим широкої праці про історію українсько-російських взаємин, яку вчений мислив надрукувати у шостому (так і не реалізованому) випуску «Громади». У рецензії І. Франка на це видання, опублікованій І. І. Бассом («Радянське літературознавство», 1958, № 3, с. 111—112), вказувалось на існування публікації частини тексту в журналі «Жите і слово» і окремого відбитку під назвою «Лист М. Драгоманова до галичан» у «Науковій бібліотеці», але за показчиками і de visu знайти ці матеріали не вдалося. Рецензент також висловився проти суціль негативного тлумачення Павликом українсько-російських взаємин, яке нібито випливає з цієї незавершеної брошури Драгоманова.

До зібрання творів не включалося.

Подається за окремим виданням 1909 р.

¹ Пуле Михайло Федорович де — літературознавець, публіцист, випускник Харківського університету.

² Ломиківський Василь Якович (1777 — бл. 1848) — український історик, етнограф, агроном.

³ Тут і в інших працях Драгоманов не раз цитує «І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм в Україні і не в Україні мое дружнєє посланіє», де Шевченко кидає докір гетьманам у зрадництві інтересів України перед російським царем та польським королем.

⁴ Меншиков Олександр Данилович (1673—1729) — російський державний військовий діяч. За царювання Катерини I і Петра II фактично очолював російський уряд.

⁵ Бірон Ернст (1690—1772) — фаворит цариці Анни Іванівни, який, користуючись своєю необмеженою владою, пороздавав маєтки на Україні своїм ставленникам.

⁶ Павло I (1754—1801) — російський імператор з 1796 р.

⁷ Аракчеєв Олексій Андрійович (1769—1834) — граф, військовий міністр, запровадив жорстоку мушту в армії і військові поселення з колишніх вільних селян.

⁸ Іван IV Васильович (Грозний; 1530—1584) — перший російський цар (1547—1584). Прихильник жорсткої централізованої влади, яку насаджував силово. Його ім'я надовго стало символом деспотії.

⁹ Іванов Алмаз (Іванов Єрофей Іванович; пом. 1669) — російський дипломат XVII ст., начальник Посольського приказу, прихильник угоди між Росією та Україною.

¹⁰ Бутурлін Василь Васильович (пом. 1656) — російський військовий діяч і дипломат. Повноважний посол Росії на Переяславській Раді (1654), командувач військ у боях з Польщею на українських землях.

¹¹ Тетеря (Моржковський) Павло Іванович — гетьман Правобережної України (1663—1665). У своїй політиці спирається на шляхту, котра прагнула згоди з польським королем і не підтримувала союзу України з Росією.

¹² Людовік XIV (1638—1715) — французький король (1643—1715), за якого в країні розквітла абсолютистська монархія за рахунок розорення бідніших верств населення.

¹³ Йдеться про Фрідріха II (1712—1786), прусського короля (1740—1786), який утвердив у країні абсолютистську монархію.

ДВА УЧИТЕЛІ

Вперше надруковано в журн. «Народ» (1894, № 11—15) і окремим виданням у Львові (1902).

Авторська дата 3 серпня 1894 р. у Парижі. До зібрання творів не включалось.

Подається за окремим виданням.

¹ Тобто за царювання Миколи I.

² Драгоманов Петро Якимович (1802—1866) — батько М. П. Драгоманова, юрист. Про нього детально розповідається в «Автобіографіческой заметке» (див.: Драгоманов М. П. Літературно-публіцистичні праці: В 2 т. К., 1970. Т. 1).

³ Тут йдеться про зміни в гімназійній освіті, коли за ухвалою нового міністра народної освіти Д. Толстого-«мужиконенависника» (М. Драгоманов) «Статут гімназій і прогімназій Міністерства народної освіти» (1874) почав відводити 45 % навчального часу на грецьку і латинську мови. Міністр твердив: «Ще шість років латини — і ви побачите, як угомониться молодь».

⁴ З 1849 р. російські гімназії, починаючи з четвертого класу, ділилися на латинський і юридичний відділи. Якщо на першому учні готувалися переважно до вступу в університет і посилено вивчали класичні мови, то на другому — до державної служби.

⁵ Такі чутки мали реальне наповнення і в Росії, бо ще раніше чимало декабристів підносили римських героїв, закликаючи до вбивства тиранів. Так, П. Г. Каховський писав: «Чтить Брута с детства я привык: заступник Рима благородный, душою истинно свободный» (див.: «Былое». 1906. № 1. С. 139).

⁶ Родовий відмінок (лат.).

⁷ Клична форма (лат.).

⁸ Непот Корнелій (пом. після 32 до н. е.) — давньоримський автор «Хроніки про знаменитих людей», обов'язкової лектури з латинського читання у російських гімназіях.

⁹ Написав Н. Н. (лат.).

¹⁰ Написав Драгоманов 1854 року (лат.).

¹¹ Саллюстій Гай Крісп (85—35 до н. е.) — давньоримський історик, автор монографії «Югуртинська війна».

¹² Овідій Публій Назон (43 до н. е.—17) — римський поет-засланець.

¹³ Тацит Публій Корнелій (бл. 55 — бл. 120) — римський історик, автор «Історії» (у 14 кн.) та «Літопису» (у 16 кн., до нас дійшло 10 кн.). Драгоманов написав про нього магістерську дисертацію «Вопрос об историческом значении римской истории и Тацита» (1870).

¹⁴ Гораций Флакк Квінт (65—8 до н. е.) — давньоримський поет.

¹⁵ Лівій Тіт (59 до н. е.—17 до н. е.) — давньоримський історик, автор «Римської імперії від заснування міста» (у 142 кн.).

¹⁶ Найхоробрішого з усіх благородних (лат.).

¹⁷ Тобто після поразки Росії у Кримській війні і підписання нею на Паризькому конгресі (25 лютого — 30 березня 1856 р.) принизливого миру з Туреччиною, Англією, Францією і Австрією.

¹⁸ Ціцерон Марк Туллій (106—43 до н. е.) — давньоримський політичний діяч, оратор, філософ і письменник. Тут йдеться про його «Промову проти Верреса».

¹⁹ «Непорочне життя» (лат.).

²⁰ Йдеться про переклад «Короля Ліра», здійснений російським письменником, критиком і перекладачем Олександром Васильовичем Дружиніним (1824—1864). Публікувався у журн. «Современник» (1856. № 12. С. 169—342).

²¹ Неймовірна розповідь (лат.).

²² Переклад «Конрада Валленрода» А. Міцкевича (здійснила І. Шершиневич) опубліковано в журналі «Современник» (1858. № 6. С. 374—451).

²³ О якби... (пол.)

²⁴ Тобто Річ Посполиту в її історичних межах до 1773 р.— до її третього поділу.

²⁵ Спосіб життя (лат.).

²⁶ Лоран Франсуа (1810—1887) — бельгійський юрист і історик, автор праці «Етюди з історії людства» (у 18 т. Брюссель, 1861—1870).

²⁷ Посланіє-енцикліка (лат.) Тут, очевидно, іронічний натяк на «силиби» — послання папи Пія IX, якими він утверджував власну непогрішимість.

²⁸ Очевидно, йдеться про німецького філософа і публіциста Д. Штрауса (1808—1874), автора книги «Життя Ісуса» (1839), який вважав Христа історичною особою, але заперечував реальність розповідей про нього.

²⁹ Муравйовщина — характеристика урядових заходів, пов'язаних із діяльністю державного діяча царської Росії Михайла Миколайовича Муравйова (1796—1866) — душителя польських визвольних повстань 1830—1831, 1863—1864 рр. Той же Муравйов керував слідством над Каракозовим, що вчинив замах на царя.

³⁰ Для проведення шкільної реформи у Царстві Польському адміністрація широко залучала українців.

³¹ Запанібрата (фр.)

³² Тобто будучи причетним до Кирило-Мефодіївського братства.

³³ Йдеться про певні реформаторські заходи 1861—1881 рр. (так звану «добу великих реформ»), пов'язаних, зокрема, з діяльністю військового міністра в уряді Олександра II Дмитра Олексійовича Мілютіна (1816—1904).

³⁴ Гумболдт Олександр (1769—1854) — знаменитий німецький природодослідник; в 1829 р. на запрошення царя Миколи I приїхав до Росії і відвідав Урал, Сибір, Центральну Азію.

³⁵ Рашель (Еліза Рашель Фелікс; 1821—1858) — французька трагедійна актриса.

³⁶ Карамзін Микола Михайлович (1766—1826) — історик, автор «Істории государства Российского» (у 12 т.), письменник.

³⁷ Бекман Яків Миколайович (1836—1863) — студент спочатку Харківського, потім Київського університетів, один із засновників Харківсько-Київського таємного товариства.

³⁸ Скотт Вальтер (1771—1832) — англійський письменник, чиї твори спровокували велике враження на російських і українських письменників.

³⁹ Джилліс (Жілліс) Йоганн — німецький історик (поч. XIX ст.), автор багатотомної історії Греції.

⁴⁰ Смарагдов Семен Миколайович (1805—1871) — російський письменник, автор підручників з історії, зокрема «Руководства к познанию средней истории».

⁴¹ Сарданапал (можливо, Сіншаришкун-Сарак) — ім'я останнього асирійського царя, який прославився пишними банкетами і розкішним життям; герой трагедії Байрона.

⁴² Кайданов Іван Кузьмич (1782—1843) — професор царськосельського ліцею, автор численних підручників з російської і світової історії, напр. «Учебной книги всеобщей истории», які мали тільки популяризаторське значення.

⁴³ Російський переклад поеми «Іліада» (1807—1829) Гомера здійснив Микола Іванович Гнедич (1784—1833).

⁴⁴ Йдеться про ситуацію в країні, зумовлену переходом влади після смерті російського імператора Миколи I (1796—1855), чиє царювання було позначене рішучою боротьбою з революційними рухами як зовні, так і всередині країни, до нового царя Олександра II (1818—1881) з порівняно ліберальнішими, особливо на початку, порядками.

⁴⁵ В «Современнике» співробітничали історики С. Соловйов, Т. Грановський, М. Костомаров, П. Пекарський, М. Стасюлевич.

⁴⁶ «Очерки гоголевского периода русской литературы» М. Г. Чернишев-

ського були опубліковані на сторінках «Современника» (1855. № 12; 1856, № 1, 2, 4, 7, 9—12).

⁴⁷ Прескотт Вільям Гіклін (1796—1859) — американський історик, автор «Історії завоювання Мексики» (Бостон, 1843), «Історії завоювання Перу» (Бостон, 1817), написаних з майстерністю художника-психолога.

⁴⁸ Йдеться про видання: Николай М. [Куліш П. О.] Опыт биографии Гоголя. СПб., 1854; його ж: Записки о жизни Гоголя: В 2 т. СПб., 1856.

⁴⁹ Тобто спадкоємців російського письменника Василя Васильовича Капніста (1758—1823) і членів сім'ї його сина Олексія Васильовича Капніста (1796—1869), декабриста, які проживали в с. Обухівці на Полтавщині.

⁵⁰ Лавров Павло Семенович (1823—1890) — російський публіцист, критик, теоретик народництва. Видавав газету «Вперед», підтримував дружні взаємини з Драгомановим. Автор політичних віршів.

⁵¹ Французький вічливості (*фр.*)

⁵² Цебто оповідання Марка Вовчка, більш знане під назвою «Горпина».

⁵³ Пильчиков Дмитро Павлович (1821—1893) — член Кирило-Мефодіївського братства, один із засновників Товариства імені Шевченка у Львові, викладач; підтримував дружні зв'язки з М. Драгомановим. Друкувався в «Основі» під псевдонімом *K. Шаповал*.

⁵⁴ «Австроруські спомини» виходили випусками у серії «Літературно-наукова бібліотека», зокрема, перший випуск побачив світ у Львові в 1889 р.

⁵⁵ Куторга Степан Семенович (1805—1861) — російський природодослідник, професор Петербурзького університету.

⁵⁶ Прихильники старої феодальної знаті, які прагнули знайти в імператорах захист своїм прадавнім свободам.

⁵⁷ Монтеск'є Шарль Луї (1689—1755) — французький просвітитель, письменник, один із засновників географічного напряму в соціології.

⁵⁸ Йдеться про революцію 1848 р. в Італії. Після втечі Пія IX з Риму (на початку 1849 р.) була проголошена Римська республіка на чолі з Дж. Мацціні, яка впала у чергні, розчавлена наступом австрійської реакції.

⁵⁹ Маколей Томас Бабінгтон (1800—1859) — англійський історик, публіцист і політичний діяч, автор «Історії Англії» (у 5 т.), якому закидали фальсифікацію фактів. В «Современнике» якраз друкувалась переробка з Маколея під назвою «Рассказы из истории Англии».

⁶⁰ Коцебу Август Фрідріх Фердинанд (1761—1819) — німецький письменник, автор сентиментальних мелодрам, видавець; перебував на російській службі.

⁶¹ Шіллер досить активно перекладався в Росії, його «Дон Карлос» у посередньому перекладі Михайла Миколайовича Лихоніна (1802—1864) вийшов у Москві 1828 р.

⁶² Дункер Макс (Максиміліан; 1811—1886) — німецький історик, директор прусського державного архіву (з 1867), автор праці «Історія давнини» (в 4 т., 1852—1857).

⁶³ «Полярная звезда» — періодичні літературні і суспільно-політичні збірники Вольної російської друкарні, які видавалися О. Герценом разом із М. Огарьовим у Лондоні та Женеві.

⁶⁴ «Колокол» — позацензурна революційна газета, яку видавали (1857—1867) у Лондоні і Женеві О. Герцен та М. Огарьов. Вміщувала чимало українських матеріалів.

⁶⁵ Локк Джон (1632—1704) — англійський філософ, ідеолог французької буржуазної революції XVII ст.

⁶⁶ Сміт Адам (1723—1790) — англійський економіст, представник класичної політекономії.

⁶⁷ Новицький Орест Маркович (1806—1884) — професор філософії Київського університету, автор праці «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием язычницкой религии» (1860—1862).

⁶⁸ Йдеться, очевидно, про статтю Івана Сердешного (псевдонім Івана

Матвійовича Стешенка; 1873—1918), яка під назвою «Три зірваних квітів» [?] була вміщена в газеті «Правда» (1893. № 12. С. 694—698).

⁶⁹ До календ (лат.), тобто до невизначеного часу.

⁷⁰ Перифраз «Оды на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елизаветы Петровны 1747 года» М. В. Ломоносова.

⁷¹ Тобто прихильників уччення М. Бакуніна.

⁷² Цебто «Азбука по методу Золотова для Южнорусского края» (Полтава, 1861).

⁷³ Склад звинувачення (лат.)

⁷⁴ Тут йдеться про різночинну революційну інтелігенцію, образ якої уособлювався з Базаровим, персонажем із роману «Батьки і діти» І. Тургенєва, і був надиханий публістичними виступами Дмитра Івановича Писарєва (1840—1868). В них вимагалося рішуче порвати зі старими ідеалами — «донкіхотством» і віддавалася перевага природничим наукам перед мистецтвом.

⁷⁵ Лишаються навіки сліди щезаючої свободи (лат.).

⁷⁶ Під час пожежі стихію були знищені Апраксінський двір і приміщення Міністерства внутрішніх справ.

⁷⁷ Гагарін Павло Павлович (1789—1872) — російський державний діяч; в 60-х роках — член головного комітету в селянських справах.

⁷⁸ Бокль Генрі Томас (1821—1862) — англійський історик і соціолог-позитivist.

⁷⁹ Добода Віктор Васильович (1818—?) — член Полтавської громади.

⁸⁰ Безобразов Володимир Павлович (1828—1889) — професор політекномії і фінансового права Петербурзького університету.

⁸¹ Ільїнський ярмарок у м. Ромнах на Полтавщині тривав щороку з 1 по 31 червня.

⁸² Михайлівський Микола Костянтинович (1842—1904) — російський соціолог, публіцист і літературний критик. Ідеолог народництва.

⁸³ Пален Костянтин Іванович (1833—?) — міністр юстиції Росії (1867—1878). Член комісії для складання проектів місцевого самоврядування (1884).

⁸⁴ Палатин — один із п'яти горбів, на яких розміщено Рим. Драгоманов написав і опублікував статтю «Палатинский холм в Риме по новейшим раскопкам» (Журн. М-ва нар. просвіщення. 1873. № 10. С. 221—259), присвятивши її К. Полевичу.

⁸⁵ Свята гора (італ.).

ПОКАЖЧИК ІМЕН ТА ПЕРІОДИЧНИХ ВИДАНЬ *

Абдул-Керім 244, 651

Абірон 132

Аве́ль 161, 643

Августин Блаженний (Августин Аврелій) 160, 162, 164, 165, 639, 643

Адам 164, 643

Адріан 23, 624

Адріан VI 132, 640

Азур амі 265

Аконтіус 153, 643

Акузілай (Акусілай) Аргоський 60, 630

Аксаков Іван Сергійович 217, 221, 416, 446, 647

Аксаков Костянтин Сергійович 411, 482, 660

«Акти, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией» 445, 623

Алексеєв Л. 430, 431, 432, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 443, 444, 446, 448, 453, 454, 455, 661

Алєппський Павло 449, 662

Алкіон 272

Алціат (Альчіатті) Андрій 162, 643

Амі (Намі, Гамі) Ернест 70, 634

Аміран (Аміральд) Моїз 125, 640

Амос 374

Ананій (Ананія) 132, 640

Андерсен Ганс Христіан 453, 662

Андріаші Дьюла 250, 651

Андрієвський Митрофан Олександрович 47, 258, 628

Андрієвський Олексій Олександрович 662

Андрієшев Олексій Хомич 222, 649

Анкетель-Дюперрон Абраам Ясент 65, 631

Анна Іванівна 667

Антоній 211

Антонович Володимир Боніфатійович 258, 271, 297, 456, 488, 489, 557, 562, 605, 608, 611, 627, 645, 663, 644

Анубіс 64, 631

Аод 111

Аполлон 397

Аракчеев Олексій Андрійович 427, 563, 667

Арій (Ареїй) 272, 642

Аристей (Арістій) 60, 631

Аристофан 75

Арміній (Яків Германн) 90, 643

Аристід 161, 643

Аристотель 62, 77, 506, 508, 631

Арнольд Готфрід 148, 642

Арсеній 205, 213, 647

Артаксеркс II Мнемон 635

«Архів Юго-Західної Росії, издаваемий Коміссией для разбора древних актов» 664

Архімед 397

Аскоченський Віктор Іпатійович 205, 206, 647

Атрід 585, 588

Аттік 577

Ашшурбаніпал 632

Афанасьев Олександр Миколайович 265, 352, 653

Афродіта 272

Ахеменіди 506

Бабич Яків 18

Багатимов 221, 222

Байрон Джордж Ноел Гордон 219, 439, 662

Бакунін Михайло Олександрович 248, 249, 409—411, 413—415, 501, 614, 615, 651, 671

Балей Іван 665

Балліна 256

Балтімор 151, 168

Бальмен Яків Петрович 351

Бантиш-Каменський Дмитро Миколайович 25, 281, 291, 365, 607, 625

Баранович Лазар 7, 621

Барановський 659

Барант 524

Барвінський Володимир Григорович 331, 332, 551, 658

Барер 526

Бароніс (Бароній) Цезар 119, 640

Басс Іван Іванович 667

Бастіан Адольф 70, 634

Бастій 576

Батагля (Батталья) Гвідо 369, 659

Баторій Стефан 56, 147, 629

«Батьківщина» 436, 437, 662

Баштовий (Нечуй-Левицький Іван Семенович) 502, 503, 504, 532, 665

Беззаразов Володимир Павлович 601, 671

Безсонов Петро Олексійович 57, 255, 257, 266, 269, 272, 630

Бейль П'єр 133, 134, 641

Бек Август 67, 633

Бекман Яків Миколайович 585, 600, 669

Беллабарисрук 73

Беліз 327, 337, 657

Беллі Мартін (псевд. Шатільйона) 152—154

Беллярмін (Беллярміно) Франческо Ромоло 107—111, 113, 114, 119, 133, 163, 639

Бенфей Теодор 495, 665

Беренштам Вільгельм Людвігович 645

Бержье 125

Берладник 14, 15

Бернштейн Михайло Давидович 606

Бероз 61, 630

«Беседа» 51, 268, 629, 653

Белінський Віссаріон Григорович 10, 56, 147, 208, 350, 356, 357, 362, 389, 395, 397, 404, 417, 438, 444, 449, 450, 455, 615, 621, 659

Беляєв Ілля 206, 297

«Былое» 668

Бібіков Дмитро Гавrilович 40, 551, 626

«Бібліотека для читання» 350, 647

Біблія 359, 364, 369, 374, 497, 508, 510—512, 516, 517, 523

Білозерський Микола Михайлович 17, 623

Білous Федір 340

Більбасов Василь 244, 648

«Биржевые ведомости» 235, 650

* Імена наводяться у сучасній транскрипції. У випадку розходження транскрипції М. П. Драгоманова із сучасною ці різночтитання наводяться у дужках.

- Бірон Ернест 563, 667
 Бірч Самуїл 66, 633
 Бісмарк Отто фон Шенгаузен 250, 304, 542, 651
 Бітонський (Бітон) Давид 132, 640
 Благосвітлов Григорій Євлампійович 649
 Блан Луї Жозеф Жан 297, 373, 395, 656
 Боборікін Петро Дмитрович 480, 663
 Бобрівський Михайло 257, 652
 Богацький Павло 619
 Богданов Самійло 568
 Богерманн (Бохерманн) Іоанн 90, 637
 Богуміл 265
 Богун Іван 366, 418
 Богуславка Маруся 30, 32, 34
 Боденштедт Фрідріх 449, 662
 Бодянський Осип Максимович (псевд. Ісько Материнка) 9, 26, 621, 622, 625, 659
 Boehmer 91
 Боккаччо Джованні (Бокачіо) 272, 654
 Бокль Генрі Томас 82, 498, 601, 636, 671
 Болінброк Генрі 170, 644
 Бонапарт Наполеон III 304, 656
 Борецький Йоан 622, 624
 Борковський Олександр Михайлович 663
 Боссюєт (Боссюе) Жак Бенінь 89, 94, 101, 105, 134, 149, 161, 637
 Ботта Поль Еміль 65, 632
 Боян 6
 Брандес Георг 498, 665
 Брандоліно Вольдемаріно 118
 Братковський Данило Богданович 28, 279, 625
 Брока Поль 634
 Броневський Христофор 20, 623
 Бругш Генріх 65, 632
 Брут Марк Юній 349, 367, 402, 659
 Брюллов Карл Павлович 349
 Брюховецький Іван Мартинович 418
 Будда 507
 Будеволя (Танячкевич Данило Іванович) 658
 Будний Симон 18, 623
 Бужинський Гаврило Федорович 288, 655
 Бузаріс (Бузаріс) 72, 634
 «Буковина» 548
 Булгарін Фадей Венедиктович 207, 647
 Буллінгер Генріх 152, 643
 Бунге Микола Християнович 208, 647
 Бунзен Христіан 73, 635
 Бурачок Степан Онисимович 344, 359, 658
 Бурбони 156, 623, 638
 Бурдалу Луї 148, 642
 Буслаєв Федір Іванович 9, 56, 621, 629, 652
 Бутурлін Васильович 667
 Бучинський Мелітон Йосипович 47, 628
 Бушер (Буше) Жан 111, 126, 639
 Бюхнер Фрідріх Карл 361, 659
- Венель 222
 Венцеслав Трідський 169
 Верссай Остап Микитович 269—271, 653
 Верещака 29
 Вернадський Володимир Іванович 606
 Веррес 668
 Веселовський Олександр Миколайович 268, 269, 486, 494, 536, 627, 652, 653, 654
 «Вестник Європи» 51, 207, 217, 220, 259, 273, 292, 435, 484, 485, 495, 503, 522, 529, 560, 620, 621, 652, 662, 664
 «Вестник Западной России» 57, 629
 «Вестник Юго-Западной и Западной России» 213, 629, 648
 «Вестъ» 208, 221, 252, 648
 «Вечерниця» 329, 657
 Виговський Іван Остапович 28, 279, 607, 626, 645, 661
 Вишеньський Іван (Іоанн із Вишні) 288, 484, 623
 Вишневецький Дмитро 187, 196, 197, 200, 201
 Вікіліф Д. 477, 510
 Віко Джамбаттіста 73, 635
 Віктор Еммануїл 531, 666
 «Віленський вестник» 257, 652
 Вільмарке 55, 56
 Вілузє 581, 582, 583
 Вільгельм I Нормандський (Завойовник) 665
 Вільгельм Оранський 49, 168, 514, 638
 Вільгельм III 169, 644
 Вількін Чарльз 65, 632
 Вільсон Горас Гайман 66, 633
 Віндзор 110
 Віппер Роберт Юрьевич 652
 Вірхов Рудольф 68, 634
 Вітольд 53, 489, 629
 Вобан Себастіан 148, 642
 Вовк (Волков) Федір Кіндратович (С. С., Сір-ко) 370, 374, 363, 600, 601, 602, 655, 658
 Вовчок Марко 205, 474, 592, 596, 604, 670
 Водовозов Василь Іванович 222, 643
 Волиневич Г. 658
 «Волинські губернські ведомості» 630
 Володимир Мономах (Володимир Великий) 176, 620
 «Вольне слово» 616
 Вольтер (Арье Марі Франсуа) 170, 171, 234, 395, 594
 Вороній Феодосій Якович 210, 648
 «Вперед» 410, 414, 416, 542, 615, 660
 «Вульгата» 18
 Вундт Вільгельм 496, 665
 В'яземський Петро Андрійович 533
- Гагарін 601
 Гагарін Павло Павлович 601, 671
 Гаевський 589
 «Газета школи» 37, 329, 335, 340, 401
 Гайдабуров Павло Олександрович 661
 Гакстгаузен Август Франц Людвіг 297, 449, 656
 Галаган Григорій Павлович 658
 Галахов Олексій Дмитрович 56, 357, 530, 629
 Гален Клавдій 508
 Галілей Галілео 604
 Гальгед 65
 Гамалія 593
 Гамбетта Леон Мішель 657
 Ганджа Андібер 374
 Ганенко 47, 628
 Ганка Вацлав 348, 349, 352, 659
 Гаррабурда (див. також Гарiballdi) 283
 Гарібалді Джузеппе 283, 395, 601, 655
 Гаркуша Семен 282, 655
 Гарруччі 67

- Гатцук Микола Олексійович 58, 213, 630
 Гашет (Hachette) 63
 Гавагніні (Гваньні) Александр 17, 622
 Гейтчієрдін Ф., 138, 641
 Гегель Георг Вільгельм Фрідріх 73, 218, 482, 502, 609, 664
 Гедимінович 48, 629
 Гедоз (Gaidoz) 228
 Гедройц 511
 Гейне Генріх 664
 Гекатей Мілєтський 60, 630
 Геккель Ернст 439
 Гельвецій Клод Адріан 171, 172, 644
 Генріх VIII (Генрі VIII) 520
 Генріх II, фр. король 140, 638
 Генріх III, фр. король 99, 111, 126, 138, 141, 638
 Генріх IV, папа 99, 107, 110, 111, 120, 121, 138, 140, 141, 144, 642
 Генріх IV, фр. король 638
 Генріх V 515
 Генріх VIII, англ. король 87, 105, 127, 515, 519, 520, 637
 Гентіліс 151, 162
 Генцен 67
 Геракл 161
 Гер-Гор 73
 Гердер Йоганн Готфрід 442, 609, 663
 Геркулес 481
 Герланд Георг 70, 634
 Германн (Херман, Арміній) Яків (Якоб) 165, 637
 Геродот 60, 70, 73, 81, 584, 630
 Герцен Олександр Іванович 208, 214, 346, 347, 351, 357, 361, 362, 364, 373, 389, 392, 404, 415, 416, 478, 482, 591, 595, 600, 609, 615, 670
 Гете Йоганн Вольфганг 221, 662
 Гетцер Людвіг 162, 643
 Г. И. (див.: Успенський Гліб Іванович) 401
 Гіз Генріх 641
 Гізель Інокентій 29, 623, 626
 Гізо Франсуа П'єр Гійом 129, 141, 595, 607
 Гильдебрант Петро Андрійович 57, 257, 629
 Гільгамеш 632
 Гіппократ 77, 636
 Гірєй-Менглі 18, 622
 Гладстон Уільям Еварт 516, 665
 Глібов Леонід Іванович 204, 211, 227
 Гліндуру Оуен 515
 Гнатюк Володимир Михайлович 665
 Гнедич Микола Іванович 588, 669
 Гоббс Томас 170, 644
 Говорський Ксенофонт Антонович 213, 227, 648
 Гогенварт Карл Сигізмунд 250, 651
 Гоголь Микола Васильович 45, 56, 208, 216, 333, 357, 403, 425, 464, 482, 500, 502, 590, 597, 601, 615, 624, 625, 670
 Гоголь-Яновський Василь Панасович 425, 661
 Гое Гонечі 131
 Гольштейн Д. А. 235, 650
 Голій Гнат 57, 629
 Голіцин Василь Дмитрович 200
 Головацький Яків Федорович 9, 12, 46, 51, 57, 212, 255, 256, 264, 265, 267, 269, 273, 277, 556, 621
 Головнін Олександр Васильович 210, 214, 257, 652, 648
 «Голос» 217, 234, 249, 416, 648
 Гомар Франс 90, 637
 Гомер 5, 17, 88, 163, 579, 620, 669
 Гонта Іван 366, 378, 419, 420
 Горацій Флакк Квінт 578, 598, 668
 Гордієнко (Гординський) Кость 485, 534, 664
 Гордон Якуб (Ятовт Максиміліан) 364, 369, 370, 659
 Горленко 560, 561
 Горнова Ельжбета 606
 Горчаков Олександр Михайлович 238, 651
 Гошинський Северин 282, 655
 Грабинка Григорій Іванович 24, 281, 458, 624
 «Гражданин» 557
 Гранвелла 96
 Гракхи (Тіберій і Гай) 252
 Гракх Тіберій 651
 Граюковський Тимофій Миколайович 208, 647, 652, 669
 Граф 504
 Грівс І. М. 619
 Гребінка Євген Павлович 57, 624
 Грегуар Генріх 528, 666
 Гречуlevich Василь 206
 Григорій, митрополит 361
 Григорій III, папа 110, 639
 Григорій VII, папа 109, 509, 639, 640
 Григорій XI 116
 Григорій XIII 114, 143, 639
 Григорій XIV 116, 639
 Грибалді Маттео 162, 643
 Грін (Green) 519
 Гринченко Борис Дмитрович 646, 663, 666
 «Громада» 276, 324, 326, 344, 348, 359, 362, 366, 380, 417, 418, 420, 425, 458, 484, 603, 614, 646, 654, 657, 658, 661
 «Громадський друг» 497, 614
 Гrot Джордж 75, 83, 531, 635
 Гроцій Гуго 137, 537, 641
 Грушевський Михайло Сергійвоич 606, 645, 654
 Губернатіс Анджелло 273, 654
 Гудулиха 57
 Гулак-Артемовський Петро Петрович 206, 256, 281, 425
 Гульельм II 47
 Гумбольдт Олександр Фрідріх Вільгельм 584, 669
 Гус Ян (Іоанн) 103, 120, 132, 353, 510, 638, 640
 Гусак, кошовий 280
 Гюго Віктор 351, 389

- Давид 132, 640, 659
 Давиденко В. 644
 Д'Аламбер Жан Лерон 149, 642
 Даль Володимир Іванович 229, 317, 650
 Дальтон (Долтон) Джон 377, 660
 Данძевель 244
 Данилевський Микола Якович 484, 485, 502
 Данилов Кирил 622
 Данило Галицький 13, 14, 53, 556, 629
 Данило, пророк 109, 639
 Данте Алієрі 604
 Дарапбер 63, 631
 Дарій I 630
 Дафаан 132
 Дашкович Остап 187
 Деллен Олександр Карлович 578
 «Дело» 220, 496
 Демедок 272
 Демидов 598
 Демосфен 164, 643
 «День» 206, 214, 217, 218, 283, 400, 647
 Джемшид 266
 Джілліс (Жілліс, Гілліс) Йоганн 585, 587, 588, 669
 Джюберті 230
 Джонес (Джонс) Уільям (Вільямс) 65, 532
 Димінський Андрій Іванович 258, 652
 Діва (див. Марія) 266
 Дідицький Богдан Андрійович 212, 648

Дізраелі Бенджамін 241, 242, 651
Діккенс Чарльз 402
Діксон 208
«Діло» 503, 504, 532, 541, 554, 557, 658
Дідор Сіцилійський 73, 75, 78, 635
Діок 586
Діоклетіан 610
Діц Фрідріх 227, 649
Длугош Ян 17, 622
Дмитрій 15
Дмитрій Ростовський (Туптало Данило) 7, 21, 216, 442, 621
Добровольський 223
Добролюбов Микола Олександрович 395, 404, 438, 608
Довгалевський Митрофан 23, 624
Довгорукій (Долгоруков) Микола Андрійович 202, 646
Доде Альфонс 529, 666
«Домашняя беседа» («Домашняя беседа для народного чтения») 205, 647
Донцов Дмитро Іванович 606
Дорошенко Петро Дорофійович 198, 199, 369, 418, 444, 645, 659
Достоєвський Федір Михайлович 357, 371, 383, 464, 478
Драгоманов Михайло Петрович 236, 267, 271, 335—337, 456, 577, 582, 605—618, 621, 626—629, 631, 636, 641, 645—647, 649—658, 660, 661, 663, 667, 668
Драгоманов Петро Якович 667
«Древняя и новая Россия» 449, 611, 628
«Дрібна бібліотека» 497, 665
«Друг» 332, 401, 614, 660
«Друг народа» 222, 649
Дружинін Олександр Васильович 579, 668
Дубельт Леоніт Васильович 347, 658
Дубецький М. 611
Думитрашко Микола Данилович 601
Дункер Макс 595, 670
Духінський Генрік 330, 650
Духнович Олександр Васильович 292, 655
Дюміхен Йоганн 65, 632
Дюмулен Шарль 96, 97, 101, 638
Дюпранту Фелікс Антон 101, 638
Дюперрон Жак Даві 100, 638
Дюрінг Карл Євген 297, 656
Дюрюї 214
Дьяков Олексій Олексійович (псевд. Незлобін)

Едвард 515
Едуард VI 139, 150, 641
Еймерік 136, 641
Елон 639
Енгель Йоганн Христіан 281, 655
Енгельгардт Олександр Миколайович 313, 657
Епікур 637
Еразм Роттердамський 161, 168, 636, 643, 655
Есмуназар (Еммуназар) 65, 633
«Этнографическое обозрение» 493, 664

Єва 643
Європеус Олександр Іванович 409, 660
Єлизавета 110, 129, 150, 188, 520, 639
Єлизавета Петрівна 671
Еремія 213
Еремія Галка (дво. Костомаров М. І.)
Ермак Тимофійович 27
Ерошенко 235
Ефименко Олександра Яківна 263, 653
Ефименко (Юхименко) Петро Савович 258, 492, 653, 664

Жах (Шах М.) 33
Жданов 209
Жегота Паулі 46, 290
Жслехівський Євген Іеронімович 334, 339, 340, 658
Желябов Андрій Іванович 614
«Живая старина» 493, 664
Житецький Гнат (Ігнатій) Павлович 288
Житецький Павло Гнатович 487, 556, 611, 655, 660
«Житє і слово» 614, 617, 667
«Жіночий альманах» 497
Жолкевський Станіслав 360, 625
Жуайез (Жуайез) 121, 122, 640
Жуковський Василь Андрійович 344, 356, 357, 555
«Журнал Министерства народного просвещения» 67, 256, 630, 652, 678
Жюре 134

Зайчевський Петро Григорович 648
Зайкевич 47
Зайцев Варфоломій 649
Закревська Софія Олексіївна 351, 659
Закревський Віктор Олексійович 351, 659
Закревський Ігнат 325
Залеський Броніслав 370, 388, 436, 659
Залеський Вацлав Міхал (Вацлав з Олеська) 46, 282, 290, 627
Залізняк Максим 378, 419
Залюбовський Григорій Антонович 47, 258, 628
«Записки Юго-Западного отдела Імператорского географического общества» 291, 433, 654
«Запорожская старина» 56, 58
«Заря» 669
Засулич Віра Іванівна 309, 427, 657
«Збірник філологічної секції Наукового товариства ім. Шевченка» 620
Згарський Євген Якович 329, 657
Зевс Олімпійський 67
«Земський сборник» 446
Зенкевич Ромуальд 257, 652
Зіньківський Трохим Аврамович (Т. Звіздочт) 663
Златопільський Микола Миколайович 434, 661
Значко-Яворський Мельхіседек (Михайло) 661
«Знання» 263, 636
Зоега (Цьога, Zoega) Іоанн Георг 64, 632
Золотов 597
Золя Еміль 529
Зорка Самуйл 24, 624
«Зоря» 461—465, 474, 479, 480, 492, 493, 495, 551, 544, 663, 665
Зубрицький Денис Іванович 297, 656

Іаков I (Яків I) 112, 113
Іван III 178, 236, 524, 645
Іван IV Васильович (Грозний) 197, 462, 524, 563, 573, 667
Іван Безземельний 570
Іванишев Микола Дмитрович 227, 247, 649
Іпанов А. 599
Іванов Алмаз (Іванов Єрофей Іванович) 564, 667
Іванова Раїса Петрівна 606
Ігор 628
Іезавель 73
Ієроім Празький 132, 640
Ізабелла 93, 637, 641
Ізіда 64, 631
Ізопольський В. 58
Іїма 266
Іконников Володимир Степанович 274, 654
Ілля 266

- Ілля Муромець 254
 Ільницький Лука Васильович 47, 628, 657
 Індра 265, 653
 Інокентій III 99, 136, 638
 Інокентій IV 136, 641
 Інокентій XI 100, 638
 Іоанн 135
 Іоанн із Вишні (Вишенський Іван) 21
 Ісаїя 374, 375
 Іскандер (Герцен О.І.) 357, 591
 «Історія русів» 24, 25, 45, 57, 281, 282, 354,
 365, 368, 537, 622, 624
 Ісус Христос (Іисус Христос)
 Ітоваал 73
- Й**осафат 507
 Йоганн Рейн 162
 Йосиф II (Австрійський) 169, 524, 532, 539,
 644, 666
- К**абліц Йосип Іванович (Юзов) 665
 Кадм Мілетський 60, 630
 Казімір IV 650
 Кайданов Іван Кузьмич 586, 669
 Кай Марій 578
 Калідас 632
 Кальвін Жан 85, 87, 89, 90, 131, 133, 151—153,
 160, 162, 165, 172, 477, 636, 644
 Камерон Річард 166, 643
 Камілла 161, 643
 Кампанус Іоанн (Йоганн) 162, 643
 Калиніш (Калиніщевський) Петро Іванович 30,
 626
 Капніст Василь Васильович 591, 670
 Капніст Олексій Васильович 534, 669
 Караджич Вук Стефанович 272, 273, 442, 512,
 654
 Каракозов Дмитро Володимирович 648, 669
 Карамзін Микола Михайлович 442, 585, 607,
 612, 662, 669
 Караффа Антоніо 131, 145, 640
 Кареєв Микола Іванович 502, 665
 Карл II 168, 644
 Карл V 127, 135—137, 139, 164, 640, 641
 Карл VII 95, 637
 Карл IX 131, 140, 143, 640
 Карл XII 201, 445
 Карл Великий 96, 638
 Карл Людвіг 169
 Карл Смілій 524, 666
 Кармелюк Устим 282
 Каролінги 639
 Карпов Геннадій Федорович 490, 664
 Кастьєр 427
 Каспарі Отто 70, 634
 Кастаніо (Шатільон) 160, 163
 Катерина I 667
 Катерина II 201—203, 281, 365, 419, 433, 459,
 490, 491, 533, 534, 556, 559, 574, 587, 646
 Катков Михаїло Никифорович 208, 209, 212,
 216, 221, 225, 250, 452, 529, 590, 647, 648
 Катон Марк Порцій 161, 643
 Каховський Петро Григорович 668
 Кацала Степан (Загірний М.) 331, 335, 401,
 487, 553, 554, 657, 660
 Квітка (Основ'яненко) Григорій Федорович
 216, 281, 333, 343, 352, 359, 365, 366, 431,
 438, 474
 Кевенгілер (Кевенгіллєр) Людвіг Андро 145,
 462
 Кедворт 643
 Кекропс (Кекроп) 74, 635
 Кельєсів Василь Іванович 221, 416, 649
 Керзон 611
- Кетаї 66
 «Киевлянин» (альманах) 19
 «Киевлянин» (газета) 41, 42, 222, 387, 454,
 550, 609, 625, 647
 «Киевская старина» 486, 535, 536, 553, 653,
 664
 «Киевские епархиальные ведомости» 205
 «Киевский телеграф» 238, 314, 328, 360, 450,
 614, 657
 «Киевское слово» 669
 Кизімовський 593
 Київський Іван Васильович 416, 661
 Кирило 345
 Кір II Великий (Старший) 60, 72, 631
 Кіркор Адам Гонорій 652
 Кірхер Атанасіс 64, 257, 631
 Кістяківський Богдан Олександрович 619, 653
 Кістяківський Олександр Федорович 258, 263,
 492, 606, 609, 653
 Кішка Самійло (Кушка Самуїл) 26, 32, 33,
 189, 190—196, 626
 Клавдіус 162
 Кларк 449
 Клеберг 152
 Климент IV 136, 640, 641
 Климент VIII 96, 638
 Климент XII 117, 639
 Климентович Ксенофонт Григорович 396, 556,
 657
 Клобергус 153
 «Книжная старина» 19
 Кобель Франц 531, 666
 Кобринська Наталія Іванівна 665
 Ковалевський Максим Максимович 492, 664
 Ковалевський Микола Васильович 663
 Ковальський Іван 657
 Кожанчиков Дмитро Юхимович 342, 362
 Кожемяка 15
 Козак Степан 655
 Козачківський Андрій Осипович 357, 359,
 374, 385, 388, 659
 Козлов Іван Іванович 357
 Кокілль Гюї 47, 101, 638
 Коклес 349, 402, 659
 Колінъ Гаспар 142, 143, 642
 Коллар (Коляр) Ян 352, 348, 349, 658
 «Колокол» 248, 346, 348, 361, 362, 385, 387,
 388, 392, 394, 409, 595, 600, 651, 670
 Колъ (Kohl) 449
 Колбрек Генрі Томас 65, 632
 Кольцов Олексій Васильович 355
 Комаров 247
 Кондорсе Марі Жан Антуан Нікола де 376,
 644, 659
 Коніський Георгій 11, 24, 25, 212, 252, 365,
 418, 622
 Коніський Олександр Якович 601, 663, 664,
 648
 Константин (Флавій Валерій, Константин Великий) 73, 115, 610, 635
 Константин Палеолог 645
 Константин 148
 Конт Огюст 77, 376, 599, 601, 636
 Коорнігерт Дірк 163—165, 643
 Коріолан Гней Марцій 78, 636
 Короленко Володимир Галактіонович 480, 494
 Корф Микола 213, 223, 231, 538, 648
 Корш Евген Федорович 648
 Кошинський Криштофор 22, 28, 520, 624, 625
 Костомаров Микола Іванович (псевд. Іеремія
 Галка) 9, 12, 17, 26, 29, 46, 47, 51, 58, 204,
 206, 208, 215, 217, 218, 255, 258, 268, 271,
 272, 274, 282, 297, 328, 339, 333, 341, 345,
 348, 349, 352, 355, 359, 362, 368, 387—391,
 437, 451, 454—456, 459, 482, 484, 490, 491,
 496, 498, 538, 545, 562, 582, 612, 620, 621,

- 622—624, 627, 629, 649, 653, 654, 658, 660,
 662, 669
 Костянтин Миколайович (Романов) 214, 248,
 408, 409
 Котляревський Іван Петрович 23, 281, 333,
 364, 403, 425, 431, 451
 Коховський (Медовник) Всеволод Порфирович
 216, 648
 Коцебу Август Фрідріх Фердинанд 595, 670
 Коцюбський Володимир 662
 Кошут Лайош 292, 655
 Коялович Михайло Йосипович 57, 629
 Краєвський Андрій Олександрович 58
 Крапивна (Лобода) Стефанія Матвіївна 393
 Крашевський Юзеф Ігнаці 630
 Крез 60, 631
 Крейцер Фрідріх 64, 632
 Крем'єве 129
 Крилов Іван Андрійович 437, 442
 Кримський Атаганел Юхимович 606, 664
 Кромвель Олівер 87, 520, 637
 Кромер Мартин 17, 20, 622
 Кропивницький Марко Лукич 47
 Ксенонфонт 75, 76, 635
 Ктесій (Ктезій) Кнідський 101, 635
 Кудеяр 407, 660
 Кудрявцев (Нестроєв) Олександр Миколайович 357
 Кукульник Нестор Васильович 350, 659
 Куліш Пантелеїмон Олександрович 10, 11, 26,
 34, 46, 47, 51, 56, 57, 205, 206, 208, 213, 219,
 255, 258, 274, 283, 297, 327, 329, 333—346,
 348, 349, 353, 367, 388, 435, 438, 490, 540,
 590, 592, 596, 598, 611, 622, 624, 629, 657, 662,
 664, 670
 Кулжинський Іван Гнатович 225
 Кутторга Степан Степанович 593, 670
 Кушелев-Безбородко Григорій Олександрович
 274
 Кюнен Авраам 495, 664
- Л**абрюйєр Жан 148, 642
 Лавеле (Лавельє) Еміль Луї Віктор де 247,
 656
 Лавренко Е. 256, 652
 Лавров Петро Семенович (псевд. Мирто) 590,
 615, 660, 670
 Лавровський Юліан Григорович 229, 437, 658
 Лавуза Франсуа Мішель 147, 148, 642
 Лазаревський Іван Матвійович 658
 Лазаревський Олександр Матвійович 25, 295,
 297, 391, 562, 625
 Ламанський Володимир Іванович 9, 400, 416,
 496, 621, 664
 Ламартін Альфонс 351, 659
 Ланге Фрідріх 297, 439, 656
 Ланглуа (Langlois) 66, 265, 266, 633
 Лану Франсуа 139, 641
 Ланцкоронський Предслав 187, 645
 Лао-dzi 502, 665
 Лассаль Фердинанд 297, 324, 656
 Латре (Ларт) Едуард 68, 73, 634
 Лаффонтен Жан де 148
 Лашез Франсуа 147, 642
 Лашкевич Олександр 246
 Леббон Джон 70, 634
 Лебединцев Петро Гавrilович 205, 647
 Лев X 20, 114, 623
 Левицький Орест Іванович (Маяченець) 624,
 665
 Леже Луї 266, 553, 662
 Лейядр Остен Генрі 65, 632
 Лель 266, 653
 Ленорман Франсуа 65, 66, 632
 Леонарді Джакомо 230, 650
- Леонардо Донато 120
 Лепітель Мішель 128, 129, 140, 154, 640
 Лепсіус Карл Ріхард 65, 632
 Леренте Жан 135, 641
 Лермонтов Юрій Михайлович 555, 557
 Лесевич Володимир Вікторович 224—226, 649
 Лессін Готгольд Ефраїм
 «Летописи русской литературы» 271, 272
 «Летопись Самоцвіда о войнах Хмельницького»
 624
 Летрон Гійом Франс 67, 633
 Лещинський 201
 Ліжедмітрій 410
 Ліжесмердіс 73, 522
 Лівчак Йосин 386, 660
 Лисенко Валентина Василівна 619
 Лисенко Микола Віталійович 47, 256, 258, 611,
 653
 Лисенко Олександр Якимович 606
 Лисяк-Рудницький Іван 606
 Лихачов 234
 Лихонін Михайло Миколайович 670
 Ліанкур 376
 Лібкнехт Карл 323
 Лівій Тіт 75, 578, 598, 635
 Лівінгстон Давид 70, 634
 Лікург 74, 635
 Ліліенкрон Рокус Фрайгер 48, 628
 Лілліпіт Юстус 537, 666
 Лісіанісса 634
 «Літературно-наукова бібліотека» 497, 665
 Лобода Віктор Васильович 601, 671
 Лободовський Михайло 47, 628
 Локе Джон 167, 168, 596, 644, 670
 Ломиковський Василь Якович 560, 561, 667
 Ломоносов Михайло Васильович 442, 445, 670
 Лоначевський-Петруняка Олександр Іванович
 47, 628, 652
 Лонгобарди 73
 Лоран Франсуа 580, 669
 Лотарінгський 98, 141, 142
 Лофутс 65, 242, 243, 633
 Лужин 600
 Лукашевич Платон Якимович 46, 281, 627
 Луначарський Анатолій Васильович 615
 Лучицький Іван Васильович 492, 664
 Людовік IX «Святий» 94, 637
 Людовік XI 666
 Людовік XIV 146—150, 155, 156, 159, 667
 Людовік XV 148, 156, 157, 642
 Людовік XVI 20, 100, 102, 134, 136, 376, 525,
 533, 573, 623
 Лютер Мартін 20, 84—87, 89, 96, 103, 121,
 130—133, 136, 137, 160, 161, 477, 511, 513,
 520, 623
- М**агомет 131, 178
 Магомет II 645
 Магомет IV 645
 Мазад Шарль 225, 649
 Мазепа Іван Степанович 200, 201, 366, 419,
 459, 485, 534, 535, 538, 539, 560, 561, 646, 654
 Макаров 55
 Макаровський Михайло 607
 Маколей Томас Бабінгтон 594, 607, 670
 Макіавелі Нікколо 20, 623
 Максиміліан Йосиф 123
 Максиміліан II 48
 Максимович Михайло Олександрович 10, 17,
 24, 46, 47, 56—58, 218, 255, 256, 268, 281,
 333, 482, 621
 Макферсон Джеймс 522, 665
 «Малоруський сборник» 12
 Мальчевський 282

Манджура (Манжура) Іван Іванович 270, 650, 653
Манефон 61, 73, 630
Ману 73, 113
Маргарита Австрійська 116, 639
Маріанн 135
Маріетт Огюст 65, 632
Маріні 633
Марія (Діва-Марія) 266, 524
Марія Англійська 139
Марія Стоарт 151, 642
Марія Тереза 532, 666
Маркевич Микола Андрійович 25, 47, 281, 627
Маркович Марія (Марковичка, Марко Вовчок) 343, 654
Маркович Опанас Васильович 654
Маркович Яків Андрійович 24, 624, 625
Маркс Карл 297, 429, 656
Марслій Падуанський 120, 640
Мартен 524
Мартинов А. А. 58
Мартинович 279
Мартянов Петро Олексійович 248, 249, 409, 416, 651
Маруся Богуславка 186
Матвій 99, 126, 640
Материнка Ісько (Бодянський Йосип) 281, 655
Маурер Георг Людвіг 297, 656
Махновець Леонід Єфремович 622
Маццині (Мадзіні) Джузеппе 230, 395, 650, 670
Маццоліні да Прієріо 109
«Маяк» 341, 352, 359, 658
Маяченськ (див.: Левицький О. І.)
Медічі Катерина 110, 131, 139, 140, 142, 639
Медовник (див.: Коховський В. П.)
Меланхтон 88, 89, 152
Мельник Леонід Герасимович 661
Мельхіседек 419
Мен Альберт 297, 656
Менандр Ефеський 61, 631
Менгін-Гірей (Малий Гірей) 15, 67, 178, 236, 650
Меншиков Олександр Данилович 563, 667
Меріваль Чарльз 75, 635
Меровінги 109, 639
Местр Жозеф де 101, 104, 638
«Мета» 219, 220, 283, 329, 387, 655
Метлинський Амвросій Лук'янович 46, 57, 222, 238, 255, 256, 282, 333, 627
Меттерній Клеменс Венцель Лотар 241, 427, 661
Мефодій 345
Мікешин Михайло Йосипович 343, 356, 364, 391, 658
Микола I (Микола Павлович, Миколай) 207, 208, 228, 241, 282, 346, 347, 349, 351, 373, 387, 412, 501, 557, 563, 576, 578, 590, 658, 669
Міладиновцев 272
Мілорадович Єлизавета Іванівна 599, 658
Мирний Панас 474, 478, 480, 607, 614, 628, 663
Миронов 204
Миславський Самуїл 535, 666
Михайло Федорович 274
Михайлів Михайло Ларіонович 363, 659
Михайлівський Микола Костянтинович 602, 671
Михальчук Костянтин Петрович 258, 277, 653
Михневич 581
Міклошич (Міклюсич) Франц Ксавер 9, 229, 621
Міллер Орест Федорович 25, 256, 625
Міллер (Мюллер) Фріц 70, 634
Мілль Джон Стоарт 71, 77, 297, 363, 634, 656
Мілютін Дмитро Олексійович 669
Мільтон Джон 167, 168, 644
Міна Сельзій (Лелій Соцін) 152

Містраль Фредерік 227, 228, 529, 530, 649
Мішкевич Адам 351, 354, 356, 369, 383, 668
Мішле Жюль 524
Моав 111
Могила А. (див.: Метлинський А. Л.)
Могила Петро Семенович 7, 21, 22, 28
Могила Семеон 22
Мойсей 46, 132, 151, 638, 641
Мокоша 622
«Молва» 234
«Молода Германія» 482
«Молода Італія» 482
«Молодая Россия» 209
Моммзен Теодор 67, 76, 498, 507, 531, 633
Монохом (див. також: Володимир) 6, 7, 15, 16, 44
Монтеск'є Шарль Луї 591, 670
Морган Льюїс Генрі 498, 665
Мордвинов 274
Мордовець (Мордовцев) Данило Лукич 10, 272, 481, 503, 611, 622, 627
Мордовцева Аліна Миколаївна 654
Моріані 111
Моріц Саксонський 137, 641
Морін Оранський 643
Мороз Мирослав Олександрович 620
Морус Томас (Мор Томас) 154, 643
Морфіл Вільям К. 627
«Москва» 221
Москвитін Іван Федорович 513
«Московські ведомості» 206, 209, 212, 214, 215, 222, 235, 247, 387, 481, 557, 648
Мистиславець Петро 623
М. Т.-ов (див.: Драгоманов М. П.)
Муравйов Михайло Миколайович 581, 652
Мустафа 185
Мюллер 630
Мюллнер Макс 650

«Набат» 308, 657
Набонагід 73, 555
Наведжero Бернандо 137, 641
Навроцький Володимир Михайлович 613
Навуходоносор 73
Наливко Северин 28, 57, 366, 418, 620, 625
Наполеон I (Наполеон Бонапарт) 65, 105, 106, 283, 304, 471, 525, 585
Наполеон III 214
«Народ» 461, 463—466, 494, 522, 575, 616, 617, 663, 668
«Народное чтение» 209
«Наукова бібліотека» 497, 665
«Науковий сборник» 212
Науменко Володимир Павлович 617
Наумович Іван 557, 662, 666
«Начальная летопись» 16
Неговський 47
«Неделя» 314, 328, 431, 438, 454, 657, 661
Недзельський 221
Незлобін (див.: Дьяков О. О.)
Некрасов Микола Олексійович 371, 404, 434, 437, 478, 649
Немиріч Юрій 28, 418, 444, 537, 626
Немурський 142
Непот Корнелій 577, 668
Нептун 354, 634
Нестор 6, 8
Нестроєв-Кудрявцев 357
Нечай Данило 378, 418
Нечуй-Левицький Іван Семенович 435—437, 478, 480, 502—504, 627, 648, 663
Низенко (див.: Антонович В. Б.)
Нібур Кастан 65, 632
Ніковський Андрон 657
Німврод 72, 635

- Нін 72, 634
 Новицький Іван Петрович 47, 258, 297, 628
 Новицький Орест Маркович 596, 670
 «Новое время» 234, 235, 244, 249, 387, 416, 650
 Новоселов 244—246
 Новосельський (Марцинковський Антоні) 258, 651
 Ной 161
 Нокс Джонс 133, 151, 641
 Номис (Симонов Матвій Терентійович) 256, 652
 Нос (Ніс) Степан Данилович 47, 628
 Носович Іван Іванович 257, 652
 Нума Помпілій 74, 161, 347, 635, 660
 Ньютон (Невтон) 561, 597
- Обанель** (Обанель) Теодор 227, 649
 Обрадович Досифей 442, 662
 Обренович Милан 651
 «Община» 661
 Овен (Оуен) Роберт 297, 357, 376, 395, 594, 656
 Овідій Публій Назон 578, 668
 Огарьев Микола Платонович 347, 373, 392, 415, 670
 Огоновський Нікофор М. 337, 339, 340, 597
 Огоновський Омелян Михайлович 330, 332, 495, 536, 551, 556, 657, 665
 Окольський С. 624
 Олег 209, 491
 Олександр I 274, 654
 Олександр II 208, 346, 385, 408, 585, 590, 651, 669
 Олександр Великий 60, 62, 509, 566
 Олександр Невський 359
 Одірджід Айра Федерік 391
 Ольгерд 53, 629
 Ольденбарнельд (Ольнебарнефельд) Ян 643
 Омір (див.: Гомер)
 Онуков Богдан 18
 Опатович Степан Іванович 204, 218, 646
 Опперт Жюль 65, 632
 Ореллі Каспар фон 67, 68, 633
 Орлик Пилип 419, 445, 661, 664
 Орфей 74, 635
 Осман II 185
 Основ'яненко (див.: Квітка)
 Осія 374
 «Основа» 204, 206, 212, 217, 271, 283, 328, 387, 426, 484, 646, 654, 660
 Оссан 522
 Острозький Олександр Миколайович 352, 363, 434, 437, 442
 Острозький Костянтин Іванович 620
 Острозький Костянтин (Василь) Костянтинович 7, 19, 620
 Острижня (Остриянин) Степан 56
 «Отечественные записки» 220, 224, 350, 351, 353, 397, 401, 454, 496, 607, 636, 649, 659
- /
- Павло (апостол) 67, 86, 111, 148, 341, 470, 508, 637, 658
 Павло I 563, 607
 Павло III 110, 135, 641
 Павло IV 639, 640, 641
 Павло V 110, 113, 117, 118, 120, 131, 639
 Павлин Михайло Іванович 443, 463, 477, 478, 606, 613, 614, 619, 628, 644, 656, 660, 662, 663
 Павлов Платон Васильович 207, 209, 600, 647
 Павлович Олександер Іванович 655
 Павлус (див.: Чубинський П. П.)
 Пален Костянтин Іванович 602, 671
 Палій (Гурко) Семен Пилипович 28, 201, 279, 368, 489, 625
- «Памятники Київської комісії для разбора древних актів» 287
 «Памятники старинної руської літератури» 274
 Панчатаантра 495
 Паррамон (Парамо) Луїс 136, 641
 Пармская 138
 Партицький Омелян Йосипович 329, 335, 340, 553
 Пасічин Рудий Панько (див.: Гоголь) 403
 Паскве (Паскье) Етьєн 97, 101, 102, 107, 117, 128, 638
 Пассек Тетяна Петрівна 391, 660
 Паулі Жегота 46, 627
 Пекарський Петро 666, 669
 Пелеш Юліан 658
 Пелід 585, 588
 Пене де 324
 Пенн Вільямс 169, 644
 Перебійніс 378, 418
 Пергер 260
 Перемишльський 14
 Перікл (Псевдо-Скілак) 630
 Пероговський Василь Гнатович 630
 «Перший вінок» 665
 Пестель Павло Іванович 248, 409
 Петрашевський Михайло Васильович 373, 383, 660
 Петрик Іван 279, 280, 418, 654
 Петро (апостол) 101, 104, 108, 111, 132, 162, 206, 341, 658
 Петро I (Петро Великий) 201, 288, 365, 433, 408, 419, 443, 444, 490, 533, 535, 536, 560—563, 585, 666, 667
 Петро II 667
 Петров 346
 Петровський М. Н. 624
 Петрушевич Сидір Іванович 297, 656
 Пилип Добрій 523
 Пильчиков Дмитро Павлович 100, 592, 593, 596, 598, 601, 602, 670
 Пилип Короткий 639
 Пилип Олександр Миколайович 207, 217, 272, 437, 449, 494, 495, 502, 532, 536, 628, 654
 Пирогов Микола Іванович 206, 207, 589, 596, 600, 601, 607, 608
 Писарев Дмитро Іванович 649, 671
 Підкова Іван 33, 58, 626
 Пій II 95, 637
 Пій V 93, 110, 131, 138, 142
 Пій IX 230, 339, 650, 669, 670
 Пігре Джузеппе 48, 457, 629
 Платон 72, 75, 163, 596, 635
 Плачінда Володимир Петрович 655
 Плійний Старший 75, 636
 Плиска Максим 24
 Плятер 330
 Поважна Валентина Миколаївна 606
 Погодін Михаїло Петрович 15, 207, 612, 622
 Подолинський Сергій Андрійович 503
 Подушка Іван 204, 646
 Познанський Борис Станіславович 608
 Полєвич Казимир Йосипович 575—585, 598, 671
 Полетика Василь Григорович 25, 625
 Полібій 62, 71, 77, 631
 Полінковський 258
 Полонський Яків 658
 «Полярна звезда» 595, 670
 Погоцький Симеон 442
 Погоцький Франтішек 429, 661
 Полуботок Павло 366
 Помпадур Жанна Антуанетта 157, 643
 Порфир'єв 536
 Посвистач 11
 Посников Олександр Сергійович 297

- Потебія Олександр Опанасович 486, 664
 Потоцький Микола 626
 Потоцькі 626
 Потій (Потій) Іпатій 623
 «Правда» 207, 211, 216, 224, 283, 331, 332, 334, 335, 338, 339, 362, 383, 393, 401, 462—464, 472, 478—481, 485, 486, 492, 502, 505, 540—543, 548, 549, 557, 602, 612, 622, 640, 646, 657, 658, 664, 671
 «Правительственный вестник» 249
 Прахов Аріян Вікторович 356, 358, 364, 659
 Прескотт Вільям Гіклін 135, 590, 607, 641, 670
 Пржебильський 209
 Приков Іван Гаврилович 5, 8—12, 16, 17, 21, 22, 24—26, 29, 30, 217, 620
 Прокопович Феофан 7, 21, 23, 288, 442, 621, 655
 Прудо П'єр Жозеф 297, 298, 373, 377, 410, 482, 610, 656
 Птоломей 506
 Публій Корнелій Сципіон 634
 Публій Корнелій Сципіон Африканський Старший 634
 Пугачов Омелян 248, 406—410, 413, 417, 611
 Пуле Михайло Федорович де 560, 667
 Пуффендорф Самуель фон 24, 91, 537, 624, 655
 Пушкін Олександр Сергійович 343, 344, 356, 396, 442, 451, 555, 557, 589, 624, 657
 «Пчела» 356, 364
 Пчілка Олена (Косач Ольга Михайлівна) 607, 665
 Піорвей 510

- Радзивілл Микола Чорний 18, 56
 «Радянське літературознавство» 667
 Раїзін Степан Тимофійович 27, 406, 410, 413, 417, 419, 611
 Раковський Іван 655
 Ракушка-Романівський Роман 624
 Раулинсон Генрі Кресвік 65, 632
 Рафаель Санті 584
 Ращель (Еліза Ращель Фелікс) 584, 669
 Ревуха (див.: Ржевуський В.)
 Рейналь Гільом Томас 171, 644
 Реклю Еліз 389, 429
 Рембо Альфред 627
 Ренан Жозеф Ернст 65, 81, 493, 613, 633, 664
 Решетников Федір Михайлович 434, 661
 Репнін-Волконський Микола Григорович 351, 659
 Ржевуський (Жевуський) Вацлав 58, 630
 Рилемев Кіндрат Федорович 282
 Рильський Тадей Розеславович 608
 Рігельман Микола Андрійович (?) 333, 658
 Рігельман Олександр Іванович 25, 296, 449, 625, 658
 Pic 517
 Рістич Йован 240, 651
 Rittix 277
 Рішльє (Рішельє) Арман Жан де Плессі 111, 639
 Рівніський Дмитро 535, 536, 666
 Роденберг 504
 Роджер Вільямс 168
 Розенталь 283
 Розумовський Кирило Григорович 662
 Роксолана 184
 Рольстон Уільям 627
 Романов (див.: Костянтин Миколайович)
 Романченко І. С. 606, 610, 619
 Романчук Юліан 480
 Ромодановський Григорій Григорович 149, 645
 Ромул 74, 635
 Россі де Джованні Батіста 67, 69, 634
 Рошер Вільгельм 75, 635
 Рубан Василь Григорович 11, 25, 281, 622

- Рубець Олександр Іванович 256, 652
 Руданський Олександр 47
 Рудольф II 145, 640, 642
 Рудченки-братья 607
 Рудченко Іван Якович 47, 256, 273, 274, 628, 652
 Рудченко Опанас Якович (див.: Панас Мирний)
 Ружинський Богдан 189
 Руліковський Едвард 257, 652
 Руманіла Жозеф 529, 666
 Румянців (Задунайський) Петро Олександрович 25, 445, 625
 «Русалка Дністровська» («Русалка Дністрова») 30
 «Руский Сіон» 332, 334, 335, 401, 658
 Русов Олександр Олександрович 47, 269, 628, 653, 655
 «Русская беседа» («Руська бесіда») 206, 250, 256, 328, 647
 «Русская мысль» 456, 457, 503
 «Русская старина» 542, 666
 «Русский архив» 562
 «Русский вестник» 333, 488, 590, 594, 621
 «Русский мир» 235, 650
 «Русское благоустройство» 430, 431, 434, 661
 «Русское дело» 649
 «Русское слово» 220, 224, 496
 Руссо Жан 171, 172, 594, 644
 Рюрик 209
 Рюриковичі 48, 628
- С**авонарола Джіроламо 20, 623
 Сагайдачний Григорій 280
 Сагайдачний (Сагайдачний-Конашевич) Петро Кононович 22, 28, 624
 Саллюстій Гай Крісп 578, 668
 Сальо 63, 631
 Самійленко Дмитро 58
 Самійленко-Коломенсько Яків 58
 Самовідець 24, 281, 458
 Самовідець Олександр Миколайович 21, 624
 Самойлович Іван 199, 534, 645
 Самуїл 369, 373
 Санд Жорж 363, 364, 373, 659
 «Санкт-Петербургские ведомости» 217, 224, 225, 235, 244, 249, 268, 541, 608, 653
 Санта Фіоре (див.: Пій V)
 Сахуніaton (Санхуніафон) 61, 630
 Сапіфір 132, 640
 Саргон II 632
 Сарданапал (Сінтаришкун-Сарак?) 669
 Сарпі Паоло Фра 118, 119, 122, 137, 639
 Сарсе Фр 529
 Сасані 506
 Сассетті Філіппо 65, 632
 Сахаров Іван Петрович 266, 268, 273, 653
 «Сборник» 492
 Свидницький Анатолій Патрикійович 608, 627, 655
 Свидригайло 489, 664
 Свірковський (Свірчевський) Іван 29, 196, 201, 626
 Свідас 60, 631
 «Світ» 621
 Севине (Севінє) Марі де 148
 Сембратович Сильвестр 658
 Семіраміда 72
 Сенеска Луцій Анней Старший 75, 161, 635
 Сеніцький 47
 Сенковський Осип Іванович (Барон Брамбеус) 207, 647
 Сен-Сімон Анрі Клод 217, 373, 376, 378, 404, 594, 656, 660
 Сен-Сіран Дювертьє 639
 Серапіс 64, 631

Сердешний Іван (див.: Стешенко І. М.)
Серп'яга (див.: Підкова Іван)
Сигізмунд III 623
Сильвестр I 73, 635
Симашкевич Митрофан Васильович 47, 628
Симиренко Василь Федорович 258
Симон-волхв 341, 658
Симоновський Петро Іванович 25, 625
Синицький Дмитро Олександрович 628
«Синопсис» 17, 623
Сігберт (Sігберт) 98, 638
Сікст IV 637
Сікст V 43, 109, 110, 116, 638, 639
«Сіон» 212, 648
Сірко 279
Сірко (С-ко) (також С. С., Вовк Ф. К.) 342, 347, 349, 355, 361, 363, 370, 372, 373, 397
Січинський 541
Скабичевський Олександр Михайлович 451, 662
Скалозуб 57
Скарга (Павенський) Петро 21, 623
Скеддо-Ферротті (Фіркс) 214, 215
Скілак із Каріанд 630
Скорина Францішек (Георгій) 18, 512, 623
Скородинський 463
Скотт Вальтер 585, 588, 669
«Славянская заря» 387, 660
Сліпушкін Ілля Петрович 611
«Слово» 212, 219, 220, 331, 648, 658
«Слово о полку Ігоревім» 6, 8, 16, 44, 48, 53, 54, 334, 450, 620
Слов'янська громада 326
«Слов'янський альманах» 457
Слонімський Леонід 486, 495, 664
Смарагдов Семен Миколайович 585, 587, 669
Смілій 66, 524, 642
Сміт Адам 596
Сміт Джордж 65, 66, 632
Смотрицький Мелетій Герасимович 21, 624
«Современная летопись „Русского вестника“» 648
«Современник» 217, 220, 332, 354, 363, 496, 589, 607
Соколовський 297
Сократ 161, 470, 643
Солов'йов Володимир Сергійович 502, 665
Солов'йов Сергій Михайлович 280, 459, 559, 612, 669
Соломон 74, 635
Сорокін 585, 586
Софокл 579
Соцін Лелій 133, 152, 153, 162, 163, 641
Соцін Faуст 162, 643
Сошенко Іван Максимович 372
Спасович Володимир Данилович 532
Спенсер Герберт 71, 77, 82, 610, 634, 643
Спіноза Бенедикт 170, 644
Срезневський Ізмайл Іванович 9, 11, 15, 46, 56, 58, 255, 256, 281, 621
С. С. (також Вовк В. Ф.) 330, 332, 333, 344, 354, 358
Старницький Михайло Петрович 392, 426, 427, 437, 611, 662
Стасов Володимир Васильович 15, 622
Стасюлевич Михайло Матвійович 669
Стеблин-Каменський Михайло Павлович 587, 588
Степан Пермський 512
Степанович Федір 47
Степанович Яків Васильович 414, 661
Стецький Тадеуш Ежи 258, 630
Стешенко Іван Матвійович (Сердешний) 671
Стодольський (див.: Коніцький О. Я.)
Стойкович Опанас 512, 665
Сто один (див.: Галахов О. Д.)
Стоянов Олександр Петрович 47, 270, 653

Стрийковський Матвій 622
Стронін Олександр Іванович 205, 212, 575, 585, 588—604, 647
Стюарт 151, 521, 642
Суворін Олександр Сергійович 234, 235, 277, 650
Судовщиков Євген Олександрович 47, 541, 628
Сулейман I 184
Сумцов Микола Федорович 480, 487, 553, 554, 664
Сціліон Сарочіно 68, 118
Сціліоні 161, 634
Сюллі Максиміліан 141, 642

Табачников Василь Олександрович 660
Тайлер Едуард Бернет 70, 634
Танячкевич Данило Іванович 657, 658
Таціт Публій Корнелій 62, 75, 81, 578, 598, 609, 610, 631, 668
Твашгрі 265
Тезеї (Тессей) 74, 161, 635
Тейлор Генрі 636
Теплов 445
Терлецький Остап Степанович 613, 656, 658, 662
Тетеря (Моржковський) Павло Іванович 568, 667
Тихонравов Микола Савич 654
Тишкевич 551
Тіберій 608
Тіле Корнелій 495, 664
Тілл Йоганн Церклас 146, 642
Тіллотсон 643
Тіндалі Вільям 91, 92, 170, 637
«Товариша» 614, 664
Толстой Дмитро Андрійович 222, 250, 609, 649, 651, 668
Толстой Лев Миколайович 464, 478, 480, 501
Толстой Федір Петрович 391, 660
Токарев 246
Токівль 525
Томазіус Христіан 91, 637
Торонський Олексій 340, 658
Трепов 309, 657
«Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край» 51, 254, 277, 285, 433, 651
Тулов Михаїло Андрійович 211, 601, 648
Туманський 281
Тургенев Іван Сергійович 208, 357, 388, 464, 478, 498, 557, 601, 615, 617, 651, 663, 671
Турнін Шарль Томас 140, 641
Турист (див. також: Антонович В. Б.) 462, 663
Т-ый (див.: Андрієвський О. О.)
ТЬєрі Огюст 376, 660

У атт 434
Уваров Сергій Семенович 221, 503, 627, 665
Уїкліф Д. 638
Українець (див.: Драгоманов) 646
Українка Леся 607, 617
Уланд Людвіг 654
«Університетские известия» 609, 654
Унковський Олексій Михайлович 409, 660
Урган VIII 116, 639
Успенський Гліб Іванович 437, 478, 479, 494, 660
Устрялов Микола Герасимович 207, 449, 647
Ушинський Костянтин Дмитрович 222, 223, 649

Фабретті Аріданте 67
Фаларіс 153

Фаллу Альфред П'єр 142, 642
Фарель Гільйом 152, 643
Федербр Луї Леон Цезар 65, 633
Федір Безродний 272
Федоров Іван 18
Федорович Володимир 552
Федченко Павло Максимович 606
Федикович Юрій Осипович 291, 443
Фейербах Людвіг 361, 376, 659
Фенелон Франсуа 643
Феодосій (святий) 359
Феодосій 148, 642
Фердинанд II 93, 128, 137, 144, 145, 637, 641
Ферекід Сірський 60, 630
Ферр'є Арно 115, 639
Фет Афанасій Афанасійович 219
Фідій 634
Філарет Христофор (Броневський Христофор ?) 288, 623
Філіпп II 93, 111, 114, 115, 126, 128, 132, 134—139, 144, 150, 159, 164, 165, 172, 175, 637
Філон (Філон Вівільський, Філон із Біблоса) 61, 630
Фіоль Швайпольт 18, 623
Фіркс (див.: Скедо-Ферротті) 214
Фіхте Йоганн Готліб 472, 663
Флері Андре Еркюль де 98, 638
Флешві Еспрі 148, 642
Франко Іван Якович 443, 463, 474, 478, 548, 605, 613, 656, 657, 662, 663, 665, 667
Францішк I 139, 140, 161, 641
Фреліх 222, 223
Фрідлендер Людвіг 75, 635
Фрідріх II 157, 169, 667
Фултон Роберт 377, 434, 561, 660
Фукіді 70, 75, 77, 634
Фуко 147
Фур'є Франсуа Марі Шарль 373

Xаждеу Богдан Петричійку 627
Ханенко Микола Данилович 24, 624
«Хата» 426
Хенер Помпею 663
Хільдерік III 639
«Хілбороб» 501
Хлудов 247
Хмельницький Богдан 7, 22—24, 27, 28, 198, 200, 217, 221, 279, 294, 366, 418, 435, 459, 490, 491, 539, 555, 559, 564, 568, 574, 612, 624
Хмельницький Венжин 57
Ходкевич Григорій 513, 623
Хом'яков Олександр Степанович 206, 482
Христос 47, 86, 90, 101, 108, 113, 125, 132, 135, 149, 150, 153, 161, 163, 167, 178, 260, 265, 266, 268, 327, 337, 345, 348, 371, 436, 469, 470, 483, 502, 506, 507, 508

Цангамейстер 67
Царедавенко (див. також: Єфименко П. С.) 209, 648
Цвінглі Ульріх (Гульдрайх) 20, 160—162, 623
«Церковна газета» 655
«Церковний вестник» 655
Цертелев (Цертелі) Микола Андрійович 46, 281, 627
Цис Іван Данилович 649
Ціаскер 586
Цідерон Марк Тулій 68, 78, 133, 164, 470, 578, 636
Цьога (Зоєда, Zoega) 64, 67, 631

Ченчі Беатрічі 354
Чепа Андріан Іванович 25, 625
«Червона Руся» 554, 558, 666
Черкаський 252
«Чернігівські губернські ведомості» 622
Чернишевський Микола Гавrilович 220, 297, 373, 389, 392, 402, 404, 589, 609, 660, 669
Черняєв Михайло Григорович 240—242, 244, 246, 650, 651
Чечот Ян 257, 652
Чиллінгворт 643
Ч-ко 593
Чорнобог 56
«Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских» («Чтения Московского общества истории и древностей российских») 12, 26, 38, 57, 255, 272—274, 277, 621, 622
Чубинський Павло Платонович 47, 51, 204, 212, 254, 258—267, 269, 273, 277, 285, 289, 422, 492, 601, 611, 628, 629, 646, 651, 652, 658
Чудак (див.: Драгоманов М. П.)
Чужбинський-Афанас'єв Олександр Степанович 350, 353, 385

Шамполіон (Шампольйон) Жан Франсуа 65, 631, 632
Шаповал К. (див. також: Пильчиков Д. П.) 606, 670
Шараневич Ісидор 2977
Шарп Самуїл 65, 632
Шатильон 153
Шафарик Павло Йосеф 348, 349, 366, 429, 658
Шафонський Опанас Филимонович 25, 445, 625
Шах 187
Шашкевич Маркіян Семенович 46, 290, 627
Швайпольт Фіоль 18
Швер 590
Шевирий Степан Петрович 207, 647
Шевченко Варфоломій Григорович 364, 383, 393
Шевченко Тарас Григорович 33, 205, 208, 216, 222, 225, 228, 282, 283, 323—420, 426, 429, 435, 448, 455, 474, 452, 498, 529, 539, 553, 598, 605, 614, 615, 624, 625, 630, 648, 657—659, 662
Шейковський Каленик Васильович 205, 647
Шейн (Шейн) Павло Васильович 257, 268, 269, 433, 652
Шекснір Вільям 496, 579, 584, 594, 662
Шеллі Персі Біші 439
Шерер Йосип Бенедикт 281, 655
Шершеневич І. 668
Шефле Альберт 297, 654
Шиманов Андрій Льович 47
Шимановський Борис Опанасович 649
Ширинський-Шахматов Олександр Прохорович 221, 225, 609, 611, 649
Шишацький-Ілліч Олександр Васильович 11, 56, 57, 622
Шишков Олександр Семенович 274, 442, 654, 662
Шіллер Йоганн Фрідріх 348, 595, 670
«Шкільна часопись» 664
Шлейхер Август 9, 621
Шлоссер Фрідріх Кристоф 607, 609
Шпігель Фрідріх 65, 66, 632
Шпрінгер 532
Штангес 6, 47, 628
Штангалтер 40
Штраус Давид Фрідріх 580, 669
Шульгін Віталій Якович 41, 208, 222, 581, 608, 609, 626, 647

Щапов Афанасій Прокопович 254, 649, 652
Шебальський Петро 488, 664
Щедрін (Салтиков-Щедрін) Михайло Євграфович 437, 439, 481, 578, 590
Шелкан Віктор Панасович 598, 601
Щербина Федір 298

Ювенал Децім Юлій 62, 75, 578, 631
Юзефович Михайло Володимирович 210, 488, 534, 550, 648, 666
Юзов (див. також: Кабліц) 501
Юліан Сальвій 63, 631
Юлій Агрікола 631
Юнг Томас 65, 631
Юнгман Йосеф 429

«Almana Provençau» 228, 504, 530
«Am Urguell» 493
Amyrnat 125
«Annales de philosophie chretienne» 66
«Annali» 69
Arbaud 273
«Arbeiter-Wochenchronik» 323
«Archiv für slavische Philologie» 443, 664
«Athenaeum» 58, 630
«Atti del Academia dei Nuovi Lincei» 69
Avrial 429
Bakounine 304
Barthelemy-Saint-Hilaire 13
Beaumont 520
«Bibliothèque orientale» 265
Blanc Louis 305
Brokchaus 520
Bujeaud 273
«Bulletin de la federation jurassienne» 298, 324
«Bulletino di corrispondenza archeologica» 69
Burton 522
Castelio 153
Chardon 429
Clemence 429
«Corrispondenza Scientifica di Roma» 69
«Daily News» 66
Daevé 65
«Deutsche révue» 504
«Die neue Gesellschaft» 316
«Die Zukunft» 316
«Dziennik Poznański» 225
Durand 429
«El liberal» 663
Ersch 517
Fabretti 633
Ferraro 272
Fischhof Ad. 504
Fraenkel 429
Gaidoz H. 517
Gamelina 429
Gaster 511
Gazier 528
«Giornali Arcadico» 69
Gruber 517
Gruter 67
«Grütlianer» 323
Haulleville de 504, 528
Hergoz 511
«Il Nuovo Cimento» 69
«Independance Belge»
King 519

Юсті Фердинанд (Justi) 66, 265, 633
Юсупов Микола Борисович 597
Юхименко (див.: Єфименко П. С.)

Ягелло (Ягайло), Владислав II Ягайло 645
Ягеллони 489, 645
Ягич Ватрослав 624, 664
Ядвіга 645
Яків I 100, 638
Якушкін Павло Іванович 273, 654
Янесмін (Жан Семін) Жаку 227, 649
Янсеній К. 639
Ярослав Мудрий 644
Ященко Леонід Никифорович 205, 647

«La Lauseutto» 323
Langarin 429
«La Plebe» 323
«La Republique Fran aise» 616
Lawles Em. 520
Lecky 522
Letronne 633
Leveleye de 524
Mackintosh 522
Malon 429
«Le F libre» 504
«Le Monde Slave» 266
«Le Temps» 529
«Le travailleur» 317
«Lettres   m-r Daeve» 65
«Le socialisme progressif» 317, 429
Letronne 67
Marini 67
Marselli 77
Martigny 64
Muir 265
«Munkas-Heti Kronika» 323
O'Connor W. A. 520
Oudet 429
Pindy 429
Pitre Giuseppe 48
Ranvier 429
«R vue archeologique» 66
«R vue celtique» 228, 517
«R vue des deux Mondes» 225, 228, 517, 656
«R vue de patois» 531
Rhys 517
Roobertus-Jagetzow C. 324
Su il 267
Sebillot 517, 520, 522
Syllabus 580
«Times» 244
«Testut International» 304, 305
Thomas Charles 517
«Tygodnik literacki» 652
Uhland 272
York Powel 517
Vanucci Atto 68, 634
Varlin 429
Vinson I. 528
Wenzel 272
Windisch 517, 520, 522
«Vorw rts» 323
«Wista» 493, 664
Walter Ferd.
Wenzelburger 524

З М И С Т

Малороссия в ее словесности	5
Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова	46
Положение и задачи науки древней истории	60
Борьба за духовную власть и свободу совести в XVI—XVII столетии	84
Про українських козаків, татар та турків	175
Антракт з історії українофільства (1863—1872)	204
Турки внутренние и внешние	234
Ученая экспедиция в Западнорусский край	254
Переднє слово [до «Громади» 1878 р.]	276
Шевченко, українофіли і соціалізм	327
Что такое украинофильство?	430
Нові українські пісні про громадські справи (1764—1880)	456
Чудацькі думки про українську національну справу	461
Пропаший час	559
Два учителі	575
Додатки	605
Сторінки великого життя (Р. С. Міщук)	605
Примітки (Р. С. Міщук, В. С. Шандра)	619
Покажчик імен та періодичних видань	672

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ УКРАИНЫ

Драгоманов Михаил Петрович

ИЗБРАННОЕ

«...мой замысел составить очерк истории
цивилизации на Украине»

Киев, издательство «Лыбидь» при Киевском государственном университете

На украинском и русском языках

Зав. редакцією *М. Л. Скирта*

Оформлення художника *Ю. В. Бойченка*

Художній редактор *О. Г. Григор*

Технічний редактор *Є. Г. Рубльов*

Коректори *А. І. Бараз, А. В. Дрожжина, Т. А. Лукашина*

ИБ № 76

Здано до набору 17.01.91. Підп. до друку 19.04.91. Формат 84×108/32.
Папір друк. № 1. Гарн. Тип Таймс. Офс. друк. Ум. друк. арк. 36,12.
Ум. фарб.-відб. 36,12. Обл.-вид. арк. 52,29. Тираж 33 000 пр. Вид. № 3101.
Зам. № 1-314. Ціна 15 крб.

Видавництво «Либідь» при Київському державному університеті, 252001 Київ. Хрещатик, 10
Головне підприємство республіканського виробничого об'єднання «Поліграфкнига», 252057 Київ,
вул. Довженка, 3

Драгоманов М. П.
Д72 Вибране («...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні»)/Упоряд. та авт. іст.-біогр. нарису Р. С. Міщук; Приміт. Р. С. Міщука, В. С. Шандри.—К.: Либідь, 1991.— 688 с. («Пам'ятки історичної думки України»)

ISBN 5-11-001743-3.

Книга дає уявлення про багаті ранні наукові інтереси видатного українського вченого — історика, літературознавця, фольклориста, публіциста, соціолога. В ній представлені статті, як відомі, так і мало знані радянському читачеві, які розкривають авторську концепцію розвитку української нації у зв'язку із загальнолюдським прогресом.

Для викладачів-сучасництвознавців, наукових працівників, студентів, усіх, хто цікавиться вітчизняною історією.

Д 0503020902-082 39-91
M224(04)-91

ББК 63.3(2Ук)1+ 83.3(Ук)1

145 крб.

М.П. АРАГОМАНОВ

